ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

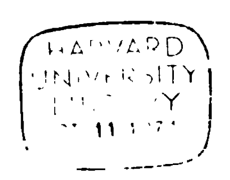
въ двухъ книгахъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1901.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется С.-Петербургъ, 2 октября 1900 года.

Ректоръ Академіи *Борисъ*, Епископъ Ямбурскій.



Reprinted by
JUH

Типографія А. П. Лопухина. Тележная ул., д. 5.

Теперешній видъ Антіохіи, мѣста служенія св. Іоанна Златоуста.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ НА СВЯТАГО МАТѲЕЯ ЕВАНГЕЛИСТА.

БЕСѢДА I.

По НАСТОЯЩЕМУ, намъ не слѣдовало бы имѣть и нужды 18
въ помощи Писанія, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вмѣсто книгъ служила нашимъ душамъ благодать Духа, и чтобы, какъ тѣ исписаны чернилами, такъ и наши сердца были исписаны Духомъ. Но такъ какъ мы отвергли такую благодать, то воспользуемся ужъ хотя бы вторымъ путемъ. А что первый путь былъ лучше, это Богъ показалъ и словомъ и дѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ Ноемъ, Авраамомъ и его потомками, равно какъ съ Іовомъ и Моисеемъ, Богъ бесѣдовалъ не чрезъ письмена, а непосредственно, потому

что находилъ ихъ умъ чистымъ. Когда же весь еврейскій на-
родъ палъ въ самую глубину нечестія, тогда уже явились пись-
мена, скрижали и наставленіе чрезъ нихъ. И такъ было не только
со святыми въ ветхомъ завѣтѣ, но, какъ извѣстно, и въ новомъ.
Такъ и апостоламъ Богъ не далъ чего-либо писаннаго, а обѣ-
14 щалъ вмѣсто писаній даровать благодать Духа. *Той*, сказалъ
Онъ имъ, *воспомянетъ вамъ вся* (Іоан. XIV, 26). И чтобы ты зналъ,
что такой путь (общенія Бога со святыми) былъ гораздо
лучше, послушай, что Онъ говоритъ чрезъ пророка: *завѣ-
щаю вамъ завѣтъ новъ, дая законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ
напишу я, и будутъ вси научени Богомъ* (Іерем. XXXI, 31—34; Іоан.
VI, 45). И Павелъ, указывая на это превосходство, говорилъ, что
онъ получилъ законъ (написанный) *не на скрижалѣхъ каменныхъ,
но на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ* (2 Кор. III, 3). Но такъ какъ
съ теченіемъ времени одни уклонились отъ истиннаго ученія,
другіе отъ чистоты жизни и нравственности, то явилась опять
нужда въ наставленіи письменномъ. Размысли же, какое будетъ
безразсудство, если мы, которые должны бы жить въ такой чи-
стотѣ, чтобы не имѣть и нужды въ Писаніи, а вмѣсто книгъ
представлять сердца Духу,—если мы, утративъ такое достоин-
ство и возымѣвъ нужду въ Писаніи, не воспользуемся, какъ
должно, даже и этимъ вторымъ врачествомъ. Если достойно
укоризны уже то, что мы нуждаемся въ Писаніи и не привле-
15 каемъ къ себѣ благодати Духа, то какова, подумай, будетъ наша
вина, если мы не захотимъ воспользоваться и этимъ пособіемъ,
а будемъ презирать Писаніе, какъ излишнее и ненужное, и та-
кимъ образомъ навлекать на себя еще большее наказаніе? Чтобы
этого не случилось, вникнемъ тщательнѣе въ то, что написано,
и разсмотримъ, какъ данъ былъ ветхій законъ, и какъ—новый
завѣтъ. Итакъ, какимъ образомъ, когда, и гдѣ данъ былъ древній
законъ? Послѣ гибели египтянъ, въ пустынѣ, на горѣ Синаѣ,
въ огнѣ и дымѣ, выходившемъ отъ горы, при звукѣ трубы, среди
грома и молній, по вшествіи Моисея въ самый мракъ. А въ но-
вомъ завѣтѣ не такъ: не въ пустынѣ, не на горѣ, не среди дыма
и мрака, тьмы и бури, а при наступленіи дня, въ домѣ, когда
всѣ сидѣли вмѣстѣ,—все происходило при глубокой тишинѣ.
Для людей грубыхъ и необузданныхъ нужны были чувственныя
поразительныя явленія, какъ пустыня, гора, дымъ, трубный звукъ
и тому подобное; для людей же болѣе возвышенныхъ, болѣе по-
корныхъ и ставшихъ выше чувственныхъ понятій, ни въ чемъ
такомъ не было нужды. Если же и надъ апостолами былъ шумъ,
то не ради нихъ, а ради присутствовавшихъ іудеевъ, ради кото-
рыхъ явились и огненные языки. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣд-

ніе не смотря и на это говорили [про апостоловъ], что они *виномъ исполнени суть* (Дѣян. II, 13), то тѣмъ болѣе сказали бы такъ, если бы не видѣли ничего подобнаго. Далѣе, — въ ветхомъ завѣтѣ Богъ сошолъ, когда Моисей взошолъ [на гору] (Исх. XIX, 3); здѣсь же Духъ сошолъ, когда наше естество вознелось на небо, а лучше сказать — на царскій престолъ. Если бы Духъ былъ меньше, то явленія [сопровождавшія Его пришествіе] не были бы болѣе величественными и чудесными, а между тѣмъ новозавѣтныя скрижали гораздо превосходнѣе вѣтхозавѣтныхъ, равно какъ и событія славнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, апостолы не съ горы сошли съ каменными досками въ рукахъ, подобно Моисею, а неся въ душѣ своей Духа, и всюду ходили, источая сокровище и источникъ ученій, даровъ духовныхъ и всякихъ благъ, ставъ по благодати одушевленными книгами и законами. Такъ они привлекли [къ вѣрѣ] три тысячи такъ—пять тысячъ, такъ—всѣ народы вселенной, потому что устами ихъ говорилъ ко всѣмъ приходящимъ къ нимъ Богъ (Дѣян. II, 41 и IV, 4). Такъ и Матѳей, исполнившись Духа Божія, написалъ книгу, — Матѳей мытарь; я не стыжусь называть по занятію ни его, ни другихъ апостоловъ, потому что это больше всего и обнаруживаетъ и благодать Духа, и ихъ собственную добродѣтель.

2. Свое произведеніе Матѳей справедливо назвалъ евангеліемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ всѣмъ,—врагамъ, невѣждамъ, сидящимъ во тьмѣ,—возвѣщаетъ конецъ наказанія, разрѣшеніе грѣховъ, оправданіе, освященіе, искупленіе, всыновленіе, наслѣдіе небесъ и сродство съ Сыномъ Божіимъ. Что же можетъ сравниться съ такимъ благовѣстіемъ? Богъ на землѣ, человѣкъ на небѣ; все въ соединеніи: ангелы составили одинъ ликъ съ людьми, 16
люди соединились съ ангелами и прочими горними силами. Очевидно стало, что древняя брань прекратилась, что совершилось примиреніе Бога съ нашимъ естествомъ, діаволъ посрамленъ, демоны изгнаны, смерть связана, рай отверстъ, клятва упразднена, грѣхъ истребленъ, заблужденіе удалено, возвратилась истина, повсюду сѣется и растетъ слово благочестія, небесная жизнь насаждена на землѣ, горнія силы пребываютъ въ дружественномъ общеніи съ нами, ангелы непрестанно сходятъ на землю, и великая явилась надежда на будущее. Вотъ почему Матѳей и назвалъ свою исторію евангеліемъ, какъ бы [давая разумѣть, что] все другое, какъ напр. богатое имущество, величіе власти, начальство, слава, почести, и все прочее, почитаемое людьми за благо, составляетъ одни лишь пустыя слова, а обѣтованія, данныя черезъ рыбарей, должны называться въ собственномъ и преимущественномъ смыслѣ благовѣстіемъ. И это

не потому только, что они—блага прочныя и постоянныя и превосходятъ наше достоинство, но и потому, что они даны намъ безъ всякаго труда съ нашей стороны. Не трудами и потомъ, не усиліями и страданіями получили мы то, что имѣемъ, а единственно по любви къ намъ Бога. Но почему, спросимъ, при столь великомъ числѣ учениковъ, пишутъ только двое изъ апостоловъ и двое изъ ихъ спутниковъ,—такъ какъ кромѣ Іоанна и Матѳея написали евангелія одинъ ученикъ Павла, а другой ученикъ Петра. Потому, что они ничего не дѣлали по честолюбію, но все для пользы. Что же? Развѣ одинъ евангелистъ не могъ написать всего? Конечно, могъ; но когда писали четверо, писали не въ одно и то же время, не въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не сносясь и не сговариваясь между собою, и однако написали такъ, какъ будто все произнесено одними устами, то это служитъ величайшимъ доказательствомъ истины.

И однако, скажешь ты, случилось противное, такъ какъ они часто обличаются въ разногласіи. Но это-то самое и является вѣрнѣйшимъ знакомъ истины. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они были до точности согласны во всемъ—и касательно времени, и касательно мѣста, и самыхъ словъ, то изъ враговъ никто бы не повѣрилъ, что они написали евангелія не сошедшись между собой и не по обычному соглашенію, и что такое согласіе было слѣдствіемъ ихъ искренности. Теперь же представляющееся въ мелочахъ разногласіе освобождаетъ ихъ отъ всякаго подозрѣнія и блистательно говоритъ въ пользу писавшихъ. Если они, относительно мѣста и времени, кое-что написали различно, то это нисколько не вредитъ истинѣ ихъ повѣствованій, что мы и попытаемся, съ Божіею помощію, доказать впослѣдствіи. Теперь же просимъ васъ замѣтить, что въ главномъ, заключающемъ основаніе нашей жизни и составляющемъ сущность проповѣди, они нигдѣ одинъ съ другимъ ничуть не разногласятъ. Въ чемъ же именно? Въ томъ, что Богъ сталъ человѣкомъ, творилъ чудеса, былъ рас-
17 пятъ, погребенъ, воскресъ, вознесся на небо и придетъ судить; что Онъ далъ спасительныя заповѣди, ввелъ законъ, не противный ветхозавѣтному; что Онъ—Сынъ, единородный, истинный, единосущный Отцу, и тому подобное. Во всемъ этомъ мы находимъ у евангелистовъ полное согласіе. Если же относительно чудесъ не всѣ все сказали, а одинъ описалъ одни, другой—другія, то тебя это не должно смущать. Если бы одинъ евангелистъ сказалъ все, то были бы излишни остальные; если бы каждый написалъ различное и новое сравнительно съ другими, то не очевидно было бы доказательство ихъ согласія. Вотъ почему они сказали о многомъ и сообща, и каждый изъ нихъ выбралъ нѣ-

что особое, чтобы не оказаться, съ одной стороны, излишнимъ и писавшимъ безъ цѣли, а съ другой—чтобы представить намъ вѣрное доказательство истины своихъ словъ.

3. Такъ Лука указываетъ и причину, по которой онъ приступаетъ къ писанію евангелія. Чтобы ты имѣлъ, говоритъ, *о нихже научился еси словесѣхъ, утвержденіе* (Лук. I, 4), т. е. чтобы ты удостовѣрился въ томъ, чему часто былъ поучаемъ, и пребывалъ въ твердой увѣренности. Іоаннъ самъ умолчалъ о причинѣ (написанія имъ евангелія), но, какъ говоритъ дошедшее до насъ отъ отцовъ преданіе, и онъ приступилъ къ писанію не безъ причины. Такъ какъ первые три евангелиста по преимуществу старались изложить исторію земной жизни Христа, и ученію о божествѣ Его угрожала опасность остаться нераскрытымъ, то Іоаннъ, побуждаемый Христомъ, приступилъ наконецъ къ написанію евангелія. Это видно какъ изъ самой исторіи, такъ и изъ начала евангелія. Онъ начинаетъ не съ земного, подобно прочимъ евангелистамъ, а съ небеснаго, которое онъ по преимуществу имѣлъ въ виду, и для того составилъ всю книгу. Впрочемъ, не только въ началѣ, а и во всемъ евангеліи онъ возвышеннѣе прочихъ. Равнымъ образомъ и Матѳей, какъ говорятъ, по просьбѣ увѣровавшихъ іудеевъ, пришедшихъ къ нему, написалъ имъ то, что̀ говорилъ устно, и составилъ евангеліе на еврейскомъ языкѣ. Тоже самое сдѣлалъ, по просьбѣ учениковъ, и Маркъ въ Египтѣ. Вотъ почему Матѳей, какъ писавшій для евреевъ, не старался показать ничего болѣе, какъ происхожденіе Христа отъ Авраама и Давида; между тѣмъ какъ Лука, писавшій для всѣхъ вообще, возводитъ родословіе выше, доходя до Адама. Затѣмъ, первый начинаетъ съ рожденія Іисуса Христа, поскольку для іудея не могло быть ничего пріятнѣе, какъ сказать ему, что Христосъ есть потомокъ Авраама и Давида, а второй не такъ начинаетъ, а упоминаетъ предварительно о многихъ другихъ событіяхъ и затѣмъ уже приступаетъ къ родословію. Что касается согласія евангелистовъ, то мы можемъ доказать его и свидѣтельствомъ всей вселенной, принявшей ихъ писанія, и свидѣтельствомъ самихъ даже враговъ истины. Послѣ евангелистовъ родилось много ересей, учившихъ противно ихъ писаніямъ; однѣ изъ нихъ приняли все сказанное въ послѣднихъ, а другія принимаютъ только часть, отдѣливъ ее отъ прочаго. Если бы въ писаніяхъ евангелистовъ было несогласіе, то ни ереси, утверждающія противное имъ, не приняли бы всего, а только ту часть, которая казалась бы имъ согласной, ни принявшія только
часть не были бы изобличаемы этой частью, такъ какъ и самыя 18
малыя части въ писаніяхъ евангелистовъ ясно обнаруживаютъ

свое сродство съ цѣлымъ. Подобно тому, какъ если ты возьмешь, напр., часть ребра, и въ этой части найдешь все, изъ чего состоитъ цѣлое животное—и нервы, и жилы, и кости, и артеріи, и кровь, словомъ, всѣ существенныя части тѣлеснаго состава, такъ точно и въ Писаніи можно видѣть то же самое: и здѣсь всякая часть написаннаго ясно показываетъ сродство съ цѣлымъ. Если бы евангелисты разногласили, то не оказывалось бы и такого сродства, и самое ученіе ихъ давно бы рушилось, такъ какъ *всякое царство, раздѣльшееся на ся,* не устоитъ (Матѳ. xii, 25; Мрк. iii, 24). Теперь же, если и есть у нихъ какія разногласія, этимъ только ясно обнаруживается сила Духа (Святаго), убѣждающая людей, чтобы они, держась необходимаго и главнаго, нисколько не смущались ничтожными несогласіями.

4. Гдѣ писалъ каждый изъ евангелистовъ,—этимъ вопросомъ заниматься намъ нѣтъ особенной нужды; но что они не противорѣчили другъ другу, это мы постараемся доказать во всемъ нашемъ толкованіи. Если ты обвиняешь ихъ за разногласіе, то дѣлаешь не что иное, какъ заставляешь ихъ говорить одними и тѣми же словами и употреблять одинъ и тотъ же способъ выраженія. Я не говорю уже о томъ, что и многіе изъ величающихся знаніемъ реторики и философіи, написавъ много книгъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, не только разногласили, но и противорѣчили другъ другу,—иное вѣдь дѣло—разногласить, другое дѣло—противорѣчить. Объ этомъ я уже не говорю: я не имѣю нужды пользоваться ихъ неразуміемъ для защиты (евангелистовъ) и не хочу подтверждать истины ложью. Но вотъ о чемъ охотно спросилъ бы я: какъ заслужили вѣру разногласящія писанія? Какъ они одержали побѣду? Какъ могли заслужить удивленіе, вѣру и славу по всей вселенной люди, противорѣчившіе одинъ другому? Свидѣтелями ихъ проповѣди были многіе; многіе притомъ были врагами и противниками. Написавъ евангелія, они не скрыли ихъ въ одномъ уголкѣ вселенной, а распространяли ихъ всюду, на сушѣ и морѣ, въ слухъ всѣхъ; какъ и теперь, они читаемы были и въ присутствіи враговъ, и ничто изъ сказаннаго въ нихъ никого не соблазняло. И вполнѣ естественно, потому что все во всѣхъ производила и совершала божественная сила. Иначе какимъ образомъ мытарь, рыбарь, неученый могли бы такъ мудрствовать? Чего нѣкогда языческіе мудрецы не могли и во снѣ представить, о томъ они проповѣдуютъ съ великой увѣренностью и убѣдительностью,—и не только при жизни, но и по смерти,—не двумъ, не двадцати человѣкамъ, не сотнямъ, не тысячамъ и десяткамъ тысячъ, а (цѣлымъ) городамъ, племенамъ и народамъ, сушѣ и морю, Греціи и странамъ

варварскимъ, землѣ обитаемой и пустынѣ, возвѣщая ученіе, много превышающее наше естество. Оставивъ земное, они говорятъ только о небесномъ, предлагаютъ намъ другую жизнь и новый образъ жизни, иное богатство и иную бѣдность, иную свободу и иное рабство, иную жизнь и смерть, иной міръ, иной уставъ жизни,—все иное. (Они преподаютъ правила жизни) не такъ, какъ Платонъ, составившій пресловутую „Политію“, или Зенонъ, и другіе писавшіе объ общественномъ устройствѣ и со- 19
ставители законовъ. Всѣ они самыми произведеніями своими доказали, что ихъ душѣ внушалъ злой духъ, лютый демонъ, воюющій противъ нашего естества, врагъ чистоты, противникъ благонравія и ниэвратитель всякаго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, чтó еще можно сказать про нихъ, когда они предписывали всѣмъ имѣть общими женъ, выводить на показъ мужчинамъ обнаженныхъ дѣвицъ во время ристалищъ, учинять украдкой браки, когда они ниспровергли и уничтожили всякій порядокъ и извратили уставы самой природы? Что все это—изобрѣтенія демоновъ и противно природѣ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать намъ сама природа, которая не терпитъ ничего такого. И они писали объ этомъ не среди гоненій, не среди опасностей, не среди браней, а съ полной безопасностью и свободой, часто пользуясь кромѣ того еще многими прикрасами. А между тѣмъ проповѣдь рыбарей, гонимыхъ, бичуемыхъ, проводившихъ жизнь среди опасностей, со всей охотой принимали и простецы и мудрецы, и рабы и свободные, и варвары и греки.

5. И ты не можешь сказать, что ученіе этихъ рыбарей было для всѣхъ удобопріемлемо потому, что оно маловажно и низко. Нѣтъ, оно даже гораздо возвышеннѣе ученія философовъ. Одѣвствѣ, напр., даже объ имени такомъ тѣ не могли и во снѣ подумать, равно какъ ни о нестяжательности, ни о постѣ, ни о какой другой высшей добродѣтели. Между тѣмъ наши учители не только похоть искореняютъ, не только дѣйствіе (преступное) подвергаютъ наказанію, но осуждаютъ и безстыдный взглядъ, и оскорбительныя слова, и непристойный смѣхъ, и одежду, и поступь, и крикъ, простираютъ строгость даже до самаго малѣйшаго. По всей вселенной они насадили сѣмена дѣвства. О Богѣ и вещахъ небесныхъ они внушаютъ такія понятія, какія никому изъ философовъ никогда не могли и на умъ придти. Да и какъ могли имѣть такія понятія люди, боготворившіе изображенія звѣрей, пресмыкающихся животныхъ и другихъ презрѣнныхъ тварей? И однако такое высокое ученіе (апостоловъ) было принято и заслужило вѣру, процвѣтаетъ доселѣ и возрастаетъ съ каждымъ днемъ, а ученіе философовъ отжило, погибло, исчезло легче

паутины. И вполнѣ правильно, такъ какъ его проповѣдывали демоны. Вотъ почему, кромѣ безстыдства, оно представляетъ много темнаго и труднаго для уразумѣнія. Что можетъ быть смѣшнѣе, напр., того ученія, въ которомъ философъ, потративъ тысячи словъ на то, чтобы показать, чтó такое справедливость, все еще старается разъяснить этотъ вопросъ въ длинной и крайне неясной рѣчи? Если бы онъ указалъ что-нибудь и полезное, то для жизни человѣческой и это осталось бы совершенно безъ пользы. Въ самомъ дѣлѣ, если бы земледѣлецъ, или ваятель, или плотникъ, или кормчій, или другой кто-нибудь, питающійся трудами рукъ своихъ, вздумалъ отстать отъ своего занятія и честныхъ трудовъ, чтобы потратить многіе годы на изученіе того, чтò такое справедливость, то прежде, чѣмъ узнать это, онъ ради этой самой справедливости изнурилъ бы себя постояннымъ голодомъ и погибъ бы, окончилъ бы жизнь свою насильственною смертію, такъ и не научившись ничему полезному. А наше ученіе не таково. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ Христосъ научилъ насъ, въ чемъ состоитъ и справедливое, и честное, и полезное, и всякая вообще добродѣтель. Такъ Онъ говорилъ, напр., что въ двухъ заповѣдяхъ *законъ и пророцы висятъ* (Матѳ. XXII, 40), то есть въ любви къ Богу и ближнему, или еще: *елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ; се бо есть законъ и пророцы* (Матѳ. VII, 12). Все это удобопонятно и легкопостижимо и для земледѣльца, и для раба, и для вдовицы, и даже для отрока и самаго малосмыслящаго. Такова истина! Доказательствомъ служитъ опытъ. Всѣ, дѣйствительно, узнали, чтò нужно дѣлать, и не только узнали, но старались и исполнить (то, чтó узнали), и не въ городахъ, не на торжищахъ только, а и на вершинахъ горъ. И тамъ ты увидишь великое любомудріе, и тамъ сіяютъ лики ангеловъ въ человѣческой плоти и на землѣ является жизнь небесная. Образъ этой жизни начертали намъ рыбари, повелѣвая приниматься (за обученіе ему) не съ дѣтскаго возраста, какъ дѣлали то философы, и не узаконяя для изученія добродѣтели опредѣленнаго числа лѣтъ, а наставляя всякій возрастъ безъ исключенія. Ученіе философовъ—дѣтская забава, а ученіе апостоловъ—сама истина. Мѣстомъ для этой жизни они назначили небо, а руководителемъ и законодателемъ ея признали Бога, какъ и надлежало. Наградами за эту жизнь служатъ не лавровый вѣнокъ, не масличная вѣтвь, не пиршество въ Пританеѣ [1]), не мѣдныя изображенія, не такія пустыя и безполезныя

[1]) Пританей (Πρυτανεῖον) было зданіе, гдѣ давались торжественные обѣды въ честь заслуженныхъ гражданъ.

вещи, а безконечная жизнь, усыновленіе Богу, ликованіе съ ангелами, предстояніе царскому престолу и постоянное пребываніе со Христомъ.

6. Руководителями въ этой жизни являются мытари, рыбари и скинотворцы, которые жили не краткое время, но всегда живутъ, почему и по смерти своей могутъ оказывать величайшую помощь своимъ послѣдователямъ. Подвизающимся въ этой жизни предстоитъ брань не съ людьми, а съ демонами и безплотными силами. Вотъ почему и вождемъ у нихъ не какой-нибудь человѣкъ, не ангелъ, а самъ Богъ. И оружія этихъ воиновъ соотвѣтствуютъ характеру брани: они изготовлены не изъ кожи и желѣза, а изъ истины, правды, вѣры и всякаго вида любомудрія. Объ этой самой жизни написано и въ евангеліи Матѳея, о которомъ намъ предстоитъ теперь говорить. Итакъ, будемъ со тщаніемъ внимать яснымъ рѣчамъ о ней евангелиста. Все, что̀ онъ говоритъ, не его слова, а самого Христа, узаконившаго эту жизнь. Будемъ же внимательны, чтобы и намъ удостоиться быть вписанными въ эту жизнь и сіять вмѣстѣ съ тѣми, которые прошли уже ее и получили неувядаемые вѣнцы. Для многихъ, замѣтимъ, эта книга кажется легкопонятною сравнительно съ пророками, которые представляютъ трудности для пониманія. Но это говорятъ люди, которые не знаютъ глубины сокрытыхъ здѣсь мыслей. Поэтому прошу васъ слѣдовать за мною со всею ревностью, 21
чтобы войти намъ въ самую глубь Писанія; водителемъ же въ этомъ пути будетъ намъ самъ Христосъ. А чтобы слово наше было удобопонятнѣе, просимъ и убѣждаемъ васъ (какъ дѣлали мы это при изъясненіи и другихъ Писаній) напередъ перечитывать тотъ отдѣлъ книги, который мы будемъ изъяснять; пусть уразумѣнію предшествуетъ чтеніе, какъ то было съ евнухомъ (Дѣян. VIII, 28 дал.); это доставитъ намъ большое облегченіе. Въ самомъ дѣлѣ, вопросы здѣсь во множествѣ возникаютъ на каждомъ шагу. Вотъ смотри, сколько напр. недоумѣній раждается тотчасъ же въ самомъ началѣ евангелія. Во-первыхъ, для чего излагается родословіе Іосифа, который не былъ отцомъ Христа? Во-вторыхъ, откуда намъ можетъ быть видно, что Христосъ происходитъ отъ Давида, когда мы не знаемъ предковъ Маріи, отъ которой Онъ родился,—вѣдь родословной Дѣвы не показано? Въ-третьихъ, почему дается родословіе Іосифа, который нисколько не причастенъ былъ рожденію, а отъ какихъ родителей, дѣдовъ и прадѣдовъ Дѣва, которая была матерію Христа, не сказано? Кромѣ того заслуживаетъ изслѣдованія и то, почему евангелистъ, ведя родословіе по мужской линіи, упомянулъ и о нѣкоторыхъ женахъ. Затѣмъ, если ему такъ разсудилось, то почему

онъ не перечислилъ всѣхъ женъ, а, умолчавъ о достославныхъ, какъ напр. Саррѣ, Ревеккѣ и подобныхъ имъ, выставилъ только извѣстныхъ по своимъ порокамъ, напримѣръ, блудницу, или прелюбодѣйцу, иноплеменницу, или чужестранку? Такъ именно онъ упомянулъ о женѣ Уріевой, о Ѳамари, о Раави и Руѳи, изъ которыхъ послѣдняя была иноплеменница, другая блудница, третья имѣла связь со свекромъ, и притомъ не по закону брака, а похитивъ ложе подъ видомъ блудницы; что же касается жены Урія, то о ней всякій знаетъ по выходящему изъ ряда вонъ ея поступку. И однако евангелистъ, опустивъ всѣхъ другихъ, помѣстилъ въ родословіи только однихъ этихъ женъ. Если ужъ нужно было упоминать о женахъ, то слѣдовало упомянуть о всѣхъ; если же не о всѣхъ, а только нѣкоторыхъ, то о прославившихся своими добродѣтелями, а не пороками. Видите, сколько намъ нужно вниманія уже при самомъ началѣ евангелія, хотя для иныхъ это начало кажется яснѣе прочаго, а для многихъ даже излишнимъ, потому что представляетъ простое только перечисленіе именъ. Далѣе,—заслуживаетъ изслѣдованія и то, почему Матѳей умолчалъ о трехъ царяхъ. Если онъ умолчалъ о нихъ, какъ о слишкомъ нечестивыхъ, то ему не нужно было бы упоминать и о другихъ подобныхъ. Вотъ и еще представляется вопросъ: почему евангелистъ, раздѣливъ родословіе на части по четырнадцати родовъ въ каждой, въ третьей части не соблюлъ этого числа? Затѣмъ: почему Лука упомянулъ о другихъ именахъ, и не только не о всѣхъ тѣхъ, какія есть у Матѳея, но и указалъ ихъ гораздо больше, а Матѳей привелъ и меньше и другія имена, хотя и онъ кончилъ на Іосифѣ, на которомъ прекратилъ родословіе и Лука. Смотрите же, сколько намъ нужно бдительности
22 не только для того, чтобы разрѣшить недоумѣнія, но и для того, чтобы узнать, что̀ требуетъ рѣшенія. Не маловажное вѣдь дѣло и съумѣть найти недоумѣнные вопросы. Вотъ и еще, напримѣръ, недоумѣнный вопросъ: какимъ образомъ Елисавета, происходя изъ колѣна Левіина, могла быть родственницею Маріи?

7. Но, чтобы не обременить вашей памяти множествомъ вопросовъ, остановимся здѣсь. Для возбужденія вашего вниманія достаточно и того, если вы узнаете только, какіе представляются здѣсь вопросы. Если же вы желаете узнать и рѣшеніе, то и это будетъ зависѣть, прежде нашего наставленія, отъ васъ самихъ. Если я увижу у васъ вниманіе и охоту научиться, то буду стараться предложить и рѣшеніе, а если замѣчу лѣность и невнимательность, то не покажу ни самыхъ вопросовъ, ни рѣшенія ихъ, слѣдуя божественной заповѣди, гласящей: ***не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да не попрутъ***

ногами своими (Матѳ. vii, 6). Кто же этотъ попирающій? Тотъ, кто не почитаетъ Писанія драгоцѣннымъ и важнымъ. Но кто же, скажешь, столь несчастенъ, чтобы не считать его важнымъ и всего драгоцѣннѣе? Тотъ, кто не удѣляетъ ему и столько времени, сколько тратитъ для распутныхъ женщинъ на сатанинскихъ зрѣлищахъ. Многіе проводятъ тамъ цѣлые дни, совсѣмъ запускаютъ ради безполезнаго такого времяпровожденія домашнія дѣла, и что услышатъ тамъ, стараются съ точностью запомнить и сохранить на пагубу души своей, а здѣсь, гдѣ говоритъ самъ Богъ, не хотятъ побыть и малаго времени. Вотъ почему у насъ нѣтъ ничего общаго и съ небомъ, и наша (небесная) жизнь только на словахъ. Однакожъ за это Богъ угрожаетъ намъ и геенною,—не съ тѣмъ, чтобы ввергнуть насъ въ нее, а чтобы дать намъ возможность избѣжать этого тяжкаго наказанія. А мы дѣлаемъ напротивъ, и каждый день стремимся на путь, ведущій къ гееннѣ: Богъ повелѣваетъ не только слушать, но и исполнять то, чтó намъ говорится, а мы не хотимъ и выслушать. Когда же, скажи мнѣ, начнемъ мы исполнять то, что намъ повелѣвается, когда примемся за дѣла, если мы не хотимъ даже и слушать о нихъ, если негодуемъ и досадуемъ даже на самое краткое пребываніе въ храмѣ? Когда мы, разговаривая о предметахъ ничего не стоющихъ, замѣчаемъ въ собесѣдникахъ невниманіе, то считаемъ это себѣ за обиду. А о томъ не думаемъ, что оскорбляемъ Бога, когда Онъ говоритъ намъ о столь важныхъ предметахъ, а мы пренебрегаемъ Его словами и смотримъ въ сторону? Какой-нибудь старецъ, исходившій много земель, со всею точностью сообщаетъ намъ и о разстояніяхъ и о положеніи городовъ, объ ихъ видахъ, пристаняхъ, площадяхъ (и мы съ удовольствіемъ слушаемъ его), а сами, между тѣмъ, не знаемъ и того, сколь далеко отстоимъ отъ небеснаго града. Въ противномъ случаѣ, если бы мы знали это разстояніе, мы постарались бы сократить путь. Если, вѣдь, мы нерадимъ, то разстояніе этого града отъ насъ не только такое, какое находится между небомъ и землей, а даже гораздо больше; напротивъ, если прилагаемъ стараніе, то можемъ дойти до вратъ его въ одно мгновеніе, потому что это разстояніе опредѣляется не протяженіемъ пространства, а состояніемъ нашей нравственности.

8. Ты отлично знаешь дѣла здѣшней жизни,—и новыя и 23
старыя и древнія, можешь перечислить начальниковъ, у которыхъ ты служилъ раньше въ войскахъ, и распорядителей игръ, и побѣдителей на нихъ, и вождей, отъ чего тебѣ нѣтъ никакой пользы. А кто начальникъ въ небесномъ градѣ, кто первый, кто второй, кто третій, сколько времени каждый служилъ и что сдѣ-

лалъ славнаго, объ этомъ тебѣ никогда и во снѣ не грезилось. О законахъ, которыми управляется этотъ городъ, ты не хочешь внимательно послушать, когда говорятъ о нихъ и другіе. Какъ же, скажи мнѣ, ты надѣешься получить обѣщанныя блага, если не хочешь и внимать, когда говорятъ о нихъ? Но если мы не заботились объ этомъ раньше, то постараемся по крайней мѣрѣ сдѣлать это теперъ. Вотъ мы намѣреваемся вступить, если благоволитъ Богъ, въ златой градъ, и даже драгоцѣннѣйшій всякаго злата. Разсмотримъ же его основанія и врата, сдѣланныя изъ сапфира и маргаритовъ. Лучшій руководитель нашъ—Матѳей. Его дверью входимъ мы нынѣ; только нужно большое стараніе съ нашей стороны, потому что, въ комъ онъ не видитъ усердія, того онъ изгоняетъ изъ града. Это—градъ царственный и славный; въ немъ нѣтъ раздѣленія торжища отъ царскихъ дворцовъ, какъ въ нашихъ городахъ; въ немъ—все царскій чертогъ. Итакъ, отверземъ двери ума, отверземъ слухъ нашъ, и съ великимъ трепетомъ приступая къ преддверію этого чертога, поклонимся живущему въ немъ Царю, потому что и первый шагъ можетъ
24 поразить зрителя страхомъ. Врата теперь еще заключены для насъ; когда же увидимъ ихъ отверстыми (т. е. когда рѣшатся недоумѣнные вопросы), тогда узримъ внутри его великій свѣтъ. Просвѣщаемый духомъ, этотъ мытарь обѣщаетъ показать тебѣ все: и гдѣ возсѣдаетъ Царь, и какіе предстоятъ Ему воины, гдѣ ангелы и гдѣ архангелы; какое мѣсто назначено въ этомъ градѣ для новыхъ гражданъ, какой туда ведетъ путь; какой жребій получили вступившіе въ него первыми, какой—вторые, какой—вошедшіе впослѣдствіи; сколько чиновъ среди тамошнихъ гражданъ, сколько совѣтовъ и какъ различны достоинства. Итакъ, войдемъ въ этотъ градъ не съ шумомъ и смятеніемъ, а съ благоговѣйнымъ молчаніемъ. Если царскія граматы прочитываются въ театрѣ, когда наступаетъ полная тишина, то тѣмъ болѣе въ этомъ градѣ должны всѣ утихнуть и стоять съ напряженною душею и слухомъ, потому что здѣсь будутъ читаться повелѣнія не земного царя, а Владыки ангеловъ. Если мы такъ себя расположимъ, то сама благодать Духа вѣрнѣйшимъ образомъ укажетъ намъ путь, и мы придемъ къ самому Царскому престолу и получимъ всѣ блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцомъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля (Матѳ. і, 1).

1. Помните ли вы наставленіе, которое недавно мы сдѣлали вамъ, прося слушать все, что будетъ говориться, съ глубокимъ молчаніемъ и съ благоговѣйною тишиною? Сегодня мы должны вступить въ священныя преддверія; потому я и напоминаю объ этомъ наставленіи. Если іудеямъ, когда надлежало приступить имъ къ горящей горѣ, къ огню, тьмѣ, мраку и бурѣ, а лучше сказать, даже и не приступить, а видѣть и слышать все издали, еще за три дня велѣно было воздерживаться отъ общенія съ женами и вымыть одежды, если и сами они, а равно и Моисей, находились въ страхѣ и трепетѣ,—то тѣмъ болѣе должны показать высшее любомудріе мы, когда намъ надлежитъ услышать такія великія слова и не издали предстать дымящейся горѣ, а взойти на самое небо; не одежды измыть должны мы, а очистить одѣяніе души и освободиться отъ всякой житейской примѣси. Не мракъ увидите вы, не дымъ, не бурю, а самого Царя, сидящаго на престолѣ неизреченной Своей славы, предстоящихъ Ему ангеловъ и архангеловъ, и сонмы святыхъ съ безчисленными тьмами воинствъ небесныхъ. Таковъ градъ Божій, вмѣщающій въ себѣ церковь первородныхъ, духи праведныхъ, тор- 24
жествующее собраніе ангеловъ, кровь кропленія, чрезъ которую все соединено, небо восприняло земное, земля небесное, насталъ миръ давно вожделѣнный для ангеловъ и святыхъ. Въ этомъ градѣ водружено блистательное и славное знамя креста: тамъ добыча Христа, начатки нашего естества, стяжанія Царя нашего. Обо всемъ этомъ мы съ точностію узнаемъ изъ евангелій. И если ты будешь слѣдовать за нами съ подобающимъ спокойствіемъ, мы сможемъ провести тебя повсюду и показать, гдѣ лежитъ пригвожденная (ко кресту) смерть, гдѣ повѣшенъ грѣхъ, гдѣ многочисленные и дивные памятники этой войны, этой битвы. Увидишь тамъ и связаннаго мучителя, сопровождаемаго толпою плѣнниковъ, и ту твердыню, откуда этотъ гнусный демонъ въ прежнее время производилъ всюду свои набѣги; увидишь убѣжища и пещеры разбойника, уже раззоренныя и открытыя, потому что и туда приходилъ Царь. Не утомляйся, возлюбленный! Ты не можешь вдоволь наслушаться, если тебѣ кто-нибудь разсказываетъ объ обычной войнѣ, о трофеяхъ и побѣдахъ, и ни пищѣ, ни питью не предпочтешь такого разсказа. Если тебѣ такъ пріятенъ такой разсказъ, то гораздо болѣе—мой. Представь, въ самомъ дѣлѣ, каково слышать, какъ Богъ,

25 воставъ съ небесъ и царскихъ престоловъ, нисходилъ на землю и въ самый адъ, какъ Онъ ополчался на брань, какъ діаволъ боролся съ Богомъ,—не съ неприкровеннымъ, впрочемъ, Богомъ, а съ Богомъ, скрывавшимся подъ покровомъ человѣческой плоти. И, что удивительно, ты увидишь, какъ смерть разрушена смертью, какъ клятва упразднена клятвою, какъ мучительство діавола ниспровержено тѣмъ самымъ, черезъ что онъ пріобрѣлъ силу. Итакъ, воспрянемъ и не будемъ предаваться дремотѣ! Я вижу уже, какъ предъ нами отверзаются врата. Войдемъ же съ полнымъ благочиніемъ и трепетомъ. Сейчасъ мы вступаемъ въ самыя преддверія. Что же это за преддверіе? *Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля* (Матѳ. I, 1). Что говоришь ты? Обѣщался сказать о единородномъ Сынѣ Божіемъ, а упоминаешь о Давидѣ, о человѣкѣ, который существовалъ спустя тысячи родовъ, и его называешь отцомъ и прародителемъ? Погоди, не все сразу старайся узнать, а узнавай постепенно и мало-по-малу. Ты вѣдь стоишь еще въ преддверіи, у самаго порога: зачѣмъ же спѣшить во святилище? Ты еще не осмотрѣлъ хорошенько всего снаружи. И я пока еще не говорю тебѣ о первомъ—небесномъ рожденіи, а лучше сказать, не говорю даже и о второмъ—земномъ, потому что и оно неизъяснимо и неизреченно. Объ этомъ раньше меня еще сказалъ тебѣ и пророкъ Исаія, когда именно, возвѣщая страданія Господа и великое Его попеченіе о вселенной, поражаемый зрѣніемъ того, кто Онъ былъ и чѣмъ сталъ, и куда нисшелъ, онъ громко и ясно воскликнулъ: *родъ Его кто исповѣсть* (Ис. LIII, 8)?

2. Итакъ, у насъ теперь рѣчь не о томъ, небесномъ рожденіи, а объ этомъ дольнемъ, земномъ рожденіи, имѣвшемъ тысячи свидѣтелей. Да и о немъ мы будемъ говорить настолько, насколько то намъ возможно по мѣрѣ полученной благодати Духа. Со всею ясностію нельзя представить и этого рожденія, такъ какъ и оно полно таинственности. Итакъ, слыша объ этомъ рожденіи, не подумай, что слышишь о чемъ-то маловажномъ; но воспряни умомъ своимъ и ужаснись, какъ скоро слышишь, что Богъ пришелъ на землю. Оно было такъ дивно и чудно, что и ангелы, составивъ хвалебный ликъ, воздали за него славу за цѣлый міръ, и пророки задолго прежде изумлялись тому, что Богъ *на земли явися и съ человѣки поживе* (Варух. III, 38). И подлинно, крайне дивно слышать, что неизреченный, неизъяснимый и непостижимый Богъ, равный Отцу, пришелъ чрезъ дѣвическую утробу, благоволилъ родиться отъ жены и имѣть предками Давида и Авраама. И что говорю—Давида и Авраама? Что еще изумительнѣе,—тѣхъ женъ, о которыхъ я упомянулъ

раньше. Слыша это, воспряни и не заподозри ничего унизительнаго; напротивъ, тому-то особенно и подивись, что Сынъ безначальнаго Отца, Сынъ истинный, благоволилъ назваться сыномъ Давидовымъ, чтобы тебя сдѣлать сыномъ Божіимъ, благоволилъ имѣть раба Своимъ отцомъ, чтобы тебѣ, рабу, сдѣлать отцомъ Владыку. Видишь, какое благовѣстіе въ самомъ
же началѣ? Если же сомнѣваешься въ своемъ богосыновствѣ, 26
то увѣрься въ немъ, слыша, что было съ Нимъ. По человѣческому разсужденію гораздо вѣдь труднѣе Богу стать человѣкомъ, нежели человѣку сдѣлаться сыномъ Божіимъ. Итакъ, когда слышишь, что Сынъ Божій есть сынъ Давидовъ и Авраамовъ, то не сомнѣвайся уже, что и ты, сынъ Адамовъ, будешь сыномъ Божіимъ. Не уничижилъ бы Онъ Себя напрасно и безъ цѣли до такой степени, если бы не хотѣлъ возвысить насъ. Онъ родился по плоти, чтобы ты родился по духу; родился отъ жены, чтобы ты пересталъ быть сыномъ жены. Вотъ почему Его рожденіе и было двоякое,—съ одной стороны подобное нашему, съ другой —превышающее наше. Тѣмъ, что родился отъ жены, Онъ уподобился намъ; тѣмъ же, что родился не отъ крови, не отъ хотѣнія мужа или плоти, но отъ Духа Святаго, Онъ предвозвѣщаетъ превышающее насъ будущее рожденіе, которое Онъ имѣлъ даровать намъ отъ Духа. Таково же было и все прочее. Таково было, напримѣръ, крещеніе. И въ немъ было и нѣчто ветхое, было и нѣчто новое: крещеніе отъ пророка показывало ветхое, а снисхожденіе Духа знаменовало новое. Подобно тому какъ кто-нибудь, ставъ между двоими, стоящими порознь, протянетъ обоимъ свои руки и соединитъ ихъ, такъ точно сдѣлалъ и Сынъ Божій, соединивъ ветхій завѣтъ съ новымъ, божеское естество съ человѣческимъ, Свое съ нашимъ. Видишь блистаніе града Божія? Видишь, какимъ блескомъ осіялъ тебя при самомъ входѣ? Видишь, какъ тотчасъ же показалъ тебѣ Царя въ твоемъ образѣ, какъ бы посреди стана? И здѣсь, на землѣ, царь не всегда является въ своемъ величіи, а часто, сложивъ порфиру и діадему, облекается въ одежду простого воина. Но царь земной дѣлаетъ это для того, чтобы, ставъ извѣстнымъ, не привлечь къ себѣ непріятеля; Царь же небесный, наоборотъ, для того, чтобы, ставъ извѣстнымъ, не заставить врага бѣжать отъ ратоборства съ Нимъ и не привести въ смятеніе Своихъ, такъ какъ Онъ желалъ спасти, а не устрашить. Вотъ почему евангелистъ тотчасъ же назвалъ Его и соотвѣтствующимъ именемъ „Іисусъ" Это имя „Іисусъ" не греческое; Іисусомъ Онъ называется по-еврейски, что на греческомъ языкѣ означаетъ Спаситель (Σωτήρ); Спасителемъ же Онъ называется потому, что спасъ народъ Свой.

3. Видишь ли, какъ евангелистъ воскрылилъ слушателя, какъ онъ, говоря обычными словами, открылъ въ нихъ всѣмъ намъ то, что выше всякаго чаянія? Оба данныхъ имени были хорошо извѣстны у іудеевъ. Такъ какъ событія, коимъ надлежало совершиться, были дивны, то и самымъ именамъ предшествовали образы, чтобы такимъ способомъ заранѣе былъ устраненъ всякій поводъ къ ропоту на нововведеніе. Такъ преемникъ Моисея, введшій народъ въ землю обѣтованную, называется Іисусомъ. Видишь образъ? Разсмотри и истину. Тотъ ввелъ въ землю обѣтованную, этотъ—на небо и ко благамъ не-
27 беснымъ; тотъ по смерти Моисея, этотъ по прекращеніи закона; тотъ—какъ вождь, этотъ—какъ Царь. Но чтобы ты, слыша „Іисусъ", не приведенъ былъ сходствомъ именъ въ заблужденіе, евангелистъ присовокупилъ: *Іисуса Христа, сына Давидова*. Тотъ Іисусъ не былъ сыномъ Давидовымъ, а происходилъ изъ другого колѣна. Но почему Матѳей называетъ свое евангеліе „книгою родства Іисуса Христа", тогда какъ оно содержитъ не только одно родословіе, но и все домостроительство? Потому, что рожденіе Христа составляетъ главное во всемъ домостроительствѣ, является началомъ и корнемъ всѣхъ дарованныхъ намъ благъ. Подобно тому какъ Моисей называетъ свой первый трудъ книгою бытія неба и земли, хотя повѣствуетъ въ ней не только о небѣ и землѣ, но и о томъ, что находится между ними, такъ и евангелистъ назвалъ свою книгу по главному изъ дѣлъ, совершенныхъ (для нашего спасенія). Всего изумительнѣе, выше всякой надежды и чаянія, дѣйствительно, есть то, что Богъ сталъ человѣкомъ; а когда это совершилось, то все послѣдующее и понятно, и естественно.

Но почему евангелистъ не сказалъ спачала: *сына Авраамля*, и затѣмъ уже: *сына Давидова?* Не потому, какъ думаютъ нѣкоторые, что хотѣлъ представить родословіе по восходящей линіи,—потому что тогда онъ сдѣлалъ бы такъ же, какъ и Лука, а онъ дѣлаетъ наоборотъ. Итакъ, почему же онъ упомянулъ спачала о Давидѣ? Потому, что это былъ человѣкъ у всѣхъ на устахъ, какъ въ силу знаменитости его дѣяній, такъ и по времени, потому что умеръ много позже Авраама. Хотя обѣтованія Богъ далъ имъ обоимъ, но объ обѣтованіи, данномъ Аврааму, какъ древнемъ, мало говорили, а обѣтованіе, данное Давиду, какъ недавнее и новое, повторялось всѣми. Іудеи сами говорятъ: *не отъ сѣмене* ли *Давидова и отъ Виѳлеемскія веси, идѣже бѣ Давидъ, Христосъ пріидетъ* (Іоан. VII, 42)? И никто не называлъ Его сыномъ Авраамовымъ, а всѣ звали сыномъ Давидовымъ, потому что и по времени жизни, какъ я уже сказалъ, и по знатности

царствованія, Давидъ у всѣхъ былъ больше въ памяти. Вотъ почему и всѣхъ царей, жившихъ послѣ Давида, которыхъ особенно уважали, называли его же именемъ не только іудеи, но и самъ Богъ. Такъ Іезекіиль и другіе пророки говорятъ, что къ нимъ придетъ и воскреснетъ Давидъ; разумѣютъ же не умершаго Давида, а подражающихъ его добродѣтели. Такъ Езекіи говоритъ Богъ: *защищу градъ сей Мене ради и Давида ради раба Моего* (4 Цар. XIX, 34); и Соломону говорилъ, что ради Давида не раздѣлилъ царство при жизни его (3 Цар. XI, 34). Слава этого мужа велика была и предъ Богомъ и предъ людьми. Вотъ почему евангелистъ непосредственно и начинаетъ родословіе съ знатнѣйшаго, а потомъ уже обращается къ прародителю древнѣйшему—Аврааму, возводить же родословіе далѣе находитъ для іудеевъ излишнимъ. Эти два мужа возбуждали особенное удивленіе; одинъ какъ пророкъ и царь, другой какъ патріархъ и пророкъ. Но откуда видно, спросишь ты, что Христосъ происходитъ отъ Давида? Если Онъ родился не отъ мужа, а отъ одной только жены, а родословія Дѣвы у евангелиста нѣтъ, то почему мы можемъ знать, что Христосъ былъ потомкомъ Давида? Здѣсь два вопроса: почему не дается родословія Матери, и почему именно упоминается объ Іосифѣ, который нисколько не былъ причастенъ къ рожденію? Повидимому, послѣднее излишне, а первое требовалось бы. Что же нужно рѣшить сначала? Вопросъ о происхожденіи Дѣвы отъ Давида. 28
Итакъ, откуда мы можемъ знать, что она происходитъ отъ Давида? Слушай: Богъ повелѣваетъ Гавріилу идти *къ Дѣвѣ, обрученнѣй мужеви, емуже имя Іосифъ, отъ дому* и отечества *Давидова* (Лук. I, 27). Чего же яснѣе этого хочешь ты, когда слышишь, что Дѣва была изъ дома и отечества Давидова?

4. Отсюда ясно, что и Іосифъ происходилъ изъ того же рода, потому что былъ законъ, повелѣвавшій брать жену не иначе, какъ изъ своего колѣна. А патріархъ Іаковъ предсказалъ, что Христосъ возстанетъ отъ колѣна Іудова, говоря такъ: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная Ему: и Той чаяніе языковъ* (Быт. XLIX, 10). Пророчество это, скажешь ты, дѣйствительно показываетъ, что Христосъ былъ отъ колѣна Іудова; но что Онъ происходилъ и изъ рода Давидова, этого еще не показываетъ. Развѣ въ колѣнѣ Іудовомъ не было ни одного рода кромѣ Давидова? Нѣтъ, было много и другихъ родовъ, и можно было принадлежать къ колѣну Іудову, но не происходить еще изъ рода Давидова. Чтобы ты не сказалъ этого, евангелистъ разрѣшаетъ твое сомнѣніе, говоря, что Христосъ былъ изъ дома и отечества Давидова. Если хочешь убѣдиться въ этомъ инымъ образомъ, то мы не затруднимся пред-

ставить и другое доказательство. У іудеевъ не позволялось брать жену не только изъ другого колѣна, но и изъ другого рода или племени. Поэтому, приложимъ ли мы слова: *отъ дому и отечеству Давидова* къ Дѣвѣ, сказанное останется несомнѣннымъ; приложимъ ли къ Іосифу, сказанное о немъ будетъ относиться и къ Дѣвѣ. Если Іосифъ былъ изъ дома и отечества Давидова, то взялъ жену не изъ иного рода, а изъ того же, изъ котораго происходилъ и самъ. Но чтó, скажешь ты, если онъ нарушилъ законъ? Евангелистъ предупредилъ и это возраженіе, засвидѣтельствовавъ, что Іосифъ былъ праведенъ, такъ что, зная его добродѣтель, ты можешь быть увѣренъ и въ томъ, что онъ не нарушилъ бы закона. Будучи столь кроткимъ и чуждымъ страсти, что даже побуждаемый подозрѣніемъ не захотѣлъ подвергать наказанію Дѣву, ужели бы онъ нарушилъ законъ ради плотского удовольствія? Мудрствуя выше закона (такъ какъ отпустить и отпустить тайно свойственно было человѣку, который мудрствовалъ выше закона), ужели бы онъ сдѣлалъ что-нибудь вопреки закону, и притомъ безъ всякой побудительной причины? Итакъ, изъ сказаннаго ясно, что Дѣва происходила изъ рода Давидова. Теперь слѣдуетъ сказать, почему евангелистъ далъ не Ея родословіе, а Іосифа. Итакъ, почему же? У іудеевъ не было обычая вести родословіе по женской линіи; поэтому, чтобы соблюсти и обычай, и не оказаться при самомъ же началѣ его нарушителемъ, а съ другой стороны—показать намъ и происхожденіе Дѣвы, евангелистъ, умолчавъ о Ея предкахъ, и представилъ родословіе Іосифа. Если бы онъ представилъ родословіе Дѣвы, это почли бы новшествомъ; если бы умолчалъ объ Іосифѣ, мы не знали бы предковъ Дѣвы. Итакъ, чтобы мы знали, кто была Марія, откуда происходила, и вмѣстѣ не былъ нарушенъ обычай, евангелистъ представилъ родословіе Ея обручника и показалъ, что онъ происходитъ изъ дома Давидова. А разъ это доказано, тѣмъ самымъ доказано и то, что и Дѣва была изъ того же рода, потому что этотъ праведникъ, какъ я сказалъ выше, не допустилъ бы себѣ взять жену изъ чужого рода. Можно, впрочемъ, указать и другую причину, болѣе таинственную, по которой умолчано о пред-
29 кахъ Дѣвы; но теперь не время открывать ее, потому что и такъ уже много сказано. Итакъ, окончивъ здѣсь разборъ вопросовъ, постараемся пока съ точностью запомнить то, что объяснилось для насъ, а именно: почему сперва упомянуто о Давидѣ, почему евангелистъ назвалъ свою книгу книгою родства, почему прибавилъ: *„Іисуса Христа,“* въ чемъ рожденіе Христа было сходно съ нашимъ, и въ чемъ не сходно, чѣмъ доказывается происхожденіе Маріи отъ Давида, почему представлено родословіе Іосифа

и умолчано о предкахъ Дѣвы. Если вы сохраните все это, то возбудите и въ насъ большее усердіе къ дальнѣйшимъ изъясненіямъ; а если отнесетесь небрежно и забудете, то и у насъ будетъ меньше охоты изъяснять прочее. Вѣдь и земледѣлецъ не захочетъ заботиться о сѣменахъ, если земля погубитъ у него посѣянное прежде. Итакъ, прошу васъ заняться сказаннымъ. Отъ такихъ занятій происходитъ великое и спасительное благо для души. Имѣя заботу о такихъ занятіяхъ, мы можемъ угодить Богу, и уста наши, когда мы упражняемъ ихъ бесѣдами духовными, будутъ чисты отъ укоризнъ, срамословія и ругательствъ. Мы будемъ страшны и для демоновъ, когда вооружимъ языкъ свой такими бесѣдами; въ большей мѣрѣ привлечемъ на себя и благодать Божію; проницательнѣе сдѣлается и взоръ нашъ. Богъ далъ намъ и очи, и уста, и слухъ, для того, чтобы всѣ члены служили Ему, чтобы мы угодное Ему говорили, чтобы угодное Ему дѣлали, чтобы воспѣвали Ему непрестанныя пѣсни хвалы, чтобы возсылали благодаренія и такимъ образомъ очищали свою совѣсть. Какъ тѣло, наслаждаясь чистымъ воздухомъ, становится здоровѣе, такъ и душа, питаясь такими занятіями, дѣлается мудрѣе.

5. Не замѣчалъ ли ты, что и изъ тѣлесныхъ очей, если они постоянно бываютъ въ дыму, всегда текутъ слезы, а на свѣжемъ воздухѣ, на лугу, при источникахъ и въ садахъ они становятся и здоровѣе и острѣе. То же бываетъ и съ окомъ душевнымъ. Если оно питается на лугу духовныхъ ученій, то бываетъ чистымъ, яснымъ и проницательнымъ, а если погружается въ дымъ житейскихъ попеченій, то непрестанно будетъ точить и проливать слезы и въ этой, и въ будущей жизни. Подлинно, дыму подобны дѣла человѣческія. Потому-то нѣкто и сказалъ: *изчезоша яко дымъ дніе мои* (Пс. ci, 4). Но пророкъ хотѣлъ этими словами выразить только мысль о краткости и непостоянствѣ жизни человѣческой, а я сказалъ бы, что ихъ должно разумѣть не въ этомъ только смыслѣ, но и какъ указаніе на мятежность жизни. Дѣйствительно, ничто такъ не угнетаетъ и не возмущаетъ душевнаго ока, какъ толпа житейскихъ заботъ и рой пожеланій; это—дрова упомянутаго дыма. Подобно тому какъ обыкновенный огонь, охватывая вещество влажное и промокшее, разводитъ густой дымъ, такъ точно и сильная пламенная страсть, завладѣвая вялой и слабой душою, производитъ большой дымъ. Вотъ почему и необходима роса Духа и легкое Его вѣяніе, чтобы угасить этотъ
огонь, развѣять этотъ дымъ, и окрылить нашъ разумъ. Невоз- 30
можно, невозможно никакъ, обремененному такимъ зломъ воспарить къ небу. Нѣтъ; намъ надобно быть хорошо препоясан-

ными, чтобы совершить этотъ путь, а вѣрнѣе сказать — и при этомъ невозможно, если не возьмемъ крыльевъ Духа. Итакъ, если намъ нуженъ и легкій умъ и благодать Духа, чтобы взойти на эту высоту, а у насъ ничего этого нѣтъ, если, напротивъ, мы влачимъ съ собою только противное и сатанинскую тяжесть, то какъ мы можемъ воспарить, когда такая тяжесть влечетъ насъ долу? Если бы кому-нибудь вздумалось на вѣрныхъ вѣсахъ взвѣсить наши слова, то въ тысячѣ талантовъ житейскихъ разговоровъ онъ едва ли найдетъ и сто динаріевъ духовныхъ словъ, а вѣрнѣе сказать—не найдетъ и десяти оволовъ. Не стыдно ли, не смѣшно ли до послѣдней степени, что мы, имѣя слугу, употребляемъ его обычно на дѣла нужныя, а владѣя языкомъ, съ собственнымъ нашимъ членомъ не обходимся даже такъ, какъ съ слугою, а употребляемъ его, напротивъ, на дѣла безполезныя и напрасныя? Да если бы только на напрасныя! А мы дѣлаемъ изъ него противное и вредное употребленіе, отъ котораго намъ нѣтъ никакой пользы. Если бы для насъ было полезно то, что мы говоримъ, то наши рѣчи были бы, конечно, угодны и Богу.

А между тѣмъ, мы только и говоримъ, что внушитъ діаволъ: то насмѣхаемся, то острословимъ; то проклинаемъ и обижаемъ, то клянемся, лжемъ и преступаемъ клятвы; то съ досады не хотимъ вымолвить и слова, то пустословимъ и болтаемъ хуже старухъ, говоря о томъ, что до насъ вовсе не касается. Кто изъ васъ, здѣсь присутствующихъ, скажите мнѣ, если спросить, можетъ прочитать хотя одинъ псаломъ или какое-нибудь другое мѣсто изъ Священнаго Писанія? Ни одинъ! И не это только удивительно, а и то, что вы, будучи такъ лѣнивы на дѣла духовныя, на дѣла сатанинскія оказываетесь быстрѣе огня. Если кто вздумаетъ спросить васъ о пѣсняхъ діавольскихъ, о напѣвахъ распутныхъ и сладострастныхъ, то найдетъ, что многіе знаютъ ихъ прекрасно и пропоютъ съ полнымъ удовольствіемъ. И чѣмъ оправдываются, если станешь въ томъ обвинять? Я, говорятъ, не монахъ, а имѣю жену и дѣтей, хлопочу о домѣ. Отъ этого-то именно и происходитъ весь вредъ, что вы думаете, будто чтеніе божественнаго Писанія подобаетъ однимъ только монахамъ, тогда какъ сами вы нуждаетесь въ немъ гораздо болѣе ихъ. Кто живетъ въ мірѣ и каждый день получаетъ новыя раны, для того особенно и нужно врачество. Поэтому считать излишнимъ чтеніе Писанія гораздо хуже, чѣмъ не читать его. Такая мысль—сатанинское внушеніе.

6. Не слышите ли, какъ говоритъ Павелъ, что все это написано *въ наученіе наше* (1 Кор. x, 11)? А ты, который не осмѣливаешься взяться за евангеліе неумытыми руками, ужели не

думаешь, что заключающееся въ немъ чрезвычайно важно? Вотъ почему все и идетъ навыворотъ. Если тебѣ хочется узнать, какъ велика польза отъ Писанія, понаблюди за собой, что съ тобою бываетъ, когда ты слушаешь псалмы, и что—когда слушаешь сатанинскую пѣсню; въ какомъ расположеніи ты проводишь время въ церкви, и въ какомъ сидишь въ театрѣ. Тогда ты увидишь разницу между тѣмъ и другимъ состояніемъ души, хотя душа одна и та же. Вотъ почему Павелъ и сказалъ: *тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. xv, 53). Вотъ почему намъ и нужны постоянно духовныя пѣснопѣнія. Въ этомъ-то и состоитъ наше превосходство надъ безсловесными животными, хотя въ другихъ отношеніяхъ мы имъ значительно и уступаемъ. Это—пища души, это—ея украшеніе, это—ея огражденіе; наоборотъ, не слушать Писанія—для души голодъ и пагуба. Дамъ имъ, говоритъ Господь, *не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня* (Амос. viii, 11). Можетъ ли быть что бѣдственнѣе, когда ты самъ на собственную свою голову навлекаешь то зло, которымъ Богъ угрожаетъ какъ наказаніемъ, томишь душу ужаснымъ голодомъ и дѣлаешь ее слабѣйшею всего на свѣтѣ? Обыкновенно слово и портитъ душу, и исцѣляетъ ее; слово и возбуждаетъ въ ней гнѣвъ, и оно же опять укрощаетъ ее; срамное слово разжигаетъ похоть, слово пристойное располагаетъ къ цѣломудрію. Если же слово вообще имѣетъ такую силу, то какъ же ты, скажи мнѣ, пренебрегаешь Писаніе? Если простое увѣщаніе такъ сильно дѣйствуетъ, то гораздо болѣе увѣщанія, сопровождаемыя дѣйствіемъ Духа. Слово, произнесенное отъ божественнаго Писанія, сильнѣе огня умягчаетъ ожесточенную душу и дѣлаетъ ее способною на все прекрасное. Такимъ средствомъ и Павелъ, когда узналъ о коринеянахъ, что они стали гордыми и надменными, смирилъ ихъ и сдѣлалъ ихъ болѣе скромными. Они превозносились тѣмъ, что должны были считать стыдомъ и позоромъ. Но слушай, какая въ нихъ произошла перемѣна, когда они получили посланіе. О ней засвидѣтельствовалъ самъ учитель, когда 32
говорилъ имъ: *сіе бо самое, еже по Бозѣ оскорбитися вамъ, колико содѣла въ васъ тщаніе, но отвѣтъ, но негодованіе, но страхъ, но вожделѣніе, но ревность, но отмщеніе* (2 Кор. vii, 11). Этимъ средствомъ мы можемъ управлять и слугами, и дѣтьми, и женами, и друзьями; можемъ и враговъ дѣлать друзьями. Этимъ путемъ и великіе мужи, други Божіи, достигали совершенства. Такъ Давидъ по совершеніи грѣха, какъ скоро внялъ слову, тотчасъ явилъ въ себѣ прекраснѣйшій образецъ покаянія (2 Цар. xii, 13) и апостолы при помощи слова стали тѣмъ, чѣмъ были впослѣдствіи, и посредствомъ слова обратили всю вселенную. Но что, скажешь,

за польза, когда иной слушаетъ, а не исполняетъ того, о чемъ говорятъ ему? Не малая польза будетъ и отъ одного слушанія. По крайней мѣрѣ человѣкъ узнаетъ себя, поскорбитъ, а когда-нибудь дойдетъ и до того, что будетъ исполнять слышанное. А кто не знаетъ даже, что грѣшитъ, перестанетъ ли когда грѣшить? Можетъ ли придти въ познаніе самого себя? Итакъ, не будемъ пренебрегать слушаніемъ Священнаго Писанія. Это — умыселъ діавола—не дозволить намъ видѣть сокровища, чтобы мы не обогатились. Онъ боится, чтобы слушаніе у насъ не перешло въ дѣло; потому и внушаетъ намъ, что одно слушаніе не имѣетъ никакого значенія. Итакъ, зная этотъ лукавый его умыселъ, оградимся со всѣхъ сторонъ, чтобы, защитившись оружіемъ слова Божія, не только самимъ не попасться въ плѣнъ, но и ему сокрушить голову, и, увѣнчавшись такимъ образомъ побѣдными знаками, достигнуть будущихъ благъ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля (Мѳ. I, 1).

31 1. Вотъ уже третья бесѣда, а мы еще не кончили предисловія. Итакъ, не напрасно говорилъ я, что размышленія эти, по свойству своему, весьма глубоки. Постараемся же сегодня досказать о томъ, что остается. О чемъ же теперь у насъ вопросъ? О томъ, для чего евангелистъ представляетъ родословіе Іосифа, который нимало не былъ причастенъ къ рожденію Христа. Одну причину мы уже указали; надобно открыть и другую, которая таинственнѣе и сокровеннѣе первой. Какая же это причина? Евангелистъ не хотѣлъ, чтобы при самомъ рожденіи извѣстно было іудеямъ, что Христосъ родился отъ Дѣвы. Но не смущайтесь, если сказанное мною для васъ странно; я говорю здѣсь не свои слова, но слова отцевъ нашихъ, чудныхъ и знаменитыхъ мужей. Если Господь и многое первоначально скрывалъ во мракѣ, называя Себя сыномъ человѣческимъ; если Онъ и не вездѣ ясно открывалъ намъ Свое равенство со Отцемъ, —то чему дивиться, если Онъ скрывалъ до времени и о Своемъ
32 рожденіи отъ Дѣвы, устрояя нѣчто чудное и великое? Что же здѣсь чуднаго, скажешь ты? То, что Дѣва сохранена и избавлена отъ худого подозрѣнія. Иначе, если бы объ этомъ съ самаго

начала сдѣлалось извѣстнымъ іудеямъ, они, перетолковавъ слова въ худую сторону, побили бы Дѣву камнями и осудили какъ блудницу. Если уже и въ такихъ случаяхъ, коихъ примѣры часто встрѣчались имъ еще въ ветхомъ завѣтѣ, они обнаруживали свое безстыдство (напримѣръ называли Христа бѣснующимся, когда Онъ изгонялъ бѣсовъ, почитали Его противникомъ Богу, когда исцѣлялъ больныхъ въ субботу, не смотря на то, что суббота и прежде уже многократно была нарушаема),—то чего бы не сказали они, услышавъ объ этомъ? Имъ благопріятствовало и то, что въ прежнее время никогда не случалось ничего подобнаго. Если и послѣ многочисленныхъ Его чудесъ они называли Іисуса сыномъ Іосифовымъ, то какъ бы повѣрили, еще прежде чудесъ, что Онъ родился отъ Дѣвы? Вотъ почему и пишется родословіе Іосифа, и обручается ему Дѣва. Когда даже Іосифъ, мужъ праведный и дивный, чтобы повѣрить такому событію, имѣлъ нужду во многихъ доказательствахъ,—въ явленіи ангела, сонномъ 33
видѣніи, свидѣтельствѣ пророковъ,—то какъ же бы приняли такую мысль іудеи, народъ грубый и развращенный, и такъ враждебно расположенный ко Христу? Безъ сомнѣнія, ихъ крайне возмутило бы такое необыкновенное и новое событіе, когда они и слухомъ не слыхали, чтобы нѣчто подобное случилось у предковъ. Кто однажды увѣровалъ, что Іисусъ есть Сынъ Божій, тотъ не сталъ бы уже и въ этомъ сомнѣваться. Но кто почитаетъ Его льстецомъ и противникомъ Богу, какъ не соблазнился бы этимъ еще болѣе и не возымѣлъ бы указаннаго подозрѣнія? Вотъ почему и апостолы не съ самаго начала говорятъ о рожденіи отъ Дѣвы. Напротивъ, они часто и много говорятъ о воскресеніи Христовомъ, потому что примѣры воскресенія были уже и въ прежнія времена, хотя и не такія; а о рожденіи Его отъ Дѣвы говорятъ рѣдко. Даже сама Матерь Его не смѣла объявлять о томъ. Посмотри, что говоритъ Дѣва самому Христу: *се Азъ и отецъ Твой искахомъ Тебе* (Лук. II, 48)! Почитая Его рожденнымъ отъ Дѣвы, не стали бы уже признавать сыномъ Давидовымъ; а отсюда произошло бы много и другихъ золъ. Потому и ангелы возвѣстили объ этомъ одной только Маріи и Іосифу; когда же благовѣствовали о рожденіи пастырямъ, не присовокупили уже объ этомъ. Но для чего евангелистъ, упомянувъ о Авраамѣ и сказавъ, что онъ родилъ Исаака, а Исаакъ Іакова, не упоминаетъ о братѣ послѣдняго, между тѣмъ какъ послѣ Іакова упоминаетъ и о Іудѣ, и о братьяхъ его?

2. Причиною этого нѣкоторые поставляютъ злонравіе Исава, то же говоря и о другихъ нѣкоторыхъ предкахъ. Но я этого не скажу: если бы это было такъ, то почему же немного послѣ

евангелистъ упоминаетъ о порочныхъ женахъ? Очевидно, здѣсь слава Іисуса Христа обнаруживается чрезъ противоположность, не чрезъ величіе, а чрезъ ничтожество и низость Его предковъ. Для высокаго въ томъ-то и слава великая, если онъ можетъ уничижить себя до крайней степени. Итакъ, почему же евангелистъ не упомянулъ объ Исавѣ и другихъ? Потому что сарацины и измаильтяне, арабы и всѣ, которые произошли отъ тѣхъ предковъ, не имѣли ничего общаго съ народомъ израильскимъ. Потому и умолчалъ онъ объ нихъ, а обращается прямо къ предкамъ Іисуса и народа іудейскаго, говоря: *Іаковъ же роди Іуду и братію его*. Здѣсь уже означается родъ Іудейскій. *Іуда же роди Фареса и Зару отъ Θамары*.

Что дѣлаешь ты, богодухновенный мужъ, напоминая намъ исторію беззаконнаго кровосмѣшенія? Что же въ томъ? отвѣчаетъ онъ. Если бы мы стали перечислять родъ какого-либо обыкновеннаго человѣка, то прилично бы было умолчать о такомъ дѣлѣ. Но въ родословіи воплотившагося Бога не только не должно умолчать, но еще всегласно надлежитъ возвѣстить объ этомъ, для того, чтобы показать Его промышленіе и могущество. Онъ и пришелъ не для того, чтобы избѣгать позора на-
84 шего, но чтобы уничтожить его. Какъ особенно удивляемся не тому, что Христосъ умеръ, но тому, что и распятъ (хотя это и поносно,—но чѣмъ поноснѣе, тѣмъ большее показываетъ въ Немъ человѣколюбіе), такъ можно сказать и о рожденіи: Христу должно удивляться не только потому, что воспринялъ на Себя плоть и содѣлался человѣкомъ, но и потому еще, что порочныхъ людей удостоилъ быть Своими сродниками, не стыдясь нимало нашихъ пороковъ. Такъ, съ самаго начала рожденія Онъ показалъ, что не гнушается ничѣмъ нашимъ, научая тѣмъ и насъ не стыдиться злонравія предковъ, но искать только одного—добродѣтели. Человѣкъ добродѣтельный, хотя бы происходилъ отъ иноплеменника, хотя бы родился отъ блудницы или другой какой грѣшницы, не можетъ получить отъ этого никакого вреда. Если и самого блудника, если онъ перемѣнится, прежняя жизнь нисколько не позоритъ, то тѣмъ болѣе человѣка добродѣтельнаго, если онъ произошелъ отъ блудницы или прелюбодѣйцы, нимало не можетъ позорить порочность его родителей. Впрочемъ, Христосъ поступалъ такъ не только для нашего наученія, но и для укрощенія гордости іудеевъ. Такъ какъ они, нерадя о душевной добродѣтели, при всякомъ случаѣ превозносились только Авраамомъ, и думали оправдаться добродѣтелію предковъ, то Господь съ самаго начала и показываетъ, что надлежитъ хвалиться не родомъ, но собственными своими заслугами. Притомъ Онъ хочетъ

еще показать и то, что всѣ, и самые праотцы, виновны во грѣхахъ. Такъ патріархъ, отъ котораго и самое имя получилъ народъ іудейскій, оказывается немалымъ грѣшникомъ: Ѳамарь обличаетъ его въ блудодѣяніи. И Давидъ отъ жены прелюбодѣйной родилъ Соломона. Если же такіе великіе мужи не исполнили закона, то тѣмъ болѣе тѣ, которые ниже ихъ. А если не исполнили, то всѣ согрѣшили, и пришествіе Христа было необходимо. Для того евангелистъ упомянулъ и о двѣнадцати патріархахъ, чтобы унизить тѣмъ іудеевъ, превозносившихся знаменитыми предками. Вѣдь многіе изъ патріарховъ рождены были отъ рабынь, и однакожъ различіе родившихъ не произвело различія между рожденными. Всѣ они равно были и патріархами и родоначальниками колѣнъ. Въ этомъ-то и состоитъ преимущество Церкви; въ этомъ отличіе нашего благородства, прообразованное еще въ ветхомъ завѣтѣ. Хотя бы ты былъ рабъ, хотя бы свободный, тебѣ нѣтъ отъ этого ни пользы, ни вреда; одно только потребно— воля и душевное расположеніе.

3. Кромѣ сказанныхъ, есть еще причина, по которой евангелистъ упомянулъ объ исторіи кровосмѣшенія Іудина. Не безъ цѣли къ Фаресу присоединенъ Зара. Повидимому, напрасно и излишне было бы послѣ Фареса, отъ котораго надлежало вести родословіе Христа, упоминать еще о Зарѣ. Для чего же упомянуто? Когда Ѳамари пришло время родить ихъ и начались болѣзни, Зара первый показалъ руку. Повивальная бабка, увидѣвъ это, чтобы замѣтить первенца, перевязала ему руку красною нитью. Когда же рука была перевязана, младенецъ сокрылъ ее, и тогда родился Фаресъ, а потомъ Зара. Видя это, повивальная 35
бабка сказала: *что пресѣчеся тебе ради преграждение* (Быт. XXXVIII, 29)? Примѣчаешь ли таинственное прообразованіе? Не безъ причины объ этомъ для насъ написано,—такъ какъ не стоило бы повѣствовать о томъ, что сказала когда-то повивальная бабка и разсказывать, что родившійся вторымъ первый выставилъ руку. Итакъ, что значитъ это прообразованіе? Во-первыхъ, разрѣшаетъ этотъ вопросъ имя младенца: Фаресъ означаетъ раздѣленіе и разсѣченіе. Во-вторыхъ, самое событіе: не по естественному порядку происходило то, что показавшаяся рука, будучи перевязана, опять сокрылась. Тутъ не было ни разумнаго движенія, ни естественнаго порядка. Родиться другому тогда, когда одинъ показалъ руку, можетъ быть, естественно; но сокрыть ее, чтобы дать путь другому,—это уже несогласно съ закономъ рождаемыхъ. Нѣтъ, здѣсь присутствовала благодать Божія, устроившая рожденіе младенцевъ, и предначертывавшая чрезъ нихъ для насъ нѣкоторый образъ будущихъ событій. Что же именно?

Тѣ, кто тщательно вникалъ въ это происшествіе, говорятъ, что эти младенцы прообразовали два народа. Потомъ, чтобы ты зналъ, что бытіе втораго народа предваряетъ происхожденіе перваго, младенецъ не показывается весь, а только протягиваетъ руку, но и ее опять скрываетъ, и уже послѣ того, какъ братъ его весь вышелъ на свѣтъ, и онъ весь является. Такъ и случилось съ тѣмъ и другимъ народомъ. Сначала во времена Авраама явилась жизнь церковная, затѣмъ, когда она сокрылась, произошелъ іудейскій народъ съ жизнью подзаконною, а послѣ того явился уже цѣлый новый народъ съ своими законами. Потому-то повивальная бабка и говоритъ: *что пресѣчеся тебе ради преграждение?* Прившедшій законъ пресѣкъ свободу жизни. И Писаніе обыкновенно называетъ законъ преграждeніемъ. Такъ пророкъ Давидъ говоритъ: *низложилъ еси оплотъ* (преграждеоіе) *его и объимаютъ и вси мимоходящіи путемъ* (Псал. LXXIX, 13). И Исаія: *огражденіемъ оградихъ* его (Ис. V, 2). И Павелъ: *и средостѣніе ограды разоривый* (Ефес. II, 14).

4. Другіе утверждаютъ, что слова: *что пресѣчеся тебе ради преграждение?* сказаны о новомъ народѣ, поскольку онъ своимъ появленіемъ упразднилъ законъ. Видишь ли, что не по немногимъ и маловажнымъ причинамъ евангелистъ упомянулъ о всей исторіи Іуды? Для того же упоминается о Руѳи и Раавѣ, изъ которыхъ одна была иноплеменница, а другая блудница, т. е., чтобы научить тебя, что Спаситель пришелъ уничтожить всѣ наши грѣхи, пришелъ какъ врачъ, а не какъ судія. Подобно тому какъ тѣ взяли въ замужество блудницъ, такъ и Богъ сочеталъ съ Собою прелюбодѣйную природу. Пророки древле примѣняли это и къ синагогѣ; но она оказалась неблагодарною къ своему Супругу. Напротивъ Церковь, единожды освобожденная отъ отеческихъ пороковъ, осталась въ объятіяхъ Жениха. Посмотри и на то, что въ приключеніяхъ Руѳи сходно съ нашими. Она была чужестранка и доведена до крайней бѣдности, — и
36 однако увидѣвшій ее Воозъ не презрѣлъ ея бѣдности, и не погнушался низкимъ ея происхожденіемъ. Точно также и Христосъ, воспріявшій Церковь иноплеменную и весьма обнищавшую, сдѣлалъ ее участницею великихъ благъ. И какъ та никогда не вступила бы въ такое супружество, если бы не оставила напередъ отца, и не презрѣла дома, рода, отечества и сродниковъ, такъ и Церковь, когда оставила отеческіе нравы, тогда содѣлалась любезною Жениху. Объ этомъ и пророкъ, обращаясь къ Церкви, говоритъ: *забуди люди твоя, и домъ отца твоего, и возжелаетъ Царь доброты твоея* (Псал. XLIV, 11, 12). Такъ поступила и Руѳь, и чрезъ то содѣлалась матерію царей, равно какъ и Церковь,

потому что отъ нея произошелъ Давидъ. Итакъ, евангелистъ составилъ родословіе и помѣстилъ въ немъ этихъ женъ для того, чтобы такими примѣрами пристыдить іудеевъ и научить ихъ не превозноситься. Руѳь была родоначальницею великаго царя, и Давидъ не стыдится этого.

Невозможно, совершенно невозможно чрезъ добродѣтели или пороки предковъ быть честнымъ или безчестнымъ, знаменитымъ или неизвѣстнымъ. Напротивъ, я долженъ сказать,—хотя бы мои слова показались и странными, — что тотъ-то болѣе и знаменитъ, кто, будучи рожденъ не отъ добрыхъ родителей, сдѣлался добрымъ. Итакъ, никто пусть не гордится предками; но, размышляя о прародителяхъ Господа, пусть отложитъ всякое тщеславіе, и хвалится своими заслугами, а лучше и ими не хвалится. Отъ самохвальства фарисей сталъ хуже мытаря. Если хочешь показать великую добродѣтель, не высокомудрствуй, и тогда покажешь еще большую; не думай, что, совершивъ что-нибудь, ты уже и все сдѣлалъ. Если мы становимся праведными тогда, когда, будучи грѣшниками, считаемъ себя тѣмъ, что мы въ самомъ дѣлѣ, какъ случилось съ мытаремъ, то сколько болѣе тогда, когда, будучи праведными, считаемъ себя грѣшниками? Если смиренномудріе изъ грѣшниковъ дѣлаетъ праведными, хотя бы то и не было смиренномудріе, но искреннее сознаніе; и если искреннее сознаніе имѣетъ такую силу въ грѣшникахъ, то—смотри, чего не сдѣлаетъ смиренномудріе въ праведникахъ? Итакъ, не губи трудовъ своихъ, не дѣлай, чтобы твой потъ былъ пролитъ напрасно, и ты, пробѣжавши тысячи поприщъ, лишился всякой награды. Господь гораздо лучше тебя знаетъ твои заслуги. Если ты дашь чашу холодной воды,—Онъ и этого не презритъ. Если подашь одинъ оволъ, если только воздохнешь, —Онъ все приметъ съ великою благосклонностію, и вспомнитъ, и опредѣлитъ за это великія награды. Для чего же ты разсматриваешь свои добродѣтели, и постоянно выставляешь ихъ намъ на показъ? Или ты не знаешь, что, если хвалишь самого себя, не будешь уже похваленъ Богомъ? Равнымъ образомъ, если ты унижаешь самого себя, Онъ непрестанно будетъ прославлять тебя предъ всѣми? Онъ не хочетъ уменьшить награду за труды твои. Что я говорю: уменьшить? Онъ все дѣлаетъ и устрояетъ, чтобы и за малое увѣнчать тебя, и ищетъ всякихъ предлоговъ, за что бы избавить тебя отъ геенны.

5. Вотъ почему, хотя бы ты потрудился только одиннадцатый
часъ дня, Господь дастъ тебѣ полную награду. „Хотя не за что 31
спасти тебя, скажетъ Онъ, Я это дѣлаю для Себя, чтобы не
осквернялось имя Мое“ (ср. Іезек. xxxvi, 22, 32). Если только

вздохнешь, только прослезишься, Онъ самъ тотчасъ воспользуется всѣмъ этимъ, какъ случаемъ къ твоему спасенію. Итакъ, не будемъ превозноситься, будемъ называть себя непотребными, чтобы быть благопотребными. Если ты самъ называешь себя достойнымъ похвалы, то ты непотребенъ, хотя бы и въ самомъ дѣлѣ былъ достоинъ похвалы; напротивъ, если ты самъ называешь себя непотребнымъ, сдѣлаешься благопотребнымъ, хотя бы былъ недостоинъ похвалы. Вотъ почему должно забывать о своихъ добрыхъ дѣлахъ. Но ты скажешь: какъ можно не знать того, что намъ совершенно извѣстно? Что ты говоришь? Ты непрестанно оскорбляешь Господа, живешь въ нѣгѣ и веселіи, и не знаешь того, что ты грѣшилъ, предавая все забвенію, а не можешь позабыть о своихъ добрыхъ дѣлахъ? Хотя страхъ гораздо сильнѣе, но у насъ бываетъ напротивъ: каждый день оскорбляя Бога, мы не обращаемъ на то и вниманія, а если подадимъ бѣдному хотя малую монету, то носимся съ этимъ постоянно. Это крайнее безуміе, и величайшій ущербъ для того, кто собираетъ. Забвеніе добрыхъ своихъ дѣлъ есть самое безопасное ихъ хранилище. И какъ одежда и золото, если мы раскладываемъ ихъ на торгу, привлекаютъ многихъ злоумышленниковъ, а если убираемъ и скрываемъ ихъ дома, то соблюдаются въ полной безопасности, такъ если и добрыя свои дѣла мы постоянно держимъ въ памяти, то раздражаемъ Господа, вооружаемъ врага и возбуждаемъ его къ похищенію, а если никто не будетъ знать ихъ кромѣ Того, Кому надлежитъ знать, то они пребудутъ въ безопасности. Итакъ, не хвались постоянно своими добрыми дѣлами, чтобы кто-нибудь не лишилъ тебя ихъ, чтобы съ тобою не случилось того же, что было съ фарисеемъ, который носилъ ихъ на языкѣ своемъ, откуда и похитилъ ихъ діаволъ. Хотя онъ и съ благодареніемъ вспоминалъ о нихъ, и все возносилъ къ Богу, но и это не спасло его, потому что благодарящему Бога не прилично поносить другихъ, показывать свое преимущество предъ большинствомъ и превозноситься предъ грѣшниками. Если ты благодаришь Бога, то тѣмъ только и довольствуйся; не говори о томъ людямъ, и не осуждай ближняго, потому что это уже не есть дѣло благодарности. Хочешь знать, какъ нужно выражать благодарность? Послушай, что говорятъ три отрока: *согрѣшихомъ и беззаконновахомъ* (Дан. III, 29); *праведенъ еси Господи о всѣхъ, яже сотворилъ еси намъ* (27), *яко истиннымъ судомъ вся навелъ еси* (31). Исповѣдывать свои согрѣшенія и значитъ благодарить Бога; кто исповѣдуетъ свои грѣхи, тотъ показываетъ этимъ, что онъ виновенъ въ безчисленныхъ грѣхахъ, и только не получилъ достойнаго наказанія. Онъ-то наиболѣе и благодаритъ Бога. Итакъ,

будемъ остерегаться — хвалить себя за доброе, потому что это дѣлаетъ насъ и предъ людьми ненавистными, и предъ Богомъ мерзкими. Потому, чѣмъ больше будемъ дѣлать добра, тѣмъ меньше будемъ говорить о себѣ. Такимъ только образомъ можемъ пріобрѣсть величайшую славу и у Бога и у людей; вѣрнѣе же сказать—у Бога не только славу, но и награду и вели- 38
кое воздаяніе. Итакъ, не требуй награды, чтобы получить награду; исповѣдуй, что ты спасаешься благодатію, чтобы Богъ и самъ призналъ Себя твоимъ должникомъ не только за твои добрыя дѣла, но и за твою благопризнательность. Когда мы дѣлаемъ добро, то Онъ намъ долженъ бываетъ только за наши дѣла; а когда вовсе и не думаемъ, что сдѣлали какое-нибудь доброе дѣло, то Онъ намъ остается должнымъ и за такое наше расположеніе, и притомъ болѣе, нежели за дѣла,—такъ что такое наше расположеніе равняется самымъ добродѣтелямъ, а безъ него и самыя дѣла не важны. Такъ и мы оказываемъ благоволеніе нашимъ слугамъ особенно тогда, когда они, во всемъ услуживая намъ съ усердіемъ, думаютъ, что еще не сдѣлали для насъ ничего важнаго.

Итакъ, если и ты желаешь, чтобы твои добрыя дѣла были велики, то не почитай ихъ великими, и тогда они будутъ велики. Такъ и сотникъ говорилъ: *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши* (Матѳ. VIII, 8), и чрезъ это сдѣлался достойнымъ, и заслужилъ удивленіе болѣе всѣхъ іудеевъ. Такъ и Павелъ говорилъ: *нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ* (1 Кор. XV, 9), и чрезъ это сдѣлался первымъ изъ всѣхъ. Такъ и Іоаннъ говорилъ: *нѣсмь достоинъ отрѣшити ремень сапогу Его* (Лук. III, 16), и за то былъ другомъ Жениха, и ту руку, которую считалъ недостойною прикоснуться къ сапогамъ, Христосъ возложилъ на Свою главу. Такъ и Петръ говорилъ: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь* (Лук. V, 8), и за это сталъ основаніемъ Церкви. Подлинно, ничто такъ не пріятно Богу, какъ если кто считаетъ себя въ числѣ величайшихъ грѣшниковъ. Это есть начало всякаго любомудрія: смиренный и сокрушенный никогда не будетъ ни тщеславиться, ни гнѣваться, ни завидовать ближнему, словомъ — не будетъ питать въ себѣ ни одной страсти. Разбитую руку, сколько бы мы ни старались, никакъ не можемъ поднять вверхъ; если подобнымъ образомъ сокрушимъ и душу, то хотя бы тысяча страстей надмевая воздымали ее, она нисколько не поднимется Если тотъ, кто плачетъ о житейскихъ дѣлахъ, изгоняетъ всѣ душевныя болѣзни, то гораздо болѣе оплакивающій свои грѣхи сдѣлается любомудрымъ. Кто же, скажешь ты, можетъ такъ сокрушить свое сердце? Послушай Давида, который особенно

этимъ прославился, посмотри на сокрушеніе его души. Когда
онъ, совершивъ уже множество подвиговъ, подвергся опас-
ности лишиться отечества, дома и самой жизни, и въ самую
минуту несчастія увидѣлъ, что одинъ низкій и презрѣнный
воинъ ругается надъ его бѣдствіемъ и поноситъ его, то не только
самъ онъ не отвѣчалъ ругательствами, но запретилъ и военa-
чальнику, который хотѣлъ его убить, говоря: *оставите его*, потому
что Господь повелѣлъ ему (2 Цар. xvi, 11). И въ другой разъ,
когда священники просили у него позволенія нести за нимъ ки-
вотъ, то онъ не согласился, но что сказалъ? „Пусть стоитъ во
храмѣ, и если освободитъ меня Богъ отъ настоящихъ бѣдъ,
39 увижу лѣпоту его. Если же скажетъ: не благоволю къ тебѣ: се
азъ, да сотворитъ мнѣ угодное предъ Нимъ“ (2 Цар. xv, 25)
А то, что онъ дѣлалъ въ отношеніи къ Саулу, не разъ, не два,
но многократно, какую показываетъ высоту мудрости? Такое по-
веденіе было выше ветхаго закона, и приближалось къ заповѣдямъ
апостольскимъ. Потому онъ все принималъ отъ Господа съ лю-
бовію, не изслѣдуя того, что съ нимъ происходитъ, но стараясь
единственно о томъ, чтобы всегда повиноваться и слѣдовать
даннымъ отъ Него законамъ. И по совершеніи столь великихъ
подвиговъ, видя принадлежащее себѣ царство въ рукахъ мучи-
теля, отцеубійцы, братоубійцы, притѣснителя, бѣснующагося, онъ
не только тѣмъ не соблазнялся, но говорилъ: если угодно такъ
Богу, чтобы я былъ гонимъ, скитался и бѣгалъ, а врагъ мой
былъ въ чести, то я принимаю это съ любовію, и еще благодарю
за безчисленныя бѣдствія. Онъ не такъ поступалъ, какъ многіе
безстыдные и дерзкіе, которые, не совершивъ и малѣйшей части
его подвиговъ, едва увидятъ кого-нибудь въ благополучномъ
состояніи, а себя хотя въ малой скорби, безчисленными хуле-
40 ніями губятъ душу свою. Не таковъ былъ Давидъ, но во всемъ
показывалъ кротость. Потому и Богъ сказалъ: *обрѣтохъ Давида*,
сына Іессеева, мужа по сердцу Моему (Псал. LXXXVIII, 21). По-
стараемся и мы имѣть такую душу, и чтобы съ нами ни слу-
чилось, будемъ переносить съ кротостью, и здѣсь, до полученія
царства, соберемъ плоды смиренномудрія. *Научитеся отъ Мене*,
говоритъ Господь, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете
покой душамъ вашимъ* (Матѳ. XI, 29). Итакъ, чтобы намъ наслаж-
даться покоемъ и здѣсь и тамъ, со всѣмъ тщаніемъ будемъ на-
саждать въ душахъ нашихъ матерь всѣхъ благъ, т. е. смиренно-
мудріе. Съ помощью этой добродѣтели мы сможемъ безъ вол-
неній переплыть и море настоящей жизни, и достигнуть тихой
пристани, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса
Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

Всѣхъ же родовъ отъ Авраама до Давида, родове четыренадесяте; и отъ Давида до преселенія Вавилонскаго, родове четыренадесяте; и отъ преселенія Вавилонскаго до Христа, родове четыренадесяте (I, 17).

1. Евангелистъ раздѣлилъ все родословіе на три части, желая тѣмъ показать, что іудеи съ перемѣною правленія не дѣлались лучшими; но и во время аристократіи, и при царяхъ, и во время олигархіи предавались тѣмъ же порокамъ: подъ управленіемъ судей, священниковъ и царей не оказали никакого успѣха въ добродѣтели. Но для чего же евангелистъ въ средней части родословія опустилъ трехъ царей, а въ послѣдней, помѣстивъ двѣнадцать родовъ, сказалъ, что ихъ четырнадцать? Первое предоставляю собственному вашему изслѣдованію, не почитая нужнымъ рѣшать для васъ все, чтобы вы не облѣнились; о второмъ же скажемъ. Мнѣ кажется, что онъ причисляетъ къ родамъ время плѣненія, и самого Іисуса Христа, всюду совокупляя Его съ нами. И кстати упоминаетъ о плѣненіи, показывая, что іудеи и въ плѣну не сдѣлались благоразумнѣе, такъ что изъ всего была видна необходимость пришествія Христова. Но скажутъ: почему Маркъ не дѣлаетъ того же, и не излагаетъ родословія Іисусова, а говоритъ обо всемъ кратко? Думаю, что Матѳей прежде другихъ писалъ евангеліе,—почему и излагаетъ съ точностію родословіе, и останавливается на важнѣйшихъ обстоятельствахъ, а Маркъ писалъ послѣ него,—почему наблюдалъ краткость, какъ повѣствующій о томъ, что было уже пересказано, и сдѣлалось извѣстнымъ. А почему Лука излагаетъ также родословіе, и притомъ еще полнѣе? Потому, что онъ, имѣя въ виду евангеліе Матѳея, хочетъ доставить намъ больше свѣдѣній, чѣмъ Матѳей. Притомъ каждый изъ нихъ подражалъ учителю,— одинъ Павлу, который разливается какъ рѣка, а другой Петру, который любитъ краткость. А почему Матѳей въ началѣ евангелія не сказалъ по примѣру пророковъ: *видѣніе, которое я видѣлъ*, или: *слово бывшее мнѣ*? Потому, что писалъ къ людямъ благомыслящимъ, и такимъ, которые были къ нему весьма внимательны. И бывшія чудеса подтверждали имъ писанное, и читатели исполнены были вѣры. Во времена же пророковъ не было столько чудесъ, которыя бы подтверждали ихъ проповѣдь, напротивъ являлось множество лжепророковъ, которымъ охотнѣе внималъ іудейскій народъ,—почему имъ и нужно было такимъ образомъ начинать свои пророчества. А если когда и бывали 40

чудеса, то бывали для язычниковъ, чтобы они въ большемъ числѣ обращались къ іудейству, и для явленія силы Божіей, когда враги, покорявшіе себѣ іудеевъ, думали, что они побѣдили ихъ силою своихъ боговъ. Такъ случилось въ Египтѣ, откуда вышло за іудеями множество народа; таковы же послѣ были въ Вавилонѣ—чудо въ пещи и сновидѣнія. Впрочемъ, были чудеса и въ пустынѣ, когда находились тамъ іудеи одни, какъ было и у насъ; и у насъ явлено множество чудесъ, когда мы выходили изъ заблужденія. Но послѣ, когда благочестіе всюду насаждено, чудеса прекратились. Если же бывали чудеса у іудеевъ и послѣ, то не въ большомъ числѣ и изрѣдка, какъ-то: когда остановилось солнце,
41 и въ другой разъ, когда отступило назадъ. Опять и у насъ можно видѣть тоже: и въ наше время съ Іуліаномъ, превзошедшимъ всѣхъ въ нечестіи, много совершилось чудеснаго. Когда іудеи предприняли возстановленіе іерусалимскаго храма, огонь вышелъ изъ подъ основанія и помѣшалъ работамъ; и когда Іуліанъ безумно посягнулъ поругаться надъ священными сосудами, хранитель сокровищъ и дядя Іуліановъ, соименный ему, первый умеръ—изъѣденный червями, а другой разсѣлся по поламъ. И то было весьма важное чудо, что во время принесенія тамъ жертвъ изсякли источники, и что въ царствованіе Іуліаново города были постигнуты голодомъ.

2. Богъ обыкновенно творитъ знаменія, когда умножается зло. Когда видитъ, что Его рабы утѣснены, а противники безъ мѣры упиваются мучительствомъ надъ ними, тогда показываетъ собственное Свое владычество. Такъ поступилъ Онъ съ іудеями въ Персіи. Итакъ, изъ сказаннаго видно, что евангелистъ не безъ причины и не случайно раздѣлилъ предковъ Христовыхъ на три части. Замѣть же, кѣмъ начинаетъ, и кѣмъ оканчиваетъ. Начавъ съ Авраама, ведетъ родословіе до Давида; потомъ съ Давида до переселенія Вавилонскаго, а съ послѣдняго до самого Христа. Какъ въ началѣ всего родословія обоихъ—Давида и Авраама—поставилъ рядомъ, такъ точно упомянулъ объ обоихъ и въ концѣ родословія, потому что, какъ я прежде сказалъ, имъ даны были обѣтованія. Почему же, упомянувъ о переселеніи въ Вавилонъ, не упомянулъ о переселеніи въ Египетъ? Потому что египтянъ іудеи уже не боялись, а вавилонянъ еще трепетали, и потому что первое случилось давно, а послѣднее недавно; притомъ въ Египетъ отведены были не за грѣхи, а въ Вавилонъ за беззаконія. Если же кто пожелаетъ вникнуть въ значеніе самыхъ именъ, то и здѣсь найдетъ много предметовъ для созерцанія, много такого, что послужитъ къ объясненію новаго завѣта; таковы имена Авраама, Іакова, Соломона и Зо-

роваведя, такъ какъ имена эти даны имъ не безъ намѣренія. Но чтобы не наскучить вамъ продолжительностію, умолчимъ объ этомъ и займемся необходимымъ. Итакъ, когда евангелистъ перечислилъ всѣхъ предковъ и окончилъ Іосифомъ, онъ не остановился на этомъ, но присовокупилъ: *Іосифа мужа Маріина*, показывая, что для Маріи упоминалъ въ родословіи объ Іосифѣ. Потомъ, чтобы ты, услышавъ о мужѣ Маріи, не подумалъ, что Іисусъ родился по общему закону природы, смотри, какъ онъ устраняетъ эту мысль дальнѣйшими словами. Ты слышалъ, говоритъ онъ, о мужѣ, слышалъ о матери, слышалъ объ имени данномъ младенцу; теперь выслушай и то, какъ Онъ родился. *Іисусъ-Христово рождество сице бѣ*. Скажи мнѣ, о какомъ рожденіи говоришь ты? Ты уже сказалъ мнѣ о предкахъ. Хочу, говоритъ евангелистъ, сказать и объ образѣ рожденія. Видишь ли, какъ онъ возбудилъ вниманіе слушателя? Какъ бы намѣреваясь сказать нѣчто новое, обѣщаетъ изъяснить образъ рожденія. И замѣть, какой превосходный порядокъ въ разсказѣ. Не вдругъ сталъ говорить о 42
рожденіи, но прежде напоминаетъ намъ, которымъ былъ Христосъ (въ порядкѣ родовъ) отъ Авраама, которымъ отъ Давида и отъ переселенія въ Вавилонъ; а этимъ побуждаетъ слушателя тщательно изслѣдовать время, желая показать, что Онъ есть тотъ самый Христосъ, Который предвозвѣщенъ пророками. Въ самомъ дѣлѣ, когда исчислишь роды и по времени узнаешь, что Іисусъ есть точно Христосъ, тогда безъ затрудненія повѣришь и чуду, совершившемуся въ рожденіи. Поелику же евангелисту нужно было говорить о великомъ дѣлѣ, каково рожденіе отъ Дѣвы, то сперва, не приступая къ исчисленію времени, онъ съ намѣреніемъ затемняетъ рѣчь, упоминая о мужѣ Маріи, и даже прерываетъ повѣствованіе о рожденіи, а потомъ исчисляетъ уже лѣта, напоминая слушателю, что рожденный есть Тотъ самый, о Которомъ говорилъ патріархъ Іаковъ, что Онъ явится при оскудѣніи князей отъ Іуды, и о Которомъ пророкъ Даніилъ предвозвѣстилъ, что Онъ придетъ по истеченіи многихъ седмицъ. И если кому угодно тѣ годы, которые ангелъ опредѣлилъ Даніилу числомъ седмицъ, отъ построенія города вычислить до рожденія Іисусова, тотъ увидитъ, что время рожденія Его согласно съ предсказаніемъ. Итакъ скажи, какъ Іисусъ родился? *Обрученнѣй бывшей Матери Его Маріи*. Не сказалъ: Дѣвѣ, но просто: Матери, чтобы рѣчь была понятнѣе. Но приведя сперва слушателя въ ожиданіе услышать нѣчто обыкновенное, и удержавъ его въ этомъ ожиданіи, вдругъ изумляетъ присовокупленіемъ необыкновеннаго, говоря: *прежде даже не снитися има, обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята*. Не сказалъ: прежде пе-

жели приведена была въ домъ къ жениху, она жила уже у него въ домѣ, такъ какъ у древнихъ было обыкновеніе держать обрученныхъ по большей части въ своемъ домѣ, чему и нынѣ еще можно видѣть примѣры. И зятья Лотовы жили въ домѣ у Лота. Итакъ, и Марія жила въ одномъ домѣ съ Іосифомъ.

3. Но почему не прежде обрученія Она зачала во чревѣ? Чтобы, какъ я сказалъ еще въ началѣ, зачатіе до нѣкотораго времени оставалось тайною, и Дѣва избѣгла всякаго худого подозрѣнія. Тотъ, которому надлежало ревновать болѣе всякаго другого, не только не отсылаетъ ее отъ себя и не безчеститъ, но принимаетъ, и оказываетъ ей услуги во время беременности. Но явно, что, не будучи твердо удостовѣренъ въ зачатіи по дѣйствію Св. Духа, не сталъ бы держать ее у себя и во всемъ ей услуживать. Притомъ весьма выразительно сказалъ евангелистъ: *обрѣтеся имущи во чревѣ*,—какъ обыкновенно говорится о происшествіяхъ особенныхъ, случающихся сверхъ всякаго чаянія и неожиданныхъ. Итакъ, не простирайся далѣе, не требуй ничего больше сказаннаго, и не спрашивай: какимъ образомъ Духъ образовалъ Младенца въ Дѣвѣ? Если при естественномъ дѣйствіи невозможно объяснить способа зачатія, то какъ можно объяснить его, когда чудодѣйствовалъ Духъ? Чтобы ты не безпокоилъ евангелиста и не утруждалъ его частыми объ этомъ вопросами, онъ освободилъ себя отъ всего, наименовавъ Совершившаго чудо.
43 Ничего больше не знаю, говоритъ онъ, а знаю только, что событіе совершилось силою Духа Святаго. Пусть стыдятся тѣ, кто старается постигнуть сверхъестественное рожденіе! Если никто не можетъ изъяснить того рожденія, о которомъ есть тысячи свидѣтелей, которое за столько вѣковъ предвозвѣщено, которое было видимо и осязаемо, то до какой степени безумны тѣ, которые съ любопытствомъ изслѣдываютъ и тщательно стараются постигнуть рожденіе неизреченное? Ни Гавріилъ, ни Матѳей не могли ничего болѣе сказать, кромѣ того, что родившееся есть отъ Духа; но какъ и какимъ образомъ родилось отъ Духа, этого никто изъ нихъ не объяснилъ, потому что было невозможно. Не думай также, что ты все узналъ, когда слышишь, что Христосъ родился отъ Духа. Узнавъ и объ этомъ, мы еще многаго не знаемъ, напримѣръ: какъ невмѣстимый вмѣщается въ утробѣ? Какъ вседержащій носится во чревѣ жены? Какъ дѣва рождаетъ, и остается дѣвою? Скажи мнѣ, какъ Духъ устроилъ этотъ храмъ? Какимъ образомъ не всю плоть принялъ отъ утробы, но только часть ея, которую потомъ возрастилъ и образовалъ? А что точно произошелъ изъ плоти Дѣвы, евангелистъ ясно показалъ это словами: *рождшеебося въ ней*; и Павелъ словами: *рождаемаго отъ*

жены (Галат. IV, 4). Отъ жены, говоритъ онъ,—заграждая уста тѣмъ, которые утверждаютъ, что Христосъ прошелъ чрезъ Марію, какъ бы сквозь нѣкоторую трубу. Если это справедливо, то нужна ли была и дѣвическая утроба? Если это справедливо, то Христосъ не имѣетъ съ нами ничего общаго; напротивъ плоть Его различна съ нашею, не одинаковаго съ нею состава. И какъ же назвать Его тогда происшедшимъ отъ корене Іессеева? Жезломъ? Сыномъ человѣческимъ? Какъ и Марію назвать Матерію? Какъ сказать, что Христосъ произошелъ отъ сѣмени Давидова? Воспріялъ зракъ раба? Что *Слово плоть бысть*? Почему же Павелъ сказалъ римлянамъ: отъ *нихъ же Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ* (Рим. IX, 5)? Изъ этихъ словъ и изъ многихъ другихъ мѣстъ Писанія видно, что Христосъ произошелъ отъ насъ, изъ нашего состава, изъ дѣвической утробы; а какимъ образомъ, того не видно. Итакъ, и ты не разыскивай, но вѣрь тому, что открыто, и не старайся постигнуть того, что умолчано. *Іосифъ же мужъ ея праведенъ сый*, говоритъ евангелистъ, *и не хотя ея обличити, восхотѣ тай пустити ю* (Матѳ. I, 19). Сказавши, что (родившееся отъ Дѣвы) есть отъ Духа Святаго и безъ плотского совокупленія, онъ приводитъ на это еще новое доказательство. Иной могъ бы спросить: откуда это извѣстно? Кто видѣлъ, кто слышалъ, чтобы когда-либо случилось что-либо подобное? Но чтобы ты не подозрѣвалъ ученика, что онъ по любви къ Учителю выдумалъ это, евангелистъ вводитъ Іосифа, который тѣмъ самымъ, что въ немъ происходило, утверждаетъ въ тебѣ вѣру въ сказанное. Евангелистъ какъ бы такъ говоритъ здѣсь: ежели ты не вѣришь мнѣ и запорозриваешь мое свидѣтельство, то повѣрь мужу. *Іосифъ*, говоритъ, *мужъ ея праведенъ сый*. Здѣсь онъ называетъ праведнымъ того, кто имѣетъ всѣ добродѣтели. Хотя быть праведнымъ значитъ не присвоивать себѣ чужого; но праведностію же называется и совокупность добродѣтелей. Въ этомъ-то особенно смыслѣ Писаніе и употребляетъ слово: праведность, когда напр. говоритъ: *человѣкъ праведенъ, истиненъ* (Іов. I, 1), и еще: *бѣста оба праведна* (Лук. I, 6).

4. Итакъ Іосифъ, будучи праведнымъ, т. е. добрымъ и кроткимъ, *восхотѣ тай пустити ю*. Для того евангелистъ описываетъ случившееся еще во время незнанія Іосифова, чтобы ты 44
не сомнѣвался въ происшедшемъ по узнаніи. Хотя подозрѣваемая не только заслуживала быть опозоренною, но законъ повелѣвалъ даже наказать Ее, однако Іосифъ избавилъ Ее не только отъ большаго, но и отъ меньшаго, т. е. отъ стыда,—не только не хотѣлъ наказать, но и опозорить. Не признаешь ли въ немъ мужа мудраго, и свободнаго отъ мучительнѣйшей страсти? Вы

сами знаете, что такое ревность. Потому-то вполнѣ знавшій эту страсть сказалъ: *исполнена бо ревности ярость мужа; не пощадитъ въ день суда* (Притч. VI, 34). *И жестока яко адъ ревность* (Пѣсн. VIII, 6). И мы знаемъ многихъ, которые готовы лучше лишиться жизни, нежели быть доведенными до подозрѣнія и ревности. А здѣсь было уже не простое подозрѣніе: Марію изобличили ясные признаки беременности; и однако Іосифъ столько былъ чуждъ страсти, что не захотѣлъ причинить Дѣвѣ даже и малѣйшаго огорченія. Такъ какъ оставить Ее у себя казалось противнымъ закону, а обнаружить дѣло и представить Ее въ судъ значило предать Ее на смерть, то онъ не дѣлаетъ ни того ни другого, но поступаетъ уже выше закона. Подлинно, по пришествіи благодати, надлежало явиться многимъ знаменіямъ высокой мудрости. Какъ солнце, не показавши еще лучей, издали озаряетъ свѣтомъ большую часть вселенной, такъ и Христосъ, восходя изъ дѣвической утробы, прежде нежели явился, просвѣтилъ всю вселенную. Вотъ почему еще до рожденія Его пророки ликовали, и жены предсказывали будущее, и Іоаннъ, не выйдя еще изъ утробы, взыгрался во чревѣ. И Іосифъ показалъ здѣсь великую мудрость, не обвинялъ и не порицалъ Дѣвы, а только намѣревался отпустить Ее. Когда онъ находился въ такомъ затруднительномъ положеніи, является ангелъ и разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія. Здѣсь достойно изслѣдованія то, почему ангелъ не пришелъ прежде, пока мужъ не имѣлъ еще такихъ мыслей, но приходитъ тогда, когда онъ уже помыслилъ. *Сія ему помыслившу*, говоритъ евангелистъ, ангелъ приходитъ; между тѣмъ Дѣвѣ благовѣствуетъ еще до зачатія,—что опять приводитъ къ новому недоумѣнію. Если Іосифу не сказалъ ангелъ, то почему умолчала Дѣва, слышавшая отъ ангела, и видя жениха своего въ смущеніи, не разрѣшила его недоумѣнія? Итакъ, почему ангелъ не сказалъ Іосифу прежде его смущенія? Прежде надобно разрѣшить первый вопросъ. Почему же не сказалъ? Чтобы Іосифъ не обнаружилъ невѣрія, и съ нимъ не случилось того же, что съ Захаріею. Не трудно повѣрить дѣлу, когда оно уже предъ глазами; а когда нѣтъ и начала его, тогда слова не такъ легко могутъ быть приняты. Потому-то ангелъ и не сказалъ сначала; по той же причинѣ молчала и Дѣва. Она думала, что не увѣритъ жениха, сообщивъ о необыкновенномъ дѣлѣ, а напротивъ огорчитъ его, подавъ мысль, что прикрываетъ сдѣланное преступленіе. Если
45 сама Она, слыша о даруемой Ей такой благодати, судитъ по человѣчески и говоритъ: *како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю* (Лук. I, 34), то гораздо болѣе усумнился бы Іосифъ, особенно слыша это отъ подозрѣваемой жены.

5. Вотъ почему Дѣва вовсе не говоритъ Іосифу, а ангелъ является, когда потребовали обстоятельства. Почему же, скажутъ, не также поступлено и съ Дѣвою, почему и Ей возвѣщено не послѣ зачатія? Чтобы предохранить Ее отъ смущенія и большаго смятенія. Не зная дѣла ясно, Она естественно могла бы рѣшиться сдѣлать съ собою худое, и, не перенесши стыда, прибѣгнуть къ петлѣ или къ мечу. Поистинѣ, Дѣва была во всемъ достойна удивленія; и евангелистъ Лука, изображая Ея добродѣтель, говоритъ, что, когда услышала привѣтствіе, не вдругъ предалась радости и повѣрила сказанному, но смутилась и размышляла: *каково будетъ цѣлованіе сіе* (Лук. I, 39)? Будучи такихъ строгихъ правилъ, Дѣва могла бы отъ печали лишиться ума, представивъ стыдъ и не видя надежды, чтобы кто-нибудь повѣрилъ Ея словамъ, что Ея беременность не слѣдствіе прелюбодѣянія. Итакъ, чтобы этого не случилось, ангелъ пришелъ къ ней до зачатія. Надобно было, чтобы не знала смущенія та, въ чью утробу взошелъ Творецъ всяческихъ; чтобы свободна была отъ всякаго смятенія душа, удостоившаяся быть служительницею такихъ таинъ. Вотъ почему ангелъ возвѣщаетъ Дѣвѣ до зачатія, а Іосифу во время беременности Ея. Многіе по простотѣ и по недоразумѣнію находили разногласіе въ томъ, что ев. Лука упоминаетъ о благовѣствованіи Маріи, а св. Матѳей о благовѣствованіи Іосифу, не зная, что было то и другое. Тоже самое необходимо наблюдать и во всемъ повѣствованіи; такимъ образомъ мы рѣшимъ многія кажущіяся разногласія. Итакъ, ангелъ приходитъ къ смущенному Іосифу. Доселѣ явленія не было какъ по сказанной выше причинѣ, такъ и для того, чтобы обнаружилось любомудріе Іосифа. А когда дѣло приблизилось къ исполненію, ангелъ, наконецъ, является. *Сія же ему помыслившу, ангелъ во снѣ* является Іосифу. Примѣчаешь ли кротость этого мужа? Не только не наказалъ, но и не сказалъ никому, даже самой подозрѣваемой, а размышлялъ только съ собою, и отъ самой Дѣвы старался скрыть причину смущенія. Не сказалъ евангелистъ, что Іосифъ хотѣлъ Ее выгнать, но—отпустить: такъ онъ былъ кротокъ и скроменъ! *Сія же ему помыслившу*, ангелъ является во снѣ. Почему же не наяву, какъ является пастырямъ, Захаріи и Дѣвѣ? Іосифъ имѣлъ много вѣры; для него не нужно было такого явленія. Для Дѣвы нужно было необыкновенное явленіе прежде событія, потому что благовѣствуемое было весьма важно, важнѣе, нежели благовѣствуемое Захаріи; а для пастырей нужно было явленіе, потому что это были люди простые. Іосифъ получаетъ откровеніе по зачатіи, когда душа его объята уже была худымъ подозрѣніемъ, и вмѣстѣ готова перейти къ

благимъ надеждамъ, если бы только явился кто-нибудь и ука-
46 залъ удобный къ тому путь. Для того благовѣствуется послѣ зародившагося подозрѣнія, чтобы это самое послужило доказательствомъ сказаннаго ему. О чемъ никому не говорилъ, но только помыслилъ въ умѣ, о томъ услышать отъ ангела служило несомнѣннымъ признакомъ, что ангелъ пришелъ и говоритъ отъ Бога, потому что одному Богу свойственно знать сердечныя тайны. Видишь, сколько достигается цѣлей! Обнаруживается любомудріе Іосифа; благовременность сказаннаго помогаетъ ему въ вѣрѣ; самое повѣствованіе дѣлается несомнѣннымъ, такъ какъ показываетъ, что Іосифъ былъ точно въ такомъ положеніи, въ какомъ слѣдовало быть.

6. Какимъ же образомъ ангелъ увѣряетъ его? Послушай и подивись мудрости того, что сказано. Пришедши, ангелъ говоритъ ему: *Іосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамъ жены твоея*. Тотчасъ приводитъ ему на память Давида, отъ котораго долженъ былъ произойти Христосъ, и не даетъ оставаться ему въ смущеніи, наименованіемъ предковъ напомнивъ объ обѣтованіи, данномъ всему роду. Иначе, для чего бы его называть сыномъ Давидовымъ? *Не убойся*. Въ другихъ случаяхъ Богъ поступаетъ не такъ; и когда нѣкто противъ супруги Авраамовой умышлялъ, чего не должно, Богъ употребилъ сильнѣйшія выраженія и угрозу, хотя и тамъ причиною было невѣдѣніе. Фараонъ взялъ къ себѣ Сарру по незнанію, однакожъ Богъ привелъ его въ страхъ. Но здѣсь Богъ поступаетъ снисходительнѣе потому, что совершалось дѣло весьма важное, и большая была разность между фараономъ и Іосифомъ, почему и не нужно было угрозъ. Сказавши же: *не убойся*, показываетъ, что Іосифъ боялся оскорбить Бога, держа въ домѣ подозрѣваемую въ прелюбодѣйствѣ, потому что, если бы этого не было, онъ и не подумалъ бы Ее отпускать. Итакъ, изъ всего открывается, что ангелъ пришелъ отъ Бога, обнаруживая и пересказывая все, о чемъ Іосифъ размышлялъ, и чѣмъ былъ встревоженъ умъ его. Изрекши же имя Дѣвы, ангелъ не остановился на этомъ, но присовокупилъ: *жены твоея*, какимъ именемъ не назвалъ бы, если бы Ея дѣвство было растлѣно. Женою же называетъ здѣсь обрученную: такъ обыкновенно Писаніе обрученныхъ еще до брака называетъ зятьями. Что же значитъ: *пріяти?* Удержать у себя въ домѣ, потому что Іосифъ мысленно уже отпустилъ Дѣву. Эту-то отпущенную, говоритъ ангелъ, удержи у себя; ее поручаетъ тебѣ Богъ, а не родители. Поручаетъ же ее не для брака, но чтобы жить вмѣстѣ; вручаетъ, объявляя о томъ чрезъ меня. Какъ Христосъ послѣ поручилъ Ее ученику, такъ нынѣ поручается Она Іосифу. Потомъ

ангелъ, намекнувъ о причинѣ своего явленія, умолчалъ о худомъ
Іосифовомъ подозрѣніи; а между тѣмъ уничтожилъ его скромнѣе
и благопристойнѣе, изъяснивъ причину зачатія и показавъ, что
потому самому, почему Іосифъ опасался и хотѣлъ Ее отпустить,
онъ долженъ принять и удержать Ее у себя, и, такимъ образомъ,
совершенно освободилъ его отъ безпокойства. Она не только
чиста отъ беззаконнаго смѣшенія, говоритъ ангелъ, но и зачала
во чревѣ сверхъестественнымъ образомъ. Потому не только
отложи страхъ, но еще возрадуйся: *рождшееся въ ней, отъ Духа
есть Свята*. Странное дѣло, превосходящее человѣческое разу-
мѣніе и превышающее законы природы! Чѣмъ увѣрится въ семъ 47
Іосифъ, не слыхавшій о таковыхъ событіяхъ? Открытіемъ про-
шедшаго, говоритъ ангелъ. Для того онъ и обнаружилъ все, что
происходило въ умѣ Іосифовомъ, чѣмъ былъ онъ возмущенъ,
чего боялся и на что рѣшался, чтобы чрезъ это увѣрить и въ
томъ. Справедливѣе же сказать, ангелъ увѣряетъ Іосифа не
только прошедшимъ, но и будущимъ. *Родитъ же*, говоритъ онъ,
Сына, и наречеши имя Ему Іисусъ (ст. 21). Хотя родившееся есть
отъ Духа Святаго, но не думай о себѣ, что ты устраненъ отъ
служенія при воплощеніи. Хотя ты не содѣйствуешь къ рожде-
нію, и Дѣва пребыла неприкосновенною, однакожъ, что принад-
лежитъ отцу, то, не вредя достоинству дѣвства, предоставляю
тебѣ, то есть, ты дашь имя рождаемому,—ты *наречеши имя Ему*.
Хотя Онъ не твой сынъ, но ты будь Ему вмѣсто отца. Итакъ,
начиная съ нареченія имени, усвояю тебя рождаемому. Потомъ,
чтобы кто-либо отсюда не заключилъ, что Іосифъ есть отецъ,
послушай, съ какою осторожностію говоритъ ангелъ далѣе. *Родитъ
бо*, говоритъ онъ, *сына*. Не сказалъ: родитъ тебѣ, но выразился
неопредѣленно: родитъ, такъ какъ Марія родила не ему, но цѣлой
вселенной.

7. Для того и имя принесено ангеломъ съ небесъ, чтобы показать, что чудно рождаемое, потому что самъ Богъ свыше посылаетъ имя чрезъ ангела Іосифу. Поистинѣ, это не просто было имя, но сокровище безчисленныхъ благъ. Потому ангелъ и объясняетъ его, внушаетъ благія надежды, и тѣмъ приводитъ Іосифа къ вѣрѣ. Мы обыкновенно склоннѣе къ благимъ надеждамъ, а потому и охотнѣе имъ вѣримъ. Итакъ, всѣмъ утвердивъ Іосифа въ вѣрѣ, — и прошедшимъ, и будущимъ, и настоящимъ, и честію, ему оказанною,—ангелъ кстати приводитъ слова пророка, который все то подтверждаетъ. Но, не приведя еще словъ его, возвѣщаетъ о благахъ, какія чрезъ рожденнаго дарованы будутъ міру. Какія же это блага? Освобожденіе отъ грѣховъ, и уничтоженіе ихъ. *Той бо*, говоритъ ангелъ, *спасетъ люди Своя отъ*

грѣхъ ихъ. И здѣсь возвѣщается нѣчто чудное; благовѣствуется освобожденіе не отъ чувственныхъ браней, не отъ варваровъ, но—что гораздо важнѣе—освобожденіе отъ грѣховъ, отъ которыхъ прежде никто не могъ освобождать. Для чего же, спросятъ, сказалъ: *люди Своя*, а не присовокупилъ—и язычниковъ? Чтобы не изумить вдругъ слушателя. Разумному слушателю онъ далъ разумѣть и о язычникахъ, потому что люди Его, суть не одни іудеи, но и всѣ приходящіе и пріемлющіе отъ Него познаніе. Смотри же, какъ открылъ намъ и достоинство Его, назвавши іудейскій народъ людьми Его. Этимъ ангелъ показываетъ то именно, что рождающійся есть Сынъ Божій, и что онъ говоритъ о горнемъ Царѣ, такъ какъ, кромѣ этого единаго Существа, никакая
48 другая сила не можетъ отпускать грѣхи. Итакъ, получивъ таковой даръ, приемемъ всѣ мѣры, чтобы не поругать столь великаго благодѣянія. Если наши грѣхи достойны были наказанія и прежде такой чести, то тѣмъ болѣе достойны послѣ такого неизреченнаго благодѣянія.

И это говорю теперь не безъ причины. Я вижу, что многіе послѣ крещенія живутъ небрежнѣе некрестившихся, и даже не имѣютъ никакого признака христіанской жизни. Потому-то ни на торжищѣ, ни въ Церкви, не скоро различишь, кто вѣрующій, и кто невѣрующій; развѣ только при совершеніи таинствъ можешь увидѣть, что одни бываютъ высылаемы, а другіе остаются въ храмѣ. Между тѣмъ слѣдовало бы отличаться не по мѣсту, а по нраву. Достоинства внѣшнія обыкновенно познаются по внѣшнимъ признакамъ, а наши достоинства надобно распознавать по душѣ. Вѣрующій долженъ быть видѣнъ не только по дару, но и по новой жизни. Вѣрующій долженъ быть свѣтильникомъ для міра и солію. А если ты самому себѣ не свѣтишь, не предотвращаешь собственной гнилости, то почему намъ узнать тебя? Потому ли, что ты погружался въ священныя воды? Но это можетъ довести тебя до наказанія. Величіе почести для нежелающихъ жить сообразно этой почести увеличиваетъ казнь. Вѣрующій долженъ блистать не тѣмъ однимъ, что получилъ отъ Бога, но и тѣмъ, что ему собственно принадлежитъ; надобно, чтобы онъ по всему былъ видѣнъ—и по поступи, и по взору, и по виду, и по голосу. Говорю объ этомъ для того, чтобъ намъ наблюдать благоприличіе не для показа, а для пользы тѣхъ, кто смотритъ на насъ. А теперь, съ которой стороны ни стараюсь распознать тебя, вездѣ нахожу тебя въ противоположномъ состояніи. Хочу ли заключить о тебѣ по мѣсту,—вижу тебя на конскихъ ристалищахъ, на зрѣлищахъ, вижу, что ты проводишь дни въ беззаконіяхъ, въ худыхъ сходбищахъ, на рынкѣ, въ сообществѣ съ

людьми развратными. Хочу ли заключать о тебѣ по виду твоего лица,—вижу, что ты непрестанно смѣешься и разсѣянъ, подобно развратной блудницѣ, у которой никогда не закрывается ротъ. Стану ли судить о тебѣ по одеждѣ,—вижу, что ты наряженъ ничѣмъ не лучше комедіанта. Стану ли судить о тебѣ по спутникамъ твоимъ,—вижу, что ты водишь за собою тунеядцевъ и льстецовъ. Стану ли судить о тебѣ по словамъ,—слышу, что ты не произносишь ничего здраваго, дѣльнаго, полезнаго для нашей жизни. Буду ли судить о тебѣ по твоему столу,—здѣсь открывается еще болѣе причинъ къ осужденію.

8. Итакъ, скажи мнѣ, почему могу узнать, что ты вѣрный, когда все исчисленное мною увѣряетъ въ противномъ? И что говорю—вѣрный? Даже человѣкъ ли ты, и того не могу узнать доподлинно. Когда лягаешься, какъ оселъ; скачешь какъ волъ; ржешь на женщинъ, какъ конь; объѣдаешься, какъ медвѣдь; утучняешь плоть, какъ лошакъ; злопамятенъ, какъ верблюдъ; хищенъ, какъ волкъ; сердитъ, какъ змѣя; язвителенъ, какъ скорпіонъ; коваренъ, какъ лисица; хранишь въ себѣ ядъ злобы, какъ аспидъ и эхидна; враждуешь на братьевъ, какъ лукавый демонъ,—
какъ могу счесть тебя человѣкомъ, не видя въ тебѣ признаковъ 49
естества человѣческаго? Ища различія между оглашеннымъ и вѣрнымъ, подвергаюсь опасности не найти различія даже между человѣкомъ и звѣремъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, назову тебя звѣремъ? Вѣдь у каждаго звѣря какой-нибудь одинъ изъ этихъ пороковъ. А ты, совокупивъ въ себѣ всѣ пороки, далеко превосходишь и ихъ своимъ неразуміемъ. Назову ли тебя бѣсомъ? Но бѣсъ не служитъ мучительству чрева, не любитъ денегъ. А когда въ тебѣ больше пороковъ, нежели въ звѣряхъ и бѣсахъ, скажи мнѣ, какъ можно назвать тебя человѣкомъ? Если же нельзя назвать тебя человѣкомъ, то какъ наименуемъ тебя вѣрнымъ? А что всего печальнѣе, находясь въ столь худомъ состояніи, мы и не помышляемъ о безобразіи души своей, не имѣемъ и понятія объ ея гнусности. Когда ты сидишь у брадобрѣя и стрижешь волосы, то, взявши зеркало, со всѣмъ вниманіемъ разсматриваешь прическу волосъ, спрашиваешь близъ стоящихъ, и того, кто стригъ, хорошо ли они лежатъ у тебя на лбу? Будучи старикомъ, часто не стыдишься до неистовства предаваться юношескимъ мечтамъ. А того, что душа наша не только безобразна, но даже звѣрообразна, и стала сциллою или химерою, упоминаемыми въ языческомъ баснословіи, нимало не чувствуемъ, хотя и здѣсь есть духовное зеркало, которое гораздо лучше и полезнѣе вещественнаго, потому что не только показываетъ безобразіе, но даже, если захотимъ, превращаетъ его въ несравненную красоту.

Такимъ зеркаломъ служитъ память о добрыхъ мужахъ, и повѣствованіе о ихъ блаженной жизни, чтеніе Писанія, законы отъ Бога данные. Если захочешь однажды посмотрѣть на изображенія тѣхъ святыхъ, увидишь гнусность своего сердца; а увидѣвъ, ни въ чемъ другомъ не будешь имѣть уже нужды, чтобы избавиться отъ своего безобразія. Вотъ для чего и полезно намъ это зеркало; оно дѣлаетъ удобнымъ превращеніе. Итакъ, никто не оставайся въ образѣ безсловесныхъ. Если рабъ не входитъ въ домъ отца, то какъ ты можешь вступить въ преддверія дома, будучи звѣремъ? И что говорю—звѣремъ? Такой человѣкъ хуже всякаго звѣря. Звѣрь, хотя по природѣ дикъ, но часто посредствомъ человѣческаго искусства дѣлается кроткимъ. А ты, который природное ихъ звѣрство превращаешь въ несвойственную имъ по природѣ кротость, какое извиненіе будешь имѣть, когда свою природную кротость превращаешь въ неестественное звѣрство? Дикаго по природѣ дѣлаешь смирнымъ; а себя, по природѣ смирнаго, противъ природы обращаешь въ дикаго? Льва укрощаешь и дѣлаешь ручнымъ; а своему гнѣву попускаешь быть неукротимѣе льва? Въ первомъ случаѣ встрѣчаются два затрудненія: то, что звѣрь лишенъ разума, и то, что онъ всѣхъ сердитѣе; и однако ты, по избытку мудрости, данной тебѣ отъ Бога, преодолѣваешь и природу. Какъ же ты, въ звѣряхъ пре-
50 побѣждающій природу, въ себѣ самомъ измѣняешь и природѣ и совершенству воли? Если бы я велѣлъ тебѣ сдѣлать кроткимъ другого человѣка, ты не счелъ бы моего приказа невозможнымъ, хотя и могъ бы мнѣ возразить, что ты не господинъ чужой воли, и что не все отъ тебя зависитъ. Но теперь велю тебѣ укротить собственнаго твоего звѣря, надъ которымъ ты полный господинъ.

9. Итакъ, чѣмъ оправдаешься въ томъ, что не владѣешь природою? Какое можешь представить благовидное извиненіе въ томъ, что изъ льва дѣлаешь человѣка, а о себѣ не заботишься, когда изъ человѣка дѣлаешься львомъ; ему сообщаешь свойства выше его природы, а въ себѣ не сохраняешь и естественныхъ? Дикихъ звѣрей стараешься довести до одинакого съ нами благородства, а себя самого низвергаешь съ царскаго престола, и доходишь до звѣрскаго неистовства? Представь себѣ, если хочешь, что и гнѣвъ есть звѣрь, и сколько другіе стараются надъ обученіемъ львовъ, столько покажи старанія надъ собою, и необузданный умъ свой содѣлай тихимъ и кроткимъ; вѣдь гнѣвъ имѣетъ столь страшные зубы и когти, что истребитъ все, если не укротишь его. Даже левъ и ехидна не могутъ терзать внутренностей съ такою жестокостію, какъ гнѣвъ непрестанно терзаетъ желѣзными когтями. Онъ не только вредитъ тѣлу, но разстраиваетъ

самое здравіе души, поядая, терзая, раздробляя всю силу ея, и дѣлая ее ни къ чему неспособною. У кого внутри завелись черви, тотъ не можетъ дышать, потому что всѣ внутренности его изъѣдены. Какъ же мы можемъ породить что-нибудь благородное, нося внутри себя такого змія,—разумѣю гнѣвъ,—снѣдающаго внутренности наши? Какимъ образомъ избавимся отъ этой язвы? Если будемъ употреблять питіе, которое можетъ умертвить внутреннихъ червей и змѣй. Но какое питіе, спросишь, имѣетъ такую силу? Честная кровь Христова, если съ упованіемъ пріемлется. Она можетъ уврачевать всякую болѣзнь. Затѣмъ, внимательное слушаніе божественныхъ Писаній, и присоединяемая къ тому милостыня. Всѣми этими средствами могутъ быть умерщвлены страсти, разслабляющія нашу душу. И тогда только будемъ жить, а теперь мы ничѣмъ не лучше мертвыхъ. Когда живы страсти, намъ невозможно жить, но необходимо должно погибнуть. Если не успѣемъ умертвить ихъ здѣсь, то онѣ умертвятъ насъ тамъ. Вѣрнѣе же сказать, еще здѣсь прежде той смерти подвергнутъ насъ жесточайшему наказанію. Каждая изъ этихъ страстей жестока, мучительна, ненасытна, и каждый день поядая насъ, ничѣмъ не удовлетворяется. Зубы ихъ—зубы львиные, и даже страшнѣе львиныхъ. Когда левъ сытъ, тотчасъ оставляетъ попавшееся ему тѣло. А страсти никогда не насыщаются и не отстаютъ, доколѣ уловленнаго ими человѣка не увлекутъ къ діаволу. Такова сила страстей, что онѣ требуютъ отъ плѣнниковъ своихъ такого же рабства, въ какое предался Христу Павелъ, презиравшій для Него и геенну и царство. Тотъ, кто впадаетъ 51
въ плотскую ли любовь, или сребролюбіе, или честолюбіе, начинаетъ уже смѣяться надъ геенною и презирать царство, только бы исполнить ему волю тѣхъ страстей. Итакъ, повѣримъ Павлу въ томъ, что онъ столько любилъ Христа. Когда есть люди въ такой же степени раболѣпствующіе страстямъ, что же невѣроятнаго въ любви Павловой? Потому и слабѣе наша любовь ко Христу, что вся наша сила истощается на любовь порочную, и мы хищники, сребролюбцы, рабы суетной славы. А что можетъ быть ничтожнѣе этой славы? Если сдѣлаешься и въ тысячу разъ знатнѣе, ничѣмъ не лучше будешь людей неизвѣстныхъ. Напротивъ чрезъ это самое сдѣлаешься даже безчестнѣе. Когда тѣ, которые тебя прославляютъ и выставляютъ знаменитымъ, смѣются надъ тобою за то самое, что ты желаешь отъ нихъ славы, то твое усердіе не произведетъ ли противнаго твоему желанію?

10. Эти люди поступаютъ какъ обличители. Кто хвалитъ преданнаго прелюбодѣянію или блуду и льститъ ему, тотъ этимъ самымъ болѣе обличаетъ, нежели хвалитъ похотника.

Равнымъ образомъ, если всѣ мы хвалимъ пристрастнаго къ славѣ, то болѣе обличаемъ, нежели хвалимъ славолюбиваго. Итакъ, для чего же ты много заботишься о такомъ дѣлѣ, котораго слѣдствія всегда противны твоей цѣли? Если хочешь прославиться, презирай славу, и будешь славнѣе всѣхъ. Для чего тебѣ подвергаться тому же, что случилось съ Навуходоносоромъ? Онъ поставилъ статую, думая получить еще бóльшую славу отъ дерева и безчувственнаго изображенія, имѣющій жизнь хотѣлъ прославиться чрезъ то, что не имѣетъ жизни. Видишь ли крайнее безуміе? Думая почтить себя, онъ болѣе обезчестилъ, показавъ, что болѣе надѣется на бездушную вещь, нежели на самого себя и на живую душу свою,—почему и воздалъ такое предпочтеніе дереву. Не достоинъ ли онъ посмѣянія за то, что ищетъ себѣ похвалы не въ нравахъ, а въ доскахъ? Это все равно, какъ если бы кто вздумалъ больше хвалиться поломъ въ домѣ, или красивою лѣстницею, нежели тѣмъ, что онъ человѣкъ. Между тѣмъ и изъ насъ многіе подражаютъ нынѣ Навуходоносору. Какъ онъ своимъ изображеніемъ, такъ изъ насъ иные думаютъ удивлять одеждами, другіе домомъ, лошаками, колесницами, колоннами, находящимися въ домахъ ихъ. Погубивши въ себѣ достоинство человѣка, они ходятъ и ищутъ себѣ совсѣмъ смѣшной славы въ другихъ предметахъ. Знаменитые и и великіе слуги Божіи не этимъ просіяли, но чѣмъ надлежало. Они были и плѣнники, и рабы, и юноши, и чужестранцы; не имѣли у себя ничего собственнаго, но оказались гораздо почтеннѣе того, кто всѣмъ изобилуетъ. Ни огромная статуя, ни вельможи, ни вожди, ни безчисленныя войска, ни множество
52 золота, ни вся пышность не могли удовлетворить страсти Навуходоносора показать себя великимъ. А для слугъ Божіихъ, лишенныхъ всего, довольно было одного любомудрія. Не имѣя у себя ничего, они оказались столько же блистательнѣе носящаго діадему и порфиру и обладающаго всѣмъ, сколько солнце блистательнѣе жемчужины. На позоръ цѣлаго міра приведены были юноши, плѣнные рабы, и едва появились, какъ глаза царевы засверкали огнемъ, окружили ихъ вожди, правители, чиновники и все сонмище бѣсовское; отовсюду звукъ флейтъ, трубъ и всякихъ музыкальныхъ орудій, несясь до небесъ, огласилъ слухъ ихъ. Пещь пылала до безмѣрной высоты, и пламя ея касалось самыхъ облаковъ; все было исполнено страха и ужаса. Но юношей ничто не устрашало. Напротивъ, посмѣявшись, какъ надъ дѣтскою игрою, они показали мужество и кротость, и громогласнѣе тѣхъ трубъ взывали: *вѣдомо да будетъ тебѣ, царю* (Дан. III, 18)! Они и словомъ не хотѣли оскорбить мучителя, а желали только показать

свое благочестіе. Потому не стали распространяться и въ словахъ, но все выразили кратко: *есть*, говорятъ они, *Богъ* на небеси, *силенъ изъяти насъ* (ст. 17). Для чего выставляешь передъ нами множество народа? Что намъ пещь? Къ чему острые мечи, страшные копьеносцы? Нашъ Владыка выше и сильнѣе всего этого. Потомъ, подумавши, что можетъ быть Богу такъ угодно, и Онъ попустилъ имъ быть сожженными,—чтобы и въ такомъ случаѣ не назвали ихъ лжецами, они въ заключеніе присовокупили: *аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, яко богомъ твоимъ не служимъ*.

11. Если бы они, предположивъ, что Богъ дѣйствительно ихъ не избавитъ, сказали, что Онъ не избавляетъ за грѣхи, то имъ не повѣрили бы. Поэтому они предъ царемъ о грѣхахъ умалчиваютъ, а говорятъ о томъ въ пещи; тамъ вспоминаютъ всѣ грѣхи свои. Предъ царемъ же ничего подобнаго не произносятъ, а только то, что они не измѣнятъ благочестію, хотя бы имъ надлежало сгорѣть. Не для наградъ и воздаяній, но изъ одной любви дѣлали они все, что ни дѣлали; не смотря на то, что были въ плѣну и рабствѣ, не пользовались никакими благами, лишились отечества, свободы и всего имущества. Не говори мнѣ о почестяхъ, какія даны имъ при царскомъ дворѣ. Святые и праведные юноши въ тысячу разъ охотнѣе согласились бы собирать милостыню въ своемъ отечествѣ, и наслаждаться красотою храма, какъ говоритъ Давидъ: *изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ*; и: *лучше день единъ во дворѣхъ Твоихъ, паче тысящъ* (Псал. LXXXIII, 11). Въ тысячу разъ охотнѣе согласились бы они быть послѣдними въ своемъ отечествѣ, нежели царствовать въ Вавилонѣ. Это видно изъ того, что говорятъ они въ пещи о тягостяхъ пребыванія въ Вавилонѣ. Хотя сами они и пользовались великими поче- 58
стями, но, видя бѣдствія другихъ, жестоко терзались. Таково преимущественное свойство святыхъ — ни славы, ни чести и ничего другого не предпочитать спасенію ближнихъ. Смотри, какъ они въ пещи молились за весь народъ. А мы и при покойной жизни не помнимъ о братіяхъ. Равнымъ образомъ, когда они старались объяснить и сны, они имѣли въ виду не свою пользу, но пользу многихъ. Что они презирали смерть, это они доказали впослѣдствіи многими опытами. Они на все готовы, только бы умилостивить Бога. Поелику же признаютъ себя къ тому неспособными, то прибѣгаютъ къ отцамъ, и говорятъ, что сами ничего не могутъ принести, кромѣ сокрушеннаго духа. Будемъ и мы подражать имъ. Вѣдь и предъ нами стоитъ золотой образъ, мучительская власть мамоны. Но не будемъ внимать тимпанамъ, трубамъ, арфамъ и другимъ пре-

лестямъ богатства; и хотя бы надлежало впасть въ пещь нищеты, предпочтемъ эту нищету, только бы не поклониться идолу,—и будетъ роса среди пещи шумящая. Итакъ, не убоимся, слыша о пещи нищеты. И тогда вверженные въ пещь стали блистательны, а поклонившіеся идолу убиты. Но тогда все произошло въ одно время, а теперь одно исполняется здѣсь, а другое въ будущей жизни, иное же и здѣсь, и тамъ. Избравшіе нищету, чтобы не кланяться мамонѣ, будутъ сіять и здѣсь и тамъ; а неправедно обогащающіеся здѣсь понесутъ тамъ жесточайшее наказаніе. Изъ этой пещи вышелъ и Лазарь, блистая не менѣе трехъ отроковъ; а богачъ, принадлежа къ числу покланявшихся идолу, осужденъ на мученіе въ геепнѣ. Одно служитъ образомъ другого. Какъ здѣсь вверженные въ пещь ничего не потерпѣли, а стоявшіе внѣ мгновенно были сожжены, такъ будетъ и тогда. Святые, переходя огненную рѣку, не почувствуютъ ничего непріятнаго, но будутъ казаться радующимися; а покланявшіеся идолу увидятъ, что огонь нападаетъ на нихъ свирѣпѣе всякаго звѣря и увлекаетъ ихъ въ геенну. Если кто не вѣритъ, что есть геенна, тотъ, видя халдейскую пещь, пусть чрезъ настоящее увѣрится въ будущемъ, и убоится не пещи нищеты, но пещи грѣха. Грѣхъ есть пламень и мученіе, а нищета—роса и прохлада. Въ грѣховной пещи предстоитъ діаволъ, а въ пещи нищеты—ангелы, отражающіе пламень.

12. Пусть внимаютъ этому богачи, возжигающіе пламень нищеты! Бѣднымъ не сдѣлаютъ они никакого вреда, потому что на нихъ сходитъ роса; а самихъ себя сдѣлаютъ жертвою пламени, который зажгли собственными руками. Тогда ангелъ
54 сошелъ къ тремъ отрокамъ, а нынѣ мы сойдемъ къ находящимся въ пещи нищеты, и милостынею произведемъ росу, отразимъ пламень,—чтобы и намъ вмѣстѣ съ ними получить вѣнцы, чтобы и для насъ разсѣялся пламень геенскій отъ гласа Христова: вы видѣли Меня жаждущаго, и напоили (Матѳ. xxv, 37). Этотъ гласъ будетъ тогда для насъ росою, шумящею посреди пламени. Итакъ, сойдемъ съ милостынею въ пещь бѣдности, посмотримъ на любомудрыхъ, ходящихъ въ ней и попирающихъ угли; посмотримъ на чудо новое и странное, на человѣка въ пещи поющаго, на человѣка въ огнѣ благодарящаго, связаннаго крайнею нищетою и воздающаго великія хвалы Христу. Кто съ благодареніемъ переноситъ нищету, тотъ равенъ тремъ отрокамъ, потому что бѣдность страшнѣе огня, и обыкновенно сильнѣе опаляетъ. Однако, отроковъ не опалилъ пламень, и узы ихъ разрѣшились мгновенно, лишь только они принесли благодареніе Господу. Такъ и теперь: если ты, впавъ въ бѣдность,

будешь благодарить, то и узы разрѣшатся, и пламень угаснетъ. А если не угаснетъ, то совершится еще большее чудо—пламень сдѣлается источникомъ, какъ случилось и тогда. Посреди пещи они прохлаждались чистою росою, которая хотя не угасила пламени, но препятствовала огню жечь вверженныхъ туда. То же можно примѣтить и въ любомудрыхъ: и они въ нищетѣ болѣе свободны отъ страха, нежели богатые. Итакъ, не будемъ стоять внѣ пещи, то есть, не имѣя милосердія къ нищимъ,—чтобы не потерпѣть намъ того же, что случилось тогда съ бывшими около пещи. Если ты сойдешь къ отрокамъ и станешь съ ними, то огонь не причинитъ тебѣ никакого зла; а если станешь вверху и будешь смотрѣть на тѣхъ, которые находятся въ огнѣ нищеты, то пламень сожжетъ тебя. Итакъ, сойди въ огонь, чтобы не сгорѣть отъ огня. Не стой внѣ огня, чтобы не увлекъ тебя пламень. Если огонь застигаетъ тебя вмѣстѣ съ бѣдными, то устранится отъ тебя; а если увидитъ тебя чуждающимся ихъ, въ ту же минуту нападетъ на тебя и увлечетъ тебя. Итакъ, не отходи отъ тѣхъ, которые ввержены, и когда діаволъ непоклоняющихся злату велитъ ввергнуть въ пещь нищеты, то будь въ числѣ не ввергающихъ, а ввергаемыхъ, чтобы быть тебѣ въ числѣ спасаемыхъ, а не сожигаемыхъ. Не покоряться страсти сребролюбія и жить въ сообществѣ съ бѣдными — это самая обильная роса. Кто попралъ страсть къ богатству, тотъ всѣхъ богаче. Какъ отроки, презрѣвшіе тогда царя, сдѣлались блистательнѣе царя, такъ и ты, если презришь все мірское, будешь драгоцѣннѣе цѣлаго міра, подобно тѣмъ святымъ, *ихже не бѣ достоинъ міръ* (Евр. xi, 38). Итакъ, чтобы тебѣ сдѣлаться достойнымъ небеснаго, презирай настоящее. Тогда и здѣсь получишь большую славу, и насладишься будущими благами, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

Сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ глаголющимъ: се дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ (Матѳ. i, 22, 23).

1. Многіе, какъ я слышу, говорятъ: когда бываемъ здѣсь 55
(въ храмѣ), и слышанное принимаемъ къ сердцу, тогда приходимъ въ себя, а лишь только удалимся отсюда, становимся опять другими, и огонь ревности въ насъ гаснетъ. Что же намъ

сдѣлать, чтобы этого не было? Посмотримъ, отчего это происходитъ. Итакъ, отчего бываетъ съ нами такая перемѣна? Оттого, что занимаемся, чѣмъ не слѣдуетъ, и проводимъ время съ худыми людьми. По выходѣ изъ церкви не надлежало бы намъ приниматься за дѣла непристойныя церкви; но, пришедши домой, надобно было бы сейчасъ же взять книгу, и вмѣстѣ съ женою и дѣтьми привести на память, что было говорено; потомъ уже приступать къ дѣламъ житейскимъ. Если, вышедши изъ бани, ты предпочитаешь не ходить на рынокъ, чтобы тамъ въ хлопотахъ не лишиться пользы отъ бани, то тѣмъ болѣе ты долженъ поступать такъ по выходѣ изъ церкви. А мы поступаемъ напротивъ, и отъ того теряемъ все. Еще не утвердится въ насъ совершенно то, что было полезнаго въ сказанномъ, какъ сильный потокъ житейскихъ дѣлъ, устремляясь на насъ, все уноситъ съ собой и оставляетъ пустоту. Итакъ, чтобы этого не было, по выходѣ изъ церкви почитай нужнѣйшимъ для себя дѣломъ привести на память, что было тебѣ сказано. Да и слишкомъ было бы неразумно—на дѣла житейскія употреблять пять или шесть дней, а на дѣла духовныя не удѣлить и одного дня, или даже малой части дня. Не видите ли, какъ наши дѣти цѣлый день занимаются уроками, какіе имъ заданы? То же самое будемъ дѣлать и мы. Иначе не будетъ для насъ никакой пользы ходить сюда, потому что, не прилагая такого же попеченія о соблюденіи сказаннаго намъ, какое показываемъ въ сбереженіи золота и серебра, каждый день будемъ черпать въ разбитый сосудъ. Пріобрѣтшій нѣсколько динаріевъ прячетъ ихъ въ мѣшокъ и накладываетъ печать; а мы, принявши ученіе, которое многоцѣннѣе и золота и дорогихъ камней, пріобрѣтши сокровища Духа, не скрываемъ ихъ въ хранилищѣ души, и съ крайнею небрежностью даемъ имъ вытекать изъ нашего сердца. Кто же послѣ этого пожалѣетъ объ насъ, когда сами себѣ причиняемъ вредъ и ввергаемъ себя въ такую бѣдность? Итакъ, во избѣжаніе этого, и для самихъ себя, и для нашихъ женъ и дѣтей, поставимъ непремѣннымъ закономъ—этотъ одинъ день въ недѣлѣ посвящать весь слушанію и припоминанію того, что мы слышали. Въ такомъ случаѣ будемъ сюда приходить съ большею готовностію принимать, что будетъ говорено. И для насъ меньше будетъ труда, и для васъ больше пользы, когда станете слушать дальнѣйшее, содержа въ памяти прежде сказанное. Это не мало
56 будетъ способствовать къ уразумѣнію того, что говорится,—если именно вы будете хорошо знать порядокъ мыслей, которыя мы предлагаемъ вамъ въ связи. Такъ какъ невозможно высказать всего въ одинъ день, то старайтесь сохранить въ памяти, что вамъ

предлагается въ разные дни, составляйте изъ этого какъ бы одну цѣпь, и облагайте ею душу, чтобы такимъ образомъ вышло цѣлое тѣло Писаній. Поэтому и теперь, припомнивъ недавно сказанное, приступимъ къ тому, о чемъ слѣдуетъ говорить.

2. Но о чемъ же слѣдуетъ теперь говорить? *Сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ глаголющимъ.* Достойно чуда и достойно самого себя воскликнулъ ангелъ, говоря: *сіе же все бысть.* Онъ видѣлъ море и бездну человѣколюбія Божія; видѣлъ явленнымъ на дѣлѣ то, осуществленія чего никогда нельзя было и ожидать; видѣлъ, какъ законы природы нарушились, примиреніе совершилось,—Превысшій всѣхъ нисходитъ къ тому, кто всѣхъ ничтожнѣе, средостѣніе рушится, преграды упраздняются; видѣлъ еще и больше того—и въ немногихъ словахъ выразилъ чудо: *сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа.* Не думай, говоритъ онъ, будто это нынѣ только опредѣлено; это въ древности было предобразовано, — какъ то и Павелъ старался вездѣ показать. Затѣмъ, (ангелъ) отсылаетъ Іосифа къ Исаіи, чтобы, пробудившись, если и забудетъ его слова, какъ совершенно новыя, будучи вскормленъ Писаніемъ, вспомнилъ слова пророческія, а вмѣстѣ съ ними привелъ на память и его слова. Онъ не сказалъ этого женѣ, потому что она, какъ отроковица, была еще неопытна; а предлагаетъ пророчество мужу, какъ человѣку праведному, который углублялся въ писанія пророковъ. И сперва говоритъ онъ Іосифу: *Маріамъ жену твою;* а теперь, приводя слова пророка, ввѣряетъ ему тайну, что она Дѣва. Іосифъ не такъ скоро успокоился бы мыслями, слыша отъ ангела, что она Дѣва, если бы прежде не услышалъ того отъ Исаіи; отъ пророка же онъ долженъ былъ выслушать это не какъ что-либо странное, но какъ нѣчто извѣстное и долго его занимавшее. Потому-то ангелъ, чтобы слова его удобнѣе были приняты, приводитъ пророчество Исаіи; и не останавливается на томъ, но возводитъ пророчество къ Богу, говоря, что это слова не пророка, но Бога всяческихъ. Потому и не сказалъ онъ: да сбудется реченное Исаіею, но говоритъ: *да сбудется реченное отъ Господа.* Уста были Исаіи, но пророчество дано свыше. Какое же это пророчество? *Се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ* (Ис. VII, 14). Почему же, скажешь, наречено Ему имя не *Еммануилъ,* а—Іисусъ Христосъ? Потому, что не сказано: *наречеши,* но: *нарекутъ,* т. е. народы и самое событіе. Здѣсь заимствуется имя отъ происшествія, какъ и свойственно Писанію—происшествія употреблять
вмѣсто именъ. Итакъ, слова: *нарекутъ Еммануилъ* означаютъ не 57
что иное, какъ то, что увидятъ Бога съ человѣками. Хотя Богъ

всегда былъ съ человѣками, но никогда не былъ такъ явно. Если же іудеи безстыдно будутъ упорствовать, то спросимъ ихъ, какой младенецъ названъ: *скоро плѣни, нагло расхити* (Ис. VIII, 3)? На это они ничего не могутъ сказать. Какъ же пророкъ сказалъ: *нареки ему имя, скоро плѣни*? Такъ какъ послѣ рожденія Его случилось, что взяты и раздѣлены добычи, то самое происшествіе, при немъ бывшее, дается ему вмѣсто имени. Равнымъ образомъ и о городѣ говоритъ пророкъ, что онъ наречется *градъ правды, мати градовомъ, вѣрный Сіонъ* (Ис. I, 26); и однако нигдѣ не видно, чтобы городъ этотъ назывался *правдою*, онъ продолжалъ называться Іерусалимомъ. Но такъ какъ Іерусалимъ дѣйствительно таковымъ учинился, когда исправился, то и сказалъ пророкъ, что онъ такъ назовется. Такимъ образомъ, если какое-либо происшествіе яснѣе самаго имени показываетъ того, кто его совершилъ, или имъ воспользовался, то Писаніе дѣйствительность событія вмѣняетъ ему въ имя. Если же іудеи, будучи опровергнуты въ этомъ, найдутъ другое возраженіе противъ сказаннаго о дѣвствѣ, и представятъ намъ другихъ переводчиковъ, говоря: они перевели не: *дѣва*, а: молодая женщина (νεᾶνις),—то напередъ скажемъ имъ, что семьдесятъ толковниковъ, по справедливости, предъ всѣми прочими заслуживаютъ большаго вѣроятія. Тѣ переводили послѣ пришествія Христова, оставаясь іудеями; а потому справедливо можно подозрѣвать, что они сказали такъ больше по враждѣ, и съ намѣреніемъ затемнили пророчество. Семьдесятъ же, которые за сто лѣтъ до пришествія Христова, или даже болѣе, предприняли это дѣло, и притомъ такимъ большимъ обществомъ, свободны отъ всякаго подобнаго подозрѣнія; они и по времени, и по многочисленности, и по взаимному согласію, преимущественно заслуживаютъ вѣроятія.

3. Но если іудеи приведутъ свидѣтельство и тѣхъ переводчиковъ, то и тогда побѣда на нашей сторонѣ. Въ Писаніи часто имя юности (νεανιότητος) употребляется вмѣсто дѣвства не о женщинахъ только, но и о мужчинахъ. *Юноши*, говоритъ оно, *дѣвы, старцы съ юношами* (Псал. CXLVIII, 12). И опять, разсуждая о дѣвѣ, подвергшейся насилію, говоритъ: если возопитъ *отроковица* (νεᾶνις), т. е. дѣва (Втор. XXII, 27). Тоже значеніе подтверждаютъ и предыдущія слова пророка. Въ самомъ дѣлѣ, пророкъ не просто говоритъ: *се дѣва во чревѣ пріиметъ*; но, сказавши напередъ: *се дастъ Господь самъ вамъ знаменіе* (Ис. VII, 14), потомъ присовокупилъ: *се дѣва во чревѣ пріиметъ*. Если бы не дѣвѣ надлежало родить, но произошло бы рожденіе по закону брака, то такое происшествіе какъ могло быть знаменіемъ? Знаменіе

должно выходить изъ обыкновеннаго порядка, быть чѣмъ-то страннымъ и необычайнымъ. Иначе, какъ оно будетъ знаменіемъ? ***Воставъ же Іосифъ отъ сна, сотвори якоже повелѣ ему ангелъ Господень*** (ст. 24). Видишь ли послушаніе и покорный умъ? Видишь ли человѣка рѣшительнаго, и во всемъ прямодушнаго? Когда 58
онъ подозрѣвалъ Дѣву въ чемъ-то непріятномъ и неприличномъ, то не хотѣлъ держать ее у себя. Когда же освободился отъ такого подозрѣнія, не только не захотѣлъ выслать ее, но держитъ и дѣлается служителемъ воплощенія. ***И пріятъ***, говоритъ Писаніе, ***Маріамъ жену свою.*** Видишь ли, какъ часто евангелистъ употребляетъ это имя, не желая до времени открыть тайну дѣвства, чтобы устранить всякое худое подозрѣніе?

Принявши же ее, ***не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца*** (ст. 26). Здѣсь евангелистъ употребилъ слово *дондеже;* но ты не подозрѣвай изъ того, будто Іосифъ послѣ позналъ ее. Евангелистъ даетъ этимъ только знать, что Дѣва прежде рожденія была совершенно неприкосновенною. Почему же, скажутъ, употребилъ онъ слово: *дондеже?* Потому, что въ Писаніи часто такъ дѣлается. Это слово не означаетъ опредѣленнаго времени. Такъ и о ковчегѣ сказано: ***не возвратися вранъ, дондеже изсше земля*** (Быт. VIII, 7, 14), хотя онъ и послѣ не возвратился. Также о Богѣ Писаніе говоритъ: ***отъ вѣка и до вѣка Ты еси*** (Псал. LXXXIX, 2), но тѣмъ не полагаетъ предѣловъ. И опять, когда благовѣствуя говоритъ: ***возсіяетъ во днехъ его правда и множество мира, дондеже отъимется луна*** (Псал. LXXI, 7), тѣмъ не означаетъ конца для этого прекраснаго свѣтила. Такъ и здѣсь евангелистъ употребилъ слово—*дондеже*, въ удостовѣреніе о томъ, что было прежде рожденія. Что было послѣ рожденія, о томъ предоставляетъ судить тебѣ самому. Что тебѣ нужно было узнать отъ него, то онъ и сказалъ, то есть, что Дѣва была неприкосновенною до рожденія. А что само собою видно изъ сказаннаго, какъ вѣрное слѣдствіе, то предоставляетъ собственному твоему размышленію, то есть, что такой праведникъ (каковъ Іосифъ) не захотѣлъ познать Дѣву послѣ того, какъ она столь чудно содѣлалась матерію, и удостоилась и родить неслыханнымъ образомъ, и произвести необыкновенный плодъ. А если бы онъ позналъ ее, и дѣйствительно имѣлъ женою, то для чего бы Іисусу Христу поручать ее ученику какъ безмужнюю, никого у себя не имѣющую, и приказывать ему взять ее къ себѣ? Но скажутъ: какъ же Іаковъ и другіе называются братьями Іисуса Христа? Такъ же, какъ и самъ Іосифъ былъ почитаемъ мужемъ Маріи. Многими завѣсами до времени сокрываемо было рожденіе Христово. Потому и Іоаннъ назвалъ ихъ также (братіями), говоря: *ни*

братія бо Его вѣроваху въ Него (Іоан. VII, 5). Впрочемъ, прежде невѣровавшіе сдѣлались послѣ достойными удивленія и славными. Такъ, когда Павелъ прибылъ въ Іерусалимъ для разсужденія о вѣрѣ, тотчасъ явился къ Іакову, который такъ былъ уважаемъ, что его перваго поставили епископомъ. Разсказываютъ также, что онъ велъ такую строго-подвижническую жизнь, что всѣ члены его омертвѣли, что отъ непрерывной молитвы и безпрестанныхъ земныхъ поклоновъ лобъ у него отвердѣлъ, до такой степени, что жесткостію не отличался отъ колѣнъ вер-
59 блюда. Онъ и Павла, который послѣ опять приходилъ въ Іерусалимъ, вразумляетъ, говоря: *видиши ли, брате, колико темъ есть* собравшихся (Дѣян. XXI, 20)? Такъ велико было его благоразуміе и ревность, а лучше сказать: такъ велика была сила Христова! Въ самомъ дѣлѣ, тѣ, которые поносили Христа во время земной Его жизни, по смерти Его такъ возревновали о Немъ, что совершенно готовы были даже умереть за Него,— что и показываетъ особенно силу воскресенія. Для того славнѣйшее и соблюдено къ концу, чтобы доказательство было несомнѣнно. Если тѣхъ, которымъ дивимся при жизни, забываемъ по смерти, то какъ же хулившіе Христа при жизни признали Его послѣ Богомъ, если Онъ былъ обыкновенный человѣкъ? Какъ бы рѣшились идти за Него на смерть, если бы не имѣли яснаго доказательства воскресенія.

4. Говорю объ этомъ не для того, чтобы вы только слышали, но чтобы и подражали мужеству, дерзновенію и всякой добродѣтели; чтобы никто не отчаивался въ самомъ себѣ, хотя прежде того былъ лѣнивъ, и чтобы, послѣ милосердія Божія, ни на что другое не надѣялся, какъ только на собственную добродѣтель. Если сродники Христовы, жившіе со Христомъ въ одномъ домѣ и отечествѣ, не получили отъ этого никакой пользы, пока не явили въ себѣ добродѣтели, то какъ можемъ получить прощеніе мы, если, представляя за себя ходатаями праведныхъ своихъ родственниковъ и братьевъ, сами не будемъ добронравны и утверждены въ добродѣтели? На это указываетъ пророкъ, когда говоритъ: *братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ* (Псал. XLVIII, 8), хотя бы то былъ Моисей, или Самуилъ, или Іеремія? Послушай, что говоритъ Богъ Іереміи: *не молися о людехъ сихъ*, такъ какъ не послушаю тебя (Іер. XI, 14). И что дивишься, если Я тебя не слушаю? Хотя бы предсталъ самъ Моисей и Самуилъ, то Я не принялъ бы и ихъ прошенія объ этихъ людяхъ. Хотя Іезекіиль станетъ молиться,—и онъ услышитъ, что если предстанетъ Ной, Іовъ и Даніилъ, то сыновъ и дщерей ихъ не избавятъ (Іезек. XIV, 14, 18). Хотя патріархъ Авраамъ

будетъ ходатаемъ за неисцѣльно больныхъ и нераскаянныхъ,—Господь, оставивъ его, удалится, чтобы не слышать его моленія о нихъ (Быт. XVIII, 33). Хотя и Самуилъ будетъ также предстательствовать,—Господь скажетъ ему: не плачь о Саулѣ (1 Цар. XVI, 1). Хотя и о сестрѣ кто станетъ молиться безвременно,—услышитъ то же, что и Моисей: *аще бы отецъ плюя заплевалъ въ лице ея* (Числ. XII, 14). Не станемъ же слишкомъ уповать на другихъ. Молитвы святыхъ имѣютъ очень великую силу, но только когда мы сами раскаиваемся (во грѣхахъ), и исправляемся. И Моисей, избавивши нѣкогда брата своего и шестьдесятъ тысячъ отъ угрожавшаго имъ гнѣва Божія, не могъ избавить сестру, хотя и грѣхъ не равенъ былъ. Маріамъ оскорбила Моисея, Ааронъ же съ народомъ отважились на явное нечестіе. Но объ этомъ предоставляю подумать вамъ самимъ, а я постараюсь рѣшить еще болѣе трудный вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли говорить о томъ, что Моисей не могъ умолить за сестру, когда этотъ предстатель многочисленнаго народа не въ силахъ былъ пособить себѣ самому? Послѣ безчисленныхъ 60
трудовъ и бѣдствій, послѣ сорокалѣтнихъ попеченій о народѣ, ему возбраненъ былъ входъ въ ту землю, о которой было столько предсказаній и обѣтованій. Какая же тому была причина? Та, что допущеніе Моисея въ обѣтованную землю не только не принесло бы пользы, но произвело бы большой вредъ, и для многихъ іудеевъ послужило бы соблазномъ. Если они за одно избавленіе изъ Египта, оставивши Бога, стали искать всего въ Моисеѣ, и ему все приписывать, то до какого бы нечестія не дошли они, когда бы увидѣли, что онъ ввелъ ихъ въ землю обѣтованную? Потому-то и мѣсто погребенія его осталось неизвѣстнымъ. И Самуилъ не могъ избавить Саула отъ гнѣва Божія, хотя часто спасалъ израильтянъ. И Іеремія не помогъ іудеямъ (2 Мак. XV, 16), хотя въ другое время укрѣпилъ одного пророчествомъ. Даніилъ избавилъ варваровъ отъ пораженія, но не спасъ іудеевъ отъ плѣна (Дан. II). И въ евангеліи мы видимъ, что не съ разными людьми, но съ одними и тѣми же случалось то и другое: одинъ и тотъ же могъ иногда спасти себя, а иногда нѣтъ. Задолжавшій, напр., тысячи талантовъ однажды усиленною просьбою избавилъ себя отъ опасности, а въ другое время не могъ. Другой же напротивъ: сперва подвергся опасности, а потомъ нашелъ вѣрнѣйшее средство помочь себѣ. Кто же это такой? Расточившій отеческое имѣніе. Итакъ, если мы сами о себѣ нерадимъ, то чрезъ другихъ не спасемся. Если же будемъ неусыпны, то и сами собою достигнемъ спасенія; даже сами собою спасемся вѣрнѣе, нежели чрезъ другихъ. Подлинно, Богу пріятнѣе давать благо-

дать непосредственно намъ, а не другимъ для насъ, чтобы, стараясь сами отвратить гнѣвъ Его, дѣлались мы дерзновеннѣе и добродѣтельнѣе. Такъ Онъ помиловалъ хананеянку, такъ спасъ блудницу, такъ спасъ разбойника, хотя не было никакого за нихъ предстателя и ходатая.

5. Впрочемъ, говорю это не для того, чтобы не призывать святыхъ въ молитвахъ, но для того, чтобы мы не лѣнились, и, предавшись безпечности и сну, не возлагали только на другихъ того, что должны дѣлать сами. И Христосъ, сказавъ: *сотворите себѣ други*, не остановился на этомъ, но присовокупилъ: *отъ мамоны неправды*, требуя тѣмъ и твоего содѣйствія (Лук. xvi, 9),— поскольку здѣсь Онъ разумѣлъ не что иное, какъ милостыню. И что удивительно, Онъ ничего уже не взыскиваетъ съ насъ, если только мы отступимъ отъ неправды, потому что слова Его имѣютъ такой смыслъ: ты пріобрѣлъ худо — истрать хорошо. Собралъ неправедно — расточи праведно. Что, кажется, за добродѣтель— раздавать изъ имѣнія, неправедно пріобрѣтеннаго? И однако Богъ, по человѣколюбію Своему, снисходитъ до того, что обѣщаетъ намъ многія блага даже и за такія дѣла. Но мы до такого доходимъ безчувствія, что ничего не удѣляемъ и изъ пріобрѣтеннаго неправедно; напротивъ, грабя тысячами, думаемъ, что все уже сдѣлали, подавъ малую долю. Развѣ не слыхалъ ты, что говоритъ Павелъ: *сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ* (2 Корин. ix, 6)? Итакъ, что ты скупишься? Сѣяніе ужели есть трата, ужели
61 убытокъ? Нѣтъ! Это доходъ и прибыль. Гдѣ сѣяніе, тамъ и жатва; гдѣ сѣяніе, тамъ и приращеніе. Воздѣлывая тучную и мягкую землю, которая можетъ принять въ себя много сѣмянъ, ты засѣваешь ее всѣми своими сѣменами, и берешь еще взаймы у другихъ, потому что скупость въ этомъ случаѣ считаешь убыткомъ. А когда надобно воздѣлывать небо, которое не подвержено никакой воздушной перемѣнѣ и все ввѣренное ему несомнѣнно возраститъ съ большимъ приращеніемъ, ты лѣнишься, медлишь и не думаешь о томъ, что сберегая теряешь, а расточая пріобрѣтаешь. Итакъ сѣй, чтобы не потерять; не береги, чтобы сберечь; разсыпай, чтобы сохранить; трать, чтобы пріобрѣсть. Хотя и нужно было бы что сберечь, ты не береги, потому что непремѣнно это погубишь, а поручи Богу, у Котораго никто не похититъ. Самъ не торгуй, потому что не умѣешь получать прибыли; но большую часть капитала отдай взаймы Тому, Кто даетъ ростъ, отдай взаймы туда, гдѣ нѣтъ ни зависти, ни клеветы, ни обмана, ни страха. Отдай взаймы Тому, Кто самъ ни въ чемъ не нуждается, но терпитъ нужду для тебя; Кто всѣхъ питаетъ, но алчетъ для того, чтобы ты не былъ голоденъ, обнищалъ для

того, чтобы ты обогатился. Отдай взаймы туда, откуда ты получишь не смерть, но жизнь вмѣсто смерти. За такой только ростъ можешь пріобрѣсть себѣ царство, а за всякій другой получишь геенну, потому что тотъ ростъ показываетъ сребролюбіе, а этотъ—любомудріе; тотъ—дѣло жестокости, а этотъ—человѣколюбія. И чѣмъ оправдаемся, когда, имѣя возможность получить большее, и притомъ съ твердою увѣренностью получить въ надлежащее время, съ полною свободою, безъ укоризны, безъ страха, безъ опасностей, пренебрегаемъ этими благами, а гоняемся за тѣмъ, что постыдно, ничтожно, обманчиво, тлѣнно, и уготовляетъ намъ пещь огненную?

Ничего, ничего нѣтъ постыднѣе и жестокосерднѣе, какъ брать ростъ здѣсь на землѣ. Въ самомъ дѣлѣ. ростовщикъ обо- 62
гащается на счетъ чужихъ бѣдствій, несчастіе другого обращаетъ себѣ въ прибыль, требуетъ платы за свое человѣколюбіе, и какъ бы боясь показаться немилосердымъ, подъ видомъ человѣколюбія роетъ яму глубже; помогая, тѣснитъ нищаго; подавая руку, толкаетъ его; повидимому вводитъ въ пристань, а въ то же время подвергаетъ крушенію, какъ бы направляя на скалы, утесы и подводные камни. Но чего требуешь ты, скажутъ? Того ли, чтобы собранныя мною и мнѣ самому нужныя деньги отдать въ распоряженіе другому, и не требовать за то никакой платы? Нѣтъ, я не говорю этого; напротивъ, весьма желаю, чтобы ты получилъ плату,—только не малую, и не ничтожную, но гораздо большую; желаю, чтобы ты въ ростъ за золото пріобрѣлъ небо. Итакъ, для чего ты самъ себя подвергаешь нищетѣ, прилѣпляясь къ землѣ, и вмѣсто большого ищешь малаго? Это доказываетъ, что ты не умѣешь обогатиться. Когда Богъ за малое имущество обѣщаетъ тебѣ небесныя блага, ты говоришь: не давай мнѣ неба, а дай мнѣ, вмѣсто неба, скоро гибнущее золото. Это значитъ, что ты произвольно хочешь остаться въ нищетѣ. Кто ревнуетъ объ истинномъ богатствѣ и обиліи, тотъ вмѣсто скоро гибнущаго изберетъ негибнущее, вмѣсто иждиваемаго—неиждиваемое, вмѣсто немногаго—многое, вмѣсто тлѣннаго—нетлѣнное, а за такими благами послѣдуютъ и тѣ. Кто вмѣсто неба ищетъ землю, тотъ и ее непремѣнно потеряетъ; а кто предпочитаетъ небесное земному, тотъ и тѣмъ и другимъ насладится съ великимъ избыткомъ. Чтобы и намъ достичь этого, презрѣвши все здѣшнее, изберемъ будущія блага, и такимъ образомъ получимъ и то и другое, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

61—62 **Іисусу рождшуся въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, во дни Ирода царя, се волсви отъ востокъ пріидоша во Іерусалимъ, глаголюще: гдѣ есть рождейся Царь Іудейскій? Видѣхомъ бо звѣзду Его на востоцѣ, и пріидохомъ поклонитися Ему (Матѳ. II, 1—2).**

1. Много нужно намъ бодрствовать, много молиться, чтобы съумѣть изъяснить настоящее мѣсто, и узнать, кто были эти волхвы, откуда и какъ пришли, кто ихъ къ тому побуждалъ, и что это была за звѣзда. Но если угодно, предложимъ лучше напередъ то, что говорятъ противники истины. Діаволъ такъ овладѣлъ ими, что они и здѣсь находятъ поводъ вооружаться противъ слова истины. Что же говорятъ они? Вотъ сказано, что и при рожденіи Христовомъ явилась звѣзда: это значитъ, говорятъ они, что астрологія есть наука несомнѣнная. Но если Христосъ родился по астрологическимъ законамъ, то какъ же Онъ истребилъ астрологію, отвергъ судьбу, заградилъ уста демонамъ, изгналъ заблужденіе, и ниспровергъ всякаго рода волхвованіе? Да и что узнаютъ волхвы по звѣздѣ Его? Что Онъ былъ Царь іудейскій? Но Онъ былъ Царемъ не земного царства, какъ и Пилату сказалъ: *царство Мое нѣсть отъ міра сего* (Іоан. XVIII, 36). Да Онъ и не показывалъ Себя Царемъ; не имѣлъ при Себѣ ни копьеносцевъ, ни щитоносцевъ, ни коней, ни парныхъ муловъ,—словомъ ничего тому подобнаго; а велъ жизнь простую и бѣдную, водя за Собою двѣнадцать человѣкъ, ничѣмъ незнаменитыхъ. Но если волхвы и знали, что Онъ Царь, то зачѣмъ приходятъ? Дѣло звѣздословія, какъ говорятъ, вовсе не въ томъ состоитъ, чтобы по звѣздамъ узнавать, кто родится, но чтобы по времени рожденія предсказывать о томъ, что случится впередъ. Между тѣмъ волхвы ни при родахъ Матери не были, ни времени, когда родила, не знали, а потому не имѣли
63 и основанія заключать о будущемъ по теченію звѣздъ. Напротивъ, задолго до рожденія, увидѣвши звѣзду, явившуюся въ ихъ землѣ, они идутъ смотрѣть Родившагося; а это еще непонятнѣе прежняго. Какая же причина ихъ побудила? Въ надеждѣ какихъ наградъ изъ такой отдаленной стороны они идутъ поклониться Царю? Еслибъ думали, что Онъ будетъ ихъ Царемъ, и тогда не было бы имъ достаточной причины идти. Если бы еще Онъ родился въ царскихъ чертогахъ, если бы отецъ Его былъ царемъ и при Немъ находился, то можно было бы сказать, что

поклоненіемъ родившемуся Младенцу они хотѣли угодить отцу, и тѣмъ заслужить себѣ его благоволеніе. Но теперь они знаютъ, что новорожденный будетъ Царемъ не у нихъ, а у другого народа, въ странѣ, отъ нихъ отдаленной; знаютъ, что Онъ еще не въ совершенномъ возрастѣ: для чего же предпринимаютъ такое путешествіе, и несутъ дары, притомъ подвергаясь въ этомъ дѣлѣ великимъ опасностямъ? Въ самомъ дѣлѣ, и Иродъ услышавъ смутился, и весь народъ, когда услыхалъ отъ нихъ о томъ, взволновался. Развѣ этого они не предвидѣли? Но это невѣроятно. Даже при всей недальновидности они не могли бы не знать того, что, когда придутъ въ городъ, имѣющій царя, и станутъ всенародно объявлять, что есть другой царь, кромѣ теперь тамъ царствующаго, то подвергнутъ себя тысячѣ смертей. Для чего же они покланялись лежащему въ пеленахъ? Если бы Онъ былъ въ совершенномъ возрастѣ, можно было бы сказать, что они ввергаются въ явную опасность въ надеждѣ на Его помощь; но и то было бы признакомъ крайняго неразумія—персіянину, варвару, не имѣющему ничего общаго съ народомъ іудейскимъ, рѣшиться выйти изъ своей земли, оставить отечество, родныхъ и домъ, и подвергнуться чужому владычеству!

2. Если это неразумно, то слѣдующее еще неразумнѣе. Что же такое? Перейти такой дальній путь, только поклониться, всѣхъ взволновать и тотчасъ уйти. И какіе они нашли признаки царскаго сана, когда увидѣли хижину, ясли, младенца въ пеленахъ, и бѣдную мать? Кому принесли дары? И для чего? Развѣ было установлено и принято въ обычай такъ изъявлять почтеніе всякому раждающемуся царю? Развѣ они обходили всю вселенную и о комъ узнавали, что онъ изъ низкаго и бѣднаго состоянія сдѣлается царемъ, тому покланялись прежде восшествія на царскій престолъ? Но этого никто сказать не можетъ. Для чего же они покланялись? Если для настоящихъ выгодъ, то чего могли они ожидать отъ младенца и бѣдной матери? Если въ надеждѣ будущихъ, то какъ они могли знать, что младенецъ, которому они поклонились, когда онъ былъ въ пеленахъ, вспомнитъ о томъ впослѣдствіи? Положимъ, что мать ему о томъ напомнила бы; но и въ такомъ случаѣ они стоютъ не похвалы, а порицанія за то, что подвергли его явной опасности, такъ какъ
Иродъ, смущенный ими, распрашивалъ, разыскивалъ и прила- 64
галъ всѣ мѣры умертвить его. Да и гдѣ бы то ни было, о младенцѣ, который родился отъ частныхъ людей, сказать, что онъ будетъ царемъ,—значитъ только предать его на смерть, навлечь на него множество бѣдъ. Видишь ли, сколько открывается несообразностей, если судить объ этомъ событіи по ходу дѣлъ чело-

вѣческихъ, и по общему обыкновенію? Да и кромѣ того, можно было бы найти и много другихъ, еще большихъ затрудненій.

Но чтобы, присовокупляя недоумѣнія къ недоумѣніямъ, не привести васъ въ замѣшательство, приступимъ теперь къ разрѣшенію вопросовъ. Начнемъ со звѣзды Христовой. Если мы узнаемъ, что это была за звѣзда, и какая она—обыкновенная, или отличная отъ прочихъ, дѣйствительная ли была звѣзда, или только имѣла видъ звѣзды, то легко будетъ понять все прочее. Откуда же узнать о томъ? Изъ самаго Писанія. Что она была не обыкновенная звѣзда, и даже не звѣзда, а, какъ мнѣ кажется, какая-то невидимая сила, принявшая видъ звѣзды, это доказываетъ, во-первыхъ, самый путь ея. Нѣтъ, и не можетъ быть звѣзды, которая бы имѣла такой путь. Видимъ, что и солнце и луна и всѣ прочія звѣзды идутъ отъ востока къ западу; а эта звѣзда текла отъ сѣвера на полдень: именно въ такомъ положеніи находится Палестина въ отношеніи къ Персіи. Во-вторыхъ, то же можно видѣть изъ самаго времени: она является не ночью, а среди дня, при сіяніи солнца, что не свойственно не только звѣздѣ, но и лунѣ. Хотя луна больше всѣхъ звѣздъ, но при появленіи солнечнаго свѣта тотчасъ скрывается и дѣлается невидимою. Звѣзда же Христова превосходствомъ своего блеска преодолѣла самый свѣтъ солнечный, была яснѣе солнца, и какъ оно ни блистательно, а она сіяла больше. Въ-третьихъ, доказывается тѣмъ, что звѣзда то является, то опять скрывается. Когда волхвы шли въ Палестину, она была видна и указывала имъ путь; а когда вошли въ Іерусалимъ, она скрылась. Потомъ, когда они, сказавши Ироду, зачѣмъ пришли, оставили его и собрались въ путь, звѣзда опять является. Это уже есть движеніе не звѣзды, а нѣкоторой совершенно разумной силы. Она не имѣла своего опредѣленнаго пути, но когда нужно было остановиться, и она стояла, во всемъ соображаясь съ ихъ нуждою, подобно столпу облачному, по которому полкъ іудеевъ и останавливался и поднимался съ мѣста, когда было нужно. Въ-четвертыхъ, то же ясно можно видѣть изъ самаго способа, какимъ звѣзда указала мѣсто. Не съ высоты неба она указала его,—въ такомъ случаѣ волхвы не могли бы различить мѣста; но чтобы указать его, опустилась внизъ. Сами знаете, что обыкновенной звѣздѣ нельзя показать такъ малаго мѣста, какое занимала хижина, особенно же въ какомъ вмѣщалось тѣло Младенца. Такъ какъ высота ея неизмѣрима, то она не могла бы собою обозначить и опредѣлить такого тѣснаго пространства для желавшихъ узнать его. Объ этомъ всякій можетъ судить по лунѣ; она, будучи гораздо больше звѣздъ, кажется близкою для каждаго изъ обитателей все-

ленной, разсѣянныхъ по всей земной широтѣ. Такъ скажи же, 65
какъ бы звѣзда указала такое тѣсное мѣсто яслей и хижины, если бы не оставила высоту, не сошла внизъ, и не стала надъ самою главою Младенца? Это самое даетъ разумѣть и евангелистъ, говоря: *се звѣзда идяше предъ ними, дондеже пришедши ста верху, идѣже бѣ отроча* (Матѳ. II, 9). Видишь, сколько доказательствъ на то, что эта звѣзда была необыкновенная, и явилась не по законамъ внѣшней природы.

3. Но для чего она явилась? Для того, чтобы обличить нечувствительныхъ іудеевъ, и лишить ихъ—неблагодарныхъ—всякаго способа къ оправданію. Такъ какъ цѣль пришествія Христова была та, чтобы отмѣнить древнія правила жизни, призвать всю вселенную на поклоненіе Себѣ, и принимать это поклоненіе на землѣ и на морѣ, то Христосъ съ самаго начала отверзаетъ дверь язычникамъ, желая чрезъ чужихъ научить своихъ. Такъ какъ іудеи, непрестанно слыша пророковъ, возвѣщавшихъ о пришествіи Христовомъ, не обращали на то особеннаго вниманія,—Господь внушилъ варварамъ придти изъ отдаленной страны, разспрашивать о Царѣ, родившемся у іудеевъ; и они отъ персовъ первыхъ узнаютъ то, чему не хотѣли научиться у пророковъ. Богъ сдѣлалъ это для того, чтобы дать имъ вѣрнѣйшій способъ убѣдиться, если будутъ благоразумны, или лишить всякаго оправданія, если будутъ упорны. Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ сказать въ свое оправданіе іудеи, не принявшіе Христа послѣ столь многихъ пророческихъ доказательствъ, видя волхвовъ, которые по явленію только звѣзды приняли Его, и поклонились явившемуся? Итакъ, съ волхвами Богъ поступилъ такъ же, какъ съ ниневитянами, къ которымъ послалъ Іону, такъ же, какъ съ самарянкою и хананеянкою. Потому и сказано: *мужіе Ниневитстіи востанутъ и осудятъ*, и: *царица южская востанетъ и осудитъ* родъ сей (Матѳ. XII, 41, 42),—потому что они повѣрили меньшему, а іудеи не повѣрили и большему. Ты спросишь, для чего Богъ привелъ волхвовъ къ Христу такимъ явленіемъ? А какъ же бы надлежало? Послать пророковъ? Но волхвы пророковъ не приняли бы. Дать гласъ свыше? Но они гласу не вняли бы. Послать ангела? Но и того не послушали бы. Поэтому Богъ, оставивши такія средства, по особенному Своему снисхожденію употребляетъ для призванія ихъ то, что было имъ больше знакомо: показываетъ большую и необычайную звѣзду, чтобы она поразила ихъ и величиною, и прекраснымъ видомъ, и необыкновеннымъ теченіемъ. Подражая этому, и апостолъ Павелъ, когда разсуждаетъ съ эллинами, начинаетъ рѣчь съ жертвенника, и приводитъ свидѣтельства изъ ихъ стихотворцевъ;

а когда проповѣдуютъ іудеямъ, говоритъ объ обрѣзаніи,—уча живущихъ подъ закономъ, начинаетъ съ жертвъ. Такъ какъ всякій любитъ то, къ чему привыкъ, то къ этому примѣняются и Богъ и люди, посылаемые Имъ для спасенія міра. Итакъ, не думай, чтобы недостойно было Бога призывать волхвовъ посредствомъ звѣзды; иначе долженъ будешь отвергнуть все іудей-
66 ское—и жертвы, и очищенія, и новомѣсячія, и ковчегъ, и самый храмъ, потому что все это допущено по языческой грубости іудеевъ. И Богъ для спасенія заблуждающихся съ небольшимъ измѣненіемъ допустилъ въ служеніи Себѣ то, что наблюдали язычники при служеніи демонамъ, чтобы, понемногу отвлекая отъ языческихъ привычекъ, возвести къ высокому любомудрію. Такъ поступилъ Онъ и съ волхвами, благоволивъ призвать ихъ явленіемъ звѣзды, чтобы потомъ удостоить высшаго. Побудившій ихъ идти и руководствовавшій въ пути, послѣ того какъ поставилъ предъ яслями, наставляетъ ихъ уже не чрезъ звѣзду, а чрезъ ангела; такимъ образомъ понемногу они восходили къ высшему. Подобно этому Богъ поступилъ и съ жителями Аскалона и Газы. Когда пять филистимскихъ городовъ, по прибытіи къ нимъ ковчега, поражены были смертною язвою и не находили никакихъ средствъ къ избавленію отъ постигшаго ихъ бѣдствія, тогда, созвавши волхвовъ, въ общемъ собраніи совѣтовались, какъ освободиться отъ этой язвы, ниспосылаемой отъ Бога; волхвы присовѣтовали взять коровъ, которыя не были еще подъ ярмомъ и принесли первыхъ телятъ, запречь подъ кивотъ и пустить однихъ идти, куда хотятъ, чтобы чрезъ то увидѣть, отъ Бога ли это ниспосланная язва, или какая случайная болѣзнь. Если коровы,—говорили они,—какъ не привыкшіе къ ярму, разобьютъ его, или воротятся къ телятамъ, то будетъ значить, что язва произошла по случаю; если же пойдутъ прямо, мычаніе телятъ не произведетъ на нихъ никакого дѣйствія и они не собьются съ дороги, имъ незнакомой, то будетъ явно, что рука Божія коснулась этихъ городовъ (Цар. v—vi). Жители послушались волхвовъ, и поступили по ихъ совѣту; и Богъ, по Своему снисхожденію, не почелъ для Себя недостойнымъ, примѣняясь къ мнѣнію волхвовъ, привести въ дѣйствіе предсказанное ими, и оправдать слова ихъ событіемъ. Такое дѣйствіе было тѣмъ важнѣе, что и сами противники засвидѣтельствовали силу Божію, а учители ихъ подтвердили то своимъ приговоромъ. Много и другихъ примѣровъ видѣть можно въ божественномъ домостроительствѣ. Такъ, напр., и то, что извѣстно о чревовѣщательницѣ (1 Цар. xxviii), случилось по тому же божественному промыслу, о чемъ сами вы можете разсудить по сказанному выше. Все это

сказано мною для объясненія написаннаго о звѣздѣ; вы же сами, можетъ быть, въ состояніи сказать и болѣе,—сказано вѣдь: *даждь премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ* (Притч. IX, 9).

4. Пора, однако, обратиться къ началу прочитаннаго. Какое же начало? *Іисусу же рождшуся въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, во дни Ирода царя, се волсви отъ востокъ* приходятъ *во Іерусалимъ*. Волхвы послѣдовали за ведущею ихъ звѣздою, а іудеи не повѣрили и проповѣдывавшимъ пророкамъ. Но для чего евангелистъ означаетъ и время и мѣсто, говоря: *въ Виѳлеемѣ, во дни Ирода царя*? Для чего также упоминаетъ о самомъ достоинствѣ? О достоин- 67
ствѣ—для того, что былъ и другой Иродъ, умертвившій Іоанна; но тотъ былъ четверовластникъ, а этотъ царь; на время же и мѣсто указываетъ для того, чтобы привести намъ на память древнія пророчества, изъ которыхъ одно произнесъ Михей: *и ты, Виѳлееме, земле Іудова, ничимже меньши еси во владыкахъ Іудовыхъ* (Мих. V, 2), другое—патріархъ Іаковъ, который, съ точностію означивши время, указалъ и важнѣйшій признакъ пришествія Христова: *не оскудѣетъ*, сказалъ онъ, *князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложеная ему: и Той чаяніе языковъ* (Быт. XLI, 10). Достойно изслѣдованія и то, откуда волхвамъ пришла мысль идти, и кто ихъ побудилъ къ тому. Мнѣ кажется, что это было дѣломъ не одной звѣзды; но самъ Богъ подвигъ ихъ сердце, подобно тому, какъ поступилъ Онъ съ Киромъ, расположивъ его отпустить іудеевъ. Впрочемъ, Онъ сдѣлалъ это не нарушая свободнаго произволенія, подобно тому какъ и Павла призвавъ гласомъ свыше, вмѣстѣ явилъ Свою благодать и открылъ его послушаніе. Но, скажешь, почему не всѣмъ волхвамъ открылъ это? Потому, что не всѣ бы повѣрили, а эти были готовы болѣе другихъ. Тысячи народовъ гибли, а къ однимъ только ниневитянамъ посланъ былъ пророкъ Іона; двое было разбойниковъ на крестѣ, но одинъ только спасся. Итакъ знай, что волхвы оказали добродѣтель не тѣмъ однимъ, что пришли, но и тѣмъ, что поступили смѣло. Чтобы ихъ не сочли людьми подозрительными, они по приходѣ разсказываютъ о своемъ путеводителѣ, о дальнемъ пути, и при этомъ обнаруживаютъ смѣлость: *пріидохомъ*, говорятъ они, *поклонитися Ему*, и не страшатся ни ярости народной, ни жестокости царя. Изъ этого заключаю, что они и дома были учителями своихъ соотечественниковъ; если здѣсь—въ Іерусалимѣ—они не усумнились говорить объ этомъ, то съ большимъ дерзновеніемъ проповѣдывали о томъ въ своемъ отечествѣ, послѣ того, какъ получили откровеніе отъ ангела и свидѣтельство отъ пророка. *Слышавъ же Иродъ смутися, и весь Іерусалимъ съ нимъ*. Ироду, какъ царю, естественно было опасаться и за себя, и за

дѣтей; но чего боялся Іерусалимъ, когда пророки задолго пред-
сказали о Христѣ, какъ о Спасителѣ, благодѣтелѣ и освободи-
телѣ? Что же смутило іудеевъ? То же легкомысліе, которое и
прежде отвращало ихъ отъ Бога—ихъ благодѣтеля, такъ что,
получивши полную свободу, вспоминали о египетскихъ мясахъ.
Смотри же, какъ пророки ничего не опускали: одинъ изъ нихъ
задолго предсказалъ и объ этомъ: *восхотятъ, да быша огнемъ сож-
жени были: яко отроча родися намъ, сынъ, и дадеся намъ* (Ис. IX, 5, 6).
Но не смотря на свое смущеніе, жители Іерусалима не заботятся
сами провѣрить случившееся, не слѣдуютъ за волхвами, не любо-
68 пытствуютъ: столько-то они были всѣхъ упорнѣе и нерадивѣе!
Имъ надлежало бы хвалиться, что у нихъ родился Царь, и при-
влекъ къ себѣ страну персидскую, и что всѣ имъ покорятся,
когда обстоятельства такъ перемѣнились къ лучшему, когда
самое начало такъ блистательно; но они и отъ того не сдѣлались
лучшими, хотя только лишь освободились отъ плѣна персид-
скаго. Если бы имъ не открыто было никакихъ высокихъ таинъ,
то, судя по однимъ настоящимъ событіямъ, можно бы имъ было
заключить такъ: если столько благоговѣютъ къ нашему Царю
при самомъ его рожденіи, то гораздо болѣе будутъ бояться его
и покоряться ему въ совершенномъ его возрастѣ, и мы сдѣлаемся
гораздо славнѣе варваровъ. Но ни одна подобная мысль не вос-
хитила ихъ: столь велика была ихъ безпечность, а вмѣстѣ съ
нею и ослѣпленіе! Потому тщательно надобно удалять отъ себя
оба эти порока, и надобно быть сильнѣе огня тому, кто хочетъ
противъ нихъ вооружиться. Потому-то и Христосъ сказалъ: *огнь
пріидохъ воврещи на землю, и хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. XII, 49).
Потому и Духъ Святый является въ видѣ огня.

5. Но мы холоднѣе праха и мертвѣе мертвецовъ, тогда какъ видимъ, что Павелъ возносится выше неба и неба небесъ, сильнѣе всякаго пламени все преодолѣваетъ и возвышается надъ всѣмъ дольнимъ и горнимъ, настоящимъ и будущимъ, сущимъ и несущимъ. Положимъ, что этотъ примѣръ не по твоимъ силамъ; впрочемъ это отговорка одной твоей безпечности (что Павелъ имѣлъ предъ тобою лишняго, почему бы тебѣ невозможно было подражать ему?). Но, чтобы намъ не спорить, оставивъ Павла, возьмемъ въ примѣръ первенствующихъ христіанъ, которые оставили богатство, имѣнія, заботы и всѣ житейскія дѣла, предали себя совершенно Богу, день и ночь прилежно внимая ученію слова. Таковъ духовный огонь; онъ не оставляетъ въ насъ никакого пристрастія къ земному, но воспламеняетъ насъ иною любовію. Потому-то возлюбившій духовное, если нужно будетъ и все оставить, презрѣть удовольствія и славу, отдать самую душу,

все это сдѣлаетъ безъ всякаго затрудненія. Теплота духовнаго огня, проникая душу, изгоняетъ изъ нея всякую безпечность, и объятаго ею дѣлаетъ легче пера, и заставляетъ презирать все видимое. Такой человѣкъ пребываетъ уже въ непрестанномъ сокрушеніи (сердца), проливая неизсякаемые источники слезъ, и получая отъ того великое удовольствіе, потому что ничто столько не сближаетъ и не соединяетъ съ Богомъ, какъ такія слезы. Такой человѣкъ, хотя живетъ и въ городѣ, проводитъ жизнь какъ въ пустынѣ, въ горахъ и въ пещерахъ, не занимаясь окружающими его, и никогда не насыщаясь своими слезами, плачетъ ли о себѣ или о чужихъ грѣхахъ. Потому-то и Богъ прежде 69
другихъ ублажилъ плачущихъ, сказавъ: *блажени плачущіи* (Матѳ. v, 4). А какъ же Павелъ говоритъ: *радуйтеся всегда о Господѣ* (Филип. iv, 4)? Онъ говоритъ объ удовольствіи, проистекающемъ отъ этихъ слезъ. Какъ мірская радость бываетъ смѣшана съ печалью, такъ слезы по Богѣ произращаютъ всегдашнюю и неувядающую радость. Такъ блудница, объятая этимъ огнемъ, стала достойнѣе дѣвъ. Согрѣтая покаяніемъ, она воспылала такою любовію ко Христу, что распустила волосы, и святыя ноги Его обливала слезами, отирая ихъ своими волосами, и не жалѣла мvра. Но все это было только наружное; а что происходило у ней въ сердцѣ, и что видѣлъ одинъ Богъ, то было гораздо пламеннѣе. Оттого и каждый изъ насъ, слыша объ этомъ, радуется съ нею, восхищается ея добрымъ дѣломъ, и прощаетъ ей всѣ проступки.

Если же мы, будучи злы, произносимъ о ней такой судъ, то подумай, сколько она оправдана человѣколюбивымъ Богомъ, и какіе собрала плоды покаянія, еще до полученія даровъ Божіихъ? Какъ послѣ проливнаго дождя воздухъ дѣлается чистымъ, такъ и по пролитіи слезъ настаетъ тишина и ясность, а мракъ грѣховный исчезаетъ. Какъ сперва очистились мы водою и духомъ, такъ послѣ очищаемся слезами и покаяніемъ, если только дѣлаемъ это не по лицемѣрію и тщеславію. Плачущая притворно заслуживаетъ даже болѣе осужденія, нежели та, которая прикрашивается румянами и притираньями. Я требую слезъ, проливаемыхъ не на показъ, а изъ сокрушенія, проливаемыхъ тайно, въ уединенной комнатѣ, безъ свидѣтелей, въ тишинѣ и въ безмолвіи, слезъ изъ глубины сердца, отъ внутренней скорби и печали, проливаемыхъ единственно для Бога, каковы были слезы Анны: *устнѣ ея*, сказано, *двизастѣся, а гласъ ея не слышашеся* (1 Цар. I, 13). Но однѣ только слезы вопіяли громогласнѣе трубы; за такія слезы и отверзъ Богъ утробу ея, и жесткій камень сдѣлалъ мягкою нивою.

6. Если и ты плачешь такъ же, то подражаешь своему Господу. И Онъ вѣдь плакалъ о Лазарѣ (Іоан. XI, 31), объ Іерусалимѣ (Лук. XIX, 41), и возмутился духомъ объ Іудѣ (Іоан. XIII, 21). Да и часто бывало, что Его видѣли плачущимъ, а чтобы Онъ смѣялся или хотя мало улыбался, этого никогда никто не видѣлъ,—почему и ни одинъ изъ евангелистовъ не упомянулъ о томъ. Также и Павелъ, что онъ плакалъ, и плакалъ три года день и ночь, самъ о томъ свидѣтельствуетъ (Дѣян. XX, 31), и другіе о немъ говорятъ то; а чтобы когда-либо смѣялся, объ этомъ нигдѣ не говоритъ ни самъ онъ, ни другой апостолъ, ни одинъ изъ святыхъ, ни о немъ, ни о комъ другомъ ему подобномъ. Объ одной только Саррѣ говоритъ Писаніе (Быт. XVIII, 12), за что она и получила упрекъ, также о сынѣ Ноевомъ, который за то изъ свободнаго сдѣлался рабомъ. Впрочемъ, я говорю это, не запрещая смѣяться, но удерживая отъ неумѣреннаго смѣха.
70 Скажи мнѣ, чему безъ мѣры радуешься и смѣешься, когда подлежишь такой отвѣтственности, долженъ нѣкогда предстать на страшный судъ и дать строгій отчетъ во всемъ, что сдѣлано тобою въ жизни? Мы должны дать отчетъ во всѣхъ произвольныхъ и непроизвольныхъ грѣхахъ своихъ: *иже бо аще*, говоритъ Господь, *отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ* (Матѳ. X, 33). Хотя бы это отреченіе было невольное, однакоже и оно не избѣжитъ наказанія, и за него отдадимъ отчетъ, и за то, что знаемъ, и чего не знаемъ: *ничтоже бо въ себѣ свѣмъ*, говоритъ Павелъ (1 Кор. IV, 4), *но ни о семъ оправдаюся*,—и за то, что сдѣлано по невѣдѣнію и за то, что — сознательно. *Свидѣтельствую бо имъ*, говоритъ апостолъ (Рим. X, 2), *яко ревность Божію имутъ, но не по разуму*. Однакожъ это не оправдываетъ ихъ. И въ посланіи къ Коринѳянамъ: *боюся же, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ разумы ваша отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. XI, 3). Тебѣ нужно будетъ дать такой строгій отчетъ, а ты сидишь и смѣешься, шутишь и думаешь о забавахъ? Но скажешь: какая польза, если вмѣсто этого буду плакать? Громадная польза,—такая, что нельзя и выразить словомъ. На судѣ человѣческомъ, сколько ни плачь, не избѣжишь наказанія, когда опредѣленіе сдѣлано; а здѣсь, если только вздохнешь—и приговоръ уничтоженъ, и прощеніе получено. Вотъ почему Христосъ такъ часто и говоритъ намъ о слезахъ и называетъ плачущихъ блаженными, а смѣющихся бѣдными. Здѣсь не мѣсто смѣху, и собрались мы сюда не смѣяться, но стенать, и за эти стенанія наслѣдовать царствіе. Стоя предъ земнымъ царемъ, ты и слегка улыбнуться не смѣешь; а гдѣ обитаетъ Владыка ангеловъ, стоишь безъ трепета и безъ благо-

говѣнія, даже смѣешься, когда Онъ много разъ прогнѣванъ тобою? И не подумаешь, что этимъ раздражаешь Его больше, нежели грѣхами? Подлинно, Богъ обыкновенно отвращается не столько отъ грѣшащихъ, сколько отъ тѣхъ, которые, учинивъ грѣхъ, не сокрушаются о немъ. При всемъ томъ нѣкоторые столько безчувственны, что, не смотря на сказанное, говорятъ: лучше мнѣ никогда не плакать, но дай Богъ всегда смѣяться и играть. Что можетъ быть безразсуднѣе такой мысли? Не Богъ, а діаволъ учитъ играть. Выслушай, что случилось съ играющими: *и сѣдоша людіе*, говоритъ Писаніе, *ясти, и пити, и возсташа играти* (Исход. xxxii, 6). Такъ вели себя содомляне, такъ вели себя жившіе предъ потопомъ. О первыхъ говоритъ Писаніе, что они въ гордости, и въ изобиліи, и *въ сытости хлѣба сластолюбствоваша* (Iезек. xvi, 49). А жившіе при Ноѣ, столько времени видя созидаемый ковчегъ, беззаботно веселились, нимало не думая о будущемъ; за это самое всѣхъ ихъ и погубилъ наступившій потопъ, и всю вселенную подвергъ тогда кораблекрушенію.

7. Итакъ, не проси у Бога того, что получается отъ діавола. Богу свойственно давать сердце сокрушенное и смиренное, трезвенное, цѣломудренное и воздержное, кающееся и умиленное. 71
Вотъ дары Божіи, потому что въ нихъ мы имѣемъ наибольшую нужду. Въ самомъ дѣлѣ, намъ предстоитъ трудный подвигъ, борьба съ невидимыми силами, брань съ духами злобы, война съ началами, со властями; и хорошо, если бы мы, при всемъ тщаніи, трезвенности и бдительности, могли устоять противъ этого свирѣпаго полчища. Если же будемъ смѣяться, играть и всегда предаваться лѣности, то еще прежде сраженія падемъ отъ собственной безпечности. Не наше дѣло постоянно смѣяться, забавляться и жить весело; это дѣло лицедѣевъ, зазорныхъ женщинъ, и людей на то предназначенныхъ, тунеядцевъ, льстецовъ; не званнымъ на небо, не написаннымъ въ горнемъ градѣ, не пріявшимъ духовное оружіе свойственно это, но тѣмъ, которые обрекли себя діаволу. Это онъ, онъ самый изобрѣлъ такое искусство, чтобы привлекать къ себѣ воиновъ Христовыхъ, и ослаблять силы ихъ духа. На то и построилъ онъ въ городахъ театры и, обучивъ смѣхотворовъ, этою язвою поражаетъ цѣлый городъ. Чего Павелъ велѣлъ бѣгать (Ефес. v, 4),—я разумѣю пустословіе и шутки,—то діаволъ убѣждаетъ любить; и что въ этомъ есть самаго худшаго, то бываетъ поводомъ къ смѣху. Когда представляющіе смѣшное въ театрѣ скажутъ что-либо богохульное и срамное, тогда многіе, будучи еще безумнѣе ихъ, смѣются, забавляются этимъ; за что надлежало бы побить камнями, тому

рукоплещуть, и за такое удовольствіе сами себѣ готовятъ огненную печь. Вѣдь тѣ, которые хвалятъ говорящихъ такія рѣчи, тѣмъ самымъ поощряютъ ихъ къ нимъ; а потому и наказанію, которое назначено для смѣхотворцевъ, справедливѣе падать на смѣющихся, потому что если бы не было ни одного зрителя, то не было бы и дѣйствующаго. А когда видятъ, что вы оставляете свою мастерскую, и работу, и то, что могли бы выработать, словомъ все, только бы провести время въ театрѣ, тогда они становятся усерднѣе, съ большимъ стараніемъ отправляютъ свое дѣло. Впрочемъ не въ извиненіе ихъ говорю это, но чтобы васъ вразумить, что отъ васъ собственно берется начало и корень этого беззаконія, отъ васъ, которые тратите на это цѣлый день, подвергаете посмѣянію честное супружество, посрамляете великое таинство. Поистинѣ не столько грѣшитъ тотъ, который представляетъ въ театрѣ, сколько въ сравненіи съ нимъ ты, который заставляешь это дѣлать; и не только заставляешь, но и заботишься о томъ, радуешься и смѣешься, хвалишь представленіе, всячески пособляешь демонской работѣ. Скажи мнѣ, какими глазами послѣ будешь смотрѣть дома на жену, видѣвши ее опозоренною въ театрѣ? Какъ, не покраснѣвши, представишь себѣ супругу, когда ты видѣлъ весь полъ ея обезчещеннымъ?

72 8. Не говори мнѣ, что представляемое въ театрѣ есть одно лицедѣйство. Лицедѣйство это многихъ сдѣлало прелюбодѣями, и многіе домы разстроило. О томъ-то особенно и скорблю, что въ этомъ даже не подозрѣваютъ худого, но такія развратныя представленія принимаютъ съ рукоплесканіями, съ восклицаніями и громкимъ смѣхомъ. Итакъ скажешь, что все это лицедѣйство? Но за то самое лицедѣи и стоили бы тысячи смертей, что они научились подражать запрещенному всѣми законами. Если дѣло худо, то и подражаніе ему худо. Не говорю еще о томъ, сколь многихъ дѣлаютъ блудниками представляющіе эти любодѣйныя зрѣлища, къ какой наглости и безстыдству пріучаютъ они зрителей. Вѣдь одному только сладострастному и наглому глазу сносно смотрѣть на эти зрѣлища. На площади ты не станешь смотрѣть на обнаженную женщину, а еще менѣе дома,— ты оскорбишься такимъ зрѣлищемъ; а въ театръ идешь, чтобы оскорбить честь и мужескаго и женскаго пола, и осрамить глаза свои. Не говори, что обнажена блудница, потому что одинъ полъ и одно тѣло какъ у блудницы, такъ и у благородной женщины. Если въ этомъ нѣтъ ничего непристойнаго, то почему, когда на площади увидишь то же, и самъ бѣжишь прочь, и гонишь отъ себя безстыдную? Или когда бываемъ порознь, тогда это не пристойно, а когда соберемся и сидимъ вмѣстѣ, тогда уже не позорно?

Это смѣшно и постыдно и означаетъ крайнее безуміе. Лучше грязью, или навозомъ вымарать себѣ все лице, чѣмъ смотрѣть на такое беззаконіе, потому что для глаза не такъ вредна грязь, какъ любострастный взглядъ и видъ обнаженной женщины. Вспомни, что было причиною наготы въ началѣ, и страшись того, что было виною этой срамоты. Что же произвело наготу? Преслушаніе и злоумышленіе діавола. Таково давнее и первое его стараніе. Но прародители по крайней мѣрѣ стыдились наготы своей, а вамъ это нравится, по апостольскому слову: *въ студѣ славу имѣющіе* (Филип. III, 19). Какъ будетъ смотрѣть на тебя жена, когда ты возвратишься съ такого беззаконнаго зрѣлища? Какъ приметъ тебя? Какъ будетъ говорить съ тобою послѣ того, какъ ты столь безчестно посрамилъ весь женскій полъ, плѣнился такимъ зрѣлищемъ, и сдѣлался рабомъ блудницы? Впрочемъ, если слово мое огорчитъ васъ, то я много вамъ за то благодаренъ: *кто есть веселяй мя, точію пріемляй скорбь отъ мене* (2 Коринѳ. II, 2)? Никогда не переставайте рыдать объ этомъ и терзаться; такая скорбь будетъ для насъ началомъ исправленія. Для того-то я и усилилъ мое слово, чтобъ сдѣлать рану глубже, избавить васъ отъ гніенія зараженныхъ членовъ, и возвратить вамъ совершенное душевное здравіе, которымъ да наслаждаемся всѣ мы вполнѣ, и да получимъ награды, опредѣленныя намъ за такія добрыя дѣла наши, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

И собравъ вся первосвященники и книжники людскія, вопрошаше отъ нихъ: гдѣ Христосъ раждается? Они же рекоша ему: въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ (Матѳ. II, 4, 5). 78

1. Видишь ли, какъ всѣ событія служатъ къ обличенію іудеевъ? Пока они еще не видали І. Христа, и не были объяты завистію, то свидѣтельствовали о Немъ всю правду. Но какъ скоро увидали славу Его чудесъ, то, объятые завистію, измѣнили наконецъ истинѣ. Но истинѣ все содѣйствовало, и сами враги только болѣе споспѣшествовали ей. Смотри, сколь чудныя и необычайныя совершаются и здѣсь дѣла. Варвары и іудеи взаимно научаются другъ отъ друга, и наставляютъ другъ друга чему-то великому. Іудеи слышатъ отъ волхвовъ, что и въ персидской странѣ звѣзда проповѣдала Его (Христа); а волхвы

узнаютъ отъ іудеевъ, что о Томъ, Кого проповѣдала звѣзда, пророки задолго предвозвѣстили. Такимъ образомъ вопросъ, предложенный волхвами, какъ для нихъ самихъ, такъ и для іудеевъ, послужилъ къ яснѣйшему и точнѣйшему познанію истины. Враги истины невольно принуждены были прочесть слова Писанія, и изъяснить пророчество. Впрочемъ они изъяснили его не все, потому что сказавъ о Виѳлеемѣ, что изъ него произойдетъ Пастырь Израилевъ, не присовокупили послѣдующихъ словъ изъ лести къ царю. Какія же это слова? *Исходи Его изъ начала отъ дней вѣка* (Мих. v, 2). Но если Ему надлежало произойти оттуда (изъ Виѳлеема), то для чего жилъ Онъ, скажешь ты, послѣ рожденія въ Назаретѣ, и тѣмъ затемнилъ пророчество? Напротивъ, Онъ не затемнилъ, а еще болѣе раскрылъ его. Если Онъ родился въ Виѳлеемѣ, не смотря на то, что мать Его постоянно жила въ Назаретѣ, то очевидно, что дѣло происходило по особенному устроенію. Потому-то и послѣ рожденія Онъ не тотчасъ оставилъ Виѳлеемъ, но пробылъ тамъ сорокъ дней, чтобы желающимъ дать время съ точностію все изслѣдовать. Если бы только захотѣли обратить вниманіе, то много было побужденій къ такому изслѣдованію. По прибытіи волхвовъ, возмутился весь городъ, а съ нимъ и царь; вызвали пророка, собралось великое судилище. Къ тому же много произошло и другихъ событій, о которыхъ подробно повѣствуетъ евангелистъ Лука; я разумѣю извѣстное намъ объ Аннѣ, Симеонѣ, Захаріи, ангелахъ и пастыряхъ; все это легко могло побудить внимательныхъ къ открытію истины. Если волхвы, пришедшіе изъ Персіи, узнали мѣсто, то тѣмъ болѣе жившіе въ Іудеи могли узнать о всемъ случившемся. Съ самаго начала Христосъ открылъ Себя во многихъ чудесахъ. Но
74 такъ какъ не хотѣли узнать Его, то Онъ, скрывшись на нѣсколько времени, послѣ явилъ Себя другимъ, славнѣйшимъ образомъ. Тогда уже не волхвы, не звѣзда, но самъ Отецъ свыше свидѣтельствовалъ о Немъ, когда Онъ крестился въ струяхъ Іорданскихъ, и Святый Духъ нисходилъ вмѣстѣ съ тѣмъ гласомъ на главу крестящагося. Іоаннъ безбоязненно взывалъ во всей Іудеѣ, наполняя проповѣдію о Христѣ и грады и пустыню. И чудеса, и земля, и море, и вся тварь торжественно возвѣщали о Немъ. Подлинно, и при рожденіи такія были знаменія, которыя могли показать, что Онъ уже пришелъ. Іудеи не могутъ сказать: не знаемъ, когда и гдѣ родился Онъ! Вся исторія волхвовъ и другія упомянутыя событія такъ устроены, что іудеи не имѣютъ никакого извиненія, когда не хотѣли изслѣдовать случившагося.

2. Но замѣть еще точность въ словахъ пророчества. Пророкъ не сказалъ: будетъ жить въ Виѳлеемѣ, но: *изыдетъ* (изъ

Виѳлеема); пророчество слѣдовательно и указывало на то, что Онъ только родится въ Виѳлеемѣ. Нѣкоторые же изъ іудеевъ съ безстыдствомъ утверждаютъ, будто бы это сказано о Зоровавелѣ. Но какъ это могло быть? Его исходи не *изначала отъ дней вѣка*. Да и можно ли къ нему отнести сказанное въ началѣ: *яко изъ тебе изыдетъ*? Онъ родился не въ Іудеѣ, а въ Вавилонѣ, потому и Зоровавелемъ названъ, что тамъ родился. Знающіе сирскій языкъ поймутъ мои слова. Кромѣ того, что мы сказали, и всѣ послѣдовавшія затѣмъ обстоятельства совершенно подтверждаютъ, что это пророчество относится къ Іисусу Христу. Что именно сказано? *Ничимже меньши еси во владыкахъ Іудовыхъ*, и тутъ же присовокупляется причина знаменитости мѣста: *яко изъ тебе изыдетъ*. Это мѣсто сдѣлалось извѣстнымъ и знаменитымъ только чрезъ Іисуса Христа. Именно, послѣ Его рожденія со всѣхъ концовъ земли приходятъ видѣть ясли и вертепъ, что самое предвозвѣстилъ и пророкъ, говоря: *ничимже меньши еси во владыкахъ Іудовыхъ*, т. е. между главами племенъ. Въ этихъ словахъ онъ заключалъ и Іерусалимъ. Но іудеи не обратили на все это никакого вниманія, хотя для нихъ это было бы полезно. Потому-то и пророки первоначально говорятъ не столько о достоинствѣ Христа, сколько о благодѣяніи, которое Онъ оказалъ іудеямъ. Такъ, когда родила Дѣва, *наречеши*, говоритъ ангелъ, *имя Ему Іисусъ*; и присовокупляетъ: *Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ*. И волхвы не говорили: гдѣ Сынъ Божій, но: *(гдѣ есть) рождейся Царь Іудейскій?* Такъ и здѣсь не говорится: изъ тебя произойдетъ Сынъ Божій, но: *вождь, иже упасетъ люди Моя Израиля*. Спачала надлежало говорить съ ними сколько можно ближе къ 75
мыслямъ ихъ, чтобы они не соблазнились, и говорить именно о ихъ спасеніи, чтобы тѣмъ лучше привлечь ихъ. Вотъ почему всѣ, какія сначала и при самомъ Его рожденіи произнесены о Немъ свидѣтельства, не раскрываютъ еще вполнѣ Его величія, не такъ, какъ бывшія послѣ явленія знаменій; послѣднія яснѣе говорятъ о Его достоинствѣ. Такъ, когда послѣ многихъ чудесъ воспѣли Ему дѣти, слушай, что говоритъ тогда пророкъ: *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Пс. VIII, 3); и еще: *яко узрю небеса дѣла перстъ Твоихъ* (тамъ же ст. 4),—что показываетъ въ Немъ Творца вселенной. А относящееся къ Его вознесенію свидѣтельство показываетъ равенство Его съ Отцемъ. *Рече*, сказано, *Господь Господеви моему*: *сѣди одесную Мене* (Псал. CIX, 1). Также Исаія говоритъ: *возстаяй владѣти языки*; *на Того языцы уповати будутъ* (Ис. XI, 9). Но почему же сказано, что Виѳлеемъ *ничимже меньши есть во владыкахъ* Іудовыхъ, между тѣмъ какъ эта весь не только въ Палестинѣ, но и во всей вселенной сдѣлалась

извѣстною? Здѣсь рѣчь обращена еще къ іудеямъ, потому и присовокупилъ: ***упасетъ люди Моя Израиля.*** Хотя Онъ пасетъ всю вселенную, но, какъ я сказалъ, не желая оскорбить ихъ, умалчиваетъ о язычникахъ. Но отчего же, скажешь ты, Онъ не упасъ и народа іудейскаго? Неправда; и это дѣйствительно совершилось. Подъ Израилемъ здѣсь Онъ разумѣетъ увѣровавшихъ въ Него іудеевъ, что изъясняя, Павелъ говоритъ: ***не вси бо сущіи отъ Израиля, сіи Израиль; но елицы вѣрою и обѣтованіемъ родишася*** (Рим. IX, 6). Если же не всѣхъ Онъ упасъ, то это ихъ собственная вина. Имъ бы надлежало вмѣстѣ въ волхвами поклониться и прославить Бога за то, что наступило время оставленія ихъ прегрѣшеній (вѣдь не о судѣ и не объ отвѣтственности ихъ возвѣщалось имъ, но о кроткомъ и тихомъ Пастырѣ); они же поступаютъ совершенно напротивъ, возмущаются и возмущаютъ, и устрояютъ потомъ безчисленныя козни. ***Тогда Иродъ тай призва волхвы, испытоваше отъ нихъ время явльшіяся звѣзды*** (ст. 7), умышляя убить рожденнаго; это доказывало не только его ярость, но и крайнее безуміе. И то, что было говорено ему, и самыя событія могли отклонить его отъ всякаго подобнаго покушенія. Событія совершались не въ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ. Звѣзда призываетъ волхвовъ, иноплеменные мужи предпринимаютъ столь далекое путешествіе, чтобы поклониться лежащему въ пеленахъ и въ ясляхъ, и пророки напередъ еще о немъ предвозвѣщаютъ. Всѣ эти событія были болѣе, нежели человѣческія. Однако же ничто не удержало Ирода.

3. Такова уже злоба, что она сама себѣ вредитъ, и всегда предпринимаетъ невозможное. Смотри, какое безуміе! Если Иродъ
76 вѣрилъ пророчеству и почиталъ еще непреложнымъ, то, очевидно, онъ замышляетъ дѣла невозможныя. А если онъ не вѣрилъ и не думалъ, чтобы сбылось предреченіе, то не нужно было ему бояться и страшиться, а потому и строить козни. Итакъ, въ обоихъ случаяхъ хитрость была излишня. И то уже крайнее безуміе, что онъ думалъ, будто волхвы предпочтутъ его родившемуся, для котораго они совершили столь дальнее путешествіе. Если они, прежде чѣмъ увидѣли Младенца, горѣли къ Нему столь сильною любовію, то какъ Иродъ могъ надѣяться, что они согласяться предать ему Младенца послѣ того, какъ увидѣли Его, и утвердились въ вѣрѣ пророчествомъ? И однакожъ, не смотря на всѣ эти обстоятельства, которыя должны были отвлечь отъ предпринятаго намѣренія, Иродъ не оставляетъ его: ***и тай призва волхвы, испытоваше отъ нихъ.*** Онъ думалъ, что іудеи дорожатъ Младенцемъ, и не предполагалъ, что они дойдутъ до такого неистовства, что согласятся предать врагамъ

своего Ходатая и Спасителя, пришедшаго для избавленія ихъ: потому и призываетъ волхвовъ тайно и вывѣдываетъ не время рожденія Младенца, но явленія звѣзды, съ хитростію уловляя добычу. Я думаю, что звѣзда явилась гораздо прежде (рожденія), потому что волхвы должны были много времени напередъ провести въ путешествіи, чтобы предстать только что Рожденному; а между тѣмъ Христу надлежало принять поклоненіе въ самыхъ пеленахъ еще, чтобы событіе явилось чудеснымъ и необычайнымъ. Потому-то звѣзда и является гораздо раньше (рожденія Христова). Если бы она явилась волхвамъ на востокѣ тогда, какъ уже Христосъ родился въ Палестинѣ, то, пробывши долго въ пути, по своемъ прибытіи, они уже не могли бы Его видѣть въ пеленахъ. Не нужно удивляться тому, что Иродъ избиваетъ младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и ниже; здѣсь ярость и страхъ для вѣрнѣйшаго успѣха прибавили и больше времени, чтобы никто не избѣжалъ (пораженія). Итакъ, призвавъ волхвовъ, говоритъ: *шедше испытайте извѣстно о отрочати, егда же обрящете, возвѣстите ми, яко да и азъ шедъ поклонюся Ему* (ст. 8). Какое безуміе! Если ты, Иродъ, говоришь это по внушенію истины, то для чего вопрошаешь тайно? А если съ коварнымъ намѣреніемъ, то какъ не понимаешь, что тайные разспросы твои заставятъ волхвовъ подозрѣвать тебя въ зломъ умыслѣ? Но душа, объятая злобою, какъ я сказалъ уже, становится совершенно безумною. Онъ не сказалъ: шедше испытайте о царѣ, но: о отрочати. Для него несносно было произнести даже имя, означающее власть. А волхвы, по великому благочестію своему, нисколько того не замѣчали, потому что никакъ не предполагали, чтобъ онъ дошелъ до такой злобы и вздумалъ противоборствовать столь чудному устроенію. Ничего подобнаго не подозрѣвая, но судя по себѣ и о всѣхъ другихъ, они уходятъ отъ него. *И се звѣзда, юже видѣша на востоцѣ, идяше передъ ними* (ст. 9). Она скрывалась
для того, чтобы они, лишившись путеводителя, принуждены 77
были прибѣгнуть съ вопросами къ іудеямъ, и такимъ образомъ событіе сдѣлалось для всѣхъ извѣстнымъ. Когда же они спросили и развѣдали о Младенцѣ отъ самихъ враговъ, то звѣзда имъ опять является. Смотри, какой здѣсь прекрасный порядокъ! Послѣ того, какъ оставила волхвовъ звѣзда, принимаютъ ихъ іудейскій народъ и царь; приводятъ пророка, чтобы объяснить явленіе; а послѣ того опять научаетъ ихъ всему ангелъ, и они идутъ изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ вслѣдъ за звѣздою. Звѣзда опять имъ сопутствовала,—и отсюда ты опять можешь видѣть, что звѣзда эта не была изъ числа обыкновенныхъ звѣздъ,— нѣтъ ни одной звѣзды, которая имѣла бы такое свойство. Она

не просто шла, но предшествовала имъ, ведя ихъ какъ бы за руку среди дня.

4. Но что за нужда, спросишь, была въ звѣздѣ, когда мѣсто сдѣлалось уже извѣстнымъ? Та, чтобъ указать и самого Младенца, потому что иначе нельзя было узнать Его, поскольку и домъ не былъ извѣстенъ, и Мать Его не была славна и знаменита; а потому и нужна была звѣзда, которая бы привела ихъ прямо къ тому мѣсту. Поэтому, по выходѣ ихъ изъ Іерусалима, она является имъ и останавливается не прежде, какъ уже дошедши до яслей. Здѣсь чудо присоединяется къ чуду. Дивны оба событія: и то, что волхвы покланяются, и то, что ихъ приводитъ звѣзда; это должно тронуть и самыя каменныя сердца. Если бы волхвы сказали, что они слышали объ этомъ предреченіе пророковъ, или что объявили имъ о томъ ангелы по особенному откровенію, то можно было бы еще имъ и не повѣрить; но сіяніемъ звѣзды, явившейся свыше, заграждаются теперь уста и самыхъ безстыднѣйшихъ. Далѣе звѣзда, достигши Отрока, опять остановилась. И это опять доказываетъ, что здѣсь дѣйствуетъ сила большая, нежели какая свойственна обыкновеннымъ звѣздамъ, т. е., что она то скрывается, то является, и явившись останавливается. Отсюда и волхвы еще болѣе утвердились въ вѣрѣ, и возрадовались, что нашли то, чего искали, что сдѣлались провозвѣстниками истины, что не напрасно предпринимали столь дальній путь. Столько-то сильна была любовь ихъ ко Христу! Звѣзда, приблизившись, стала надъ самою главою (Отрока), показывая этимъ божественное происхожденіе Его. И остановившись, приводитъ къ поклоненію не простыхъ язычниковъ, но самыхъ мудрѣйшихъ изъ нихъ. Видишь ли, что звѣзда не даромъ явилась? Волхвы, и по выслушаніи пророчества, и послѣ того, какъ услышали изъясненіе его отъ первосвященниковъ и книжниковъ, все еще были внимательны къ ней.

Да посрамится Маркіонъ, да посрамится Павелъ Самосатскій, которые не хотѣли видѣть того, что видѣли волхвы—первенцы Церкви (я не стыжусь такъ называть ихъ). Да посрамится Маркіонъ, видя, какъ покланяются) Богу во плоти. Да постыдится Павелъ, видя, какъ Христу покланяются—не просто какъ человѣку. Хотя пелены и ясли показываютъ, что покланяются воплощенному, однако же покланяются не какъ простому человѣку; это видно изъ того, что приносятъ Ему, еще младенцу, такіе дары, которые прилично приносить одному только Богу. Да по-
78 срамятся вмѣстѣ съ ними и іудеи, которые, видя, что иноплеменники и волхвы предваряютъ ихъ, не хотѣли идти даже и вслѣдъ за ними. Событіе это служило знаменіемъ будущаго, и съ самаго

начала показывало, что язычники предварятъ іудеевъ. Но почему, ты спросишь, послѣ уже, а не сначала, сказано: *шедше научите вся языки* (Матѳ. xxviii, 19)? Потому что, какъ я сказалъ уже, случившееся тогда было образомъ и предсказаніемъ будущаго. Іудеямъ слѣдовало придти первымъ; но такъ какъ они добровольно отринули собственно имъ предложенное благодѣяніе, то дѣла получили другой ходъ. И здѣсь, вѣдь, при рожденіи, волхвамъ не слѣдовало придти прежде іудеевъ; жившимъ въ столь дальнемъ разстояніи не слѣдовало предупредить живущихъ подлѣ самаго города; не слыхавшимъ ничего не слѣдовало предварить воспитанныхъ среди такого числа пророчествъ. Но такъ какъ іудеи совершенно не понимали тѣхъ благъ, которыя имъ принадлежали, то пришедшіе изъ Персіи предваряютъ живущихъ въ Іерусалимѣ. Такъ говоритъ объ этомъ и апостолъ Павелъ: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Господне, но понеже недостойны сотвористе сами себе, се обращаемся во языки* (Дѣян. xiii, 46). Если іудеи и не вѣрили прежде, то, по крайней мѣрѣ, имъ надлежало бы идти тогда, какъ услышали отъ волхвовъ; но и того они не хотѣли сдѣлать. И потому-то во время такого ихъ ослѣпленія волхвы и предваряютъ ихъ.

5. Послѣдуемъ же и мы волхвамъ, и, оставя чуждые (христіанства) обычаи, совершимъ великое путешествіе, да и мы узримъ Христа. Такъ какъ и волхвы не видали бы Его, если бы не удалились изъ своей страны, то и мы будемъ удаляться земного. Волхвы, доколѣ были въ землѣ персидской, видѣли одну звѣзду; какъ скоро оттуда удалились, узрѣли Солнце правды. Но не видать бы имъ и самой звѣзды, если бы не поспѣшили оттуда со всею охотою. Востанемъ же и мы; пусть всѣ приходятъ въ смятеніе,—мы потечемъ къ дому Отрочати. Пусть цари, народы, пусть владыки земли преграждаютъ этотъ путь,—не погасимъ ревности своей. Только такимъ образомъ и можемъ отстранить предстоящія опасности: вѣдь и волхвамъ не избѣжать бы бѣдствія со стороны угрожавшаго царя, если бы они не увидѣли Отроча. Прежде, чѣмъ узрѣть Отроча, и страхъ и опасности и безпокойства отвсюду окружали волхвовъ; когда же поклонились Отрочати, они стали спокойны и безопасны. И вотъ уже не звѣзда, но ангелъ сопутствуетъ имъ, такъ какъ чрезъ поклоненіе они содѣлались іереями, и дары принесли. Такъ и ты, оставивъ іудейскій народъ, возмущенный городъ, кровожаднаго мучителя, свѣтскую пышность, спѣши къ Виѳлеему, гдѣ находится домъ хлѣба духовнаго. Пастырь ли ты? Теки туда, и ты въ вертепѣ узришь Отроча. Царь ли ты? Если не пойдешь въ храмину, нѣтъ тебѣ никакой пользы отъ порфиры. Волхвъ

ли ты? И это нисколько не воспрепятствуетъ тебѣ, если только
79 пойдешь воздать честь и поклониться Сыну Божію, и не станешь попирать Его. Впрочемъ, дѣлай это съ трепетомъ и радостію: и то и другое можетъ совмѣститься. Смотри, не будь Иродомъ, и подобно ему, сказавъ: *яко да и азъ шедъ поклонюся Ему* (Матѳ. II, 8), не замышляй, когда придешь, убить Отроча; ему уподобляются тѣ, кто недостойно пріобщается святыхъ тайнъ. Такой, по слову апостола, *повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни* (1 Кор. XI, 27). Такіе люди служатъ сокрытому въ нихъ самихъ мамонѣ, который, будучи гораздо хуже Ирода, ненавидитъ царство Христово. Желая господствовать надъ людьми, онъ посылаетъ своихъ поклонниковъ, которые наружно покланяются Христу, а во время поклоненія убиваютъ Его. Убоимся показывать себя по наружности покорными поклонниками, а на самомъ дѣлѣ быть Его врагами. Кланяясь, повергнемъ все предъ Нимъ изъ рукъ своихъ. Если есть у насъ злато, принесемъ Ему, а не будемъ закапывать. Если тогда иноплеменники почтили Его своими дарами, то за кого надобно почесть тебя, когда ты отказываешь требующему твоей помощи? Если они подъяли такой великій путь для того, чтобъ узрѣть рожденнаго, то чѣмъ извинишься ты, который не хочешь пройти одной улицы для посѣщенія страждущаго и заключеннаго въ узахъ? Мы милосердуемъ о самихъ врагахъ нашихъ, когда они въ болѣзни или узахъ, а ты не чувствуешь состраданія къ Благодѣтелю твоему и Господу. Тѣ принесли злато, а ты едва подаешь хлѣба. Тѣ, увидѣвъ звѣзду, возрадовались, а ты не трогаешься, видя самого Христа и странна и нага. Но найдется ли кто-нибудь между вами, хотя одинъ изъ числа получившихъ тысячу благодѣяній, кто бы предпринималъ для Христа такое путешествіе, какое совершили эти мудрѣйшіе самыхъ мудрецовъ варвары? Но что я говорю—такое путешествіе? Многія женщины у насъ такъ изнѣжены, что если не будутъ привезены на мулахъ, не хотятъ пройти и одной улицы для того, чтобы увидѣть Христа въ духовныхъ ясляхъ? Если же и есть такія, которыя могутъ приходить ко Христу, то однѣ изъ нихъ предпочитаютъ хлопоты по домашнимъ дѣламъ, а другія даже посѣщеніе зрѣлищъ хожденію въ это наше собраніе. Варвары, не видавъ еще Христа, столь великій для Него протекли путь; а ты, и видѣвъ Его, не подражаешь имъ, но, взглянувъ, оставляешь Его и спѣшишь смотрѣть на шута (я обращаюсь опять къ тому же, о чемъ говорилъ и прежде) и, видя Христа, лежащаго въ ясляхъ, бѣжишь отъ Него для того, чтобы видѣть на сценѣ женщинъ. Какихъ громовъ и молній не достойны такіе поступки!

6. Положимъ, что кто-нибудь обѣщался ввести тебя въ царскіе чертоги и показать въ нихъ царя: скажи мнѣ, захотѣлъ ли бы ты, вмѣсто того, смотрѣть на зрѣлище, хотя бы отъ перваго и не могъ ожидать никакой для себя выгоды? Но здѣсь — отъ этой трапезы истекаетъ духовный огненный источникъ; а ты, оставляя его и убѣгая на зрѣлище видѣть играющихъ и подвергающихъ всеобшему безславію свой женскій полъ, не оставляешь ли самого Христа, Который сидитъ при этомъ источникѣ? Да, Онъ и нынѣ сидитъ при источникѣ, бесѣдуя не съ одною самарянкою, но съ цѣлымъ городомъ. А быть можетъ, что и те- 80
перь говоритъ одной самарянкѣ, такъ какъ нѣтъ при Немъ и теперь никого; нѣкоторые только тѣломъ, а другіе и тѣломъ не хотятъ быть при Немъ. Но, при всемъ томъ, Онъ не отходитъ, а стоитъ, и у насъ проситъ пить, но не воды, а святыни, такъ какъ и самъ только святымъ дарствуетъ святое. Не воду подаетъ Онъ намъ изъ этого источника, а кровь живую, которая, будучи образомъ Его смерти, есть источникъ нашей жизни. А ты, оставивъ источникъ крови, эту страшную чашу, течешь на діавольскій источникъ смотрѣть плавающую въ немъ блудницу, и потопить тамъ свою душу. Въ этой водѣ— морѣ любострастія — не тѣла потопаютъ, а души гибнутъ. Та плаваетъ съ обнаженнымъ тѣломъ, а ты, смотря на нее, погружаешься въ бездну любострастія. Таковы сѣти діавола, что онъ губитъ не тѣхъ, которые уже погружены въ самой водѣ, но тѣхъ, которые, сидя спокойно, смотрятъ па это, и подвергаетъ потопленію, болѣе ужасному, чѣмъ какому подвергся фараонъ, утонувшій нѣкогда съ конями и колесницами. И если бы можно было видѣть души, то я показалъ бы вамъ много утонувшихъ въ этихъ водахъ, какъ нѣкогда тѣла египтянъ. Но что всего хуже, такую погибель называютъ увеселеніемъ, и бездну погибели источникомъ наслажденія,—хотя безопаснѣе можно переплыть Егейское и Тирское море, чѣмъ возвратиться съ такого зрѣлища. Во-первыхъ, діаволъ всю ночь занимаетъ души ожиданіемъ; потомъ, показавъ ожидаемое, тотчасъ связываетъ ихъ и дѣлаетъ своими плѣнниками. Не думай, что ты чистъ отъ грѣха, когда не совокупился съ блудницею; ты пожеланіемъ все уже сдѣлалъ. Подлинно, если ты питаешь похотѣніе, то этимъ большій возжигаешь пламень. Если же зрѣлище не производитъ на тебя никакого впечатлѣнія, то тѣмъ большаго ты достоинъ осужденія за то, что служишь соблазномъ для другихъ, поощряя такія зрѣлища, оскверняешь свой взоръ, а со взоромъ и душу. Но не ограничимся однимъ воспрещеніемъ; а представимъ и способъ исправленія. Какой же это способъ? Я хочу отдать васъ

для наученія женамъ вашимъ. По закону Павлову, надлежало бы вамъ быть ихъ учителями; но какъ грѣхъ извратилъ весь порядокъ, и туловище стало вверху, а глаза внизу, то и мы ужъ изберемъ этотъ путь. Если же стыдно для тебя имѣть учителемъ жену, убѣгай грѣха, и ты опять получишь ввѣренную тебѣ отъ Бога власть. Но до тѣхъ поръ, пока будешь беззаконно вести себя, Писаніе посылаетъ тебя не только къ женамъ, но и къ безсловеснымъ самымъ низкимъ; оно вѣдь не стыдится одареннаго разумомъ посылать учиться къ муравью. Впрочемъ не Писаніе въ томъ виновато, а тѣ, кто сами теряютъ свое достоин-
81 ство. Тоже сдѣлаемъ и мы: теперь отдадимъ тебя учиться къ женѣ, если же ты не будешь и ее слушать, то отошлемъ на поученье къ безсловеснымъ животнымъ, и покажемъ, сколько на землѣ птицъ, рыбъ, сколько четвероногихъ животныхъ, сколько пресмыкающихся по землѣ, которыя чище и воздержнѣе тебя. Если же ты стыдишься и краснѣешь при этомъ сравненіи, возвратись къ свойственному тебѣ благородству, и убѣгай моря геенскаго и огненной рѣки, т. е. купаленъ въ театрѣ, потому что онѣ влекутъ тебя въ море похоти и возжигаютъ эту пламенную бездну.

7. Если *воззрѣвый на жену, ко еже вожделѣти, уже любодѣйствова* (Матѳ. v, 28), то не гораздо ли чаще дѣлается плѣнникомъ тотъ, кто заставляетъ себя смотрѣть на нагую? Не столько потопъ, бывшій во время Ноя, пагубенъ былъ для рода человѣческаго, сколько эти плавающія женщины безстыднѣйшимъ образомъ губятъ всѣхъ зрителей. Тотъ, хотя и причинилъ смерть тѣлу, но за то очищалъ душу отъ грѣховъ; а эти производятъ противное: оставляя тѣло, онѣ погубляютъ душу. Когда рѣчь идетъ о преимуществѣ, вы присвояете себѣ первое мѣсто во всей вселенной, потому что нашъ городъ первый облекся христіанскимъ именемъ; а въ подвигѣ цѣломудрія не стыдитесь уступать и самымъ послѣднимъ по образованію городамъ. Хорошо, скажете вы, — что же намъ прикажешь дѣлать? Идти въ горы и сдѣлаться монахами? Сожалѣю, что вы скромность и цѣломудріе почитаете обязанностію однихъ монаховъ, тогда какъ Христосъ постановилъ общіе для всѣхъ законы. Когда Онъ говоритъ: *аще кто воззритъ на жену, ко еже вожделѣти*, то говоритъ не къ монашествующему, но и къ женатому, потому что гора та (на которой Онъ говорилъ) покрыта была людьми всякаго рода. Содержи же въ умѣ твоемъ это зрѣлище, и возненавидь зрѣлище діавольское, и не укоряй меня въ томъ, будто я предложилъ тебѣ слово тяжкое. Я не воспрещаю жениться, не препятствую веселиться; но хочу, чтобы это происходило не безъ цѣломудрія, не съ без-

стыдствомъ и безчисленными пороками. Я не предписываю идти въ горы и пустыни, но чтобы ты велъ себя честно, скромно, цѣломудренно, живя среди города. Всѣ законы у насъ съ монахами общи, кромѣ брака. А Павелъ повелѣваетъ и брачнымъ во 82
всемъ уподобляться монахамъ: *преходитъ бо образъ міра сего, да и имущіи жены яко не имущіи будутъ* (1 Кор. VII, 29). Слѣдовательно, какъ бы сказалъ такъ: я не повелѣваю удаляться на верхи горъ, хотя желалъ бы того, потому что города поступаютъ подобно содомлянамъ,—впрочемъ, не понуждаю къ тому. Пребывай дома съ дѣтьми и женою; только не безчесть жены, не соблазняй дѣтей, и не вноси заразы съ зрѣлищъ въ домъ твой. Слышишь ли, что говоритъ Павелъ: *мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена* (1 Кор. VII, 4)? Онъ обоимъ полагаетъ общій законъ. Но ты, когда жена твоя часто ходитъ въ церковь, жестоко за то обвиняешь ее; а самъ, проводя цѣлые дни на зрѣлищахъ, не считаешь себя достойнымъ обвиненія. Ты о цѣломудріи жены печешься даже до излишества и чрезмѣрности, такъ что не позволяешь ей необходимыхъ выходовъ, а для себя все почитаешь позволеннымъ. Но этого не позволяетъ тебѣ Павелъ, который далъ ту же власть и женѣ: *женѣ*, говоритъ онъ, *мужъ должную* честь *да воздаетъ* (1 Кор. VII, 3). Но что это за честь, когда ты обижаешь ее въ главнѣйшемъ, когда отдаешь тѣло, принадлежащее ей, блудницамъ (вѣдь тѣло твое ей принадлежитъ)? Какая честь, когда вносишь въ домъ возмущенія и ссоры, когда то на площади дѣлаешь, о чемъ разсказывая дома, стыдишь слушающую жену, заставляешь краснѣть предстоящую дочь, а прежде нихъ себя самого? Лучше бы уже молчать, нежели безстыдно говорить о томъ, за что и рабовъ надобно наказывать Чѣмъ извинишься, — скажи мнѣ, — въ томъ, что смотришь съ великимъ вниманіемъ на то, о чемъ неприлично и говорить,—предпочитаешь всему то, чего нельзя терпѣть въ разсказѣ? Но довольно; чтобы не отяготить васъ, я кончу здѣсь слово мое. Впрочемъ, если вы останетесь при прежнемъ, то изощрю мечъ мой, нанесу глубочайшую рану,—и не успокоюсь дотолѣ, пока, разсѣявъ діавольское зрѣлище, очищу общество, составляющее Церковь. Такимъ только образомъ мы избавимся и отъ настоящаго срама, и сподобимся жизни будущей, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

81 **И пришедше въ храмину, видѣша отроча съ Маріею,
матеріею Его, и падше поклонишася Ему: и отверзше
сокровища своя, принесоша Ему дары: злато, и ливанъ
и смирну (Матѳ. II, 11).**

1. Какъ же говоритъ Лука, что отроча положено было въ
ясляхъ? Потому что родившая тотчасъ положила Его тамъ. По
82 причинѣ множества собравшихся для переписи, нельзя было
найти дома, на что и указываетъ Лука, говоря: *и положи Его,
зане не бѣ мѣста* (Лук. II, 7). Но послѣ она взяла Его и держала
на колѣнахъ. Она вскорѣ, по прибытіи въ Виѳлеемъ, разрѣшилась
отъ бремени. Итакъ, ты и отсюда можешь видѣть все домострои-
тельство, и что все это не просто и не по случаю происходило,
83 но по божественному промышленію, и исполнялось вслѣдствіе
пророчества. Но что заставило волхвовъ поклониться, когда ни
Дѣва не была знаменита, ни домъ не былъ великолѣпенъ, да и
во всей наружности ничего не было такого, что бы могло пора-
зить и привлечь ихъ? А между тѣмъ, они не только покланяются,
но и, открывши сокровища свои, приносятъ дары, и дары не
какъ человѣку, но какъ Богу,—потому что ливанъ и смирна были
символомъ такого поклоненія. Итакъ, что ихъ побудило и заста-
вило выйти изъ дому и рѣшиться на столь дальній путь? Звѣзда
и божественное озареніе ихъ мысли, мало-по-малу возводившее
ихъ къ совершеннѣйшему вѣдѣнію. Иначе они не оказали бы
Ему такой чести, при столь маловажныхъ по всему обстоятель-
ствахъ. Для чувствъ не было ничего тамъ великаго, были только
ясли, хижина и бѣдная матерь, чтобы ты открыто видѣлъ отсюда
любомудріе волхвовъ, и позналъ, что они приступали не какъ
къ простому человѣку, но какъ къ Богу и благодѣтелю. Потому-
то они и не соблазнялись ничѣмъ видимымъ и внѣшнимъ, но
покланялись и приносили дары, не похожіе на грубыя (прино-
шенія) іудейскія; приносили (въ жертву) не овецъ и тельцовъ,
но, какъ бы были истинные христіане, принесли Ему познаніе,
послушаніе и любовь. ***Вѣсть пріемше во снѣ не возвратитися ко
Ироду, инымъ путемъ отъидоша въ страну свою*** (ст. 12). Смотри и
отсюда, какова вѣра ихъ, — какъ они не соблазнились, но были
благопослушны, благоразумны! Не смущаются, не размышляютъ
въ самихъ себѣ, говоря: если этотъ младенецъ дѣйствительно
великъ, и имѣетъ какую-либо силу, то для чего намъ бѣжать
и тайно удаляться, и для чего ангелъ высылаетъ насъ изъ

города, какъ рабовъ и бѣглецовъ, тогда какъ мы пришли явно и съ дерзновеніемъ предстали предъ такимъ множествомъ народа и предъ царемъ неистовымъ? Ничего подобнаго они и не говорили, и не думали, а это-то и есть особеннѣйшее дѣло вѣры,—не изыскивать причинъ того, чего не велятъ дѣлать, но только покоряться повелѣніямъ. *Отшедшимъ же имъ, се ангелъ Господень во снѣ явися Іосифу, глаголя: воставъ поими отроча и матерь Его, и бѣжи во Египетъ* (ст. 13). Здѣсь можно имѣть нѣкоторое недоумѣніе и касательно волхвовъ и младенца. Пусть сами они и не пришли въ смущеніе, а все приняли съ вѣрою: однако мы должны изслѣдовать, почему и волхвы и отроча не остаются въ прежнемъ мѣстѣ, но волхвы удаляются въ Персію, а отроча съ матерію бѣжитъ во Египетъ? Что же? Неужели отроча должно было впасть въ руки Ирода, и, впавши, не подвергнуться смерти? Но тогда могли бы усомниться въ томъ, что Онъ принялъ плоть, и не повѣрить величію домостроительства. Если и послѣ этихъ и многихъ другихъ человѣческихъ дѣйствій, нѣкоторые осмѣлились назвать воспріятіе плоти баснею, то до какой глубины нечестія не ниспали бы они, если бы Онъ вездѣ дѣйствовалъ такъ, какъ прилично Богу и Его могуществу? Что же касается до волхвовъ, то Богъ вскорѣ высылаетъ ихъ частію потому, что Онъ посылаетъ ихъ учителями въ страну персидскую, а частію— 84
предотвращаетъ неистовство тирана, чтобы этимъ вразумить его, что онъ предпринимаетъ невозможное, и чтобы угасить его ярость, и отвести его отъ этого тщетнаго труда. Могуществу Божію свойственно не только открыто преодолѣвать враговъ Своихъ, но и безъ затрудненія попускать имъ впадать въ заблужденіе. Такъ именно Онъ попустилъ, напримѣръ, іудеямъ ввести въ заблужденіе египтянъ, и имѣя право открыто отдать богатство ихъ въ руки евреевъ, повелѣваетъ сдѣлать это тайно и съ лестію,—что не менѣе другихъ знаменій содѣлало Его страшнымъ для враговъ.

2. Такъ и жители Аскалона и прочихъ городовъ, когда взяли ковчегъ завѣта, и будучи поражены, увѣщевали своихъ согражданъ—не враждовать и не сопротивляться, то наряду съ другими чудесами представляли и вышеуказанное, говоря: *почто отягощаете сердца ваши, якоже ожесточися Египетъ и фараонъ? Не егда ли поругася имъ,* тогда *отпусти* народъ Его *и отъидоша* (1 Цар. vi, 6)? Говорили же они такъ потому, что, по ихъ мнѣнію, и это дѣло Божіе, не менѣе другихъ, открыто совершившихся знаменій, доказывало силу и величіе Божіе. Такъ и здѣсь, того, что случилось, довольно было, чтобы привести въ ужасъ тирана. Представь въ самомъ дѣлѣ, сколько долженъ былъ страдать и мучиться Иродъ, обманутый и осмѣянный отъ волхвовъ? Что же

изъ того, если онъ не сдѣлался лучшимъ? Въ томъ виновенъ
не Тотъ, Кто устроилъ это, а чрезмѣрное ослѣпленіе того, кто
не внималъ даннымъ ему достаточнымъ внушеніямъ — отстать
отъ лукавства, а ожесточался еще болѣе, чтобы за таковое безуміе
подвергнуться тягчайшему наказанію. Но для чего, скажешь,
отроча посылается въ Египетъ? Главную причину показалъ самъ
евангелистъ, говоря: *да сбудется реченное: отъ Египта воззвахъ Сына
Моего* (Ос. xi, 1); а вмѣстѣ съ тѣмъ и предвозвѣщались уже
начатки благихъ надеждъ всей вселенной. Такъ какъ Вавилонъ
и Египетъ болѣе всей земли были разжигаемы огнемъ нечестія,
то Господь, показывая въ самомъ началѣ, что Онъ исправитъ и
сдѣлаетъ лучшими жителей обѣихъ странъ, и чрезъ то увѣряя,
что слѣдуетъ ожидать благъ и для всей вселенной, посылаетъ
волхвовъ въ Вавилонъ, а самъ съ матерію приходитъ въ Египетъ.
Кромѣ того, мы узнаемъ отсюда и нѣчто другое, что немало спо-
спѣшествуетъ къ нашему любомудрію. Что же именно? То, что
мы съ самаго начала должны ожидать искушеній и навѣтовъ.
Въ самомъ дѣлѣ, смотри, какъ все это начинается тотчасъ отъ
самыхъ пеленъ. Лишь только Христосъ родился, и тиранъ не-
истовствуетъ, и приключается бѣгство въ чужія земли, и вовсе
невинная мать убѣгаетъ въ страну варваровъ. Послѣ этого и
ты, удостоившись послужить какому-нибудь духовному дѣлу,
если будешь претерпѣвать жесточайшія напасти и подвергаться
безчисленнымъ бѣдствіямъ, не долженъ смущаться и говорить:
что это значитъ? Когда я исполняю волю Господню, то мнѣ слѣ-
довало бы быть увѣнчану и прославлену, свѣтлу и знамениту.
85 Но, имѣя примѣръ Христа, переноси все мужественно, зная, что
съ духовными человѣками такъ и должно особенно быть, и что
ихъ удѣлъ — отовсюду подвергаться искушеніямъ. Смотри, что
совершается не только надъ матеріею и отрокомъ, но и надъ
волхвами: и они тайно удаляются, подобно бѣглецамъ, и сама
мать, никогда не отходившая отъ своего дома, получаетъ пове-
лѣніе отправиться въ далекій и прискорбный путь, по причинѣ
этого чуднаго отрока и духовныхъ мукъ рожденія. Вотъ еще что
удивительно: Палестина строитъ для Него ковы, а Египетъ Его
принимаетъ и спасаетъ отъ навѣтовъ! Такимъ образомъ сбыва-
лись прообразованія не только на дѣтяхъ патріарха, но и на
самомъ Владыкѣ: тогдашними Его дѣлами предвозвѣщены были
многія изъ послѣдующихъ событій, каково, напримѣръ, событіе
касательно осляти и жребяти. Явившійся ангелъ бесѣдуетъ не съ
Маріею, а съ Іосифомъ. И что онъ говоритъ ему? *Воставъ поими
отроча и матерь Его.* Здѣсь онъ уже не говоритъ: *жену свою*, но —
матерь Его. Такъ какъ рожденіе совершилось, сомнѣніе кончи-

лось, и мужъ былъ убѣжденъ, то ангелъ уже открыто бесѣдуетъ съ нимъ, не называя ни отроча, ни жену его, но: *поими*, говоритъ, ***отроча и матерь Его, и бѣжи во Египетъ***, и показываетъ причину бѣгства: ***хощетъ бо***, говоритъ онъ, ***Иродъ искати*** душу ***отрочате***.

3. Іосифъ, услышавъ это, не соблазнился и не сказалъ: что это за странность? Ты прежде говорилъ, что Онъ спасетъ народъ Свой, а теперь Онъ даже и Себя не спасаетъ, и намъ нужно бѣжать, удалиться и переселиться въ отдаленную страну? Это противорѣчитъ тому, что обѣщано. Но онъ ничего такого не говоритъ, потому что онъ былъ мужъ вѣрный; не любопытствуетъ даже о времени возвращенія, о которомъ и ангелъ не сказалъ опредѣленно: ***дондеже реку ти, буди тамо***. Онъ и этимъ не огорчился, но, будучи готовъ терпѣть все, съ радостію оказалъ покорность и послушаніе. И человѣколюбецъ Богъ эти скорби его растворилъ радостію, какъ и обычно Онъ поступаетъ со всѣми святыми, не попуская имъ быть и въ непрестанныхъ опасностяхъ, и не оставляя ихъ въ совершенномъ покоѣ, но устрояя жизнь праведныхъ изъ совокупленія того и другого. Такъ и здѣсь Онъ устроилъ. Смотри: Іосифъ видѣлъ, что Дѣва имѣла во чревѣ; это повергло его въ смущеніе и крайнее безпокойство, потому что онъ подозрѣвалъ Дѣву въ прелюбодѣйствѣ. Но тотчасъ предсталъ ангелъ, уничтожилъ подозрѣніе, и разсѣялъ страхъ, и Іосифъ, видя родившагося Младенца, объятъ былъ величайшею радостію. Снова эту радость смѣняетъ немалая скорбь. Городъ возмущается, царь бѣснуется и ищетъ родившагося. Но за этимъ безпокойствомъ послѣдовала новая радость—звѣзда и поклоненіе волхвовъ. Послѣ этой отрады опять 86
страхъ и опасность, сказано, что Иродъ ищетъ душу Отрочати,— и опять ангелъ велитъ бѣжать и переселиться ему, какъ свойственно человѣку, потому что не настало время творить чудеса. Если бы Господь съ перваго Своего возраста началъ творить чудеса, то Его не стали бы признавать человѣкомъ. Потому и храмъ не просто зиждется, но происходитъ чревоношеніе въ продолженіе обыкновеннаго девятимѣсячнаго времени; потомъ болѣзни и рожденіе, и питаніе молокомъ, и продолжительный покой, и ожиданіе возраста, приличнаго мужамъ,—и все это для того, чтобы сдѣлать болѣе удобовразумительнымъ таинство домостроительства. Для чего же, скажешь, были сначала и эти знаменія? Для матери, для Іосифа, для Сѵмеона, близкаго уже къ кончинѣ, для пастырей, для волхвовъ, для іудеевъ. Если бы и они захотѣли тщательнѣе вникнуть въ тогдашнія событія, то немалую бы отъ этого пріобрѣли пользу на будущее время. Если

пророки не говорятъ о волхвахъ, то не смущайся; не все они предрекли, какъ и не о всемъ умолчали. Если бы люди были свидѣтелями совершившихся происшествій, о которыхъ вовсе прежде не слыхали, то это повергло бы ихъ въ большое смущеніе и недоумѣніе; подобнымъ образомъ, если бы они узнали все прежде, то ничто бы уже не возбуждало ихъ къ изслѣдованію, не оставалось бы ничего дѣлать евангелистамъ. Если же іудеи и недоумѣваютъ касательно пророчества: *изъ Египта воззвахъ Сына Моего*, какъ будто бы это о нихъ сказано, то мы имъ отвѣчаемъ, что пророчества, между прочимъ, имѣютъ и такое свойство, что многое, сказанное объ однихъ, исполняется и на другихъ. Такъ напр. о Симеонѣ и Левіи сказано: *раздѣлю ихъ во Іаковѣ, и разсѣю ихъ во Израили* (Быт. XLIX, 7); между тѣмъ это сбылось не на нихъ, а на ихъ потомкахъ, точно также и сказанное Ноемъ о Ханаанѣ сбылось на гаваонитянахъ, внукахъ Ханаана. Тоже сбылось и на Іаковѣ, какъ мы видимъ; данное ему благословеніе: *буди господинъ брату твоему, и да поклонятся тебѣ синове отца твоего* (Быт. XXVII, 29), исполнилось не надъ нимъ (даже и какъ могло это быть, когда самъ Іаковъ страшился и ужасался брата своего, и многократно ему кланялся?), но надъ его потомками. Тоже должно сказать и въ настоящемъ случаѣ (о Христѣ). Кого вѣрнѣе назвать можно Сыномъ Божіимъ? Того ли, кто покланяется тельцу, или служилъ Веельфегору и приносилъ дѣтей въ жертву бѣсамъ, или Того, кто по естеству Сынъ, и чтитъ Родившаго? Итакъ, если бы Христосъ не пришелъ, то пророчество не получило бы надлежащаго исполненія.

4. Смотри, какъ и евангелистъ намекаетъ на то, говоря: *да сбудется*, и показывая, что это не исполнилось бы, если бы не пришелъ Сынъ Божій. Это и на Дѣву проливаетъ немалый свѣтъ и славу. То, чѣмъ весь народъ (іудейскій) хвалился, уже и она могла себѣ усвоять. То, чѣмъ іудеи непомѣрно хвалились и величались, говоря о своемъ возвращеніи изъ Египта (на что намекаетъ и пророкъ, говоря: *не иноплеменники* ли изведохъ *изъ Каппадокіи, и* ассиріянъ *изъ рова* (Амос. IX, 7), составляетъ также
87 преимущество и Дѣвы. Лучше же сказать, и народъ и патріархъ, своимъ приходомъ въ Египетъ и возвращеніемъ оттуда, представляли образъ возвращенія Христова. И они шли въ Египетъ, убѣгая голодной смерти, и Христосъ — избѣгая смерти, приготовляемой коварствомъ; но они, пришедши туда, избавились отъ голода, Христосъ же, пришедши туда, освятилъ всю страну Своимъ пришествіемъ. Итакъ, смотри, какъ сила Божія открывается среди уничиженій! Ангелъ, сказавъ: *бѣжи во Египетъ*,

не обѣщался имъ сопутствовать, ни туда, ни оттуда,—чтобы тѣмъ вразумить, что они имѣютъ великаго спутника—рожденное Отроча, Которое явленіемъ Своимъ и всѣ вещи измѣняетъ, и самихъ враговъ заставляетъ во многомъ послужить домостроительству спасенія. Въ самомъ дѣлѣ, волхвы и варвары, оставивъ злочестіе отцовъ своихъ, приходятъ Ему поклониться. Августово опредѣленіе о переписи оказывается случаемъ къ рожденію Христову въ Виѳлеемѣ. Египетъ пріемлетъ и блюдетъ Его въ бѣгствѣ отъ навѣтовъ, и получаетъ такимъ образомъ случай сдѣлать Его близкимъ себѣ,—чтобы, когда услышитъ апостольскую проповѣдь о Немъ, могъ похвалиться тѣмъ, что онъ первый принялъ Его.

Эта честь принадлежала одной Палестинѣ; но Египетъ оказался ревностнѣе послѣдней. И нынѣ, если ты придешь въ Египетскую пустыню, увидишь, что пустыня эта лучше всякаго рая; увидишь тамъ въ образѣ человѣческомъ безчисленные лики ангеловъ, сонмы мучениковъ, собранія дѣвъ; увидишь, что все тиранство діавольское ниспровергнуто, а царство Христово сіяетъ; увидишь, что Египетъ, нѣкогда отецъ и стихотворцевъ, и мудрецовъ, и волхвовъ, изобрѣтшій всѣ виды волхвованія и предавшій ихъ другимъ, теперь уже красуется рыбарями, и презирая все прежнее, всюду славитъ мытаря и скинотворца, и хвалится крестомъ. И это совершается не только въ городахъ, но даже гораздо болѣе въ пустыняхъ, нежели въ городахъ. По всей этой странѣ можно видѣть Христово воинство, и царственное стадо, и образъ жизни, свойственный горнимъ силамъ. И это ты найдешь тамъ не только среди мужей, но и среди женщинъ: и онѣ любомудрствуютъ не меньше мужей. Онѣ не берутъ щитовъ, не садятся на коней, какъ повелѣваютъ славные греческіе законодатели и философы, но вступаютъ въ иную, гораздо труднѣйшую брань. У нихъ, какъ и у мужей, идетъ брань съ діаволомъ и властями тьмы, и въ этой брани естественная слабость пола ничуть не служитъ имъ препятствіемъ, потому что успѣхъ такихъ браней зависитъ не отъ естества тѣлъ, а отъ произволенія души. Потому и жены часто превосходили своими подвигами мужей, и воздвигали славнѣй- 88
шія знаменія побѣды. Не такъ свѣтло небо, испещренное сонмомъ звѣздъ, какъ Египетская пустыня, являющая тамъ повсюду иноческія кущи.

5. Кто знаетъ древній Египетъ, богоборный и бѣснующійся, раба кошекъ, страшившагося и трепетавшаго предъ огороднымъ лукомъ, тотъ вполнѣ увѣрится въ силѣ Христовой. Впрочемъ намъ не нужно особенно прибѣгать къ древнимъ сказаніямъ,

потому что и донынѣ еще сохраняются остатки неразумія, свидѣтельствующіе о прежде бывшемъ безуміи. И однако всѣ тѣ, которые прежде доходили до такого безумія, нынѣ уже любомудрствуютъ о небѣ и о небесныхъ вещахъ, смѣются надъ отеческими обычаями, горюютъ о своихъ прародителяхъ и ни во что ставятъ своихъ мудрецовъ. Они самымъ дѣломъ узнали, что ученіе ихъ мудрецовъ представляетъ лишь болтовню безумныхъ старухъ, и что напротивъ истинная и достойная небесъ премудрость есть та, которая имъ проповѣдана рыбарями. Вотъ почему они, со всею тщательностію сохраняя ученіе, особенно стараются оправдать его своею жизнію. Отрекшись всѣхъ стяжаній и распявшись всему міру, они идутъ еще далѣе, употребляя свои тѣлесныя силы въ пользу нищихъ. Не смотря на постъ и бодрствованіе, они не хотятъ быть праздными даже и въ продолженіе дня; но проводя ночи въ священныхъ пѣсняхъ и бдѣніяхъ, дни проводятъ въ молитвахъ и вмѣстѣ въ рукодѣліи, подражая апостольской ревности. Если апостолъ, разсуждаютъ они, когда устремляла на него взоры вся вселенная, трудился, работалъ, занимался ремесломъ, и проводилъ безъ сна цѣлыя ночи въ таковыхъ подвигахъ для пропитанія неимущихъ,—то тѣмъ болѣе намъ, живущимъ въ пустынѣ и удалившимся отъ всякаго городского шума, часы спокойнаго досуга должно употреблять на духовное дѣланіе. Итакъ, должно стыдиться всѣмъ намъ, и богатымъ и бѣднымъ, когда они, рѣшительно ничего не имѣя кромѣ рукъ, всѣми силами стараются трудиться для того, чтобы неимущіе обрѣли отъ ихъ трудовъ прибытокъ, а мы и при безчисленномъ нашемъ имѣніи жалѣемъ употребить въ пособіе неимущимъ даже нашихъ избытковъ. Какой мы дадимъ отвѣтъ, скажи мнѣ? Чѣмъ извинимся? Подумай, какъ эти аскеты были прежде любостяжательны и вмѣстѣ съ другими пороками угождали чреву? Тамъ были котлы мясъ, о которыхъ воспоминали іудеи, тамъ было великое чревонеистовство; и однако лишь только захотѣли, тотчасъ измѣнились, и принявъ огнь Христовъ, устремились къ небу. Прежде они были всѣхъ невоздержнѣе и склоннѣе къ гнѣву и сладострастію, а нынѣ уже кротостію, безстрастіемъ и прочими добродѣтелями подражаютъ силамъ безтѣлеснымъ. Кто былъ въ этой странѣ, тотъ согласится съ тѣмъ, что я говорю.

89-175 А если кто никогда не входилъ въ тѣ кущи, тотъ пусть вспомнитъ, что Египетъ произвелъ славнѣйшаго послѣ апостоловъ мужа, блаженнаго и великаго Антонія, о которомъ всѣ донынѣ говорятъ непрестанно, и пусть поразмыслитъ, что и онъ былъ въ той же странѣ, гдѣ и фараонъ. И однако эта страна

нисколько не послужила ему во вредъ, а еще онъ сподобился и божественнаго созерцанія, и велъ такую жизнь, какой требуютъ Христовы законы. Въ этомъ увѣрится всякій, кто прочтетъ со вниманіемъ книгу, содержащую повѣствованіе о его жизни, въ которой найдетъ и многія пророчества. Такъ онъ предсказалъ и о недугующихъ Аріевымъ зловѣріемъ, и о вредѣ, который имѣлъ отъ нихъ произойти. Тогда Богъ все ему показалъ, и будущее представилъ предъ его очи. И то обстоятельство, что ни одна изъ ересей не имѣетъ подобнаго мужа, служитъ, на ряду съ прочимъ, величайшимъ доказательствомъ истины нашего ученія. Но чтобы не разсказывать вамъ объ этомъ, прочитайте сами то, что написано въ его книгѣ, узнайте все подробно, и научитесь изъ нея многому любомудрію. Только, прошу васъ, чтобы вы не ограничивались однимъ чтеніемъ, а старались и самымъ дѣломъ подражать тому, что написано, не извиняясь ни мѣстомъ, ни воспитаніемъ, ни нечестіемъ пред- 90-176
ковъ. Если мы рѣшимся обратить на себя должное вниманіе, то ничто подобное не послужитъ намъ препятствіемъ. И Авраамъ имѣлъ нечестиваго отца, но не наслѣдовалъ его беззаконія; и Езекія былъ сынъ Ахаза, но сдѣлался другомъ Божіимъ; и Іосифъ жилъ въ Египтѣ, и украсился вѣнцемъ цѣломудрія; и три отрока, живя въ Вавилонѣ, въ царскомъ домѣ, при роскошнѣйшей трапезѣ, показали величайшую мудрость. И Моисей былъ въ Египтѣ, и Павелъ въ міру; но никому изъ нихъ ничто не послужило препятствіемъ въ подвигахъ добродѣтели. Такъ и мы, помышляя о всемъ этомъ, бросимъ неумѣстныя отговорки и предлоги, и рѣшимся на добродѣтельные подвиги. Тогда мы привлечемъ къ себѣ и большую божественную любовь, и умолимъ Господа споспѣшествовать подвигамъ нашимъ, и сподобимся вѣчныхъ благъ, которыя и да получимъ всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

Тогда Иродъ видѣвъ, яко поруганъ бысть отъ волхвовъ, разгнѣвася зѣло, и пославъ изби вся дѣти, сущія въ Виѳлеемѣ, и во всѣхъ предѣлѣхъ его, отъ двою лѣту и нижайше, по времени еже извѣстно испыта отъ волхвовъ (II, 16). 175

1. Безъ сомнѣнія, Ироду слѣдовало не гнѣваться, но возымѣть страхъ, смириться и познать, что онъ предпринимаетъ дѣло невозможное; однакожъ онъ не смиряется. Когда душа безчув-

ственна и неизлѣчима, она не принимаетъ никакого врачеванія, даруемаго Богомъ. Смотри, какъ Иродъ снова подвизается въ прежнихъ дѣлахъ своихъ, прилагаетъ убійство къ убійству, и безумствуетъ. Объятый гнѣвомъ и завистію, какъ нѣкоторымъ демономъ, онъ ни на что не смотритъ, неистовствуетъ надъ самою природою, и гнѣвъ свой, возбужденный посмѣявшимися надъ нимъ волхвами, изливаетъ на неповинныхъ младенцевъ, и такимъ образомъ совершаетъ теперь въ Палестинѣ злодѣяніе, подобное бывшему нѣкогда въ Египтѣ: *пославъ изби вся дѣти сущія въ Виѳлеемѣ, и во всѣхъ предѣлѣхъ его, отъ двою лѣту и нижайше, по времени еже извѣстно испыта отъ волхвовъ* (Матѳ. II, 16). Будьте здѣсь внимательны къ словамъ моимъ. Многіе очень
176 неразумно судятъ объ этихъ дѣтяхъ, и возмущаются несправедливостью ихъ избіенія, причемъ одни выражаютъ свои сомнѣнія довольно скромно, а другіе съ большою дерзостію. Итакъ, чтобы остановить дерзость однихъ, и разрѣшить сомнѣніе другихъ, выслушайте съ терпѣніемъ краткое мое размышленіе объ этомъ предметѣ. Если порицаютъ то, что избіеніе дѣтей попущено Промысломъ, то пусть порицаютъ его и за смерть воиновъ, которые стерегли Петра. Какъ здѣсь, послѣ бѣгства Отрока, избиваются другія дѣти вмѣсто искомаго, такъ и тамъ, когда ангелъ освободилъ Петра отъ темницы и узъ, точно такой же — и по имени и по нравамъ—тиранъ, не найдя Павла, вмѣсто него предалъ смерти стерегшихъ его воиновъ. Но что это, скажешь ты? Это не рѣшеніе, а только усложненіе вопроса. Я и самъ это знаю; но для того и предлагаю это, чтобы на всѣ такого рода вопросы дать одно рѣшеніе. Итакъ, въ чемъ состоитъ это рѣшеніе? Какое можно дать рѣшеніе удовлетворительнѣе того, что не Христосъ былъ причиною смерти дѣтей, но жестокость царя; равно и не Петръ былъ причиною смерти воиновъ, но безуміе Ирода? Въ самомъ дѣлѣ, если бы этотъ послѣдній нашелъ подрытую стѣну, или разломанныя двери, тогда онъ, пожалуй, имѣлъ
177 бы право винить въ безпечности воиновъ, стерегшихъ апостола. Но разъ все оставалось въ надлежащемъ порядкѣ, — и двери были заперты, и оковы остались на рукахъ стражей (вѣдь они были связаны вмѣстѣ съ Петромъ), то онъ могъ бы безъ сомнѣнія заключить отсюда, если бы только здраво разсудить могъ о происшедшемъ, что это не есть дѣло силы человѣческой, или какого-либо обмана, а дѣло божественной и чудодѣйственной силы, и благоговѣть предъ Содѣлавшимъ это, а не возставать на стражей. Для того все это Богъ и совершилъ такимъ образомъ, чтобы не только не подвергнуть наказанію стражей, но чтобы чрезъ нихъ и самого царя привести къ истинѣ. Если жъ

онъ оказался нечувствительнымъ, то развѣ небрежность больного падаетъ на премудраго Врача душъ, Который все употребилъ для его блага? Тоже самое можно сказать и здѣсь. Для чего ты, Иродъ, будучи поруганъ волхвами, разгнѣвался? Или ты не зналъ, что рожденіе было божественное? Не ты ли призвалъ архіереевъ? Не ты ли собиралъ книжниковъ? Не приводили ли призванные съ собой предъ твое судилище и пророка, давно уже о томъ предсказавшаго? Не видѣлъ ли ты, что древнее согласно съ новымъ? Не слышалъ ли, что и звѣзда служила волхвамъ? Не устыдился ли ты ревности варваровъ? Не удивлялся ли ихъ дерзновенію? Не ужаснулся ли пророческой истины? Не могъ ли заключить отъ прошедшаго къ послѣдующему. Послѣ всего этого, почему же ты не размыслилъ, что это произведено не обманомъ волхвовъ, но силою Божіею, которая все устрояетъ надлежащимъ образомъ? Но если ты и обманутъ волхвами, то чѣмъ же виноваты дѣти, нимало тебя не оскорбившія?

2. Все это такъ, скажешь ты; но, показавъ ясно, сколь неизвинителенъ и кровожаденъ былъ Иродъ, ты не разрѣшилъ еще вопроса о несправедливости самаго событія. Пусть онъ дѣйствовалъ несправедливо, — но почему, скажешь ты, Богъ попустилъ это? Что же намъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Укажу вамъ на то самое правило, о которомъ я непрестанно говорю и въ церкви, и на торжищѣ, и во всякомъ мѣстѣ,—правило, которое,—желаю я,—чтобы и вы тщательно соблюдали, поскольку оно даетъ намъ рѣшеніе на всѣ подобныя недоумѣнія. Что же это за правило? Въ чемъ оно заключается? То, что обижающихъ много, а обижаемаго нѣтъ ни одного. Чтобы такою загадкою не смутить васъ еще болѣе, я сейчасъ же и разрѣшу ее. Обиды, несправедливо претерпѣваемыя нами отъ кого бы то ни было, Богъ вмѣняетъ намъ или въ отпущеніе грѣховъ, или въ воздаяніе награды. Чтобы мои слова были понятнѣе, я объясню ихъ примѣромъ. Положимъ, что какой-нибудь рабъ долженъ своему господину большую сумму денегъ; допустимъ далѣе, что этотъ рабъ обиженъ безчестными людьми, и какая-нибудь часть его имѣнія отнята. Итакъ, если бы этотъ господинъ, имѣя возможность удержать похитителя и лихоимца, вмѣсто того, чтобы возвратить рабу похищенныя у него деньги, зачелъ ихъ за долгъ свой, то обиженъ ли былъ бы рабъ? Никакъ. А что если бы господинъ отдалъ ему еще болѣе похищенаго? Не пріобрѣлъ ли бы онъ еще болѣе, чѣмъ потерялъ. Это для всѣхъ очевидно. Точно также 178
мы должны думать и о своихъ страданіяхъ: этими страданіями мы или заглаждаемъ наши грѣхи, или же, если не имѣемъ грѣховъ, получаемъ за нихъ блистательнѣйшіе вѣнцы. Послушай,

что говоритъ Павелъ о блудникѣ: ***предайте таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется*** (1 Кор. v, 5). Но къ чему это, скажешь? Рѣчь идетъ о обижаемыхъ другими, а не о тѣхъ, которыхъ исправляютъ учители. На самомъ дѣлѣ, однако, здѣсь нѣтъ никакого различія, потому что у насъ вопросъ былъ о томъ, дѣйствительно ли въ страданіяхъ нѣтъ обиды страждущему? Но чтобы болѣе приблизить слово къ предмету нашего изслѣдованія, напомнимъ о Давидѣ, который, видя Семея, нападавшаго на него, издѣвавшагося надъ его несчастіемъ и осыпавшаго его безчисленными ругательствами, удержалъ военачальниковъ, хотѣвшихъ убить его, говоря: ***оставите его проклинати мя***, дабы видѣлъ ***Господь смиреніе мое, и*** возвратилъ ***ми благая, вмѣсто клятвы*** этой ***во днешній день*** (2 Цар. xvi, 11, 12). И въ Псалмахъ воспѣвая, сказалъ: ***виждь враги моя, яко умножишася, и ненавидѣніемъ неправеднымъ возненавидѣша мя, и остави вся грѣхи моя*** (Псал. xxiv, 19, 18). И Лазарь достигъ покоя потому, что въ настоящей жизни претерпѣвалъ безчисленныя бѣдствія. Итакъ тѣ, которые кажутся обиженными, не обижены на самомъ дѣлѣ, если только всѣ несчастія переносятъ съ мужествомъ; напротивъ еще болѣе пріобрѣтаютъ, получаютъ ли удары отъ самого Бога, или отъ діавола. Но какой грѣхъ имѣли младенцы, скажешь ты, который должны были смыть своею кровію? Вышесказанное справедливо вѣдь можно примѣнять только къ людямъ возрастнымъ, которые много согрѣшили; но тѣ, которые претерпѣли столь безвременную смерть, какіе грѣхи загладили своими страданіями? Но развѣ ты не слыхалъ сказаннаго мною, что если нѣтъ грѣховъ, то за здѣшнія страданія тамъ воздается награда? Итакъ, какой уронъ понесли дѣти, умерщвленныя по такой причинѣ и скоро достигшія покойной пристани? Ты скажешь, что они совершили бы многія, а можетъ быть, и великія дѣла, если бы продолжилась ихъ жизнь. Но Богъ не малую предлагаетъ имъ награду за то, что они лишились жизни по такой причинѣ; иначе Онъ и не попустилъ бы ранней ихъ смерти, если бы они имѣли содѣлаться великими. Если уже Богъ съ такимъ долготерпѣніемъ попускаетъ жить и тѣмъ, которые всю жизнь проводятъ во злѣ, то тѣмъ болѣе не попустилъ бы умереть такъ этимъ дѣтямъ, если бы предвидѣлъ, что они совершатъ что-либо великое.

3. Таковы наши основанія; впрочемъ это не всѣ, но есть и другія сокровеннѣйшія, которыя совершенно знаетъ только Самъ устрояющій это. Итакъ, предоставивъ Ему совершеннѣйшее вѣдѣніе объ этомъ, обратимъ вниманіе на послѣдующее, и изъ несчастій другихъ научимся все переносить мужественно. Подлинно, немалыя скорби постигли Виѳлеемъ, когда дѣтей отторгали отъ

сосцовъ матерей, и предавали неправедной смерти. Если же ты еще малодушествуешь и не въ силахъ возвыситься до такого любомудрія, то узнай конецъ того, кто дерзнулъ на такое злодѣяніе, и немного успокойся. Въ самомъ дѣлѣ, судъ весьма скоро постигъ Ирода за его поступокъ, и онъ за свое злодѣйство былъ достойно наказанъ: онъ кончилъ жизнь тяжкой смертью, и даже болѣе жалкою, чѣмъ та, на которую онъ осудилъ младен- 179
цевъ, потерпѣвъ при этомъ безчисленное множество и другихъ страданій. Объ этомъ вы можете узнать изъ исторіи Іосифа, которую передавать здѣсь мы не считаемъ нужнымъ—съ одной стороны, чтобы не удлиннить нашего слова, съ другой — чтобы не прерывать порядка. *Тогда сбыстся реченное Іереміемъ пророкомъ, глаголющимъ: гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшитися, яко не суть* (Матѳ. II, 17, 18). Такъ какъ евангелистъ повѣствованіемъ объ этомъ насильственномъ, несправедливомъ, лютомъ и беззаконномъ избіеніи исполнилъ ужасомъ слушателя, то онъ же и утѣшаетъ его, говоря, что это не потому случилось, чтобы Богъ не могъ воспрепятствовать, или не предвидѣлъ этого, но что Онъ предвидѣлъ и предвозвѣстилъ объ этомъ устами пророка. Итакъ, не смущайся и не падай духомъ, когда взираешь на Его неизреченный Промыслъ, который ясно можно усматривать какъ въ Его дѣйствіи, такъ и въ попущеніи. Это самое и Христосъ далъ разумѣть ученикамъ, когда однажды, въ бесѣдѣ съ ними, предвозвѣстивъ имъ о судилищахъ, узахъ, о враждѣ всей вселенной и о непримиримой брани, сказалъ для ихъ воодушевленія и утѣшенія: *не двѣ ли птицы цѣнятся единымъ ассаріемъ? И ни едина отъ нихъ падетъ на земли безъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. X, 29). Этими словами Онъ хотѣлъ показать, что безъ Его вѣдома ничего не бываетъ, но что Онъ знаетъ все, хотя и не дѣлаетъ всего. Поэтому, говоритъ, не смущайтеся и не бойтеся. Если Тотъ, Кто знаетъ ваши страданія и можетъ отвратить ихъ, однакожъ не отвращаетъ, то безъ сомнѣнія потому, что промышляетъ и печется объ васъ. Такъ должны мы разсуждать и въ собственныхъ искушеніяхъ, и мы отсюда получимъ немалое утѣшеніе. *Рахиль*, сказано, *плачущися чадъ своихъ*. Но,—скажетъ кто-нибудь, можетъ быть,—что общаго имѣетъ Рахиль съ Виѳлеемомъ? Что также Рама имѣетъ общаго съ Рахилью? Рахиль была мать Веніаминова, и по смерти погребена на пути ипподрома (Быт. XXXV, 19) близъ Рамы. Итакъ, поскольку и гробъ ея былъ близъ Рамы, и это мѣсто досталось въ удѣлъ Веніамину, сыну ея (Рама была въ колѣнѣ Веніамина), то и по родоначальнику, и по мѣсту погребенія евангелистъ справедливо называетъ избіенныхъ дѣтей—дѣтьми Рахили. По-

томъ, показывая, что приключившееся горе было тяжко и неутѣшно,—говоритъ: *не хотяше утѣшитися, яко не суть.* И отсюда мы научаемся опять тому же, о чемъ я выше говорилъ, именно—что не должно смущаться, когда обстоятельства кажутся несообразными съ обѣтованіемъ Божіимъ. Смотри вотъ, какое было начало, когда пришелъ Господь для спасенія Своего народа, или лучше—для спасенія всей вселенной. Мать бѣжитъ, отецъ подвергается несноснымъ страданіямъ, совершается убійство, всѣхъ убійствъ тягчайшее; всюду плачъ, рыданіе и вопль многій. Но не смущайся! Господь, въ яснѣйшее доказательство Своей силы, обыкновенно исполняетъ Свои намѣренія средствами, всегда противоположными. Такъ и учениковъ Своихъ Онъ воздвигъ, научилъ и предуготовилъ ко всякимъ подвигамъ, совершая это ради большаго чуда средствами противоположными. Потому и
180 они, будучи истязаемы, гонимы и претерпѣвая безчисленныя бѣдствія, остались побѣдителями надъ тѣми, которые истязали и гнали ихъ. *Умершу же Ироду, се ангелъ Господень* во снѣ *явися Іосифу, глаголя: воставъ, поими Отроча и Матерь Его, и иди въ землю Израилеву* (II, 19, 20). Теперь уже не говоритъ: бѣги, но—*иди.*

4. Видишь ли, какъ за искушеніемъ опять слѣдуетъ покой, а за покоемъ опять опасность? Кончилось его изгнаніе; онъ возвратился въ свою страну, и узналъ о смерти избившаго младенцевъ; но вступивши въ отечественную землю, онъ еще находитъ остатки прежнихъ опасностей, находитъ въ живыхъ—и на престолѣ—сына тиранова. Но какъ могъ царствовать въ Іудеѣ Архелай, когда Понтійскій Пилатъ былъ игемономъ? Иродъ только что умеръ и царство еще не раздѣлилось на части, а такъ какъ тотчасъ по смерти Ирода власть принялъ вмѣсто отца сынъ его, а между тѣмъ братъ Архелая звался также Иродомъ, то евангелистъ и присоединилъ: *вмѣсто Ирода отца своего.* Но, скажешь ты, если Іосифъ убоялся идти въ Іудею по причинѣ Архелая, то ему слѣдовало бояться и Галилеи по причинѣ Ирода. Нѣтъ; съ перемѣною мѣста жительства дѣло уже было скрыто. Все нападеніе было на Виѳлеемъ и его предѣлы, и разъ уже совершено было избіеніе, то Архелай сынъ Иродовъ думалъ, что все уже кончилось, и что между многими убитъ и Тотъ, Кого искали. Притомъ же, можетъ быть видя такой конецъ жизни отца своего, онъ боялся простираться далѣе и еще упорствовать въ беззаконіи. Такимъ образомъ, Іосифъ приходитъ въ Назаретъ, какъ во избѣжаніе опасности, такъ и по желанію жить въ отечествѣ. Для большаго же ободренія получаетъ объ этомъ извѣщеніе и отъ ангела. Между тѣмъ св. Лука не говоритъ, чтобы Іосифъ пошелъ въ Назаретъ вслѣдствіе такого извѣщенія; по его сло-

вамъ, Іосифъ и Марія возвратились въ Назаретъ, исполнивши все по закону очищенія. Что жъ на это сказать? То, что св. Лука говоритъ это, повѣствуя о времени до путешествія въ Египетъ. Ангелъ, конечно, не повелъ бы ихъ туда прежде очищенія, чтобы не было никакого нарушенія закона; онъ ожидалъ, пока совершится это очищеніе и они пойдутъ въ Назаретъ, а тогда уже велѣлъ идти въ Египетъ. Затѣмъ, когда они возвратились оттуда,—повелѣваетъ имъ идти въ Назаретъ; въ первый же разъ они шли туда не по внушенію ангела, а дѣлали это сами собою, изъ любви къ отчизнѣ. Такъ какъ они ходили въ Виѳлеемъ только по причинѣ переписи, и не имѣли даже мѣста, гдѣ бы остановиться, то, кончивши дѣло, за которымъ приходили, возвратились въ Назаретъ. Итакъ ангелъ возвращаетъ ихъ въ домъ и успокаиваетъ на будущее время. И это случилось не просто, а по пророчеству. *Да сбудется*, говоритъ евангелистъ, *реченное пророки, яко Назорей наречется* (ст. 23).

Какой пророкъ сказалъ это, не любопытствуй слишкомъ и не изслѣдуй. Какъ можно видѣть изъ исторіи Паралипоменонъ, пророческихъ книгъ много пропало. Іудеи, будучи нерадивы и часто впадая въ нечестіе, иныя попустили затеряться, иныя 181
сами сожгли и изорвали. Объ одномъ говоритъ Іеремія, о другомъ писатель четвертой книги Царствъ, сообщая, что послѣ долгаго времени едва нашли гдѣ-то закопанное и затерянное Второзаконіе. Если же іудеи такъ нерадѣли о священныхъ книгахъ, когда не было еще враговъ, то тѣмъ болѣе—при нашествіи непріятелей. Впрочемъ, соотвѣтственно предреченію пророковъ, и апостолы часто называютъ Христа Назореемъ. Но не затемняло ли это, скажешь, пророчества о Виѳлеемѣ? Нѣтъ. Напротивъ, это-то особенно и побуждало къ тщательному изслѣдованію того, что было говорено о Немъ. Такъ и Наѳанаилъ начинаетъ свое изслѣдованіе о Немъ словами: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти* (Іоан. I, 46)? Дѣйствительно, Назаретъ былъ мѣсто не важное; да и не только онъ, но и вся область Галилейская. Потому и фарисеи говорили: *испытай и виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ* (Іоан. VII, 52). И однако, Господь не стыдится называться по имени этого мѣста, показывая тѣмъ, что Онъ не имѣетъ нужды ни въ чемъ человѣческомъ; также и учениковъ Своихъ выбираетъ изъ Галилеи, уничтожая тѣмъ всякіе отговорки людей лѣнивыхъ и показывая, что для подвига добродѣтели намъ нѣтъ нужды ни въ чемъ внѣшнемъ. Потому же онъ не избираетъ Себѣ и дома: *Сынъ человѣческій*, говоритъ, *не имать гдѣ главы подклонити* (Лук. IX, 58). Потому Онъ и бѣгаетъ отъ козней Ирода, и при рожденіи полагается въ ясляхъ, и пребываетъ въ гостин-

ницѣ, и избираетъ бѣдную Мать, — научая насъ тѣмъ не почитать ничего такого постыднымъ, попирая съ самаго начала гордость человѣческую и убѣждая къ одной добродѣтели.

5. И для чего ты гордишься отечествомъ, говоритъ Онъ, когда Я повелѣваю тебѣ быть странникомъ всей вселенной, когда ты можешь содѣлаться такимъ, что весь міръ не будетъ тебя достоинъ? Откуда ты происходишь, — это такъ маловажно, что сами языческіе философы не придаютъ этому никакого значенія, называютъ внѣшнимъ и отводятъ послѣднее мѣсто. Однакожъ Павелъ допускаетъ это, скажешь ты, когда говоритъ: *по избранію, возлюблени, отецъ ради* (Рим. XI, 28). Но скажи, когда, о комъ и кому онъ такъ говоритъ? Обратившимся язычникамъ, которые гордились своею вѣрою, возставали противъ іудеевъ, и тѣмъ самымъ еще болѣе отчуждали ихъ отъ себя. Итакъ, онъ говоритъ это для того, чтобы въ однихъ низложить кичливость, а другихъ привлечь и возбудить къ подобной ревности. Когда же онъ разсуждаетъ о тѣхъ благородныхъ и великихъ мужахъ, то слушай, что говоритъ: *таковая глаголющіи являются, яко отечествія взыскуютъ. И аще бы убо оно помнили, изъ него же изыдоша, имѣли бы время возвратитися; нынѣ же другаго лучшаго желаютъ* (Евр. XI, 14—16). И опять: *по вѣрѣ умроша сіи вси, не пріемше обѣтованія, но издалече видѣвше я и цѣловавше* (Евр. XI, 13). Точно также говорилъ Іоаннъ приходившимъ къ нему: *не начинайте глаголати отца имамы Авраама* (Матѳ. III, 9); также Павелъ: *не вси бо сущіи отъ Израиля, сіи Израиль, ни чада плотская, сіи чада Божія* (Рим. IX, 6). Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что пользы было дѣтямъ Самуила въ благородствѣ отца ихъ, когда сами они не наслѣдовали его добродѣтели? Что пользы дѣтямъ Мои-
182 сея, не поревновавшимъ его строгой жизни? Они не наслѣдовали его власти. Они писались его дѣтьми, но управленіе народомъ перешло къ другому, кто былъ сыномъ ему по добродѣтели. Напротивъ, повредило ли Тимоѳею то, что онъ имѣлъ отцомъ язычника? Что опять было пользы сыну Ноеву отъ добродѣтели отца его, если онъ сдѣлался изъ свободнаго рабомъ? Видишь ли, какъ мало защиты дѣтямъ въ благородствѣ отца ихъ? Развращеніе воли преодолѣло законы природы, и лишило Хама не только благородства родительскаго, но и самой свободы. Также Исавъ не былъ ли сыномъ Исаака, который еще и ходатайствовалъ о немъ? Хотя и отецъ старался и желалъ того, чтобы онъ былъ участникомъ въ благословеніи, и онъ самъ для того исполнялъ всѣ его повелѣнія, но такъ какъ онъ былъ худъ, то все это не помогло ему. Не смотря на то, что и по природѣ онъ былъ первенцемъ, и отецъ вмѣстѣ съ нимъ всячески старался

о сохраненіи его преимущества, онъ лишился однако всего, потому что не имѣлъ Бога съ собою. Но что я говорю объ отдѣльныхъ людяхъ? Іудеи были сынами Божіими, и однако ничего не пріобрѣли отъ этого достоинства. Итакъ, если кто, будучи даже сыномъ Божіимъ, за то, что не окажетъ добродѣтели достойной такого благородства, еще болѣе наказывается, то что уже выставлять благородство дѣдовъ и прадѣдовъ? Да и не только въ ветхомъ, но и въ новомъ завѣтѣ можно найти то же самое. ***Елицы***, сказано, ***пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти*** (Іоан. I, 12); между тѣмъ, для многихъ изъ этихъ чадъ, по словамъ Павла, совсѣмъ безполезно то, что они имѣютъ такого Отца. ***Аще бо обрѣзаетеся***, говоритъ онъ, ***Христосъ васъ ничтоже пользуетъ*** (Галат. v, 2). Если же и Христосъ совсѣмъ безполезенъ для тѣхъ, которые не хотятъ внимать самимъ себѣ, то что пользы въ человѣческомъ предстательствѣ? Итакъ, не будемъ гордиться ни благородствомъ, ни богатствомъ, но будемъ презирать надмевающихся подобными преимуществами; не будемъ унывать по причинѣ бѣдности, но будемъ искать того богатства, которое состоитъ въ добрыхъ дѣлахъ, и убѣгать той бѣдности, которая вводитъ насъ въ грѣхъ. По этой послѣдней и извѣстный богачъ дѣйствительно былъ бѣденъ, почему и не могъ, не смотря на усильныя просьбы, получить и одной капли воды. Между тѣмъ, есть ли между нами такой нищій, который бы не имѣлъ и воды для прохлажденія? Нѣтъ ни одного; и тѣ, кто истаеваетъ отъ крайняго голода, могутъ имѣть каплю воды, и не только каплю воды, но и другое, гораздо большее утѣшеніе. А этотъ богачъ и того не имѣлъ,—такъ онъ былъ, бѣденъ, и, что всего тягостнѣе, ни откуда не могъ имѣть утѣшенія въ своей бѣдности. Итакъ, что мы алчемъ денегъ, когда онѣ не возводятъ насъ на небо? Скажи мнѣ, если бы какой-либо земной царь сказалъ, что богатый не можетъ блистать въ его царскихъ чертогахъ, или достигнуть какой-либо почести, то не всѣ ли съ презрѣніемъ бросили бы имѣнія? Итакъ, если мы готовы презрѣть имѣніе, когда оно лишаетъ насъ чести у царя земного, то при гласѣ Царя небеснаго, который ежедневно взываетъ и говоритъ, что неудобно съ богатствомъ взойти въ священныя тѣ предверія, не презримъ ли все, и не отвергнемъ ли богатства, чтобы свободно взойти въ Его царство?

6. И достойны ли мы какого-либо прощенія, когда съ ве- 183
ликимъ стараніемъ обременяемъ себя тѣмъ, что заграждаетъ намъ туда входъ, и скрываемъ свое богатство не только въ сундукахъ, но и въ землѣ, тогда какъ можно бы положить его въ хранилище небесное? Ты поступаешь въ этомъ случаѣ подобно тому

земледѣльцу, который, взявъ пшеницу, вмѣсто того, чтобы посѣять ее на плодоносномъ полѣ, бросаетъ въ озеро, отчего и самъ не получаетъ никакой пользы, и пшеница, испортившись, пропадаетъ. И чѣмъ обыкновенно оправдываются люди, когда мы такъ обличаемъ ихъ? То не мало утѣшаетъ насъ, говорятъ они, что мы увѣрены въ безопасности всего скрытаго у насъ. Но и не быть увѣрену, что есть сокрытыя сокровища, также утѣшительно. Положимъ, что ты не боишься голода; но ради такого хранилища ты необходимо долженъ бояться другихъ, тягчайшихъ бѣдствій—смерти, вражды, навѣтовъ. Да и въ случаѣ голода народъ, имъ понуждаемый, подниметъ руку на домъ твой. Вѣрнѣе же сказать, поступая такимъ образомъ, ты самъ же причиняешь и голодъ городамъ, и чрезъ то готовишь своему дому опасность страшнѣе голода. Я не знаю, умиралъ ли кто вдругъ отъ голода, потому что противъ этого зла можно придумать много всякаго рода средствъ; но за деньги, за богатство, и за подобныя вещи много могу представить убитыхъ и тайно, и явно. Множествомъ такихъ примѣровъ наполнены дороги, судебныя мѣста и торжища. Да что я говорю о дорогахъ, судебныхъ мѣстахъ и торжищахъ? Посмотри, —самое море исполнено кровію. Тиранническая власть любостяжанія не только на землѣ распространила свою державу, но и на морѣ свирѣпствуетъ съ великимъ неистовствомъ. Одинъ плыветъ за золотомъ, другого умерщвляютъ за него же; одного эта мучительная страсть дѣлаетъ купцомъ, другого человѣкоубійцею. Итакъ, на что всего менѣе можно полагаться, какъ не на богатство, когда изъ-за него нужно скитаться, подвергаться опасности и самой смерти? Но *кто помилуетъ обаянника зміемъ уязвлена* (Сирах. XII, 13), по слову Писанія? Зная жестокость тиранства, надлежало бы убѣгать рабства, и истреблять пагубную любовь. Но, скажешь, возможно ли это? Возможно, если только водворишь въ себѣ другую любовь, любовь къ небесамъ. Кто желаетъ царства небеснаго, тотъ смѣется надъ корыстолюбіемъ. Рабъ Христовъ не будетъ рабомъ богатства, но его властелиномъ. Богатство обыкновенно само ищетъ того, кто его бѣгаетъ, и убѣгаетъ того, кто его ищетъ; не столько чтитъ ищущаго его, сколько презирающаго; ни надъ кѣмъ такъ не издѣвается, какъ надъ своими искателями,—и не только издѣвается надъ ними, но и опутываетъ ихъ безчислен-
184 ными узами. Итакъ, освободимся хотя теперь отъ этихъ пагубныхъ цѣпей. Зачѣмъ порабощать разумную душу неразумному веществу, матери безчисленныхъ золъ? Но не смѣшно ли? Мы споримъ противъ него словами, а оно споритъ противъ насъ дѣлами; водитъ насъ повсюду и, къ нашему безславію, споритъ

съ нами, какъ съ невольниками и непотребными рабами. Что постыднѣе и безчестнѣе этого. Если мы не преодолѣваемъ вещества безчувственнаго, то какъ же будемъ преодолѣвать силы безтѣлесныя? Если не презираемъ низкое вещество и презрѣнные камни, то какъ покоримъ себѣ начала и власти? Какъ будемъ упражняться въ цѣломудріи? Если и блескъ серебра поражаетъ насъ, то какъ сможемъ презрѣть красоту лица? Есть люди, которые до того преданы этой тиранической власти, что самый видъ золота производитъ надъ ними особенное дѣйствіе, и они для шутки говорятъ, что и для глазъ полезно смотрѣть на золотую монету. Но не шути такъ, человѣкъ! Поистинѣ ничто такъ не вредитъ и тѣлеснымъ, и душевнымъ очамъ, какъ эта страсть. Пагубная любовь эта погасила свѣтильники неразумныхъ дѣвъ, и лишила ихъ брачнаго чертога. Взглядъ на золото,— по словамъ твоимъ, полезный для глазъ,—не позволилъ несчастному Іудѣ внять гласу Господа, и еще довелъ до того, что онъ удавился, расторгся посрединѣ и наконецъ низвергся въ геенну. Итакъ, что можетъ быть беззаконнѣе этого взгляда? Что ужаснѣе? Не о веществѣ денегъ говорю я, но о безмѣрной и необузданной къ нимъ страсти. Она-то по каплямъ проливаетъ кровь человѣческую, имѣетъ смертоубійственный видъ, всякаго звѣря лютѣе, такъ какъ и падшихъ терзаетъ, и, что еще хуже, не даетъ и чувствовать этихъ терзаній. Одержимымъ этой страстью надлежало бы простирать руки къ мимоходящимъ и взывать о помощи; а они еще благодарятъ за эти мученія. Что можетъ быть злосчастнѣе? Итакъ, размышляя объ этомъ, будемъ убѣгать этой неисцѣльной болѣзни, будемъ врачевать ея угрызенія и подальше уклоняться отъ таковой язвы, чтобы и здѣшнюю жизнь провести безопасно и спокойно, и будущія наслѣдовать сокровища, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава и честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Во дни оны пріиде Іоаннъ Креститель, проповѣдуя въ пустыни Іудейстѣй, и глаголя: покайтеся, приближися бо царствіе небесное (Мѳ. ш, 1, 2). 183-184

1. Въ какіе это дни? По свидѣтельству св. Луки, Іоаннъ пришелъ не въ тѣ дни, когда Іисусъ былъ еще отрокомъ и возвратился въ Назаретъ, но по прошествіи тридцати лѣтъ. Какъ же

сказано здѣсь: *во дни оны?* Въ Писаніи весьма часто употребляется такой образъ рѣчи, когда говорится не только о такихъ происшествіяхъ, которыя непосредственно слѣдовали другъ за другомъ, но и о такихъ, которыя были по истеченіи многихъ лѣтъ. Такъ, когда ученики приступили къ Іисусу, сидѣвшему на горѣ Елеонской, и желали узнать отъ Него и объ Его пришествіи, и о разрушеніи Іерусалима (а вы знаете, какое разстояніе времени между этими двумя событіями), тогда Онъ, кончивши
185 рѣчь о разореніи іудейской столицы и переходя къ концу міра, присовокупилъ: *тогда и сія будутъ*. Словомъ—*тогда*—Онъ не смѣшивалъ времена, но означилъ только то время, въ которое произойдетъ кончина міра. Точно такъ же употреблены и здѣсь слова: *во дни оны*. Евангелистъ указываетъ этими словами не на тѣ дни, которые непосредственно слѣдовали, но на тѣ, въ которые должно было случиться то, о чемъ онъ намѣревался говорить. Но почему, скажешь ты, Іисусъ пришелъ креститься спустя тридцать лѣтъ? Потому, что послѣ этого крещенія Ему надлежало уже упразднить законъ. Чтобы не сказалъ кто-нибудь, что Онъ потому отмѣняетъ законъ, что не могъ исполнить его, Онъ во всей точности исполнялъ его во все продолженіе того возраста, который обыкновенно способенъ ко всякимъ грѣхамъ. Не во всякое вѣдь время всѣ страсти дѣйствуютъ въ насъ; но въ раннемъ возрастѣ обыкновенно бываетъ больше неразумія и малодушія, въ послѣдующемъ сильнѣе дѣйствуетъ похоть, а далѣе, въ слѣдующемъ возрастѣ—любостяжаніе. Потому-то Христосъ, прошедши чрезъ всѣ эти возрасты и во всѣхъ ихъ исполнивъ законъ, тогда уже приходитъ къ крещенію, чѣмъ и заключилъ исполненіе всѣхъ заповѣдей. А что крещеніе было послѣднимъ изъ дѣлъ законныхъ, выслушай Его слова: *тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Матѳ. III, 15). Смыслъ этихъ словъ таковъ: мы все предписанное закономъ исполнили, не преступили ни одной заповѣди; и такъ какъ остается только одно крещеніе, то и это намъ должно присовокупить, и такимъ образомъ исполнимъ всякую правду. Подъ *правдой* Онъ разумѣетъ здѣсь исполненіе всѣхъ заповѣдей. Отсюда видно, для чего Христосъ приступилъ къ крещенію. Но почему вздумалось Іоанну крестить? По свидѣтельству ев. Луки, не самъ собою сынъ Захаріи приступилъ къ крещенію, но по возбужденію Божію: *бысть глаголъ* Господень къ нему (Лук. III, 2), т. е. повелѣніе Божіе ему. И самъ Іоаннъ говоритъ: *пославый мя крестити водою, Той мнѣ рече: надъ Него же узриши Духа сходяща* какъ голубя, *и пребывающа на немъ, Той есть крестяй Духомъ Святымъ* (Іоан. 1, 33). Для чего же онъ пóсланъ совершать крещеніе? И это опять объясняетъ намъ самъ Креститель, говоря: *азъ не вѣдѣхъ Его, но*

да явится Израилеви, сего ради пріидохъ азъ водою крестя (Іоан. I, 31). Но если одна эта причина, то какъ же еванг. Лука говоритъ: *пріиде во страну Іорданскую, проповѣдуя крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ* (Лук. III, 3)? Крещеніе Іоанново не давало прощенія грѣховъ. Это послѣднее было даромъ крещенія, послѣ даннаго намъ. Въ немъ мы спогреблись со Христомъ; въ немъ ветхій нашъ человѣкъ сораспялся съ Христомъ; а прежде креста Христова нигдѣ не видно отпущенія грѣховъ: оно вездѣ приписывается крови Его. И апостолъ Павелъ говоритъ: *но омыстеся, но освятистеся* не крещеніемъ Іоанновымъ, но *именемъ Господа нашего Іисуса Христа, и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. VI, 11). И въ другомъ мѣстѣ: *Іоаннъ убо проповѣдалъ* крещеніе *покаянія,*— не сказано отпущенія,—*да во грядущаго по немъ вѣруютъ* (Дѣян. XIX, 4). Да и какимъ бы образомъ могло быть отпущеніе грѣховъ, когда еще ни жертва не была принесена, ни Духъ (Святый) не сходилъ, ни грѣхи не были заглаждены, ни вражда не пресѣклась, ни проклятіе не уничтожилось?

2. Итакъ, что же значитъ—*во оставленіе грѣховъ*? Нераскаянны были іудеи и никогда не чувствовали грѣховъ своихъ, но будучи подвержены крайнимъ порокамъ, всегда считали себя праведными, а это-то особенно и губило ихъ, и отдаляло отъ вѣры. Апостолъ Павелъ, укоряя ихъ за это, сказалъ: *не разумѣюще Божія правды*, и свою правду *ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася* (Рим. X, 3). И еще: *что убо речемъ? Яко языцы, не гонящіи правду, постигоша правду: Израиль же гоня законъ правды, въ* 186
законъ правды не постиже. Чесо ради? Зане не отъ вѣры, но отъ дѣлъ (Рим. IX, 30 — 32). Такъ какъ это было причиною ихъ золъ, то приходитъ Іоаннъ, чтобы привести ихъ къ сознанію своихъ грѣховъ. Это выражалось въ самой наружности его; располагавшей ихъ къ покаянію и исповѣданію грѣховъ, то же показывала и его проповѣдь, потому что онъ только и говорилъ: *сотворите плоды достойны покаянія* (Лук. III, 8). Итакъ, поелику несознаніе грѣховъ своихъ, какъ говоритъ и апостолъ Павелъ, удаляло ихъ отъ Христа (тогда какъ, напротивъ, отъ помышленія о своихъ грѣхахъ происходитъ желаніе искать Искупителя и прощенія),—то и цѣль пришествія Іоаннова состояла въ томъ, чтобы расположить ихъ къ познанію своихъ грѣховъ и склонить къ покаянію; не для того, чтобы они были наказаны, а чтобы стали чрезъ покаяніе болѣе смиренными, осудили самихъ себя и прибѣгли къ полученію прощенія. Смотри, съ какою точностію евангелистъ указалъ на это. Сказавъ, что Іоаннъ *пріиде проповѣдуя крещеніе покаянія въ пустынѣ Іудейстѣй*, онъ присовокупилъ — *во отпущеніе*, какъ бы говоря тѣмъ: онъ убѣ-

ждалъ ихъ къ сознанію и покаянію въ грѣхахъ, не для наказанія ихъ, но чтобы они удобнѣе получили отпущеніе, имѣвшее быть послѣ. Если бы они не осудили самихъ себя, то не стали бы искать и милости; а не ища ея, не удостоились бы и отпущенія грѣховъ. Итакъ, крещеніе Іоанново пролагало путь къ другому. Потому-то и сказано: *да вѣруютъ въ грядущаго по немъ*. Этими словами, кромѣ означенной нами, указывается еще и новая причина крещенія. Неприлично было Іоанну обходить домы и, взявши Христа за руку, водить вездѣ, говоря: вѣруйте въ Него; неприлично также было передъ всѣми мимоходящими возносить этотъ блаженный гласъ, и совершать все прочее. Потому и пришелъ онъ крестить. И уваженіе къ Крестителю, и цѣль самаго дѣйствія привлекала и призывала къ Іордану всѣхъ жителей, такъ что здѣсь было великое собраніе народа. Вотъ почему приходящихъ къ нему онъ смиряетъ и убѣждаетъ не думать о себѣ много, показывая, что они подвергнутся величайшимъ бѣдствіямъ, если не покаются,— убѣждаетъ перестать хвалиться своими предками и принять грядущаго. Въ это время явленіе Христово было еще прикровенно, и многіе, по причинѣ бывшаго въ Виѳлеемѣ избіенія, почитали Его умершимъ. Правда Онъ, будучи еще двѣнадцати лѣтъ, обнаружилъ Себя, но въ скоромъ времени опять сдѣлался неизвѣстнымъ. Вотъ почему Его явленіе въ самомъ началѣ долженствовало быть особенно знаменитымъ и высокимъ. Потому-то Іоаннъ въ первый разъ громогласно и проповѣдуетъ народу іудейскому то, чего они не слыхали ни отъ пророковъ и ни отъ кого другого,—напоминаетъ имъ о небесахъ и о небесномъ царствѣ, и не говоритъ уже ни о чемъ земномъ. Подъ царствомъ же разумѣлъ онъ пришествіе Христово, какъ первое, такъ и послѣднее. Но для чего, скажешь ты, говорилъ онъ это іудеямъ, когда они не понимали словъ его? Я для того говорю это, скажетъ онъ, чтобы они, будучи возбуждены таинственностію словъ, стали искать проповѣдуемаго. И дѣйствительно, Іоаннъ такъ воодушевилъ благими надеждами приходившихъ къ нему, что даже многіе мытари и воины спрашивали: что имъ дѣлать, и какъ устроить жизнь свою?—а это было признакомъ, что они, оставивши житейскія дѣла свои, начали обращать взоръ свой на другое важнѣйшее, и какъ бы во снѣ представлять будущее. Все, что они видѣли и слышали, порождало въ нихъ высокія мысли.

3. Въ самомъ дѣлѣ, представь, каково было видѣть человѣка, исходящаго изъ пустыни, по прошествіи тридцати лѣтъ, сына одного изъ первосвященниковъ, того, который никогда не имѣлъ нужды въ вещахъ человѣческихъ, во всѣхъ отношеніяхъ

достоинъ былъ уваженія, и сверхъ того имѣлъ за собой пророка 187
Исаію, поскольку этотъ послѣдній возглашалъ о немъ, говоря: „вотъ тотъ, о которомъ я предвѣщалъ, что онъ пріидетъ вопіять въ пустынѣ, и обо всемъ громогласно проповѣдывать". И дѣйствительно, пророки такъ были заботливы въ настоящемъ случаѣ, что задолго предвозвѣстили не только о Владыкѣ своемъ, но и о томъ, кто будетъ слугой Его; и предвозвѣстили не только о лицѣ его, но предсказали и мѣсто, гдѣ онъ будетъ проповѣдывать, и образъ проповѣди, который онъ употребитъ для наученія, и то, какія добрыя послѣдствія произойдутъ отъ его проповѣди. Смотри, какъ оба они, т. е. пророкъ и креститель, соглашаются въ одной мысли, хотя и не одними словами выражаютъ ее. Исаія говоритъ, что такова будетъ проповѣдь Іоанна: *уготовайте путь Господенъ, правы творите стези Его* (XL, ст. 3); самъ же креститель, по пришествіи своемъ, говоритъ: *сотворите плоды достойны покаянія*,—это означаетъ то же самое, что и слова: *уготовайте путь Господенъ*. Видишь ли, что и слова, изреченныя пророкомъ, и проповѣдь самого Іоанна означаютъ только то, что онъ пришелъ предуготовить и предустроить путь ко Христу? Пришелъ не для того, чтобы подавать даръ, т. е. отпущеніе грѣховъ, но чтобы пріуготовить души тѣхъ, которые имѣли принять Бога всяческихъ. Лука же еще нѣчто прибавляетъ; онъ приводитъ не начало только пророчества, но передаетъ его полностію: *всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холмъ смирится; и будутъ стропотная въ право, и острая въ пути гладки, и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе* (Лук. III, 5, 6. Ис. XL, 4). Видишь ли, какъ говоритъ? Пророкъ давно все предсказалъ: и стеченіе народа, и перемѣну вещей къ лучшему, и успѣхъ проповѣди, и причину всѣхъ этихъ событій,—хотя это все выражено иносказательно, такъ какъ это были слова пророческія. Когда пророкъ говоритъ: *всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холмъ смирится, и будутъ вся острая въ пути гладки*, то онъ означаетъ этимъ, что и смиренные вознесутся и гордые смирятся, и трудность закона перемѣнится въ легкость вѣры. Не будетъ уже болѣе трудовъ и пота, говоритъ онъ, но настанетъ благодать и прощеніе грѣховъ, облегчающія путь спасенія. Потомъ указываетъ и причину этого, говоря: *узритъ всяка плоть спасеніе Божіе*, т. е. не одни уже только іудеи и принявшіе ихъ вѣру, но вся земля и море и все естество человѣческое. Чрезъ стропотное онъ означилъ всякую развращенную жизнь, разумѣлъ мытарей, любодѣевъ, разбойниковъ, волхвовъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые прежде жили развращенно, а послѣ вступили на правый путь, о чемъ говорилъ и самъ Христосъ: *мытари и любодѣйцы варяютъ вы въ царствіи Божіемъ* (Матѳ.

xxi, 31),—такъ какъ они увѣровали. То же самое выразилъ пророкъ еще и другими словами: *тогда волцы и агнцы имутъ пастися вкупѣ* (Ис. lxv, 25). Какъ тамъ, подъ образомъ холмовъ и дебрей, указываетъ на соединеніе различныхъ нравовъ въ одинъ согласный образъ мыслей, такъ и здѣсь, въ свойствахъ различныхъ животныхъ изображая различные нравы людей, говоритъ, что они также соединятся и будутъ между собою согласны въ
188 благочестіи; и здѣсь опять представляетъ тому причину: *будетъ*, говоритъ, *возстаяй владѣти языки, на Того языцы уповати будутъ* (Ис. xi, 10). Эту же причину и тамъ привелъ онъ, сказавъ: *и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе*. Въ обоихъ случаяхъ онъ указываетъ на то, что сила и познаніе евангелія разольются во всѣ концы земли, и родъ человѣческій отъ звѣрскихъ нравовъ и отъ грубаго образа мыслей перейдетъ къ кротости и мягкости. *Самъ же Іоаннъ имѣяше ризу свою отъ власъ вельблюждь, и поясъ усменъ о чреслѣхъ его* (Матѳ. iii, 4). Видишь ли, какъ иное предвозвѣстили пророки, а иное предоставили евангелистамъ? Почему Матѳей и пророчества приводитъ, и отъ себя присоединяетъ, не почитая излишнимъ сказать и объ одеждѣ праведника.

4. Въ самомъ дѣлѣ, странно и удивительно было видѣть въ человѣческомъ тѣлѣ такое терпѣніе: это-то особенно и привлекало іудеевъ. Они видѣли въ немъ великаго Илію; зрѣлище, котораго они были свидѣтелями, напоминало имъ объ этомъ святомъ мужѣ, и даже еще болѣе изумляло ихъ. Дѣйствительно, тотъ питался и въ городахъ и домахъ, а этотъ отъ самой колыбели постоянно жилъ въ пустынѣ. Предтечѣ Того, Кто имѣлъ упразднить все древнее, какъ-то: трудъ, проклятіе, печаль и потъ, надлежало и самому имѣть нѣкоторые знаки такого дара и быть выше древняго осужденія. Таковымъ онъ и былъ. Ни земли Онъ не обработывалъ, ни браздъ не разсѣкалъ, ни хлѣба не ѣлъ въ потѣ лица; но столъ имѣлъ готовый, одежду находилъ легче стола, а о жилищѣ еще менѣе заботился, нежели объ одеждѣ. Онъ не имѣлъ нужды ни въ домѣ, ни въ постели, ни въ столѣ, ни въ чемъ другомъ подобномъ, но, нося плоть, велъ какую-то ангельскую жизнь. Для того-то онъ и носилъ власяную одежду, чтобы и самою одеждою научить насъ удаляться человѣческаго, и не имѣть ничего общаго съ землею, но возвращаться къ прежнему благородству, въ какомъ былъ нѣкогда Адамъ, прежде нежели возъимѣлъ нужду въ платьѣ и одеждѣ. Такимъ образомъ, самая одежда Іоанна служила знакомъ и царскаго достоинства, и покаянія. Не спрашивай меня, откуда онъ, живя въ пустынѣ, могъ достать власяницу и поясъ? Если ты будешь спрашивать объ этомъ, то найдешь множество и другихъ вопросовъ, напри-

мѣръ: какъ онъ во время зимы и во время зноя солнечнаго жилъ въ пустынѣ, особенно же въ незрѣломъ возрастѣ и съ слабымъ, еще не укрѣпившимся тѣломъ? Какимъ образомъ дѣтское его тѣло могло перенести такія перемѣны погоды, при такомъ необыкновенномъ столѣ и прочихъ невыгодахъ пустынной жизни? Гдѣ нынѣ тѣ греческіе философы, которые суетно ревновали циническому безстыдству? Какая была польза запираться въ бочкѣ, и потомъ предаваться такой гнусности? Гдѣ эти философы, которые, пренебрегая всѣми приличіями, имѣли между тѣмъ множество колецъ, чашъ, слугъ и служанокъ, и окружали себя прочею пышностію, вдаваясь, такимъ образомъ, въ двѣ крайности? Но не таковъ былъ Іоаннъ; онъ обиталъ въ пустынѣ, какъ на небѣ, строго исполняя всѣ правила философіи, и оттуда, подобно ангелу съ неба, нисходилъ во грады,—подвижникъ благочестія, увѣнчанный всею вселенной, и философъ философіи, 189
достойной неба. Притомъ онъ былъ таковымъ тогда, когда еще не былъ разрѣшенъ грѣхъ, не прекратился еще законъ, не была еще связана смерть, не были еще сокрушены мѣдныя врата, но когда еще имѣлъ силу ветхій завѣтъ. Такова-то мужественная и крѣпкая душа: она всюду проходитъ и побѣждаетъ всѣ преграды. Таковъ былъ и Павелъ въ новомъ завѣтѣ. Но для чего, скажешь ты, Іоаннъ вмѣстѣ съ одеждою носилъ и поясъ? Таковъ былъ обычай древнихъ, прежде чѣмъ вошла въ употребленіе одежда мягкая и раздувающаяся. Такъ опоясывался Петръ, равно какъ и Павелъ: *мужа*, говорится, *егоже есть поясъ сей* (Дѣян. XXI, 11). Такъ же одѣтъ былъ Илія; такъ же одѣвался и каждый изъ святыхъ, потому что они непрестанно были въ дѣлѣ: или путешествовали, или чѣмъ-нибудь другимъ нужнымъ занимались и трудились. Впрочемъ, не по одной только этой причинѣ они одѣвались такимъ образомъ, но еще и потому, что пренебрегали всякими украшеніями и любили жизнь строгую и суровую; а это и Христосъ поставляетъ въ величайшую похвалу добродѣтели: *чесо изыдосте*, говоритъ Онъ, *видѣти? Человѣка ли въ мягки ризы одѣянна? Се, иже мягкая носящія, въ домѣхъ царскихъ суть* (Матѳ. XI, 8).

5. Если же Іоаннъ, этотъ столь чистый мужъ, свѣтлѣйшій неба и высшій всѣхъ пророковъ, болѣе котораго никого не было и который имѣлъ такое дерзновеніе,—если онъ велъ такую суровую жизнь, совершенно пренебрегая всѣми излишними удовольствіями, то какое же оправданіе будемъ имѣть мы, которые послѣ явленныхъ намъ великихъ благодѣяній, и при безчисленныхъ грѣхахъ, насъ обременяющихъ, не оказываемъ даже и малѣйшей части его покаянія, но упиваемся, пресы-

щаемся, намащаемся благовоніями, живемъ ничѣмъ не лучше театральныхъ блудницъ, всячески нѣжимся, и такимъ образомъ дѣлаемъ себя легкою добычею діаволу? *Тогда исхождаше къ нему Іерусалима, и вся Іудея, и вся страна Іорданская, и крещахуся отъ него, исповѣдающе грѣхи своя* (Матѳ. ш, 5, 6). Видишь ли, какъ сильно подѣйствовало явленіе пророка, какъ заставило весь народъ встрепенуться, какъ привело его въ чувство грѣховъ своихъ? И подлинно, чудное было для іудеевъ зрѣлище, когда они видѣли, что Іоаннъ въ человѣческомъ образѣ проявляетъ такія дѣла, говоритъ съ такимъ дерзновеніемъ, возстаетъ на всѣхъ какъ на дѣтей, блистаетъ особенною благодатію въ лицѣ своемъ. Удивленіе ихъ увеличивалось еще болѣе отъ того, что явленіе пророка послѣдовало спустя долгое время (вѣдь благодать пророческая оскудѣла у нихъ, и возвратилась къ нимъ спустя долгое время). Да и самый образъ проповѣди былъ какой-то странный и особенный. Въ самомъ дѣлѣ, они не слыхали отъ Іоанна ничего обыкновеннаго: ни о земныхъ войнахъ, битвахъ и побѣдахъ, ни о бѣдствіяхъ голода и мора, ни о вавилонянахъ и персахъ, ни о взятіи города, ни о другомъ чемъ-либо обыкновенномъ, но о небесахъ, небесномъ царствѣ и о мученіи въ гееннѣ. Вотъ почему іудеи, не смотря на то, что не задолго передъ тѣмъ временемъ сообщники возмутителей Іуды и Ѳевды
190 всѣ были побиты въ пустынѣ Іорданской, нимало не страшились идти туда. Іоаннъ призывалъ ихъ не съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ эти возмутители, т. е. чтобы склонять ихъ къ возстановленію царства, возстанію и нововведеніямъ, но чтобы руководствовать къ небесному царству. Потому онъ и не удерживалъ ихъ въ пустынѣ, чтобы вести за собою, но отпускалъ, преподавъ крещеніе и правила строгой жизни; онъ всѣми мѣрами старался внушить имъ презирать все земное, а возноситься и устремляться постоянно къ будущему. Будемъ и мы подражать Іоанну, и оставивъ сластолюбіе и пьянство, начнемъ жизнь воздержную. Теперь время покаянія какъ для некрещенныхъ, такъ и для крестившихся, чтобы одни, покаявшись, сдѣлались причастниками святого таинства, а другіе, омывши скверны, пріобрѣтенныя послѣ крещенія, съ чистою совѣстію приступили къ трапезѣ. Оставимъ же эту сластолюбивую и развращенную жизнь. Нельзя, вѣдь, никакъ нельзя въ одно и то же время и каяться, и предаваться сластолюбію. И въ этомъ пусть увѣритъ васъ одежда, пища и жилище Іоанново. Чтожъ, скажете,—прикажешь и намъ вести такую суровую жизнь? Не приказываю, но совѣтую и прошу. Если же для васъ это невозможно, то хоть оставаясь въ городахъ будемъ совершать покаяніе. Судъ уже у дверей. Да если

бы онъ и не былъ такъ близокъ, все таки намъ не должно быть безпечными, потому что конецъ жизни каждаго имѣетъ такую же силу для отзываемаго въ будущую жизнь, какъ и кончина міра. А что судъ уже у дверей, послушай, какъ говоритъ о немъ Павелъ: *нощь прейде, а день приближися* (Рим. XIII, 12); и въ другомъ мѣстѣ: *пріидетъ бо грядый и неукоснитъ* (Евр. X, 37). Да и самые признаки, возвѣщающіе день суда, уже открылись, потому что сказано: *проповѣстся сіе евангеліе царствія* во всемъ мірѣ, *во свидѣтельство всѣмъ языкомъ, и тогда пріидетъ кончина* (Матѳ. XXIV, 14).

6. Замѣтьте особенно эти слова. Не сказалъ Спаситель: когда увѣруютъ всѣ люди, но: когда будетъ всѣмъ проповѣдано. Потому-то Онъ и прибавилъ: *во свидѣтельство языкомъ*, давая чрезъ то знать, что Онъ не будетъ отлагать пришествія Своего дотолѣ, пока всѣ увѣруютъ. *Во свидѣтельство* здѣсь значитъ: въ обвиненіе, въ обличеніе, въ осужденіе невѣровавшихъ. А мы, слыша и видя это, спимъ и видимъ грезы, какъ бы погруженные въ самый глубокій полночный сонъ. И дѣйствительно, происходящее теперь на яву, радостное ли то, или прискорбное, ничѣмъ не лучше грезъ. Потому и умоляю васъ, наконецъ, пробудиться, и воззрѣть къ Солнцу правды. Сонный не можетъ видѣть солнца, и усладить взоръ свой красотою лучей его. Если же что и видитъ, то все какъ бы во снѣ. Итакъ, намъ нужны теперь глубокое раскаяніе и обильныя слезы, какъ потому, что мы грѣшимъ и остаемся безчувственными, такъ и потому, что грѣхи наши велики и превышаютъ прощеніе. А что я не лгу, въ томъ свидѣтелями большая часть слушателей. Впрочемъ, хотя грѣхи и превышаютъ прощеніе, обратимся все же къ покаянію, и мы удостоимся вѣнцевъ. Покаяніемъ же я называю не то, чтобы только отстать отъ прежнихъ худыхъ дѣлъ, но и то, чтобы показать большія добрыя дѣла. *Сотворите*, сказано, *плоды достойны покаянія* (Лук. III, 8). Какъ же намъ сотворить ихъ? Поступая напротивъ. Напримѣръ, ты похищалъ чужое? Впередъ давай и свое. Долгое время любодѣйствовалъ? Теперь воздерживайся и отъ своей жены въ из- 191
вѣстные дни; привыкай къ воздержанію. Оскорблялъ и даже билъ, кого ни встрѣчалъ? Впередъ благословляй обижающихъ тебя и благодѣтельствуй біющимъ. Для исцѣленія нашего не достаточно только вынуть стрѣлу, но еще нужно приложить къ ранѣ лѣкарство. Ты предавался прежде сластолюбію и пьянству? Теперь постись и пей воду; старайся истребить зло, происшедшее отъ прежней жизни. Ты смотрѣлъ прежде сладострастными очами на чужую красоту? Впередъ для большей безопасности совсѣмъ не смотри на женщинъ. *Уклонися*, сказано, *отъ зла и сотвори благо* (Псал. XXXIII, 15), и еще: *удержи языкъ твой отъ зла и устнѣ твои*,

еже не глаголати льсти (ст. 14). А я требую, чтобы ты еще говорилъ доброе. *Взыщи мира и пожени и* (тамъ же ст. 15) не только съ людьми, но и съ Богомъ. Прекрасно сказано: *пожени*. Подлинно миръ отринутъ и изгнанъ, и, оставивъ землю, отошелъ на небо. Но мы можемъ возвратить его опять, если только, оставивъ гордость, наглость и все, что препятствуетъ ему, захочемъ вести жизнь скромную и кроткую. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего хуже наглой надменности. Она-то и дѣлаетъ насъ и напыщенными и въ то же время раболѣпными, а потому въ первомъ случаѣ смѣшными, во второмъ отвратительными, и такимъ образомъ производитъ заразъ два противоположныхъ порока: гордость и подлое ласкательство. Если же мы искоренимъ эту ненасытную страсть, то будемъ и истинно-смиренными, и высокими безъ всякой для себя опасности. Отъ излишества, вѣдь, и въ тѣлахъ нашихъ происходитъ порча соковъ, и когда составныя части нашего тѣла по чрезмѣрности выходятъ изъ своихъ границъ, то рождаются безчисленныя болѣзни и страшные случаи смерти. То же самое бываетъ и съ душею.

7. Итакъ, отсѣчемъ всякую безмѣрность и, принявши спасительное врачество умѣренности, будемъ жить добропорядочно, какъ слѣдуетъ, и станемъ усердно прилежать къ молитвамъ. Если и не получимъ просимаго, будемъ молиться, чтобы получить; если же получимъ, не престанемъ молиться и по полученіи просимаго. Богъ не для чего-нибудь иного откладываетъ исполненіе нашихъ прошеній, но для того, чтобы замедленіемъ возбуждать къ неусыпнымъ молитвамъ. Для того-то Онъ и отлагаетъ исполненіе нашихъ прошеній, и часто попускаетъ намъ впадать въ искушенія, чтобы мы непрестанно къ Нему прибѣгали и не оставляли Его. Такъ поступаютъ и любящіе отцы и чадолюбивыя матери: видя, что дѣти перестаютъ лас-
192 каться къ нимъ, и оставляютъ ихъ, чтобы играть съ своими сверстниками, они часто приказываютъ слугамъ своимъ пугать ихъ, чтобы страхомъ принудить ихъ бѣжать къ материнскимъ объятіямъ. Такъ и Богъ часто угрожаетъ намъ не потому, что Онъ готовъ исполнить надъ нами Свои угрозы, но для того, чтобы привлечь къ Себѣ. Оттого-то, когда мы къ Нему обращаемся, Онъ тотчасъ перестаетъ быть грознымъ. Если бы мы были одинаковы какъ въ благополучіи, такъ и въ искушеніяхъ, то не было бы и нужды въ искушеніяхъ. И что намъ говорить о себѣ? И сами святые мужи часто вразумляемы были искушеніями. Потому-то и говоритъ пророкъ: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси* (Псал. cxvііі, 71). И самъ Христосъ говоритъ апостоламъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. xvі, 33). То же самое разумѣетъ и

Павелъ, когда говоритъ: *дадеся ми пакостникъ плоти ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ* (2 Кор. XII, 7). Вотъ почему, хотя и просилъ онъ избавиться отъ этого искушенія, онъ не получилъ просимаго, потому что ему отъ него была большая польза. Если пройдемъ всю жизнь Давида, то найдемъ, что и онъ былъ свѣтлѣе во время бѣдствій. И не только онъ, но и всѣ другіе ему подобные. Такъ Іовъ наиболѣе сіялъ во время бѣдствій; тогда же наиболѣе прославился Іосифъ; также Іаковъ, и отецъ его, и отецъ отца его, и всѣ, которые когда-либо сіяли и получили блистательнѣйшіе вѣнцы, увѣнчались и прославились отъ скорбей и искушеній. Зная все это, не будемъ, по словамъ мудраго, *скоры во время наведенія* (Сир. II, 2), а научимся тому единственно, чтобы мужественно все переносить, и, что бы ни случилось съ нами, ни о чемъ не любопытствовать и не безпокоиться. Знать, когда должны кончиться наши скорби, принадлежитъ Богу, Который ихъ попускаетъ, а переносить эти скорби со всею благодарностью—есть дѣло уже нашей благопризнательности. Если будетъ такъ, то все будетъ у насъ хорошо. А чтобы это дѣйствительно было, чтобы намъ быть славнѣе здѣсь—на землѣ и блистательнѣе на небесахъ, будемъ принимать все, постигающее насъ, съ благодарностью къ Тому, Кто лучше нашего знаетъ, что намъ полезно, и Кто любитъ насъ сильнѣе самихъ родителей. Эти двѣ мысли припоминая себѣ при каждомъ постигающемъ насъ бѣдствіи, будемъ укрощать скорбь свою и прославлять Бога, Который во всѣхъ случаяхъ все творитъ и устрояетъ въ нашу пользу. Такимъ образомъ мы и легко отразимъ всѣ навѣты, и получимъ нетлѣнные вѣнцы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Св. Духу слава, держава, честь нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

1. Видѣвъ же (Іоаннъ) многи фарисеи и саддукеи, грядущія на крещеніе его, рече имъ: рожденія ехиднова, кто сказа вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва (III, 7)?

1. Почему же Христосъ говоритъ, что они не вѣрили Іоанну? 191-192
Потому что это была не вѣра, если они не приняли Того, о Комъ Іоаннъ проповѣдывалъ. Они, повидимому, внимали и ученію пророковъ, и словамъ Законодателя,—и однако Христосъ обличалъ ихъ въ невниманіи, потому что они не приняли Того,

о Комъ предрекали пророки. *Аще бо бысте вѣровали Моѵсеови*, говоритъ Онъ, *вѣровали бысте Мнѣ* (Іоанн. v, 46). И впослѣдствіи, когда Христосъ спрашивалъ ихъ: *крещеніе Іоанново откуду бѣ?*— они такъ разсуждали между собою: *аще ли речемъ отъ земли, боимся народа; аще речемъ: съ небесе, речетъ намъ: почто убо не вѣровасте ему* (Матѳ. xxi, 25—26)? Изъ всего этого, такимъ образомъ, видно, что они приходили къ крещенію, и крестились, но не пребыли въ вѣрѣ проповѣданному. И евангелистъ Іоаннъ открываетъ намъ ихъ злобу, когда, говоря о посланныхъ спросить Крестителя: *Илія ли ты, Христосъ* ли ты? тотчасъ прибавляетъ: *посланніи же бѣху отъ фарисей* (Іоанн. i, 21, 24). Такъ что же?
193 А простой народъ развѣ не точно такъ же думалъ? Правда, говоритъ; но только простой народъ думалъ такъ по простотѣ сердца, фарисеи же хотѣли уловить его. Такъ какъ, напримѣръ, было извѣстно, что Христосъ придетъ изъ веси Давидовой, а Іоаннъ былъ отъ колѣна Левіина, то они и предлагали ему коварный вопросъ, чтобы въ самомъ его отвѣтѣ найти случай напасть на него. Это видно и изъ дальнѣйшаго: не смотря на то, что онъ и не далъ тѣхъ отвѣтовъ, какихъ они ожидали, они все-таки нападаютъ на него, говоря: *что убо крещаеши, аще ты нѣси Христосъ* (Іоан. i, 25)? Но чтобы тебѣ еще болѣе увѣриться въ томъ, что фарисеи приходили креститься съ одними мыслями, а простой народъ съ другими, послушай, какъ показалъ это евангелистъ. О простомъ народѣ онъ говоритъ, что онъ приходилъ и крестился отъ Іоанна, исповѣдуя свои грѣхи; а о фарисеяхъ говоритъ уже не то, но вотъ что: *видѣвъ же многи фарисеи и саддукеи грядущія, рече: рожденія ехиднова, кто* указалъ *вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва?* Какая высота духа! Какъ сильно говоритъ онъ къ людямъ, всегда жаждавшимъ крови пророковъ,—людямъ, ничѣмъ не лучшимъ змѣй! Съ какою свободою онъ обличаетъ и ихъ самихъ, и родившихъ ихъ!

Такъ, скажешь; свобода велика; но вотъ что надобно спросить: имѣетъ ли она какое-либо основаніе? Вѣдь онъ видѣлъ ихъ не согрѣшающими, но кающимися; казалось бы, поэтому, онъ долженъ былъ не порицать ихъ, а похвалить, и принять за то именно, что они, оставивъ городъ и свои дома, пришли слушать его проповѣдь. Что же мы на это скажемъ? То, что онъ обращалъ вниманіе не на настоящія обстоятельства, не на то, что происходило, но видѣлъ тайныя ихъ помышленія, которыя открылъ ему Богъ. Такъ какъ они величались своими предками, что и было причиною ихъ погибели, и повергло ихъ въ безпечность, то онъ исторгаетъ самый корень ихъ гордости. Потому же и Исаія называетъ ихъ начальниками содомскими и наро-

домъ гоморрскимъ, а другой пророкъ говоритъ: *не якоже ли сынове Еѳіопстіи вы есте* (Ис. I, 10; Амос. IX, 7)? Такъ всѣ ихъ предостерегаютъ отъ этого предразсудка, смиряя ихъ гордость, бывшую для нихъ источникомъ безчисленныхъ золъ. Но ты скажешь: пророки справедливо такъ поступали, потому что они видѣли ихъ согрѣшающими; здѣсь же почему и для чего дѣлать это Іоанну, когда онъ видитъ ихъ уже покорными? Для того, чтобы еще болѣе смягчить ихъ. Если же кто со вниманіемъ разсмотритъ его слова, то и въ самомъ обличеніи откроетъ похвалу имъ, потому что эти слова были произнесены имъ отъ удивленія, что они, хотя и поздно, но все же могли сдѣлать то, что казалось нѣкогда невозможнымъ. Слѣдовательно и самое обличеніе ихъ Іоанномъ означаетъ болѣе желаніе привлечь ихъ и расположить къ покаянію. Въ то время, когда онъ, повидимому, поражаетъ ихъ, онъ открываетъ и прежнее ихъ великое нечестіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ дивную и неожиданную настоящую перемѣну. Какъ это могло быть, говоритъ онъ, что они, будучи дѣтьми такихъ родителей и такъ худо воспитаны, начали раскаиваться? Откуда такая перемѣна? Кто смягчилъ суровое ихъ сердце? Кто исцѣлилъ неисцѣльное? Смотри, какъ онъ съ самаго начала поразилъ ихъ, говоря имъ о гееннѣ. Не о обыкновенныхъ бѣдствіяхъ сказалъ онъ имъ, какъ напримѣръ: „кто внушилъ вамъ бѣжать отъ враговъ, нашествія варваровъ, плѣна, голода и язвы?“ Нѣтъ; онъ угрожаетъ имъ другимъ наказаніемъ, о которомъ они еще не имѣли яснаго понятія, говоря такимъ образомъ: *кто указалъ вамъ бѣжати отъ будущаго гнѣва?*

2. Справедливо назвалъ Іоаннъ фарисеевъ и порожденіемъ ехидны. Подобно тому какъ это животное убиваетъ мать, его 194
раждающую, и является на свѣтъ, какъ говорятъ, разгрызая у ней чрево, такъ и они поступали, убивая своихъ отцевъ и матерей и раздирая своими руками учителей. Впрочемъ, Іоаннъ не останавливается на одномъ обличеніи, но предлагаетъ и совѣтъ: *сотворите*, говоритъ, плоды достойные покаянія (ст. 8), потому что не достаточно только удалиться отъ нечестія, но надобно показать и великую добродѣтель. Не дѣлайте же, говоритъ онъ имъ, того, что для меня противно, а для васъ обыкновенно, и не возвращайтесь къ прежнимъ порокамъ, только смирившись на малое время. Мы уже не въ такомъ положеніи, какъ прежніе пророки. Настоящія обстоятельства отличны отъ прежнихъ и выше, потому что нынѣ грядетъ самъ Судія и Господь царства, чтобы возвести насъ къ высшему любомудрію, воззвать на небо и привлечь въ тамошнія обители. Потому-то я и говорю о

геенне, что теперь какъ награды, такъ и наказанія вѣчны. Итакъ, не оставайтесь въ прежнихъ вашихъ порокахъ, не указывайте, по обычаю, въ свою защиту на благородство вашихъ предковъ—Авраама, Исаака и Іакова. Впрочемъ, этими словами онъ не возбранялъ имъ называться потомками этихъ святыхъ, но возбранялъ слишкомъ полагаться на это, пренебрегая добродѣтельною жизнію. Говоря такъ, онъ раскрывалъ и настоящія ихъ мысли, и предрекалъ будущее. Дѣйствительно, они и послѣ того еще говорили: мы *отца* имѣемъ *Авраама, и никому же работахомъ николиже* (Іоан. VIII, 33). Такъ какъ это особенно побуждало ихъ къ гордости, и приводило къ погибели, то Іоаннъ прежде всего и обличаетъ этотъ порокъ. Смотри же, съ какимъ уваженіемъ къ патріарху приступаетъ онъ къ ихъ исправленію! Сказавши: *не начинайте глаголати: отца имамы Авраама,* не сказалъ: патріархъ не можетъ принести вамъ никакой пользы, но съ какою-то кротостію и ласковостію то же самое далъ разумѣть словами: *можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму* (Мѳ. III, 9). Нѣкоторые говорятъ, что здѣсь Іоаннъ указываетъ на язычниковъ, называя ихъ иносказательно камнями. Но, по моему мнѣнію, слова эти заключаютъ въ себѣ и другую мысль. Какую же? Не думайте, говоритъ, что если вы погибнете, то патріархъ уже останется бездѣтенъ. Нѣтъ, нѣтъ! Богу возможно и отъ камней дать ему дѣтей и продолжить родъ его, такъ какъ и съ начала такъ было, потому что отъ камней быть людямъ все то же, что родиться младенцу отъ безплодной матери. Такъ и пророкъ, указывая на это, говоритъ: *воззрите на твердый камень, изъ негоже изсѣчени бысте, и въ юдоль потоки, изъ неяже ископани бысте. Воззрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, породившую вы* (Ис. LI, 12). Итакъ, напоминая имъ объ этомъ пророчествѣ, онъ показываетъ, что какъ съ самаго начала Богъ чудеснымъ образомъ содѣлалъ Авраама отцемъ, какъ бы изъ камня, такъ и нынѣ это возможно. Примѣчай, какъ онъ ихъ и устрашаетъ, и поражаетъ. Не сказалъ, что уже воздвигъ, чтобы они не пришли въ отчаяніе, но—что можетъ воздвигнуть. Притомъ не сказалъ, что можетъ людей воздвигнуть отъ камней, но гораздо болѣе—родныхъ чадъ Аврааму. Видишь ли, какъ онъ ихъ отводитъ отъ плотскихъ мыслей и надежды на предковъ, чтобы они въ собственномъ покаяніи и смиренномудріи имѣли надежду на спасеніе? Видишь ли, какъ онъ, истребляя въ нихъ мысль о родствѣ по плоти, вводитъ родство по вѣрѣ?

3. Но примѣчай, какъ онъ и послѣдующими словами умножаетъ ихъ страхъ и возбуждаетъ въ нихъ безпокойство. Сказавъ,

что *можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму*, онъ 105
тотчасъ присовокупилъ: *уже и сѣкира при корени древа лежитъ* (ст. 10). Вся рѣчь его вселяетъ ужасъ. И онъ, по самому образу своей жизни, могъ говорить очень свободно; да и они требовали сильнаго обличенія, потому что уже давно огрубѣли. Сказать ли вамъ, говоритъ онъ, что вы имѣете лишиться родства съ патріархомъ и увидите другихъ воздвигнутыхъ отъ каменія, получающихъ ваши достоинства? Но наказаніе ваше этимъ не ограничится; оно прострется далѣе. *Уже бо*, говоритъ, *сѣкира при корени древа лежитъ*. Ничто не можетъ быть ужаснѣе этого выраженія. Ты видишь уже не серпъ летящій, не ограду разрушенную, или виноградникъ потоптанный, но острѣйшую сѣкиру, и что еще ужаснѣе, лежащую при дверяхъ. Не вѣря пророкамъ, они часто говорили: „гдѣ есть день Господень?“, и: *да пріидетъ совѣтъ Святаго Израилева, да разумѣемъ* (Ис. v, 19). Такъ какъ предсказанія часто исполнялись по прошествіи многихъ лѣтъ, то чтобы лишить ихъ и такого утѣшенія, онъ угрожаетъ имъ близкимъ бѣдствіемъ, что и выразилъ словомъ: *уже*, присоединивъ еще: *при корени*. Нѣтъ уже, говоритъ, никакого разстоянія, но при самомъ корени лежитъ. Не сказалъ: при вѣтвяхъ, или: при плодахъ, но: *при корени*, научая ихъ, что, въ случаѣ ихъ нерадѣнія, они подвергнутся ничѣмъ неотвратимымъ бѣдствіямъ и безъ всякой надежды избавленія. И это потому, говоритъ, что пришедшій не есть уже рабъ, какъ приходившіе прежде, но самъ Господь всяческихъ, въ рукѣ Котораго страшное и ужасное наказаніе. Впрочемъ, устрашивъ ихъ такимъ образомъ, онъ не попускаетъ имъ впасть въ отчаяніе. Какъ раньше онъ не сказалъ, что Богъ уже воздвигъ, но что *можетъ воздвигнути чада Аврааму*, чтобы и устрашить ихъ и въ то же время утѣшить,— такъ точно и здѣсь не сказалъ, что сѣкира уже прикоснулась къ корню, но что *лежитъ при корени*, близъ него,—чѣмъ исключаетъ всякое замедленіе. Впрочемъ, хотя и полагаетъ въ такой близости, но самое посѣченіе ставитъ въ зависимость отъ вашей воли. Если вы покаетесь и сдѣлаетесь лучшими, то и сѣкира эта будетъ отнята отъ корня, ничего ему не сдѣлавши. Если же будете дѣлать то же, что и прежде, то и сѣкира не замедлитъ съ корнемъ исторгнуть дерево. Для того именно она и не отнимается отъ корня и, лежа при немъ, не посѣкаетъ его, чтобы вы, съ одной стороны, не предались безпечности, а съ другой— убѣдились бы въ томъ, что еще можете, хотя и въ краткое время, спастись, если покаетесь. Такимъ образомъ, онъ всячески умножаетъ ихъ страхъ, чтобы пробудить ихъ и привести къ покаянію. Дѣйствительно, отпасть отъ предковъ, видѣть другихъ на своемъ

мѣстѣ, быть при дверяхъ опасности и подвергнуться неизбѣжному злу, что онъ означаетъ чрезъ корень и сѣкиру,—все это достаточно къ тому, чтобы и самыхъ безпечныхъ людей возбудить и содѣлать дѣятельнѣйшими. На то же самое и Павелъ указывая, говоритъ: *слово сокращено сотворитъ Господь на* всей земли. Но не бойся; или лучше бойся, но не отчаивайся! Ты еще можешь надѣяться на перемѣну; приговоръ еще не произнесенъ, и сѣкира еще не начинаетъ посѣкать (что въ самомъ дѣлѣ препятствовало бы ей посѣкать, когда она уже при корени?), а лежитъ для того, чтобы внушаемымъ страхомъ исправить тебя и сдѣлать способнымъ приносить плоды. Для того-то онъ и присоединяетъ: *всяко древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ и во огнь вметаемо*. Сказавъ: *всяко*, этимъ онъ опять истребляетъ всякую на-
196 дежду на благородство предковъ. Будь, говоритъ онъ, потомокъ самого Авраама, имѣй своими сродниками безчисленныхъ патріарховъ, но если самъ ты не принесешь плода, то понесешь лишь двойное наказаніе. Этими словами онъ устрашаетъ и мытарей, потрясаетъ и сердца воиновъ; впрочемъ не повергаетъ ихъ въ отчаяніе, а только отводитъ отъ всякой безпечности. Слова его, внушая страхъ, предлагаютъ и великое утѣшеніе, потому что выраженіе: *еже плода добра не творитъ*—показываетъ, что древо, приносящее плодъ, свободно отъ всякаго наказанія.

4. Но скажутъ: какъ мы можемъ принести плодъ, когда намъ угрожаютъ посѣченіемъ, когда остается уже такъ мало времени и конецъ уже приближается? Можешь, отвѣчаетъ онъ, потому что отъ тебя не требуется плода такого, какой приноситъ дерево. Плодъ древесный требуетъ и много времени, и зависитъ отъ перемѣнъ погоды, и многаго также требуетъ попеченія. Но тебѣ стоитъ только захотѣть—и дерево тотчасъ прозябнетъ. Къ такому плодородію весьма много способствуетъ не только свойство корня, но и искусство самого земледѣльца. Итакъ, чтобы не стали говорить, что ты насъ смущаешь, стѣсняешь и дѣлаешь намъ насиліе, полагая сѣкиру и угрожая посѣченіемъ, въ самомъ наказаніи требуешь отъ насъ плода,—Іоаннъ, въ доказательство того, какъ легко приносить плоды, присоединяетъ: *азъ убо крещаю вы водою; грядый же по мнѣ крѣплій мене есть, Ему же нѣсмь достоинъ* разрѣшити ремень сапогъ: *Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (ст. 11). Этими словами онъ показываетъ, что нужны одно только желаніе и вѣра, а не труды и подвиги; и, какъ легко креститься, такъ легко и перемѣниться и сдѣлаться лучшими. Потрясши, такимъ образомъ, ихъ душу страхомъ суда, ожиданіемъ наказанія, напоминаніемъ о сѣкирѣ, отчужденіемъ ихъ отъ предковъ, приведеніемъ новыхъ чадъ, и двоякимъ наказаніемъ—

посѣченіемъ и сожженіемъ, смягчивъ всѣми способами ихъ жестокосердіе и возбудивъ въ нихъ желаніе избавленія отъ этихъ золъ, онъ, наконецъ, начинаетъ бесѣду и о Христѣ, но не просто, а отдавая Ему великое преимущество, и потомъ, полагая различіе между Нимъ и собою, чтобы не подумали, что онъ говоритъ это изъ одного угожденія, сравниваетъ то, что даетъ каждый изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не тотчасъ сказалъ: *Ему же нѣсмь достоинъ* разрѣшить ремень сапогъ Его; но показавъ прежде недостаточность своего крещенія, которое ничего болѣе не могло сдѣлать, какъ только привести ихъ къ покаянію (потому и не сказалъ: водою оставленія, но: *покаянія*), говоритъ и о крещеніи Христа, преисполненномъ неизреченныхъ даровъ. Чтобы ты, говоритъ, слыша, что Онъ по мнѣ грядетъ, не сталъ презирать Его, какъ уже послѣ пришедшаго, — познай силу Его дара, и ты ясно поймешь, что я не сказалъ ничего лишняго, ни даже надлежащаго, сказавъ: *нѣсмь достоинъ разрѣшити ремень сапогу*. Итакъ, когда ты слышишь, что *Онъ крѣплій мене есть*, не думай, чтобы я говорилъ это только по сравненію; я недостоинъ быть даже въ числѣ рабовъ Его, и самыхъ даже послѣднихъ рабовъ, и въ служеніи Ему воспринять даже самую низкую должность. Вотъ почему онъ не просто сказалъ—сапоги, но—*ремень сапоговъ*, что считалось самымъ послѣднимъ дѣломъ. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что это сказано по смиренію, онъ приводитъ въ доказательство самыя дѣла: *Той вы крестить Духомъ Святымъ и* 197
огнемъ. Видишь, какова мудрость Крестителя! Когда самъ проповѣдуетъ, то говоритъ все страшное и ужасающее, когда же посылаетъ ко Христу, то уже говоритъ кротко и утѣшительно. Не говоритъ уже ни о сѣкирѣ, ни о древѣ посѣкаемомъ и во огнь вметаемомъ, ни о будущемъ гнѣвѣ, но указываетъ на отпущеніе грѣховъ, отнятіе наказанія, оправданіе, освященіе, искупленіе, усыновленіе, братство, участіе въ наслѣдіи и обильное излияніе Святаго Духа. Все это разумѣлъ онъ подъ словами: *крестить вы Духомъ Святымъ*, выражая этимъ иносказаніемъ обильное излияніе благодати. Не сказалъ: дастъ вамъ Духа Святаго, но—*крестить вы Духомъ Святымъ*; присоединеніемъ же словъ: *и огнемъ* еще болѣе выражаетъ силу и могущественное дѣйствіе благодати.

5. Представь же, каково должно быть расположеніе слушателей при той мысли, что они скоро будутъ подобны пророкамъ, и притомъ величайшимъ изъ нихъ. Для того-то, вѣдь, онъ и упомянулъ объ огнѣ, чтобы ихъ привести на мысль объ этихъ мужахъ, поскольку почти всѣ являвшіяся имъ видѣнія были открываемы огнемъ. Такъ Богъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ въ купинѣ, такъ бесѣдовалъ со всѣмъ народомъ на горѣ Синайской,

такъ говорилъ съ Езекіилемъ среди херувимовъ. Смотри же, какъ онъ возбуждаетъ слушателя, сказавши напередъ о томъ, что имѣло быть послѣ всего. Въ самомъ дѣлѣ, сперва надлежало свершиться закланію Агнца, истребленію грѣха, разрушенію вражды, потомъ погребенію и воскресенію, и наконецъ уже пришествію Святаго Духа. Но обо всемъ этомъ онъ пока еще ничего не говоритъ и напередъ поставляетъ послѣднее,—то, для чего совершилось и все прочее, и что особеннымъ образомъ могло показать достоинство Христа. И это дѣлаетъ онъ для того, чтобы слушатель, послѣ того какъ узнаетъ, что онъ въ такой силѣ получитъ Святаго Духа, спросилъ самого себя: какъ и какимъ образомъ это возможно, при столь сильномъ владычествѣ грѣха?— и чтобы, замѣтивъ въ немъ такое смущеніе и готовность къ слушанію, сказать тогда и о страданіи, такъ какъ послѣ того никто уже не могъ этимъ соблазняться, въ виду ожиданія такого дара. Вотъ для чего онъ снова взывалъ: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. I, 29)! Не сказалъ: оставившій, но: *вземляй*, что означаетъ большее попеченіе, такъ какъ не все равно—просто оставить, и—воспринять грѣхъ: первое не сопряжено ни съ какою опасностію, а послѣднее соединено со смертію. И еще говорилъ, что Христосъ *есть Сынъ Божій* (ст. 34). Впрочемъ, и эти слова не давали еще слушателямъ яснаго понятія объ Его достоинствѣ, потому что изъ нихъ они не могли еще заключить, что Онъ есть истинный Сынъ; между тѣмъ изъ обильнаго подаянія Духа это становилось уже несомнѣннымъ. Потому-то и Богъ Отецъ, посылая Іоанна, первымъ признакомъ достоинства въ лицѣ, имѣвшемъ явиться, поставилъ слѣдующее: *надъ Негоже узриши Святаго Духа сходяща и пребывающа, Той есть крестяй Духомъ Святымъ*
198 (Іоан. I, 33). Вотъ почему и самъ Іоаннъ говоритъ: *азъ видѣхъ и свидѣтельствовахъ, яко сей есть Сынъ Божій* (34), такъ какъ чрезъ то дѣлалось уже несомнѣннымъ и это послѣднее. Далѣе, высказавъ пріятное, и тѣмъ ободривъ и успокоивъ слушателя, Онъ снова начинаетъ тѣснить его, чтобы тотъ не впалъ въ безпечность. Таковъ ужъ былъ народъ іудейскій, что среди благъ онъ скоро приходилъ въ разслабленіе, и дѣлался хуже. Потому Іоаннъ снова угрожаетъ ему говоря: *Ему же лопата въ руцѣ Его* (ст. 12). Раньше онъ сказалъ о наказаніи, а здѣсь показываетъ уже и Судію и представляетъ вѣчность казни: *плевы*, говоритъ онъ, *сожжетъ огнемъ неугасающимъ*. Отсюда ты видишь, что Господь тварей есть вмѣстѣ и дѣлатель, хотя въ другомъ мѣстѣ и объ Отцѣ то же сказано: *Отецъ Мой дѣлатель есть* (Іоан. XV, 1). Такъ какъ прежде говоритъ онъ о сѣкирѣ, то чтобы ты не подумалъ, что это дѣло требуетъ труда и неудобно въ различеніи, онъ другимъ

примѣромъ поясняетъ и его легкость, показывая, что весь міръ въ Его власти, потому что Онъ не сталъ бы наказывать тѣхъ, которые—не Его. Теперь все перемѣшано между собою, и хотя пшеница блистаетъ, но лежитъ вмѣстѣ съ плевелами, какъ на гумнѣ, а не какъ въ житницѣ. Тогда же будетъ большое различіе. Гдѣ же тѣ, которые не вѣрятъ гееннѣ? Іоаннъ два дѣйствія приписываетъ Христу: крестить Духомъ Святымъ и предать невѣрующихъ огню. Итакъ, если должно вѣрить первому, то и послѣднему также необходимо. Потому-то онъ и поставилъ два предсказанія вмѣстѣ, чтобы одно, уже исполнившееся, увѣряло и въ другомъ, еще не исполнившемся. Точно также и Самъ Христосъ весьма часто дѣлаетъ, иногда въ однихъ и тѣхъ же вещахъ, а иногда въ противныхъ заключая два пророчества; и одно изъ нихъ исполняетъ здѣсь, а другое обѣщаетъ исполнить въ будущей жизни, чтобы исполнившееся пророчество самыхъ упорнѣйшихъ удостовѣряло и въ томъ, которое еще не исполнилось. Такъ, напр., тѣмъ, кто для Него все оставилъ, Онъ сторицею обѣщаетъ воздать въ настоящемъ вѣкѣ и даровать жизнь вѣчную въ будущемъ, и чрезъ настоящее воздаяніе увѣряетъ и въ несомнѣнномъ полученіи будущаго. Точно также въ настоящемъ случаѣ поступилъ и Іоаннъ, сдѣлавъ два предсказанія, т. е., что Христосъ будетъ крестить Духомъ Святымъ, и что сожжетъ огнемъ неугасаемымъ.

6. Итакъ, если бы Христосъ не крестилъ каждодневно Духомъ Св. апостоловъ и всѣхъ того желающихъ, то ты могъ бы сомнѣваться и въ другомъ. Если же то, что повидимому было выше, труднѣе и непостижимо для ума, исполнилось и ежедневно исполняется, то почему же ты не почитаешь истиннымъ того, что легко и понятно? Итакъ, сказавъ: *Той крестить Духомъ Святымъ и огнемъ*, и обѣщавъ здѣсь множество благъ, Іоаннъ тотчасъ, чтобы ты отъ этого не сдѣлался безпечнымъ, оставивъ все прежнее, указываетъ на лопату, означая этимъ будущій судъ. Не думайте, говоритъ онъ, что достаточно одного крещенія, хотя бы вы послѣ жили нечестиво. Нѣтъ, намъ нужно еще много добродѣтели и любомудрія. Такимъ образомъ, отъ сѣкиры онъ ведетъ ихъ къ благодати и водѣ крещенія, а вслѣдъ за этимъ угрожаетъ лопатою и огнемъ неугасающимъ. Между тѣми, которые еще не приняли крещенія, онъ не дѣлаетъ никакого различія и просто говоритъ: *всяко древо, не творящее плода добра, посѣкается* (Лук. III, 9), указывая этимъ на казнь, ожидающую всѣхъ невѣрныхъ; а по крещеніи дѣлаетъ нѣкоторое раздѣленіе, такъ какъ многіе изъ вѣровавшихъ имѣли вести жизнь недостойную вѣры. Итакъ, никто не долженъ быть плевелами, никто не дол- 199

женъ быть легкимъ въ вѣяніи, или до того предаваться худымъ склонностямъ, чтобы онѣ всюду легко увлекали его. Если ты пребудешь пшеницею, то хотя бы и постигло тебя искушеніе, не потерпишь никакого зла, такъ какъ и на гумнѣ зубчатыя колеса телѣги не раздробляютъ пшеницы. Если же ты смѣшаешься съ слабой соломой, то и здѣсь будешь претерпѣвать несносныя бѣдствія, угнетаемый всѣми, и тамъ постигнетъ тебя вѣчное наказаніе. Дѣйствительно, всѣ таковые, еще до будущей пещи, здѣсь бываютъ пищею безумныхъ страстей, какъ солома для безсловесныхъ животныхъ, и тамъ опять будутъ веществомъ и пищею огня. Если бы Іоаннъ прямо сказалъ, что Христосъ будетъ судить дѣла наши, то его слова не такъ бы легко приняли; но употребивъ притчу, въ которой все выражалось, онъ внушилъ большее убѣжденіе, и слушатель съ большею охотою увлекался имъ. Потому и Христосъ большею частію бесѣдовалъ съ ними такимъ же образомъ, употребляя въ рѣчи Своей подобія гумна, жатвы, винограда, точила, поля, мрежи, рыбной ловли, и всякихъ другихъ обыкновенныхъ, окружающихъ ихъ предметовъ. То же самое сдѣлалъ здѣсь и Креститель; онъ представилъ сильнѣйшимъ доказательствомъ своихъ словъ даръ Духа Святаго. Кто столь могуществененъ, говорилъ онъ, что можетъ отпускать грѣхи и даровать Святаго Духа, Тотъ тѣмъ болѣе можетъ сдѣлать и то. Замѣчаешь ли, какъ здѣсь уже предуказывалось и таинство воскресенія и суда? Почему же, спросятъ, онъ не сказалъ о тѣхъ знаменіяхъ и чудесахъ, которыя вскорѣ имѣли совершиться чрезъ Христа? Потому что дарованіе Духа было величайшимъ изъ всѣхъ чудесъ, и всѣ остальныя ради этого только и были устроены. Указавъ главное, онъ и все обнялъ: попраніе смерти, истребленіе грѣховъ, уничтоженіе проклятія, освобожденіе отъ продолжительной борьбы, входъ въ рай, восхожденіе на небо, общеніе съ ангелами, участіе въ будущихъ благахъ: полученіе Духа служило залогомъ всего этого. Такимъ образомъ, сказавши объ этомъ, онъ уже сказалъ и о воскресеніи тѣлъ, и о знаменіяхъ, имѣющихъ быть при этомъ, и объ участіи въ царствѣ, и о тѣхъ благахъ, *ихже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Коринѳ. II, 9). Все это подано намъ вмѣстѣ съ тѣмъ даромъ. Слѣдовательно, излишне было и говорить о тѣхъ знаменіяхъ, которыя вскорѣ имѣли послѣдовать, и судить о которыхъ предоставлялось по очевидности, а надобно было сказать о томъ, въ чемъ они сомнѣвались, именно, что Христосъ есть Сынъ Божій, что Онъ несравненно превосходитъ Іоанна, что Онъ вземлетъ грѣхи міра, что Онъ подвергнетъ суду дѣла наши, что наша жизнь не ограничивается только настоящимъ,

но что каждый получитъ праведное наказаніе за гробомъ. Всего этого еще нельзя было представить наглядно.

7. Итакъ, зная это, будемъ рачительны, доколѣ находимся на гумнѣ; здѣсь еще можно и изъ плевелъ обратиться въ пшеницу, такъ какъ и изъ пшеницы многіе сдѣлались плевелами. Не будемъ же ослабѣвать, не будемъ увлекаться всякимъ вѣтромъ, не будемъ отдѣляться отъ братій нашихъ, какъ бы они ни казались малы и незнатны. Вѣдь и пшеница, хотя по величинѣ менѣе плевелъ, но по свойству лучше ихъ. Смотри не на внѣшнее величіе, такъ какъ оно уготовано огню; но на то твердое и неразрушимое уничиженіе предъ Богомъ, которое не 200
можетъ быть ни посѣчено, ни сожжено огнемъ. Ради этихъ уничиженныхъ только и долготерпитъ Богъ плевеламъ, чтобы отъ обращенія съ ними эти послѣдніе содѣлались лучшими. Для того еще и нѣтъ суда, чтобы мы всѣ вообще получили вѣнцы, чтобы многіе отъ лукавства обратились къ добродѣтели. Итакъ убоимся, слушая эту притчу, такъ какъ огнь этотъ неугасаемъ. Ты скажешь: какъ онъ можетъ быть неугасаемымъ? Но не видишь ли ты солнце, которое всегда горитъ и никогда неугасаетъ? Не видишь ли также купину, горящую и несгараемую? Итакъ, если и ты хочешь избѣгнуть огня, то отложи жестокосердіе, и ты не испытаешь его. Если ты здѣсь повѣришь этимъ словамъ, то когда отойдешь въ жизнь загробную, не увидишь огненной пещи; если же здѣсь не будешь вѣрить, то тамъ хорошо узнаешь ее на опытѣ, но тогда уже невозможно будетъ избѣжать ея. Мученіе, опредѣленное проведшимъ жизнь неправедно, неизбѣжно. Впрочемъ и одной только вѣры недостаточно: и бѣсы трепещутъ предъ Богомъ, но при всемъ томъ не избѣгнутъ мученія. Поэтому намъ должно проводить жизнь съ великимъ раченіемъ. Потому-то и мы часто собираемъ васъ сюда, не для того, чтобы вы только приходили сюда, но для того, чтобы вы получили и какіе-нибудь плоды отъ пребыванія здѣсь. Если же вы будете выходить отсюда безъ всякаго плода, то, хотя бы вы всегда ходили сюда, ваше хожденіе и присутствіе ничего не будетъ значить. Если и мы, когда посылаемъ дѣтей къ учителямъ, и видимъ, что они ничему не научаются, сильно негодуемъ на учителей, и часто посылаемъ ихъ къ другимъ, то чѣмъ мы будемъ извинять себя, если не будемъ прилагать хотя такого же старанія къ добродѣтели, какое оказываемъ въ отношеніи къ этимъ земнымъ занятіямъ, и будемъ всегда носить домой пустые листы? Притомъ здѣсь учителя и лучше, и больше ихъ. Въ каждомъ собраніи мы представляемъ вамъ учителями и пророковъ, и апостоловъ, и патріарховъ, и всѣхъ праведныхъ, и при

всемъ томъ нѣтъ никакой пользы. Пропѣвъ два или три псалма, и кое-какъ совершивъ обычныя молитвы, вы расходитесь, думая, что этого достаточно для вашего спасенія. Слышали ли вы, что говоритъ пророкъ, или лучше, самъ Богъ чрезъ пророка: ***людіе сіи устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене*** (Ис. xxix, 13). Пусть же не будетъ сказано то же и про насъ. Поэтому изгладь буквы, или лучше: тѣ начертанія, которыя діаволъ напечатлѣлъ въ душѣ твоей, и принеси мнѣ сердце свободное отъ всѣхъ житейскихъ смятеній, чтобы я могъ написать безпрепятственно на немъ то, что хочу. Теперь ничего нельзя видѣть въ немъ кромѣ діавольскихъ письменъ: хищенія, любостяжанія, зависти и злобы. Потому-то я, когда беру ваши листы, не могу даже и читать ихъ; я не нахожу тѣхъ буквъ, которыя мы написываемъ вамъ въ дни воскресные, и съ которыми отпускаемъ васъ, но нахожу вмѣсто ихъ другія—негодныя и искривленныя. Мы стираемъ эти буквы, и пишемъ буквы духовныя, а вы, выйдя отсюда, предаете сердца ваши дѣйствіямъ діавола, и опять доставляете ему случай написать въ васъ свое, вмѣсто нашего. Какое же отсюда выйдетъ слѣдствіе? Если я и не буду
201 говорить, объ этомъ уже знаетъ совѣсть каждаго. Впрочемъ я не перестану исполнять мою обязанность, и писать въ васъ правильныя буквы. Если же вы будете разрушать нашъ трудъ, то намъ предстоитъ несомнѣнная награда, а вамъ немалая опасность. Впрочемъ, я не хочу говорить ничего тягостнаго.

8. Я опять только прошу и молю васъ: подражайте въ этомъ случаѣ хотя прилежанію малыхъ дѣтей. Они прежде всего заучиваютъ начертаніе буквъ, потомъ стараются узнать ихъ въ сложеніи, и накопецъ такимъ путемъ доходятъ и до чтенія. Будемъ и мы поступать такъ же. Раздѣливши добродѣтель на части, прежде всего научимся не клясться, не преступать клятвы, не злословить; потомъ, переходя къ другой буквѣ, научимся не завидовать, не любить плоти, не угождать чреву, не упиваться, не быть жестокими и нерадивыми; отъ этихъ добродѣтелей опять перейдемъ къ духовнымъ, и будемъ стараться о воздержаніи и презрѣніи чрева, о цѣломудріи, правдѣ, презрѣніи славы, о кротости и сердечномъ сокрушеніи,—все это совокупимъ вмѣстѣ и напишемъ въ душѣ нашей. И во всемъ этомъ мы можемъ упражняться дома со своими друзьями, съ женою, съ дѣтьми. Начнемъ же пока съ первыхъ и легчайшихъ добродѣтелей, такъ, напримѣръ, съ воздержанія отъ клятвы, и этимъ начальнымъ урокомъ будемъ непремѣнно заниматься дома. Вѣдь и дома много препятствій этому занятію: раздражаетъ слуга, возбуждаетъ гнѣвъ оскорбляющая жена, доводитъ до угрозъ и клятвы глупое и своеволь-

ное дитя. Итакъ, если ты дома, будучи постоянно раздражаемъ всѣмъ этимъ, удержишься отъ клятвы, то сможешь легко воздержаться отъ нея и въ обществѣ. Точно также перестанешь и браниться, если не будешь бранить ни жены, ни раба, ни кого другого изъ своихъ домашнихъ. Жена часто, похваляя кого-нибудь и жалуясь на свою участь, побуждаетъ злословить похваляемаго; но ты не доходи до того, чтобы злословить его, но все переноси великодушно. Равнымъ образомъ, если видишь, что слуги твои хвалятъ другихъ господъ, не смущайся, но будь великодушенъ. Пусть домъ твой будетъ мѣстомъ борьбы и подвижничества въ добродѣтели, чтобы, обучившись хорошо здѣсь, ты могъ съ великимъ искусствомъ обращаться и въ обществѣ. Такимъ же образомъ поступай и съ тщеславіемъ. Если постараешься не тщеславиться предъ женою и слугами, то легко преодолѣешь эту страсть и въ обращеніи съ другими. Хотя 202
вездѣ болѣзнь эта тяжка и мучительна, но особенно въ присутствіи жены. Если, слѣдовательно, мы здѣсь разрушимъ ея силу, то легко преодолѣемъ ее и въ другихъ случаяхъ. Такимъ же образомъ будемъ поступать и съ прочими страстями, ежедневно подвизаясь и упражняясь противъ нихъ дома. А чтобы для насъ легче былъ этотъ подвигъ, наложимъ на себя и эпитимію, если преступимъ какую-нибудь изъ предположенныхъ обязанностей. Пусть служитъ намъ и эпитимія; не вредъ причинитъ она намъ, а пріобрѣтетъ награду и принесетъ величайшую пользу, когда мы, напримѣръ, осудимъ себя на строгіе посты, на земные поклоны, или на другое какое-нибудь трудное дѣло. Такимъ образомъ отовсюду мы пріобрѣтемъ великія выгоды: и здѣсь будемъ вкушать сладость добродѣтельной жизни, и будущія получимъ блага, и будемъ всегдашними друзьями Божіими. А чтобы опять не случилось того же,—чтобы вы, подивившись сказанному здѣсь, по выходѣ отсюда, не бросили беззаботно книгу ума вашего, и не подали бы діаволу случая изгладить написанное въ ней, для того пусть всякій, придя домой, призоветъ жену свою, разскажетъ ей то, что выслушалъ, возьметъ ее въ помощницу, и съ этого же дня вступитъ на это прекрасное поприще, укрѣпляя себя елеемъ Духа Св. Если во время этого подвига ты и упадешь не одинъ разъ, не отчаивайся, но опять вставай, и подвизайся, и не отступай до тѣхъ поръ, пока не увѣнчаешься блистательнымъ вѣнцемъ побѣды надъ діаволомъ, и стяжанія добродѣли не скроешь въ безопасномъ хранилищѣ. Когда же утвердишь себя въ навыкѣ такого благого любомудрія, то уже не будешь болѣе преступать какихъ-либо заповѣдей по нерадѣнію, потому что привычка по крѣпости подобна будетъ природѣ.

Какъ легко спать, ѣсть, пить, отдыхать, такъ же легко для насъ будетъ и исполненіе добродѣтели. Въ награду за это мы получимъ чистое удовольствіе, достигнемъ тихой пристани, будемъ наслаждаться постояннымъ спокойствіемъ, и, направивъ нашъ нагруженный сокровищами корабль въ тотъ день къ тому граду, удостоимся неувядаемыхъ вѣнцовъ, которые да сподобимся получить всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

201-202 **Тогда приходитъ Іисусъ отъ Галилеи на Іорданъ ко Іоанну, креститися отъ него (ш, 15).**

1. Съ рабами Господь, съ виновными Судія идетъ креститься. Но не возмущайся этимъ: въ этомъ-то смиреніи и сіяетъ особенно высота Его. Да и чему удивляться, если принялъ крещеніе и вмѣстѣ съ другими пришелъ къ рабу Тотъ, Который благоволилъ столько времени быть въ дѣвической утробѣ, родиться съ нашимъ естествомъ, принять заушенія и крестъ, и претерпѣть все, что претерпѣлъ Онъ? То чудно, что Онъ, будучи Богомъ, восхотѣлъ содѣлаться человѣкомъ; все же прочее было уже слѣдствіемъ этого. Потому-то и Іоаннъ говорилъ предварительно, что онъ недостоинъ развязать ремень у сапога Его (Лук. ш, 16); также, что Христосъ есть Судія, воздастъ каждому достойное и всѣмъ ниспошлетъ въ обиліи Духа,—чтобы ты, видя Его идущаго ко крещенію, не судилъ о Немъ низко. Вотъ почему и тогда, какъ Онъ пришелъ креститься, Іоаннъ удерживаетъ Его, говоря: *азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ*
203 (Матѳ. ш, 14)? Такъ какъ крещеніе Іоанново было крещеніемъ покаянія, и приводило людей въ сознаніе грѣховъ, то, чтобы кто не подумалъ, что и Іисусъ приходитъ на Іорданъ съ такимъ же намѣреніемъ, въ предупрежденіе этого Іоаннъ называетъ Его Агнцемъ и Искупителемъ міра отъ грѣха. Тотъ, Кто могъ истребить грѣхи всего рода человѣческаго, самъ уже безъ сомнѣнія былъ безгрѣшенъ. Потому Іоаннъ и не сказалъ: вотъ безгрѣшный! но, что гораздо важнѣе: *вземляй грѣхи міра* — чтобы вмѣстѣ съ этимъ ты увѣрился, и увѣрившись увидѣлъ, что Онъ приходитъ ко крещенію съ иною какою-то цѣлію. Потому-то Іоаннъ и говорилъ пришедшему къ нему Христу: *азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ?* Не сказалъ: Ты ли хочешь

креститься отъ меня? Онъ не дерзалъ сказать и этого. Но что сказалъ? *И Ты ли грядеши ко мнѣ?* Что же Христосъ? Онъ и здѣсь поступилъ точно такъ же, какъ послѣ съ Петромъ. И этотъ не давалъ Ему умыть ногъ своихъ, но, когда услышалъ: *еже Азъ творю, ты не вѣси нынѣ, уразумѣеши же по сихъ,* также: *не имаши части со Мною* (Іоан. XIII, 7, 8),—тотчасъ оставилъ упорство и оказалъ послушаніе. Подобнымъ образомъ и Іоаннъ, услышавъ: *остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѳ. III, 15), немедленно повиновался. Оба они—и Петръ и Іоаннъ—не были упорны, но оказывали и любовь и послушаніе, и во всемъ старались повиноваться Господу. Смотри же, какъ Іисусъ убѣждаетъ Іоанна тѣмъ самымъ, чѣмъ онъ особенно затруднялся: не сказалъ, что того требуетъ справедливость, но: *тако подобаетъ* (такъ прилично). Тогда какъ Іоаннъ почиталъ весьма неприличнымъ для Него принять крещеніе отъ раба, Онъ напротивъ, указываетъ ему на полное приличіе этого, какъ бы говоря: не потому ли ты уклоняешься и отрекаешься отъ этого, что находишь это неприличнымъ? Напротивъ, это весьма прилично, и потому оставь это. И не просто сказалъ: *остави,* но присовокупилъ: *нынѣ.* Не всегда будетъ это, говоритъ Онъ; напротивъ, ты увидишь Меня и въ томъ состояніи, въ какомъ желаешь видѣть, а теперь пока ожидай его. Далѣе, Христосъ показываетъ и то, почему это прилично. Почему же это прилично? Потому, что намъ надлежитъ исполнить весь законъ,—что и означилъ Онъ словами: *всяку правду,*—такъ какъ правда есть исполненіе заповѣдей. Такъ какъ мы, говорится, исполнили уже всѣ другія заповѣди, и остается только одно это, то должно присовокупить и это. Я пришелъ разрѣшить клятву, лежащую на васъ за преступленіе закона; потому долженъ прежде самъ исполнить весь законъ и освободить васъ отъ осужденія, и такимъ образомъ прекратить дѣйствіе закона. Итакъ, Мнѣ надлежитъ исполнить весь законъ, потому что Я долженъ разрѣшить проклятіе, написанное противъ васъ въ законѣ. Для того-то Я и принялъ плоть, и пришелъ въ міръ. *Тогда остави Его, и крестився Іисусъ, взыде абіе отъ воды: и се отверзошася Ему небеса, и видѣ Духа Божія сходяща яко голубя, и грядуща на Него* (Мѳ. III, 16).

2. Естественно, народъ почиталъ Іоанна гораздо выше Христа. Тотъ всю жизнь свою проводилъ въ пустынѣ, былъ сынъ архіерея, носилъ необычайную одежду, призывалъ всѣхъ ко крещенію, и сверхъ того, родился отъ неплодной; Іисусъ же про- 204
изошелъ отъ незнатной отроковицы (рожденіе отъ Дѣвы не было еще всѣмъ извѣстно), воспитывался въ домѣ, обращался со всѣми и носилъ обычную одежду. Такъ какъ никто еще не зналъ не-

изреченныхъ тайнъ домостроительства, то и почитали Христа меньшимъ. Крещеніе отъ Іоанна еще болѣе могло утверждать іудеевъ въ этомъ мнѣніи, если бы даже они и не имѣли другихъ побужденій къ тому. Они думали о Іисусѣ, что и Онъ изъ числа обыкновенныхъ людей. Если бы Онъ былъ необыкновенный человѣкъ, разсуждали они, то не пришелъ бы креститься вмѣстѣ съ другими. Напротивъ, Іоаннъ былъ въ глазахъ ихъ гораздо болѣе и удивительнѣе Его. Вотъ почему, чтобы такая мысль не утвердилась въ народѣ, тотчасъ, по крещеніи Іисуса; отверзаются небеса, нисходитъ Духъ, и вмѣстѣ съ Духомъ гласъ, возвѣщающій достоинство Іисуса, какъ Единороднаго. А такъ какъ этотъ гласъ: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѳ. III, 17) многимъ казался относящимся къ Іоанну, потому что не было прибавлено: сей крещаемый, но сказано просто—*сей*; да и какъ по самому достоинству Крестителя, такъ и по всѣмъ вышесказаннымъ обстоятельствамъ, каждый, слышавшій эти слова, естественнѣе прилагалъ ихъ къ крестившему, чѣмъ къ крестившемуся,—то Духъ Святый сошелъ въ видѣ голубя, чтобы обратить гласъ на Іисуса, и показать всѣмъ, что слово *сей* сказано не объ Іоаннѣ крестившемъ, но объ Іисусѣ крестившемся. Почему же,—скажутъ,—не смотря на такое событіе, іудеи не увѣровали въ Него? По жестокосердію своему. Точно также и при Моисеѣ много было чудесъ, хотя и не столь великихъ; но народъ, послѣ всѣхъ этихъ чудесъ, послѣ гласовъ и трубъ и молній, слилъ себѣ тельца и прилѣпился къ Веельфегору. Да и тѣ же самые, которые были при крещеніи, видѣли впослѣдствіи воскресеніе Лазаря; и однако не только не увѣровали въ Того, Кто сотворилъ это чудо, но еще многократно покушались и убить Его. Итакъ, если они, видя собственными глазами воскресеніе мертвыхъ, до такой степени упорствовали во злѣ и невѣріи, то чему дивиться, если они не повѣрили гласу, нисшедшему свыше? Когда душа находится въ состояніи безчувственности и развращенія, и одержима недугомъ зависти, тогда она не убѣждается никакимъ чудомъ. Напротивъ, когда душа благопризнательна, тогда она принимаетъ все съ вѣрою, даже и въ чудесахъ не имѣетъ особенной нужды. Итакъ, не спрашивай, почему они не повѣрили; но разсмотри лучше, не все ли было сдѣлано, что было нужно для преклоненія ихъ къ вѣрѣ. Это показываетъ Самъ Богъ, когда устами пророка защищаетъ все, что Онъ сдѣлалъ для блага ихъ. Когда іудеямъ угрожала погибель и послѣднее наказаніе, то, чтобы кто-нибудь за ихъ развращеніе не сталъ обвинять Промыслъ, Онъ говоритъ: *что Мы подобаше сотворити винограду Моему, и не сотворихъ* (Ис. V, 4)? Такъ и здѣсь, раз-

смотри, чему бы еще надлежало быть, и не было? Да и когда бы ни случились подобныя разсужденія о промыслѣ Божіемъ, употребляй всегда этотъ образъ защиты противъ дерзающихъ обвинять его за пороки людей. Смотри же, какія совершаются чудеса, и какія открываются начатки будущаго; вѣдь не рай, а самое небо отверзается. Впрочемъ, рѣчь противъ іудеевъ отложимъ до другого времени; а теперь, при содѣйствіи Божіемъ, обратимся къ дальнѣйшему. *И крестився Іисусъ, абіе взыде отъ воды: и се отверзошася Ему небеса.* Для чего же отверзались небеса? 205
Для того, чтобы ты позналъ, что и при твоемъ крещеніи бываетъ то же самое; тогда Богъ призываетъ тебя къ горнему отечеству, и убѣждаетъ ничего уже не имѣть общаго съ землею. Ты не видишь этого, но, не смотря на то, не сомнѣвайся. Чувственныя видѣнія дивныхъ и духовныхъ вещей и всѣ подобныя знаменія являются только въ началѣ, и то для людей грубыхъ и такихъ, которые, не могутъ вмѣстить никакой мысли о существѣ безтѣлесномъ, и поражаются только видимымъ, и потому имѣютъ нужду въ чувственныхъ видѣніяхъ; но и это бываетъ съ тою цѣлію, чтобы съ вѣрою принималось то, что однажды въ началѣ было утверждено чудесами, хотя бы этихъ чудесъ потомъ уже и не было. Такъ на собраніи апостоловъ былъ шумъ дыханія бурнаго, и явились видѣнія огненныхъ языковъ, — не для самихъ апостоловъ, но для іудеевъ, которые тогда находились съ ними. между тѣмъ и мы пріемлемъ то, что единожды утверждено чудесами, хотя и нѣтъ болѣе чувственныхъ знаменій. Такъ и при крещеніи, *голубь* явился для того, чтобы и присутствующимъ, и Іоанну указать, какъ бы перстомъ, Сына Божія, и вмѣстѣ для того, чтобы и ты зналъ, что и на тебя, когда крещаешься, нисходитъ Духъ Святый.

3. Но намъ нѣтъ нужды уже въ чувственномъ видѣніи, потому что для насъ вмѣсто всѣхъ знаменій довольно одной вѣры; знаменія даются не для вѣрующихъ, но для невѣрующихъ. Почему же Духъ Святый явился въ видѣ голубя? Потому что голубь есть животное кроткое и чистое. И какъ Духъ Святый есть Духъ кротости, то Онъ и явился въ этомъ видѣ. Кромѣ того, такое явленіе напоминаетъ намъ и о древней исторіи. Когда всеобщій потопъ объялъ всю вселенную, и родъ нашъ подвергался опасности совершеннаго истребленія, тогда явилась эта птица и дала знать о прекращеніи потопа, и, принесши вѣтвь масличную, принесла благую вѣсть о всеобщей тишинѣ во вселенной. Все это было прообразованіемъ будущаго. Тогда люди находились въ худшемъ состояніи, и достойны были гораздо большаго наказанія. Поэтому, чтобы ты не отчаивался, Писаніе

и приводитъ тебѣ на память эту исторію. И въ то время, не смотря на самое отчаянное положеніе дѣлъ, было нѣкоторое избавленіе отъ бѣдствій и возстановленіе; тогда это произошло посредствомъ наказанія, а теперь посредствомъ благодати и дара неизглаголаннаго. Поэтому и голубица не съ масличною вѣтвію является, но указываетъ намъ на Освободителя отъ всѣхъ золъ и подаетъ благія надежды. Не одного только человѣка выводитъ она изъ ковчега, но всю вселенную возводитъ на небо, и вмѣсто масличной вѣтви приноситъ усыновленіе всему роду человѣческому. Представляя величіе этого дара, не уменьшай въ мысляхъ твоихъ достоинства Святаго Духа потому только, что Онъ явился въ такомъ образѣ. Я слышалъ, какъ нѣкоторые говорятъ, будто такое же различіе между Христомъ и Святымъ Духомъ, какое между человѣкомъ и голубемъ, потому что Тотъ явился въ человѣческомъ естествѣ, а этотъ въ видѣ голубя. Что на это должно сказать? То, что Сынъ Божій принялъ естество человѣческое, а Духъ Святый не принялъ естества голубя. Потому и евангелистъ не сказалъ: въ естествѣ голубя, но—*въ видѣ* голубя. Да кромѣ даннаго случая, послѣ Онъ никогда не являлся въ такомъ образѣ. Далѣе, если ты по этой только причинѣ почитаешь Его меньшимъ по достоинству, то потому же самому и херувимы будутъ
206 лучше Его, и притомъ во столько разъ, во сколько орелъ превосходнѣе голубя, потому что они являлись въ видѣ орлиномъ. Также и ангелы будутъ лучше Его, потому что и они часто являлись въ образѣ человѣческомъ. Но да не будетъ этого, да не будетъ! Иное вѣдь дѣло истиннымъ содѣлаться человѣкомъ, иное—на время являться въ какомъ-либо видѣ. Итакъ, не будь неблагодарнымъ предъ своимъ Благодѣтелемъ, и не плати зломъ за добро даровавшему тебѣ источникъ блаженства. Гдѣ достоинство усыновленія, тамъ и отъятіе всѣхъ золъ и дарованіе всѣхъ благъ. Вотъ почему отмѣняется крещеніе іудейское, а наше получаетъ начало. Что было съ пасхою, то же происходитъ и съ крещеніемъ. Какъ тамъ Христосъ, совершивъ ту и другую пасху, одну отмѣнилъ, а другой далъ начало, такъ и здѣсь, исполнивъ крещеніе іудейское, отверзъ двери и крещенію Церкви новозавѣтной. Какъ тамъ въ одной вечери, такъ здѣсь въ одной рѣкѣ и тѣнь начерталъ, и истину представилъ. Только наше крещеніе имѣетъ благодать Святаго Духа; крещеніе же Іоанново не имѣло такого дара. Потому-то ничего подобнаго и не случалось при крещеніи другихъ людей, а совершилось только съ Тѣмъ, Кто имѣлъ преподать этотъ даръ, чтобы ты кромѣ вышесказаннаго позналъ и то, что не чистота крещающаго, но сила крестившагося произвела это. Тогда и небеса отверзлись, и Духъ Святый

снизошелъ. Такъ Христосъ отъ древняго образа жизни уже изводитъ насъ къ новому, отверзая намъ врата небесныя и ниспосылая оттуда Святаго Духа, Который призываетъ насъ къ горнему отечеству; и не просто призываетъ, но и облекаетъ высочайшимъ достоинствомъ: содѣлываетъ насъ не ангелами и архангелами, но возлюбленными сынами Божіими. Такъ Онъ влечетъ насъ къ тому горнему достоянію.

4. Представляя все это, яви жизнь достойную и любви призывающаго, и сообщества небеснаго, и чести тебѣ дарованной. Распявшись міру и міръ распявши себѣ, со всякимъ тщаніемъ старайся жить такъ, какъ живутъ на небесахъ. Не думай, что ты имѣешь нѣчто общее съ землею, потому что тѣло твое еще не вознесено на небо; глава твоя тамъ—на небесахъ. Для того-то Господь нисшелъ на землю и низвелъ съ Собою ангеловъ, а потомъ, воспріявши тебя, восшелъ на небо, чтобы ты, еще прежде восшествія твоего туда, увѣрился, что можешь жить и на землѣ, какъ на небѣ. Итакъ, будемъ постоянно сохранять то достоинство, которое мы получили въ началѣ; будемъ ежедневно стремиться къ небеснымъ чертогамъ, и все земное почитать тѣнью и сновидѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы какой-нибудь земной царь неожиданно усыновилъ тебя, бѣднаго и нищаго, ты бы и не подумалъ о своей бѣдной хижинѣ, хотя между тѣмъ и другимъ еще и не велико различіе. Такъ и ты не думай ни о чемъ прежнемъ, потому что ты призванъ къ благамъ гораздо важнѣйшимъ. Тотъ, кто тебя призываетъ, есть Владыка ангеловъ, а блага, даруемыя тебѣ, превыше всякаго слова и разумѣнія. Онъ переселяетъ тебя не отъ земли на землю, подобно царю земному, но отъ земли на небо, и отъ смертнаго естества въ славу безсмертную и неизглаголанную, которая тогда только откроется намъ въ истинномъ своемъ видѣ, когда будемъ ею наслаждаться. 207
Надѣясь получить такія блага, неужели ты будешь еще вспоминать о деньгахъ, и прилѣпляться къ мечтамъ земнымъ? Ужели не увѣришься, что все видимое малоцѣннѣе рубища нищаго? Какъ же ты явишься достойнымъ такой великой чести? Какое принесешь оправданіе? Или лучше, какой не понесешь казни за то, что послѣ такого дара опять бѣжишь къ прежней блевотинѣ? Вѣдь ты будешь наказанъ за грѣхи свои не просто какъ человѣкъ, но какъ сынъ Божій, и величіе чести послужитъ тебѣ только къ большему наказанію. И мы за одни и тѣ же проступки не одинаково наказываемъ провинившихся рабовъ и дѣтей, особенно если они много облагодѣтельствованы нами. И если тотъ, кому данъ былъ въ удѣлъ рай, за одно только преслушаніе послѣ великой чести подвергся такимъ бѣдствіямъ, то мы, полу-

чившіе небо и содѣлавшіеся сонаслѣдниками Единороднаго, можемъ ли испросить прощеніе, когда, оставивъ голубя, поспѣшаемъ къ змію? Нѣтъ, мы уже не услышимъ тогда: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19), или: *воздѣлывай землю*, и прочаго, что нѣкогда сказано было Адаму, но намъ угрожаютъ наказанія гораздо тягчайшія—тьма кромѣшняя, узы неразрѣшимыя, червь ядовитый, скрежетъ зубовъ; и по дѣламъ. Тотъ, кто и послѣ такого благодѣянія не сдѣлался лучшимъ, по всей справедливости долженъ подвергнуться послѣднему и тягчайшему наказанію. Илія нѣкогда отверзъ и заключилъ небо для того, чтобы низвести и удержать дождь; а тебѣ отверзается небо для того, чтобы ты восшелъ туда, и не только самъ восшелъ, но—что гораздо важнѣе—и другихъ возвелъ съ собою, если захочешь. Вотъ какое дерзновеніе и власть даровалъ тебѣ Господь во всѣхъ (благахъ) Своихъ! Итакъ, если тамъ домъ нашъ, то положимъ туда все свое имѣніе, и не оставимъ ничего здѣсь, чтобы не лишиться его. Здѣсь—на землѣ—хотя бы ты заперъ свое имущество ключемъ, хотя бы придѣлалъ двери и запоры, хотя бы приставилъ тысячу стражей, и защитилъ его отъ всѣхъ злодѣевъ, хотя бы укрылъ его отъ взора завистниковъ, хотя бы предохранилъ даже отъ моли и отъ порчи, причиняемой временемъ, что впрочемъ невозможно,—ты все же не избѣжишь рано или поздно смерти; и все это въ одно мгновеніе будетъ у тебя отнято, и не только отнято, но и предано въ руки враговъ твоихъ. Если же ты перешлешь свое имѣніе въ домъ небесный, то будешь совершенно безопасенъ. Не нужно тебѣ будетъ ни замковъ, ни дверей, ни запоровъ. Такова крѣпость того града; такъ неприступно то мѣсто для хищниковъ; такъ неприкосновенно для тлѣнія, и ограждено отъ всякаго злого умысла.

5. Не крайнее ли безуміе—собирать все туда, гдѣ все полагаемое истлѣваетъ и погибаетъ, а гдѣ все остается неприкосновеннымъ, и даже еще возрастаетъ, туда не отлагать ни малѣйшей части? И это дѣлаемъ мы, которые тамъ должны жить вѣчно. Потому-то и язычники не вѣрятъ нашимъ словамъ. Они хотятъ
208 не на словахъ, а въ дѣлахъ нашихъ видѣть доказательство нашего ученія о жизни будущей. Видя, что мы строимъ пышные домы, заводимъ сады и бани, покупаемъ поля, они не хотятъ вѣрить, чтобы мы готовились переселиться въ другой небесный градъ. Если бы это было такъ, говорятъ они, тогда бы христіане все, что только здѣсь имѣютъ, промѣнявши на серебро, заблаговременно отправили туда. Такъ заключаютъ они изъ того, что обыкновенно бываетъ въ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что богатые люди строятъ домы, покупаютъ поля и все прочее въ

тѣхъ городахъ, въ которыхъ намѣреваются жить. Между тѣмъ мы дѣлаемъ напротивъ. Мы всѣми силами стараемся пріобрѣсти землю, и за нѣсколько десятинъ земли и домовъ не только не жалѣемъ денегъ, но даже проливаемъ кровь; а для пріобрѣтенія неба не хотимъ пожертвовать и самыми избытками, между тѣмъ какъ могли бы купить его за малую цѣну, и, купивши, обладать имъ вѣчно. Потому-то мы и подвергнемся крайнему наказанію, если придемъ туда наги и нищи; и не за свою только бѣдность будемъ терпѣть несносныя мученія, но и за то особенно, что и другихъ вовлекли въ подобное состояніе. Въ самомъ дѣлѣ, если язычники увидятъ, что и мы, сподобившись великихъ таинствъ, привязаны къ земному, то тѣмъ болѣе сами будутъ прилѣпляться къ нему. Черезъ это мы сами собираемъ сильнѣйшій огонь на главу нашу. Намъ надлежало бы учить ихъ презирать все видимое, а мы, вмѣсто того, больше всѣхъ возбуждаемъ въ нихъ пристрастіе къ нему. Какъ же мы можемъ спастись, когда должны будемъ подвергнуться истязанію за погибель другихъ? Неужели же ты не знаешь, что Христосъ повелѣлъ намъ быть солію и свѣтильниками въ этомъ мірѣ, чтобы мы и укрѣпляли разслабляемыхъ сладострастіемъ, и просвѣщали омраченныхъ заботами о богатствѣ? Если же мы повергаемъ ихъ еще въ большую тьму, и только еще больше разслабляемъ, то какая останется намъ надежда спасенія? Совершенно никакой, но съ воплемъ и скрежетомъ зубовъ, связанные по рукамъ и ногамъ, будемъ ввержены въ огнь геенскій, послѣ того какъ уже здѣсь истомимся заботами о богатствѣ. Итакъ, размысливъ о всемъ этомъ, расторгнемъ всѣ узы обольщенія сребролюбіемъ, чтобы не впасть намъ въ тѣ узы, которыми увлекутъ насъ въ огонь неугасаемый. Тотъ, кто рабствуетъ богатству, и здѣсь и тамъ всегда будетъ въ узахъ; а неимѣющій этой страсти и здѣсь и тамъ будетъ свободенъ. Чтобы и намъ достигнуть этой свободы, сокрушимъ тяжкое ярмо сребролюбія, и воскрылимся къ небу, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

Тогда Іисусъ возведенъ бысть Духомъ въ пустыню, искуситися отъ діавола (IV, 1). 207-208

1. *Тогда:* когда же это? Послѣ сошествія Святаго Духа, послѣ гласа, нисшедшаго свыше и возвѣстившаго: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ!* И вотъ что удивительно: Іисусъ,

какъ говоритъ евангелистъ, возведенъ былъ въ пустыню Духомъ Святымъ. Такъ какъ Христосъ все дѣлалъ и терпѣлъ для нашего наученія, то и теперь попускаетъ Онъ отвести Себя въ пустыню и поставить въ борьбу съ діаволомъ для того, чтобы никто изъ
209 крестившихся, если бы ему случилось послѣ крещенія претерпѣвать еще бо́льшія прежнихъ искушенія, не смущался ими, какъ чѣмъ-то неожиданнымъ, но мужественно переносилъ бы всякое искушеніе, какъ дѣло обыкновенное. Не для того, вѣдь, ты получилъ оружіе, чтобы быть празднымъ, но чтобы сражаться. Вотъ почему и Богъ не препятствуетъ посѣщать тебя искушеніямъ. Во-первыхъ, Онъ попускаетъ ихъ для того, чтобы ты позналъ, что ты содѣлался гораздо сильнѣе; во-вторыхъ, чтобы ты пребывалъ въ смиреніи, и не превозносился величіемъ даровъ, видя, что искушенія могутъ смирять тебя; въ-третьихъ, для того, чтобы лукавый духъ, все еще сомнѣвающійся въ твоемъ отъ него отступленіи, видя твое терпѣніе въ искушеніяхъ, увѣрился, что ты совершенно оставилъ его и отступилъ отъ него; въ-четвертыхъ, чтобы ты чрезъ это сдѣлался тверже и крѣпче всякаго желѣза; въ-пятыхъ, чтобы получилъ ясное свидѣтельство о ввѣренныхъ тебѣ сокровищахъ. Въ самомъ дѣлѣ, діаволъ не сталъ бы приступать къ тебѣ, если бы не видѣлъ тебя на высшей степени чести. Потому самому и въ началѣ онъ возсталъ противъ Адама, что видѣлъ его украшеннымъ высокимъ достоинствомъ. Потому же вооружился и противъ Іова, когда увидѣлъ его увѣнчаннымъ и прославленнымъ отъ Господа всяческихъ. Какъ же, возразишь ты, сказано: *молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. XXVI, 41)? Но потому-то и говоритъ тебѣ евангелистъ, что Іисусъ не самъ пришелъ, а былъ возведенъ въ пустыню по божественному смотрѣнію, чѣмъ показывается, что и мы не должны сами вдаваться въ искушенія, но когда будемъ вовлечены въ нихъ, то должны стоять мужественно. И смотри, куда привелъ Его Духъ; не въ городъ, не на площадь, но въ пустыню. Онъ какъ бы хотѣлъ тѣмъ привлечь діавола, давая ему случай искусить не только голодомъ, но и самымъ мѣстомъ уединеннымъ, потому что діаволъ тогда особенно и нападаетъ на насъ, когда видитъ, что находимся въ уединеніи—только сами съ собою. Такъ и въ началѣ онъ приступилъ къ женѣ, нашедши ее одну, безъ мужа. Когда же видитъ насъ въ сообществѣ съ другими, то не такъ бываетъ смѣлъ, и не отваживается нападать. И по этой слѣдовательно причинѣ намъ всѣмъ нужно чаще собираться вмѣстѣ, чтобы діаволъ не могъ удобно уловлять насъ. Итакъ, діаволъ нашелъ Христа въ пустынѣ,—и въ пустынѣ непроходимой (что такова была та пустыня, объ этомъ свидѣтельствуетъ Маркъ,

говоря: *бѣ со звѣрьми*—Марк. I, 13). Смотри, съ какою хитростію, съ какимъ лукавствомъ приступаетъ онъ, и какое выждалъ время. Онъ приступаетъ не тогда, когда Іисусъ постился, но когда взалкалъ. Отсюда познай, сколь великое благо и сколь сильное оружіе противъ діавола—постъ; познай и научись, что, омывшись водами крещенія, не должно предаваться удовольствіямъ, пьянству и обильнымъ яствамъ, но наблюдать постъ. Потому-то и самъ Христосъ постился,—не потому, что Ему нуженъ былъ постъ, но для нашего наученія. Служеніе чреву было виною грѣховъ, бывшихъ до крещенія. Поэтому, какъ врачъ, излѣчивъ больного, запрещаетъ ему дѣлать то, отъ чего произошла болѣзнь, такъ и здѣсь Христосъ послѣ крещенія установилъ постъ. И Адама изгнало изъ рая чревоугодіе; оно же во времена Ноя было причиною потопа; оно же и на содомлянъ низвело огонь. Хотя преступленіемъ ихъ было и сладострастіе, но корень той и другой казни произошелъ отъ чревоугодія, на что и Іезекіиль указываетъ, говоря: *обаче сіе беззаконіе* содомлянъ, что они въ гордо- 210
сти и *въ сытости хлѣба, и въ изобиліи вина сластолюбствоваша* (Іезек. XVI, 49). Такъ и іудеи, начавъ пьянствомъ и объяденіемъ, предались беззаконію и содѣлали величайшія преступленія.

2. Вотъ почему и Христосъ постился сорокъ дней, показывая намъ спасительное врачество. Дальше этого Онъ не простирается, чтобы чрезмѣрнымъ величіемъ чуда не сдѣлать сомнительною самую истину воплощенія. Теперь этого быть не можетъ, потому что и прежде Его еще Моисей и Илія, укрѣпляемые божественною силою, оказались въ состояніи вынести такой же продолжительный постъ. А если бы Христосъ постился долѣе, то многимъ и это могло бы служить поводомъ сомнѣваться въ истинѣ воплощенія. Итакъ, пропостившись сорокъ дней и ночей, *послѣди взалка* (ст. 2), давая, такимъ образомъ, случай діаволу приступить къ Нему, чтобы Своею борьбою съ нимъ показать, какъ должно преодолѣвать и побѣждать. Такъ поступаютъ и борцы, желая научить своихъ учениковъ одолѣвать и побѣждать борющихся съ ними; они нарочно въ палестрахъ [1]) схватываются съ другими, чтобы ученики замѣчали тѣлодвиженія борющихся, и учились искусству побѣды. То же сдѣлано было и тамъ. Восхотѣвъ привлечь діавола на борьбу, Христосъ обнаружилъ предъ нимъ Свое алканіе, и когда тотъ приблизился, Онъ взялъ его, и затѣмъ разъ, другой разъ, и третій низложилъ его съ свойственною Ему легкостію. Но, чтобы слишкомъ бѣглымъ взоромъ на эти побѣды не уменьшить вашей

[1]) Въ школахъ гимнастики.

пользы, разсмотримъ подробно каждую борьбу, начавши съ первой. Когда, говорится, взалкалъ Іисусъ, *приступль искуситель, рече Ему: аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ* (ст. 3). Послѣ того какъ слышалъ уже голосъ, снишедшій съ неба и свидѣтельствующій: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѳ. III, 17), слышалъ столь же славное о Немъ свидѣтельство Іоанново, искуситель вдругъ видитъ Его алчущимъ. Это приводитъ его въ недоумѣніе: припоминая сказанное объ Іисусѣ, онъ не можетъ повѣрить, чтобы это былъ простой человѣкъ; съ другой стороны, видя Его алчущимъ, не можетъ допустить, чтобы это былъ Сынъ Божій. Находясь въ такомъ недоумѣніи, онъ приступаетъ къ Нему съ словами сомнѣнія. И, какъ нѣкогда, приступивъ къ Адаму, выдумалъ то, чего совсѣмъ не было, чтобы узнать истину, такъ и теперь, не зная ясно неизреченнаго таинства воплощенія, и того, кто предъ нимъ, коварно сплетаетъ новыя сѣти, чтобы, такимъ образомъ, узнать сокровенное и остававшееся въ неизвѣстности. Что же говоритъ онъ? *Аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ*. Не сказалъ: если алчешь; но: *аще Сынъ еси Божій*, думая обольстить Его похвалами. Объ алканіи онъ умалчиваетъ, чтобы не показалось, что онъ выставляетъ это Ему на видъ и хочетъ уничижить Его. Не постигая величія дѣйствій, относящихся къ домостроительству спасенія, онъ почиталъ это за постыдное для Іисуса. Поэтому онъ льститъ Ему и коварно напоминаетъ только о Его достоинствѣ. Что же Христосъ? Низлагая кичливость діавола и показывая, что случившееся ни мало не постыдно и не недостойно Его премудрости, Самъ выражаетъ и обнаруживаетъ то, о чемъ искуситель умолчалъ изъ лести, и говоритъ: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ*. Такъ искуситель начинаетъ съ потребности чрева. По-
211 смотри на хитрость злого духа, съ чего онъ начинаетъ борьбу, и какъ остается вѣренъ своему коварству: чѣмъ онъ изринулъ изъ рая перваго человѣка, и подвергъ его безчисленнымъ бѣдствіямъ, тѣмъ и здѣсь начинаетъ свое обольщеніе, т. е. невоздержаніемъ чрева. И нынѣ отъ многихъ безумцевъ ты услышишь, что чрево для нихъ было причиною безчисленныхъ золъ. Но Христосъ, желая показать, что добродѣтельнаго человѣка и самое жестокое насиліе не можетъ принудить сдѣлать что-либо неподобающее, алчетъ, и однакожъ не повинуется внушенію діавола, научая и насъ ни въ чемъ его не слушаться. Такъ какъ первый человѣкъ, послушавъ діавола, и Бога прогнѣвилъ, и законъ преступилъ, то Господь всячески внушаетъ тебѣ не слушать діавола даже и тогда, когда требуемое имъ не будетъ преступленіемъ закона. Но что я говорю—преступленіемъ? Хотя бы что и полез-

ное внушали демоны, и тогда Господь запрещаетъ ихъ слушать. Такъ онъ повелѣлъ молчать бѣсамъ и тогда, когда они возвѣщали, что Онъ Сынъ Божій. Такъ и Павелъ запретилъ имъ кричать, хотя то, что они говорили, было полезно; но чтобы совершенно посрамить ихъ и преградить всякое ихъ злоумышленіе противъ насъ, не смотря на то, что они проповѣдывали спасительныя истины, прогналъ ихъ, заградилъ имъ уста и повелѣлъ молчать (Дѣян. xvi, 18). Потому-то и теперь Христосъ не согласился на слова діавола, но что сказалъ? Онъ отвѣчалъ ему словами ветхаго завѣта: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ*. Слова эти значатъ, что Богъ можетъ и словомъ напитать алчущаго. Этимъ Христосъ научаетъ насъ, не смотря ни на голодъ, ни на какія другія страданія, никогда не отступать отъ Господа.

3. Если же кто-нибудь скажетъ, что Спасителю надлежало бы показать силу Свою, то я спрошу его: для чего и почему? Діаволъ говорилъ это не для того, чтобы самому увѣровать, но чтобы, какъ онъ думалъ, обличить Христа въ невѣріи, такъ какъ и прародителей онъ обольстилъ такимъ же образомъ, и обнаружилъ, что они мало имѣли вѣры къ Богу. Пообѣщавъ имъ совершенно противное тому, что говорилъ Богъ, и надмивъ ихъ пустыми надеждами, онъ повергъ ихъ въ невѣріе, а чрезъ это лишилъ и тѣхъ благъ, которыми они обладали. Но Христосъ не изъявляетъ Своего согласія ему, точно такъ же, какъ впослѣдствіи и іудеямъ, которые, водясь его духомъ, просили знаменій, въ томъ и другомъ случаѣ научая насъ, чтобы мы, если и можемъ что-либо сдѣлать, не дѣлали ничего напрасно и безъ причины, и даже въ случаѣ крайней нужды не слушались діавола. Чтожъ теперь начинаетъ дѣлать этотъ гнусный обольститель? Побѣжденный Іисусомъ и оказавшись не въ силахъ склонить Его, не смотря на сильный Его голодъ, къ согласію на свое требованіе, діаволъ приступаетъ къ другому средству и говоритъ; *аще Сынъ еси Божій, верзися низу: писано бо есть, яко ангеломъ Своимъ заповѣсть о Тебѣ, и на рукахъ возмутъ Тя* (ст. 6). Почему къ каждому искушенію онъ прилагаетъ: *аще еси Сынъ Божій*? Какъ поступилъ онъ съ прародителями, такъ поступаетъ и теперь. Подобно тому какъ тогда словами: *въ оньже аще день снѣсте, отверзутся очи ваши* (Быт. III, 5) онъ клеветалъ на Бога, желая этимъ показать, что они обмануты, обольщены и нимало не облагодѣтельствованы, такъ и теперь старается внушить то же самое, и какъ бы говоритъ: напрасно Богъ назвалъ Тебя Сыномъ Своимъ, Онъ ввелъ Тебя въ обольщеніе этимъ даромъ, если же это не такъ, то покажи намъ божественную Свою силу. А по-

елику Господь говорилъ съ нимъ словами Св. Писанія, то и онъ приводитъ свидѣтельство пророка.

Что же Христосъ? Онъ не вознегодовалъ на это и не разгнѣвался, но съ великою кротостію отвѣчаетъ ему опять словами св. Писанія: *не искусиши Господа Бога твоего* (Матѳ. IV, 7). Этимъ Христосъ научаетъ насъ, что діавола должно побѣждать не знаменіями, но незлобіемъ и долготерпѣніемъ, и что ничего не надобно дѣлать только по честолюбію, для того, чтобы показать себя. Далѣе: посмотри, какъ безуміе искусителя видно и въ самомъ приведеніи свидѣтельства. Оба приведенныя Госпо-
212 домъ свидѣтельства, приведены какъ нельзя болѣе кстати, а предложенныя имъ взяты безъ разбора, какъ попалось, и совсѣмъ не относились къ дѣлу, потому что словами: *ангеломъ Своимъ заповѣсть о Тебѣ* не предписывается намъ бросаться въ пропасть; притомъ же, это не о Господѣ и сказано. Но Господь не сталъ обличать его безумія, хотя діаволъ и привелъ слова Писанія съ обидою для Него, и совершенно въ превратномъ смыслѣ. Отъ Сына Божія никто не потребуетъ такого дѣла; свойственно бросаться внизъ только діаволу и демонамъ, Богу же свойственно и лежащихъ возстановлять. Если бы и нужно было Сыну Божію явить силу Свою, то, конечно, не въ томъ, чтобы самому безразсудно бросаться съ высоты, но въ томъ, чтобы спасать другихъ. А бросаться въ пропасти и стремнины свойственно полчищу діавольскому; такъ всегда и поступаетъ обольститель, управляющій ими. Однако Христосъ и послѣ этихъ словъ не открываетъ Себя, но все еще говоритъ съ нимъ какъ человѣкъ; слова: *не о хлѣбѣ единѣмъ живъ будетъ человѣкъ*, и: *не искусиши Господа Бога твоего* еще не обнаруживали ясно, кто Онъ, но показывали въ Немъ простого человѣка. Не удивляйся тому, что діаволъ, говоря съ Христомъ, бросается то въ ту, то въ другую сторону. Подобно тому какъ бойцы, получивъ смертельную рану, и обливаясь кровію, въ безпамятствѣ мечутся во всѣ стороны, такъ и онъ, пораженный уже первымъ и вторымъ ударами, начинаетъ говорить безъ разбора, что пришло на умъ, и такимъ образомъ приступаетъ въ третій разъ къ борьбѣ. И возведя *Его на гору высоку, показа Ему вся царствія и глагола: сія вся Тебѣ дамъ, аще падъ поклонишимися. Тогда глагола ему Іисусъ: иди за Мною, сатано; писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши* (ст. 8—10). Такъ какъ діаволъ согрѣшилъ теперь уже противъ Бога Отца, называя вселенную, которая принадлежитъ Ему, своею, и осмѣлился выдавать себя за Бога, какъ будто бы онъ былъ зиждителемъ міра, то Христосъ наконецъ запретилъ ему, но и тутъ не со гнѣвомъ, а просто: *иди, сатано*. Да и это было скорѣе повелѣніе, не-

жели запрещеніе, потому, что лишь только Христосъ сказалъ ему: *иди*, діаволъ,—онъ тотчасъ убѣжалъ и не смѣлъ уже болѣе искушать Его.

4. Какъ же Лука говоритъ, что діаволъ окончилъ *все* искушеніе (Лук. IV, 13)? Мнѣ кажется, что онъ, упомянувъ о главныхъ искушеніяхъ, сказалъ: *все*, потому что въ этихъ искушеніяхъ заключаются и всѣ другія. Въ самомъ дѣлѣ, источниками всѣхъ безчисленныхъ золъ являются слѣдующіе три порока: служеніе чреву, тщеславіе, чрезмѣрное пристрастіе къ богатству. Зная это, и гнусный искуситель сильнѣйшее искушеніе, т. е. желаніе бо̀льшаго, сберегъ къ концу. Мучительное желаніе высказать это искушеніе было у него съ самаго начала; но, какъ сильнѣйшее прочихъ, онъ сохранилъ его на конецъ. Таковъ законъ его борьбы: употреблять послѣ всего то, что, по его мнѣнію, удобнѣе можетъ низложить врага. Такъ поступилъ онъ и съ Іовомъ; такъ и здѣсь. Начавши съ того, что̀ почиталъ менѣе важнымъ и слабѣйшимъ, доходитъ до сильнѣйшаго. Какъ же нужно побѣждать его? Такъ, какъ научилъ Христосъ: прибѣгать къ Богу, не унывать и при самомъ голодѣ, вѣруя въ Того, Кто можетъ напитать насъ и словомъ; и если получимъ какія блага, не искушать ими Даровавшаго, но, довольствуясь славою небесною, нимало не заботиться о человѣческой, и во всемъ удаляться излишествъ. Поистинѣ, ничто столько не подвергаетъ насъ власти діавола, какъ желаніе бо̀льшаго и любостяжаніе. Это можно видѣть даже и изъ того, что происходитъ нынѣ. И нынѣ есть такіе, которые говорятъ: „все это дадимъ тебѣ, если падши поклонишься намъ"; они хотя и люди по естеству, но сдѣлались орудіями діавола. Такъ и тогда онъ не самъ только нападалъ на Христа, но употреблялъ въ помощь и другихъ, что 213
показываетъ и евангелистъ Лука, говоря: *отъиде отъ Него до времене* (Лук. IV, 13); этими словами онъ даетъ разумѣть, что діаволъ и послѣ нападалъ на Христа посредствомъ своихъ орудій. *И се ангели приступиша, и служаху Ему* (Матѳ. IV, 11). Пока совершалась брань, Христосъ не допускалъ являться ангеламъ, чтобы этимъ не отогнать того, кого надлежало уловить. Но когда Онъ изобличилъ діавола во всемъ и заставилъ бѣжать, тогда являются и ангелы. Отсюда познай, что и тебя послѣ побѣдъ надъ діаволомъ примутъ съ рукоплесканіемъ ангелы и будутъ ограждать во всѣхъ случаяхъ. Такъ они приняли и отнесли на лоно Авраамле Лазаря, искушеннаго въ пещи бѣдности, голода и всякихъ скорбей. Христосъ, какъ я говорилъ и прежде, много явилъ здѣсь такого, что и съ нами должно случиться. Итакъ, поелику все это совершилось для тебя, то поревнуй и подражай побѣдѣ Спасителя. Если кто-нибудь изъ служителей демона или изъ единомыш-

ленниковъ его приступитъ къ тебѣ, и издѣваясь надъ тобою, будетъ говорить: „переставь гору, если ты чудотворецъ и человѣкъ великій!"—ты не возмущайся этимъ, не выражай негодованія, но съ кротостію отвѣчай, какъ отвѣчалъ твой Владыка: *не искусиши Господа Бога твоего.* Если онъ будетъ предлагать тебѣ славу, власть и неизчислимыя сокровища, и потребуетъ за то поклоненія, опять стой мужественно. Не съ однимъ только Владыкою всѣхъ насъ такъ поступилъ діаволъ, но и противъ каждаго изъ рабовъ Его онъ ежедневно строитъ тѣ же ковы, не только въ горахъ и пустыняхъ, но и въ городахъ, на площадяхъ и въ судахъ,—не только самъ собою, но и чрезъ людей, собратій нашихъ. Итакъ, что же намъ дѣлать? Совершенно не вѣрить ему, заграждать слухъ свой, ненавидѣть его, когда льститъ, и чѣмъ болѣе обѣщаетъ, тѣмъ болѣе отвращаться отъ него. Вѣдь и Еву онъ низринулъ и подвергъ величайшимъ бѣдствіямъ тѣмъ, что надмилъ духъ ея слишкомъ высокими надеждами. Онъ—неумолимый врагъ нашъ, и ведетъ съ нами непримиримую брань. Не столько мы стараемся о своемъ спасеніи, сколько онъ о нашей погибели. Итакъ, будемъ отвращаться отъ него не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, не только мыслію, но и дѣлами, и не будемъ дѣлать ничего ему угоднаго. Такъ поступая, мы исполнимъ все, что угодно Богу. Діаволъ много обѣщаетъ намъ, но не съ тѣмъ, чтобы дать, а чтобы у насъ взять. Обѣщаетъ доставить богатство посредствомъ хищенія, съ тѣмъ, чтобы отнять у насъ царствіе и правду; разстилаетъ по землѣ сокровища, какъ бы тенета и сѣти, для того, чтобы лишить и этихъ сокровищъ, и небесныхъ; хочетъ обогатить насъ здѣсь, чтобы мы не имѣли богатства тамъ. Когда же не можетъ лишить насъ небеснаго наслѣдія посредствомъ богатства, то избираетъ для того другой путь—путь бѣдности, какъ поступилъ онъ съ Іовомъ. Когда онъ увидѣлъ, что богатство не причинило никакого вреда Іову, то связалъ сѣти изъ бѣдности, надѣясь такимъ образомъ одержать надъ нимъ побѣду. Что можетъ быть безумнѣе этого? Кто умѣлъ благоразумно пользоваться богатствомъ, тотъ тѣмъ болѣе будетъ мужественно переносить бѣдность. Кто не имѣлъ пристрастія къ богатству, когда обладалъ имъ, тотъ не станетъ искать, когда его и не будетъ, какъ и дѣйствительно не искалъ его блаженный Іовъ, напротивъ, въ бѣдности онъ содѣлался еще славнѣе. Злой демонъ хотя и
214 могъ лишить его богатства, но любви къ Богу не только не лишилъ, но даже еще болѣе усилилъ ее и, отнявши у него все, сдѣлалъ то, что Іовъ обогатился еще бо́льшими благами, такъ что діаволъ не зналъ даже, что еще и предпринять. Чѣмъ болѣе онъ поражалъ его, тѣмъ болѣе видѣлъ въ немъ силъ. А когда, испы-

тавши всѣ средства, не получилъ никакого успѣха, то прибѣгъ, наконецъ, къ древнему оружію—къ женѣ, и, надѣвъ на себя личину сострадавія, весьма живо и трогательно изображаетъ его несчастія и, какъ бы радѣя о избавленіи его отъ бѣдствій, подаетъ гибельный совѣтъ. Но этимъ онъ не побѣдилъ Іова; этотъ удивительный мужъ примѣтилъ хитрость его, и съ великимъ благоразуміемъ заградилъ уста женѣ, которая по внушенію діавола предлагала совѣтъ.

5. Такъ и мы должны поступать. Хотя бы въ лицѣ брата, или искренняго друга, или жены, или кого-нибудь изъ самыхъ близкихъ къ намъ людей, діаволъ внушалъ намъ что-либо неподобающее, мы не по лицу должны судить о словахъ и принимать совѣты, но и по гибельному совѣту должны заключать о томъ, кто предлагаетъ совѣтъ, и отвращаться отъ него. Діаволъ вѣдь и нынѣ часто поступаетъ подобнымъ образомъ: принимаетъ личину состраданія, и притворяясь доброжелательнымъ, подаетъ намъ совѣты пагубнѣе и вреднѣе всякаго яда. Его дѣло—льстить намъ, ко вреду нашему; а дѣло Божіе—наказывать насъ, для нашего блага. Итакъ, не будемъ обманываться, не будемъ усильно искать спокойной жизни: *егоже бо любитъ Господь, наказуетъ* (Причт. III, 12), говоритъ Писаніе. Если мы наслаждаемся благоденствіемъ, живя порочно, то тѣмъ болѣе должны сокрушаться. Служа грѣху, мы и всегда должны страшиться, но особенно тогда, когда не претерпѣваемъ никакого несчастія. Когда Богъ посылаетъ намъ наказанія, такъ сказать, по частямъ, то облегчаетъ этимъ казнь за грѣхи; напротивъ, когда долготерпитъ о всѣхъ нашихъ прегрѣшеніяхъ, то тѣмъ сохраняетъ насъ для большей казни, если мы пребываемъ во грѣхахъ. Если и для праведниковъ необходимо страданіе, то тѣмъ болѣе для грѣшниковъ. Посмотри, сколь великое долготерпѣніе Божіе испыталъ на себѣ фараонъ и наконецъ какой жестокой подвергся казни за всѣ свои злодѣянія! Сколько преступленій учинилъ Навуходоносоръ, пока наконецъ не понесъ казни за все! Равнымъ образомъ и евангельскій богачъ, за то самое, что здѣсь не потерпѣлъ никакого бѣдствія, послѣ содѣлался несчасчастнѣйшимъ. Насладившись удовольствіями въ этой жизни, онъ перешелъ въ тотъ міръ, чтобы потерпѣть казнь за все, и тамъ не могъ уже найти никакого утѣшенія въ своемъ страданіи. Не смотря на это, есть такіе холодные и безумные люди, которые ищутъ всегда только настоящаго и говорятъ такія достойныя смѣха слова: „наслаждусь теперь всѣми настоящими благами, а послѣ подумаю о томъ, что неизвѣстно; буду угождать чреву, буду рабомъ удовольствій, не буду много дорожить и настоящею жизнію: дай мнѣ нынѣшній день, и возьми

себѣ завтрашній!“ Какое непомѣрное безуміе! Чѣмъ отличаются такіе люди отъ козловъ и свиней (Ірем. v, 8)? Если пророкъ не хочетъ почитать людьми неистовствующихъ противъ жены ближняго своего, то кто насъ осудитъ, когда мы скажемъ, что тѣ люди безумнѣе и козловъ, и свиней, и ословъ,—люди, которые неизвѣстнымъ почитаютъ то, что яснѣе очевиднаго? Если ты уже ничему другому не вѣришь, то посмотри на мученіе демо-
215 новъ, которые стараются во всемъ вредить намъ и словами и дѣлами. Ты не будешь противорѣчить тому, что они употребляютъ всѣ средства, чтобы увеличить нашу безпечность, истребить въ насъ страхъ геенны и сдѣлать то, чтобы мы не вѣрили будущему суду; но при всемъ томъ, они часто съ крикомъ и воплемъ возвѣщаютъ о мученіяхъ адскихъ. Почему же они говорятъ противное тому, чего желаютъ? Конечно, вынуждаетъ ихъ къ этому жестокость мукъ, ими претерпѣваемыхъ. Добровольно они никогда не сознались бы ни въ томъ, что ихъ мучатъ люди умершіе, ни въ томъ вообще, что терпятъ какое-либо мученіе. Для чего же это сказалъ я? Для того, чтобы показать, что и демоны свидѣтельствуютъ о гееннѣ, хотя и не желаютъ, чтобы люди вѣрили гееннѣ; а ты, удостоившись столь высокой чести, и пріобщившись неизреченныхъ таинствъ, не подражаешь и бѣсамъ, но и ихъ сдѣлался безумнѣе. Ты скажешь: кто приходилъ изъ ада и возвѣстилъ о тамошнихъ мученіяхъ? Но я спрошу: кто приходилъ и съ небесъ и возвѣстилъ, что есть Богъ, все сотворившій? Равнымъ образомъ, откуда извѣстно, что мы имѣемъ душу? Если ты хочешь вѣрить только тому, что видишь, то усумнишься и о Богѣ, и объ ангелахъ, и объ умѣ, и о душѣ, и такимъ образомъ для тебя исчезнетъ все ученіе истины. Впрочемъ, если ты хочешь вѣрить только тому, что ясно, то болѣе долженъ вѣрить невидимому, нежели видимому. Хотя это странно, однакожъ истинно и признано за несомнѣнное всѣми людьми, имѣющими умъ. И дѣйствительно, глаза часто обманываются не только въ невидимомъ (его они вовсе не знаютъ), но даже и въ тѣхъ вещахъ, которыя, кажется, мы видимъ, потому что и разстояніе, и воздухъ, и устремленіе мысли на другой предметъ, и гнѣвъ, и забота, и тысячи другихъ причинъ препятствуютъ имъ правильно видѣть. Но размышленіе души, просвѣщенной свѣтомъ божественнаго Писанія, представляетъ вѣрнѣйшее и необманчивое сужденіе о вещахъ. Итакъ, не будемъ тщетно обманывать самихъ себя, чтобы при безпечности жизни, происходящей отъ такого ученія, не собрать для самихъ себя лютѣйшаго огня и за самое ученіе. Если нѣтъ суда, если мы не дадимъ отчета въ дѣлахъ своихъ, и не получимъ награды за труды, то посмо-

трите, куда увлекаетъ васъ ваше богохульство, когда вы говорите, что праведный человѣколюбивый и милосердый Богъ презритъ такіе труды и подвиги. И возможно ли это?

Если ничто другое не вразумляетъ тебя, то посмотри хотя на домашнюю твою жизнь, и ты увидишь всю нелѣпость твоихъ мыслей. Въ самомъ дѣлѣ,—предположимъ, что ты былъ бы безмѣрно жестокъ и безчеловѣченъ, превосходилъ своею свирѣпостію и самыхъ звѣрей; но, находясь при смерти, ты конечно не захотѣлъ бы оставить безъ награды усерднаго своего слугу, а и отпустилъ бы его на волю, и наградилъ бы деньгами; и если ты самъ, умирая, уже ничего не можешь сдѣлать въ его пользу, то по крайней мѣрѣ завѣщеваешь объ немъ наслѣдникамъ твоимъ, просишь ихъ, убѣждаешь, всячески стараешься, чтобы онъ не остался безъ награды. Если же, будучи злымъ, оказываешься столь добрымъ и человѣколюбивымъ къ слугѣ своему, то Богъ, безпредѣльная благость, неизреченное человѣколюбіе и доброта, ужели презритъ и оставитъ неувѣнчанными рабовъ Своихъ—Петра и Павла, Іакова и Іоанна, которые ежедневно ради Его томились голодомъ, были заключаемы въ узы, мучимы, потопляемы, предаваемы звѣрямъ, каждый день умирали и претерпѣвали безчисленныя страданія? Предсѣдатель на Олимпійскихъ 216
играхъ провозглашаетъ имя побѣдителя и увѣнчиваетъ его; господинъ награждаетъ раба, царь воина; и вообще всякій, сколько можетъ, платитъ добромъ слугѣ своему: Богъ ли одинъ, послѣ сколькихъ трудовъ и подвиговъ, не дастъ имъ ни малой, ни великой награды? Неужели эти праведные и благочестивые мужи, подвизавшіеся во всякой добродѣтели, будутъ находиться тамъ же, гдѣ и прелюбодѣи, отцеубійцы, человѣкоубійцы и гробораскители? Мыслимо ли это? Если за гробомъ нѣтъ ничего, если бытіе наше ограничивается только настоящею жизнію, то дѣйствительно участь тѣхъ и другихъ одинакова. Впрочемъ, и въ такомъ случаѣ еще не одинакова. Допустимъ, какъ ты думаешь, что по смерти они будутъ и въ одинаковомъ состояніи, а здѣсь одни изъ нихъ провели все время въ покоѣ, а другіе въ страданіи. Но какой же тиранъ, какой жестокій и свирѣпый человѣкъ захотѣлъ бы такъ поступить съ рабами, ему послушными? Видишь ли, какая чрезмѣрная нелѣпость, и какой конецъ такого умствованія? Итакъ, если ты не хочешь вѣрить ничему другому, то вразумись хотя этимъ разсужденіемъ, оставь свои нечестивыя мысли, бѣги отъ порока, начни трудиться для добродѣтели,—и тогда увидишь ясно, что наша участь не ограничивается предѣлами настоящей жизни. А если кто спроситъ тебя: кто приходилъ съ того міра и возвѣстилъ, что тамъ дѣлается?—отвѣчай

ему такъ: изъ людей никто (да если бы кто и пришелъ оттуда, большая часть людей ему бы не повѣрили, думая, что онъ хвастаетъ и преувеличиваетъ то, о чемъ разсказываетъ); но Владыка ангеловъ все это возвѣстилъ намъ съ полнымъ удостовѣреніемъ. Итакъ, какая намъ нужда въ свидѣтельствѣ человѣческомъ, когда самъ Тотъ, Кто потребуетъ отъ насъ отвѣта, ежедневно проповѣдуетъ, что Онъ уготовалъ и геенну и царствіе, и на все это представляетъ намъ ясныя доказательства? Въ самомъ дѣлѣ, если бы Онъ не имѣлъ судить насъ, то не посылалъ бы наказаній и здѣсь. Далѣе, чѣмъ объяснить и то, что нѣкоторые изъ злыхъ людей здѣсь наказываются, а другіе нѣтъ? Если Богъ нелицепріятенъ,—каковъ Онъ и на самомъ дѣлѣ,—то почему же Онъ одного наказываетъ, а другому попускаетъ умирать безъ наказанія? Это еще непонятнѣе того, что сказано прежде. Но если вы благосклонно желаете послушать меня, то я разрѣшу и это недоумѣніе. Какимъ же образомъ? Богъ не всѣхъ наказываетъ здѣсь для того, чтобы ты не отчаялся въ воскресеніи, и не пересталъ ожидать суда, въ виду того, что всѣ уже получили воздаяніе здѣсь; не всѣхъ также оставляетъ и безъ наказанія, чтобы ты опять не подумалъ, что вселенная не управляется провидѣніемъ. Онъ и наказываетъ, и не наказываетъ. Когда наказываетъ, то этимъ даетъ разумѣть, что отъ тѣхъ, которые не были наказаны здѣсь, Онъ потребуетъ отчета тамъ; когда же не наказываетъ, то этимъ заставляетъ тебя вѣрить, что по отшествіи изъ этой жизни будетъ страшный судъ. Если бы Онъ вообще не хотѣлъ воздавать каждому свое, то и здѣсь никого бы ни наказывалъ, ни награждалъ. А теперь ты видишь, что Онъ для тебя и распростеръ небо, и возжегъ солнце, и основалъ землю, разлилъ море и воздухъ, установилъ теченіе луны, назначилъ
217 непремѣняемые законы временамъ года, и все прочее заставляетъ Своимъ мановеніемъ неуклонно совершать свое теченіе. И наша природа, и природа существъ неразумныхъ, пресмыкающихся, ходящихъ, летающихъ, плавающихъ, находящихся въ озерахъ, источникахъ, рѣкахъ, въ горахъ, лѣсахъ, домахъ, въ воздухѣ, на поляхъ,—растенія, сѣмена, древа лѣсныя и растущія въ садахъ, плодоносныя и неплодоносныя, словомъ, все, будучи движимо неустающею Его рукою, содѣйствуетъ къ сохраненію нашей жизни, и служитъ не только къ удовлетворенію нашихъ нуждъ, но и къ изобилію. Итакъ, видя столь прекрасный порядокъ въ мірѣ,—хотя мы не показали и малѣйшей его части, — дерзнешь ли ты сказать, что Тотъ, Кто столько благъ устроилъ для тебя, при концѣ жизни презритъ тебя, и по смерти оставитъ тебя поверженнымъ вмѣстѣ съ ослами и свиньями? Удостоивъ тебя

безцѣннаго дара благочестія, и чрезъ него содѣлавъ тебя равнымъ ангеламъ, ужели Онъ презритъ тебя послѣ безчисленныхъ твоихъ трудовъ и подвиговъ? Возможно ли это? Очевидно нѣтъ. Это яснѣе самыхъ лучей солнечныхъ; и если мы умолчимъ, то камни возопіютъ объ этомъ. Итакъ, сообразивъ все это, будемъ вѣрить, что по отшествіи изъ здѣшней жизни мы предстанемъ на страшный судъ, отдадимъ отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ и, если пребудемъ во грѣхахъ, то подвергнемся истязанію и казни, а если рѣшимся хотя мало внимать себѣ, то удостоимся вѣнцевъ и благъ неизреченныхъ; утвердившись же въ этой вѣрѣ, заставимъ молчать противомыслящихъ, а сами вступимъ на путь добродѣтели, чтобы съ подобающимъ дерзновеніемъ предстать на тотъ судъ, и получить обѣтованныя намъ блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIV.

Слышавъ же Іисусъ, яко Іоаннъ преданъ бысть, отъиде въ Галилею (Мѳ. IV, 12.) 217

1. Для чего Онъ опять удаляется? Для того, чтобы научить насъ не идти самимъ на встрѣчу искушеніямъ, но отступать и уклоняться отъ нихъ. Не тотъ виновенъ, кто не бросается въ опасности, но тотъ, кто въ опасностяхъ не имѣетъ мужества. Итакъ, чтобы научить этому и укротить ненависть іудеевъ, Христосъ удаляется въ Капернаумъ, исполняя пророчество, а вмѣстѣ поспѣшая, подобно рыбарю, уловить учителей вселенной, которые, занимаясь своимъ искусствомъ, проживали въ этомъ городѣ. Замѣть здѣсь, какъ Христосъ всякій разъ, намѣреваясь удалиться къ язычникамъ, побужденія для этого беретъ отъ іудеевъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ іудеи, умысливши зло противъ Предтечи и посадивъ его въ темницу, самого Іисуса прогоняютъ въ языческую Галилею. А что подъ именемъ Галилеи разумѣется ни какая-либо только часть народа іудейскаго, ни всѣ колѣна вообще, это ты можешь видѣть изъ словъ, которыми пророкъ опредѣляетъ эту страну: *земля Нефѳалимля, путь моря обонъ полъ Іордана, Галилея языкъ. Людіе, сѣдящіи во тмѣ, видѣша свѣтъ велій* (Ис. IX, 1). Тьмою здѣсь называетъ онъ не чувственную тьму, но заблужденіе и нечестіе, почему и прибавилъ: *сѣдящимъ во странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсія имъ* (Ис. IX, 2). А чтобы видно было, что онъ говоритъ не о чувственномъ свѣтѣ и тьмѣ, для этого,

говоря о свѣтѣ, пророкъ называетъ его не просто свѣтомъ, но свѣтомъ великимъ, который въ другомъ мѣстѣ именуетъ *свѣтомъ истиннымъ* (Іоан. I, 9); а говоря о тьмѣ, называетъ ее сѣнію смертною. Желая, затѣмъ, показать, что жители этой страны не сами искали и нашли этотъ свѣтъ, но Богъ явилъ имъ свыше, евангелистъ говоритъ: *свѣтъ возсія имъ* (Матѳ. IV, 16), т. е. самъ свѣтъ возсіялъ и освѣтилъ ихъ, а не сами они напередъ пришли къ свѣту. Въ самомъ дѣлѣ, родъ человѣческій предъ пришествіемъ Христовымъ находился въ самомъ бѣдственномъ состояніи; люди уже не ходили, а сидѣли во тьмѣ; а это значитъ, что они даже и не надѣялись освободиться отъ этой тьмы. Они даже не знали, куда нужно идти, и объятые тьмою, сидѣли, не будучи уже въ силахъ и стоять.

Оттолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся, при-
218 *близкися бо царствіе небесное* (ст. 17). *Оттолѣ:* когда же это? Съ того времени, какъ Іоаннъ былъ посаженъ въ темницу. Почему же Христосъ не проповѣдывалъ имъ сначала? Для чего Ему нуженъ былъ Іоаннъ, когда самыя дѣла ясно свидѣтельствовали о Немъ? Съ одной стороны, для того, чтобы отсюда видно было Его достоинство, когда и Онъ такъ же, какъ Отецъ, имѣетъ пророковъ, о чемъ и Захарія сказалъ: *и ты отроча пророкъ Вышняго наречешися* (Лук. I, 76); съ другой—для того, чтобы не оставить безстыднымъ іудеямъ никакого извиненія. На это послѣднее самъ Христосъ указалъ, когда говорилъ: *пріиде Іоаннъ ни ядый, ни пія, и глаголютъ: бѣса иматъ. Пріиде Сынъ человѣческій ядый и піяй, глаголютъ: се человѣкъ ядца и винопійца, мытаремъ другъ и грѣшникомъ. И оправдися премудрость отъ чадъ своихъ* (Матѳ. XI, 18, 19). Притомъ и нужно было, чтобы о Христѣ напередъ сказалъ кто-нибудь другой, а не самъ Онъ. Если ужъ и послѣ столь многихъ и столь сильныхъ доказательствъ и свидѣтельствъ говорили: *Ты самъ о Себѣ свидѣтельствуеши, свидѣтельство Твое нѣсть истинно* (Іоан. VIII, 13), то чего бы не сказали, если бы объ Немъ ничего не говорилъ Іоаннъ, а Онъ самъ первый началъ бы свидѣтельствовать о Себѣ народу? Вотъ почему Онъ и не проповѣдывалъ прежде Іоанна, и чудесъ не творилъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не былъ посаженъ въ темницу. Онъ не хотѣлъ Своею проповѣдью и произвести раздѣленія въ народѣ. По этой же причинѣ и Іоаннъ не сотворилъ ни одного чуда, чтобы и этимъ привести ко Христу народъ, привлекаемый къ Нему силою Его чудесъ. И дѣйствительно, если уже, и послѣ столь многихъ и великихъ чудесъ, ученики Іоанна и прежде и послѣ его заточенія съ ревностію смотрѣли на Іисуса и если многіе почитали Христомъ не Его, а Іоанна, то что было бы, если бы дѣло обстояло иначе? Вотъ для

чего евангелистъ Матѳей и показываетъ, что Христосъ *оттолѣ начатъ проповѣдати*; и въ началѣ Своего проповѣдыванія Онъ училъ тому же, что проповѣдывалъ и Іоаннъ, а о самомъ Себѣ еще не говорилъ ничего, но продолжалъ только проповѣдь Крестителя, потому что пока еще не имѣли о Немъ надлежащаго понятія, хорошо было, если бы и это ученіе было принято.

2. По той же самой причинѣ въ началѣ Своей проповѣди Христосъ не предлагаетъ и ничего тягостнаго и прискорбнаго, подобно Іоанну. Тотъ упоминалъ о сѣкирѣ, о древѣ посѣкаемомъ, 219
о лопатѣ, о гумнѣ, о неугасаемомъ огнѣ (Матѳ. III, 10, 12); напротивъ Христосъ начинаетъ Свою проповѣдь радостнымъ благовѣстіемъ о небесахъ и *царствіи небесномъ*, уготованномъ слушающимъ Его. *И ходя при мори Галилейстѣмъ, видѣ два брата, Симона глаголемаго Петра, и Андрея брата его, вметающа мрежи въ море, бѣста бо рыбаря. И глагола има: грядита по Мнѣ, и сотворю вы ловца человѣкомъ. Она же оставльша мрежи, по Немъ идоста* (Матѳ. IV, 18—20). Евангелистъ Іоаннъ иначе описываетъ ихъ призваніе. Изъ его словъ видно, что это призваніе было уже второе,— о чемъ можно заключить изъ многихъ признаковъ. Именно, у Іоанна говорится, что они пришли къ Іисусу, когда Іоаннъ еще не былъ посаженъ въ темницу; а здѣсь—что они пришли послѣ его заточенія. Тамъ Андрей призываетъ Петра (Іоан. I, 41, 42), а здѣсь обоихъ самъ Христосъ. Притомъ Іоаннъ говоритъ, что Іисусъ,увидѣвъ Симона, идущаго къ Нему, сказалъ: *ты еси Симонъ сынъ Іонинъ; ты наречешися Кифа, еже сказается Петръ* (Іоан. I, 42). А Матѳей утверждаетъ, что Симонъ уже назывался этимъ именемъ; именно онъ говоритъ: *видѣвъ Симона глаголемаго Петра*. То же показываетъ и самое мѣсто, откуда они были призваны, и многія другія обстоятельства,—наприм., и то, что они легко послушались Его, и то, что оставили все: значитъ, они еще прежде были хорошо приготовлены къ этому. И дѣйствительно, изъ Іоаннова повѣствованія видно, что Андрей приходилъ въ домъ къ Іисусу и слышалъ отъ Него многое (Іоан. I, 39); здѣсь же видимъ, что они, услышавъ одно только слово, тотчасъ за Нимъ послѣдовали. Вѣроятно, что они, сначала послѣдовавши за Іисусомъ, потомъ оставили Его, и увидя, что Іоаннъ посаженъ въ темницу, удалились и опять возвратились къ своему занятію; потому Іисусъ и находитъ ихъ ловящими рыбу. Онъ и не воспрепятствовалъ имъ сначала удалиться отъ Него, когда они того желали, и не оставилъ ихъ совершенно, когда удалились; но, давъ свободу отойти отъ Себя, опять идетъ возвратить ихъ къ Себѣ. Вотъ самый лучшій образъ ловли.

Посмотрите же, какова ихъ вѣра и послушаніе. Они заняты

были своимъ дѣломъ (а вы знаете, какъ приманчива рыбная ловля); но, какъ скоро услышали призывъ Спасителя, не замедлили, не отложили до другого времени, не сказали: „сходимъ домой и посовѣтуемся съ родственниками"; но, оставивъ все, послѣдовали за Нимъ точно такъ же, какъ Елиссей послѣдовалъ за Иліею (3 Царст. XIX, 20). Христосъ желаетъ отъ насъ такого послушанія, чтобы мы ни на малѣйшее время не откладывали, хотя бы того требовала самая крайняя необходимость. Вотъ почему, когда нѣкто другой пришелъ къ Нему, и просилъ позволенія *погребсти отца своего* (Матѳ. VIII, 21, 22), Онъ и этого не позволилъ ему сдѣлать, показывая тѣмъ, что послѣдованіе за Нимъ должно предпочитать всему. Ты скажешь, что имъ много было обѣщано. Но потому-то я особенно и удивляюсь имъ, что они, не видѣвъ еще ни одного знаменія, повѣрили столь великому обѣщанію, и всему предпочли послѣдованіе за Христомъ. Они повѣрили, что и они въ состояніи будутъ уловлять тѣми же словами другихъ, какими уловлены были сами. Да и это было обѣщано только Петру и Андрею; а Іакову и Іоанну и того не было сказано; только примѣръ послушанія первыхъ проложилъ путь и имъ; впрочемъ, они и прежде много слышали о Іисусѣ. Далѣе—смотри, съ какою подробностію евангелистъ указываетъ на ихъ бѣдность: Іисусъ нашелъ ихъ чинящими сѣти свои (Матѳ. XV, 21). Они были бѣдны до такой степени, что не имѣли на что купить новыхъ сѣтей, и потому чинили обветшавшія. Между тѣмъ не малымъ доказательствомъ ихъ добродѣтели служитъ и то, что они легко переносятъ
220 свою бѣдность, питаются отъ праведныхъ трудовъ, другъ съ другомъ связаны узами любви, живутъ вмѣстѣ съ отцемъ и служатъ ему. Когда такимъ образомъ Христосъ уловилъ ихъ, Онъ начинаетъ въ ихъ присутствіи творить чудеса, подтверждая дѣлами то, что сказалъ о Немъ Іоаннъ. Онъ начинаетъ часто посѣщать синагоги, научая этимъ учениковъ Своихъ, что Онъ не противникъ Богу и не обманщикъ какой-либо, но пришелъ согласно волѣ Отца; и при посѣщеніи синагогъ Онъ не только проповѣдывалъ, но и творилъ чудеса.

3. Всякій разъ, когда происходитъ что-нибудь особенное и необыкновенное, или когда вводится какой-либо новый образъ жизни, Богъ обыкновенно даетъ знаменія, какъ бы въ залогъ Своего могущества для тѣхъ, кто долженъ принять Его законы. Такъ, намѣреваясь создать человѣка, Онъ прежде сотворилъ весь міръ, и потомъ далъ уже ему въ раю извѣстный законъ. Такъ когда хотѣлъ дать законъ Ною, опять совершилъ великія чудеса, измѣнилъ всю тварь, въ ея основаніяхъ, повелѣлъ страшному наводненію цѣлый годъ обдержать землю, и посреди столь ве-

ликаго обуреванія сохранилъ невредимымъ праведника. Такъ и Авраама оградилъ многими знаменіями; даровалъ ему побѣду на брани, поразилъ ударами фараона, и избавлялъ праотца отъ опасностей. Такъ и предъ обнародованіемъ закона іудеямъ Онъ явилъ дивныя и великія чудеса, а потомъ далъ уже законъ. Такъ и здѣсь, намѣреваясь дать высшія правила жизни и предложить людямъ то, чего они никогда не слыхали, подтверждаетъ слова Свои чудесами. Такъ какъ возвѣщаемое имъ царствіе не было видимо, то видимыми знаменіями Онъ и невидимое сдѣлалъ видимымъ. И замѣть, какую евангелистъ наблюдаетъ краткость; онъ не говоритъ о каждомъ исцѣлившемся подробно, но въ немногихъ словахъ упоминаетъ о множествѣ знаменій: *приведоша къ Нему*, говоритъ онъ, *вся болящія различными недуги, и страстьми одержимы, и бѣсныя, и мѣсячныя, и разслабленныя, и исцѣли ихъ* (ст. 24). Но спрашивается: почему Христосъ ни отъ кого изъ этихъ исцѣленныхъ не требовалъ вѣры? Почему не сказалъ имъ того, что послѣ говорилъ: *вѣруете ли, яко могу сіе сотворити* (Матѳ. IX, 28)? Это потому, что Онъ еще тогда не явилъ доказательствъ Своего могущества. Впрочемъ, немалую ихъ вѣру доказало и то, что они приступили къ Нему и подводили больныхъ. Они не приносили бы ихъ издалека, если бы не имѣли къ Нему великой вѣры. Послѣдуемъ и мы за Христомъ. И мы имѣемъ многія болѣзни душевныя, а эти-то болѣзни Онъ преимущественно и желаетъ уврачевать. Для того вѣдь Онъ врачуетъ и тѣлесныя болѣзни, чтобы истребить и душевныя. Приступимъ же къ Нему и будемъ просить не какихъ-либо житейскихъ благъ, но отпущенія грѣховъ; Онъ и нынѣ подаетъ (все нужное), если только просимъ прилежно. Тогда разнесся о Немъ слухъ по всей Сиріи, нынѣ же по всей вселенной. Стекались къ Нему тогда жители разныхъ странъ, слыша, что Онъ исцѣляетъ бѣсноватыхъ, а ты, имѣя предъ очами гораздо многочисленнѣйшіе и важнѣйшіе опыты Его могущества, не хочешь востать и устремиться къ Нему? Тѣ оставляли и отечество, и друзей, и сродниковъ, а ты не хочешь выйти изъ дому, чтобы приступить къ Нему и получить гораздо лучшее? Но мы и этого отъ тебя не требуемъ. Оставь только злыя привычки, и ты можешь, оставаясь дома съ своими, удобно спастись. Имѣя 221
какую-нибудь тѣлесную болѣзнь, мы всѣми силами стараемся освободиться отъ нея, а страдая тяжко отъ болѣзней душевныхъ, мы медлимъ и отказываемся отъ врачества. Потому мы не избавляемся и отъ тѣлесныхъ болѣзней, что необходимое для насъ мы почитаемъ маловажнымъ, а маловажное необходимымъ, и, оставивъ самый источникъ золъ, хотимъ очистить потоки. А что испорченность души есть причина болѣзней тѣлесныхъ, тому

доказательствомъ служитъ и тотъ разслабленный, который былъ въ болѣзни тридцать восемь лѣтъ, и тотъ, котораго спустили на одрѣ, разобравъ кровлю, а прежде всего — Каинъ. Да и многіе другіе примѣры показываютъ то же. Итакъ, истребимъ источникъ золъ, и тогда всѣ потоки болѣзней изсякнутъ сами собою. Не одно разслабленіе тѣлесное есть болѣзнь, но и грѣхъ; и послѣдній еще болѣе перваго, такъ какъ душа лучше тѣла. Итакъ, приступимъ и нынѣ ко Христу, будемъ просить Его, чтобы Онъ уврачевалъ разслабленную нашу душу, и оставивъ все житейское, будемъ заботиться только о духовномъ. Стяжавъ это, ты можешь пещись потомъ и объ остальномъ. Не почитай себя безопаснымъ, если не скорбишь о грѣхахъ своихъ; но о томъ-то особенно и стенай, что не чувствуешь сокрушенія о своихъ беззаконіяхъ. Твое спокойствіе происходитъ не отъ того, чтобы грѣхъ не угрызалъ, но отъ безчувствія души, преданной грѣху. Представь себѣ, какъ терзаются чувствующіе тяжесть грѣховъ своихъ, какъ горько вопіютъ они,—горестнѣе нежели тѣ, кого рѣжутъ или жгутъ! Что дѣлаютъ они, какъ страдаютъ, сколько проливаютъ слезъ, сколько испускаютъ стенаній, чтобы освободиться отъ мученій совѣсти? Этого они не стали бы дѣлать, если бы сильно не страдали душею.

4. Всего лучше совсѣмъ не грѣшить; а если кто согрѣшилъ, то нужно чувствовать свой грѣхъ и исправляться. Если же этого не будетъ, то какъ мы станемъ умолять Бога и просить отпущенія грѣховъ, когда самимъ себѣ не даемъ въ нихъ никакого отчета? Когда самъ ты, согрѣшившій, не хочешь знать и того, что согрѣшилъ, то о прощеніи какихъ грѣховъ будешь просить Бога? О тѣхъ, которыхъ не знаешь? И какъ ты можешь познать великость благодѣянія? Итакъ, исповѣдуй всѣ грѣхи твои подробно, чтобы узнать, сколь великъ долгъ, который тебѣ прощается, и такимъ образомъ возбудишь въ себѣ благодарность къ своему Благодѣтелю. Оскорбивъ человѣка, ты упрашиваешь и друзей, и сосѣдей, и самихъ привратниковъ, тратишь деньги, теряешь много дней, ходя къ нему и умоляя о прощеніи. И, хотя бы оскорбленный отогналъ тебя однажды, и въ другой разъ, и тысячу разъ, ты не отстаешь, но тѣмъ съ большею ревностію усугубляешь свои моленія. А раздраживъ Бога всяческихъ, мы небрежемъ о томъ, остаемся холодными, роскошествуемъ, упиваемся и дѣлаемъ все то, къ чему привыкли: когда же мы Его умилостивимъ?... Напротивъ, продолжая такъ жить, не раздражаемъ ли Его еще болѣе? И дѣйствительно, нераскаянность во грѣхахъ гораздо болѣе возбуждаетъ Его гнѣвъ и негодованіе, нежели самый грѣхъ. Намъ надлежало бы сокрыться

въ землю, не видѣть солнца, и даже не пользоваться воздухомъ за то, что имѣя столь милостиваго Владыку, мы раздражаемъ Его и, раздражая, даже не раскаиваемся въ томъ. Онъ и во гнѣвѣ Своемъ не только не имѣетъ къ намъ ненависти и отвращенія, но и гнѣвается для того, чтобы хотя такимъ образомъ привлечь насъ къ Себѣ; вѣдь если бы Онъ, будучи оскорбляемъ, воздавалъ тебѣ одними благодѣяніями, то ты еще болѣе сталъ бы презирать Его. Чтобы этого не случилось, Онъ на время от- 222
вращаетъ отъ тебя лице Свое, чтобы соединить тебя съ Собою на вѣки. Итакъ, одушевимся надеждою на его человѣколюбіе, принесемъ усердное покаяніе прежде, нежели настанетъ день, въ который самое покаяніе не принесетъ намъ никакой пользы. Нынѣ все отъ насъ зависитъ; а тогда приговоръ надъ нами будетъ во власти одного Судіи. Итакъ, *предваримъ лице Его во исповѣданіи* (Псал. XCIV, 2), будемъ плакать и рыдать. Если мы прежде дня Господня умилостивимъ Судію, чтобы Онъ отпустилъ намъ согрѣшенія, то не будемъ подлежать суду. Въ противномъ случаѣ, каждый изъ насъ, предъ лицемъ всей вселенной, приведенъ будетъ на судъ, и мы не будемъ имѣть никакой надежды получить прощеніе. Никто изъ живущихъ на землѣ, не получивъ разрѣшенія во грѣхахъ, по переходѣ въ будущую жизнь, не можетъ избѣжать истязаній за нихъ. Но какъ здѣсь преступники изъ темницъ приводятся на судъ въ оковахъ, такъ и по отшествіи изъ этой жизни, всѣ души приведутся на страшный судъ, обремененныя различными узами грѣховъ. Подлинно, жизнь настоящая ничѣмъ не лучше темницы. Подобно тому, какъ, входя въ темничный домъ, мы видимъ всѣхъ обремененныхъ оковами, такъ и теперь, если, устранивъ весь внѣшній блескъ, войдемъ въ жизнь каждаго, то увидимъ, что душа каждаго обложена узами тяжелѣе желѣзныхъ, а особенно если войдемъ въ души богатыхъ. Подлинно, чѣмъ большимъ они владѣютъ богатствомъ, тѣмъ болѣе и узъ на нихъ. Подобно тому, какъ видя узника, у котораго и шея, и руки, а часто и ноги въ желѣзахъ, ты почитаешь его крайне несчастнымъ, такъ и видя богатаго, владѣющаго неисчетными сокровищами, не называй его счастливымъ, но за то-то самое и считай его самымъ злополучнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ того, что онъ въ узахъ, при немъ находится еще жестокій стражъ темничный—злое любостяжаніе, которое не позволяетъ ему выйти изъ темницы, но приготовляетъ для него тысячи новыхъ оковъ, темницъ, дверей и затворовъ; и ввергнувши его во внутреннюю темницу, еще заставляетъ его услаждаться своими узами, такъ что онъ не можетъ даже найти и надежды освободиться отъ золъ,

его угнетающихъ. И если ты проникнешь мыслію во внутренность души его, то увидишь ее не только связанною, но и крайне безобразною, оскверненною и наполненною червями. Удовольствія сластолюбивой жизни ничѣмъ не лучше, но еще отвратительнѣе, потому что растлѣваютъ и тѣло и душу, и поражаютъ ихъ безчисленнымъ множествомъ болѣзней. Представляя все это, будемъ молиться Искупителю душъ нашихъ, чтобы Онъ и разорвалъ оковы, и отогналъ отъ насъ того жестокаго стража, и, освободивъ духъ нашъ отъ тяжкихъ желѣзныхъ узъ, содѣлалъ бы его легче пера; а съ молитвою къ Нему соединимъ и собственное стараніе и усердіе и благую готовность. Такимъ образомъ мы сможемъ въ короткое время освободиться отъ облежащихъ насъ золъ, и познать свое прежнее состояніе, и воспріять дарованную намъ прежде свободу, которой да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XV.

228 **Узрѣвъ же Іисусъ народы, взыде на гору, и сѣдшу Ему, приступиша къ Нему ученицы Его. И отверзъ уста Своя, учаше ихъ глаголя: блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное (Мѳ. v, 1—3).**

1. Смотри, какъ Христосъ далекъ былъ отъ честолюбія и гордости! Онъ не водилъ народа за Собою, но когда нужно было врачевать, Самъ ходилъ всюду, посѣщая грады и веси. А когда собралось великое множество, садится на одномъ мѣстѣ, не въ городѣ, не среди площади, но на горѣ, въ пустынѣ,—научая тѣмъ насъ ничего не дѣлать напоказъ, удаляться отъ шума, особенно когда нужно любомудрствовать и разсуждать о важныхъ предметахъ. Когда взошелъ Онъ и сѣлъ, приступили ученики. Видишь ли, какъ они успѣваютъ въ добродѣтели, и какъ скоро сдѣлались лучшими? Народъ смотрѣлъ на чудеса, а ученики хотѣли уже слышать что-нибудь высокое и великое. Это-то и побудило Христа предложить ученіе и начать проповѣдь. Онъ не только исцѣлялъ тѣла, но врачевалъ и души, и опять отъ попеченія о душахъ переходилъ къ попеченію о тѣлахъ, разнообразя пользу, и соединяя съ ученіемъ словеснымъ явленіе знаменій. Этимъ попеченіемъ, какъ о душѣ, такъ и о тѣлѣ, Онъ заграждаетъ безстыдныя уста еретиковъ, показывая тѣмъ, что Онъ есть виновникъ всецѣлой жизни. Потому-то Онъ и прилагалъ о тѣлѣ и душѣ большое попеченіе, врачуя то первое, то

послѣднюю. Такъ поступилъ Онъ и теперь. *Отверзъ*, говоритъ евангелистъ, *уста Своя, учаше ихъ*. Для чего это прибавлено: *отверзъ уста Своя?* Чтобы ты позналъ, что Онъ училъ даже и тогда, когда молчалъ, не только—когда говорилъ; училъ, то отверзая уста Свои, то вѣщая дѣлами Своими. Когда же ты слышишь слова: *учаше ихъ*, не думай, что Онъ говоритъ только къ ученикамъ Своимъ, но что чрезъ учениковъ говоритъ и ко всѣмъ. Но такъ какъ толпа была необразованна, состояла изъ людей, еще пресмыкавшихся долу, то Онъ, собравъ предъ Собою учениковъ, обращаетъ къ нимъ рѣчь Свою, и въ бесѣдѣ съ ними такъ говоритъ, что ученіе мудрости дѣлается занимательнымъ и для всѣхъ прочихъ, которые почти совершенно были неспособны Его слушать. Намекая на это, и Лука сказалъ, что Онъ обратилъ рѣчь къ ученикамъ. И Матѳей, показывая это, написалъ: *приступиша къ Нему ученицы Его, и учаше ихъ*. Въ виду этого и прочіе должны были слушать внимательнѣе, нежели тогда, когда бы Онъ обратилъ рѣчь Свою ко всѣмъ. Итакъ, съ чего Христосъ начинаетъ, и какія полагаетъ для насъ основанія новой жизни? Послушаемъ внимательно словъ Его. Говорено было къ ученикамъ, а написано для всѣхъ, которые будутъ послѣ нихъ. Потому-то и Христосъ, хотя обращается съ проповѣдью къ ученикамъ, но не къ нимъ относитъ слова Свои, а говоритъ о всѣхъ блаженствахъ неопредѣленно. Не сказалъ: блаженны вы, если будете нищими, но—*блажени нищіи*. Даже, если бы говорилъ и къ нимъ однимъ, и тогда Его проповѣдь относилась бы ко всѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда напр. Онъ говоритъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 224
xxviii, 20), то говоритъ не къ нимъ однимъ, но чрезъ нихъ и ко всей вселенной. Равнымъ образомъ, когда ублажаетъ ихъ за претерпѣніе преслѣдованій, гоненій, жестокихъ страданій, то сплетаетъ вѣнецъ не однимъ имъ, но и всѣмъ такъ живущимъ. Но чтобы это было яснѣе, и ты узналъ, что слова Его имѣютъ большое отношеніе и къ тебѣ и ко всему роду человѣческому, если кто внимателенъ,—послушай, какъ Онъ начинаетъ дивное слово Свое: *блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное*. Что значитъ: нищіе духомъ? Смиренные и сокрушенные сердцемъ. Духомъ Онъ назвалъ душу и расположеніе человѣка. Такъ какъ есть много смиренныхъ не по своему расположенію, а по необходимости обстоятельствъ, то Онъ, умолчавъ о такихъ (потому что въ томъ не велика слава), называетъ прежде всего блаженными тѣхъ, которые по своей волѣ смиряютъ себя и уничижаютъ. Почему же не сказалъ Онъ: смиренные, а сказалъ: *нищіе?* Потому, что послѣднее выразительнѣе перваго; нищими Онъ

называетъ здѣсь тѣхъ, которые боятся и трепещутъ заповѣдей Божіихъ, которыхъ и чрезъ пророка Исаію Богъ называетъ угодными Себѣ, говоря: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. LXVI, 2)?

2. Много степеней смиренія: иной умѣренно смиренъ, а иной съ преизбыткомъ. Послѣдняго рода смиреніе восхваляетъ и блаженный пророкъ, когда онъ, описывая намъ не просто смиренное, но весьма сокрушенное сердце, говоритъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. L, 19). И три отрока, вмѣсто великой жертвы, приносятъ Богу это смиреніе, говоря: *но душею сокрушенною и духомъ смиреннымъ да пріяти будемъ* (Дан. III, 39). Такое смиреніе ублажаетъ здѣсь и Христосъ. Всѣ величайшія бѣдствія, удручающія всю вселенную, произошли отъ гордости. Такъ и діаволъ, не бывшій прежде таковымъ, сдѣлался діаволомъ отъ гордости, на что указывая, и Павелъ сказалъ: *да не разгордѣвся въ судъ впадетъ діаволъ* (1 Тим. III, 6). Такъ и первый человѣкъ, обольщенный отъ діавола пагубною надеждою, палъ и сдѣлался смертнымъ; онъ надѣялся стать богомъ, но потерялъ и то, что имѣлъ. За то и Богъ, порицая его и какъ бы смѣясь надъ его неразуміемъ, сказалъ: *се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ* (Быт. III, 22). Такъ и каждый послѣ Адама, мечтая о своемъ равенствѣ съ Богомъ, впадалъ въ нечестіе. Такъ какъ, слѣдовательно, гордость есть верхъ золъ, корень и источникъ всякаго нечестія, то Спаситель и приготовляетъ врачество, соотвѣтствующее болѣзни, полагаетъ этотъ первый законъ, какъ крѣпкое и безопасное основаніе. На этомъ основаніи съ безопасностію можно созидать и все прочее. Напротивъ, если этого основанія не будетъ, то хотя бы кто до небесъ возвышался жизнію, все это легко разрушится и будетъ имѣть худой конецъ. Хотя бы ты отличался
225 постомъ, молитвою, милостынею, цѣломудріемъ или другою какою добродѣтелію, все это безъ смиренія разрушится и погибнетъ. Такъ случилось съ фарисеемъ. Взойдя на самый верхъ добродѣтели, онъ ниспалъ съ него и потерялъ все потому, что не имѣлъ смиренія— матери всѣхъ добродѣтелей. Какъ гордость есть источникъ всякаго нечестія, такъ смиреніе есть начало всякаго благочестія. Потому-то Христосъ и начинаетъ со смиренія, желая съ корнемъ исторгнуть гордость изъ души слушателей. Какое же имѣетъ это отношеніе къ ученикамъ, которые всегда были смиренны? Они не имѣли никакого повода къ гордости, будучи рыбаками, бѣдными, незнатными, не учеными. Но если это не относилось къ ученикамъ, то относилось къ тѣмъ, которые были тамъ, и которые послѣ должны были принимать учениковъ, чтобы по-

слѣдніе не были въ презрѣніи по причинѣ своей нищеты. Впрочемъ, слова Христа относились и къ ученикамъ. Если въ то время они и не имѣли нужды въ этомъ полезномъ наставленіи, то могли имѣть впослѣдствіи—по совершеніи знаменій и чудесъ, послѣ такой славы въ цѣломъ мірѣ и послѣ такого дерзновенія къ Богу. Поистинѣ, ни богатство, ни власть, ни самое царское достоинство не могли столько внушить гордости, сколько все то, что имѣли апостолы. Впрочемъ, еще и до совершенія знаменій они могли возгордиться, могли поддаться слабости человѣческой, когда видѣли многочисленное собраніе народа, окружавшее ихъ Учителя. Потому-то Христосъ напередъ и смиряетъ ихъ помыслы. Преподаваемое ученіе Христосъ излагаетъ не въ видѣ увѣщаній или повелѣній, а въ видѣ блаженства, дѣлая, такимъ образомъ, проповѣдь Свою занимательнѣе, и для всѣхъ открывая поприще ученія. Не сказалъ: такой-то и такой блаженъ, а—всѣ такъ поступающіе блаженны, такъ что хотя бы ты былъ рабомъ, бѣднякомъ, нищимъ, безпріютнымъ, необразованнымъ, нѣтъ никакого препятствія къ тому, чтобы быть тебѣ блаженнымъ, если будешь имѣть эту добродѣтель. Начавши съ того, съ чего преимущественно и должно было начать, Христосъ переходитъ къ другой заповѣди, которая, повидимому, противорѣчитъ мнѣнію цѣлой вселенной. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ всѣ почитаютъ блаженными радующихся, а сѣтующихъ, бѣдныхъ и плачущихъ — несчастными, Онъ вмѣсто первыхъ называетъ блаженными послѣднихъ, говоря такъ: *блажени плачущіи*, хотя всѣ почитаютъ ихъ несчастными (ст. 4). Но Христосъ для того напередъ и творилъ знаменія, чтобы, предписывая подобныя правила, болѣе имѣть довѣренности къ Себѣ. И здѣсь опять не просто разумѣетъ плачущихъ, но плачущихъ о грѣхахъ своихъ, такъ какъ есть другой плачъ, вовсе непозволительный—плачъ о житейскихъ предметахъ, на что указалъ и Павелъ, говоря: *сего міра печаль смерть содѣловаетъ, а печаль яже по Бозѣ покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Коринѳ. VII, 10).

3. Этихъ-то печалящихся Христосъ здѣсь и называетъ блаженными; и не просто печалящихся, но тѣхъ, которые предаются сильной печали. Потому и не сказалъ: печалящіеся, но: *плачущіе*. Дѣйствительно, и эта заповѣдь научаетъ также всякому благочестію. Въ самомъ дѣлѣ, если тотъ, кто оплакиваетъ смерть дѣтей, жены, или кого-нибудь изъ родственниковъ, въ это время скорби не увлекается ни любовью къ богатству и плоти, ни честолюбіемъ, не раздражается обидами, не снѣдается завистью, ни 226
другой какой-либо предается страсти, а бываетъ всецѣло поглощенъ скорбью, то не гораздо ли болѣе покажутъ свое безстрастіе

относительно всего этого тѣ, которые подобающимъ образомъ оплакиваютъ грѣхи свои? Какая же будетъ имъ награда? *Яко тіи утѣшатся*, говоритъ Христосъ. Скажи мнѣ, гдѣ они утѣшатся? И здѣсь, и тамъ. Такъ какъ эта заповѣдь была слишкомъ тяжка и трудна, то Онъ обѣщаетъ то, что наиболѣе могло бы облегчить ее. Итакъ, если хочешь имѣть утѣшеніе—плачь. И не почитай этихъ словъ иносказательными. Подлинно, когда Богъ утѣшаетъ, то хотя бы тысячи горестей съ тобой случились, всѣ побѣдишь, потому что Богъ всегда награждаетъ труды съ преизбыткомъ. То же сдѣлалъ Онъ и здѣсь, когда сказалъ, что *плачущіи блаженни*,—не потому, чтобы самый плачъ стоилъ того, но по Его человѣколюбію (то есть, награда обѣщана не по важности дѣйствія, но по любви Его къ людямъ). Въ самомъ дѣлѣ, плачущіе оплакиваютъ грѣхи свои, а для такихъ довольно только получить прощеніе и оправданіе. Но какъ Христосъ весьма человѣколюбивъ, то Онъ и не ограничиваетъ награды отмѣненіемъ наказанія и оставленіемъ грѣховъ, но еще дѣлаетъ такихъ людей блаженными, и подаетъ великое утѣшеніе. А плакать намъ повелѣваетъ не о своихъ только грѣхахъ, но и о грѣхахъ другихъ. Такъ поступали святые, какъ-то: Моисей, Павелъ, Давидъ; всѣ они часто оплакивали чужіе грѣхи. *Блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю* (ст. 5). Скажи мнѣ, какую наслѣдятъ землю? Нѣкоторые говорятъ, что наслѣдятъ землю духовную. Но это несправедливо. Въ Писаніи нигдѣ не упоминается о землѣ духовной. Что же значатъ эти слова? Христосъ разумѣетъ здѣсь чувственную награду, какъ и Павелъ, когда онъ вслѣдъ за словами: *чти отца твоего и матерь твою*, присовокупляетъ: *будеши долголѣтенъ на земли* (Ефес. VI, 2, 3). Равнымъ образомъ и самъ Господь сказалъ разбойнику: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43). Примѣняясь къ тѣмъ слушателямъ, которые болѣе предаются чувственному и прежде ищутъ настоящаго, нежели будущаго, Христосъ не поощряетъ ихъ будущими только благами, но и настоящими. Потому-то и далѣе въ Своей бесѣдѣ, сказавъ: *буди увѣщавайся съ соперникомъ твоимъ*, за такое благоразумное дѣло опредѣляетъ награду, говоря: *да не предастъ тебѣ соперникъ судіи, и судія слузѣ* (Матѳ. V, 25). Видишь, откуда Онъ заимствовалъ угрозы! Отъ предметовъ чувственныхъ, отъ самыхъ обычныхъ явленій. И еще: *иже аще речетъ брату своему: рака, повиненъ есть сонмищу* (ст. 22). Также и Павелъ весьма часто указываетъ на чувственныя награды, и заимствуетъ побужденія отъ предметовъ настоящихъ, напримѣръ, когда разсуждаетъ о дѣвствѣ: тутъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ о небесахъ, а побуждаетъ настоящими благами, говоря: *за настоящую нужду*, и: *азъ же вы щажду*, и: *хощу*

же васъ безпечальныхъ быти (I Коринө. vII, 36, 28, 32). Такъ и Христосъ съ духовными наградами соединилъ чувственныя. Такъ
227 какъ кроткій человѣкъ можетъ подумать, что онъ теряетъ все свое имущество, то Христосъ обѣщаетъ противное, говоря, что онъ-то безопасно и владѣетъ своимъ имуществомъ: онъ ни дерзокъ, ни тщеславенъ; кто же напротивъ будетъ таковымъ, тотъ можетъ лишиться и наслѣдственнаго имѣнія, и даже погубитъ самую душу. Впрочемъ, такъ какъ и въ ветхомъ уже завѣтѣ часто пророкъ говорилъ: *кротцыи наслѣдятъ землю* (Пс. xxxvI, 11), то Христосъ выражаетъ, слѣдовательно, Свою мысль словами уже имъ извѣстными, чтобы не вездѣ употреблять новыя выраженія. Однако въ Своихъ словахъ Онъ не ограничиваетъ наградъ настоящими благами, но вмѣстѣ предлагаетъ и будущія. Когда Онъ говоритъ о чемъ-нибудь духовномъ, то не отвергаетъ и выгодъ настоящей жизни; равнымъ образомъ, когда обѣщаетъ что-нибудь въ здѣшней жизни, то этимъ еще не ограничиваетъ Своего обѣщанія. *Ищите*, говоритъ Онъ, *царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матө. vI, 33). И еще: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, сторицею пріиметъ въ вѣкъ семъ, и въ грядущій животъ вѣчный наслѣдитъ* (xIx, 29). *Блажени алчущіи и жаждущіи правды* (v, 6). Какой правды? Говоритъ ли Онъ о добродѣтели вообще, или разумѣетъ тотъ видъ правды, который противоположенъ любостяжанію? Такъ какъ Онъ намѣревался предложить заповѣдь о милосердіи, то и научаетъ, какъ должно оказывать его; именно, называетъ здѣсь блаженными тѣхъ, которые стараются о правдѣ, воспрещающей хищеніе и любостяжаніе.

4. Вникни и въ то, съ какою силою Онъ выразилъ Свою заповѣдь! Онъ не сказалъ: блаженны тѣ, которые ищутъ правды, но—*блажени алчущіи и жаждущіи правды*, внушая этимъ, чтобы мы не какъ-нибудь, но съ полною любовью стремились къ ней. А какъ полную любовь имѣютъ сребролюбивые, то есть, они не столько заботятся объ удовлетвореніи голода и жажды, сколько о томъ, чтобъ болѣе и болѣе имѣть и пріобрѣтать, то Христосъ повелѣваетъ обращать подобную любовь къ нелюбостяжанію. Потомъ Онъ опять представляетъ чувственную награду, говоря: *яко тіи насытятся*. Такъ какъ многіе думаютъ, что сребролюбіе дѣлаетъ богатыми, то Онъ говоритъ, что бываетъ напротивъ, то есть, что богатыми дѣлаетъ правда. Итакъ, поступая справедливо, не бойся бѣдности, и не страшись голода. Поистинѣ, тѣ-то особенно и лишаются всего, которые похищаютъ чужое, а кто любитъ справедливость, тотъ владѣетъ всѣмъ безопасно. Если же не похищающіе чужого имѣнія наслаждаются такимъ благоденствіемъ, то гораздо больше тѣ, которые свое раздаютъ. *Блажени*

милостивіи (ст. 7). Здѣсь, мнѣ кажется, говоритъ Онъ не столько о тѣхъ, которые оказываютъ свое милосердіе деньгами, но и о тѣхъ, которые оказываютъ его дѣлами. Есть много различныхъ видовъ милосердія, и заповѣдь эта обширна. Какая же награда за милосердіе? *Яко тіи помилованы будутъ.* Такое воздаяніе, повидимому, равносильно добродѣтели; но на самомъ дѣлѣ оно много превосходитъ добродѣтель. Въ самомъ дѣлѣ, милостивые милостивы, какъ люди; а сами получаютъ милость отъ Бога всяческихъ. Милосердіе же человѣческое и Божіе не равны между собою, а отличаются одно отъ другого такъ же, какъ зло—отъ добра. *Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (ст. 8). Вотъ опять духовная награда! Чистыми здѣсь Онъ называетъ тѣхъ, которые пріобрѣли всецѣлую добродѣтель, и не сознаютъ за собою никакого лукавства, или тѣхъ, которые проводятъ жизнь въ цѣломудріи, потому что для того, чтобъ видѣть Бога, мы ни въ чемъ столько не имѣемъ нужды, какъ въ этой добродѣтели. Потому и
228 Павелъ сказалъ: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. XII, 14). Видѣніе же здѣсь разумѣетъ такое, какое только возможно для человѣка. Такъ какъ многіе бываютъ милостивы, не похищаютъ чужого, не сребролюбивы, а между тѣмъ любодѣйствуютъ и предаются похоти, то Христосъ, показывая, что недостаточно перваго, присоединяетъ и эту заповѣдь. То же самое и Павелъ, въ посланіи къ Коринѳянамъ, подтвердилъ примѣромъ македонянъ, которые богаты были не только милосердіемъ, но и другими добродѣтелями: указывая тамъ на щедрость ихъ въ раздаяніи имуществъ, онъ говоритъ, что они „предали себя Господу и намъ“ (2 Кор. VIII, 5). *Блажени миротворцы* (ст. 9). Здѣсь Христосъ не только осуждаетъ взаимное несогласіе и ненависть людей между собою, но требуетъ еще болѣе,—именно того, чтобы мы примиряли несогласія и другихъ; и опять представляетъ также духовную награду. Какую же? *Яко тіи сынове Божіи нарекутся,* такъ какъ и дѣло Единороднаго Сына Божія состояло въ томъ, чтобы соединить раздѣленное и примирить враждующее. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что миръ вездѣ есть дѣло похвальное, Христосъ присоединилъ и эту заповѣдь: *блажени изгнани правды ради* (ст. 10,)—то есть, гонимые за добродѣтель, за покровительство другимъ, за благочестіе, такъ какъ правдою обыкновенно Онъ всегда называетъ полное любомудріе души. *Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще Мене ради* (ст. 11). *Радуйтеся и веселитеся* (ст. 12). Христосъ какъ бы такъ сказалъ: хотя бы васъ называли обманщиками, льстецами, злодѣями или другимъ какимъ именемъ,—вы все же блаженны. Что, кажется, страннѣе такихъ наста-

вленій,—называть вожделѣннымъ для человѣка то, чего, по мнѣнію другихъ, нужно избѣгать, то есть: нищету, слезы, гоненія, поношенія. И однако Онъ не только изрекъ эти заповѣди, но внушилъ къ нимъ и вѣру, и убѣдилъ не двухъ, не десять, не двадцать, не сто, или тысячу человѣкъ, а всю вселенную. И толпы народа, слушая столь тяжкія, трудныя и противныя общему понятію наставленія, изумлялись. Такова была сила словъ небеснаго Наставника!

5. Впрочемъ, чтобы ты не подумалъ, что одни поношенія, какія бы то ни было, дѣлаютъ людей блаженными, Христосъ опредѣляетъ эти поношенія двумя видами, именно, когда мы терпимъ ихъ ради Него, и когда они будутъ ложны. Если же не будетъ ни того, ни другого, то поносимый не только не блаженъ, но и несчастливъ. Посмотри, какая опять награда: *яко мзда ваша многа на небесѣхъ*. Если ты слышишь, что не при каждомъ родѣ блаженства даруется царство небесное, не унывай. Хотя Христосъ различно описываетъ награды, но всѣхъ вводитъ въ царство. И когда Онъ говоритъ, что плачущіе утѣшатся, и милостивые будутъ помилованы, и чистые сердцемъ узрятъ Бога, и миротворцы назовутся сынами Божіими,—всѣмъ этимъ Онъ означаетъ не что иное, какъ царство небесное. Кто получитъ тѣ блага, тотъ получитъ конечно и царство небесное. Итакъ не думай, что этой награды удостоятся одни только нищіе духомъ; ее получатъ и жаждущіе правды, и кроткіе, и всѣ прочіе. Онъ для того при каждой заповѣди и упомянулъ о блаженствѣ, чтобы ты не ожидалъ ничего чувственнаго. Не можетъ быть блаженнымъ награждаемый тѣмъ, что въ настоящей жизни разрушается и исчезаетъ скорѣе тѣни. Сказавъ: *мзда ваша многа*, Христосъ присовокупилъ 229
еще другое утѣшеніе: *яко бо изгнаша пророки, иже бѣша прежде васъ*. Такъ какъ приближалось царствіе, и было ожидаемо, то Онъ представляетъ имъ утѣшеніе въ общеніи съ тѣми, которые прежде ихъ пострадали. Не думайте, говоритъ Онъ, будто вы страдаете потому, что говорите и предписываете вопреки справедливости, или что васъ будутъ гнать, какъ проповѣдниковъ нечестивыхъ ученій. Вы подвергнетесь навѣтамъ и опасностямъ не потому, будто вы неправо учите, а по злобѣ слушающихъ. Поэтому и клеветы падутъ не на васъ — страдальцевъ, а на тѣхъ, которые такъ худо поступаютъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ все прежнее время. И пророковъ не обвиняли въ беззаконіи, или безбожномъ ученіи, когда нѣкоторыхъ изъ нихъ побивали камнями, другихъ изгоняли, а иныхъ подвергали другимъ безчисленнымъ бѣдствіямъ. Итакъ, да не устрашаетъ это васъ. По тѣмъ же соображеніямъ и нынѣ все дѣлаютъ. Видишь ли, какимъ образомъ Онъ

ободряетъ ихъ, ставя ихъ наравнѣ съ Моисемъ и Иліею? Такъ и апостолъ Павелъ въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ говоритъ: *вы бо подобницы бысте Церквамъ Божіимъ, сущимъ во Іудеи. Зане тажде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей, убившихъ и Господа Іисуса, и Его пророки, и насъ изгнавшихъ, и Богу не угодившихъ, и всѣмъ человѣкомъ противящихся* (1 Сол. II, 14, 15). То же самое и здѣсь Христосъ сдѣлалъ. Хотя Онъ въ другихъ блаженствахъ говорилъ: *блажени нищіи, блажени милостивіи;* но здѣсь говоритъ Онъ уже опредѣленно, и прямо обращаетъ рѣчь Свою къ ученикамъ: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ,* показывая, что это по преимуществу относится къ нимъ, и свойственно предъ всѣми прочими учителямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь Онъ показываетъ Свое достоинство и равночестіе съ Отцемъ. Онъ говоритъ: какъ пророки страдали ради Отца, такъ вы будете страдать ради Меня. Когда же Онъ говоритъ: *пророки, иже бѣша прежде васъ,* то этимъ показываетъ, что и сами они уже были пророками. Потомъ, желая показать, что страданія особенно для нихъ полезны и служатъ къ ихъ славѣ, не сказалъ, что васъ будутъ поносить и преслѣдовать, а Я этому воспрепятствую. Онъ хочетъ обезопасить ихъ не отъ того, чтобы они ничего худого о себѣ не слыхали, но чтобы худые слухи переносили великодушно, и оправдывали себя дѣлами, потому что послѣднее гораздо лучше перваго, и не унывать во время страданій гораздо важнѣе, чѣмъ совсѣмъ не страдать. Потому Онъ здѣсь и говоритъ: *мзда ваша многа на небесѣхъ.* По повѣствованію евангелиста Луки, Христосъ изрекъ это еще сильнѣе и утѣшительнѣе. Онъ не только называетъ блаженными тѣхъ, которые терпятъ поношеніе за Господа, но и называетъ несчастными тѣхъ, о которыхъ всѣ говорятъ доброе. Онъ говоритъ: *горе вамъ, егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣци* (Лук. VI, 26). И объ апостолахъ говорили доброе, но не всѣ. Поэтому Онъ и не сказалъ:
280 когда доброе будутъ говорить объ васъ люди; но прибавляетъ слово—*вси.* Дѣйствительно, невозможно, чтобы добродѣтельные всѣми были хвалимы. И опять говоритъ: *когда пронесутъ имя ваше яко зло, радуйтеся и веселитеся* (тамъ же, ст. 22, 23). Онъ опредѣлилъ награду не только за опасности, которымъ они подвергались, но и за поношеніе. Поэтому Онъ не сказалъ: когда изгонятъ васъ и убіютъ; но—когда будутъ поносить васъ и всячески злословить. Поистинѣ злословіе уязвляетъ гораздо болѣе, нежели самыя дѣла. Въ опасностяхъ есть много такого, что облегчаетъ скорбь, наприм. когда всѣ поощряютъ, многіе одобряютъ, хвалятъ и прославляютъ. Но здѣсь, въ злословіи, отнимается и самое утѣшеніе. Переносить злословіе не считается за великій подвигъ, хотя на самомъ дѣлѣ

злословіе уязвляетъ подвижника болѣе, чѣмъ самыя опасности. Многіе налагаютъ на себя руки, не въ силахъ будучи перенесть худой о себѣ молвы. И что дивиться на другихъ, когда эта-то именно причина болѣе всего побудила удавиться того безстыднаго и гнуснаго предателя, который совершенно потерялъ стыдъ ко всему. И Іовъ — этотъ адамантъ, тверже самаго камня,—когда потерялъ свое имущество, претерпѣлъ несносныя мученія, лишился вдругъ всѣхъ дѣтей, когда увидѣлъ тѣло свое преисполненное червями, укоряющую жену, то все легко переносилъ. Когда же увидѣлъ друзей, которые его порицали, ругались надъ нимъ и, злословя его, говорили, что онъ терпитъ это за грѣхи свои, и несетъ наказаніе за пороки свои, тогда и этотъ мужественный и великій подвижникъ поколебался и пришелъ въ смятеніе.

6. Подобнымъ образомъ и Давидъ, забывши все, что онъ терпѣлъ, просилъ у Бога мздовоздаянія только за понесенное имъ злословіе: оставь *его* (Семея) ***проклинати***, говоритъ онъ, ***яко рече ему Господь:*** да ***призритъ Господь на смиреніе мое и*** воздастъ ***ми благая, вмѣсто клятвы во днешній день*** (2 Царст. xvi, 11, 12). И Павелъ восхваляетъ не только подвергающихся опасностямъ, не только лишающихся имѣнія, но и тѣхъ, которые терпятъ злословіе, говоря: ***воспоминайте первая дни, въ нихъ же просвѣтившеся, многія страсти претерпѣсте страданій; ово убо поношеньми и скорбми позоръ бывше*** (Евр. x, 32). Потому и Христосъ положилъ за это великую награду. Но чтобы кто не сказалъ: почему же Ты нынѣ не отомщаешь злословящимъ и не заграждаешь устъ ихъ, а обѣщаешь награду на небесахъ?—Христосъ представилъ для этого пророковъ, показывая, что Богъ и въ ихъ время не отмщалъ врагамъ ихъ. Но если и тогда, когда воздаяніе было на виду, Богъ поощрялъ ихъ надеждою на будущее, то гораздо болѣе Онъ поощряетъ нынѣ, когда и самая надежда на будущее прояснилась и любомудріе стало выше. Замѣть и то, послѣ сколькихъ заповѣдей предложилъ эту послѣднюю. Онъ сдѣлалъ это не безъ намѣренія и желалъ показать, что тотъ, кто заранѣе не приготовленъ и не утвержденъ всѣми тѣми заповѣдями, не можетъ вступать и въ эти подвиги. Потому-то Христосъ сплелъ намъ изъ этихъ заповѣдей златую цѣпь, всегда пролагая путь отъ предыдущей заповѣди къ послѣдующей. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ смиренный будетъ оплакивать и грѣхи свои; оплакивающій свои грѣхи будетъ и кроткимъ и праведнымъ и милостивымъ; милостивый, праведный и сокрушенный будетъ непремѣнно и чистымъ по сердцу, а такой бу- 231
детъ и миротворцемъ; а кто всего этого достигнетъ, тотъ будетъ готовъ и къ опасностямъ, не устрашится злорѣчія и безчисленныхъ бѣдствій. Давъ ученикамъ приличное наставленіе,

Господь снова подкрѣпляетъ ихъ похвалами. Такъ какъ заповѣди были высоки и труднѣе ветхозавѣтныхъ, то чтобы ученики не поколебались, не пришли въ смятеніе, и не сказали: какъ мы можемъ ихъ исполнять?—слушай, что сказалъ Господь: *вы есте соль* земли (ст. 13), показывая этими словами, что Онъ по необходимости даетъ такія заповѣди. Ученіе, которое вамъ поручается, говоритъ Христосъ, должно относиться не къ одной только вашей жизни, но и ко всей вселенной. Я посылаю васъ не въ два, не въ десять, не въ двадцать городовъ, посылаю не къ одному народу, какъ нѣкогда пророковъ, но на сушу и море, во всю вселенную, притомъ преисполненную зла. Словами: *вы есте соль* земли, Христосъ показалъ, что все человѣчество помрачилось и повредилось отъ грѣховъ. Потому-то Онъ и требуетъ отъ учениковъ такихъ добродѣтелей, которыя были особенно необходимы и полезны къ исправленію другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто кротокъ, тихъ, милостивъ и праведенъ, тотъ не для себя только одного творитъ добрыя дѣла, но старается эти благіе источники добра излить и на пользу другихъ. Также и чистый сердцемъ и миролюбивый и гонимый за истину живетъ для блага общаго. Итакъ не думайте, говоритъ Христосъ, что вамъ предстоятъ легкіе подвиги; не думайте, что слова Мои: *вы есте соль* земли маловажны. Что же? Неужели они въ самомъ дѣлѣ исправили то, что уже испортилось? Нѣтъ, такъ какъ солію нельзя помочь тому, что уже испортилось. Они этого и не дѣлали, а осоляли уже прежде исправленное, имъ переданное и освобожденное отъ зловонія, содержа и сохраняя въ томъ самомъ обновленіи, въ какомъ приняли отъ Господа. Освободить отъ зловонія грѣховнаго — было дѣло Христа. Апостолы же должны были трудиться и заботиться о томъ, чтобы исправленное опять не пришло въ первое свое состояніе. Замѣчаешь ли, какъ Христосъ мало-по-малу возвышаетъ учениковъ предъ самими пророками? Онъ называетъ ихъ учителями не одной Палестины, но цѣлой вселенной, и не просто учителями, но еще учителями страшными. И то удивительно, что ученики не лестію и не угожденіемъ, но сдерживающимъ, на подобіе соли, дѣйствіемъ, для всѣхъ сдѣлались достолюбезными. Итакъ, не дивитесь, говоритъ Христосъ, если Я, оставивъ другихъ, бесѣдую съ вами и подвергаю васъ столькимъ опасностямъ. Разсудите только, сколькимъ городамъ, народамъ и языкамъ Я хочу послать васъ въ наставники. Потому Я и хочу, чтобы вы не только сами были благоразумны, но и другихъ дѣлали такими. Быть благоразумными особенно нужно тѣмъ, отъ которыхъ зависитъ спасеніе другихъ, и столько нужно имъ имѣть въ себѣ добродѣтели, чтобы можно было удѣлять ее въ пользу

другихъ. Если вы не будете такими, то и сами не спасетесь.

7. Итакъ, не огорчайтесь, если слова Мои кажутся вамъ тяжкими. Чрезъ васъ и другіе заблудившіеся могутъ образумиться, а если вы утратите свою силу, то погубите съ собою и другихъ. Поэтому, чѣмъ важнѣе возложены на васъ обязанности, тѣмъ болѣе вы должны имѣть ревности. Потому и говоритъ Христосъ: *аще же соль обуяетъ, чимъ осолится? Ни во чтоже будетъ ктому, точію да изсыпана будетъ вонъ и попираема человѣки.* Другіе, если и 232
много разъ согрѣшатъ, все-таки могутъ быть прощены; но учитель, если согрѣшитъ, не можетъ ничѣмъ извинить себя, и долженъ понести тягчайшее наказаніе. Чтобы ученики, слыша слова: *егда поносятъ вамъ, и иждепутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы*, не устрашились всенародно проповѣдывать, Христосъ говоритъ, что если вы не рѣшаетесь на это дѣло, то напрасно и избраны. Не злословія надобно бояться, но того, чтобы не представить изъ себя лицемѣровъ; въ такомъ случаѣ вы покажете себя неразумными и достойными презрѣнія. Если же вы будете строги въ обращеніи, и за это подвергнетесь злословію, радуйтесь. Таково именно свойство соли, что она ѣдкостію остроты своей непріятна на вкусъ людей сластолюбивыхъ. Злословіе, слѣдовательно, необходимо будетъ преслѣдовать васъ, но нисколько не повредитъ вамъ; напротивъ, будетъ свидѣтельствовать о вашей твердости. Если же вы, устрашась злословія, оставите подобающую вамъ твердость, то подвергнетесь тягчайшимъ бѣдствіямъ; васъ всѣ будутъ и злословить, и презирать, а это-то самое и значитъ: *попираема.* Вслѣдъ за тѣмъ Христосъ переходитъ къ другому, высшему сравненію: *вы есте*, говоритъ Онъ, *свѣтъ міра* (ст. 14). Опять—*міра*, не одного народа, не двадцати городовъ, но всей вселенной; свѣтъ духовный—подобно какъ и соль духовная,—который превосходнѣе лучей видимаго солнца. Сперва Онъ назвалъ ихъ солію, а потомъ свѣтомъ, чтобы ты зналъ, сколько выгодъ отъ строгихъ словъ, и сколько пользы отъ чистаго ученія. Оно обуздываетъ и не позволяетъ разсѣеваться, но направляя къ добродѣтели, дѣлаетъ внимательнымъ. *Не можетъ градъ укрытися верху горы стоя. Ниже вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ подъ спудомъ* (ст. 14, 15). Этими словами Христосъ опять побуждаетъ учениковъ Своихъ къ строгой жизни, научая ихъ быть осторожными, такъ какъ имъ надлежало явиться предъ лицемъ всѣхъ и подвизаться на поприщѣ цѣлаго міра. Не смотрите, говоритъ, на то, что мы сидимъ теперь здѣсь, что мы находимся въ самой малой частичкѣ міра. Нѣтъ,—вы такъ будете примѣтны всѣмъ, какъ городъ, стоящій на верху горы, какъ свѣтильникъ, поставлен-

ный на подсвѣчникѣ и свѣтящій всѣмъ, находящимся въ домѣ.

Гдѣ теперь невѣрующіе въ могущество Христово? Пусть услышатъ это и, подивившись силѣ пророчества, благоговѣйно поклонятся Его могуществу! Подумай, въ самомъ дѣлѣ, сколько обѣщано было тѣмъ, которые были неизвѣстны даже въ своемъ городѣ! Земля и море узнаетъ ихъ, и слава о нихъ распространится до предѣловъ вселенной, или—лучше,—не слава, а самыя ихъ благодѣянія,—потому что не громкая слава сдѣлала ихъ вездѣ извѣстными, но величіе самыхъ дѣлъ. Они, какъ птицы, пронеслись чрезъ всю вселенную быстрѣе солнечнаго луча, распространяя повсюду свѣтъ благочестія. Здѣсь Христосъ, по моему мнѣнію, старается въ ученикахъ Своихъ поселить еще смѣлость, потому что словами: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* ясно выражаетъ Свое могущество. Какъ такой городъ не можетъ укрыться, такъ и благовѣствованію невозможно утаиться и остаться въ неизвѣстности. Такъ какъ прежде Христосъ говорилъ о гоненіяхъ, злословіи, навѣтахъ и враждѣ, то, чтобы ученики не подумали, что все это можетъ воспрепятствовать ихъ проповѣди, Онъ, ободряя ихъ, говоритъ, что благовѣствованіе не только не останется въ неизвѣстности, но и просвѣтитъ всю вселенную, а черезъ это и сами они станутъ славными и знаменитыми. Итакъ, здѣсь Христосъ показываетъ Свое могущество, а въ послѣдующихъ словахъ требуетъ смѣлости отъ Своихъ уче-
233 никовъ. *Ниже вжигаютъ*, говоритъ Онъ, *свѣтильника и поставляютъ подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть. Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ, ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (ст. 15, 16). Я, говоритъ Онъ, возжегъ свѣтъ, а вы своимъ стараніемъ должны поддерживать этотъ свѣтъ,—и это не для себя только самихъ, но и для другихъ, которые должны воспользоваться его сіяніемъ и руководствоваться имъ къ истинѣ. Злословіе нимало не затмитъ вашего свѣта, если вы должнымъ образомъ станете проводить жизнь свою, если будете жить такъ, какъ подобаетъ людямъ, которые должны обратить всю вселеннную. Покажите жизнь вполнѣ достойную благодати, чтобы благовѣствованіе ваше вездѣ оправдывалось вашею доброю жизнію. Кромѣ спасенія людей, Христосъ показываетъ затѣмъ и другую пользу, которая можетъ побудить учениковъ къ усерднѣйшему и ревностнѣйшему исполненію ихъ обязанностей. Если хорошо будете жить, говоритъ Онъ, то не только обратите всю вселенную, но и будете способствовать къ славѣ имени Божія; напротивъ, худою жизнію и людей погубите, и дадите поводъ къ хулѣ имени Божія.

8. Какимъ же образомъ, скажешь ты, прославится чрезъ насъ Богъ, если люди будутъ злословить насъ? Но не всѣ; да и самые злословящіе насъ будутъ дѣлать это по зависти, въ сердцѣ же своемъ они будутъ почитать и удивляться намъ, подобно тому, какъ есть люди, которые явно льстятъ нечестивымъ, а въ сердцѣ своемъ обвиняютъ ихъ. Что же прикажешь? Жить намъ для тщеславія и честолюбія? Нѣтъ, я не то говорю. Я не сказалъ: старайтесь выставлять на видъ добрыя дѣла ваши, показывайте ихъ; но сказалъ только: *да просвѣтится свѣтъ вашъ*, т. е. да будетъ добродѣтель ваша велика, огнь обиленъ, свѣтъ неизреченъ. Когда добродѣтель будетъ такова, то сокрыть ее невозможно, хотя бы тотъ, кто имѣетъ ее, всячески старался укрывать. Итакъ, показывайте жизнь безукоризненную, и никто не будетъ имѣть достаточной причины злословить васъ. Пусть злословящихъ будетъ безчисленное множество, никто однакоже не сможетъ затмить славу вашу. Хорошо сказано слово: *свѣтъ*. Дѣйствительно, ничто такъ не распространяетъ славы о человѣкѣ, какъ блескъ добродѣтели, хотя бы этотъ человѣкъ и старался всѣми мѣрами скрыть его. Онъ какъ бы окруженъ солнечнымъ лучемъ, и свѣтитъ яснѣе самаго луча, простирая свое сіяніе не на землю только, но и на самое небо. Здѣсь Христосъ утѣшаетъ учениковъ Своихъ еще болѣе. Пусть прискорбно вамъ, говоритъ Онъ, когда васъ поносятъ; но многіе чрезъ васъ содѣлаются истинными поклонниками Богу. И въ томъ, и другомъ случаѣ вамъ готовится награда: и когда вы будете терпѣть злословіе для Бога, и когда чрезъ васъ прославляютъ Бога. Но чтобы мы не старались распространять худой молвы о себѣ, зная, что за это будетъ награда, Христосъ не просто сказалъ о злословіи, но указалъ только на два вида его, именно: когда о насъ говорятъ ложно, и когда злословятъ насъ для Бога. Но въ тоже время Христосъ показываетъ, что не только такое злословіе приноситъ великую пользу, но и хорошая слава, когда чрезъ нее распространяется слава Божія. Здѣсь Христосъ подкрѣпляетъ учениковъ благими надеждами. Это злословіе нечестивыхъ, говоритъ Онъ, не такъ сильно, чтобы и другимъ могло воспрепятствовать видѣть свѣтъ вашъ. Тогда только будутъ попирать васъ, когда 234
вы помрачите себя, но не тогда, когда будете поступать хорошо. Напротивъ, тогда многіе будутъ удивляться вамъ, и не только вамъ, но чрезъ васъ и Отцу вашему. Далѣе, Христосъ не сказалъ: прославятъ Бога, но—Отца, чѣмъ самымъ полагаетъ начатки достоинства, которое будетъ даровано имъ. Потомъ, чтобы показать Свое равночестіе съ Отцемъ, Христосъ сказалъ прежде: не скорбите, когда худое о себѣ услышите, потому что довольно

съ васъ, что вы это ради Меня слышите,—а здѣсь указываетъ на Отца, вездѣ обнаруживая равенство. Итакъ, если мы знаемъ, какая польза происходитъ отъ упражненія въ добродѣтели, и какая опасность отъ безпечности (потому что поношеніе изъ-за насъ Господа нашего гораздо хуже нашей погибели), то не будемъ подавать соблазна ни іудеямъ, ни язычникамъ, ни вѣрнымъ, а будемъ вести такую жизнь, которая бы сіяла свѣтлѣе солнца. Пусть кто-нибудь насъ злословитъ; мы не тогда должны скорбѣть, когда слышимъ это злословіе, но тогда, когда оно справедливо. Если мы будемъ жить въ нечестіи, то хотя бы никто насъ не злословилъ, мы всѣхъ несчастнѣе; напротивъ, если мы будемъ жить добродѣтельно, то хотя бы вся вселенная говорила о насъ худое, и тогда мы будемъ счастливѣе всѣхъ, и привлечемъ къ себѣ всѣхъ желающихъ спастись, потому что они будутъ обращать вниманіе не на злословія нечестивыхъ, но на добродѣтельную жизнь. Подлинно, гласъ добродѣтели громче всякой трубы, и жизнь чистая свѣтлѣе самаго солнца, хотя бы злословящихъ было неисчислимое множество. Итакъ, если мы будемъ имѣть всѣ упомянутыя добродѣтели: если будемъ кроткими, смиренными, милостивыми, чистыми, миротворцами, не будемъ отвѣчать на оскорбленія оскорбленіемъ, а напротивъ принимать ихъ даже съ радостію, то мы всѣхъ взирающихъ на насъ привлечемъ этимъ не менѣе, какъ и чудесами, и всѣ охотно устремятся къ намъ, хотя бы кто былъ неукротимъ подобно звѣрю, хотя бы кто былъ лукавъ подобно злому духу,—словомъ, какъ бы кто ни былъ худъ. Если же явятся и злословящіе, не безпокойся этимъ; не смущайся, что тебя злословятъ предъ людьми, но размотри совѣсть злословящихъ, и ты увидишь, что они рукоплещутъ тебѣ, удивляются и внутренно осыпаютъ безчисленными похвалами. Такъ, обрати вниманіе, съ какою похвалою говорилъ Навуходоносоръ о тѣхъ отрокахъ, которые были въ пещи, не смотря на то, что былъ ихъ врагомъ и гонителемъ. Такъ какъ онъ увидѣлъ ихъ мужество, то хвалитъ ихъ, и прославляетъ, и за то именно, что они не покорились ему и остались вѣрны закону Божію (Дан. ш). Такъ-то діаволъ, когда видитъ, что нисколько не успѣваетъ, уходитъ наконецъ, боясь, чтобы не доставить намъ своими козпями большей славы. А когда онъ удалится, и напускаемая имъ тьма разсѣевается, тогда всякій, какъ бы ни былъ развращенъ и нечестивъ, познаетъ добродѣтель. Если же и люди не поймутъ тебя, то будешь имѣть у Бога похвалу и большую славу.

9. Итакъ, не скорби, и не малодушествуй. И *апостолы для однихъ были запахомъ смертоноснымъ, а для другихъ запахомъ живо-*

тельнымъ (2 Кор. II, 16). Если ты не подалъ никакого повода къ злословію, то ты свободенъ отъ всякаго обвиненія; напротивъ, ты сдѣлался даже счастливѣйшимъ человѣкомъ. Пусть же сіяетъ твоя жизнь, и не обращай никакого вниманія на тѣхъ, кто злословитъ тебя; невозможно вѣдь, совершенно невозможно, чтобы добродѣтельные не имѣли у себя многихъ враговъ. Но отъ нихъ ничего не потерпитъ добродѣтельный человѣкъ; напротивъ, онъ чрезъ это еще болѣе прославится. Итакъ, размышляя объ этомъ, будемъ имѣть въ виду одно—вести жизнь свою добродѣтельно. Ведя такъ жизнь, мы и сѣдящихъ во тьмѣ будемъ руководить къ небесной жизни. Такова сила этого свѣта, 235
что онъ не только здѣсь сіяетъ, но и освѣщаетъ путь идущимъ туда. Когда сидящіе во тьмѣ увидятъ, что мы презираемъ все настоящее и стремимся къ будущему, тогда они и безъ словъ, самыми дѣлами нашими, убѣдятся въ этомъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, столько безуменъ, чтобы, видя человѣка, который три дня тому назадъ роскошествовалъ, былъ богатъ, а сегодня отказался отъ всего. ничего не имѣетъ, готовъ терпѣть нищету, голодъ, всякія лишенія и опасности, готовъ пролить кровь свою, идти на закланіе, терпѣть все, что есть жестокаго,—кто столько безуменъ, говорю, чтобы, видя все это, не вывелъ для себя яснаго доказательства о будущемъ? Если же мы будемъ прилѣпляться къ настоящему, и совершенно къ нему пристрастимся, то повѣрятъ ли намъ, что мы стремимся въ другое отечество? Какое, наконецъ, будетъ у насъ извиненіе, когда для насъ страхъ Божій будетъ имѣть меньше значенія, чѣмъ даже слава человѣческая имѣла для языческихъ философовъ? Такъ, нѣкоторые изъ нихъ отвергали богатство, презирали смерть, надѣясь пріобрѣсти славу отъ людей, почему и надежда ихъ была суетна. Что насъ защитить, когда при столькихъ благахъ, намъ обѣщанныхъ, при столькихъ путяхъ, открытыхъ намъ для благочестивой жизни, мы не только не можемъ сравниться съ ними, но губимъ и себя и другихъ? Не столько вреда приноситъ язычникъ, поступающій нечестиво, сколько христіанинъ, такъ поступающій. И это вполнѣ понятно. Ученіе язычниковъ нелѣпо, наше же, по благодати Божіей, досточтимо и славно у самихъ нечестивыхъ. Вотъ почему, когда они хотятъ особенно упрекнуть насъ, и усилить свое злословіе, то говорятъ: *христіанинъ*! Не сказали бы они этого, если бы не имѣли высокаго мнѣнія о нашемъ ученіи. Ужели ты не знаешь, что̀ и какъ заповѣдалъ Христосъ? И какъ ты можешь исполнить, хотя одну изъ заповѣдей Его, когда, оставивъ все, ты стараешься только собрать барыши, пустить деньги въ ростъ, завести торговыя связи, купить множе-

ство рабовъ, заготовить драгоцѣнные сосуды, закупить поля, домы, и разныя домашнія принадлежности? И пусть было бы только это одно; но, когда къ этимъ безполезнымъ занятіямъ ты присоединяешь еще неправду, отнимая землю у сосѣдей, грабя домы, разоряя бѣдныхъ, увеличивая голодъ другихъ,—то когда ты приступишь къ этимъ заповѣдямъ? Но ты иногда милуешь нищихъ? Знаю это. Однакожъ и тутъ опять большая погибель для тебя, потому что ты дѣлаешь это или съ надменностію, или изъ тщеславія, такъ что и въ добрыхъ дѣлахъ для тебя нѣтъ пользы. Что можетъ быть бѣдственнѣе того, когда ты даже у самой пристани терпишь кораблекрушеніе? Итакъ, чтобы не случилось этого съ тобою, для этого, сдѣлавъ доброе дѣло, не ищи отъ меня благодарности, чтобы имѣть тебѣ должникомъ самого Бога, Который сказалъ: „взаймы давайте тѣмъ, отъ которыхъ вы не надѣетесь ничего получить" (Лук. vi, 35). Имѣя такого должника, для чего же ты, оставивъ Его, требуешь отъ меня, человѣка бѣднаго и скуднаго? Развѣ этотъ должникъ гнѣвается, когда требуютъ съ Него долгъ. Или Онъ бѣденъ? Или отказывается платить? Но развѣ ты не видишь Его неисчетныхъ сокровищъ? Развѣ ты не видишь Его неизреченной щедрости? Итакъ, съ Него проси и требуй; это Ему пріятно. А если Онъ увидитъ, что ты съ другого требуешь долгъ Его, то Онъ оскорбится этимъ,—и не только не отдастъ тебѣ, но и по праву осудитъ тебя. Въ чемъ ты нашелъ Меня неблагодарнымъ, скажетъ Онъ? Какую бѣдность у Меня нашелъ, что, оставивъ Меня, идешь къ другимъ? Одному далъ взаймы, а съ другого требуешь? Вѣдь, хотя и человѣкъ получилъ, но велѣлъ дать Богъ. Итакъ, Богъ самъ хочетъ быть первымъ должникомъ и порукою, доставляя
236 тебѣ безчисленные случаи всегда съ Него требовать. Не оставляй же такое богатство и такое обиліе, и не ищи получить съ меня,— человѣка ничего не имѣющаго. И для чего ты подаешь милостыню на моихъ глазахъ? Развѣ я говорилъ тебѣ: *дай*? Развѣ отъ меня ты слышалъ, чтобы съ меня требовать? Самъ Богъ сказалъ: *милуяй нища, взаимъ даетъ Богови* (Притч. xix, 17). Ты далъ взаймы Богу; съ Него и требуй. Но Онъ не отдаетъ теперь всего? И это Онъ дѣлаетъ для твоей пользы. Онъ не какой-нибудь обыкновенный должникъ, который спѣшитъ только отдать долгъ, но должникъ, который всячески старается еще о томъ, чтобы взятое взаймы сохранить въ цѣлости. Потому-то Онъ, что нужно отдать здѣсь, отдаетъ, а что-тамъ, сберегаетъ.

10. Итакъ, зная это, станемъ оказывать милосердіе и большее человѣколюбіе какъ имуществомъ, такъ и дѣлами. Если увидимъ, что кого-либо мучатъ и бьютъ на площади, и если

можемъ избавить его деньгами, то избавимъ. А если можемъ освободить словами, не полѣнимся и это сдѣлать. Есть вѣдь награда и за слова, даже и за самые вздохи: и объ этомъ-то блаженный Іовъ говорилъ: *азъ о всякомъ немощнѣмъ восплакахся, воздохнухъ же видѣвъ мужа въ бѣдахъ* (Іов. XXX, 25). Если же есть награда за слезы и вздохи, то подумай, каково будетъ воздаяніе, когда присоединятся къ нимъ слова, усердіе и другое подобное тому. И мы были нѣкогда враги Богу, и Единородный примирилъ насъ, сдѣлавшись посредникомъ, претерпѣвъ за насъ раны и самую смерть. Постараемся же и мы избавлять отъ безчисленныхъ бѣдствій тѣхъ, которые подвергаются имъ и перестанемъ поступать такъ, какъ мы поступаемъ теперь, когда, напримѣръ, видя, что другіе ссорятся и дерутся между собою, останавливаемся и окружаемъ это діавольское зрѣлище, чтобы позабавиться безстыдствомъ другихъ. Можетъ ли что быть безчеловѣчнѣе этого? Видимъ, что бранятся, дерутся, раздираютъ другъ у друга одежду, разбиваютъ другъ другу лицо, и спокойно продолжаемъ стоять. Ужели тотъ, кто дерется, медвѣдь? Ужели звѣрь? Ужели змій? Это человѣкъ, всегдашній сообщникъ твой; онъ братъ тебѣ, онъ сочленъ твой. Итакъ, не дѣлай для себя зрѣлища, но прекращай ссоры; не забавляйся, но укрощай; не побуждай другихъ къ такому безстыдству, но разнимай и усмиряй дерущихся. Радоваться такимъ несчастнымъ случаямъ свойственно только людямъ безстыднымъ, подлымъ, непотребнымъ и безумнымъ. Ты смотришь на человѣка безстыдно поступающаго, и не замѣчаешь, что и самъ то же дѣлаешь? И ты не вступаешься, чтобы разсѣять сборище діавольское, и прекратить злобу человѣческую! Чтобы мнѣ и самому принять побои, скажешь ты,— и ты это велишь? Совсѣмъ нѣтъ! Ты не примешь ихъ. А если и примешь, такъ это будетъ тебѣ вмѣсто мученичества, потому что за Бога претерпишь это. Если же не хочешь принять побоевъ, то подумай. Самъ Господь восхотѣлъ претерпѣть за тебя крестъ. Какъ обижающій, такъ и обижаемый, отъ сильнаго гнѣва, ими обладающаго, подобны пьянымъ и потерявшимъ разсудокъ, потому и имѣютъ нужду въ человѣкѣ здравомыслящемъ, который бы имъ помогъ: первому, чтобы пересталъ обижать. а второму, чтобы избавился отъ побоевъ. Итакъ, пойди и подай руку помощи— трезвый опьянѣлому. Подлинно, и гнѣвъ опьяняетъ, и это опьяненіе даже гораздо хуже опьяненія отъ вина. Посмотри на корабельщиковъ: они какъ скоро видятъ гдѣ-либо кораблекрушеніе, тотчасъ, поднявши парусы, спѣшатъ, чтобы исхитить отъ волнъ своихъ товарищей по ремеслу. Итакъ, если имѣющіе одинаковое ремесло такъ другъ другу помогаютъ, то тѣмъ болѣе надлежитъ

237 помогать другъ другу тѣмъ, которые имѣютъ одинаковую природу. Вѣдь и ссора—кораблекрушеніе, притомъ и гораздо бѣдственнѣе того. Въ самомъ дѣлѣ, кто ссорится, тотъ или изрыгаетъ хулы, и такимъ образомъ теряетъ всѣ прежнія добрыя дѣла, или въ сильномъ гнѣвѣ клянется ложно, и такимъ образомъ впадаетъ въ геенну, или наноситъ побои и совершаетъ убійство, и опять подвергается такому же кораблекрушенію. Итакъ, пойди, прекрати зло, спустись въ это бурное море и исхить утопающихъ, и разрушивъ зрѣлище діавольское, уговаривай каждаго порознь, погаси пламень и укроти волны. Если пожаръ распространится, огонь усилится,—не бойся: многіе тебѣ подадутъ руку помощи, только начни,—а прежде всѣхъ поможетъ Богъ мира. И если ты первый начнешь гасить пламя, то многіе и другіе послѣдуютъ за тобой, и ты получишь награду и за ихъ доброе дѣло. Послушай, что говоритъ Христосъ іудеямъ, пресмыкающимся долу. Если увидишь, говоритъ Онъ, упавшаго осла у врага своего, не проходи мимо, но подыми (Исх. XXIII, 5). Но гораздо легче разнять ссорящихся между собою, нежели поднять упавшую скотину. Если же должно поднимать осла у враговъ, то тѣмъ болѣе души у друзей, особенно когда послѣднее паденіе гораздо бѣдственнѣе; вѣдь души отъ тяжести гнѣва упадаютъ не въ грязь, а въ огненную геенну. Между тѣмъ ты, жестокій и безчеловѣчный, видя брата своего лежащаго подъ тяжкимъ бременемъ, и діавола предстоящаго и разжигающаго пламя гнѣва, проходишь мимо! Такъ поступать даже и съ животными не безопасно. Самарянинъ, когда увидѣлъ раненаго, человѣка совсѣмъ ему неизвѣстнаго и не имѣвшаго къ нему никакихъ отношеній, остановился, посадилъ его на своего осла, привезъ въ гостинницу, нанялъ врача, и деньги гостиннику частію заплатилъ, частію обѣщалъ заплатить (Лук. X, 33 и дал.). А ты, видя человѣка, который попался не разбойникамъ, но полчищу демоновъ, и подвергся ярости врага не въ пустынѣ, но среди площади,—когда тебѣ не нужно ни денегъ платить, ни осла нанимать, ни идти далеко, а только сказать нѣсколько словъ,—ты, жестокій и безчеловѣчный, не хочешь помочь, но бѣжишь мимо! Какъ же ты надѣешься самъ когда-нибудь получить милость у Бога? Вамъ говорю я, которые предъ всѣми поступаете безстыдно,—вамъ, обидчикамъ и притѣснителямъ! Скажи, пожалуй: ты наносишь побои, топчешь ногами, кусаешь? Развѣ ты кабанъ, или дикій оселъ? И ты не стыдишься, не краснѣешь отъ своего звѣрства, забывая свое достоинство? Ты бѣденъ? Но ты свободенъ. Ремесленникъ ты? Но ты христіанинъ. Потому-то самому тебѣ и должно жить смирно, что ты бѣденъ. Ссориться свойственно только богачамъ, а не бѣднымъ, — богачамъ, го-

ворю, которые имѣютъ многія причины къ ссорѣ. Ты не поль-
зуешься удовольствіями богатства, между тѣмъ ищешь непріят-
ностей, съ нимъ неразлучныхъ—вражды, распрей, ссоръ, мучишь
и душишь брата своего, и повергаешь его предъ всѣми. Ужели
ты не понимаешь, что въ своемъ безстыдствѣ подражаешь необуз-
данности безсловесныхъ, или вѣрнѣе, дѣлаешь еще хуже ихъ?
У безсловесныхъ все общее, они собираются и ходятъ вмѣстѣ; 233
а у насъ, напротивъ, ничего нѣтъ общаго, но все вверхъ дномъ:
вражды, распри, ссоры, ненависть, обиды. Мы не стыдимся ни
неба, куда мы всѣ призываемся, ни земли, которая всѣмъ намъ
дана въ общее жилище, ни самой природы своей; но все подав-
ляютъ въ насъ гнѣвъ и любостяжаніе. Или не знаешь ты о томъ
рабѣ, который долженъ былъ десять тысячъ талантовъ, и послѣ
того, какъ долгъ прощенъ былъ ему, душилъ товарища своего
за сто динаріевъ,—или не знаешь, сколько претерпѣлъ онъ бѣд-
ствій, и какъ преданъ былъ вѣчному мученію (Матѳ. XVIII, 28 и дал.)?
И ты не боишься такого примѣра? Не страшишься подвергнуться
тому же? Вѣдь и мы много, много должны Господу, однако Онъ
ждетъ и долготерпитъ; не истязуетъ насъ, какъ мы своихъ со-
братій, не душитъ насъ, не мучитъ. Между тѣмъ если бы Онъ
захотѣлъ потребовать отъ насъ хотя малѣйшей части долга, мы
давно бы погибли. Размышляя объ этомъ, возлюбленные, сми-
римся, и будемъ снисходительны къ должникамъ своимъ; чрезъ
нихъ имѣемъ случай, если только мы благоразумны, получить
прощеніе въ великихъ долгахъ своихъ и за малое пріобрѣсть
многое. Итакъ, зачѣмъ же ты насильно требуешь долгъ отъ ближ-
няго своего? Тебѣ даже надлежало бы простить и тогда, когда
бы онъ самъ захотѣлъ тебѣ отдать, — простить для того, чтобы
получить все отъ Бога. А ты между тѣмъ всѣми силами ста-
раешься получить долги, заводишь споры, чтобы не потерять ни
малѣйшей части своего имущества. Ты думаешь причинить обиду
ближнему, а между тѣмъ самъ на себя поднимаешь мечъ, и
умножаешь для себя мученіе въ геееннѣ. Если ты хоть немного
будешь здѣсь благоразумнымъ, то облегчишь участь свою на судѣ.
Вѣдь Богъ для того только и требуетъ отъ насъ такого снисхож-
денія къ ближнимъ нашимъ, чтобы самому имѣть случай про-
щать намъ великія согрѣшенія наши. Итакъ, сколько бы ни было
у тебя должниковъ, деньгами ли то, или оскорбленіями, всѣхъ
прости, и за такое великодушіе проси отъ Бога воздаянія. До-
колѣ они будутъ оставаться твоими должниками, до тѣхъ поръ
и Богъ не будетъ твоимъ должникомъ; напротивъ, какъ скоро
простишь ихъ, тогда можешь приступить къ Богу, и требовать
отъ Него воздаянія себѣ за такой добрый поступокъ. Если бы

кто, проходя мимо тебя и видя, что ты держишь своего должника, велѣлъ тебѣ отпустить его, обѣщавши заплатить за него; если, говорю, этотъ человѣкъ не откажется заплатить тебѣ всего долга вмѣсто твоего должника,—то не болѣе ли, не тысящекратно ли болѣе воздастъ намъ Богъ, когда мы, повинуясь Его заповѣди, простимъ должниковъ своихъ, не требуя отъ нихъ ничего? Мы должны имѣть въ виду не временное удовольствіе, происходящее отъ требованія долговъ, но тотъ вредъ, который потерпимъ за то въ будущемъ, и который будетъ состоять въ лишеніи безсмертныхъ благъ. Итакъ, возвысившись надъ всѣмъ этимъ, будемъ прощать и деньги, и оскорбленія должникамъ своимъ, чтобы и самимъ намъ можно было получить прощеніе въ своихъ долгахъ; и чего мы не успѣли достигнуть чрезъ другую добродѣтель, этого мы достигнемъ, когда не будемъ помнить зла на ближнихъ своихъ, и такимъ образомъ сподобимся благъ вѣчныхъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Ему слава и держава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVI.

237-238 **Не мните, яко пріидохъ разорите законъ, или пророки (Мѳ. v, 17).**

1. Но кто и думалъ объ этомъ? Или кто обвинялъ Его въ этомъ и вызывалъ на такой отвѣтъ? Сказанныя Имъ слова совсѣмъ не возбуждали такой мысли, Его заповѣди—быть кроткими, тихими, милосердыми, чистыми сердцемъ и подвизаться за правду—ничего подобнаго не показывали, но даже совершенно противное. Итакъ, для чего же Онъ сказалъ это? Безъ сомнѣнія, не безъ причины, не безъ цѣли. Такъ какъ Онъ намѣревался дать заповѣди выше древнихъ (какъ видно изъ словъ Его: *слышате, яко речено бысть древнимъ: не убіеши; Азъ же глаголю вамъ: не гнѣвайтеся*) и проложить путь къ нѣкоему божественному и небесному образу жизни, то, чтобы новость ученія не смутила сердецъ слушателей и не заставила ихъ сомнѣваться въ Его наставленіяхъ, Онъ и предупреждаетъ ихъ словами: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки.* Іудеи, хотя и не исполняли закона, имѣли однакожъ къ нему великое уваженіе, и хотя каждодневно нарушали его своими дѣлами, тѣмъ не менѣе желали, чтобы Писаніе оставалось неприкосновеннымъ, и чтобы никто ничего не прибавлялъ къ нему. Впрочемъ, они строго держались и нѣкото-

рыхъ прибавленій, сдѣланныхъ ихъ начальниками, хотя послѣднія клонились не къ лучшему, а къ худшему. Такъ напр. этими прибавленіями нарушалось должное почтеніе къ родителямъ; да и многія другія обязанности подрывались этими неумѣстными дополненіями. Итакъ, поелику Христосъ происходилъ не изъ священническаго колѣна, а то, что онъ вознамѣрился ввести, было прибавленіемъ,—которое, впрочемъ, не уменьшало добродѣтели, но вызвышало ее,—то Онъ предвидѣлъ, что и то и другое могло бы смутить ихъ, и потому прежде, чѣмъ начертать свои чудные законы, опровергаетъ тѣ сомнѣнія, которыя могли скрываться въ умѣ ихъ. Въ чемъ же могли заключаться ихъ сомнѣнія и возраженія? Они думали, что Христосъ говоритъ это для уничтоженія древнихъ постановленій закона. Это-то подозрѣніе Онъ и удаляетъ. Такъ Онъ дѣлаетъ не только здѣсь, но и въ другихъ случаяхъ. Такъ, когда іудеи почитали Его противникомъ Богу за нарушеніе субботы, то, чтобы опровергнуть такое ихъ мнѣніе и защитить Себя, въ одномъ случаѣ Онъ употребляетъ слова, приличныя Ему какъ Сыну Божію, говоря: *Отецъ Мой дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоанн. v, 17), а въ другомъ — исполненныя смиренія, какъ, напримѣръ, когда показываетъ, что для спасенія овцы, погибшей въ субботу, можетъ быть нарушеніе закона, также, когда замѣчаетъ, что и обрѣзаніе совершается въ субботу (Матѳ. xii, 11, 12). Для того Онъ часто и говоритъ такъ смиренно, чтобы истребить ихъ мнѣніе, будто Онъ поступаетъ противно Богу. Для того-то, когда и Лазаря воззывалъ изъ гроба, обратился съ молитвою къ Богу, не смотря на то, что прежде единымъ словомъ воскрешалъ многихъ мертвыхъ (Іоан. xi, 41). А чтобы отсюда не заключили, что Онъ менѣе Отца Своего,—предупреждая такое мнѣніе, присовокупляетъ: *народа ради, стоящаго окрестъ, рѣхъ сіе, да вѣру имутъ, яко Ты посланъ Мя еси* (Іоанн. xi, 42). Такимъ образомъ, Онъ не всѣ (чудеса) производитъ, какъ полновластный Владыка, для того, чтобы исправить ошибочное объ Немъ мнѣніе іудеевъ, но и не предъ каждымъ обращается съ молитвою къ Богу, чтобы впослѣдствіи времени не подать случая къ превратному мнѣнію, будто Онъ былъ слабъ и безсиленъ; но въ иныхъ случаяхъ поступаетъ такъ, а въ другихъ—иначе, и дѣлаетъ такъ не безъ разбора, но съ свойственною Ему мудростію. Важнѣйшія чудеса Онъ совершаетъ какъ полномочный Владыка, а въ менѣе важныхъ возводитъ очи къ небу. Такъ, когда онъ отпускалъ грѣхи, открывалъ тайны, отверзалъ рай, изгонялъ бѣсовъ, очищалъ прокаженныхъ, попиралъ смерть, воскрешалъ многихъ мертвыхъ,—все это Онъ совершалъ однимъ велѣніемъ, а умно- 240
жая хлѣбы, что было менѣе важно, обращается къ небу. Очевидно,

что Онъ дѣлаетъ это не по слабости. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ могъ полновластно совершить большее, то какую имѣлъ надобность въ молитвѣ для совершенія меньшаго? Безъ сомнѣнія, Онъ дѣлалъ это, какъ я и прежде сказалъ, для обузданія безстыдства іудеевъ. То же самое долженъ ты думать и въ тѣхъ случаяхъ, когда слышишь, что Онъ говоритъ со смиреніемъ. Много Онъ имѣлъ причинъ такъ говорить и дѣйствовать, какъ-то: чтобы не подумали, что Онъ дѣйствуетъ не по волѣ Божіей, чтобы подавать наставленія и врачеваніе всѣмъ, чтобы научать смиренію, чтобы показать, что Онъ облеченъ плотію, и что іудеи не могутъ принять всего вдругъ, также, чтобы научить ихъ не много о себѣ думать. По этимъ-то причинамъ часто и говорилъ самъ о Себѣ со смиреніемъ, предоставляя говорить о Немъ великое другимъ.

2. Такъ самъ Онъ, бесѣдуя съ іудеями, говорилъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь* (Іоан. VIII, 58); а ученикъ Его сказалъ объ этомъ такъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). Опять, самъ Онъ нигдѣ прямо не говоритъ, что Онъ сотворилъ небо, и землю, и море, и все видимое и невидимое; а ученикъ Его смѣло и не обинуясь, не одинъ, или два раза, но многократно говоритъ объ этомъ: *вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть;* также: *въ мірѣ бѣ, и міръ Тѣмъ бысть* (Іоан I, 3, 10). Да и чему удивляться, если другіе объ Немъ сказали болѣе, нежели Онъ самъ, когда Онъ, многое не выражая ясно словами, показывалъ дѣлами? Что Онъ сотворилъ человѣка, то ясно доказалъ исцѣленіями слѣпого; между тѣмъ, говоря о сотвореніи человѣка въ началѣ, не сказалъ: Я сотворилъ, но— *сотворивый мужескій полъ и женскій, сотворилъ я есть* (Матѳ. XIX, 4). Равнымъ образомъ, что Онъ создалъ міръ, и все находящееся въ немъ, то доказалъ ловитвою рыбъ, претвореніемъ воды въ вино, умноженіемъ хлѣбовъ, укрощеніемъ бури на морѣ, лучезарнымъ свѣтомъ, которымъ возсіялъ Онъ на крестѣ, и многими другими чудесами; хотя на словахъ никогда ясно не выражалъ этого, но ученики Его: Іоаннъ, Павелъ и Петръ говорятъ о томъ весьма часто. Если и эти ученики, которые и днемъ и ночью слышали Его бесѣды, видѣли чудотворенія, которымъ Онъ многое разрѣшалъ наединѣ, даровалъ силу даже воскрешать мертвыхъ, и которыхъ, наконецъ, содѣлалъ столь совершенными, что они для Него оставили все,—если и они, восшедши на такую степень добродѣтели и любомудрія, не могли еще сносить всего, прежде чѣмъ приняли дары Св. Духа; то какимъ образомъ іудейскій народъ, который не имѣлъ ни такого познанія, ни такой добродѣтели, и только иногда былъ свидѣтелемъ того, что дѣ-

лалъ, или говорилъ Христосъ, увѣрился бы, что Онъ поступаетъ согласно съ волею Бога всяческихъ, если бы самъ Іисусъ не оказывалъ во всемъ Своего снисхожденія? Вотъ почему, и нарушая, напр., субботу, Онъ не вдругъ ввелъ такое законоположеніе, но напередъ представилъ многія и различныя причины. Если же, намѣреваясь отмѣнить и одну заповѣдь, Онъ употребляетъ такую осторожность въ словахъ, чтобы не устрашить слушающихъ, то, когда присоединялъ къ цѣлому прежнему закону цѣлый новый, тѣмъ болѣе имѣлъ нужду предуготовлять слушателей Своихъ и примѣняться къ ихъ состоянію, чтобы не возмутить ихъ.

По той же причинѣ Онъ и о Своемъ божествѣ не вездѣ
ясно говоритъ. Въ самомъ дѣлѣ, если прибавленіе къ закону такъ 241
возмущало ихъ, то не гораздо ли болѣе возмутило бы ихъ то, когда бы Онъ объявилъ Себя Богомъ? Потому Онъ и говоритъ много такого, что ниже Его божественнаго достоинства. Такъ точно и здѣсь, намѣреваясь восполнить законъ, приступаетъ къ этому съ великою осторожностію. Не довольствуясь тѣмъ, что сказалъ уже разъ: Я не разоряю закона, Онъ повторяетъ то же и въ другой разъ, и притомъ еще съ большею выразительностію. Сказавъ: *не мните, яко пріидохъ разорите*, присовокупляетъ: *не пріидохъ разорити, но исполнити*. Этими словами обуздывается не только безстыдство іудеевъ, но и заграждаются уста еретиковъ, утверждающихъ, что древній законъ произошелъ отъ діавола. Въ самомъ дѣлѣ, если Христосъ пришелъ разрушить власть діавола, то какъ же Онъ не только не разрушаетъ ее, но еще и исполняетъ? Онъ не только сказалъ: не разоряю,—хотя и того было бы довольно,—но еще прибавилъ: исполняю, а это показываетъ, что Онъ не только не противился закону, но еще и одобрялъ его. Но какимъ образомъ, спросишь ты, Онъ не нарушилъ закона? И какъ исполнилъ законъ, или пророковъ? Пророковъ—тѣмъ, что подтвердилъ дѣлами Своими все, что они говорили о Немъ, почему и евангелистъ постоянно говоритъ: *да сбудется реченное пророкомъ*; наприм., когда Онъ родился, когда отроки воспѣли Ему чудную пѣснь, когда возсѣлъ на жребя. Да и во многихъ другихъ случаяхъ Онъ исполнялъ пророчества, которыя всѣ остались бы безъ исполненія, если бы Онъ не пришелъ въ міръ. А законъ исполнилъ не въ одномъ отношеніи, но въ трояколъ. Во-первыхъ, Онъ ни въ чемъ не преступилъ его. Чтобы увѣриться, что Онъ исполнилъ весь законъ, послушай, что Онъ говоритъ Іоанну: *тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Матѳ. III, 15). Равнымъ образомъ и іудеямъ Онъ говорилъ: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ* (Іоан. VIII, 46); также ученикамъ Своимъ: *грядетъ сего*

міра князь, и во Мнѣ не находитъ *ничесоже* (Іоан. XIV, 30). Издревле и пророкъ предсказалъ о Немъ, что Онъ *грѣха не сотвори* (Ис. LIII, 9). Итакъ, вотъ первый способъ, которымъ Онъ исполнилъ законъ. Во-вторыхъ, Онъ исполнилъ законъ за насъ. Поистинѣ, достойно удивленія, что Онъ не только самъ исполнилъ законъ, но и намъ даровалъ его исполненіе, какъ то изъясняетъ Павелъ, говоря, что *кончина закона Христосъ въ правду всякому вѣрующему* (Рим. X, 4), и что Онъ *осудилъ грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ* (Рим. VIII, 3, 4), и въ другомъ мѣстѣ: *законъ ли убо разоряемъ вѣрою? Да не будетъ, но законъ утверждаемъ* (Рим. III, 31). Такъ какъ цѣль закона состояла въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка праведнымъ, чего однакожъ онъ не могъ сдѣлать, то этому назначенію закона удовлетворилъ самъ Господь, нисшедъ на землю и установивъ образъ оправданія чрезъ вѣру. И чего законъ не могъ сдѣлать посредствомъ буквъ, то самъ Христосъ совершилъ чрезъ вѣру,—почему и говоритъ: *не пріидохъ разорити законъ.*

3. Если же кто тщательно будетъ изслѣдовать, то найдетъ еще и третій образъ исполненія закона. Въ чемъ же состоялъ онъ? Въ учрежденіи того закона, который Христосъ имѣлъ дать. Въ самомъ дѣлѣ, Его ученіе не уничтожало прежняго закона, но возвышало и восполняло его. Такъ, напримѣръ, заповѣдь: *не убій* не уничтожается заповѣдію: *не гнѣвайся*; напротивъ, послѣдняя служитъ дополненіемъ и утвержденімъ первой. То же самое должно сказать и о всѣхъ прочихъ. Бросая первыя сѣмена
242 Своего новаго ученія, Христосъ не навлекъ на Себя никакого подозрѣнія; но теперь, когда Онъ началъ сравнивать ветхій законъ съ новымъ, тѣмъ болѣе могъ быть подозрѣваемъ въ противорѣчіи первому, почему предварительно и сказалъ: *не пріидохъ разорити законъ, но исполнити.* Дѣйствительно, заповѣди, предлагаемыя теперь, уже основывались на прежде сказанномъ. Такъ, наприм., слова: *блажени нищіи духомъ* означаютъ то же, что и повелѣніе не гнѣваться; *блажени чистіи сердцемъ*—то же, что и запрещеніе взирать на жену съ вожделѣніемъ; заповѣдь—не скрывать себѣ сокровищъ на землѣ соотвѣтствуетъ словамъ: *блажени милостивіи.* Плакать, претерпѣвать гоненія и поношенія значитъ то же самое, что и входить узкими вратами; алкать и жаждать правды означаетъ не что иное, какъ требованіе, выраженное въ словахъ: *елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ* (Матѳ. VII, 12). Когда Христосъ ублажаетъ миротворца, то высказываетъ почти то же самое, что выражено въ повелѣніи оставить даръ и поспѣшить помириться съ оскорбленнымъ братомъ и согласиться съ соперникомъ. Различіе лишь

въ томъ, что тамъ Христосъ исполняющимъ заповѣди обѣщаетъ награды, а здѣсь преступающимъ ихъ угрожаетъ наказаніемъ. Тамъ говоритъ, что кроткіе наслѣдятъ землю; а здѣсь—что тотъ, кто назоветъ брата своего безумнымъ, будетъ повиненъ геннѣ огненной. Тамъ говоритъ, что чистые сердцемъ узрятъ Бога; а здѣсь—что воззрѣвшій на жену нечистымъ окомъ является уже настоящимъ прелюбодѣемъ. Тамъ миротворцевъ называетъ сынами Божіими; а здѣсь—немиролюбивыхъ устрашаетъ словами: *да не предастъ тебе соперникъ судіи*. Тамъ плачущихъ и претерпѣвающихъ гоненія называетъ блаженными; а здѣсь, подтверждая то же самое, угрожаетъ гибелью тѣмъ, кто не идетъ этимъ путемъ,—такъ какъ, говоритъ, идущіе широкимъ путемъ погибаютъ. Также и слова: *не можете Богу работати и мамонѣ* (Матѳ. VI, 24), кажется мнѣ, сходны съ изреченіемъ: *блажени милостивіи* и: *жаждущіи правды*. Но здѣсь, какъ я и выше замѣтилъ, Господь намѣревается прежде сказанное изложить яснѣе, и не только яснѣе, но еще съ дополненіями. Такъ, наприм., Онъ не только повелѣваетъ быть милостивымъ, но еще отдавать съ себя и срачицу; не только быть кроткимъ, но хотящему ударить въ ланиту подставить и другую. Потому-то, чтобы предотвратить мнимое противорѣчіе, Онъ и говоритъ, что пришелъ не разрушить законъ, и повторяетъ это, какъ и прежде я сказалъ, не однажды, но два раза, сказавши: *не мните, яко пріидохъ разорити*, присовокупляетъ: *не пріидохъ разорити, но исполнити*. Далѣе говоритъ: *аминь глаголю вамъ, дондеже прейдетъ небо и земля, іота едина, или едина черта не прейдетъ отъ закона, дондеже вся будутъ* (ст. 18). Слова эти имѣютъ такой смыслъ: невозможно, чтобы законъ остался безъ исполненія, но и малѣйшая черта его должна быть выполнена, что и доказалъ Господь Своимъ примѣромъ, во всей точности исполнивши законъ. Здѣсь также Онъ даетъ намъ разумѣть, что и весь міръ долженъ принять иной видъ. Не безъ причины Онъ сказалъ такъ, но съ тою цѣлію, чтобы возвысить духъ слушателя и показать, что Онъ праведно поступаетъ, учреждая новыя правила жизни; если вся тварь должна принять новый видъ, то и родъ человѣческій долженъ быть призванъ къ другому отечеству—къ образу жизни высшей. *Иже*
аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человѣки, 243
мній наречется въ царствіи небеснѣмъ (ст. 19). Устранивъ отъ Себя всякое подозрѣніе и заградивъ уста тѣхъ, кто вздумалъ бы противорѣчить, Господь начинаетъ уже возбуждать страхъ и предлагать сильныя угрозы для огражденія вводимаго Имъ закона. А что приведенныя слова Его относятся не къ древнимъ заповѣдямъ, но къ тѣмъ, которыя Онъ самъ намѣревался дать,

это видно изъ дальнѣйшаго. *Глаголю бо вамъ*, говоритъ онъ, *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (ст. 20). Если бы Его угрозы относились къ нарушителямъ ветхаго закона, то для чего бы говорить Ему: *аще не избудетъ*? Тѣ, кто дѣлалъ то же, что и фарисеи, безъ сомнѣнія, не могли предъ ними имѣть никакого преимущества въ праведной жизни. Въ чемъ же состояло это преимущество? Въ томъ, чтобы не гнѣваться, не смотрѣть на жену любострастнымъ окомъ.

4. Почему же Онъ называетъ эти новыя заповѣди малыми, когда онѣ такъ важны и высоки? Потому, что Онъ самъ хотѣлъ дать этотъ законъ. Какъ Онъ смирилъ Себя самого, и во многихъ мѣстахъ говоритъ о Себѣ скромно,—такъ говоритъ и о законѣ Своемъ, научая этимъ и насъ всегда быть скромными. Притомъ же, такъ какъ Его могли подозрѣвать въ нововведеніи, то Онъ до времени и употребляетъ смиренный образъ выраженія. А когда ты слышишь слова: *меньшій въ царствіи небеснамъ*, то разумѣй не иное что, какъ геенну, или мученіе. Царствіемъ Онъ называетъ не только наслажденіе будущими благами, но и время воскресенія и страшное второе пришествіе. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли, чтобы тотъ, кто назоветъ брата своего глупымъ, и нарушитъ одну заповѣдь, былъ ввerженъ въ геену, а кто нарушитъ весь законъ и другихъ доведетъ до того же, будетъ находиться въ царствіи? Не это, слѣдовательно, разумѣется здѣсь, но то, что нарушитель закона въ то время будетъ меньшимъ, т. е. отверженнымъ, послѣднимъ; а послѣдній, безъ сомнѣнія, вверженъ будетъ тогда въ геенну. Будучи Богомъ, Христосъ предвидѣлъ безпечность многихъ, предвидѣлъ, что нѣкоторые примутъ слова Его за преувеличеніе, и будутъ умствовать о законѣ такъ: „неужели тотъ будетъ наказанъ, кто назоветъ брата своего глупымъ? Неужели тотъ прелюбодѣй, кто только посмотритъ на жену?“ Предотвращая такое небреженіе къ закону, Онъ и произноситъ страшную угрозу противъ тѣхъ и другихъ, т. е. и противъ нарушителей закона, и противъ тѣхъ, которые другихъ доводятъ до этого. Зная такія угрозы, потщимся и сами не нарушать закона, и не будемъ ослаблять ревности другихъ, желающихъ блюсти его. *А иже сотворитъ и научитъ, велій наречется* (ст. 19). Мы должны быть полезны не только для самихъ себя, но и для другихъ; не одинаковую награду получаетъ тотъ, кто только самъ добродѣтеленъ, и тотъ, кто ведетъ съ собою къ тому же и другого. Какъ ученіе, не оправдываемое дѣлами, осуждаетъ учащаго (*научая инаго*, говоритъ апостолъ, *себе ли не учиши* [Римл. п, 21]), такъ и добрыя дѣла, если мы не будемъ

въ то же время руководить и другихъ, получаютъ меньшую награду. Итакъ, въ томъ и другомъ надобно быть совершеннымъ; исправивъ прежде самого себя, должно приложить стараніе и о другихъ. Потому-то и самъ Христосъ поставилъ прежде дѣла, а потомъ ученіе, показывая, что только такимъ образомъ можно учить съ успѣхомъ; въ противоположномъ же случаѣ скажутъ: ***врачу, исцѣлися самъ*** (Лук. IV, 23). Въ самомъ дѣлѣ, если кто, будучи не въ состояніи научить себя самого, вздумаетъ исправлять другихъ, тотъ сдѣлается для многихъ предметомъ посмѣя- 244
нія; вѣрнѣе же—онъ совсѣмъ не въ состояніи будетъ учить, такъ какъ дѣла его будутъ противорѣчить его ученію. А если онъ будетъ совершенъ въ томъ и другомъ, то ***велій наречется въ царствіи небеснѣмъ. Глаголю бо вамъ, аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное*** (ст. 20). Здѣсь подъ словомъ: ***правда*** разумѣетъ Онъ вообще добродѣтель, какъ и въ повѣствованіи объ Іовѣ сказано: ***и бѣ человѣкъ непороченъ, праведенъ*** (Іов. I, 1). Въ такомъ же смыслѣ и апостолъ Павелъ праведникомъ называетъ того, для котораго, по словамъ его, и законъ не положенъ: ***праведнику законъ не лежитъ*** (1 Тим. I, 9). Да и во многихъ другихъ мѣстахъ можно видѣть, что слово это употребляется для означенія вообще добродѣтели. Изъ словъ Христа ты можешь, между прочимъ, видѣть, какъ пріумножилась благодать, если Христосъ желаетъ, чтобы ученики Его, едва вступившіе на путь правды, были лучше учителей ветхозавѣтныхъ. Говоря о книжникахъ и фарисеяхъ, Онъ не разумѣетъ преступающихъ законъ, но исполняющихъ его. Если бы это были люди, не исполняющіе закона, то Онъ не сказалъ бы объ ихъ правдѣ, и правду, которой нѣтъ, не сталъ бы сравнивать съ правдою существующею. Замѣть еще здѣсь и то, какъ Онъ подтверждаетъ существованіе древней правды, сравнивая ее съ новою; а это показываетъ, что та и другая—сродны между собою, такъ какъ больше ли, меньше ли правда, но все-таки правда. Итакъ, Христосъ не хулитъ древней правды, а хочетъ возвысить ее. Въ самомъ дѣлѣ, если бы она была худа, то Онъ не сталъ бы требовать высшей, не сталъ бы усовершать ее, но просто отвергъ бы. Но, скажешь ты, если она въ самомъ дѣлѣ такова, отчего же нынѣ не вводитъ въ царствіе? Она не вводитъ тѣхъ, которые живутъ послѣ пришествія Христова, такъ какъ они, получивши большую силу, должны оказать и болѣе подвиговъ; питомцевъ же своихъ вводитъ всѣхъ. ***Мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ***, говоритъ Господь, ***и возлягутъ въ нѣдрахъ Авраама, и Исаака, и Іакова*** (Матѳ. VIII, 11). Такъ извѣстно, что Лазарь, удостоившійся великихъ наградъ, находится въ нѣдрахъ Авраама. И вообще всѣ, особенно

просіявшіе въ ветхомъ завѣтѣ, просіяли этою правдою. И самъ Христосъ, пришедши въ міръ, не исполнилъ бы этой правды всецѣло, если бы она была худа и не сродна съ новою. Если бы Онъ дѣлалъ это только для того, чтобы привлечь іудеевъ, а не для того, чтобы показать ея сродство и согласіе съ новою, то почему не исполнилъ Онъ законовъ и обычаевъ эллинскихъ, чтобы привлечь къ Себѣ эллиновъ?

5. Все это показываетъ, что ветхозавѣтная правда не потому не вводитъ въ царство, что она худа, но потому, что настало время заповѣдей высшихъ. Если она и несовершеннѣе новой, то и отсюда не слѣдуетъ, чтобы она была худа; иначе на томъ же основаніи можно было бы сказать то же самое и о новой правдѣ. Вѣдь и ея знаніе—въ сравненіи съ будущимъ—есть знаніе отчасти, несовершенное, и когда наступитъ совершенное, упразднится: *егда бо пріидетъ*, говоритъ Писаніе, *совершенное, тогда еже отъ части упразднится* (1 Кор. XIII, 10). Это-то и случилось съ древнею правдою по введеніи новой. Однако, изъ-за этого мы не будемъ охуждать настоящей правды. Хотя она и уступитъ мѣсто новой, когда мы достигнемъ царствія,—такъ какъ тогда, по Писанію, *еже отъ части, упразднится*,—но все же мы называемъ ее великою. Итакъ, когда Господь обѣщаетъ намъ и высшія награды, и большую силу отъ Духа (Свя-
245 таго), то по справедливости требуетъ и большихъ подвиговъ. Здѣсь обѣщается уже не земля, текущая млекомъ и медомъ, не маститая старость, не многочадіе, не хлѣбъ и вино, не стада овецъ и воловъ; но—небо и блага небесныя, усыновленіе и братство съ Единороднымъ, соучастіе въ наслѣдіи, въ славѣ и царствованіи, и другія безчисленныя награды. А что мы удостоились и большей помощи, это видно изъ слѣдующихъ словъ ап. Павла: *ни едино убо нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходящимъ, но по духу. Законъ бо духа жизни свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (Римл. VIII, 1, 2). Такимъ образомъ, изрекши угрозы противъ преступающихъ законъ, и обѣщавъ великія награды исполняющимъ его, показавъ затѣмъ, что по праву требуетъ отъ насъ болѣе прежняго, Христосъ начинаетъ наконецъ предлагать новый законъ,—притомъ не просто, но сравнивая его съ постановленіями древняго закона. Такимъ сравненіемъ Онъ хотѣлъ показать, во-первыхъ, что Его законоположеніе не противорѣчитъ прежнему, но весьма согласно съ нимъ; во-вторыхъ, что Онъ справедливо и весьма благовременно къ древнему закону присоединяетъ новый. Чтобы это было для насъ очевиднѣе, выслушаемъ самыя слова Законодателя. Что же Онъ говоритъ? *Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши*

(ст. 21). Хотя Онъ самъ далъ эту заповѣдь, но пока говоритъ объ этомъ безлично. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы Онъ сказалъ: вы слышали, что Я говорилъ древнимъ,—то слушатели не приняли бы такихъ словъ и оскорбились бы ими. Если бы сказалъ также: вы слышали, что сказано древнимъ отъ Отца Моего, а потомъ присовокупилъ бы: *Азъ же глаголю*, то слова Его показались бы имъ великою самонадѣянностію. Поэтому Онъ просто говоритъ: *речено бысть*, имѣя Своею цѣлію показать только то, что Онъ въ надлежащее время говоритъ объ этомъ. Изъ словъ: *речено бысть древнимъ* видно было, что уже много времени протекло съ тѣхъ поръ, какъ іудеи получили эту заповѣдь. А это Онъ дѣлаетъ для того, чтобы пристыдить слушателя, отказывающагося отъ исполненія высшихъ заповѣдей; подобно, какъ бы учитель говорилъ лѣнивому ребенку: и ты не знаешь, сколько потерялъ времени учась складамъ? То же давалъ разумѣть и Христосъ, когда упоминалъ о древнихъ. Желая призвать слушателей уже къ высшему ученію, Онъ какъ бы такъ говоритъ: уже довольно времени вы занимались этимъ; пора, наконецъ, перейти и къ высшему! Достойно замѣчанія и то, что Господь не смѣшиваетъ порядка заповѣдей, но начинаетъ съ первой, которою начинается и законъ; и это показываетъ согласіе Его ученія съ закономъ. *Азъ же глаголю вамъ, яко гнѣвайся на брата своего всуе, повиненъ будетъ суду* (Матѳ. v, 22). Видишь ли власть совершенную? Видишь ли образъ дѣйствія, приличествующій Законодателю? Кто такъ говорилъ когда-нибудь изъ пророковъ? Кто изъ праведниковъ? Кто изъ патріарховъ? Никто. *Сія глаголетъ Господь*, говорили они. Но не такъ говоритъ Сынъ. Тѣ возвѣщали слова Владыки, а Онъ слова Отца Своего; слова же Отца суть вмѣстѣ слова и Сына: *Моя—Твоя суть, и Твоя—Моя* (Іоан. xvii, 10), говоритъ Христосъ. Тѣ давали законъ подобнымъ себѣ рабамъ, а Онъ—рабамъ Своимъ. Теперь спросимъ тѣхъ, которые отвергаютъ законъ: заповѣдь—*не гнѣвайся* противорѣчитъ ли заповѣди—*не убій*? Или, напротивъ, она есть усовершенствованіе и подтвержденіе послѣдней? Очевидно, что первая служитъ дополненіемъ второй, а потому и важнѣе ея. Кто не пре- 246
дается гнѣву, тотъ, безъ сомнѣнія, не рѣшится на убійство; кто обуздываетъ гнѣвъ свой, тотъ, конечно, не дастъ воли рукамъ своимъ. Корень убійства есть гнѣвъ. Поэтому, кто исторгаетъ корень, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ отсѣкать и вѣтви, или—лучше—онъ не дастъ имъ и возникнуть.

6. Итакъ, не для нарушенія древняго закона, но для бóльшаго сохраненія его Христосъ далъ законъ новый. Въ самомъ дѣлѣ, съ какою цѣлію древній законъ предписывалъ эту заповѣдь?

Не съ тою ли, чтобы никто не убивалъ ближняго своего? Итакъ, возстававшему противъ закона надлежало бы позволить убійство, потому что заповѣди—*не убій* противоположно позволеніе убивать. Когда же Христосъ запрещаетъ даже и гнѣваться, то тѣмъ еще болѣе утверждаетъ то, чего требовалъ законъ, потому что не такъ удобно воздержаться отъ убійства человѣку, имѣющему въ мысляхъ только то, чтобы не убивать, какъ тому, кто истребилъ и самый гнѣвъ. Этотъ послѣдній гораздо болѣе удаленъ отъ такого поступка. Но чтобы и другимъ образомъ опровергнуть нашихъ противниковъ, разсмотримъ всѣ ихъ возраженія. Что же они говорятъ? Они говорятъ, что Богъ, сотворившій міръ, повелѣвающій солнцу сіять на злыхъ и добрыхъ, посылающій дождь на праведныхъ и неправедныхъ, есть какое-то существо злое. А умѣреннѣйшіе изъ нихъ, хотя этого не утверждаютъ, но, называя Бога правосуднымъ, не признаютъ Его благимъ. Даютъ Христу другого какого-то отца, котораго и нѣтъ, и который ничего не сотворилъ. Богъ, котораго они называютъ не благимъ, пребываетъ въ своей области, и сохраняетъ принадлежащее ему; а Богъ благій входитъ въ чужую область, и безъ всякаго основанія хочетъ сдѣлаться спасителемъ того, чего не былъ творцомъ. Видишь ли, какъ чада діавола говорятъ по наученію отца своего, признавая твореніе чуждымъ Богу, вопреки словамъ Іоанна: *во своя пріиде*, и: *міръ Тѣмъ бысть* (Іоанн. I, 10, 11). Далѣе, разсматривая древній законъ, который повелѣваетъ исторгать око за око и зубъ за зубъ, тотчасъ возражаютъ: какъ можетъ быть благимъ Тотъ, Который говоритъ это? Что же мы отвѣтимъ имъ? То, что это, напротивъ, есть величайшій знакъ человѣколюбія Божія. Не для того Онъ постановилъ такой законъ, чтобы мы исторгали глаза другъ у друга, но чтобы не причиняли зла другимъ, опасаясь потерпѣть то же самое и отъ нихъ. Подобно тому, какъ, угрожая погибелію ниневитянамъ, Онъ не хотѣлъ ихъ погубить (вѣдь еслибъ Онъ хотѣлъ этого, то Ему надлежало бы умолчать), но хотѣлъ только, внушивъ страхъ, сдѣлать ихъ лучшими, дабы оставить гнѣвъ Свой,—такъ точно и тѣмъ, которые такъ дерзки, что готовы выколоть у другихъ глаза, опредѣлилъ наказаніе съ тою цѣлію, чтобы по крайней мѣрѣ страхъ препятствовалъ имъ отнимать зрѣніе у ближнихъ, если они по доброй волѣ не захотятъ удержаться отъ этой жестокости. Если бы это была жестокость, то жестокостію было бы и то, что запрещается убійство, возбраняется прелюбодѣяніе. Но такъ говорить могутъ только сумасшедшіе, дошедшіе до послѣдней степени безумія. А я столько страшусь назвать эти постановленія жестокими, что противное имъ почелъ бы дѣломъ беззаконнымъ, судя по

здравому человѣческому смыслу. Ты говоришь, что Богъ жестокъ потому, что повелѣлъ исторгать око за око; а я скажу, что когда бы Онъ не далъ такого повелѣнія, тогда бы справедливѣе многіе могли почесть Его такимъ, какимъ ты Его называешь. Положимъ, что всякій законъ утратилъ свое значеніе, и никто не страшится опредѣленнаго имъ наказанія, — что всѣмъ злодѣямъ, и прелюбодѣямъ, и убійцамъ, и ворамъ, и клятвопреступникамъ, и отцеубійцамъ—предоставлена свобода жить безъ всякаго страха по своимъ склонностямъ: не низвратится ли тогда все, не наполнятся ли безчисленными злодѣяніями и убійствами города, торжища, домы, земля, море и вся вселенная? Это вся- 247
кому очевидно. Если и при существованіи законовъ, при страхѣ и угрозахъ, злыя намѣренія едва удерживаются, то, когда бы отнята была и эта преграда, что тогда препятствовало бы людямъ рѣшаться на зло? Какія бѣдствія не вторглись бы тогда въ жизнь человѣческую? Не то только жестокость, когда злымъ позволяютъ дѣлать, что хотятъ, но и то, когда человѣка, не учинившаго никакой несправедливости, и страдающаго невинно, оставляютъ безъ всякой защиты. Скажи мнѣ, если бы кто-нибудь, собравъ отвсюду злыхъ людей и вооруживши ихъ мечами, приказалъ имъ ходить по всему городу и убивать всѣхъ встрѣчныхъ,—могло ли бы что-нибудь быть безчеловѣчнѣе этого? Напротивъ, если бы кто-нибудь другой связалъ этихъ вооруженныхъ людей и силою заключилъ ихъ въ темницу, а тѣхъ, которымъ угрожала смерть, исхитилъ бы изъ рукъ беззаконниковъ,—можетъ ли быть что-нибудь человѣколюбивѣе этого? Теперь примѣни эти примѣры и къ закону. Повелѣвающій исторгать око за око налагаетъ этотъ страхъ, какъ нѣкія крѣпкія узы, на души порочныхъ, и уподобляется человѣку, связавшему вооруженныхъ злодѣевъ; а кто не опредѣлилъ бы никакого наказанія преступникамъ, тотъ вооружилъ бы ихъ безстрашіемъ, и былъ бы подобенъ человѣку, который роздалъ злодѣямъ мечи и разослалъ ихъ по всему городу.

7. Видишь ли, что заповѣди Божіи не только не жестоки, но еще исполнены и великаго человѣколюбія? Если же ты за это называешь Законодателя жестокимъ и тяжкимъ, то скажи мнѣ, что труднѣе и тягостнѣе—не убивать, или даже и не гнѣваться? Кто болѣе строгъ, тотъ ли, кто опредѣляетъ наказаніе за человѣкоубійство, или тотъ, кто налагаетъ его даже и за гнѣвъ? Тотъ ли, кто караетъ прелюбодѣя по совершеніи грѣха, или тотъ, кто за самое вожделѣніе подвергаетъ наказанію, и наказанію вѣчному? Видите, какъ мы дошли до заключенія, совершенно противнаго лжеумствованіямъ еретиковъ! Богъ древняго

закона, называемый ими жестокимъ, оказывается кроткимъ и милостивымъ; Богъ же новаго закона, признаваемый ими за благого, представляется, по ихъ безумію, строгимъ и жестокимъ. Но мы исповѣдуемъ единаго Законодателя въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, Который все устроилъ, какъ нужно было, и по различію самыхъ временъ постановилъ и два различные закона. Итакъ, ни ветхозавѣтныя заповѣди не были жестоки, ни новозавѣтныя не обременительны и не тягостны; но и тѣ и другія показываютъ одинаковую попечительность и любовь. А что и ветхій законъ далъ самъ Богъ, послушай, какъ говоритъ объ этомъ пророкъ, или лучше сказать—что говоритъ самъ Онъ въ лицѣ пророка: *завѣщаю вамъ завѣтъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ* (Іерем. XXXI, 31, 32). Если же кто, зараженный нечестіемъ Манихейскимъ, не принимаетъ этихъ словъ, тотъ пусть послушаетъ Павла, который говоритъ то же самое: *Авраамъ два сына имѣ, единаго отъ рабы, а другаго отъ свободныя. Сія бо еста два завѣта* (Гал. IV, 22). Какъ тамъ двѣ различныя жены, но мужъ ихъ одинъ, такъ и здѣсь—два завѣта, но Законодатель одинъ. А чтобы ты зналъ, что въ томъ и другомъ открывается одно и то же человѣколюбіе, для этого тамъ Онъ сказалъ: *око за око*, а здѣсь: *аще тя кто ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. VI, 39). Какъ тамъ Онъ отклоняетъ человѣка отъ обиды страхомъ наказанія, такъ равно и здѣсь. Какимъ же это образомъ, скажешь
248 ты, когда Онъ повелѣваетъ обратить и другую ланиту? Ну такъ чтожъ изъ этого? Давая такую заповѣдь, Онъ не освобождаетъ отъ страха, а повелѣваетъ только дать ему свободу вполнѣ удовлетворить свой гнѣвъ. Господь не говоритъ, что оскорбляющій останется безъ наказанія, но только не велитъ тебѣ самому его наказывать, и такимъ образомъ, какъ на того, кто ударилъ, наводитъ большій страхъ, если онъ пребудетъ во гнѣвѣ, такъ утѣшаетъ и того, кто получилъ ударъ. Но все это я говорилъ, разсуждая такъ сказать мимоходомъ о всѣхъ вообще заповѣдяхъ. Теперь надобно обратиться къ нашему предмету, и изъяснить все вышесказанное по порядку. *Гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ будетъ суду*, говоритъ Христосъ. Этими словами Онъ не устраняетъ гнѣвъ совершенно: во-первыхъ, потому, что человѣкъ не можетъ быть свободенъ отъ страстей; онъ можетъ сдерживать ихъ, но совершенно не имѣть ихъ не властенъ; во-вторыхъ, потому, что страсть гнѣва можетъ быть и полезна, если только мы умѣемъ пользоваться ею въ надлежащее время. Посмотри, напримѣръ, сколько добра произвелъ гнѣвъ Павла противъ коринѳянъ. Онъ избавилъ ихъ отъ великаго вреда. Равнымъ образомъ, посредствомъ гнѣва же обратилъ онъ и отпадшій народъ гала-

тійскій, и многихъ другихъ. Когда же бываетъ приличное время для гнѣва? Тогда, когда мы не за себя самихъ отмщаемъ, но обуздываемъ дерзкихъ, и обращаемъ на прямой путь безпечныхъ. А когда гнѣвъ неумѣстенъ? Тогда, когда мы гнѣваемся, чтобы отмстить за самихъ себя, что запрещаетъ и апостолъ Павелъ, говоря: *не себе отмщающе, возлюбленніи, но дадите мѣсто гнѣву* (Рим. XII, 19); когда ссоримся изъ-за денегъ, чего тоже апостолъ не позволяетъ, говоря: *почто не паче обидими есте; почто не паче лишени бываете* (1 Кор. VI, 7)? Какъ этотъ послѣдній гнѣвъ излишенъ, такъ первый нуженъ и полезенъ. Но многіе поступаютъ наоборотъ. Они приходятъ въ ярость, когда обижаютъ ихъ самихъ, но остаются холодны и малодушествуютъ, когда видятъ, какъ подвергается обидѣ другой. То и другое противно законамъ евангельскимъ. Итакъ, не гнѣвъ собственно есть нарушеніе закона, но гнѣвъ неблаговременный, почему и пророкъ сказалъ: *гнѣвайтеся и не согрѣшайте* (Псал. IV, 5). *Иже аще речетъ брату своему: рака, повиненъ будетъ сонмищу.* Сонмищемъ здѣсь Господь называетъ судилище еврейское. Онъ упоминаетъ о немъ теперь для того, чтобы не подумали, что Онъ во всемъ вводитъ новое и небывалое. Слово—*рака* не составляетъ большой обиды; оно выражаетъ только нѣкоторое презрѣніе или неуваженіе со стороны того, кто его произноситъ. Подобно тому какъ мы, приказывая что-нибудь слугамъ и другимъ низкаго состоянія людямъ, говоримъ: пойди ты туда, скажи ты тому-то; такъ точно и говорящіе сирскимъ языкомъ употребляютъ слово—*рака* вмѣсто слова—*ты*. Но человѣколюбивый Богъ, чтобы предотвратить большія обиды, хочетъ прекратить и самыя малыя, повелѣвая намъ во взаимномъ обращеніи соблюдать приличіе и надлежащее другъ къ другу уваженіе. *Иже аще речетъ брату своему: уроде, повиненъ будетъ гееннѣ огненнѣй.* Для многихъ эта заповѣдь кажется тяжкою и неудобоисполнимою, потому что кажется невозможнымъ, чтобы мы за одно простое слово подверглись столь великому наказанію; и нѣкоторые полагаютъ, что это сказано скорѣе гиперболически. Но я страшусь, какъ бы намъ за то, что будемъ обольщать себя такими словами здѣсь, не потерпѣть жесточайшаго наказанія на самомъ дѣлѣ тамъ.

8. Почему, въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, эта заповѣдь кажется тебѣ тяжкою? Развѣ ты, не знаешь, что большая часть грѣховъ и наказаній происходятъ отъ словъ? Чрезъ слова проис- 249
ходятъ хулы, чрезъ слова—отреченіе отъ Бога, ругательства, обиды, клятвопреступленія, лжесвидѣтельства и убійства. Итакъ, не смотри на то, что тутъ только одно слово, но разбери, не влечетъ ли оно за собою великой опасности. Или не знаешь, что во

время ссоры, когда возгорается гнѣвъ и душа воспламеняется, и самая ничтожная мелочь представляется чѣмъ-то великимъ, и не очень обидное слово кажется нестерпимымъ? Такія мелочи весьма часто порождаютъ убійства и разрушаютъ цѣлые города. Какъ дружба и тяжкое дѣлаетъ легкимъ, такъ, напротивъ, вражда и малое превращаетъ въ несносное, и хотя бы что сказано было просто, во враждѣ представляется, что это сказано съ злымъ намѣреніемъ. Доколѣ огонь заключается въ малой искрѣ, до тѣхъ поръ, сколько бы ни прикладывали къ ней дровъ, онѣ не загорятся; но когда пламя разгорится и поднимается высоко, то пожираетъ съ легкостью не только дрова, но даже камни и всякое другое вещество, какое только ни бросятъ въ него, даже и то, чѣмъ обычно гасятъ огонь, теперь еще болѣе воспламеняетъ его. (Тогда, какъ говорятъ нѣкоторые, не только дрова, ленъ и другія удобосгараемыя вещества, но и самая вода, которую льютъ на огонь, увеличиваетъ его силу). Такъ и при гнѣвѣ, всякое слово тотчасъ обращается въ пищу этого злого огня. Чтобы предотвратить все это, Христосъ и подвергаетъ гнѣвающагося напрасно суду, говоря: *гнѣваяйся повиненъ* будетъ *суду;* а того, кто скажетъ— *рака*, предаетъ суду сонмища. Но эти наказанія еще не такъ велики, потому что они совершаются здѣсь. Но тому, кто назоветъ другого уродомъ, Онъ угрожаетъ огнемъ геенскимъ. Здѣсь въ первый разъ Христосъ употребляетъ слово: *геенна*. Сначала Онъ бесѣдовалъ о царствѣ, а потомъ упоминаетъ и о гееннѣ, показывая, что перваго мы удостоиваемся по Его человѣколюбію и волѣ, а въ послѣднюю ввергаемъ себя по своей безпечности. Смотри, какъ постепенно Онъ переходитъ отъ малыхъ наказаній къ большимъ, и тѣмъ какъ бы защищаетъ Себя предъ тобою, показывая, что Онъ самъ вовсе не хотѣлъ бы употреблять подобныхъ угрозъ, но что мы сами заставляемъ Его произносить такіе приговоры. Я сказалъ тебѣ, говоритъ Онъ, не гнѣвайся напрасно, потому что повиненъ будешь суду. Ты пренебрегъ этимъ первымъ предостереженіемъ. Смотри же, что̀ породилъ гнѣвъ твой! Онъ тотчасъ заставилъ тебя оскорбить другого. Ты сказалъ брату своему: *рака*. За это Я подвергъ тебя еще другому наказанію—суду сонмища. Если ты, презрѣвши и это, простреешь далѣе свою наглость, то Я не стану болѣе налагать на тебя такихъ умѣренныхъ наказаній, но подвергну тебя вѣчному мученію геенскому, чтобы ты наконецъ не покусился и на убійство. Подлинно ничто, ничто не бываетъ такъ несносно, какъ оскорбленіе, ничто столько не угрызаетъ душу человѣческую; а чѣмъ язвительнѣе слова обидныя, тѣмъ сильнѣйшій возгорается огонь. Итакъ, не почитай за маловажное назы-

вать другого уродомъ (безумнымъ). Когда ты отнимаешь у брата своего то, чѣмъ мы отличаемся отъ безсловесныхъ, и что преимущественно дѣлаетъ насъ людьми, т. е. умъ и разсудокъ, ты чрезъ это лишаешь его всякаго благородства. Итакъ, не на слова только должны мы обращать вниманіе, но и на самое дѣло и на страсть, представляя то, какой ударъ нанести можетъ слово, и какое причинить зло. Вотъ почему и Павелъ извергаетъ изъ царствія не только прелюбодѣевъ и блудниковъ, но и обидчиковъ. И весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, обидчикъ разоряетъ благо, созидаемое любовію, подвергаетъ ближняго безчисленнымъ бѣдствіямъ, производитъ непрестанныя вражды, разры- 250
ваетъ члены Христовы, ежедневно изгоняетъ любезный Богу миръ, и своими ругательствами уготовляетъ діаволу просторное жилище, и способствуетъ его усиленію. Потому и Христосъ, чтобы ослабить крѣпость его, постановилъ этотъ законъ. Онъ имѣетъ великое попеченіе о любви, поскольку любовь есть мать всѣхъ благъ, есть отличительный признакъ Его учениковъ; она одна содержитъ въ себѣ всѣ наши совершенства. Поэтому Христосъ справедливо съ такою силою истребляетъ самые корни и источники вражды, разрушающей любовь. Итакъ, не думай, чтобы въ словахъ Христовыхъ было преувеличеніе; но, размысливъ, какія отъ этихъ постановленій происходятъ блага, удивляйся ихъ кротости. Вѣдь Богъ ни о чемъ такъ не печется, какъ о томъ, чтобы мы жили въ единеніи и союзѣ между собою. Потому-то Господь и самъ, и чрезъ Своихъ учениковъ, какъ въ новомъ, такъ и ветхомъ завѣтѣ, много говоритъ объ этой заповѣди, и показываетъ Себя строгимъ мстителемъ и карателемъ за пренебреженіе ею. Ничто столько не способствуетъ ко введенію и укорененію всякаго зла, какъ истребленіе любви, почему и сказано: когда умножится беззаконіе, *изсякнетъ любы многихъ* (Матѳ. XXIV, 12). Такъ Каинъ сдѣлался братоубійцею; такъ предались жестокости Исавъ и братья Іосифовы; такъ безчисленное множество золъ вторглось въ міръ отъ разрыва любви. Потому-то Христосъ со всею заботливостью истребляетъ все то, что разрушаетъ любовь.

9. Но не останавливаясь на этомъ, Господь присовокупляетъ къ сказанному еще новыя наставленія, изъ которыхъ видно, сколько Онъ печется о любви. Прежде Онъ угрожалъ сонмищемъ, судомъ и геенною, а теперь предлагаетъ новыя правила, согласныя съ прежними, говоря такъ: *аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Матѳ. V, 23, 24). О, бла-

гость! О, неизглаголанное человѣколюбіе! Господь повелѣваетъ, чтобы поклоненіе Ему оставлено было ради любви къ ближнему, и тѣмъ показываетъ, что и прежнія Его угрозы происходили не отъ непріязненности или желанія наказывать, но отъ избытка любви. Какая кротость можетъ сравниться съ тою, которая выражается въ этихъ словахъ? Пусть, говоритъ Онъ, прервется служеніе Мнѣ, только бы сохранилась твоя любовь, потому что и то жертва, когда кто примиряется съ братомъ. Потому-то Онъ не говоритъ: примирись по принесеніи, или прежде принесенія дара; но посылаетъ примириться съ братомъ, когда даръ лежитъ предъ олтаремъ, и жертвоприношеніе уже начато. Не велитъ взять съ собою принесенный даръ, не говоритъ: примирись прежде, нежели принесешь его; но повелѣваетъ бѣжать къ брату, оставивъ даръ предъ олтаремъ. Для чего повелѣваетъ Онъ такъ поступить? Какъ мнѣ кажется, Онъ имѣлъ двоякую цѣль: во-первыхъ, какъ я уже сказалъ, Онъ хотѣлъ показать, что высоко цѣнитъ любовь, и почитаетъ ее величайшею жертвою, и безъ нея не принимаетъ и жертвы вещественной; во-вторыхъ, хотѣлъ поставить въ необходимую обязанность примиреніе съ ближнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кому велѣно принести даръ не прежде, какъ
251 примирившись, конечно поспѣшитъ придти къ оскорбленному и прекратитъ вражду, если не по любви къ ближнему, то по крайней мѣрѣ для того, чтобы жертвоприношеніе не осталось напраснымъ. Для того Господь каждому слову и придаетъ особенную выразительность, устрашая и побуждая приносящаго. Въ самомъ дѣлѣ, не сказалъ Онъ только: *остави даръ твой*, но присовокупилъ: *предъ олтаремъ*, чтобы напоминаніемъ о священномъ мѣстѣ привести его въ страхъ; не сказалъ только: *шедъ*, но присовокупилъ: *прежде, и тогда пришедъ принеси даръ твой*. Чрезъ все это Онъ показываетъ, что трапеза Господня не допускаетъ къ себѣ враждующихъ другъ противъ друга. Да слышатъ это посвященные въ таинства, но со враждою приступающіе къ олтарю; да слышатъ и непосвященные, потому что и къ нимъ относится это слово! И они вѣдь приносятъ даръ и жертву, т. е. молитву и милостыню; а что и это есть жертва, послушай, какъ говоритъ объ этомъ пророкъ: *жертва хвалы прославитъ мя;* и еще: *пожри Богови жертву хвалы* (Псал. XLIX, 23, 14); и въ другомъ мѣстѣ: *воздѣяніе руку моею, жертва вечерняя* (CXL, 2). Итакъ, если ты принесешь и молитву съ непріязненнымъ расположеніемъ, то лучше тебѣ оставить ее, и пойти примириться съ братомъ, и тогда уже совершить молитву. Для того вѣдь все и устроено было, для того и Богъ содѣлался человѣкомъ, и совершилъ все дѣло искупленія, чтобы насъ собрать во едино. Здѣсь Христосъ посылаетъ оби-

дѣвшаго къ обиженному, а научая молитвѣ, ведетъ обиженнаго къ обидѣвшему, и примиряетъ ихъ; здѣсь говоритъ: *аще братъ твой имать нѣчто на тя, иди къ нему*, а тамъ говоритъ: *отпускайте человѣкамъ долги ихъ* (Матѳ. VI, 14). Впрочемъ и здѣсь, мнѣ кажется, Онъ посылаетъ обиженнаго, потому что не говоритъ: попроси брата твоего, чтобы онъ примирился съ тобою, но просто—*примирись*. И хотя повидимому рѣчь здѣсь обращена къ оскорбившему, но все относится къ оскорбленному. Если ты, говоритъ Онъ, примиришься съ нимъ изъ любви къ нему, то и Я буду къ тебѣ милостивъ, и ты можешь приносить жертву съ полнымъ дерзновеніемъ. Если же гнѣвъ еще пылаетъ къ тебѣ, то представь, что Я самъ охотно соглашаюсь на то, чтобы ты оставилъ на время жертву, только бы вамъ сдѣлаться друзьями. Пусть же это укротитъ гнѣвъ твой. Притомъ Онъ не сказалъ: помирись, когда ты сильно обиженъ; но: сдѣлай это и тогда, когда оскорбленіе будетъ маловажно,—*аще имать нѣчто на тя*. И не сказалъ также: когда ты гнѣваешься справедливо, или несправедливо; но просто: *аще имать нѣчто на тя*,—хотя бы даже гнѣвъ твой былъ справедливъ, и тогда не должно питать вражды. Такъ и Христосъ, не взирая на то, что гнѣвъ Его противъ насъ былъ праведенъ, предалъ Себя самого за насъ на закланіе, не вмѣняя намъ грѣховъ нашихъ.

10. Потому и Павелъ, другимъ образомъ побуждая насъ къ примиренію, сказалъ: *солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ* (Ефес. IV, 26). Какъ Христосъ побуждаетъ насъ къ примиренію, указывая время жертвы, такъ и Павелъ увѣщеваетъ насъ къ тому же самому, указывая на время дня. Онъ страшится ночи, опасаясь, чтобы она, застигши въ уединеніи человѣка, терзаемаго гнѣвомъ, еще болѣе не растравила его раны. Въ продолженіе дня многіе могутъ и отвлекать и отторгать насъ отъ гнѣва, а ночью, когда человѣкъ остается одинъ и вдается въ думы, волны вздымаются сильнѣе и буря свирѣпствуетъ съ большею яростію. Предупреждая это, Павелъ и хочетъ, чтобы мы примирившись встрѣчали ночь, чтобы діаволъ не воспользовался нашимъ уединеніемъ, и не разжегъ сильнѣе пещь гнѣва. Подобнымъ образомъ и Христосъ не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства, чтобы, по совершеніи жертвы, принесшій ее не сдѣлался безпечнѣе, и не 252
сталъ бы отлагать примиренія со дня на день. Онъ зналъ, что эту страсть надобно погашать какъ можно скорѣе. Какъ мудрый врачъ предлагаетъ не только предохраняющія отъ болѣзни средства, но и служащія къ ея измѣненію, такъ поступаетъ и Христосъ. Запрещеніе называть другого безумнымъ есть врачество, предохраняющее отъ вражды; а повелѣніе примириться съ ближ-

нимъ служитъ къ удаленію болѣзней, возникающихъ послѣ вражды. Смотри, съ какою строгостію Онъ предписываетъ исполнять то и другое. Тамъ угрожаетъ геенною; а здѣсь прежде примиренія не хочетъ принять и дара, и тѣмъ показываетъ, какъ великъ гнѣвъ Его противъ враждующихъ. Такимъ образомъ Онъ исторгаетъ и корень и плодъ его. Сперва говоритъ: *не гнѣвайся*; а потомъ—*не произноси ругательныхъ словъ*, поскольку одно усиливается другимъ—отъ вражды возрастаетъ ругательство, отъ ругательства вражда. Потому-то Онъ сперва истребляетъ корень, а потомъ и плодъ, не даетъ возникнуть злу въ самомъ началѣ; если оно уже возростаетъ и приноситъ пагубный плодъ, то сжигаетъ его совершенно. Съ тою же цѣлью, вслѣдъ за упоминаніемъ о судѣ, сонмищѣ, гееннѣ, и наставленіемъ касательно принесенія жертвы, Христосъ присовокупляетъ еще слѣдующее: *буди увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ* (Матѳ. v. 25). Не говори: что же мнѣ дѣлать, если меня обижаютъ, если отнимаютъ отъ меня имущество и влекутъ меня на судъ? Христосъ и въ такомъ случаѣ запрещаетъ питать вражду, отнимая всякій къ тому поводъ и предлогъ. Такъ какъ это повелѣніе было особенно важно, то Господь убѣждаетъ къ исполненію его указаніемъ не на будущія блага, а на настоящія выгоды, которыя скорѣе могутъ обуздывать грубыхъ людей, чѣмъ обѣщанія будущаго. Ты говоришь: онъ меня сильнѣе и причиняетъ мнѣ обиду? Но не причинитъ ли онъ тебѣ еще больше вреда, если ты не примиришься съ нимъ и принужденъ будешь идти въ темницу? Примирившись, ты уступишь имѣніе, но за то тѣло твое будетъ свободно; а когда подвергнешь себя приговору судіи, то будешь связанъ и понесешь жесточайшее наказаніе. Если же ты избѣжишь этой распри, то пріобрѣтешь двоякую пользу: во-первыхъ, ты не потерпишь никакой непріятности; во-вторыхъ, это будетъ уже твоя добродѣтель, а не слѣдствіе принужденія. Если же ты не хочешь внять моимъ увѣщаніямъ, то не столько причинишь вреда сопернику, сколько себѣ. Смотри, какъ Христосъ и здѣсь убѣждаетъ тебя скорѣе примириться. Сказавъ: *буди увѣщаваяся съ соперникомъ твоимъ*, присовокупляетъ—*скоро*. Но не довольствуясь и этимъ, Онъ предлагаетъ новое побужденіе искать скорѣйшаго примиренія, говоря: *дондеже еси на пути съ нимъ*, чтобы чрезъ все это сильнѣе склонить тебя и понудить къ прекращенію ссоры. Въ самомъ дѣлѣ, ничто столько не нарушаетъ порядка въ нашей жизни, какъ наша медлительность и постоянныя отстрочки при совершеніи добрыхъ дѣлъ. Такая медлительность часто бываетъ причиною того, что мы всего лишаемся. Потому-то, какъ Павелъ говоритъ: прежде нежели зайдетъ солнцо,

прекрати вражду, и выше самъ Христосъ увѣщеваетъ: прежде нежели принесешь даръ, примирись,—такъ и здѣсь Онъ побуждаетъ къ тому же, говоря: *скоро, дондеже еси на пути съ нимъ*,—пока еще не дошелъ ты до дверей судилища, пока не предсталъ предъ судію и не оказался въ концѣ концовъ въ его власти. До тѣхъ поръ, пока ты не взошелъ въ судъ, ты полный господинъ надъ собою; но какъ скоро переступишь за его порогъ, ты уже подневольный другого, и сколько бы ни усиливался, не можешь уже располагать собою, какъ хочешь. Что же значитъ: *буди увѣщаваяся*? Это значитъ или то, чтобы ты согласился лучше потерпѣть обиду, или то, чтобы ты смотрѣлъ на дѣло, поставивъ себя на мѣстѣ твоего соперника, чтобы по самолюбію не нарушить 253
справедливости, но разсуждая о своемъ дѣлѣ, какъ о чужомъ, произнести безпристрастный приговоръ. Если тебѣ кажется это слишкомъ великимъ, то не удивляйся. Христосъ для того вѣдь и предвозвѣстилъ всѣ извѣстныя уже блаженства, чтобы, угладивши путь и предуготовивъ душу слушателя, сдѣлать ее способнѣйшею къ принятію всѣхъ этихъ законовъ.

11. Нѣкоторые говорятъ, что Господь подъ именемъ соперника разумѣетъ діавола, и не велитъ имѣть съ нимъ никакого дѣла; что и означаютъ будто бы слова: *буди увѣщаваяся*, поскольку отъ діавола не возможно уже избавиться по отшествіи изъ этой жизни, когда мы подвергнемся неизбѣжному наказанію. Но мнѣ кажется, что Онъ говоритъ о судіяхъ, о пути въ судъ и о темницѣ, какія мы видимъ здѣсь. На ряду съ побужденіями, взятыми отъ высшаго и будущаго, Христосъ устрашаетъ насъ и тѣмъ, что бываетъ въ настоящей жизни. Такъ поступаетъ и Павелъ, убѣждая слушателя представленіемъ не только будущаго, но и настоящаго. Такъ, чтобъ отвесть отъ зла, онъ представляетъ дѣлающему зло человѣку начальника съ мечемъ: *аще ли зло твориши*, говоритъ онъ, *бойся; не бо безъ ума мечъ носитъ: Божій бо слуга есть* (Римлян. XIII, 4). Равнымъ образомъ, предписывая повиноваться начальнику, онъ представляетъ побужденіемъ не только страхъ Божій, но и угрозы начальника, и его о насъ заботы: *тѣмже*, говоритъ онъ, *потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть* (тамъ же, ст. 5). На людей грубыхъ, какъ я уже сказалъ, обыкновенно больше дѣйствуетъ то, что находится предъ ихъ глазами и подъ ногами. Потому и Христосъ упомянулъ не только о геённѣ, но и о судѣ, о заключеніи въ темницу, и о всѣхъ бѣдствіяхъ заключенія, желая чрезъ все это истребить самый корень убійства. Кто не произноситъ ругательныхъ словъ, не хочетъ судиться и не усиливаетъ вражды, тотъ можетъ ли покуситься на убійство? Такимъ образомъ и отсюда видно, что съ пользою ближняго сопряжена

и наша польза. Примиряющійся съ своимъ соперникомъ гораздо больше самъ получитъ пользы, потому что избавится отъ судилища, темницы и всѣхъ бѣдствій заключенія. Итакъ, примемъ къ сердцу эти наставленія, и не будемъ производить ни споровъ, ни ссоръ, и тѣмъ болѣе, что данныя повелѣнія еще прежде будущихъ наградъ приносятъ съ собою удовольствіе и пользу. Ежели же для многихъ это кажется слишкомъ тягостнымъ и труднымъ, то пусть они помыслятъ, что дѣлаютъ это для Христа, и тогда тяжкое сдѣлается пріятнымъ. Если мы будемъ постоянно держаться этой мысли, то не почувствуемъ никакой тягости, но все будетъ приносить намъ великое удовольствіе: самый трудъ не покажется уже трудомъ, напротивъ—чѣмъ болѣе станетъ умножаться, тѣмъ болѣе сдѣлается пріятнымъ и сладостнымъ.

Итакъ, когда злой навыкъ или страсть къ любостяжанію будетъ сильно обольщать тебя, вооружись противъ нихъ этою мыслію: презрѣвши временное удовольствіе, я получу великую награду. Скажи душѣ своей: ты скорбишь о томъ, что я лишаю тебя удовольствія; но радуйся, потому что я готовлю для тебя небо. Ты трудишься не для человѣка, но для Бога; потерпи же немного, и ты увидишь, какая произойдетъ отсюда польза; пребудь твердою въ жизни настоящей, и ты получишь неизреченную свободу. Если такимъ образомъ будемъ бесѣдовать съ душою,
254 если будемъ представлять не одну тягость добродѣтели, но и вѣнецъ ея, то скоро отвлечемъ ее отъ всякаго зла. Діаволъ обѣщаетъ намъ удовольствіе временное, а скорбь уготовляетъ нескончаемую, и не смотря на то преодолѣваетъ насъ и побѣждаетъ; а Богъ, напротивъ, требуетъ отъ насъ труда временнаго, и обѣщаетъ сладость и пользу вѣчную: чѣмъ же мы оправдаемся, если послѣ такого утѣшенія не послѣдуемъ добродѣтели? Вмѣсто всѣхъ иныхъ побужденій и мысли о цѣли трудовъ, для насъ довольно одной лишь твердой увѣренности, что все это мы переносимъ для Бога. Если тотъ, кто имѣетъ царя должникомъ своимъ, почитаетъ себя счастливымъ и безопаснымъ на всю жизнь, то представь, какъ счастливъ долженъ быть тотъ, кто своими добрыми дѣлами, и малыми и великими, сдѣлалъ должникомъ своимъ человѣколюбиваго Бога, всегда живущаго! Итакъ, не говори мнѣ о тяжести трудовъ и подвиговъ. Богъ облегчилъ для насъ подвигъ добродѣтели не одною только надеждою на будущія блага, но и другимъ способамъ, т. е. всегдашнимъ Своимъ содѣйствіемъ и помощію. Тебѣ стоитъ только оказать хотя малое усердіе, и все прочее послѣдуетъ само собою. Онъ для того требуетъ отъ тебя хотя малыхъ трудовъ, чтобы и тебѣ вмѣнена была побѣда. Какъ царь повелѣваетъ сыну своему стоять въ строю, и быть на виду—

для того, чтобы ему приписать побѣду, а между тѣмъ самъ управляетъ всѣмъ ходомъ сраженія, такъ и Богъ поступаетъ въ войнѣ нашей противъ діавола. Онъ требуетъ отъ тебя только того, чтобы ты рѣшительно объявилъ себя врагомъ діавола, и если ты это сдѣлаешь, то всю войну Онъ самъ уже окончитъ. Воспламеняется ли въ тебѣ гнѣвъ, или ненасытное желаніе богатства, появляется ли другая какая-либо мучительная страсть,— Онъ, какъ скоро увидитъ тебя ополчающимся и готовымъ на брань, тотчасъ дѣлаетъ все легкимъ, и поставляетъ выше пламени страстей, подобно тому, какъ и отроковъ въ пещи Вавилонской, которые точно также ничего не показали болѣе, кромѣ готовности терпѣть. Итакъ, чтобы и намъ здѣсь утушить горящую пещь безпорядочнаго удовольствія, а тамъ избѣжать геенны, будемъ ежедневно того только желать, о томъ стараться и пещись, чтобъ усердіемъ къ добру и непрестанными молитвами привлечь къ себѣ Божіе благоволеніе. Тогда все то, что теперь кажется намъ несноснымъ, будетъ совершенно удобно, легко и вожделѣнно. Пока мы увлекаемся страстями, до тѣхъ поръ добродѣтель почитаемъ трудною, неудобною и неприступною, а порокъ любезнымъ и пріятнымъ. Но какъ скоро хотя немного станемъ избѣгать грѣховъ, порокъ будетъ намъ казаться гнуснымъ и безобразнымъ, а добродѣтель легкою, удобною и любезною. Въ этомъ могутъ насъ увѣрить примѣры тѣхъ, которые исправили жизнь свою. Послушай, какъ стыдились своихъ пороковъ (римляне), даже и тогда, когда отъ нихъ избавились, какъ свидѣтельствуетъ Павелъ: *кій убо тогда имѣсте плодъ, о нихже нынѣ стыдитеся* (Рим. VI, 21); а добродѣтель, не смотря на понесенные труды, называетъ онъ пріятною, скорбь мгновенною и трудъ легкимъ, радуется въ страданіяхъ, веселится въ скорбяхъ и хвалится тѣми язвами, которыя пріемлетъ за Христа. Итакъ, чтобы и намъ достигнуть такого состоянія, будемъ ежедневно устроять жизнь свою согласно съ наставленіями Господа, которыя мы слышали, и, забывая задняя, будемъ простираться въ предняя, и стремиться къ почести вышняго званія, чего всѣ мы да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVII.

255 **Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ** (v, 27, 28).

1. Раскрывъ во всей полнотѣ первую заповѣдь и возведши ее къ высшему началу духовной жизни, Спаситель, въ порядкѣ постепенности, переходитъ затѣмъ и ко второй заповѣди, слѣдуя и въ этомъ случаѣ порядку заповѣдей древняго закона. Но, быть можетъ, кто скажетъ, что это не вторая, а третья заповѣдь. Да и самая заповѣдь—*не убій* не есть первая. Первая заповѣдь—*Господь Богъ твой, Господь единъ есть.* Въ виду этого можно спросить: почему Спаситель началъ Свое ученіе не съ этой заповѣди? Итакъ почему же? Потому, что если бы началъ съ первой заповѣди, Ему надлежало бы ее раскрыть съ большею полнотою, а слѣдовательно пришлось бы говорить и о Себѣ самомъ. Между тѣмъ предлагать подробное ученіе о Себѣ самомъ было еще не время. Кромѣ того, до извѣстнаго времени Онъ предлагалъ только нравственное ученіе, желая и Своими наставленіями, и Своими чудесами напередъ убѣдить слушателей, что Онъ есть Сынъ Божій. Въ противномъ случаѣ, если бы Онъ прежде, чѣмъ преподать нравственное ученіе и совершить чудеса, сказалъ: „вы слышали, что сказано было древнимъ: Я Господь Богъ твой, и кромѣ Меня нѣтъ другого Бога; а Я говорю вамъ, что и Мнѣ должны воздавать такое же поклоненіе, какъ Ему", то Онъ всѣхъ бы заставилъ только смотрѣть на Себя, какъ на бѣснующагося. Если и послѣ Его проповѣди и многихъ знаменій, называли Его бѣснующимся, когда Онъ говорилъ о Своемъ богоравенствѣ даже прикровенно, то чего бы не сказали, чего бы не выдумали, если бы Онъ въ самомъ началѣ рѣшился сказать что-либо о Себѣ самомъ, какъ о Богѣ? Между тѣмъ, сохранивъ ученіе о божествѣ Своемъ до удобнаго времени, Онъ тѣмъ самымъ для многихъ сдѣлалъ это ученіе удобопріемлемымъ. Вотъ почему Спаситель теперь и умолчалъ о немъ. Онъ сперва расположилъ къ нему слушателей знаменіями и высочайшимъ нравственнымъ ученіемъ, а потомъ уже и на словахъ открыто выразилъ его. Итакъ, теперь Онъ открываетъ его мало-по-малу—совершеніемъ знаменій и самымъ образомъ ученія. Предписывая заповѣди и восполняя законъ съ божественною властію, Онъ тѣмъ самымъ постепенно возводилъ внимательнаго и благоразумнаго слушателя и къ уразумѣнію догмата о божествѣ Своемъ. Евангелистъ говоритъ, что слуша-

тели дивились Его ученію, потому что Онъ училъ не какъ ихъ книжники (Матѳ. VII, 29; Мрк. I, 22). Итакъ, начавъ съ главныхъ нашихъ страстей, т. е. гнѣва и пожеланія (поскольку эти страсти сильнѣе въ насъ дѣйствуютъ и болѣе другихъ свойственны намъ, Спаситель съ великою властію, подобающею законодателю, исправилъ понятіе о нихъ и со всею точностью опредѣлилъ ихъ сущность. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ не сказалъ, что только любодѣй наказывается; но что Онъ сказалъ касательно *убивающаго*, тоже говоритъ и здѣсь, назначая наказаніе и за любострастный взоръ, чтобы показать, въ чемъ состоитъ превосходство Его предъ книжниками. *Воззрѣвый на жену*, говоритъ Онъ, *ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ*, т. е. кто привыкъ засматриваться на тѣлесную красоту, уловлять прелестные взоры, услаждать такимъ зрѣлищемъ свою душу и не сводить глазъ съ миловидныхъ лицъ, тотъ уже любодѣйствуетъ. Христосъ пришелъ избавить отъ злыхъ дѣлъ не только тѣло, но еще болѣе 256
душу. Такъ какъ благодать Духа Святаго мы принимаемъ въ сердце, то Спаситель прежде всего его и очищаетъ. Но какъ, скажешь, возможно освободиться отъ пожеланія? Если только пожелаемъ, то очень возможно и его умертвить и сдѣлать недѣйствительнымъ. Впрочемъ, Христосъ запрещаетъ здѣсь не всякое пожеланіе, но пожеланіе, рождающееся въ насъ отъ воззрѣнія на женъ. Кто любитъ смотрѣть на красивыя лица, тотъ больше всего самъ возжигаетъ въ себѣ пламя страсти, и дѣлая душу плѣнницею страсти, скоро затѣмъ приступаетъ и къ совершенію пожеланія. Потому-то Христосъ и не сказалъ: кто *вожделѣетъ, ко еже любодѣйствовати*, но—*иже воззритъ, ко еже вожделѣти*. Когда Онъ говорилъ о гнѣвѣ, то дѣлалъ нѣкоторое ограниченіе словомъ: *всуе* и *напрасно*. А говоря о пожеланіи, не употребилъ подобнаго ограниченія, но всецѣло воспретилъ пожеланіе,—хотя гнѣвъ и пожеланіе равно намъ врожденны, и не безъ цѣли находятся въ насъ, именно—гнѣвъ для того, чтобы намъ наказывать злыхъ и исправлять безпорядочно ведущихъ себя, а пожеланіе для того, чтобы намъ рождать дѣтей, и такимъ образомъ преемственно сохранять родъ нашъ.

2. Итакъ, почему же Спаситель и здѣсь не употребилъ ограниченія? Если углубимъ вниманіе, то и здѣсь найдемъ весьма большое ограниченіе. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ не просто сказалъ: кто пожелаетъ,—потому что можно желать и сидя въ горахъ,—но: *иже воззритъ, ко еже вожделѣти*, то есть, кто самъ воспламеняетъ въ себѣ пожеланіе, кто безъ всякаго принужденія вводитъ этого звѣря въ спокойное свое сердце. Это уже происходитъ не отъ природы, но отъ нерадѣнія. Такое пожеланіе возбраняется и

въ ветхомъ законѣ, когда говорится: *не назирай чуждыя доброты* (Сирах. IX, 8). Далѣе, чтобы кто не сказалъ: какая бѣда, если я посмотрю, но не буду увлеченъ страстію?—Христосъ угрожаетъ наказаніемъ и за самое такое воззрѣніе, чтобы ты, слишкомъ надѣясь на себя самого, не впалъ такимъ образомъ послѣ въ грѣхъ. Но великій ли грѣхъ, скажешь ты, если я посмотрю и пожелаю, но ничего худого не сдѣлаю? Нѣтъ; и въ этомъ случаѣ ты равняешься съ любодѣями. Такъ опредѣлилъ Законодатель, и ты не долженъ болѣе любопытствовать. Когда ты посмотришь такъ одинъ, два, три раза, то, быть можетъ, еще въ состояніи будешь преодолѣть страсть; но если постоянно будешь дѣлать и возжжешь пламень страсти, то непремѣнно будешь побѣжденъ ею, потому что ты не выше природы человѣческой. Подобно тому какъ мы, видя дитя, держащее ножъ хотя и безъ вреда для себя, наказываемъ его за это и запрещаемъ впредь прикасаться къ нему, такъ и Богъ запрещаетъ страстное воззрѣніе еще прежде дѣйствительнаго преступленія, чтобы намъ когда-либо не впасть въ самое преступленіе. Кто однажды возжегъ въ себѣ страстное пламя, тотъ и въ отсутствіе видѣнной имъ женщины безпрестанно строитъ въ воображеніи образы постыдныхъ дѣлъ, а отъ нихъ часто переходитъ и къ самому дѣйствію. Поэтому Христосъ запрещаетъ и любодѣйное движеніе сердца. Итакъ, что скажутъ тѣ, которые имѣютъ у себя сожительницами дѣвицъ? Они, по опредѣленію закона, виновны въ безчисленномъ множествѣ прелюбодѣяній, потому что ежедневно смотрятъ на нихъ съ вожделѣніемъ. Потому-то и блаженный Іовъ положилъ себѣ главнымъ закономъ никогда не позволять себѣ такого *воззрѣнія* (Іов. XXXI, 1). Дѣйствительно, когда по-
257 смотришь на женщину, то уже труднѣе воздержаться отъ наслажденія тою, которую любишь. Притомъ удовольствіе, получаемое нами отъ воззрѣнія, не такъ велико, какъ великъ вредъ, претерпѣваемый нами отъ усиливающагося пожеланія; такимъ образомъ мы сами усиливаемъ нашего противника, даемъ больше свободы діаволу, такъ что оказываемся уже не въ состояніи отразить его, если впустимъ его внутрь себя и откроемъ для него свое сердце. Поэтому-то Спаситель и говоритъ: не прелюбодѣйствуй глазами,—тогда не будешь прелюбодѣйствовать и сердцемъ. Можно смотрѣть на женщинъ и иначе,—именно такъ, какъ смотрятъ цѣломудренные. Поэтому-то и Спаситель не вовсе запретилъ смотрѣть на женъ, но только смотрѣть на нихъ съ вожделѣніемъ. А если бы Онъ не имѣлъ такого намѣренія, то сказалъ бы просто: кто воззритъ на жену; но Онъ сказалъ не такъ, а: *иже воззритъ, ко еже вожделѣти*, то есть, кто взглянетъ

для того, чтобы усладить взоръ свой. Не для того Богъ создалъ тебѣ глаза, чтобы ты дѣлалъ ихъ орудіемъ прелюбодѣянія, но для того, чтобы, взирая на Его творенія, благоговѣлъ предъ Творцемъ. Какъ можно гнѣваться всуе, такъ можно и смотрѣть всуе,—именно, когда смотришь съ вожделѣніемъ. Если хочешь смотрѣть и услаждаться взоромъ, то смотри постоянно на свою жену и люби ее: этого не воспрещаетъ никакой законъ. Если же ты будешь назирать чужую красоту, то оскорбишь и жену свою, отвращая отъ нея глаза свои, и ту, на которую смотришь, такъ какъ касаешься ея вопреки закону. Пусть ты не коснулся ея рукою; но ты коснулся своими глазами. Вотъ почему и такой поступокъ признается прелюбодѣяніемъ и прежде будущаго мученія еще и въ настоящей жизни повергаетъ человѣка немалому наказанію. Въ самомъ дѣлѣ, вся внутренность наполняется безпокойствомъ и смущеніемъ, поднимается великая буря, возникаетъ ужасная болѣзнь, и участь человѣка, претерпѣвающаго все это, ничѣмъ не лучше участи плѣнныхъ и заключенныхъ въ оковы. Притомъ нерѣдко та, которая пускаетъ смертоносную стрѣлу, удаляется отъ пораженнаго, а рана остается надолго; или справедливѣе, не она поражаетъ тебя стрѣлою, но ты самъ наносишь себѣ смертельную рану, смотря любострастными очами. Говорю это для того, чтобы оправдать цѣломудренныхъ женщинъ. Но если кто изъ нихъ украшаетъ себя для того, чтобы привлечь на себя взоры встрѣчныхъ мужчинъ, такая женщина, хотя бы никого не уязвила своею красотою, подвергнется величайшему наказанію. Она уже приготовила отраву, растворила ядъ, но только никому не успѣла поднести отравленной чаши, или вѣрнѣе,—она уже и подносила эту смертоносную чашу, но только не нашелся желающій выпить ее. Почему же, спросишь ты, Христосъ въ словахъ Своихъ не касается и женщинъ? Потому, что вездѣ Онъ полагаетъ общіе законы, хотя, повидимому, направляетъ ихъ къ однимъ мужчинамъ; говоря въ назиданіе *главѣ*, вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ даетъ наставленіе и всему тѣлу. Онъ знаетъ, что мужъ и жена суть единое существо, почему нигдѣ и не различаетъ пола.

3. Если хочешь послушать обличеніе, касающееся однихъ только женщинъ, то послушай Исаію, который всячески ихъ порицаетъ, осмѣивая и видъ ихъ, и взглядъ, и походку, и стелющіеся хитоны, ихъ игривую поступь и изгибающіяся шеи (Ис. ш, 16). Послушай также и блаженнаго Павла, который предписываетъ имъ многіе законы, и сильно обличаетъ за одежды, за золотыя украшенія, за плетеніе волосъ, за изнѣженность и тому подобное. Да и самъ Христосъ въ дальнѣйшей рѣчи прикровенно высказалъ то

же самое. Когда Онъ повелѣваетъ вырвать и отсѣчь то, что соблазняетъ насъ, то этимъ показываетъ Свой гнѣвъ противъ женъ. Для того и присоединилъ: *аще око твое десное соблажняетъ тя,*
258 *изми е и верзи отъ себе* (ст. 29). Такую заповѣдь Онъ даетъ для того, чтобы ты не сказалъ: почему же не посмотрѣть на женщину, если она моя родственница, или если заставляетъ смотрѣть на нее какая другая необходимость? Давая эту заповѣдь, Христосъ говорилъ не о членахъ,— нѣтъ,—Онъ нигдѣ не осуждаетъ плоть, но вездѣ обвиняетъ развращенную волю. Не глазъ твой смотритъ, а умъ и сердце. Когда душа наша бываетъ обращена на другіе какіе-либо предметы, тогда глазъ часто не видитъ того, что находится предъ нимъ. Слѣдовательно, не все надо приписывать дѣйствію глаза. Если бы Христосъ говорилъ о членахъ, то сказалъ бы не объ одномъ глазѣ, и притомъ не о правомъ только, но объ обоихъ. Вѣдь если кто соблазняется правымъ глазомъ, тотъ безъ сомнѣнія соблазняется и лѣвымъ. Итакъ, почему же Спаситель упомянулъ только о правомъ глазѣ и о правой рукѣ. Чтобы ты зналъ, что рѣчь идетъ не о членахъ, но о людяхъ, имѣющихъ съ нами тѣсную связь. Если ты кого-либо столько любишь, что полагаешься на него какъ на правый свой глазъ, или признаешь его настолько полезнымъ для себя, что считаешь его вмѣсто правой руки своей, и если онъ развращаетъ твою душу, то ты и такого человѣка отсѣки отъ себя. И замѣть здѣсь силу выраженія. Спаситель не сказалъ: отстань; а говоритъ: *изми, и верзи отъ себе,* желая указать на полное удаленіе. Далѣе, такъ какъ Онъ предписалъ заповѣдь довольно строгую, то показываетъ и пользу ея въ обоихъ отношеніяхъ,—въ отношеніи добра и въ отношеніи зла. *Уне бо ти есть,* говоритъ Онъ, продолжая свое иносказаніе, *да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну* (ст. 29). Въ самомъ дѣлѣ, когда близкій тебѣ человѣкъ и себя самого не спасаетъ, и тебя съ собою губитъ, то какое было бы человѣколюбіе — обоимъ вамъ погрязать въ безднѣ погибели, тогда какъ, разлучившись другъ отъ друга, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ васъ можетъ спастись? Какъ же, скажешь, Павелъ желалъ быть отлученъ отъ Христа ради братій своихъ? Апостолъ желалъ этого не безъ пользы, но для того, чтобы другіе спаслись; а здѣсь бываетъ вредъ для обоихъ. Потому Спаситель и не сказалъ только: *изми,* но и: *верзи отъ себе,*—такъ, чтобы уже никогда не возстановлять связи съ другомъ, если онъ останется такимъ же, какъ и прежде. Такимъ образомъ ты и его освободишь отъ большого осужденія, и самого себя избавишь отъ погибели. Чтобы тебѣ яснѣе видѣть пользу такого закона, при-

мѣнимъ, если тебѣ угодно, сказанное для примѣра къ тѣлу. Если бы тебѣ предстояла необходимость избрать одно изъ двухъ: или, сохраняя глазъ, быть вверженнымъ въ ровъ и тамъ погибнуть, или, лишившись глаза, сохранить прочіе члены тѣла,—не согласился ли бы ты на послѣднее условіе? Это для всякаго очевидно. Это не означало бы, что ты не жалѣешь глаза, но что жалѣешь всѣ прочіе члены. Такъ же точно разсуждай о мужчинахъ и женщинахъ. Если другъ твой, который вредитъ тебѣ, будетъ совершенно неизлѣчимъ, то онъ, будучи отъ тебя отсѣченъ, и тебя освободитъ отъ всякаго вреда, и самъ избавится отъ большого осужденія, поскольку онъ, помимо своихъ грѣховъ, уже не будетъ подлежать отвѣтственности и за твою погибель. Видишь ли, какою кротостію и попечительностію исполненъ законъ Христовъ, и какое великое оказывается человѣколюбіе въ мнимой Его строгости? Да слышатъ это тѣ, которые спѣшатъ на зрѣлища, и ежедневно дѣлаютъ себя любодѣями! Если законъ повелѣваетъ намъ отсѣкать отъ себя вреднаго друга, то какое могутъ имѣть извиненіе тѣ, которые на зрѣлищахъ ежедневно привлекаютъ къ себѣ совершенно незнакомыхъ имъ, и сами изобрѣтаютъ безчисленные случаи къ погибели? Итакъ, Спаситель не только не позволяетъ смотрѣть любострастными очами, но, показавъ происходящій отъ этого вредъ, еще болѣе усиливаетъ законъ, повелѣвая намъ соблазняющій членъ вырывать, или отсѣкать, и бросать отъ себя прочь. И
это законополагаетъ Тотъ, Кто тысячу разъ говорилъ о любви, 259
чтобы въ томъ и другомъ случаѣ ты узналъ, какъ велико попеченіе Его о тебѣ, и какъ Онъ всюду ищетъ твоей пользы. *Речено же бысть: яко иже аще пуститъ жену свою, да дастъ ей книгу распустную. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ отпущаяй жену свою развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю любодѣйствовати; и иже пущеницу поиметъ, прелюбодѣйствуетъ* (ст. 31, 32).

4. Къ новому предмету Спаситель переходитъ лишь послѣ того какъ раскроетъ во всей полнотѣ предыдущій. Такъ и въ данномъ случаѣ Онъ показываетъ намъ еще другой видъ прелюбодѣянія. Какой же это? Былъ въ ветхомъ завѣтѣ законъ, который всякому, кто не любитъ жену свою по какой бы то ни было причинѣ, не воспрещалъ отвергать ее, и жениться вмѣсто ея на другой. Впрочемъ, законъ повелѣвалъ дѣлать это не просто, а предписывалъ дать женѣ разводную, чтобы ей нельзя уже было опять возвращаться къ мужу, чтобы сохранить такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, видъ брака. Если бы въ законѣ такого повелѣнія не было, и было бы позволено одну жену отпустить, и взять другую, а потомъ опять возвратить первую, то произошло

бы великое смѣшеніе; тогда всѣ безпрестанно брали бы женъ другъ у друга, и это было бы уже явнымъ прелюбодѣяніемъ. Законодатель оказалъ немалое снисхожденіе, позволивъ давать разводную; но это было сдѣлано для избѣжанія другого, гораздо большаго зла. Въ самомъ дѣлѣ, если бы законъ принуждалъ держать жену и ненавистную, то ненавидѣвшій легко могъ бы убить ее. А народъ іудейскій на это былъ способенъ. Если іудеи не щадили своихъ дѣтей, умерщвляли пророковъ и кровь проливали какъ воду, тѣмъ болѣе они не пощадили бы женъ. Поэтому Законодатель и допустилъ меньшее зло, чтобы пресѣчь большее. А что законъ этотъ былъ не изъ числа первоначальныхъ, послушай, какъ объ этомъ говоритъ Христосъ: Моисей по жестокосердію вашему написалъ это (Матѳ. xix, 8),—то есть, чтобы вы, удерживая у себя женъ, не убивали ихъ, но изгоняли бы отъ себя. Но такъ какъ Спаситель воспретилъ всякій гнѣвъ, запрещая не только убійство, но и всякое негодованіе безъ причины, то Ему легко было теперь упомянуть и о законѣ касательно развода. А приводя всегда слова ветхаго завѣта, Онъ показываетъ тѣмъ, что учитъ не противному, а согласному съ ними, и только усиливаетъ, а не ниспровергаетъ, исправляетъ, а не уничтожаетъ древнее ученіе. Замѣть, опять, какъ Онъ вездѣ обращаетъ рѣчь къ мужу. *Отпущаяй жену свою*, говоритъ Онъ, *творитъ ю прелюбодѣйствовати; и иже пущеницу поиметъ, прелюбодѣйствуетъ.* Первый, хотя бы не взялъ другой жены, дѣлается виновнымъ чрезъ то, что заставляетъ жену свою прелюбодѣйствовать, а другой становится прелюбодѣемъ потому, что взялъ чужую. Не говори мнѣ, что тотъ изгналъ жену, потому что она и изгнанная все-таки остается женою изгнавшаго. Далѣе, чтобы, возложивъ всю вину на изгоняющаго, не сдѣлать чрезъ то жену болѣе наглою, Христосъ заключилъ для нея двери ко вступленію въ бракъ съ другимъ, говоря: *иже пущеницу поиметъ, прелюбодѣйствуетъ.* Устраняя, такимъ образомъ, для отпущенной жены всякую возможность вступленія въ бракъ съ другимъ мужемъ, Христосъ заставляетъ ее, хотя бы противъ желанія, быть цѣломудренною, а тѣмъ самымъ лишаетъ ее и возможности подавать мужу поводъ къ малодушію. Зная, что ей безусловно необходимо или оставаться съ мужемъ, который ей достался сначала, или, по выходѣ изъ его дома, лишиться всякаго прибѣжища, она, хотя бы и противъ воли, но должна будетъ любить своего мужа. Если Спаситель прямо не говоритъ ей объ этомъ, ты не долженъ дивиться. Жена существо слабое. Поэтому-то, не говоря къ ней прямо, Христосъ въ угрозѣ, относящейся къ мужу, внушаетъ и ей не быть легкомысленной. Въ

этомъ случаѣ Онъ поступилъ точно такъ же, какъ если бы кто-нибудь, вмѣсто того, чтобы укорять своего распутнаго сына, 260
сталъ бы обличать тѣхъ, которые дѣлаютъ его таковымъ, и запрещалъ бы имъ быть съ нимъ и приближаться къ нему. Если слова Христовы кажутся для тебя тягостными, то вспомни выше сказанное, гдѣ Спаситель назвалъ блаженными слушающихъ, и ты увидишь, что исполненіе этихъ словъ очень возможно и удобно. Кроткій, миротворецъ, нищій духомъ и милостивый изгонитъ ли жену? Тотъ, кто примиряетъ другихъ, будетъ ли самъ питать вражду къ своей женѣ? Кромѣ того, Христосъ еще и другимъ образомъ законъ Свой касательно развода содѣлалъ легкимъ—именно, позволивъ его только по одной причинѣ: *развѣ словесе прелюбодѣйнаго*. Но и въ этомъ случаѣ Онъ имѣлъ цѣлію то же цѣломудріе. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Онъ позволилъ мужу держать въ своемъ домѣ и такую жену, которая жила со многими, то опять вышло бы прелюбодѣяніе. Видишь ли, какъ эти слова согласны съ высказанными раньше. Въ самомъ дѣлѣ, не взирающій на чужую жену любострастными глазами не учинитъ и блуда; а не учинившій блуда не подастъ мужу случая удалить отъ себя свою жену. Вотъ почему Христосъ весьма строго ограничиваетъ свободу мужа, и внушаетъ ему страхъ, представляя для него великую опасность, если онъ удалитъ жену свою, поскольку въ этомъ случаѣ онъ становится виною ея прелюбодѣянія. И чтобы ты, услышавъ слова: *изми око*, не подумалъ, что это говорится о женѣ, Христосъ благовременно разрѣшилъ такое твое недоумѣніе, позволяя разводиться съ нею исключительно только по причинѣ прелюбодѣянія. *Паки слышасте, яко речено бысть древнимъ: не во лжу кленешися, воздаси же Господеви клятвы твоя. Азъ же глаголю вамъ, не клятися всяко* (ст. 33, 34). Почему же Христосъ перешелъ дальше не къ воровству, а къ лжесвидѣтельству, пройдя молчаніемъ заповѣдь касательно кражи? Потому, что воръ иногда и клянется; а кто не клянется и не лжетъ, тотъ тѣмъ болѣе не захочетъ воровать. Такимъ образомъ данною заповѣдію Христосъ ниспровергаетъ и воровство, потому что ложь раждается отъ воровства. Но что значитъ: *воздаси Господеви клятвы твоя?* Это значитъ, что въ клятвѣ ты долженъ говорить истину: *Азъ же глаголю вамъ, не клятися всяко*.

5. Потомъ, чтобы еще болѣе отвратить слушателей отъ обыкновенія клясться Богомъ, Спаситель говоритъ: не клянитесь *ни небомъ, яко престолъ есть Божій; ни землею, яко подножіе есть ногама Его; ни Іерусалимомъ, яко градъ есть великаго Царя* (ст. 34, 35). Говоря здѣсь словами пророковъ, Христосъ показываетъ, что Онъ не противорѣчитъ древнимъ. Древніе имѣли обыкновеніе

клясться то небомъ, то землею, то Іерусалимомъ; и въ концѣ евангелія показанъ одинъ изъ случаевъ такой обычной клятвы. Далѣе обрати вниманіе на то, почему Господь возвышаетъ указанные предметы? Онъ возвышаетъ ихъ не по собственной ихъ природѣ, но по особенному отношенію къ нимъ самого Бога, сообразно съ нашимъ понятіемъ. Такъ какъ тогда повсюду господствовало идолослуженіе, то, чтобы указанные предметы не показались сами по себѣ достойными уваженія, Спаситель и представилъ ту причину, о которой мы сказали, т. е. выставилъ на видъ славу Божію. Онъ не сказалъ: поелику хорошо и велико небо; не сказалъ: поелику полезна земля; но—поелику небо есть престолъ Божій, земля подножіе,—и такимъ образомъ Своихъ слушателей повсюду побуждалъ къ прославленію Господа. *Ниже главою твоею, яко не можеши власа единаго бѣла, или черна сотворити* (ст. 36). Опять и здѣсь Христосъ запрещаетъ клясться головою
261 не по уваженію къ человѣку, иначе бы и самъ человѣкъ достоинъ былъ поклоненія; усвояя славу Богу, Онъ показываетъ, что ты не властенъ надъ собою, а потому не имѣешь власти и клясться головою. Если никто не согласится отдать сына своего другому, то тѣмъ болѣе Богъ не уступитъ Своего творенія тебѣ. Хотя голова и твоя, но она есть собственность другого, и ты до такой степени не властенъ надъ ней, что не можешь сдѣлать для нея и самомалѣйшаго. Христосъ не сказалъ, что ты не можешь вырастить волоса, но что не можешь даже перемѣнить его качества. Но какъ же быть, скажешь ты, если кто-нибудь требуетъ клятвы, и даже принуждаетъ къ тому? Страхъ къ Богу да будетъ сильнѣе всякаго принужденія. Если ты станешь представлять такіе предлоги, то не сохранишь ни одной заповѣди. Тогда ты и объ женѣ скажешь: что, если она буйна и расточительна? Скажешь и о правомъ глазѣ: а что, если я люблю его и стану разжигаться? Скажешь и о любострастномъ воззрѣніи: ужели мнѣ нельзя и смотрѣть? Равно можешь сказать и о гнѣвѣ на брата: что, если я вспыльчивъ, и не могу удерживать своего языка? Такимъ образомъ тебѣ не трудно будетъ попрать всѣ вышесказанныя заповѣди. Между тѣмъ, касательно законовъ человѣческихъ ты никогда не смѣешь представлять подобныхъ предлоговъ, и говорить: что, если то-то, или то-то?—но волею или неволею, а непремѣнно повинуешься предписанію. Притомъ, что касается разсматриваемой заповѣди, то тебѣ можетъ не представиться и необходимости когда-либо клясться. Кто внялъ ученію о вышесказанныхъ блаженствахъ, и устроилъ себя такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, того всякій будетъ считать достойнымъ почтенія и уваженія, и никто не станетъ принуждать къ клятвѣ.

Буди же слово ваше: ей, ей; ни, ни: лишше же сею отъ непріязни есть (ст. 37). Итакъ, что означаетъ лишнее противъ словъ: *ей* и *ни?* Это означаетъ клятву, а не клятвопреступленіе. Всякому извѣстно, и никому нѣтъ нужды доказывать, что клятвопреступленіе происходитъ отъ непріязни, и не только излишнее дѣло, но и богопротивное, а клятва есть дѣло излишнее и безъ нужды прибавляемое. Итакъ, скажешь, клятва была отъ лукаваго? А если она отъ лукаваго, то почему позволена была закономъ? То же самое ты можешь, однако, сказать и о женѣ: на какомъ основаніи нынѣ почитается любодѣяніемъ то, что прежде было позволительно? Чтожъ на это можно сказать? То, что тогда многое сказано было изъ снисхожденія къ пріемлющимъ законъ. Вѣдь и чтить Бога тукомъ жертвъ столь же недостойно Его, какъ недостойно и философа — пустословить. Нынѣ, когда добродѣтели возрасли, отпущеніе жены вмѣняется въ прелюбодѣяніе, и клятва признается отъ непріязни. А если бы законы касательно развода и клятвы съ начала были законами діавола, то они не были бы столько полезны и дѣйствительны. Съ другой стороны, если бы не предшествовали эти законы, то не такъ бы легко было принято и Христово ученіе о нихъ. Итакъ, нынѣ, когда нужда въ этихъ законахъ миновала, не ищи уже въ нихъ силы. Они нужны были при тогдашнихъ обстоятельствахъ; впрочемъ, ежели угодно, нужны и нынѣ. И нынѣ показывается ихъ сила, и особенно тѣмъ самымъ, что они лишаются у насъ своего значенія. То, что они нынѣ представляются таковыми, служитъ для нихъ величайшею похвалою. Они, конечно, не показались бы намъ таковыми, если бы не воспитали насъ надлежащимъ образомъ, и не сдѣлали способными къ принятію высшихъ законовъ. Сосцы, когда исполнятъ свое дѣло и младенецъ сдѣлается способнымъ вкушать болѣе совершенную пищу, дѣлаются уже безполезными. И родители, которые прежде почитали сосцы необходимыми для своего младенца, дѣлаютъ ихъ предметомъ шутокъ; а многіе не только 262
шутятъ, но и намазываютъ ихъ какимъ-нибудь горькимъ веществомъ, чтобы, если словами не могутъ отучить отъ нихъ младенца, то уже самымъ дѣломъ уничтожить въ немъ расположеніе къ сосцамъ.

6. Такъ и Христосъ, когда сказалъ, что клятва происходитъ отъ непріязни, то сказалъ не потому, будто древній законъ произошелъ отъ діавола, но чтобы сильнѣе отвлечь слушателей отъ древняго несовершенства. Такъ Онъ говорилъ Своимъ ученикамъ. А что касается до безчувственныхъ іудеевъ, нераскаянно пребывающихъ въ своемъ прежнемъ нечестіи, то страхомъ плѣненія, какъ бы нѣкоторою горечью, окруживъ ихъ городъ (Іеру-

салимъ), Онъ сдѣлалъ его для нихъ недоступнымъ. Но такъ какъ и это не могло обуздать ихъ, и они опять, подобно дѣтямъ стремящимся къ сосцамъ, желали видѣть этотъ городъ, то Богъ, наконецъ, сокрылъ его отъ очей ихъ, разрушивъ его и большинство изъ нихъ удаливъ отъ него, подобно какъ удаляютъ тельцовъ отъ матерей ихъ, чтобы со временемъ заставить ихъ отстать отъ прежней привычки къ материнскому молоку. Если бы древній законъ былъ отъ діавола, онъ не отвлекалъ бы отъ идолослуженія, но напротивъ приводилъ бы и повергалъ бы въ него, потому что этого желалъ діаволъ. Но мы видимъ, что древній законъ производилъ противное. И самая клятва въ ветхомъ завѣтѣ потому узаконена, чтобы не клялись идолами. Клянитесь, говоритъ пророкъ, истиннымъ Богомъ (Iерем. IV, 2). Итакъ, древній законъ о клятвѣ доставилъ людямъ не малое, но весьма великое благо. Назначеніе его состояло въ томъ, чтобы они перешли къ твердой пищѣ. Такъ значитъ, скажешь ты, клятва не отъ злого?— Нѣтъ! и весьма даже отъ злого; но только нынѣ, когда открыта намъ самая высокая мудрость, а не тогда. Но какъ можетъ быть, скажешь ты, одно и то же то хорошимъ, то не хорошимъ? А я наоборотъ скажу: какъ одно и то же не можетъ быть хорошимъ и не хорошимъ, когда это неопровержимо доказываютъ всѣ дѣла, искусства, плоды и все прочее? Смотри, какъ это возможно, прежде всего, въ отношеніи къ намъ самимъ. Напримѣръ: быть носиму на рукахъ въ первомъ возрастѣ хорошо, а послѣ вредно. Питаться разжеванною пищею въ младенчествѣ хорошо, а послѣ— отвратительно. Питаться молокомъ и прибѣгать къ сосцамъ въ началѣ полезно и спасительно, а послѣ вредно и опасно. Видишь ли, какъ одно и то же, смотря по времени, хорошо, а послѣ представляется не таковымъ? Носить дѣтскую одежду отроку хорошо, а мужу неприлично. Хочешь ли знать и съ противной стороны, какъ то, что мужу прилично, отроку неприлично? Одѣнь отрока въ одежду человѣка возрастнаго, — будетъ и смѣшно, и опасно для него ходить, потому что онъ часто будетъ запутываться, Поручи ему производство гражданскихъ дѣлъ, поручи торговлю, заставь сѣять и жать, — опять будетъ очень смѣшно. И что я говорю объ этомъ? Самое убійство, всѣми признаваемое за изобрѣтеніе лукаваго, будучи совершено въ приличное время, сдѣлало Финееса, учинившаго его, достойнымъ степени священнической (Числ. XXV). А что убійство есть дѣло діавола, то послушай, что говоритъ самъ Спаситель: *вы* дѣла *отца вашего хощете творити, онъ человѣкоубійца бѣ искони* (Іоан. VIII, 41, 44). Но Финеесъ былъ человѣкоубійца, и—*вмѣнися ему въ правду*, говоритъ Писаніе (Пс. CV, 31). А Авраамъ былъ не только человѣкоубій-

цею, но, что еще хуже, дѣтоубійцею,—и тѣмъ самымъ больше 263
всего благоугодилъ Богу. Равнымъ образомъ и Петръ учинилъ двойное убійство, и однако, это было дѣломъ духовнымъ (Дѣян. v, 1 и слѣд.). Итакъ, не станемъ просто судить о дѣлахъ, но будемъ тщательно вникать во время, причину, намѣреніе, въ различіе лицъ и во всѣ другія обстоятельства, — иначе нельзя дойти и до истины. И если хотимъ достигнуть царствія, то должны стараться показать что-нибудь большее противъ ветхозавѣтныхъ заповѣдей, а иначе нельзя получить небесныхъ благъ. Если мы достигнемъ только въ мѣру возраста ветхозавѣтныхъ, то будемъ стоять внѣ вратъ царствія: *аще не избудетъ правда ваша*, говоритъ Господь, *паче книжникъ и фарисей, не* можете войти *въ царствіе небесное* (Матѳ. v, 20). И однако есть люди, которые, и при такой угрозѣ, не только не превосходятъ древней правды, но даже и ея не имѣютъ. Они не только не избѣгаютъ клятвъ, но и преступаютъ ихъ; не только не остерегаются любострастнаго взгляда, но совершаютъ и самое гнусное дѣйствіе и безумно попираютъ всѣ прочія заповѣди, дожидаясь только одного дня мученія, чтобы понести тогда жесточайшее наказаніе за свои преступленія. Такова только и можетъ быть участь тѣхъ, которые окончили жизнь свою въ нечестіи. Имъ нужно оставить всякія надежды на спасеніе и не ждать ничего, кромѣ наказанія, потому что только находящіеся еще здѣсь удобно могутъ и вступить въ борьбу, и побѣдить, и увѣнчаться.

7. Итакъ, не ослабѣвай, человѣкъ, и не упраздняй добраго расположенія! То, что повелѣвается тебѣ, не тягостно. Скажи мнѣ, какой трудъ избѣгать клятвы? Развѣ нужна тутъ трата денегъ? Развѣ требуются великія усилія и изнуренія? Стоитъ только захотѣть—и все сдѣлано. Если же кто-нибудь представитъ мнѣ въ оправданіе привычку, то я скажу тому, что по этому самому и легко исполнить заповѣдь. Если ты пріобрѣтешь себѣ другую привычку, этимъ все и кончишь. Вспомни, для примѣра, многихъ эллиновъ, какъ одни изъ нихъ, будучи заиками, при усиленномъ стараніи, исправили недостатокъ въ своемъ языкѣ; а другіе отстали отъ привычки постоянно поднимать и дергать безпорядочно плечами, приставляя къ нимъ сверху мечъ. Если вы не убѣждаетесь Писаніемъ, то я вынужденъ, къ стыду вашему, убѣждать васъ примѣромъ язычниковъ. Такъ и Богъ поступалъ съ іудеями, говоря: *пріидите во островы Хеттимъ, и въ Кидаръ послите, и видите, аще премѣниша языцы боги своя, и тіи не суть бози* (Іерем. II, 10, 11). А часто посылаетъ ихъ даже къ безсловеснымъ тварямъ, напр. говоря: *иди ко мравію, о лѣниве, и поревнуй* путямъ его, *и иди ко пчелѣ* (Притч. vi, 6). Такъ и я

теперь скажу вамъ: представьте философовъ языческихъ, и тогда узнаете, какого достойны наказанія тѣ, которые преступаютъ божественные законы. Тѣ ради людского уваженія употребляли безчисленные труды; а вы даже о небесныхъ благахъ не хотите приложить такого же тщанія. Если же и послѣ этого ты скажешь, что привычка сильна, она можетъ обмануть и самыхъ
264 осторожныхъ, то хотя я и согласенъ съ этимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ скажу и то, что привычка такъ же легко можетъ быть исправлена, какъ легко можетъ вводить въ обманъ. Если поставишь надъ собою дома многихъ стражей, наприм., жену, раба, друга, то всѣми побуждаемый и поощряемый легко отстанешь отъ худой привычки. И если займешься этимъ хоть только десять дней, то тебѣ болѣе будетъ и не нужно; все счастливо совершится и устроится у тебя, добрая привычка опять твердо укоренится въ тебѣ. Итакъ, когда начнешь исправлять худую привычку, то хотя бы разъ, хотя бы два, три раза, хотя бы двадцать разъ преступилъ законъ, не отчаивайся; вставай и принимайся опять за тотъ же трудъ—и непремѣнно останешься побѣдителемъ. Клятвопреступленіе есть немаловажное зло. Если и клятва происходитъ отъ злого, то какого наказанія будетъ достойно клятвопреступленіе? Вы хвалите мною сказанное? Но мнѣ не нужны ваши рукоплесканія, громкіе отзывы и похвалы. Я желаю одного только, чтобы вы, съ безмолвіемъ и разумѣніемъ слушая, исполняли слова мои. Это замѣняетъ для меня всякое ваше рукоплесканіе, и всякую вашу похвалу. Если же ты хвалишь сказанное, а не исполняешь того, что хвалишь, то тебѣ это служитъ къ тягчайшему наказанію и большему осужденію, а намъ къ стыду и посмѣянію. Здѣсь не театръ, здѣсь вы смотрите не актеровъ, чтобы только рукоплескать. Здѣсь училище духовное. Потому объ одномъ только и должно стараться, чтобы исполнить сказанное, и дѣлами доказать повиновеніе. Тогда я все получу отъ васъ; а теперь я почти принужденъ въ васъ отчаиваться. Я и частнымъ образомъ приходящихъ ко мнѣ не переставалъ увѣщевать въ томъ, о чемъ говорю теперь, и въ общемъ собраніи непрестанно объ этомъ бесѣдовалъ съ вами, и однако не вижу никакого плода: вы все еще держитесь только первыхъ началъ; а это можетъ привести учащаго въ великое уныніе. Посмотри, какъ и Павелъ скорбѣлъ отъ того, что его слушатели долгое время оставались на низшей степени ученія. *Должни суще быти учители лѣтъ ради*, говоритъ онъ, *паки требуете учитися, кая писмена начала словесъ Божіихъ* (Евр. v, 12). Потому и я плачу, и сердечно болѣзную. И если еще увижу васъ неуспѣвающими, то запрещу вамъ наконецъ и приступать къ этимъ священнымъ вратамъ и

пріобщаться безсмертныхъ таинъ, подобно блудникамъ, прелюбодѣямъ и обвиняемымъ въ убійствахъ. Лучше вѣдь съ двумя или тремя хранящими законъ Божій возносить обычныя молитвы, нежели собирать множество беззаконниковъ, которые развращаютъ другихъ. Пусть же не гордится, пусть не надмевается здѣсь ни одинъ богачъ, ни одинъ вельможа. Все это для меня басни, тѣнь и сновидѣніе. Тамъ, за гробомъ, нынѣшній богачъ не защититъ меня, когда я буду обвиняемъ и принуждаемъ давать отчетъ, почему не съ надлежащею ревностію защищалъ законы Божіи. Это-то именно погубило и знаменитаго старца первосвященника Илія; хотя онъ самъ велъ жизнь безукоризненную, тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ дѣтьми своими потерпѣлъ страшное наказаніе за то, что небрегъ о попираемыхъ законахъ Божіихъ. Если же и родственныя узы не могли освободить отъ вины, если даже отецъ, который не съ надлежащею строгостію
поступалъ съ своими дѣтьми, подвергся столь тяжкой казни, то 265—6
какое будемъ имѣть извиненіе мы, которые, будучи свободны отъ такихъ узъ, портимъ все своимъ послабленіемъ? Итакъ, чтобы не погубить вамъ и меня и себя, то прошу васъ: послушайтесь моего наставленія и, приставивъ къ себѣ многихъ наблюдателей и совѣтниковъ, оставьте привычку къ клятвамъ,—чтобы вы, начавши съ этого, могли упражняться съ полнымъ успѣхомъ и въ другихъ добродѣтеляхъ и насладились будущими благами, которыя всѣ мы да сподобимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

**Слышасте, яко речено бысть: око за око, и зубъ за 265
зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще кто тя ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую; и хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу (v, 40).**

1. Видишь ли, что Спаситель, предписывая выше заповѣдь вырывать соблазняющее око, разумѣлъ не самое око, но такого человѣка, который дружбою своею наноситъ намъ вредъ и ввергаетъ насъ въ ровъ погибели? Въ самомъ дѣлѣ, если здѣсь Онъ предлагаетъ столь высокое правило, что не позволяетъ вырвать око даже у того, кто вырвалъ бы его у насъ, то могъ ли Онъ повелѣть кому-либо вырвать око у себя самого? Если же кто

порицаетъ ветхій законъ за то, что въ немъ предписывается воздавать такую месть, тотъ, по моему мнѣнію, вовсе не имѣетъ понятія о свойственной Законодателю мудрости, не соображается съ обстоятельствами времени, и не знаетъ, какъ иногда полезно бываетъ снисхожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, если ты размыслишь, кто были слышавшіе это повелѣніе, каково было расположеніе ихъ духа, и въ какое время они приняли этотъ законъ, то признаешь мудрость Законодателя и увидишь, что какъ законъ о мщеніи, такъ и законъ о незлобіи даны однимъ и тѣмъ же Законодателемъ, и оба предписаны вполнѣ своевременно и съ величайшею пользою. Еслибъ эти высокія и великія заповѣди Законодатель предложилъ съ самаго начала, то люди не приняли бы ни этихъ заповѣдей, ни прежнихъ. Теперь же, тѣ и другія предложивъ въ приличное время, Онъ исправилъ ими всю вселенную. Съ другой стороны, Законодатель предписалъ—*око за око* не для того, чтобы мы другъ у друга вырывали глаза, но чтобы удерживали руки свои отъ обидъ; вѣдь угроза, заставляющая страшиться наказанія, обуздываетъ стремленіе къ дѣламъ преступнымъ. Такимъ образомъ Законодатель мало-по-малу посѣеваетъ въ сердцахъ благочестіе, когда повелѣваетъ, чтобы обиженный за причиненное ему зло платилъ равнымъ, хотя, по требованію правосудія, зачинщикъ преступленія достоинъ былъ бы большаго наказанія. Но такъ какъ Ему угодно было правосудіе растворить человѣколюбіемъ, то учинившаго большее преступленіе Онъ осуждаетъ на наказаніе гораздо меньшее, нежели какого онъ достоинъ, желая тѣмъ самымъ научить насъ и среди самаго страданія показывать великую кротость. Итакъ, приведя постановленіе ветхаго закона и прочитавъ его отъ слова до слова, Спаситель опять показываетъ, что не братъ учиняетъ обиду, но лукавый. Поэтому и присовокупляетъ: *Азъ же глаголю вамъ не противитися* злому (τῷ πονηρῷ). Не говоритъ: *не противитися* брату, но: злому, показывая тѣмъ, что обидчикъ все дѣлаетъ по наущенію діавола, и такимъ образомъ, слагая вину на другого, весьма много ослабляетъ и пресѣкаетъ гнѣвъ противъ обидѣвшаго. Что же, скажешь ты: ужели намъ не должно противиться лукавому? Должно, но не такъ, а какъ повелѣлъ самъ Спаситель, то есть, готовностію терпѣть зло. Такимъ образомъ ты дѣйствительно побѣдишь лукаваго. Не огнемъ вѣдь погашаютъ огонь, а водою. А чтобы знать тебѣ, что и въ ветхомъ завѣтѣ побѣда и вѣнецъ остаются на сторонѣ претерпѣвшаго обиду, разсмотри, что происходитъ въ этомъ случаѣ, и увидишь, что преимущество остается на сторонѣ обиженнаго. Въ самомъ дѣлѣ, кто первый
266 поднимаетъ руку на совершеніе неправды, тотъ вырываетъ два

глаза,—и у ближняго и у себя. Поэтому Онъ справедливо подвергается общей ненависти и безчисленнымъ обвиненіямъ. Между тѣмъ обиженный, хотя и воздастъ за причиненное ему зло равнымъ, не сдѣлаетъ никакого зла, почему многіе даже и сожалѣютъ о немъ, такъ какъ онъ чистъ отъ грѣха въ этомъ дѣлѣ, хотя и воздалъ равнымъ за равное. И хотя несчастіе у обоихъ одинаково, но сужденіе о нихъ не одинаково, какъ у Бога, такъ и у людей, а слѣдовательно уже и несчастіе не одинаково. Итакъ, Спаситель сначала сказалъ: *гнѣвающійся на брата своего всуе, и называющій его безумнымъ, повиненъ будетъ гееннѣ огненной*; здѣсь же требуетъ еще высшаго любомудрія, повелѣвая обиженному не только молчать, но и подставлять обижающему другую щеку, и такимъ образомъ еще сильнѣе поборать его своимъ великодушіемъ. И это говоритъ Онъ не только для того, чтобы дать законъ, повелѣвающій переносить обиды, но чтобы и во всѣхъ другихъ случаяхъ научить насъ незлобію.

2. Подобно тому, какъ въ томъ случаѣ, когда Спаситель говоритъ, что *называющій брата своего безумнымъ повиненъ будетъ гееннѣ огненной*, разумѣетъ не одно только это обидное слово, но и вообще всякое поношеніе, такъ и здѣсь Онъ не только предписываетъ, чтобы мы переносили великодушно одни заушенія, но чтобы мы не смущались и всякимъ другимъ страданіемъ. Вотъ почему какъ и тамъ Онъ избралъ обиду самую чувствительную, такъ и здѣсь упомянулъ объ ударѣ по щекѣ, который считается особенно позорнымъ и составляющимъ великую обиду. Давая эту заповѣдь, Спаситель имѣетъ въ виду пользу и наносящаго удары, и терпящаго ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если обиженный вооружится тѣмъ любомудріемъ, которому научаетъ Спаситель, то онъ не будетъ и думать, что потерпѣлъ обиду, онъ даже не будетъ и чувствовать обиды, почитая себя скорѣе ратоборцемъ, чѣмъ человѣкомъ, котораго бьютъ. А обижающій, будучи пристыженъ, не только не нанесетъ второго удара, хотя бы онъ былъ лютѣе всякаго звѣря, но и за первый будетъ крайне обвинять себя. Поистинѣ, ничто такъ не удерживаетъ обижающихъ, какъ кроткое терпѣніе обижаемыхъ. Оно не только удерживаетъ ихъ отъ дальнѣйшихъ порывовъ, но еще заставляетъ раскаяться и въ прежнихъ, и дѣлаетъ то, что они отходятъ отъ обиженныхъ, удивляясь ихъ кротости, и наконецъ изъ непріятелей и враговъ дѣлаются не только ихъ друзьями, но даже самыми близкими людьми и рабами. Наоборотъ, мщеніе производитъ совершенно противныя слѣдствія. Оно обоимъ причиняетъ стыдъ, ожесточаетъ ихъ и еще больше воспламеняетъ гнѣвъ, и зло, простираясь далѣе, доводитъ нерѣдко до смерти. Вотъ почему Спаси-

тель заушаемому не только запретилъ гнѣваться, но и повелѣлъ насытить желаніе ударяющаго такъ, чтобы вовсе и непримѣтно было, что ты первый ударъ претерпѣлъ невольно. Дѣйствительно, такимъ образомъ ты поразишь безстыднаго гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы ты ударилъ его рукою, и изъ безстыднаго сдѣлаешь его кроткимъ. *Хотящему судитися съ тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу.* Спаситель
267 хочетъ, чтобы мы показывали такое же незлобіе не только когда насъ бьютъ, но и когда хотятъ отнять отъ насъ имѣніе. Потому опять предлагаетъ столь же высокое правило. Какъ тамъ Онъ повелѣваетъ побѣждать терпѣніемъ, такъ и здѣсь уступкою бо̀льшаго, чѣмъ ожидаетъ любостяжатель. Впрочемъ, Онъ не просто предложилъ это послѣднее правило, а съ оговорками,—Онъ не сказалъ: *отдай просящему срачицу,* но—*хотящему судитися съ тобою,* т. е. если онъ влечетъ тебя въ судъ и хочетъ завести съ тобою дѣло. И, подобно какъ послѣ заповѣдей—не называть брата безумнымъ и не гнѣваться на него напрасно, въ послѣдней Своей проповѣди Онъ потребовалъ большаго, повелѣвъ подставлять и правую щеку, такъ и теперь, послѣ высказаннаго уже повелѣнія—мириться съ соперникомъ, опять простираетъ Свое требованіе еще далѣе, предписывая не только отдать сопернику то, что онъ хочетъ взять, но и оказать большую щедрость. Что жъ? Неужели скажешь, мнѣ ходить нагимъ? Не были бы мы наги, если бы въ точности исполняли эти повелѣнія; напротивъ, еще были бы гораздо лучше всѣхъ одѣты. Во-первыхъ, потому, что никто не нападетъ на человѣка, имѣющаго такое расположеніе духа, а во-вторыхъ, если бы и нашелся кто настолько жестокій и немилосердый, что дерзнулъ бы и на это, то безъ сомнѣнія еще болѣе бы нашлось такихъ, которые человѣка, восшедшаго на такую степень любомудрія, покрыли бы не только одеждами, но, если бы было возможно, и самою плотію своею.

3. А если бы кому довелось и нагимъ ходить ради такого любомудрія, то и въ этомъ не было бы стыда. Адамъ въ раю былъ нагъ и не стыдился (Быт. II, 25). И Исаія, ходившій нагимъ и безъ обуви былъ знаменитѣе, всѣхъ іудеевъ (Ис. XX, 3). Іосифъ тогда особенно просіялъ (добродѣтелію), когда оставилъ одежду. Нимало не худо такъ обнажаться, но постыдно и смѣшно такъ одѣваться, какъ мы одѣваемся нынѣ, т. е. въ драгоцѣнныя одежды. Вотъ почему тѣхъ Богъ прославилъ, а насъ осуждаетъ и чрезъ пророковъ, и чрезъ апостоловъ. Итакъ, не будемъ почитать невозможными повелѣнія Господни. Они и полезны, и весьма удобны къ исполненію, если только мы будемъ бодрствовать. Они такъ спасительны, что не только намъ, но и обижающимъ

насъ приносятъ величайшую пользу. Особенное же достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они, убѣждая насъ терпѣть обиды, тѣмъ самымъ научаютъ любомудрствовать и причиняющихъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда обижающій важнымъ почитаетъ отнимать собственность другихъ, а ты на самомъ дѣлѣ покажешь ему, что для тебя легко отдать и то, чего онъ не проситъ, и такимъ образомъ противопоставишь его нищенствованію и любостяжанію свою щедрость и любомудріе, то представь, сколь сильное получитъ онъ вразумленіе, не словами, но самыми дѣлами научаясь презирать злыя склонности и любить добродѣтель! Богъ хочетъ, чтобы мы были полезны не только для самихъ себя, но и для всѣхъ ближнихъ. Итакъ, если ты отдашь требуемое безъ всякаго спора и суда, то пріобрѣтешь пользу только себѣ. Если же сверхъ требуемаго отдашь и другое что-нибудь, то и соперника отпустишь отъ себя лучшимъ. Вотъ что значитъ та *соль*, каковою Спаситель желаетъ быть ученикамъ Своимъ; она и саму себя сберегаетъ, и сохраняетъ другія тѣла, ею осоленныя. Вотъ что значитъ и тотъ свѣтъ; онъ свѣтитъ и самому себѣ, и другимъ. Итакъ, поелику Господь и тебя поставилъ въ число учениковъ Своихъ, то просвѣти сѣдящаго во тьмѣ; научи его, что онъ и то, чего отъ тебя требовалъ, взялъ у тебя не насильно; убѣди его, что ты не считаешь себя обиженнымъ. Такимъ образомъ, и самъ заслужишь большее уваженіе и почтеніе, когда увѣришь его, что онъ ничего у тебя не отнялъ, а ты самъ 268
подарилъ ему. Своею кротостію обрати грѣхъ его въ поводъ къ проявленію твоего благородства. Если это кажется тебѣ очень высокимъ, то подожди,—ты еще увидишь, что это не есть верхъ совершенства. Спаситель не останавливается еще здѣсь, предписывая тебѣ правила терпѣнія обидъ, но простирается далѣе, говоря: *аще кто тя поиметъ по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два* (ст. 41). Видишь ли, на какую высоту любомудрія возводитъ тебя Спаситель? Онъ говоритъ, что и тогда, когда отдашь своему врагу и верхнюю и нижнюю одежду, ты не долженъ противиться ему, если бы онъ и обнаженное тѣло твое захотѣлъ подвергнуть страданіямъ и трудамъ. Онъ хочетъ, чтобы все было общимъ —и тѣла, и имущество, и чтобы мы служили ими какъ бѣднымъ, такъ и тѣмъ, кто обижаетъ насъ. Послѣднее—долгъ мужества, а первое—человѣколюбія. Поэтому-то Онъ и сказалъ: *аще кто тя поиметъ по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два*, возводя тебя еще выше, и повелѣвая оказывать новые опыты равнаго прежнимъ великодушія. Если прежнія Его предписанія, которыя требуютъ гораздо меньшаго, доставляютъ исполняющимъ ихъ столь великое блаженство, то подумай, какой жребій ожидаетъ тѣхъ, кто испол-

няетъ эти послѣднія, и каковыми еще прежде наградъ являются тѣ, которые въ человѣческомъ и страстномъ тѣлѣ показываютъ совершенное безстрастіе. Если они не только не оскорбляются обидами, ударами, отнятіемъ имущества, не только не побѣждаются ничѣмъ другимъ тому подобнымъ, но еще жаждутъ большихъ страданій, то представь, какова у нихъ дѣлается душа. Потому-то Христосъ, какъ повелѣлъ поступать при нанесеніи ударовъ и при лишеніи имущества, такъ точно повелѣваетъ поступать и въ этомъ случаѣ. Что я говорю,—какъ бы такъ говоритъ Онъ,—объ обидахъ и отнятіи имущества? Если бы кто захотѣлъ и самое тѣло твое подвергнуть тяжкимъ и изнурительнымъ трудамъ, и притомъ несправедливо, то и тогда ты долженъ побѣдить его несправедливое желаніе, и стать выше его. *Пояти по силѣ*—значитъ влечь кого неправедно, безъ всякой причины и съ обидою. Но ты и на это будь готовъ; будь готовъ потерпѣть даже больше, нежели сколько тотъ хочетъ причинить тебѣ. *Просящему у тебе дай, и хотящаго отъ тебе заяти не отврати* (ст. 42). Этими словами Спаситель требуетъ меньшаго, нежели прежними, но не удивляйся этому. Спаситель обыкновенно такъ дѣлаетъ: Онъ всегда къ великому присоединяетъ малое. Если же слова эти и малы въ сравненіи съ первыми, пусть однако внимаютъ имъ тѣ, которые берутъ чужое, а собственное имущество раздаютъ блудницамъ, и такимъ образомъ возжигаютъ для себя сугубый огонь чрезъ неправедный прибытокъ и пагубное расточеніе. Предписывая здѣсь давать въ заемъ, Спаситель разумѣетъ не отдачу денегъ въ ростъ, но простое одолженіе. А въ другомъ мѣстѣ требуетъ еще большаго, говоря, чтобы мы давали и тѣмъ, отъ кого не надѣемся получить. *Слышасте, яко речено бысть: возлюбиши ближняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, и молитеся за творящихъ вамъ напасть; благословите клевущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, яко да будете подобни Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ: яко солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (ст. 43, 44, 45). Вотъ высочайшій верхъ добродѣтелей! Вотъ для чего училъ Спаситель не только терпѣливо сносить заушенія, но и подставлять правую щеку, не только вмѣстѣ съ верхнею одеждою отдавать и нижнюю, но и двѣ версты идти съ тѣмъ, кто принуждаетъ пройти одну! Все это предложилъ Онъ для того, чтобы ты съ полною готовностію могъ принять и то, что гораздо выше этихъ
269 предписаній. Что же выше ихъ, скажешь ты? Не почитать того врагомъ, кто причиняетъ тебѣ обиды,—даже нѣчто и того высшее, поскольку Господь не сказалъ: не возненавидь, но—возлюби; не сказалъ: не обижай, но—и благотвори.

4. Но если тщательнѣе разсмотримъ слова Спасителя, то увидимъ, что въ нихъ заключается новое предписаніе, гораздо еще высшее. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ повелѣваетъ не только любить враговъ, но и молиться за нихъ. Видишь ли, на какія восшелъ Онъ степени, и какъ поставилъ насъ на самый верхъ добродѣтели? Смотри и исчисляй ихъ, начавши съ первой: первая степень—не начинать обиды; вторая—когда она уже причинена, не воздавать равнымъ зломъ обидѣвшему; третья—не только не дѣлать обижающему того, что ты потерпѣлъ отъ него, но и оставаться спокойнымъ; четвертая—предавать себя самого злостраданію; пятая—отдавать болѣе, нежели сколько хочетъ взять причиняющій обиду; шестая—не питать къ нему ненависти; седьмая — даже любить его; восьмая — благодѣтельствовать ему; девятая—молиться о немъ Богу. Видишь ли, какая высота любомудрія? Но за то блистательна и награда. Такъ какъ повелѣніе велико и требуетъ мужественной души и великаго подвига, то и мзду за исполненіе его Спаситель обѣщаетъ такую, какой не соединялъ ни съ одною изъ прежнихъ заповѣдей. Онъ обѣщаетъ здѣсь не землю, какъ кроткимъ, не утѣшеніе и помилованіе, какъ плачущимъ и милостивымъ, не царствіе небесное, но, что они будутъ подобны Богу, насколько то возможно для людей: *яко да будете*, говоритъ, *подобни Отцу вашему, иже на небесѣхъ*. Замѣть, что Онъ ни здѣсь, ни прежде не называетъ Бога Отцемъ Своимъ; но тамъ, когда говорилъ о клятвахъ, называлъ Его Богомъ и Царемъ великимъ, а здѣсь называетъ Отцемъ нашимъ. Онъ дѣлаетъ такъ потому, что бесѣду объ этомъ хочетъ оставить до приличнаго времени. Объясняя, затѣмъ, въ чемъ состоитъ богоподобіе, Онъ говоритъ: *яко солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя*, то есть, Богъ не только не ненавидитъ оскорбляющихъ Его, но даже благодѣтельствуетъ имъ. Конечно, здѣсь нѣтъ равенства ни по чему, такъ какъ не только благодѣянія Божіи, но и величіе Его достоинства превосходитъ все, что только вообразить можно. Тебя оскорбляетъ подобный тебѣ, а Его—рабъ, и притомъ такой, который получилъ отъ Него безчисленныя благодѣянія. Ты, молясь за врага, благодѣтельствуешь ему словами, а Богъ благодѣтельствуетъ ему весьма великими и чудными дѣлами, освѣщая его солнцемъ и ежегодно посылая дожди въ опредѣленное время. И при всемъ томъ я допускаю твое богоравенство, какое только возможно для человѣка. Итакъ, не питай ненависти къ человѣку, дѣлающему тебѣ зло, когда ты чрезъ него пріобрѣтаешь такія блага и достигаешь столь великой чести. Не кляни обижающаго тебя; иначе ты

оскорбленіе претерпишь, а плода лишишься,—понесешь вредъ, а награды не получишь. А это крайне безумно—претерпѣвши труднѣйшее, не перенести легчайшаго. Но какъ это возможно, скажешь ты? Ты видишь, что Богъ для тебя сдѣлался человѣкомъ, что Онъ такъ уничижилъ Себя и такъ много пострадалъ за тебя, и еще ли спрашиваешь и недоумѣваешь, какъ можешь ты прощать обиды равнымъ себѣ? Не слышишь ли, что
270 говоритъ Онъ на крестѣ: *остави имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34)? Не слышишь ли, что говоритъ Павелъ: восшедшій на небо, и сѣдящій *одесную* (Бога) *ходатайствуетъ о насъ* (Рим. VIII, 34)? Не видишь ли, что Онъ и послѣ распятія и вознесенія на небо послалъ къ умертвившимъ Его іудеямъ апостоловъ, принесшихъ имъ безчисленныя блага, и вмѣстѣ потерпѣвшихъ отъ нихъ безчисленное множество золъ? Но ты весьма много обиженъ? Что же такое потерпѣлъ ты, что было бы подобно страданію твоего Владыки, Который послѣ оказанныхъ Имъ безчисленныхъ благодѣяній былъ связанъ, претерпѣлъ заушенія, бичеванія, оплеванія отъ рабовъ, и наконецъ претерпѣлъ смерть—и смерть поноснѣйшую изъ всѣхъ смертей? Если же ты и много обиженъ, то по тому-то самому и долженъ еще болѣе благодѣтельствовать, чтобы и для себя самого получить блистательнѣйшій вѣнецъ, и брата избавить отъ крайне жестокой болѣзни. Когда больные, находящіеся въ сумашествіи, наносятъ удары и обиды врачамъ своимъ, то послѣдніе въ это-то время особенно и жалѣютъ о нихъ и стараются объ ихъ излѣченіи, зная, что дерзость ихъ происходитъ отъ чрезмѣрной болѣзни. Подобнымъ образомъ и ты имѣй такое же расположеніе духа къ злоумышляющимъ противъ тебя, и такимъ же образомъ поступай съ обижающими тебя, потому что они совсѣмъ больные и дѣлаютъ все совершенно невольно. Итакъ, освободи врага своего отъ тяжкой его гордости, заставь его бросить гнѣвъ, и избавь отъ лютаго демона—ярости. Видя бѣснующихся, мы проливаемъ слезы, а не думаемъ сами подобно имъ бѣсноваться. Будемъ поступать также и съ гнѣвающимися, потому что и они подобны бѣсноватымъ, или даже несчастнѣе ихъ, потому что хотя они и бѣснуются, но еще не лишились ума. Потому-то и бѣшенство ихъ непростительно.

5. Итакъ, не нападай на лежащаго, но жалѣй о немъ. Когда мы видимъ, какъ человѣкъ, страдающій желчью, мучится головокруженіемъ и силится изблевать эту вредную мокроту, то тотчасъ подаемъ руку, поддерживаемъ терзаемаго, и не отвращаемся отъ него, хотя бы замарали и одежду, но о томъ только и стараемся, чтобы какъ-нибудь избавить его отъ такого тяжкаго

положенія. Подобнымъ образомъ станемъ поступать и съ разгнѣванными, станемъ помогать имъ, какъ изрыгающимъ изъ себя желчь и терзаемымъ, и не будемъ оставлять ихъ до тѣхъ поръ, пока они не извергнутъ всей горечи. И когда такой человѣкъ успокоится, то воздастъ тебѣ величайшую благодарность. Тогда онъ ясно узнаетъ, отъ какого разстройства ты его избавилъ. Но что я говорю о его благодарности? Самъ Богъ тотчасъ же тебя увѣнчаетъ и наградитъ безчисленными благами за то, что ты освободилъ брата своего отъ жестокой болѣзни. Да и тотъ будетъ почитать тебя, какъ своего господина, будетъ всегда съ благоговѣніемъ взирать на твою кротость. Не видишь ли, какъ мучащіяся родами кусаютъ стоящихъ около нихъ женщинъ, и между тѣмъ послѣднія не ощущаютъ боли? Вѣрнѣе же сказать: онѣ ощущаютъ ее, но только мужественно переносятъ, соболѣзнуя о мучащихся и терзающихся болѣзнями рожденія. Поревнуй и ты ихъ великодушію, и не будь слабѣе женщинъ. Когда родятъ эти жены,—а гнѣвающіеся малодушнѣе самихъ женъ,—тогда они узнаютъ въ тебѣ мужа. Если же эти повелѣнія кажутся тебѣ тяжкими, то помысли, что Христосъ для того и пришелъ, чтобы насадить ихъ въ нашихъ сердцахъ, и чтобы сдѣлать насъ полезными какъ для враговъ, такъ и для друзей. Поэтому Онъ и повелѣ- 271
ваетъ заботиться о тѣхъ и другихъ; о братіяхъ—когда говоритъ: *аще принесеши даръ твой*; о врагахъ же—когда приказываетъ любить ихъ и молиться за нихъ. И побуждаетъ къ исполненію этого, не только указывая на примѣръ благости Божіей, но и на противное: *аще бо любите*, говоритъ Онъ, *любящихъ васъ, кую мзду имате? Не и мытари ли тождс творятъ* (ст. 46)? То же самое подтверждаетъ и Павелъ: *не у до крове стасте*, говоритъ онъ *противу грѣха подвизающеся* (Евр. XII, 4). Итакъ, если ты исполняешь заповѣдь любви ко врагамъ, то пребываешь съ Богомъ; если же оставляешь ее, то съ мытарями. Видишь ли, что эти заповѣди еще не такъ велики, какъ велико различіе между мытарями и Богомъ? Итакъ, не станемъ помышлять о трудности повелѣнія, но представимъ награду, и подумаемъ, кому сдѣлаемся подобными, когда исполнимъ это повелѣніе, и съ кѣмъ сравнимся, когда не будемъ исполнять. Спаситель повелѣваетъ намъ мириться съ братомъ, и до тѣхъ поръ не отходить отъ него, пока совершенно не истребимъ вражды. Когда же говоритъ о всѣхъ вообще, то не налагаетъ на насъ такой обязанности, но только требуетъ того, что отъ насъ зависитъ, и такимъ образомъ облегчаетъ трудность закона. Выше сказалъ Онъ: *тако изгнаша пророки, иже бѣша прежде васъ* (Матѳ. V, 12); теперь, желая, чтобы

ученики Его за то же самое не досадовали на своихъ гонителей, повелѣваетъ имъ не только терпѣть такъ поступающихъ съ ними, но и любить ихъ. Видишь ли, какъ Онъ съ самымъ корнемъ истребляетъ гнѣвъ, пристрастіе къ плоти, къ богатству, къ славѣ и къ настоящей жизни? Это уже сдѣлалъ Онъ и въ началѣ Своей проповѣди, но гораздо болѣе теперь. Дѣйствительно, нищій духомъ, кроткій и плачущій изгоняетъ изъ себя гнѣвъ; праведный и милостивый истребляетъ въ себѣ пристрастіе къ богатству; чистый сердцемъ свободенъ отъ злой похоти; гонимый, претерпѣвающій обиды и злословимый пріучается съ совершенному презрѣнію вещей временныхъ, и пребываетъ чистъ отъ надменности и тщеславія. Освободивъ, такимъ образомъ, слушателя отъ всѣхъ этихъ узъ и приготовивъ къ подвигамъ, Христосъ опять инымъ образомъ и съ большимъ тщаніемъ исторгаетъ изъ его сердца указанныя страсти, начиная съ гнѣва, и уничтожая всю силу этой страсти, когда говоритъ, что гнѣвающійся на брата своего, называющій его безумнымъ и пустымъ человѣкомъ, заслуживаетъ наказанія; что принесшій даръ не долженъ приступать къ трапезѣ, пока не прекратитъ вражды; что имѣющій соперника, прежде нежели увидитъ судилище, долженъ сдѣлать его изъ врага другомъ. Потомъ опять переходитъ къ похоти и говоритъ, что воззрѣвшій любострастными очами заслуживаетъ наказаніе какъ прелюбодѣй; соблазняющійся любострастною женою или мужемъ или другимъ кѣмъ-либо изъ близкихъ къ нему долженъ отсѣчь отъ себя всѣхъ таковыхъ; имѣющій законную жену не долженъ никогда удалять ее отъ себя и обращать взоровъ къ другой. Этими внушеніями Спаситель исторгаетъ корни злой похоти. Вслѣдъ за тѣмъ Онъ обуздываетъ любовь къ богатству, запрещая клясться, лгать и удерживать даже рубашку, какую кто имѣетъ на тѣлѣ; повелѣваетъ отдавать верхнюю одежду и не жалѣть даже тѣла для услугъ требующему. Такъ истребляетъ Онъ въ конецъ пристрастіе къ богатству.

6. Наконецъ, всѣ эти повелѣнія Спаситель украшаетъ прекраснѣйшимъ вѣнцемъ, говоря: *молитеся за творящихъ вамъ на-*
272 *пасть*,—и такимъ образомъ возводитъ учениковъ Своихъ на высочайшій верхъ любомудрія. Какъ терпѣть заушенія есть высшій подвигъ, нежели быть кроткимъ; отдавать рубашку и верхнюю одежду есть дѣло болѣе важное, нежели быть милостивымъ; переносить обиды есть высшая добродѣтель, нежели быть праведнымъ; сносить побои и не противиться, когда понуждаютъ идти, значитъ больше, нежели быть миротворцемъ,—такъ и, среди гоненій, благословлять гонящаго—гораздо важнѣе,

нежели быть гонимымъ. Видишь ли, какъ Онъ мало-по-малу возводитъ насъ на самое небо? Итакъ, чего будемъ достойны мы, которые получили повелѣніе ревностно стараться объ уподобленіи себя Богу, и между тѣмъ, можетъ быть, еще не сравнялись и съ мытарями? Въ самомъ дѣлѣ, если и мытари и грѣшники и язычники любятъ любящихъ, а мы и этого не дѣлаемъ (а не дѣлаемъ мы этого, когда завидуемъ доброй славѣ нашихъ братьевъ), то какому не подвергнемся наказанію, будучи ниже язычниковъ, тогда какъ должны быть превосходнѣе книжниковъ? Какъ же, скажи мнѣ, мы можемъ узрѣть царство? Какъ взойдемъ въ его священныя преддверія, будучи ничѣмъ не лучше мытарей? На это и указываетъ Спаситель, говоря: *не и мытари ли тожде творятъ?* Что особенно удивительно въ ученіи Христа, такъ это то, что награды за подвиги Онъ предлагаетъ повсюду въ великомъ множествѣ: обѣщаетъ подвизающимся, что они и узрятъ Бога, и царствіе небесное наслѣдятъ, и будутъ сынами Божіими и подобными Богу, и помилованы будутъ, и утѣшатся, и получатъ многую мзду на небесахъ; а если гдѣ нужно было упомянуть о прискорбномъ, то упоминаетъ объ этомъ кратко, такъ что имя *геенны*, напр., Онъ употребилъ въ столь продолжительной бесѣдѣ всего лишь одинъ разъ. Въ другихъ случаяхъ Онъ исправляетъ слушателя кроткими вразумленіями, убѣждая его болѣе увѣщаніями, нежели угрозами, напримѣръ, когда говоритъ: *не и мытари ли тожде творятъ?* Или: *аще соль обуяетъ;* Или: *мній наречется въ царствіи небеснѣмъ*. Иногда полагаетъ Онъ вмѣсто наказанія грѣхи, предоставляя самому слушателю заключать изъ тяжести послѣднихъ о тяжести наказанія, напримѣръ, когда говоритъ: *любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ;* или: *отпущаяй творитъ ю прелюбодѣйствовати;* или еще: *лишше же сею отъ непріязни есть*. Для вразумленія имѣющихъ умъ не нужно упоминать о наказаніи, а довольно только представить тяжесть грѣха. Вотъ почему и въ настоящемъ случаѣ Онъ представляетъ въ примѣръ язычниковъ и мытарей, чтобы ученики Его устыдились, видя, съ какими людьми Онъ ихъ сравниваетъ. Тоже дѣлалъ и Павелъ, когда говорилъ: *да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Солунян. IV, 13), и *якоже языцы не вѣдящіи Бога* (тамъ же ст. 5). Кромѣ того, слова эти: *не и язычницы ли такожде творятъ* (ст. 47) Спаситель сказалъ и для того, чтобы показать, что Онъ не требуетъ ничего чрезмѣрнаго, но немного больше обыкновеннаго. Этимъ, однако, Онъ не заключаетъ Своего слова, но оканчиваетъ его указаніемъ на награды и благими надеждами, говоря: *будите убо совершени, якоже Отецъ вашъ небесный* (ст. 48).

Часто упоминаетъ Онъ во всей бесѣдѣ Своей о небѣ, чтобы представленіемъ самаго мѣста возбудить сердца учениковъ Своихъ, такъ какъ въ это время они были еще довольно слабы и грубы. Итакъ, представляя все доселѣ сказанное, будемъ оказывать всякую любовь ко врагамъ. Отвергнемъ то смѣшное обыкновеніе, которымъ страдаютъ многіе неразумные люди, дожидающіеся, чтобы встрѣчные предупреждали ихъ своимъ привѣтствіемъ, и такимъ образомъ не ревнуютъ о томъ, что заключаетъ великое
273 блаженство, но гоняются за тѣмъ, что достойно смѣха. Почему же ты не привѣтствуешь его прежде? Потому, скажешь ты, что онъ ожидаетъ этого. Но потому-то самому и надлежало поспѣшить тебѣ, чтобы вѣнецъ достался тебѣ. Нѣтъ,—скажешь,—я потому именно и не привѣтствую его, что ему сильно этого хочется. Что можетъ быть хуже такого безумія? Такъ какъ, говоришь ты, онъ сильно желаетъ доставить мнѣ случай къ наградѣ, по тому самому я не хочу этимъ случаемъ воспользоваться. Если онъ тебя предупреждаетъ своимъ привѣтствіемъ, то ты не получишь никакой пользы, хотя послѣ и отвѣтишь ему тѣмъ же; если же ты поспѣшишь прежде выразить ему привѣтствіе, то ты, какъ бы торгуясь съ его гордостію, получишь себѣ большую выгоду и соберешь обильный плодъ съ его надменности. Итакъ, не крайне ли мы будемъ безумны, когда, имѣя случай двумя словами пріобрѣсть столь великую пользу, выпустимъ ее изъ рукъ, и сами впадемъ въ то же безразсудство, за которое осуждаемъ другого? Если ты обвиняешь его въ томъ, что онъ прежде ожидаетъ привѣтствія отъ другого, то зачѣмъ подражаешь тому, что охуждаешь самъ, и стараешься какъ доброе перенимать то, что самъ называешь зломъ? Видишь ли, что нѣтъ ничего безумнѣе человѣка, живущаго въ злобѣ? Поэтому умоляю васъ, будемъ избѣгать этой злой и достойной посмѣянія привычки. Болѣзнь эта расторгнула безчисленное множество дружескихъ союзовъ и произвела многіе раздоры. Будемъ же, поэтому, привѣтствіями предупреждать другихъ. Если намъ заповѣдано терпѣть и тогда, когда враги насъ заушаютъ, насильно заставляютъ провожать себя и обнажаютъ, то заслужимъ ли мы какого-нибудь прощенія, если съ такимъ упорствомъ будемъ отказываться отъ простого привѣтствія? Ты скажешь: я подвергнусь презрѣнію и буду какъ
274 оплеванный, когда окажу ему такую честь. Итакъ, чтобы не презиралъ тебя человѣкъ, ты оскорбляешь Бога? Чтобы не презиралъ тебя бѣснующійся равный тебѣ рабъ, ты презираешь Владыку, Который столь много тебя облагодѣтельствовалъ? Ежели неразумно, что презираетъ тебя человѣкъ равный тебѣ, то еще болѣе неразумно, что ты презираешь Бога, Который сотворилъ

тебя. Сверхъ того, замѣть и то, что презирающій тебя тѣмъ самымъ доставляетъ тебѣ случай къ полученію большей награды, поскольку ты терпишь это для Бога, повинуясь Его законамъ. А съ этою наградою какая честь, какіе вѣнцы сравниться могутъ? Я готовъ лучше терпѣть всякія обиды и презрѣніе—для Бога, нежели у всѣхъ царей быть въ почтеніи, такъ какъ ничто, ничто не можетъ сравниться съ этою славою. Будемъ же искать этой славы такъ, какъ повелѣлъ самъ Спаситель, и нимало не заботясь о сужденіяхъ человѣческихъ, но во всемъ показывая истинное любомудріе, по нему будемъ устроять жизнь свою. Такимъ образомъ еще здѣсь мы будемъ предвкушать блага небесныя и славу вѣнцовъ райскихъ; будемъ обращаться съ людьми—какъ ангелы, и обитать на землѣ—какъ силы небесныя, освободившись отъ всякой похоти и всѣхъ земныхъ страстей; а вмѣстѣ со всѣмъ этимъ воспріимемъ и неизреченныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава, держава и поклоненіе со безначальнымъ Отцемъ и Святымъ и благимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

Внемлите милостыни вашея не творити предъ человѣки, да видими будете ими (VI, 1). 273

1. Наконецъ, Спаситель изгоняетъ самую пагубную страсть—тщеславіе, это неистовство и бѣшенство, которымъ одержимы бываютъ даже люди добродѣтельные. Сначала Онъ ничего не говорилъ объ этой страсти, потому что излишне было бы, не убѣдивъ напередъ исполнять должнаго, учить тому, какъ надобно исполнять и доходить до совершенства. Но когда Онъ уже научилъ благочестію, тогда истребляетъ и ту язву, которая непримѣтнымъ образомъ заражаетъ его. Болѣзнь эта, дѣйствительно, не вдругъ зараждается, но тогда, когда мы исполнимъ уже многое изъ повелѣннаго намъ. Итакъ, нужно было прежде насадить добродѣтель, а потомъ уничтожать страсть, повреждающую плодъ ея. Чѣмъ же начинаетъ Спаситель свою бесѣду? Словомъ о постѣ, молитвѣ и милостынѣ, потому что тщеславіе преимущественно присоединяется къ этимъ добродѣтелямъ. Такъ, напримѣръ, постомъ возгордился фарисей, когда говорилъ: *пощуся два краты* въ недѣлю, *десятину даю* изъ имѣнія (Лук. XVIII, 12). И въ самой молитвѣ искалъ онъ суетной славы, творя ее на показъ. Когда

уже не было никого другого, то Онъ старался выказать себя предъ мытаремъ. *Нѣсмь якоже прочіи человѣцы*, говоритъ онъ, *или якоже сей мытарь* (тамъ же ст. 11). Теперь посмотри, какъ начинаетъ Спаситель слово Свое. Онъ какъ будто хочетъ говорить о какомъ-то звѣрѣ, весьма хитромъ и страшномъ, который можетъ внезапно схватить не совсѣмъ осторожнаго. *Внемлите*, — внушаетъ,—*милостыни вашея не творити предъ человѣки*. Такъ и Павелъ говоритъ филиппійцамъ: *блюдитеся отъ псовъ* (Фил. ш, 2). Звѣрь этотъ подходитъ тайно, и все доброе, внутрь насъ находящееся, тихо развѣваетъ и нечувствительно уноситъ. Итакъ, послѣ того какъ Христосъ предложилъ довольно пространное слово о милостынѣ, представилъ въ примѣръ и Бога, сіяющаго солнце Свое
274 на злыя и благія, и всячески побуждая слушателей къ этой добродѣтели, убѣдилъ ихъ къ щедрому подаянію, Онъ исторгаетъ, наконецъ, и все то, что можетъ вредить этой доброй маслинѣ. Потому говоритъ: *внемлите милостыни вашея не творити предъ человѣки*, такъ какъ милостыня, о которой прежде было сказано, есть милостыня Божія. И сказавъ: *не творити предъ человѣки*, присовокупилъ: *да видими будете ими*. Послѣднія слова, повидимому, означаютъ то же, что и первыя. Но если кто тщательно разсмотритъ, то увидитъ, что послѣднія слова означаютъ нѣчто другое, и заключаютъ въ себѣ великую предусмотрительность, неизреченную попечительность и предохраненіе. Въ самомъ дѣлѣ, и предъ людьми дѣлающій добро можетъ дѣлать не для того, чтобы его видѣли, равно какъ и не дѣлающій предъ людьми можетъ дѣлать съ тѣмъ, чтобы его видѣли. Вотъ почему Богъ наказываетъ или увѣнчиваетъ не самое дѣло наше, но намѣреніе. Если бы не было сдѣлано такого точнаго раздѣленія, то настоящая заповѣдь многихъ привела бы въ недоумѣніе касательно раздаянія милостыни, потому что не вездѣ всѣмъ можно тайно творить милостыню. Поэтому, освобождая тебя отъ такой необходимости, Спаситель назначаетъ наказаніе или награду не за совершеніе дѣла, но за намѣреніе творящаго. Чтобы ты не сказалъ: что пользы мнѣ, если увидитъ другой?—Христосъ говоритъ тебѣ: Я не того требую, но мысли твоей и образа дѣйствованія. Онъ желаетъ исправить душу и освободить ее отъ всякой болѣзни. Итакъ, запретивъ творить милостыню для тщеславія и показавъ вредъ, происходящій отъ этого, тщету и безполезность такой милостыни, Онъ опять возбуждаетъ мысли своихъ слушателей воспоминаніемъ объ Отцѣ и небѣ, чтобы не ограничиться однимъ только указаніемъ на вредъ, но вразумить и напоминаніемъ объ Отцѣ Своемъ. *Не имате*, говоритъ Онъ, *мзды отъ Отца*
275 *вашего, иже есть на небесѣхъ*. Впрочемъ, и здѣсь не остановился,

но идетъ еще дальше, внушая и другимъ образомъ величайшее отвращеніе отъ суетной славы. Подобно тому, какъ выше Онъ указалъ на мытарей и язычниковъ, чтобы качествомъ лица посрамить подражателей ихъ, такъ и здѣсь упоминаетъ о лицемѣрахъ. *Егда убо*, говоритъ Онъ, *твориши милостыню, не воструби предъ собою, якоже лицемѣри* (ст. 2). Такъ говоритъ Спаситель не потому, что лицемѣры имѣли трубы, но желая показать ихъ великое безуміе, этимъ иносказаніемъ осмѣивая и осуждая ихъ. И хорошо назвалъ ихъ лицемѣрами. Милостыня ихъ имѣла одну только личину милостыни, а сердце ихъ было исполнено жестокости и безчеловѣчія. Они творили ее не изъ милосердія къ ближнему, но для полученія славы. Крайняя жестокость—искать для себя чести, и не избавлять отъ несчастія другого, когда онъ погибаетъ отъ голода. Итакъ, Спаситель требуетъ не того только, чтобы мы подавали милостыню, но и того, чтобы подавали ее такъ, какъ должно подавать.

2. Обличивъ такимъ образомъ лицемѣровъ и коснувшись ихъ для того, чтобы пристыдить и слушателя, Христосъ опять врачуетъ душу, страждущую недугомъ тщеславія, и сказавъ, какъ не должно творить милостыню, показываетъ, какъ должно творить ее. Какъ же должно творить? *Да не увѣсть*, говоритъ Онъ, *шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (ст. 3). Здѣсь Онъ опять не руки разумѣетъ, но усиливаетъ Свою мысль: если возможно, говоритъ, и себя самого не знать, и если возможно скрыться отъ самыхъ служащихъ тебѣ рукъ, то постарайся объ этомъ. Поэтому тѣ недостаточно объясняютъ данныя слова, которые думаютъ, будто Спаситель повелѣваетъ въ нихъ скрываться отъ худыхъ людей. Здѣсь Онъ повелѣлъ отъ всѣхъ скрываться. Обрати далѣе вниманіе, какая обѣщается награда. Упомянувъ о наказаніи, ожидающемъ лицемѣровъ, Спаситель показываетъ и ту славу, которая ожидаетъ раздающихъ милостыню втайнѣ, чтобы и тѣмъ и другимъ возбудить Своихъ слушателей, и возвести ихъ къ высокому ученію. Онъ внушаетъ, что Богъ вездѣ присутствуетъ, и что наши дѣла не ограничиваются настоящею жизнію, но что послѣ этой жизни мы предстанемъ на страшное судилище, дадимъ отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ и получимъ или почести, или наказанія, и что тогда ни малое, ни великое дѣло не можетъ сокрыться, хотя бы оно во время настоящей жизни, повидимому, и было сокрыто отъ людей. На все это Спаситель сдѣлалъ намекъ, когда сказалъ: *Отецъ твой, видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (ст. 4). Воздастъ, когда представитъ тебѣ великое и священное зрѣлище, когда то, чего теперь желаешь, дастъ тебѣ въ великомъ обиліи. Чего желаешь ты, говоритъ Онъ? Не того ли,

чтобы имѣть кого-нибудь зрителемъ дѣлъ твоихъ? Такъ вотъ тебѣ зритель — Самъ Богъ всяческихъ, а даже не ангелы, не архангелы. Если же ты желаешь имѣть своими зрителями и людей, то Онъ въ надлежащее время исполнитъ и это твое желаніе, и даже въ величайшемъ избыткѣ удовлетворитъ его. Если ты нынѣ захочешь показать себя, то можешь показаться только десяти, двадцати, или ста человѣкамъ; а если стараешься скрываться нынѣ, то тогда самъ Богъ возвѣститъ о тебѣ предъ всею вселенною. Итакъ, если ты особенно желаешь того, чтобы люди видѣли твои добродѣтели, то скрой ихъ нынѣ, чтобы всѣ съ большею честію увидѣли ихъ тогда, когда Богъ сдѣлаетъ ихъ явными, откроетъ и возвѣститъ предъ всѣми. Видящіе нынѣ обвинятъ тебя пожалуй и въ тщеславіи; а когда увидятъ тебя вѣнчаемаго, тогда не только не обвинятъ тебя, но и всѣ удивятся тебѣ. Такимъ образомъ, если ты можешь получить отъ Бога величайшую награду и всѣхъ привести въ удивленіе, для этого
276 только потерпѣвъ малое время, то подумай, какое бы было безуміе лишиться того и другого, и, прося у Бога награду за свои добрыя дѣла, стараться показать ихъ людямъ, тогда какъ на нихъ взираетъ Самъ Богъ? Если ужъ нужно показывать себя, то прежде всего нужно показывать Отцу, а особенно—когда Отецъ властенъ и увѣнчать, и наказать. Даже, если бы Богъ и не наказывалъ за тщеславіе, то и тогда ищущему славы неприлично было бы мѣнять Бога на людей, заставляя ихъ смотрѣть на свои дѣла. Кто бы былъ такъ жалокъ, чтобы, пренебрегши царемъ, спѣшащимъ видѣть его блистательные подвиги, захотѣлъ быть видимымъ одними только бѣдными и нищими? Потому-то Спаситель повелѣваетъ намъ не только не выказывать самихъ себя, но и стараться скрывать себя отъ другихъ; а не имѣть желанія выказывать себя, и имѣть желаніе скрываться—не одно и то же. *И егда* молитеся, продолжаетъ Спаситель, *не* будите *якоже лицемѣри: яко любятъ въ сонмищихъ и въ стогнахъ путій стояще молитися. Аминь глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою. Ты же, егда молишися, вниди въ клѣть твою, и затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ* (ст. 5, 6). Вотъ и здѣсь молящихся съ тщеславіемъ Онъ называетъ лицемѣрами. И весьма справедливо,— потому что они, притворяясь, будто молятся Богу, только смотрятъ на людей, и такимъ образомъ представляютъ изъ себя не молящихся, но людей смѣшныхъ. Тотъ, кто желаетъ молиться, оставивши всѣхъ, взираетъ только на Того одного, Который силенъ исполнить его прошеніе. Если же, оставивши Его, будешь блуждать по различнымъ предметамъ и всюду обращать взоры свои, то отойдешь съ пустыми руками, — потому что ты самъ

захотѣлъ этого. Потому Спаситель и не сказалъ, что таковые не получатъ мзды, но что воспріемлютъ мзду свою, т. е. прінмутъ мзду, но только отъ тѣхъ, отъ кого желаютъ сами. Не Богъ хочетъ этого,—напротивъ, Онъ самъ желалъ бы отъ Себя даровать награду,—а сами они, ища награды отъ людей, уже недостойны получить ее отъ Того, для Кого ничего не сдѣлали. Смотри, какое человѣколюбіе Божіе, когда Онъ обѣщается даровать награду даже и за тѣ блага, о которыхъ мы просимъ Его. Итакъ Іисусъ, и въ разсужденіи мѣста и въ расположеніи обличивши творящихъ молитвы неподобающимъ образомъ, и показавъ, до какой степени они смѣшны, предлагаетъ лучшій образъ молитвы, говоря: *вниди въ клѣть твою*, и молящимся такимъ образомъ обѣщаетъ награду.

3. Что-жъ, спросишь ты, ужели не должно молиться въ церкви? И очень даже, но только смотря потому, съ какимъ намѣреніемъ. Богъ вездѣ смотритъ на цѣль дѣлъ. Если и въ клѣть войдешь и затворишь за собою двери, а сдѣлаешь это на показъ, то и затворенныя двери не принесутъ тебѣ никакой пользы. Смотри, и здѣсь какое точное опредѣленіе употребилъ Спаситель, когда сказалъ: *яко да явятся человѣкомъ!* Итакъ, хотя бы ты затворилъ двери, Онъ желаетъ, чтобы ты, прежде чѣмъ затворить ихъ, изгналъ изъ себя тщеславіе, и заключилъ двери сердца твоего. Быть свободнымъ отъ тщеславія—дѣло всегда доброе, а особенно во время молитвы. Если и безъ этого порока мы всюду блуждаемъ и носимся своими мыслями во время молитвы, то когда приступимъ къ молитвѣ съ болѣзнію тщеславія, тогда и сами не услышимъ молитвъ своихъ. Если же и мы не слышимъ молитвъ и прошеній своихъ, то какъ можемъ умолить Бога, чтобы Онъ услышалъ насъ? И однако есть люди, которые не 277
смотря на всѣ такія наставленія такъ худо себя ведутъ во время молитвы, что хотя самихъ ихъ и не видно было бы, они своими непристойными воплями всѣмъ даютъ знать о себѣ и какъ видомъ своимъ, такъ и крикомъ дѣлаютъ самихъ себя смѣшными. Не знаешь ли, что если кто и на торжищѣ будетъ такъ дѣлать и просить съ воплемъ, то отгонитъ отъ себя того, кого проситъ, а когда спокойно и приличнымъ образомъ станетъ просить, тогда скорѣе привлечетъ къ себѣ могущаго оказать ему милость? Итакъ, будемъ творить молитвы не съ движеніями тѣла и не съ воплемъ гласа, но съ благимъ и искреннимъ расположеніемъ; не съ шумомъ и гамомъ, не для показа, способнаго отогнать ближнихъ, но со всею кротостію, сокрушеніемъ сердца и непритворными слезами. Но ты скорбишь душею и не можешь не вопіять? Напротивъ, сильно скорбящему и свойственно именно молиться и

просить такимъ образомъ, какъ я сказалъ. Такъ и Моисей, когда скорбѣлъ, молился такимъ образомъ, и былъ услышанъ, почему и сказалъ ему Богъ: *что вопіеши ко мнѣ* (Исх. XIV, 15)? Подобнымъ образомъ и Анна, хотя голосъ ея не былъ слышанъ, получила все, что просила, потому что сердце ея вопіяло (1 Цар. I). А Авель не только молча, но и умирая молился, и кровь его издавала гласъ громче трубы. Возстенай же и ты такъ, какъ этотъ святой: я не запрещаю. Раздери, какъ повелѣлъ пророкъ, сердце твое, а не одежды; изъ глубины призови Бога. *Изъ глубины*, говоритъ Давидъ, *воззвахъ къ Тебѣ Господи* (Пс. CXXIX, 1). Изъ глубины сердца твоего извлеки гласъ, содѣлай молитву твою тайною. Не видишь ли, что и въ царскихъ чертогахъ возбраняется всякій шумъ, и бываетъ повсюду великое молчаніе? Такъ и ты, какъ бы входя въ царскій домъ, не земный, но болѣе страшный— небесный, покажи великую благопристойность. Ты находишься въ сонмѣ ангеловъ и въ обществѣ архангеловъ, и поешь съ серафимами. А всѣ эти лики небесные сохраняютъ великое благочиніе, и свое таинственное сладкопѣніе и священныя пѣсни со многимъ страхомъ воспѣваютъ Царю всѣхъ Богу. Итакъ, соединись съ ними во время молитвы, и поревнуй ихъ таинственному благочинію. Ты вѣдь не людямъ молишься, но Богу вездѣсущему, слышащему тебя еще прежде твоего голоса, и знающему тайны сердечныя. Если ты такъ станешь молиться, то великую получишь награду. *Отецъ Твой*, говоритъ Спаситель, *видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ*; не сказалъ: даруетъ тебѣ, но—*воздастъ тебѣ*. Такимъ образомъ, Богъ сдѣлалъ Себя должникомъ твоимъ, и тѣмъ самымъ опять почтилъ тебя великою честію. Такъ какъ Онъ невидимъ, то желаетъ, чтобы такова была и молитва твоя. Далѣе Христосъ предлагаетъ и самыя слова молитвы. *Молящеся*, говоритъ Онъ, *не лишше глаголите, якоже язычницы* творятъ (ст. 7). Когда Христосъ говорилъ о милостынѣ, то устранялъ только вредъ, происходящій отъ тщеславія, а ничего болѣе не предложилъ, напр., не сказалъ, что милостыню должно творить отъ праведныхъ трудовъ, а не изъ похищеннаго и собраннаго любостяжаніемъ, потому что это было отлично извѣстно всѣмъ, да и раньше
278 Спаситель уже указалъ на это, когда именно ублажилъ алчущихъ правды. Говоря же о молитвѣ, Онъ присовокупляетъ еще и то, чтобы не говорить лишняго. И какъ тамъ Онъ осмѣиваетъ лицемѣровъ, такъ здѣсь язычниковъ, чтобы примѣромъ низкихъ людей устыдить слушателя. Такъ какъ сравненіе съ отверженными людьми особенно опечаливаетъ и уязвляетъ человѣка, то Спаситель этимъ и предостерегаетъ своихъ слушателей отъ тщеславія и многоглаголанія во время молитвы. А подъ многоглаголаніемъ

разумѣемъ здѣсь пустословіе, напримѣръ, когда мы просимъ у Бога неприличнаго, какъ-то: власти, славы, побѣды надъ врагами, множества богатства, словомъ—совсѣмъ для насъ безполезнаго. *Вѣсть бо*, говоритъ, *ихже требуете* (ст. 8.).

4. Кромѣ того, здѣсь, какъ мнѣ кажется, Спаситель запрещаетъ продолжительныя мотивы; впрочемъ, продолжительныя не по времени, но по множеству и продолжительности словъ, такъ какъ съ терпѣніемъ должно ожидать того, чего просимъ: *въ молитвѣ терпяще*, говоритъ апостолъ (Рим. XII, 12). Притомъ и самъ Спаситель притчею о вдовицѣ, которая немилосерднаго и жестокаго судью преклонила неотступностію просьбы, и притчею о другѣ безвременно ночью пришедшемъ и поднявшемъ съ одра спящаго, не по дружбѣ, но по неотступному прошенію, не иное что заповѣдалъ, какъ то, что всѣ непрестанно должны молиться Ему. Впрочемъ, Онъ повелѣлъ не возсылать къ Нему молитвы, составленной изъ многочисленныхъ стиховъ, а просто открывать Ему наши прошенія. На это Онъ и указалъ въ словахъ: *мнятъ бо, яко въ многоглаголаніи своемъ услышани будутъ. Вѣсть бо ихже требуете* (ст. 7, 8). А если Онъ знаетъ,—скажетъ кто-либо,—въ чемъ мы имѣемъ нужду, то для чего нужно молиться? Не для того, чтобы указать Ему твои нужды, но для того, чтобы преклонить Его; чтобы чрезъ непрестанное моленіе соединиться съ Нимъ, чтобы смириться предъ Нимъ, чтобы вспомнить грѣхи свои. *Сице убо молитеся вы*, продолжалъ Спаситель: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ* (ст. 9). Смотри, какимъ образомъ Онъ тотчасъ ободрилъ слушателя, и въ самомъ началѣ вспомнилъ о всѣхъ благодѣяніяхъ Божіихъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто называетъ Бога Отцемъ, однимъ этимъ наименованіемъ исповѣдуетъ уже и прощеніе грѣховъ, и освобожденіе отъ наказанія, и оправданіе, и освященіе, и искупленіе, и сыноположеніе, и наслѣдіе, и братство со Единороднымъ, и дарованіе Духа, такъ какъ не получившій всѣхъ этихъ благъ не можетъ назвать Бога Отцемъ. Итакъ, Христосъ двоякимъ образомъ воодушевляетъ Своихъ слушателей,—и достоинствомъ называемаго, и величіемъ благодѣяній, которыя они получили. Когда же говоритъ—*на небесѣхъ*, то этимъ словомъ не заключаетъ Бога на небѣ, но отвлекаетъ молящагося отъ земли, и поставляетъ его въ превыспреннихъ странахъ и въ горнихъ жилищахъ. Далѣе, этими словами Онъ научаетъ насъ молиться и за всѣхъ братьевъ. Онъ не говоритъ: Отче мой, иже еси на небесѣхъ, но—*Отче нашъ*, и тѣмъ самымъ повелѣваетъ возносить молитвы за весь родъ человѣческій, и никогда не имѣть въ виду собственныхъ выгодъ, но всегда стараться о выгодахъ ближняго. А такимъ образомъ и вражду уничтожаетъ, и гордость

379 низлагаетъ, и зависть истребляетъ, и вводитъ любовь—мать всего добраго; уничтожаетъ неравенство дѣлъ человѣческихъ и показываетъ полное равночестіе между царемъ и бѣднымъ, такъ какъ въ дѣлахъ высочайшихъ и необходимѣйшихъ мы всѣ имѣемъ равное участіе. Дѣйствительно, какой вредъ отъ низкаго родства, когда по небесному родству мы всѣ соединены, и никто ничего не имѣетъ болѣе другого: ни богатый болѣе бѣднаго, ни господинъ болѣе раба, ни начальникъ болѣе подчиненнаго, ни царь болѣе воина, ни философъ болѣе варвара, ни мудрый болѣе невѣжды? Богъ, удостоившій всѣхъ одинаково называть Себя Отцемъ, чрезъ это всѣмъ даровалъ одно благородство. Итакъ, упомянувши объ этомъ благородствѣ, о высшемъ дарѣ, о единствѣ чести и о любви между братіями, отвлекши слушателей отъ земли и поставивши ихъ на небесахъ,—посмотримъ, о чемъ, наконецъ, повелѣваетъ Іисусъ молиться. Конечно, и наименованіе Бога Отцемъ заключаетъ въ Себѣ достаточное ученіе о всякой добродѣтели: кто Бога назвалъ Отцемъ, и Отцемъ общимъ, тотъ необходимо долженъ такъ жить, чтобы не оказаться недостойнымъ этого благородства и показывать ревность, равную дару. Однако, Спаситель этимъ наименованіемъ не удовлетворился, но присовокупилъ и другія изреченія. *Да святится имя Твое*, говоритъ Онъ. Ничего не просить прежде славы Отца небеснаго, но все почитать ниже хвалы Его—вотъ молитва, достойная того, кто называетъ Бога Отцемъ! *Да святится* значитъ — да прославится. Богъ имѣетъ собственную славу, исполненную всякаго величія и никогда неизмѣняемую. Но Спаситель повелѣваетъ молящемуся просить, чтобы Богъ славился и нашею жизнію. Объ этомъ Онъ и прежде сказалъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. v, 16). И серафимы, славя Бога, такъ взываютъ: *святъ, святъ, святъ* (Ис. vi, 10)! Итакъ, *да святится* значитъ—да прославится. Сподоби насъ,—какъ бы такъ учитъ насъ молиться Спаситель, такъ чисто жить, чтобы чрезъ насъ всѣ Тебя славили. Предъ всѣми являть жизнь неукоризненную, чтобы каждый изъ видящихъ ее возносилъ хвалу Владыкѣ,—это есть признакъ совершенной мудрости. *Да пріидетъ царствіе Твое* (ст. 10). И эти слова приличны доброму сыну, который не привязывается къ видимому, и не почитаетъ настоящихъ благъ чѣмъ-либо великимъ, но стремится къ Отцу и желаетъ будущихъ благъ. Такая молитва происходитъ отъ доброй совѣсти и души, свободной отъ всего земного.

5. Этого и Павелъ желалъ каждодневно, почему и говорилъ: *и сами начатокъ Духа имуще, воздыхаемъ всыновленія чающе, избавле-*

нія тѣлу нашему (Римл. XIII, 23). Кто имѣетъ такую любовь, тотъ не можетъ ни возгордиться среди благъ этой жизни, ни отчаяться среди горестей; но, какъ живущій на небѣ, свободенъ отъ той и другой крайности. *Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.* Видишь ли прекрасную связь? Онъ прежде повелѣлъ желать будущаго и стремиться къ своему отечеству; но доколѣ этого не будетъ, живущіе здѣсь должны стараться вести такую жизнь, какая свойственна небожителямъ. Должно желать, говоритъ Онъ, неба и небеснаго. Впрочемъ и прежде достиженія неба Онъ повелѣлъ намъ землю сдѣлать небомъ и, живя на ней, такъ вести себя во всемъ, какъ бы мы находились на небѣ, и объ этомъ мо- 280
лить Господа. Дѣйствительно, къ достиженію совершенства горнихъ силъ намъ нимало не препятствуетъ то, что мы живемъ на землѣ. Но можно, и здѣсь обитая, все дѣлать такъ, какъ бы мы жили на небѣ. Итакъ, смыслъ словъ Спасителя таковъ: какъ на небѣ совершается все безпрепятственно и не бываетъ того, чтобы ангелы въ одномъ повиновались, а въ другомъ не повиновались, но во всемъ повинуются и покоряются (потому что сказано: *сильніи крѣпостію, творящіи слово Его* [Псал. CII, 20]),—такъ и насъ, людей, сподоби не въ половину творить волю Твою, но все исполнять, какъ Тебѣ угодно. Видишь ли? Христосъ научилъ и смиряться, когда показалъ, что добродѣтель зависитъ не отъ одной только нашей ревности, но и отъ благодати небесной, и вмѣстѣ заповѣдалъ каждому изъ насъ во время молитвы принимать на себя попеченіе и о вселенной,—Онъ не сказалъ: да будетъ воля Твоя во мнѣ, или въ насъ, но на всей *земли*, — т. е., чтобы истребилось всякое заблужденіе и насаждена была истина, чтобы изгнана была всякая злоба и возвратилась добродѣтель и чтобы, такимъ образомъ, ничѣмъ не различалось небо отъ земли. Если такъ будетъ, говоритъ Онъ, то дольнее ничѣмъ не будетъ различествовать отъ горняго, хотя по свойству они и различны; тогда земля покажетъ намъ другихъ ангеловъ. *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь* (ст. 11). Что̀ такое *хлѣбъ насущный*? Повседневный. Такъ какъ Христосъ сказалъ: *да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли*, а бесѣдовалъ Онъ съ людьми, облеченными плотію, которые подлежатъ необходимымъ законамъ природы, и не могутъ имѣть ангельскаго безстрастія, то, хотя и повелѣваетъ намъ такъ исполнять заповѣди, какъ и ангелы исполняютъ ихъ, однако снисходитъ къ немощи природы, и какъ бы такъ говоритъ: Я требую отъ васъ равноангельной строгости жизни, впрочемъ не требуя безстрастія, поскольку того не допускаетъ природа ваша, которая имѣетъ необходимую нужду въ пищѣ. Смотри, однако, какъ и въ тѣлесномъ много духовнаго!

Спаситель повелѣлъ молиться не о богатствѣ, не объ удовольствіяхъ, не о многоцѣнныхъ одеждахъ, не о другомъ чемъ-либо подобномъ, но только о хлѣбѣ, и притомъ о хлѣбѣ повседневномъ, такъ чтобы намъ не заботиться о завтрашнемъ, почему и присовокупилъ: *хлѣбъ насущный*, т. е. повседневный. Даже и этимъ словомъ не удовлетворился, но присовокупилъ вслѣдъ затѣмъ и другое: *даждь намъ днесь*, чтобы намъ не сокрушать себя заботою о наступающемъ днѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если ты не знаешь, увидишь ли завтрашній день, то для чего безпокоишь себя заботой о немъ? Это Спаситель заповѣдалъ и далѣе затѣмъ въ Своей проповѣди: *не пецытеся*, говоритъ, *на утрій* (Матѳ. VI, 34). Онъ хочетъ, чтобы мы всегда были препоясаны и окрылены вѣрою, и не болѣе уступали природѣ, чѣмъ сколько требуетъ отъ насъ необходимая нужда. Далѣе,—такъ какъ случается грѣшить и послѣ купели возрожденія, то Спаситель, желая и въ этомъ случаѣ показать Свое великое человѣколюбіе, повелѣваетъ намъ приступать къ человѣколюбивому Богу съ моленіемъ объ оставленіи грѣховъ нашихъ, и такъ говоритъ: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (ст. 12). Видишь ли бездну милосердія Божія? Послѣ отъятія столькихъ золъ, и послѣ неизреченно великаго дара оправданія, Онъ опять согрѣшающихъ удостоиваетъ прощенія. А что эта молитва принадлежитъ вѣрнымъ,—показываютъ какъ уставы Церкви, такъ и начало самой молитвы Господней. Непросвѣщенный вѣрою не можетъ Бога называть Отцемъ. Если же молитва Господня принадлежитъ вѣрнымъ, и если она повелѣваетъ имъ молиться объ отпущеніи грѣховъ,
281 то явно, что и послѣ крещенія не уничтожается благодѣтельное употребленіе покаянія. Если бы Христосъ не хотѣлъ показать этого, то не заповѣдалъ бы и молиться такимъ образомъ. Когда же Онъ упоминаетъ и о грѣхахъ, и повелѣваетъ просить ихъ прощенія, и научаетъ, какимъ образомъ мы можемъ получить это прощеніе, и тѣмъ самымъ дѣлаетъ для насъ легкимъ путь къ полученію его, то, безъ сомнѣнія, далъ этотъ законъ молитвы потому, что и самъ совершенно зналъ, и намъ желалъ внушить, что и послѣ крещенія можно омыть грѣхи. Напоминаніемъ о грѣхахъ Онъ внушаетъ намъ смиреніе; повелѣніемъ отпускать другимъ уничтожаетъ въ насъ злопамятство; а обѣщаніемъ за это и намъ прощенія утверждаетъ въ насъ благія надежды и научаетъ насъ размышлять о неизреченномъ человѣколюбіи Божіемъ.

6. Особенно же достойно замѣчанія то, что Онъ въ каждомъ вышесказанномъ прошеніи упомянулъ о всѣхъ добродѣтеляхъ, а этимъ послѣднимъ прошеніемъ еще объемлетъ и злопамятство.

И то, что чрезъ насъ святится имя Божіе, есть несомнѣнное доказательство совершенной жизни; и то, что совершается воля Его, показываетъ то же самое; и то, что мы называемъ Бога Отцемъ, есть признакъ непорочной жизни. Во всемъ этомъ уже заключается, что должно оставлять гнѣвъ на оскорбляющихъ насъ; однако Спаситель этимъ не удовлетворился, но, желая показать, какое Онъ имѣетъ попеченіе объ искорененіи между нами злопамятства, особо говоритъ объ этомъ, и послѣ молитвы припоминаетъ не другую какую заповѣдь, а заповѣдь о прощеніи, говоря: *аще бо отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Матѳ. VI, 14). Такимъ образомъ это отпущеніе первоначально зависитъ отъ насъ, и въ нашей власти состоитъ судъ произносимый о насъ. Чтобы никто изъ неразумныхъ, будучи осуждаемъ за великое или малое преступленіе, не имѣлъ права жаловаться на судъ, Спаситель тебя, самого виновнаго, дѣлаетъ судіею надъ самимъ Собою, и какъ бы такъ говоритъ: какой ты самъ произнесешь судъ о себѣ, такой же судъ и Я произнесу о тебѣ; если простишь своему собрату, то и отъ Меня получишь то же благодѣяніе,—хотя это послѣднее на самомъ дѣлѣ гораздо важнѣе перваго. Ты прощаешь другого потому, что самъ имѣешь нужду въ прощеніи, а Богъ прощаетъ, самъ ни въ чемъ не имѣя нужды; ты прощаешь сорабу, а Богъ рабу; ты виновенъ въ безчисленныхъ грѣхахъ, а Богъ безгрѣшенъ. Съ другой стороны, Господь показываетъ Свое человѣколюбіе тѣмъ, что хотя бы Онъ могъ и безъ твоего дѣла простить тебѣ всѣ грѣхи, но Онъ хочетъ и въ этомъ благодѣтельствовать тебѣ, во всемъ доставляетъ тебѣ случаи и побужденія къ кротости и человѣколюбію; гонитъ изъ тебя звѣрство, угашаетъ въ тебѣ гнѣвъ и всячески хочетъ соединить тебя съ твоими членами. Что ты скажешь на это? То ли, что ты несправедливо потерпѣлъ какое-нибудь отъ ближняго зло? Если такъ, то, конечно, ближній согрѣшилъ противъ тебя; а если ты претерпѣлъ по правдѣ, то это не составляетъ грѣха въ немъ. Но и ты приступаешь къ Богу съ намѣреніемъ получить прощеніе въ подобныхъ, и даже гораздо большихъ грѣхахъ. Притомъ еще прежде прощенія мало ли получилъ ты, когда ты уже наученъ хранить въ себѣ человѣческую душу и наставленъ кротости? Сверхъ того и великая награда предстоитъ тебѣ въ будущемъ вѣкѣ, потому что тогда не потребуется отъ тебя отчетъ ни въ одномъ грѣхѣ твоемъ. Итакъ, какого будемъ достойны мы наказанія, если и по полученіи такихъ правъ оставимъ безъ вниманія спасеніе наше? Будетъ ли Господь внимать нашимъ прошеніямъ, когда мы сами не жалѣемъ себя тамъ, гдѣ все въ на- 282

шей власти? *И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Яко твое есть царство и сила и слава во вѣки. Аминь* (ст. 13). Здѣсь Спаситель явно показываетъ наше ничтожество и низлагаетъ гордость, научая насъ не отказываться отъ подвиговъ и произвольно не спѣшить къ нимъ; такимъ образомъ и для насъ побѣда будетъ блистательнѣе, и для діавола пораженіе чувствительнѣе. Какъ скоро мы вовлечены въ борьбу, то должны стоять мужественно; а если нѣтъ вызова къ ней, то должны спокойно ожидать времени подвиговъ, чтобы показать себя и нетщеславными, и мужественными. Лукавымъ же здѣсь называетъ Христосъ діавола, повелѣвая намъ вести противъ него непримиримую брань, и показывая, что онъ таковъ не по природѣ. Зло зависитъ не отъ природы, но отъ свободы. А что преимущественно діаволъ называется лукавымъ, то это по чрезвычайному множеству зла, въ немъ находящагося, и потому, что онъ, не будучи ничѣмъ обиженъ отъ насъ, ведетъ противъ насъ непримиримую брань. Потому Спаситель и не сказалъ: *избави насъ* отъ лукавыхъ, но: отъ *лукаваго*,—и тѣмъ самымъ научаетъ насъ никогда не гнѣваться на ближнихъ за тѣ оскорбленія, какія мы иногда терпимъ отъ нихъ, но всю вражду свою обращать противъ діавола, какъ виновника всѣхъ золъ. Напоминаніемъ о врагѣ сдѣлавши насъ болѣе осторожными и пресѣкши всякую безпечность нашу, Онъ воодушевляетъ насъ далѣе, представляя намъ того Царя, подъ властію Котораго мы воинствуемъ, и показывая, что Онъ могущественнѣе всѣхъ. *Яко Твое есть*, говоритъ Спаситель, *царство и сила и слава*. Итакъ, если Его царство, то не должно никого бояться, такъ какъ никто Ему не сопротивляется и никто не раздѣляетъ съ Нимъ власти. Когда Спаситель сказалъ: *Твое есть царство*, то показываетъ, что и тотъ врагъ нашъ подчиненъ Богу, хотя, повидимому, еще и сопротивляется, по попущенію Божію. И онъ изъ числа рабовъ, хотя и осужденныхъ и отверженныхъ, а потому и не дерзнетъ нападать ни на одного изъ рабовъ, не получивъ прежде власть свыше. И что я говорю: ни на одного изъ рабовъ? Даже на свиней не дерзнулъ онъ напасть до тѣхъ поръ, пока самъ Спаситель не повелѣлъ, ни на стада овецъ и воловъ, доколѣ не получилъ власти свыше. *И сила*,—говоритъ Христосъ. Итакъ, хотя бы ты и весьма былъ немощенъ, однако долженъ дерзать, имѣя такого Царя, Который и чрезъ тебя легко можетъ совершать всѣ славная дѣла. *И слава во вѣки. Аминь.*

7. Этотъ Царь не только освобождаетъ тебя отъ угрожающихъ тебѣ золъ, но еще можетъ дѣлать тебя и славнымъ и знаменитымъ; какъ сила Его велика, такъ и слава Его неизре-

ченна,—словомъ, все у Него безпредѣльно и безконечно. Видишь ли, какъ Спаситель отовсюду укрѣпляетъ и ободряетъ подвижника? Потомъ,—какъ прежде сказалъ я,—Спаситель, желая показать, что Онъ болѣе всего отвращается и ненавидитъ злопамятство, и что болѣе всего Ему любезна добродѣтель, противоположная этому пороку, опять и послѣ молитвы вспомнилъ объ этой великой добродѣтели, и къ повиновенію заповѣди о незлобіи побуждаетъ слушателя какъ предстоящимъ наказаніемъ, 283
такъ и опредѣленною наградою. *Аще бо*, говоритъ Онъ, *отпущаете человѣкомъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный. Аще ли не отпущаете, ни Онъ вамъ отпуститъ* (ст. 14, 15). Здѣсь Христосъ опять упомянулъ о небесахъ и объ Отцѣ для того, чтобы этимъ упоминаніемъ пристыдить слушателя, если бы, т. е., онъ, будучи сыномъ такого Отца, продолжалъ бы оставаться жестокимъ и, будучи призванъ къ небу, имѣлъ бы какое-нибудь земное и житейское мудрованіе. Чтобы быть сыномъ Божіимъ, для того нужна не благодать только, но и дѣла. А ничто такъ не уподобляетъ насъ Богу, какъ то, когда мы прощаемъ людей злыхъ, которые обижаютъ насъ. Это и прежде показалъ Спаситель, когда говорилъ, что Отецъ небесный *сіяетъ солнце Свое на злыя и благія*. Потому-то и въ каждомъ изреченіи Онъ повелѣваетъ совершать общія молитвы, когда поворитъ: *Отче нашъ! Да будетъ воля Твоя яко на небеси, и на земли; даждь намъ хлѣбъ; остави намъ долги наша; не введи насъ во искушеніе; избави насъ*. Такъ, повелѣвая намъ произносить всѣ прошенія отъ лица многихъ, Онъ тѣмъ самымъ заповѣдуетъ не имѣть и слѣда гнѣва противъ ближняго. Итакъ, какого будутъ достойны наказанія тѣ, которые, не взирая на все это, не только сами не прощаютъ, но и Бога просятъ объ отмщеніи врагамъ и такимъ образомъ совершенно нарушаютъ законъ о незлобіи, тогда какъ Богъ все дѣлаетъ и устрояетъ для того, чтобы намъ не враждовать между собою? Корень всякаго добра есть любовь; потому-то Онъ и уничтожаетъ все, что можетъ вредить любви, и всѣми способами старается соединить насъ между собою. Подлинно, совершенно никто—ни отецъ, ни мать, ни другъ, ни другой кто-либо не любитъ насъ столько, сколько сотворившій насъ Богъ. И это особенно видно какъ изъ Его ежедневныхъ благодѣяній, такъ и изъ повелѣній. Если же ты мнѣ укажешь на болѣзни, печали и прочія бѣдствія жизни, то подумай, сколько ты оскорбляешь Его каждый день,—и тогда не станешь дивиться, если тебя постигнутъ и еще большія бѣдствія; напротивъ, ты станешь дивиться и изумляться тогда, когда тебѣ случится наслаждаться какимъ-либо благомъ. Теперь мы смотримъ только на постига-

ющія насъ несчастія, а объ оскорбленіяхъ, которыми ежедневно оскорбляемъ Бога, не помышляемъ. Поэтому и скорбимъ. Между тѣмъ если бы мы тщательно размыслили о грѣхахъ, и въ одинъ только день учиненныхъ нами, то ясно бы увидѣли, насколько тяжкимъ повинны мы наказаніямъ. И не говоря о другихъ грѣхахъ, каждымъ изъ насъ прежде сдѣланныхъ, скажу только о грѣхахъ, совершенныхъ сегодня. Хотя мнѣ и неизвѣстно, въ чемъ каждый изъ насъ согрѣшилъ, однако грѣховъ такъ много, что и незная всего совершенно можно указать на многіе изъ нихъ. Кто изъ васъ, напримѣръ, не лѣнился на молитвѣ? Кто не гордился? Кто не тщеславился? Кто не сказалъ оскорбительнаго слова брату? Кто не допустилъ злого пожеланія? Кто не посмотрѣлъ безстыдными глазами? Кто не вспомнилъ о врагѣ съ возмущеніемъ духа, и сердца своего не наполнилъ надменностью? Если же находясь даже въ Церкви и въ краткое время мы сдѣлались преступными въ столькихъ грѣхахъ, то каковы будемъ, когда выйдемъ отсюда? Если въ пристани такія волны, то когда войдемъ въ пучину золъ, т. е. выйдемъ на торжище, приступимъ къ гражданскимъ дѣламъ и домашнимъ заботамъ,— тогда будемъ ли въ силахъ даже и узнать самихъ себя? И однако Богъ, желая, чтобы мы освободились отъ столь многихъ и вели-
284 кихъ грѣховъ, предложилъ намъ путь краткій, легкій и удобный. Какой, въ самомъ дѣлѣ, трудъ—простить оскорбившему? Не прощеніе, но храненіе вражды составляетъ трудъ. Напротивъ, освободиться отъ гнѣва и весьма легко тому, кто захочетъ, и это же доставляетъ спокойствіе.

8. Не нужно переплывать море, совершать дальнее путешествіе, восходить на вершины горъ, тратить деньги, удручать тѣло; довольно только пожелать—и всѣ грѣхи прощены. Если же не только самъ ты не прощаешь оскорбившаго тебя, но и Бога умоляешь противъ него, то какую будешь имѣть надежду спасенія, коль скоро въ то время, когда долженъ умилостивлять Бога, оскорбляешь Его, принимая на себя видъ молящагося, а между тѣмъ испуская звѣрскіе крики и бросая противъ себя самого стрѣлы лукаваго? Потому и Павелъ, упоминая о молитвѣ, ничего такъ не требуетъ, какъ сохраненія заповѣди о незлобіи: *воздѣюще бо*, говоритъ онъ, *преподобныя руцѣ безъ гнѣва и размышленія* (1 Тим. II, 8). Если ты даже и въ то время, когда имѣешь нужду въ помилованіи, не оставляешь гнѣва, но глубоко сохраняешь въ своей памяти, зная притомъ, что чрезъ это ты вонзаешь мечь въ себя самого, то когда же сможешь сдѣлаться человѣколюбивымъ и извергнуть изъ себя пагубный ядъ злобы? Если ты еще не видишь, какъ тяжко и безразсудно молиться

объ отмщеніи врагамъ, то подумай объ отношеніи къ тому же людей, и тогда увидишь, какъ тяжко оскорбляешь ты Бога. Такъ, если бы къ тебѣ, человѣку, пришелъ кто-нибудь съ просьбою о помилованіи, потомъ увидѣлъ бы врага, и переставши просить тебя, сталъ бить его, то ужели бъ ты еще болѣе не разгнѣвался? Знай, что то же и у Бога бываетъ. Ты обращаешься съ прошеніемъ къ Богу и, между тѣмъ, оставивъ молитву, начинаешь поносить врага своего и безчестить заповѣди Божіи, вызывая Бога, повелѣвшаго оставлять всякій гнѣвъ, противъ оскорбившихъ тебя, и прося Его сдѣлать противнее собственнымъ Его велѣніямъ. Ужели тебѣ недостаточно для наказанія, что ты преступаешь законъ Бога? А ты еще и Его самого умоляешь сдѣлать то же? Развѣ Онъ забылъ, что повелѣлъ? Развѣ Онъ какъ человѣкъ сказалъ это? Онъ—Богъ, Который все знаетъ и желаетъ, чтобы законы Его сохраняемы были во всей точности, и не только того, о чемъ просишь Его, не сдѣлаетъ, но и тебя за то самое, что ты такъ говоришь, отвращается, ненавидитъ и подвергнетъ жесточайшей казни. Какъ ты хочешь получить отъ Него то, отъ чего самъ Онъ повелѣваетъ тебѣ всѣми силами удерживаться? Но есть люди, которые дошли до такого безумія, что не только молятся противъ враговъ, но и дѣтей ихъ проклинаютъ, и самыя тѣла ихъ готовы бы пожрать, если бы возможно было, или даже и пожираютъ. Не говори мнѣ, что ты не вонзилъ зубовъ въ тѣло оскорбившаго. Ты гораздо хуже сдѣлалъ, когда со всею ревностію молилъ, чтобы гнѣвъ свыше пришелъ на него, и чтобы онъ преданъ былъ вѣчному наказанію и погибъ со всѣмъ домомъ своимъ. Развѣ это не больнѣе всякихъ угрызеній? Не язвительнѣе всякихъ стрѣлъ? Не тому научилъ тебя Христосъ; Онъ не велѣлъ такъ окровавлять устъ. Таковые языки лютѣе устъ, окрававленныхъ терзаніемъ человѣческихъ тѣлъ. Какъ же ты станешь лобызать брата? Какъ коснешься 285
жертвы? Какъ вкусишь кровь Господню, имѣя столько яда въ сердцѣ? Вѣдь когда ты говоришь: растерзай его, разрушь домъ, истреби все, и желаешь ему безчисленныхъ погибелей, то ты ничѣмъ не отличаешься отъ человѣкоубійцы, или даже отъ звѣря, пожирающаго людей.

Итакъ, перестанемъ страдать такимъ безуміемъ; будемъ оказывать оскорбившимъ насъ благорасположеніе, которое заповѣдано намъ Господомъ, чтобы сдѣлаться намъ подобными небесному Отцу нашему. А освободимся мы отъ этой болѣзни, если будемъ помнить о своихъ грѣхахъ, если строго будемъ изслѣдовать всѣ беззаконія наши—и внутреннія и внѣшнія, и тѣ, которыя дѣлаемъ на торжищѣ, и тѣ, которыя совершаемъ въ

церкви. Вѣдь и за одно только непристойное поведеніе въ этомъ мѣстѣ мы можемъ оказаться достойными крайняго наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ поютъ псалмы пророки, пѣснословятъ апостолы, и самъ Богъ говоритъ, мы разсѣеваемся по предметамъ внѣшнимъ, производимъ шумъ разговорами о житейскихъ дѣлахъ, и для слушанія законовъ Божіихъ не хотимъ удѣлить и такого вниманія, какое оказываютъ зрители на зрѣлищахъ, когда читаются царскіе указы. Тамъ, когда читаются эти указы, всѣ стоятъ въ безмолвіи и со вниманіемъ слушаютъ слова—и консулы, и префекты, и сенатъ и народъ; а если кто среди глубочайшаго этого безмолвія вдругъ закричитъ, то такой, какъ оскорбитель царскаго величія, подвергается тяжкому наказанію. А здѣсь, когда читаются писанія небесныя, отвсюду слышенъ шумъ, хотя Тотъ, чьи эти писанія, гораздо выше царя земного, и зрѣлище—священнѣе. Не одни только люди находятся здѣсь, но и ангелы; притомъ и побѣдныя награды, возвѣщаемыя въ этихъ писаніяхъ, гораздо превосходнѣе земныхъ, почему не только человѣкамъ, но и ангеламъ и архангеламъ, словомъ всѣмъ, какъ небожителямъ, такъ и обитающимъ на землѣ, повелѣвается славословить общаго Царя. *Благословите*, говоритъ пророкъ, *Господа вся дѣла Его* (Псал. CII, 22). Подлинно, и дѣла Его не маловажны, но превосходятъ всякое слово, и умъ, и мысль человѣческую. Объ этихъ дѣлахъ Его всякій день проповѣдуютъ пророки, и каждый изъ нихъ различно возвѣщаетъ Его славу. Одинъ говоритъ: *возшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ, и пріялъ еси даянія въ человѣцѣхъ* (Псал. LXVII, 19; Ефес. IV, 8). *Господь крѣпокъ и силенъ во брани* (Псал. XXII, 8). Другой же говоритъ: *крѣпкихъ раздѣлитъ корысти* (Ис. LIII, 12). Для того Онъ и пришелъ, чтобы плѣннымъ проповѣдывать свободу и слѣпымъ прозрѣніе. Иной, воспѣвая побѣду надъ смертію, говорилъ: *смерть, гдѣ твоя побѣда* (1 Кор. XV, 55)? *Адъ гдѣ твое жало* (Ос. XIII, 12)? Иной, опять, благовѣствуя глубочайшій миръ, говорилъ: *сокрушатъ мечи своя на рала и копія свои на серпы* (Ис. II, 4; Іоил. III, 10). А иной взываетъ къ Іерусалиму: *радуйся зѣло дщи Сіоня, яко се Царь твой*
286 *грядетъ тебѣ кротокъ, всѣдъ на подъяремника и жребца юна* (Зах. IX, 9). Иной и второе пришествіе Его проповѣдуетъ, говоря: *пріидетъ Господь, Егоже вы ищете, и кто стерпитъ день пришествія Его* (Малах. III, 1, 5)? *Играйте аки тельцы отъ узъ разрѣшени* (Малах. IV, 2). А другой въ изумленіи опять говоритъ: *сей Богъ нашъ, и не вмѣнится инъ къ Нему* (Варух. III, 36). При этихъ и другихъ весьма многихъ вѣщаніяхъ намъ надлежало бы трепетать и быть какъ бы не на землѣ; а мы, какъ на торжищѣ, производимъ шумъ и смятеніе и проводимъ все время священнаго собранія

въ разговорахъ о совершенно безполезныхъ для насъ вещахъ. Итакъ, когда мы такъ небрежны, и въ маломъ и великомъ, и въ слушаніи и въ дѣлѣ, и внѣ церкви и въ церкви, и сверхъ того еще молимся объ отмщеніи врагамъ, то какъ мы можемъ надѣяться получить спасеніе, мы, которые къ безчисленнымъ грѣхамъ нашимъ прилагаемъ еще новое равное всѣмъ имъ преступленіе, то есть, эту беззаконную молитву? Итакъ, нужно ли послѣ того удивляться, когда случится съ нами какое-либо неожиданное несчастіе? Не должно ли, напротивъ, удивляться, если ничего подобнаго не случается съ нами? Первое является естественнымъ слѣдствіемъ нашихъ дѣлъ, а послѣднее будетъ непонятнымъ и неожиданнымъ случаемъ. Подлинно, нельзя понять, какъ враги и оскорбители Божіи наслаждаются и сіяніемъ солнца, и дождями, и всѣми другими благодѣяніями Божіими. Наслаждаются тѣ люди, которые послѣ духовной трапезы, послѣ великихъ благодѣяній, послѣ безчисленныхъ наставленій, своею жестокостію превосходятъ звѣрей, возстаютъ другъ на друга, и окровавляютъ языкъ свой, угрызая ближнихъ. Итакъ, принявъ все это въ соображеніе, выбросимъ изъ сердецъ ядъ, разрушимъ вражду, станемъ возносить приличныя намъ молитвы; вмѣсто демонскаго звѣрства воспріимемъ ангельскую кротость, и какъ бы тяжко мы ни были оскорблены, представимъ себѣ собственныя наши согрѣшенія, вспомнимъ о наградѣ, какая ожидаетъ насъ за соблюденіе этой заповѣди, и умягчимъ гнѣвъ, укротимъ волны, чтобы намъ и настоящую жизнь пройти безмятежно, и по отшествіи туда, найти для себя Господа таковымъ, каковыми мы были къ собратіямъ своимъ. Если это тяжко и страшно, то постараемся сдѣлать легкимъ и вожделѣннымъ, отверземъ для себя свѣтлыя двери дерзновенія къ Богу, и чего не могли совершать воздержаніемъ отъ грѣховъ, будемъ достигать кротостію къ оскорбившимъ насъ (это не тяжко и не трудно), и благодѣтельствуя врагамъ своимъ, будемъ предуготовлять себѣ самимъ великую милость. Такимъ образомъ и въ настоящей жизни всѣ насъ возлюбятъ, и прежде всѣхъ Богъ насъ возлюбитъ и увѣнчаетъ, и удостоитъ всѣхъ будущихъ благъ, которыя получить да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XX.

285-286 **Егда же поститеся, не будите якоже лицемѣри, сѣтующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся человѣкомъ постящеся (VI, 16).**

1. При этихъ словахъ прилично намъ тяжко возстенать, и горько восплакать. Мы не только подражаемъ лицемѣрамъ, но и превзошли ихъ. Я знаю многихъ, которые не только, когда постятся, обнаруживаютъ это предъ людьми, но и совсѣмъ не постясь, принимаютъ на себя лица постящихся и въ извиненіе представляютъ нѣчто худшее самаго грѣха. Я дѣлаю это, говорятъ они, для того, чтобы мнѣ не соблазнить другихъ. Но что
286 ты говоришь? Поститься тебѣ повелѣваетъ законъ Божій; а ты ссылаешься на соблазнъ. И ужели думаешь, что исполняя этотъ законъ, ты соблазняешь, а нарушая его, не дѣлаешь соблазна? Что можетъ быть хуже такого извиненія? Ты хочешь быть хуже лицемѣровъ, вдвойнѣ лицемѣришь и вымышляешь крайнее нечестіе. Ужели не приводитъ тебя въ стыдъ выразительность изреченія Спасителева? Онъ не сказалъ, что они только лицемѣрятъ, но, желая сильнѣе ихъ обличить, сказалъ: *помрачаютъ бо лица своя*, т. е. портятъ, искажаютъ ихъ. Если же и для суетной славы казаться блѣднымъ значитъ портить лице, то что, сказать о бѣлилахъ и румянахъ, которыми женщины портятъ лица свои на пагубу сладострастнымъ юношамъ? Въ первомъ случаѣ дѣлаютъ вредъ только себѣ самимъ; а въ послѣднемъ и себѣ и тѣмъ, которые смотрятъ на нихъ. Бѣгите той и другой язвы съ возможнымъ усиліемъ. Спаситель заповѣдалъ намъ не только не выставлять на видъ добрыхъ дѣлъ своихъ, но и тщательно укрывать ихъ,—какъ Онъ и самъ еще прежде наставленія поступилъ. Касательно милостыни не просто сказалъ Онъ: *внемлите милостыни вашея не творити предъ человѣки*, но присовокупилъ: *да видими будете ими* (Мато. VI, 6). О постѣ же и молитвѣ этого не сказалъ. Почему? Потому что подавать милостыню совершенно тайно невозможно; а молиться и поститься—можно. Итакъ, когда говорилъ: *да не увѣсть шуйца, что творитъ десница твоя* (Мато. VI, 3), то говорилъ не о рукахъ, но о томъ, что должно тщательно отъ всѣхъ скрываться; на то же самое указывалъ Онъ, когда повелѣлъ входить въ клѣть, а не на то, что въ ней непремѣнно или преимущественно должно совершать молитву. Подобнымъ образомъ и здѣсь, повелѣвъ помазывать голову, не заповѣдалъ, чтобы мы непремѣнно намащали себя; иначе мы всѣ были бы преступниками данной заповѣди, и прежде всѣхъ общества пу-

стынниковъ, которые, удаляясь въ горы, преимущественно стараются соблюдать заповѣдь о постѣ. Итакъ, не это заповѣдалъ Спаситель. У древнихъ былъ обычай помазывать себя во время радости и веселія, какъ это видно изъ примѣра Давида и Даніила. И Христосъ заповѣдываетъ помазывать голову не съ тѣмъ, чтобы мы непремѣнно дѣлали это, но чтобы тщательно старались скрывать постъ — это стяжаніе свое. А чтобы ты увѣрился, что это точно такъ, Онъ заповѣдь Свою исполнилъ самымъ дѣломъ, когда, постясь сорокъ дней и постясь втайнѣ, не помазывалъ головы и не умывалъ лица, но, не дѣлая этого, все совершалъ безъ всякаго тщеславія. То же самое Онъ и намъ заповѣдуетъ: упомянувъ о лицемѣрахъ и представивъ слушателямъ двѣ заповѣди, Онъ наименованіемъ этимъ, т. е. наименованіемъ лицемѣровъ, указываетъ еще на нѣчто другое. Именно: Онъ отвращаетъ отъ лукаваго желанія не только тѣмъ, что дѣло лицемѣра достойно осмѣянія и крайне вредно, но и тѣмъ, что обманъ лицемѣра можетъ скрываться только на нѣкоторое время. Въ самомъ дѣлѣ, лицедѣй только дотолѣ кажется блистательнымъ, пока продолжается зрѣлище, да и то не для всѣхъ: большая часть зрителей знаетъ, кто онъ таковъ и за кого выдаетъ себя. Но, когда кончится зрѣлище, тогда для всѣхъ открывается онъ въ томъ видѣ, каковъ есть. Такой же точно 288
участи необходимо подвергаются и тщеславные. И если уже здѣсь на землѣ многимъ извѣстно, что они не таковы, каковыми кажутся, но только надѣваютъ на себя личину, то тѣмъ болѣе они изобличатся послѣ, когда *вся будутъ нага и обнаженна*. Съ другой стороны, Спаситель отклоняетъ Своихъ слушателей отъ подражанія лицемѣрамъ и указаніемъ на легкость предписываемой Имъ заповѣди. Онъ не заповѣдуетъ долгаго поста, не предписываетъ много поститься, но только предостерегаетъ, чтобы намъ не лишиться вѣнца за него. Итакъ то, что есть тяжкаго въ постѣ, лежитъ и на насъ, и на лицемѣрахъ: вѣдь и они постятся. А самое легкое дѣло, т. е. трудиться съ тѣмъ, чтобы не потерять награды, составляетъ Мою заповѣдь, говоритъ Спаситель. Такимъ образомъ, Онъ нимало не увеличиваетъ для насъ трудовъ, но только ограждаетъ безопасностію награды, не желая, чтобы мы отходили неувѣнчанными подобно лицемѣрамъ. Эти послѣдніе не хотятъ поступать такъ, какъ поступаютъ подвизающіеся на Олимпійскихъ состязаніяхъ, которые въ присутствіи огромнаго собранія простого народа и знаменитыхъ лицъ стараются угодить только тому, кто увѣнчиваетъ ихъ за побѣду, хотя бы это былъ человѣкъ и низкаго состоянія. Ты имѣешь сугубое побужденіе подвизаться и побѣждать предъ очами Господа; Онъ будетъ и

увѣнчивать тебя, и Онъ же несравненно выше всѣхъ, находящихся на позорищѣ міра сего; между тѣмъ ты объявляешь о своей побѣдѣ другимъ, которые не только не могутъ принесть тебѣ никакой пользы, но весьма много могутъ еще и вредить.

2. Впрочемъ, Я и этого не запрещаю, говоритъ Онъ. Если желаешь показаться людямъ, то подожди; Я и это тебѣ доставлю во всей полнотѣ и съ пользою для тебя. Теперь это желаніе твое отлучитъ тебя отъ славы Моей, такъ какъ пренебреженіе всѣмъ этимъ сочетаваетъ со Мною, — но тогда со всею безопасностію насладишься всѣмъ. Даже и прежде того, еще здѣсь, ты получишь немаловажный плодъ, презирая человѣческую славу: ты освободишься отъ тяжкаго раболѣпства людямъ, сдѣлаешься искреннимъ другомъ добродѣтели; а если, наоборотъ, будешь любить людскую славу, то, хотя бы удалился и въ пустыню, ты не пріобрѣтешь добродѣтели, потому именно, что не будешь имѣть зрителей. Подумай: ты обижаешь и самую добродѣтель, когда исполняешь ее не для нея самой, но для какого-нибудь веревочника, кузнеца и толпы торгашей; хочешь, чтобы дивились тебѣ и люди худые, для которыхъ добродѣтель—стороннее дѣло; сзываешь и самыхъ враговъ добродѣтели, чтобы показать имъ ее какъ бы на зрѣлищѣ. Это подобно тому, какъ если бы кто захотѣлъ вести цѣломудренную жизнь не по уваженію къ чистотѣ цѣломудрія, но чтобы выказать себя предъ блудниками: точно такъ же и ты не избралъ бы добродѣтели, если бы не имѣлъ желанія прославиться предъ врагами добродѣтели,—между тѣмъ какъ надлежало бы почтить ее и потому, что ее хвалятъ и враги ея. Такъ мы должны почитать ее не ради другихъ, но ради нея самой. И мы сами ставимъ себѣ въ обиду, когда насъ любятъ не ради насъ самихъ, но ради другихъ. Точно такъ же разсуждай и о добродѣтели: не ради другихъ люби ее, не для людей повинуйся Богу, но для Бога людямъ. Если же поступаешь иначе, то, хотя, повидимому, и любишь добродѣтель, раздражаешь Бога наравнѣ съ тѣмъ, кто совсѣмъ не слѣдуетъ ей. Какъ этотъ послѣдній не повинуется Богу, потому что не исполняетъ добродѣтели, такъ и ты преступаешь законъ Божій, потому что беззаконно исполняешь ее. *Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли* (ст. 19). Послѣ того, какъ Спаситель излѣчилъ болѣзнь
289 тщеславія, по естественному порядку, предлагаетъ слово о нелюбостяжаніи. Подлинно, ничто столько не заставляетъ любить богатство, какъ тщеславіе. И толпы служителей и евнуховъ, и золотомъ одѣтыя лошади, и серебряные столы, и тому подобныя весьма смѣшныя вещи придуманы людьми не для того, чтобы удовлетворить нуждѣ, или чтобы получить удовольствіе, но для

того, чтобы выказать себя предъ другими. Итакъ, выше Іисусъ Христосъ говорилъ только о томъ, что должно быть милосердымъ; а здѣсь, словами: *не собирайте сокровищъ*, показываетъ и то, въ какой степени должно быть милосердымъ. Такъ какъ корыстолюбіе съ чрезвычайною силою господствуетъ надъ людьми, и потому предложить ученіе о презрѣніи богатства нельзя было вдругъ, съ самаго начала,—то Спаситель искореняетъ эту страсть мало-по-малу, освобождаетъ отъ нея постепенно, и такимъ образомъ дѣлаетъ ученіе о нелюбостяжаніи наконецъ удобопріемлемымъ для сердецъ Своихъ слушателей. Вотъ почему, прежде всего, Онъ говорилъ: *блажени милостивіи* (Матѳ. v, 7); потомъ: *буди увѣщеваяся съ соперникомъ твоимъ* (тамъ же ст. 25); затѣмъ: *хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (тамъ же ст. 40); а здѣсь требуетъ гораздо большаго. Тамъ сказалъ: если видишь угрожающую тебѣ ссору, то поступи такъ, потому что лучше ничего не имѣть и быть дальше отъ ссоры, нежели имѣть что-либо и вести вражду; а здѣсь, не упомянувъ ни объ истцѣ, ни объ отвѣтчикѣ, ни о другомъ комъ-либо, поучаетъ просто презрѣнію имущества, независимо отъ чего бы то ни было. Онъ даетъ эту заповѣдь не столько для получающаго, сколько для подающаго милостыню, чтобы, то есть, и тогда, какъ никто насъ не обижаетъ и не влечетъ въ судилище, мы презирали богатство и раздавали его бѣднымъ. Впрочемъ, и въ настоящемъ случаѣ Онъ еще не все открылъ. Хотя въ пустынѣ Онъ и показалъ чрезвычайные подвиги для добродѣтели нелюбостяжанія, однако не поставляетъ ихъ на видъ, такъ какъ еще не время было открыть это. Теперь Онъ хочетъ разобрать только (обыкновенныя) помышленія человѣческія, и предлагаетъ Свои слова болѣе въ качествѣ совѣтующаго, нежели законодателя. *Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли*, говоритъ и присовокупляетъ: *идѣже червь и тля тлитъ, идѣже татіе подкапываютъ и крадутъ*. Такимъ образомъ, Онъ какъ самымъ мѣстомъ, такъ и свойствомъ предметовъ доказываетъ вредъ земныхъ сокровищъ и достоинство небесныхъ. И здѣсь не останавливается, но представляетъ и другое соображеніе. Во-первыхъ, Онъ побуждаетъ слушателей къ добродѣтели тѣмъ самымъ, чего они больше всего страшатся. Чего страшишься ты, говоритъ Онъ? Ужели истощится твое богатство, если ты подашь милостыню? Нѣтъ: подавай милостыню—и тогда оно не истощится; и что удивительнѣе, оно не только тогда не истощится, но еще получитъ большое приращеніе, потому что къ нему присовокупятся и блага небесныя. Онъ здѣсь прямо еще не говоритъ объ этомъ, но въ дальнѣйшей рѣчи утверждаетъ это.

3. Теперь, предлагая то, что особенно могло убѣдить слушателей Его, т. е., что сокровище пребудетъ у нихъ неистощимымъ, Онъ и съ другой стороны склоняетъ ихъ къ милосердію; не говоритъ, что если подашь милостыню, то сокровище сохранится, но угрожаетъ противнымъ случаемъ, т. е., что если не подашь, то оно погибнетъ. Подивись неизреченной мудрости! Не сказалъ, что другимъ его по себѣ оставишь, что перѣдко бываетъ пріятно людямъ; но, къ ихъ ужасу, показываетъ, что они и этого не въ силахъ сдѣлать, потому что, хотя бы люди богатству и не причинили ущерба, но всегда будутъ вредить моль и ржа. Хотя,
290 казалось бы, и легко совладѣть съ этимъ вредомъ, но на самомъ дѣлѣ трудно преодолѣть или предотвратить его. Что бы ты ни придумалъ, не можешь предотвратить этого вреда. Почему же? Неужели золото истребляется молью?—Если молью не истребляется, то воры крадутъ.—Но ужели всѣхъ обкрадываютъ?—Если и не всѣхъ,—по крайней мѣрѣ, очень многихъ. Въ виду этого Спаситель разсматриваетъ богатство и съ другой стороны, какъ я выше упомянулъ: *идѣже сокровище* человѣка, говоритъ Онъ, *ту и сердце* его (ст. 21). То есть, хотя и ничего подобнаго не случится, но немалый для тебя вредъ будетъ заключаться въ томъ, что ты будешь прилѣпленъ къ земному, будешь рабомъ вмѣсто свободнаго, отпадешь отъ небеснаго, не въ состояніи будешь помыслить о горнемъ, а только о деньгахъ, о процентахъ, о долгахъ, о прибыткахъ и гнусныхъ корчемствахъ. Что можетъ быть бѣдственнѣе этого? Такой человѣкъ впадаетъ въ рабство, болѣе тяжкое, чѣмъ рабство всякаго раба, и, что всего гибельнѣе, произвольно отвергаетъ благородство и свободу, свойственныя человѣку. Сколько ни бесѣдуй съ тобою, имѣя умъ пригвожденный къ богатству, ты не можешь услышать ничего полезнаго для себя. Но какъ песъ въ логовищѣ, прикованный къ заботамъ о деньгахъ крѣпче цѣпи, бросаешься ты на всѣхъ приходящихъ къ тебѣ,—занимаешься только тѣмъ, чтобы для другихъ сохранить лежащее у тебя сокровище. Что можетъ быть бѣдственнѣе этого? Но такъ какъ мысль эта превышала понятіе слушателей, и какъ вредъ, такъ и польза, проистекающіе отъ богатства, для многихъ не были очевидны, и, чтобы понять это, нуженъ былъ умъ довольно проницательный, то Спаситель, послѣ предварительнаго объясненія, и сказалъ: *идѣже сокровище* человѣка, *ту и сердце* его. Поясняя то же самое далѣе, Онъ обращаетъ рѣчь отъ умственныхъ предметовъ къ чувственнымъ, именно говоритъ: *свѣтильникъ тѣлу есть око* (ст. 22). Смыслъ словъ Его таковъ: не закапывай въ землю ни золота, ни чего-либо другого тому подобнаго, потому что сокровище ты собираешь для червя, тли и для воровъ.

Хотя ты и сбережешь его отъ этихъ истребителей, но не сохранишь своего сердца отъ порабощенія и прилѣпленія ко всему земному,—потому что гдѣ будетъ сокровище твое, тамъ будетъ и сердце твое. Напротивъ, если будетъ твое сокровище на небѣ, то не только имѣешь ту выгоду, что сподобишься за это небесныхъ почестей, но еще и здѣсь получишь награду, возносясь на небо, помышляя и заботясь о небесномъ, такъ какъ очевидно, что ты туда же перенесешь и умъ свой, куда положишь свое сокровище; наоборотъ, когда ты положишь свое сокровище на землѣ, то будешь испытывать совершенно противное. Если же сказанное кажется тебѣ неяснымъ, то выслушай слѣдующее: *свѣтильникъ тѣлу есть око. Аще убо око твое просто будетъ, все тѣло твое свѣтло будетъ; аще же око твое лукаво будетъ, все тѣло твое темно будетъ. Аще убо свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма кольми* (ст. 22, 23). Такимъ образомъ, Спаситель обращаетъ Свое слово къ нагляднымъ примѣрамъ. Такъ какъ Онъ упомянулъ о порабощеніи и плѣненіи ума, а это для многихъ было неудобопонятно, то Онъ Свое ученіе прилагаетъ къ предметамъ внѣшнимъ и предъ очами находящимся, чтобы по нимъ могли уразумѣть и то, чему подвергается умъ. Какъ бы такъ говорилъ Спаситель: если не знаешь, что значитъ поврежденіе, случающееся съ умомъ, то научись этому изъ разсмотрѣнія вещей тѣлесныхъ. Что значитъ глазъ для тѣла, то самое и умъ для души. Конечно, ты никогда бы не захотѣлъ носить золота, облекаться въ шелковыя одежды и, вмѣстѣ, быть слѣпымъ, — но здравіе очей предпочелъ бы всей такой пышности. (Вѣдь если лишишься зрѣнія, то никакой не 291
будетъ для тебя пріятности въ жизни. Но какъ при слѣпотѣ очей и прочіе члены, не пользуясь болѣе свѣтомъ, очень ослабѣваютъ въ своей дѣятельности, такъ равно и по растлѣніи ума жизнь твоя исполнится безчисленныхъ золъ). Поэтому, какъ касательно тѣла мы наиболѣе заботимся о томъ, чтобы имѣть здоровое зрѣніе, такъ и касательно души преимущественно должны заботиться о здравіи ума. Если ослѣпимъ умъ, долженствующій доставлять свѣтъ и прочимъ способностямъ, то чѣмъ смотрѣть будемъ? Загради источникъ—изсушишь и рѣку; подобнымъ образомъ кто помрачаетъ умъ, тотъ приводитъ въ безпорядокъ всѣ дѣйствія его въ настоящей жизни. Потому Спаситель и говоритъ: *аще свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма кольми*. Когда кормчій сдѣлается добычею волнъ, когда свѣтильникъ угаснетъ, когда вождь будетъ плѣненъ, тогда какая уже надежда останется для подчиненныхъ?

4. Потому теперь уже не упоминая о навѣтахъ, ссорахъ и тяжбахъ, возникающихъ изъ-за богатства (на нихъ Онъ указалъ

выше, когда сказалъ: *предастъ тебе соперникъ судіи, и судія слузѣ*— [Матѳ. v, 25]), поставляетъ здѣсь на видъ неизбѣжное и болѣе тяжелое, отклоняя такимъ образомъ отъ злой страсти корыстолюбія. Поработить умъ этой болѣзни—гораздо тяжелѣе, нежели быть ввергнутымъ въ темницу. Притомъ послѣднее не всегда случается, а то непремѣнно слѣдуетъ за привязанностію къ богатству. Потому-то Христосъ уже послѣ того зла упомянулъ объ этомъ злѣ, какъ тягчайшемъ и непремѣнно случающемся. Богъ, говоритъ Онъ, даровалъ намъ умъ для того, чтобы мы разсѣевали мракъ невѣдѣнія, имѣли правильное понятіе о вещахъ и, пользуясь имъ, какъ орудіемъ и свѣтомъ противъ всего скорбнаго и вреднаго, пребывали въ безопасности. А мы этотъ драгоцѣнный даръ промѣниваемъ на лишнія и безполезныя вещи. Что пользы въ воинѣ, украшенномъ золотомъ, когда военачальникъ плѣненъ? Какая выгода въ украшенномъ кораблѣ, когда кормчій сдѣлается добычею волнъ? Что пользы въ стройномъ тѣлѣ, когда глаза будутъ лишены зрѣнія? Если бы кто врача, который долженъ быть здоровымъ, чтобы лѣчить болѣзни другихъ, повергши въ болѣзнь, положилъ въ позолоченной храминѣ на серебряную кровать, то изъ этого какая польза вышла бы для больныхъ? Такъ и ты, если повредишь умъ, могущій обуздывать страсти, и привяжешь его къ сокровищу, то не только не получишь никакой пользы, но, напротивъ, много потеряешь, и нанесешь своей душѣ великій вредъ. Видишь ли, какъ Спаситель тѣмъ самымъ, чѣмъ люди больше всего побуждаются къ пороку, отвлекаетъ ихъ отъ послѣдняго, и приводитъ къ добродѣтели? Для чего желаешь богатства, говоритъ Онъ? Не для того ли, чтобы веселиться и роскошествовать? Но этого-то ты и не получишь, а встрѣтишь совсѣмъ противное. Если, лишенные глазъ, мы по причинѣ этого несчастія не наслаждаемся никакими удовольствіями, то тѣмъ болѣе должны ощущать то же по развращеніи и ослѣпленіи ума. Для чего ты закапываешь въ землю свои сокровища? Для того ли, чтобъ безопаснѣе сохранить ихъ? Но и здѣсь испытаешь совершенно противное. Такимъ образомъ, какъ постящагося, подающаго милостыню и молящагося изъ
292 одного тщеславія, Онъ тѣмъ самымъ удержалъ отъ тщеславія, чѣмъ особенно они побуждаются къ этому пороку (для чего ты такъ молишься и подаешь милостыню, говоритъ Онъ? Не для того ли, чтобы получить отъ людей славу? Но не молись съ такимъ намѣреніемъ—и тогда получишь ее въ послѣдній день),— такъ точно и сребролюбца Онъ отвлекаетъ отъ привязанности къ богатству тѣмъ самымъ, о чемъ онъ преимущественно заботится. Чего желаешь ты, говоритъ Онъ? Того ли, чтобъ сохранить свое

богатство и наслаждаться удовольствіемъ? Все это доставлю тебѣ съ великимъ избыткомъ, если положишь золото тамъ, гдѣ Я тебѣ повелѣваю. Хотя поврежденіе ума, происходящее отъ пристрастія къ богатству, Спаситель яснѣйшимъ образомъ раскрылъ уже впослѣдствіи, именно тогда, когда упомянулъ о терніи, тѣмъ не менѣе и здѣсь достаточно указалъ на него, когда объятаго безумною страстію корыстолюбія назвалъ помраченнымъ. И какъ находящіеся во тьмѣ ничего не могутъ ясно разобрать, и когда увидятъ веревку, думаютъ, что это змѣя, а когда увидятъ горы и дебри, умираютъ отъ страха, такъ и корыстолюбцы по своей подозрительности страшатся того, что для другихъ кажется не страшнымъ. Они страшатся бѣдности, или справедливѣе, страшатся не только бѣдности, но и всякаго маловажнаго убытка. Если потерпятъ какой-либо малый ущербъ, то печалятся и сокрушаются гораздо болѣе, нежели тѣ, которые не имѣютъ даже необходимой пищи. Многіе изъ богачей, не снеся такого несчастія, даже удавились. Равнымъ образомъ обиды и насилія для нихъ кажутся столь несносными, что и отъ нихъ многіе лишили себя жизни. Богатство, кромѣ служенія себѣ самому, дѣлаетъ ихъ ко всему прочему неспособными. Когда оно заставляетъ ихъ служить себѣ, тогда они рѣшаются и на смерть, и на раны, и на всякое постыдное дѣло. Это составляетъ самое крайнее несчастіе. Гдѣ надобно имѣть терпѣніе, тамъ они слабѣе всѣхъ. А гдѣ бы надлежало имъ быть осторожными, тамъ они бываютъ чрезвычайно безстыдны и наглы. Подлинно, съ ними происходитъ то же самое, что и съ тѣмъ, кто все свое имущество расточитъ на ненужныя вещи. Таковой, неблагоразумно расточивши всѣ свои стяжанія, когда настаетъ время для нужныхъ издержекъ, ничего не имѣя, претерпѣваетъ тягчайшія бѣдствія.

5. Подобно тому какъ актеры, изучивъ свои предосудительныя искусства, когда показываютъ ихъ, переносятъ много страшнаго и опаснаго, а въ другихъ, полезныхъ и необходимыхъ, дѣлахъ оказываются всѣхъ смѣшнѣе, такъ точно и корыстолюбцы. Какъ тѣ, ходя по протянутой веревкѣ, показываютъ на ней большое присутствіе духа, а когда какое-нибудь важное дѣло потребуетъ отъ нихъ отваги и мужества, то и придумать не могутъ, какъ на то рѣшиться, такъ точно и богатые для денегъ на все рѣшаются, а для любомудрія не могутъ отважиться рѣшительно ни на что. И какъ тѣ занимаются и опаснымъ, и безполезнымъ дѣломъ, такъ и эти переносятъ множество опасностей и трудностей, но ничего полезнаго въ концѣ концовъ не достигаютъ и покрываются сугубою тьмою: и отъ развращенія ума своего слѣпотствуютъ, и отъ несбыточности своихъ предпріятій помрачаются

великою тьмою, почему и не могутъ смотрѣть свободно. Находящійся только во мракѣ при появленіи солнца освобождается отъ
293 тьмы; лишенный же зрѣнія даже и при появленіи солнца не видитъ. То же самое претерпѣваютъ и богатые. Даже и тогда, когда Солнце правды осіяваетъ и наставляетъ ихъ, они не чувствуютъ, потому что богатство ослѣпило ихъ очи, — почему и страждутъ сугубою слѣпотою: и сами отъ себя, и отъ того, что не внимаютъ Учителю. Итакъ, будемъ тщательно внимать Ему, чтобы, хотя и поздно, прозрѣть. А какъ можно прозрѣть? Ты прозришь, если познаешь, какъ ты сталъ слѣпъ. Какъ ты сталъ слѣпъ? Отъ злого вожделѣнія. Страсть къ деньгамъ, подобно вредоносной мокротѣ, покрывши чистый зрачекъ глаза, навлекла на тебя густое облако. Но это облако можно удобно и разогнать и разсѣять, если примемъ лучъ Христова ученія, если будемъ внимать Его наставленію и словамъ: *не скрывайте себѣ сокровища на земли*. Что мнѣ пользы отъ слушанія, скажешь ты, когда вожделѣніе обдержитъ меня? Но непрестаннымъ слушаніемъ, наконецъ, можетъ быть истреблено и самое вожделѣніе. Если же будешь еще обдержимъ имъ, то представь, что вожделѣніе не вожделѣнно. Въ самомъ дѣлѣ, какое тутъ вожделѣніе, когда ты подверженъ жесточайшему рабству и мучительству, отвсюду связанъ, пребываешь во тьмѣ, исполненъ всякаго смятенія, переносишь безполезные труды, бережешь богатства для другихъ, а часто и для враговъ? Вожделѣнно ли это сколько-нибудь? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, убѣгать и удаляться отъ этого? Что за вожделѣніе полагать свое сокровище среди татей? Если ты непремѣнно желаешь богатства, то перенеси его туда, гдѣ оно можетъ оставаться въ безопасности и цѣлости. А какъ ты теперь поступаешь,—поступать такъ свойственно не богатства желающему, но рабства, напасти, убытка и непрестанной скорби. Если бы какой-нибудь человѣкъ указалъ тебѣ на землѣ безопасное мѣсто для сохраненія твоего богатства, то, хотя бы онъ завелъ тебя и въ самую пустыню, ты не полѣнился бы и не замедлилъ, но съ полною довѣренностію положилъ бы тамъ свое имущество. Когда же вмѣсто людей это обѣщаетъ тебѣ Богъ, и предлагаетъ не пустыню, а небо, ты принимаешь совсѣмъ противное. И это не смотря на то, что, хотя бы и совершенно было въ безопасности здѣсь твое имѣніе, ты никогда не можешь быть свободенъ отъ безпокойства. Пусть ты его не потеряешь, но безпокоиться о немъ никогда не перестанешь. Напротивъ, полагая сокровище на небѣ, ты не испытаешь ничего такого; и, что всего важнѣе, тогда ты не закапываешь, а насаждаешь свое золото. Тогда оно вмѣстѣ бываетъ тебѣ и сокровищемъ и сѣменемъ, или и того

и другого лучше. Сѣмя не остается навсегда, а то всегда пребываетъ. Опять, здѣшнее сокровище не прозябаетъ, а то приноситъ тебѣ нетлѣнные плоды. Если же ты будешь ссылаться на 294
продолжительность времени и отдаленность воздаянія, то и я могу тебѣ показать, сколько и здѣсь ты получишь пользы; а сверхъ того, и самыми житейскими обстоятельствами постараюсь тебя убѣдить, что ты напрасно представляешь такія отговорки.

6. Ты и въ настоящей жизни заготовляешь много такого, чѣмъ самъ никогда не думаешь пользоваться; и если кто тебя въ этомъ будетъ обвинять, ты, указывая на дѣтей и внуковъ, думаешь найти достаточное утѣшеніе въ излишнихъ трудахъ своихъ. Когда ты, находясь въ самой глубокой старости, строишь великолѣпные домы, прежде окончанія которыхъ ты, можетъ быть, умрешь; когда насаждаешь деревья, которыя принесутъ плодъ спустя много лѣтъ, (когда насаждаешь въ полѣ даже такія дерева, отъ которыхъ произойдетъ плодъ развѣ лѣтъ черезъ сто); когда покупаешь имѣнія и наслѣдства, которыми будешь владѣть спустя много времени; когда ты заботишься о многомъ такомъ, чѣмъ никогда не будешь пользоваться,—то все это для себя ли ты дѣлаешь, или для потомковъ? Итакъ, не есть ли это признакъ крайняго безумія, когда ты касательно земныхъ благъ не смущаешься продолжительностью времени и даже, по причинѣ этой продолжительности, подвергаешься опасности лишиться всей награды за труды; а касательно небесныхъ благъ унываешь по причинѣ замедленія, тогда какъ это замедленіе приноситъ тебѣ больше пользы, и не другимъ доставляетъ ожидаемыя тобою блага, но всѣ дары сохраняетъ для тебя? Да притомъ эта медленность и не продолжительна,—дѣло наше при вратахъ судилища; мы не знаемъ,—можетъ быть, уже въ наше время все окончится, и наступитъ этотъ страшный день, и Его грозное и нелицепріятное судилище. Въ самомъ дѣлѣ, очень многія знаменія уже совершались: и Евангеліе проповѣдано по всей вселенной, и брани и землетрясенія и голодъ сбылись, и не великъ остающійся промежутокъ. Но ты не видишь знаменій? Вотъ это самое есть величайшее знаменіе. Такъ и бывшіе во времена Ноя не видѣли начала всегубительства,—и страшное наказаніе постигло ихъ въ то время, какъ они играли, ѣли, женились и дѣлали все обычное. Подобнымъ образомъ жители Содома среди увеселеній нимало не предугадывая, что съ ними имѣло случиться, пожраны ниспадшимъ пламенемъ. Итакъ, все это представляя, постараемся приготовить самихъ себя къ отшествію отсюда. Пусть день всеобщей кончины еще не насталъ; но конецъ каждаго, и старца и юноши, уже находится при дверяхъ. И уже нельзя отсюда

отшедшимъ купить елея, или получить прощеніе, хотя бы Авраамъ молился, хотя бы Ной, хотя бы Іовъ, хотя бы Даніилъ. Итакъ, пока имѣемъ время предуготовить себѣ дерзновеніе предъ Богомъ, запасемъ елея въ изобиліи, перенесемъ все на небо, чтобы намъ въ свое время, и когда особенно будемъ имѣть нужду, всѣмъ этимъ насладиться, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXI.

293-294 **Никтоже можетъ двѣма господинома работати: либо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ; или единаго держится, о друзѣмъ же нерадити начнетъ (VI, 24).**

1. Видишь ли, какъ Христосъ мало-по-малу удаляетъ пристрастіе къ настоящимъ благамъ, и, предлагая обширное слово о презрѣніи богатствъ, ниспровергаетъ владычество сребролюбія? Онъ не удовлетворился тѣмъ, что сказалъ прежде, хотя говорилъ много и сильно; но присоединяетъ и другія побужденія,
295 болѣе грозныя. Что можетъ быть поразительнѣе теперь произнесенныхъ словъ, если богатство въ самомъ дѣлѣ можетъ отлучить насъ отъ работанія Христу? И что вмѣстѣ вожделѣннѣе, если, презирая богатство, можемъ имѣть истинное расположеніе и любовь ко Христу? Что всегда говорилъ, то и нынѣ скажу: именно, подобно искусному врачу, показывающему, что отъ невниманія его совѣтамъ происходитъ болѣзнь, а отъ повиновенія здравіе, Христосъ тѣмъ и другимъ, т. е., пользою и вредомъ, побуждаетъ слушателей къ повиновенію словамъ Своимъ. Итакъ, смотри, какъ Христосъ, уничтожая препятствіе, указываетъ и устроянтъ нашу пользу. Не потому только, говоритъ Онъ, вредно для васъ богатство, что оно вооружаетъ противъ васъ разбойниковъ и совершенно помрачаетъ умъ вашъ; но преимущественно потому, что оно, дѣлая васъ плѣнниками бездушнаго богатства, удаляетъ васъ отъ служенія Богу, и такимъ образомъ вредитъ вамъ и тѣмъ, что дѣлаетъ васъ рабами вещей, надъ которыми вы должны господствовать, и тѣмъ, что не позволяетъ служить Богу, которому всего болѣе вы должны служить. Какъ прежде показалъ Онъ двоякій вредъ для собирающихъ богатство на землѣ—и тотъ, что собираютъ богатство тамъ, гдѣ тля тлитъ, и тотъ, что не собираютъ его тамъ, гдѣ стража самая безопасная, такъ и теперь показываетъ двоякій вредъ—и тотъ, что богатство удаляетъ насъ отъ Бога, и тотъ, что оно порабощаетъ мамонѣ. Впрочемъ,

не тотчасъ выставляетъ это на видъ, но напередъ высказываетъ общія мысли, говоря такимъ образомъ: *никтоже можетъ двѣма господинома работати.* Здѣсь подъ двумя господами разумѣетъ Онъ господъ, приказывающихъ совсѣмъ противное одинъ другому: иначе они не были бы и двоими. Вѣдь множеству вѣровавшихъ *бѣ сердце и душа едина* (Дѣян. IV, 32). Хотя вѣрные были раздѣлены тѣломъ, но помысломъ были одно. Потомъ, усиливая сказанное, Спаситель говоритъ: тотъ не только служить не будетъ, но еще возненавидитъ и отвратится. *Либо единаго возненавидитъ,* говоритъ Онъ, *а другаго возлюбитъ, или единаго держится, о друзѣмъ же нерадити начнетъ.* Въ двухъ этихъ изреченіяхъ Спаситель, кажется, выражаетъ одну и ту же мысль; но не безъ причины говоритъ Онъ такъ, а съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показать, какъ удобно перемѣниться на лучшее. Чтобы ты не говорилъ: я однажды навсегда порабощенъ богатствомъ, угнетенъ имъ, Онъ—показываетъ, что возможно и перемѣниться, возможно перейти какъ на ту, такъ и на другую сторону. Итакъ, высказавъ общую мысль, чтобы заставить самого слушателя быть безпристрастнымъ судіею словъ Его и произнести судъ на основаніи самаго дѣла, Христосъ какъ скоро увидѣлъ, что слушатель соглашается съ Его словами, тотчасъ открываетъ Свою мысль: *не можете,* говоритъ, *Богу работати и мамонѣ.* Помыслимъ и ужаснемся, что заставили мы сказать Христа,—сравнить богатство съ Богомъ! Если же и представить это ужасно, то не гораздо ли ужаснѣе на самомъ дѣлѣ работать богатству, и его самовластное владычество предпочитать страху Божію? Итакъ, что же—скажетъ кто-нибудь—ужели не могло быть этого у древнихъ? Нисколько. Какъ же Авраамъ и Іовъ угодили Богу, спросишь ты? Не о богатыхъ упоминай мнѣ, но о тѣхъ, которые раболѣпствовали богатству. Іовъ былъ богатъ, но не служилъ мамонѣ; имѣлъ богатство и обладалъ имъ, былъ господиномъ его, а не рабомъ. Онъ пользовался имъ какъ управитель чужого имѣнія, не только не похищая чужого, но и собственное отдавая неимущимъ; и что всего болѣе, онъ не услаждался тѣмъ, что имѣлъ у себя, какъ самъ свидѣтельствовалъ объ этомъ, говоря: *аще и возвеселихся многу ми богатству бывшу* (Іов. XXXI, 25)? Потому-
то, и когда лишился богатства, не скорбѣлъ. Но нынѣ не таковы 296
богатые; они, будучи несчастнѣе всякаго плѣнника, платятъ дань мамонѣ, какъ нѣкоему жестокому тирану. Любовь къ богатству, овладѣвъ ихъ сердцемъ, какъ бы нѣкоторою крѣпостію, непрестанно даетъ имъ оттуда свои повелѣнія, дышащія беззаконіемъ, и ни одинъ изъ нихъ не противится этимъ повелѣніямъ. Итакъ, не мудрствуй излишне! Богъ однажды навсегда сказалъ,

что служеніе Богу и мамонѣ не можетъ быть соединено вмѣстѣ. А потому ты не говори, что можетъ быть соединено. Когда мамона велитъ похищать чужое, а Богъ повелѣваетъ отдавать и собственное имущество; когда Богъ повелѣваетъ вести жизнь цѣломудренную, а мамона—жить блудно; когда мамона повелѣваетъ упиваться и пресыщаться, а Богъ, напротивъ,—обуздывать чрево; когда Богъ повелѣваетъ презирать настоящія мірскія блага, а мамона—прилѣпляться къ нимъ; когда мамона заставляетъ удивляться мраморамъ, стѣнамъ и крышамъ, а Богъ—все это презирать и почитать истинную мудрость: какъ же ты говоришь, что служеніе Богу и мамонѣ можетъ быть соединено вмѣстѣ?

2. Далѣе, Христосъ назвалъ мамону госпожею, не потому, чтобы мамона по свойству своему была госпожею, но по причинѣ жалкаго состоянія тѣхъ, кто раболѣпствуетъ ей. Равнымъ образомъ, и чрево называется богомъ не по достоинству, но по причинѣ бѣдственнаго положенія служащихъ ему, — что хуже всякаго наказанія и прежде муки можетъ мучить плѣненнаго. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ осужденныхъ не будутъ несчастнѣе тѣ, которые, имѣя Господомъ Бога, свергаютъ съ себя Его кроткую власть, и добровольно покоряются жесточайшему мучительству, не смотря даже на то, что отсюда и въ настоящей жизни происходитъ величайшій вредъ? Отсюда вредъ несказанный, отсюда ссоры, обиды, распри, труды, слѣпота душевная; и, что всего несноснѣе, служеніе мамонѣ совершенно лишаетъ небесныхъ благъ. Спаситель, доказавъ выше, что презрѣніе богатствъ имѣетъ свои выгоды, и именно, сохраняетъ самыя богатства и доставляетъ душевную радость, способствуетъ пріобрѣтенію любомудрія и ограждаетъ благочестіе,—теперь доказываетъ, что заповѣдь Его и исполнить можно. Дѣло лучшаго законодательства не въ томъ только состоитъ, чтобы предписывать полезное, но особенно въ томъ, чтобы сдѣлать его удобоисполнимымъ. Поэтому Спаситель и присовокупляетъ: *не пецытеся душею вашею, что ясте* (Матѳ. vi, 25). Но, можетъ быть, сказали бы: что же, неужели все бросать? Тогда какъ же будемъ жить? На эти возраженія Спаситель отвѣчаетъ заранѣе. Если бы Онъ съ самаго начала сказалъ: *не пецытеся*, то Его заповѣдь показалась бы тяжкою; но какъ скоро Онъ показалъ вредъ отъ сребролюбія, то тѣмъ самымъ уже сдѣлалъ настоящее увѣщаніе Свое удобопріемлемымъ. Потому теперь не просто сказалъ: *не пецытеся*, но присоединилъ къ заповѣди и причину. Послѣ того, какъ сказалъ: *не можете Богу работати и мамонѣ*,—говоритъ: *сего ради глаголю вамъ, не пецытеся*,—т. е. по причинѣ великаго вреда. Не только попеченіе о снисканіи богатствъ для васъ вредно, но даже вредна излишняя заботливость о самонуж-

нѣйшихъ вещахъ, поскольку ею подрывается ваше спасеніе; она удаляетъ васъ отъ сотворившаго, промышляющаго и любящаго васъ Бога. *Сею ради глаголю вамъ, не пецытеся!* Показавъ величайшій вредъ отъ пристрастія къ богатству, Христосъ простираетъ далѣе Свое повелѣніе. Онъ не только повелѣваетъ презирать богатство, но запрещаетъ пещись и о нужной пищѣ, говоря: *не пецытеся душею вашею, что ясте.* Христосъ не потому сказалъ такъ, будто душа имѣетъ нужду въ пищѣ,—она безтѣлесна,—
а примѣнительно къ обычному способу выраженія у людей. Вѣдь, 297
хотя душа и не имѣетъ нужды въ пищѣ, но не можетъ пребывать въ тѣлѣ, если оно не питается. И это наставленіе Христосъ не оставляетъ такъ, а опять приводитъ и здѣсь [1]) доказательства, заимствуя ихъ изъ нашей природы и изъ другихъ примѣровъ. Изъ нашей природы: *не больши ли есть душа пищи, и тѣло одежды?* Т. е. Тотъ, Кто далъ большее, не дастъ ли и меньшее? Тотъ, Кто образовалъ плоть, имѣющую нужду въ пищѣ, не дастъ ли ей пищи? Потому не просто сказалъ: *не пецытеся, что ясте и во что облечетеся,* но присоединилъ: *тѣломъ и душею,*—такъ какъ отсюда хотѣлъ заимствовать Свои доказательства чрезъ сравненіе. Далѣе, Богъ однажды даровалъ душу, и она пребываетъ всегда одинаковою, а тѣло возрастаетъ каждодневно. Это-то самое желая показать, т. е. безсмертіе души и тлѣнность тѣла, Спаситель присовокупилъ далѣе: *кто можетъ отъ васъ приложити, возрасту своему лакоть единъ* (ст. 27)? Умолчавъ о душѣ, какъ не получающей приращенія, Онъ сказалъ только о тѣлѣ, показывая тѣмъ, что и тѣло возращаетъ не пища, но Божій промыселъ. Павелъ, объясняя это другими словами, сказалъ: *тѣмже ни насаждаяй, ни напаяяй есть что, но возращаяй Богъ* (1 Кор. III, 7). Вотъ какъ Спаситель убѣждалъ доказательствами, заимствованными изъ нашей природы! Другими же примѣрами Онъ такъ поучалъ: *воззрите на птицы небесныя* (ст. 26). Чтобы не сказалъ кто-либо, что заботы намъ необходимы, Онъ отклоняетъ отъ этого сравненіями—какъ говорятъ—и отъ большаго, и отъ меньшаго, отъ большаго—примѣромъ души и тѣла, отъ меньшаго—примѣромъ птицъ. То есть: если Богъ такъ печется о самыхъ низшихъ тваряхъ, то ужели вамъ не дастъ того, въ чемъ вы имѣете нужду? Такъ Онъ говоритъ къ простому народу, но діаволу не такъ отвѣчалъ. Какъ же? *Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. IV, 4). Здѣсь говоритъ Онъ о птицахъ, и очень убѣдительно; примѣръ ихъ имѣетъ великую силу. Впрочемъ нѣкоторые нечестивцы дошли до такого

[1]) Т. е. какъ и при ученіи о нестяжаніи. См. предыдущую бесѣду гл. 2. 3.

безумія, что порицаютъ и этотъ примѣръ. Кто хочетъ дѣйствовать на свободную волю, говорятъ они, не долженъ для этого заимствовать примѣры изъ природы физической, потому что здѣсь дѣйствуетъ необходимость.

3. Что же намъ сказать на это? Хотя здѣсь, точно, дѣйствуетъ необходимость, но мы можемъ то же дѣлать и по своей волѣ. Спаситель не сказалъ: смотрите на птицъ—онѣ летаютъ; это человѣку невозможно; но сказалъ: смотрите—онѣ питаются безъ заботы. А это и намъ, если захочемъ, легко исполнить. И это доказали тѣ, которые самымъ дѣломъ то исполнили. Потому-то особенно и должно удивляться благоразумію Законодателя, что Онъ, хотя и могъ представить въ примѣръ людей и указать на Илію, Моисея, Іоанна и другихъ подобныхъ, не заботившихся о пищѣ, но чтобы сильнѣе поразить слушателей, упомянулъ о безсловесныхъ. Если бы Онъ указалъ на тѣхъ праведниковъ, то слушатели могли бы сказать Ему, что мы еще не сдѣлались подобными имъ. А теперь, умолчавъ о нихъ и приведши въ примѣръ птицъ небесныхъ, пресѣкъ всякій поводъ къ извиненію, подражая
298 и въ этомъ случаѣ древнему закону. И ветхій завѣтъ посылаетъ то къ пчелѣ, то къ муравью, то къ горлицѣ, то къ ласточкѣ. Не малую честь приноситъ намъ, когда мы силою воли совершаемъ то, что онѣ имѣютъ отъ природы. Итакъ, если Богъ имѣетъ такое попеченіе о вещахъ сотворенныхъ для насъ, то тѣмъ болѣе о насъ; если печется о рабахъ, то тѣмъ болѣе о господинѣ. Вотъ почему Спаситель сказалъ: *воззрите на птицы*; и не прибавилъ, что онѣ ни корчемствуютъ, ни торгуютъ (такъ какъ это относилось у іудеевъ къ дѣламъ презрѣннымъ), а прибавилъ: *не сѣютъ, ни жнутъ*. Итакъ, ужели не должно сѣять, скажетъ кто-либо? Нѣтъ, Онъ не сказалъ, что не должно сѣять, но что не должно заботиться; и не сказалъ, что не должно работать, но что не должно быть малодушнымъ, и изнурять себя заботами. Онъ велѣлъ и кормиться, но не заботиться о пищѣ. На эту мысль намекаетъ и Давидъ, когда говоритъ: *отверзаеши Ты руку Твою, и исполняеши всяко животно благоволенія* (Псал. CXLIV, 16); и въ другомъ мѣстѣ: *дающему скотомъ пищу ихъ и птенцемъ врановымъ, призывающимъ Его* (Псал. CXLVI, 9). Кто же, скажешь ты, не заботился? Ужели не слыхалъ ты, сколь многихъ праведниковъ я представилъ тебѣ въ примѣръ? Не видишь ли между ними и Іакова, который вышелъ изъ отческаго дома безъ всего? Не слышишь ли его молитвы? *Аще дастъ ми Господь хлѣбъ ясти и ризу облещися* (Быт. XXVIII, 20), говорилъ онъ. Это означало, что онъ ни о чемъ не заботился, но просилъ всего отъ Бога. Тоже исполнили и апостолы, которые, отвергши все, ни о чемъ не заботились; то же самое показали и

тѣ пять тысячъ, и три тысячи вѣровавшихъ. Если же, слыша такія слова, не хочешь освободиться отъ тяжкихъ житейскихъ узъ, то, по крайней мѣрѣ, помысливъ о безполезности своей заботы, оставь ее. *Кто изъ васъ*, сказалъ Спаситель, *пекійся можетъ приложити возрасту своему лакоть единъ* (Матѳ. VI, 27)? Смотри, какъ Онъ, представивъ уже очевидный примѣръ, сдѣлалъ яснымъ то, что могло показаться тебѣ непонятнымъ. Какъ тѣлу, говоритъ Онъ, при всемъ попеченіи твоемъ, нисколько не можешь прибавить роста, такъ точно не можешь снискать пищи, хотя считаешь это возможнымъ. Изъ этого ясно, что не наше стараніе, но Божій промыселъ приводитъ все то въ исполненіе, что, повидимому, совершаемъ мы сами, такъ что если Богъ оставитъ насъ, то ни попеченіе, ни заботливость, ни трудъ, словомъ—ничто не поможетъ намъ, но все будетъ тщетно.

4. Итакъ, не будемъ думать, что заповѣдей (Божіихъ) невозможно исполнить; и нынѣ многіе исполняютъ ихъ. Если же ты этого не знаешь, то ничего нѣтъ удивительнаго. И Илія думалъ, что остался только онъ одинъ, но услышалъ отъ Господа, *яко оставихъ себѣ седмь тысящъ мужей* (3 Царст. XIX, 18). Отсюда видно, что и нынѣ есть много такихъ, которые ведутъ жизнь апостольскую, подобно какъ и тогда три тысячи и пять тысячъ вѣровавшихъ. Если же мы не вѣримъ этому, то не оттого, что нѣтъ добродѣтельныхъ, но оттого, что мы сами слишкомъ мало дѣлаемъ. Предавшійся пьянству не легко можетъ повѣрить тому, что есть какой-либо человѣкъ, который не пьетъ даже воды, хотя и это многіе изъ монаховъ исполняютъ на нашихъ глазахъ. Похотливый не вдругъ повѣритъ, что легко можно сохранять дѣвство; хищникъ не скоро повѣритъ, что есть такіе, которые охотно отдаютъ и свое; такъ и тѣ люди, которые каждодневно изнуряютъ себя безчисленными заботами, не скоро примутъ ученіе о томъ, что можно быть свободнымъ отъ житейскихъ заботъ. А что многіе исполнили это 299
ученіе, мы можемъ доказать примѣромъ тѣхъ, которые такъ любомудрствуютъ и въ наше время. Но на первый разъ для насъ достаточно будетъ, если вы научитесь не лихоимствовать, почитать добромъ милостыню, и узнаете, что должно удѣлять отъ своихъ имуществъ неимущимъ. Если, возлюбленный, ты исполнишь это, то скоро будешь въ состояніи исполнить и то. Итакъ, прежде оставимъ ненужную пышность, станемъ держаться умѣренности, и все, что думаемъ получать, научимся пріобрѣтать праведными трудами. Такъ и блаженный Іоаннъ, когда бесѣдовалъ съ собирающими пошлины и воинами, заповѣдывалъ довольствоваться жалованьемъ. Онъ, хотя желалъ возвести ихъ къ другой, гораздо высшей мудрости, но поелику они къ тому были еще

неспособны, то предлагаетъ низшую заповѣдь. Если бы онъ сталъ внушать высшія заповѣди, то они не только не стали бы внимать имъ, но не исполнили бы и низшихъ. Поэтому и мы занимаемъ васъ истинами низшими; мы вѣдь знаемъ, что бремя нелюбостяжанія превосходитъ силы ваши, и сколько отстоитъ небо отъ земли, столько отъ васъ—такое любомудріе. Итакъ, по крайней мѣрѣ, сохранимъ послѣднія заповѣди. Не малый и это урокъ.
300 Правда, нѣкоторые изъ эллиновъ исполнили и ту заповѣдь, о которой мы разсуждаемъ, и оставили всякое имущество, хотя и не съ такимъ расположеніемъ, съ какимъ должно; впрочемъ, для васъ довольно будетъ и того, если вы станете щедрою рукою раздавать милостыню, потому что когда мы будемъ такимъ образомъ вести себя, то скоро станемъ исполнять и ту заповѣдь. Если же и этого не станемъ исполнять, то какого мы достойны будемъ прощенія,—мы, которые обязаны превзойти ветхозавѣтныхъ, а между тѣмъ оказываемся хуже и эллинскихъ мудрецовъ? Что скажемъ мы, когда, обязанные быть ангелами и сынами Божіими, не соблюдемъ и человѣческихъ обязанностей? Похищать и желать чужого свойственно свирѣпымъ звѣрямъ, а не кроткимъ людямъ; даже похищающіе чужое несравненно хуже и самыхъ звѣрей. Звѣрямъ это свойственно отъ природы; а мы, будучи украшены разумомъ, но унижаясь до неестественнаго неблагородства, какое получимъ прощеніе? Итакъ, представляя степени любомудрія, намъ указываемаго, по крайней мѣрѣ, будемъ достигать средины, чтобы и отъ будущаго наказанія освободиться, и, преуспѣвая такимъ образомъ, достигнуть и высшихъ благъ, которыхъ всѣ мы да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXII.

299 **Смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ (VI, 28, 29).**

1. Спаситель, сказавъ о необходимой пищѣ, и показавъ, что и объ ней не нужно заботиться, переходитъ далѣе къ тому, о чемъ еще менѣе надобно заботиться, потому что одежда не такъ необходима, какъ пища. Почему же Онъ, говоря объ одеждѣ, не употребилъ того же самаго сравненія, заимствованнаго отъ птицъ и не упоминаетъ намъ о павлинѣ, лебедѣ и овцѣ? Вѣдь

и отсюда можно было бы заимствовать много примѣровъ? Это потому, что Христосъ хочетъ съ двухъ сторонъ показать важность предложенной Имъ заповѣди—и со стороны ничтожества того, что облечено въ такую красоту, и со стороны самой красоты, данной лиліямъ. Вотъ почему, описавъ красоту лилій, Онъ уже послѣ и не называетъ ихъ лиліями, но *сѣномъ сельнымъ* (ст. 30). Даже не довольствуется и этимъ названіемъ, но еще съ другой стороны представляетъ ихъ ничтожность, говоря: *днесь суще*, и не говоритъ: этого сѣна на другой день уже нѣтъ, но еще болѣе унижаетъ, говоря: *въ пещь вметаемо*. Также, Онъ сказалъ не просто: *одѣваетъ*, но: *тако одѣваетъ*. Видишь ли, какъ Спаситель постепенно болѣе и болѣе усиливаетъ Свою мысль? И это Онъ дѣлаетъ для того, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Своихъ слушателей. Для того же Онъ прибавилъ и слова: *не много ли паче васъ?* Это сказано съ особенною выразительностію и силою. Словомъ: *васъ* Онъ показываетъ не что иное, какъ то, что родъ человѣческій удостоенъ отъ Бога великой чести и особеннаго попеченія. Христосъ какъ бы такъ говорилъ: васъ, которыхъ Богъ одарилъ душею, для которыхъ образовалъ тѣло, для которыхъ создалъ все видимое, для которыхъ послалъ пророковъ, которымъ далъ законъ и содѣлалъ безчисленныя блага, для которыхъ предалъ Единороднаго Сына (и чрезъ Него сообщилъ безчисленные дары). Послѣ этого, Спаситель упрекаетъ слушателей, говоря: *маловѣри!* Таково свойство совѣтующаго. Онъ не только убѣждаетъ, но и обличаетъ, чтобы еще болѣе побудить къ повиновенію словамъ Своимъ. Такъ Христосъ запрещаетъ намъ не только заботиться о красивыхъ одеждахъ, но и удивляться, когда видимъ ихъ на другихъ. Убранство цвѣтовъ, кра- 300
сота травъ и даже самое сѣно болѣе достойно удивленія, чѣмъ наши дорогія одежды. Итакъ, для чего ты гордишься тѣмъ, въ чемъ тебя несравненно превосходитъ трава? Замѣть, какъ Спаситель съ самаго начала показываетъ, что Его заповѣдь легка удаляя (всякую мысль объ излишнихъ заботахъ, точно такъ же, какъ и прежде, когда говорилъ Онъ о пищѣ, то есть, удаляя) отъ того, чего слушатели боялись. Сказавъ: *смотрите кринъ сельнихъ*. Онъ присовокупилъ: *не труждаются*. Значитъ, этою заповѣдію Онъ хочетъ освободить насъ отъ трудовъ. Итакъ, не то составляетъ трудъ, когда мы не заботимся объ одеждѣ, но то, когда заботимся. И какъ тогда, когда Христосъ сказалъ: *не сѣютъ*, возбранилъ не сѣяніе, но излишнюю заботу о пищѣ, такъ и этими словами: *не труждаются, ни прядутъ*, запрещаетъ не самое занятіе, но излишнее попеченіе объ одеждѣ. Соломонъ во всемъ величіи своемъ не могъ сравниться съ красотою цвѣ-

товъ, и притомъ не какой-нибудь одинъ разъ, но во все время своего царствованія (никто не можетъ сказать, что Соломонъ нынѣ такъ одѣвался, а въ другое время иначе; нѣтъ, не было ни одного дня, когда бы онъ украшался такъ великолѣпно, какъ цвѣты,— на что Христосъ и указываетъ словами: *во всей славѣ своей*). Притомъ, Соломонъ красотою одеждъ своихъ не могъ сравниться не только съ однимъ, или съ другимъ цвѣтомъ, но со всѣми безъ исключенія (почему Спаситель и сказалъ: *яко единъ отъ сихъ*,— а такое же различіе находится между одеждами и цвѣтами, какое между истиною и ложью). Итакъ, если и этотъ царь, знаменитѣйшій изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ на земли, не могъ сравняться съ полевыми цвѣтами, то можешь ли ты когда-либо превзойти красоту цвѣтовъ, или хотя нѣсколько приблизиться къ ней? Отсюда Спаситель научаетъ насъ, чтобы мы совершенно и не помышляли о такомъ украшеніи. Смотри, какой конецъ его. Спаситель, послѣ того какъ восхвалилъ такъ красоту лилій, говоритъ: *въ пещь вметается*. Итакъ, если Богъ столь промышляетъ о вещахъ, ничего нестоющихъ, и доставляющихъ самую малую пользу, то ужели Онъ не будетъ пещись о тебѣ—существѣ лучшемъ изъ всѣхъ существъ? Для чего же Богъ, спросишь ты, сотворилъ цвѣты столь прекрасными? Для того, чтобы показать Свою
301 премудрость и великое Свое могущество, чтобы мы отвсюду познали славу Его. Не однѣ *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. xviii, 1), но и земля. И Давидъ свидѣтельствуя объ этомъ сказалъ: *хвалите Господа, древа плодоносна и вси кедри* (Псал. cxlviii, 9). Одно прославляетъ Творца своего плодоносностію, другое величіемъ, иное красотою. И это есть знакъ великой мудрости и могущества Божія, когда Онъ облекаетъ въ такую красоту самое послѣднее Свое твореніе. (Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть еще ниже того, что сегодня существуетъ, а завтра нѣтъ)? Итакъ, если Богъ и сѣну даетъ то, что вовсе ему не нужно (нужна ли напр. его красота огню?), то какъ Онъ тебѣ не дастъ того, въ чемъ ты имѣешь нужду? Если и самое послѣднее Свое твореніе Онъ украсилъ съ избыткомъ, и это не по нуждѣ какой-либо, но ради великолѣпія, то тѣмъ болѣе украситъ всѣмъ нужнымъ тебя—существо драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ.

2. Такъ какъ Спаситель доказалъ уже промыселъ Божій о человѣкѣ, то Ему оставалось только теперь обличить слушателей. И здѣсь обличеніе Его соединено съ кротостію. Онъ обличаетъ Своихъ слушателей не въ невѣріи, но въ маловѣріи: *аще сѣно сельное Богъ тако одѣваетъ*, говоритъ Онъ, *то многю болѣе васъ маловѣри*. Хотя все это Онъ самъ совершаетъ, потому что *вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. i, 3), однако Онъ еще

нигдѣ не упомянулъ о самомъ Себѣ. Для доказательства Его власти пока достаточно было и того, что Онъ при каждой заповѣди говорилъ: *слышите, яко речено бысть древнимъ; Азъ же глаголю вамъ* (Матѳ. v, 21; 22 и д). Итакъ, не удивляйся, если и въ послѣдующихъ словахъ Христосъ или вовсе не говоритъ о Себѣ, или со смиреніемъ: прежде всего Онъ заботился только о томъ, чтобы слово его было принято слушателями охотно, и во всемъ показать, что Онъ не противникъ какой-либо Богу, но единомысленъ и согласенъ съ Отцомъ. Это самое и здѣсь дѣлаетъ. Въ продолженіе всей бесѣды Онъ непрестанно упоминаетъ объ Отцѣ, удивляясь Его премудрости, промышленію и попеченію о всемъ, о маломъ и о великомъ. Когда Онъ говорилъ о Іерусалимѣ, то назвалъ Его градомъ Царя великаго; когда упоминалъ о небѣ, также наименовалъ Его престоломъ Божіимъ. Разсуждая о строительствѣ міра, Онъ опять все приписываетъ Богу, говоря: *яко солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. v, 45). И въ молитвѣ научилъ насъ говорить: *яко Того есть царствіе и сила и слава* (Матѳ. vi, 13). Равнымъ образомъ и здѣсь, разсуждая о промыслѣ Божіемъ, показывая, какъ Богъ даже и въ малыхъ вещахъ является превосходнымъ художникомъ, говоритъ, что Онъ траву сельную одѣваетъ. И притомъ нигдѣ не называетъ Его Своимъ Отцомъ, но Отцемъ ихъ (слушателей), чтобы лучше убѣдить представленіемъ о такой ихъ почести, и чтобы они уже не негодовали, когда Онъ назоветъ Его Отцемъ Своимъ. Но если о маловажныхъ и необходимыхъ вещахъ не должно заботиться, то какого прощенія будутъ достойны тѣ, которые заботятся о вещахъ многоцѣнныхъ? Особенно же какого прощенія будутъ достойны тѣ, которые даже лишаютъ себя сна, чтобы похитить чуждое? *Не пецытеся убо, глаголюще, что ямы, или что піемъ, или чимъ одеждемся? Всѣхъ бо сихъ языцы міра ищутъ* (Матѳ. vi, 31, 32). Видишь ли, какъ Онъ опять, и притомъ гораздо сильнѣе, нежели прежде, обличаетъ слушателей, и показываетъ притомъ, что Онъ не заповѣдуетъ ничего труднаго и неудобоисполнимаго? Подобно тому какъ тогда, когда Онъ говорилъ: если любите любящихъ васъ, то ничего великаго не дѣлаете,—и язычники тоже творятъ (Матѳ. v, 46, 47),—этимъ напоминаніемъ о язычникахъ возбуждая Своихъ слушателей къ боль- 302
шему,—такъ и теперь представляетъ язычниковъ для того, чтобы обличить насъ и показать, что Онъ отъ насъ требуетъ самаго необходимаго. Если намъ должно превзойти книжниковъ и фарисеевъ, то чего мы будемъ достойны, когда не только не превосходимъ ихъ, но и пребываемъ въ слабости язычниковъ и ревнуемъ ихъ малодушію? На этомъ обличеніи Христосъ однако не

остановился, но послѣ того, какъ тронулъ, пробудилъ, сильно укорилъ Своихъ слушателей, съ другой стороны утѣшаетъ ихъ, говоря: *вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ* (Матѳ. VI, 32). Не сказалъ: знаетъ Богъ, но—*вѣсть Отецъ*, чтобы, такимъ образомъ, возбудить въ нихъ большое упованіе. Въ самомъ дѣлѣ, если Богъ есть Отецъ, и притомъ Отецъ всевѣдущій и попечительный, то не можетъ Онъ презрѣть сыновъ, находящихся въ бѣдахъ, когда даже и люди, будучи отцами, не дѣлаютъ этого. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ приводитъ и другое доказательство. Какое же? *Яко требуете сихъ всѣхъ*. Смыслъ этихъ словъ Его такой: излишне ли это, чтобы Богъ могъ пренебрегать этимъ? Онъ даже и излишнимъ не пренебрегаетъ, какъ наприм. красотою въ цвѣтахъ; а тутъ—необходимое. Такимъ образомъ, что тебя побуждаетъ заботиться, то по моему должно отвлекать тебя отъ такой заботливости. Если ты скажешь: мнѣ потому должно заботиться о пищѣ и одеждѣ, что онѣ нужны, то я, напротивъ, скажу: по тому-то самому, что онѣ необходимы, ты и не долженъ заботиться. Если бы онѣ были и излишни, то и тогда надлежало бы не отчаиваться, но съ твердымъ упованіемъ ожидать подаянія ихъ; а разъ онѣ необходимы, то и сомнѣваться объ этомъ не слѣдуетъ. Какой отецъ не захочетъ доставить необходимаго своимъ дѣтямъ? Такъ и поэтому уже Богъ непремѣнно подастъ нужное. Онъ самъ и Творецъ природы, и совершенно знаетъ нужды ея. Ты не можешь сказать, что, хотя Богъ есть Отецъ и требуемое нами необходимо, но Онъ не знаетъ, что мы имѣемъ нужду въ томъ. Кто знаетъ самую природу, Кто сотворилъ и такъ устроилъ ее, Тотъ, очевидно, знаетъ и нужды ея лучше тебя, имѣющаго нужду въ пищѣ и одеждѣ: Ему же вѣдь угодно было даровать природѣ твоей такую потребность. Онъ не будетъ противорѣчить Себѣ, лишая наше естество нужнаго и необходимаго, тогда какъ Самъ устроилъ его съ такими потребностями.

3. Итакъ, не будемъ заботиться; отъ заботъ своихъ мы ничего не получимъ, кромѣ того только, что онѣ развлекутъ насъ. Если Богъ подаетъ намъ все нужное, заботимся ли о томъ, или не заботимся, и притомъ подаетъ скорѣе тогда, когда мы не заботимся, то какую пользу доставляетъ тебѣ твоя суетливость, кромѣ того, что ты казнишь самого себя? Заботится ли о пищѣ тотъ, кто идетъ на пышный обѣдъ? Запасается ли питьемъ тотъ, кто идетъ къ источнику? И мы, имѣя у себя блага лучше и обильнѣе, нежели сколько воды въ потокахъ и брашенъ на вечеряхъ, то есть, промыслъ Божій,—не должны заботиться и малодушествовать. Сверхъ вышесказаннаго, Спаситель для возбужденія въ насъ несомнѣннаго упо-

ванія во всѣхъ вещахъ на промыслъ Божій представляетъ еще доказательство, говоря: *ищите царствія* небеснаго, *и сія вся приложатся вамъ* (ст. 33). Удаливъ отъ насъ всякую мысль объ излишнихъ заботахъ, Христосъ упомянулъ и о небесахъ; Онъ для того и пришелъ, чтобы разрушить древнее, и призвать насъ къ лучшему отечеству; потому Онъ все дѣлаетъ, чтобы удалить 303
насъ отъ излишествъ и отъ пристрастія къ земнымъ вещамъ. Для того и о язычникахъ упомянулъ, сказавъ, что *сихъ ищутъ языцы*, которые весь трудъ свой ограничиваютъ настоящею жизнію, которые нимало не разсуждаютъ о будущности и не думаютъ о небесахъ. А для васъ должно быть не это важно, но другое. Мы не для того вѣдь сотворены, чтобы ѣсть, пить и одѣваться, но чтобы угодить Богу и получить будущія блага. Итакъ, усиленно и заботиться и молиться о земномъ не должно. Потому Спаситель и сказалъ: *ищите царствія небеснаго, и сія вся приложатся вамъ*. И не сказалъ: даны будутъ, но—приложатся, чтобы ты зналъ, что настоящія блага ничего не значатъ въ сравненіи съ величіемъ будущихъ. Потому-то Онъ и не повелѣваетъ просить настоящихъ благъ, но просить иныхъ благъ, и надѣяться, что и тѣ присоединятся къ этимъ. Итакъ, ищи благъ будущихъ—и получишь настоящія; не ищи видимыхъ—и непремѣнно получишь ихъ. Да и неприлично тебѣ приступать ко Владыкѣ съ молитвою о таковыхъ благахъ. Будучи обязанъ прилагать все тщаніе и всю заботу свою о неизреченныхъ благахъ, ты крайне безчестишь себя, когда изнуряешь себя заботливыми помыслами о благахъ скоропреходящихъ. Но какъ же,—скажешь ты,—развѣ Христосъ не повелѣлъ просить хлѣба? Но Онъ присовокупилъ: *насущнаго*, и опять къ этому прибавилъ: *днесь*. То же самое Онъ и здѣсь внушаетъ; не просто сказалъ: *не пецытеся*, но: *не пецытеся наутрей* (ст. 34). Такимъ образомъ Онъ вмѣстѣ даруетъ и свободу намъ, и обращаетъ душу нашу къ предметамъ болѣе необходимымъ. И если Онъ повелѣваетъ молиться, то не потому, будто бы Богъ имѣетъ нужду въ нашемъ напоминаніи, но для того, чтобы намъ знать, что мы только Его помощію совершаемъ все, что ни дѣлаемъ, и чтобы намъ непрестаннымъ моленіемъ сдѣлаться Ему болѣе пріятными. Видишь ли, какъ и здѣсь Онъ увѣряетъ Своихъ слушателей, что они непремѣнно получатъ настоящія блага? Тотъ, кто подаетъ большее, тѣмъ скорѣе дастъ меньшее. Не для того, говоритъ Онъ, Я не велѣлъ заботиться и просить, чтобы вы бѣдствовали, ходили наги, но чтобы во всемъ былъ у васъ достатокъ. А этимъ Онъ всего болѣе могъ привлечь слушателей къ Себѣ. Потому, какъ при подаяніи милостыни Онъ запрещаетъ имъ по-

казываться людямъ, убѣждая преимущественно тѣмъ, что обѣщаетъ чрезъ то большую честь (именно сказалъ: *Отецъ твой видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ*), такъ и здѣсь, отклоняя ихъ отъ исканія благъ настоящихъ, отклоняетъ особенно Своимъ обѣщаніемъ—доставить имъ эти блага въ большемъ изобиліи, если не станутъ искать ихъ. Я, говоритъ Онъ, запрещаю искать не для того, чтобы ты не получилъ, но чтобы получилъ въ большемъ обиліи, и получилъ, какъ тебѣ прилично получить, съ истинною пользою для тебя; чтобы ты заботою и мучительнымъ попеченіемъ объ этихъ благахъ не сдѣлался недостойнымъ и ихъ, и духовныхъ благъ, чтобы ты не навлекъ на себя излишняго бѣдствія и не лишился желаемаго тобою. *Не пецытеся убо на утрей; довлѣетъ дневи злоба его*, т. е. скудость и печаль его. Не довольно ли для тебя ѣсть хлѣбъ твой въ потѣ лица твоего? Для чего подвергаешь себя и другому злостраданію, происходящему отъ твоей заботы, тогда какъ ты долженъ быть свободенъ и отъ первыхъ трудовъ?

304 4. Злобою Спаситель здѣсь называетъ не лукавство,—нѣтъ,—но злостраданіе, трудъ и несчастія; такъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *или будетъ зло во градѣ, еже Господь не сотвори* (Амос. III, 6)? Здѣсь подъ зломъ разумѣются не грабительства, не любостяжаніе, и не другое что-либо тому подобное, но наказанія, посылаемыя свыше. И еще говорится: *Азъ творяй миръ, и зиждяй злая* (Ис. XLV, 7). И здѣсь говорится не о злобѣ, но о голодѣ и заразѣ, которые для многихъ кажутся зломъ; многіе обыкновенно такъ и называютъ ихъ. Такъ и жрецы и волхвы пяти городовъ, когда, впрягши въ колесницу подъ кивотъ коровъ безъ телятъ, пустили ихъ идти, куда онѣ захотятъ, называли зломъ и ниспосланныя свыше наказанія, и происшедшую отъ нихъ скорбь и печаль (1 Цар. VI, 9). Итакъ, то же самое Спаситель обозначаетъ злобой и здѣсь, говоря: *довлѣетъ дневи злоба его*, потому что ничто столько не мучитъ душу, какъ попеченіе и забота. Подобнымъ образомъ и Павелъ, склоняя къ дѣвственности, предлагалъ слѣдующій совѣтъ: *хощу же васъ безпечальныхъ быти* (1 Кор. VII, 32). Когда же Христосъ говоритъ, что *утренній собою печется*, то говоритъ это не потому, будто бы день заботится о себѣ, но такъ какъ Онъ говорилъ съ простымъ народомъ, то, желая сдѣлать слова Свои выразительнѣе, олицетворяетъ время, сообразно общему обыкновенію. Здѣсь Онъ предлагаетъ только совѣтъ, но впослѣдствіи времени поставляетъ это уже въ законъ, говоря: *не стяжите злата, ни серебра, ни пиры въ путь* (Матѳ. X, 9). Сперва на дѣлѣ, а потомъ и словомъ Онъ установляетъ новый, твердый законъ, отчего и слово Его,

будучи прежде утверждено самыми дѣлами Его, легко было принимаемо. А что Онъ Свое ученіе о безстрастіи къ земному доказалъ самыми дѣлами Своими, то послушай, что Онъ говоритъ: *Сынъ человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити* (Матѳ. VIII, 20). И не довольствуется однимъ только собственнымъ примѣромъ, но и въ ученикахъ представляетъ намъ тотъ же примѣръ, когда и имъ внушилъ не заботиться о земномъ, и не допустилъ ни въ чемъ нуждаться. Но смотри,—Его попеченіе превышаетъ нѣжность всякаго отца. Заповѣдую это, говоритъ Онъ, не для иного чего, какъ только для освобожденія васъ отъ излишнихъ заботъ, потому что если ты сегодня будешь заботиться о завтрашнемъ, то опять и завтра тебѣ нужно будетъ заботиться. Итакъ, къ чему излишнее? Для чего ты стараешься отяготить настоящій день больше, чѣмъ удѣлено ему тяготы? Для чего возлагаешь на него бремя и наступающаго дня? Такимъ прибавленіемъ ты не можешь облегчить тяжести другого дня, но только покажешь жадность къ излишнимъ трудамъ. Чтобы сильнѣе тронуть Своихъ слушателей, Христосъ олицетворяетъ самое время и представляетъ его какъ бы обиженнымъ и вопіющимъ противъ напрасной обиды, которую они учиняютъ ему. Ты получилъ день для того, чтобы заботиться о принадлежащемъ къ нему. Для чего же возлагаешь на него и попеченіе другого дня? Ужели забота о себѣ не составляетъ для него достаточнаго бремени? Для чего же болѣе надлежащаго отягощаешь его? Но когда это говоритъ Законодатель нашъ и будущій Судія, то подумай, какія утѣшительныя Онъ подаетъ намъ надежды, когда самъ представляетъ жизнь нашу столь бѣдственною и трудною, что и попеченіе одного дня можетъ насъ озлобить и сокрушить. И мы, все-таки, не взирая на множество такихъ свидѣтельствъ, заботимся о земномъ, а о 305
благахъ небесныхъ совсѣмъ не печемся. Противясь словамъ Его, мы совершенно извратили порядокъ. Смотри: Онъ говоритъ: не ищите настоящаго совсѣмъ,—а мы непрестанно ищемъ. Ищите, говоритъ Онъ, небесныхъ благъ,—а мы даже минуты не посвящаемъ на исканіе ихъ, но сколько печемся о житейскомъ, столько же, или еще несравненно болѣе, нерадимъ о духовномъ. Но это не всегда намъ будетъ проходить даромъ, и не всегда будетъ удаваться. Вотъ мы нерадимъ десять дней, вотъ двадцать, вотъ сто. Но развѣ намъ не надлежитъ рано или поздно умереть и впасть въ руки Судіи? Но отлагательство приноситъ утѣшеніе? Какое же утѣшеніе—ежедневно ожидать наказанія и мученія? Если ты хочешь получить какое-либо утѣшеніе отъ этого отлагательства, то покажи исправленіе, которое есть плодъ покаянія. Если ты думаешь получить нѣкоторую отраду изъ отлагательства

наказанія, то гораздо больше пользы не подвергнуться наказанію. Итакъ, воспользуемся этимъ отлагательствомъ для совершеннаго избавленія себя отъ предстоящихъ золъ. Ни одна заповѣдь не тяжка и не прискорбна; напротивъ, каждая легка и удобоисполнима, такъ что, если бы мы имѣли искреннее желаніе, все могли бы совершить, хотя бы подвержены были безчисленному множеству грѣховъ. Манассія дерзнулъ на ужасныя преступленія, потому что руки свои простеръ на святыню, внесъ въ храмъ мерзости, городъ наполнилъ убійствами, и другія непростительныя совершилъ беззаконія. И однако, послѣ такихъ великихъ преступленій, онъ все загладилъ. Какимъ же способомъ? Покаяніемъ и добрымъ изволеніемъ.

5. Нѣтъ, подлинно нѣтъ ни одного грѣха, который бы не покорился и не былъ препобѣжденъ силою покаянія, или справедливѣе, благодатію Христовою. Лишь только мы успѣемъ обратиться, Онъ уже намъ помогаетъ. И если хочешь быть добрымъ, никто не препятствуетъ,—или лучше, діаволъ хотя и старается препятствовать, но не можетъ, когда самъ ты избираешь лучшее, и такимъ образомъ самого Бога дѣлаешь своимъ защитникомъ. Но если ты не захочешь и воспротивишься Богу, то какъ Онъ будетъ твоимъ заступникомъ? Онъ хочетъ, чтобы ты получилъ спасеніе не по принужденію и насилію, но по свободной волѣ. Если и ты, имѣя слугу, который тебя ненавидитъ, отвращается и часто отъ тебя бѣгаетъ, не захотѣлъ бы держать его, не смотря на то, что ты имѣешь нужду въ его служеніи, то тѣмъ болѣе Богъ, Который все дѣлаетъ не по Своей какой-либо надобности, но для твоего спасенія, не захочетъ тебя насильно удерживать. Напротивъ, лишь только изъявишь расположеніе, то никогда тебя не захочетъ оставить, что̀ бы діаволъ ни замышлялъ противъ тебя. Итакъ, мы сами бываемъ виновниками собственной своей погибели, потому что не приступаемъ къ Богу, не молимся Ему, не призываемъ Его подобающимъ образомъ. А если и приступаемъ, то дѣлаемъ это такъ, какъ бы не думали получить,—не съ подобающею вѣрою все дѣлаемъ, не съ усильнымъ моленіемъ, а нерадиво и безпечно. Между тѣмъ Богъ хочетъ, чтобы мы Его просили, и если ты просишь, являетъ тебѣ великую милость. Это единственный Должникъ, Который, когда мы просимъ Его, оказываетъ намъ милость и даетъ то, чего мы не давали Ему въ заемъ. Если Онъ усмотритъ, что проситель неотступенъ, то даетъ и то, чего не получилъ отъ насъ. Но если просятъ Его съ нерадѣніемъ, то и Онъ медлитъ—не потому, что не расположенъ
306 дать, но потому, что Ему угодно, чтобы мы Его умоляли. Потому Онъ и представилъ тебѣ въ примѣръ друга, ночью пришедшаго

и просящаго хлѣба, и судію, Бога не боящагося и людей не стыдящагося. И не ограничился этими примѣрами, но и засвидѣтельствовалъ тоже самыми дѣлами, когда финикійскую женщину отпустилъ съ обильными дяяніями. Въ ея примѣрѣ показалъ, что усильно просящимъ Онъ даетъ и то, чего бы не надлежало давать. *Нѣсть бо добро*, говорилъ Онъ, *отъяти хлѣбъ чадомъ и поврещи псомъ* (Марк. VII, 27),—и однако далъ за ея неотступное прошеніе. А въ примѣрѣ іудеевъ показалъ, что безпечнымъ не даетъ и ихъ собственности. Потому они не только ничего не получили, но и лишились того, что имъ принадлежало. Они, потому что не просили, не получили и принадлежащаго имъ, а финикіянка, за то, что просила усердно, присвоила себѣ и чужое,—и песъ получилъ то, что принадлежало чадамъ. Столько-то полезно неотступное прошеніе! Хотя бы ты былъ песъ, но если станешь неотступно просить, то будешь предпочтенъ безпечному чаду. Въ чемъ не успѣваетъ дружество, того достигаетъ усиленная просьба. Итакъ, не говори, что Богъ—мой врагъ, потому и не выслушаетъ меня. Онъ, если неотступно будешь умолять Его, тотчасъ отвѣтитъ тебѣ, если не по близости твоей къ Нему, по крайней мѣрѣ ради неотступной просьбы твоей. Ни вражда, ни безвременность, ни иное что не будетъ служить препятствіемъ. Не говори: я недостоинъ, и потому не прошу. И сирофиникіянка была такова. Не говори: я многогрѣшенъ, и потому не могу просить разгнѣваннаго; Богъ не на достоинство смотритъ, но на расположеніе. Если вдова преклонила начальника, Бога не боявшагося и людей не стыдившагося, то тѣмъ болѣе непрестанная молитва привлечетъ къ себѣ Благого. Пусть ты не другъ Богу, пусть просишь недолжнаго, пусть ты расточилъ отеческое достояніе и долгое время находился въ отсутствіи, пусть ты приходишь къ Нему лишеннымъ чести и какъ худшій изъ всѣхъ, пусть являешься къ разгнѣванному и негодующему; только возымѣй намѣреніе молиться и возвратиться къ Нему,—все получишь, и гнѣвъ и осужденіе тотчасъ истребишь. Но вотъ, я молюсь, скажешь ты,—и нѣтъ никакого успѣха! Это потому, что ты молишься не какъ сирофиникіянка, или другъ, безвременно пришедшій,—не какъ вдова, непрестанно нудящая судію, и сынъ, расточившій отцовское имущество. Если бы ты такъ же молился, то скоро бы получилъ. Хотя и раздраженъ Богъ, но Онъ—Отецъ; хотя и разгнѣванъ, но чадолюбивъ, и одного только ищетъ—не того, чтобы наказать тебя за обиду, но того, чтобы видѣть тебя обратившимся и умоляющимъ Его.

6. О, если бы и мы такъ воспламенялись, какъ согрѣто благоутробіе Божіе любовію къ намъ! Огнь этой любви ожидаетъ

только случая, и если малую искру приложишь къ нему, то возжжешь великій благодѣющій тебѣ пламень. Господь болѣзнуетъ не о томъ, что обиженъ, но о томъ, что ты дерзокъ и неистовствуешь подобно пьяному. Если мы, будучи злы, болѣзнуемъ о дѣтяхъ, не смотря на причиняемыя намъ отъ нихъ обиды, то Богъ ли, Котораго нельзя обидѣть, будетъ гнѣваться на тебя за то, что досаждаешь Ему? Если мы, любя любовію естественною, болѣзнуемъ о дѣтяхъ, то тѣмъ болѣе и вполнѣ естественно чадолюбивый болѣзнуетъ о насъ. *Аще и забудетъ жена исчадія чрева своего, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь* (Ис. XLIX, 15). Итакъ, приступимъ къ Нему и ска-
307 жемъ: *ей, Господи, ибо и пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ* (Матѳ. XV, 27)! Будемъ приступать къ Богу благовременно и безвременно; или вѣрнѣе сказать, безвременно приступать къ Нему никогда нельзя. Безвременно приступать—у Него значитъ не всегда приступать. Того, Который всегда желаетъ давать, благовременно всегда просить. Какъ дыханіе никогда не бываетъ безвременно, такъ и прошеніе; но напротивъ непрошеніе—безвременно. Какъ мы имѣемъ нужду въ дыханіи, такъ и въ Его помощи, и если захотимъ, то удобно привлечемъ Его къ себѣ. И пророкъ, показывая и свидѣтельствуя, что Богъ всегда готовъ благодѣтельствовать, говорилъ: *яко утро готово обрящемъ Его* (Ос. VI, 3). Сколько бы разъ ни приступали къ Нему, увидимъ, что Онъ всегда ожидаетъ прошеній отъ насъ. Если же изъ источника Его милостей мы ничего не почерпаемъ, то вся вина наша. Укоряя іудеевъ, Онъ говорилъ: *милость же* Моя *яко облакъ утренній, и яко роса рано падающая* (тамъ же ст. 4). Слова эти имѣютъ такой смыслъ: хотя Я, съ своей стороны, все исполнилъ,—но какъ знойное солнце при самомъ восходѣ прогоняетъ и облако и росу, такъ и вы своею великою злобою останавливаете Мою неизреченную щедрость. Впрочемъ, и здѣсь вмѣстѣ дѣйствуетъ промыслъ: какъ скоро Богъ усматриваетъ насъ недостойными благодѣяній, удерживаетъ ихъ, чтобы они не сдѣлали насъ
308 безпечными. Если же мы хотя нѣсколько обратимся, т. е., столько, сколько нужно для того, чтобы узнать, что мы согрѣшили,—тогда весьма богатыя и обильныя изливаетъ на насъ милости. И, чѣмъ больше ты пріемлешь отъ Него, тѣмъ болѣе Онъ радуется, и болѣе обильныя готовитъ намъ новыя благодѣянія. Спасеніе наше и щедрые дары просящимъ Онъ считаетъ Своимъ богатствомъ. Такъ говоритъ объ этомъ и Павелъ: *богатяй во всѣхъ и на всѣхъ призывающихъ Его* (Рим. X, 12). Но когда мы не молимъ, тогда гнѣвается; когда не просимъ, тогда отвращается. Для того Онъ и обнищалъ, чтобы насъ сдѣлать богатыми; для того все претерпѣлъ, чтобы насъ побудить къ молитвамъ. Итакъ, не будемъ от-

чаиваться. Но имѣя такія побужденія, такія добрыя надежды, если и каждодневно согрѣшаемъ, будемъ приступать съ прошеніемъ, моленіемъ и требованіемъ отпущенія грѣховъ. Такимъ образомъ, и на грѣхъ будемъ уже болѣе косны, и діавола прогонимъ, и милосердіе Божіе призовемъ, и будущихъ благъ достигнемъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIII.

Не судите, да не судими будете (VII, 1).

1. Чтожъ? Ужели не должно обвинять согрѣшающихъ? Да; и Павелъ то же самое говоритъ, или—лучше—Христосъ чрезъ Павла: *ты почто осуждаеши брата твоего?* Или: *ты что уничижаеши брата твоего? Ты кто еси судяй чуждему рабу* (Рим. XIV, 10 и 4)? И опять: *тѣмже прежде времене ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь* (1 Коринө. IV, 5). Какимъ же образомъ тотъ же апостолъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *обличи, запрети, умоли* (2 Тимоө. IV, 2)? И еще: *согрѣшающихъ предъ всѣми обличай* (1 Тимоө. V, 20)? Равнымъ образомъ, и Христосъ говоритъ Петру: *иди, обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще ли не послушаетъ,* возьми *съ собою* другого, если же и при этомъ не уступаетъ, *повѣждь Церкви* (Матө. XVIII, 15—17)? И для чего Онъ поставилъ столь многихъ обличителей, и не только обличителей, но и карателей, такъ что кто не послушается никого изъ этихъ послѣднихъ, того велѣлъ почитать за язычника и мытаря? Съ какою также цѣлью ввѣрилъ имъ и ключи? Если, вѣдь, они не будутъ судить, то не будутъ имѣть никакой важности и, слѣдовательно, всуе получили власть вязать и рѣшить. Съ другой стороны, если бы это было такъ, то все пришло бы въ разстройство и въ Церкви, и въ гражданскихъ обществахъ и въ семьяхъ. Если господинъ не будетъ судить своего слугу, а госпожа служанку, отецъ сына, и другъ своего друга, то зло будетъ распространяться все болѣе и болѣе. И что я говорю: другъ друга? Даже если враговъ не будемъ судить, то никогда не будемъ въ состояніи разрушить вражду, но все придетъ въ совершенный безпорядокъ. Что же значитъ указанное изреченіе? Разсмотримъ теперь внимательнѣе, чтобы врачество спасенія и законы мира не почелъ кто-нибудь законами ниспроверженія и смятенія. Для имѣющихъ здравый умъ Спаситель хорошо изъ- 308
яснилъ уже силу даннаго закона въ слѣдующихъ дальнѣйшихъ

словахъ: *что видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бервна же, еже есть во оцѣ твоемъ, не чуеши* (Матѳ. VII, 3)? Если же для многихъ, не такъ сообразительныхъ, изреченіе Христово кажется все еще недовольно яснымъ, то я снова постараюсь изъяснить его. Именно—здѣсь, какъ мнѣ кажется, Спаситель не всѣ вообще грѣхи повелѣваетъ не судить и не всѣмъ безъ исключенія запрещаетъ это дѣлать, но тѣмъ только, которые, сами будучи исполнены безчисленныхъ грѣховъ, порицаютъ другихъ за маловажные какіе-нибудь поступки. Мнѣ кажется также, что Христосъ указываетъ здѣсь и на іудеевъ, которые, будучи злыми обвинителями своихъ ближнихъ въ какихъ-нибудь маловажныхъ и ничтожныхъ поступкахъ, сами безсовѣстно творили великіе грѣхи. За это Господь порицалъ ихъ и подъ конецъ (Своего служенія), говоря: связуете *бремена тяжка и бѣднѣ носима, сами же перстомъ не* хотите *двигнути ихъ*. И еще: *одесятствуете мятву и копръ, и остависте вящшая закона: судъ, милость и вѣру* (Матѳ. XXIII, 4, 23). Итакъ, можно думать, что Христосъ указывалъ и на нихъ, желая предварительно упрекнуть ихъ въ томъ, въ чемъ они, впослѣдствіи времени, порицали учениковъ. Хотя послѣдніе ни въ чемъ подобномъ не согрѣшили, но іудеямъ казалось грѣхомъ, напримѣръ, что они не соблюдали субботы, ѣли неумытыми руками, возлежали съ мытарями, о чемъ Спаситель и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *оцѣждающіи комары, вельблуды же пожирающе* (Матѳ. XXIII, 24). Впрочемъ Христосъ полагаетъ здѣсь и общій законъ о неосужденіи. И Павелъ въ посланіи къ коринѳянамъ запретилъ не вообще судить, но судить только высшихъ, въ виду неизвѣстности дѣла; равнымъ образомъ, не вообще запрещаетъ
309 исправлять согрѣшающихъ. Онъ упрекалъ и тогда не всѣхъ безъ различія, а укорялъ, во-первыхъ, учениковъ, которые такъ поступали въ разсужденіи своихъ учителей, и во-вторыхъ, тѣхъ людей, которые, сами будучи виновны въ безчисленныхъ согрѣшеніяхъ, клеветали на неповинныхъ. То же самое даетъ разумѣть и Христосъ въ данномъ мѣстѣ, и не просто даетъ разумѣть, но еще внушаетъ великій страхъ, и угрожаетъ неизбѣжнымъ наказаніемъ: *имже бо судомъ судите*, говоритъ Онъ, *судятъ вамъ* (ст. 2). Ты осуждаешь, говоритъ Онъ, не ближняго, но себя самого, и себя самого подвергаешь страшному суду и строгому истязанію. Подобно тому, слѣдовательно, какъ въ отпущеніи грѣховъ начало зависитъ отъ насъ самихъ, такъ и въ этомъ судѣ мы же полагаемъ извѣстную мѣру нашего осужденія. Итакъ, должно не порицать, не поносить, но вразумлять; не обвинять, но совѣтовать; не съ гордостію нападать, но съ любовію исправлять,—потому что не ближняго, но себя самого предашь ты

жесточайшему наказанію, когда не пощадишь его, произнося твой приговоръ о его прегрѣшеніяхъ.

2. Видишь ли, какъ эти двѣ заповѣди и легки, и доставляютъ великія блага покорнымъ, и наоборотъ, причиняютъ великое зло непослушнымъ? Тотъ, кто оставляетъ ближнему своему его прегрѣшенія, освобождаетъ отъ обвиненія не столько его, сколько себя самого, и притомъ безъ всякаго труда; и тотъ, кто съ пощадою и снисходительно разбираетъ преступленія въ другихъ, таковымъ судомъ своимъ полагаетъ большой залогъ прощенія для себя самого. Что же,—скажешь ты,—если кто прелюбодѣйствуетъ, неужели я не долженъ сказать, что прелюбодѣяніе есть зло, и неужели не долженъ исправить распутника? Исправь, но не какъ непріятель, не какъ врагъ, подвергая его наказанію, но какъ врачъ, прилагающій лѣкарство. Спаситель не сказалъ: не останавливай согрѣшающаго, но: не суди, т. е., не будь жестокимъ судіею; притомъ же это сказано не о важныхъ и явно запрещенныхъ грѣхахъ, какъ уже мною было и прежде замѣчено, но о такихъ, которые и не почитаются грѣхами. Потому Онъ и сказалъ: *что видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего* (ст. 3)? Многіе и нынѣ такъ поступаютъ: видя монаха, имѣющаго излишнюю одежду, обыкновенно представляютъ ему законъ Господень, хотя сами постоянно только и занимаются хищеніями и лихоимствомъ; или видя, что онъ употребляетъ нескудную пищу, дѣлаются жестокими обвинителями, хотя сами каждый день пьянствуютъ и упиваются, не зная того, что чрезъ это, при своихъ грѣхахъ, готовятъ для себя большій огнь, и лишаютъ себя всякаго оправданія. И въ твоихъ, вѣдь, поступкахъ должно потребовать строгаго отчета, разъ ты самъ первый положилъ такой законъ, строго осудивъ поступки ближняго. Итакъ, не считай для себя тягостію, когда и самъ ты будешь подвергнутъ такому истязанію. *Лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего* (ст. 5). Здѣсь Спаситель хочетъ показать великій Свой гнѣвъ къ тѣмъ, которые осуждаютъ ближнихъ. Дѣйствительно, всякій разъ, когда Онъ хочетъ показать тяжесть какого-либо грѣха, великость наказанія за него и Свой гнѣвъ, Онъ обыкновенно начинаетъ укоромъ. Такъ, напримѣръ, и требовавшему (отъ своего товарища) сто динаріевъ Христосъ съ негодованіемъ говоритъ: *рабе лукавый, весь долгъ тоть отпустихъ тебѣ* (Матѳ. XVIII, 32); такъ точно и здѣсь употребилъ слово: *лицемѣре*. Строгій судъ о ближнемъ показываетъ не доброжелательство, а ненависть къ человѣку; и хотя осуждающій носитъ личину человѣколюбія, но на самомъ дѣлѣ исполненъ крайней злобы, поскольку подвергаетъ ближняго напрасному поношенію и обвиненію, и восхищаетъ мѣсто учителя, самъ не 310

будучи достоинъ быть даже ученикомъ. Потому Христосъ и назвалъ его лицемѣромъ. Если ты такъ строгъ въ отношеніи къ другимъ, что видишь и малые проступки, то почему такъ невнимателенъ къ себѣ, что не замѣчаешь и великихъ грѣховъ? *Изми первѣе бервно изъ очесе твоего.* Видишь ли, что Спаситель не запрещаетъ судить, но прежде велитъ изъять бревно изъ собственнаго глаза, и тогда уже исправлять согрѣшенія другихъ? Всякій вѣдь свое знаетъ лучше, нежели чужое, и лучше видитъ большее, нежели меньшее, и наконецъ, болѣе себя самого любитъ, чѣмъ ближняго. Слѣдовательно, если ты судишь другихъ, желая имъ добра, то прежде пожелай его себѣ, имѣющему грѣхъ и очевиднѣе, и болѣе; если же нерадишь о самомъ себѣ, то ясно, что и брата своего судишь не изъ доброжелательства къ нему, но изъ ненависти и желанія опозорить его. Если же и должно быть ему судиму, то пусть его судитъ тотъ, кто ни въ чемъ подобномъ не согрѣшилъ, а не ты. Такъ какъ Спаситель предложилъ великія и высокія правила жизни, то чтобы кто-нибудь не сказалъ, что легко такъ любомудрствовать на словахъ, Онъ и изрекъ эту притчу въ доказательство всей свободы, съ какою могъ сказать о Себѣ, что Онъ не погрѣшилъ ни противъ одного изъ предложенныхъ Имъ правилъ, но всѣ исполнилъ. Хотя впослѣдствіи времени Ему самому надлежало судить и говорить: *горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемѣри* (Мате. XXIII, 25), однакожъ самъ Онъ нимало не былъ виновенъ въ томъ, въ чемъ обвинялъ другихъ. Ни сучка не изымалъ, ни бревна не имѣлъ въ глазахъ Своихъ; Онъ былъ свободенъ отъ того и другого, и исправлялъ, такимъ образомъ, согрѣшенія всѣхъ. Не долженъ, говоритъ Онъ, судить другихъ тотъ, кто самъ въ томъ же виновенъ. И ты удивляешься, что Онъ положилъ этотъ законъ, когда и разбойникъ на крестѣ призналъ его, и выразилъ мысль Христа въ словахъ своихъ, обращенныхъ къ другому разбойнику: *ни ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осуждени есмы* (Лук. XXIII, 40). А ты не только не изымаешь у себя бревна, но и не видишь; напротивъ того, сучецъ у другого не только видишь, но и осуждаешь, и стараешься изъять,—подобно какъ одержимый тяжкою водяною или другою какою-либо неизлѣчимою болѣзнію нерадитъ объ ней, а между тѣмъ въ другомъ обвиняетъ нерадѣніе о маломъ недугѣ. Если ужъ худо не обращать вниманія на свои грѣхи, то вдвое или втрое хуже судить другихъ, имѣя въ собственныхъ своихъ глазахъ бревно, и не чувствуя отъ того никакой боли; вѣдь грѣхъ тягостнѣе и бревна.

3. Итакъ, сказанная Спасителемъ заповѣдь имѣетъ такой смыслъ: кто самъ подверженъ многимъ порокамъ, тотъ не дол-

женъ быть строгимъ судіею погрѣшностей другихъ людей, и особенно когда онѣ маловажны; слѣдовательно, Онъ не запрещаетъ обличать или исправлять, но возбраняетъ нерадѣть о собственныхъ грѣхахъ, и возставать противъ чужихъ. И это потому, что осужденіе другихъ много содѣйствовало бы къ увеличенію зла, усугубляя порочность. Въ самомъ дѣлѣ, кто привыкъ нерадѣть о своихъ великихъ преступленіяхъ и строго судить о малыхъ и незначительныхъ погрѣшностяхъ другихъ, тотъ терпитъ двоякій вредъ,—какъ потому, что нерадитъ о своихъ грѣхахъ, такъ и потому, что питаетъ ко всѣмъ вражду и ненависть, и каждый день возбуждается къ крайней жестокости и немилосердію. Итакъ, уничтоживши все это чрезъ прекрасное то законоположеніе, Христосъ присоединилъ еще другое правило, говоря: ***не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ предъ свиніями*** (ст. 6).
Хотя далѣе Онъ и говоритъ: *еже во уши слышите, проповѣдите на* 811
кровѣхъ (Матѳ. x, 27), но это послѣднее нимало не противорѣчитъ прежнему, такъ какъ и тутъ не всѣмъ вообще повелѣно говорить, но тѣмъ только говорить со всею свободою, которымъ должно говорить. Подъ именемъ же псовъ Онъ здѣсь разумѣлъ тѣхъ, которые живутъ въ неисцѣльномъ нечестіи, безъ всякой надежды исправленія; а подъ именемъ свиней—всегда живущихъ невоздержно; всѣ таковые, по слову Его, недостойны слушать высокое ученіе. Тоже самое и Павелъ выразилъ, сказавъ: *душевенъ же человѣкъ не пріемлетъ яже Духа*; *юродство бо ему есть* (1 Кор. II, 14). И во многихъ другихъ мѣстахъ Онъ развращеніе жизни поставляетъ причиною того, что не пріемлется совершеннѣйшее ученіе. Потому и повелѣваетъ такимъ людямъ не отворять дверей, потому что, узнавши, они становятся еще болѣе дерзкими. Когда это ученіе открывается людямъ признательнымъ и благомыслящимъ, то они благоговѣютъ предъ нимъ; а люди безнравственные уважаютъ болѣе тогда, когда его не знаютъ. Итакъ, поелику по природѣ своей такіе люди не могутъ познать этого ученія, то пусть будетъ оно отъ нихъ скрыто, говоритъ Спаситель, чтобы, по крайней мѣрѣ, почтили его по причинѣ своего невѣдѣнія. И свинья не знаетъ, что такое бисеръ, а если не знаетъ, то пусть и не видитъ, чтобы не попрала того, чего не знаетъ. Ничего, кромѣ только еще большаго вреда, не произойдетъ отъ слушанія для людей съ такимъ расположеніемъ. Они ругаются надъ святынею, не зная ея, и еще болѣе возносятся и вооружаются на насъ. Таковъ смыслъ словъ Христовыхъ: *да не попerутъ, и вращшеся расторгнутъ вы*. Но скажешь: святыня должна быть такъ крѣпка, чтобы и по узнаніи осталась непобѣдимою, и другимъ не подавала случая вредить намъ? Нѣтъ, не она подаетъ къ тому слу-

чай, но то, что пріемлющіе ее—свиньи. Такъ и бисеръ попираемый не потому попирается, что достоинъ пренебреженія, но потому, что попалъ къ свиньямъ. И хорошо сказано: *вращшеся растор-гнутъ.* Въ самомъ дѣлѣ, сначала они принимаютъ на себя личину кротости, чтобы узнать; потомъ, когда узнаютъ, сдѣлавшись совсѣмъ иными, ругаются, поносятъ, смѣются надъ нами, какъ бы надъ обманутыми. Потому и Павелъ говоритъ Тимоѳею: *отъ него же и ты себе блюди, зѣло бо противится словамъ нашимъ* (2 Тимоѳ. IV, 15). И въ другомъ мѣстѣ: *и сихъ отвращайся* (2 Тим. III, 5). И еще: *еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся* (Тит. III, 10). Итакъ, враговъ всего священнаго вооружаетъ противъ насъ не самая святыня, но ихъ доводитъ до безумія то, что, познавъ ее, они исполняются гордостію. Вотъ почему немалая польза оставаться имъ въ невѣдѣніи: въ такомъ случаѣ они не будутъ пренебрегать; если узнаютъ, то двойной вредъ: и сами не получатъ отъ того никакой пользы, развѣ еще большій вредъ, и тебѣ причинятъ безчисленныя безпокойства. Пусть слышатъ это тѣ, которые безъ всякаго стыда сводятся со всякимъ безъ разбору и дѣлаютъ предметомъ пренебреженія то, что достойно всякаго уваженія. Отъ того-то и мы, совершая таинства, затворяемъ двери и возбраняемъ входъ непросвѣщеннымъ—не потому, будто мы признаемъ недѣйствительность совершаемыхъ таинствъ, но потому, что еще многіе не довольно къ нимъ приготовлены. Отъ того-то и самъ Христосъ многое говорилъ іудеямъ въ притчахъ, что они видя не видѣли (Матѳ. XIII, 13). Потому и Павелъ повелѣлъ *вѣдѣти, како подобаетъ единому комуждо отвѣщавати* (Колос. IV, 6). *Просите и дастся вамъ: ищите и обрящите: толцыте*
312 *и отверзется вамъ* (ст. 7). Выше Спаситель предложилъ великія и чудныя заповѣди, повелѣлъ возвышаться надъ всѣми страстями, привелъ къ самому небу, и заставилъ уподобляться не ангеламъ или архангеламъ, но, сколько возможно, самому Владыкѣ всяческихъ; а ученикамъ повелѣлъ не самимъ только исполнять все это, но и другихъ исправлять, и различать злыхъ отъ не злыхъ, и псовъ отъ не псовъ (много вѣдь въ людяхъ прикровеннаго), чтобы не говорили, что это трудно и неисполнимо, такъ какъ и дѣйствительно, впослѣдствіи времени, Петръ сказалъ нѣчто подобное: *кто можетъ спасенъ быти?* И еще: *аще тако есть вина человѣку, лучше есть не женитися* (Матѳ. XIX, 25, 10).

4. Итакъ, чтобы и теперь не сказали подобнаго, Спаситель и прежде уже показалъ удобоисполнимость предписываемыхъ Имъ заповѣдей, приведя рядъ убѣдительныхъ доказательствъ, и наконецъ представляетъ самый, такъ сказать, верхъ этой удобоисполнимости, именно—помощь отъ безпрерывныхъ молитвъ,

подающихъ немалое утѣшеніе въ трудахъ. Онъ говоритъ, что не самимъ только должно стараться, но и свыше призывать помощь, которая непремѣнно придетъ, и предстанетъ, и облегчитъ наши подвиги, и все сдѣлаетъ для насъ легкимъ. Потому и просить повелѣлъ, и обѣщалъ исполненіе прошенія. Впрочемъ, не просто повелѣлъ просить, но съ великимъ тщаніемъ и усиліемъ,—что и выражается словомъ: *ищите*. Въ самомъ дѣлѣ, кто ищетъ, тотъ, выбросивъ все изъ своихъ мыслей, напрягаетъ свое вниманіе только къ тому, чего ищетъ, и ни о чемъ настоящемъ не помышляетъ. Мои слова понимаютъ всѣ тѣ, которые, потерявши золото или рабовъ, послѣ ищутъ. Это-то и означаетъ Спаситель словомъ: *ищите*. А сказавъ: *толцыте*, показываетъ, что должны приступать къ Богу съ силою и теплою мыслію. Итакъ, не унывай, человѣкъ, не прилагай старанія о добродѣтели гораздо меньшаго, нежели какое имѣешь о богатствѣ. Богатства ты часто не находишь, хотя бы и много разъ принимался искать его. И тѣмъ не менѣе, хотя и знаешь, что не всегда найдешь его, все-таки употребляешь всѣ способы къ его пріобрѣтенію. А о добродѣтели, хотя и имѣешь обѣщаніе, что непремѣнно получишь помощь, не хочешь показать даже и частицы такого старанія. Если же не тотчасъ получаешь, то и въ такомъ случаѣ не отчаивайся. Христосъ вѣдь для того и сказалъ: *толцыте*, чтобы показать, что, если и не скоро отверзетъ двери, должно ждать. Если не вѣришь моимъ словамъ, то, по крайней мѣрѣ, повѣрь слѣдующему примѣру. *Кто отъ васъ есть*, говоритъ Христосъ, *егоже аще воспроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему* (ст. 9)? Если бы ты часто́ дѣлалъ такъ предъ людьми, то показался бы имъ и тяжкимъ и жестокимъ; но Бога раздражаешь болѣе тогда, когда этого не дѣлаешь. Если же ты постоянно будешь просить Его, то хотя и нескоро получишь просимое, однако же непремѣнно получишь. Для того-то и заперта дверь, чтобы побудить тебя къ *толканію*; для того-то и не тотчасъ внимаетъ, чтобы ты просилъ. Итакъ, постоянно проси—и непремѣнно получишь. И чтобы ты не сказалъ: что́, если я буду просить и не получу?—въ предотвращеніе этого Спаситель представляетъ тебѣ притчу, приводитъ опять доказательства, и отъ примѣровъ человѣческихъ возводитъ тебя къ надеждѣ полученія, показывая чрезъ все это не только то, что должно просить, но и о чемъ должно просить. *Кто есть отъ васъ отецъ, егоже аще воспроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему?* Такъ, если ты не получаешь, то не получаешь потому, что просишь камня. Хотя ты и сынъ, но этого еще не довольно къ полученію. Напротивъ это-то самое и препятствуетъ тебѣ по- 313
лучить, что ты, будучи сыномъ, просишь неполезнаго. Итакъ, не

проси ничего мірского, но всего духовнаго, и непремѣнно получишь. Такъ Соломонъ, когда просилъ должнаго, смотри, какъ скоро получилъ. Итакъ молящемуся надлежитъ соблюдать два правила: первое то, чтобы просить усильно; второе то, чтобы просить должнаго. И вы, вѣдь, говоритъ Спаситель, будучи отцами, дожидаетесь просьбы отъ своихъ дѣтей; и если они у васъ станутъ просить безполезнаго, то отказываете; когда же будутъ просить полезнаго, то соизволяете и даете. Потому и ты, представляя это, не отступай до тѣхъ поръ, пока не получишь, не отходи, пока не найдешь, не отлагай своего тщанія, пока не будетъ отверста дверь. Если ты приступишь съ такою мыслію и скажешь: не отступлю до тѣхъ поръ, пока не получу,—то непремѣнно получишь, если только того просишь, что и Тому, отъ Кого просишь, прилично дать, и тебѣ, просящему, полезно. Что жъ бы это такое было? То, чтобы просить всего духовнаго, приступать къ испрашиванію оставленія своихъ грѣховъ, по оставленіи согрѣшеній другимъ, безъ гнѣва и сомнѣнія воздѣвать чистыя руки (1 Тим. II, 8). Если мы такъ будемъ просить, то получимъ. Но нынѣ наши прошенія достойны смѣха, и свойственны болѣе людямъ пьянымъ, нежели трезвымъ. Отчего же, скажешь, я не получаю и тогда, когда прошу духовнаго? Конечно отъ того, что ты или не со тщаніемъ ударяешь въ двери, или сдѣлалъ себя недостойнымъ къ принятію просимаго, или скоро пересталъ просить. Но ты опять скажешь: для чего же Спаситель не сказалъ, чего должно просить? Но Онъ уже все сказалъ прежде, и показалъ, зачѣмъ должно приступать къ Богу. Итакъ, не говори: я приходилъ и не получилъ. Никогда нельзя не получить отъ Бога, Который такъ любитъ, что Своею любовію превосходитъ самихъ отцовъ и превосходитъ настолько, насколько благость превосходитъ злобу. *Аще вы, лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный* (ст. 11). Это Христосъ сказалъ не въ упрекъ человѣческому естеству, или въ охужденіе человѣческаго рода,—нѣтъ, но здѣсь Онъ называетъ отеческую любовь злобою для различія отъ Своей благости. Столько-то велико Его человѣколюбіе.

5. Видишь ли неизреченную мысль, которая и въ самомъ отчаянномъ сильна возбудить благія надежды? Здѣсь Спаситель въ доказательство Своей благости указываетъ на примѣръ отцевъ, а выше указалъ на величайшіе Свои дары,—на душу и тѣло. Но Онъ нигдѣ еще не упоминаетъ о главнѣйшемъ изъ благъ, нигдѣ не указываетъ на Свое пришествіе. Тотъ, Кто благоволилъ Сына Своего дать на жертву, не дастъ ли намъ всего? Но тогда эта жертва еще не совершилась? Но Павелъ уже на это

указываетъ, говоря такъ: *Своего Сына не пощадѣ, како не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. VIII, 32)? А самъ Христосъ въ бесѣдѣ съ Своими слушателями предлагаетъ еще доказательства обыкновенныя. Потомъ показывая, что не должно надѣяться и на молитву нерадящимъ о самихъ себѣ, равно какъ и тѣмъ, которые стараются о самихъ себѣ, не должно полагаться только на собственное стараніе, но должно свыше просить помощи, и употреблять собственныя усилія,—Онъ безпрестанно внушаетъ и то и другое. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ многихъ наставленій, Онъ научаетъ молиться; научивши молиться, снова научаетъ тому, что должно дѣлать; вслѣдъ затѣмъ Онъ опять научаетъ, что непрестанно должно молиться, говоря: *просите, ищите и толцыте,* а отсюда опять переходитъ къ тому, что и самимъ намъ должно быть тщательными. 314
Вся убо, говоритъ Онъ, *елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ* (ст. 12). Въ этихъ краткихъ словахъ Спаситель заключилъ все и показалъ, что добродѣтель и кратка, и удобна, и всѣмъ извѣстна. И не просто сказалъ: *вся елика аще хощете;* но: *вся убо елика аще хощете;* слово: *убо* не безъ намѣренія употребилъ, но съ особенною мыслію. Если хотите, говоритъ Онъ, быть услышаны, то кромѣ того, сказаннаго Мною, и это дѣлайте. Что же именно? *Вся елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы*. Видишь ли, какъ Онъ и отсюда вывелъ то, что вмѣстѣ съ молитвою необходима намъ и добрая жизнь? Онъ не сказалъ: чего хочешь себѣ отъ Бога, то дѣлай ближнему твоему,—чтобы ты не возразилъ: какъ это возможно? Онъ Богъ, а я человѣкъ. Но произнесъ: если чего хочешь себѣ отъ равнаго тебѣ, то и самъ то же оказывай ближнему. Что можетъ быть этого легче? Что справедливѣе? Потомъ, предлагая величайшую похвалу, еще прежде самыхъ наградъ получаемую за соблюденіе этой заповѣди, говоритъ: *се бо есть законъ и пророцы*. Отсюда видно, что добродѣтель намъ естественна и мы всѣ сами по себѣ знаемъ, что должно дѣлать, такъ что никогда нельзя извиняться невѣдѣніемъ.

Внидите узкими враты, яко пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ (ст. 13). Далѣе: *узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало есть, иже обрѣтаютъ его* (ст. 14). Но послѣ Онъ говорилъ: *иго Мое благо и бремя Мое легко есть*. И незадолго предъ тѣмъ внушалъ то же самое. Какъ же здѣсь путь, ведущій въ жизнь, называетъ узкимъ и тѣснымъ? Если обратишь все свое вниманіе, то увидишь, что Спаситель и здѣсь называетъ путь этотъ весьма легкимъ, удобнымъ и незатруднительнымъ. Скажешь: какъ же тѣсный и узкій путь можетъ быть вмѣстѣ и удобнымъ? Тѣмъ этотъ путь и удобенъ, что Онъ

есть путь и врата,—такъ какъ и другой путь, хотя широкій и пространный, все же есть путь и врата: на нихъ ничто не останавливается, но все проходитъ, какъ горести, такъ и радости въ жизни. И не потому только удобна добродѣтель: по концу своему она дѣлается еще удобнѣйшею. Потому, что она своихъ подвижниковъ можетъ утѣшить не только тѣмъ, что всѣ труды и подвиги оканчиваются, но еще болѣе тѣмъ, что конецъ ихъ добрый, такъ какъ оканчиваются жизнію. Потому и кратковременность трудовъ, и вѣчность вѣнцовъ, и то, что труды предшествуютъ вѣнцамъ, а вѣнцы послѣдуютъ за ними,—все это составляетъ величайшее утѣшеніе въ трудахъ. Потому и Павелъ назвалъ скорбь легкою, не по свойству самой скорби, но по произволенію подвижниковъ и по надеждѣ будущаго: *еже бо легкое печали*, сказалъ онъ, *вѣчную тяготу славы содѣлываетъ, не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. IV, 17). Если волны и пучины для мореходцевъ, пораженія и раны для воиновъ, непогоды и морозы для земледѣльцевъ, сильные удары для бойцовъ,—если все это бываетъ легко и выполнимо по надеждѣ наградъ временныхъ и тлѣнныхъ,—то тѣмъ болѣе могутъ быть нечувствительны настоящія скорби, когда предстоитъ небо, неизреченныя блага и безсмертныя награды.

6. Если же и при всемъ этомъ нѣкоторые почитаютъ ведущій
315 въ жизнь путь труднымъ, то мнѣніе это происходитъ только отъ собственной ихъ лѣности. Смотри, какъ Спаситель и инымъ способомъ дѣлаетъ этотъ путь удобнымъ, когда запрещаетъ вмѣшиваться между псами, предавать себя свиньямъ и повелѣваетъ остерегаться лжепророковъ,—всячески внушаетъ быть осторожными. Самое даже наименованіе тѣснымъ путемъ весьма много способствуетъ къ тому, чтобы сдѣлать его удобнымъ,—потому что заставляетъ насъ бодрствовать. Какъ Павелъ не съ тѣмъ говоритъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти* (Ефес. VI, 12), чтобы привести въ уныніе, но чтобы возбудить сердца воиновъ,—такъ точно и Господь путь жизни назвалъ труднымъ для того, чтобы, такъ сказать, пробудить отъ сна путниковъ. Мало того: Онъ побуждаетъ къ бодрствованію еще и дальнѣйшимъ указаніемъ на то, что на пути этомъ есть много препинающихъ, и—что еще опаснѣе—послѣдніе нападаютъ не явно, но скрытно. Таковъ именно родъ лжепророковъ. Но не на то смотри, говоритъ Христосъ, что этотъ путь труденъ и тѣсенъ, а на то, гдѣ онъ оканчивается; и не на то опять смотри, что противоположный путь широкъ и пространенъ, а на то, куда онъ ведетъ. Все же это Онъ говоритъ для того, чтобы возбудить въ насъ бодрость. Съ тою же цѣлью Онъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ, что *нуждницы восхищаютъ е* (Матѳ.

xi, 12). Подвижникъ бываетъ ревностнѣе, когда ясно видитъ, что подвигоположникъ чтитъ трудные его подвиги. Итакъ, не будемъ скорбѣть, если на пути жизни случатся съ нами многія несчастія. Пусть путь прискорбенъ и врата тѣсны; но не таковъ тотъ градъ, къ которому ведутъ они. Потому-то ни здѣсь не должно ожидать покоя, ни тамъ не должно предполагать ничего печальнаго. Когда же Спаситель говоритъ, что *мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его*, то и здѣсь опять открываетъ лѣность многихъ, и внушаетъ Своимъ слушателямъ обращать вниманіе не на благоденствіе многихъ, но на труды немногихъ. Гораздо больше, говоритъ Онъ, такихъ людей, которые не только не идутъ прискорбнымъ путемъ, но даже и не избираютъ его,—что показываетъ крайнее безуміе. Но не должно смотрѣть на многихъ, и отъ того смущаться; а должно ревновать немногимъ и, всячески укрѣпляя самихъ себя, такимъ образомъ идти тѣмъ путемъ. Кромѣ того, что путь этотъ тѣсенъ, многіе еще препятствуютъ идти по нему. Потому Христосъ и присоединилъ: *внемлите отъ лживыхъ пророкъ*, они *приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы* (ст. 15). Вотъ, кромѣ псовъ и свиней, другой родъ навѣтовъ и коварства, гораздо опаснѣе перваго: тѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстны и явны, а эти—скрытны. Потому и Спаситель тѣхъ повелѣлъ только удаляться, а этихъ еще внимательно разсматривать, такъ какъ невозможно узнать ихъ съ перваго взгляда. Потому и сказалъ: *внемлите*, внушая тѣмъ большую тщательность въ ихъ распознаваніи. Потомъ, чтобы слышавшіе, что должно идти тѣснымъ, прискорбнымъ и для многихъ непріятнымъ путемъ, притомъ хранить себя отъ псовъ и свиней и отъ другихъ (враговъ) злѣйшаго рода, т. е. отъ волковъ,—чтобы, говорю, слышавшіе это не пришли въ уныніе отъ множества скорбей, такъ какъ падлежало идти путемъ для многихъ непріятнымъ, и притомъ еще имѣть въ виду вышесказанныя препятствія,—для этого Спаситель привелъ на память происшествія, бывшія при ихъ отцахъ, упомянувъ именно о лжепророкахъ. Все подобное и тогда случалось. Итакъ, говоритъ, не смущайтесь. Ничего не случится новаго, или особеннаго. Діаволъ всегда къ истинѣ присоединяетъ обманъ. Здѣсь подъ именемъ лжепророковъ, какъ мнѣ кажется, Христосъ разумѣлъ не еретиковъ, но тѣхъ, которые, ведя развратную жизнь, прикрываютъ 316
себя личиною добродѣтели,—каковыхъ людей обыкновенно называютъ обманщиками. Потому Спаситель и присовокупилъ: *отъ плодовъ ихъ познаете ихъ* (ст. 16). У еретиковъ часто можно найти жизнь добрую; но у тѣхъ, о которыхъ я сказалъ,—никогда. Скажешь: что, если они и тутъ притворяются? Но они удобно могутъ быть пойманы. Тотъ путь, по которому Христосъ заповѣдалъ идти,

по самому свойству труденъ и тягостенъ. Лицемѣръ же никогда не захочетъ трудится; его дѣло только притворяться. Потому онъ легко можетъ быть и изобличенъ. Когда Господь говоритъ: *мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его*, то опять отдѣляетъ этихъ немногихъ отъ тѣхъ, которые не обрѣтаютъ его, а только притворяются, внушая тѣмъ смотрѣть не на лицемѣровъ, но на истинно шествующихъ по этому пути. Но для чего, скажешь, Спаситель не открылъ таковыхъ лицемѣровъ, а насъ самихъ заставилъ испытывать ихъ? Для того, чтобы мы бодрствовали и всегда были на стражѣ, охраняя себя не только отъ явныхъ, но и скрытыхъ враговъ, на которыхъ и Павелъ указывая, говорилъ, что *благими словесы прельщаютъ сердца незлобивыхъ* (Рим. XVI, 18). Итакъ, не будемъ смущаться, когда и нынѣ много таковыхъ увидимъ. Христосъ заранѣе вѣдь и это предрекъ.

7. Замѣть кротость Спасителя. Онъ не сказалъ: накажите ихъ; но только: остерегайтесь, чтобы не получить себѣ вреда отъ нихъ и чтобы по неосторожности не впасть въ ихъ сѣти. Потомъ, въ предотвращеніе твоего возраженія, что невозможно узнать такихъ людей, приводитъ еще доказательство, заимствуя его отъ примѣра человѣческаго: *еда объемлютъ отъ тернія грозды*, говоритъ Онъ, *или отъ репія смоквы* (ст. 16)? *Тако всяко древо доброе плоды добры творитъ; а злое древо плоды злы творитъ* (ст. 17). *Не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити* (ст. 18). Слова эти заключаютъ въ себѣ такой смыслъ: люди, о которыхъ идетъ рѣчь, не имѣютъ ничего кроткаго, ничего сладкаго, по одной только кожѣ они овцы,—почему и легко узнать ихъ. И чтобы ты нимало не колебался, для этого Христосъ то, что иначе быть не можетъ, сравниваетъ съ естественною необходимостію. Объ этомъ и Павелъ говоритъ: *мудрованіе плотское*—смерть, *закону бо Божію не покаряется, ниже бо можетъ* (Рим. VIII, 6). Хотя Спаситель и два раза говоритъ одно и то же, но тутъ нѣтъ тождесловія. Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что злое дерево, хотя и приноситъ плоды злые, но можетъ приносить и добрые, а при двоякомъ плодоношеніи трудно уже дѣлать различеніе, въ опроверженіе этого Спаситель говоритъ, что этого быть не можетъ, что оно приноситъ только злые плоды, но добрыхъ никогда не принесетъ; равно какъ и наоборотъ. Чтожъ, неужели добрый человѣкъ не можетъ сдѣлаться худымъ, и наоборотъ? Жизнь человѣческая наполнена многими такими примѣрами. Но Христосъ не то говоритъ, будто худому человѣку невозможно перемѣниться, или доброму невозможно пасть, но то, что человѣкъ не можетъ принесть добраго плода, доколѣ живетъ худо. Худой человѣкъ можетъ перейти къ добродѣтели; но доколѣ онъ остается худымъ,

дотолѣ не можетъ принесть добраго плода. Какъ же Давидъ, будучи и добръ, принесъ худой плодъ? Не въ состояніи добродѣтели, но уже перемѣнившись онъ это сдѣлалъ, такъ что онъ не принесъ бы такого плода, если бы всегда пребылъ тѣмъ, чѣмъ былъ, потому что, оставаясь добродѣтельнымъ, онъ не осмѣлился бы сдѣлать того, на что дерзнулъ. Эти слова Спаситель сказалъ и для того, чтобы заградить уста безразсудно клевещущихъ и 317
обуздать языкъ злословящихъ. Этими словами Онъ хотѣлъ лишить всякаго извиненія тѣхъ злыхъ людей, изъ-за которыхъ подозрѣваютъ и добрыхъ. Послѣ того ты уже не можешь сказать: я обманулся, не догадался!—потому что тебѣ предложено Мною самое дѣйствительное средство къ познанію порочныхъ людей, т. е. повелѣно разсматривать ихъ поступки, а не безразсудно смѣшивать все. Далѣе, хотя Спаситель не велѣлъ ихъ наказывать, но только остерегаться,—однако же, чтобы съ одной стороны утѣшить обижаемыхъ ими, а съ другой—устрашить обижающихъ и побудить ихъ къ исправленію, Онъ опредѣляетъ имъ наказаніе, говоря: *всяко древо, не творящее плода добра, посѣкается и во огнь вметается* (ст. 19). Затѣмъ, нѣсколько смягчая Свое слово, присоединилъ: *тѣмже убо отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (ст. 20). Чтобы слушатели не подумали, что Онъ внушаетъ имъ однѣ только угрозы, Онъ трогаетъ ихъ сердца, предлагая ученіе Свое въ видѣ совѣта и увѣщанія. Здѣсь, мнѣ кажется, Онъ разумѣетъ и іудеевъ, которые являли таковые плоды,—почему и напомнилъ имъ слова Іоанновы, описывая казнь ихъ тѣми же словами. И тотъ говорилъ то же, напоминая имъ сѣкиру, и дерево посѣкаемое, и огнь неугасаемый. И кажется, здѣсь одно только наказаніе, именно сожженіе; но если кто внимательнѣе разсмотритъ, тотъ найдетъ два наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, кто сожигается, тотъ безъ сомнѣнія лишается и царствія; а это наказаніе лютѣе еще перваго. Знаю, что многіе ужасаются только одной геенны; но я думаю, что лишеніе небесной славы есть мученіе болѣе жестокое, нежели геенна. Если этого нельзя представить въ словѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго; мы вѣдь не знаемъ и блаженства вѣчныхъ благъ, чтобы ясно видѣть несчастіе, происходящее отъ ихъ лишенія. А Павелъ, который ясно зналъ это, видѣлъ, что отпасть отъ славы Христовой всего ужаснѣе. Это и мы узнаемъ, когда будемъ испытывать на себѣ.

8. О, если бы мы никогда не подвергались этому, Единородный Сыне Божій,—если бы никогда не испытали на себѣ этого нестерпимаго наказанія! Невозможно ясно выразить, какъ велико зло—лишиться небесныхъ благъ; впрочемъ, сколько могу, постараюсь и поспѣшу хотя нѣсколько объяснить вамъ это

на примѣрѣ. Представимъ себѣ такого удивительнаго юношу, который бы съ добродѣтелію соединялъ царствованіе надъ вселенною, и который бы во всемъ былъ такъ совершенъ, что могъ бы во всѣхъ возбудить къ себѣ отеческую любовь. Чего, думаете вы, не согласился бы съ удовольствіемъ претерпѣть отецъ этого юноши, чтобы только не лишиться его общенія? Или, на какое бы несчастіе, великое ли то или малое, не рѣшился бы онъ, чтобы только видѣть и увеселяться имъ? Подобнымъ образомъ мы должны размышлять и о небесной славѣ. Поистинѣ, не столько любезно и вожделѣнно отцу его дитя, какъ бы оно ни было совершенно, сколько вожделѣнно получить тѣ блага, разрѣшиться и быть со Христомъ (Филипп, I, 23). Нестерпима геенна и мученіе въ ней; но если представить и тысячи гееннъ, то все это ничего не будетъ значить въ сравненіи съ несчастіемъ
318 лишиться той блаженной славы, возненавидѣну быть отъ Христа и слышать отъ Него: *не вѣмъ васъ* (Матѳ. XXV, 12) и обвиненіе, что мы, видя Его алчущаго, не напитали. Поистинѣ лучше подвергнуться безчисленнымъ ударамъ молніи, нежели видѣть, какъ кроткое лице Господа отвращается отъ насъ и ясное око Его не хочетъ взирать на насъ. И дѣйствительно, если Онъ меня, врага Своего, при всей къ Нему ненависти и отвращеніи отъ Него, такъ возлюбилъ, что даже не пощадилъ самого Себя, но предалъ Себя на смерть, и если, послѣ всего этого, не подамъ Ему и хлѣба, когда Онъ алчетъ,—то какими уже глазами буду взирать на Него? Но и здѣсь замѣть Его кротость. Онъ не исчисляетъ Своихъ благодѣяній, не жалуется на то, что ты презрѣлъ столь великаго своего благодѣтеля, не говоритъ: Я тебя привелъ изъ небытія въ бытіе, вдохнулъ въ тебя душу, поставилъ тебя владыкою надъ всѣмъ, что находится на земли; для тебя Я сотворилъ землю и небо, море и воздухъ и все сущее; отъ тебя я былъ презрѣнъ и казался тебѣ ниже діавола, но при всемъ томъ не оставилъ тебя: безчисленныя открылъ средства для твоего спасенія, восхотѣлъ сдѣлаться рабомъ, былъ битъ по ланитѣ, оплеванъ, закланъ, умеръ поноснѣйшею смертію; даже на небѣ за тебя ходатайствую, даю тебѣ Духа, удостоиваю тебя царствія и предлагаю тебѣ такія благодѣянія; восхотѣлъ быть твоимъ главою, женихомъ, ризою, домомъ, корнемъ, пищею, питіемъ, пастыремъ, царемъ и братомъ; избралъ тебя наслѣдникомъ и сонаслѣдникомъ Своимъ, изъ мрака привелъ тебя въ область свѣта. Хотя Господь могъ сказать это и еще того болѣе, но Онъ ничего такого не говоритъ, а упоминаетъ только объ одномъ грѣхѣ твоемъ. Являетъ и здѣсь Свою любовь и милосердіе, которое имѣетъ къ тебѣ. Не сказалъ: *отъидите въ огонь*, уготованный вамъ, но—*уготованный діаволу*. И

прежде говоритъ о томъ, чѣмъ Его обидѣли, но и тутъ упоминаетъ не о всѣхъ обидахъ, а о немногихъ. Притомъ, прежде осужденія оскорбившихъ Его, Онъ призываетъ праведныхъ, чтобы показать, что Онъ справедливо обвиняетъ. Какого же мученія не ужаснѣе эти слова Его? Никто, видя благодѣтеля своего истаевающимъ отъ голода, не презритъ его; а если бы и презрѣлъ, то послѣ того лучше бы согласился самъ съ поношеніемъ скрыться въ землю, нежели при двухъ или трехъ друзьяхъ слышать обвиненіе въ этомъ. Что же будетъ съ нами, когда предъ всею вселенною услышимъ отъ Господа подобное обвиненіе, котораго, впрочемъ, Онъ не произнесъ бы и тогда, если бы не хотѣлъ оправдать Своего суда? А что Онъ произнесъ это обвиненіе не въ поношеніе грѣшниковъ, но въ оправданіе самого Себя и для показанія, что Онъ не вотще и не безъ причины говорилъ къ къ нимъ: *отыдите отъ Мене,*—это очевидно изъ неизреченныхъ Его благодѣяній. Если бы Онъ хотѣлъ подвергнуть грѣшниковъ поношенію, то выставилъ бы всѣ свои благодѣянія; а Онъ говоритъ только о томъ, что претерпѣлъ.

9. Итакъ, возлюбленные, убоимся услышать эти слова. Жизнь наша—не игра, или лучше сказать, настоящая жизнь—игра, но будущая не—игра. А можетъ быть, и не игра только, но и хуже того. Не смѣхомъ оканчивается, но и большой причиняетъ вредъ тѣмъ, которые не хотятъ тщательно благоустроять самихъ себя. Скажи мнѣ: чѣмъ мы, созидающіе великолѣпные домы, различаемся отъ дѣтей, играющихъ и строящихъ домики? 319
Какое различіе между ихъ обѣдомъ и нашею роскошью? Нѣтъ никакого,—развѣ только то, что мы это дѣлаемъ съ мученіемъ. Если же мы не примѣчаемъ ничтожности всего этого, нѣтъ въ томъ ничего удивительнаго, потому что мы еще не сдѣлались мужами. А когда сдѣлаемся, то узнаемъ, что все это дѣтскія забавы. Приходя въ зрѣлый возрастъ, мы смѣемся надъ дѣтскими занятіями, хотя въ дѣтскомъ возрастѣ почитаемъ эти занятія весьма важными и, собирая черепки и грязь, тщеславимся не менѣе тѣхъ, которые строятъ высокія стѣны. И однако, состроенное нами скоро разрушается и падаетъ; да если бы и стояло, на что намъ годилось бы? Такъ и великолѣпные наши домы. Они вѣдь не могутъ принять гражданина небеснаго, и не захочетъ обитать въ нихъ тотъ, кто имѣетъ высшее отечество; но какъ мы ногами разрушаемъ дѣтскія игрушки, такъ и онъ своимъ духомъ ниспровергаетъ наши зданія. И какъ мы смѣемся надъ дѣтьми, плачущими о разрушеніи построеннаго ими домика, такъ и онъ не только смѣется, но и плачетъ, когда мы рыдаемъ о своихъ домахъ, потому что онъ имѣетъ сострадательное сердце,

и видитъ для насъ великій отъ этого вредъ. Итакъ, будемъ мужами. Долго ли намъ пресмыкаться по землѣ? Долго ли величаться камнями и деревьями? Долго ли играть? И если бы только играли! Нѣтъ, мы оставляемъ и самое спасеніе свое. И какъ дѣти, пренебрегающіе ученіемъ, а занимающіеся играми только, подвергаются жестокимъ наказаніямъ, такъ и мы, истощивъ все стараніе свое на житейскія занятія, и оказавшись не въ состояніи дать на дѣлѣ отчетъ въ духовномъ ученіи, который послѣ смерти потребуется отъ насъ, понесемъ крайнее наказаніе. И никто не можетъ избавить насъ, хотя бы то былъ отецъ, хотя бы братъ, или другой кто-либо. Но все, чему мы преданы нынѣ, погибнетъ, а мученіе происходящее отъ этого будетъ безконечное и непрестанное. Такъ это случается и съ дѣтьми, когда отецъ за ихъ лѣность совершенно истребляетъ всѣ ихъ дѣтскія игрушки, и чрезъ то заставляетъ ихъ непрестанно плакать. А чтобы увѣриться тебѣ въ истинѣ словъ моихъ, я представлю такую вещь, которую люди болѣе всего почитаютъ достойною уваженія, именно, богатство, и противопоставлю ему душевную добродѣтель, какую тебѣ угодно: тогда ты ясно увидишь всю нищету его. Итакъ, представимъ двухъ людей (я уже не говорю о любостяжаніи, а о богатствѣ, правильно пріобрѣтенномъ), и одинъ изъ нихъ пусть умножаетъ свое имѣніе, пусть переплываетъ моря, обработываетъ землю и употребляетъ всякіе другіе способы къ пріобрѣтенію; хотя я и не знаю, можетъ ли онъ, такъ поступая, дѣлать законное пріобрѣтеніе, но положимъ, что онъ пріобрѣтаетъ выгоды законнымъ образомъ. Пусть будетъ такъ; пусть онъ покупаетъ поля, рабовъ и прочее, пусть не будетъ въ этомъ пріобрѣтеніи его ни одной неправды. Напротивъ, другой, столь же богатый, пусть продаетъ свои поля, продаетъ домы, золотые и серебряные сосуды, подаетъ требующимъ; пусть облегчаетъ участь бѣдныхъ, врачуетъ больныхъ, помогаетъ находящимся въ нуждѣ; пусть разрѣшаетъ отъ узъ, однихъ выводитъ изъ рудокопней, другихъ освобождаетъ отъ удавленія, плѣнниковъ освобождаетъ отъ наказанія... На чьей сторонѣ хотѣли бы вы быть? Впрочемъ, я еще не сказалъ о будущемъ, но пока о настоящемъ. Итакъ, кому изъ нихъ хотѣли бы вы послѣдовать: тому ли который собираетъ золото, или тому, который избавляетъ другихъ отъ не-
320 счастія? Тому ли, который покупаетъ поля, или тому, который опредѣлилъ себя на служеніе роду человѣческому? Тому ли, который окруженъ множествомъ золота, или тому, который увѣнчанъ безчисленными похвалами? Не уподобляется ли этотъ послѣдній нѣкоему ангелу, сшедшему съ небесъ для исправленія прочихъ людей? А другой не похожъ ли болѣе на какое-то

дитя, которое собираетъ все безъ цѣли и смысла, нежели на возрастнаго? Если же и законное пріобрѣтеніе богатствъ такъ достойно смѣха, и есть знакъ крайняго безумія, то какъ не назвать того несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ, кто еще и неправедно собираетъ его? Если же и теперь онъ достоинъ великаго смѣха, то какихъ слезъ достойна будетъ жизнь его по смерти, когда присоединится къ тому геенна и лишеніе царствія?

10. Но разсмотримъ, если хочешь, и другой видъ добродѣтели. Для этого представимъ опять другого человѣка—могущественнаго, всѣми повелѣвающаго, облеченнаго великимъ саномъ, имѣющаго и блестящаго глашатая, и поясъ, и жезлоносцевъ, и большое число слугъ. Не представляется ли тебѣ это все великимъ и вожделѣннымъ? Теперь и этому человѣку противоположимъ другого: незлобиваго, кроткаго, смиреннаго и великодушнаго: пусть будутъ его оскорблять, бить, а онъ пусть будетъ сносить терпѣливо и благословлять такимъ образомъ поступающихъ съ нимъ. Итакъ, скажи мнѣ: кто достоинъ удивленія,—тотъ ли, надменный и напыщенный, или этотъ, уничиженный? Не уподобляется ли этотъ послѣдній горнимъ безстрастнымъ силамъ, а тотъ—надутому пузырю, или человѣку, страждущему водяною болѣзнію и сильною опухолью? Не подобенъ ли тотъ духовному врачу, а этотъ смѣшному дитяти, надувающему щеки? Да и чѣмъ ты гордишься, человѣкъ? Тѣмъ ли, что ты носишься на высокой колесницѣ? Или тѣмъ, что тебя возятъ запряженные мулы? Такъ чтожъ? Это бываетъ и съ каменьями. Или тѣмъ, что ты облеченъ въ красивыя одежды? Но посмотри на того, который вмѣсто одеждъ облеченъ добродѣтелію,—и увидишь, что ты подобенъ гніющей травѣ, а онъ подобенъ дереву, приносящему чудный плодъ, и доставляющему большое удовольствіе зрителямъ. Ты носишь на себѣ пищу червей и моли, которые, если нападутъ на тебя, скоро обнажатъ тебя отъ этого украшенія (такъ какъ одежды—пряжа червей, а золото и серебро — земля и прахъ; да, земля—и болѣе ничего). Украшенный же добродѣтелію такую имѣетъ одежду, которой не только моль, но и самая смерть не можетъ повредить. И это весьма справедливо: добродѣтели души не земное имѣютъ начало, но суть плодъ духовный, и не подлежатъ съѣденію отъ червей. Эти одежды ткутся на небѣ, гдѣ нѣтъ ни моли, ни червей, ни чего-либо подобнаго. Итакъ, скажи мнѣ, что лучше: богатымъ ли быть, или бѣднымъ? Въ славѣ ли быть, или въ униженіи? Имѣть ли изобиліе, или терпѣть голодъ? Конечно, лучше быть въ чести, имѣть изобиліе и богатство. Итакъ, если ты хочешь самыхъ вещей, а не однихъ названій, то оставь землю и все, что находится на ней, и пере-

селись на небо. Все здѣшнее есть одна тѣнь, а тамошнее неподвижно, непоколебимо, и никѣмъ не можетъ быть похищено. Итакъ, будемъ искать небеснаго со всякимъ тщаніемъ, чтобы намъ и освободиться отъ здѣшнихъ безпокойствъ, и, приплывши къ тихому тому пристанищу, явиться съ великимъ грузомъ и неизреченнымъ богатствомъ милостыни. О, если бы всѣмъ намъ достичь этого пристанища и богатства благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIV.

321 **Не всякъ глаголяй ми: Господи, Господи! внидетъ въ царствіе небесное; но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесѣхъ** (VII, 21).

1. Почему Спаситель не сказалъ: но творяй волю Мою? Потому, что на первый разъ довольно было, чтобы и первая мысль принята была слушателями; а послѣдняя была слишкомъ высока для ихъ слабости. Впрочемъ въ первой мысли заключается и послѣдняя. Притомъ и то должно сказать, что воля Сына не различна отъ воли Отца. Но здѣсь кажется мнѣ, Спаситель главнымъ образомъ касается іудеевъ, которые все полагали въ догматахъ, а о жизни нимало не заботились. Потому и Павелъ обличаетъ ихъ, говоря: *се ты Іудей именуешися, и почиваеши на законѣ, и хвалишися о Бозѣ, и разумѣеши волю* (Рим. II, 17, 18). Но пользы для тебя въ томъ нѣтъ никакой, когда не видно того изъ жизни и дѣлъ твоихъ. Однако жъ Христосъ не остановился на указанныхъ словахъ, но сказалъ еще гораздо болѣе: *мнози бо рекутъ Мнѣ въ день онъ: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ* (ст. 22)? То есть: не только тотъ лишается царствія небеснаго, который имѣетъ вѣру, а о жизни нерадитъ; но равно будетъ устраненъ отъ священныхъ вратъ его и тотъ, кто при вѣрѣ сотворилъ даже много знаменій, а добраго ничего не сдѣлалъ. *Мнози рекутъ Мнѣ въ онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ*? Видишь ли, какъ непримѣтнымъ образомъ Спаситель уже вводитъ и Свое собственное лице и, кончивши всю бесѣду, объявляетъ Себя Судьею? Что наказаніе постигнетъ грѣшниковъ, объ этомъ Онъ объявилъ выше; а кто будетъ наказывать, это Онъ открываетъ уже здѣсь. Впрочемъ, не сказалъ прямо: Я буду наказывать; но—*мнози рекутъ Мнѣ*, чрезъ что внушаетъ то же самое. Въ самомъ дѣлѣ, если бы не самъ Онъ былъ Судіею, то

какъ бы сказалъ слушателямъ: *и тогда исповѣмъ имъ: отъидете отъ Мене, николиже знахъ васъ* (ст. 23),—то есть, не только во время суда, но даже и тогда, когда вы творили чудеса? Потому-то и ученикамъ Своимъ говорилъ: *не радуйтеся, яко демоны вамъ повинуются, но яко имена ваша писана суть на небесѣхъ* (Лук. х, 20). Да и вездѣ Онъ повелѣваетъ имѣть великое попеченіе о жизни. Невозможно, чтобы человѣкъ, ведущій добродѣтельную жизнь и свободный отъ всѣхъ страстей, когда-либо былъ презрѣнъ; хотя и случится ему впасть въ заблужденіе, Богъ тотчасъ привлекаетъ его къ истинѣ. Но нѣкоторые говорятъ, что представляемые Спасителемъ люди потому не получатъ спасенія, что они притворно исповѣдуютъ Господа. Если такъ, то Спаситель говоритъ противъ Своего намѣренія. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ хочетъ здѣсь показать, что вѣра безъ дѣлъ ничего не значитъ; распространяя, далѣе, эту мысль, Онъ присовокупилъ и чудеса, показывая тѣмъ, что не только вѣра, но даже и чудеса никакой не приносятъ пользы тому, кто производитъ ихъ, если нѣтъ добродѣтели. А если бы люди, о которыхъ идетъ рѣчь, не творили чудесъ, то Христосъ никакъ бы здѣсь не упомянулъ о чудесахъ; съ другой стороны—и тѣ не дерзнули бы во время суда сказать Ему о чудесахъ. Да и самый отвѣтъ ихъ, и то, что они говорятъ въ видѣ вопроса, показываетъ, что они дѣйствительно творили чудеса. Такъ какъ они видятъ конецъ, совершенно противный ихъ ожиданію, и послѣ того какъ здѣсь по чудесамъ своимъ для всѣхъ были предметомъ удивленія, а тамъ видятъ себя опредѣленными къ наказанію, то какъ бы въ изумленіи и удивле- 322
ніи они и говорятъ: *Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ?* Какъ же теперь Ты отвращаешься отъ насъ? Что значитъ странный и неожиданный этотъ конецъ? Но пусть они удивляются тому, что, сотворивши столько чудесъ, подверглись наказанію; ты же не удивляйся. Вся эта благодать была ничто иное, какъ даръ Подавшаго ее, а тѣ ничего отъ себя не привнесли, почему справедливо и наказываются, поскольку сдѣлались неблагодарными и нечувствительными предъ Тѣмъ, Который такъ ихъ почтилъ, что далъ имъ, хотя и недостойнымъ, благодать чудотворенія. Такъ неужели, скажешь, совершая дѣла нечестія, они вмѣстѣ совершали чудеса? На это нѣкоторые говорятъ, что они не въ то время, когда чудодѣйствовали, вели себя нечестиво, но уже послѣ развратились и дѣлали преступленія. Но это также совершенно противно намѣренію Спасителя; Онъ хотѣлъ показать, что ни вѣра, ни чудеса ничего не значатъ безъ добродѣтельной жизни. То же и Павелъ говоритъ: *аще имамъ вѣру, яко и горы преставляти, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, любве*

же не имамъ, ничтоже есмь (1 Коринѳ. XIII, 2). Кто же, спросишь, тѣ, которыхъ Іисусъ Христосъ, не смотря на ихъ чудотворенія, представляетъ достойными мученія? Многіе изъ вѣровавшихъ получали дары: таковъ былъ тотъ, который изгонялъ демоновъ, не будучи послѣдователемъ Іисуса Христа; таковъ былъ и Іуда, потому что и онъ, будучи злымъ, имѣлъ даръ чудотворенія. То же можно найти и въ ветхомъ завѣтѣ, то есть, что благодать часто дѣйствовала въ недостойныхъ, для блага другихъ. Такъ какъ не всѣ ко всему были способны, но иные вели жизнь непорочную, а не имѣли такой вѣры, другіе же напротивъ, то Господь какъ первыхъ чрезъ послѣднихъ побуждалъ являть великую вѣру, такъ и послѣднихъ чрезъ этотъ несказанный даръ призывалъ къ исправленію.

2. Вотъ почему Господь и давалъ благодать въ великомъ обиліи. *Силы многи*, говорятъ они, *сотворихомъ. Но тогда исповѣмъ имъ, яко не вѣмъ васъ:* то есть, нынѣ они почитаютъ себя Моими друзьями, а тогда узнаютъ, что Я даровалъ имъ благодать не какъ друзьямъ. И что̀ дивиться тому, что Онъ дары благодати далъ людямъ увѣровавшимъ въ Него, но не имѣющимъ жизни, согласной съ вѣрою, когда Онъ является дѣйствовавшимъ и въ тѣхъ, которые не имѣли ни той, ни другой? Такъ Валаамъ былъ чуждъ и вѣры, и добродѣтельной жизни; и однако благодать въ немъ дѣйствовала для устроенія спасенія другихъ. Фараонъ былъ такой же; однако и ему Богъ показалъ будущее (Быт. XLI). Навуходоносору, самому беззаконному человѣку, также открылъ то, что имѣло случиться по прошествіи многихъ родовъ; также и сыну его, своимъ нечестіемъ превзошедшему отца, открылъ будущее,— и все для чудныхъ и великихъ дѣлъ Своего промысла (Дан. II). Итакъ, поелику и тогда, при началѣ евангельской проповѣди, нужны были многія доказательства силы Христовой, то и изъ числа недостойныхъ многіе получали дары. Впрочемъ, отъ такихъ чудесъ они никакой не получили для себя пользы, а только навлекли на себя еще большее наказаніе. Потому Спаситель и произнесъ къ нимъ страшное это слово: *николиже знахъ васъ!* Такъ, многихъ Онъ и здѣсь уже ненавидитъ, и до суда уже отвращается. Итакъ, возлюбленные, устрашимся, и приложимъ великое стараніе о жизни своей, и не станемъ думать, что мы, не производя теперь чудесъ, потому самому имѣемъ менѣе благодати. Отъ чудесъ никогда ничего не прибудетъ намъ, равно какъ ничего не убудетъ и отъ того, что мы не творимъ ихъ, если только забо-
323 тимся о всякой добродѣтели. За чудеса мы сами остаемся должниками предъ Богомъ, а за жизнь и дѣла имѣемъ Бога должникомъ. Итакъ, когда Спаситель все уже окончилъ, и, со всею по-

дробностію предложивъ бесѣду о добродѣтели, вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ различіе между принимающими на себя ея личину, изъ которыхъ одни для выказыванія себя постятся и молятся, другіе приходятъ въ овечьихъ кожахъ, третьи, которыхъ назвалъ свиньями и псами, чернятъ ее, то, показывая наконецъ, какъ полезна добродѣтель и въ здѣшней жизни, и какъ вреденъ порокъ, говоритъ: *всякъ убо, иже слышитъ словеса Моя сія, и творитъ я, уподобится мужу мудру* (ст. 24). Вы слышали, какое понесутъ наказаніе тѣ, которые не соблюдаютъ словъ Его, хотя бы и чудеса творили. Теперь вамъ должно знать и то, какими благами будутъ наслаждаться не только въ грядущемъ вѣкѣ, но и въ настоящемъ тѣ, которые повинуются всѣмъ словамъ Его: *всякъ убо*, сказалъ Онъ, *иже слышитъ словеса Моя сія, и творитъ я, уподобится мужу мудру*. Видишь ли, какъ Онъ разнообразитъ Свою рѣчь? Прежде говоритъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи*, и тѣмъ открываетъ Себя самого; потомъ говоритъ: *творяй волю Отца Моего*, и опять представляетъ Себя Судіею; *мнози рекутъ Мнѣ въ онъ день : Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ?* и скажу: *не знахъ васъ*. Наконецъ здѣсь опять показываетъ, что Онъ имѣетъ власть надъ всѣми, почему и говоритъ: *всякъ, иже слышитъ словеса Моя сія*. Такъ какъ Онъ все уже разсказалъ о будущемъ, упомянувъ и о царствѣ, и о неизреченной наградѣ, и объ утѣшеніи, и о всемъ прочемъ, тому подобномъ, то послѣ этого, желая и здѣсь доставить Своимъ слушателямъ плоды, показываетъ, какъ сильна добродѣтель и въ настоящей жизни. Въ чемъ же состоитъ эта сила добродѣтели? Въ томъ, что съ нею живутъ безопасно, не колеблются ни отъ какихъ несчастій, стоятъ выше всѣхъ гонителей. Что можетъ сравниться съ этимъ? Этого не можетъ пріобрѣсть себѣ даже украшенный діадемою, а добродѣтельный достигаетъ. Онъ одинъ со многимъ избыткомъ стяжалъ такую безопасность, въ пучинѣ настоящей жизни наслаждаясь великою тишиною. И подлинно: удивительное дѣло, что онъ не въ пріятную погоду, но во время жестокой бури, при великомъ смятеніи и при постоянныхъ искушеніяхъ, нимало не можетъ колебаться. *Сниде дождь, пріидоша рѣки*, говоритъ Спаситель, *возвѣяша вѣтры, и нападоша на храмину ту, и не падеся; основана бо бѣ на камени* (ст. 25). Здѣсь дождемъ, рѣками и вѣтрами Онъ иносказательно называетъ человѣческія несчастія и злоключенія, какъ-то: клеветы, навѣты, скорби, смерть, погибель ближнихъ, оскорбленія отъ другихъ и всякое другое зло, какое только бываетъ въ настоящей жизни. Но душа праведнаго, говоритъ Онъ, ничѣмъ не побѣждается. Причина этого въ томъ, что она основана на камнѣ. Камнемъ здѣсь Хри-

стосъ называетъ твердость Своего ученія. И поистинѣ, заповѣди
324 Его гораздо тверже камня: помощію ихъ праведникъ становится выше всѣхъ волнъ человѣческихъ, такъ какъ кто тщательно соблюдаетъ эти заповѣди, тотъ побѣждаетъ не только гоненія людей, но и козни діавольскія.

3. И что сказанное—не одни высокопарныя слова, свидѣтель тому Іовъ, который при всѣхъ козняхъ діавольскихъ остался непоколебимымъ. Въ томъ же могутъ удостовѣрить и апостолы, которые при устремленіи на нихъ всѣхъ волнъ вселенной, и народовъ и тирановъ, и своихъ (соплеменниковъ) и чужихъ, демоновъ и діавола, и при всѣхъ ухищреніяхъ стояли тверже камня, и все это разрушили. Итакъ, что можетъ быть блаженнѣе такой жизни? И этого ничто не можетъ намъ обѣщать—ни богатство, ни крѣпость тѣлесная, ни слава, ни могущество, ни другое что-либо, но одно только стяжаніе добродѣли. Кромѣ одной добродѣтельной жизни совершенно невозможно найти другой, которая бы была свободна отъ всѣхъ золъ. Свидѣтели тому вы,—вы, которые видите и въ царскихъ чертогахъ навѣты, и въ домахъ богатыхъ мятежи и возмущенія. Но съ апостолами не было ничего подобнаго этому. Какъ? Неужели съ ними не случилось ничего такого? Неужели не было съ ними никакого несчастія? Нѣтъ,—но то-то всего и удивительнѣе особенно, что они многимъ подвергались навѣтамъ, многія разражались надъ ними тучи—и однако, все это нимало не поколебало ихъ мужества и не повергало ихъ въ уныніе, но, сражаясь безъ всякихъ внѣшнихъ пособій, они все побѣдили и превозмогли. Подобнымъ образомъ и ты всему посмѣешься, если захочешь тщательно исполнять заповѣди Христовы. Стоитъ только тебѣ оградиться любомудрыми этими наставленіями,—тогда ничто тебя не сможетъ опечалить. Какой вредъ можетъ причинить тебѣ тотъ, кто захочетъ коварствовать противъ тебя? Отниметъ у тебя имѣніе? Но еще прежде его угрозы тебѣ повелѣно презирать богатство и столько отвращаться его, чтобы никогда ничего подобнаго и не просить у Господа. Ввергнетъ ли тебя въ темницу? Но еще прежде темницы тебѣ заповѣдано такъ жить, чтобы уже распяться всему міру. Злословитъ ли тебя? Но Христосъ освободилъ тебя и тутъ отъ печали, когда и безъ труда твоего, за одно незлобіе обѣщаетъ тебѣ великую награду, и столько сдѣлалъ тебя непричастнымъ досадѣ и огорченію, что даже повелѣлъ молиться за враговъ. Гонитъ ли тебя и окружаетъ безчисленнымъ множествомъ золъ? Но тѣмъ самымъ тебѣ сплетаетъ онъ блистательный вѣнецъ. Убиваетъ ли тебя и закалаетъ? И чрезъ это опять приноситъ тебѣ величайшую пользу, поскольку готовитъ для тебя мученическія на-

грады, ускоряетъ твой путь въ безмятежное пристанище, доставляетъ тебѣ случай къ полученію большаго воздаянія, и содѣйствуетъ тебѣ откупиться отъ общаго суда. Это-то всего и удивительнѣе, что навѣтующіе люди не только нимало не вредятъ тѣмъ, которымъ стараются вредить, но еще дѣлаютъ ихъ чрезъ то славнѣе. Что можетъ сравняться съ тѣмъ благомъ, когда мы изберемъ такую жизнь,—одну только добродѣтельную жизнь? Ска- 325
завши, что путь добродѣтели тѣсенъ и прискорбенъ, Спаситель тотчасъ, чтобы ободрить Своихъ слушателей къ трудамъ, показываетъ на этомъ пути великую безопасность и великое услажденіе, тогда какъ на противномъ пути—большую опасность и вредъ; указанными уподобленіями Онъ именно показалъ какъ награды за добродѣтель, такъ и воздаянія за порокъ. Что я всегда говорилъ, то и теперь скажу: Спаситель вездѣ созидаетъ спасеніе слушателей двоякимъ образомъ—и ревностію къ добродѣтели, и ненавистію къ пороку. Такъ какъ имѣли быть такіе, которые, хотя станутъ изъявлять уваженіе къ словамъ Спасителя, но дѣлами не будутъ этого доказывать, то Онъ предварительно устрашаетъ ихъ словами: хотя сказанное и хорошо, но одного слушанія недостаточно для спасенія; нужно еще и повиновеніе, выражаемое дѣлами, и въ этомъ-то преимущественно состоитъ сущность всего. И здѣсь оканчиваетъ Свою рѣчь, оставивъ слушателей въ великомъ страхѣ. Какъ къ добродѣтели Спаситель побуждалъ ихъ не только будущими благами, упоминая о царствіи, небесахъ, неизреченной наградѣ, утѣшеніи и о другихъ безчисленныхъ благахъ, но и настоящими, когда указалъ на твердость и непоколебимость камня,—такъ и отъ порока отклоняетъ не только страхомъ имѣющихъ быть слѣдствій, говоря о посѣкаемомъ деревѣ, огнѣ неугасаемомъ, затворенномъ входѣ въ царствіе небесное, а равно и словами: *не знахъ васъ*, но и настоящими бѣдствіями, представленными подъ образомъ паденія храмины. Потому и рѣчь употребилъ болѣе выразительную, предложивъ ее въ видѣ притчи. Если бы Спаситель сказалъ просто, что добродѣтельный непреодолимъ, а порочный скоро изнемогаетъ, то Его рѣчь не имѣла бы такой силы, какую она теперь имѣетъ, когда для выраженія Своей мысли Онъ употребилъ камень, домъ, рѣки, дождь, вѣтры и тому подобное. *И всякъ слышай словеса Моя сія, и не творяй ихъ, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песцѣ* (ст. 26). Справедливо Спаситель назвалъ такого человѣка безразсуднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть безразсуднѣе того, кто строитъ домъ на пескѣ, подъемлетъ трудъ, но плода и спокойствія не получаетъ, а вмѣсто того несетъ наказаніе? А что и преданные пороку трудятся, то всякому извѣстно.

И хищникъ, и прелюбодѣй, и клеветникъ переносятъ много трудовъ и безпокойствъ, чтобы свое нечестіе привести въ исполненіе; но отъ этихъ трудовъ не только не получаютъ никакой пользы, но еще терпятъ великій вредъ. Такъ и Павелъ намекая на это говоритъ: *сѣяй въ плоть свою, отъ плоти своей пожнетъ истлѣніе* (Гал. VI, 8). Такому-то сѣятелю подобны и тѣ, которые на пескѣ строятъ, какъ-то: на блудѣ, роскоши, на пьянствѣ, на на гнѣвѣ и на всемъ прочемъ.

4. Таковъ былъ Ахавъ, но не таковъ Илія. Противоположивши пороку добродѣтель, мы тѣмъ лучше увидимъ различіе между ними. Илія построилъ домъ свой на камнѣ, а тотъ на пескѣ, а потому и царемъ будучи боялся и трепеталъ пророка, который имѣлъ только одну милоть. Таковы были іудеи, но не таковы апостолы. Потому послѣдніе, не смотря на свою малочисленность и на пребываніе въ узахъ, показывали твердость камня; а тѣ, при всемъ своемъ множествѣ и вооруженіи, являли слабость песка, и говорили: *что сотворимъ человѣкома сима* (Дѣян. IV, 16)? Видишь ли, что въ недоумѣніи находятся не за-
326 держанные и связанные, но тѣ, которые задержали и связали ихъ? Что можетъ быть страннѣе этого? Ты держишь—и недоумѣваешь? Такъ и должно быть. Такъ какъ іудеи все построили на пескѣ, потому они и были слабѣе всѣхъ. Это же было причиною и другихъ словъ ихъ: что вы дѣлаете, желая *навести на ны кровь Человѣка сего* (Дѣян. V, 28)? Что это говоришь ты? Ты мучишь, и ты же страшишься? Ты гонишь, и ты же ужасаешься? Ты судишь, и самъ же трепещешь? Вотъ какъ безсиленъ порокъ! Но апостолы не такъ говорили: *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ не глаголати* (Дѣян. IV, 20). Видишь ли высокій ихъ духъ? Видишь ли камень, посмѣвающійся волнамъ? Видишь ли домъ неподвижный? И, что всего удивительнѣе, апостолы не только не страшились всѣхъ навѣтовъ вражескихъ, но дѣлались еще гораздо дерзновеннѣе и своихъ враговъ ввергали въ большое безпокойство. Тотъ, кто ударяетъ въ адамантъ, самъ поражается; тотъ, кто идетъ противъ рожна, самъ прободается и получаетъ жестокія раны. Подобнымъ образомъ, и навѣтующій добродѣтельнымъ самъ подвергается опасностямъ. Порокъ бываетъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе вооружается противъ добродѣтели. И какъ тотъ, кто беретъ огонь въ одежду, пламень не погашаетъ, а одежду сожигаетъ, такъ и тотъ, кто гонитъ добродѣтельныхъ, притѣсняетъ и заключаетъ въ узы, ихъ чрезъ то самое дѣлаетъ блистательнѣе, а себя самого губитъ. И подлинно: чѣмъ болѣе потерпишь несчастій, ведя строгую жизнь, тѣмъ сдѣлаешься крѣпче; чѣмъ болѣе станешь держаться любомудрія, тѣмъ

менѣе будешь имѣть нужды, а чѣмъ менѣе будешь имѣть нужды, тѣмъ болѣе укрѣпляешься и всѣхъ превосходишь. Таковъ былъ Іоаннъ, почему его никто не могъ опечалить; напротивъ, онъ опечалилъ Ирода. Тотъ, не имѣя ничего, возсталъ противъ властелина; а этотъ облеченный въ діадему, багряницу и другія безчисленныя украшенія, трепещетъ и страшится лишеннаго всего; и даже не могъ взирать безъ ужаса на отсѣченную голову его. А что Иродъ и по смерти Іоанна имѣлъ сильный страхъ, то послушай, что онъ говоритъ: это есть Іоаннъ, котораго я убилъ (Лук. ix, 9). Слово „убилъ" показываетъ, что Иродъ не превозносился этимъ, но укрощалъ свой страхъ и побуждалъ свою мятущуюся душу припомнить, что онъ убилъ Іоанна. Добродѣтель такъ сильна, что и по смерти могущественнѣе живыхъ. Потому же и при жизни Іоанновой приходили къ нему обладавшіе великимъ богатствомъ, и вопрошали его: *что сотворимъ* (Лук. ш, 10)? Столько вы имѣете, и хотите узнать путь къ вашему счастію отъ того, который ничего не имѣетъ? Богатые—отъ нищаго? Воители—отъ не имѣющаго даже и дома? Таковъ былъ и Илія, почему съ такимъ же дерзновеніемъ говорилъ къ народу. Іоаннъ говорилъ: *порожденія ехиднова* (Матө. ш, 7); а этотъ: *доколѣ храмлете на обѣ плесни ваши* (3 Цар. xviii, 21)? Этотъ говорилъ: *убилъ, и пріялъ еси въ наслѣдіе* (3 Цар. xxi, 19); а тотъ: *не достоитъ ти имѣти жену Филиппа брата твоего* (Матө. xiv, 4). Видишь ли камень, видишь ли, какъ легко храмина, построенная на пескѣ, распадается? Какъ легко она уступаетъ напастямъ? Какъ легко зыблется, хотя бы она принадлежала царю, хотя бы народу, хотя бы властелину? Порокъ послѣдователей своихъ дѣлаетъ безразсуднѣйшими; и храмина, построенная на пескѣ, распадается не просто, но съ великимъ бѣдствіемъ. *И бѣ паденіе ея веліе*, говоритъ Спаситель. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь опасность угрожаетъ не маловажнымъ вещамъ, но душѣ, и притомъ лишеніемъ неба и нетлѣнныхъ 327
тѣхъ благъ. Но и прежде того порочный будетъ проводить жизнь самую несчастную, сопряженную съ непрерывными печалями, страхомъ, заботами и сильными безпокойствами, на что указывая, Премудрый говоритъ: *бѣгаетъ нечестивый ни единому же гонящу* (Притч. xxviii, 1). Дѣйствительно, таковые люди трепещутъ тѣней, подозрѣваютъ друзей, враговъ, рабовъ, знаемыхъ и незнаемыхъ, и такимъ образомъ, прежде вѣчныхъ мученій еще здѣсь терпятъ жесточайшее мученіе. Показывая все это, Христосъ и сказалъ: *и бѣ паденіе ея веліе*. Такимъ образомъ, и настоящими бѣдствіями сильно убѣждая самыхъ упорныхъ невѣрныхъ избѣгать порока, Онъ сдѣлалъ приличное заключеніе Своимъ бла-

гимъ заповѣдямъ. Хотя слово о будущемъ и важнѣе, но людей, слишкомъ одебелѣвшихъ, изображеніе настоящаго болѣе могло обуздать и отклонить отъ порока. Потому Спаситель и заключилъ Свою проповѣдь такимъ изображеніемъ, чтобы польза отъ исполненія Его заповѣдей для слушателей была ощутительнѣе. Итакъ, зная все это, какъ настоящее, такъ и будущее, будемъ убѣгать порока и поревнуемъ о добродѣтели, чтобы намъ не вотще и не напрасно трудиться, но чтобы и въ настоящей жизни насладиться безопасностію, и въ будущей сдѣлаться причастниками славы, которую всѣ мы да сподобимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXV.

827 **И бысть, егда сконча Іисусъ словеса сія, дивляхуся народи о ученіи Его (VII, 28).**

1. Слѣдовало бы, судя по тяжести предложенныхъ заповѣдей и по высокости повелѣній, народу болѣзновать и придти въ уныніе; но такова была сила Учителя, что Онъ многихъ плѣнилъ и привелъ въ величайшее удивленіе, и сладостію Своихъ словъ убѣдилъ не отступать отъ Него и тогда, когда пересталъ говорить. Даже и тогда, когда Онъ уже сошелъ съ горы, слушатели все еще не отходили, но всѣ слѣдовали за Нимъ: вотъ сколь великую Онъ внушилъ любовь къ Своимъ словамъ! Но они болѣе всего удивлялись Его власти, такъ какъ Онъ Свою рѣчь говорилъ не отъ лица другого, подобно пророку Моисею, но всюду показывалъ, что Самъ имѣетъ власть. Такъ, предписывая законы, Онъ постоянно прибавлялъ: *Азъ же глаголю вамъ*; и, напоминая о послѣднемъ днѣ, представлялъ Себя Судіею, какъ по отношенію къ наказаніямъ, такъ и по отношенію къ наградамъ. Все это, кажется, должно бы было привести слушателей въ смятеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если книжники бросали въ Іисуса Христа камни, и изгоняли тогда, какъ Онъ уже самыми дѣлами доказывалъ Свою власть, то какъ бы, кажется, не соблазниться народу теперь, когда Онъ одними только словами доказывалъ эту власть и особенно когда слова эти сказаны были въ самомъ началѣ, прежде нежели Онъ показалъ на опытѣ Свою силу? И однако съ народомъ ничего такого не случилось. Такъ, когда сердце и умъ бываютъ добраго расположенія, тогда легко убѣждаются словами истины. Вотъ почему книжники соблазнялись и тогда, когда зна-

менія возвѣщали о Его могуществѣ; а теперешніе слушатели, и внимая только Его ученію, повиновались и слѣдовали за Нимъ. Это даетъ разумѣть и евангелистъ въ своихъ словахъ: *въ слѣдъ Его идяху народи мнози*; то есть, послѣдовалъ за Нимъ не кто-нибудь изъ начальниковъ и книжниковъ, но тѣ только, которые чужды были лукавства и имѣли искреннее расположеніе. Во всемъ евангеліи видѣть можно, что только эти послѣдніе прилѣплялись къ Нему. Такъ, и когда Онъ говорилъ, они безмолвно слушали и ничего не прибавляли къ словамъ Его, не прерывали ихъ, не искушали Его и не искали случая уловить Его, подобно фарисеямъ; и по окончаніи проповѣди, съ удивленіемъ слѣдовали за нимъ. Обрати вниманіе на мудрость Владыки, съ какимъ разнообразіемъ Онъ устрояетъ пользу предстоящихъ, когда переходитъ то отъ чудесъ къ словамъ, то отъ словъ къ чудесамъ. Прежде чѣмъ взойти на гору, Онъ исцѣлилъ многихъ, пролагая 328
чрезъ то путь проповѣди; и послѣ окончанія этой продолжительной бесѣды, опять возвращается къ чудесамъ, чтобы самымъ дѣломъ подтвердить сказанное Имъ. Такъ какъ Онъ училъ *яко власть имъя* (Матѳ. VII, 29), то, чтобы такой образъ Его ученія не сочли исполненнымъ тщеславія и высокомѣрія, Онъ то же самое и дѣлами подтверждаетъ, и какъ имѣющій власть исцѣляетъ болѣзни, чтобы тѣ, кто видѣлъ Его такимъ образомъ учащаго, не смущались уже послѣ того, какъ Онъ съ такою же властію совершалъ и чудеса. *Сшедшу ему съ горы, пріиде прокаженъ, глаголя: Господи, аще хощеши, можеши мя очистити* (Матѳ. VIII, 1, 2). Велико благоразуміе и вѣра пришедшаго! Онъ не прервалъ ученія, не старался протѣсниться сквозь собраніе, но дожидался удобнаго времени, и подходитъ уже тогда, когда Христосъ сошелъ съ горы. И не просто, но съ великою горячностію и, какъ говоритъ другой евангелистъ, *на колѣна припадая предъ Нимъ* (Мрк. I, 40), проситъ Его, проситъ съ искреннею вѣрою и съ надлежащими о Немъ мыслями. Въ самомъ дѣлѣ, прокаженный не сказалъ: если попросишь Бога; или: если помолишься Ему; но: *аще хощеши, можеши мя очистити*. Не сказалъ также: Господи, очисти; но все препоручаетъ Ему, Его волѣ предоставляетъ исцѣленіе, и свидѣтельствуетъ о Его высочайшей власти. А что, если мнѣніе прокаженнаго, скажутъ, было погрѣшительно? Въ такомъ случаѣ Христу надлежало бы его опровергнуть, изобличить и исправить. Но сдѣлалъ ли Онъ это? Нѣтъ, но напротивъ, всѣ слова прокаженнаго Онъ подкрѣпляетъ и утверждаетъ; потому-то и не сказалъ: очистися, но—*хощу, очистися*,—такъ что это понятіе о могуществѣ Христовомъ становится уже не мнѣніемъ прокаженнаго, но мыслію самого Христа. Апостолы не такъ

говорили; какъ же? Когда весь народъ изумлялся, они говорили: *на ны что взираете, яко своею ли силою или властію сотворихомъ его ходити* (Дѣян. III, 12)? Господь же, хотя часто съ скромностію говорилъ, и притомъ много такого, что ниже Его славы, но здѣсь, чтобы утвердить мысль о Своемъ могуществѣ, Онъ говоритъ предъ слушателями, изумляющимися Его власти: *хощу, очистися!* Хотя и прежде творилъ многія и великія чудеса, но, какъ извѣстно, такимъ образомъ никогда не говорилъ.

2. Но здѣсь, чтобы подтвердить мнѣніе о Своей власти какъ прокаженнаго, такъ и всего народа, Онъ прибавилъ: *хощу*,—и
329 Своего слова не оставилъ безъ исполненія, а подтвердилъ его и послѣдовавшимъ тотчасъ же дѣломъ. Если бы Онъ несправедливо сказалъ и произнесъ богохуленіе, то дѣлу надлежало бы разрушиться. Но теперь природа, получивъ повелѣніе, повинуется, и повинуется съ надлежащею и даже съ большею скоростію, нежели какъ говоритъ евангелистъ. Слово: *абіе* не выражаетъ той скорости, съ какою совершилось дѣло. Далѣе, Спаситель не просто сказалъ: *хощу, очистися*, но и *простеръ руку, коснуся ему*,—что особенно достойно изслѣдованія. Для чего Спаситель, очищая его хотѣніемъ и словомъ, еще прикоснулся рукою? Мнѣ кажется, не для чего другого, какъ для того, чтобы и тѣмъ показать, что Онъ не подлежитъ закону, но выше его; и что для чистаго нѣтъ ничего нечистаго. Такъ Елиссей даже не посмотрѣлъ на Неемана,—и даже тогда, когда узналъ, что онъ, не вышедши къ Нееману и не прикоснувшись къ нему, тѣмъ самымъ привелъ его въ соблазнъ, и тогда, строго соблюдая законъ, самъ остался дома, а его послалъ измыться въ Іорданѣ. Но Владыка, въ доказательство, что Онъ исцѣляетъ не какъ рабъ, а какъ Господь,—прикасается. Рука чрезъ прикосновеніе къ проказѣ не сдѣлалась нечистою; между тѣмъ тѣло прокаженное отъ святой руки стало чисто. Христосъ пришелъ уврачевать не только тѣла, но и души возвести къ истинной мудрости. Какъ, вводя высокій законъ о безразличіи пищи, не возбранялъ уже ѣсть неумытыми руками, такъ и здѣсь научаетъ, между прочимъ, что должно заботиться о душѣ и, оставивъ внѣшнія очищенія, надлежитъ ее очистить и страшиться проказы только душевной, которая есть грѣхъ. Тѣлесная проказа нимало не препятствуетъ добродѣтели. Онъ самъ первый прикасается къ прокаженному, и никто не обвиняетъ Его. Судъ былъ безпристрастный, и зрители не были одержимы завистію. Потому они не только не унизили чуда, но и съ удивленіемъ признали его за истинное, будучи возбуждены къ благоговѣнію предъ Его непобѣдимою силою—и Его ученіемъ и дѣлами. Далѣе, излѣчивъ тѣло прокаженнаго, Христосъ повелѣваетъ

объ этомъ никому не сказывать, но показаться священнику и принести даръ, *еже повелѣ въ законѣ Моисей, во свидѣтельство имъ* (ст. 4). Нѣкоторые утверждаютъ, что Спаситель по той причинѣ повелѣлъ никому ничего не сказывать, чтобы съ коварнымъ намѣреніемъ не стали изслѣдовать, точно ли прокаженный очищенъ отъ проказы. Но думать такимъ образомъ весьма безразсудно. Прокаженный не съ тѣмъ былъ очищенъ, чтобы очищеніе было сомнительно; нѣтъ,—Христосъ для того прокаженному повелѣлъ никому не сказывать, чтобы чрезъ это предотвратить отъ тщеславія и любочестія. Хотя Іисусъ и зналъ, что прокаженный не послушается, а возвѣститъ о Благодѣтелѣ, но дѣлаетъ Свое. Какъ же Онъ, спросишь ты, въ другихъ мѣстахъ повелѣваетъ исцѣленнымъ разсказывать о своемъ исцѣленіи? Чрезъ это Онъ не противорѣчитъ Себѣ, но научаетъ ихъ быть благодарными, потому что и въ таковыхъ случаяхъ Онъ не повелѣвалъ прославлять самого Себя, но дать славу Богу. Чрезъ прокаженнаго, о которомъ теперь говорится, Спаситель предохраняетъ насъ отъ гордости и тщеславія, а чрезъ другихъ внушаетъ намъ чувство признательности, и научаетъ во всѣхъ дѣлахъ возносить хвалу Господу. Такъ какъ люди обычно, находясь въ сильной болѣзни, вспоминаютъ о Богѣ, а получивъ исцѣленіе отъ нея, предаются безпечности,—то Онъ, повелѣвая и во время болѣзни, и во время здравія непрестанно имѣть въ мысляхъ Господа, говоритъ: *даждь* 330
славу Богу (Іоан. IX, 24). Для чего упоминаемому прокаженному Спаситель приказалъ показаться священнику и принести даръ? Для того, чтобы исполнить законъ. Онъ какъ не вездѣ нарушалъ, такъ и не вездѣ сохранялъ его; но иногда поступалъ такъ, иногда иначе. Не соблюдалъ закона для того, чтобы проложить путь къ будущей высшей мудрости; соблюдалъ же для того, чтобы до времени обуздать безстыдный языкъ іудеевъ и снизойти къ ихъ слабости. И удивительно ли, что Христосъ такимъ образомъ поступалъ въ самомъ началѣ Своего благовѣстія, когда и апостолы, получивъ повелѣніе идти къ язычникамъ, для всей вселенной отверзать двери евангельскаго ученія, отмѣнить законъ, обновить заповѣди и прекратить все древнее,—представляются иногда соблюдающими законъ, а иногда преступающими его? Но какъ, скажешь ты, слова: *покажися іереови* относятся къ соблюденію закона? И очень относятся. Древній законъ требовалъ, чтобы очистившійся прокаженный не самъ себѣ давалъ удостовѣреніе очищенія, но чтобы являлся предъ священникомъ, и представлялъ ему доказательство своего очищенія, и чтобы по суду священника былъ принимаемъ въ число чистыхъ. Доколѣ священникъ не объявлялъ, что прокаженный очистился, до тѣхъ

поръ послѣдній оставался еще съ нечистыми, внѣ стана. Почему Спаситель и сказалъ: *покажися іереови, и принеси даръ, егоже повелѣ Моисей* (Матѳ. VIII, 4). Не сказалъ: принеси даръ, который Я повелѣваю; но до времени отсылаетъ къ закону, чтобы такимъ образомъ во всѣхъ случаяхъ заграждать уста іудеевъ,—именно, чтобы не сказали, что Онъ предвосхитилъ у священниковъ славу, для этого Онъ дѣло совершилъ самъ, а испытаніе предоставилъ священникамъ, и ихъ опредѣлилъ судіями Своихъ чудесъ. Такимъ образомъ слова Христовы заключаютъ въ себѣ такую мысль: Я не только не хочу сопротивляться Моисею, или священникамъ, но еще заставляю облагодѣтельствованныхъ Мною повиноваться имъ.

3. Но что значитъ: *во свидѣтельство имъ*? Въ обличеніе, въ обвиненіе и въ доказательство, если они не захотятъ вразумиться. Именно, когда они скажутъ: мы преслѣдуемъ Его какъ соблазнителя и обманщика, какъ богопротивника и законопреступника,—тогда, говоритъ Христосъ, ты засвидѣтельствуй обо Мнѣ, что Я не преступникъ закона, потому что, исцѣливъ тебя, отсылаю къ закону и на судъ священниковъ; а поступать такимъ образомъ свойственно тому, кто почитаетъ законъ, уважаетъ Моисея и не противится древнимъ постановленіямъ. Если же такое соблюденіе закона не могло доставить имъ никакой пользы, то отсюда еще болѣе должно заключать о Его уваженіи къ закону, такъ какъ Онъ, хотя и предвидѣлъ, что они этимъ случаемъ нимало не воспользуются, однакожъ исполнилъ все то, что только зависѣло отъ Него. А что Онъ это предвидѣлъ, видно изъ Его словъ; Онъ не сказалъ: для исправленія ихъ, или для наученія, но: *во свидѣтельство имъ*, то есть, въ обвиненіе, въ обличеніе и въ доказательство того, что Я все для тебя сдѣлалъ; и хотя Я предвидѣлъ, что они не исправятся, но, не взирая и на это, Я не оставилъ безъ исполненія того, что надлежало Мнѣ сдѣлать, а они остались пребывать въ своемъ нечестіи. Подобнымъ же образомъ и въ другомъ мѣстѣ Спаситель говоритъ: *проповѣстся сіе евангеліе* во всемъ мірѣ *во свидѣтельство всѣмъ языкомъ. И тогда пріидетъ кончина* (Матѳ. XXIV, 14),—т. е., во свидѣтельство всѣмъ языкамъ, которые не послушаютъ, не повѣрятъ. Для чего же, скажутъ Ему, всѣмъ и проповѣдывать, если не всѣ увѣруютъ? Для того, отвѣчаетъ Онъ, чтобы видно было, что Я, съ Своей стороны, исполнилъ все, что до Меня касается, и чтобы послѣ этого никто не могъ обвинять Меня въ томъ, что онъ не слыхалъ. Самая проповѣдь будетъ свидѣтельствовать противъ таковыхъ, и имъ нельзя уже будетъ сказать: мы не слышали, по-
331 тому что слово благочестія пройдетъ во всѣ концы вселенной.

Такъ и мы, представляя это, станемъ исполнять съ своей стороны все въ отношеніи къ ближнимъ, и всегда благодарить Бога. Преступно было бы, если бы мы на самомъ дѣлѣ, наслаждаясь Его благодѣяніями, не стали бы исповѣдывать Его благодати, когда притомъ это исповѣдываніе приноситъ намъ великую пользу. Не Ему, вѣдь, потребно что-либо отъ насъ, но намъ потребно все отъ Него. Благодарность ничего Ему не прибавляетъ, между тѣмъ насъ приближаетъ къ Нему. Если мы, воспоминая о благодѣяніи людей, большею воспламеняемся къ нимъ любовію, то тѣмъ болѣе, непрестанно воспоминая о благодѣяніяхъ къ намъ Господа, будемъ усердны къ заповѣдямъ Его. Потому и апостолъ Павелъ говоритъ: *благодарни бывайте* (Колос. III, 15). Памятованіе о благодѣяніи и непрестанное благодареніе есть самое лучшее средство сохранить благорасположеніе къ себѣ. Вотъ почему и страшное и столь спасительное таинство, совершаемое во время нашихъ собраній, называется *евхаристіею* (εὐχαριστία, благодареніе),— потому что оно служитъ воспоминаніемъ многихъ благодѣяній, и указываетъ на важнѣйшее дѣйствіе промышленія Божія, и чрезъ все это возбуждаетъ насъ къ благодарности. Въ самомъ дѣлѣ, если рожденіе Господа отъ Дѣвы есть великое чудо, и евангелистъ съ изумленіемъ говоритъ: *сіе же все бысть* (Мѳ. I, 22), то куда, скажи мнѣ, отнести Его закланіе за насъ? Если только рожденіе Его называется—*сіе все*, то какъ назвать то, что Онъ распятъ и пролилъ кровь за насъ, и самого Себя предложилъ намъ въ пищу и пиршество духовное? Итакъ, станемъ непрестанно благодарить Его, и да предшествуетъ это благодареніе нашимъ словамъ и дѣламъ. Станемъ же благодарить за благодѣянія, не только намъ оказанныя, но и другимъ; такимъ образомъ мы въ состояніи будемъ истребить и зависть, и утвердить любовь и содѣлать ее искреннѣйшею. Ты уже не въ состояніи будешь завидовать тѣмъ, за кого благодаришь Господа. Потому-то и священникъ во время предложенія той жертвы повелѣваетъ намъ благодарить Бога за всю вселенную, за отсутствующихъ, за находящихся въ храмѣ, за тѣхъ, которые были прежде насъ, и за тѣхъ, которые будутъ послѣ насъ. Такое благодареніе освобождаетъ насъ отъ земли, переселяетъ на небо и дѣлаетъ изъ людей ангелами. И они, составивъ хоръ, благодарятъ Бога за благодѣянія Его къ намъ: *слава въ вышнихъ Богу*, воспѣваютъ они, *и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14)! А какое, скажешь, имѣютъ отношеніе къ намъ тѣ, которые не обитаютъ на землѣ и не принадлежатъ къ числу людей? Примѣръ ихъ особенно долженъ быть для насъ поучителенъ. Мы научаемся такъ любить своихъ сорабовъ, чтобы и ихъ блага почитать нашими.

4. Потому и Павелъ во всѣхъ посланіяхъ своихъ благодаритъ за блага всей вселенной. Такъ и мы станемъ непрестанно благодарить Бога за свои и за чужія, за малыя и за великія блага. Хотя бы даръ былъ и малъ, но онъ становится великъ потому, что дарованъ Богомъ; или лучше,—нѣтъ малаго ни одного изъ Его даровъ, не потому только, что они отъ Него сообщаются, но и по самому своему свойству, и, не говоря уже о всѣхъ прочихъ благодѣяніяхъ Божіихъ, которыя своимъ мно-
332 жествомъ превосходятъ самый песокъ,—что можетъ сравниться съ домостроительствомъ спасенія нашего? За насъ — враговъ Своихъ—Богъ предалъ Того, Который былъ для Него всего драгоцѣннѣе, единороднаго Сына Своего; и не только предалъ, но послѣ преданія предложилъ еще намъ Его въ пищу. Онъ все самъ для насъ сдѣлалъ: и даровалъ намъ Сына Своего, и содѣлалъ насъ благодарными за то (чрезъ таинство евхаристіи). Такъ какъ человѣкъ бываетъ большею частію неблагодаренъ, то Богъ все относящееся до насъ принимаетъ на Себя и совершаетъ. И какъ іудеямъ о Своихъ благодѣяніяхъ Онъ напоминалъ чрезъ мѣста, времена и празднества, такъ точно сдѣлалъ и здѣсь, посредствомъ жертвы внушая намъ непрестанное памятованіе о Своихъ благодѣяніяхъ. Такимъ образомъ, никто столько не старается сдѣлать насъ совершенными, великими и во всемъ благопризнательными, какъ сотворившій насъ Богъ. Потому-то Онъ благодѣтельствуетъ часто и противъ воли, и еще чаще — безъ вѣдома нашего. Если же это тебѣ кажется удивительнымъ, то я покажу тебѣ, какъ это сбылось не надъ кѣмъ-либо неизвѣстнымъ, но надъ блаженнымъ Павломъ. Этотъ блаженный мужъ, премного бѣдствуя и страдая, часто просилъ Бога удалить отъ него искушенія; однако же Богъ взиралъ не на прошенія его, а на пользу, и показывая это, говорилъ: *довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Господь, прежде нежели открылъ ему причину, благодѣтельствовалъ ему, не смотря на то, что апостолъ этого не хотѣлъ и не зналъ. Итакъ, велико ли его требованіе, когда Онъ повелѣваетъ намъ быть благодарными за такое Его о насъ попеченіе? Будемъ же Ему покорны, и всегда будемъ соблюдать это повелѣніе. Іудеевъ ничто столько не губило, какъ ихъ неблагодарность; и ничто другое, какъ эта именно неблагодарность, повергала ихъ столь многимъ и частымъ казнямъ; а что всего важнѣе, она же еще прежде этихъ казней растлила ихъ душу: *неблагодарнаго бо упованіе,* говоритъ Премудрый, *яко зимній иней* (Прем. XVI, 29). Неблагодарность такъ же дѣлаетъ душу нечувственною и мертвенною, какъ холодъ тѣло. Это происходитъ отъ гордости и отъ того, что почитаютъ себя достой-

ными благодѣянія. Смиренный же будетъ благодарить Бога не за блага только, но и за то, что считается противнымъ; и что бы онъ ни терпѣлъ, онъ не будетъ думать, что потерпѣлъ незаслуженно. Такъ и мы, чѣмъ болѣе преуспѣемъ въ добродѣтели, тѣмъ болѣе станемъ смирять самихъ себя, потому что и это составляетъ великую добродѣтель. Чѣмъ острѣе у насъ зрѣніе, тѣмъ болѣе познаемъ, какъ далеко мы отстоимъ отъ неба. Подобнымъ образомъ, чѣмъ болѣе преуспѣваемъ въ добродѣтели, тѣмъ больше научаемся познавать, какъ велико разстояніе между Богомъ и нами. А немалая мудрость, когда можемъ сознавать, чего мы стоимъ. Тотъ наиболѣе знаетъ самого себя, кто считаетъ себя за ничто. Вотъ почему и Давидъ и Авраамъ, когда взошли на высшую степень добродѣтели, тогда особенно явили добродѣтель смиренія: Авраамъ называлъ себя землею и пепломъ (Быт. XVIII, 27), а Давидъ—червемъ (Пс. XXI, 7). Подобно имъ, и всѣ святые почитаютъ себя ничтожными. Напротивъ, кто увлекается гордостію, тотъ всего менѣе знаетъ себя. Потому и у насъ вошло въ привычку говорить о гордыхъ: не вѣдаетъ себя, не знаетъ себя. А незнающій себя кого будетъ знать? Какъ познавшій самого себя познаетъ все, такъ незнающій себя не можетъ узнать и ничего другого. Таковъ былъ тотъ, который говоритъ: *выше небесъ поставлю престолъ мой* (Ис. XIV, 13). Не познавши самого 333-334
себя, онъ не зналъ и ничего другого. Но Павелъ не такъ разсуждалъ: онъ называлъ себя извергомъ и послѣднимъ изъ людей, и послѣ столь многихъ и столь великихъ подвиговъ, совершенныхъ имъ, не почиталъ себя даже достойнымъ наименованія апостольскаго. Ему-то будемъ ревновать и подражать. Подражать же ему мы будемъ въ состояніи тогда только, когда освободимся отъ земли и отъ земныхъ заботъ. Подлинно ничто столько не препятствуетъ человѣку познать себя, какъ прилѣпленіе къ житейскому; и наоборотъ, ничто столько не побуждаетъ его прилѣпляться къ житейскимъ дѣламъ, какъ невѣдѣніе самого себя. Это невѣдѣніе и привязанность къ мірскому зависятъ другъ отъ друга. Какъ любящій внѣшнюю славу и много уважающій настоящія блага, сколько бы ни старался, не можетъ познать себя самого, такъ, напротивъ, презирающій земное удобно познаетъ самого себя. А познавшій самого себя чрезъ то самое будетъ преуспѣвать и во всѣхъ другихъ добродѣтеляхъ. Итакъ, чтобы намъ пріобрѣсть это благое знаніе, освободимся отъ всего временнаго, что столь сильно воспламеняетъ насъ, и познавши свою бѣдность, станемъ оказывать всевозможное смиреніе и любомудріе, чтобы получить намъ и настоящія и будущія блага благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа,

съ Которымъ Отцу слава, держава и честь, со святымъ и благимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

333 **Вшедшу же Ему въ Капернаумъ, приступи къ Нему сотникъ, моля Его и глаголя: Господи, отрокъ мой лежитъ въ дому разслабленъ, лютѣ стражда (Мѳ. 5, 6).**

1. Прокаженный приступилъ къ Іисусу по сошествіи Его съ горы, а этотъ сотникъ по вшествіи Его въ Капернаумъ. Почему же ни тотъ, ни другой не взошли на гору? Не по нерадѣнію, такъ какъ оба имѣли пламенную вѣру; но чтобы не прервать Его ученія. Сотникъ, приступивши, сказалъ: *отрокъ мой лежитъ въ дому разслабленъ, лютѣ стражда*. Нѣкоторые говорятъ, что онъ въ оправданіе свое представилъ и причину, почему не привелъ и его самого. Невозможно было, говорятъ, привести разслабленнаго, который мучился и находился при послѣднемъ издыханіи. А что отрокъ находился при послѣднемъ издыханіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ Лука: *и хотяше умрети*. Но, по моему мнѣнію, это означаетъ великую вѣру сотника, и гораздо большую, нежели какую имѣли свѣсившіе (разслабленнаго) сквозь кровлю. Такъ какъ онъ ясно зналъ, что довольно и одного повелѣнія, чтобы возсталъ лежащій, то почелъ за излишнее приводить его. Что же дѣлаетъ Іисусъ? То, чего прежде нигдѣ не дѣлалъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ Онъ сообразовался съ желаніемъ просителей; а здѣсь Самъ предупреждаетъ желаніе сотника и обѣщается не только исцѣлить, но и придти въ его домъ. А это дѣлаетъ для того, чтобы мы познали добродѣтель сотника. Если бы Онъ не обѣщалъ этого, а сказалъ только: иди, да исцѣлѣетъ отрокъ твой,—тогда бы мы совершенно не знали объ его добродѣтели. То же самое, хотя противоположнымъ образомъ, сдѣлалъ Онъ и съ женою финикійскою. Здѣсь, безъ приглашенія, добровольно самъ обѣщаетъ придти въ домъ, чтобы ты позналъ вѣру сотника и великое смиреніе. Финикіянкѣ же отказываетъ въ дарѣ, и ожиданію ея какъ бы не подаетъ надежды. Какъ опытный и проницательный врачъ, Онъ умѣетъ изъ противнаго производить противное. Такъ здѣсь вѣру сотника открываетъ чрезъ добровольно обѣщанное пришествіе, а тамъ вѣру женщины — чрезъ продолжительную отсрочку и отказъ. Такъ поступилъ Онъ и съ Авраамомъ, сказавъ: *не утаю отъ отрока Моего Авраама* (Быт. XVIII, 17),—чтобы ты позналъ Его любовь и попеченіе о содомлянахъ. Такъ и посланные къ Лоту отказываются взойти къ нему, чтобы ты позналъ великость страннолюбія этого праведника.

Итакъ, что же говоритъ сотникъ? *Нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши* (ст. 8). Послушаемъ это мы, намѣревающіеся принять Христа,—вѣдь и нынѣ можно Его принимать,—послушаемъ и поревнуемъ, и примемъ съ такимъ же тщаніемъ. Въ 334
самомъ дѣлѣ, когда ты принялъ бѣднаго, алчущаго и нагого, то принялъ и напиталъ Его самого. *Но только рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой.* Смотри, какъ и сотникъ, подобно прокаженному, имѣетъ надлежащее понятіе о Христѣ. И онъ не сказалъ: призови Бога; не сказалъ: помолись и умилостиви Его; но только— повели. Потомъ, опасаясь, чтобы Онъ по смиренію не отказался, говоритъ: *ибо и азъ человѣкъ есмь подъ властію, имый подъ собою воины, и глаголю сему: иди, и идетъ; и другому: пріиди, и приходитъ; и рабу моему: сотвори сіе, и творитъ* (ст. 9). Чтожъ изъ того, скажетъ кто-нибудь, если сотникъ такъ думалъ? Дѣло въ томъ, вѣдь, одобрилъ ли и подтвердилъ ли то̀ Христосъ? Хорошо и весьма благоразумно ты говоришь. Итакъ, на это-то и посмотримъ; и мы найдемъ здѣсь то же, что случилось съ прокаженнымъ. Прокаженный сказалъ: *аще хощеши*—и мы удостовѣряемся во власти Спасителя не только чрезъ прокаженнаго, но и чрезъ гласъ самого Христа, потому что Онъ не только не отвергъ такого мнѣнія, но еще болѣе подтвердилъ его, когда для утвержденія его присовокупилъ излишнее слово, сказавъ: *хощу, очистися.* Равно и здѣсь надобно посмотрѣть, не произошло ли чего-либо подобнаго. И дѣйствительно найдемъ, что и здѣсь случилось то же самое. Въ самомъ дѣлѣ, когда сотникъ сказалъ такія слова и засвидѣтельствовалъ о такой власти Спасителя, тогда Онъ не только не осудилъ его, но и одобрилъ, и даже болѣе, нежели одобрилъ. Евангелистъ не сказалъ, что Спаситель похвалилъ только слова сотника, но, показывая важность похвалы, говоритъ, что Онъ даже *удивился;* и не только удивился, но и въ присутствіи всего народа представилъ его другимъ въ примѣръ для подражанія. Видишь ли, какъ каждый изъ засвидѣтельствовавшихъ о Его власти восхваляется? *И дивляхуся народи о ученіи Его* (Матѳ. VIII, 28), поскольку Онъ училъ *яко власть имѣя;* и Христосъ не только не обвинилъ ихъ, но еще сошелъ съ ними съ горы, и чрезъ очищеніе прокаженнаго утвердилъ ихъ мнѣніе. Опять прокаженный сказалъ: *аще хощеши, можеши мя очистити;* и Христосъ не только не обличилъ, но, врачуя его такъ, какъ онъ сказалъ, очистилъ его. Также сотникъ говоритъ: *токмо рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой.* И Іисусъ, удивляясь ему, говорилъ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ* (ст. 10).

2. То же можешь ты познать и изъ противнаго. Марѳа, за 335
то, что не сказала ничего такого, но противное: *яко елика аще*

просиши отъ Бога, дастъ тебѣ (Іоан. XI, 22)—не только не похвалена, хотя и зналъ ее Христосъ и любилъ, и хотя она весьма пеклась о Немъ, но даже была Имъ обличена и вразумлена, потому что неблагоразумно сказала. *Не рѣхъ ли ти,* такъ говорилъ ей Христосъ, *яко аще вѣруеши, узриши славу Божію* (Іоан. XI, 40)?—обвиняя такъ ее, какъ еще неувѣровавшую. И опять, когда она сказала: *елика аще просиши отъ Бога, дастъ тебѣ,* Спаситель, отклоняя ее отъ такой мысли и научая, что Онъ не имѣетъ нужды заимствовать что-либо отъ другого, но Самъ есть источникъ благъ, говоритъ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ* (Іоан. XI, 25),—то есть, Я не ожидаю полученія силы, но Самъ Собою все совершаю. Потому-то Онъ и удивляется сотнику, предпочитаетъ его всему народу, удостоиваетъ дара царствія и прочихъ побуждаетъ къ соревнованію ему. А чтобы ты зналъ, что Онъ для того сказалъ это, чтобы и другихъ научить подобной вѣрѣ, послушай, съ какою точностію евангелистъ указалъ на это. *Обращся,* говоритъ, *Іисусъ рече грядущимъ по Немъ: ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ.* Итакъ, высокая мысль о Немъ наиболѣе всего служитъ залогомъ вѣры, царствія и прочихъ благъ. Христосъ не только на словахъ похвалилъ сотника, но за вѣру его возвратилъ ему больного здравымъ, и сплетаетъ ему свѣтлый вѣнецъ, и обѣщаетъ великіе дары, говоря: *мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ и возлягутъ* на лонѣ Авраама и Исаака и Іакова; *сынове же царствія изгнаны будутъ* вонъ (ст. 11, 12). Послѣ того, какъ Спаситель совершилъ многія чудеса, Онъ бесѣдуетъ съ народомъ съ большею уже свободою. Потомъ, чтобы кто не почелъ Его слова за лесть, но чтобы всѣ знали, что сотникъ точно такого былъ расположенія, говоритъ: *иди; якоже вѣровалъ еси, буди тебѣ* (ст. 19). И дѣло, свидѣтельствующее о такомъ расположеніи его, тотчасъ послѣдовало: *и исцѣлѣ отрокъ его* отъ часа того. То же случилось и съ сирофиникіянкою, такъ какъ и ей Спаситель сказалъ: *о жено, велія вѣра твоя! Буди тебѣ, якоже хощеши. И исцѣлѣ дщи ея* (Матѳ. XV, 28). Такъ какъ Лука въ повѣствованіи о данномъ чудѣ со слугою сотника включаетъ много другого, что, повидимому, показываетъ разногласіе, то нужно и это изъяснить вамъ. Итакъ, что говоритъ Лука? Сотникъ *посла къ Нему старцы Іудейскія, моля Его* придти (Лук. VII, 3). Матѳей же говоритъ, что онъ самъ, пришедши, говорилъ: *нѣсмь достоинъ!* Нѣкоторые говорятъ, что это—разныя лица, хотя они и много имѣютъ сходнаго. О томъ говорится: *сонмище намъ созда, и языкъ любитъ* (Лук. VII, 5), а объ этомъ самъ Іисусъ говоритъ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ.* О томъ не сказано: *мнози пріидутъ отъ востокъ,*—откуда вѣроятно, что онъ былъ іудей. Что же сказать намъ на это? То, что

такое рѣшеніе легко; спрашивается только, истинно ли оно? Я думаю, что это одно и то же лице. Но отъ чего же, скажетъ кто-либо, по свидѣтельству Матѳея, онъ сказалъ: *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши;* по свидѣтельству же Луки, послалъ за Христомъ, чтобы Онъ пришелъ? Мнѣ кажется, что Лука указываетъ намъ на лесть іудейскую, и на то, что люди, къ несчастіи будучи непостоянны, часто перемѣняютъ намѣренія. Весьма вѣроятно, 336
что когда сотникъ хотѣлъ идти, іудеи воспрепятствовали, льстя ему и говоря: мы сходимъ и приведемъ Его. Смотри, и самая просьба ихъ исполнена лести. *Любитъ бо*, говорятъ, *языкъ нашъ, и сонмище той созда*; и не знаютъ даже, за что нужно похвалить этого мужа. Имъ надлежало бы сказать, что онъ самъ хотѣлъ придти и попросить, а мы воспрепятствовали, зная его несчастіе и видя лежащее въ домѣ тѣло, и такимъ образомъ надлежало бы представить величіе его вѣры; но объ этомъ они не говорятъ. По зависти они не хотѣли обнаружить вѣру этого мужа; но чтобы призывающаго не почли за какого-либо великаго человѣка, они рѣшились лучше помрачить добродѣтель того, за котораго пришли просить, нежели, обнаруживъ его вѣру, исполнить то, за чѣмъ пришли. Зависть легко можетъ ослѣпить умъ. Но вѣдущій тайное прославилъ его противъ ихъ воли. А что это такъ, послушай, какъ самъ Лука опять, изъясняя это, говоритъ: *Ему не далече сущу, посла, глаголя: Господи, не движися; нѣсмь бо достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши* (Лук. VII, 6). Какъ скоро онъ освободился отъ докучливости іудеевъ, то посылаетъ сказать: не подумай, что я не пришелъ по лѣности, но потому, что почелъ себя недостойнымъ принять Тебя въ домъ.

3. Если же Матѳей повѣствуетъ, что сотникъ сказалъ это не чрезъ друзей, но самъ лично, то это не показываетъ никакого противорѣчія. Дѣло въ томъ, оба ли евангелиста показали благорасположенность этого мужа и то, что онъ имѣлъ достойное мнѣніе о Христѣ. Вѣроятно, что и самъ онъ, послѣ того какъ послалъ друзей, пришелъ и сказалъ то же. Если же Лука не упомянулъ объ этомъ, а Матѳей не упомянулъ о томъ, то произошло это не отъ ихъ разногласія, но болѣе отъ того, что одинъ восполнялъ то, что другой опускалъ. Смотри, какъ Лука обнаружилъ его вѣру и съ другой стороны, сказавъ: *отрокъ хотяше умрети*. Это не повергло сотника въ отчаяніе и не лишило надежды; но онъ и въ этомъ случаѣ надѣялся, что отрокъ его останется въ живыхъ. Если же, по словамъ Матѳея, Христосъ сказалъ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ*, и тѣмъ показалъ, что онъ не былъ израильтяниномъ, а Лука повѣствуетъ, что онъ построилъ синагогу, то и здѣсь нѣтъ противорѣчія, поскольку

можно было, и не будучи іудеемъ, построить синагогу и любить народъ іудейскій.

Но ты не просто изслѣдуй слова сотника, а прими во вниманіе еще его положеніе какъ египетскаго начальника, и тогда увидишь добродѣтель этого мужа. Въ самомъ дѣлѣ, начальствующіе бываютъ весьма надменны и не унижаются въ самыхъ несчастіяхъ. Такъ упоминаемый у Іоанна (царедворецъ) влечетъ Іисуса въ домъ, и говоритъ: *сниди*,—отрокъ мой при смерти (Іоан. IV, 49); напротивъ сотникъ не такъ поступилъ, но гораздо лучше, нежели и этотъ царедворецъ, и тѣ, которые спустили одръ сквозь кровлю. Онъ не домогается тѣлеснаго присутствія, и не принесъ страждущаго ко врачу; а это и показываетъ, что сотникъ не низко объ Немъ думалъ, но имѣлъ боголриличное мнѣніе, когда говоритъ: *токмо рцы слово*. И не съ начала говоритъ: *рцы слово*,
337 но сперва разсказываетъ только о болѣзни, такъ какъ по великому смиренномудрію не ожидалъ, чтобы Христосъ тотчасъ его послушалъ и пошелъ къ нему въ домъ. Вотъ почему, когда услышалъ уже слова Его: *Азъ пришедъ, исцѣлю его*, тогда говоритъ: *рцы слово*. И болѣзнь не смущала его, но онъ и въ несчастіи любомудрствуетъ, имѣя въ виду не столько здоровье отрока, сколько то, чтобы не показать въ дѣйствіяхъ своихъ чего-либо неблагоговѣйнаго. Хотя онъ и не настаивалъ, но Христосъ обѣщалъ. А онъ и при этомъ опасался, чтобы какимъ-либо образомъ не выйти изъ предѣловъ собственнаго достоинства, и не обременить себя какимъ-либо тяжкимъ поступкомъ. Видишь ли его благоразуміе? Посмотри на безуміе іудеевъ, которые говорятъ: онъ достоинъ, чтобы Ты оказалъ ему милость. Надлежало бы прибѣгнуть къ человѣколюбію Іисусову, а они выставляютъ достоинство человѣка, сами не зная, съ какой стороны должно выставить его. Напротивъ, сотникъ иначе поступилъ: онъ сознавалъ себя весьма недостойнымъ не только благодѣянія, но и того, чтобы принять Господа въ домъ. Потому-то, сказавъ: *отрокъ мой лежитъ*, не прибавилъ: *рцы*, опасаясь сдѣлаться недостойнымъ принятія дара, но разсказалъ только о своемъ несчастіи. Когда же увидѣлъ милосердіе Христово, то и въ этомъ случаѣ не настаивалъ, но соблюлъ приличную себѣ мѣру. А если бы кто спросилъ: для чего Христосъ взаимно не почтилъ его?—мы отвѣтили бы, что Онъ, напротивъ, много почтилъ его: во-первыхъ, тѣмъ, что изъявилъ согласіе, какъ видно это особенно изъ того, что не пошелъ въ домъ; а во-вторыхъ, тѣмъ, что ввелъ его въ царство и предпочелъ всему народу іудейскому. За то, что Онъ призналъ себя недостойнымъ даже принять Христа въ домъ, удостоился получить царство и блага, которыми наслаждается

Авраамъ. Почему же, скажетъ кто-либо, прокаженный, показавшій больше того, не былъ похваленъ? Онъ не сказалъ: *рцы слово*, но,—что гораздо болѣе,—пожелай только, какъ то пророкъ говоритъ объ Отцѣ: *вся, елика восхотѣ, сотвори* (Псал. схш, 11). Но и прокаженный былъ похваленъ. Когда Спаситель сказалъ: *принеси даръ, егоже повелѣ Моисей, во свидѣтельство имъ*, то этими словами выразилъ не иное что, какъ то, что ты обвинишь ихъ, потому что ты увѣровалъ. Съ другой стороны, не все равно было—увѣровать іудею, и—тѣмъ, кто внѣ народа іудейскаго. А что сотникъ не былъ іудеемъ, это видно какъ изъ того, что онъ сотникъ, такъ и изъ сказаннаго о немъ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ*.

4. Подлинно, весьма много значило, что человѣкъ, не изъ числа іудеевъ, имѣлъ столь высокую мысль о Христѣ. Мнѣ кажется, онъ имѣлъ представленіе о воинствахъ небесныхъ, или о томъ, что болѣзни, смерть и все прочее такъ же подчинено Христу, какъ ему самому воины. Потому Онъ и говорилъ: *ибо и азъ человѣкъ есмь подъ властію учиненъ*,—т. е., ты Богъ, я человѣкъ; я подъ властію, Ты же не подъ властію. Итакъ, если я, будучи человѣкомъ и находясь подъ властію, столько могу, то гораздо болѣе можешь Ты, будучи Богомъ и не находясь подъ властію. Съ особенною силою онъ хочетъ убѣдить Его въ томъ, что онъ представляетъ это не какъ примѣръ сходный, но какъ несравненно высшій. Если я, говоритъ онъ, будучи равенъ подчиненнымъ и находясь подъ властію, при маломъ преимуществѣ начальства имѣю такую силу, что никто мнѣ не противорѣчитъ, но что я приказываю, то и дѣлаютъ, хотя бы и различны были приказанія (*глаголю сему: иди, и идетъ; и другому: пріиди, и приходитъ)*, то гораздо большую силу имѣешь Ты. Нѣкоторые же чи- 338
таютъ это мѣсто и такимъ образомъ: *аще бо азъ человѣкъ сый*, и, отдѣливъ эти слова знакомъ, присоединяются: *подъ властію имый подъ собою воины*. Но ты обрати вниманіе на то, какъ ясно показалъ онъ, что Христосъ можетъ управлять смертію какъ рабомъ, и повелѣвать какъ Владыка. Когда онъ говоритъ: *иди, и идетъ, пріиди, и приходитъ*, то выражаетъ этими словами такую мысль: если Ты повелишь смерти не приходить къ нему, она не придетъ. Видишь ли, какую онъ имѣлъ вѣру? Онъ уже ясно открылъ то, что впослѣдствіи всѣмъ должно было открыться, то есть, что Христосъ имѣетъ власть надъ смертію и жизнію, и можетъ низводить во врата ада и возводить. И не только упомянулъ о воинахъ, но и о рабахъ,—что служитъ знакомъ большаго послушанія. Но, не смотря на то, что онъ имѣлъ столь великую вѣру, онъ почиталъ себя еще недостойнымъ. Христосъ

же, показавъ, что онъ достоинъ того, чтобы придти въ домъ его, сдѣлалъ гораздо болѣе, когда удивлялся ему, хвалилъ его и даровалъ ему болѣе, нежели сколько онъ просилъ. Онъ пришелъ искать тѣлеснаго здоровья отроку, а возвратился, получивъ царствіе. Видишь ли исполненіе сказаннаго: *ищите царствія небеснаго, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33)? Какъ скоро сотникъ явилъ великую вѣру и смиреніе, Христосъ даровалъ ему небо и, сверхъ того, возвратилъ здоровье его отроку. И не этимъ только почтилъ его, но и засвидѣтельствованіемъ, что онъ вводится въ царствіе, и какіе люди изъ него изгоняются. Отсюда Христосъ для всѣхъ уже дѣлаетъ извѣстнымъ то, что спасеніе— отъ вѣры, а не отъ дѣлъ закона. Потому даръ этотъ предложенъ будетъ не только іудеямъ, но и язычникамъ, и послѣднимъ болѣе, нежели первымъ. Не подумайте, говоритъ, что такъ случилось только съ сотникомъ; то же будетъ и со всею вселенною. Здѣсь пророчески говоритъ Онъ о язычникахъ, и имъ подаетъ благую надежду. Между слѣдовавшими за Нимъ были и жители Галилеи языческой. Говорилъ же Онъ это для того, чтобы не оставить и язычниковъ въ отчаяніи, и смирить гордость іудеевъ. Но чтобы Своими словами не оскорбить слушателей, и не подать никакого имъ повода къ сопротивленію, для этого Христосъ вводитъ рѣчь о язычникахъ, не въ самомъ началѣ, а когда случай къ тому подалъ сотникъ; и не прямо выражаетъ имя язычниковъ. Не сказалъ: многіе изъ язычниковъ, но: *многіе отъ востокъ и западъ,*—что означаетъ язычниковъ. А такимъ образомъ не оскорбилъ слушателей, поскольку сказанное было прикрыто. И не этимъ только смягчаетъ кажущуюся новость ученія, но и тѣмъ, что вмѣсто царствія упомянулъ о лонѣ Авраамовомъ. И это имя для нихъ было неизвѣстно; между тѣмъ напоминаніе объ Авраамѣ сильнѣе угрызало ихъ. Потому и Іоаннъ сначала ничего не сказалъ о гееннѣ, но, что особенно ихъ оскорбляло, говорилъ: *не начинайте глаголати,* что чада есмы *Авраама* (Матѳ. III, 9). Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ имѣетъ въ виду и другое, именно—чтобы не показаться противорѣчащимъ древнимъ уставамъ. Дѣйствительно, кто удивляется патріархамъ, и нѣдра ихъ называетъ наслѣдіемъ добрыхъ, тотъ совершенно уничтожаетъ такое подозрѣніе. Итакъ, никто не долженъ думать, что здѣсь одна только угроза. Іудеямъ возвѣщается сугубое наказаніе, язычникамъ сугубая радость: первымъ потому, что они не только отпали, но и отпали отъ своего; а послѣднимъ потому, что они не только получили, но и получили то, чего не ожидали. Къ этому присоединяется третье то, что послѣдніе получили принадлежащее первымъ. Сынами же царствія Спаситель назы-

ваетъ тѣхъ, кому было уготовано царствіе. Это особенно сильно уязвляло іудеевъ, когда, показавъ, что по обѣтованію они пре- 339
бываютъ въ нѣдрахъ Авраама, вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же и исключаетъ ихъ. Далѣе, такъ какъ это изреченіе было приговоромъ, то Христосъ утверждаетъ его знаменіемъ,—какъ равно и знаменіе подтверждаетъ предсказаніемъ, впослѣдствіи исполнившимся.

5. Итакъ, кто не вѣритъ исцѣленію отрока, тогда бывшему, тотъ пусть вѣритъ въ него на основаніи предсказанія, нынѣ исполнившагося. Въ самомъ дѣлѣ, предсказаніе прежде событія для всѣхъ объяснилось знаменіемъ, тогда бывшимъ. Потому-то Спаситель прежде изрекъ пророчество, а потомъ исцѣлилъ разслабленнаго, чтобы будущее подтвердилось настоящимъ, и меньшее—большимъ. Что добродѣтельные наслаждаются благами, а злые претерпѣваютъ несчастія, это не заключаетъ въ себѣ никакой несообразности, но согласно и съ разумомъ, и съ силою законовъ. А укрѣпленіе разслабленнаго и воскрешеніе мертваго—превыше естественныхъ силъ. И однако, къ этому великому и чудному дѣлу немало содѣйствовалъ сотникъ, что и Христосъ показывая, сказалъ: *иди, и якоже вѣровалъ еси, буди тебѣ!* Видишь ли, какъ исцѣленіе отрока обнаружило и силу Христову, и вѣру сотника, и утвердило будущее? Или лучше, все это возвѣщало силу Христову, потому что Онъ не только исцѣлилъ тѣло отрока, но посредствомъ чудесъ привлекъ и душу сотника къ вѣрѣ. Но ты взирай не на то только, что одинъ увѣровалъ, а другой исцѣлился, но и подивись скорости, которую показывая, евангелистъ говоритъ: *и исцѣлѣ отрокъ сей въ той часъ*,—какъ и о прокаженномъ сказалъ, что онъ тотчасъ очистился. Христосъ являлъ силу не только чрезъ исцѣленіе, но и чрезъ то, что производилъ его нежданно и мгновенно. И не этимъ только приносилъ Онъ пользу, но и тѣмъ, что во время совершенія чудесъ часто предлагалъ ученіе о царствіи, и всѣхъ привлекалъ къ нему. Даже и тѣмъ, которымъ Онъ угрожалъ изверженіемъ, угрожалъ не для того, чтобы извергнуть, но чтобы, устрашивъ словами, привлечь къ царствію. Если же отсюда іудеи не получали никакой пользы, то во всемъ виновны сами они и всѣ страждущіе ихъ болѣзнію невѣрія. Всякому извѣстно, что то же случилось не только съ іудеями, но и съ увѣровавшими. Іуда былъ сыномъ царствія, и вмѣстѣ съ прочими учениками слышалъ: *сядете на двоюнадесяте престолу* (Матѳ. XIX, 28), однако сдѣлался сыномъ геенны. Еѳіоплянинъ же, будучи варваромъ и однимъ изъ тѣхъ, которые пришли отъ востокъ и западъ, удостоился вѣнцевъ вмѣстѣ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ. То же и нынѣ между

нами происходитъ. *Мнози бо*, говоритъ Господь, *будутъ перви послѣдніи, и послѣдни первіи* (Матѳ. xix, 30). Это сказалъ Онъ для того, чтобы какъ послѣдніе не предавались безпечности, какъ не имѣющіе силъ возвратиться, такъ и первые не надѣялись бы на себя, какъ твердо стоящіе. О томъ же предвѣщалъ раньше и Іоаннъ, говоря: *можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Авріаму* (Матѳ. ш, 9). Такъ какъ этому надлежало совершиться, то заранѣе и предвозвѣщается, для того, чтобы никто не смутился странностію вещи. Но Іоаннъ, какъ предтеча, говоритъ о томъ какъ о возможномъ; а Христосъ—какъ о несомнѣнно имѣющемъ быть, и доказываетъ это дѣлами.

340 5. Итакъ, если стоимъ, не будемъ надѣяться на себя, но будемъ говорить себѣ: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. x, 12); а если лежимъ, то не будемъ отчаиваться, но будемъ говорить себѣ: *еда падаяй не востаетъ* (Іерем. viii, 4)? Дѣйствительно, многіе, достигнувъ до самой высоты неба, показавъ всякое терпѣніе, живя въ пустыняхъ и не видавъ женщины даже во снѣ, но нѣсколько вознерадѣвъ, преткнулись и дошли до самой бездны зла. Другіе, напротивъ, изъ этой бездны возвысились къ небу, и отъ позорища и отъ мѣста пляски обратились къ жизни ангельской, и столь великую явили добродѣтель, что изгоняли демоновъ и совершали много другихъ подобныхъ знаменій. Такими событіями исполнено Писаніе, такими примѣрами исполнена наша жизнь. Любострастные и изнѣженные заграждаютъ уста манихеевъ, которые злобу почитаютъ неизмѣнною, которые служатъ діаволу, разслабляютъ руки желающихъ упражняться въ добрѣ и низвращаютъ всѣ уставы жизни. Тѣ, которые внушаютъ такія убѣжденія, не только причиняютъ вредъ въ будущемъ, но и здѣсь, по возможности, все низвращаютъ. Какъ кто-либо изъ порочныхъ будетъ стараться о добродѣтели, когда онъ возвращеніе къ добродѣтели и измѣненіе на лучшее почитаетъ невозможнымъ? Если и теперь, когда и законы существуютъ и наказанія угрожаютъ, когда многихъ возбуждаетъ слава, когда ожидается геенна и обѣщается царствіе, когда злые осуждаются, а добрые восхваляются,—если и теперь нѣкоторые едва рѣшаются на подвиги добродѣтели, то, по уничтоженіи всего этого, что воспрепятствуетъ всеобщему растлѣнію и гибели?

6. Итакъ, познавъ коварство діавольское и то, что какъ указанные люди, такъ и тѣ, которые силятся утвердить ученіе о судьбѣ, мыслятъ противно и языческимъ законодателямъ, и божественнымъ изреченіямъ, и естественному разуму, и общему мнѣнію всѣхъ людей, и варварамъ, и скиѳамъ, и ѳракіянамъ, и всѣмъ вообще,—будемъ, возлюбленные, бодрствовать и, оставивъ

всѣхъ этихъ противниковъ истины, будемъ шествовать тѣснымъ
путемъ съ упованіемъ и страхомъ: со страхомъ—по причинѣ
стремнинъ, отвсюду предстоящихъ; съ упованіемъ же — потому,
что Іисусъ предходитъ предъ нами. Пойдемъ съ трезвостію и
бодрствованіемъ. Если кто хотя нѣсколько задремлетъ, тотчасъ
низринется. Мы не осмотрительнѣе Давида, который, нѣсколько
вознерадѣвъ, низвергнулся въ самую бездну грѣха. Впрочемъ
онъ и возсталъ скоро. Взирай поэтому не на то только, что онъ
согрѣшилъ, но и на то, что онъ очистилъ свой грѣхъ. Для того
написана и исторія его паденія, чтобы ты не на паденіе его взи-
ралъ, но удивлялся его возстанію; чтобы ты зналъ, какъ послѣ
паденія должно тебѣ возставать. Какъ врачи, выбирая самыя
трудныя болѣзни, описываютъ ихъ въ книгахъ и научаютъ дру-
гихъ способу врачеванія, чтобы послѣдніе, узнавъ труднѣйшія
болѣзни, удобнѣе могли преодолѣть слабѣйшія, такъ точно и
Богъ сдѣлалъ явными самые великіе грѣхи для того, чтобы тѣ,
которые впадаютъ въ малые грѣхи, могли чрезъ то удобно испра-
влять ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если могли быть очищены большіе
грѣхи, то тѣмъ болѣе меньшіе. Итакъ разсмотримъ, какъ тотъ 341
блаженный мужъ изнемогъ, и какъ онъ возсталъ въ скоромъ
времени. Какой же былъ образъ изнеможенія? Онъ учинилъ пре-
любодѣяніе и убійство. Я не стыжусь громогласно возвѣщать
объ этомъ: если Духъ Святый не почелъ постыднымъ изложить
всю эту исторію, то тѣмъ болѣе намъ не должно скрывать ее. По-
этому я не только возвѣщаю объ этомъ, но нѣчто и еще присое-
диняю. Тѣ, которые скрываютъ паденіе Давида, весьма помра-
чаютъ добродѣтель этого мужа. И какъ умалчивающіе о сраже-
ніи его съ Голіаѳомъ, лишаютъ его немалыхъ вѣнцовъ, такъ
точно поступаютъ и тѣ, кто оставляютъ безъ вниманія настоя-
щее повѣствованіе. Можетъ быть, мои слова кажутся странными?
Но подождите немного, и вы узнаете, что это сказано нами спра-
ведливо. Я для того увеличиваю грѣхъ, и представляю дѣло въ
болѣе странномъ видѣ, чтобы въ большемъ обиліи приготовить
врачество. Итакъ, что же мнѣ присоединить? Добродѣтель мужа.
Это увеличиваетъ и вину его: не одинаково вѣдь осуждается все во
всѣхъ. *Сильніи бо*, говоритъ Писаніе, *сильно истязани будутъ* (Прем.
Сол. VI, 7). И: *вѣдъвый волю господина своего*, и не исполняющій,
біенъ будетъ много (Лук. XII, 47). Слѣдовательно, большее вѣдѣніе
служитъ причиною большаго наказанія. Поэтому іерей, впадаю-
щій въ одинаковые грѣхи съ подчиненными себѣ, не одинако-
вымъ съ ними подвергается наказаніямъ, но гораздо тягчай-
шимъ. Можетъ быть, вы, видя, что вина возрастаетъ, трепещете
и устрашаетесь, и удивляетесь мнѣ, какъ будто бы я хожу по

стремнинамъ; но я столько увѣренъ въ праведникѣ, что простираюсь еще далѣе. Чѣмъ болѣе увеличу вину, тѣмъ болѣе въ состояніи буду восхвалять Давида. Но можно ли, спросятъ, сказать что-либо болѣе этого? Можно. Именно: какъ Каинъ учинилъ не только убійство, но и худшее многихъ убійствъ,—поскольку онъ убилъ не чужого, но брата, и брата не обидѣвшаго, но обиженнаго, не послѣ многихъ убійцъ, но первый изобрѣлъ таковое злодѣяніе,—такъ и здѣсь преступленіе состояло не въ одномъ только убійствѣ, потому что не простой человѣкъ учинилъ его, но пророкъ, убилъ не обидѣвшаго, но обиженнаго, поскольку этотъ послѣдній былъ уже обиженъ въ то время, когда была похищена жена, и такимъ образомъ къ этому преступленію Давидъ присоединилъ еще новое. Видите ли, какъ я не пощадилъ праведника, и какъ безъ всякаго послабленія разсказалъ его проступки? Не смотря, однакожъ, на это, я такъ надѣюсь защитить его, что, не взирая на столь великую тяжесть грѣха, желалъ бы, чтобы здѣсь находились какъ манихеи, весьма издѣвающіеся надъ нимъ, такъ и зараженные ученіемъ Маркіона, чтобы мнѣ совершенно заградить ихъ уста. Они говорятъ, что Давидъ учинилъ убійство и прелюбодѣяніе. А я не только то же говорю, но и доказалъ, что убійство его было двойное, какъ потому, что убитъ былъ обиженный, такъ и потому, что высоко было достоинство согрѣшившаго.

7. Не одно и то же значитъ, когда отваживается на такія преступленія человѣкъ, удостоившійся Духа, столько облагодѣтельствованный, имѣющій великое дерзновеніе, притомъ въ такомъ возрастѣ,—и когда то же самое дѣлаетъ тотъ, кто лишенъ всего этого. И при всемъ томъ, доблестный этотъ мужъ достоинъ величайшаго удивленія, потому именно, что онъ, ниспадши въ самую глубину зла, не упалъ духомъ, не отчаялся и не остался
342 ницъ лежащимъ, получивъ отъ діавола столь опасную рану, но скоро, даже тотчасъ, и съ великою силою нанесъ ему болѣе опасную рану, нежели какую получилъ. Случилось то же самое, какъ если бы во время сраженія и въ строю какой-либо варваръ вонзилъ копье въ сердце мужественнаго воина, или, оставивъ въ груди его стрѣлу, присоединилъ къ прежней другую опаснѣйшую рану, а получившій эти тяжкія раны, весь обливаясь потоками крови, проворно всталъ бы и, пустивъ копье въ своего врага, тотчасъ бы повергъ его замертво на землю. Такъ точно и здѣсь, чѣмъ большую представишь рану, тѣмъ болѣе удивительною покажешь душу уязвленнаго,—поскольку онъ, не смотря на эту тяжкую рану, имѣлъ силу встать среди строя, и повергнуть того, кѣмъ былъ пораженъ. Какъ это важно, особенно

знають тѣ, которые впадають въ тяжкіе грѣхи. Подлинно, не столько тогда открывается мужественная и твердая душа, когда кто-либо безъ паденій пробѣгаетъ путь (потому что таковой имѣетъ спутникомъ своимъ благую надежду, возбуждающую, ободряющую, укрѣпляющую и дѣлающую его ревностнѣйшимъ), сколько тогда, когда кто-либо, послѣ безчисленныхъ вѣнцовъ, многихъ трофеевъ и побѣдъ, претерпѣвая крайній уронъ, опять можетъ вступить на прежніе пути. Для большей ясности, я постараюсь предложить вамъ другой примѣръ, не менѣе важный, въ сравненіи съ первымъ. Вообрази, что какой-нибудь мореплаватель, бывшій на безчисленныхъ моряхъ, проплывшій все море, послѣ многихъ бурь, подводныхъ камней и волнъ, имѣя много товара, сталъ бы утопать при самомъ входѣ въ пристань, и едва съ нагимъ тѣломъ избѣгъ бы этого опаснаго кораблекрушенія: въ какомъ онъ будетъ расположеніи къ морю, къ плаванію и къ морскимъ опасностямъ? Не обладая особенно сильнымъ характеромъ, захочетъ ли онъ когда-нибудь посмотрѣть на берегъ, на корабль, на пристань? Не думаю; онъ скроется, будетъ лежать, не различая дня отъ ночи и отъ всего отказываясь,—предпочтетъ лучше жить милостынею, чѣмъ приняться за прежніе труды. Не таковъ былъ блаженный Давидъ; но, послѣ безчисленныхъ трудовъ и подвиговъ, претерпѣвъ ужасное кораблекрушеніе, не скрылся, а извлекъ корабль и, распустивъ паруса и взявшись за кормило, принялся за прежніе труды—и опять собралъ богатство, большее прежняго. Если стоять и послѣ паденія не лечь навсегда—достойно удивленія, то какихъ вѣнцовъ достоинъ тотъ, кто тотчасъ же встаетъ и совершаетъ великія дѣла? Много было для Давида побужденій къ отчаянію: и во-первыхъ, великость грѣха; во-вторыхъ, то, что онъ потерпѣлъ это крушеніе не въ началѣ жизни, когда больше надеждъ, а подъ конецъ,—вѣдь и купецъ, претерпѣвшій кораблекрушеніе тотчасъ же по выходѣ изъ пристани не одинаково скорбитъ съ тѣмъ, который послѣ безчисленныхъ куплей попалъ на подводный камень; въ-третьихъ, то, что онъ претерпѣлъ это уже послѣ того, какъ собралъ великое богатство. Въ самомъ дѣлѣ, немало у него было тогда сокровищъ: были, напр., сокровища, которыя пріобрѣлъ онъ въ первомъ воз- 343
растѣ, когда былъ пастухомъ,—въ сраженіи съ Голіаѳомъ, когда поставилъ блистательный трофей,—въ мудромъ обращеніи съ Сауломъ. Поистинѣ, Давидъ показывалъ евангельское великодушіе, когда тысячекратно имѣя въ рукахъ врага, всегда щадилъ его и лучше рѣшилъ лишиться отечества, свободы и самой жизни, нежели умертвить того, который несправедливо строилъ ему козни. Немало также онъ имѣлъ добродѣтелей послѣ

принятія царства. Кромѣ всего сказаннаго и худое мнѣніе народа, а равно и лишеніе столь блистательной славы—производили не малое смущеніе. Не столько украшала его порфира, сколько покрывало стыдомъ пятно грѣха.

8. Вы, конечно, знаете, какъ тяжко бываетъ тому, чьи грѣхи разглашаются, и какое великое мужество требуется отъ такого человѣка, чтобы послѣ всеобщаго обвиненія и послѣ того, какъ много находится свидѣтелей его преступленій, не упасть духомъ. Но тотъ доблестный мужъ, извлекши изъ души своей всѣ эти стрѣлы, столько послѣ того просіялъ, такъ омылъ пятно, такъ очистился, что и по смерти заглаждалъ грѣхи своихъ потомковъ. И что сказалъ Богъ объ Авраамѣ, то же говоритъ и о Давидѣ,—и о немъ даже гораздо болѣе. О патріархѣ Онъ говоритъ: я вспомнилъ *завѣтъ, иже ко Авраамy* (Исход. II, 24); говоря же о Давидѣ, не о завѣтѣ говоритъ, а о чемъ? *Ради Давида раба Моего защищу градъ сей* (4 Цар. XIX, 34). И, по благоволенію къ нему, не попустилъ лишиться царства Соломону, столь тяжко согрѣшившему. И до того велика была слава Давида, что Петръ, послѣ столь многихъ лѣтъ произнося къ іудеямъ рѣчь, такъ говоритъ: *достоитъ рещи съ дерзновеніемъ къ вамъ о патріарсѣ Давидѣ, яко и умре и погребенъ бысть* (Дѣян. II, 29). И Христосъ, бесѣдуя съ іудеями, показываетъ, что онъ послѣ грѣха удостоился такой благодати Духа, что и опять сподобился пророчествовать
314 о Его божествѣ. Заграждая его пророчествомъ уста ихъ, Онъ говорилъ: *како убо Давидъ Духомъ Господа Его нарицаетъ, глаголя: рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене* (Матѳ. XXII, 43). И что совершилось надъ Моисеемъ, то и надъ Давидомъ. Подобно тому, какъ Богъ, противъ воли Моисея, по великой Своей любви къ этому праведнику, наказалъ Маріамъ за обиду брата, такъ скоро отмстилъ и за Давида, оскорбленнаго сыномъ, хотя Давидъ того и не желалъ. И этого достаточно. Чтобы доказать добродѣтель этого мужа, и это даже болѣе чѣмъ что-либо другое можетъ служить доказательствомъ ея. Когда Богъ утверждаетъ, тогда не нужно болѣе изслѣдовать. Если же хотите подробно знать мудрость Давида, то, прочитавъ исторію его послѣ грѣха, можете увидѣть его упованіе на Бога, любовь, возрастаніе въ добродѣтели и тщаніе до послѣдняго издыханія. Итакъ, имѣя такіе примѣры, будемъ бодрствовать и остерегаться отъ паденія. Если же и случится намъ пасть, то не будетъ лежать. Я не для того упомянулъ о преступленіяхъ Давида, чтобы повергнуть васъ въ безпечность; но для того, чтобы большее произвесть опасеніе. Если даже этотъ праведникъ, нѣсколько вознерадѣвши, подвергся такимъ страданіямъ и получилъ такія раны, то чего не потер-

нимъ мы, каждодневно предающіеся безпечности? Итакъ, познавши его паденіе, не предавайся нерадѣнію, но представь, сколько совершилъ онъ и послѣ него, сколько пролилъ слезъ, сколь великое являлъ раскаяніе, день и ночь испуская источники слезъ и омывая ими постелю, и сверхъ того, облекаясь во вретище. Если же для него потребно было такое поведеніе, то какъ можемъ спастись мы, не смотря на множество преступленій, не имѣющіе сокрушенія? Кто еще имѣетъ великія добродѣтели, тотъ удобно можетъ покрыть ими грѣхи; не имѣющій добродѣтелей, откуда бы ни былъ пораженъ стрѣлою, получаетъ смертельный ударъ. Итакъ, чтобы этого не случилось, вооружимъ себя добрыми дѣлами, и, если учинимъ какое-либо преступленіе, будемъ очищать себя, чтобы, проведши настоящую жизнь во славу Божію, удостоиться намъ наслажденія будущею жизнію, которую всѣ мы да сподобимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVII.

И пришедъ Іисусъ въ домъ Петровъ, видѣ тещу его лежащу и огнемъ жегому. И прикоснуся руцѣ ея, и остави ю огнь: и воста, и служаше Ему (VIII, 14, 15). 343-344

1. Маркъ, желая показать и время, говоритъ: *и абіе* (Марк. I, 30); а Матѳей описалъ только чудо, не означивши времени. Другіе говорятъ, что больная даже просила Его; но Матѳей и объ этомъ умолчалъ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ разногласія: одно происходитъ отъ краткости, а другое отъ полноты повѣствованія. Но для чего Христосъ вошелъ въ домъ Петровъ? Мнѣ кажется, для принятія пищи; на это указалъ и евангелистъ, когда сказалъ: *воста, и служаше Ему*. Христосъ останавливался у учениковъ, какъ напр. и у Матѳея, когда его призвалъ, чтобы чрезъ то почтить ихъ и сдѣлать усерднѣйшими. Но ты и здѣсь замѣть Петрово почтеніе къ Нему. Имѣя тещу, лежащую дома въ сильной горячкѣ, онъ не привелъ Его въ домъ свой, но ожидалъ, пока будетъ окончено ученіе и исцѣлятся всѣ прочіе; и тогда уже, когда Онъ вошелъ въ домъ, началъ просить Его. Такъ онъ 345
съ самаго начала научался предпочитать выгоды другихъ своимъ. Итакъ, не Петръ приводитъ Его въ домъ, но Онъ самъ по собственной волѣ пришелъ, послѣ того какъ сотникъ сказалъ: *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши*, показывая, сколько Онъ благоволилъ къ ученику. Но представь, каковы были домы этихъ

рыбаковъ; при всемъ томъ Христосъ не гнушался входить въ ихъ бѣдныя хижины, научая тебя во всемъ попирать человѣческую гордость. Иногда Онъ словами только исцѣляетъ, иногда и руку простираетъ, а иногда дѣлаетъ и то и другое, чтобы видимо было врачеваніе Его. Онъ не хотѣлъ всегда чудодѣйствовать необычайнымъ образомъ. Но Ему надлежало еще скрываться, и особенно при ученикахъ, потому что они въ великой радости все бы разсказали. И это видно изъ того, что, по восшествіи на гору, Онъ почелъ за нужное объявить имъ, чтобы они никому не сказывали. Итакъ, коснувшись тѣла, Онъ не только прекратилъ горячку, но и вполнѣ возвратилъ здоровье. Такъ какъ болѣзнь была незначительна, то Онъ явилъ Свое могущество въ способѣ лѣченія, чего не могло бы сдѣлать врачебное искусство.

345 Вамъ извѣстно, что и по освобожденіи отъ горячки больнымъ требуется много времени для того, чтобы придти въ прежнее здоровье. Но тогда все заразъ послѣдовало. И не здѣсь только случилось это, но и на морѣ. И тамъ Онъ не только укротилъ вѣтры и бурю, но тотчасъ остановилъ и самое движеніе волнъ, что было также странно. [Обычно) и послѣ того, какъ буря прекратится, волны еще долго колеблются. Но у Христа не такъ; у Него все вмѣстѣ прекращалось. Такъ именно случилось и съ этою женою. Указывая на это, евангелистъ и говоритъ: *воста, и служаше Ему*,—что было знакомъ и силы Христовой и расположенія жены, которое она оказывала ко Христу. Отсюда мы можемъ усматривать вмѣстѣ и то, что Христосъ по вѣрѣ однихъ даетъ исцѣленіе другимъ (здѣсь именно просили Его другіе, какъ то было и съ отрокомъ сотника). Впрочемъ, Онъ благодѣтельствуетъ, если только желающій исцѣленія не упорствуетъ въ невѣріи, а только или по причинѣ болѣзни не можетъ придти къ Нему, или по причинѣ невѣдѣнія и незрѣлаго возраста не имѣетъ о Немъ высокаго понятія. *Поздѣ же бывшу, приведоша къ Нему бѣсны многи, и изгна духи изъ нихъ словомъ, и вся болящія исцѣли; да сбудется реченное Исаіемъ пророкомъ, яко недуги наша пріятъ, и болѣзни понесе* (Матѳ. VIII, 16, 17). Видишь ли, какъ многіе наконецъ увѣровали? Они не хотѣли удалиться, хотя время и побуждало къ тому, и не почитали неблаговременнымъ приводить вечеромъ больныхъ своихъ. Замѣть, о какомъ множествѣ исцѣленныхъ евангелисты умалчиваютъ, когда не говорятъ намъ и не повѣствуютъ о каждомъ порознь, но однимъ словомъ переходятъ неизреченное море чудесъ. Потомъ, чтобы величіе чуда не повергло въ недовѣріе, что Онъ такое множество и отъ столь различныхъ болѣзней освободилъ и исцѣлилъ въ одно мгновеніе времени, евангелистъ приводитъ пророка, свидѣтельствующаго о случившемся,

показывая тѣмъ, что доказательство, заимствованное изъ Писанія, во всякомъ случаѣ, важно и не ниже самыхъ знаменій. Исаія сказалъ, говоритъ онъ, что Христосъ *недуги наша пріятъ, и болѣзни понесе*. Пророкъ не сказалъ: освободилъ, но—взялъ и понесъ: это, мнѣ кажется, сказано пророкомъ болѣе о грѣхахъ, согласно съ словами Іоанна: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. I, 29).

2. Итакъ, почему же здѣсь евангелистъ относитъ это пророчество къ болѣзнямъ? Или потому, что принималъ это свидѣтельство буквально, или для того, чтобы показать, что большая часть болѣзней есть слѣдствіе грѣховъ душевныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если самая смерть, утвержденіе болѣзней, имѣетъ своимъ корнемъ и началомъ грѣхъ, то тѣмъ болѣе многія болѣзни. Точно также и то, что мы можемъ подвергаться болѣзнямъ, родилось отъ грѣха. *Видѣвъ же Іисусъ многи народы окрестъ Себе, повелѣ ити на онъ полъ* (ст. 18). Видишь ли, опять какъ Онъ чуждъ тщеславія? Другіе евангелисты говорятъ, что Онъ запрещалъ демонамъ сказывать, кто Онъ; а Матөей говоритъ, что Онъ удалялъ отъ Себя народъ. Дѣлалъ Онъ это съ одной стороны для того, чтобы научить насъ скромности, съ другой—для того, чтобы укротить іудейскую зависть и убѣдить насъ ничего не дѣлать изъ тщеславія. Онъ не только исцѣлялъ тѣла, но и исправлялъ душу, научая благочестію; показывалъ Себя и въ томъ, что исцѣлялъ болѣзни, и въ томъ, что ничего не дѣлалъ изъ тщеславія. Дѣй- 346
ствительно, многіе изъ любви и удивленія къ Нему, и желая всегда наслаждаться Его лицезрѣніемъ, неотступно пребывали при Немъ. Да и кто бы удалился отъ творившаго такія чудеса? Кто бы и просто не захотѣлъ взирать на Его лице и уста, изрекающія такія слова? Онъ достоинъ удивленія не только по чудесамъ, но даже и одинъ видъ Его исполненъ былъ великой пріятности, какъ показываетъ то пророкъ, говоря: *красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ* (Псал. XLIV. 3). Когда же Исаія говоритъ: *не имяше вида ниже доброты* (Ис. LIII, 2), то говоритъ это или о непостижимой и неизглаголанной славѣ Божества, или о томъ, что случилось съ Нимъ во время страданія, и именно—о безчестіи, которое претерпѣлъ Онъ во время распятія на крестѣ, или о смиреніи, которое являлъ во всемъ, въ продолженіе цѣлой жизни. Далѣе Спаситель не прежде повелѣлъ ученикамъ переправиться на ту сторону, какъ по исцѣленіи болѣзней. Иначе народъ не могъ бы перенести этого. Какъ на горѣ онъ не только пребывалъ со Христомъ тогда, какъ Онъ проповѣдывалъ, но и послѣдовалъ за Нимъ, когда Онъ молчалъ, такъ и здѣсь прикрѣплялся къ Нему, не только тогда, когда Онъ чудодѣйствовалъ, но и когда пере-

сталъ чудодѣйствовать, и отъ самаго лица Его получалъ великую пользу. Въ самомъ дѣлѣ, если Моисей имѣлъ прославленное лице, и Стефанъ лицо ангельское, то представь, каковъ тогда долженъ быть видъ общаго Владыки! Можетъ быть многіе воспламенились желаніемъ узрѣть Его образъ; но если мы пожелаемъ, то узримъ и гораздо лучшій образъ. Если мы съ упованіемъ проведемъ настоящую жизнь, то увидимъ Его на облакахъ, срѣтивши въ безсмертномъ и нетлѣнномъ тѣлѣ. Смотри, съ какимъ благоразуміемъ Спаситель отсылаетъ народъ, чтобы не устрашить. Онъ не сказалъ: удалитесь; но повелѣлъ переплыть на ту сторону, обнадеживая, что и Онъ непремѣнно придетъ туда. Но тогда какъ народъ показалъ столько любви ко Христу и съ такимъ усердіемъ слѣдовалъ за Нимъ, одинъ рабъ богатства и весьма надменный человѣкъ подошелъ къ Нему и сказалъ: *Учителю, иду по Тебѣ, аможе аще идеши* (ст. 19). Видишь ли, какова гордость? Почитая недостойнымъ считать себя между простымъ народомъ, но показывая, что онъ гораздо выше черни, съ такими мыслями приступаетъ къ Іисусу. Таковы уже іудейскіе нравы; они обычно исполнены неблаговременнаго дерзновенія. Точно также впослѣдствіи и нѣкто другой, когда всѣ молчали, самъ приступивши сказалъ: „какая первая заповѣдь" (Матѳ. XXII, 36)? Впрочемъ, Господь не осудилъ его за неумѣстную дерзость, научая насъ тому, что бы мы терпѣли и таковыхъ. Потому-то Онъ не обличаетъ явно тѣхъ, которые имѣли злыя намѣренія, но Свои отвѣты направляетъ противъ ихъ мысли, предоставляя имъ однимъ видѣть обличеніе, и доставляя имъ двоякую пользу: во-первыхъ, тѣмъ, что показывалъ въ Себѣ знаніе сокровеннаго въ совѣсти; во-вторыхъ, тѣмъ, что не смотря на такое сердцевѣдѣніе, попускалъ скрывать свои намѣренія, и давалъ возможность исправиться, если только захотятъ. Такимъ точно образомъ поступилъ Онъ и съ приступившимъ къ Нему теперь. Послѣдній, видя многія знаменія, и то, что многіе ими были привлекаемы къ Іисусу, надѣялся обогатиться отъ таковыхъ чудесъ, почему и поспѣшилъ заявить о своемъ желаніи слѣдовать за Нимъ. Но изъ чего это извѣстно? Изъ отвѣта, который даетъ Христосъ, сообразуясь не съ словами вопроса, но съ мыслію. Что же,—говоритъ ему Христосъ,—ты надѣешься, слѣдуя за Мною, собирать деньги? Не видишь ли, что у Меня нѣтъ жилища даже и такого, какое имѣютъ птицы? *Лиси*, говоритъ Онъ, *язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда: Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонити* (ст. 20). Впрочемъ это сказалъ Онъ не для того, чтобы отдалить его
347 отъ Себя, но чтобы обличить его худое намѣреніе и доставить случай слѣдовать за Собою съ таковою надеждою, если захочетъ.

А чтобы узнать тебѣ его лукавство, смотри, что онъ дѣлаетъ. Услышавъ слова Христовы и будучи обличенъ, онъ не сказалъ: готовъ послѣдовать.

3. Подобнымъ образомъ часто поступалъ Христосъ и въ другихъ случаяхъ. Хотя явно не обличалъ Онъ, но отвѣтомъ показывалъ мысль къ Нему приходившихъ. Такъ и тому, который говорилъ: *Учителю благій* (Матѳ. xix, 16) и этой лестью думалъ расположить Его къ себѣ, Онъ, имѣя въ виду его намѣреніе, отвѣчалъ: *что Мя глаголеши блага? Никтоже благъ, токмо единъ Богъ* (Мѳ. xix, 17). И когда говорили Ему: *се мати Твоя и братія Твоя* ищутъ Тебя (xii, 47) (такъ какъ послѣдніе еще имѣли въ себѣ нѣчто человѣческое, и желали не услышать что-нибудь полезное, но показать, что они близки къ Нему, и тѣмъ потщеславиться), послушай, что говоритъ: *кто есть мати Моя, и кто суть братія Моя* (ст. 48)? И опять самимъ братьямъ Своимъ, которые говорили Ему: *яви Себе мірови* (Іоанн. vii, 4), и желали чрезъ то пріобрѣти себѣ тщетную славу, сказалъ: *время ваше всегда готово, Мое же не у пріиде* (Іоан. vii, 6). То же самое дѣлаетъ и съ противной стороны. Такъ о Наѳанаилѣ говоритъ: *се воистину Израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть* (Іоан. i, 47). И опять: *шедше возвѣстите Іоаннови, яже слышите и видите* (Матѳ. xi, 4). И здѣсь Онъ далъ отвѣтъ не на слова, но на мысль пославшаго. Подобнымъ образомъ, и къ народу говоритъ сообразно съ его внутреннимъ расположеніемъ: *чесо изыдосте въ пустыню видѣти* (Лук. vii, 24)? Такъ какъ народъ, вѣроятно, думалъ объ Іоаннѣ, какъ о простомъ и обыкновенномъ человѣкѣ, то исправляя такое его мнѣніе, говоритъ: *чесо изыдосте въ пустыню видѣти? Трость ли вѣтромъ колеблему? Человѣка ли въ мягки ризы одѣяна* (ст. 25)?—показывая чрезъ то и другое, что онъ и самъ въ себѣ твердъ, и не можетъ быть разслабленъ никакими удовольствіями. Такъ точно и здѣсь Христосъ даетъ отвѣтъ, сообразный съ мыслію говорившаго. Примѣть, какую кротость показываетъ Онъ и въ настоящемъ случаѣ. Онъ не сказалъ: хотя Я имѣю, однако презираю; но сказалъ: не имѣю. Видишь ли, сколь великую Онъ имѣлъ осмотрительность и вмѣстѣ снисходительность? Ѣлъ ли Онъ когда, пилъ ли, или казался дѣлающимъ что-либо несогласно съ Іоанномъ,—Онъ дѣлалъ и это для спасенія іудеевъ, или лучше, для спасенія цѣлой вселенной, и вмѣстѣ заграждая уста еретиковъ, и сильно желалъ привлечь къ Себѣ бывшихъ тогда при Немъ. Другой же нѣкто, продолжаетъ евангелистъ, сказалъ Ему: *Господи, повели ми прежде ити и погребсти отца моего* (Матѳ. viii, 21). Видишь ли различіе? Тотъ безстыдно говоритъ: *иду по Тебѣ, аможе аще идеши;* а этотъ, даже испрашивая позволеніе на благо-

честивое дѣло, говоритъ: *повели ми*. Впрочемъ, Христосъ не позволилъ, а сказалъ: *остави мертвыхъ погребсти своя мертвецы, ты же по мнѣ гряди* (ст. 22). Спаситель вездѣ обращалъ вниманіе на намѣреніе. Но почему, скажетъ кто-либо, не позволилъ? Потому что и безъ него было кому исполнить то дѣло, и умершій не остался бы безъ погребенія; между тѣмъ ученику не должно было удаляться отъ дѣла болѣе необходимаго. Сказавъ же: *мертвецы своя*, показываетъ, что мертвецъ не Его. Умершій, по моему мнѣнію,
348 былъ изъ невѣровавшихъ. Если же ты удивляешься юношѣ въ томъ, что онъ спрашивалъ Іисуса о столь необходимомъ дѣлѣ и не удалился самовольно, то тѣмъ болѣе подивись тому, что онъ остался при Іисусѣ и тогда, когда получилъ запрещеніе. Но скажетъ кто-либо: не быть при погребеніи отца не было ли знакомъ крайней неблагодарности? Если бы онъ сдѣлалъ это по лѣности, то оказалъ бы неблагодарность; но если сдѣлалъ это для того, чтобы не прервать необходимѣйшаго дѣла, то въ такомъ случаѣ удалиться было бы знакомъ величайшаго неразумія. Конечно, Іисусъ запретилъ ему не потому, чтобы повелѣвалъ не воздавать почтенія родителямъ, но съ цѣлію показать, что ничто не должно быть для насъ необходимѣе небеснаго, и что съ великимъ тщаніемъ должно стараться о небесныхъ благахъ и не забывать о нихъ даже на самый краткій срокъ, хотя бы отвлекали отъ того самыя нужныя и неминуемыя дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть необходимѣе погребенія отца и что легче? На это потребно было немного времени. Если же и настолько времени, сколько нужно для погребенія отца, не безопасно оставлять духовные предметы, то представь, чего будемъ достойны мы, которые всегда оставляемъ дѣла христіанскія и самое маловажное предпочитаемъ необходимому, и безъ всякаго побужденія предаемся нерадѣнію. Далѣе, мудрости ученія Спасителева должно удивляться и потому, что Онъ сильно привлекъ къ Себѣ юношу словомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освободилъ его отъ безчисленнаго множества золъ, какъ-то: отъ рыданій, плача и всего отсюда происходящаго. Дѣйствительно, послѣ погребенія нужно было разсматривать завѣщанія, заниматься раздѣломъ наслѣдства и всѣмъ прочимъ, что происходитъ въ такихъ случаяхъ,— и такимъ образомъ, волна за волной, унося его все дальше, весьма далеко увлекли бы отъ пристанища истины. Потому-то Христосъ влечетъ и прикрѣпляетъ его къ Себѣ. Если же ты еще удивляешься и смущаешься тѣмъ, что ему не было дозволено находиться при погребеніи отца, то вообрази, что многіе не даютъ знать малодушнымъ о смерти ихъ ближнихъ и не допускаютъ быть при гробѣ, хотя бы умеръ отецъ, или мать, или сынъ, или

другой кто-либо изъ родственниковъ, и мы за это не обвиняемъ ихъ въ жестокости и безчеловѣчіи—и весьма справедливо. Напротивъ, допускать малодушныхъ предаваться плачу- было бы дѣломъ жестокости.

4. Но если худо плакать и сокрушаться о сродникахъ, то гораздо хуже удаляться отъ духовныхъ наставленій. Вотъ почему Спаситель въ одномъ мѣстѣ и говоритъ: *никтоже, возложь руку свою на рало и обратившись вспять, управленъ есть* въ царствіи небесномъ (Лук. IX, 62). Подлинно, гораздо лучше проповѣдывать царствіе Божіе и другихъ избавлять отъ смерти, нежели погребать ни къ чему не нужнаго умершаго, и особенно тогда, когда есть люди, могущіе исполнить это дѣло. Итакъ, отсюда научаемся мы тому, что не должно терять и малаго времени, хотя бы было безчисленное множество побужденій къ тому, но всему, даже самому необходимому, должно предпочитать духовное, и знать, въ чемъ состоитъ жизнь и въ чемъ смерть. Многіе, вѣдь, изъ тѣхъ, которые, повидимому, живутъ, ничѣмъ не различаются отъ мертвыхъ, когда живутъ во злѣ; вѣрнѣе—они даже хуже мертвецовъ. *Умерый свободися отъ грѣха* (Рим. VI, 7), говоритъ апостолъ. А тотъ, кто живетъ во злѣ, служитъ грѣху. Не говори мнѣ, что онъ не съѣдается червями, не лежитъ во гробѣ, не закрылъ глазъ и не обвитъ пеленами. Онъ большія 349
претерпѣваетъ мученія, нежели умершій, не потому, чтобы черви съѣдали его, но потому, что страсти душевныя терзаютъ его лютѣе звѣрей. А если у него открыты глаза, то и это опять гораздо хуже того, какъ еслибъ они были закрыты. Глаза умершаго ничего не видятъ худого; а этотъ, имѣя открытыя глаза, подвергаетъ себя безчисленнымъ болѣзнямъ. Тотъ лежитъ во гробѣ ничего не чувствуя; а этотъ заключенъ во гробѣ безчисленныхъ болѣзней. Но ты не видишь гніенія его тѣла? Что же? Душа его еще прежде тѣла растлѣла, погибла и подвергается большему гніенію. Тотъ смердитъ десять дней, а этотъ во всю жизнь дышетъ зловоніемъ, имѣя уста хуже всякихъ нечистыхъ мѣстъ,—такъ что они различаются между собою только тѣмъ, что одинъ подвергается только естественному тлѣнію, а другой къ нему присоединяетъ еще гніеніе, происходящее отъ нечестивой жизни, ежедневно вымышляя для себя безчисленныя причины растлѣнія. Но этотъ ѣздитъ на конѣ? Что же? Умершій лежитъ на одрѣ. Но что важнѣе, его никто не видитъ истлѣвающимъ и сгнивающимъ, потому что онъ имѣетъ гробъ своимъ покровомъ; а этотъ смердитъ повсюду, нося мертвую душу въ тѣлѣ, какъ во гробѣ. И если бы можно было увидѣть душу человѣка, живущаго въ роскоши и нечестіи, то ты увидѣлъ бы,

что гораздо лучше лежать связаннымъ во гробѣ, нежели быть окованнымъ цѣпями грѣховными; лучше имѣть на себѣ лежащій камень, нежели тяжкій покровъ безчувственности. Вотъ почему сродникамъ этихъ мертвецовъ, когда они пребываютъ въ такой безчувственности, особенно должно приступать ко Іисусу съ моленіемъ о нихъ, подобно тому, какъ Марія молила о Лазарѣ. Пусть будетъ онъ смердящимъ, пусть четверодневнымъ,—не отчаивайся, но приступи и отвали прежде камень,—и тогда увидишь его лежащимъ какъ бы во гробѣ и обвитымъ пеленами. И, если вамъ угодно, я представлю кого-нибудь изъ великихъ и знатныхъ мужей. Не бойтесь: я представлю примѣръ не указывая на имя;—впрочемъ, если бы я открылъ и имя, то и тогда не надлежало бы бояться. Кто, въ самомъ дѣлѣ, когда-либо боялся мертваго? Что бы онъ ни сталъ дѣлать, всегда остается мертвымъ. Мертвый живому не можетъ сдѣлать никакого оскорбленія. Итакъ, посмотримъ на связанную главу таковыхъ мертвецовъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ они безпрестанно пьяны, то у нихъ, на подобіе того, какъ мертвые связываются многими покровами и пеленами, всѣ чувства заключены и связаны. Если
450 же хочешь посмотрѣть и на руки, то увидишь, что и онѣ, такъ же какъ у мертвыхъ, привязаны къ чреву и обвязаны не пеленами, а что гораздо хуже, узами любостяжанія. Оно не допускаетъ имъ простираться къ милостынѣ или къ другому какому-либо доброму дѣлу, но дѣлаетъ ихъ гораздо безполезнѣе рукъ умершихъ. Хочешь ли видѣть и ноги связанныя? Смотри—онѣ также связаны заботами и оттого никогда не могутъ прибѣгать въ храмъ Божій. Ты видѣлъ мертваго; теперь смотри и на погребающаго. Итакъ, кто же погребаетъ этихъ мертвецовъ? Діаволъ, тщательно связывающій ихъ и не дозволяющій уже человѣку казаться человѣкомъ, но сухимъ деревомъ. Кто не имѣетъ ни глазъ, ни рукъ, ни ногъ, ни другихъ членовъ, тотъ какъ можетъ казаться человѣкомъ? Такимъ образомъ можно видѣть, что и душа ихъ обвита пеленами, и есть скорѣе идолъ, нежели душа. Итакъ, поскольку они пребываютъ въ безчувственности, сдѣлавшись нѣкоторымъ образомъ мертвыми, то мы приступимъ къ Іисусу, будемъ молить Его о ихъ воскресеніи, отвалимъ камень, развяжемъ пелены. Какъ скоро ты отвалишь камень, т. е. отнимешь ту безчувственность, которую они показываютъ во злѣ, то тотчасъ изведешь ихъ изъ гроба, а выведши отсюда, гораздо удобнѣе освободишь ихъ отъ оковъ. Когда ты воскреснешь, тогда познаетъ тебя Христосъ; когда разрѣшишься отъ узъ, тогда Онъ призоветъ тебя и къ Своей вечери. Итакъ вы, други Христовы, ученики Его,—вы, любящіе умершаго, при-

ступите ко Христу и помолитесь! Пусть умершій исполненъ чрезмѣрнаго зловонія; сродники не должны оставлять его и въ этомъ случаѣ, но тѣмъ болѣе приступать къ Богу (чѣмъ болѣе умножается тлѣніе), подобно какъ сдѣлали и сестры Лазаревы; должны до тѣхъ поръ просить, молить и умилостивлять Бога, доколѣ мы не увидимъ его живымъ. Если мы будемъ такъ стараться о себѣ и о ближнихъ, то скоро достигнемъ и будущей жизни, которую всѣ мы да сподобимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVIII.

Влѣзшу же Ему въ корабль, идоша ученицы Его. И се трусъ велій бысть въ мори, якоже кораблю покрыватися волнами. Той же спаше (VIII, 23, 24). 349-350

1. Лука, не входя въ изслѣдованіе порядка временъ, говоритъ такъ: *бысть же во единъ отъ дній, Той влѣзе въ корабль и ученицы Его* (Лук. VIII, 22). Точно такъ же говоритъ и Маркъ. Но Матѳей поступаетъ не такъ: онъ соблюдаетъ здѣсь и самый порядокъ происшествій. Не всѣ евангелисты о всемъ писали одинаково,—о чемъ и прежде говорилъ я, чтобы кто-нибудь изъ опущенія не заключилъ, что между евангелистами есть разногласіе. Итакъ, Христосъ послалъ прежде народъ, а учениковъ взялъ съ Собою, какъ они свидѣтельствуютъ о томъ; взялъ же ихъ не безъ цѣли и не безъ намѣренія, но для того, чтобы сдѣлать ихъ зрителями чуда, имѣющаго совершиться. Онъ, какъ нѣкій наилучшій наставникъ дѣтей, поучалъ ихъ тому, чтобы они съ одной стороны были безстрашны среди бѣдствій, а съ другой—смирялись среди почестей. Чтобы они не превозносились тѣмъ, что Спаситель, отославъ прочихъ, удержалъ ихъ при Себѣ,—для достиженія этой цѣли и вмѣстѣ для пріученія ихъ къ мужественному перенесенію искушеній, попустилъ имъ обуреваться волнами. Хотя, конечно, велики были и прежнія чудеса, но настоящее чудо и заключало въ себѣ немалое назиданіе, и было знаменіемъ, подобнымъ древнему. Потому Спаситель и беретъ съ Собою однихъ только учениковъ. Гдѣ совершались одни только 351
чудеса, тамъ дозволялъ Христосъ быть и народу; но гдѣ предстояли искушенія и ужасы, тамъ Онъ бралъ съ Собою однихъ только подвижниковъ вселенной, которыхъ Онъ хотѣлъ обучить. Далѣе, Матѳей говоритъ просто, что Іисусъ *спалъ*; а Лука говоритъ, что Онъ *спалъ на возглавіи*, показывая чрезъ то Свое

смиреніе, и поучая насъ великой мудрости. Итакъ, когда поднялась буря и море сильно волновалось, ученики будятъ Его, говоря: *Господи, спаси ны, погибаемъ* (ст. 25). Спаситель, прежде, чѣмъ усмирить море, обратился къ нимъ съ обличеніемъ. Буря, какъ сказалъ я, попущена была для наученія учениковъ; это было образомъ имѣющихъ постигнуть ихъ искушеній, такъ какъ и послѣ того Спаситель часто попускалъ имъ впадать въ жесточайшія бѣдствія, и чрезъ то укрѣплялъ духъ ихъ. Потому и Павелъ говорилъ: *не хощу же васъ не вѣдѣти, братіе, яко понеже отяготихомся паче силы, яко не надѣятися намъ и жити* (1 Кор. I, 8). И далѣе опять говоритъ: *иже отъ толикія смерти избавилъ ны есть* (ст. 10). Итакъ, Іисусъ прежде всего укорилъ учениковъ Своихъ, показывая тѣмъ, что надобно быть мужественными и среди сильнѣйшаго обуреванія волнъ, что Онъ все устрояетъ во благое. Такъ и самое смущеніе ихъ принесло имъ пользу, поскольку чудо представилось имъ гораздо важнѣйшимъ, и происшествіе навсегда сохранилось въ ихъ памяти. Когда Богъ имѣетъ намѣреніе совершить что-нибудь чудесное, то сначала предустрояетъ многое для утвержденія его въ памяти людей, чтобы они не забывали совершеннаго Имъ чуда. Такъ и Моисей сначала страшится змія, и страшится не просто, но и съ великимъ смущеніемъ, и потомъ уже видитъ совершающееся чудо; такъ и ученики ожидали сначала себѣ погибели, а потомъ получили спасеніе, чтобы они, чрезъ увѣренность въ опасности, познали величіе чуда. Вотъ почему Спаситель и предается сну. Въ самомъ дѣлѣ, если бы буря случилась во время Его бодрствованія, то они или не устрашились бы, или не стали бы Его просить, а можетъ быть даже не подумали бы, что Онъ можетъ совершить подобнаго рода чудо. Потому-то Онъ и предался сну, чтобы дать имъ время испытать страхъ, и заставить ихъ сильнѣе почувствовать происходящее. Человѣкъ иначе смотритъ на то, что случается съ другими людьми, и что случается съ нимъ самимъ. Такъ какъ ученики видѣли всѣхъ другихъ облагодѣтельствованными, а себя самихъ не получившими никакого благодѣянія, и были беззаботны (они вѣдь ни хромы не были, и никакой другой подобной болѣзни не имѣли), и потому имъ надлежало собственнымъ чувствомъ испытать Его благодѣянія, то Онъ попускаетъ возстать бурѣ, чтобы имъ чрезъ спасеніе отъ нея сильнѣе почувствовать Его благодѣяніе. Вотъ почему Спаситель совершаетъ чудо и не въ присутствіи народа, чтобы не обвинили учениковъ въ маловѣріи; но, взявши ихъ съ Собою однихъ, исправляетъ, и прежде укрощенія волненія водъ, укрощаетъ волненіе душъ ихъ, укоряя ихъ такими словами: *что страшливи*

есте, маловѣри (ст. 25)? и вмѣстѣ научая, что не нашествіе искушеній, но слабость духа производитъ страхъ. А если кто скажетъ, что ученики не по страху и не по маловѣрію приступили ко Іисусу и разбудили Его, то я скажу, что это-то самое особенно и было доказательствомъ ненадлежащаго ихъ о Немъ мнѣнія. Они были увѣрены въ томъ, что Онъ вставши можетъ укротить бурю; но что можетъ сдѣлать это и во время сна—въ этомъ не были увѣрены. И что удивляться несовершенству ихъ въ настоящемъ случаѣ, когда они и послѣ многихъ другихъ чудесъ еще оставались весьма несовершенными? Потому-то Христосъ часто и укоряетъ ихъ; такъ, напримѣръ, когда говоритъ: *еще ли и вы безъ разума есте* (Матѳ. xv, 16)? Итакъ, не удивляйся, 352
если народъ не имѣлъ о Немъ высокаго понятія, когда и сами ученики пребывали несовершенными. *Чудишася*, говоритъ евангелистъ, *глаголюще: кто есть сей человѣкъ, яко и море и вѣтри послушаютъ Его* (ст. 27)? Впрочемъ, Христосъ не обличилъ ихъ въ томъ, что Его называли человѣкомъ; но ждалъ, до времени вразумляя ихъ чудесами, что такое ихъ мнѣніе о Немъ ошибочно. Отчего же почитали Его человѣкомъ? Оттого, что Онъ имѣлъ образъ человѣческій, спалъ и былъ на кораблѣ. Поэтому-то они въ недоумѣніи и говорили: *кто есть Сей?* Тогда какъ сонъ и внѣшній видъ показывали въ Немъ человѣка, — море и тишина являли въ Немъ Бога.

2. Хотя и Моисей сотворилъ нѣкогда подобное же чудо, однако, и здѣсь открывается преимущество Христа, потому что Моисей чудодѣйствовалъ какъ рабъ, а Христосъ—какъ Господь. Христосъ не простиралъ жезла, подобно Моисею, не воздѣвалъ рукъ къ небу, не имѣлъ нужды въ молитвѣ; но, какъ Господь повелѣвающій рабу и Творецъ твари, единымъ словомъ и повелѣніемъ Онъ укротилъ и усмирилъ море, и буря тотчасъ совершенно утихла, такъ что не осталось никакого и слѣда волненія. Евангелистъ изобразилъ это такъ: *и бысть тишина велія.* И что было сказано о величіи Отца Его, то Онъ опять явилъ въ дѣлахъ Своихъ. Что же было сказано объ Отцѣ? *Рече*, говоритъ пророкъ, *и ста духъ буренъ* (Псал. cvi, 25). Такъ и здѣсь говорится: сказалъ—*и бысть тишина велія.* Потому-то особенно и удивлялись Ему люди; между тѣмъ они не удивились бы, когда бы Онъ поступилъ подобно Моисею. Послѣ того, какъ Христосъ удалился отъ моря, послѣдовало другое, страшнѣйшее чудо. Бѣснующіеся, какъ злые бѣглецы, увидѣвъ Господа, говорили: *что намъ и Тебѣ, Іисусе Сыне Божій? Пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ* (стр. 29). Тогда какъ народъ почиталъ Его человѣкомъ, бѣсы пришли исповѣдать божество Его, и тѣ, которые оставались

глухими при возмущеніи и укрощеніи моря, услышали демоновъ, взывавшихъ о томъ, о чемъ возвѣщало море своею тишиною. Потомъ, чтобы слова ихъ не показались лестію, они самымъ опытомъ доказываютъ ихъ истину: *пришелъ еси сѣмо*, вопіяли они, *прежде времени мучити насъ*. Потому-то прежде всего они и сознаются въ своей враждѣ, чтобы ихъ прошеніе не подверглось подозрѣнію. Дѣйствительно, будучи пронзаемы, воспламеняемы и претерпѣвая нестерпимыя мученія отъ одного только присутствія Христова, они невидимо подвергались истязаніямъ и обуревались сильнѣе моря. Тогда какъ никто не осмѣлился приблизиться къ нимъ, Христосъ самъ подходитъ къ нимъ. По свидѣтельству Матѳея, они сказали: *пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ*. Другіе же къ этому присовокупили и то, что бѣсы умоляли Его и заклинали не ввергать ихъ въ бездну. Они думали, что уже настало время ихъ наказанія, и боялись, какъ бы уже имѣющіе подвергнуться мученію. То, что Лука упоминаетъ объ одномъ бѣснующемся, тогда какъ Матѳей говоритъ о двухъ, не показываетъ между ними разногласія. Разногласіе между ними оказывалось бы только тогда, когда бы Лука сказалъ, что одинъ только былъ бѣснующійся, а другого не было. Когда же одинъ говоритъ объ одномъ, а другой о двухъ, то это не есть признакъ противорѣчія, а показываетъ только различный образъ повѣствованія. И мнѣ кажется, что Лука упомянулъ о томъ только, который былъ лютѣйшимъ изъ нихъ, почему и бѣдствіе его представляетъ болѣе плачевнымъ, говоря, напр., что
353 онъ, расторгая узы и оковы, блуждалъ по пустынѣ; а Маркъ свидѣтельствуетъ, что онъ еще бился о камни. Да и самыя слова ихъ достаточнымъ образомъ обнаруживаютъ ихъ лютость и безстыдство, потому что они говорили: *пришелъ еси сѣмо прежде времене мучити насъ*. Они не могли сказать, что не согрѣшили; но просятъ Его не подвергать ихъ наказанію прежде времени. Такъ какъ Спаситель нашелъ ихъ дѣлающими нестерпимыя лютости и злодѣянія, и всякимъ образомъ обезображивающими и мучащими Его твореніе, то бѣсы и думали, что Онъ, по причинѣ чрезмѣрныхъ ихъ злодѣяній, не будетъ отлагать времени наказанія. Потому-то они просили и умоляли Его. Такимъ образомъ тѣ, которыхъ не могли удержать и узы желѣзные, приходятъ связанные; тѣ, которые бѣгали по горамъ, выходятъ на поле; тѣ, которые другимъ преграждали путь, останавливаются, увидя преграждающаго имъ самимъ путь. Но почему они любили жить въ гробахъ? Потому, что имъ хотѣлось во многихъ посѣять пагубное ученіе, то есть, что души умершихъ превращаются въ бѣсовъ, чего никогда не должно даже и въ умѣ представлять.

Что же ты скажешь на то,—спросить кто-нибудь,—что многіе изъ чародѣевъ закалаютъ дѣтей съ тою цѣлію, чтобы ихъ души послѣ того имъ содѣйствовали? А откуда это извѣстно? Что закалаютъ дѣтей, о томъ говорятъ многіе. Но что души закланныхъ находятся съ заклавшими ихъ, скажи мнѣ, откуда ты узналъ объ этомъ? Ты скажешь, что сами бѣсноватые взываютъ: я душа такого-то человѣка! Но и это—хитрость и обманъ діавола. Не душа какого-нибудь умершаго вопіетъ, а притворяющійся такъ демонъ, для обольщенія слушателей. Если бы душа могла войти въ существо діавольское, то тѣмъ болѣе она могла бы войти въ свое тѣло. Притомъ нельзя представить, чтобы душа обиженная стала содѣйствовать обидѣвшему ее, или чтобы человѣкъ въ состояніи былъ измѣнить свою безтѣлесную природу въ другое существо. Если невозможно это въ отношеніи къ тѣламъ, такъ какъ никто не можетъ превратить тѣла человѣческаго въ тѣло ослиное, то тѣмъ болѣе невозможно это въ отношеніи къ невидимой душѣ, которую никто не можетъ превратить въ существо демонское.

3. Итакъ, это — бредни пьяныхъ старухъ и дѣтскія пугалы. Душѣ, отдѣлившейся отъ тѣла, уже невозможно блуждать здѣсь, потому что *праведныхъ души въ руцѣ Божіей* (Премудр. Сол. III, 1). Если же души праведныхъ въ рукѣ Божіей, то и души дѣтей, такъ какъ онѣ не сдѣлались еще злыми. Да и души грѣшниковъ тотчасъ удаляются отсюда. Это видно изъ притчи о Лазарѣ и богачѣ. И въ другомъ мѣстѣ Христосъ говоритъ: *сегодня душу твою истяжутъ отъ тебе* (Лук. XII, 20). Да и быть не можетъ, чтобы душа, исшедшая изъ тѣла, блуждала здѣсь. И это вполнѣ сообразно съ разумомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы, ходя по землѣ знакомой и извѣстной намъ, и будучи облечены тѣломъ, когда совершаемъ путь въ странахъ чужихъ, не знаемъ безъ руководителя, какою надобно идти дорогою, то какимъ образомъ душа, отдѣлившаяся отъ тѣла и отрѣшившаяся отъ всѣхъ земныхъ связей, можетъ знать безъ путеводителя, куда ей должно идти? Также и изъ многихъ другихъ доказательствъ всякій можетъ легко увидѣть, что душа, исшедшая изъ тѣла, не можетъ уже здѣсь оставаться. Такъ Стефанъ сказалъ: *пріими духъ мой* (Дѣян. VII, 59); и Павелъ говоритъ: *разрѣшитися и со Христомъ быти, много паче лучше* (Филипп. I, 23). Также о патріархѣ Писаніе говоритъ: *и приложися ко отцемъ своимъ, воспитанъ бывъ въ старости добрѣ* (Быт. 354
XXV, 8). А что и души грѣшниковъ по смерти не могутъ здѣсь пребывать, послушай богача, который много о томъ просилъ, и не получилъ желаемаго. Если бы это возможно было, то онъ самъ пришелъ бы и возвѣстилъ о происходящемъ тамъ. Отсюда видно, что души, по отшествіи отсюда, уводятся въ нѣкую страну

и, уже не имѣя возможности возвратиться оттуда, ожидають страшнаго того дня.

Но, можеть быть, кто спроситъ: для чего Христосъ исполнилъ просьбу демоновъ, позволивъ имъ войти въ стадо свиное? Я скажу на это то, что Онъ сдѣлалъ такъ не потому, чтобы убѣжденъ былъ ими, но по многимъ премудрымъ цѣлямъ. Во-первыхъ, для того, чтобы освободившимся отъ этихъ злыхъ мучителей показать величіе вреда, причиняемаго имъ этими злоумышленниками; во-вторыхъ, для того, чтобы всѣхъ вразумить въ томъ, что бѣсы безъ Его позволенія не смѣютъ даже прикасаться и къ свиньямъ; въ-третьихъ, для того, чтобы дать знать, что съ людьми бѣсы поступили бы даже еще хуже, нежели съ свиньями, если бы тѣ въ такомъ несчастіи не удостоивались великаго промышленія Божія. Что бѣсы ненавидятъ насъ болѣе, нежели безсловесныхъ животныхъ, это всякому извѣстно. Слѣдовательно, если они не пощадили свиней, но въ одно мгновеніе всѣхъ ихъ низвергли въ бездну, то тѣмъ болѣе сдѣлали бы это съ одержимыми ими людьми, которыхъ они таскали и влачили по пустынямъ, если бы провидѣніе Божіе, и при самомъ жестокомъ мученіи, не обуздывало и не удерживало дальнѣйшаго ихъ стремленія. Отсюда ясно, что нѣтъ ни одного человѣка, о которомъ бы не промышлялъ Богъ. Если же Онъ и не о всѣхъ печется одинаковымъ образомъ, то и это есть величайшій знакъ Его промысла. Богъ являетъ промыслъ Свой сообразно съ пользою каждаго. Сверхъ же сказаннаго, мы научаемся отсюда еще и тому, что Богъ промышляетъ не только о всѣхъ вообще, но и о каждомъ человѣкѣ въ частности, — что показалъ Господь и въ отношеніи къ ученикамъ Своимъ, сказавъ: *вамъ же и власи главніи изочтени суть* (Мате. х, 30). Тоже самое всякій ясно можетъ видѣть и изъ примѣра этихъ бѣсноватыхъ, которые давно были бы уже задушены, если бы не были свыше сохраняемы великимъ попеченіемъ. По этимъ-то причинамъ Спаситель и позволилъ бѣсамъ войти въ стадо свиное, чтобы и жители тѣхъ странъ познали Его всемогущество. Гдѣ извѣстно было имя Его, тамъ Онъ не очень много показывалъ Себя; но гдѣ никто не зналъ Его и всѣ пребывали въ безчувствіи, тамъ Онъ совершалъ славныя чудеса, чтобы привлечь ихъ къ познанію Своего божества. А что жители того города находились въ безчувствіи, это видно изъ конца происшествія. Имъ надлежало бы поклониться Христу и удивиться Его могуществу; а они отсылали Его и *молиша* отойти *отъ предѣлъ ихъ* (ст. 34). Но для чего демоны погубили свиней? Бѣсы постоянно стараются привесть людей въ отчаяніе, и всегда радуются ихъ гибели. Такъ діаволъ поступилъ и съ Іовомъ. Хотя

и здѣсь позволилъ Богъ, но позволилъ не потому, что былъ убѣжденъ діаволомъ, а для того, чтобы еще болѣе прославить раба Своего, отнять у діавола всякій предлогъ къ безстыдству, и обратить на его же главу его поступки съ праведникомъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ случилось противное ихъ желанію. И могущество Христа торжественно проповѣдано было, и злоба де- 355
моновъ, отъ которой освободилъ Онъ одержимыхъ ими, яснѣе обнаружилась, и открылось то, что они безъ попущенія Бога всяческихъ не могутъ прикасаться даже и къ свиньямъ.

4. Никому нимало не возбраняется разумѣть эту исторію въ таинственномъ смыслѣ. Хотя это и исторія, но слѣдуетъ знать, что люди, уподобляющіеся свиньямъ, легко уловляются дѣйствіемъ бѣсовъ, и страждущіе отъ нихъ часто могутъ побѣждать ихъ, если только они люди. Но когда совершенно уподобятся свиньямъ, тогда не только бываютъ одержимы бѣсами, но и низвергаются въ бездну. Сверхъ того, чтобы кто-нибудь происшествія этого не назвалъ баснею, но чтобы совершенно повѣрилъ исшествію бѣсовъ, для этого оно доказывается погибелью свиней. Замѣть кротость Іисуса Христа, соединенную съ могуществомъ! Когда жители той страны, столь облагодѣтельствованные Имъ, принуждали Его удалиться, то Онъ безъ сопротивленія удалился и оставилъ показавшихъ себя недостойными Его ученія, давъ имъ наставниками освобожденныхъ отъ демоновъ и — пасшихъ свиней, чтобы узнали отъ нихъ о всемъ случившемся, а самъ, удалившись, оставилъ ихъ въ великомъ страхѣ. Дѣйствительно, великая потеря распространяла слухъ о случившемся, и событіе это занимало ихъ умъ. Отовсюду неслись слухи о необыкновенномъ чудѣ и отъ исцѣлившихся, и отъ хозяевъ потопленныхъ свиней, и отъ пастуховъ ихъ. И нынѣ можно видѣть такія происшествія, и множество бѣсноватыхъ, живущихъ во гробахъ, которыхъ ничто не удерживаетъ отъ неистовства: ни желѣза, ни оковы, ни множество народа, ни увѣщаніе, ни убѣжденіе, ни страхъ, ни угрозы и ничто другое подобное. Такъ, когда сладострастный плѣняется всякою красотою тѣлесною, тогда онъ ничѣмъ не различается отъ бѣснующагося. Будучи облеченъ одеждою, но не имѣя истиннаго одѣянія и лишенный приличной ему славы, онъ всюду бѣгаетъ обнаженнымъ, подобно бѣсноватому, поражая себя не камнями, но беззаконіями, которыя гораздо тяжелѣе многихъ камней. Итакъ, кто сможетъ связать и укротить столь безстыднаго и неистоваго, никогда не бывающаго въ самомъ себѣ, но всегда ходящаго при гробахъ. Подлинно таковы жилища блудниковъ, исполненныя великаго зловонія и гнилости. А что сказать о сребролюбцѣ? Не таковъ ли и онъ? Кто можетъ когда-либо свя-

зать его? Каждодневные страхи, угрозы, увѣщанія и совѣты? Но онъ всѣ эти узы расторгаетъ, и если кто придетъ освободить его отъ узъ, заклинаетъ не освобождать его, почитая величайшимъ для себя мученіемъ не быть въ мученіи. Что можетъ быть бѣдственнѣе этого? Бѣсъ, хотя презиралъ людей, но повелѣнію Христову покорился, и немедленно вышелъ изъ тѣла. А этотъ не повинуется и повелѣнію Христову, хотя Онъ каждодневно слышитъ Его слова: *не можете Богу работати и мамонѣ* (Матѳ. vi, 24), и угрозы геенною и нестерпимыми мученіями, и все-таки не повинуется—не потому, что онъ могущественнѣе Христа, но
356 потому, что Христосъ противъ нашей воли не ведетъ насъ къ исправленію. Вотъ потому такіе люди, и живя въ городахъ, живутъ какъ бы въ пустыняхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой благоразумный человѣкъ захочетъ обращаться съ такими людьми? Я, по крайней мѣрѣ, желалъ бы лучше жить со множествомъ бѣснующихся, нежели съ однимъ изъ страждущихъ такою болѣзнію. А что я не заблуждаюсь, это видно изъ тѣхъ страданій, какія претерпѣваютъ сребролюбцы и бѣснующіеся. Сребролюбцы считаютъ врагомъ своимъ человѣка, не причинившаго имъ никакого вреда, желаютъ сдѣлать рабомъ свободнаго и ввергаютъ его въ безчисленныя бѣдствія; напротивъ, бѣснующіеся ничего другого не дѣлаютъ, какъ только въ самихъ себѣ питаютъ болѣзнь. Первые ниспровергаютъ множество домовъ, заставляютъ хулить имя Божіе, являются заразой городовъ и всей вселенной; а мучимые бѣсами болѣе достойны сожалѣнія и слезъ. Эти послѣдніе многое дѣлаютъ въ безчувствіи; напротивъ первые, имѣя умъ, безумствуютъ, среди городовъ неистовствуютъ и бѣснуются нѣкоторымъ новымъ бѣшенствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ бѣснующіеся дѣлаютъ ли что-либо подобное тому, на что дерзнулъ Іуда, совершившій неслыханное преступленіе? И всѣ ему подражающіе, подобно дикимъ звѣрямъ, убѣжавшимъ изъ ограды, возмущаютъ города, никѣмъ не будучи удерживаемы. Хотя они отвсюду обложены узами, какъ то: страхомъ судей, угрозою законовъ, презрѣніемъ отъ людей и многимъ еще другимъ,—но они, разрывая ихъ, все низвращаютъ. И если бы кто совершенно отнялъ отъ нихъ тѣ узы, тогда ясно увидѣлъ бы въ нихъ бѣса гораздо лютѣйшаго и жесточайшаго, нежели каковъ исшедшій изъ упомянутаго нынѣ бѣсноватаго.

5. Но такъ какъ это невозможно, то по крайней мѣрѣ предположимъ это на словахъ, и снимемъ съ сребролюбца тѣ оковы, и тогда ясно познаемъ его крайнее неистовство. Впрочемъ, не бойтесь звѣря, когда я открою его,—это только изображеніе на словахъ, а не истинная дѣйствительность. Итакъ, представимъ

себѣ человѣка, извергающаго изъ очей своихъ огонь, чернаго, вмѣсто рукъ имѣющаго на обоихъ плечахъ своихъ висящихъ драконовъ; представимъ у него такія уста, въ которыхъ вмѣсто зубовъ вонзены острые мечи, а вмѣсто языка находится источникъ, изливающій ядъ и испускающій смертоносное питіе; представимъ, что чрево его пожираетъ болѣе всякой печи, истребляетъ все ввергаемое, а ноги какъ бы крылатыя и быстрѣе всякаго пламени. Пусть лице его будетъ составлено изъ собачьяго и волчьяго; пусть онъ не будетъ произносить ничего человѣческаго, но будетъ издавать изъ себя звуки нестройные, отвратительные и страшные; пусть также и въ рукахъ у него будетъ пламень. Можетъ быть, вамъ представляется страшнымъ сказанное мною; но я еще не изобразилъ его надлежащимъ образомъ. Къ сказанному надобно присовокупить и еще нѣчто: пусть онъ поражаетъ встрѣчающихся съ нимъ, пожираетъ и терзаетъ плоть ихъ. Но сребролюбецъ гораздо хуже и такого чудовища. Онъ нападаетъ на всѣхъ, все поглощаетъ подобно аду, всюду ходитъ, какъ общій врагъ рода человѣческаго. Ему хочется, чтобы не было ни одного человѣка, чтобы ему одному обладать всѣмъ. Мало того, онъ и на этомъ не останавливается. Но когда всѣхъ истребитъ, по своему желанію, тогда желаетъ истребить самое существо земли, и увидѣть на мѣстѣ ея золото; и не землю только, но и горы, и лѣса, и источники, словомъ все видимое. А чтобы вамъ знать, что мы еще не вполнѣ изобразили его неистовство,—представьте, что никто не будетъ обвинять и устрашать его, уничтожьте, по крайней мѣрѣ на словахъ, страхъ со стороны законовъ, — и вы увидите, какъ онъ, схвативъ мечъ, истребляетъ всѣхъ, не щадя никого, ни друга, ни родственника, ни брата, ни самого родителя. Вѣрнѣе же, не нужно дѣлать никакого и предположенія, а спросимъ его самого: не строитъ ли онъ всегда таковыя мечты въ своемъ воображеніи, и не нападаетъ ли на всѣхъ, умерщвляя мысленно и друзей, и родственниковъ, и самихъ родителей? Но даже нѣтъ нужды и спрашивать его; всѣмъ извѣстно, что одержимые недугомъ корыстолюбія тяготятся старостью отца, а пріятное и вожделѣнное для всѣхъ чадородіе почитаютъ тяжкимъ и несноснымъ. Многіе изъ-за этого находятъ удовольствіе въ безчадіи, дѣлаютъ естество свое безплоднымъ, не только умерщвляя родившихся дѣтей, но и не давая имъ зародиться. Итакъ, не удивляйтесь, если я такъ изобразилъ вамъ сребролюбца (онъ гораздо даже хуже, нежели мы его представили), но посмотримъ, какъ намъ освободить его отъ бѣса. Какъ же мы освободимъ его? Если онъ ясно узнаетъ, что сребролюбіе вредно ему и для самаго стяжанія богатства. Въ самомъ дѣлѣ, желающіе прі-

обрѣсть малозначущее всегда претерпѣваютъ великій ущербъ,— почему объ этомъ даже сложилась и пословица. Такъ многіе, желая давать взаймы съ большими процентами, въ надеждѣ получить отъ того прибытокъ, но не испытавши тѣхъ, которые берутъ взаймы, нерѣдко вмѣстѣ съ прибытками лишались и всего собственнаго достоянія. Другіе, подвергшись какимъ-либо опас-
358 ностямъ и не захотѣвши лишиться малаго, погубили съ имуществомъ и самую душу; а иные, тогда какъ могли пріобрѣсть за деньги выгодныя достоинства, или что-нибудь другое тому подобное, по чрезмѣрной скупости своей всего лишились. Такъ какъ они сѣять не умѣютъ, а всегда заботятся только о собираніи плодовъ, то часто и не получаютъ ихъ. Невозможно вѣдь всегда собирать плоды; такъ точно невозможно постоянно и пріобрѣтать сокровища. Вотъ почему корыстолюбцы, не желая расточать, не умѣютъ и пріобрѣтать. Когда имъ нужно бываетъ и жениться, то и тогда встрѣчаютъ тѣ же самыя невыгоды, потому что они или обманываются, когда берутъ за себя бѣдную вмѣсто богатой, или, если берутъ и богатую, но съ безчисленными недостатками, и опять терпятъ величайшій вредъ. Подлинно, не изобиліе имущества, но добродѣтель производитъ богатство. Что пользы въ богатствѣ, когда жена расточительница и мотовка и все имущество уноситъ быстрѣе вѣтра? Что пользы, когда она будетъ распутна и заведетъ себѣ безчисленное множество любовниковъ? Что пользы, когда будетъ предаваться пьянству? Не сдѣлаетъ ли она вскорѣ же мужа своего бѣднѣйшимъ изъ всѣхъ? Но не при женитьбѣ только обманываются сребролюбцы, а и при покупкѣ рабовъ, когда они, по великой скупости, стараются купить не трудолюбивыхъ, но дешевыхъ. Итакъ, представивши все это въ умѣ своемъ (вѣдь не можете еще слушать словъ о гееннѣ и царствіи), и размысливши о тѣхъ неудачахъ, какія вы, по своему корыстолюбію, часто претерпѣваете и при отдачѣ денегъ въ ростъ, и при покупкѣ, и при женитьбѣ, и въ начальственныхъ отношеніяхъ, и во всемъ прочемъ, — оставьте пристрастіе къ богатству. Тогда вы безопасно будете проводить и настоящую жизнь, и, нѣсколько преуспѣвши, будете въ состояніи слушать ученіе мудрости, и, нѣсколько прояснивши взоръ, узрите самое Солнце правды, и получите блага, обѣщанныя Господомъ, которыхъ всѣ мы да сподобимся быть причастниками благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIX.

И влѣзъ въ корабль, прейде, и пріиде во Свой градъ. И се принесоша Ему разслаблена на одрѣ лежаща; и видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному: дерзай, чадо, отпущаются грѣси твои (Матѳ. IX, 1, 2).

1. Собственнымъ городомъ Іисуса евангелистъ называетъ 357-358
здѣсь Капернаумъ. Городъ, въ которомъ Христосъ родился — Виѳлеемъ; въ которомъ воспитанъ — Назаретъ; а въ которомъ имѣлъ постоянное пребываніе—Капернаумъ. Разслабленный, о которомъ здѣсь говорится, не тожественъ съ упоминаемымъ у Іоанна. Тотъ лежалъ при купѣли, а этотъ въ Капернаумѣ. Тотъ страдалъ тридцать восемь лѣтъ, а объ этомъ ничего подобнаго не сказано. О томъ никто не заботился, а у этого были люди, заботившіеся о немъ, которые и принесли его ко Христу. Этому Спаситель сказалъ: *чадо, отпущаются грѣси твои*, а тому: *хощеши ли цѣлъ быти* (Іоан. v, 6)? Того исцѣлилъ въ субботу, а этого не въ субботу; иначе іудеи не опустили бы случая обвинить Его. При исцѣленіи этого, они ничего не говорили, а за исцѣленіе перваго не переставали гнать Его. На эти различія я указалъ не напрасно, но для того, чтобы кто-либо, принявъ обоихъ разслабленныхъ за одно лице, не подумалъ, что евангелисты разногласятъ между собою. Но обрати вниманіе на смиреніе и кротость Господа. Онъ и прежде отдалялъ отъ Себя народъ, и когда жители страны Гадаринской не хотѣли принять Его къ себѣ, Онъ не воспротивился имъ, но удалился отъ нихъ, хотя и не далеко. И взошедъ опять на корабль, переправился на другую сторону, тогда какъ могъ сдѣлать это и безъ помощи корабля. Онъ не всегда хотѣлъ творить чудеса, чтобы не нарушить порядка Своего домостроительства. Матѳей говоритъ только, что разслабленнаго принесли; а другіе евангелисты прибавляютъ, что принесшіе раскрыли и кровлю и, спустивъ больного, поставили его предъ Христомъ, не говоря ничего, а все оставляя на волю Спасителя. Прежде Господь Самъ обходилъ страны, и не требовалъ такой вѣры отъ приходящихъ къ Нему; а теперь къ Нему и пришли, и обнаружили предъ Нимъ вѣру свою,—евангелистъ именно говоритъ: *видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ*, то есть, тѣхъ, которые спустили разслабленнаго. Спаситель не всегда требовалъ вѣры отъ самихъ страждущихъ, напримѣръ, когда они страдали сумашествіемъ или лишились ума по причинѣ какой-нибудь другой болѣзни. Но здѣсь и больной обнаружилъ свою вѣру. Иначе, не имѣя вѣры, онъ не позволилъ бы и спустить себя.

Итакъ, поскольку и разслабленный и принесшіе его показали великую вѣру, то и Господь явилъ Свою силу, отпустилъ грѣхи больному, какъ имѣющій на то полную власть. Онъ во всемъ показывалъ Свое одинаковое достоинство съ Богомъ Отцемъ. Прежде Онъ показалъ
359 это въ Своемъ ученіи, когда училъ народъ, какъ имѣющій власть; надъ прокаженнымъ, когда сказалъ ему: *хощу, очистися* (Матѳ. VIII, 3); надъ сотникомъ, когда за слова его: *рци слово токмо, и исцѣлѣетъ отрокъ мой* (тамъ же ст. 8), удивился ему и превознесъ его предъ всѣми; надъ моремъ, когда укротилъ его однимъ словомъ; надъ демонами, когда они исповѣдали Его Судіею, и когда Онъ съ великою властію изгналъ ихъ. А теперь опять инымъ, высшимъ образомъ принуждаетъ враговъ Своихъ признать Свое равночестіе съ Богомъ Отцемъ, и возвѣщаетъ это ихъ устами. Спаситель былъ чуждъ любочестія, не смотря на то, что предъ Нимъ предстояло великое множество народа, который заграждалъ даже входъ къ Нему, почему и разслабленнаго спустили сверху; Онъ не тотчасъ приступаетъ къ исцѣленію тѣла явившагося предъ Нимъ больного, но отъ самихъ враговъ ожидаетъ къ тому повода, и сперва врачуетъ невидимое, т. е. душу, отпустивъ грѣхи,— что самое доставило разслабленному исцѣленіе, а Исцѣлившему не принесло большой славы. Книжники, снѣдаемые злобою, и думая обвинить Его въ богохульствѣ, противъ своей воли способствовали однако прославленію совершившагося чуда. Спаситель по Своей прозорливости воспользовался ихъ хулою для показанія знаменія. Когда они возмущались и говорили: *сей хулитъ: кто можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ* (ст. 3, Марк. II, 7),— что тогда Господь сказалъ имъ въ отвѣтъ? Опровергъ ли ихъ мнѣніе? Если бы Онъ не былъ равенъ Отцу, то Ему надлежало бы сказать: для чего вы составляете обо Мнѣ неправильное мнѣніе? Я не имѣю такого могущества. Но Онъ не сказалъ ничего подобнаго, а подтвердилъ и доказалъ совершенно противное, какъ словами Своими, такъ и сотвореннымъ чудомъ. Но такъ какъ собственный отзывъ Его о Себѣ могъ казаться непріятнымъ для слушателей, то Онъ чрезъ другихъ показываетъ, кто Онъ, и, что удивительно, не только чрезъ друзей, но и чрезъ враговъ, въ чемъ открывается Его высочайшая мудрость. Чрезъ друзей Господь показалъ это, когда сказалъ прокаженному: *хощу, очистися*, и сотнику: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ* (Матѳ. VIII, 3, 10); а чрезъ враговъ — при настоящемъ случаѣ. Такъ какъ книжники говорили, что никто не можетъ оставлять грѣховъ, кромѣ одного только Бога, то Спаситель, желая показать имъ, *яко власть иматъ Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи (тогда глагола разслабленному):* возставъ, *возми одръ*

твой, и иди въ домъ твой (Матѳ. IX, 6). И не только здѣсь, но и въ другомъ случаѣ, когда іудеи говорили: *о добрѣ дѣлѣ каменіе не мещемъ на тя, но о хулѣ, и яко ты, человѣкъ сый, твориши себе Бога* (Іоан. X, 33), Спаситель не опровергъ такого ихъ мнѣнія о Немъ, но опять подтвердилъ его, сказавъ: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте* (Іоан. X, 37, 38).

2. Впрочемъ, при исцѣленіи разслабленнаго Іисусъ Христосъ представляетъ и другое немаловажное доказательство Своей божественности и равночестія съ Богомъ Отцемъ. Книжники говорили, что власть отпускать грѣхи принадлежитъ одному Богу, а Онъ не только отпускаетъ грѣхи, но еще прежде обнаруживаетъ въ Себѣ другое свойство, приличное единому Богу, именно—открываетъ тайны сердечныя. Книжники не обнаружили предъ всѣми своихъ мыслей: *се*, говоритъ евангелистъ, *нѣцыи отъ книжникъ рѣша въ себѣ: сей хулитъ. И видѣвъ Іисусъ помышленія ихъ, рече: вскую вы мыслите лукавая въ сердцахъ своихъ* (ст. 3, 4)? А что вѣдѣніе таинъ сердечныхъ принадлежитъ единому Богу, 360
объ этомъ, — послушай, — что говоритъ Соломонъ: *ты вѣси сердца единъ* (2 Пар. VI, 30), равно какъ Давидъ: *испытаяй сердца и утробы Богъ* (Псал. VII, 10), и Іеремія: *глубоко сердце паче всѣхъ, и человѣкъ есть, и кто познаетъ его* (Іерем. XVII, 9)? И самъ Богъ говоритъ: *человѣкъ зритъ на лице, Богъ же на сердце* (1 Цар. XVI, 7). И изъ другихъ мѣстъ Писанія можно видѣть, что одному Богу свойственно знать тайны сердца. Итакъ, желая показать, что Онъ есть Богъ, равный Богу Отцу,—то, о чемъ книжники помышляли въ себѣ (а они, опасаясь народа, не смѣли обнаружить своихъ мыслей предъ всѣми), Онъ открылъ и обнаружилъ, являя и здѣсь великую кротость. *Вскую*, говоритъ Онъ, *вы мыслите лукавая въ сердцахъ своихъ?* Если кто могъ негодовать, то развѣ одинъ больной, какъ обманувшійся въ своей надеждѣ. Онъ могъ сказать: я пришелъ для того, чтобы Ты исцѣлилъ меня отъ разслабленія, а Ты врачуешь другое; чѣмъ я могу увѣриться въ томъ, что мнѣ отпускаются грѣхи? Но онъ ничего подобнаго не говоритъ, но предаетъ себя во власть Исцѣляющаго. Между тѣмъ книжники по своей гордости и зависти порицаютъ самыя благодѣянія Его, оказанныя другимъ. Потому-то Спаситель и обличаетъ ихъ, впрочемъ съ кротостію. Если вы не вѣрите первому доказательству Моей божественности, и почитаете слова Мои тщеславіемъ, то вотъ Я присовокупляю къ нему и другое: открываю ваши тайны. Вслѣдъ затѣмъ Онъ представляетъ еще новое доказательство. Какое же это? Онъ укрѣпилъ тѣло разслабленнаго. Когда Онъ говорилъ разслабленному, то не ясно обнару-

жилъ власть Свою, такъ какъ не сказалъ: Я отпускаю тебѣ грѣхи, но — *отпущаются грѣси твои;* а когда нужно было увѣрить въ этомъ враговъ, яснѣе показываетъ власть Свою, говоря: *но да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи.* Видишь ли, какъ Онъ желалъ, чтобы Его почитали равнымъ Богу Отцу? Онъ не сказалъ, что Сынъ человѣческій имѣетъ нужду въ помощи другого, или что Онъ получилъ власть отъ другого, но говоритъ: *власть имать.* И говоритъ это не по честолюбію, но для того, чтобы убѣдить враговъ въ томъ, что Онъ не богохульствуетъ, дѣлая Себя равнымъ Богу Отцу. Господь вездѣ желаетъ представлять ясныя и неопровержимыя доказательства; такъ, напримѣръ, очистившемуся отъ проказы говоритъ: *шедъ, покажися іереови* (Матѳ. VIII, 4). Тещѣ Петровой даруетъ силы служить Ему, и свиньямъ попускаетъ низринуться въ море. Такъ точно и здѣсь, въ доказательство отпущенія грѣховъ разслабленному, укрѣпляетъ его тѣло, а въ доказательство укрѣпленія тѣла заставляетъ его нести одръ, чтобы сотвореннаго Имъ чуда не почли за обманъ. И не прежде исцѣляетъ разслабленнаго, какъ предложивъ книжникамъ вопросъ: *что есть удобнѣе рещи: отпущаются твои грѣси, или рещи*: возьми одръ твой, и иди въ домъ твой (ст. 5)? Эти слова имѣютъ такой смыслъ: что вамъ кажется легче, тѣло ли исцѣлить отъ разслабленія, или душу освободить отъ грѣховъ? Очевидно, что исцѣлить тѣло. Насколько душа превосходнѣе тѣла, настолько и отпущеніе грѣховъ—дѣло большее, чѣмъ исцѣленіе тѣла. Но такъ какъ исцѣленія души нельзя видѣть, а исцѣленіе тѣла очевидно, то Я присоединяю къ первому и послѣднее, которое хотя ниже, но очевиднѣе, чтобы посредствомъ его увѣрить въ высшемъ—невидимомъ. Такимъ образомъ Спаситель еще прежде самыми дѣлами показалъ на Себѣ то, что послѣ сказалъ о Немъ Іоаннъ: *яко Той вземлетъ грѣхи міра* (Іоан. I, 19).

3. Итакъ, возставивъ разслабленнаго, Господь посылаетъ его въ домъ. Здѣсь Онъ опять показываетъ Свое смиреніе и снова подтверждаетъ, что сотворенное Имъ чудо не есть мечта: тѣхъ, которые были свидѣтелями болѣзни разслабленнаго, дѣ-
361 лаетъ свидѣтелями и его здравія. Какъ бы такъ говорилъ Онъ: Я желалъ бы чрезъ твою болѣзнь исцѣлить и тѣхъ, которые почитаютъ себя здоровыми, а на самомъ дѣлѣ больны душею; но посклику они не хотятъ того, то *иди въ домъ твой*, и исправляй тѣхъ, которые тамъ находятся. Видишь ли, какъ Господь показываетъ, что Онъ есть Творецъ души и тѣла? Онъ исцѣляетъ больного отъ разслабленія и духовнаго и тѣлеснаго, и невидимое открываетъ посредствомъ видимаго. И однако свидѣтели все еще

пресмыкаются долу. *Видѣвше же народи*, говоритъ евангелистъ, *чудишася и прославиша Бога, давшаго власть таковую человѣкомъ* (ст. 6). Плоть препятствовала имъ вознестись горѣ. Между тѣмъ Спаситель не укоряетъ ихъ, но продолжаетъ дѣлами Своими возбуждать ихъ отъ усыпленія, и возноситъ умъ ихъ на высоту. И то уже не маловажно было, что они поставляли Его выше всѣхъ людей, и почитали пришедшимъ отъ Бога. Если бы эта мысль какъ слѣдуетъ утвердилась въ ихъ умѣ, то мало-по-малу наконецъ они узнали бы и то, что Христосъ есть Сынъ Божій. Но они не познали этого ясно, почему не могли и придти къ Нему. Впослѣдствіи они опять говорили: *сей человѣкъ нѣсть отъ Бога* (Іоан. xi, 16), *како сей отъ Бога есть*? и часто обращались къ этой мысли, чтобы найти въ ней защиту для своихъ страстей. Такъ многіе поступаютъ и нынѣ. Выдавая себя за строгихъ ревнителей славы Божіей, они удовлетворяютъ собственнымъ страстямъ, тогда какъ надлежало бы во всемъ поступать съ кротостію. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ всяческихъ, Который могъ бы поразить молніею хулящихъ Его, повелѣваетъ восходить солнцу, ниспосылаетъ дождь и всѣ блага подаетъ съ щедростію. Подражая Ему, и мы должны просить, увѣщевать и внушать съ кротостію, безъ гнѣва и ярости. Богохульство не унижаетъ величія Божія, и потому не должно побуждать тебя къ ярости. Кто богохульствуетъ, тотъ наноситъ раны самому себѣ. Итакъ, тебѣ должно воздыхать и плакать, потому что эта болѣзнь достойна слезъ, и человѣка, зараженнаго ею, не иначе можно исцѣлить, какъ кротостію. Кротость сильнѣе всякаго насилія. Посмотри, съ какою кротостію самъ Богъ, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ, взываетъ къ оскорбившимъ Его. Тамъ Онъ говоритъ: *людіе Мои, что сотворихъ вамъ* (Мих. vi, 3)? А здѣсь: *Савле, Савле, что Мя гониши* (Дѣян.
ix, 4)? Равно и Павелъ повелѣваетъ наставлять противниковъ съ 362
кротостію. И самъ Христосъ, когда приступали къ Нему ученики, прося у Него позволенія низвести огнь съ неба, сдѣлалъ имъ сильный упрекъ говоря: *не вѣсте, коего духа есте вы* (Лук. ix, 55)! Подобнымъ образомъ и въ настоящемъ случаѣ Онъ не сказалъ книжникамъ: о, нечестивцы и обманщики, о, ненавистники и враги человѣческаго спасенія! Но сказалъ только: *вскую вы мыслите лукавая въ сердцахъ вашихъ* (Матө. ix, 4)? Итакъ, съ кротостію должно избавлять отъ болѣзни. Кто изъ-за страха человѣческаго сдѣлался лучшимъ, тотъ вскорѣ опять возвратится къ прежнему несчастію. Потому Господь не велѣлъ исторгать и плевелъ, чтобы дать время для покаянія. Многіе такимъ образомъ покаялись къ добру, тогда какъ прежде были нечестивы, какъ-то: Павелъ, мытарь и разбойникъ. Будучи прежде плеве-

лами, они потомъ содѣлались зрѣлою пшеницею. Хотя въ сѣменахъ такой перемѣны быть не можетъ, но въ волѣ человѣческой она легко и удобно произойти можетъ, поскольку она не связана узами необходимости, но одарена свободою. Итакъ, когда ты увидишь врага истины, исцѣли его, позаботься о немъ, возврати къ добродѣтели, подавай наилучшій примѣръ своею жизнію, наставляй неукоризненнымъ словомъ, покровительствуй и имѣй попеченіе, и употребляй всѣ средства къ исправленію, подражая наилучшимъ врачамъ. Вѣдь и врачи не всегда однимъ только способомъ врачуютъ болѣзни; но когда видятъ, что рана не исцѣляется однимъ лѣкарствомъ, прилагаютъ другое, а если нужно, третіе; иногда разсѣкаютъ, а иногда обвязываютъ. Такъ и ты, сдѣлавшись врачемъ души, пользуйся всякимъ способомъ врачепія по заповѣдямъ Христовымъ, чтобы получить тебѣ награду и за свое спасеніе, и за то, что ты доставлялъ пользу другимъ. Все дѣлай во славу Божію: такимъ образомъ и самъ прославишься. *Прославляющія Мя*, говоритъ Господь, *прославлю*, и уничижающіе Меня уничижены *будутъ* (1 Цар. п, 30). Итакъ, будемъ все дѣлать во славу Божію, чтобы содѣлаться наслѣдниками блаженной той участи, которой да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXX.

И преходя Іисусъ оттуду, видѣ человѣка на мытницѣ сѣдяща, Матѳеа глаголема, и глагола ему: гряди по Мнѣ (Матѳ. IX, 9).

361 362 1. Сотворивъ чудо надъ разслабленнымъ, Христосъ не остался въ Капернаумѣ, чтобы Своимъ присутствіемъ не возжечь въ книжникахъ еще большей зависти; но въ угожденіе имъ, и для укрощенія этой ихъ страсти, удаляется. Такъ и намъ не должно раздражать враговъ своихъ своимъ пребываніемъ съ ними, но чтобы смягчить гнѣвъ ихъ, надобно уступать и удаляться отъ нихъ. Но почему Спаситель не въ одно время съ Петромъ, Іоанномъ и другими призвалъ Матѳея? Потому, что какъ къ тѣмъ Іисусъ пришелъ въ то время, когда они способны были послушать Его, такъ и Матѳея призвалъ тогда, когда онъ готовъ былъ идти за Нимъ. По той же причинѣ и апостола Павла призвалъ по воскресеніи. Знавшій *сердца* и вѣдавшій сокровенныя мысли каждаго человѣка зналъ, когда кто изъ нихъ будетъ готовъ послѣдовать Ему. Потому и Матѳея призвалъ не

въ началѣ, когда онъ былъ еще мало воспріимчивъ, но послѣ того, какъ сотворилъ великое множество чудесъ, и когда слава о Немъ распространилась всюду, и Матѳей сдѣлался способнѣе къ повиновенію. Достойно также удивленія и любомудріе евангелиста Матѳея. Онъ не только не скрываетъ прежней своей жизни, но и называетъ себя по имени, тогда какъ другіе скрывали свое имя подъ другимъ наименованіемъ. Для чего же евангелистъ сказалъ: *на мытницѣ сѣдяща?* Для того, чтобы показать могущество Господа, Который призвалъ его не послѣ того какъ онъ оставилъ свой безчестный торгъ и пересталъ заниматься имъ, но исхитилъ его изъ среды золъ, такъ же какъ и блаженнаго Павла обратилъ тогда, когда онъ неистовствовалъ, дышалъ яростію и злобою на церковь. Объ этомъ и самъ Павелъ, желая показать могущество Призвавшаго его, пишетъ къ Галатамъ: *слышасте мое житіе иногда въ жидовствѣ, яко попремногу гонихъ церковь Божію* (Галат. I, 13). И рыбарей Господь призвалъ тогда, когда они занимались своимъ ремесломъ. Но ихъ ремесло не заключало въ себѣ ничего безчестнаго: оно было свойственно людямъ необразованнымъ и простымъ. Напротивъ, ремесло мытарей было позорно и безстыдно. Это—корысть ничѣмъ неизвиняемая, 363
безчестная нажива, хищеніе подъ видомъ закона. И, однако, ничего этого Призвавшій не устыдился; и удивительно ли, что Онъ не устыдился мытаря, когда Онъ не только не устыдился призвать блудницу, но и не возбранилъ ей облобызать и омочить слезами ноги Его? Для того Онъ и пришелъ, чтобы уврачевать не только тѣло, но и душу исцѣлить отъ зла. Такъ поступилъ Онъ и съ разслабленнымъ. Ясно показавъ при совершеніи этого чуда, что Онъ можетъ отпускать грѣхи, Спаситель вслѣдъ затѣмъ призываетъ и Матѳея, чтобы другіе, видя, что Онъ принимаетъ въ число учениковъ Своихъ мытаря, уже не смущались. Если Онъ имѣетъ власть отпускать всѣ грѣхи, то чему же удивляться, если Онъ и мытаря дѣлаетъ апостоломъ? Но познавъ могущество Призвавшаго, познай теперь и послушаніе призваннаго. Онъ не воспротивился, не усумнился и не сказалъ: что это значитъ, ужели Господь зоветъ меня, столь великаго грѣшника?—такое смиреніе было бы неумѣстно,—но тотчасъ повиновался, и даже не обнаружилъ желанія идти въ домъ и посовѣтоваться объ этомъ съ родственниками, какъ поступили и рыбари. Какъ тѣ оставили и сѣти, и лодку, и отца, такъ и Матѳей оставилъ свое ремесло и прибыль, пошелъ вслѣдъ Іисуса, показывая полную готовность ко всему, и вдругъ открекшись отъ всего житейскаго, совершеннымъ повиновеніемъ подтвердилъ благовременность своего призванія. Но почему же, спросишь, нигдѣ не

сказано о томъ, какъ призваны прочіе апостолы, а говорится только о призваніи Петра, Іакова, Іоанна и Филиппа? Потому что они имѣли презрѣнныя и низкія занятія: что въ самомъ дѣлѣ хуже званія мытаря, что маловажнѣе занятія рыбарей? А что и Филиппъ былъ незнатнаго происхожденія, это показываетъ его отечество. Вотъ почему евангелисты преимущественно и повѣствуютъ о призваніи этихъ учениковъ и ихъ занятіяхъ. Они хотѣли чрезъ это показать, что имъ должно вѣрить и въ повѣствованіяхъ о дѣлахъ важныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если они, повѣствуя о дѣлахъ Учителя и учениковъ Его, не опускаютъ ничего, что относилось, повидимому, къ ихъ безславію, а даже съ съ особенною подробностію повѣствуютъ о томъ, то почему бы можно было подозрѣвать ихъ тогда, когда они говорятъ о дѣлахъ славныхъ? Если они умалчиваютъ о многихъ знаменіяхъ и чудесахъ Іисуса, а между тѣмъ подробно повѣствуютъ о происшествіяхъ, бывшихъ при крестѣ, повидимому унизительныхъ, и не стыдясь говорятъ о низкихъ занятіяхъ и бѣдномъ состояніи учениковъ, о предкахъ Учителя, извѣстныхъ или по своимъ грѣхамъ, или по бѣдности,—то не очевидно ли, что они весьма уважали истину, и ничего не писали по пристрастію или изъ тщеславія?

2. Призвавъ Матѳея, Христосъ удостоилъ его великой чести, тогда же пріобщившись его трапезы. Чрезъ это Онъ подалъ ему благую надежду на будущее время, и породилъ въ немъ большее упованіе. Не долговременнымъ врачеваніемъ, но вдругъ исцѣлилъ болѣзнь души его. Впрочемъ, не съ однимъ Матѳеемъ возлежалъ Христосъ за столомъ, но и со многими другими. Повидимому, и это служило порицаніемъ для Іисуса, что Онъ не удалялъ отъ Себя грѣшниковъ; но евангелисты и этого не скрываютъ, и говорятъ, что фарисеи осуждали Его за таковой поступокъ. Къ Матѳею пришли многіе мытари какъ къ своему сотоварищу, потому что онъ, вмѣняя себѣ въ честь посѣщеніе Христово, созвалъ всѣхъ ихъ. Христосъ употреблялъ всякаго рода
364 врачеванія. Онъ избавлялъ многихъ отъ болѣзней душевныхъ не только тогда, когда училъ, или исцѣлялъ больныхъ, или обличалъ враговъ, но и тогда, когда возлежалъ за столомъ, научая насъ чрезъ то, что всякое время и всякое дѣло можетъ намъ доставлять пользу. И хотя все, что предлагалось на этой трапезѣ, было собрано неправдою и хищеніемъ, тѣмъ не менѣе Христосъ не отрекся быть ея участникомъ; такъ какъ Его присутствіе могло принести великую пользу, то Онъ согласился быть въ одномъ домѣ и за однимъ столомъ съ великими грѣшниками, хотя и навлекъ на Себя худую славу за то, что ѣлъ вмѣстѣ съ мытаремъ

въ домѣ мытаря и со многими мытарями. Такова вѣдь участь врача: если онъ не захочетъ переносить гнилого запаха отъ больныхъ, то не можетъ исцѣлить ихъ отъ болѣзни. Смотри, какъ іудеи поносятъ Его за это: *се человѣкъ ядца и винопійца, мытаремъ другъ и грѣшникомъ* (Матѳ. XI, 19). Да услышатъ это всѣ, кто постомъ старается пріобрѣсть себѣ великую славу, и да помыслятъ, что Владыку нашего называли ядцею и винопійцею, и Онъ не стыдился этого, но все оставлялъ безъ вниманія, чтобы исполнить Свое намѣреніе, которое и совершилъ: мытарь перемѣнился, и такимъ образомъ сдѣлался лучшимъ. А чтобы тебѣ увѣриться, сколь великое значеніе имѣло для грѣшниковъ соучастіе Христа въ ихъ трапезѣ, послушай, что говоритъ Закхей, другой мытарь. Услышавъ отъ Христа слова: *днесь въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти* (Лук. XIX, 5), онъ въ восторгѣ сказалъ: *полъ имѣнія моего дамъ нищимъ, и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею* (ст. 8). Тогда Іисусъ сказалъ ему: *днесь спасеніе дому сему бысть* (ст. 9). Такимъ образомъ всѣми способами можно наставлять другихъ. Какъ же, скажешь ты, Павелъ повелѣваетъ: *аще нѣкій, братъ именуемъ, будетъ блудникъ, или лихоимецъ, съ таковымъ ниже ясти* (1 Коринѳ. V, 11)? Но, во-первыхъ, изъ этихъ словъ еще не видно, даетъ ли апостолъ такое наставленіе учителямъ, или однимъ братьямъ. Затѣмъ, мытари не принадлежали ни къ числу совершенныхъ, ни къ числу братьевъ. Сверхъ того, Павелъ повелѣваетъ удаляться такихъ братьевъ, которые не хотятъ отстать отъ своихъ пороковъ, а мытари перестали дѣлать зло и перемѣнились. Но фарисеевъ ничто не вразумило; они укоряютъ учениковъ Іисусовыхъ, говоря: *почто съ мытари и грѣшники Учитель вашъ ястъ* (Матѳ. IX, 11)? Въ другомъ случаѣ, когда имъ показалось, что ученики согрѣшали, фарисеи обращаются съ укоризнами къ самому Учителю, говоря: *се ученицы Твои творятъ, егоже не достоитъ творити въ субботу* (Матѳ. XII, 2). Здѣсь же предъ учениками клевещутъ на учителя. Все это они дѣлали съ худыми намѣреніями, желая отвлечь учениковъ отъ Учителя. Что же отвѣчаетъ безконечная Премудрость? *Не требуютъ*, говоритъ она, *здравіи врача, но болящіи* (Матѳ. IX, 12). Смотри, какъ Господь изъ словъ фарисеевъ выводитъ совершенно противное заключеніе. Они поставляли Ему въ вину общеніе Его съ мытарями; а Онъ, напротивъ, говоритъ, что не имѣть общенія съ ними—дѣло недостойное Его и несообразное съ Его человѣколюбіемъ, и что исправлять такихъ людей есть дѣло не только не заслуживающее никакой укоризны, напротивъ весьма важное, необходимое и достойное безчисленныхъ похвалъ. Потомъ, чтобы не подумали, что Господь порицаетъ призываемыхъ, называя ихъ болящими, смотри, какъ Онъ

опять смягчаетъ слова Свои, когда въ обличеніе фарисеевъ говоритъ: *шедше научитеся, что есть, милости хощу, а не жертвы* (ст. 13). Онъ сказалъ это для того, чтобы укорить ихъ въ незнаніи Писанія, и употребилъ строгое слово не потому, будто бы
365 Самъ гнѣвался на фарисеевъ, но чтобы вывести мытарей изъ сомнѣнія. Онъ могъ бы сказать: или вы не знаете, какъ Я отпустилъ грѣхи разслабленному? Какъ укрѣпилъ его тѣло? Но ничего такого Онъ не говоритъ, а сначала употребляетъ доказательство общее, а потомъ приводитъ слова Писанія. Сказавши: *не требуютъ здравіи врача, но болящіи*, и такимъ образомъ скрытно назвавши Себя врачемъ, присовокупилъ: *шедше научитеся, что есть, милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6). Такъ поступаетъ и апостолъ Павелъ. Употребивъ сперва общія доказательства въ подтвержденіе своей мысли, и сказавъ: *кто пасетъ стадо, и отъ млека* его *не ястъ* (1 Кор. IX, 7), онъ приводитъ потомъ и слова Писанія, говоря: *въ законѣ бо Моисеовѣ писано: да не заградиши устенъ вола молотяща* (Второз. XXV, 4); и еще: *тако Господь повелѣ проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити* (1 Кор. IX, 14). Но учениковъ Своихъ Спаситель убѣждаетъ не такъ; Онъ напоминаетъ имъ о Своихъ знаменіяхъ, говоря: *не у ли помните пять хлѣбы пятимъ тысящамъ, и колико кошъ взясте* (Матѳ. XVI, 9)?

3. А съ фарисеями Христосъ поступаетъ иначе; имъ напоминаетъ Онъ объ общей немощи, показываетъ, что и они сами немощны, потому что не знаютъ Писанія и, пренебрегая прочими добродѣтелями, все свое служеніе Богу ограничиваютъ одними жертвами. На это-то преимущественно указывая, Спаситель въ краткихъ словахъ заключаетъ то, что говорили всѣ пророки. *Научитеся*, говоритъ Онъ, *что есть, милости хощу, а не жертвы*. Этими словами Онъ вразумляетъ ихъ, что не Онъ поступаетъ несправедливо, но они; какъ бы такъ говорилъ: за что вы обвиняете Меня? За то ли, что я исправляю грѣшниковъ? Но въ такомъ случаѣ вы обвиняете въ томъ же и Отца Моего. Итакъ, словами: *шедше научитеся, что есть, милости хощу, а не жертвы*, Онъ выражаетъ ту же самую мысль, которая заключается и въ другихъ словахъ Его: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. V, 17). Какъ Отецъ, говоритъ Онъ, хочетъ этого, такъ и Я. Видишь ли, какъ Онъ одно представляетъ излишнимъ, а другое необходимымъ? Онъ не сказалъ: милости хочу и жертвы, но — *милости хощу, а не жертвы:* одно одобрилъ, а другое отвергъ, и тѣмъ показалъ, что обращеніе съ грѣшниками, за которое Его обвиняли, не только не воспрещено, но еще предписано закономъ, и даже предпочитается жертвамъ; и въ доказательство этого приводитъ самое мѣсто изъ ветхаго завѣта, въ которомъ

предписывается дѣлать то же, что дѣлалъ Іисусъ. Итакъ, опровергши фарисеевъ и общими доказательствами и свидѣтельствомъ Писанія, Онъ присовокупляетъ далѣе: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе*. Эти слова Спаситель сказалъ въ посмѣяніе фарисеевъ, подобно тому, какъ сказано: *се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ* (Быт. III, 22); и въ другомъ мѣстѣ: *аще взалчу, не реку тебѣ* (Псал. XLIX, 12). А что на землѣ не было ни одного праведнаго, о томъ ясно свидѣтельствуетъ Павелъ, говоря: *вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божіей* (Рим. III, 23). Съ другой стороны, слова Христовы служили утѣшеніемъ и для призванныхъ,—Онъ какъ бы такъ говорилъ: Я не только не гнушаюсь грѣшниковъ, но для нихъ однихъ и пришелъ. А чтобы не сдѣлать ихъ безпечными, для этого, сказавъ: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники*, не остановился на этихъ словахъ, но присовокупилъ: *на покаяніе*,—т. е., Я пришелъ не для того, чтобы грѣшники остались грѣшниками, но чтобы они перемѣнились и сдѣлались лучшими.

Итакъ, когда Христосъ совершенно заградилъ уста фарисеевъ доказательствами, заимствованными какъ изъ Писанія, такъ и изъ обыкновеннаго порядка вещей, и они ничего не могли сказать Ему вопреки,—потому что, обвиняя Его, сами оказались виновными и противниками ветхозавѣтнаго закона,—то, оставивъ Его, они опять начинаютъ обвинять учениковъ. Евангелистъ Лука 366
говоритъ, что ихъ обвиняли фарисеи (Лук. V, 17), а Матѳей приприписываетъ это ученикамъ Іоанновымъ. Но вѣроятно, что и тѣ и другіе обвиняли учениковъ Христовыхъ. Можно думать, что фарисеи, не зная, что имъ дѣлать, взяли съ собою и учениковъ Іоанновыхъ, какъ послѣ брали иродіанъ. Дѣйствительно, ученики Іоанновы всегда завидовали Христу и противорѣчили Ему, и тогда только смирились, когда Іоаннъ вверженъ былъ въ темницу; тогда они пришли возвѣстить объ этомъ Іисусу, но послѣ опять возвратились къ прежней зависти. Чтожъ они говорятъ? *Почто мы и фарисеи постимся много, ученицы же Твои не постятся* (Матѳ. IX, 14)? Вотъ та болѣзнь, которую Христосъ, предвидя могущее произойти отъ нея зло, врачевалъ прежде, говоря: *егда постишися, помажи главу твою, и лице твое умый* (Матѳ. VI, 17). Однако Онъ не укоряетъ учениковъ Іоанна, и не называетъ ихъ тщеславными и кичливыми, но со всею кротостію отвѣчаетъ имъ, говоря: не *могутъ сынове брачніи* поститися, *елико время съ ними есть женихъ* (Мѳ. IX, 15). Когда Христосъ защищалъ другихъ, именно мытарей, то для утѣшенія сокрушеннаго духа ихъ сильно обличалъ поносителей; а когда укоряли Его и учениковъ Его, Онъ отвѣчаетъ со всею кротостію. Смыслъ же словъ, сказанныхъ

учениками Іоанна, слѣдующій: пусть Ты, какъ врачъ, поступаешь такъ; но для чего ученики Твои, оставя постъ, участвують въ такихъ трапезахъ? И чтобы болѣе придать силы обвиненію, выставляютъ въ примѣръ, во-первыхъ, себя, затѣмъ фарисеевъ, желая чрезъ сравненіе увеличить вину учениковъ Іисуса. И мы, и фарисеи, говорятъ они, постимся много. Дѣйствительно, и тѣ и другіе постились, первые — научившись отъ Іоанна, вторые — изъ закона, какъ и фарисей говорилъ: *пощуся два краты въ субботу* (Лук. XVIII, 12). Чтожъ отвѣчаетъ Іисусъ? *Еда могутъ сынове брачніи поститися, елико время съ ними есть женихъ?* Прежде Онъ наименовалъ Себя врачемъ, а теперь называетъ женихомъ, открывая этими наименованіями неизреченныя тайны. Онъ могъ бы сильнѣе обличить ихъ такими словами: вы не имѣете права постановлять законы касательно поста! Какая польза въ постѣ, когда душа исполнена лукавства, когда обвиняете другихъ, когда осуждаете ихъ, сами имѣя бревна въ глазахъ своихъ, и все дѣлаете для того, чтобы показать себя? Прежде всего должно изгонять тщеславіе и исполнять всѣ добродѣтели, какъ-то: любовь, кротость, братолюбіе. Но Христосъ не говоритъ ничего такого, а со всею кротостію отвѣчаетъ имъ: *не могутъ сынове брачніи поститися, елико время съ ними есть женихъ*,—напоминая имъ чрезъ то слова Іоанна: *имѣяй невѣсту женихъ есть; а другъ жениховъ, стоя и послушая его, радостію радуется за гласъ жениховъ* (Іоан. III, 29). Смыслъ же словъ Христовыхъ слѣдующій: настоящее время есть время радости и веселія; итакъ, не дѣлай его временемъ печали. А постъ дѣйствительно имѣетъ въ себѣ нѣчто печальное, не по своему свойству, но потому, что ученики еще слабы, хотя, напротивъ, для желающихъ любомудрствовать, онъ составляетъ пріятное и вожделѣнное занятіе. Какъ здравіе тѣла доставляетъ великую радость, такъ и благосостояніе души приноситъ еще большее удовольствіе. Такимъ образомъ Спаситель приспособилъ Свой отвѣтъ къ ихъ мыслямъ. Такъ и Исаія, говоря о постѣ, называетъ его смиреніемъ души (Ис. LVIII, 3), равно какъ и Моисей (Числ. XXX, 14).

367 4. Впрочемъ, не этимъ только Спаситель заграждаетъ уста учениковъ Іоанновыхъ, но и другимъ способомъ, когда говоритъ: *пріидутъ дніе, егда отъмется отъ нихъ женихъ, и тогда постятся.* Этими словами Господь показываетъ, что это было не ради угожденія чрева, но нѣкотораго дивнаго смотрѣнія; отвѣчая на слова противниковъ, Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ предсказывать и о Своемъ страданіи, заранѣе пріучая учениковъ Своихъ помышлять о происшествіяхъ повидимому скорбныхъ. Если бы Спаситель сказалъ объ этомъ имъ самимъ, это было бы для нихъ тяжко

и прискорбно,—потому что и впослѣдствіи рѣчь о страданіи приводила ихъ въ смущеніе. Но когда это говорилось другимъ, то для учениковъ слышать было менѣе тягостно. А такъ какъ и страданіе Іоанна, какъ я думаю, надмевало учениковъ его, то настоящими словами Спаситель низлагаетъ и это ихъ высокомѣріе. Но о воскресеніи Своемъ Онъ не говоритъ еще ничего, потому что не пришло время. Умереть Ему, какъ человѣку, какимъ обыкновенно почитали Его, было естественно, но воскреснуть—это выше естества. Далѣе, Спаситель и здѣсь поступаетъ такъ же, какъ поступилъ прежде. Какъ прежде тѣмъ, которые старались обвинить Его за то, что Онъ ѣстъ съ грѣшниками, доказалъ противное, то есть, что Его поступокъ не только не заслуживаетъ обвиненія, а напротивъ еще достоинъ похвалы,—такъ и теперь хотѣвшимъ обличать Его въ томъ, что не умѣетъ наставлять учениковъ Своихъ, показываетъ, что говорить такъ свойственно тѣмъ, которые безъ всякой причины поносятъ другихъ, и не умѣютъ обращаться съ своими послѣдователями. *Никтоже бо*, говоритъ Онъ, *приставляетъ приставленія плата небѣлена ризѣ ветсѣ* (ст. 16). Спаситель опять подтверждаетъ слова Свои общими доказательствами. Смыслъ словъ Его таковъ: ученики еще не утвердились, и требуютъ большаго снисхожденія; они еще не обновились духомъ; а при такомъ ихъ состояніи не должно налагать на нихъ тяжкихъ заповѣдей. Говоря это, Онъ далъ ученикамъ Своимъ законъ и правило, чтобъ и они, когда будутъ принимать въ число учениковъ своихъ всѣхъ живущихъ во вселенной, обращались съ ними съ великою кротостію. *Ниже вливаютъ вина нова въ мѣхи ветхи* (ст. 17). Видишь ли, какъ эти примѣры,—одежды и мѣховъ,—сходны съ употребленными и въ ветхомъ завѣтѣ? Такъ Іеремія называетъ народъ чресленникомъ, и упоминаетъ о винѣ и мѣхахъ (XIII, 11, 32). Отъ этихъ вещей Спаситель заимствуетъ примѣры потому, что рѣчь была о чревоугодіи и трапезѣ. Евангелистъ Лука прибавляетъ еще, что и новое раздирается, если приложить его къ старому. Видишь ли, что отсюда не только не происходитъ никакой пользы, а только еще большій вредъ? Говоря о настоящемъ, Христосъ вмѣстѣ предвѣщаетъ и будущее, — именно то, что ученики Его впослѣдствіи времени обновятся; но доколѣ этого не будетъ, дотолѣ не должно возлагать на нихъ никакихъ строгихъ и тяжкихъ заповѣдей. Кто прежде надлежащаго времени, говоритъ Христосъ, предлагаетъ людямъ высокое ученіе, тотъ и въ свое время уже не найдетъ ихъ способными слѣдовать ему, навсегда сдѣлавъ ихъ безполезными. Это зависитъ не отъ вина и не отъ мѣховъ, въ которые оно вливается, но отъ неблаговременной поспѣшности

вливающихъ. Употребивъ эти сравненія, Спаситель открылъ намъ и причину того, почему Онъ, бесѣдуя съ учениками Своими, часто употреблялъ о Себѣ скромныя выраженія. Сообразуясь съ ихъ немощію, Онъ много говорилъ такого, что было гораздо ниже
368 Его достоинства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и евангелистъ Іоаннъ, приводя слова Христовы: *многю имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. XVI, 12). Чтобы они не думали, что Онъ только то и можетъ сказать имъ, что сказалъ, но представляли бы, что Онъ можетъ сказать много и другого, гораздо важнѣйшаго,—для этого Христосъ указалъ на ихъ слабость, обѣщая сказать и остальное, когда они будутъ крѣпки. То же самое Спаситель выражаетъ и здѣсь, говоря: *пріидутъ дніе, егда отъимется отъ нихъ женихъ, и тогда постятся*. Поэтому и мы въ самомъ началѣ не должны отъ всѣхъ требовать всего, но только того, что возможно, и тогда скорѣе достигнемъ и остальнаго. Если ты спѣшишь и стараешься скорѣе окончить дѣло, то потому самому и не долженъ спѣшить, что стараешься скорѣе окончить его. Если слова мои кажутся тебѣ загадочными, то познай это изъ самаго свойства вещей, и тогда легко увидишь всю силу ихъ. Не смущайся, если кто неблаговременно будетъ обвинять тебя,—и здѣсь вѣдь фарисеи обвиняли и поносили учениковъ.

5. И однако ничто не побудило Христа перемѣнить Свое мнѣніе, и Онъ не сказалъ: стыдно однимъ поститься, а другимъ не поститься. Но какъ искусный кормчій не смотритъ на разъяренныя волны, а на свое искусство,—такъ и Христосъ поступилъ тогда:—не того надлежало стыдиться, что они не постились, но что за постъ получали смертельныя раны, были биты и терзаемы. Представляя это, и мы должны поступать съ домашними своими подобнымъ образомъ, напр., съ женою, любящею украшаться и намащать себя различными благовонными веществами, преданною излишней роскоши, болтливою и безпечною. Хотя нельзя думать, чтобы всѣ пороки соединились въ одной какой-либо женщинѣ, но мы вообразимъ себѣ такую женщину. Для чего жъ, скажутъ, жену, а не мужа представляешь ты? То правда, что есть и мужчины хуже такой женщины; но такъ какъ мужу дано право управлять женою, то мы и представимъ женщину, а не потому, будто женщины болѣе развращенны. Дѣйствительно, и между мужчинами можно найти много такихъ пороковъ, какихъ нѣтъ у женщинъ, какъ, напримѣръ, человѣкоубійство, расхищеніе гробницъ, звѣроборство и многое тому подобное. Итакъ, не подумайте, что я дѣлаю это изъ презрѣнія къ полу: совсѣмъ нѣтъ! Дѣлаю я это потому только, что теперь полезно представить такой примѣръ. Итакъ, положимъ, что существуетъ такая

жена, и пусть мужъ всячески старается исправить ее. Какъ же онъ исправитъ ее? Онъ достигнетъ цѣли, если не вдругъ все станетъ запрещать ей, но начнетъ съ легчайшаго, къ чему она не особенно привязана. Если ты вдругъ захочешь исправить ее, то ни мало не успѣешь. Итакъ, не отнимай у нея тотчасъ же драгоцѣнныхъ уборовъ, но позволь ей нѣкоторое время пользоваться ими. Эти украшенія можно считать меньшимъ зломъ въ сравненіи съ разными притираніями и намащеніями. Итакъ, сперва уничтожь притиранья; да и это дѣлай не страхомъ и угрозами, но убѣжденіями и ласками: говори, что за это осуждаютъ, и произноси свой собственный судъ и мнѣніе, и чаще напоминай ей, что тебѣ не только не нравится такое украшеніе лица, но и весьма непріятно; увѣряй ее, что это очень огорчаетъ тебя; потомъ, произнесши свой собственный судъ, присоединяй къ этому мнѣнія другихъ; говори, что это безобразитъ и красивыхъ женщинъ, чтобы такимъ образомъ истребить страсть ея. Не говори 369
ей ничего ни о гееннѣ, ни о царствіи, потому что напрасно будешь говорить объ этомъ; но увѣрь, что она болѣе тебѣ нравится въ такомъ видѣ, въ какомъ Богъ сотворилъ ее; а когда она разглаживаетъ, натираетъ и намащаетъ лице свое, то и другимъ не кажется красивою и благовидною. Итакъ, сперва убѣждай ее общими доказательствами, и врачуй болѣзнь ссылаясь на общій судъ. А когда смягчишь ее такими убѣжденіями, тогда уже говори ей и о гееннѣ и о царствіи. И если много разъ ты будешь говорить ей, и она не послушаетъ тебя, и тогда не переставай повторять словъ своихъ, впрочемъ не со враждой, но съ любовію; и иногда показывай какъ бы недовольный видъ, а иногда ласкай и угождай ей. Не видишь ли, какъ живописцы, желая начертать красивое лице, то наводятъ, то стираютъ краски? Не поступай же хуже ихъ. Если они, желая изобразить какое-либо тѣло, прилагаютъ такое стараніе, то тѣмъ болѣе намъ при изображеніи души надлежитъ употребить все искусство. Если ты украсишь душу жены своей, то не увидишь болѣе на тѣлѣ ея ни безобразнаго лица, ни окровавленныхъ губъ, ни устъ подобныхъ устамъ медвѣдицы, обагренныхъ кровію, ни бровей очерненныхъ сажею, какъ бы отъ прикосновенія къ очагу, ни ланитъ подобныхъ стѣнамъ гробовъ новапленныхъ: все это сажа, прахъ, пепелъ и знакъ крайняго безобразія.

6. Но я не примѣтилъ, какъ увлекся этими обличеніями и, совѣтуя другимъ учить кротко, самъ уклонился къ гнѣву. Итакъ, возвратимся опять къ кроткому увѣщанію, будемъ переносить всѣ слабости женъ, чтобы только исправить въ нихъ то, что хотимъ. Не видишь ли, какъ мы переносимъ плачъ младенцевъ

когда желаемъ отнять ихъ отъ сосцевъ, и все терпимъ для того только, чтобъ отучить ихъ отъ прежней пищи. Такъ будемъ поступать и съ женщинами: все прочее будемъ сносить терпѣливо, только бы отучить ихъ отъ указаннаго порока. Когда ты исправишь этотъ порокъ, то и другіе легко тебѣ будетъ исправлять; тогда ты можешь перейти къ золотымъ украшеніямъ, и разсуждать о нихъ такимъ же образомъ. И такимъ образомъ, мало-помалу вразумляя жену свою, ты будешь превосходнымъ живописцемъ, вѣрнымъ рабомъ и добрымъ дѣлателемъ. При этомъ напоминай и о древнихъ женахъ: Саррѣ, Ревеккѣ, о благобразныхъ и неблагообразныхъ, и доказывай, что всѣ онѣ были цѣломудренны. Такъ Лія, жена патріарха Іакова, не будучи красивой, не помышляла ни о какихъ прикрасахъ, и не смотря на то, что
370 была неблаговидна и не слишкомъ любима своимъ мужемъ, совсѣмъ не думала о такихъ вещахъ, и не портила лица своего, а всегда сохраняла неизмѣнными его черты, хотя была воспитана язычниками. А ты, вѣрная, имѣя главою Христа, употребляешь для насъ сатанинское ухищреніе! Вспомни о водѣ, омывавшей лице твое, о жертвѣ, украшающей уста твои, о крови, обагряющей языкъ твой! Если все это представишь, то какъ ни велика была бы твоя привязанность къ украшеніямъ, не дерзнешь, и не захочешь этотъ прахъ и пепелъ возложить на себя. Знай, что ты сочеталась со Христомъ, и удаляйся такого безобразія; Ему непріятны такія украшенія; Онъ требуетъ иной красоты — красоты душевной, которую весьма любитъ. Пріобрѣтать такую красоту и пророкъ повелѣваетъ тебѣ, говоря: *и возжелаетъ Царь доброты твоея* (Псал. XLIV, 12). Итакъ, не будемъ безобразить себя ненужными украшеніями; всѣ творенія Божіи совершенны, и ни одно не имѣетъ нужды въ твоемъ поправленіи. Если бы кто по своему произволу рѣшился что-нибудь прибавить къ выставленной картинѣ, представляющей царя, тотъ за такую дерзость подвергся бы великому наказанію. Для чего же ты поправляешь твореніе рукъ Божіихъ, когда ничего не прибавляешь и къ тому, что сдѣлалъ человѣкъ? Вѣрно ты не представляешь геенскаго огня, вѣрно не чувствуешь пустоты въ душѣ своей! Точно ты совершенно оставила въ небреженіи душу, потому что все попеченіе свое истощаешь на плоть свою. И что я говорю о душѣ? И самому тѣлу вашему вы не доставляете того, о чемъ стараетесь. Смотри: ты желаешь казаться красивою, но твои украшенія дѣлаютъ тебя безобразною; ты хочешь нравиться мужу, но это больше печалитъ его, и какъ ему, такъ и другимъ подаетъ случай осуждать тебя. Ты хочешь казаться молодою, но это скорѣе приведетъ тебя къ старости. Ты желаешь похвалы, но это нано-

ситъ тебѣ безславіе, потому что такая жена стыдится не только равныхъ себѣ, но и рабовъ и рабынь, знающихъ ее, а прежде всѣхъ стыдится себя самой. Но что говорить объ этомъ? Я опустилъ здѣсь самое тягчайшее зло: то, что ты оскорбляешь Бога, нарушаешь цѣломудріе, возжигаешь пламень ревности, подражаешь блудницамъ непотребнаго дома. Итакъ, представивъ все это, посмѣйтесь надъ сатанинскою пышностію и діавольскимъ ухищреніемъ, и, оставивъ эти украшенія, или лучше — безобразіе, уготовьте красоту въ душѣ своей, которая и ангеламъ вожделѣнна, и Богу любезна, и вашимъ мужьямъ пріятна, чтобы вамъ и въ настоящемъ и въ будущемъ вѣкѣ пріобрѣсть славу, которую всѣ мы да сподобимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXI.

Сія Ему глаголющу къ нимъ, се князь нѣкій пришедъ, кланяшеся Ему, глаголя: дщи моя нынѣ умре; но пришедъ возложи на ню руку Твою, и оживетъ (Мѳ. IX, 18). 369-370

1. За словами послѣдовало и дѣло, чтобы тѣмъ болѣе заградить уста фарисеевъ. Пришедшій ко Христу былъ начальникомъ синагоги, и его скорбь была самая тяжкая: у него одна только и была дочь, имѣвшая двѣнадцать лѣтъ и находившаяся въ самомъ цвѣтѣ возраста. Потому-то особенно Христосъ тотчасъ же воскресилъ ее. Если евангелистъ Лука говоритъ, что нѣкоторые изъ дома начальника синагоги придя говорили ему: *не движи Учителя, яко дщи умре* (Лук. VIII, 49), то мы должны сказать, что начальникъ синагоги называлъ дочь свою умершею или судя по продолжительности путешествія, или желая увеличить свое несчастіе. Дѣйствительно, люди, которые просятъ помощи, имѣютъ обыкновеніе увеличивать и представлять въ большемъ видѣ свои дѣйствія, чтобы тѣмъ удобнѣе склонить на милость тѣхъ, кого они просятъ. Обратите вниманіе на грубость 371
начальника синагоги. Онъ предлагаетъ Христу двѣ просьбы,— чтобы пришелъ, и чтобы возложилъ руку. Это показывало, что онъ оставилъ дочь свою еще дышащею. Того же требовалъ отъ пророка и Неемань Сиріянинъ: *глаголахъ*, говоритъ послѣдній, *яко изыдетъ и возложитъ руку свою* (4 Цар. V, 11). Такъ люди грубые имѣютъ нужду въ видѣніи и въ вещахъ чувственныхъ. Евангелистъ Маркъ (V, 37) говоритъ, что Христосъ взялъ съ Собою троихъ учениковъ, также и Лука (VIII, 57), но Матѳей не опредѣляетъ

числа ихъ. Почему же Господь не взялъ съ собою Матѳея, который только что присоединился къ Нему? Для того, чтобы возбудить въ немъ сильнѣйшее желаніе, и потому, что онъ былъ еще несовершенъ. Христосъ однихъ предпочитаетъ другимъ для того, чтобы послѣдніе старались уподобляться первымъ. Для Матѳея довольно было и того, что онъ видѣлъ исцѣленіе жены кровоточивой, и удостоился быть за одною со Христомъ трапезою и имѣть общеніе въ пищѣ. Когда же Іисусъ всталъ, многіе послѣдовали за Нимъ, какъ для того, чтобы посмотрѣть на великое чудо, такъ и по причинѣ личнаго достоинства того, кто пришелъ къ Іисусу, а равно и потому, что они по своей грубости не столько искали исправленія душъ, сколько исцѣленія тѣла. Такимъ образомъ, стеклось множество людей—одни будучи понуждаемы своими недугами, другіе—желаніемъ посмотрѣть на исцѣленіе другихъ; но для слушанія словесъ и ученія пришли очень немногіе. Впрочемъ Господь не позволилъ имъ взойти къ домъ, но взялъ только учениковъ, да и то не всѣхъ, всюду научая насъ избѣгать славы человѣческой.

И се жена кровоточива дванадесяти лѣтъ, приступила *созади, и прикоснуся воскрилію ризы Его. Глаголаше бо въ себѣ: аще токмо прикоснуся ризѣ Его, спасена буду* (Матѳ. IX, 20, 21). Почему же она не приступила къ нему съ дерзновеніемъ? Потому что стыдилась болѣзни своей, и почитала себя нечистою. Если женщина во время мѣсячнаго очищенія почиталась нечистою, то тѣмъ болѣе могла почитать себя таковою страждущая такою болѣзнію. Болѣзнь эта, по закону почиталась весьма нечистою. Вотъ почему кровоточивая скрывается и таится. Притомъ она не имѣла еще надлежащаго и совершеннаго понятія объ Іисусѣ; иначе она не думала бы, что можетъ укрыться отъ Него. Эта жена первая приходитъ къ Іисусу Христу при народѣ, такъ какъ слышала, что Онъ и женъ исцѣляетъ, и теперь идетъ къ умершей отроковицѣ. Призвать Христа въ свой домъ она не осмѣлилась, хотя была и богата: она даже не дерзнула явно и приступить къ Нему, но тайно съ вѣрою прикоснулась къ одеждѣ Его; она не сомнѣвалась и не говорила сама въ себѣ: исцѣлюсь ли я отъ болѣзни, или нѣтъ? но приступила съ твердою увѣренностію, что получитъ исцѣленіе. *Глаголаше бо,* говоритъ евангелистъ, *въ себѣ аще токмо прикоснуся ризѣ Его, спасена буду.* Она видѣла, изъ какого дома Онъ вышелъ—изъ дома мытаря, и кто за Нимъ слѣдовалъ—грѣшники и мытари; и все это произвело въ ней благую надежду. Что же Христосъ? Онъ не захотѣлъ, чтобы она оставалась въ неизвѣстности, но открылъ и обнаружилъ ее по многимъ причинамъ. Нѣкоторые безумные говорятъ, что Іисусъ

Христосъ сдѣлалъ это изъ любви къ славѣ. Для чего, говорятъ они, Христосъ не оставилъ ее въ неизвѣстности? Что ты говоришь, нечестивый и беззаконный? Неужели Тотъ любитъ славу, Кто и другимъ запрещаетъ говорить, и Самъ не упоминаетъ о безчисленныхъ чудесахъ Своихъ? Итакъ, для чего же Онъ обнаруживаетъ кровоточивую? Во-первыхъ, Онъ освобождаетъ ее отъ страха, чтобы она, угрызаемая совѣстію, какъ похитительница дара, не проводила жизнь въ мученіи. Во-вторыхъ, исправляетъ ее, потому что она думала утаиться. Въ-третьихъ, открываетъ всѣмъ вѣру ея, чтобы и другіе соревновали ей. Да и показать, что Онъ знаетъ все, есть столь же великое чудо, какъ 372
и остановить теченіе крови. Наконецъ и начальника синагоги, который легко могъ потерять вѣру, а съ нею и все, исправляетъ примѣромъ жены. Дѣйствительно, пришедшіе говорили: *не движи Учителя, яко дщи умре*, и находившіеся въ дому смѣялись надъ Іисусомъ, когда Онъ сказалъ, что дѣвица спитъ; естественно, что и самъ отецъ могъ поколебаться въ вѣрѣ.

2. Чтобы предостеречь отца дѣвицы отъ такой слабости, Христосъ и обнаруживаетъ жену. А что отецъ отроковицы принадлежалъ къ числу самыхъ грубыхъ людей, послушай, что Христосъ говоритъ ему: *не бойся, ты токмо вѣруй, и спасена будетъ* (Лук. VIII, 50). Спаситель съ намѣреніемъ медлитъ, и приходитъ въ домъ тогда, когда дѣвица уже умерла, чтобы ясно показать, что Онъ воскресилъ ея. Для того Онъ и медленно идетъ и много разговариваетъ съ женщиною, чтобы дать время умереть отроковицѣ, и придти тѣмъ, которые возвѣстили о ея смерти и говорили: *не движи Учителя*. На это указываетъ и евангелистъ, говоря: *еще Ему глаголющу*, пришли нѣкоторые изъ дома (начальника синагоги), говоря: *умре дщи твоя, не движи Учителя* (Лук. VIII, 49). Христосъ хотѣлъ, чтобы они увѣрились въ смерти отроковицы, дабы послѣ не могли сомнѣваться въ ея воскресеніи. Такъ поступаетъ Онъ и во всѣхъ случаяхъ. Такъ и къ Лазарю приходитъ по прошествіи трехъ дней послѣ его смерти. Вотъ по какимъ причинамъ обнаруживаетъ Онъ жену и говоритъ ей: *дерзай дщи*; такъже какъ и разслабленному сказалъ: *дерзай чадо* (Матѳ. IX, 2). Женщина была объята страхомъ; поэтому Онъ и говоритъ: *дерзай*, и называетъ ее дщерію,—потому что вѣра сдѣлала ее дщерію. Потомъ въ похвалу ея говоритъ: *вѣра твоя спасе тя* (ст. 22). Евангелистъ Лука много и другого говоритъ намъ объ этой женщинѣ. Когда она подошла, говоритъ онъ, и получила исцѣленіе, Христосъ не тотчасъ послѣ этого призвалъ ее, но прежде сказалъ: *кто есть коснувыйся Мнѣ* (VIII, 45)? Потомъ, когда Петръ и бывшіе съ нимъ говорили: *наставниче, народи одержатъ*

Тя и гнетутъ, и глаголеши: кто есть коснувыйся Мнѣ (что служило несомнѣннымъ доказательствомъ того, что Іисусъ облеченъ былъ истинною плотію и попиралъ всякую гордость: народъ не въ отдаленіи слѣдовалъ за Нимъ, но отвсюду окружалъ Его),—Господь снова настойчиво повторилъ: *прикоснуся Мнѣ нѣкто: Азъ бо чухъ силу, изшедшую изъ Мене* (ст. 46),—приспособляя отвѣтъ Свой къ грубымъ понятіямъ Своихъ слушателей. Онъ сказалъ это для того, чтобы заставить женщину добровольно сознаться въ своемъ поступкѣ. Съ намѣреніемъ Онъ не тотчасъ изобличилъ ее, чтобы, показавъ, что онъ все знаетъ, убѣдить ее добровольно разсказать все, и заставить возвѣстить о случившемся, и чтобы не показаться подозрительнымъ, если бы Самъ сталъ говорить о томъ.

Видишь ли превосходство жены предъ начальникомъ синагоги? Она не удержала, не остановила Христа, но краями перстъ прикоснулась только къ одеждѣ Его; и, придя послѣднею, первая ушла съ исцѣленіемъ. Начальникъ синагоги самого Врача ввелъ въ домъ свой; а для этой довольно было и одного прикосновенія. Хотя она связана была узами болѣзни, но вѣра окрыляла ее. Смотри же, какъ Спаситель утѣшаетъ ее: *вѣра твоя*, говоритъ Онъ, *спасе тя*. Если бы онъ обнаружилъ ее изъ честолюбія, то не присовокупилъ бы этихъ словъ. Но Онъ говоритъ такъ для того, чтобы научить вѣрѣ и начальника синагоги, и похвалить жену, а равно доставить ей радость и пользу не меньшую тѣлеснаго здравія. А что Христосъ поступилъ такимъ образомъ не для того, чтобы прославиться Самому, но чтобы прославить жену и исправить другихъ, это видно и изъ того, что Онъ равно могъ быть славнымъ и безъ этого чуда (потому что чудеса Его превосходили своимъ множествомъ и самыя капли дождевыя, а также и потому что Онъ и сотворилъ и намѣренъ былъ сотворить чудеса гораздо болѣе славныя, чѣмъ на-
373 стоящее), между тѣмъ жена, если бы Христосъ не обнаружилъ ея, осталась бы въ неизвѣстности и лишилась великихъ похвалъ. Вотъ почему Господь обнаружилъ ее, похвалилъ, освободилъ отъ страха (она, говорится, приступила съ трепетомъ), ободрилъ ее и, даровавъ ей тѣлесное здравіе, напутствовалъ желаніемъ и другихъ благъ, сказавъ: *иди въ миръ*.

Пришедъ же *въ домъ княжъ, и видѣвъ сопцы и народъ молвящь, глагола: отыдите, не умре бо дѣвица, но спитъ. И ругахуся Ему* (ст. 23, 24). Хорошо отличали себя начальники синагоги: свирѣли и кимвалы возбуждаютъ у нихъ плачъ по умершемъ! Что же Христосъ? Онъ всѣхъ изгналъ, кромѣ родителей, да и этихъ оставилъ только для того, чтобы не сказали, что не Онъ, а дру-

гой кто воскресилъ дѣвицу. И прежде, нежели воскрешаетъ ее, возбуждаетъ словомъ, говоря: *не умре дѣвица, но спитъ*. Онъ и во многихъ другихъ случаяхъ поступалъ подобнымъ образомъ. И какъ на морѣ сперва укоряетъ учениковъ Своихъ, такъ точно и здѣсь прежде освобождаетъ предстоящихъ отъ мыслей, смущавшихъ ихъ, и вмѣстѣ показываетъ, что для Него легко воскрешать умершихъ (какъ поступилъ Онъ и при воскрешеніи Лазаря, говоря: *Лазарь другъ нашъ успе*—Іоан. XI, 11), и вмѣстѣ научаетъ не страшиться смерти, потому что смерть уже не есть болѣе смерть, но стала сномъ. Такъ какъ Ему и самому надлежало умереть, то, воскрешая другихъ, заранѣе приготовляетъ учениковъ Своихъ къ мужеству и спокойному перенесенію смерти, такъ какъ, послѣ Его пришествія, смерть сдѣлалась сномъ. Находившіеся въ домѣ смѣялись надъ Нимъ; но Онъ не оскорблялся тѣмъ, что они не вѣрили чуду, которое Онъ намѣренъ былъ вскорѣ сотворить, и не укорилъ смѣющихся, чтобы и самый смѣхъ, и свирѣли, и кимвалы, и все прочее свидѣтельствовало о смерти дѣвицы.

3. Такъ какъ люди часто не вѣрятъ чудесамъ, которые уже совершились, то Господь напередъ предохраняетъ ихъ отъ такого невѣрія ихъ же собственными отвѣтами. Такъ было при воскресеніи Лазаря; такъ было и съ Моисеемъ. Моисею Богъ говоритъ: *что сіе есть въ руцѣ твоей* (Исход. IV, 2)?—чтобы онъ, узрѣвши змія, сдѣлавшагося изъ жезла, не забылъ, что прежде въ рукѣ его былъ жезлъ, но, вспомнивъ о своемъ отвѣтѣ, удивился чуду. И при воскресеніи Лазаря Господь спрашиваетъ: *гдѣ положисте его* (Іоан. XI, 34)?—чтобы тѣ, которые отвѣчали: *пріиди и виждь*, также: *уже смердитъ, четверодневенъ бо есть* (39),—не могли уже не вѣрить, что Онъ воскресилъ мертваго. Итакъ, увидѣвъ кимвалы и множество народа, Христосъ выслалъ всѣхъ изъ дома, и въ присутствіи родителей творитъ чудо, не другую душу влагая въ умершую, но возвращая ту самую, которая вышла изъ нея, и какъ бы отъ сна пробуждая отроковицу. Для бо́льшаго же удостовѣренія зрителей беретъ ее за руку, чтобы тѣмъ проложить путь къ вѣрѣ въ воскресеніе. Отецъ говорилъ Ему: возложи руку; а Онъ дѣлаетъ больше: не возлагаетъ Своей руки, но, взявъ умершую за руку, воскрешаетъ ее, показывая тѣмъ, что Ему все легко сдѣлать, и не только воскрешаетъ, но и приказываетъ дать ей пищу, чтобы сотвореннаго Имъ чуда не почли за обманъ. И не Самъ даетъ ей пищу, но повелѣваетъ родителямъ; какъ и о Лазарѣ говоритъ: *разрѣшите его и оставите идти* (Іоан. XI, 44) и послѣ того дѣлаетъ его сообщникомъ трапезы. Такъ (Христосъ) всегда имѣлъ обыкновеніе представлять не-

сомнѣнныя доказательства и смерти и воскресенія. Но ты обрати вниманіе не только на воскресеніе, но и на то, что Христосъ
374 повелѣлъ никому о томъ не говорить, и отсюда прежде всего научись быть смиреннымъ и не тщеславиться, а потомъ замѣть и то, что Онъ всѣхъ плакавшихъ выслалъ изъ дома, и призналъ ихъ какъ бы недостойными видѣть столь великое чудо. И не будь подобенъ свирѣльщикамъ, которыхъ Господь изгналъ изъ дома; но уподобляйся Петру, Іоанну и Іакову. Если тогда Спаситель выслалъ скорбѣвшихъ вонъ, то тѣмъ болѣе нынѣ, поскольку тогда еще неизвѣстно было, что смерть есть сонъ, нынѣ же эта истина яснѣе самаго солнца. Но Господь не воскрешаетъ нынѣ твоей дочери? Но Онъ несомнѣнно воскреситъ ее и притомъ съ большею славою. Въ самомъ дѣлѣ, та, воставши отъ мертвыхъ, опять умерла; а твоя дочь, когда возстанетъ, пребудетъ уже безсмертною. Итакъ, никто уже не долженъ плакать, никто не долженъ скорбѣть и порицать дѣло Христово. Подлинно Онъ побѣдилъ смерть. Что же ты напрасно плачешь? Смерть уже есть не что иное, какъ сонъ. Для чего же ты сѣтуешь и рыдаешь? Если эллины такъ поступаютъ, то и они достойны посмѣянія. Когда же вѣрующій малодушествуетъ въ подобныхъ случаяхъ, то чѣмъ онъ можетъ оправдать себя? Какъ могутъ получить прощеніе тѣ, которые столь безразсудно поступаютъ, не смотря на то, что уже такъ много прошло времени отъ пришествія Христова, и воскресеніе мертвыхъ сдѣлалось несомнѣннымъ? Но ты, какъ бы стараясь увеличить свое осужденіе, представляешь намъ плачущихъ эллинскихъ женъ, усиливая плачъ и воспламеняя пещь, а не внимаешь словамъ апостола Павла: *кое согласіе Христови съ Веліаромъ? Или, кая часть вѣрну съ невѣрнымъ* (2 Кор. vi, 15)? Даже и эллинскіе мудрецы, хотя не знаютъ ничего о воскресеніи, однакожъ находятъ для себя утѣшеніе, говоря: переноси мужественно, случившагося нельзя перемѣнить и исправить плачемъ. А ты, слушая высочайшія и назидательнѣйшія истины, не стыдишься малодушествовать больше ихъ? Мы не говоримъ тебѣ: переноси мужественно, потому что случившагося нельзя перемѣнить; но говоримъ: переноси мужественно, потому что несомнѣнно, что умершій воскреснетъ. Спитъ отроча твое, а не умерло; покоится, а не погибло; оно воскреснетъ и получитъ жизнь вѣчную, безсмертіе и жребій ангельскій. Или ты не слышишь, что говоритъ Псалмопѣвецъ: *обратися душе моя въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя* (Пс. cxiv, 6)? Богъ называетъ смерть благодѣяніемъ, а ты сѣтуешь. Что бы ты больше этого сдѣлалъ, если бы былъ противникомъ и врагомъ умершаго? Если кому должно плакать, то пусть плачетъ діаволъ; пусть онъ скорбитъ

и рыдаетъ о томъ, что мы идемъ получить высочайшія блага. Такое рыданіе достойно его злобы, а тебѣ, долженствующему увѣнчаться и успокоиться, не прилично. Поистинѣ,—смерть есть тихое пристанище. Смотри, сколь многихъ бѣдствій исполнена настоящая жизнь; размысли, сколько разъ самъ ты проклиналъ ее. Жизнь наша чѣмъ долѣе продолжается, тѣмъ становится тягостнѣе. Ты уже въ самомъ началѣ осужденъ на великія скорби, потому что сказано: *въ болѣзнехъ родиши чада*; и еще: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. III, 16, 17); также: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. XVI, 33). Но о будущей жизни не сказано ничего подобнаго; совершенно напротивъ, о ней говорится: *отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе* (Ис. XXXV, 10); и еще: *отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова* (Матѳ. VIII, 11). Тамъ чертогъ духовный, свѣтлые свѣтильники и жизнь небесная.

4. Итакъ, для чего же ты срамишь умершаго? Для чего другихъ заставляешь бояться и трепетать смерти? Для чего побуждаешь многихъ обвинять Бога, какъ будто бы Онъ уготовалъ для насъ великія бѣдствія? Или, еще болѣе, для чего ты, по смерти кого-либо изъ присныхъ, созываешь нищихъ, просишь священниковъ, чтобы они молились объ немъ? Для того, 375
скажешь ты, чтобы умершій получилъ успокоеніе, чтобы Судія былъ милостивъ къ нему. Итакъ, объ этомъ-то ты плачешь и рыдаешь? Но ты противорѣчишь себѣ самому. Оттого, что онъ удалился въ пристань, ты подвергаешь себя бурѣ. Но что же дѣлать? скажешь ты: такова природа наша. Нѣтъ, не вини природу, и не почитай слезъ своихъ необходимыми. Мы сами все превращаемъ, сами предаемся слабостямъ, сами унижаемъ себя и невѣрныхъ дѣлаемъ худшими. Въ самомъ дѣлѣ, какъ станемъ мы говорить другому о безсмертіи, какъ можемъ увѣрить въ этомъ язычника, когда сами болѣе его боимся и трепещемъ смерти? Многіе изъ эллиновъ, не смотря на то, что не имѣли никакого понятія о безсмертіи, по смерти дѣтей своихъ украшали себя вѣнцами, облекались въ бѣлыя одежды, чтобы пріобрѣсть настоящую славу; а ты и для будущей славы не перестаешь уподобляться женамъ и плакать. Но у тебя нѣтъ наслѣдника, тебѣ некому отказать свое имѣніе? Но чего бы ты пожелалъ лучше: того ли, чтобъ сынъ твой былъ наслѣдникомъ твоего имѣнія, или — наслѣдникомъ благъ небесныхъ? Чего бы ты захотѣлъ болѣе: того ли, чтобы онъ получилъ въ наслѣдіе сокровища тлѣнныя, которыя вскорѣ Онъ долженъ будетъ оставить, или того, чтобъ стяжалъ блага вѣчныя и нетлѣнныя? Тебѣ нельзя имѣть его своимъ наслѣдникомъ, но вмѣсто тебя

Богъ сдѣлалъ его Своимъ наслѣдникомъ. Онъ не имѣетъ участія въ наслѣдіи своихъ братьевъ; но онъ сталъ сонаслѣдникомъ Христу. Комужъ, скажешь, мы оставимъ одежды, домы, рабовъ и поля? Ему же, и притомъ съ большею безопасностію, нежели при жизни его; для этого нѣтъ никакихъ препятствій. Въ самомъ дѣлѣ, если варвары сожигаютъ вмѣстѣ съ умершими ихъ имущество, то тѣмъ болѣе ты долженъ отослать вмѣстѣ съ умершимъ принадлежащее ему имущество, только не для того, чтобы оно сдѣлалось прахомъ, какъ у тѣхъ, но чтобы умершаго облекло въ бо́льшую славу, чтобы, если онъ отшелъ отселѣ грѣшнымъ, разрѣшило его отъ грѣховъ, если праведнымъ—увеличило его награду и воздаяніе. Но ты желаешь видѣть его? Живи подобно ему,—и ты вскорѣ достигнешь священнаго того видѣнія. Кромѣ того, ты долженъ помыслить и о томъ, что если намъ не повѣришь, то самое время непремѣнно увѣритъ тебя въ этомъ; но тогда уже не будетъ для тебя никакой награды, потому что утѣшеніе получится отъ изобилія времени. Если же теперь станешь любомудрствовать, то получишь два величайшія блага: освободишь себя изъ среды золъ, и увѣнчаешься свѣтлѣйшимъ вѣнцемъ отъ Бога, поскольку великодушное перенесеніе несчастій гораздо важнѣе и милостыни и другихъ добродѣтелей. Представь, что и самъ Сынъ Божій умеръ, и притомъ для тебя, — а ты умираешь за себя самого. Онъ, хотя и сказалъ: *аще возможно, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Матѳ. XXVI, 39), хотя скорбѣлъ и ужасался, — однако не хотѣлъ избѣгнуть смерти, но подъялъ ее со многимъ страданіемъ и подвигомъ. Онъ не просто только претерпѣлъ смерть, но претерпѣлъ поноснѣйшую смерть; да еще и прежде смерти подвергся бичеванію, и прежде бичеванія — поношенію, поруганію и злословію, научая тебя все переносить мужественно. Впрочемъ, умерши и отложивъ тѣло, Онъ опять воспріялъ его съ большею славою, подавая чрезъ то и тебѣ благія надежды. Если все это не басня, то не плачь; если все это признаешь истиннымъ, то не проливай слезъ; если же ты самъ плачешь, то какъ можешь увѣрить эллиновъ, что ты этому вѣришь?

5. Но, не смотря на эти убѣжденія, ты все еще не можешь переносить своей скорби? Но потому-то ты и не долженъ плакать объ умершемъ, что онъ освободился отъ многихъ такихъ несчастій. Итакъ, не завидуй ему. Дѣйствительно, просить смерти
376 самому себѣ, по причинѣ преждевременной его кончины, и плакать о томъ, что онъ не жилъ долѣе, чтобы претерпѣвать множество такихъ скорбей,—свойственно болѣе завидующему. Помышляй не о томъ, что онъ уже никогда не возвратится въ домъ

твой, но что и ты самъ скоро переселишься къ нему; не о томъ думай, что умершій не возвратится сюда, но—и что все видимое нами не пребудетъ всегда одинаковымъ, а приметъ другой видъ. И небо, и земля, и море, все измѣнится; и тогда-то ты получишь сына своего съ большею славою! И если онъ отошелъ отсюда грѣшникомъ, то чрезъ смерть у него отнята возможность продолжать зло; вѣдь если бы Богъ видѣлъ, что онъ перемѣнитъ образъ своей жизни, то не восхитилъ бы его прежде покаянія. Если же онъ скончался праведникомъ, то пріобрѣлъ блага, которыхъ никогда не потеряетъ. Отсюда ясно, что слезы твои происходятъ не отъ сильной любви, но отъ безразсудной страсти. Если ты любишь умершаго, то тебѣ надлежитъ радоваться и веселиться, что онъ освободился отъ настоящихъ золъ. Скажи мнѣ: что случилось въ мірѣ особеннаго, необыкновеннаго и новаго, чего прежде не было? Не видишь ли ты каждый день повтореніе однихъ и тѣхъ же перемѣнъ? За днемъ слѣдуетъ ночь, за ночью день; послѣ зимы наступаетъ лѣто, за лѣтомъ слѣдуетъ зима,—и болѣе ничего; перемѣны эти всегда однѣ и тѣ же,—одни бѣдствія увеличиваются и возникаютъ вновь. Итакъ, ужели ты желаешь, чтобы твой сынъ постоянно испытывалъ эти бѣдствія,—чтобы онъ, пребывая здѣсь, подвергался болѣзнямъ, скорбямъ, страшился, трепеталъ и—одни бѣдствія претерпѣвалъ, а другихъ опасался? Ты, вѣдь, не можешь сказать того, чтобы, плавая по этому пространному морю, онъ могъ быть свободнымъ отъ скорбей, заботъ и другихъ подобныхъ бѣдствій. Кромѣ того, помысли и о томъ, что ты его родила не безсмертнымъ, и что если бы онъ не теперь умеръ, то подвергся бы этой участи нѣсколько позже. Но ты еще не успѣла насладиться имъ? Насладишься вполнѣ въ будущей жизни. Но ты желаешь и здѣсь видѣть его? Что же препятствуетъ? Ты можешь видѣть его и здѣсь, если находишься въ бодрственномъ состояніи, потому что надежда будущихъ благъ свѣтлѣе самаго зрѣнія. Если бы сынъ твой находился въ царскихъ чертогахъ, ты не стала бы его требовать оттуда, чтобы посмотрѣть на него, слыша, что онъ находится тамъ въ чести; а теперь, видя, что онъ отошелъ для полученія гораздо лучшихъ благъ, не можешь равнодушно перенести кратковременной разлуки, и притомъ имѣя вмѣсто его мужа. Но у тебя нѣтъ мужа? Но ты имѣешь утѣшеніе въ Отцѣ сирыхъ и Судіи вдовицъ. Послушай, какъ и Павелъ уважаетъ такое вдовство, говоря: *истинная вдовица и уединена уповаетъ на Бога* (1 Тим. v, 5). Подлинно, чѣмъ болѣе таковая вдовица показываетъ терпѣнія, тѣмъ болѣе прославляется. Итакъ, не плачь о томъ, за что ты можешь получить вѣнецъ, за что ты можешь требовать награды; ты отдала залогъ, но воз-

вратила то, что тебѣ было ввѣрено. Не заботься болѣе, отдавъ стяжаніе свое въ сокровищницу, изъ которой не могутъ его похитить. Если познаешь, какова жизнь настоящая и какова будущая, и что блага жизни настоящей—паутина и тѣнь, а блага будущей непреходящи и безконечны, то уже не потребуешь другихъ убѣжденій. Теперь сынъ твой освободился отъ всякой перемѣны; а пребывая здѣсь, онъ, можетъ быть, былъ бы добръ, а можетъ быть—и нѣтъ. Не видишь ли, сколько людей отрекаются отъ дѣтей своихъ? Сколь многіе принуждены бываютъ держать у себя въ домѣ такихъ дѣтей, которые хуже самыхъ отверженныхъ? Итакъ, представляя все это въ умѣ своемъ, будемъ любомудрствовать; поступая такимъ образомъ, мы и умершему благоугодимъ, и отъ людей заслужимъ многія похвалы, и отъ Бога получимъ великія награды за терпѣніе, и достигнемъ вѣчныхъ благъ, которыхъ всѣ мы да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXII.

377 И преходящу оттуду Іисусови, по Немъ идоста два слѣпца, зовуща и глаголюща: помилуй ны, Сыне Давидовъ! И пришедшу Ему въ домъ, приступиста къ Нему слѣпца, и глагола има Іисусъ: вѣруета ли, яко могу сіе сотворити? Глаголаста Ему: ей Господи! Тогда прикоснуся очію ихъ, глаголя: по вѣрѣ ваю буди вама. И отверзостася очи има (Матѳ. IX, 27—30).

1. Для чего Христосъ заставляетъ идти слѣпыхъ за собою и просить о помилованіи? Для того, чтобы и въ этомъ случаѣ научить насъ убѣгать людской славы. Такъ какъ домъ находился по близости, то Онъ ведетъ ихъ туда въ намѣреніи исцѣлить наединѣ. Это видно изъ того, что Христосъ не велѣлъ никому сказывать объ исцѣленіи. Не мало также обличаетъ это и іудеевъ, когда слѣпые, будучи лишены зрѣнія, пріемлютъ вѣру по одному слуху; между тѣмъ какъ іудеи, видя чудеса и увѣряясь въ дѣйствительности ихъ собственными глазами, поступаютъ совершенно иначе. Замѣть и усердіе слѣпыхъ, о которомъ можно судить по ихъ крику и моленію; они не просто приступили, но взывали громкимъ голосомъ,—ничего больше не говоря, кромѣ: *помилуй ны!* Сыномъ же Давидовымъ называли потому, что это казалось имъ почетнымъ наименованіемъ. Часто и пророки такъ называли царей, которыхъ хотѣли почтить и возвеличить (Іезек. XXXIV, 23; Зах. XII, 8). Приведши слѣпыхъ въ домъ, Христосъ еще спрашиваетъ. Онъ

большею частію исцѣлялъ только по просьбѣ — чтобы не подумали, что Онъ изъ честолюбія Самъ ищетъ случаевъ творить такія чудеса, а равно, чтобы показать, что исцѣляемые Имъ были достойны исцѣленія, и чтобы не сказали, что если Онъ исцѣлялъ по одному милосердію, то надлежало бы всѣмъ исцѣлиться. Вѣдь и самое человѣколюбіе соразмѣряется нѣсколько съ вѣрою исцѣляемыхъ. Но не по этимъ только причинамъ Христосъ требуетъ отъ нихъ вѣры. Такъ какъ они называли Его сыномъ Давидовымъ, то, возводя ихъ къ высшему понятію и научая, какъ должны разумѣть о Немъ, Онъ и спрашиваетъ: *вѣруета ли, яко могу сіе сотворити* (Матѳ. IX, 28)? Не сказалъ: вѣруете ли, что Я могу умолить Отца Моего, могу испросить у Него; но сказалъ: вѣруете ли, что Я могу это сдѣлать? Что же они? *Ей Господи*! Уже называютъ Его не сыномъ Давидовымъ, но парятъ мыслію выше, и исповѣдуютъ Его владычество. А тогда уже и Самъ Онъ, возлагая руку, говоритъ: *по вѣрѣ ваю буди вама*. Дѣлаетъ это, чтобы укрѣпить ихъ вѣру и показать, что сами они участвовали въ своемъ исцѣленіи, а равно и засвидѣтельствовать, что въ словахъ ихъ не было лести. Онъ не сказалъ: да отверзутся очи ваши, но говоритъ: *по вѣрѣ ваю буди вама*. То же самое Онъ говоритъ и многимъ другимъ изъ приходящихъ къ нему, чтобы прежде исцѣленія тѣлесныхъ недуговъ обнаружить сердечную ихъ вѣру, а чрезъ то и исцѣленныхъ сдѣлать болѣе опытными, и въ другихъ возбудить большую ревность къ добру. Такъ Онъ поступаетъ и съ разслабленнымъ; прежде нежели возвратилъ крѣпость тѣлу, возставляетъ разслабленную его душу, говоря: *дерзай, чадо, отпущаются грѣси твои* (Матѳ. IX, 2)! Также, воскресивши дѣвицу, взялъ ее за руку, и повелѣвъ ей ѣсть (Марк. V, 41, 43; Лук. VIII, 54, 56), научилъ ее познать своего Благодѣтеля; подобнымъ образомъ поступилъ и съ сотникомъ, все приписавъ вѣрѣ его (Матѳ. VIII, 13). Равно и при избавленіи учениковъ отъ бури морской, сперва избавилъ ихъ отъ маловѣрія (Матѳ. VIII, 21).
Такъ и здѣсь: хотя Онъ зналъ тайныя ихъ мысли прежде, чѣмъ 378
они ихъ высказали, но, чтобы и въ другихъ возбудить такую же ревность, открываетъ ихъ и другимъ, совершеніемъ исцѣленія обнаруживая сокровенную ихъ вѣру.

Потомъ, по исцѣленіи, Христосъ повелѣваетъ имъ никому объ этомъ не сказывать, и не просто повелѣваетъ, но со всею строгостію: *запрети има*, говорится, *Іисусъ, глаголя: блюдита, да никтоже увѣсть. Она же изшедша прослависта Его по всей земли той* (Матѳ. IX, 30, 31). Впрочемъ они не удержались, но стали проповѣдывать и благовѣствовать,—не удержались, не смотря на повелѣніе молчать о происшедшемъ. Если Христосъ въ другомъ

случаѣ говоритъ: иди и проповѣдуй славу Божію, то это не противорѣчитъ сказанному въ настоящемъ случаѣ, но вполнѣ съ нимъ согласно. Христосъ научаетъ насъ не только ничего не говорить о себѣ, но удерживать и тѣхъ, которые захотятъ хвалить насъ; но если слава воздается Богу, то мы должны не только не препятствовать, но даже побуждать къ тому. *Тѣма же исходящема, се приведоша къ Нему человѣка нѣма бѣснуема* (ст. 32). Эта болѣзнь была не естественная, но происходила отъ діавольскаго злоумышленія. Потому и нужно было, чтобы бѣснуемаго привели другіе. Такъ какъ этотъ бѣсноватый, будучи не въ состояніи говорить, не могъ просить ни самъ, ни чрезъ другихъ, такъ какъ бѣсъ связалъ его языкъ, а съ языкомъ и душу,—то Господь не спрашиваетъ его о вѣрѣ, но немедленно исцѣляетъ отъ болѣзни. *Изгнану бѣсу*, говоритъ евангелистъ, *проглагола нѣмый; и дивишася народи, глаголюще: николиже явися тако во Израили* (ст. 33). Это-то особенно и причиняло досаду фарисеямъ, что Христа предпочитали не только всѣмъ современникамъ Его, но и предшественникамъ; предпочитали не за то, что исцѣлялъ, но за то, что исцѣлялъ легко, скоро, притомъ безчисленныя и неизлѣчимыя болѣзни. Такъ объ Іисусѣ судилъ народъ.

2. Но фарисеи судили совсѣмъ иначе. Они не только перетолковываютъ Его поступки, но не стыдятся говорить и противъ самихъ себя. Такова-то злоба! Въ самомъ дѣлѣ, что говорятъ они? *О князѣ бѣсовстѣмъ изгонитъ бѣсы* (Матѳ. IX, 34). Можетъ ли быть, что безразсуднѣе этого? Совершенно вѣдь невозмножно,—какъ и Самъ Христосъ говоритъ послѣ,—чтобы бѣсъ изгонялъ бѣса, такъ какъ и бѣсъ обыкновенно свое утверждаетъ, а не разоряетъ. А Христосъ не только изгонялъ бѣсовъ, но и очищалъ прокаженныхъ, воскрешалъ мертвыхъ, укрощалъ море, отпускалъ грѣхи, проповѣдывалъ царствіе, приводилъ къ Отцу, чего бѣсъ никогда и не захочетъ, и не сможетъ сдѣлать. Бѣсы приводятъ къ идоламъ, отвращаютъ отъ Бога и научаютъ не вѣрить будущей жизни. Бѣсъ, будучи оскорбленъ, не станетъ дѣлать добро, когда онъ, и не будучи оскорбленъ, причиняетъ вредъ даже тѣмъ, которые служатъ и угождаютъ ему. Но Христосъ поступаетъ совсѣмъ иначе. Онъ и послѣ столькихъ укоризнъ и поношеній, *прохождаше*, говоритъ евангелистъ, *грады вся и веси, уча на сонмищахъ ихъ, и проповѣдая евангеліе царствія, и цѣля всякъ недугъ и всяку язю* (Матѳ. IX, 35). Онъ не только не наказывалъ ихъ за безчувственность, но даже и не укорялъ, показывая тѣмъ и Свою кротость и опровергая возводимую на Него клевету, и вмѣстѣ желая послѣдующими чудесами еще болѣе удостовѣрить, и
879 потомъ уже обличать словами. Итакъ Онъ ходилъ и по горо-

дамъ, и по селамъ, и по синагогамъ ихъ, научая тѣмъ насъ воздавать за злословіе не злословіемъ, но большими благодѣяніями. Если ты оказываешь благодѣянія своимъ сорабамъ не для людей, но для Бога, то какъ бы они ни поступали, не переставай благодѣтельствовать, чтобы получить большую мзду. А кто перестаетъ благодѣтельствовать потому, что его злословятъ, тотъ показываетъ, что онъ благотворилъ не ради Бога, но ради похвалы отъ людей. Вотъ почему Христосъ, научая насъ, что Онъ по одной благости пришелъ благодѣтельствовать, не дожидался того, чтобы приходили къ Нему страждущіе, а Самъ поспѣшалъ къ нимъ, принося имъ два величайшія блага: во-первыхъ, евангеліе царствія, во-вторыхъ, исцѣленіе отъ всѣхъ болѣзней. Онъ ни города не проходилъ мимо, ни селенія не пропускалъ, но посѣщалъ всякое мѣсто. Даже и тѣмъ не довольствуется, но показываетъ и еще большую заботливость. *Видѣвъ народы*, говоритъ евангелистъ, *милосердова о нихъ, яко бяху смятени и отвержени, яко овцы не имущія пастыря. Тогда глагола ученикомъ Своимъ: жатва убо многа, дѣлателей же мало; молитеся убо Господину жатвы, яко да изведетъ дѣлатели на жатву Свою* (Матѳ. ix, 36—38). Смотри опять, какъ Онъ далекъ отъ тщеславія. Чтобы не водить всѣхъ за Собою, Онъ посылаетъ учениковъ. Впрочемъ не для того только посылаетъ, но и для собственнаго ихъ обученія, чтобы, образовавшись въ Палестинѣ, какъ бы въ нѣкоторомъ училищѣ ратоборства, они приготовили себя къ подвигамъ въ цѣломъ мірѣ. Потому-то, какъ юныхъ птенцовъ пріучая къ летанію, Онъ открываетъ обширнѣйшее поприще для ихъ дѣйствованія, сколько было то соразмѣрно съ ихъ силами, чтобы они удобнѣе могли приступить къ послѣдующимъ подвигамъ; и сначала дѣлаетъ ихъ только врачами тѣлъ, чтобы послѣ ввѣрить имъ важнѣйшее — врачеваніе душъ. И смотри, какъ показываетъ легкость и необходимость этого дѣла. *Жатва*, говоритъ Онъ, *многа, дѣлателей же мало.* Я, говоритъ, посылаю васъ не сѣять, но жать. Подобнымъ образомъ сказалъ Онъ и у Іоанна: *иніи трудишася, и вы въ трудъ ихъ внидосте* (Іоан. iv, 38). Этими словами Онъ удерживалъ ихъ отъ самомнѣнія, возбуждалъ къ бодрости и показывалъ, что предшествовавшій трудъ былъ больше. Смотри же: Онъ и здѣсь начинаетъ милостію, а не судомъ. *Милосердова*, сказано, *яко бяху смятени и отвержени, яко овцы, не имущія пастыря.* Этимъ Онъ укорялъ начальниковъ іудейскихъ за то, что они, будучи пастырями, показывали въ себѣ свойства волковъ, потому что не только не исправляли народа, но и препятствовали ему быть лучшимъ. Народъ удивлялся и говорилъ: *николиже явися тако во Израили* (Матѳ. ix, 33)! А они, напротивъ, говорили: *о князѣ бѣсовстѣмъ изгонитъ бѣсы* (ст. 34)!

Но о какихъ дѣлателяхъ говоритъ здѣсь Господь? О двѣнадцати ученикахъ. Что же? Сказавши: *дѣлателей мало*, увеличилъ ли ихъ число? Нѣтъ, но послалъ двѣнадцать только. Такъ почему же Онъ сказалъ: *молитеся Господину жатвы, да изведетъ дѣлатели на жатву Свою*,—а никого къ нимъ не присоединилъ? Потому, что впослѣдствіи Онъ и двѣнадцатью замѣнилъ многихъ, не увеличивъ ихъ числомъ, но даровавъ имъ силу.

3. Далѣе, желая показать, какъ великъ даръ, говоритъ имъ:
380 *молитеся Господину жатвы* — и, хотя не прямо, даетъ разумѣть, что Онъ есть этотъ Господинъ. Сказавши: *молитеся Господину жатвы*, безъ просьбы и безъ моленія ихъ, Самъ немедленно рукополагаетъ ихъ въ это званіе и приводитъ имъ на память то, что говорилъ Іоаннъ о гумнѣ, о лопатѣ, о плевелахъ и о пшеницѣ. Отсюда видно, что Онъ есть Дѣлатель, Онъ есть Господинъ жатвы, Онъ есть Владыка пророковъ. Если Онъ послалъ жать, то конечно не чужое, но то, что Онъ сѣялъ чрезъ пророковъ. И не тѣмъ только ободрилъ ихъ, что назвалъ служеніе ихъ жатвою; но особенно тѣмъ, что даровалъ имъ и силу къ этому служенію. *И призва*, говоритъ евангелистъ, *обанадесять ученики Своя, даде имъ власть на дусѣхъ нечистыхъ, яко да изгонятъ ихъ, и цѣлити всякъ недугъ и всяку болѣзнь* (Матѳ. x, 1). Впрочемъ, Духъ еще не былъ ниспосланъ: *не у бо бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. vii, 39). Какъ же они изгоняли духовъ? Повелѣніемъ и властію Христа. Смотри же, какъ благовременно это посольство. Онъ не съ самаго начала послалъ ихъ, но когда они уже довольно времени были Его послѣдователями, и видѣли, какъ Онъ воскресилъ мертваго, запретилъ морю, изгонялъ бѣсовъ, исцѣлилъ разслабленнаго, отпускалъ грѣхи, очистилъ прокаженнаго. Когда достаточно, и дѣломъ и словомъ, удостовѣрились въ могуществѣ Его, тогда уже и посылаетъ ихъ; посылаетъ не на опасные подвиги,—въ Палестинѣ не было еще никакой опасности,—приходилось только подвергаться злословіямъ. Впрочемъ, предсказываетъ имъ и объ опасностяхъ, чтобы заранѣе приготовить и частымъ напоминаніемъ пріучить ихъ къ нимъ. Далѣе, такъ какъ евангелистъ сказалъ уже о двухъ двоицахъ апостоловъ,—о Петрѣ и Іоаннѣ съ братьями ихъ (Матѳ. vi, 18 и 21),—и послѣ нихъ упомянулъ о призваніи Матѳея (ix, 9), о призваніи же и именахъ другихъ апостоловъ ничего не говорилъ намъ, то теперь находитъ нужнымъ перечислить ихъ по порядку, и называетъ ихъ по именамъ, говоря такъ: *дванадесятихъ же апостоловъ имена суть сія: первый Симонъ, иже нарицается Петръ* (Матѳ. x, 2). Былъ и другой Симонъ, называвшійся Кананитомъ; равно какъ былъ Іуда Искаріотскій и Іуда Іаковлевъ, и

Іаковъ Алфеевъ и Іаковъ Заведеевъ. Маркъ перечисляетъ апостоловъ по достоинству, послѣ двухъ верховныхъ поставляя Андрея; но Матѳей перечисляетъ не такъ, а иначе: онъ ставитъ выше себя Ѳому, который былъ гораздо ниже. Разсмотримъ же ихъ по порядку, начиная съ перваго. *Первый Симонъ, иже нарицается Петръ и Андрей братъ его.* И это уже не малая похвала. Одного похвалилъ за добродѣтель, а другого за благородство нрава. Далѣе—*Іаковъ Заведеевъ и Іоаннъ братъ его.* Видишь, что евангелистъ не по достоинству ставитъ ихъ. Мнѣ думается, что Іоаннъ былъ не только выше другихъ, но и брата своего. Послѣ того, сказавши: *Филиппъ и Варѳоломей,* присовокупилъ: *Ѳома и Матѳей мытарь* (Матѳ. x, 3); а Лука напротивъ ставитъ его выше Ѳомы. Далѣе: *Іаковъ Алфеевъ*—потому что былъ, какъ я выше сказалъ, Іаковъ Заведеевъ. Затѣмъ, сказавши о Леввеѣ, который иначе назывался Ѳаддеемъ, и о Симонѣ Зилотѣ, котораго называетъ также Кананитомъ, доходитъ до предателя, и говоритъ о немъ не какъ врагъ и противникъ, но какъ историкъ. Не сказалъ: скверный и беззаконный Іуда,—но по имени города назвалъ его Иска- 380
ріотскимъ. Былъ и другой Іуда—Леввей, прозванный Ѳаддеемъ, котораго Лука называетъ Іаковлевымъ, говоря: *Іуда Іаковль* (Лук. vi, 16), а потому Матѳей, отличая одного отъ другого, говоритъ: *Іуда Искаріотскій, иже и предаде Его* (Матѳ. x, 4). И не стыдится говорить: *иже и предаде Его.* Такъ евангелисты никогда ничего не скрываютъ,—даже и того, что казалось предосудительнымъ. Впрочемъ, самый первый и верховный изъ апостоловъ былъ человѣкъ неученый и простой. Но посмотримъ, куда и къ кому Христосъ посылаетъ ихъ? *Сія обанадесять,* говоритъ, *посла Іисусъ* (ст. 5). Кто же они таковы? Рыбари, мытари. Четверо изъ нихъ были рыбари, двое мытари — Матѳей и Іаковъ, а одинъ и предатель. Что же говоритъ имъ? Тотчасъ заповѣдуетъ имъ, говоря: *на путь языкъ не идите, и во градъ Самарянскій не внидите. Идите же паче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (ст. 5). Не подумайте, говоритъ Онъ, будто за то, что они Меня поносятъ и называютъ бѣснующимся, Я питаю къ нимъ ненависть и отвращеніе; напротивъ, Я стараюсь исправить ихъ прежде другихъ, и запрещаю вамъ ходить къ другимъ народамъ; къ нимъ посылаю васъ учителями, врачами. И не только запрещаю вамъ проповѣдывать кому-либо прежде ихъ, но не позволяю даже и ступать на путь, который ведетъ къ язычникамъ, и входить въ городъ самарянскій.

4. И самаряне были противниками іудеевъ, хотя ихъ обращать было удобнѣе, потому что они гораздо болѣе расположены были къ вѣрѣ, а обращать іудеевъ было труднѣе. И однако

Іисусъ посылаетъ апостоловъ къ упорнымъ іудеямъ, показывая тѣмъ Свое о нихъ попеченіе, заграждая ихъ уста, и пролагая путь проповѣди апостольской, чтобы послѣ не стали жаловаться, что апостолы пошли къ необрѣзаннымъ, и чтобы не имѣли никакой благовидной причины убѣгать и отвращаться ихъ. Называя же ихъ овцами погибшими, а не заблудившимися, всячески внушаетъ имъ мысль о прощеніи, и привлекаетъ сердца ихъ. *Ходяще же*, говоритъ Онъ, *проповѣдуйте, глаголюще, яко приближися царствіе небесное* (ст. 7). Видишь величіе служенія? Видишь достоинство апостоловъ? Имъ не велѣно говорить ни о чемъ чувственномъ, о чемъ говорили Моисей и прежде бывшіе пророки; но повелѣвается говорить о предметахъ новыхъ и необычайныхъ. Тѣ проповѣдывали не о небесномъ царствіи, но о землѣ и о земныхъ благахъ; а эти проповѣдуютъ о царствѣ небесномъ, и о всемъ, что тамъ. Но не этимъ только апостолы превосходятъ пророковъ, а и послушаніемъ. Они не отказываются, не уклоняются отъ повелѣній, какъ поступали древніе; но, слыша и объ опасностяхъ, и о войнахъ, и о несносныхъ бѣдствіяхъ, съ совершенною покорностію принимаютъ повелѣнія, какъ проповѣдники царствія. Но чему тутъ дивиться, скажешь, ежели они охотно повиновались, когда должны были проповѣдывать безъ скорби и тягости? Что ты говоришь? Имъ не заповѣдано ничего тягостнаго? Развѣ не слышишь о темницахъ, о смертныхъ приговорахъ, о гоненіяхъ отъ единоплеменниковъ, о всеобщей ненависти? Все это, по словамъ Христа, вскорѣ должны они были испытать на себѣ. Онъ посылаетъ ихъ проповѣдниками и раздаятелями безчисленныхъ благъ другимъ; а самимъ возвѣщаетъ и предрекаетъ несносныя бѣдствія. Затѣмъ, чтобы ихъ проповѣдь удобнѣе могла расположить къ вѣрѣ, говоритъ: *болящія исцѣляйте, прокаженныя очищайте,*
382 *бѣсы изгоняйте: туне пріясте, туне дадите* (ст. 8). Замѣть, какъ Онъ заботится о правахъ ихъ: не меньше, чѣмъ о чудесахъ, показывая имъ, что чудеса безъ доброй нравственности ничего не значатъ; говоря: *туне пріясте, туне дадите*,—Онъ смиряетъ ихъ высокоуміе и предостерегаетъ отъ сребролюбія. И чтобы не подумали, что производимыя ими чудеса плодъ ихъ добродѣтелей, и не возгордились тѣмъ, говоритъ: *туне пріясте*. Вы ничего своего не даете тѣмъ, которые принимаютъ васъ; получили вы эти дары не въ награду и не за труды: это Моя благодать. Такъ и другимъ давайте, потому что нельзя найти цѣны, достойной этихъ даровъ. Потомъ, исторгая тотчасъ же и самый корень золъ, говоритъ: *не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни пиры въ путь, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла* (ст. 9, 10). Не сказалъ: не берите съ собою; но хотя бы ты и въ другомъ мѣстѣ

могъ взять, избѣгай этого пагубнаго недуга. Чрезъ это достигалъ Онъ многаго. Во-первыхъ, удалялъ отъ учениковъ всякое подозрѣніе; во-вторыхъ, освобождалъ ихъ отъ всякой заботы, чтобы они занимались одною проповѣдію; въ-третьихъ, показывалъ имъ Свое могущество. Для того-то и говоритъ имъ послѣ: имѣли ли вы въ чемъ недостатокъ, когда Я посылалъ васъ безъ одѣянія и безъ обуви? И не вдругъ говоритъ имъ: *не стяжите;* но сперва сказалъ: *прокаженныя очищайте, бѣсы изгоняйте*, а потомъ уже заповѣдалъ: ничего *не стяжите; туне пріясте, туне дадите* (ст. 9, 8), повелѣвая имъ то, что и на дѣлѣ полезно, что и прилично, и возможно. Но, можетъ быть, скажутъ: другія требованія справедливы; но почему Онъ и въ дорогѣ не велѣлъ имъ имѣть ни сумы, ни двухъ одеждъ, ни жезла, ни сапоговъ? Потому, что хотѣлъ пріучить ихъ къ строгой жизни, такъ какъ и выше не позволилъ имъ заботиться даже и о слѣдующемъ днѣ. Онъ готовилъ ихъ быть учителями вселенной; потому и дѣлаетъ ихъ, такъ сказать, изъ человѣковъ ангелами, освобождая ихъ отъ всякаго житейскаго попеченія, чтобы они заботились объ одной только проповѣди,—или, лучше сказать, Онъ освобождаетъ ихъ и отъ этой заботы, говоря: *не пецытеся, како и что возглаголете* (Матѳ. x, 19), и такимъ образомъ, что казалось весьма труднымъ и тягостнымъ, представляетъ имъ весьма легкимъ и удобнымъ. Подлинно, ничто столько не служитъ къ душевному спокойствію, какъ свобода отъ заботъ и попеченій, особенно если, освободившись отъ этихъ заботъ и попеченій, можно не имѣть ни въ чемъ недостатка, имѣя помощникомъ Бога, Который замѣняетъ Собою все. Потомъ, въ предупрежденіе вопроса: откуда же будемъ получать необходимое пропитаніе?—не говоритъ имъ: вы слышали, что Я говорилъ вамъ прежде: *воззрите на птицы небесныя* (Матѳ. vi, 26),—каковой заповѣди они еще не въ состояніи были выполнить,—но выразился легче, сказавъ: *достоинъ есть дѣлатель мзды своея* (гл. x, ст. 10), желая показать этими словами, что имъ должно получать себѣ пропитаніе отъ учениковъ, чтобы они не гордились предъ учениками своими тѣмъ, что, доставляя имъ все, сами ничѣмъ отъ нихъ не заимствуются, а ученики, въ свою очередь, будучи презираемы ими, не отдѣлились отъ нихъ.

5. Далѣе, чтобы ученики не сказали: итакъ, велишь жить милостынею? и не вмѣнили бы того себѣ въ стыдъ,—Христосъ 383
называя ихъ дѣлателями, а даваемое имъ — мздою, показываетъ, что это такъ должно и быть. Хотя дѣло ваше, говоритъ Онъ, состоитъ только въ ученіи, но не думайте, чтобы оказываемое вами благодѣяніе было маловажно; ваше занятіе сопряжено съ великими трудами, и что даютъ вамъ поучаемые, даютъ не

даромъ, но въ вознагражденіе: *достоинъ бо дѣлатель мзды своея*. Это Онъ сказалъ не потому, чтобы труды апостоловъ того только и стоили,—совсѣмъ нѣтъ! Здѣсь Онъ давалъ только ученикамъ правило не требовать большаго, а доставляющихъ имъ нужное вразумлялъ, что они дѣлаютъ это не по щедрости, но по долгу. *Въ оньже аще градъ или весь внидете, испытайте, кто въ немъ достоинъ есть, и ту пребудите, дондеже изыдете* (ст. 11). Когда Я сказалъ,— говоритъ Онъ,—*достоинъ дѣлатель мзды своея*, то этимъ не отворилъ дверей для васъ ко всѣмъ; напротивъ, и въ этомъ повелѣваю вамъ поступать съ большою осмотрительностію, что послужитъ вамъ къ пріобрѣтенію и чести, и самаго пропитанія. Въ самомъ дѣлѣ, если принимающій васъ человѣкъ будетъ достоинъ, то онъ непремѣнно дастъ вамъ пропитаніе, особенно, если вы кромѣ необходимаго ничего болѣе не потребуете. Но Христосъ не только повелѣваетъ искать достойныхъ, но и не переходить изъ дома въ домъ, чтобы ни принимающаго не оскорбить, ни самимъ не подвергнуться нареканію въ чревоугодіи и легкомысліи. Это-то и внушалъ Онъ словами: *ту пребудите, дондеже изыдете*. То же самое можно видѣть и у другихъ евангелистовъ. Видишь ли, какъ Онъ этимъ дѣлаетъ учениковъ достойными уваженія, а пріемлющихъ ихъ ревностнѣйшими къ принятію, показавъ, что отъ этого несравненно болѣе для нихъ самихъ будетъ и славы, и пользы? Продолжая то же наставленіе, говоритъ: *входяще же въ домъ, цѣлуйте его. И аще убо будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ нань: аще ли же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится* (ст. 12, 13). Смотри, до какихъ подробностей Онъ доходитъ въ Своихъ наставленіяхъ,—и не безъ причины. Онъ готовилъ ихъ быть подвижниками благочестія и проповѣдниками вселенной; а потому, пріучая къ умѣренности и дѣлая достойными любви, говоритъ: *и иже аще не пріиметъ васъ, ниже послушаетъ словесъ вашихъ, исходяще изъ дому, или изъ града того, оттрясите прахъ ногъ вашихъ. Аминь глаголю вамъ: отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, неже граду тому* (ст. 14, 15). Не ожидайте, говоритъ, привѣтствія себѣ отъ другихъ, потому что вы учители, но сами прежде отдавайте честь другимъ. Кромѣ того, показывая, что ихъ привѣтствіе не простое слово, но благословеніе, говоритъ: если будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ на него, а если оскорбятъ васъ, то первымъ наказаніемъ будетъ то, что домъ лишится мира, а вторымъ то, что подвергнется одинаковой участи съ Содомомъ. Но скажутъ: какая намъ польза въ ихъ казняхъ? Такая, что для васъ найдутся домы достойныхъ. Что же значитъ выраженіе: *оттрясите прахъ ногъ вашихъ?* Этимъ показывается или то, что

апостолы ничего у нихъ не заимствовали, или это служитъ свидѣтельствомъ дальняго путешествія, которое апостолы предпринимали для нихъ. Но замѣть, что Господь еще не всѣ дарованія даетъ апостоламъ. Такъ не даетъ еще имъ предвѣдѣнія, чтобы могли узнавать, кто достоинъ и кто недостоинъ, а велитъ узнавать и дожидаться, что покажетъ опытъ. Почему же Самъ Онъ 381
пребывалъ у мытаря? Потому что мытарь, перемѣнившись, сдѣлался достойнымъ. Замѣть еще, что Онъ, лишивши апостоловъ всего, все имъ далъ, когда позволилъ жить въ тѣхъ домахъ, гдѣ принимали ихъ наставленія, ничего при себѣ не имѣя, входить въ эти дома. Такимъ образомъ, и сами они освобождались отъ заботъ, и принимавшихъ удостовѣряли, что пришли къ нимъ единственно для спасенія ихъ, какъ тѣмъ, что ничего съ собою не приносили, такъ и тѣмъ, что кромѣ необходимаго ничего отъ нихъ не требовали, наконецъ и тѣмъ, что входили не ко всѣмъ безъ разбора. Господь хотѣлъ, чтобы апостолы славились не одними чудесами, но болѣе чудесъ—своими добродѣтелями. Подлинно, ничто столько не отличаетъ любомудрія, какъ то, чтобы не имѣть ничего излишняго и довольствоваться какъ можно меньшимъ. Это знали и лжеапостолы. Потому Павелъ и говоритъ: *да, о Немже хвалятся, обрящутся якоже и мы* (2 Кор. XI, 12). Если же и на чужой сторонѣ, отправляясь къ людямъ незнакомымъ, не должно ничего болѣе домогаться, кромѣ ежедневной пищи, то не гораздо ли болѣе, находясь дома?

6. Не выслушать только должны мы сказанное, но и исполнять на дѣлѣ. Не объ одних вѣдь апостолахъ сказано это, но и о послѣдующихъ святыхъ. Итакъ, постараемся сдѣлаться достойными принять ихъ къ себѣ. Смотря по расположенію принимающихъ, миръ можетъ и приходить къ нимъ и опять удаляться; это зависитъ не отъ власти только учителей, но и отъ достоинства пріемлющихъ. Не станемъ же считать для себя маловажною потерею, если не насладимся этимъ миромъ, о которомъ еще издревле провозгласилъ пророкъ, говоря: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ* (Ис. LII, 7), причемъ, изъясняя достоинство мира, присовокупилъ: *благовѣствующихъ благая*. И самъ Христосъ показалъ важность этого мира, говоря: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан, XIV, 27). Поэтому должно употреблять все стараніе, чтобы наслаждаться имъ какъ дома, такъ и въ церкви. И въ церкви предстоятель даетъ миръ, и это служитъ образомъ мира, даруемаго Христомъ; и потому предстоятеля должно принимать со всякимъ усердіемъ, предоставляя ему не столько трапезу, сколько свое расположеніе. Если худо не удѣлять отъ трапезы, то не гораздо ли хуже отвергать благословляющаго? Для тебя

сидитъ пресвитеръ, для тебя стоитъ учитель, трудится и изнуряется. Какое же ты будешь имѣть извиненіе, когда и словъ его не принимаешь? Церковь есть общій всѣхъ домъ, куда мы входимъ за вами, по примѣру апостоловъ, почему и входя, тотчасъ же, по заповѣди Христовой, всѣхъ вообще привѣтствуемъ миромъ. Итакъ, никто не будь нерадивъ, никто не будь разсѣянъ, когда священники входятъ и преподаютъ поученіе: за это угрожаетъ немалое наказаніе. Лучше для меня тысячекратно подвергнуться презрѣнію, входя къ кому-нибудь изъ васъ въ домъ, чѣмъ не быть выслушаннымъ, когда здѣсь привѣтствуютъ васъ миромъ. Послѣднее для меня гораздо несноснѣе перваго, такъ какъ и домъ этотъ несравненно важнѣе; здѣсь хранятся великія наши сокровища, здѣсь всѣ наши надежды. И что здѣсь не велико, что не досточтимо? И трапеза эта несравненно почтеннѣе и сладостнѣе твоей домашней трапезы, и свѣтильникъ этотъ—твоего свѣтильника; это знаютъ тѣ, которые, съ вѣрою и благовременно пома-
385 завшись елеемъ, получили исцѣленіе. И эта сокровищница несравненно превосходнѣе и необходимѣе твоей сокровищницы, потому что въ ней положены не одежды, но милостыня, хотя и немногіе владѣютъ этой сокровищницей [1]). Здѣсь и ложе лучше твоего: успокоеніе, доставляемое Священнымъ Писаніемъ, пріятнѣе всякаго ложа. И если бы мы соблюдали совершенное согласіе, то кромѣ этого мы не имѣли бы другого дома. А что это не трудно, свидѣтельствуютъ тѣ три тысячи и пять тысячъ вѣрующихъ, которые имѣли и домъ, и трапезу, и душу одну. У множества вѣровавшихъ, говорится, *бѣ сердце и душа едина* (Дѣян. IV, 32). Но такъ какъ въ этой добродѣли мы далеко отстали отъ нихъ, и живемъ по разнымъ домамъ, то, по крайней мѣрѣ, когда собираемся сюда, будемъ ревностно исполнять ее. Если мы недостаточны и бѣдны въ чемъ другомъ, по крайней мѣрѣ, будемъ богаты хотя въ этомъ. Поэтому хотя здѣсь, когда входимъ къ вамъ, принимайте насъ съ любовію. И когда я скажу: *миръ вамъ*, вы скажите: *и духови твоему*; скажите не голосомъ только, но и сердцемъ, не устами только, но и духомъ. Иначе, ежели ты здѣсь скажешь: и духови твоему миръ, а вышедши, будешь возставать противъ меня, будешь меня презирать, злословить и втайнѣ поносить безчисленными ругательствами,—то что это за миръ? Впрочемъ, хотя ты и будешь меня всячески злословить, я даю

[1]) Вѣроятно Златоустъ хотѣлъ выразить здѣсь ту мысль, что немногіе обогащаютъ церковную сокровищницу подаяніемъ милостыни, поскольку владѣтелями этой сокровищницы могутъ быть названы только тѣ, кто полагаетъ въ ней свою милостыню.

тебѣ миръ отъ чистаго сердца, съ искреннимъ расположеніемъ, и ничего худого никогда не могу сказать о тебѣ: у меня отеческое сердце, и хотя иногда я и осуждаю тебя, по дѣлаю это, заботясь о тебѣ же. А если ты втайнѣ язвишь меня, и не принимаешь въ домѣ Господнемъ, то страшусь, чтобъ ты еще на увеличилъ моей скорби—не тѣмъ, что оскорбилъ меня, ни тѣмъ, что выгналъ меня, но тѣмъ, что отвергъ миръ, и навлекъ на себя столь жестокое наказаніе. Хотя я и не оттрясу праха, хотя не пойду отъ тебя прочь,—но угроза остается во всей своей силѣ. Я часто привѣтствую васъ миромъ, и никогда не перестану привѣтствовать. Хотя вы и съ презрѣніемъ меня будете принимать, я все-таки и тогда не оттрясу праха,—не потому, чтобы я не хотѣлъ повиноваться Господу, но потому, что весьма горячо люблю васъ. Притомъ, я ничего и не терпѣлъ для васъ, не предпринималъ дальняго путешествія; пришелъ къ вамъ не такъ, какъ приходили апостолы, ничего при себѣ не имѣя (за что и винимъ напередъ себя), пришелъ не безъ сапоговъ, не безъ другой одежды,—почему, можетъ быть, и вы упускаете съ своей стороны должное. Только этого недостаточно для вашего оправданія. Пусть мы подвергнемся большому осужденію; но это нимало не служитъ къ вашему извиненію.

7. Тогда домы были церквами, а нынѣ церковь сдѣлалась домомъ. Тогда и въ домахъ не говорили о житейскомъ, а нынѣ и въ церкви не говорятъ о духовномъ. Вы и здѣсь поступаете, какъ на торжищѣ; и когда говоритъ самъ Богъ, не только не слушаете словъ Его въ молчаніи, а занимаетесь разговорами совсѣмъ о другихъ предметахъ. И пусть бы вы занимались тѣмъ, что касается васъ самихъ; нѣтъ—вы говорите и слушаете то, до чего вамъ и дѣла нѣтъ. Вотъ о чемъ я плачу, и не перестану плакать! Я не властенъ оставить этого дома; намъ необходимо оставаться здѣсь, доколѣ не отойдемъ изъ настоящей жизни. Итакъ, ***вмѣстите ны*** (2 Кор. VII, 2), — какъ увѣщевалъ Павелъ. Это сказано у него не о трапезѣ, но о сердцѣ и расположеніи. Того же и мы отъ васъ требуемъ: любви, пріязни сердечной и 386
искренной. Если же и это тяжело для васъ, то, по крайней мѣрѣ, оставивъ теперешнюю безпечность, возлюбите самихъ себя. Для нашего утѣшенія довольно и того, если увидимъ, что вы успѣваете въ добрѣ и дѣлаетесь лучшими. Въ такомъ случаѣ и я покажу больше любви, „если и слишкомъ любя васъ, вами буду любимъ менѣе“. Многое вѣдь побуждаетъ насъ къ взаимному общенію: всѣмъ намъ предлагается одна трапеза; одинъ Отецъ породилъ насъ; всѣ мы произошли отъ одной утробы; всѣмъ подается одно питіе, и не только одно, но изъ одной чаши.

Отецъ, между прочими средствами расположить насъ къ взаимной любви, употребилъ и то, чтобы мы пили изъ одной чаши: это служитъ знакомъ крѣпкой любви. Но скажешь, что мы не можемъ равняться съ апостолами. И я въ томъ согласенъ, и ни мало не спорю; мы не стоимъ не только ихъ, но даже и тѣни ихъ. Но при всемъ томъ вы должны исполнять свое дѣло. Это не только не сдѣлаетъ вамъ стыда, но еще болѣе послужитъ къ вашей пользѣ. Когда будете оказывать должную любовь и послушаніе къ недостойнымъ, получите большее воздаяніе. Мы говоримъ не отъ себя, такъ какъ у насъ и нѣтъ учителя на землѣ; что мы приняли, то и даемъ, и когда даемъ, ничего не требуемъ отъ васъ, кромѣ одной любви. Если мы на самомъ дѣлѣ недостойны любви, то, по крайней мѣрѣ, достойны ее за любовь нашу къ вамъ. Кромѣ того, намъ заповѣдано любить не только любящихъ насъ, но и враговъ нашихъ. Кто же будетъ столь жестокосердъ, столь грубъ, что, получивши такую заповѣдь, станетъ отвращаться и ненавидѣть даже любящихъ его, хотя самъ исполненъ безчисленныхъ пороковъ? Мы имѣли общеніе въ духовной трапезѣ; будемъ имѣть общеніе и въ духовной любви. Если разбойники, сидя за общимъ столомъ, забываютъ свои злые нравы, то какое будемъ имѣть оправданіе мы, которые, всегда пріобщаясь тѣла Господня, не подражаемъ даже и имъ въ кротости? Для многихъ служитъ достаточнымъ побужденіемъ къ дружбѣ не только то, что имѣютъ общій столъ, но и то, что они изъ одного города; а мы, у которыхъ и градъ, и домъ, и столъ, и путь, и дверь, и корень, и жизнь, и глава, и Пастырь, и Царь, и Учитель, и Судія, и Творецъ, и Отецъ, и все общее, — какое будемъ имѣть извиненіе, удаляясь отъ общенія другъ съ другомъ? Не требуете ли и отъ насъ чудесъ, какія творили апостолы, приходя проповѣдывать: чтобы и мы очищали прокаженныхъ, изгоняли бѣсовъ, воскрешали мертвыхъ? Но то и будетъ самымъ сильнымъ доказательствомъ вашего благородства и любви, если будете вѣровать въ Бога, не требуя залоговъ. Богъ, какъ по этой причинѣ, такъ и по другимъ, прекратилъ чудеса. Если безъ чудесъ, обладающіе тѣми или другими совершенствами, какъ-то: даромъ слова, или благочестіемъ, тщеславятся, превозносятся, другъ отъ друга отдѣляются, то гдѣ не было бы раздѣленій, если бы были еще и чудеса? А что это говорю не по догадкѣ, — представляю въ доказательство коринѳянъ, которые отъ этого самаго раздѣлились на многіе толки. Ищи не чудесъ,
587 но спасенія души. Не ищи того, чтобъ видѣть одного мертвеца воскресшимъ, когда знаешь, что всѣ мертвые воскреснутъ; не ищи, чтобы видѣть слѣпца прозрѣвшимъ, но смотри, какъ нынѣ

всѣ начинают получать лучшее и полезнѣйшее зрѣніе. Научись и самъ смотрѣть цѣломудренно, и исправь твое око. Подлинно, если бы мы жили всѣ, какъ должно, то язычники дивились бы намъ больше, нежели чудотворцамъ. Чудеса часто считаютъ обманомъ, и находятъ въ нихъ много подозрительнаго, хотя чудеса христіанскія совсѣмъ не таковы. Но жизнь непорочная не можетъ подвергнуться никакому подобному подозрѣнію,—напротивъ, добродѣтель заграждаетъ уста всѣмъ.

8. Итакъ, будемъ упражняться въ добродѣтели; она составляетъ великое богатство и великое чудо. Она доставляетъ истинную свободу, являетъ ее и въ самомъ рабствѣ, не освобождая отъ рабства, но самихъ рабовъ дѣлая почтеннѣе свободныхъ; а это гораздо важнѣе, чѣмъ дать самую свободу. Она не дѣлаетъ бѣднаго богатымъ, но и въ самой бѣдности дѣлаетъ его достаточнѣе богатаго. Если ты хочешь и чудеса совершать, то освободись отъ грѣховъ—и все тобою будетъ сдѣлано. Возлюбленные, грѣхъ есть самый злой бѣсъ. И если его изъ себя выгонишь, то сдѣлаешь болѣе, нежели тѣ, которые изгоняютъ тысячи бѣсовъ. Послушай, какъ Павелъ добродѣтель поставляетъ выше чудесъ: *ревнуйте*, говоритъ онъ, *дарованій большихъ; и еще по превосхожденію путь вамъ показую* (1 Кор. XII, 31); и далѣе, показывая этотъ путь, не упомянулъ ни о воскресеніи мертвыхъ, ни объ очищеніи прокаженныхъ, ни о чемъ другомъ тому подобномъ, но вмѣсто всего того сказалъ о любви. Послушай, что говоритъ и Христосъ: *не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются*; но *яко имена* 388
ваша написана суть на небесѣхъ (Лук. X, 20). И прежде, въ другомъ мѣстѣ: *мнози рекутъ Мнѣ во онъ день: не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и бѣсы изгонихомъ, и силы многи сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ, яко* не знаю васъ (Матѳ. VII, 22 и 23). Также предъ крестнымъ страданіемъ, призвавши учениковъ, сказалъ имъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35), — а не потому, что будете изгонять бѣсовъ. И опять: по этому узнаютъ всѣ, что Ты Меня послалъ (Іоан. XVII, 23) — не изъ того, что они будутъ воскрешать мертвыхъ, но изъ того, что будутъ едино. Чудеса часто другому приносятъ пользу, а тому, кто творитъ ихъ, вредятъ, или доводя его до гордости и тщеславія, или другимъ какимъ образомъ; а отъ добрыхъ дѣлъ ничего такого ожидать нельзя: они приносятъ пользу и тѣмъ, которые творятъ ихъ, и другимъ многимъ. Итакъ, будемъ совершать ихъ со всѣмъ тщаніемъ. Если ты изъ жестокосердаго сдѣлался милостивымъ, то исцѣлилъ сухую руку; если, оставивши зрѣлище, пошелъ въ церковь, то исправилъ хромую ногу; если отвратилъ глаза свои отъ блудницы и отъ красоты

чужой жены, то отверзъ слѣпыя очи; если вмѣсто сатанинскихъ пѣсней выучилъ ты духовные псалмы, то, будучи прежде нѣмымъ, сталъ говорить. Вотъ самыя великія чудеса! Вотъ дивныя знаменія! Если мы непрестанно будемъ совершать такія чудеса, то посредствомъ ихъ и сами сдѣлаемся великими и удивительными, и всѣхъ порочныхъ привлечемъ къ добродѣтели, и достигнемъ будущей жизни,—которой да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIII.

387 **Се азъ посылаю васъ, яко овцы посредѣ волковъ; будите убо мудри яко змія, и цѣли яко голубіе (Матѳ. x, 16).**

1. Послѣ того, какъ Господь обезпечилъ апостоловъ относительно пропитанія, и отверзъ имъ всѣ домы, Онъ и самый входъ ихъ содѣлалъ достойнымъ уваженія, повелѣвая имъ входить не какъ скитающимся и нищимъ, но какъ такимъ людямъ, которые гораздо почтеннѣе самихъ принимающихъ ихъ. (Это именно далъ Онъ разумѣть какъ словами: *достоинъ дѣлатель мзды своея* (Матѳ. x, 10), такъ и повелѣніемъ освѣдомляться о достойныхъ и у нихъ оставаться, а равно повелѣніемъ привѣтствовать пріемлющихъ и угрозой жестокихъ казней непріемлющимъ). Когда, такимъ образомъ, Онъ освободилъ ихъ отъ заботы о пропитаніи, вооружилъ знаменіями, сдѣлалъ ихъ какъ бы желѣзными и адамантовыми, отрѣшивъ отъ всего житейскаго и освободивъ отъ всѣхъ временныхъ заботъ,—тогда-то Онъ начинаетъ говорить уже и о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя имѣли ихъ постигнуть, и не только о тѣхъ, которыя должны были наступить вскорѣ, но и о тѣхъ, которыя имѣли послѣдовать по прошествіи многаго времени, и такимъ образомъ заранѣе приготовляетъ ихъ къ брани противъ діавола. Этимъ достигалось многое: во-первыхъ, апостолы узнали силу предвѣдѣ-
388 нія Его; во-вторыхъ, никто уже не могъ думать, что эти бѣдствія происходятъ отъ безсилія Учителя; въ-третьихъ, тѣ, которые должны были терпѣть эти бѣдствія, не могли ужасаться ихъ, какъ непредвидѣнныхъ и неожиданныхъ; въ-четвертыхъ, слыша это, апостолы не должны были смущаться и при наступленіи времени крестныхъ страданій,—какъ они смутились въ то время, когда Онъ, обличая ихъ, говорилъ: *яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша и никтоже отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши* (Іоан. xvi, 6, 5)? Впрочемъ, Онъ о Себѣ еще ни-

чего не говоритъ; не говоритъ, напримѣръ, что Онъ будетъ связанъ, мучимъ и умерщвленъ, чтобы этимъ не возмутить сердецъ ихъ; а только предсказываетъ имъ то, что имѣло съ ними случиться. Далѣе: чтобы они поняли, что имъ предлежитъ новый законъ брани и чудный образъ ополченія, Онъ, посылая ихъ почти нагими, съ одною одеждою, безъ обуви, безъ жезла, безъ мѣди при поясѣ, безъ сумы, и повелѣвая самое пропитаніе получать отъ тѣхъ, которые ихъ принимаютъ, и тѣмъ не кончилъ Своего слова, но показывая несказанную силу Свою, говоритъ: вотъ какъ вамъ должно идти (на проповѣдь): показывайте овчую кротость, хотя вы должны идти противъ волковъ, и не
просто противъ волковъ, но и посредѣ волковъ. И не только 389
кротость овчую Онъ повелѣваетъ имѣть имъ, но и голубиное незлобіе. Я покажу Мою крѣпость въ особенности въ томъ, что овцы преодолѣютъ волковъ и, находясь среди нихъ и подвергаясь бозчисленнымъ угрызеніямъ, не только не истребятся, но преобразятъ и ихъ самихъ. А гораздо удивительнѣе и болѣе значитъ—измѣнить расположеніе воли и преобразовать умъ, нежели умертвить, въ особенности, когда овецъ только двѣнадцать, а волковъ полна вся вселенная.

Итакъ, устыдимся поступать вопреки заповѣди Христовой и нападать на враговъ какъ волки. Доколѣ мы будемъ овцами, дотолѣ будемъ побѣждать; хотя бы и безчисленное множество волковъ насъ окружало, но мы ихъ преодолѣемъ и побѣдимъ. Если же будемъ волками,—будемъ побѣждены, потому что отступитъ отъ насъ помощь Пастыря (Онъ пасетъ не волковъ, а овецъ); Онъ оставитъ и удалится отъ тебя, потому что ты не дашь открыться Его силѣ. Когда ты показываешь въ злостраданіяхъ кротость, то вся побѣда Ему принадлежитъ; а когда самъ нападаешь и сражаешься, помрачаешь побѣду. Смотри же: кто тѣ, которымъ даются столь тяжкія и неудобоисполнимыя повелѣнія? Это люди боязливые и простые, некнижные и неученые, вовсе не знатные, вовсе не образованные по внѣшнимъ законамъ, не занимавшіеся судебными дѣлами, рыбари, мытари, исполненные только безчисленныхъ недостатковъ. Если эти послѣдніе могли привести въ замѣшательство и людей важныхъ и великихъ, то какъ же не могли они привести въ отчаяніе и ужасъ людей вовсе неискусныхъ и никогда не помышлявшихъ ни о чемъ достохвальномъ? Но они не привели ихъ въ отчаяніе. Но, можетъ быть, иной скажетъ: такъ тому и быть надлежало, потому что что Онъ далъ имъ власть очищать прокаженныхъ и изгонять бѣсовъ. А я на это скажу, что это-то самое и должно было привести ихъ еще въ большее смущеніе, когда, не

смотря на данную имъ власть воскрешать мертвыхъ, имъ слѣдовало терпѣть такія ужасныя бѣдствія на судилищахъ, заключеніе въ темницы, нападеніе отъ всѣхъ, общую ненависть вселенной, и подвергаться таковымъ бѣдствіямъ, имѣя власть творить чудеса. И какое было для нихъ утѣшеніе во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ? Сила Посылающаго. Потому-то Онъ прежде всего и сказалъ: *се Азъ посылаю васъ*. Этого довольно для вашего утѣшенія; этого довольно для того, чтобы васъ ободрить и чтобы вамъ не бояться никого изъ противниковъ вашихъ.

2. Видишь ли ты могущество? Видишь ли власть? Видишь ли непреодолимую силу? Слова Его имѣютъ такой смыслъ: не смущайтесь, говоритъ Онъ, что Я васъ посылаю какъ овецъ среди волковъ, и повелѣваю, чтобы вы были какъ голуби. Я могъ поступить иначе: Я могъ не попустить претерпѣвать вамъ какое-либо зло и не предавать васъ какъ овецъ волкамъ; Я могъ сдѣлать васъ страшнѣе львовъ. Но лучше этому быть такъ: это и вамъ приноситъ болѣе славы, и Мою возвѣщаетъ силу. Такъ же Онъ говорилъ и Павлу: *довлѣетъ ти благодать Моя; сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 9). Такова Моя воля относительно васъ. Итакъ, когда Господь говорилъ: *се Азъ посылаю васъ, яко овцы*,—давалъ имъ разумѣть: не унывайте, Я знаю, Мнѣ совершенно извѣстно, что вы въ особенности, поступая такимъ образомъ, не будете никѣмъ побѣждены. Далѣе, чтобы они сколько-нибудь и сами содѣйствовали, чтобы не все казалось дѣломъ одной благодати, и чтобы не подумали, что они получаютъ
890 вѣнцы ни за что,—говоритъ: *будите убо мудри яко змія, и цѣли яко голубіе*. Но поможетъ ли намъ сколько-нибудь, скажутъ, наша мудрость въ такихъ опасностяхъ? И можно ли имѣть какую-либо мудрость, когда насъ обуреваютъ такія волны? Сколько бы овца мудра ни была, но что она можетъ сдѣлать среди волковъ, и притомъ среди такого множества волковъ? Сколько бы ни былъ незлобивъ голубь, но что ему дѣлать при нападеніи такого множества ястребовъ? Для безсловесныхъ тутъ нѣтъ никакой пользы, а для васъ — польза величайшая. Но посмотримъ, какая здѣсь требуется мудрость. Мудрость зміиная. Какъ змій ничего не бережетъ и, когда самое тѣло его разсѣкаютъ на части, не сильно защищается, чтобы только соблюсти голову, такъ и ты, говоритъ Христосъ, все отдай: и имѣніе, и тѣло, и самую душу—кромѣ вѣры. Вѣра есть глава и корень; если ты сохранишь ее, то хотя бы и все потерялъ, опять все пріобрѣтешь съ большею славою. Вотъ почему Господь и повелѣлъ быть имъ не простыми только и незлобивыми, и не мудрыми только, но совокупилъ то и другое, чтобы изъ того и другого составилась до-

бродѣтель: Онъ требовалъ зміиной мудрости для предостереженія отъ опаснѣйшихъ пораженій, а голубинаго незлобія—для предотвращенія мстительности за обиды и отплаты за навѣты, потому что нѣтъ никакой пользы и въ мудрости, когда она не соединена съ незлобіемъ. Что можетъ быть строже этихъ повелѣній? Не достаточно только претерпѣвать бѣдствія: нѣтъ,—говоритъ,— Я не позволяю тебѣ за то даже и гнѣваться (это и значитъ быть голубемъ). Походитъ на то, какъ если бы кто-нибудь, бросивъ трость въ огонь, повелѣвалъ ей не только не сгорать въ огнѣ, но и погасить огонь. Но не будемъ смущаться: эти повелѣнія сбылись, исполнились, и самымъ дѣломъ совершились. Люди одного и того же, а не другого съ нами естества, бывали и мудры какъ зміи, и незлобивы какъ голуби. Итакъ, да не почитаетъ кто-либо этихъ повелѣній вовсе неудобоисполнимыми. Господь лучше всѣхъ знаетъ естество вещей; Онъ знаетъ, что дерзость погашается не дерзостію, но кротостію. И если хочешь видѣть, какъ это совершается на самомъ дѣлѣ, то прочитай книгу Дѣяній Апостоловъ, и увидишь, сколько разъ, когда возставалъ противъ нихъ народъ іудейскій и скрежеталъ зубами, они, подражая голубю и отвѣчая іудеямъ съ надлежащею кротостію, угашали ихъ ярость, прекращали неистовство, утишали страсти. Такъ, когда іудеи говорили имъ: *не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ не* говорить *о имени семъ* (Дѣя. v, 28)?—то апостолы, имѣя власть творить безчисленныя чудеса, не сказали и не сдѣлали ничего грубаго, но со всею кротостію защищались, говоря: *аще праведно есть васъ послушати паче, нежели Бога, судите* (Дѣян. іv, 19). Видишь ли голубиное незлобіе? Но вотъ и мудрость зміиная: *не можемъ бо мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати* (ст. 20). Видишь, какая потребна во всемъ твердость, чтобы и въ бѣдахъ не ослабѣть, и не раздражиться въ гнѣвѣ? Потому-то Христосъ и сказалъ: *внемлите отъ человѣкъ, предадятъ бо вы на* 390
сонмы, и на соборищахъ ихъ біютъ васъ; и предъ владыки и цари ведени будете Мене ради во свидѣтельство имъ и языкомъ (Матѳ. x, 17, 18). Опять Онъ располагаетъ ихъ къ бодрствованію, обрекая и здѣсь ихъ на злостраданія, а злодѣйствовать попуская другимъ; и это для того, дабы ты зналъ, что побѣда и славные трофеи даются претерпѣніемъ бѣдствій. Онъ не сказалъ: сражайтесь и вы, и противустойте тѣмъ, которые будутъ причинять вамъ насиліе, но только: вы будете терпѣть крайнія бѣдствія.

3. Какъ велика сила Того, Кто такъ говорилъ! Какъ велико любомудріе тѣхъ, которые слушали! Нужно крайне удивляться, какимъ образомъ апостолы, эти боязливые люди, никогда не бывавшіе далѣе озера, въ которомъ ловили рыбу, слыша такія

рѣчи, тотчасъ же не удалились. Какъ они не подумали и не сказали сами въ себѣ: куда же намъ бѣжать? Противъ насъ судилища, противъ насъ цари и правители, іудейскія синагоги, народы эллинскіе, начальники и подчиненные,—потому что Христосъ имъ предсказалъ не только о бѣдствіяхъ, ожидающихъ ихъ въ одной Палестинѣ, но предвозвѣстилъ и о брани противъ нихъ всей вселенной, говоря: *предъ цари ведени будете и владыки*,—показывая тѣмъ, что Онъ впослѣдствіи пошлетъ ихъ проповѣдниками и къ язычникамъ. Ты противъ насъ воздвигъ всю вселенную, вооружилъ противъ насъ всѣхъ живущихъ на земли—народы, властителей, царей. А то, что затѣмъ слѣдуетъ, еще ужаснѣе: когда люди сдѣлаются изъ-за насъ и братоубійцами, и дѣтоубійцами, и отцеубійцами. *Предастъ*, сказано, *братъ брата на смерть, и отецъ чадо: и востанутъ чада на родители, и убіютъ ихъ* (ст. 21). Какъ же будутъ вѣрить намъ прочіе, когда увидятъ, что изъ-за насъ родители убиваютъ дѣтей, братья братьевъ, и все наполнится убійствомъ: не будутъ ли насъ отвсюду изгонять, какъ злыхъ демоновъ, какъ развратниковъ и губителей вселенной, когда увидятъ землю, исполненную крови родственниковъ и подобными убійствами? Хорошъ же будетъ миръ, который мы преподадимъ входя въ домы, наполнивъ ихъ такими убійствами! Если бы насъ было и много, а не двѣнадцать человѣкъ; если бы мы были не простецами и не некнижными, а мудрецами, риторами и сильными въ словѣ, или лучше, если бы мы были даже царями, имѣли войска и множество богатства, то и тогда какъ могли бы мы убѣдить кого-либо, возжигая междоусобныя брани и даже хуже междоусобныхъ. Если мы будемъ нерадѣть и о собственномъ нашемъ спасеніи, то послушаетъ ли насъ кто-нибудь? Но апостолы ничего такого ни подумали, ни сказали; они не требовали объясненій и основаній такихъ повелѣній, а только соглашались и покорялись. И это означало не ихъ одну добродѣтель, но и премудрость Учителя. Въ самомъ дѣлѣ, смотри, какъ Онъ съ каждою печалію сопрягаетъ и приличное утѣшеніе! О тѣхъ, которые не будутъ принимать, говоритъ: *отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, неже граду тому* (ст. 15); равно и здѣсь, сказавши: *предъ владыки и цари ведени будете*, присовокупилъ: *Мене ради, во свидѣтельство имъ и языкомъ*. А страдать за Христа, и страдать въ обличеніе язычниковъ, — это не малое утѣшеніе. Богъ вездѣ Свое совершаетъ, хотя бы и никто
392 не обращалъ на то вниманія. Это служило для нихъ утѣшеніемъ не потому однако, чтобы они желали отмщенія другимъ, а потому, что могли быть увѣрены, что Тотъ, Кто предвидѣлъ и

предсказалъ имъ эти злоключенія, будетъ всюду съ ними присутствовать, и что они будутъ терпѣть эти бѣдствія не какъ преступники и злодѣи. Кромѣ того, Онъ и другое присовокупляетъ немалое для нихъ утѣшеніе, говоря: *егда же предадутъ вы, не пецытеся, како или что возглаголете: дастбося вамъ въ той часъ, что возглаголете. Не вы бо будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ* (ст. 19, 20). Чтобы они не сказали: какъ можно намъ убѣждать при такихъ обстоятельствахъ?—Онъ повелѣваетъ имъ быть твердо увѣренными и относительно защиты. И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *Азъ дамъ вамъ уста и премудрость* (Лук. XXI, 15); а здѣсь, говоря: *Духъ Отца вашего глаголяй въ васъ*, Онъ возводитъ ихъ въ достоинство пророческое. Потому-то, когда сказалъ о данной имъ силѣ, Онъ говоритъ вмѣстѣ и о бѣдствіяхъ, о убійствахъ и закланіяхъ. *Предастъ бо*, говоритъ, *братъ брата на смерть, и отецъ чадо, и востанутъ чада на родителей, и убіютъ ихъ*,—и даже на этомъ не остановился, но присовокупилъ еще болѣе ужасное, что могло потрясти и самый камень: *и будете ненавидими всѣми;* но тотчасъ же далъ здѣсь и утѣшеніе: вы подвергнетесь, говоритъ, этимъ страданіямъ *имене Моего ради;* а далѣе еще и другое утѣшеніе: *претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ* (ст. 22). Впрочемъ, слова Христовы могли возбудить въ апостолахъ мужество еще и инымъ образомъ,—именно, внушивъ имъ мысль, что проповѣдь ихъ будетъ пламенѣть такою силою, которая побѣдитъ самое естество, отвергнетъ родство, и что слово ихъ, будучи предпочтено всему, могущественно преодолѣетъ все. Если уже сила родственныхъ узъ не сможетъ противостать проповѣди, но будетъ разрушена и низложена, то что другое въ состояніи будетъ преодолѣть васъ? Впрочемъ, хотя это и будетъ такъ, однакоже вы не будете жить въ безопасности; напротивъ, всѣ живущіе во вселенной будутъ вашими врагами и непріятелями.

4. Гдѣ нынѣ Платонъ? Гдѣ Пиѳагоръ? Гдѣ толпа стоиковъ? Первый, при всемъ томъ, что пользовался великимъ уваженіемъ, до такой степени былъ униженъ, что былъ даже проданъ и ни у одного государя не могъ привести въ исполненіе ни одного изъ своихъ желаній. Другой, предавъ своихъ учениковъ, жалкимъ образомъ кончилъ жизнь. И циническія пошлости исчезли какъ сонъ и тѣнь. И это не смотря на то, что съ ними никогда ничего такого не случалось, что было съ апостолами. Напротивъ, они прославляемы были за мірское любомудріе, и аѳиняне, напримѣръ, всенародно читали письма Платоновы, присланныя отъ Діона. Они все время проводили въ покоѣ и владѣли не малыми достатками. Такъ Аристиппъ за дорогую цѣну нанималъ

блудницъ, а одинъ изъ философовъ написалъ завѣщаніе и оставилъ послѣ себя немалое наслѣдство; другой ходилъ по ученикамъ своимъ, какъ по мосту; а о Діогенѣ Синопскомъ говорятъ, что онъ всенародно дѣлалъ безчинія на торжищѣ. Вотъ славныя дѣла ихъ! Но у апостоловъ нѣтъ ничего такого; а напротивъ, постоянное цѣломудріе, полнѣйшая пристойность, притомъ брань съ цѣлою вселенною за истину и благочестіе, ежедневное под-
393 верганіе смерти, и затѣмъ — блистательныя побѣды. Скажутъ: есть и у нихъ искусные военачальники, какъ-то: Ѳемистоклъ, Периклъ. Но дѣянія ихъ въ сравненіи съ дѣйствіями рыбарей— дѣтскія забавы. Что бы ты сказалъ мнѣ о Ѳемистоклѣ? То ли, что онъ убѣдилъ аѳинянъ взойти на корабли, когда Ксерксъ напалъ на Грецію? Но здѣсь не Ксерксъ дѣлаетъ нападеніе, а діаволъ, со всею вселенною и съ безчисленнымъ множествомъ бѣсовъ, устремляется на двѣнадцать человѣкъ; и эти двѣнадцать побѣждаютъ и одолѣваютъ его, не разъ какой-нибудь, а въ теченіе всей своей жизни, и—что удивительно — побѣждаютъ, не истребляя противниковъ своихъ, но перемѣняя и исправляя ихъ. Это-то особенно и достойно всякаго вниманія, что они не убивали и не истребляли тѣхъ, которые злоумышляли противъ нихъ, но, нашедши ихъ подобными діаволамъ, сдѣлали равными ангеламъ, и такимъ образомъ освободили человѣческое естество отъ лютаго владычества, а злобныхъ тѣхъ и все возмущающихъ бѣсовъ изгнали съ торжищъ, изъ домовъ и даже изъ самой пустыни. Доказательство этому—лики монаховъ, которыхъ они всюду насадили, очистивъ чрезъ нихъ не только мѣста обитаемыя, но и необитаемыя. И что всего удивительнѣе, совершили все это, не отражая силу силою, но достигли всего чрезъ злостраданія. Въ самомъ дѣлѣ, этихъ двѣнадцать беззащитныхъ простолюдиновъ заключили въ узы, подвергали бичеванію, водили съ мѣста на мѣсто,—и однакожъ не могли заградить имъ устъ. Какъ невозможно связать лучей солнечныхъ, такъ невозможно было связать и языка ихъ. А причина этому та, что не они сами говорили, но сила Духа. Этою-то силою и Павелъ побѣдилъ Агриппу и Нерона, превосходившаго своимъ нечестіемъ всѣхъ людей: *Господь мнѣ предста*, говоритъ онъ, *и укрѣпи мя и* избавилъ *отъ устъ львовыхъ* (2 Тим. IV, 17). А впрочемъ, подивись и имъ самимъ, какъ они, услышавши слова: *не пецытеся*, повѣрили, послушались, и никакіе ужасы не могли ихъ поколебать. Но скажешь: Господь далъ имъ достаточное утѣшеніе, сказавъ: *Духъ Отца вашего будетъ глаголяй*. Но потому-то особенно я и удивляюсь имъ, что они не поколебались и не стали просить освобожденія отъ опасностей, не смотря на то, что имъ предстояло претерпѣвать ихъ

не два, не три года, но цѣлую жизнь, какъ то давалъ имъ разумѣть Господь словами: *претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ*. Онъ хочетъ, чтобы не только являлась Его сила, но чтобы и съ ихъ стороны были подвиги. Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго начала замѣть, какъ одно совершается Имъ, а другое—учениками. Творить чудеса—Его дѣло; не стяжать ничего—дѣло учениковъ. Опять: отворить всѣ домы — это дѣло высшей благодати; а не требовать ничего, кромѣ необходимаго—это дѣло ихъ любомудрія: *достоинъ дѣлатель мзды своея* (Матѳ. x, 10). Даровать миръ—это даръ Божій; находить достойныхъ и не ко всѣмъ безъ разбору входить—это дѣло ихъ воздержанія. И опять: наказывать не пріемлющихъ ихъ—это дѣло Божіе; а удаляться отъ таковыхъ безъ препирательствъ, безъ укоренія и досажденія — это дѣло апостольской кротости. Давать Духа и освобождать отъ попеченія какъ или что говорить — это дѣло Посылающаго ихъ; а быть подобными овцамъ и голубямъ и все переносить великодушно—это дѣло ихъ твердости и благоразумія. Быть ненавидимыми и не унывать, а терпѣть—это ихъ дѣло; а спасать претерпѣвающихъ—это дѣло Посылающаго ихъ. Поэтому Онъ и сказалъ: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*.

5. Такъ какъ обыкновенно бываетъ, что многіе начинаютъ 394
дѣла съ ревностію, а впослѣдствіи ослабѣваютъ, то Спаситель и говоритъ, что—Я смотрю на конецъ.. Что пользы въ тѣхъ сѣменахъ, которыя сначала цвѣтутъ, а послѣ скоро увядаютъ? Потому Онъ и требуетъ отъ учениковъ своихъ постояннаго терпѣнія. И чтобы кто не сказалъ, что Господь самъ все сотворилъ и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что они были таковыми, разъ не терпѣли тяжкихъ страданій, то Онъ говоритъ имъ, что вамъ нужно и терпѣть. Хотя Я избавлю васъ отъ первыхъ опасностей, но Я васъ соблюдаю для тягчайшихъ, за которыми опять послѣдуютъ новыя, такъ что вы не перестанете подвергаться навѣтамъ даже до послѣдняго издыханія. Это именно Онъ и давалъ разумѣть словами: *претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ*. Вотъ почему, сказавъ: *не пецытеся, что возглаголете*, въ другомъ мѣстѣ Онъ же говоритъ: *готови будите ко отвѣту всякому, вопрошающему вы словесе о вашемъ уповаиіи* (1 Петр. III, 15). Когда борьба происходитъ между друзьями, Онъ повелѣваетъ и намъ имѣть попеченіе; но когда открывается страшное судилище, неистовствуютъ народы и отвсюду ужасъ, тогда Онъ Самъ подаетъ намъ силу дерзновенно вѣщать, не ужасаться и не измѣнять правдѣ. Подлинно, великое дѣло, когда человѣкъ, занимавшійся рыболовствомъ, или выдѣлкою кожъ, или сборомъ податей, явившись предъ лицо владыкъ, которымъ предстоятъ сатрапы и тѣлохрани-

тели съ обнаженными мечами и, вмѣстѣ съ ними, всякій народъ, — одинъ, связанный, съ поникшею головою, въ состояніи былъ разверсть уста. Имъ даже не дозволили защищать свое ученіе, а прямо присуждали на избитіе, какъ всеобщихъ развратилелей вселенной. *Иже развратиша вселенную*, говорили про нихъ, *сіи и здѣ пріидоша* (Дѣян. XVII, 6); и далѣе: они проповѣдуютъ противное *велѣніямъ Кесаря, глаголюще быти Царя* Христа *Іисуса* (ст. 7). Повсюду судилища уже напередъ были заняты такими мыслями, и требовалась великая свыше помощь, чтобы доказать, что и ученіе, которое они преподавали, есть истинно, и что общихъ законовъ они не ниспровергаютъ; нужна была помощь съ одной стороны для того, чтобы при ревностной проповѣди ученія не подать случая думать, что они ниспровергаютъ законы, съ другой стороны — для того, чтобы не повредить истинѣ ученія, когда они старались доказать, что не ниспровергаютъ общественныхъ уставовъ. Ты увидишь, что все это совершено съ надлежащею мудростію Петромъ, Павломъ и всѣми другими. Хотя ихъ порицали по всей вселенной какъ возмутителей, мятежниковъ и нововводителей, но они не только опровергли такое мнѣніе, но заставили всѣхъ о себѣ думать совсѣмъ напротивъ—какъ о спасителяхъ, попечителяхъ и благодѣтеляхъ. И все это они совершили великимъ терпѣніемъ. Потому Павелъ и говорилъ: *по вся дни умираю* (1 Кор. XV, 31), и пребывалъ въ опасностяхъ до конца жизни. Итакъ, достойны ли будемъ какого-нибудь извиненія мы, когда, видя такіе примѣры, даже и наслаждаясь миромъ, расслабѣваемъ и падаемъ? Никто противъ насъ не воюетъ, а мы закалаемся; никто насъ не гонитъ, а мы изнемогаемъ. Намъ опредѣлено спасаться среди мира — и того мы не можемъ сдѣлать! Апостолы и тогда, какъ вся вселенная горѣла и вся земля пылала огнемъ, шли въ средину пламени и исторгали оттуда горящихъ; а мы и себя не можемъ сберечь. Какое послѣ этого мы будемъ имѣть оправданіе, какое прощеніе? Намъ не угрожаютъ ни бичеванія, ни темницы, ни власти, ни синагоги, и ничто тому подобное,—напротивъ, мы сами начальствуемъ и владычествуемъ.
395 И цари теперь благочестивы, и христіане пользуются всякими почестями, властью, славой, наслаждаются спокойствіемъ; и при всемъ томъ мы не побѣждаемъ. Тѣ, будучи каждодневно уводимы на казни, и учители и ученики претерпѣвая безчисленныя раны и непрестанныя уязвленія, веселились болѣе, нежели пребывающіе въ раю; а мы, даже и во снѣ не потерпѣвъ ничего такого, слабѣе всякаго воска. Скажешь: они творили чудеса. А развѣ за то ихъ не бичевали? Развѣ за то не изгнали? То-то и удивительно, что они часто терпѣли такія страданія даже отъ

облагодѣтельствованныхъ ими, и все-таки, воспріемля зло вмѣсто благъ, не приходили въ смущеніе; а ты, оказавъ какое-нибудь ничтожное благодѣяніе другому, а потомъ получивъ отъ него какое-либо огорченіе, ропщешь, негодуешь, и раскаиваешься въ томъ, что ты сдѣлалъ.

6. Теперь, если бы случились (чего не дай Богъ никогда) брань и гоненіе на церкви, подумай, сколько бы было уничиженія, какое бы было поношеніе! И вполнѣ естественно. Разъ никто не упражняется въ искусствѣ борьбы, то какимъ образомъ окажется кто-нибудь славнымъ побѣдителемъ во время состязаній? Какой же ратоборецъ, разъ онъ не учился пріемамъ борьбы, будетъ въ состояніи съ успѣхомъ и достоинствомъ бороться съ противникомъ на Олимпійскихъ играхъ? Не должно ли и намъ каждодневно упражняться въ борьбѣ, бою и бѣгѣ? Не видите ли, что такъ называемые пятиборцы, когда имъ не съ кѣмъ бываетъ бороться, повѣсивъ туго набитый пескомъ мѣшокъ упражняютъ на немъ всѣ свои силы, а болѣе молодые пріучаютъ себя къ сраженію съ противниками въ борьбѣ съ своими товарищами? И ты подражай имъ, и занимайся подвигами любомудрія. Въ самомъ дѣлѣ, многіе тебя возбуждаютъ ко гнѣву, влекутъ къ похоти и воспаляютъ великій пламень. Стой же противъ страстей, переноси мужественно душевныя болѣзни, чтобы могъ ты переносить и тѣлесныя страданія. И блаженный Іовъ, если бы не былъ хорошо приготовленъ къ подвигамъ прежде ихъ наступленія, не просіялъ бы такъ блистательно во время подвиговъ; если бы не пріучился быть совершенно безпечальнымъ, то по смерти дѣтей сказалъ бы, можетъ быть, что-нибудь строптивое. А теперь устоялъ противъ всѣхъ нападеній, противъ лишенія богатства и потери такого изобилія, противъ утраты дѣтей, противъ сострадапія жены, противъ тѣлесныхъ ранъ, противъ упрековъ друзей, противъ укоризны рабовъ. Если же ты хочешь видѣть, какъ онъ приготовлялъ себя къ подвигамъ, то послушай его, какъ онъ презиралъ богатства: *аще же и возвеселихся*, говоритъ онъ, *многому богатству бывшу*; развѣ не считалъ я золото за прахъ; *аще на каменія многоцѣнная надѣяхся* (Іов. xxxi, 25, 24). Потому-то онъ и не пришелъ въ смущеніе тогда, когда отнято было у него имѣніе, что онъ не питалъ пристрастія къ нему, когда и обладалъ имъ. Послушай, какъ онъ относился и къ дѣтямъ: онъ не былъ къ нимъ слишкомъ снисходителенъ, какъ мы, а требовалъ отъ нихъ полнаго благонравія. Если онъ и о невѣдомыхъ поступкахъ ихъ приносилъ жертву, то подумай, какимъ былъ онъ строгимъ судіею ихъ явныхъ поступковъ. Если ты хочешь слышать и о подвигахъ его цѣломудрія, то послушай, что онъ говоритъ: *завѣтъ положилъ*

очима моима, да не помышлю на дѣвицу (Іов. xxxi, 1). Вотъ почему не поколебала его твердости и жена; онъ любилъ ее и прежде, но не чрезмѣрно, а такъ, какъ надлежитъ любить жену. Послѣ этого для меня даже удивительно, откуда пришла мысль діаволу
396 воздвигнуть противъ него брань, разъ онъ зналъ о предварительныхъ подвигахъ его. Откуда же, однако? О, это звѣрь лукавый, и никогда не приходитъ въ отчаяніе; и это, конечно, служитъ къ величайшему нашему осужденію, что онъ никогда не отчаивается въ нашей погибели, а мы отчаиваемся въ своемъ спасеніи. Смотри далѣе, какъ Іовъ заранѣе пріучалъ себя относиться къ тяжкимъ пораженіямъ и болѣзнямъ тѣлеснымъ. Такъ какъ самъ онъ никогда ничему подобному не подвергался, но постоянно жилъ въ богатствѣ, нѣгѣ и роскоши, то онъ каждый день представлялъ себѣ чужія бѣдствія. *Страхъ, егоже ужасахся*,—говорилъ онъ, свидѣтельствуя объ этомъ,—*пріиде ми, и егоже бояхся, срѣте мя* (Іов. iii, 25). И еще: *азъ же о всяцѣмъ немощнѣмъ восплакахся, и воздохнувъ, видѣвъ мужа въ бѣдахъ* (Іов. xxx, 25). Вотъ почему ни одно изъ приключившихся съ нимъ великихъ и тяжкихъ бѣдствій и не смутило его. Но не смотри на потерю только имѣнія, на лишеніе дѣтей, на неисцѣлимую язву, на навѣты жены, а обрати вниманіе на то, что гораздо тягостнѣе всего этого. Но, скажешь, что же еще тягостнѣе этого претерпѣлъ Іовъ? Дѣйствительно, изъ исторіи мы ничего болѣе не знаемъ. Но мы не знаемъ потому, что спимъ, а кто съ большимъ прилежаніемъ и тщаніемъ станетъ разсматривать этотъ перлъ добродѣтели, тотъ несравненно болѣе увидитъ. Было дѣйствительно нѣчто другое, болѣе тяжкое, что могло привести Іова еще въ большее смущеніе. И во-первыхъ, онъ ничего еще не зналъ ясно о царствіи небесномъ и воскресеніи, почему со скорбію и говорилъ: *не поживу бо во вѣкъ, да долготерплю* (Іов. vii, 16). Во-вторыхъ, онъ много сознавалъ въ себѣ добраго. Въ-третьихъ, ничего не сознавалъ за собою худого. Въ-четвертыхъ, онъ думалъ, что терпитъ все отъ Бога; а если и отъ діавола, то и это могло его привести въ соблазнъ. Въ-пятыхъ, онъ слышалъ, какъ друзья несправедливо обвиняли его въ нечестіи: не недостойно, говорили они, *о нихже согрѣшилъ еси, уязвленъ еси* (xv, 11). Въ-шестыхъ, онъ видѣлъ, что порочные жили благополучно и насмѣхались надъ нимъ. Въ-седьмыхъ, онъ не могъ видѣть, чтобы кто другой когда-нибудь пострадалъ такъ много.

7. И ежели ты хочешь знать, какъ это было тяжко, суди по настоящему. Если нѣкоторые даже теперь,—при несомнѣнномъ ожиданіи царствія, при чаяніи воскресенія и несказанныхъ благъ, не смотря притомъ же на множество сознаваемыхъ за собой

пороковъ, не смотря на то, что имѣютъ предъ собою такіе примѣры и обучены такому любомудрію, — когда лишатся малость золота, да и то часто пріобрѣтеннаго хищеніемъ, почитаютъ для себя жизнь не въ жизнь, хотя не возстаетъ противъ нихъ жена, не отняты дѣти, не поносятъ ихъ друзья, не насмѣхаются рабы, а напротивъ многіе утѣшаютъ, одни словомъ, другіе дѣломъ,—то какихъ же достоинъ вѣнцевъ Іовъ, который, видя, какъ случайно и внезапно похищено было у него собранное праведными трудами имущество, и послѣ принужденный терпѣть безчисленное множество искушеній, среди всѣхъ напастей остается непоколебимымъ и за все это приноситъ Господу подобающее благодареніе? И тутъ, если бы и никто ему ничего не говорилъ, то и однихъ словъ жены достаточно было бы къ тому, чтобы поколебать даже скалу. Посмотри, въ самомъ дѣлѣ, на ея злодѣйство. Она не упоминаетъ ни объ имѣніи, ни о верблюдахъ, ни о стадахъ овецъ и воловъ (потому что она знала, какъ любомудрствовалъ объ этомъ мужъ ея), а напоминаетъ о томъ, что было всего тяжелѣе — о дѣтяхъ: она говоритъ о печальной судьбѣ ихъ съ особенною выразительностью, указывая притомъ и на свое горе 397
(Іов. II, 9). Если жены многократно преклоняли ко многому мужей и во время благополучія, когда они никакой не терпѣли непріятности, то помысли, какъ мужественна была душа этого праведника, если она отразила жену, напавшую на нее съ такими оружіями и попрала двѣ сильнѣйшія страсти: вожделѣніе и жалость. Подлинно, многіе побѣдили вожделѣніе, но побѣждены были жалостію. Такъ мужественный Іосифъ обуздалъ сильнѣйшую похоть и отразилъ варварскую ту жену, употреблявшую противъ него многочисленныя ухищренія, но не удержался отъ слезъ, — напротивъ, какъ скоро увидѣлъ братьевъ, причинившихъ ему обиду, объятъ былъ жалостію и тотчасъ же, оставивъ притворство, открылъ все дѣло. Но когда приступаетъ жена и обращается съ рѣчью, способною возбудить сожалѣніе, причемъ ей благопріятствуютъ и время, и раны, и язвы, и безчисленныя несчастія, то не должно ли по справедливости сказать, что душа, которая нимало не поколебалась отъ такой бури, тверже всякаго адаманта? Да, позвольте мнѣ смѣло сказать, что тотъ блаженный мужъ, если не болѣе, то по крайней мѣрѣ не менѣе былъ самихъ апостоловъ. Ихъ утѣшало то, что они страдали за Христа; и это было для нихъ врачествомъ, которое могло на всякій день укрѣплять ихъ вновь. Господь вездѣ прибавлялъ, говоря: *за Мя, Мене ради*; и: *аще* Меня *Господина дому Веельзевула нарекоша* (Матѳ. х, 25). Между тѣмъ Іовъ не имѣлъ такого утѣшенія,—равно какъ и утѣшенія, даруемаго совершеніемъ знаменій, или благодатію,

потому что онъ не имѣлъ такой силы духа. И что особенно важно, — онъ потерпѣлъ всѣ свои страданія будучи воспитанъ въ великой нѣгѣ, будучи не рыбаремъ какимъ-нибудь, не мытаремъ, не бѣднякомъ, а человѣкомъ, пользовавшимся великимъ
398 почетомъ. И что казалось для апостоловъ самымъ тяжкимъ, то же самое перенесъ и Іовъ, будучи ненавидимъ отъ друзей, рабовъ, враговъ и облагодѣтельствованныхъ имъ; а священнаго якоря и необуреваемаго пристанища, каковымъ были для апостоловъ слова — *Мене ради*, онъ не имѣлъ. Удивляюсь я и тремъ отрокамъ, что они не устрашились пещи, что воспротивились царю. Но послушай, что они говорятъ: *богомъ твоимъ не служимъ, и образу, егоже поставилъ еси, не поклоняемся* (Дан. III, 18). Увѣренность, что все, что они ни переносятъ, переносятъ за Бога, была для нихъ величайшимъ утѣшеніемъ. А Іовъ не зналъ, что это было для него и борьба и подвигъ. А если бы зналъ, то онъ и не почувствовалъ бы происходившаго съ нимъ. Когда онъ услышалъ: *мниши ли Мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися праведнъ* (Іов. XL, 3)?—то представь, какъ онъ тотчасъ же ободрился отъ одного слова; какъ уничижилъ себя, какъ не счелъ даже и страданіемъ того, что онъ перестрадалъ, говоря: *по что еще прюся наказуемъ и обличаемъ отъ Господа, слыша таковая ничтоже сый азъ* (Іов. XXXIX, 34)? И еще: *слухомъ уха слышахъ Тя перѣе, нынѣ же око мое видѣ Тя; тѣмже укорихъ себе самъ и истаяхъ; мню же себе землю и пепелъ* (XLII, 5, 6). Поревнуемъ такому мужеству, такой кротости праведника, жившаго до закона и благодати, и мы, живущіе послѣ закона и по благодати,—чтобы вмѣстѣ съ нимъ сподобиться вѣчныхъ обителей, которыхъ и да сподобимся всѣ мы получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIV.

397-398 **Егда же гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій. Аминь бо глаголю вамъ: не имате скончати грады Израилевы, дондеже пріидетъ Сынъ человѣческій (Матѳ. x, 26).**

1. Послѣ страшныхъ, способныхъ привести въ трепетъ и сокрушить самый адамантъ, предсказаній о будущей участи апостоловъ по распятіи, воскресеніи и вознесеніи Его, — Спаситель опять переходитъ къ рѣчи болѣе успокоительнаго свойства, чтобы дать этимъ подвижникамъ возможность вздохнуть и доставить имъ великое ободреніе. Именно—Онъ не повелѣваетъ гонимымъ

вступать въ борьбу съ гонителями, но убѣгать отъ нихъ. И такъ какъ это было только еще началомъ для нихъ и предначатіемъ, то Спаситель и говоритъ къ нимъ гораздо снисходительнѣе. Господь говоритъ не о тѣхъ гоненіяхъ, которыя имѣли быть послѣ, но о тѣхъ, которыя долженствовали быть прежде распятія и страданія Его, что и показалъ словами: ***не имате скончати грады Израилевы, дондеже пріидетъ Сынъ человѣческій.*** Итакъ, чтобы ученики не говорили: а что, если мы убѣжимъ отъ гонителей кудангибудь, а они и тамъ найдутъ насъ и опять будутъ преслѣдовать, — Спаситель, уничтожая таковой страхъ, говоритъ: вы не успѣете обойти Палестины, какъ Я тотчасъ приду къ вамъ. Смотри опять, какъ и въ данномъ случаѣ Онъ не уничтожаетъ бѣдствій, а только является помощникомъ во время опасностей. Онъ не сказалъ: Я избавлю васъ и прекращу гоненія; но что?-- ***не имате скончати грады Израилевы, дондеже пріидетъ Сынъ человѣческій.*** И подлинно, для утѣшенія ихъ довольно было того, чтобы только увидѣть Его. Итакъ смотри, какъ Онъ не все и не вездѣ предоставляетъ благодати, но повелѣваетъ имъ нѣчто присовокуплять и отъ себя. Если, говоритъ Онъ, вы боитесь, то бѣгайте; на что Онъ и указалъ словами: ***бѣгайте***, и: „не бойтесь". И однакожъ Онъ не прежде повелѣваетъ имъ бѣжать, чѣмъ начнутъ ихъ гнать; равнымъ образомъ и мѣсто назначаетъ имъ не большое, а повелѣваетъ только обойти города израильскіе. Послѣ этого Онъ опять приготовляетъ ихъ къ другому роду любомудрія. Сперва Онъ освободилъ ихъ отъ попеченіи о пищѣ, потомъ отъ страха опасностей; а теперь освобождаетъ отъ страха поношенія. Освободилъ ихъ отъ попеченія о пищѣ, когда сказалъ: ***достоинъ есть дѣлатель мзды своея*** (X, 10) и открылъ, что многіе будутъ принимать ихъ; освободилъ отъ страха опасностей, когда сказалъ: ***не пецытеся, како или что возглаголете*** (ст. 19), и: ***претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*** (ст. 22).

Но такъ какъ апостолы, кромѣ того, должны были подвергнуться еще и худому о себѣ мнѣнію другихъ, что для многихъ кажется тягчайшимъ зломъ, то смотри, какъ Христосъ и здѣсь ихъ утѣшаетъ: Онъ даетъ имъ утѣшеніе, съ которымъ ничто не могло сравняться, именно указываетъ на свой собственный примѣръ,—на то, что говорили о Немъ самомъ. Подобно тому какъ раньше, сказавъ: ***будете ненавидимы всѣми***, Онъ присовокупилъ: ***имени Моего ради*** (ст. 22), такъ точно и здѣсь, причемъ присоединяетъ еще и другое утѣшеніе. Какое же? ***Нѣсть ученикъ***, гово- 399
ритъ, ***надъ учителемъ своимъ, ниже рабъ надъ господиномъ своимъ. Довлѣетъ ученику, да будетъ яко учитель его, и рабъ яко господь его. Аще Господина дому Веельзевула нарекоша, кольми паче домашнія его? Не убойтеся убо***

ихъ (ст. 24—26). Смотри, какъ Онъ открываетъ о Себѣ, что Онъ есть Владыка вселенной, Богъ и Творецъ. Что же? *Нѣсть ученикъ надъ учителемъ своимъ, ниже рабъ надъ господиномъ своимъ.* Доколѣ кто ученикъ или рабъ, дотолѣ онъ не имѣетъ равной чести съ учителемъ и съ господиномъ. Не указывай мнѣ на рѣдкіе примѣры противоположнаго рода, а принимай сказанное примѣнительно къ тому, какъ обыкновенно бываетъ. Далѣе,—чтобы показать свою особенную близость къ ученикамъ, Онъ не говоритъ: кольми паче *рабъ*, но: *домашнія* его. Такъ и въ другомъ мѣстѣ Онъ говорилъ: *не ктому васъ глаголю рабы; вы друзи Мои есте* (Іоан. xv, 15, 14). И не просто сказалъ: если Господина дома поносили и злословили, но указываетъ и самый образъ поношенія, говоря, что Его назвали Веельзевуломъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ даетъ еще и другое, не меньшее утѣшеніе. Конечно, то утѣшеніе было величайшее, но такъ какъ апостолы еще не готовы были къ любомудрію, и нужно было такое утѣшеніе, которое могло бы особенно ихъ укрѣпить, то Онъ присовокупляетъ и его. Что же говоритъ Онъ? *Ничтоже есть покровено, еже не откроется; и тайно, еже не увидѣно будетъ* (Матѳ. x, 26). Хотя образъ рѣчи выражаетъ, повидимому, положеніе самое общее, однако сказано не обо всѣхъ вообще случаяхъ, но о данныхъ только. Рѣчь Спасителя имѣетъ такой смыслъ: довольно для вашего утѣшенія и того, что и Я, Учитель и Господь вашъ, подвергаюсь одинаковой съ вами укоризнѣ. Если же вы, слыша это, не перестаете все же смущаться, то имѣйте въ виду и то, что спустя немного времени вы избавитесь и отъ позорныхъ нареканій. И о чемъ вы скорбите? О томъ ли, что васъ называютъ обманщиками и льстецами? Но подождите немного, и всѣ будутъ называть васъ спасителями и благодѣтелями вселенной. Время все сокровенное открываетъ; оно изобличитъ и клевету враговъ, и откроетъ вашу добродѣтель. Если вы самымъ дѣломъ окажетесь спасителями и благодѣтелями, и явите всякую добродѣтель, то люди не станутъ внимать ихъ словамъ, а будутъ смотрѣть на истину дѣлъ. Тогда они сами окажутся клеветниками, лжецами и злодѣями, а вы возсіяете свѣтлѣе солнца,—потому что время впослѣдствіи откроетъ и возвѣститъ, кто вы таковы, прозвучитъ громче трубы, и сдѣлаетъ всѣхъ свидѣтелями вашей добродѣтели. Итакъ, мои слова, которыя Я теперь говорю, не должны приводить васъ въ уныніе, но должны одушевлять васъ надеждою будущихъ благъ; невозможно, чтобы дѣла ваши остались въ неизвѣстности.

2. Послѣ того, какъ спаситель освободилъ апостоловъ отъ всякаго безпокойства, страха и заботы и поставилъ ихъ превыше поношеній, Онъ благовременно наконецъ говоритъ и о дерзновеніи,

которое они должны были имѣть въ проповѣди ученія. *Еже глаголю вамъ во тьмѣ*, говоритъ, *рцыте во свѣтѣ, и еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ* (ст. 27). Конечно, тьмы не было, когда Христосъ говорилъ это, и говорилъ Онъ ученикамъ не на ухо; здѣсь употребленъ лишь усиленный оборотъ рѣчи. Такъ какъ Онъ бесѣдовалъ съ ними наединѣ и въ маленкомъ уголку Палестины, то и сказалъ—*во тьмѣ* и *на ухо*, желая противопоставить образъ настоящей бесѣды съ тѣмъ дерзновеніемъ въ проповѣданіи, которое Онъ имѣлъ даровать имъ. Не одному, не двумъ и 400
не тремъ городамъ, но всей вселенной проповѣдуйте, говоритъ Онъ, и проходя землю, море, мѣста обитаемыя и необитаемыя, съ открытою головою и со всякою смѣлостію говорите все царямъ и народамъ, философамъ и риторамъ. Потому Онъ сказалъ: *на кровѣхъ и во свѣтѣ*, т. е. безъ всякой робости и со всей свободою. Но для чего Онъ не сказалъ только: *проповѣдите на кровѣхъ*, и: *рцыте во свѣтѣ*, а присовокупилъ еще: *еже глаголю вамъ во тьмѣ*, и: *еже во уши слышите?* Для того, чтобы ободрить ихъ въ духѣ. Подобно тому какъ въ другомъ мѣстѣ Онъ говорилъ: *вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12), такъ и здѣсь присовокупилъ эти слова для того, чтобы показать, что Онъ все совершитъ чрезъ нихъ, и совершитъ болѣе, нежели сколько совершилъ Самъ. Я, говоритъ Онъ, положилъ начало и предначинаніе, и чрезъ васъ хочу совершить гораздо болѣе. Говоря это, Онъ не только даетъ имъ повелѣніе, но и предсказываетъ будущее съ совершенною увѣренностію въ истинѣ словъ Своихъ, и показываетъ, что они все преодолѣютъ, причемъ опять прикровенно искореняетъ въ нихъ страхъ злословія. Подобно тому какъ проповѣдь эта, непримѣтная теперь, распространится всюду, такъ и худое мнѣніе іудеевъ скоро исчезнетъ. Потомъ, ободривъ и возвысивъ ихъ, Онъ опять предсказываетъ опасности, воскрыляя духъ ихъ и вознося превыше всего. Что говоритъ Онъ? *Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити* (ст. 28). Видишь ли, какъ Онъ поставляетъ ихъ превыше всего? Не только превыше заботъ, злословій, опасностей и навѣтовъ, но убѣждаетъ ихъ презирать то, что всего страшнѣе—самую смерть, и не просто смерть, но смерть насильственную. Онъ не сказалъ, что вы будете умерщвлены, но съ свойственнымъ Ему величіемъ открылъ все, говоря: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити*; *убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геннѣ* (Матѳ. X, 28), что́ Онъ и всегда дѣлаетъ, употребляя въ рѣчи противоположность. Что въ самомъ дѣлѣ Онъ говоритъ? Вы боитесь смерти, и потому не смѣете проповѣдывать? Но потому-то самому вы и проповѣдуйте,

что боитесь смерти. Это васъ избавитъ отъ истинной смерти. Хотя васъ будутъ умерщвлять, но не погубятъ того, что въ васъ есть самое лучшее, хотя бы о томъ и всемѣрно старались. Потому-то не сказалъ Онъ: *души* же не убивающихъ, но: *не могущихъ убити*. Хотя бы они и хотѣли это сдѣлать, но не смогутъ. Итакъ, если ты боишься муки, то бойся муки гораздо ужаснѣйшей. Видишь ли, что Онъ опять не обѣщаетъ имъ избавленія отъ смерти, но, попуская умереть, даруетъ большее благо, нежели когда бы Онъ не попустилъ имъ пострадать такимъ образомъ? И подлинно, заставить презирать смерть—гораздо важнѣе, нежели освободить отъ смерти. Итакъ, Онъ не ввергаетъ ихъ въ опасности, но возвышаетъ надъ опасностями, въ краткихъ словахъ утверждаетъ въ нихъ ученіе о безсмертіи души, двумя—тремя словами насаждаетъ спасительное ученіе и утѣшаетъ ихъ другими разсужденіями. И чтобы тогда, когда будутъ ихъ умерщвлять и закалать, они не подумали, что терпятъ все потому, что оставлены Богомъ, опять начинаетъ рѣчь о Божіемъ промыслѣ, говоря:
401 *не два ли* (воробья) *цѣнятся единимъ ассаріемъ? И ни единъ отъ нихъ падетъ* въ сѣть *безъ Отца вашего небеснаго* (ст. 29). *Вамъ же и власи главніи вси изочтени суть* (ст. 30). Что, говоритъ, малозначительнѣе ихъ? Однакоже и ихъ нельзя уловить безъ вѣдѣнія Божія. Онъ не то говоритъ, что падаютъ по содѣйствію Божію (это недостойно Бога); а только то, что ничего не происходитъ такого, что бы Ему было неизвѣстно. Если же Онъ знаетъ все, что ни происходитъ, а васъ любитъ сильнѣе, нежели отецъ,— любитъ такъ, что и волосы ваши у Него исчислены, то вамъ не должно бояться. Впрочемъ сказалъ это не потому, будто Богъ исчисляетъ волосы, но чтобы показать совершенство вѣдѣнія Божія и великое попеченіе о нихъ. Итакъ, если Богъ и знаетъ все происходящее, и можетъ сохранить васъ, и хочетъ, то какимъ бы вы ни подвергались страданіямъ, не думайте, что страдаете потому, что Богъ оставилъ васъ. Онъ не хочетъ избавить васъ отъ бѣдъ, но хочетъ заставить васъ презирать бѣды, потому что въ этомъ-то и состоитъ настоящее избавленіе отъ бѣдъ. Итакъ— *не убойтеся, многихъ птицъ лучши есте вы* (ст. 31). Видишь ли, что тогда страхъ уже овладѣвалъ ими? Онъ зналъ тайныя помышленія. Потому и присовокупилъ: *не убойтеся* ихъ. Если они и одолѣютъ, то одолѣютъ только худшее, т. е. тѣло, которое хотя бы они и не убивали, все-равно природа разрушитъ.

3. Такимъ образомъ они не властны и надъ тѣломъ, но оно зависитъ отъ природы. А если ты боишься этого, то тебѣ должно трепетать, должно бояться гораздо большаго—Того, Который можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ. Онъ хотя и не

говоритъ прямо, что есть Тотъ самый, Который можетъ погубить душу и тѣло, но изъ вышесказаннаго уже показалъ, что Онъ есть Судія. А нынѣ у насъ бываетъ напротивъ: Того, Кто можетъ погубить душу, т. е. наказать насъ, мы не боимся, а убивающихъ тѣло—трепещемъ; Богъ можетъ погубить и душу и тѣло, а люди не только не могутъ погубить души, но и тѣла; хотя они и безчисленнымъ казнямъ подвергаютъ тѣло, но чрезъ то дѣлаютъ его только болѣе славнымъ. Видишь ли, какъ Онъ представляетъ подвиги легкими? Смерть сильно потрясла ихъ душу, объемля ихъ страхомъ потому въ особенности, что не была еще удобопреодолима, и тѣ, которые должны были презирать ее, еще не сподобились благодати Святаго Духа. Итакъ, разсѣявши боязнь и страхъ, колебавшія ихъ души, послѣдующими словами опять вселяетъ въ нихъ бодрость: именно—страхомъ изгоняетъ изъ нихъ страхъ, и не только страхомъ, но и надеждою великихъ наградъ, притомъ еще, угрожая съ великою властію, Онъ отвсюду побуждаетъ ихъ къ небоязненному исповѣданію истины, такъ продолжая рѣчь: *всякъ иже исповѣсть о Мнѣ предъ человѣки, исповѣмъ о немъ и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ. А иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ* (ст. 32 и 33). Такъ не только наградами, но и казнями побуждаетъ, и оканчиваетъ рѣчь угрозою. И смотри, какая точность! Онъ не сказалъ: *Мя*, но—*о Мнѣ*, показывая, что исповѣдающій исповѣдуетъ не собственною силою, но будучи вспомоществуемъ свыше благодатію. Объ отвергающемся же не сказалъ: о *Мнѣ*, но: *Мене*, такъ какъ онъ отвергается потому, что 402
бываетъ чуждъ благодати. За что же, скажешь, винить его, если онъ отвергается потому только, что лишенъ благодати? За то, что причина этого лишенія заключается въ томъ, кто лишается. Для чего же Онъ не довольствуется только сердечною вѣрою, но еще требуетъ и устнаго исповѣданія? Для того, чтобы побудить насъ къ дерзновенію, къ большей любви и усердію, и возвысить, почему и говоритъ ко всѣмъ вообще, а не разумѣетъ здѣсь однихъ только учениковъ; не ихъ только, но и учениковъ ихъ старается Онъ сдѣлать мужественными. Кто будетъ знать это, тотъ не только будетъ учить другихъ съ дерзновеніемъ, но и претерпѣвать все легко и охотно. Это многихъ, которые повѣрили этому слову, привлекло къ апостоламъ; и отвергшіеся въ мукахъ подвергнутся большему томленію, и исповѣдавшіе въ блаженномъ состояніи получатъ большее воздаяніе. Когда праведникъ продолжительностію времени усугубляетъ свои пріобрѣтенія, и грѣшникъ въ отсрочкѣ наказанія думаетъ находить для себя выгоду, то Онъ равносильное, или еще несравненно большее предлагаетъ воздая-

ніе. Ты пріобрѣлъ болѣе для себя, говоритъ Онъ, за то, что ты первый Меня здѣсь исповѣдалъ, и Я, говоритъ Онъ, обогащу тебя болѣе, когда дамъ тебѣ болѣе, и несказанно болѣе, такъ какъ Я тебя *исповѣмъ* тамъ. Видишь ли, что тамъ пріуготовлены и награды, и наказанія? Что же ты заботишься и безпокоишься? Что ищешь здѣсь воздаянія, когда ты можешь быть спасенъ только надеждою? Поэтому, если ты сдѣлаешь что-нибудь доброе, и не получишь здѣсь за то воздаянія, не смущайся; въ будущемъ вѣкѣ ожидаетъ тебя за это сугубая награда. Если же сдѣлаешь что-нибудь худое и останешься безъ наказанія,—не лѣнись. Тамъ постигнетъ тебя наказаніе, если только не перемѣнишься и не сдѣлаешься лучше. А когда не вѣришь этому, то изъ настоящаго заключай о будущемъ. Если еще во время подвиговъ исповѣдники бываютъ такъ славны, то подумай, каковы они будутъ во время раздаянія вѣнцевъ? Если даже враги прославляютъ ихъ здѣсь, то не возвеличитъ ли и не прославитъ ли тебя Чадолюбивѣйшій изъ всѣхъ отцевъ? Тогда будутъ возданы и награды за добрыя дѣла, и наказанія за злыя; потому отвергающіеся и здѣсь и тамъ будутъ мучиться. Здѣсь—тѣмъ, что будутъ жить съ злою совѣстію, такъ какъ если они еще и не умерли, то умрутъ непремѣнно; а тамъ—подвергнутся уже конечному наказанію. Другіе, напротивъ, и здѣсь и тамъ пріобрѣтутъ пользу; здѣсь—побѣждая смерть, содѣлываясь славнѣе живущихъ, а тамъ—наслаждаясь неизреченными благами. Богъ готовъ не наказывать только, но и благодѣтельствовать, и готовъ несравненно болѣе благодѣтельствовать, нежели наказывать. Но почему о наградѣ упоминаетъ однажды, а о наказаніи дважды? Конечно потому, что слушающіе лучше вразумляются страхомъ наказанія. Вотъ почему, сказавши, *убойтеся могущаго душу и тѣло погубити въ гееннѣ* (Матѳ. x, 28), еще присовокупилъ: *отвергуся его и Азъ* (ст. 33). Съ этой цѣлію и Павелъ часто напоминаетъ о гееннѣ.

4. Итакъ, предложивъ слушателю всевозможныя поощренія (Онъ отверзъ предъ ними и небеса, поставилъ и страшное то судилище, показалъ и зрѣлище ангеловъ и, посредствомъ ихъ: проповѣданіе о вѣнцахъ, такъ какъ это много способствуетъ
403 успѣху благочестія),—наконецъ, чтобы боязливость ихъ не была препятствіемъ проповѣди благочестія, Онъ повелѣваетъ имъ быть готовыми и на закланіе, чтобы они знали, что остающіеся въ заблужденіи понесутъ наказанія и за самые противъ нихъ навѣты. Итакъ, не будемъ бояться смерти, хотя и не пришло время смерти: мы воскреснемъ для жизни гораздо лучшей. Но, скажешь, истлѣетъ тѣло? Потому-то особенно и должно радоваться, что смерть тлитъ, и погибаетъ смертное, а не сущность

тѣла. Когда ты видишь, что выливаютъ истуканъ, то не говоришь, что вещество его пропадаетъ, но что оно получаетъ лучшій образъ. Такъ же разсуждай и о тѣлѣ, и не плачь. Тогда надлежало бы плакать, когда бы оно навсегда осталось въ мукахъ. Но ты скажешь: это могло бы быть и безъ истлѣнія тѣлъ, такъ чтобы они оставались въ цѣлости. А какую бы это принесло пользу живымъ, или умершимъ? Доколѣ будете привязаны къ тѣлу? Доколѣ, пригвождая себя къ землѣ, будете прилѣпляться къ тѣни? Какая бы изъ того была польза? Или лучше, какого бы не произошло вреда? Если бы не истлѣвали тѣла, то, во-первыхъ, овладѣла бы многими гордость,—зло изъ всѣхъ золъ самое большее. Если и нынѣ, когда тѣло подвержено тлѣнію и преисполнено червей, многіе хотѣли быть почитаемы за боговъ, то чего бы не было, когда бы тѣло пребывало нетлѣннымъ? Во-вторыхъ, не стали бы вѣрить, что тѣло взято изъ земли. Если и теперь, не смотря на то, что самый конецъ ясно свидѣтельствуетъ, нѣкоторые сомнѣваются въ этомъ, то чего бы не подумали, если бы не видѣли этого конца? Въ-третьихъ, тогда чрезмѣрно любили бы тѣла, и большая часть людей сдѣлалась бы еще болѣе плотскими и грубыми. Если и нынѣ, когда тѣла совершенно уже истлѣютъ, нѣкоторые обнимаютъ гробы и раки, то чего не стали бы дѣлать тогда, когда бы могли сберегать и самый образъ ихъ въ цѣлости? Въ-четвертыхъ, не очень бы привержены были къ будущему. Въ-пятыхъ, тѣ, которые утверждаютъ, что міръ вѣченъ, еще болѣе утвердились бы въ этой мысли, и не стали бы признавать Бога Творцемъ міра. Въ-шестыхъ, не были бы увѣрены въ достоинствѣ души, ни въ томъ, какъ тѣсно связана душа съ тѣломъ. Въ-седьмыхъ, многіе, лишившіеся своихъ родственниковъ, оставивши города, стали бы жить въ гробницахъ и, подобно безумнымъ, непрестанно стали бы разговаривать съ своими умершими. Если и нынѣ люди, поскольку самаго тѣла удержать не въ состояніи (да и невозможно, потому что оно противъ ихъ воли тлѣетъ и исчезаетъ), снимая портреты, прилѣпляются къ доскамъ, то какихъ нелѣпостей не вымыслили бы тогда? Мнѣ кажется, что тогда многіе въ честь любимыхъ тѣлъ воздвигли бы храмы, а занимающіеся волхвованіями постарались бы увѣрить, что посредствомъ ихъ демоны даютъ отвѣты, тѣмъ болѣе что и теперь имѣющіе дерзость заниматься вызываніемъ мертвыхъ (некромантіею) дѣлаютъ много нелѣпостей (не смотря даже на то, что тѣло обращается въ прахъ и пепелъ). Какихъ же бы безчисленныхъ видовъ идолопоклонства не произошло отсюда? Итакъ Богъ, отъемля все могущее служить поводомъ къ такимъ нелѣпостямъ и научая насъ отрѣшаться отъ

всего земного, поражаетъ тѣла тлѣніемъ предъ нашими глазами. Такимъ образомъ любитель тѣлесной красоты, до безумія пристрастившійся къ благовидной дѣвицѣ, если умомъ не захочетъ узнать безобразіе тѣлеснаго существа, то увидитъ это собственными глазами. Много было дѣвицъ столь же цвѣтущихъ красотою, или еще несравненно прекраснѣе, нежели любимая имъ, которыя послѣ смерти своей чрезъ одинъ или два дня представляли изъ себя зловоніе, гной и гнилость червей. Подумай же, какую ты любишь красоту, и какимъ прельщаешься пригожествомъ? Но если бы тѣла подвержены были тлѣнію, нельзя
404 бы было хорошо знать этого; какъ бѣсы стекаются ко гробамъ, такъ многіе изъ объятыхъ любовною страстію, непрестанно сидя при гробахъ, сдѣлали бы душу свою обиталищемъ бѣсовъ, и отъ жестокой страсти скоро бы и сами умерли. А теперь, кромѣ всего другого, облегчаетъ душевную скорбь и то, что невозможность видѣть образъ любимаго предмета способствуетъ забвенію и самой страсти.

5. Если бы тѣла не истлѣвали, то не было бы даже и гробовъ, и ты увидѣлъ бы города, вмѣсто статуй, полными мертвыхъ, потому что каждый пожелалъ бы тогда видѣть подлѣ себя своего умершаго. Отсюда произошелъ бы великій безпорядокъ: никто бы изъ простолюдиновъ не сталъ пещись о душѣ своей, не стали бы принимать ученія о безсмертіи. Много бы и другихъ еще худшихъ произошло нелѣпостей, о которыхъ и говорить даже неприлично. Для того-то тотчасъ и истлѣваетъ тѣло, чтобы ты могъ видѣть въ наготѣ красоту души. Въ самомъ дѣлѣ, если она такую красоту и такую живость даетъ тѣлу, то какъ она прекрасна должна быть сама въ себѣ? Если она поддерживаетъ столь безобразное и отвратительное тѣло, то тѣмъ болѣе можетъ поддержать саму себя. Не въ тѣлѣ красота, но красота тѣла зависитъ отъ того образованія и цвѣта, который отпечатлѣваетъ душа въ существѣ его. Итакъ, люби душу, которая сообщаетъ тѣлу такое благообразіе. Но что я говорю о смерти? Я тебѣ докажу и самой жизнью, что все прекрасное зависитъ отъ души. Если душа радуется, то розы разсыпаетъ по ланитамъ; если печалится, то, отъемля всю красоту у тѣла, все облекаетъ въ черную одежду. И если постоянно находится въ радостномъ состояніи, то и тѣло бываетъ въ безболѣзненномъ состояніи; если же находится въ печали, то и тѣло становится слабѣе и безсильнѣе паутины. Если разсердится, то и тѣлу даетъ отвратительный и безобразный видъ; если покажетъ ясный взоръ, то и тѣлу даетъ пріятный видъ. Если бываетъ объята завистію, то и на тѣло разливаетъ блѣдность и томность. Если исполнена бываетъ любовію, то и тѣлу

сообщаетъ особенное пригожество. Такимъ-то образомъ многія жены, не будучи пригожи лицемъ, особенную пріятность получаютъ отъ души; напротивъ другія, блистая внѣшней красотой, всю ее портятъ тѣмъ, что не имѣютъ привлекательности душевной. Представь, какъ румянится бѣлое лице и какую производитъ пріятность разнообразіемъ цвѣта, когда краска стыдливости разливается по немъ. Вотъ потому въ комъ безстыдна душа, у того и самый видъ отвратительнѣе вида всякаго звѣря; напротивъ, стыдливая душа и самый видъ дѣлаетъ кроткимъ и любезнымъ. Подлинно, нѣтъ ничего прекраснѣе и любезнѣе доброй души. Любовь къ тѣлесной красотѣ смѣшана съ огорченіемъ; напротивъ, любовь къ красотѣ душевной соединена съ чистымъ, невозмущаемымъ удовольствіемъ. Итакъ, для чего ты, минуя царя, дивишься глашатаю. Для чего, оставивши самого мудреца, съ изумленіемъ смотришь на истолкователя его? Видишь привлекательный внѣшній взоръ,—постарайся узнать внутренній; и, если послѣдній некрасивъ, презри и внѣшній. Если ты увидишь безобразную женщину въ прекрасной маскѣ, конечно не плѣнишься ею; наоборотъ, не захочешь, чтобъ благовидная и красивая прикрывала себя маскою, но пожелаешь, чтобы маска была снята, чтобы ты могъ ее видѣть въ естественной красотѣ ея. Такъ поступай и по отношенію къ душѣ: ее напередъ старайся узнать. Тѣло какъ маска прикрываетъ ее, и каково есть, такимъ всегда и остается; а душа, хотя бы была и безобразна, скоро можетъ сдѣлаться прекрасною; хотя бы имѣла око безобразное, свирѣпое, суровое,—оно можетъ сдѣлаться красивымъ, миловиднымъ, яснымъ, ласковымъ, привлекательнымъ. Этого-то благообразія, этой красоты лица будемъ искать, чтобы и Богъ, возжелавши нашей красоты, даровалъ намъ вѣчныя блага благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXV.

Не мните, яко пріидохъ вврещи миръ на землю; не пріидохъ вврещи миръ, но мечь (Матѳ. x, 34). 405

1. Опять Спаситель предсказываетъ великія скорби, притомъ гораздо многочисленнѣйшія, — и что ученики могли бы Ему возразить, о томъ Самъ говоритъ имъ напередъ. Именно, чтобы слыша слова его, они не сказали: „итакъ, Ты пришелъ для того, чтобы погубить насъ и нашихъ послѣдователей, и возжечь на

землѣ всеобщую брань?"—Онъ Самъ предупреждаетъ ихъ, говоря: *не пріидохъ воврещи миръ на землю* (Мате. x, 34). Какъ же Самъ Онъ заповѣдывалъ имъ, входя въ каждый домъ, привѣтствовать миромъ? Почему же, равнымъ образоять, ангелы воспѣвали: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ* (Лук. II, 14)? Почему также и всѣ пророки благовѣствовали о томъ же? Потому что тогда особенно и водворяется миръ, когда зараженное болѣзнію отсѣкается, когда враждебное отдѣляется. Только такимъ образомъ возможно небу соединиться съ землею. Вѣдь и врачъ тогда спасаетъ прочія части тѣла, когда отсѣкаетъ отъ нихъ неизлѣчимый членъ; равно и военачальникъ возстановляетъ спокойствіе, когда разрушаетъ согласіе между заговорщиками. Такъ было и при столпотвореніи. Худой миръ разрушенъ добрымъ несогласіемъ,—и водворенъ миръ. Такъ и Павелъ поселилъ раздоръ между согласившимися противъ него (Дѣян. xxIII, 6). А согласіе противъ Навуѳея было хуже всякой войны (3 Цар. xxI). Единомысліе не всегда бываетъ хорошо: и разбойники бываютъ согласны. Итакъ, брань была слѣдствіемъ не Христова опредѣленія, а дѣломъ воли самихъ людей. Самъ Христосъ хотѣлъ, чтобы всѣ были единомысленны въ дѣлѣ благочестія; но какъ люди раздѣлились между собою, то и произошла брань. Впрочемъ, Онъ не такъ сказалъ. А что же говоритъ? *Не пріидохъ воврещи миръ*,—тѣмъ самымъ утѣшаетъ ихъ. Не думайте, говоритъ, что вы виноваты въ этомъ: Я это дѣлаю, потому что люди имѣютъ такія расположенія. Итакъ не смущайтесь, какъ будто эта брань возникла сверхъ чаянія. Для того Я и пришелъ, чтобы произвести брань; такова именно Моя воля. Итакъ, не смущайтесь тѣмъ, что на землѣ будутъ брани и злоумышленія. Когда худшее будетъ отсѣчено, тогда съ лучшимъ соединится небо. Такъ Христосъ говоритъ для того, чтобы укрѣпить учениковъ противъ худого мнѣнія о нихъ въ народѣ. Притомъ, не сказалъ: *брань*, но, что гораздо ужаснѣе—*мечъ*. Если сказанное слишкомъ тяжко и грозно, то не дивитесь. Онъ хотѣлъ пріучить слухъ ихъ къ жестокимъ словамъ, чтобы они въ трудныхъ обстоятельствахъ не колебались. Поэтому и употребилъ такой образъ рѣчи, чтобы кто не сказалъ, что Онъ убѣждалъ ихъ лестію, скрывая отъ нихъ трудности. По этой причинѣ даже и то, что можно было бы выразить мягче, Христосъ представлялъ болѣе страшнымъ и грознымъ. И дѣйствительно, лучше видѣть легкость на самомъ дѣлѣ, нежели на словахъ. Потому-то Онъ не удовольствовался и этимъ выраженіемъ, но, изъясняя самый образъ брани, показываетъ, что она будетъ гораздо ужаснѣе даже междоусобной брани, и говоритъ: *пріидохъ разлучити человѣка на отца своего, и дщерь на матерь свою*,

и невѣсту на свекровь свою (ст. 35). Не только, говоритъ, друзья и сограждане, но и сами сродники возстанутъ другъ противъ друга, и между единокровными произойдетъ раздоръ. *Пріидохъ бо,* говоритъ, *разлучити человѣка на отца своего, и дщерь на матерь свою, и невѣсту на свекровь свою;* то есть, брань будетъ не просто между домашними, но даже между тѣми, которые соединены искреннею любовію и тѣснѣйшими узами. Это-то особенно и до- 406
казываетъ силу Христову, что ученики, слыша такія слова, и сами принимали ихъ, и другихъ убѣждали. И хотя не Христосъ былъ причиною этого, но злоба человѣческая, тѣмъ не менѣе говоритъ, что Самъ Онъ дѣлаетъ это. Такой образъ выраженія свойственъ Писанію. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: далъ имъ Богъ очи, чтобъ они не видѣли (Ис. XI, 9; Іезек. XII, 2). Такъ говоритъ Христосъ и здѣсь, чтобы ученики, какъ выше сказалъ я, предварительно привыкнувъ къ такому образу рѣчи, не смущались и среди самыхъ поношеній и обидъ. Если же нѣкоторые сочтутъ это тягостнымъ, то пусть припомнятъ древнюю исторію. И въ древнія времена было то же самое, чѣмъ и показывается особенно единство ветхаго завѣта съ новымъ, и то, что здѣсь говоритъ Тотъ же, Который тогда давалъ заповѣди. И у іудеевъ, именно, когда слили тельца, и когда пріобщились Веельфегору (Исход. XXXII, 28; Числ. XXV, 3), какъ скоро каждый умертвилъ ближняго своего, Богъ прекратилъ гнѣвъ на нихъ. Итакъ, гдѣ же утверждающіе, что тотъ Богъ былъ золъ, а этотъ благъ? Вотъ и этотъ Богъ наполнилъ вселенную кровію родственниковъ. Впрочемъ мы говоримъ, что и это есть дѣло великаго милосердія. Потому, показывая, что Онъ же Самъ одобрялъ и бывшее въ ветхомъ завѣтѣ, вспоминаетъ и о пророчествѣ, которое хотя не на этотъ случай сказано, однако объясняетъ то же самое. Какое же это пророчество? *Врази человѣку домашніи его* (ст. 36). И у іудеевъ случилось нѣчто подобное. И у нихъ были пророки и лжепророки; бывали также въ народѣ разногласія, и домы раздѣлялись. Одни вѣрили тѣмъ, другіе другимъ. Поэтому пророкъ, увѣщевая, говоритъ: *не вѣрите другомъ, ни надѣйтеся на старѣйшины, и отъ сожительницы твоея хранися, еже сказати ей что, и врази мужу, мужи живущія въ дому его* (Мих. VII, 5, 6). А говорилъ это для того, чтобы тѣхъ, которые примутъ ученіе, поставить выше всего. Не смерть, вѣдь, зло, а худая смерть—зло. Потому и сказалъ: *огня пріидохъ воврещи на землю* (Лук. XII, 49). Говоря это, Онъ показывалъ силу и горячность той любви, какой требовалъ. Такъ какъ самъ Онъ много насъ возлюбилъ, то хочетъ, чтобъ и мы любили Его столько же. А такія слова и апостоловъ укрѣпляли и возвышали въ духѣ. Если и ученики ваши, гово-

рилъ Онъ, будутъ оставлять сродниковъ, дѣтей и родителей, то каковы, подумай, должны быть вы, учители! Бѣдствія эти не кончатся на васъ, но перейдутъ и на другихъ. Такъ какъ Я пришелъ даровать великія блага, то и требую великаго послушанія и усердія. *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (ст. 37). *И иже не пріиметъ креста своего, и вг слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (ст. 38). Видишь ли достоинство Учителя? Видишь ли, какъ Онъ, повелѣвая все оставить долу и любовь къ Нему предпочесть всему, показываетъ тѣмъ, что Онъ есть единородный Сынъ Отца? И что говорить, сказалъ Онъ, о друзьяхъ и сродникахъ? Если даже душу свою будешь предпочитать любви ко Мнѣ, ты еще далекъ отъ того, чтобы быть Моимъ ученикомъ. Что же? Не противно ли это древнему закону? Нѣтъ,— напротивъ, весьма съ нимъ согласно. И тамъ Богъ повелѣваетъ не только ненавидѣть идолослужителей, но и побивать ихъ кам-
407 нями; а во Второзаконіи, похваляя таковыхъ ревнителей, говоритъ: *глаголяй отцу и матери не видѣхъ тебе, и братіи своея не позна, и сыновъ своихъ не увѣдѣ, сохрани словеса твоя* (Второз. XXXIII, 9). Если же Павелъ многое заповѣдуетъ о родителяхъ, и велитъ во всемъ имъ повиноваться,—не дивись. Онъ велитъ повиноваться имъ только въ томъ, что не противно благочестію. Святое дѣло— воздавать имъ всякое иное почтеніе. Когда же они потребуютъ болѣе надлежащаго, не должно имъ повиноваться. Потому и у евангелиста Луки говорится: *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матерь, и жену, и чадъ, и братію, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. XIV, 26). Повелѣваетъ не просто возненавидѣть, потому что это совершенно противозаконно; но если кто изъ нихъ захочетъ, чтобы ты любилъ его болѣе, нежели Меня, въ такомъ случаѣ возненавидь его за это. Такая любовь и любимаго, и любящаго губитъ.

2. Такъ говорилъ Онъ для того, чтобы и дѣтей сдѣлать мужественнѣе, и родителей, которые бы стали препятствовать благочестію, уступчивѣе. Дѣйствительно родители, видя, что Христосъ имѣетъ могущество и силу отторгать отъ нихъ даже дѣтей, должны были отступиться отъ своихъ требованій, какъ невозможныхъ. Вотъ почему, миновавъ родителей, Онъ обращаетъ рѣчь къ дѣтямъ, научая чрезъ то первыхъ не употреблять безполезныхъ усилій. Потомъ, чтобы они на это не досадовали и не скорбѣли, смотри, до чего простираетъ рѣчь. Сказавши: *кто не возненавидитъ отца и матерь*, присовокупилъ: *и душу свою*. И что, говоритъ, думаешь ты о родителяхъ, о братьяхъ, о сестрахъ и женѣ? Для всякаго ничего нѣтъ ближе души своей; но если

не возненавидишь и ее, то поступишь совсѣмъ не такъ, какъ любящій. Притомъ повелѣлъ не просто возненавидѣть душу, но даже подвергаться и войнѣ и битвамъ, не страшиться смерти и кровопролитія. *Иже не носитъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. XIV, 27). Не просто сказалъ, что должно быть готовымъ на смерть; но готовымъ на смерть, насильственную, и не только насильственную, но и поносную. При этомъ ни слова не говоритъ о Своихъ страданіяхъ, чтобы послѣ таковыхъ уроковъ удобнѣе могли выслушать, что скажетъ о Своихъ страданіяхъ. Не должно ли удивляться тому, какъ у нихъ, при такихъ словахъ, душа удержалась въ тѣлѣ, когда бѣды отвсюду были передъ глазами, а награды только въ ожиданіи? Какъ же удержалась? Велика была сила Говорящаго, велика и любовь слушающихъ; потому-то, слыша гораздо тягостнѣйшее и прискорбнѣйшее, нежели что слышали тѣ великіе мужи—Моисей и Іеремія, пребыли послушными и нисколько не противорѣчили. *Обрѣтый душу свою, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (Матѳ. X, 39). Видишь ли, какъ вредно любить душу болѣе надлежащаго, и какъ полезно ненавидѣть ее? Такъ какъ требованія Христа были тяжки, поскольку Онъ повелѣвалъ имъ возставать и противъ родителей и дѣтей противъ природы и сродства, противъ вселенной и даже противъ собственнной души,—то обѣщаетъ за это и награду самую великую. Это, говоритъ, не только не причинитъ вреда, но даже принесетъ величайшую пользу; противное же тому будетъ пагубно. Такъ Онъ и вездѣ дѣлаетъ: что для людей вожделѣнно, тѣмъ и убѣждаетъ. Почему ты не хочешь возненавидѣть душу 408
свою? Потому ли, что любишь ее? По этому самому и возненавидь, и тогда всего болѣе принесешь ей пользы, и докажешь, что ты любишь. И замѣть, какая здѣсь неизреченная премудрость! Онъ говоритъ о пренебреженіи не родителей только и дѣтей, но и души, которая всего ближе,—чтобы необходимость перваго очевиднѣе открылась изъ необходимости другого, и чтобы они узнали, что они и своимъ ближнимъ доставятъ величайшую выгоду и пользу, когда то же самое пріобрѣтается для души, которая всего ближе.

Итакъ, достаточно было и этого для убѣжденія людей принимать тѣхъ, которые послужатъ къ ихъ спасенію. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы не принялъ со всѣмъ усердіемъ мужей столь доблестныхъ и неустрашимыхъ, которые какъ львы обтекали вселенную, и небрегли о всемъ, только бы спаслись другіе? И однако Господь предлагаетъ и другую награду, показывая, что Онъ въ этомъ случаѣ болѣе печется о принимающихъ, нежели о принимае-

мыхъ. Хотя Онъ и отдаетъ послѣднимъ первую честь, говоря: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ, и иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя* (ст. 40),—что можетъ сравниться съ честію принять Отца и Сына?—но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаетъ Онъ и другое еще воздаяніе: *пріемляй*, говоритъ, *пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ; и пріемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу пріиметъ* (ст. 41). Выше угрожалъ наказаніемъ непринимающимъ, а здѣсь назначаетъ награду принимающимъ. И чтобы ты зналъ, что объ этихъ послѣднихъ Господь болѣе печется, не просто сказалъ: пріемлющій пророка, или: пріемлющій праведника; но присовокупилъ: *во имя пророка* и *во имя праведника*. То есть, если приметъ кого не по мірскому гостепріимству, или не по другимъ какимъ-либо мірскимъ разсчетамъ, но потому, что онъ пророкъ, или праведникъ, мзду пророка, мзду праведника пріиметъ,—или какую достоинъ получить принявшій пророка, или праведника, или какую получитъ самъ пророкъ, или праведникъ, какъ и Павелъ говоритъ: *ваше избыточествіе во оныхъ лишеніе да и оныхъ избытокъ будетъ въ ваше лишеніе* (2 Кор. VIII, 14). Далѣе, чтобы никто не сталъ отговариваться бѣдностію, говоритъ: *иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды, токмо во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея* (Матѳ .X, 42). И если ты подашь только чашу холодной воды, что не потребуетъ никакой издержки, то и за нее положена тебѣ награда; для васъ, которые принимаете, Я все сдѣлаю.

3. Видишь ли, какія Онъ употребилъ убѣжденія, и какъ отверзъ имъ входъ въ домы по всей вселенной? Во всей бесѣдѣ Своей Онъ показалъ, что люди ихъ должники. Во-первыхъ, сказалъ: *достоинъ дѣлатель мзды своея* (Матѳ. X, 10); во-вторыхъ, посылалъ ихъ ни съ чѣмъ; въ-третьихъ, подвергъ ихъ враждѣ и бранямъ за принимающихъ ихъ; въ-четвертыхъ, далъ имъ власть творить знаменія; въ-пятыхъ, даровалъ силу словомъ Своимъ на домы принимающихъ низводить миръ—источникъ всѣхъ благъ; въ-шестыхъ, непринимающимъ ихъ угрожалъ наказаніемъ жесточе содомскаго; въ-седьмыхъ, показалъ, что принимающіе ихъ принимаютъ Его и Отца; въ-восьмыхъ, за принятіе обѣщалъ награду пророка и праведника; въ-девятыхъ, и за чашу студеной воды назначилъ великую награду. Каждая изъ этихъ при-
409 чинъ сама по себѣ достаточна была къ убѣжденію людей. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, кто со всею готовностью не отворилъ бы всѣхъ дверей своего дома для военачальника, послѣ многихъ побѣдъ возвращающагося съ брани и сраженія, видя его покрытаго безчисленными ранами и обагреннаго кровію? И кого же должно принимать, скажешь? Чтобы показать это, Онъ присово-

купилъ: *во имя пророка, ученика и праведника*,—давая тѣмъ знать, что Онъ назначаетъ награду не только по достоинству пріемлемаго, но и по расположенію пріемлющаго. Такъ здѣсь Онъ говоритъ о пророкахъ, праведникахъ и ученикахъ; а въ другомъ мѣстѣ повелѣваетъ принимать даже самыхъ презрѣнныхъ, и тѣмъ, кто не принимаетъ таковыхъ, опредѣляетъ наказаніе: *понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе* (Матѳ. xxv, 45); и о тѣхъ же меньшихъ опять говоритъ что принимающій ихъ принимаетъ Его самого. Пусть принимаемый тобою ни ученикъ, ни пророкъ, ни праведникъ; но онъ—человѣкъ, который съ тобою въ одномъ живетъ мірѣ, одно и то же видитъ солнце, имѣетъ такую же душу, одного и того же Владыку, пріобщается однихъ и тѣхъ же съ тобою таинствъ, къ тому же призывается небу и совершенно въ правѣ требовать отъ тебя призрѣнія, будучи бѣденъ и нуждаясь въ необходимой пищѣ. Между тѣмъ теперь, когда приходятъ къ тебѣ въ дурную погоду люди съ флейтами и свирѣлями, будятъ тебя отъ сна, напрасно и безъ дѣла безпокоятъ, то отходятъ отъ тебя съ немалыми подарками; равно и тѣ, которые носятъ ласточекъ, натираются сажею и всѣхъ пересмѣиваютъ, получаютъ отъ тебя награду за свои проказы. А если придетъ къ тебѣ бѣдный и станетъ просить хлѣба, то ты наговоришь ему множество ругательствъ, будешь злословить, укорять въ праздности, осыпать упреками, обидными словами и насмѣшками, и не подумаешь о себѣ, что и ты живешь въ праздности, однакожъ Богъ даетъ тебѣ Свои блага. Не говори мнѣ, что ты и самъ дѣлаешь что-нибудь, но покажи мнѣ то, чѣмъ занимаешься ты дѣльнымъ и нужнымъ. Если скажешь мнѣ, что ты занимаешься торговлею, корчемничествомъ, стараешься о сбереженіи и пріумноженіи своего имѣнія, то и я скажу тебѣ, что это—не дѣло; настоящія дѣла—милостыня, молитвы, защищеніе обиженныхъ и другія добродѣтели, которыми мы совершенно въ жизни пренебрегаемъ. И однакожъ Богъ никогда намъ не говорилъ: такъ какъ ты живешь въ праздности, Я не буду освѣщать тебя солнцемъ; такъ какъ ты не занимаешься необходимымъ, и Я погашу луну, заключу нѣдра земли, остановлю озера, источники, рѣки, отыму воздухъ, не дамъ дождей во время. Напротивъ, Богъ все это доставляетъ намъ въ изобиліи, всѣмъ этимъ позволяетъ пользоваться не только живущимъ въ праздности, но и дѣлающимъ зло. Итакъ, если увидишь бѣднаго и скажешь: мнѣ досадно, что этотъ молодой, здоровый человѣкъ ничего не имѣетъ, хочетъ прокормиться живя въ праздности, а можетъ быть онъ еще бѣглый слуга, оставившій своего господина, то все, мною сказанное, примѣни къ себѣ, или лучше—ему позволь

сказать тебѣ со всею смѣлостью. И онъ можетъ сказать тебѣ съ бóльшимъ правомъ: и мнѣ досадно, что ты, будучи здоровъ, живешь въ праздности и ничего не дѣлаешь изъ того, что повелѣлъ тебѣ Богъ, а какъ рабъ, бѣжавшій отъ повелѣній своего господина, бродишь будто по чужой сторонѣ, проводя жизнь свою въ порокахъ, въ пьянствѣ, въ невоздержности, въ воровствѣ, въ хищничествѣ и въ раззореніи чужихъ домовъ. Ты укоряешь за праздность, а я укоряю тебя за худыя дѣла, когда ты злоумышляешь, когда божишься, лжешь, похищаешь, когда дѣлаешь тысячу подобныхъ дѣлъ.

4. Впрочемъ, говорю это не для того, чтобы защитить праздность. Совсѣмъ нѣтъ,—напротивъ, очень желаю, чтобы всѣ занимались дѣлами, потому что праздность научила всѣмъ порокамъ; а только увѣщеваю васъ не быть немилосердными и жестокими. Такъ и Павелъ, выразивъ сильное порицаніе праздности и сказавъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (2 Солун. ш, 10),—
410 не остановился на этихъ словахъ, но присовокупилъ: *вы же не стужайте доброе творяще* (ст. 13). Но здѣсь, повидимому, есть противорѣчіе: если ты не позволяешь празднымъ даже и ѣсть, то какъ же увѣщеваешь насъ подавать имъ? Я не противорѣчу себѣ, говоритъ апостолъ: хотя я и повелѣлъ удаляться отъ живущихъ праздно и не сообщаться съ ними, но я же опять сказалъ: не считайте ихъ врагами, но вразумляйте (ст. 15). Слѣдовательно, нѣтъ противорѣчія въ моихъ наставленіяхъ, но они совершенно между собою согласны. Будь только готовъ оказывать милосердіе,—тогда бѣдный тотчасъ оставитъ праздность, а ты перестанешь быть жестокимъ. Но скажешь: нищій много лжетъ и притворяется. И въ этомъ случаѣ онъ достоинъ сожалѣнія, потому что дошелъ до такой крайности, что даже не стыдится такъ лгать. А мы не только не имѣемъ жалости, но еще присовокупляемъ такія жестокія слова: не получалъ ли ты и разъ и два? Такъ чтожъ? Ужели ему не нужно опять ѣсть, потому что однажды ѣлъ? Почему же ты не положишь такого же правила и для своего чрева, и не говоришь ему: ты сыто было вчера и третьяго дня, такъ не проси нынѣ? Напротивъ, чрево свое пресыщаешь чрезмѣрно, а нищему, когда онъ проситъ у тебя и немногаго, отказываешь, хотя долженъ бы дать ему милостыню за то, что онъ каждый день принужденъ ходить къ тебѣ. Если не чувствуешь другихъ побужденій, то за это одно долженъ подать ему милостыню. Вѣдь крайняя бѣдность заставляетъ его дѣлать это. Ты не имѣешь къ нему жалости, потому что онъ, слыша такія слова твои, не стыдится; но нужда сильнѣе стыда. Но ты не только не имѣешь къ нему жалости, а еще издѣваешься надъ нимъ, и

тогда какъ Богъ повелѣлъ давать милостыню тайно, всенародно поносишь пришедшаго, между тѣмъ какъ надлежало бы оказать ему сострадание. Если не хочешь подать, то для чего еще укоряешь бѣднаго и сокрушаешь его огорченное сердце? Онъ пришелъ къ тебѣ, какъ въ пристань, и проситъ руки помощи; для чего же ты воздвигаешь волны, и бурю дѣлаешь свирѣпѣе? Для чего гнушаешься нищетою его? Пришелъ ли бы онъ къ тебѣ, если бы зналъ, что услышитъ отъ тебя такія слова? Если же и напередъ зная это пришелъ къ тебѣ, то потому-то и надобно тебѣ сжалиться надъ нимъ и ужаснуться своей жестокости, по которой ты, при видѣ самой крайней нужды, не дѣлаешься сострадательнѣе, не представишь себѣ, что одинъ страхъ голода служитъ для него достаточнымъ оправданіемъ въ безстыдствѣ, но укоряешь его за безстыдство, хотя самъ ты часто бывалъ несравненно безстыднѣе и въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Въ нуждѣ и безстыдство простительно. Между тѣмъ мы часто, дѣлая то, за что бы надлежало насъ наказать, не стыдимся,—и тогда какъ намъ, помышляя о такихъ дѣлахъ, слѣдовало бы смириться, мы нападаемъ на бѣдныхъ: они просятъ у насъ врачества, а мы прибавляемъ имъ ранъ. Если не хочешь дать, то для чего и бьешь? Если не хочешь оказать милость, то для чего и обижаешь? Но онъ безъ того не отойдетъ? Такъ поступи, какъ повелѣлъ мудрый: *отвѣщай ему мирная въ кротости* (Сирах. IV, 8). Онъ не по своей волѣ поступаетъ такъ безстыдно. Поистинѣ, нѣтъ человѣка, который бы безъ всякой нужды захотѣлъ сдѣлаться безстыднымъ; и хотя бы представляли тысячи доказательствъ, никогда не повѣрю, чтобы человѣкъ, живущій въ изобиліи, рѣшился просить милостыни. Итакъ, никто не увѣряй насъ въ противномъ. Если и Павелъ говоритъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*,—то говоритъ это нищимъ, а не намъ; намъ онъ говоритъ напротивъ: *доброе творяще не стужайте*. Такъ мы поступаемъ и въ домашнихъ дѣлахъ; когда двое ссорятся между собою, отведя каждаго въ сторону, даемъ имъ противоположные совѣты. Такъ поступилъ и Богъ, такъ поступилъ и Моисей, который такъ говорилъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави: аще же* 411
ни, и мене изглади (Исход. XXXII, 31, 32). А израильтянамъ повелѣлъ убивать другъ друга, не щадя даже и родственниковъ. Хотя эти дѣйствія одно другому противоположны, однакожъ то и другое клонилось къ одной цѣли. Такъ же Богъ говорилъ Моисею: *остави Мя, и потреблю народъ* (Исх. XXXII, 10),—что и іудеи слышали (хотя въ то время, когда Богъ говорилъ это, ихъ тутъ не было, но они должны были услышать объ этомъ послѣ), а тайно внушаетъ тому противное, что послѣ Моисей вынужденъ былъ

обнаружить, говоря такъ: *еда азъ во утробѣ зачахъ ихъ, яко глаголеши ми: возми ихъ, якоже доилица носитъ доимыя въ нѣдрахъ своихъ* (Числ. xi, 12)? То же бываетъ и въ семейной жизни. Часто отецъ учителю за суровые поступки съ сыномъ наединѣ дѣлаетъ такой выговоръ: не будь суровъ и жестокъ; а сыну между тѣмъ говоритъ другое: хотя бы тебя и несправедливо наказали, терпи; и такими двумя противными совѣтами достигаетъ одной полезной цѣли. Такъ и Павелъ тѣмъ, которые здоровы и просятъ милостыни, говоритъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*,—чтобы заставить ихъ трудиться; а тѣмъ, которые въ состояніи благотворить, такъ говоритъ: *вы же не стужайте доброе творяще*,—чтобы побудить ихъ къ милосердію. Такъ и въ посланіи къ Римлянамъ (xi, 17), когда увѣровавшихъ изъ язычниковъ убѣждаетъ не гордиться предъ іудеями и представляетъ въ примѣръ дикую маслину, повидимому говоритъ однимъ то, другимъ другое. Итакъ не будемъ жестокосерды, но исполнимъ сказанное Павломъ: *доброе творяще не стужайте* (2 Сол. ііі, 13); исполнимъ сказанное самимъ Спасителемъ: всякому *просящему у тебѣ дай* (Матѳ. v, 42), и: *будите милосерди, якоже Отецъ вашъ* (Лук. vi, 36). Давая многія другія заповѣди, Господь не присовокупилъ такихъ словъ, а употребилъ ихъ, говоря только о милостынѣ. Ничто столько не уподобляетъ насъ Богу, какъ благотворительность.

5. Но нѣтъ безстыднѣе бѣднаго, говоришь ты. Почему же, скажи? Потому ли, что онъ подбѣгая къ тебѣ кричитъ? Но хочешь ли, докажу, что мы гораздо безстыднѣе и наглѣе нищихъ? Вспомни, сколько разъ случалось и въ нынѣшній постъ, когда вечеромъ столъ былъ уже накрытъ и позванный тобою слуга приходилъ не скоро, ты все опрокидывалъ, толкая, браня и ругая его за малое промедленіе, хотя вѣрно зналъ, что если не тотчасъ, то немного спустя утолишь свой голодъ. Однако ты не называешь себя безстыднымъ, когда отъ малости приходишь въ бѣшенство; а нищаго, который страшится и трепещетъ большаго зла (потому что страшится не медленности, а голода), называешь дерзкимъ, наглымъ и безстыднымъ, и даешь ему всякія поносныя имена. Не крайнее ли это безстыдство? Но мы о томъ не разсуждаемъ; потому и считаемъ нищихъ для себя несносными. Но если бы мы разбирали свои поступки и сравнивали бы себя съ нищими, то не стали бы говорить, что они намъ въ тягость. Не будь же жестокимъ судіею. Хотя бы ты былъ чистъ отъ всѣхъ грѣховъ, то и въ такомъ случаѣ закономъ Божіимъ запрещено тебѣ строго судить о чужихъ проступкахъ. Если фарисей чрезъ это погибъ, то какое извиненіе будемъ имѣть мы? Если людямъ неукоризненной жизни запрещено строго судить

проступки другихъ, то тѣмъ болѣе грѣшникамъ. Итакъ не будемъ жестоки, безчеловѣчны, неумолимы, безчувственны; не будемъ злѣе звѣрей. Я знаю многихъ, которые дошли до та- 412
кого звѣрства, что изъ одной лѣности оставляютъ голодныхъ безъ помощи, отговариваясь такъ: теперь нѣтъ у меня слуги; домой идти далеко, а размѣнять не у кого. Какая жестокость! Большее ты обѣщалъ, а меньшаго не дѣлаешь. Ужели ему истаевать голодомъ, потому что тебѣ не хочется пройти нѣсколько шаговъ? Какая гордость! Какая спѣсь! Если бы тебѣ надлежало пройти и десять стадій, то зачѣмъ лѣниться? А не подумаешь, что за то было бы тебѣ больше награды? Когда подашь, то получишь награду только за подаяніе; а когда самъ пойдешь, то за это тебѣ будетъ другая награда. Такъ и патріарху дивимся потому, что онъ, имѣя триста восемнадцать домочадцевъ, самъ побѣжалъ въ стадо и взялъ тельца (Быт. XIV, 14; XVIII, 7). А нынѣ нѣкоторые до такой степени надуты спѣсью, что безъ стыда употребляютъ на то слугъ. Но скажетъ иной: ты велишь самому мнѣ дѣлать это? Не сочтутъ ли меня тщеславнымъ? Да и теперь ты также водишься тщеславіемъ, только инымъ,—когда стыдишься разговаривать при другихъ съ нищимъ. Но спорить о томъ не буду,—самъ ли, чрезъ другихъ ли, какъ хочешь,—только подавай милостыню, а не укоряй, не бей, не бранись; нищій, приходя къ тебѣ, надѣется получить врачество, а не раны, милостыню, а не побои. Скажи мнѣ: если въ кого бросятъ камнемъ и онъ, съ раною на головѣ, весь въ крови, мимо всѣхъ другихъ пробѣжитъ подъ твою защиту: ужели ты кинешь въ него другимъ камнемъ, и нанесешь ему другую рану? Не думаю чтобы ты такъ поступилъ; напротивъ, вѣрно постараешься и нанесенную ему рану излѣчить. Для чего же ты съ бѣдными поступаешь не такъ? Ужели ты не знаешь того, сколько и одно слово можетъ или ободрить, или привести въ уныніе? *Лучше*, говорится, *слово, нежели даяніе* (Сир. XVIII, 16). Ужели не разсудишь, что ты самъ на себя подъемлешь мечъ и наносишь себѣ жесточайшую рану, когда обруганный тобою нищій пойдетъ отъ тебя безмолвно, вздыхая и обливаясь слезами? Нищаго посылаетъ къ тебѣ Богъ. Итакъ, обижая его, подумай, кому дѣлаешь обиду, когда самъ Богъ его посылаетъ къ тебѣ, и тебѣ велитъ подавать, а ты не только не подаешь, но еще и ругаешь пришедшаго. Если же не понимаешь, какъ это худо, то посмотри на другихъ, и тогда хорошо узнаешь всю важность своего преступленія. Если бы твой слуга, по твоему приказанію, пошелъ къ другому слугѣ взять у него твои деньги, и возвратился къ тебѣ не только съ пустыми руками, но еще жалуясь на обиду, то чего бы ты не сдѣ-

лалъ обидѣвшему? Какому бы не подвергъ его наказанію, будучи какъ бы самъ лично имъ обиженъ? Такъ точно суди и о Богѣ: Онъ самъ посылаетъ къ намъ нищихъ, и когда мы даемъ, даемъ Божіе. Если же, ничего не подавши, гонимъ еще отъ себя съ бранью, то подумай, сколькихъ громовъ и молній достойны мы за такое дѣло? Помышляя о всемъ этомъ, обуздаемъ языкъ, перестанемъ быть жестокосердыми, простремъ руки для подаянія милостыни и будемъ не только снабжать бѣдныхъ имуществомъ, но и утѣшать словами, чтобы избѣгнуть намъ и наказанія за злословіе, и наслѣдовать царство за благословеніе и милостыню, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ Аминь.

БЕСѢДА XXXVI.

418 **И бысть егда соверши Іисусъ, заповѣдая обѣманадесяти ученикамъ, прейде оттуда учити и проповѣдати во градѣхъ ихъ (Матѳ. XI, 1).**

1. Пославши учениковъ, Господь самъ уклонился отъ нихъ, чтобы дать имъ мѣсто и время дѣлать, что велѣлъ. Еслибъ самъ Онъ находился съ ними и исцѣлялъ, то никто не захотѣлъ бы идти къ ученикамъ. *Іоаннъ же, слышавъ во узилищи дѣла Христова, посла два отъ ученикъ своихъ*, вопрошалъ Его, говоря: *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ* (Матѳ. XI, 2, 3)? А Лука говоритъ, что ученики сами возвѣстили Іоанну о чудесахъ Христовыхъ, и тогда уже Онъ послалъ ихъ (Лук. VII, 17). Впрочемъ, это никакого не заключаетъ въ себѣ затрудненія, а стоитъ только замѣчанія: въ этомъ обнаруживается зависть учениковъ Іоанновыхъ къ Іисусу. Но что говорится далѣе, должно быть тщательно изслѣдовано. Что же именно? То, что сказалъ Іоаннъ: *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ?* Тотъ, который зналъ Іисуса еще до чудесъ, извѣщенъ былъ о Немъ отъ Духа, слышалъ отъ Отца, проповѣдывалъ о Немъ предъ всѣми, посылаетъ теперь узнать отъ Самого: Онъ ли это или нѣтъ? Но если самъ не знаешь, точно ли это Онъ, то какъ же считаешь себя достойнымъ вѣроятія, сказавъ свое мнѣніе о неизвѣстномъ? Свидѣтельствующій о другихъ напередъ самъ долженъ быть достоинъ вѣроятія. Не ты ли говорилъ: *нѣсмь достоинъ отрѣшити ремень сапогу Его* (Лук. III. 16)? Не ты ли говорилъ: *не вѣдѣхъ Его, но пославый мя крестити водою, Той мнѣ рече: надъ Негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на Немъ, Той есть крестяй Духомъ Святымъ* (Іоан. I, 33)? Развѣ ты не видалъ

Духа въ видѣ голубя? Развѣ не слыхалъ гласа? Развѣ не ты удерживалъ Его, говоря: *азъ требую Тобою креститися* (Матѳ, ш, 14)? Развѣ не ты говорилъ ученикамъ: *Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Іоан. ш, 30)? Развѣ не ты училъ весь народъ, что Онъ будетъ крестить ихъ Духомъ Святымъ и огнемъ (Лук. ш, 16) и что Онъ есть *Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. і, 29)? Не проповѣдывалъ ли ты всего этого о Немъ прежде знаменій и чудесъ? Какъ же теперь, когда Онъ всѣмъ сталъ извѣстенъ и слухъ о Немъ прошелъ всюду, и мертвые воскресли, и бѣсы изгнаны, и столько произведено знаменій,—тогда уже посылаешь ты спрашивать у Него? Что это значило? Ужели всѣ слова Іоанновы были какой-нибудь обманъ, подлогъ, басня? И какой разумный человѣкъ сказалъ бы это? Не говорю уже объ Іоаннѣ, который взыгралъ во чревѣ матернемъ, проповѣдывалъ Христа прежде своего рожденія, былъ гражданиномъ пустыни, показалъ образецъ ангельской жизни. Напротивъ, если бы онъ былъ даже однимъ изъ людей обыкновенныхъ и самыхъ ничтожныхъ, то не могъ бы сомнѣваться послѣ многочисленныхъ свидѣтельствъ, данныхъ какъ имъ самимъ, такъ и другими. Отсюда видно, что Іоаннъ посылалъ не по сомнѣнію, и спрашивалъ не по невѣдѣнію. Никто также не можетъ сказать и того, чтобы онъ, хотя вѣрно зналъ Іисуса, будучи въ темницѣ, сталъ боязливѣе. Онъ не ожидалъ себѣ освобожденія изъ темницы; а если бы и ожидалъ, то не измѣнилъ бы благочестію, твердо рѣшившись принять всякую смерть. Въ самомъ дѣлѣ, будучи къ тому готовымъ, не показалъ бы онъ такого мужества предъ цѣлымъ народомъ, привыкшимъ проливать кровь пророковъ. Не осмѣлился бы обличить 414
такого жестокаго тирана, съ такимъ дерзновеніемъ среди, города и торжища, во всеуслышаніе дѣлая ему сильные выговоры, какъ малому ребенку. Если же онъ сталъ и боязливѣе, то какъ не постыдился учениковъ своихъ, предъ которыми столько разъ свидѣтельствовалъ о Христѣ, но черезъ нихъ сталъ спрашивать, когда надлежало черезъ другихъ, и хотя вѣрно зналъ, что ученики его завидовали Іисусу и желали найти какой-либо случай? Какъ не постыдился народа іудейскаго, предъ которымъ столько разъ проповѣдывалъ о Христѣ? Да и какъ могло это служить ему къ освобожденію отъ узъ? Не за Христа онъ ввержень былъ въ темницу, не за то, что проповѣдывалъ Его силу; но за то, что обличалъ беззаконный бракъ. Не навлекалъ ли онъ этимъ на себя нареканія, что онъ подобенъ безсмысленному ребенку, или совершеннолѣтнему безумцу? Итакъ, что же значитъ такой поступокъ? Изъ сказаннаго видно, что сомнѣваться объ Іисусѣ было несвойственно не только Іоанну, но и всякому, даже

человѣку совершенно несмысленному и безумному. Нужно однако, наконецъ, дать рѣшеніе. Итакъ, для чего Іоаннъ посылалъ спрашивать? Для того, что ученики Іоанновы, какъ всякій примѣтить можетъ, не расположены были къ Іисусу и всегда Ему завидовали, что явствуетъ изъ сказаннаго ими своему учителю. *Иже бѣ съ тобою*, говорятъ они, *обонъ полъ Іордана, Емуже ты свидѣтельствовалъ еси, се Сей крещаетъ, и вси грядутъ къ Нему* (Іоан. ш, 26). И еще былъ споръ у іудеевъ съ Іоанновыми учениками объ очищеніи. А въ другомъ случаѣ Іоанновы ученики, пришедши къ самому Іисусу, говорили: *почто мы и фарисеи постимся много, ученицы же Твои не постятся* (Матѳ. іх, 14)?

2. Они еще не знали, кто былъ Христосъ; но почитая Іисуса простымъ человѣкомъ, а Іоанна болѣе, нежели человѣкомъ, съ досадою смотрѣли на то, что слава Іисусова возрастала, а Іоаннъ, какъ самъ о себѣ говорилъ, приближался уже къ концу. Все это препятствовало имъ придти къ Іисусу, такъ какъ зависть преграждала доступъ. Пока Іоаннъ находился съ ними, онъ часто ихъ вразумлялъ и училъ, однако не убѣдилъ. Когда же приближался уже къ смерти, еще больше о томъ заботился. Онъ опасался, чтобы не оставить имъ повода къ превратному толкованію, и чтобы они не были навсегда отлученными отъ Христа. Онъ и съ самаго начала старался всѣхъ своихъ учениковъ обратить ко Христу; но такъ какъ не убѣдилъ въ томъ, передъ смертію оказываетъ уже большее усердіе. Если бы, поэтому, онъ сталъ говорить: пойдите къ Нему, Онъ лучше меня,—то этимъ не убѣдилъ бы людей, которые были привязаны къ нему самому; напротивъ, они подумали бы, что говоритъ такъ изъ скромности и прилѣпились бы къ нему еще болѣе. А если бы сталъ молчать, опять ничего бы не вышло. Что же онъ дѣлаетъ? Выжидаетъ случая отъ самихъ услышать, что Іисусъ творитъ чудеса; и тутъ самъ не даетъ имъ совѣтовъ, и не всѣхъ посылаетъ, но только двоихъ, о которыхъ можетъ быть зналъ, что они способнѣе прочихъ увѣровать,—чтобы вопросъ не былъ подозрителенъ, и чтобы они изъ самыхъ дѣлъ увидѣли разность между нимъ и Іисусомъ. И потому говоритъ: подойдите и скажите: *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ?* Христосъ же, проникая въ мысль Іоаннову, не сказалъ: точно, Я, потому что хотя и слѣдовало такъ сказать, но это было бы опять непріятно
415 для слушателей. Напротивъ, предоставляетъ самимъ заключить изъ дѣлъ. Евангелистъ говоритъ, что въ то время, когда они пришли къ Іисусу, Онъ исцѣлилъ многихъ. И какая тутъ была бы сообразность, когда спрашиваютъ: *Ты ли еси?* ничего не сказать на это, а тотчасъ начать исцѣлять больныхъ, если бы

Христосъ не хотѣлъ этимъ внушить того, о чемъ я сказалъ? Свидѣтельство дѣлами почиталось болѣе убѣдительнымъ и несомнѣннымъ, чѣмъ свидѣтельство словами. Поэтому, какъ Богъ, зная намѣреніе, съ какимъ Іоаннъ послалъ учениковъ, Христосъ въ тотъ же часъ исцѣлилъ слѣпыхъ, хромыхъ и другихъ многихъ—не съ тѣмъ, чтобы увѣрить Іоанна (на что было увѣрять увѣреннаго?), но чтобы увѣрить сомнѣвающихся учениковъ. И исцѣливши, говоритъ: *шедше возвѣстите Іоаннови, яже слышите и видите. Слѣпіи прозираютъ, и хроміи ходятъ, и прокаженніи очищаются, и глусіи слышатъ, и мертвіи возстаютъ, и нищіи благовѣствуютъ.* И потомъ присовокупилъ: *и блаженъ, иже аще не соблазнится о Мнѣ* (ст. 4—6), показавъ тѣмъ, что знаетъ и тайныя помышленія ихъ. Если бы Онъ сказалъ: точно, Я христосъ,—то, какъ замѣтилъ я, это могло быть для нихъ непріятно и могло навести на мысль, хотя бы они и не высказали ея, подобно іудеямъ: *Ты о себѣ самъ свидѣтельствуеши* (Іоан. VIII, 13). Вотъ потому самъ Онъ и не говоритъ этого, а предоставляетъ имъ заключать обо всемъ изъ чудесъ, дѣлая чрезъ то ученіе Свое неподозрительнымъ и очевиднѣйшимъ. А вмѣстѣ и ихъ обличилъ тайнымъ образомъ. Такъ какъ они соблазнялись о Немъ, то обнаруживши ихъ болѣзнь и предоставивъ все дѣло одной ихъ совѣсти, и никого не сдѣлавъ свидѣтелемъ этого обличенія кромѣ ихъ самихъ, которые одни понимали это—тѣмъ больше привлекъ ихъ къ Себѣ, говоря: *блаженъ иже аще не соблазнится о Мнѣ,*—говоря это, Онъ разумѣлъ собственно ихъ. Но не ограничимся только высказанными нами мыслями. Чтобы сдѣлать для васъ истину болѣе ясною, путемъ сопоставленія съ другими мнѣніями, намъ нужно сказать и объ этихъ послѣднихъ. Что же говорятъ иные? Утверждаютъ, что не та причина, какая нами указана; а та, что Іоаннъ дѣйствительно не зналъ. Не все было ему неизвѣстно. Что Іисусъ есть Христосъ, это онъ зналъ, а что хочетъ и умереть за людей,—того не зналъ, потому и сказалъ: *Ты ли еси грядый?*—то есть: Ты ли Тотъ, Которому должно сойти во адъ? Но такое мнѣніе не имѣетъ основанія; Іоаннъ зналъ и это. Объ этомъ онъ прежде всего проповѣдывалъ, это первое засвидѣтельствовалъ, говоря: *се Агнецъ Божій, вземляй* грѣхъ *міра* (Іоан. I, 29)! Назвалъ же Агнцемъ, провозвѣщая крестъ; равно и словами—*вземляй* грѣхъ *міра* показалъ то же самое. Вѣдь не иначе, какъ только крестомъ совершено отъятіе грѣха, о чемъ и Павелъ сказалъ: *и рукописаніе, еже бѣ сопротивно намъ, и то взятъ отъ среды, пригвоздивъ е на крестѣ* (Колос. II, 14). Также когда сказалъ: *Той крестити вы Духомъ* (Лук. III, 16), пророчествовалъ о томъ, что имѣло послѣдовать по воскресеніи. Но говорятъ: Іоаннъ зналъ,

что Христосъ воскреснетъ и дастъ Святаго Духа; а что будетъ распятъ, того не зналъ. Но какъ же бы Онъ воскресъ, не пострадавши и не будучи распятъ? Чѣмъ же бы Іоаннъ былъ болѣе пророка, если бы не зналъ того, что знали пророки?

3. Что Іоаннъ былъ больше пророка, засвидѣтельствовалъ
416 самъ Христосъ (Лук. VII, 28), а что пророки знали о страданіи Христовомъ, извѣстно всякому. Исаія говоритъ: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ* (Ис. LIII, 7); а прежде этого свидѣтельства говоритъ: *будетъ корень Іессеовъ и возстаяй владѣти языки; на Того языцы уповати будутъ* (Ис. XI, 10, 11). Потомъ, говоря о страданіи и о славѣ, за нимъ слѣдующей, присовокупилъ: *и будетъ покой Его честь*. Этотъ пророкъ предсказалъ не только о томъ, что Христосъ будетъ распятъ, но и съ кѣмъ: *и со беззаконными вмѣнися*, говоритъ онъ (Ис. LIII, 12). Мало того, онъ предсказалъ даже и то, что Христосъ не будетъ оправдываться, когда говоритъ: *Сей не отверзаетъ устъ Своихъ* (ст. 7); и что будетъ осужденъ несправедливо, когда продолжаетъ: *во смиреніи Его судъ Его взятся* (ст. 8). А прежде Исаіи то же говоритъ Давидъ, и описываетъ самое судилище такими словами: *вскую шаташася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ? Предсташа царіе земстіи, и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его* (Псал. II, 1, 2). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ даже и объ образѣ распятія: *ископаша руцѣ Мои и нозѣ Мои* (Псал. XXI, 17), и со всею точностію изображаетъ наглость воиновъ: *раздѣлиша*, говоритъ, *ризы Моя себѣ, и о одежди Моей металиа жребій* (ст. 19). И еще въ другомъ мѣстѣ даже говоритъ, что поднесли Ему уксусъ: *даша въ снѣдь Мою желчь, и въ жажду Мою напоиша Мя оцта* (Псал. LXVIII, 22). Итакъ, пророки за столько лѣтъ описываютъ и судилище, и осужденіе, и распятыхъ съ Нимъ, и раздѣленіе одеждъ, и метаніе о нихъ жребія, и весьма многое другое, что все перечислять теперь нѣтъ нужды, чтобы не продлить слова, а Іоаннъ, большій всѣхъ пророковъ, не зналъ всего этого? Возможно ли это? Почему же онъ не сказалъ: *Ты ли еси грядый* во адъ, но говоритъ просто: *Ты ли еси грядый*? Но это было бы еще смѣшнѣе прежняго. Говорятъ: Іоаннъ для того спрашивалъ объ этомъ Іисуса, чтобы сошедши въ адъ проповѣдывать о Немъ. Утверждающимъ это прилично сказать: *братіе, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте* (1 Кор. XIV, 20). Только настоящая жизнь есть время для подвиговъ, а послѣ смерти— судъ и наказаніе. *Во адѣ же*, сказано, *кто исповѣстся Тебѣ* (Псал. VI, 6)? Чѣмъ же сокрушены врата мѣдныя, и стерты вереи желѣзныя? Тѣломъ Христовымъ. Тогда именно въ первый разъ явилось тѣло безсмертнымъ, и разрушило владычество смерти.

Впрочемъ это показываетъ только, что Имъ сила смерти разрушена, а не истреблены грѣхи умершихъ прежде пришествія Его. Въ противномъ случаѣ, если Онъ освободилъ отъ геенны всѣхъ прежде умершихъ, то почему же сказалъ: *отраднѣе будетъ земли Содомской и* Гоморрской (Матѳ. xi, 24)? Этимъ дано разумѣть, что и они, хотя легче, однакожъ будутъ наказаны. И хотя они здѣсь уже понесли крайнее наказаніе, однако и это ихъ не избавитъ. А если не избавитъ ихъ, то не гораздо ли больше тѣхъ, которые здѣсь ни мало не пострадали? Итакъ, неправосудно, скажешь, поступлено съ жившими прежде пришествія Христова? Нимало. Тогда можно было спастись и не исповѣдуя Христа. Не это отъ нихъ требовалось, а то, чтобъ они не служили идоламъ и знали истиннаго Бога. *Господь Богъ Твой*, сказано, *Господь единъ есть* (Втор. vi, 4). 417
Потому и Маккавеи заслужили удивленіе, такъ какъ все, что они ни претерпѣли, претерпѣли за соблюденіе закона (1 Макк. i, 63); также три отрока и многіе другіе изъ іудеевъ, проводившіе добродѣтельную жизнь и соблюдшіе мѣру даннаго имъ познанія, ни къ чему болѣе обязаны не были. Итакъ тогда, какъ я уже сказалъ, для спасенія довольно было знать одного Бога; нынѣ же того не довольно, а нужно еще знать Христа. Потому Христосъ и говорилъ: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не биша имѣли: нынѣ же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ* (Іоан. xv, 22). То же надлежитъ сказать и о дѣлахъ. Тогда убійство губило совершившаго его, а нынѣ губитъ и одинъ гнѣвъ. Тогда прелюбодѣй и посягавшій на чужую жену подвергался наказанію, а нынѣ наказываются и за воззрѣніе похотливыми глазами. Какъ знаніе, такъ и добродѣтель нынѣ возведены на высшую степень. Итакъ, (въ адѣ) не было нужды въ предтечѣ. Въ противномъ же случаѣ, если невѣрные по смерти могутъ, обратившись къ вѣрѣ, спастись, то никто никогда не погибнетъ: тогда всѣ покаются и поклонятся Христу. А что это истинно, послушай Павла, который говоритъ, что *всякъ языкъ исповѣсть, и всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. ii, 11, 10), и что *послѣдній врагъ испразднится смерть* (1 Кор. xv, 26). Но отъ этой покорности никакой не будетъ пользы, потому что она произойдетъ не отъ добраго произволенія, но уже, такъ сказать, отъ самой необходимости обстоятельствъ.

4. Не станемъ же вводить такихъ бабьихъ ученій и іудейскихъ басенъ. Послушай, что гововоритъ Павелъ о жившихъ до Христа: *елицы бо беззаконно согрѣшиша, беззаконно и погибнутъ*, разсуждаетъ онъ о жившихъ до закона; *и елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ* (Рим. ii, 12), говоритъ о всѣхъ, жившихъ послѣ Моисея. И еще: *открывается гнѣвъ Божій съ небесе на*

всякое нечестіе и неправду человѣковъ (Рим. I, 18); и—*ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка, творящаго зло, Іудеа же прежде и Еллина* (Рим. II, 8, 9). И подлинно, безчисленное множество золъ терпѣли тогда язычники; это доказываютъ какъ языческія исторіи, такъ и наши христіанскія писанія. Кто, напр., исчислитъ плачевныя событія съ вавилонянами или египтянами? А что тѣ, которые хотя и не знали Христа, какъ жившіе до пришествія Его во плоти, но удалялись идолопоклонства, покланялись единому Богу и проводили добродѣтельную жизнь, будутъ наслаждаться всѣми благами, послушай, что объ этомъ говоритъ Павелъ: *слава же и честь и миръ всякому дѣлающему благое, Іудееви же прежде и Еллину* (Рим. II, 10). Видишь ли, что такимъ людямъ за добрыя дѣла уготованы великія награды, а дѣлающимъ противное—казни и мученія? Итакъ, гдѣ невѣрующіе гееннѣ? Если жившіе до пришествія Христова и не слышавшіе ни объ имени геенны, ни о воскресеніи, и здѣсь понесли наказаніе, и тамъ еще будутъ наказаны,—то насколько болѣе постигнетъ казнь насъ, вскормленныхъ обильнымъ словомъ мудрости. Но согласно ли, скажешь, съ разумомъ, чтобы люди, которые не слыхали
418 даже о гееннѣ, ввержены были въ геенну? Они могутъ, вѣдь, сказать: если бы Ты угрожалъ намъ геенною, то мы больше боялись бы, жили бы воздержно. Несомнѣнно (развѣ нѣтъ?) они стали бы жить такъ, какъ живемъ теперь мы, которые ежедневно слышимъ, что говорятъ о гееннѣ, и нисколько не внимаемъ тому. Да и то нужно сказать, что кого не удерживаютъ наказанія, которыя подъ ногами, того еще менѣе удержатъ наказанія будущія. Людей неразсудительныхъ и грубаго нрава то, что происходитъ у нихъ на глазахъ и немедленно, обыкновенно вразумляетъ болѣе, нежели то, что случится по прошествіи долгаго времени. Но, скажешь, мы живемъ въ большемъ страхѣ, и въ этомъ отношеніи съ язычниками не поступлено ли несправедливо? Нимало. Во-первыхъ, не тѣ же подвиги предстоятъ намъ, какія имъ; напротивъ, намъ гораздо большіе. А кто подъемлетъ большіе труды, тому нужно имѣть и большую помощь. А умноженіе страха—помощь не малая. Если же мы преимуществуемъ предъ ними въ томъ, что знаемъ будущее, то они преимуществуютъ предъ нами тѣмъ, что на нихъ тотчасъ налагаются жестокія наказанія.

Но многіе и объ этомъ разсуждаютъ иначе. Именно, говорятъ: гдѣ же правда Божія, когда согрѣшающій въ чемъ-либо здѣсь наказывается и здѣсь, и тамъ? Угодно ли, напомню вамъ собственныя ваши слова, чтобы вы болѣе не дѣлали труда намъ, но сами себѣ дали рѣшеніе? Многіе у насъ,—слыхалъ я,—

какъ скоро узнаютъ, что убійцѣ отрубили голову въ судѣ, негодуютъ на то и говорятъ такъ: этотъ злодѣй и извергъ совершилъ до тридцати или еще болѣе убійствъ, а самъ потерпѣлъ одну только смерть: какая тутъ правда? Итакъ, вы сами признаетесь, что одной смерти недостаточно для наказанія: почему же теперь держитесь противнаго мнѣнія? Потому что произносите судъ не о другихъ, но о себѣ. Вотъ какъ самолюбіе препятствуетъ намъ вникнуть въ справедливость! Когда судимъ о другихъ, разбираемъ все до точности: а когда произносимъ судъ о себѣ, ослѣпляемся. Если бы и о себѣ самихъ разобрали дѣло такъ же, какъ о другихъ, то произнесли бы нелицепріятный приговоръ. И у насъ есть грѣхи, заслуживающіе не двѣ и три, но тысячу смертей. И не говоря о прочихъ грѣхахъ, вспомнимъ, сколько насъ недостойно пріобщается таинъ? А причащающіеся недостойно повинны *тѣлу и крови Христовой* (1 Кор. xi, 27). Итакъ, когда говоришь объ убійцѣ, примѣни это и къ себѣ. Онъ убилъ человѣка, а ты повиненъ въ убіеніи Владыки. Онъ совершилъ убійство, не пріобщаясь таинъ, а мы стали убійцами, вкушая отъ священной трапезы. Что же сказать о тѣхъ, которые угрызаютъ, снѣдаютъ, отравляютъ ядомъ многимъ братій? И что сказать о томъ, кто отнимаетъ кусокъ у бѣднаго? Если и не подающій милостыни есть уже отнимающій, то тѣмъ болѣе похищающій чужое. Сколь многихъ разбойниковъ хуже корыстолюбцы? Сколь многихъ человѣкоубійцъ, сколь многихъ расхитителей гробницъ хуже лихоимцы? Сколько такихъ, которые, ограбивъ, жаждутъ еще крови? Нѣтъ, избави отъ этого Богъ! говоришь ты. Теперь говоришь—нѣтъ! Скажи это тогда, когда будешь имѣть врага: тогда вспомни эти слова, тогда покажи всю исправность жизни, чтобы и насъ не постигла участь содомлянъ, и 419-420
намъ не подпасть казни гоморрянъ, и намъ не потерпѣть золъ постигшихъ тирянъ и сидонянъ, и болѣе всего—чтобы не оскорбить Христа, что всего тяжелѣе и ужаснѣе. Хотя многимъ геенна и кажется ужасною, но я никогда не перестану вопіять, что оскорбить Христа—мучительнѣе и ужаснѣе самой геенны, и вамъ совѣтую придти въ то же чувство. Тогда мы и геенны избавимся, и будемъ наслаждаться славою Христовой, которую и да и сподобимся всѣ мы получить, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Ему и слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVII.

419 **Тѣмъ же исходящимъ, начатъ Іисусъ народомъ глаголати о Іоаннѣ: чесо изыдосте въ пустыню видѣти? Трость ли вѣтромъ колеблему? Но чесо изыдосте видѣти? Человѣка ли въ мягки ризы облеченна? Се, иже мягкая носящіи, въ домѣхъ царскихъ суть. Но чесо изыдосте видѣти? Пророка ли? Ей, глаголю вамъ, и лишше пророка (Матѳ. xi, 7—9).**

1. Для учениковъ Іоанновыхъ Спаситель сдѣлалъ, что нужно было сдѣлать, и они возвратились увѣрившись (въ томъ, что Онъ есть Мессія) посредствомъ чудесъ, совершенныхъ предъ ними. Теперь надлежало подать нужное врачество и народу. Ученики Іоанновы не подозрѣвали ни въ чемъ своего учителя; между тѣмъ въ народѣ, которому неизвѣстна была цѣль посольства учениковъ Іоанновыхъ, вопросъ ихъ могъ породить много неумѣстныхъ сомнѣній. Многіе могли разсуждать и говорить такъ: тотъ, который съ такою силою свидѣтельствовалъ о Іисусѣ, нынѣ перемѣнилъ мысли свои и сомнѣвается—этотъ ли, или другой есть Грядущій? Не съ тѣмъ ли намѣреніемъ онъ говоритъ это, чтобы возстать противъ Іисуса? Или темница научила его быть осторожнѣе? Ужели онъ напрасно прежде свидѣтельствовалъ о Іисусѣ? Итакъ, поелику народъ могъ предаваться многимъ подобнымъ сомнѣніямъ, то смотри, какъ Господь врачуетъ его немощь и уничтожаетъ эти сомнѣнія. *Тѣмъ же исходящимъ,* говоритъ евангелистъ, *начатъ Іисусъ народомъ глаголати.* Для чего Онъ началъ говорить уже по отшествіи учениковъ Іоанновыхъ? Чтобы не подумали, что Онъ льститъ Іоанну. Но исправляя сомнѣвающихся, Онъ не обнаруживаетъ ихъ сомнѣнія, а только разрѣшаетъ смущающіе ихъ помыслы, показывая тѣмъ, что Онъ знаетъ тайныя мысли всѣхъ. Онъ не говоритъ имъ, какъ іудеямъ: *вскую мыслите лукавая* (Матѳ. ix, 4)?—потому что, если они и думали такъ, то думали не по злобѣ, но потому, что не понимали сказаннаго. Вотъ почему Спаситель и не укоряетъ ихъ, а только исправляетъ ихъ мысли, и защищаетъ Іоанна, показывая, что онъ не оставилъ и не перемѣнилъ прежняго своего мнѣнія, что онъ человѣкъ не легкомысленный и перемѣнчивый, но твердый и постоянный, и не можетъ во ввѣренномъ ему быть невѣренъ. Впрочемъ Спаситель не произноситъ о немъ прямо Своего приговора, но напередъ подтверждаетъ это ихъ собственнымъ свидѣтельствомъ, показывая, что они не только словами, но и дѣлами своими засвидѣтельствовали его постоянство, почему и говоритъ: *чесо изыдосте въ пустыню видѣти?* Какъ

бы такъ сказалъ: для чего вы, оставивъ города и домы, собирались всѣ въ пустыню? Для того ли, чтобы увидѣть какого-нибудь жалкаго и непостояннаго человѣка? Но это невозможно. Не то показываетъ ваше великое усердіе и всеобщее стеченіе въ пустыню. Такое множество народа, жители столь многихъ городовъ, не устремились бы съ такимъ усердіемъ въ пустыню на рѣку Іорданъ, если бы не надѣялись увидѣть тамъ великаго, 420
удивительнаго и твердаго какъ камень мужа. Вы ходили смотрѣть не трость вѣтромъ колеблемую,—люди легкомысленные и перемѣнчивые, которые говорятъ сегодня одно, а завтра другое, и ни на чемъ не останавливаются, тѣ именно весьма подобны трости колеблемой вѣтромъ. Но смотри, какъ Господь, оставивъ всякое другое зло, обращаетъ вниманіе на то, которое особенно въ это время возмущало ихъ, и отнимаетъ самый предлогъ къ легкомыслію. *Но чесо изыдосте видѣти? Человѣка ли въ мяхки ризы облеченна? Се, иже мягкая носящіи, въ домѣхъ царскихъ суть.* Эти слова означаютъ то, что Іоаннъ не былъ по природѣ непостояненъ, и это вы доказали своимъ усердіемъ. Но и того никто не можетъ сказать, что онъ хотя и былъ по природѣ твердъ, но впослѣдствіи, предавшись роскоши, сдѣлался слабъ. Одни изъ людей отъ природы бываютъ слабы, а другіе впослѣдствіи времени дѣлаются таковыми. Напр., одинъ гнѣвливъ по природѣ, а другой отъ долговременной болѣзни пріобрѣтаетъ эту страсть. Равнымъ образомъ одни бываютъ непостоянны и легкомысленны по природѣ, а другіе оттого, что предаются роскоши и нѣгѣ. Но Іоаннъ не былъ таковъ и по природѣ, — вы ходили смотрѣть, говоритъ Спаситель, не трость колеблемую вѣтромъ,—равно какъ не потерялъ онъ сокровища, которымъ обладалъ, предавшись роскоши. Что онъ не былъ рабомъ роскоши, это показываетъ его одежда, пустыня и темница. Если бы онъ хотѣлъ носить дорогія одежды, то жилъ бы не въ пустынѣ и не въ темницѣ, а въ царскихъ чертогахъ. Онъ однимъ молчаніемъ могъ бы достигнуть величайшихъ почестей. Въ самомъ дѣлѣ, если Иродъ такъ уважалъ его не смотря даже на то, что онъ обличалъ его и находился въ узахъ, то тѣмъ болѣе сталъ бы льстить ему, если бы онъ молчалъ. Итакъ, могутъ ли падать такія подозрѣнія на того, кто самымъ дѣломъ доказалъ свою твердость и постоянство?

2. Изобразивъ такимъ образомъ Іоанна посредствомъ указанія на мѣсто его жительства, на его одежду и на стеченіе къ нему народа, Спаситель называетъ его наконецъ и пророкомъ, говоря: *чесо изыдосте видѣти? Пророка ли? Ей, глаголю вамъ, и лишше пророка. Сей бо есть, о немже есть писано: се Азъ посылаю*

ангела Моего предъ лицемъ Твоимъ, иже уготовитъ путь Твой предъ Тобою (Мал. III, 1). Приведя напередъ свидѣтельство іудеевъ, Онъ присоединяетъ потомъ свидѣтельство пророка. Или—лучше,—вопервыхъ, представляетъ мнѣніе іудеевъ, которое, какъ свидѣтельство враговъ, должно составлять сильнѣйшее доказательство; во-вторыхъ, указываетъ на жизнь этого мужа; въ-третьихъ, представляетъ свой судъ; въ-четвертыхъ, называетъ его пророкомъ, чтобы совершенно заградить уста ихъ. Потомъ, чтобы не сказали они: что же, если онъ прежде былъ таковъ, а нынѣ перемѣнился?—Спаситель приводитъ дальнѣйшія доказательства,—указываетъ на его одежду, темницу, и на ряду съ этимъ приводитъ и пророчество. Сказавъ, что онъ больше пророка, показываетъ, далѣе, и причину, почему больше. Итакъ, почему же? По при-
421 чинѣ близости своей къ Пришедшему. *Послю*, говорится, *ангела Моего предъ лицемъ Твоимъ*, т. е. близъ тебя. Какъ во время путешествія царей, тѣ, кто славнѣе другихъ, идутъ близъ ихъ колесницъ, такъ и Іоаннъ является предъ самымъ пришествіемъ Христовымъ. Смотри, какъ и этимъ Господь показалъ преимущество его! Но и здѣсь не останавливается, а приводитъ и Свое мнѣніе, говоря: *аминь глаголю вамъ, не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя* (ст. 11), т. е. ни одна жена не родила человѣка, который бы былъ больше Іоанна. Чтобы увѣриться въ достоинствѣ Іоанна, достаточно и одного приведеннаго изреченія; но если ты хочешь познать его изъ самыхъ дѣлъ его, то представь его трапезу, образъ жизни и высоту духа. Подлинно, онъ жилъ какъ бы на небѣ, и, возвысившись надъ всѣми нуждами природы, шелъ путемъ необыкновеннымъ, проводя все время въ пѣсняхъ и молитвахъ, и удалившись отъ общества людей, непрестанно бесѣдовалъ съ однимъ Богомъ. Онъ никого не видѣлъ изъ подобныхъ себѣ, и никому изъ нихъ не являлся; не питался молокомъ, не имѣлъ ни постели, ни крова, ни съѣстныхъ припасовъ, ни другихъ вещей, которыми пользуются люди, и однакожъ былъ кротокъ и вмѣстѣ строгъ. Напримѣръ, послушай, съ какою кротостію бесѣдуетъ онъ съ своими учениками, съ какимъ мужествомъ—съ народомъ іудейскимъ, и съ какою смѣлостію—съ царемъ. Вотъ почему и сказалъ объ немъ Спаситель: *не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя*. Но чтобы опять и великія похвалы не породили неприличнаго мнѣнія о Іоаннѣ въ іудеяхъ, которые предпочитали его Христу, смотри, какъ Господь предотвращаетъ и это зло. Какъ то, что служило къ утвержденію учениковъ Іоанновыхъ, причиняло вредъ народу, который почиталъ его легкомысленнымъ, такъ и отъ того, что служило къ исправленію народа, большій бы произошелъ вредъ, если бы

слова Христовы подали поводъ іудеямъ предпочитать Ему Іоанна. Потому Христосъ и это не обинуясь исправляетъ, говоря: *мній же во царствіи небеснѣмъ, болій его есть* (Матѳ. XI, 11), т. е. меньшій по возрасту и по мнѣнію многихъ. Дѣйствительно, объ Немъ говорили, что Онъ *ядца и винопійца* (Матѳ. XI, 19); также: *не сей ли есть тектоновъ Сынъ* (Матѳ. XIII, 55)? и вездѣ уничижали Его. Итакъ Христосъ былъ большій по сравненію съ Іоанномъ, скажешь ты? Нѣтъ; когда Іоаннъ говоритъ: *крѣплій мене есть* (Матѳ. III, 11), не сравнительно говоритъ это; также и Павелъ, когда вспоминая о Моисеѣ пишетъ: *множайшей бо славѣ Сей паче Моисеа сподобися* (Евр. III, 3), не сравнительно пишетъ; и Самъ Спаситель, говоря: *се болѣ Соломона здѣ* (Матѳ. XII, 42), не сравниваетъ Себя съ нимъ. А если и допустить, что Онъ сравниваетъ Себя съ Іоанномъ, то дѣлаетъ это для пользы слушателей, по причинѣ ихъ немощи. Люди и прежде весьма уважали Іоанна, а теперь его еще болѣе прославили темница и дерзновеніе предъ царемъ, и со стороны многихъ слова Христа легко могли быть приняты за сравненіе. И въ ветхомъ завѣтѣ такимъ же образомъ исправляемы были души заблуждшихъ,—о несравнимомъ говорилось сравнительно; такъ напр., когда говорится: *нѣсть подобенъ Тебѣ въ бозѣхъ Господи* (Псал. LXXXV, 8); и еще: *нѣсть богъ, яко Богъ нашъ* (Псал. LXXVI, 14). Нѣкоторые говорятъ, что Христосъ сказалъ это объ апостолахъ, а другіе—объ ангелахъ; но это несправедливо. Люди, удалившіеся отъ истины, обыкновенно во мно- 422
гомъ заблуждаются. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему говорить здѣсь объ ангелахъ, или объ апостолахъ? Притомъ, если Онъ сказалъ это объ апостолахъ, то что препятствовало Ему назвать ихъ по имени? Но говоря о Себѣ, Онъ справедливо скрываетъ лице Свое, какъ по причинѣ господствовавшаго о Немъ мнѣнія, такъ и для того, чтобы не подумали, что слишкомъ превозноситъ Себя. Спаситель и во многихъ случаяхъ такъ поступаетъ. Что же значать слова: *во царствіи небеснѣмъ?* Т. е., во всемъ духовномъ и небесномъ. Сказавъ: *не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя*, Спаситель отличилъ Себя отъ Іоанна, и такимъ образомъ показалъ, что Его не должно сравнивать съ Іоанномъ.

3. Хотя Христосъ былъ рожденъ и отъ жены, но не такъ, какъ Іоаннъ, потому что былъ не простой человѣкъ, и родился не такъ, какъ обыкновенно рождаются люди, но необыкновеннымъ и чуднымъ рожденіемъ. *Отъ дней же Іоанна Крестителя доселѣ царствіе небесное нудится, и нуждницы восхищаютъ е* (ст. 12). Какую связь имѣютъ эти слова съ тѣмъ, что сказано было прежде? Великую, и весьма тѣсную. Спаситель заставляетъ и понуждаетъ ими слушателей Своихъ къ вѣрѣ въ

Него, и вмѣстѣ подтверждаетъ то, что сказалъ прежде о Іоаннѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если до Іоанна все исполнилось, то значитъ— Я грядущій. *Вси бо*, говоритъ, *пророцы и законъ до Іоанна прорекоша* (ст. 13). Пророки, слѣдовательно, не перестали бы являться, если бы не пришелъ Я. Итакъ, не простирайте своихъ надеждъ въ даль и не ожидайте другого (Мессіи). Что Я—грядущій, это видно какъ изъ того, что перестали являться пророки, такъ и изъ того, что съ каждымъ днемъ возрастаетъ вѣра въ Меня; она сдѣлалась столь ясною и очевидною, что многіе восхищаютъ ее. Но кто же, скажешь ты, восхитилъ ее? Всѣ тѣ, кто приходитъ ко Мнѣ съ усердіемъ. Далѣе Спаситель приводитъ и другое доказательство, говоря: *аще хощете пріяти, той есть Илія хотяй пріити* (ст. 14). *Послю бо вамъ*, говоритъ Писаніе, *Илію Ѳесвитянина, иже устроитъ сердце отца къ сыну* (Малах. IV, 5, 6). Итакъ, если вы будете внимать со тщаніемъ, то познаете, что онъ и Илія, такъ какъ говоритъ Писаніе: *послю ангела Моего предъ лицемъ Твоимъ* (тамъ же, III, 1). Спаситель не напрасно сказалъ: *аще хощети пріяти*, но чтобы показать, что Онъ не принуждаетъ ихъ. Я не принуждаю васъ, говоритъ Онъ. Этими словами Онъ требуетъ отъ нихъ самихъ внимательнаго размышленія и показываетъ, что Іоаннъ есть Илія, и Илія—Іоаннъ: оба они приняли на себя одинаковое служеніе, оба были предтечами. Потому и сказалъ не просто: сей есть *Илія*, но: *аще хощете пріяти, сей есть*, то есть, если будете смотрѣть со вниманіемъ на событія. Впрочемъ и на этомъ Спаситель не остановился, но желая показать, что нужно быть внимательными къ словамъ: *сей есть Илія хотяй пріити*, присовокупилъ: *имѣяй уши слышати, да слышитъ* (Матѳ. XI, 15)! Столь много трудныхъ для уразумѣнія мыслей предложилъ Онъ для того, чтобы возбудить въ іудеяхъ желаніе предлагать свои вопросы. Если же и это не пробудило ихъ отъ усыпленія, то тѣмъ болѣе не могли бы пробудить ясныя и удобопонятныя слова Спасителя. Никто, вѣдь, не можетъ сказать того, что они не смѣли спрашивать Его и боялись приступить къ Нему. Если они искушали Его, спрашивая о дѣлахъ маловажныхъ, и не смотря на то, что Спаситель тысячекратно заграждалъ имъ уста, не отставали отъ Него, то почему бы не могли спросить о дѣлахъ нужныхъ, если бы желали узнать о нихъ. Если спрашивали о дѣлахъ касающихся закона, какая, напр., первая за-
428 повѣдь, и тому подобномъ, хотя не было никакой и нужды спрашивать о такихъ вещахъ, то какъ бы не потребовали объясненія на слова Его, когда Онъ долженъ былъ отвѣчать на ихъ вопросы, а особенно, когда самъ располагалъ и побуждалъ ихъ къ тому? Въ самомъ дѣлѣ, словами: *нуждницы восхищаютъ е*,

Спаситель возбуждаетъ въ нихъ желаніе предлагать Ему вопросы. Равнымъ образомъ и словами: *имѣяй уши слышати, да слышитъ*, дѣлаетъ тоже самое. *Кому же уподоблю родъ сей?* говоритъ Онъ. *Подобенъ есть дѣтемъ сѣдящимъ на торжищѣ и глаголющимъ: пискахомъ вамъ, и не плясасте; плакахомъ вамъ, и не рыдасте* (ст. 16, 17).

Повидимому, и эти слова не имѣютъ никакой связи съ предыдущими, на самомъ же дѣлѣ они весьма тѣсно связаны съ ними. Христосъ направляетъ ихъ все къ той же еще главной цѣли и желаетъ показать, что Іоаннъ поступалъ согласно съ Нимъ, хотя происходившее, какъ, напримѣръ, вопросъ учениковъ Іоанновыхъ, и казалось противорѣчіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ показываетъ и то, что для спасенія іудеевъ не было оставлено ни одного нужнаго средства, какъ и о виноградникѣ говоритъ пророкъ: *что* нужно было сдѣлать *винограду сему, и не сотворихъ* (Ис. v, 4)? *Кому уподоблю родъ сей?* говоритъ Спаситель. *Подобенъ есть дѣтемъ, сѣдящимъ на торжищѣ и глаголющимъ: пискахомъ вамъ, и не плясасте; плакахомъ вамъ, и не рыдасте. Пріиде бо Іоаннъ ни ядый, ни пія, и глаголютъ: бѣса иматъ. Пріиде Сынъ человѣческій ядый, и піяй, и глаголютъ: се человѣкъ ядца и винопійца, мытаремъ другъ и грѣшникомъ* (Матѳ. xi, 16—19). Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: Я и Іоаннъ пришли противоположными путями, и поступили подобно ловцамъ, которые, желая поймать неудоболовимаго звѣря съ двухъ противоположныхъ сторонъ, становятся другъ противъ друга, каждый на своемъ пути, и гонятъ его отъ себя, чтобы такимъ образомъ онъ непремѣнно попалъ въ руки того или другого. Посмотри, въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ изумленіемъ весь родъ человѣческій смотритъ на чудный постъ и на эту суровую и посвященную любомудрію жизнь. Для того-то и устроено было, что Іоаннъ отъ самаго младенчества пріученъ былъ къ столь суровой жизни, чтобы и чрезъ это сдѣлать проповѣдь его достойною вѣры. Но почему же, скажешь ты, самъ Іисусъ не избралъ этого пути? Напротивъ, и Онъ шелъ этимъ путемъ, когда постился сорокъ дней, и обходилъ страны уча, и не имѣя *гдѣ главы подклонити*. Впрочемъ Онъ и другимъ путемъ шелъ къ той же цѣли, и получалъ пользу отъ того, которымъ шелъ Іоаннъ, потому что получить свидѣтельство отъ человѣка, идущаго путемъ жизни строгой, значило то же, что и самому идти этимъ путемъ, или даже и болѣе. Притомъ, Іоаннъ ничего болѣе не показалъ, кромѣ строгаго образа жизни, такъ какъ Іоаннъ не совершилъ ни одного знаменія, а Спаситель свидѣтельствовалъ о Себѣ и знаменіями и чудесами. Такимъ образомъ, предоставивъ Іоанну блистать постомъ, самъ избралъ путь противный: участвовалъ въ трапезахъ мытарей, вмѣстѣ съ ними ѣлъ и пилъ.

4. Теперь спросимъ іудеевъ: что скажете вы о постѣ? Хорошъ онъ и похваленъ? Если такъ, то вамъ надлежало повиноваться Іоанну, принимать его и вѣрить словамъ его. Тогда слова его привели бы васъ къ Іисусу. Или постъ тяжекъ и обременителенъ? Тогда вамъ надлежало повиноваться Іисусу и вѣрить Ему, какъ идущему путемъ противнымъ. Тотъ и другой путь могъ привести васъ къ царствію. Но они, подобно дикому
424 звѣрю, возставали противъ того и другого. Итакъ, не должно обвинять тѣхъ, которымъ не вѣрили. Но вся вина падаетъ на тѣхъ, которые хотѣли не вѣрить имъ. Никто не станетъ въ одно и то же время порицать, также какъ и хвалить, вещей противныхъ: такъ напримѣръ, кто любитъ человѣка веселаго и роскошнаго, тому не можетъ нравиться печальный и суровый; равнымъ образомъ не будетъ хвалить человѣка веселаго тотъ, кто хвалитъ печальнаго; невозможно объ одномъ и томъ же предметѣ въ одно и то же время думать и такъ и иначе. Потому-то Іисусъ и сказалъ: *пискахомъ вамъ, и не плясасте*,—т. е. Я велъ жизнь не строгую, и вы не покорились Мнѣ; *плакахомъ вамъ, и не рыдасте*,—т. е. Іоаннъ проводилъ жизнь строгую и суровую, и вы не внимали ему. Впрочемъ, Іисусъ не говоритъ, что Іоаннъ велъ тотъ, а Я—другой образъ жизни. Но такъ какъ оба они имѣли одну цѣль, хотя дѣла ихъ были различны, то какъ о Своихъ, такъ и о его дѣлахъ говоритъ какъ объ общихъ. И то, что они шли противными путями, происходило отъ ихъ великаго согласія, направленнаго къ одной цѣли. Итакъ, какое же вы можете имѣть оправданіе? Потому-то Спаситель и присоединилъ: *и оправдися премудрость отъ чадъ своихъ*. То есть: хотя вы и остались неубѣжденными, но уже не можете обвинять Меня,—какъ и о Богѣ-Отцѣ говоритъ пророкъ: *яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ* (Пс. L, 6). Хотя Богъ и не видитъ никакого плода отъ Своего о насъ попеченія, однакожъ съ Своей стороны исполняетъ все, чтобы людямъ безстыднымъ не оставить ни малѣйшаго повода къ безразсуднымъ сомнѣніямъ. А что Господь употребляетъ простыя и неблагородныя сравненія, ты не удивляйся этому: Онъ говорилъ такъ, приспособляясь къ немощи слушателей. Такъ и Іезекіиль часто употребляетъ сравненія, приличныя іудеямъ, но несообразныя съ величіемъ Божіимъ. Но и это есть дѣло особеннаго попеченія Божія о насъ. Но смотри, какъ іудеи и инымъ образомъ запутали себя въ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ. Сказавъ объ Іоаннѣ, что онъ *бѣса имать*, они не удовольствовались этимъ,—напротивъ, и объ Іисусѣ, Который избралъ путь противный, утверждали то же самое. Такъ всегда они вдавались въ противорѣчивыя мнѣнія! Евангелистъ Лука кромѣ этихъ

обвиненій приводитъ еще и другое, сильнѣйшее, говоря: *мытаріе оправдиша Бога*, принявши крещеніе Іоанново (Лук. VII, 29) Іисусъ тогда уже началъ порицать города, когда оправдана была премудрость,—когда Онъ показалъ, что все исполнено. Такъ какъ Онъ не убѣдилъ іудеевъ, то начинаетъ оплакивать, что еще важнѣе угрозъ. Онъ обнаружилъ предъ ними Свое ученіе и Свою чудодѣйственную силу; но такъ какъ они не оставили своего упорства, то начинаетъ порицать ихъ. *Тогда*, говоритъ евангелистъ, *начатъ Іисусъ поношати градовомъ, въ нихже быша множайшія силы Его, зане не покаяшася*, говоря: *горе тебѣ, Хоразине, горе тебѣ, Виѳсаидо* (ст. 20, 21)! А чтобы тебѣ увѣриться, что жители этихъ городовъ были злы не по природѣ, Онъ упоминаетъ о такомъ городѣ, изъ котораго произошли пять апостоловъ; именно изъ Виѳсаиды произошли Филиппъ и четыре первоверховныхъ апостола. *Яко аще въ Тѵрѣ и Сидонѣ быша были силы, бывшія въ васъ, во вретищи и пепелѣ покаялися быша. Обаче глаголю вамъ: Тѵру и Сидону отраднѣе будетъ въ день судный, нежке вамъ. И ты, Капернауме, иже до небесъ вознесыйся, до ада снидеши; зане аще въ Содомѣхъ быша силы были бывшія въ тебѣ, пребыли убо быша до днешняго дне. Обаче глаголю вамъ, яко земли Содомстѣй отраднѣе будетъ въ день судный, нежке тебѣ* (ст. 21—24). Спаситель присоединяетъ къ этимъ городамъ Содомъ не безъ причины, но чтобы 426
увеличить осужденіе. Подлинно, сильнѣйшимъ доказательствомъ злобы іудеевъ служитъ то, что они являются худшими не только современныхъ имъ, но и всѣхъ когда-либо бывшихъ злыхъ людей. Подобнымъ образомъ Спаситель и въ другомъ мѣстѣ обличаетъ ихъ, сравнивая съ ниневитянами и съ южною царицею (Матѳ. XII, 41, 42). Но тамъ Онъ осуждаетъ ихъ, сравнивая съ праведниками, а здѣсь—съ грѣшниками, что гораздо тяжелѣе. Такой способъ осужденія употреблялъ и Іезекіиль. Онъ говоритъ къ Іерусалиму: *оправдалъ еси сестры твоя во всѣхъ* грѣхахъ твоихъ (Іез. XVI, 51). Такъ Іисусъ вездѣ сообразовался съ ветхимъ завѣтомъ! Впрочемъ Онъ и этимъ не оканчиваетъ Своего обличенія, но наводитъ на нихъ страхъ, говоря, что они потерпятъ гораздо тягчайшія бѣдствія, нежели жители Содома и Тира, чтобы всѣми способами преклонить ихъ къ вѣрѣ—и сожалѣніемъ, и страхомъ.

5. Будемъ внимать этому и мы. Не невѣрующимъ вѣдь только, но и намъ опредѣлилъ Спаситель наказаніе болѣе жестокое, чѣмъ содомлянамъ, если мы не будемъ принимать приходящихъ къ намъ странниковъ, когда повелѣлъ имъ отрясать прахъ отъ ногъ своихъ; и весьма справедливо. Невѣрные, хотя и тяжко согрѣшали, но—прежде закона и благодати; напротивъ мы, согрѣ-

шая послѣ столь великаго попеченія о насъ, какъ можемъ надѣяться получить прощеніе, когда оказываемъ столь великую ненависть къ странникамъ, заключаемъ двери для бѣдныхъ, и еще прежде заграждаемъ слухъ отъ ихъ воплей, или лучше— не только для бѣдныхъ, но и для самихъ апостоловъ? По тому самому вѣдь мы и поступаемъ такъ съ бѣдными, что не внимаемъ словамъ апостоловъ. Когда читаютъ писаніе Павла, и ты не внимаешь; когда проповѣдуется ученіе Іоанна, и ты не слушаешь,—то какъ можешь принять къ себѣ бѣднаго, не принимая апостола? Итакъ, чтобы наши двери непрестанно отверсты были для бѣдныхъ и слухъ—для ученія апостоловъ, очистимъ слухъ души отъ нечистоты. Какъ нечистота и грязь заграждаютъ слухъ тѣлесный, такъ любострастныя пѣсни, разсказы о дѣлахъ житейскихъ, о долгахъ, о ростахъ и процентахъ—болѣе всякой нечистоты заграждаютъ слухъ душевный, и не только заграждаютъ, но еще дѣлаютъ его нечистымъ. Разсказывающіе о таковыхъ дѣлахъ наполняютъ нечистотою слухъ вашъ, и чѣмъ нѣкогда угрожалъ варваръ, когда говорилъ: „будете ѣсть калъ свой" и проч. (Ис. xxxii, 12), тому же или еще и худшему подвергаютъ васъ и эти люди, и не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ. Подлинно, срамныя пѣсни отвратительнѣе всякой внѣшней нечистоты и, что всего вреднѣе, вы не только не скучаете, слушая ихъ, но и восхищаетесь, тогда какъ падлежало бы гнушаться ими и бѣжать. Если же онѣ не отвратительны, то ступай къ плясунамъ и подражай тому, что хвалишь; или лучше—пляши съ тѣмъ, который производитъ этотъ смѣхъ. Но ты не согласенъ на это. Итакъ для чего же воздаешь ему такую честь? И языческіе законы признаютъ людей этого рода безчестными; а ты вмѣстѣ съ цѣлымъ городомъ принимаешь ихъ какъ пословъ и вождей, и всѣхъ созываешь слушать то, что оскверняетъ слухъ. Если рабъ скажетъ тебѣ вслухъ что-либо гнусное, ты подвергаешь его жестокому наказанію; если сынъ твой, или жена, или другой кто сдѣлаетъ то же, ты почитаешь такой поступокъ обидою; но если пригласятъ тебя слушать постыдныя слова люди презрѣнные и негодные, то ты не только не досадуешь, но даже радуешься и хвалишь это. И что можетъ сравниться съ такимъ безразсудствомъ? Но ты не говоришь самъ постыдныхъ словъ? Что же отъ этого пользы? Притомъ, откуда это видно? Вѣдь если бы ты не говорилъ такихъ словъ, то не смѣялся бы и слыша ихъ отъ другихъ, и не стремился бы съ такимъ усердіемъ на посрамляющій тебя голосъ.
426 Скажи мнѣ, съ удовольствіемъ ли ты слушаешь богохульствующихъ, или трепещешь и заграждаешь отъ нихъ слухъ свой? Я думаю, что такъ. Почему же это? Потому, что ты самъ не бого-

хульствуешь. Такъ же поступай и съ тѣми, которые говорятъ постыдныя слова. А если ты хочешь ясно доказать намъ, что тебѣ непріятны постыдныя слова, то и не слушай ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можешь ты быть человѣкомъ добрымъ, обращаясь среди людей, отъ которыхъ слышишь столь постыдныя рѣчи? Захочешь ли ты когда-либо подъять труды, которыхъ требуетъ цѣломудріе, разслабѣвая мало-по-малу отъ смѣха, пѣсенъ и этихъ срамныхъ словъ? И не оскверненная слушаніемъ такихъ пѣсенъ и словъ душа едва можетъ быть чистою и цѣломудренною; тѣмъ болѣе невозможно это для той, которая непрестанно слышитъ ихъ. Или вы не знаете, что мы болѣе склонны ко злу? Итакъ, когда это сдѣлается нашимъ ремесломъ и главнымъ занятіемъ, то какимъ образомъ избѣжимъ вѣчнаго огня? Или ты не слышишь, что говоритъ Павелъ: *радуйтеся о Господѣ* (Фил. IV, 4)? Онъ не сказалъ—радуйтесь о діаволѣ.

6. Итакъ, можешь ли ты слышать Павла, можешь ли чувствовать свои беззаконія, всегда и непрестанно упиваясь позорнымъ зрѣлищемъ? Что ты сюда пришелъ, это не удивительно и не важно. Вѣрнѣе, впрочемъ, удивительно, потому что сюда ты идешь безъ всякаго участія, только для вида; напротивъ, туда—съ усердіемъ, поспѣшностью и съ большею охотою. И это видно изъ того, что ты приносишь въ домъ свой, возвращаясь оттуда. Въ самомъ дѣлѣ, всю нечистоту, приставшую къ вамъ тамъ отъ словъ, отъ пѣсенъ и смѣха, каждый изъ васъ несетъ въ домъ свой, и не только въ домъ, но и въ свое сердце. Отъ того, что недостойно презрѣнія, ты отвращаешься, а что достойно его, того не только не ненавидишь, но и любишь. Многіе, возвращаясь отъ гробовъ умершихъ, омываютъ себя, а возвращаясь съ зрѣлищъ, не воздыхаютъ, не проливаютъ слезъ, хотя мертвый и не оскверняетъ, между тѣмъ какъ грѣхъ полагаетъ такое пятно, котораго нельзя смыть тысячью источниковъ, а только однѣми слезами и раскаяніемъ. Между тѣмъ никто не чувствуетъ этой скверны. Такъ какъ мы не боимся того, чего должно бояться, то страшимся того, чего не должно. Что значитъ этотъ шумъ, это смятеніе, эти сатанинскіе крики и дьявольскія подобія? Иной юноша имѣетъ сзади косу и, принимая видъ женщины, и во взорахъ, и въ поступи, и въ одеждѣ, словомъ—во всемъ старается изобразить молодую дѣвицу. А другой, напротивъ, достигши уже старческаго возраста, стрижетъ волосы, опоясывается по чресламъ и, потерявъ прежде волосъ весь стыдъ, готовъ принимать удары, готовъ все говорить и дѣлать. А женщины, безъ всякаго стыда, съ обнаженною головою обращаются въ рѣчахъ своихъ къ народу, съ великою старательностью выказывая свое

безстыдство и поселяя въ душахъ слушателей всякую наглость и развратъ. У нихъ одна только забота—искоренить всякое цѣломудріе, посрамить природу, исполнить волю злого духа. Здѣсь и слова постыдны, и лица смѣшны, и стриженые волосы таковы же, и походка, и одежда, и голосъ, и тѣлодвиженія, и взгляды, и трубы, и свирѣли, и дѣйствія, и ихъ содержаніе, и все вообще исполнено крайняго разврата. Итакъ, скажи мнѣ, когда ты отрезвишься отъ блуднаго питія, которое діаволъ предлагаетъ тебѣ,—когда перестанешь пить изъ чаши невоздержанія, которую онъ
427 растворяетъ для тебя? Тамъ и прелюбодѣянія, и измѣны супружеской вѣрности; тамъ и жены-блудницы, и мужья-прелюбодѣи, и юноши изнѣжены; тамъ все исполнено беззаконія, все чудовищно, все постыдно. Итакъ, тѣмъ, кто присутствуетъ на такихъ зрѣлищахъ, надлежало бы не смѣяться, а горько плакать и скорбѣть. Что же? Или намъ закрыть театръ, скажешь ты, и по твоему приказанію ниспровергнуть все? Напротивъ, теперь именно все ниспровергнуто. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, отчего нарушается супружеская вѣрность? Не отъ театра ли? Отчего оскверняются брачныя ложа? Не отъ этихъ ли зрѣлищъ? Не по ихъ ли винѣ жены не терпятъ мужей? Не отъ нихъ ли мужья презираютъ женъ своихъ? Не отсюда ли множество прелюбодѣевъ? И если кто ниспровергаетъ все и вводитъ жестокую тиранію, то это тотъ, кто посѣщаетъ театръ. Нѣтъ, скажешь ты: зрѣлища—хорошее учрежденіе законовъ! Увлекать женъ отъ мужей, развращать молодыхъ дѣтей, ниспровергать домы свойственно тѣмъ, кто владѣетъ укрѣпленіями. Кто, напримѣръ, скажешь ты, отъ этихъ зрѣлищъ сдѣлался прелюбодѣемъ? Но кто же не прелюбодѣй? Если бы мнѣ можно было перечислить теперь всѣхъ поименно, то я показалъ бы, какъ многихъ мужей разлучили съ женами эти зрѣлища; какъ многихъ плѣнили эти блудницы, которыя однихъ отвлекли отъ супружескаго ложа, а другимъ не даютъ и подумать о бракѣ. Итакъ, что же,—скажи мнѣ,—ужели намъ ниспровергнуть всѣ законы? Напротивъ,—уничтожая эти зрѣлища, мы истребимъ нарушеніе законовъ. Вредные для общества люди бываютъ именно изъ числа тѣхъ, что дѣйствуютъ на театрахъ. Отъ нихъ происходятъ возмущенія и мятежи. Люди, воспитывающіеся у этихъ плясуновъ и изъ угожденія чреву продающіе свой голосъ, которыхъ занятіе состоитъ въ томъ, чтобъ кричать и дѣлать все неприличное, они-то именно болѣе всѣхъ и возмущаютъ народъ, они-то и производятъ мятежи въ городахъ,—потому что преданное праздности и воспитываемое въ такихъ порокахъ юношество дѣлается свирѣпѣе всякаго звѣря.

7. Напримѣръ, скажи мнѣ: откуда чародѣи? Не изъ теат-

ровъ ли они выходятъ, чтобы возмущать праздный народъ и доставлять случай пляшущимъ пользоваться выгодами многихъ смятеній, и блудныхъ женъ поставлять преградою для цѣломудренныхъ? Ихъ чародѣйство доходитъ до такой дерзости, что они не стѣсняются даже тревожить кости умершихъ. Не они ли заставляютъ тратить тысячи на это лукавое дьявольское сонмище? А распутство и другіе безчисленные пороки откуда? Теперь видишь ли, что ты разрушаешь жизнь, привлекая на эти зрѣлища, а я скрѣпляю ее, уничтожая ихъ? Итакъ, намъ должно уничтожить театръ? О, если бы это было возможно! Если вы хотите, то я согласенъ уничтожить и истребить его. Впрочемъ, я не требую этого. Сдѣлайте то, чтобы онъ, и существуя, какъ бы не существовалъ; это доставитъ вамъ большую похвалу, нежели разрушеніе его. Если не другому кому, то по крайней мѣрѣ старайтесь подражать варварамъ: у нихъ вовсе нѣтъ такихъ
зрѣлищъ. Чѣмъ же мы оправдаемъ себя, если, будучи гражда- 428
нами неба, пріобщившись къ лику херувимовъ, и имѣя общеніе съ ангелами, окажемся въ данномъ случаѣ хуже варваровъ, тогда какъ мы можемъ имѣть тысячу другихъ удовольствій, гораздо лучшихъ? Если ты хочешь получить удовольствіе, иди въ сады, къ текущей рѣкѣ и озерамъ; разсматривай цвѣты и слушай пѣніе кузнечиковъ; посѣщай гробницы мучениковъ,— здѣсь найдешь ты и здравіе для тѣла, и пользу для души, а вреда никакого; и не будешь раскаиваться послѣ такого удовольствія, какъ то бываетъ послѣ тѣхъ зрѣлищъ. Ты имѣешь жену, имѣешь дѣтей: что можетъ сравниться съ этимъ удовольствіемъ? У тебя есть домъ, есть друзья: эти удовольствія вмѣстѣ съ цѣломудріемъ доставляютъ и великую пользу. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ: что можетъ быть пріятнѣе дѣтей и жены для того, кто хочетъ жить цѣломудренно? Говорятъ, что варвары, услышавъ объ этихъ беззаконныхъ зрѣлищахъ и непристойныхъ удовольствіяхъ, произнесли весьма мудрое изреченіе, сказавъ: римляне выдумали эти удовольствія, потому что не имѣли женъ и дѣтей. Они показали этимъ изреченіемъ, что для того, кто хочетъ жить честно, нѣтъ ничего пріятнѣе жены и дѣтей. Но что, скажешь ты, если я укажу тебѣ людей, которые не получили никакого вреда отъ того, что проводили время въ театрѣ? Но и то уже составляетъ великій вредъ, что они тратятъ напрасно время и служатъ соблазномъ для другихъ. Положимъ, что ты самъ не терпишь никакого вреда отъ зрѣлищъ; но ты возбуждаешь къ нимъ охоту въ другомъ. Да и возможно ли, чтобы ты самъ не получалъ вреда, когда подаешь поводъ ко вреду другимъ? Вѣдь и чародѣй, и блудникъ, и блудница, и

всѣ эти дьявольскія скопища вину своихъ дѣйствій возлагаютъ на главу твою. Если бы не было зрителей, то не было бы и тѣхъ, которые дѣйствуютъ на зрѣлищахъ; наоборотъ, разъ есть зрители, то являются и дѣйствующія лица. Итакъ, хотя бы ты нимало не вредилъ своему цѣломудрію,—что впрочемъ не возможно,—но ты жестоко будешь наказанъ за погибель другихъ—какъ зрителей, такъ и тѣхъ, которые ихъ увлекали на зрѣлища. Притомъ, ты еще болѣе пріобрѣлъ бы цѣломудрія, если бы не ходилъ туда. Если ты и нынѣ цѣломудренъ, то былъ бы еще цѣломудреннѣе, если бы убѣгалъ этихъ зрѣлищъ. Итакъ, оставимъ безполезные споры и не будемъ вымышлять безразсудныхъ оправданій. Единственное оправданіе состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать пещи вавилонской и удаляться египетской блудницы, хотя бы пришлось и нагимъ вырваться изъ рукъ ея. Поступая такимъ образомъ, мы будемъ наслаждаться великимъ удовольствіемъ безъ всякаго угрызенія совѣсти, и настоящую жизнь будемъ вести цѣломудренно, и сподобимся будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVIII.

427-428 **Въ то время отвѣщавъ Іисусъ, рече: исповѣдаютися, Отче, Господи небесе и землѣ, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ. Ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою (Матѳ XI, 25, 26).**

1. Смотри, сколько употребляетъ Онъ средствъ для того, чтобы возбудить въ іудеяхъ вѣру. Онъ, во-первыхъ, побуждаетъ ихъ къ ней похвалами Іоанну; изобразивъ его великимъ и достойнымъ удивленія, представляетъ достовѣрнымъ и все то, чѣмъ онъ привлекалъ своихъ учениковъ къ познанію Господа. Во-вторыхъ, словами, что *царствіе небесное нудится, и нуждницы восхищаютъ е* (Матѳ. XI, 12); такъ свойственно говорить понуждающему, и возбуждающему. Въ-третьихъ, увѣреніемъ, что всѣ предсказанія пророковъ исполнились; отсюда становилось яснымъ, что пророки предвозвѣщали о Немъ. Въ-четвертыхъ, увѣреніемъ, что все то совершилось, чему совершиться отъ Него надлежало, для чего предложилъ имъ и
429 притчу о дѣтяхъ. Въ-пятыхъ, тѣмъ, что порицалъ невѣрующихъ, поражалъ ихъ страхомъ и великими угрозами. Въ-шестыхъ, тѣмъ, что благодарилъ за вѣровавшихъ; слово: *исповѣдаютися*

здѣсь значитъ: благодарю. Благодарю,—говорилъ Онъ,—*яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ*. Что же? Ужели Онъ радуется о погибели и о томъ, что они этого не узнали? Никакъ. Но наилучшій путь спасенія состоитъ въ томъ, чтобы презирающихъ предлагаемое ученіе и не хотящихъ принимать его не принуждать, чтобы, если они чрезъ призываніе не оказались лучшими, но отпали и презрѣли его, самымъ ихъ отверженіемъ возбудить въ нихъ большее расположеніе къ слову. Чрезъ это и внимающіе должны были сдѣлаться тщательнѣе. Откровеніе истинъ однимъ должно производить въ нихъ радость; напротивъ сокрытіе ихъ отъ другихъ должно произвести въ послѣднихъ не радость, но плачъ. Такъ Онъ и поступаетъ, когда плачетъ о градѣ. Итакъ, не бѣдѣ чьей бы то ни было радуется, но тому, что утаенное отъ премудрыхъ и разумныхъ познали младенцы. Подобнымъ образомъ и Павелъ, когда говорилъ: *благодарю Бога, яко бѣсте раби грѣху, послушасте же отъ сердца, въ оньже и предастеся образъ ученія* (Рим. vi, 17), не тому радуется, что они были рабами грѣху, но тому, что они, будучи таковыми, сподобились такихъ благъ. Премудрыми же Господь именуетъ здѣсь книжниковъ и фарисеевъ, и говоритъ это для того, чтобы учениковъ Своихъ сдѣлать болѣе усердными и вмѣстѣ показать этимъ премудрымъ, сколь великихъ рыбари удостоились благъ, которыхъ всѣ они лишились. Называя же ихъ мудрыми, говоритъ не о мудрости истинной и достохвальной, но о той, которую они приписывали своимъ силамъ. Потому и не говоритъ: *открылъ* безумнымъ, но: *младенцамъ*, то есть, непритворнымъ, простымъ, и показываетъ, что фарисеи не получили этихъ благъ не потому только, что не были того достойны, но и лишились ихъ по самой справедливости. А всѣмъ этимъ научаетъ Онъ насъ убѣгать гордости и ревновать о простотѣ. Потому и Павелъ, говоря о томъ же, пишетъ подробнѣе такъ: *аще кто мнится въ васъ мудръ быти въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. iii, 18). Такъ раскрывается благодать Божія! Но почему же Онъ благодаритъ Отца, когда Онъ самъ это сотворилъ? Какъ Онъ молится и ходатайствуетъ за насъ предъ Богомъ, показывая тѣмъ многую любовь къ намъ въ иномъ мѣстѣ, такъ поступаетъ и здѣсь, и это исповѣданіе исполнено великой Его любви. Этимъ показываетъ Онъ и то, что (фарисеи) не отъ Него только отпали, но и отъ Отца. Такъ Онъ самъ напередъ исполнилъ самымъ дѣломъ то, что сказалъ ученикамъ: *не пометайте святая псомъ* (Матѳ. vii, 6). Далѣе Онъ показываетъ вышесказанными словами и Свою первоначальную волю, и волю Отца; Свою—когда благодаритъ и радуется о совершившемся; волю Отца—когда показываетъ, что Отецъ это сдѣлалъ не потому, что былъ умо-

ленъ, но потому, что Самъ по Себѣ восхотѣлъ. *Яко тако*, говоритъ, *бысть благоволеніе предъ Тобою*,—то есть, такъ Тебѣ угодно было. А почему отъ нихъ утаилъ? Послушай, что говоритъ на это Павелъ: *ищуще свою правду поставити, правдѣ Божіей не повинушася* (Рим. x, 3). Итакъ, подумай, каковымъ надлежало быть ученикамъ, слышавшимъ это, когда они узнали то, чего не знали мудрые, и узнали по откровенію Божію, будучи еще младенцами. Лука повѣствуетъ, что Іисусъ возрадовался и сказалъ означенныя слова въ тотъ самый часъ, когда семьдесятъ учениковъ, пришедши, возвѣщали о повиновеніи имъ бѣсовъ; а это самое дѣлало ихъ не только ревностнѣйшими, но и располагало къ большему смиренію. Такъ какъ они могли удобно впасть въ высокомудріе, изъ-за того, что изгоняютъ бѣсовъ, то Онъ тутъ же ихъ и располагаетъ къ смиренію, указывая на то, что побѣды ихъ надъ бѣсами были слѣдствіемъ не собственнаго ихъ тщанія, а дѣйствіемъ откровенія.

480 2. Такъ и книжники, и премудрые, сами себя почитающіе разумными, отпали по причинѣ своей гордости. Итакъ, если по этой причинѣ сокрыто отъ нихъ то (что открыто младенцамъ), то и вы,—говоритъ,—бойтесь, и пребудьте младенцами, потому что какъ младенческое состояніе содѣлало васъ достойными откровенія, такъ противное состояніе лишило ихъ послѣдняго. Слова: *утаилъ еси* не означаютъ того, чтобы Богъ былъ причиною всего; но подобно тому какъ Павелъ, когда говоритъ: *предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ* (Римл. I. 28), и ослѣпилъ помышленія ихъ,—не въ томъ смыслѣ говоритъ это, будто Богъ производитъ такія дѣйствія, а относитъ это къ людямъ, подающимъ къ тому причину, въ такомъ же точно смыслѣ и здѣсь Христосъ говоритъ: *утаилъ еси*. Далѣе, чтобы ты не подумалъ, что, когда Господь говорилъ: *исповѣдаютися яко утаилъ еси, и открылъ еси та младенцамъ*, самъ по Себѣ не имѣлъ той же силы и не могъ совершить того же,—такъ благодаритъ, говоря: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ* (ст. 27). И тѣмъ, которые радуются, что имъ повинуются бѣсы, говоритъ: чему вы удивляетесь, что бѣсы вамъ повинуются? Моя суть вся: *вся Мнѣ предана суть*. Когда же слышишь—*предана*, не предполагай тутъ ничего человѣческаго. Это выраженіе не должно вести тебя къ той мысли, будто два Бога нерожденныхъ. А что Онъ родился и вмѣстѣ есть Владыка всего, это видно изъ другихъ многихъ мѣстъ.

Далѣе Онъ предлагаетъ нѣчто еще болѣе важное, и тѣмъ направляетъ твое разумѣніе: *и никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ*. Незнающимъ кажется, что эти слова не зависятъ отъ предыдущихъ, между тѣмъ какъ они стоятъ

съ ними въ тѣсной связи. Сказавши: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ*, Господь даетъ разумѣть эти слова, говоря: чему тутъ дивиться, что Я Владыка всего, когда Я имѣю и нѣчто большее? Я знаю Отца, и единосущенъ Ему. И на это послѣднее указываетъ Онъ прикровенно, говоря, что Онъ одинъ такъ Его знаетъ, потому что слова: *никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ*—это и означаютъ. И замѣть, когда Онъ говоритъ это апостоламъ: тогда, когда они получили доказательства силы Его изъ самыхъ дѣлъ, когда не чудодѣйствующимъ Его только видѣли, но и сами во имя Его могли производить такія чудеса. Далѣе, такъ какъ онъ сказалъ раньше—*открылъ еси та младенцамъ*, (разумѣя Отца), то показываетъ, что и это Его же дѣло. *Ни Отца кто знаетъ*, говоритъ Онъ, *токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти*. Не сказано: кому заповѣдуетъ, или кому повелѣваетъ, но: *емуже аще волитъ*. Сынъ же, открывая Отца, открываетъ и Себя. Но это послѣднее, какъ извѣстное всѣмъ, оставляетъ, а первое предлагаетъ подробнѣе; и вездѣ такъ же поступаетъ, когда напримѣръ говоритъ: *никтоже можетъ придти ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. XIV, 6). Этими словами Онъ научаетъ и другому, именно объясняетъ, что Онъ во всемъ согласенъ и единомысленъ со Отцемъ. Не только Я, говоритъ Онъ, не противлюсь и не враждую противъ Него, но никому невозможно и придти къ Нему, какъ только чрезъ Меня. Такъ какъ фарисеевъ вводило въ соблазнъ въ особенности то, что Онъ казался имъ противникомъ Бога, то Онъ всѣми мѣрами и опровергаетъ эту мысль, и старается объ этомъ не менѣе, чѣмъ и о знаменіяхъ, или еще и гораздо болѣе. Когда же говоритъ: *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ*, не то разумѣетъ, что всѣ Его не познали, но что никто не имѣетъ объ Отцѣ такого знанія, какое имѣетъ о Немъ Сынъ. То же можно сказать и о Сынѣ. Равнымъ образомъ Онъ не разумѣетъ здѣсь и какого-то невѣдомаго Бога, который никому не открылъ Себя, какъ утверждаетъ Маркіонъ, но прикровеннымъ образомъ показываетъ невозможность полнаго о Немъ познанія, потому что мы и Сына не знаемъ такъ, какъ должно знать. Тоже самое показываетъ и Павелъ, говоря: *отъ части разу-* 431
мѣваемъ, и отъ части пророчествуемъ (1 Кор. XIII, 9). Потомъ, возбудивъ въ нихъ проповѣдію Своею расположеніе къ Себѣ и показавъ имъ неизреченную Свою силу, призываетъ къ Себѣ, говоря: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (ст. 28). Не тотъ или другой приходи, но *пріидите* всѣ, находящіеся въ заботахъ, скорбяхъ и грѣхахъ; *пріидите* не для того, чтобы Я подвергнулъ васъ истязанію, но чтобы Я разрѣшилъ грѣхи ваши; *пріидите* не потому, что Я нуждаюсь въ славѣ

отъ васъ, но потому, что мнѣ нужно ваше спасеніе. Я, говоритъ,— *упокою вы*. Онъ не сказалъ: спасу только; но, что еще гораздо важнѣе, поставлю васъ въ совершенной безопасности. *Возмите иго Мое на себе, и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (ст. 29). Не бойтесь, говоритъ Онъ, услышавъ объ игѣ: оно благо. Не страшитесь, услышавъ о бремени: оно легко. Какъ же Онъ прежде сказалъ: *узки врата и тѣсенъ путь* (Мѳ. VII, 14)? Когда будешь предаваться безпечности, когда будешь унывать. Если же исполнишь заповѣданное, бремя будетъ легкимъ; вотъ почему Онъ нынѣ таковымъ назвалъ его. И намъ это можно исполнить? Если будешь смиренъ, кротокъ, скроменъ. Смиреніе есть мать всякаго любомудрія. Вотъ почему, какъ при первоначальномъ изложеніи своихъ божественныхъ законовъ началъ Онъ со смиренія, такъ и здѣсь то же дѣлаетъ, и притомъ обѣщаетъ великое воздаяніе. Не другимъ только полезенъ будешь, говоритъ Онъ, но прежде всѣхъ и себя успокоишь: *обрящете*,—говоритъ,—*покой душамъ вашимъ*. Прежде будущаго воздаянія Онъ даруетъ тебѣ воздаяніе еще здѣсь, и награду предлагаетъ, а тѣмъ самымъ, равно какъ и тѣмъ, что представляетъ въ примѣръ Себя самого, дѣлаетъ слово Свое весьма удобопріемлемымъ.

3. Чего ты боишься? говоритъ Онъ. Ужели ты, возлюбивъ смиреніе, будешь умаленъ? Взирай на Меня и учись отъ Меня всему тому, что Я дѣлаю: и тогда ясно узнаешь, какое великое благо смиреніе. Видишь ли, какъ всѣми средствами Онъ побуждаетъ ихъ къ смиренномудрію: то своими дѣлами—*научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь;* то обѣщаемою имъ пользою—*обрящете покой душамъ вашимъ*: то щедротами своими—*и Азъ упокою вы*; то облегченіемъ ихъ ига—*иго Мое благо и бремя Мое легко есть*. Подобнымъ образомъ и Павелъ убѣждаетъ, говоря: *еже бо нынѣ легкое печали по преумноженію въ преспѣяніе, тяготу вѣчную славы содѣловаетъ* (2 Кор. IV, 17). Но какое же это легкое бремя, скажешь ты, когда Господь говоритъ: *аще кто не возненавидитъ отца* или *матерь* (Лук. XIV, 26), и *иже не пріеметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. X, 38), и кто не отречется всего имѣнія своего, *не можетъ Мой быти ученикъ*, и когда повелѣваетъ возненавидѣть и самую душу? Пусть научитъ тебя Павелъ. *Кто ны разлучитъ отъ любве* Христовой?—говоритъ онъ. *Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или градъ, или нагота, или бѣда, или мечь* (Рим. VIII, 35)? И: *яко недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (ст. 18). Пусть научатъ тебя и тѣ, которые по полученіи многочисленныхъ ранъ,

возвращались изъ синедріона іудейскаго *радующеся, яко за имя* Христово *сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. v, 41). Если же ты 432
еще боишься и содрогаешься, слыша объ игѣ и бремени, то этотъ страхъ не отъ свойства самой вещи, но отъ твоей лѣности. Если ты будешь имѣть желаніе и рѣшительность, то все будетъ для тебя удобно и легко. Потому и Христосъ, показывая, что и самимъ намъ должно трудится, не объ одномъ пріятномъ сказалъ, умолчавъ о прочемъ,—и не объ одномъ также тяжкомъ; но и то и другое поставилъ на видъ. Именно, сказавъ объ игѣ, назвалъ его благимъ; упомянувъ о бремени, присовокупилъ, что оно легко.—чтобы ты не бѣгалъ того, что кажется тяжкимъ и не препебрегалъ тѣмъ, что кажется очень легкимъ. Если же и послѣ всего того добродѣтель представляется тебѣ тяжкою, то знай, что порокъ еще тягостнѣе. Это-то самое давая разумѣть, Господь не прямо сказалъ: *возмите иго Мое*, но напередъ—*пріидите труждающіися и обремененніи*, показывая тѣмъ, что и грѣхъ тяжекъ, и бремя его не легко и не удобоносимо. Не сказалъ только: *труждающіися*, но: *и обремененніи*. То же говорилъ и пророкъ, описывая свойство грѣха: *яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Псал. xxxvіі, 5). И Захарія, изображая грѣхъ, называетъ его талантомъ олова (Захар. v, 7). То же доказываетъ самый опытъ. Ничто такъ не обременяетъ душу, ничто такъ не ослѣпляетъ мысль и не преклоняетъ долу, какъ сознаніе грѣха; напротивъ, ничто такъ не воскрыляетъ и не возноситъ горѣ душу, какъ пріобрѣтеніе правды и добродѣтели. Смотри, можетъ ли что быть труднѣе того, какъ не имѣть ничего? Или подставлять щеку? Не бить біющаго и умереть насильственною смертію? Но если мы исполнены любомудріемъ, то все это и легко, и удобно, и радостно. Но чтобы разсѣять ваше недоумѣніе, разсмотримъ и тщательно изслѣдуемъ каждую изъ только что указанныхъ трудностей. Возьмемъ, если вамъ угодно, первую. Не имѣть ничего для многихъ кажется тяжкимъ. Но скажи мнѣ, что болѣе трудно, и тягостно: объ одномъ ли чревѣ заботиться, или обременяться безчисленными заботами? Одной ли одеждой одѣваться и не искать ничего болѣе, или, обладая великимъ богатствомъ, и день и ночь безпокоиться о его охранѣ, бояться, трепетать, болѣзновать, и тщетно мучиться о томъ, чтобы моль не изъѣла имѣнія, или рабъ не похитилъ его и не ушелъ? Впрочемъ, сколько бы я ни говорилъ, мое слово не изобразитъ того, что бываетъ на самомъ дѣлѣ. Я поэтому желалъ бы, чтобы кто-нибудь изъ тѣхъ, которые достигли высоты любомудрія, предсталъ здѣсь предъ нами, и тогда бы ты ясно уразумѣлъ, какое блаженство даетъ добродѣтель нестяжанія, и какъ ни одинъ бы изъ тѣхъ, которые возлюбили нестяжаніе,

не восхотѣлъ богатѣть, хотя бы представлялись къ тому безчисленные случаи. Но богатые, скажешь ты, рѣшатся ли когда сдѣлаться бѣдными и отречься отъ свойственныхъ имъ заботъ? Что же въ томъ? Это только признакъ ихъ безумія и тяжкой болѣзни, а не доказательство того, что вещь сама по себѣ пріятна.

4. А что это такъ, объ этомъ намъ могутъ засвидѣтельствовать сами богачи, которые ежедневно съ плачемъ жалуются на свои заботы и жизнь свою считаютъ не въ жизнь. Не такъ напротивъ поступаютъ возлюбившіе нищету: они утѣшаются, торжествуютъ и хвалятся бѣдностью больше, нежели тѣ, которые увѣнчаны діадемою. Равнымъ образомъ и подставить щеку, если ты разсудителенъ, легче, нежели ударить другого, потому что здѣсь начинается брань, а тамъ—оканчивается. Ударомъ ты въ другомъ воспаляешь огонь, а терпѣніемъ и свой пламень потушаешь. Но всякому извѣстно, что лучше не быть палиму пламенемъ, нежели
433 быть палиму. И если такъ бываетъ въ разсужденіи тѣла, то тѣмъ болѣе—души. И что легче: подвизаться, или получать вѣнецъ? Сражаться, или достигать почести? Обуреваться волнами, или войти въ пристань? Вотъ почему даже и смерть бываетъ лучше жизни: та избавляетъ тебя отъ бурь и опасностей, а эта поставляетъ тебя среди ихъ и подвергаетъ безчисленнымъ навѣтамъ и нуждамъ, изъ-за которыхъ ты почтешь и жизнь не жизнью. Если же ты не вѣришь словамъ моимъ, послушай тѣхъ, которые видѣли лица мучениковъ, во время ихъ подвиговъ, какъ они, будучи бичуемы и строгаемы, радовались и веселились; радовались даже лежа на сковородахъ, и веселились болѣе, чѣмъ возлежащіе на ложахъ, убранныхъ цвѣтами. Вотъ почему и Павелъ, предъ тѣмъ какъ надлежало ему отойти отсюда и кончить жизнь насильственною смертію, говорилъ: *радуюся и сорадуюся всѣмъ вамъ; такожде и вы радуйтеся и сорадуйтеся мнѣ* (Филип. II, 17, 18). Видишь ли, съ какимъ преизбыткомъ веселія призываетъ всю вселенную въ общеніе своей радости? Вотъ какимъ великимъ благомъ почиталъ онъ отшествіе отсюда! Вотъ какъ вожделѣнною, любезною и благоутѣшною почиталъ онъ и самую страшную смерть! Впрочемъ, что иго добродѣтели и сладостно и легко, нужно въ томъ увѣриться и изъ многаго другого. Наконецъ, если угодно, разсмотримъ и тяжесть грѣха. Для этого представимъ лихоимцевъ, корчемниковъ, безстыдныхъ торжниковъ и заимодавцевъ. Можетъ ли что быть обременительнѣе такой торговли? Сколько печали, сколько заботъ, сколько оскорбленій, сколько опасностей, сколько навѣтовъ и непріязней происходитъ всякій день отъ такихъ пріобрѣтеній! Сколько

волненій и смятеній! Какъ никогда нельзя видѣть море безъ волнъ, такъ и такую душу безъ попеченія, безъ скорби, безъ страха, безъ смущенія; за первыми слѣдуютъ другія, ихъ въ свою очередь 434
смѣняютъ третьи—и не успѣютъ еще утихнуть послѣднія, какъ вздымаются новыя.

Хочешь ли знать души бранливыхъ и гнѣвливыхъ? Что можетъ быть хуже того мученія, тѣхъ язвъ, которыя они носятъ внутри себя, той печи, которая всегда горитъ, и того пламени, который никогда не угасаетъ? Хочешь ли знать плотоугодниковъ и привязанныхъ къ настоящей жизни? Что можетъ быть тягостнѣе этого рабства? Ведутъ они жизнь Каинову, находясь въ непрестанномъ трепетѣ и страхѣ; и, по кончинѣ кого-либо изъ своихъ сродниковъ, болѣе о своей кончинѣ, нежели о нихъ плачутъ. Также, что безпокойнѣе и безумнѣе гордыхъ? *Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ.* Незлобіе есть мать всякаго добра. Итакъ, не устрашайся и не убѣгай отъ ига, которое облегчаетъ тебя отъ всѣхъ этихъ золъ; но со всею готовностью покорись ему, и тогда ясно уразумѣешь его сладость. Оно не отягчитъ твоей выи и возлагается на тебя для одного благоприличія, чтобы научить тебя шествовать правой стезею, поставить тебя на царскомъ пути, избавить отъ стремнинъ, тамъ и здѣсь находящихся, и такимъ образомъ пріучить тебя съ легкостію совершать тѣсный путь. Итакъ, если это иго доставляетъ намъ столь великія блага, такую безопасность, такое веселіе, то будемъ носить его отъ всей души, со всѣмъ тщаніемъ, чтобы и здѣсь обрѣсть покой душамъ своимъ, и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIX.

Въ то время иде Іисусъ въ субботы сквозѣ сѣянія; 433
ученицы же Его взалкаша, и начаша востерзати класы и ясти (Матѳ. хп, 1).

1. А Лука говоритъ: *въ субботу второпервую* (Лук. vi, 1). Что же значитъ суббота второпервая? То, когда случалось двойное празднованіе—и субботы Господней, и другого, послѣдующаго праздника; іудеи каждый праздникъ называютъ субботою. И почему Онъ, все предвидя, привелъ ихъ туда, какъ не потому, что хотѣлъ разрѣшить субботу? Онъ того хотѣлъ, но не просто. Вотъ почему Онъ никогда не нарушаетъ субботы безъ причины, а

только представляетъ благовидные къ тому случаи, чтобы и закону положить конецъ и іудеевъ не оскорбить. Бываютъ впрочемъ случаи, при которыхъ Онъ нарушаетъ субботу независимо отъ обстоятельствъ; такъ, когда помазываетъ бреніемъ очи слѣпому, и когда говоритъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. v, 17). А поступаетъ Онъ такимъ образомъ для того, чтобы въ послѣднемъ случаѣ прославить Отца Своего, а въ первомъ—вразумить слабыхъ іудеевъ. Такъ Онъ и здѣсь поступаетъ, примѣняясь къ потребностямъ природы. Явныхъ грѣховъ ни въ какомъ случаѣ нельзя защищать. Такъ, ни убійца не можетъ представить въ оправданіе свое обладавшей имъ яро-
434 сти, ни любодѣй—похоти или другой какой-либо причины. Здѣсь же, представляя въ оправданіе голодъ, Спаситель освободилъ учениковъ отъ всякаго обвиненія. Но ты лучше подивись ученикамъ, которые столько были воздержны, что вовсе не имѣли попеченія о вещахъ тѣлесныхъ, но мимоходомъ пріобщались тѣлесной трапезы, и не смотря на то, что истаевали всегдашнимъ голодомъ, не отступали отъ Христа. Если бы, вѣдь, не сильный голодъ вынуждалъ ихъ, они бы такъ не поступили. Что же фарисеи? *Видѣвше*, сказано, *рѣша Ему: се ученицы Твои творятъ еюже не достоитъ творити въ субботу* (ст. 2). Здѣсь они не очень жестоки. Хотя и можно имъ быть таковыми, но они не сильно раздражаются, а обвиняютъ просто. Когда же Господь велѣлъ протянуть сухую руку и исцѣлилъ ее, тогда они такъ разсвирѣпѣли, что приняли даже намѣреніе погубить и умертвить Его. Тамъ, гдѣ ничего не происходитъ великаго и достославнаго, они молчатъ; но гдѣ видятъ спасеніе кого-нибудь, ожесточаются, возмущаются и приходятъ въ крайнее неистовство. Такъ для нихъ ненавистно спасеніе человѣческое! Какъ же защищаетъ учениковъ Своихъ Іисусъ? *Нѣсте ли чли*, говоритъ онъ, *что сотвори Давидъ въ храмѣ, егда взалка самъ и иже съ нимъ? Како вниде въ*
435 *храмъ Божій и хлѣбы предложенія снѣде, ихже недостойно бѣ ему ясти, ни сущимъ съ нимъ, токмо іереемъ единымъ* (ст. 3. 4). Такъ, когда Онъ защищаетъ учениковъ, то приводитъ въ примѣръ Давида; а когда говоритъ о Себѣ, представляетъ Отца. И смотри какъ сильно: *нѣсте ли чли, что сотвори Давидъ?* Пророкъ этотъ въ великой былъ славѣ. Потому-то и Петръ впослѣдствіи, защищаясь предъ іудеями, такъ говорилъ: *достоитъ рещи съ дерзновеніемъ къ вамъ о патріарсѣ Давидѣ, яко и умре и погребенъ бысть* (Дѣян. п, 29). Почему же Христосъ, именуя его, не упоминаетъ о его достоинствѣ ни въ настоящемъ случаѣ, ни послѣ? Вѣроятно потому, что Онъ отъ него происходилъ. Если бы фарисеи были добрыхъ чувствованій, то Онъ указалъ бы имъ на голодъ, которымъ ученики то-

мились; но такъ какъ они были нечестивы и безчеловѣчны, то Онъ приводитъ имъ на память историческое событіе. Маркъ, говоря, что это случилось при первосвященникѣ Авіаѳарѣ (Мрк. II, 26), не противорѣчитъ исторіи, но показываетъ только, что онъ имѣлъ два названія, причемъ присовокупляетъ, что онъ далъ Давиду хлѣбы предложенія, показывая и этимъ, какое великое оправданіе имѣлъ послѣдній, если и самъ священникъ позволилъ, и не только позволилъ, но и дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ. Не говори мнѣ, что Давидъ былъ пророкъ. И это не давало ему права ѣсть, потому что такое преимущество имѣли только священники; потому и сказано: *токмо іереемъ единымъ*. Пусть Давидъ былъ и преславный пророкъ, но онъ не былъ священникъ. Если же онъ былъ и пророкъ, то не были таковыми бывшіе съ нимъ. А между тѣмъ архіерей далъ хлѣбы и имъ. Итакъ, что же? Апостолы равны ли Давиду? Но что ты мнѣ говоришь о достоинствѣ тамъ, гдѣ дѣло идетъ повидимому о нарушеніи закона, хотя бы къ тому и вынуждала необходимость природы? И этимъ-то Господь особенно и защитилъ Своихъ учениковъ отъ порицаній фарисейскихъ, когда представилъ въ примѣръ большаго, нежели они, пророка, который сдѣлалъ то же самое.

2. Но какъ это, скажете, можно приложить къ нашему предмету? Вѣдь Давидъ не нарушилъ субботы. Ты мнѣ предлагаешь нѣчто важнѣйшее, что особенно показываетъ премудрость Христову; именно то, что Онъ, переставъ говорить о субботѣ, указываетъ на предметъ важнѣйшій, нежели суббота. Въ самомъ дѣлѣ, нарушить день и пріобщиться той священной трапезѣ, которой никому нельзя было пріобщаться,—не одинаково важно. Суббота часто была нарушаема, да и всегда нарушается, и при совершеніи обрѣзанія, и во многихъ другихъ случаяхъ; то же можно видѣть и при взятіи Іерихона (І. Н. VI, 4); между тѣмъ указанное пріобщеніе священной трапезѣ произошло только при Давидѣ. Такимъ образомъ Христосъ побѣждаетъ, приводя важнѣйшіе примѣры. Почему же никто не обвинялъ Давида, тогда какъ къ обвиненію его былъ и другой еще поводъ, болѣе важный, нежели этотъ,—тотъ именно, что избіеніе священниковъ произошло по данному случаю. Но Христосъ не упоминаетъ объ этомъ а останавливается только на данномъ предметѣ. Далѣе Онъ объясняетъ празднованіе субботы и инымъ образомъ. Сперва Онъ привелъ въ примѣръ Давида, чтобы уничтожить гордость ихъ достоинствомъ самаго лица. Когда же посрамилъ и унизилъ ихъ высокомѣріе, тогда разрѣшаетъ споръ о субботѣ рѣшительнѣе. Какъ же? Или не знаете, яко во храмѣ *священницы субботы сквернятъ, и неповинни суть* (Матѳ. XII, 5)? Тамъ, говоритъ Онъ, извѣст-

ное обстоятельство послужило случаемъ къ нарушенію субботы, а здѣсь она нарушается независимо отъ обстоятельствъ. Не непосредственно такъ Онъ разрѣшилъ вопросъ, но сначала представляетъ нарушеніе субботы, какъ нѣчто допустимое, а потомъ уже настоятельно показываетъ справедливость его. Сильнѣйшее доказательство нужно было поставить послѣ, хотя и первое имѣло свою силу. Не говори мнѣ, что привести въ примѣръ кого-либо впадшаго въ грѣхъ не значитъ быть свободнымъ отъ обвиненія въ подобномъ грѣхѣ. Когда учинившаго какой-либо проступокъ не обличаютъ, то такой поступокъ уже служитъ къ оправданію по закону. Впрочемъ, Господь, не удовольствовавшись и этимъ, возражаетъ сильнѣе, говоря, что поступокъ учениковъ
436 Его совсѣмъ не грѣхъ. Въ особенности же Онъ побѣдилъ фарисеевъ тѣмъ, что показывая Себя упразднителемъ закона, оправдывалъ учениковъ двоякимъ образомъ—указывая и на мѣсто и на субботу, и даже троякимъ, поскольку дѣйствіе заключало два обстоятельства и, сверхъ того, иное по отношенію къ священникамъ, и, что еще важнѣе, не вмѣнялось имъ то даже въ грѣхъ,—сказано: *не повинни суть*. Видишь ли, сколько обстоятельствъ Онъ привелъ? Мѣсто,—потому что это происходило, говоритъ Онъ, во храмѣ; лице,—потому что то были священники; время,—потому что то было въ субботу; самое дѣло,—потому что они сквернятъ. Не сказалъ—нарушаютъ; но сказалъ сильнѣе: сквернятъ. Наконецъ Господь присовокупилъ и то, что они не только не подвергаются за то казни, но свободны и отъ осужденія. *Неповинни суть*, говоритъ Онъ. Но не думайте, чтобы поступокъ Давида равнялся дѣйствіямъ священниковъ: то учинено однажды и не священникомъ и не по нуждѣ, почему Давидъ и бывшіе съ нимъ и были достойны прощенія; это, напротивъ, совершается и каждую субботу, и священниками, и во храмѣ, и по закону. Потому они не только по снисхожденію, но и по закону не подлежатъ обвиненію. И не въ обвиненіе ихъ такъ говорю, говоритъ Господь, и не по снисхожденію освобождая ихъ отъ вины; но по закону правды. Повидимому, Онъ оправдываетъ священниковъ, но вмѣстѣ съ этимъ освобождаетъ отъ обвиненій и Своихъ учениковъ. Когда говоритъ Онъ: неповинны священники, то не болѣе ли ученики? Они не священники? Но они и священниковъ больше. Здѣсь находится самъ Господь святилища—Истина, а не образъ. Потому и говорилъ Онъ: *глаголю же вамъ, яко церкве болѣ есть здѣ* (ст. 6). И фарисеи, не смотря на то, что слышали такія важныя слова, ничего не отвѣчали, такъ какъ предлагаемое ученіе не касалось спасенія человѣка. Затѣмъ, такъ какъ ученіе это слушателямъ казалось тяжкимъ, тотчасъ Господь

прикрылъ его, опять оправдывая учениковъ словомъ Своимъ, а фарисеевъ обличая, говоря такъ: *аще ли бысте вѣдали, что есть, милости хощу, а не жертвы, николиже убо бысте осуждали неповинныхъ* (ст. 7). Видишь ли, какъ Онъ опять защищаетъ учениковъ словомъ Своимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что для нихъ вовсе не нужно оправданіе? *Не осуждали бы*, говоритъ Онъ, *неповинныхъ*. Раньше Онъ прилагаетъ эти слова къ священникамъ, говоря, что *неповинни суть*; а теперь то же самое прилагаетъ къ ученикамъ Своимъ. Впрочемъ и это говоритъ не столько отъ Себя, сколько заимствуетъ отъ закона,—Онъ привелъ пророческое слово.

3. Далѣе указываетъ и другую причину: *Господь бо есть и субботы Сынъ человѣческій* (ст. 8), — говоря это о Себѣ Самомъ. Маркъ же говоритъ, что Онъ сказалъ это, примѣняясь и вообще къ природѣ человѣческой. Онъ говорилъ: *суббота человѣка ради бысть, а не человѣкъ субботы ради* (Марк. II, 27). Но почему же наказанъ былъ собиравшій дрова въ субботу (Числ. XV, 33 дал.)? Потому что законы, пренебреженные въ самомъ началѣ, едва ли бы впослѣдствіи времени были соблюдаемы. Многую и великую пользу вначалѣ приносила суббота; напримѣръ, дѣлала людей кроткими, человѣколюбивыми къ ближнимъ; приводила ихъ къ познанію Промысла и управленія Божія и, мало-по-малу, какъ говоритъ Іезекіиль, научала ихъ удаляться отъ зла и располагала къ предметамъ духовнымъ (Іезек. XX). Если бы положившій законъ о субботѣ сказалъ имъ: дѣлайте доброе въ субботу, а злого не дѣлайте, они не удержались бы и отъ зла. Поэтому и предписанъ общій законъ: не дѣлайте ничего. Впрочемъ, они не удержались, не смотря и на это. Такимъ 437
образомъ самъ Законодатель, предписывая законъ о субботѣ, прикровеннымъ образомъ указывалъ на то, чтобы они сообразно съ Его волею удалялись (въ этотъ день отъ худыхъ только дѣлъ. Не дѣлайте, сказано, ничего, *развѣ елика сотворятся души* (Исх. XII, 16). Между тѣмъ во святилищѣ было совершаемо все, и даже съ большимъ тщаніемъ и съ двойнымъ стараніемъ. Такъ Господь открывалъ имъ истину и самою сѣнію. Итакъ, столь великое благо, скажешь, Христосъ разрушилъ? Никакъ; но еще болѣе умножилъ. Настало для нихъ время научиться всему посредствомъ возвышеннѣйшихъ предметовъ, и уже не было нужды связывать руки того, кто, освободившись отъ злобы, стремится ко всему доброму; уже не было нужды научаться изъ закона, что Богъ сотворилъ все; уже не было нужды быть кроткими по силѣ закона тѣмъ, которые призываются къ подражанію благости Божіей. *Будите*, говоритъ Онъ, *милосерди, якоже и*

Отецъ вашъ небесный (Лук. ıv, 36). Уже не было надобности одинъ день праздновать тѣмъ, которымъ всю жизнь повелѣно праздновать. *Празднуемъ*, сказано, *не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. v, 8). Уже нѣтъ нужды стоять у ковчега и золотого жертвенника тѣмъ, которые имѣютъ въ себѣ самого Владыку всяческихъ и вступаютъ въ общеніе съ Нимъ всѣми способами—и молитвою, и приношеніями, и писаніями, и милостынею, и ношеніемъ Его внутри себя. Итакъ, какая надобность въ субботѣ тому, кто всегда празднуетъ и живетъ на небѣ? Будемъ же праздновать непрестанно, удалясь отъ всякаго зла. Въ этомъ-то и состоитъ истинный праздникъ). Будемъ устремляться къ предметамъ духовнымъ, оставя земные, и праздновать празднованіемъ духовнымъ, руки удерживая отъ любостяжанія, тѣло освобождая отъ излишнихъ и безполезныхъ трудовъ, каковыми обременяемъ былъ нѣкогда народъ еврейскій въ Египтѣ. Мы, пріобрѣтая золото, ничѣмъ не различаемся отъ тѣхъ, которые копали глину, дѣлали кирпичи, собирали солому и были мучимы. И нынѣ діаволъ принуждаетъ дѣлать кирпичи, какъ нѣкогда фараонъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое золото, какъ не бреніе? И что такое серебро, какъ не солома? На подобіе соломы воспламеняетъ огонь вожделѣнія, и золото подобно глинѣ оскверняетъ обладающаго имъ. Вотъ почему Господь послалъ намъ не Моисея изъ пустыни Египетской, но Сына Своего съ небесъ. Итакъ, если ты и по пришествіи Его пребудешь въ Египтѣ, то пострадаешь такъ же, какъ египтяне; если же, оставивши Египетъ, выйдешь вмѣстѣ съ духовнымъ Израилемъ, то узришь всѣ чудеса.

4. Впрочемъ, и этого еще недовольно ко спасенію: нужно не только выйти изъ Египта, но и войти въ землю обѣтованную. И іудеи, хотя, какъ говоритъ Павелъ, и море Чермное перешли, и манну ѣли, и пиво духовное пили, однако всѣ погибли (1 Кор. x, 1, 3, 4). Итакъ, чтобы и намъ тому же не подвергнуться, не станемъ медлить и назадъ обращаться. Но если услышишь и нынѣ лукавыхъ соглядатаевъ, злословящихъ тѣсный и прискорбный путь, и говорящихъ то же, что нѣкогда говорили тѣ соглядатаи, подражай не толпѣ народа, но Іисусу и Халеву, сыну
438 Іефоніеву, и не отступай, доколѣ не получишь обѣтованія и взойдешь на небо. Не почитай путешествія труднымъ. *Аще бо врази бывше примирихомся Богу, множае паче примирившеся спасемся* (Рим. v, 10). Тѣсенъ и прискорбенъ, скажешь, путь этотъ? Но прежній путь, которымъ ты шелъ, не только тѣсенъ и прискорбенъ, но и непроходимъ и исполненъ лютыхъ звѣрей. И какъ не было бы возможности пройти Чермное море, если бы не про-

изошло тамъ чуда, такъ не было бы возможности и проводившимъ плотскую жизнь взойти на небо, если бы не дано было въ посредство къ этому крещеніе. Если же невозможное сдѣлалось возможнымъ, то тѣмъ болѣе трудное будетъ легкимъ.

Но то, скажешь, было дѣйствіемъ одной благодати. Но потому-то особенно тебѣ и слѣдуетъ подвизаться. Если тамъ, гдѣ была одна только благодать, она совершила дѣйствіе, то не совершитъ ли она тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда присоединишь къ ней еще и свои труды? Если она спасла недѣйствующаго, то не поможетъ ли тѣмъ болѣе дѣйствующему? Выше я говорилъ, что ты, смотря на невозможное (и однако совершившееся), долженъ дерзать противъ всѣхъ препятствій; а теперь говорю, что если мы станемъ бодрствовать, то и препятствія не затруднятъ насъ. Смотри: смерть попрана, діаволъ низложенъ, законъ грѣха упраздненъ, благодать Духа дарована, жизнь сокращена, бремена ослаблены. Познай это и изъ самаго опыта; смотри, сколько такихъ людей, которые сдѣлали больше, нежели сколько Христосъ повелѣлъ, а ты боишься не выполнить и мѣры повелѣннаго. Итакъ, какое ты будешь имѣть оправданіе, когда лѣнишься совершить и законное, тогда какъ другіе устремляются далѣе цѣли? Тебѣ мы совѣтуемъ подавать милостыню отъ имѣній своихъ, а другой отвергся всего ему принадлежавшаго. Тебя мы умоляемъ цѣломудренно жить съ женою, а иной не вступалъ и въ бракъ. Тебя мы просимъ не быть завистливымъ, а иной самую душу полагаетъ изъ любви къ ближнимъ. Тебя мы просимъ быть снисходительнымъ и кроткимъ къ согрѣшающимъ противъ тебя, а иной, будучи ударяемъ по ланитѣ, подставляетъ и другую. Что мы скажемъ, скажи мнѣ? Какъ станемъ отвѣчать, не дѣлая и того, въ чемъ насъ другіе столько превосходятъ? Но они не превосходили бы, еслибы дѣло не было весьма легкимъ. Кто сохнетъ: завидующій ли счастію другихъ, или веселящійся и радующійся о немъ? Кто всего опасается и непрестанно страшится: цѣломудренный, или прелюбодѣй? Кто съ доброю надеждою веселится: похищающій, или милующій и подающій отъ своего имущества нуждающемуся? Итакъ, помышляя объ этомъ, не станемъ ослабѣвать на пути добродѣтели, но со всякимъ рвеніемъ приступимъ къ достохвальнымъ подвигамъ, потрудимся здѣсь краткое время, чтобы получить вѣчные и неувядаемые вѣнцы, которыхъ и да сподобимся всѣ мы получить, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XL.

И прешедъ оттуду, пріиде на сонмище ихъ. И се человѣкъ, руку имый суху (Матѳ. xii, 9, 10).

489 1. Опять Христосъ въ субботу исцѣляетъ, и тѣмъ оправдываетъ поступки учениковъ Своихъ. Другіе евангелисты говорятъ, что Онъ вызвалъ человѣка на средину и вопрошалъ іудеевъ, можно ли въ субботу дѣлать *добро* (Марк. ш, 4; Луки vi, 9)? Замѣть милосердіе Господа. Онъ вызвалъ человѣка на средину, чтобы смягчить ихъ видомъ его; чтобы они, тронувшись этимъ зрѣлищемъ, оставили злобу свою и, устыдившись человѣка, перестали свирѣпствовать. Но неукротимые и безчеловѣчные лучше хотятъ помрачить славу Христову, нежели видѣть больного исцѣленнымъ, сугубо показываютъ злобу свою, т. е. враждою и сопротивленіемъ Христу и такимъ упорствомъ противъ Него, что хулили даже Его благодѣянія, оказываемыя другимъ. Другіе евангелисты говорятъ, что Христосъ самъ вопросилъ; а Матѳей, говоритъ, что Его вопрошали. *И вопросиша Его*, говоритъ онъ, *глаголюще: аще достоитъ въ субботы цѣлити? да на Него возглаголютъ.* Вѣроятно, и то и другое было. Іудеи, будучи нечестивы, и зная, что Онъ непремѣнно приступитъ къ исцѣленію, спѣшили предупредить Его вопросомъ, надѣясь тѣмъ воспрепятствовать Ему. Потому и вопрошали: *аще достоитъ въ субботы цѣлити*, съ намѣреніемъ не научиться отъ Него, но обвинить Его. Хотя довольно было самаго дѣла для обвиненія, но они старались уловить Его и въ словахъ, чтобы имѣть больше предлоговъ къ обвиненію. Но Человѣколюбецъ и исцѣленіе совершаетъ, и отвѣтствуетъ, научая насъ скромности и кротости, и обращаетъ все противъ нихъ, показывая ихъ безчеловѣчіе. Онъ вызываетъ человѣка на средину не потому, чтобы ихъ боялся, но желая принести пользу и расположить къ состраданію. А когда и этимъ не могъ смягчить ихъ, тогда опечалился, говоритъ евангелистъ (Марк. ш, 5), и разгнѣвался на нихъ за ожесточеніе сердца ихъ, и сказалъ: *кто есть отъ васъ человѣкъ, иже иматъ овча едино, и впадетъ сіе въ субботы въ яму, не иметъ ли е, и изметъ? Кольми убо лучши есть человѣкъ овчате? Тѣмже достоитъ въ субботы добро творити* (Матѳ. xii, 11, 12). Вразумляетъ ихъ этимъ примѣромъ, чтобъ они оставили свое безстыдство, и не обвиняли Его опять въ преступленіи. Но смотри, какъ различно и пристойно вездѣ Христосъ защищаетъ нарушеніе субботы. Когда Онъ сдѣлалъ бреніе для слѣпого, то не защищался предъ ними, хотя и тогда обвиняли Его, потому что самый образъ чудотворенія достаточно показывалъ въ Немъ Владыку закона. Когда жъ обвиняли Его за исцѣленіе разслаб-

лепнаго, понесшаго одръ, то Онъ оправдывается и какъ Богъ, и какъ человѣкъ. Оправдывается какъ человѣкъ, когда говоритъ: *аще обрѣзаніе пріемлетъ человѣкъ въ субботу, да не разорится законъ* (не сказалъ—да получитъ пользу человѣкъ), то для чего *на Мя гнѣваетеся, яко всего человѣка здрава сотворихъ* (Іоан. VII, 23)? Оправдывается какъ Богъ, говоря: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. V, 17). Будучи же обвиняемъ за учениковъ, отвѣчаетъ: *нѣсте ли чли, что сотвори Давидъ, егда взалка самъ и сущіи съ нимъ? Како вниде въ храмъ Божій, и хлѣбы предложенія снѣде* (Мат. XII, 3, 4)? И представляетъ въ примѣръ священниковъ. Такъ 440
и здѣсь говоритъ: *достоитъ ли въ субботы добро творити, или зло творити? Кто есть отъ васъ, иже иматъ овча едино* (Марк. III, 4, 5)? Онъ зналъ, что они больше корыстолюбивы, нежели человѣколюбивы. А другой евангелистъ говоритъ, что Христосъ, предлагая этотъ вопросъ, взглянулъ на нихъ, чтобы и самымъ взоромъ смягчить ихъ; но и отъ того они не сдѣлались лучшими. Здѣсь Онъ совершаетъ чудо однимъ словомъ, а во многихъ другихъ случаяхъ исцѣляетъ и возложеніемъ рукъ. Впрочемъ, ни то, ни другое не сдѣлало ихъ кроткими; но тогда какъ человѣкъ получалъ здравіе, они отъ исцѣленія его дѣлались только худшими. Онъ прежде сухорукаго хотѣлъ уврачевать ихъ, и употребилъ безчисленныя средства врачеванія—и прежнія дѣла, и слова; но такъ какъ болѣзнь ихъ была неизлѣчима, то Онъ приступилъ къ самому дѣлу. *Тогда глагола человѣку: простри руку твою, и простре; и утвердися цѣла, яко другая* (Матѳ. XII, 13). Чтожъ дѣлаютъ іудеи? Выходятъ, говоритъ евангелистъ, и совѣтуются, какъ бы убить Его. *Фарисее же шедше, совѣтъ сотвориша на Него, како Его погубятъ* (ст. 14). Не будучи ничѣмъ обижены, они хотѣли убить Его.

2. Вотъ какое зло—зависть! Не только противъ чужихъ, но и противъ своихъ всегда враждуетъ. Маркъ говоритъ, что они умыслили это съ иродіанами (Марк. III, 6). Чтожъ дѣлаетъ тихій и кроткій Іисусъ? Узнавши объ этомъ, Онъ удаляется: *Іисусъ же, разумѣвъ* помышленія ихъ, *отыде оттуду* (Матѳ. XII, 14). Итакъ, гдѣ говорящіе, что надлежало быть знаменіямъ? Онъ показалъ чрезъ это, что ожесточенный человѣкъ не убѣждается и знаменіями, а вмѣстѣ далъ разумѣть, что напрасно обвиняли и учениковъ Его. Но достойно замѣчанія то, что іудеи особенно ожесточались благодѣяніями, оказываемыми ближнему, и болѣе обвиняли Христа и разъярялись противъ Него, когда видѣли кого-либо избавленнымъ отъ болѣзни или отъ грѣха. Такъ они клеветали на Него, когда Онъ хотѣлъ спасти блудницу, когда ѣлъ съ мытарями, и въ настоящемъ также случаѣ, когда увидѣли исцѣленную руку. Но смотри, какъ Онъ и не перестаетъ

пещись о немощныхъ, и вмѣстѣ укрощаетъ зависть іудеевъ. *И по Немь идоша народи мнози, и исцѣли ихъ всѣхъ. И запрети исцѣленнымъ, да* никому *явѣ Его творятъ* (ст. 15, 16). Народъ вездѣ удивляется Ему, и слѣдуетъ за Нимъ; а фарисеи не оставляютъ своей злобы. Потомъ, чтобы ты не изумился, слыша о происшедшемъ и о чрезвычайномъ ихъ неистовствѣ, евангелистъ приводитъ пророка, предсказавшаго объ этомъ. Пророки съ такою подробностію предсказали все о Христѣ, что и этого не опустили, но описали всѣ Его пути и переходы, даже самое намѣреніе, съ какимъ Онъ дѣлалъ это, чтобы ты зналъ, что они все говорили по внушенію Духа. Если нельзя знать тайны человѣческія, то тѣмъ болѣе невозможно было постигнуть цѣлей Христовыхъ безъ откровеній отъ Духа. Итакъ евангелистъ присоединяетъ здѣсь сказанное пророкомъ, говоря: *яко да сбудется реченное Исаіемъ пророкомъ, глаголющимъ: се Отрокъ Мой, Егоже изволихъ; возлюбленный*
441 *Мой, наньже благоволи душа моя. Положу Духъ Мой на Немъ, и судъ языкомъ возвѣститъ: не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіихъ гласа Его. Трости сокрушенныя не преломитъ, и льна внемшася не угаситъ, дондеже изведетъ въ побѣду судъ его; и на имя Его языцы уповати имутъ* (ст. 17—21). Пророкъ прославляетъ кротость и неизреченное могущество Христово, отверзаетъ великую и широкую дверь язычникамъ, предрекаетъ несчастія, имѣющія постигнуть іудеевъ, и показываетъ единомысліе Христа съ Отцемъ. *Се*, говоритъ, *Отрокъ Мой, Егоже изволихъ; возлюбленный Мой, наньже благоволи душа Моя.* Если Христосъ избранъ Богомъ, то Онъ нарушаетъ законъ не какъ противникъ, или врагъ Законодателя, но какъ согласно съ Нимъ мыслящій и поступающій. Далѣе, возвѣщая о кротости Его, говоритъ: *не преречетъ, ни возопіетъ.* Христосъ желалъ исцѣлить ихъ больныхъ; но когда они отвергли Его, то Онъ и въ этомъ не противодѣйствовалъ имъ. Далѣе, показывая Его силу, а ихъ слабость, говоритъ: *трости сокрушенны не преломитъ,*—а Христу легко было сокрушить ихъ всѣхъ, какъ трость, и притомъ уже надломленную. *И льна внемшася не угаситъ.* Здѣсь пророкъ изображаетъ воспламенившійся гнѣвъ іудеевъ и силу Христову, могущую укротить этотъ ихъ гнѣвъ и весьма легко погасить его. А это показываетъ великую Его кротость. Что же? Всегда такъ будетъ? И Онъ до конца будетъ терпѣть злоумышляющихъ и неистовствующихъ противъ Него? Нѣтъ! Когда Онъ совершитъ Свое дѣло, тогда и начнетъ наказывать. Это-то и выражается словами: *дондеже изведетъ въ побѣду судъ. И на имя Его языцы уповати имутъ.* Подобнымъ образомъ и Павелъ говоритъ: будучи готовы *отмстити всяко преслушаніе, егда исполнится ваше послушаніе* (2 Кор. x, 6). Что же значатъ

слова: *дондеже изведетъ въ побѣду судъ?* Когда совершитъ всѣ Свои дѣла, тогда совершитъ месть, и месть полную; тогда они подвергнутся несчастіямъ, когда Онъ воздвигнетъ блистательный трофей; когда Его правда восторжествуетъ надъ ними и не оставитъ имъ даже предлога къ безстыдному противорѣчію. Писаніе обыкновенно правду называетъ судомъ. Но дѣла божественнаго домостроительства не ограничатся только наказаніемъ невѣрныхъ; напротивъ, Господь еще привлечетъ къ Себѣ весь міръ, почему и присовокуплено: *и на имя Его языцы уповати имутъ.* Но чтобы ты зналъ, что и это согласно съ волею Отца, пророкъ въ самомъ началѣ и это вмѣстѣ съ предыдущимъ подтвердилъ словами: *возлюбленный Мой, наньже благоволи душа Моя.* Возлюбленный, очевидно, дѣлаетъ и это по волѣ Возлюбившаго. *Тогда приведоша къ Нему бѣснующася слѣпа и нѣма: и исцѣли его, яко слѣпому и нѣмому глаголати и глядати* (ст. 22).

3. О, злость діавольская! Заградила оба входа, чрезъ которые этотъ человѣкъ могъ получить вѣру,—зрѣніе и слухъ. Но Христосъ отверзъ тотъ и другой. *И дивляхуся народи, глаголюще: еда есть сей сынъ Давидовъ? Фарисеи же рѣша: Сей не изгонитъ бѣсы,* 442
токмо о Веельзевулѣ князѣ бѣсовстѣмъ (ст. 23—24). Казалось бы, что важнаго сказалъ народъ? Однако фарисеи и того не перенесли. Такъ они, какъ замѣтилъ я выше, всегда мучатся благодѣяніями, оказанными ближнимъ, и ничто ихъ такъ не огорчаетъ, какъ спасеніе людей. Хотя Христосъ удалился и далъ успокоиться ихъ гнѣву, но зло опять воспламенилось, какъ скоро новое оказано благодѣяніе, и фарисеи досадовали болѣе діавола. Тотъ вышелъ изъ тѣла, пошелъ и убѣжалъ, ничего не говоря; а они то покушаются умертвить Его, то стараются оклеветать; когда не удалось имъ сдѣлать перваго, то хотятъ помрачить Его славу. Такова-то зависть! Нѣтъ зла хуже ея. Блудникъ, напримѣръ, по крайней мѣрѣ получаетъ нѣкоторое удовольствіе, и въ короткое время совершаетъ свой грѣхъ; а завистливый мучитъ и терзаетъ себя прежде того, кому завидуетъ, и никогда не оставляетъ своего грѣха, но всегда остается въ немъ. Свинья любитъ валяться въ грязи, демоны—вредить намъ; такъ и завистливый радуется несчастію ближняго. Когда случится съ ближнимъ что-либо непріятное, тогда онъ покоенъ и веселъ, почитая чужія несчастія своимъ счастіемъ, а благополучіе другихъ своимъ злополучіемъ и ищетъ не того, что ему могло бы быть пріятно, но того, что ближняго можетъ опечалить. Такіе люди недостойны ли того, чтобы побить ихъ камнями и замучить, какъ бѣшеныхъ собакъ, какъ злобныхъ демоновъ, какъ самихъ фурій? Какъ жуки питаются навозомъ, такъ и они, будучи нѣкоторымъ образомъ общими

врагами и противниками природы, находятъ для себя пищу въ несчастіяхъ другихъ. Другіе жалѣютъ и безсловесное животное, когда его убиваютъ, а ты неистовствуешь, дрожишь и блѣднѣешь, видя человѣка благополучнымъ. Можетъ ли быть что хуже такого бѣшенства? Вотъ почему блудники и мытари могли войти въ царствіе Божіе, а завистники, находившіеся внутри его, выгнаны, по словамъ Спасителя: *сынове царствія изгнани будутъ* (Матѳ. VIII, 12). Первые, освободившись отъ своихъ пороковъ, получили то, чего никогда и не ожидали; послѣдніе лишились и тѣхъ благъ, какія имѣли. Да и совершенно справедливо. Зависть превращаетъ человѣка въ діавола, и дѣлаетъ его лютымъ демономъ. Отъ нея произошло первое убійство, отъ нея презрѣна природа, отъ нея осквернена земля, отъ нея впослѣдствіи разверзшеюся землею поглощены живые Даѳанъ, Корей и Авиронъ и погибъ весь тотъ народъ. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: порицать зависть легко; а надобно позаботиться о томъ, какъ избавиться отъ этой болѣзни. Какъ же можемъ мы освободиться отъ этого порока? Когда помыслимъ, что входить въ Церковь не позволено какъ блуднику, такъ и завистнику, и притомъ гораздо болѣе послѣднему, нежели первому. А нынѣ зависть не считаютъ и порокомъ, почему и не заботятся избавиться отъ нея; но если откроется, что она зло, то легко оставимъ ее. Итакъ, плачь и стенай, рыдай и моли Бога; научись относиться къ ней, какъ къ тяжкому грѣху, и каяться въ немъ. Если такъ поступишь, то вскорѣ исцѣлишься отъ этого недуга. Но ктожъ не
443 знаетъ, скажешь, что зависть есть порокъ? Правда, всякій знаетъ это, но не всякій страсть эту ставитъ на ряду съ блудомъ и прелюбодѣяніемъ. Осуждалъ ли кто себя когда-нибудь за то, что предавался жестокой зависти, умолялъ ли когда Бога, чтобы помиловалъ его за этотъ недугъ? Никто никогда. Напротивъ, обладаемый гнуснѣйшею изъ всѣхъ страстію, если постился и далъ нищему мелкую монету, то думаетъ, что онъ ничего худого не сдѣлалъ, хотя бы тысячекратно завидовалъ. Отчего сдѣлался такимъ преступникомъ Каинъ, отчего Исавъ, отчего дѣти Лавановы, отчего сыны Іакова, отчего Корей, Даѳанъ и Авиронъ съ соумышленниками, отчего Маріамъ, отчего Ааронъ, отчего самъ діаволъ?

4. Вмѣстѣ съ тѣмъ представь и то, что ты не тому наносишь вредъ, кому завидуешь, а поражаешь мечемъ себя самого. Въ самомъ дѣлѣ, какое зло приничилъ Авелю Каинъ? Ему противъ воли ускорилъ входъ въ царствіе, а себя подвергъ безчисленнымъ бѣдствіямъ. Какой вредъ нанесъ Іакову Исавъ? Тотъ не обогатился ли и не наслаждался ли безчисленными

благами, а этотъ, послѣ злоумышленія своего, не принужденъ ли былъ выйти изъ дома родительскаго и скитаться въ странѣ чужой? Что худого сдѣлали Іосифу сыновья Іаковлевы, хотя едва не пролили крови? Не претерпѣли ли они голода и не были ли въ крайнемъ бѣдствіи, тогда какъ тотъ сдѣлался царемъ всего Египта? Чѣмъ больше завидуешь, тѣмъ большія блага доставляешь тому, кому завидуешь. Богъ за всѣмъ смотритъ, и когда видитъ обиженнымъ не обижающаго, то его еще болѣе возвышаетъ и прославляетъ, а тебя наказываетъ. Если Онъ не оставляетъ безъ наказанія тѣхъ, которые радуются несчастію своихъ враговъ, какъ-то сказано: *не радуйся паденію враговъ твоихъ, да не увидитъ Богъ, и не угодно Ему будетъ* (Притч. XXIV, 17), то тѣмъ болѣе не оставитъ безъ наказанія завидующихъ не причинившимъ имъ никакого вреда. Итакъ, отсѣчемъ отъ себя звѣря многоглаваго: много вѣдь видовъ зависти. Если любящій любящаго его не имѣетъ никакого преимущества предъ мытаремъ, то гдѣ станетъ ненавидящій ничѣмъ не обидѣвшаго его? Какъ избѣжитъ геенны, сдѣлавшись хуже язычниковъ? Жестоко болѣзную о томъ, что мы, обязанные подражать ангеламъ и даже Владыкѣ ангеловъ, ревнуемъ діаволу. Много зависти есть вѣдь и въ церкви, и болѣе въ насъ, нежели въ управляемыхъ нами,— почему и мы сами имѣемъ нужду въ увѣщаніи. За что, скажи мнѣ, завидуешь ты ближнему? За то ли, что его уважаютъ и хорошо говорятъ объ немъ? Но ты не представляешь себѣ, сколько зла приносятъ почести безпечнымъ? Такихъ людей онѣ доводятъ до тщеславія, до гордости, до надменности, до высокоумія, дѣлаютъ нерадивѣйшими, а сверхъ этихъ золъ еще и скоро они увядаютъ, и, что всего хуже,—происходящее отъ нихъ зло навсегда остается, а удовольствіе, лишь только появится, какъ и отлетаетъ. Итакъ, изъ-за этого ты завидуешь, скажи мнѣ? Но тотъ, кому ты завидуешь, въ большей довѣренности у начальника, дѣлаетъ все, что хочетъ, мститъ оскорбляющимъ его, благодѣтельствуетъ льстецамъ и имѣетъ великую силу. Такъ говорить свойственно людямъ мірскимъ, прикованнымъ къ землѣ. Духовнаго человѣка ничто огорчить не можетъ. Какое въ самомъ дѣлѣ тотъ ему сдѣлаетъ зло? Лишитъ ли его сана? Что же? Если справедливо, то еще доставитъ ему пользу. Ничто, вѣдь, такъ не раздражаетъ Бога, какъ священнослуженіе недостойное. Если же несправедливо, то осужденіе опять падаетъ не на него, а на 444
самого обидчика. Кто страдаетъ несправедливо и переноситъ великодушно, тотъ пріобрѣтаетъ чрезъ это большее дерзновеніе у Бога. Итакъ, будемъ заботиться не о томъ, чтобы достигнуть могущества, почестей и власти, но о томъ, чтобы отличиться

добродѣтелію и любомудріемъ. Власть побуждаетъ дѣлать многое, Богу неугодное, и надобно имѣть очень мужественную душу, чтобы пользоваться властію, какъ слѣдуетъ. Тотъ, кто лишенъ власти, волею и неволею любомудрствуетъ; а облеченный ею терпитъ то же, что и человѣкъ, который, живя съ хорошею и красивою дѣвицею, обязался никогда не посмотрѣть на нее съ вожделѣніемъ. Такова власть! Вотъ почему она даже противъ воли дѣлаетъ многихъ обидчиками, у многихъ возбуждаетъ гнѣвъ, снимаетъ узду съ языка и отворяетъ двери устъ, какъ бы вѣтромъ раздувая душу, и какъ ладію погружая ее въ самую глубину золъ. Итакъ, что же ты дивишься человѣку, находящемуся въ такой опасности, и называешь его счастливымъ? Какое безуміе! Кромѣ того, подумай еще и о томъ, сколько враговъ и клеветниковъ, сколько ласкателей какъ бы держатъ его въ осадѣ. Такое ли состояніе, скажи мнѣ, можно назвать блаженнымъ? И кто назоветъ? Но такой человѣкъ въ славѣ у народа, скажешь ты? Чтожъ? Народъ—не Богъ, Которому онъ долженъ дать отчетъ. Поэтому, указывая на народъ, ты говоришь только о новыхъ отмеляхъ, подводныхъ камняхъ, скалахъ и утесахъ. Уваженіе народное, чѣмъ болѣе оно дѣлаетъ знаменитымъ, тѣмъ съ большими соединено опасностями, заботами и печалями. Такой человѣкъ, имѣя столь жестокаго господина, совсѣмъ не можетъ отдохнуть или пріостановиться. Что я говорю—пріостановиться или отдохнуть? Такой, имѣя и тысячи заслугъ, съ трудомъ входитъ въ царство. Поистинѣ, ничто столько не унижаетъ людей, какъ слава народная, дѣлающая ихъ боязливыми, подлыми, льстецами и лицемѣрами. Почему, напримѣръ, фарисеи называли Христа бѣснующимся? Не потому ли, что желали народной славы? Почему народъ произносилъ правильное объ Немъ мнѣніе? Не потому ли, что Онъ не страдалъ этой болѣзнью? Ничто, истинно ничто такъ не дѣлаетъ людей законопреступными и несмысленными, какъ желаніе славы народной. Равнымъ образомъ ничто такъ не дѣлаетъ славными и мужественными, какъ презрѣніе ея. Потому и надобно имѣть чрезвычайно мужественную душу тому, кто хочетъ противустоять такой бурѣ, силѣ вѣтра. Любящій славу, когда онъ находится въ счастливыхъ обстоятельствахъ, ставитъ себя превыше всѣхъ, а когда въ несчастныхъ, то готовъ самъ себя зарыть въ землю. Это для него и геенна и царство, когда онъ поглощенъ этой страстью.

5. Итакъ, скажи мнѣ, достойно ли это зависти? Напротивъ, не достойно ли рыданій и слезъ? Это для всякаго очевидно. Завидуя имѣющему такую славу, ты поступаешь подобно тому, кто, увидѣвъ связаннаго, наказываемаго бичами и влекомаго

безчисленными звѣрями, завидуетъ его ранамъ и язвамъ. Поистинѣ, сколько людей въ народѣ, столько и для честолюбца узъ, столько владыкъ, и что всего хуже, каждый изъ нихъ имѣетъ свое особое мнѣніе и всякій даетъ о служащемъ приговоръ, какой случится, ничего не разбирая; а что вздумаетъ одинъ или двое, то и всѣ утверждаютъ. Не ужаснѣе ли это всякаго волненія, всякой бури? Ищущій славы то вдругъ отъ радости поднимается вверхъ, то снова легко погружается, бываетъ всегда въ тревогѣ, и никогда въ покоѣ. Еще не выходя на зрѣ- 445-446
лище, и готовясь произнести рѣчь, онъ безпокоится и трепещетъ, а послѣ зрѣлища или умираетъ отъ унынія, или, опять, предается безмѣрной радости,—что хуже самой печали. А что радость не менѣе пагубна, чѣмъ печаль, это очевидно изъ ея дѣйствія на душу. Радость дѣлаетъ душу легкомысленною, надменною и непостоянною. Это можно видѣть и на древнихъ мужахъ. Когда напр. Давидъ былъ добръ: тогда ли, когда радовался, или когда былъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ? Іудейскій народъ когда былъ добродѣтеленъ: тогда ли, когда стеналъ и призывалъ Бога, или когда въ пустынѣ радовался и покланялся тельцу? Потому-то и Соломонъ, знавшій лучше всѣхъ, что такое радость, говоритъ: *благо ходити въ домъ плача, нежели въ домъ смѣха* (Еккл. VII, 3). Потому и Христосъ ублажаетъ скорбящихъ, говоря: *блажени плачущіи* (Матѳ. V, 4); а радующихся почитаетъ несчастными: *горе вамъ смѣющимся, яко восплачете* (Лук. VI, 25)! И весьма справедливо. Во время забавъ душа бываетъ слабѣе и изнѣженнѣе; а во время скорби укрѣпляется, дѣлается цѣломудренною, освобождается отъ всѣхъ страстей, становится возвышеннѣе и мужественнѣе. Итакъ, зная все это, будемъ убѣгать славы народной и удовольствія, происходящаго отъ нея, чтобы достигнуть истинной и вѣчной славы, которой всѣ мы и да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLI.

**Вѣдый же Іисусъ мысли ихъ, рече имъ: всякое цар- 445
ство, раздѣльшееся на ся, запустѣетъ; и всякъ градъ или домъ, раздѣливыйся на ся, не станетъ. И аще сатана сатану изгонитъ, на ся раздѣлился есть: како убо станетъ царство его (Матѳ. XII, 25, 26).**

1. Фарисеи и прежде обвиняли Іисуса въ томъ, что Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою Веельзевула. Но Онъ тогда не обличалъ ихъ, чтобы дать имъ время еще изъ большихъ чудесъ познать

Его силу, и изъ ученія Его величіе. Но такъ какъ они не переставали говорить о Немъ то же, то Онъ, наконецъ, обличаетъ ихъ. И во-первыхъ, доказываетъ Свою божественность тѣмъ, что открываетъ ихъ тайныя помышленія; а во-вторыхъ, тѣмъ, что легко изгоняетъ бѣсовъ. И какъ ни безстыдно было ихъ обвиненіе (а зависть, какъ я сказалъ, не заботится о томъ, что сказать, только бы сказать что-нибудь), Христосъ все же не пренебрегаетъ имъ, но защищается съ свойственною Ему кротостію, научая насъ поступать кротко съ врагами; и хотя бы они обвиняли насъ въ томъ, въ чемъ мы по собственному сознанію невиновны, хотя бы ихъ обвиненія не имѣли никакого основанія,—не смущаться и не терять спокойствія духа, но со всякимъ долготерпѣніемъ защищать себя предъ ними. Такъ поступилъ Спаситель и съ фарисеями, яснѣйшимъ образомъ показывая, что они говорятъ ложь. Имѣющему бѣса несвойственно было показывать столь великую кротость и знать тайныя помышленія. Фарисеи частію потому, что ихъ мнѣніе было слишкомъ безстыдно, а частію по опасенію народа, не смѣли обнаружить своихъ обвиненій, держали ихъ въ умѣ. Но Спаситель, желая показать имъ, что Онъ знаетъ и самыя мысли ихъ, не упоминаетъ о томъ, въ чемъ они обвиняли Его, и не обнаруживаетъ ихъ злобы, но опровергаетъ ихъ возраженія, предоставляя собственной ихъ совѣсти уличить ихъ во лжи. У Него было только одно попеченіе—доставлять пользу согрѣшающимъ, а не обнаруживать ихъ согрѣшеній. Если бы Онъ захотѣлъ продолжать Свою защиту и посрамить фарисеевъ, и потомъ подвергнуть ихъ жесточайшему наказанію, Онъ весьма легко могъ бы сдѣлать это. Но Спаситель, оставивъ все это, старался только о томъ, чтобы истребить въ нихъ любовь къ преніямъ, научить кротости, и чрезъ то сдѣлать способнѣе къ исправленію. Какъ же Онъ защищается предъ ними? Онъ не приводитъ имъ словъ Писаній (потому что они не внимали Писанію и извратили бы его смыслъ), но употребляетъ общія доказательства. *Всякое царство*, говоритъ
446 Онъ, *раздѣльшееся на ся, запустѣетъ; и всякъ градъ или домъ*, если раздѣлится, скоро разрушится. Поистинѣ, не столько гибельны внѣшнія войны, сколько внутреннія; то же бываетъ въ обществахъ, то же и во всѣхъ дѣлахъ. Но Спаситель беретъ примѣръ съ того, что извѣстнѣе. Что на землѣ сильнѣе царства? Нѣтъ ничего; но и оно погибаетъ отъ возмущеній. Если же кто признаетъ, что и царство, раздѣлившись, при всемъ своемъ величіи, сокрушается, то что скажетъ онъ о городѣ и домѣ? Будетъ ли что мало или велико, если оно возстаетъ само противъ себя, то погибаетъ. Итакъ, если Я, имѣя въ себѣ бѣса, посредствомъ его

изгоняю другихъ бѣсовъ, то значитъ между бѣсами несогласіе и распря, и они возстаютъ одинъ на другого; если же они возстаютъ другъ на друга, то ихъ сила погибла и рушилась. *Аще бо*, говоритъ Спаситель, *сатана сатану изгонитъ* (Онъ не сказалъ— бѣсовъ, показывая, что между ними находится великое согласіе), *на ся раздѣлился есть*. Если же онъ раздѣлился, то лишился силы и погибъ; а если погибъ, то какъ можетъ изгнать другого? Видишь ли, какъ смѣшно ихъ обвиненіе, какъ оно безразсудно, какое въ немъ противорѣчіе! Одинъ и тотъ же человѣкъ не можетъ сказать, что онъ и силенъ, и изгоняетъ бѣсовъ, и притомъ силенъ отъ того, отъ чего бы ему должно было потерять силу. Вотъ первое опроверженіе. Второе, слѣдующее за нимъ, касалось учениковъ. Спаситель, опровергая противящихся Ему фарисеевъ, всегда приводитъ не одно, но два и три доказательства, желая совершенно обуздать ихъ безстыдство. Такъ поступилъ Онъ и въ спорѣ о субботѣ, указывая на Давида, на священниковъ, и на свидѣтельство Писанія: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6), и на причину установленія субботы: *ради человѣка*, говоритъ Онъ, *суббота* (Мрк. II, 27). Такъ поступаетъ и здѣсь. Послѣ перваго опроверженія Онъ приводитъ другое, яснѣйшее. *Аще Азъ о Веельзевулѣ изгоню бѣсы: сынове ваши о комъ изгонятъ* (ст. 27)?

2. Смотри, съ какою кротостью и здѣсь Онъ говоритъ имъ. Онъ не сказалъ: ученики Мои, или апостолы; но: *сынове ваши*,— чтобы, если фарисеи захотятъ мыслить столь же благородно, какъ Его ученики, подать имъ къ тому случай; а если они пребудутъ въ прежней неблагодарности и не оставятъ своего безстыдства, лишить ихъ всякаго оправданія. Смыслъ же словъ Его слѣдующій: апостолы чьею силою изгоняютъ бѣсовъ? Апостолы уже изгоняли бѣсовъ, получивъ на то власть отъ Спасителя; но фарисеи не 447
обвиняли ихъ. Они вооружались не противъ дѣлъ, но противъ лица. Поэтому Христосъ, желая показать, что одна зависть причиною ихъ обвиненія, указываетъ и на апостоловъ. Если Я, какъ вы говорите, изгоняю бѣсовъ силою Веельзевула, то тѣмъ болѣе они, какъ получившіе на то власть отъ Меня. Однако же вы ничего подобнаго объ нихъ не говорите. Почему же вы Меня, даровавшаго имъ такую власть, обвиняете, а ихъ освобождаете отъ обвиненій? Впрочемъ, это не избавитъ васъ отъ наказанія, но подвергнетъ даже еще большему. Потому-то Спаситель и присовокупилъ: *тіи вамъ будутъ судіи*. Если ученики Мои, будучи одного съ вами рода и получивъ одинаковое образованіе, вѣруютъ въ Меня и повинуются Мнѣ, то очевидно, что они осудятъ тѣхъ, которые дѣлаютъ и говорятъ противное. *Аще ли же о Дусѣ Божіи*

изгоню бѣсы, убо постиже на васъ царствіе Божіе (ст. 28). Что значитъ—*царствіе*? Мое пришествіе. Смотри, какъ Онъ опять привлекаетъ ихъ къ Себѣ, врачуетъ и старается привести къ познанію Себя, и показываетъ имъ, что они вооружаются противъ собственныхъ благъ и возстаютъ противъ своего спасенія. Вамъ, говоритъ Онъ, должно бы радоваться и ликовать, что Я пришелъ даровать тѣ великія и неизреченныя блага, о которыхъ древле возвѣщали пророки, и что настало время вашего благоденствія; а вы поступаете напротивъ, и не только не принимаете благъ, но еще клевещете и выдумываете ложныя обвиненія на Того, Кто предлагаетъ вамъ ихъ. Ев. Матѳей говоритъ: *аще Азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы*; а Лука: *аще Азъ о перстѣ Божіи изгоню бѣсы* (Лук. XI, 20),—показывая этимъ, что изгнаніе бѣсовъ есть дѣло высочайшей силы и особенной благодати. Изъ этихъ словъ можно было бы сдѣлать такое заключеніе: если это справедливо, то значитъ, что Сынъ Божій пришелъ. Но Христосъ не говоритъ этого прямо; чтобы не возбудить ихъ ненависти, Онъ только намекаетъ на это словами: *убо постиже на васъ царствіе Божіе*. Какая мудрость! За что фарисеи обвиняли Спасителя, тѣмъ Онъ ясно доказалъ имъ Свое пришествіе. Далѣе, чтобы привлечь ихъ къ Себѣ, Онъ не сказалъ просто: *постиже царствіе*, но прибавилъ—*на васъ*; какъ бы такъ говорилъ Онъ: настало время вашего блаженства. Итакъ, что же вы не радуетесь своимъ благамъ? Для чего вооружаетесь противъ своего спасенія? Вотъ теперь настало время, о которомъ древле предсказывали пророки. Вотъ признакъ проповѣданнаго ими пришествія: бѣсы изгоняются силою божественною. Что они изгоняются, это вы сами знаете; а что изгоняются силою божественною, это свидѣтельствуютъ дѣла. Сатана не можетъ нынѣ быть сильнымъ; онъ по необходимости сдѣлался слабымъ. Но слабый не можетъ, подобно сильному, изгонять сильнаго бѣса. Такъ говорилъ Спаситель для того, чтобы показать силу, происходящую отъ любви, и безсиліе отъ несогласія и раздора. Потому-то Онъ безпрестанно всюду побуждаетъ и учениковъ Своихъ къ любви, и особенно еще потому, что діаволъ всячески старается истребить ее. Послѣ втораго опроверженія, Онъ приводитъ и третье, говоря: *како можетъ кто внити въ домъ крѣпкаго, и сосуды его расхитити, аще не первѣе свяжетъ крѣпкаго и тогда домъ его расхититъ* (ст. 29)? Что сатана не можетъ изгонять сатану, это ясно изъ предыдущаго,
448 а что иначе и невозможно изгнать сатану, какъ побѣдивши его напередъ—и съ этимъ всѣ согласны. Что же означаютъ слова Христа? Ничего болѣе, какъ только усиливаютъ то, что Онъ сказалъ прежде. Я не только не хочу имѣть сообщникомъ

діавола,—какъ бы такъ говоритъ Онъ,—но даже веду съ нимъ брань и связываю его; доказательствомъ служитъ то, что Я расхитилъ сосуды его. Замѣть, какъ Христосъ опровергаетъ клевету, которую фарисеи старались возвести на Него. Они хотѣли доказать, что Онъ не Своею властію изгоняетъ бѣсовъ; а Онъ, напротивъ, доказываетъ, что не только бѣсовъ, но самого ихъ начальника прежде всего Онъ связалъ по Своей власти, и побѣдилъ его собственною Своею силою. Это подверждается самымъ дѣломъ. Если діаволъ есть начальникъ, а бѣсы его подчиненные, то какъ можно плѣнить этихъ послѣднихъ, когда онъ самъ не будетъ побѣжденъ и покоренъ? Въ этихъ словахъ, мнѣ кажется, можно усматривать еще и пророчество. Не только бѣсы суть сосуды діавола, но и люди, творящіе его дѣла. Итакъ, очевидно, здѣсь говорится не только о томъ, что Онъ изгоняетъ бѣсовъ, но и о томъ, что Онъ разсѣетъ весь мракъ заблужденій во вселенной, разрушитъ всѣ козни діавольскія и сдѣлаетъ ихъ недѣйствительными. Онъ не сказалъ: похититъ, но—*расхититъ*, показывая тѣмъ, что у Него есть власть на это.

3. Христосъ называетъ сатану сильнымъ не потому, что онъ таковъ по природѣ,—нѣтъ!—но указывая на его прежнюю большую власть, какую онъ имѣлъ надъ нами по нашей безпечности. *Иже нѣсть со Мною, на Мя есть: и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ* (ст. 30). Вотъ и четвертое опроверженіе. Какое Мое намѣреніе? говоритъ Христосъ. Привести людей къ Богу, научить ихъ добродѣтели, возвѣстить имъ царствіе. А чего хотятъ діаволъ и бѣсы? Противнаго этому. Итакъ, какимъ образомъ тотъ, кто не собираетъ со Мною и кто не за Меня, будетъ помогать Мнѣ? И что Я говорю—помогать? Напротивъ, онъ еще старается расточать Мое. Какъ же поэтому не только не помогающій Мнѣ, но еще расточающій Мое, можетъ имѣть со Мною такое согласіе, чтобы сталъ со Мною вмѣстѣ изгонять бѣсовъ? Это говорилъ Онъ, кажется, не о діаволѣ только, но и о самомъ Себѣ, такъ какъ Онъ самъ противодѣйствуетъ діаволу и расточаетъ ему принадлежащее. Почему же Онъ говоритъ: кто не со Мной, тотъ противъ Меня? Потому что онъ не собираетъ вмѣстѣ съ Нимъ. Если же это справедливо, то таковъ именно долженъ быть тотъ, кто противъ Него? Если не содѣйствующій Христу называется врагомъ, то тѣмъ болѣе врагъ тотъ, кто вооружается на Него. Все же это, говоритъ Онъ, для того, чтобы показать великую и непримиримую вражду Свою съ діаволомъ. Скажи мнѣ, не противъ ли тебя тотъ, кто не хочетъ помогать, когда тебѣ нужно воевать съ кѣмъ-нибудь? Если же говоритъ Онъ въ другомъ мѣстѣ: *иже нѣсть на вы, по*

васъ есть (Лук. IX, 50), то это не противорѣчитъ сказанному здѣсь. Здѣсь Онъ указалъ, кто ихъ противникъ, а тамъ показываетъ, кто ихъ соучастникъ, потому что сказано: *Твоимъ именемъ* изгоняютъ *бѣсы* (Матѳ. VII, 22)? Мнѣ кажется, что здѣсь Христосъ намекаетъ и на іудеевъ, поставляя ихъ вмѣстѣ съ діаволомъ. И они были противъ Него, и расточали то, что Онъ собиралъ. А что Онъ здѣсь намекаетъ и на нихъ, это доказывается слѣдующими словами Спасителя: *сего ради глаголю вамъ, что всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ* (ст. 31). Такимъ, образомъ, уничтоживши клевету ихъ, рѣшивши ихъ возраженіе и показавши ихъ безразсудное упорство, Онъ напослѣдокъ устра-
449 шаетъ ихъ, поскольку въ дѣлѣ совѣта и исправленія не маловажно и то, чтобы не только отвѣчать на всѣ вопросы и убѣждать, но й угрожать, что часто и дѣлаетъ тотъ, кто даетъ законы и совѣты.

Хотя слова Іисуса Христа и кажутся очень неясными, но если вникнемъ, то легко поймемъ ихъ. Итакъ, сначала внимательно выслушаемъ эти слова: *Всякъ грѣхъ, и хула*, говоритъ Онъ, *отпустится человѣкомъ: а яже на Духа хула не отпустится имъ. И иже аще речетъ слово на Сына человѣческаго, отпустится ему; а иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* (ст. 31, 32). Что же значатъ эти слова? Вы много о мнѣ говорили, что Я обманщикъ, что Я противникъ Божій. Я вамъ это прощу и не потребую вашего наказанія, если вы раскаетесь; но хула на Духа не отпустится и кающимся. Какъ же это? Вѣдь и эта вина была отпущена раскаявшимся. Многіе изъ тѣхъ, которые изрыгали хулы на Духа, впослѣдствіи увѣровали, и все имъ было отпущено. Что же значатъ эти слова? То, что грѣхъ противъ Духа Св. преимущественно непростителенъ. Почему же? Потому, что Христа не знали, кто Онъ былъ; а о Духѣ получили уже достаточное познаніе. Такъ, что ни говорили пророки, говорили по внушенію Духа, и въ ветхомъ завѣтѣ всѣ имѣли о Немъ очень ясное понятіе. Итакъ, слова Христа имѣютъ такое значеніе: пусть вы соблазняетесь Мною по плоти, въ которую Я облекся; но можете ли вы сказать и о Духѣ, что Его не знаемъ? Потому-то хула ваша и будетъ непростительна, и здѣсь и тамъ понесете за нее наказаніе. Многіе хотя здѣсь только были наказаны, какъ, напримѣръ, блудникъ, недостойно пріобщившійся тайнамъ у коринѳянъ, но вы—и здѣсь, и тамъ. Итакъ, Я вамъ отпускаю все то, чѣмъ вы Меня злословили прежде креста, даже и то, что вы хотите распять Меня на крестѣ, и самое невѣріе ваше не будетъ постановлено вамъ въ вину. Вѣровавшіе прежде креста не имѣли полной вѣры,—потому Онъ вездѣ запрещаетъ объявлять о Себѣ

кому-либо прежде страданія, и на самомъ крестѣ молился, чтобы отпущенъ былъ іудеямъ грѣхъ ихъ. Но что вы говорили о Духѣ, то не будетъ прощено вамъ. А что Христосъ указываетъ на хулу, которую говорили противъ Него іудеи прежде креста, то это видно изъ слѣдующаго: *иже речетъ слово на Сына человѣческаго, отпустится ему; а иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится.* Почему? Потому, что Духъ Святый вамъ извѣстенъ, а вы не стыдитесь отвергать очевидную истину. Если уже вы говорите, что Меня не знаете, то несомнѣнно знаете, что изгонять бѣсовъ и совершать исцѣленія есть дѣло Духа Святаго. Итакъ, не Меня только поносите, но и Духа Святаго. Потому и наказаніе ваше, какъ здѣсь, такъ и тамъ, неизбѣжно. Одни наказываются и здѣсь, и тамъ; другіе только здѣсь; иные только тамъ; а иные ни здѣсь, ни тамъ. И здѣсь и тамъ,—какъ напр. эти самые хулители Духа Святаго. Они и здѣсь понесли наказаніе, когда подвержены были ужаснымъ бѣдствіямъ, по взятіи ихъ города, и тамъ понесутъ жесточайшее, какъ жители Содома, и многіе другіе. Тамъ только,—какъ напр. палимый пламенемъ богачъ, не имѣвшій даже одной капли воды. Здѣсь,—какъ напр. блудникъ коринѳскій. Ни здѣсь, ни тамъ,—какъ апостолы, какъ пророки, какъ блаженный Іовъ: а ихъ страданія были не слѣдствіемъ наказанія, а подвигами и борьбою.

4. Итакъ, потщимся имѣть одинаковую съ ними участь; если же не съ ними, то, по крайней мѣрѣ, съ тѣми, которые здѣсь очистились отъ грѣховъ. Поистинѣ страшенъ тотъ судъ, неизбѣжно наказаніе, нестерпимы мученія. Если же ты и здѣсь не хочешь понесть наказанія, то самъ себя осуждай, и требуй самъ у себя отчета. Послушай, что говоритъ Павелъ: *аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Кор. xi, 31). Если будешь поступать такъ, постепенно простираясь на пути къ совершенству, то достигнешь и вѣнца. Но спросишь: какъ требовать отъ самого себя отчета? Восплачь, возстенай горько, смиряй, изнуряй себя и вспоминай о каждомъ твоемъ прегрѣшеніи; это немалое мученіе для души. Кто испыталъ сердечное сокрушеніе, тотъ знаетъ, что душа больше всего этимъ мучится; кто вспоминалъ о грѣхахъ своихъ, тотъ знаетъ скорбь, происходящую отсюда. Вотъ почему и Богъ за такое раскаяніе въ награду полагаетъ оправданіе, говоря: *глаголи ты прежде* грѣхи *твоя, да оправдишися* (Ис. xliii, 26). Немалымъ, истинно немалымъ средствомъ къ исправленію служитъ то, чтобы, сознавши всѣ грѣхи свои, непрестанно представлять и размышлять о нихъ Кто это дѣлаетъ, тотъ въ такое придетъ сокрушеніе, что признаетъ себя недостойнымъ и жить. А кто такъ разсуждаетъ, тотъ

будетъ мягче всякаго воска. И не только осуждай себя за блудъ, прелюбодѣяніе и другіе грѣхи, которые всѣми признаются за тяжкіе; но собери въ умѣ своемъ и тайные навѣты, клеветы, злословіе, тщеславіе, зависть и все тому подобное. И эти пороки немалое понесутъ наказаніе. И клеветникъ ввергнется въ геенну; и упивающійся виномъ не будетъ имѣть мѣста въ царствѣ небесномъ; и не любящій ближняго такъ оскорбляетъ Бога, что и мученичествомъ своимъ не бываетъ угоденъ Ему. И тотъ, кто нерадитъ о домашнихъ своихъ, отвергся вѣры; и тотъ, кто бѣдныхъ презираетъ, въ огнь ввергается. Итакъ, не считай эти пороки маловажными, но всѣ собери въ умѣ своемъ, и напиши ихъ какъ въ книгѣ. Если ты напишешь, то Богъ сотретъ ихъ. Если же ты не напишешь, то Богъ впишетъ ихъ и потребуетъ твоего наказанія. Лучше же намъ самимъ вписать ихъ и видѣть изглаженными Богомъ, нежели, забывая о нихъ, заставлять самого Бога представить ихъ предъ глаза наши въ день судный. Итакъ, чтобы этого не случилось, внимательно все разберемъ, и мы найдемъ тогда, что во многомъ виновны. Кто, напр., чистъ отъ любостяжанія? Не указывай мнѣ на то, что ты не слишкомъ былъ любостяжателенъ; и за малое понесешь то же самое наказаніе. Помышляй объ этомъ и раскаивайся. Кто не оскорбляетъ другого? А это ввергаетъ въ геенну. Кто тайно не злословилъ ближняго? А это лишаетъ царствія. Кто не надмевался? А этотъ болѣе всѣхъ нечистъ. Кто не смотрѣлъ похотливыми очами? А этотъ считается наравнѣ съ блудникомъ. Кто безъ причины не гнѣвался на брата своего? А такой повиненъ суду. Кто не клялся? А это отъ лукаваго. Кто не преступалъ клятвы? А это болѣе, нежели отъ лукаваго. Кто не служилъ мамонѣ? А такой,
451-452 отпалъ отъ законнаго служенія Христу. Я могъ бы исчислить вамъ много и другихъ пороковъ; но и этихъ довольно, чтобы привести къ сокрушенію не окаменѣвшаго сердцемъ и не дошедшаго еще до безчувственности. И если каждое изъ этихъ преступленій повергаетъ въ геенну, то чего не сдѣлаютъ они, когда совокупятся вмѣстѣ? Какимъ же образомъ, скажешь, можно спастись? Употребляя противъ недуговъ равносильныя врачества— милосердіе, молитвы, скорбь, раскаяніе, смиреніе, сердце сокрушенное, презрѣніе къ земнымъ благамъ. Безчисленные пути Богъ предложилъ ко спасенію, если только мы захотимъ быть внимательными. Будемъ же внимательны, будемъ всячески стараться объ исцѣленіи ранъ нашихъ, творя милостыню, удерживая гнѣвъ къ оскорбившимъ насъ, благодаря за все Бога, постясь по силамъ, молясь съ искреннимъ сердцемъ, пріобрѣтая друзей себѣ *отъ мамоны неправды* (Лук. XVI, 9). Такимъ образомъ

мы можемъ получить прощеніе въ грѣхахъ нашихъ, и удостоиться обѣщанныхъ благъ,—чего да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLII.

Или сотворите древо добро, и плодъ его добръ; или сотворите древо зло, и плодъ его золъ; отъ плода бо древо познано будетъ (Матѳ. xii, 33). 451

1. Опять инымъ образомъ Господь стыдитъ фарисеевъ, не довольствуясь прежними обличеніями. И дѣлаетъ это не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы Себя освободить отъ обвиненія,—для этого довольно было и прежнихъ доказательствъ,—но съ тѣмъ, чтобы противящихся Ему исправить. Сказанное же Имъ имѣетъ такой смыслъ: никто изъ васъ не обвинялъ исцѣленныхъ въ томъ, что они не исцѣлились, и не говорилъ, что освободить отъ бѣса дѣло злое. Въ самомъ дѣлѣ, хотя они и крайне были безстыдны, но не могли того сказать. И потому, не охуждая дѣлъ, взносили клевету на творящаго ихъ. Но Христосъ показываетъ, что такое обвиненіе несообразно ни съ общимъ смысломъ, ни съ самымъ положеніемъ дѣлъ. А это уже признакъ крайняго безстыдства—не только поступать злонамѣренно, но и сплетать нѣчто такое, что даже съ общими понятіями несообразно. И посмотри, какъ Спаситель устраняетъ Своими словами всякое возраженіе. Не сказалъ Онъ: согласитесь, что древо хорошо, потому что плодъ хорошъ; но, чтобы съ большею силою заградить имъ уста и показать Свою уступчивость и ихъ безстыдство, говоритъ: если вы хотите порицать дѣла Мои, пусть будетъ такъ; только бы не было въ обвиненіяхъ вашихъ несообразности и противорѣчія. Такимъ образомъ яснѣе могло обнаружиться безстыдство ихъ въ дѣлѣ совершенно очевидномъ, и Онъ могъ сказать имъ: напрасно вы лукавите, когда въ словахъ вашихъ заключается противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, о деревѣ судятъ по плоду, а не о плодѣ по дереву а вы, поступаете наоборотъ. Правда, что плодъ родится отъ дерева; но узнавать дерево надобно по плоду. Поэтому слѣдовало бы и вамъ или доказать, что дѣла Мои худы, когда хотите обвинять Меня, или, разъ хвалите дѣла Мои, то вмѣстѣ и Меня, совершающаго ихъ, освободить отъ вашихъ обвиненій. А вы напротивъ поступаете. Не находя ничего предосудительнаго въ дѣлахъ Моихъ, которыя представляютъ плодъ, вы осуждаете дерево, — называете Меня бѣснующимся. Это — уже

верхъ безумія. Дерево доброе не можетъ приносить плодовъ худыхъ, равно какъ и на оборотъ, какъ сказалъ это Спаситель еще прежде, и подтвердилъ теперь. Слѣдовательно, обвиненія фарисеевъ заключали въ себѣ противорѣчіе, и были совершенно несообразны съ дѣйствительностью. Далѣе, такъ какъ не о Себѣ самомъ говоритъ Спаситель, а о Духѣ Святомъ, то и произноситъ обличенія Свои съ большею строгостію: *порожденія ехиднова, како можете добро глаголати, зли суще* (ст. 34)? Въ этихъ словахъ заключается и обвиненіе фарисеевъ, и доказательство вышесказаннаго. Вотъ вы, говоритъ Спаситель, будучи худыми деревами,
452 не можете приносить и добраго плода. Потому Я и не удивляюсь, что вы произносите такія слова; происходя отъ злого рода, вы и воспитаны худо, и усвоили себѣ мысли худыя. И замѣть, съ какою осторожностію, предотвращающею всякое ухищреніе противниковъ, Онъ выражаетъ Свои обвиненія. Онъ не сказалъ: какъ вы можете говорить доброе, будучи порожденіями ехиднъ,— потому что одно съ другимъ не имѣетъ соотношенія, но говоритъ: *како можете добро глаголати, зли суще?* А порожденіями ехиднъ назвалъ ихъ потому, что они хвастались своими предками. Итакъ, чтобы показать, что нѣтъ имъ отъ того никакой пользы, Онъ отсѣкаетъ ихъ отъ сродства съ Авраамомъ и даетъ имъ другихъ предковъ, имѣющихъ такой же нравъ, какъ и они, и такимъ образомъ лишаетъ ихъ того благородства, которымъ они гордились. *Отъ избытка сердца*, говоритъ Онъ, *уста глаголютъ*. Здѣсь вновь даетъ Онъ видѣть божество Свое, вѣдающее сокровенныя помышленія, а также показываетъ, что фарисеи понесутъ наказаніе не только за дѣла, но и за злыя мысли; показываетъ и то, что Онъ, какъ Богъ, знаетъ эти мысли. А впрочемъ, возможно и людямъ знать ихъ. Естественно, чтобы слова изливались наружу чрезъ уста, когда внутренность переполнена зломъ. Поэтому, когда ты слышишь человѣка, произносящаго худыя слова, то не думай, что въ немъ лежитъ лишь столько зла, сколько показывается въ словахъ, а заключай, что источникъ его гораздо еще обильнѣе, потому что выражаемое наружно есть только избытокъ внутренняго. Видишь ли, какой крѣпкій ударъ наноситъ Христосъ фарисеямъ? Если слова ихъ такъ исполнены зла, и происходятъ отъ духа діавольскаго, то подумай, каковъ долженъ быть корень и источникъ этихъ словъ. Обыкновенно такъ бываетъ, что языкъ, удерживаемый стыдомъ. еще не все худое изливаетъ въ словахъ; напротивъ сердце, не имѣя никого изъ людей свидѣтелемъ своихъ движеній, безстрашно порождаетъ въ себѣ всякое зло, какое только захочетъ, потому что оно не много думаетъ о Богѣ. Слова предлагаются въ слухъ

всѣхъ и взвѣшиваются всѣми, а сердце укрывается въ тѣни, и потому меньше зла бываетъ на языкѣ, больше въ сердцѣ. Но когда уже слишкомъ много скопится его внутри, тогда съ большимъ стремленіемъ выходитъ наружу то, что доселѣ было скрываемо. И какъ мучащіеся рвотою сначала силятся удерживать въ себѣ рвущіяся изъ нихъ мокроты, а потомъ, когда уже не въ силахъ владѣть собою, выбрасываютъ нечистоту въ большомъ количествѣ, такъ и наполненные злыми умышленіями наконецъ изливаютъ ихъ въ злорѣчивомъ осужденіи ближняго. *Благій человѣкъ,* говоритъ Спаситель, *отъ благаго сокровища износитъ благая, и лукавый человѣкъ отъ лукаваго сокровища износитъ лукавая* (ст. 35).

2. Не думай, говоритъ Спаситель, чтобъ такъ было только съ людьми злыми; напротивъ, и съ добрыми то же происходитъ. И у нихъ больше скрывается добродѣтели внутри, нежели сколько 453
является наружно въ словахъ. Чрезъ это Господь показалъ, что какъ фарисеевъ должно почитать болѣе злыми, нежели каковыми они представлялись въ словахъ своихъ, такъ напротивъ Онъ болѣе былъ благъ, нежели сколько открывалось изъ рѣчей Его. А подъ словомъ: *сокровище* Онъ разумѣетъ множество. Далѣе Онъ опять наводитъ на нихъ великій страхъ. Не думайте, говоритъ Онъ, чтобы этимъ только все и ограничилось, — чтобы злорѣчіе подверглось только осужденію людей. Нѣтъ; всѣ злорѣчивые понесутъ еще крайнее наказаніе на послѣднемъ судѣ. Онъ не сказалъ здѣсь—*вы,* частію для того, чтобъ сообщить наставленіе всѣмъ людямъ, частію для того, чтобъ не произнести слишкомъ жестокаго и огорчительнаго слова. *Глаголю же вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный* (ст. 36). Праздное слово есть слово несообразное съ дѣломъ, ложное, дышущее клеветою, а также, по изъясненію нѣкоторыхъ, и пустое слово, напримѣръ: возбуждающее неприличный смѣхъ, срамное, безстыдное, неблагопристойное. *Отъ словесъ бо своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися* (ст. 37). Видишь ли, какъ безобиденъ судъ? Какъ кротки требованія отвѣта? Не по рѣчамъ другого, но по твоимъ собственнымъ словамъ Судія произнесетъ приговоръ. Что можетъ быть справедливѣе этого? Въ твоей, вѣдь, власти и говорить и не говорить. Поэтому не злословимымъ надобно страшиться и трепетать, а злословящимъ, потому что не злословимые должны будутъ оправдываться въ томъ, что объ нихъ разносимы были недобрые слухи, но злословящіе дадутъ отвѣтъ въ томъ, что они говорили о другихъ худо. На нихъ-то падетъ вся бѣда. Итакъ, терпящимъ отъ злыхъ слуховъ не о чемъ заботиться, потому что не потребуется отъ нихъ отвѣта въ томъ, что другіе говорили о нихъ

худо, но говорившимъ худо надобно страшиться и трепетать, потому что они за свое злоязычіе потребованы будутъ къ суду. Поистинѣ, это діавольская сѣть, это такой грѣхъ, который никакого не приноситъ удовольствія, а только одинъ вредъ. Поистинѣ, злое сокровище копитъ въ душѣ своей злоязычникъ. Если одержимый дурными мокротами самъ больше всѣхъ терпитъ отъ нихъ, и впадаетъ въ болѣзнь, то тѣмъ болѣе скопляющій внутри себя злобу, которая горче всякой желчи, потерпитъ жесточайшій вредъ и причинитъ себѣ лютую болѣзнь. Если изрыгаемыя имъ слова такъ много огорчаютъ другихъ, то еще гораздо большую скорбь причинятъ они душѣ, породившей ихъ. Умышляющій зло прежде всѣхъ убиваетъ самого себя, точно такъ же, какъ раздувающій огонь нерѣдко самъ сгораетъ, и бьющій по алмазу причиняетъ вредъ самому себѣ, и наступающій на острые гвозди наноситъ самъ себѣ кровавую рану.

Таковъ умѣющій великодушно принимать и переносить обиды: онъ подобенъ алмазу, острымъ гвоздямъ и огню, а думавшій обидѣть его оказывается ничтожнѣе грязи! Итакъ, не то худо, когда обижаютъ тебя; а то худо, когда ты обижаешь другихъ, или когда не умѣешь переносить обидъ. Какъ много обижаемъ былъ Давидъ! Какъ много обижалъ его Саулъ! Но кто же вышелъ сильнѣе и счастливѣе? И кто оказался несчастнѣе и достойнѣе жалости? Не тотъ ли, кто обижалъ? Разсмотримъ это ближе. Саулъ обѣщался, если Давидъ убьетъ иноплеменника, принять Давида къ себѣ въ родство, выдать за него съ великою охотою дочь свою. Давидъ убилъ иноплеменника; что же Саулъ? Нарушилъ данное слово, и не только не выдалъ за него (старшей дочери), но и старался умертвить его. Кто же заслужилъ большую честь? Саулъ мучился тоскою и давимъ былъ злымъ духомъ; а Давидъ своею побѣдою и благоволеніемъ Божіимъ стяжалъ славу,
454 и возсіялъ свѣтлѣе солнца. Саулъ, слыша пѣснопѣнія женъ, снѣдался завистію; а Давидъ, перенося все молчаливо, привлекъ и привязалъ къ себѣ всѣхъ. И потомъ, когда онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ Саула и пощадилъ его, кто былъ тогда счастливъ и кто несчастенъ? Кто былъ слабѣе и кто сильнѣе? Не Давидъ ли явился сильнѣйшимъ, когда онъ, имѣя возможность по праву отмстить врагу своему, не захотѣлъ того? Безъ сомнѣнія. У Саула было вооруженное войско; а Давидъ имѣлъ споборницею и помощницею правду, которая сильнѣе тысячи войскъ. А потому, и послѣ столь многихъ неправедныхъ злоумышленій, претерпѣнныхъ имъ, онъ не захотѣлъ умертвить Саула, хотя былъ и въ правѣ сдѣлать это. Онъ зналъ изъ прежнихъ опытовъ, что не причиненіе зла другому, а претерпѣніе зла дѣлаетъ людей силь-

нѣйшими. Такъ бываетъ и съ тѣлами, такъ и съ деревьями. А Іаковъ не терпѣлъ ли обидъ, не терпѣлъ ли зла отъ Лавана? Но ктожъ оказался сильнѣе: Лаванъ ли, который уже имѣлъ его въ своихъ рукахъ, и однакожъ не смѣлъ прикоснуться къ нему, будучи объятъ страхомъ и трепетомъ, или Іаковъ, который, не имѣя у себя ни оружія; ни множества воиновъ, былъ для него страшнѣе тысячи царей?

3. Но чтобы представить вамъ другое, еще сильнѣйшее доказательство вышесказаннаго, я опять обращу слово къ Давиду—съ противоположной стороны. Онъ силенъ былъ, когда терпѣлъ обиды; но какъ скоро самъ, впослѣдствіи времени, обидѣлъ другого, тотчасъ сдѣлался немощнымъ. Онъ обидѣлъ Урію, и тотчасъ порядокъ превратился: немощь перешла къ обидѣвшему, а сила къ обиженному, который, будучи уже мертвымъ, опустошилъ домъ Давидовъ. Давидъ, оставшись живъ и будучи царемъ, ничѣмъ не могъ отъ него защититься; а Урія, простой воинъ и къ тому же убитый, все поставилъ вверхъ дномъ въ домѣ царя. Хотите ли, я представлю вамъ еще въ яснѣйшемъ видѣ предлагаемую мною истину, съ другой стороны? Посмотримъ на тѣхъ людей, которые мстятъ за себя по праву. Что обижающіе ближнихъ воюютъ противъ собственной души своей и оказываются ниже и презрѣннѣе всѣхъ, это всякій видитъ. Но кто же, спросишь ты, мстилъ за себя по праву, и тѣмъ возжегъ много зла и навлекъ на себя много бѣдъ и скорбей? Посмотри на военачальника Давидова. Онъ былъ виновникомъ жестокой войны и потерпѣлъ тысячу золъ, изъ которыхъ ни одно не случилось бы съ нимъ, если бы онъ умѣлъ разсуждать и дѣйствовать по правиламъ истиннаго любомудрія. Итакъ, будемъ убѣгать этого грѣха и не станемъ обижать ближнихъ ни словами, ни дѣлами. Господь не сказалъ: если ты при народѣ будешь поносить ближняго, и повлечешь его предъ судилище, виновенъ будешь; но просто—если будешь говорить худо, хотя бы и наединѣ, и тогда навлечешь на себя величайшее осужденіе. Если бы даже было истинно то, что ты пересказываешь о ближнемъ, еслибы ты былъ совершенно въ этомъ увѣренъ, и тогда подвергнешься наказанію. Не за то, что дѣлалъ другой, Богъ будетъ судить тебя, а за то, что ты говорилъ. *Отъ словесъ бо своихъ осудишися.* Не слышишь ли, что и фарисей говорилъ правду (о мытарѣ): высказалъ то, что было всѣмъ извѣстно, и объявилъ то, что не было тайною, и однакожъ подвергся жестокому осужденію? Если же и явныхъ грѣховъ оглашать не должно, то тѣмъ болѣе неизвѣстныхъ и недоказанныхъ. Согрѣшившій имѣетъ надъ собою Судію. Итакъ ты не предвосхищай себѣ чести, принадлежащей

Единородному, Которому предназначенъ престолъ суда. Но ты хочешь быть судіею? Есть такое судилище, которое и тебѣ предоставлено, и можетъ принести великую пользу, не подвергая тебя ни малѣйшему осужденію. Посади въ совѣсти своей судіею разумъ, и поставь предъ его судилищемъ всѣ твои беззаконія, изслѣдуй всѣ грѣхи души твоей, потребуй отъ нея со всею
455 строгостью подробнаго отчета и скажи ей: зачѣмъ ты отваживалась дѣлать то и то? А если она будетъ уклоняться, и разбирать дѣла другихъ, скажи ей: не за чужіе грѣхи я сужу тебя, не за нихъ должна ты отвѣчать,—что тебѣ до того, что худъ такой-то? Ты зачѣмъ согрѣшила въ томъ-то и въ томъ-то? Отвѣчай; не показывай на другихъ, смотри на свои дѣла, а не на чужія. Такимъ образомъ вводи ее, какъ можно чаще, въ этотъ подвигъ. Потомъ, когда уже ей нечего будетъ сказать и она начнетъ укрываться отъ суда, уязвляй ее, поражай ее, какъ рабу кичливую и любодѣйную. Каждый день открывай для нея это судилище, представляй ей рѣку огненную, червя ядоноснаго и другія мученія; не попускай ей продолжать связь съ діаволомъ и не принимай отъ нея такихъ безстыдныхъ оправданій: онъ приходитъ ко мнѣ, онъ устрояетъ мнѣ ковы, онъ искушаетъ меня! Но скажи ей: если ты сама не захочешь, все это будетъ тщетно. А если она заговоритъ: но я сплетена съ тѣломъ, облечена плотію, живу въ мірѣ, пришельствую на землѣ,—скажи ей: все это одинъ лицемѣрный предлогъ и пустыя отговорки! Вотъ и этотъ святой облеченъ былъ плотію, и этотъ жилъ въ мірѣ и пришельствовалъ на землѣ, и однакожъ они вели жизнь достославную; да и ты сама, когда дѣлаешь добро, дѣлаешь это, будучи обложена плотію. Пусть ей и больно это слышать, ты не переставай ее наказывать: не бойся, не умретъ она отъ твоихъ ударовъ; напротивъ ты еще избавишь ее отъ смерти. А если бы она сказала: вотъ такой-то раздражилъ меня, ты отвѣчай ей: можно тебѣ и не раздражаться, потому что нерѣдко ты удерживала себя отъ гнѣва. Также, если бы она сказала: красота такой-то женщины воспламенила меня, ты представь ей: но вѣдь ты могла воздержать себя. Приведи ей примѣры побѣдившихъ похоть; укажи на примѣръ первой жены, которая хотя и говорила: *змій прельсти мя* (Быт. III, 13), но этимъ не избавилась отъ обвиненія.

4. Когда ты будешь производить такое испытаніе совѣсти, въ это время не допускай къ себѣ никого, пусть никто не тревожитъ тебя; но, какъ судьи обыкновенно сидятъ за завѣсами, когда судятъ о дѣлахъ, такъ и ты, вмѣсто завѣсъ, огради себя безмолвіемъ и избери благопріятное тому время и мѣсто. Займись этимъ судомъ, когда поужинавши встанешь изъ-за стола, и

пойдешь спать: вотъ время для тебя самое удобное; а мѣстомъ твоимъ будутъ—постель и спальня. Такъ повелѣваетъ и пророкъ, говоря: *яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитеся* (Псал. IV, 5). Требуй отъ себя и за малыя погрѣшности строгаго отчета, чтобы когда-либо не приблизиться къ великимъ грѣхамъ. Если ты будешь каждодневно это дѣлать, то съ дерзновеніемъ предстанешь предъ страшное судилище. Такимъ способомъ и Павелъ сдѣлался чистымъ, потому и сказалъ: *аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Кор. XI, 31). Такъ и праведный Іовъ очищалъ дѣтей своихъ: если онъ приносилъ жертвы за тайные грѣхи, то тѣмъ болѣе требовалъ отчета въ явныхъ. А мы не такъ поступаемъ, но совершенно напротивъ. Какъ скоро ляжемъ на постель, тотчасъ начинаемъ размышлять о всякаго рода житейскихъ дѣлахъ: одни вводятъ въ душу свою нечистые помыслы, другіе думаютъ о деньгахъ, отданныхъ подъ залогъ, о торговыхъ условіяхъ и о различныхъ временныхъ заботахъ. Имѣя на рукахъ дѣвицу—дочь, мы бережемъ ее со всею бдительностію; а душѣ своей, которая гораздо дороже 456
дочери, позволяемъ любодѣйствовать и оскверняться, впуская въ нее тысячи нечистыхъ мыслей. Хочетъ ли къ ней войти любостяжаніе, или сластолюбіе, или пристрастіе къ пригожимъ тѣламъ, или расположеніе къ гнѣву, или иной какой недобрый гость, мы тотчасъ же отворяемъ двери, зовемъ и тащимъ его, и позволяемъ ей безъ всякаго стыда и страха любодѣйствовать съ нимъ. Что можетъ быть грубѣе этого и безчеловѣчнѣе—смотрѣть съ пренебреженіемъ, какъ столь многіе прелюбодѣи надругаются надъ душею, которая для насъ всего дороже, и давать ей сообщаться съ ними до тѣхъ поръ, пока они насытятся? Но этого никогда не дождешься. Развѣ тогда только отступятъ они, когда она предастся сну. Но, нѣтъ! И въ это время они не отходятъ отъ нея, потому что и въ сонныхъ мечтаніяхъ и видѣніяхъ носятся передъ нею тѣ же образы. А отъ того часто случается, что и съ наступленіемъ дня душа, упоенная такими мечтами, тотчасъ устремляется къ дѣйствіямъ, съ ними сообразнымъ. Ты не даешь малѣйшей пылинкѣ войти въ зѣницу ока твоего; а душу свою оставляешь въ небреженіи и попускаешь ей влачить за собою такую грязную кучу столь многихъ золъ. Когда же мы успѣемъ выбросить изъ себя этотъ пометъ, который съ каждымъ днемъ накопляемъ въ себѣ? Когда успѣемъ вырвать терніе? Когда успѣемъ посѣять сѣмена? Не знаешь ли, что уже наступаетъ время жатвы? А мы еще и не начинали вспахивать свое поле. Что же скажемъ, когда придетъ Хозяинъ поля и будетъ требовать должнаго? Что станемъ отвѣчать Ему? То ли, что намъ никто не

далъ сѣмянъ? Но они посылаются свыше каждый день. То ли, что никто не срѣзалъ тернія? Но мы (служители Слова) каждый день остримъ для васъ серпъ. Или, что житейскія нужды отвлекаютъ васъ? Зачѣмъ же ты не распялся міру? Если тотъ, кто отдалъ ввѣренный ему талантъ, названъ рабомъ лукавымъ за то, что не пріобрѣлъ другого таланта, то чтожъ услышитъ тотъ, кто погубилъ и ввѣренное ему? Если онъ былъ связанъ и брошенъ туда, гдѣ скрежетъ зубовъ, то какимъ страданіямъ подвергнемся мы,—мы, которые, имѣя безчисленное множество побужденій, влекущихъ насъ къ добродѣтели, отвращаемся отъ нея и предаемся лѣности? Еще ли мало убѣжденій, достаточныхъ къ тому, чтобъ возбудить тебя? Не видишь ли, какъ малоцѣнна жизнь эта, какъ неизвѣстно ея продолженіе? Сколько потребно труда и пота въ дѣлахъ здѣшняго міра? Развѣ одна добродѣтель пріобрѣтается съ трудомъ, а порокъ достается безъ трудовъ? Если же и тамъ и здѣсь трудъ, то почему не изберешь ты добродѣтели, приносящей съ собою великую пользу? Да еще и такія есть добродѣтели, которыя и труда никакого не требуютъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за трудъ—не злословить, не лгать, не клясться, простить ближняго, подавшаго поводъ къ гнѣву? Вотъ трудъ и большая забота—поступать противно этому. Итакъ, какого ждать намъ оправданія, какого прощенія, когда мы и этихъ легкихъ добродѣтелей не соблюдаемъ? Отсюда ясно видно, что и другія, труднѣйшія добродѣтели недоступны намъ, по причинѣ нашей безпечности и лѣности. Размысливъ обо всемъ этомъ, будемъ убѣгать порока и возлюбимъ добродѣтель, чтобы сподобиться намъ и настоящихъ и грядущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIII.

455-456 **Тогда отвѣщаша Ему нѣцыи отъ книжникъ и фарисей, глаголюще: Учителю, хощемъ отъ Тебе знаменіе видѣти. Онъ же отвѣщавъ, рече: родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка (Матѳ. XII, 38, 39).**

1. Можетъ ли быть что-нибудь,—не говорю, нечестивѣе, а безумнѣе этого? Послѣ стольких знаменій, фарисеи говорятъ такъ, какъ будто бы ни одного изъ нихъ не бывало: *хощемъ отъ Тебе знаменіе видѣти!* Для чего же такъ они говорятъ? Для того, чтобы опять уловить Іисуса. Такъ какъ Онъ уже много разъ

словами Своими заграждалъ имъ уста и обуздывалъ безстыдный ихъ языкъ, то вотъ они снова обращаются къ дѣламъ. Дивясь этому, евангелистъ опять повторяетъ слово—*тогда. Тогда отвѣщаша Ему нѣцыи отъ книжникъ, знаменія просяще.*. Тогда: когда же 457
это? Когда слѣдовало бы преклонить голову, когда надлежало исполниться удивленіемъ, когда не оставалось ничего болѣе, какъ придти въ изумленіе и уступить. А они и тогда не отстаютъ отъ своего лукавства. И смотри, какъ слова ихъ исполнены ласкательства и притворства. Они надѣялись этимъ заманить Его въ свои сѣти. Только что предъ тѣмъ они поносили Его, а теперь льстятъ; только что называли Его бѣснующимся, а теперь величаютъ Учителемъ,—но и то и другое говорятъ съ злымъ намѣреніемъ, хотя слова ихъ совершенно несходны одни съ другими. Вотъ почему и Спаситель обличаетъ ихъ теперь весьма строго. Когда они грубо предлагали Ему вопросы и поносили Его, Онъ отвѣчалъ имъ кротко; а когда стали льстить ему, Онъ обращается къ нимъ со всею строгостію и изрекаетъ противъ нихъ слова поносныя, показывая тѣмъ, что Онъ выше и той, и другой страсти, и что какъ тогда не могли они разсердить Его, такъ теперь своею лестію не могутъ смягчить Его. Послѣ этого вникни въ свойство Его поношеній: въ нихъ ты увидишь не ругательство, а обнаруженіе злонравія фарисеевъ. Что говоритъ Онъ? ***Родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ.*** Смыслъ этихъ словъ таковъ: чему дивиться, что вы такъ поступаете со Мною, Котораго доселѣ еще не знаете, когда вы такъ же точно поступали и съ Отцемъ Моимъ, Котораго могущество видѣли изъ столь многихъ опытовъ? Сколько разъ вы оставляли Его и отбѣгали къ демонамъ, привлекая къ себѣ этихъ злыхъ друзей, въ чемъ многократно упрекалъ васъ и пророкъ Іезекіиль! Спаситель, говоря это, давалъ разумѣть, что Онъ единомысленъ со Отцемъ, и что они дѣйствуютъ такъ же, какъ и прежде; а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ сокровенныя ихъ мысли и уличалъ ихъ, что они лицемѣрно и какъ враги просятъ отъ Него знаменія.

Онъ потому и называетъ ихъ *родомъ лукавымъ*, что они всегда были неблагодарны къ своимъ благодѣтелямъ и, принимая благодѣянія, дѣлались еще худшими,—что служитъ признакомъ крайняго злонравія. А *прелюбодѣйнымъ родомъ* назвалъ Онъ ихъ, указывая и на ихъ прежнее и на настоящее невѣріе, и въ этомъ предложилъ новое подтвержденіе того, что Онъ равенъ Отцу,—поскольку именно и невѣріе въ Него дѣлаетъ человѣка прелюбодѣйцемъ. Потомъ, укоривъ ихъ, что говоритъ далѣе? *И знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка.* Здѣсь уже предначинаетъ Онъ слово о Своемъ воскресеніи и, въ подтвержденіе

его, указываетъ на прообразованіе. Что же, скажешь ты, развѣ не дано фарисеямъ другого знаменія? Не дано, когда они того просили. Спаситель зналъ ихъ ослѣпленіе, и потому творилъ чудеса не для ихъ убѣжденія, а для того, чтобы другихъ людей исправить. Можно и въ этомъ смыслѣ понимать данныя слова; или можно видѣть въ нихъ тотъ смыслъ, что фарисеи не получатъ уже знаменія, подобнаго упомянутому. Знаменіе дано было имъ, когда именно въ собственномъ наказаніи они познали силу Господа. Итакъ, здѣсь Онъ указываетъ прикровенно на это будущее наказаніе, и, угрожая имъ, какъ бы такъ говоритъ: Я оказалъ вамъ тысячу благодѣяній; но ни одно изъ нихъ не привлекло васъ ко Мнѣ, и вы не захотѣли почтить съ благоговѣніемъ Мое могущество. Итакъ, вы узнаете Мою силу изъ дѣлъ противныхъ, когда увидите вашъ городъ разореннымъ до основанія, когда увидите разрушенными стѣны и храмъ обращеннымъ въ развалины, когда лишитесь прежней свободы и гражданскаго устройства, и вновь будете скитаться повсюду, какъ бѣглецы и бездомные. Все это исполнилось послѣ крестныхъ страданій. Такъ вотъ что будетъ послано вамъ вмѣсто великихъ знаменій! И въ самомъ дѣлѣ, не величайшее ли это знаменіе, что бѣдствія, претерпѣваемыя іудеями, доселѣ одинаковы и неизмѣнны, и при всѣхъ попыткахъ никто не могъ облегчить наказанія, однажды на нихъ наложеннаго? Впрочемъ здѣсь не говоритъ еще Спаситель объ этомъ прямо, предоставляя яснѣйшее раскрытіе послѣдующему времени. А теперь открываетъ слово о Своемъ воскресеніи, въ истинѣ котораго они удостовѣрятся тѣми самыми бѣдствіями, которыя впослѣдствіи времени должны будутъ претерпѣвать. *Якоже бо*, говоритъ, *бѣ Іона во чревѣ китовѣ*
458 *три дни и три нощи, тако будетъ и Сынъ человѣческій въ сердцы земли три дни и три нощи* (ст. 40). Не сказалъ ясно, что Онъ воскреснетъ, потому что они стали бы смѣяться надъ тѣмъ; а предвозвѣстилъ это прикровенно, впрочемъ такъ, чтобы они могли повѣрить, что онъ зналъ это еще прежде. И они точно поняли смыслъ Его предреченія, какъ это видно изъ ихъ словъ къ Пилату: *льстецъ Онъ рече еще сый живъ, по тріехъ днехъ востану* (Матѳ. xxvii, 63): между тѣмъ ученики Христовы, будучи менѣе ихъ свѣдущи, не разумѣли этого; потому-то фарисеи сами на себя и навлекли осужденіе.

2. Замѣть, съ какою точностію выражаетъ Спаситель даже и прикровенное Свое пророчество. Не говоритъ Онъ: въ землѣ, но: *въ сердцы земли*, чтобы ясно означить Свое пребываніе во гробѣ, и чтобы никто не подумалъ, будто смерть Его была только одно призрачное явленіе. Для того же предназначаетъ Онъ и

три дня, чтобы никто не сомнѣвался на счетъ Его смерти, такъ что не только крестъ и очевидность для всѣхъ, но и самое количество дней должно служить доказательствомъ ея. О воскресеніи должно было свидѣтельствовать все послѣдующее время между тѣмъ кресту многіе не стали бы и вѣрить, если бы не было тогда многихъ знаменій, свидѣтельствовавшихъ о Немъ; а еслибы не повѣрили кресту, не повѣрили бы и воскресенію. Потому-то и называетъ Спаситель крестную смерть знаменіемъ. Ежели бы Онъ не былъ распятъ на крестѣ, не было бы дано и знаменіе. Вотъ почему представляетъ Онъ и прообразованіе, для большаго удостовѣренія въ истинѣ. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, развѣ пребываніе Іоны во чревѣ китовѣ было одна мечта? Нѣтъ, ты не можешь этого сказать. А слѣдовательно, и пребываніе Христа въ сердцѣ земли не могло быть мечтою. Не можетъ быть, чтобы прообразованіе совершилось истинно, а сама истина осталась мечтою. Потому мы во всемъ и возвѣщаемъ смерть Христову: и въ святыхъ тайнахъ, и въ крещеніи, и во всѣхъ другихъ священныхъ дѣйствіяхъ. Потому и апостолъ Павелъ громко взываетъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. VI, 14). Отсюда видно, что зараженные лжеученіемъ Маркіоновымъ суть чада діавола, потому что они изглаждаютъ ту истину, для утвержденія которой все сдѣлалъ Христосъ и для уничтоженія которой всѣ усилія употреблялъ діаволъ, — я разумѣю крестъ и страданіе. Для того и въ другомъ мѣстѣ предвозвѣщалъ Господь: *разорите церковь сію, и треми деньми воздвигну ю* (Іоан. II, 19), и еще: *пріидутъ дніе, егда отъятъ будетъ отъ нихъ Женихъ* (Лук. V, 35); а здѣсь сказалъ: *не дастся ему знаменіе, токмо Іоны пророка*, показывая этимъ, что Онъ пострадаетъ и за нихъ, но они не пріобрѣтутъ отъ того никакой пользы, что Онъ и выразилъ явственно въ послѣдующихъ словахъ. И не смотря на то, что Онъ зналъ объ этомъ, Онъ все же благоволилъ умереть за нихъ. Столь велика была Его любовь! А чтобы кто не подумалъ, что и съ іудеями произойдетъ то же, что и съ ниневитянами, и что, подобно этимъ иноплеменникамъ, которыхъ обратилъ Господь, представивъ предъ ихъ взоры близкое разрушеніе ихъ города, и они послѣ воскресенія Христова раскаются и обратятся, — послушаемъ, что далѣе говоритъ Спаситель. Онъ возвѣщаетъ совершенно тому противное: что іудеи не только не извлекутъ никакихъ благотворныхъ плодовъ изъ Его воскресенія, но и будутъ терпѣть неисцѣльныя бѣдствія. Это даетъ Онъ разумѣть, представляя примѣръ одержимаго духомъ нечистымъ. Но прежде того Онъ оправдываетъ самого Себя, доказывая, что не Онъ виновенъ въ тѣхъ несча-

стіяхъ, которымъ они подвергнутся, и что они будутъ терпѣть справедливое наказаніе. Въ примѣрѣ бѣсноватаго Онъ предначертываетъ имѣющія постигнуть ихъ злоключенія и запустѣніе. А теперь показываетъ, что всѣ эти злоключенія они понесутъ справедливо. Такъ дѣлалъ Онъ и въ ветхомъ завѣтѣ. Такъ, вознамѣрившись истребить Содомъ, напередъ оправдалъ Себя въ бесѣдѣ съ Авраамомъ, показавши ему совершенное запустѣніе и оскудѣніе добродѣтели въ тѣхъ городахъ, если ужъ тамъ не нашлось и десяти мужей, живущихъ цѣломудренно (Быт. XVIII). Подобнымъ образомъ и Лоту далъ видѣть злобу противъ странников и неистовыя похотѣнія содомлянъ, и потомъ уже низвелъ огонь на ихъ городъ (Быт. XIX). Такъ поступилъ Онъ и во время потопа, оправдавъ Себя самыми дѣлами предъ Ноемъ. Такъ показалъ Онъ Свою правду и Іезекіилю, когда представилъ предъ взоры его въ Вавилонѣ все зло, какое происходило въ Іерусалимѣ (Іез. V). Такъ благоволилъ оправдать Себя и предъ Іеремією, когда, сказавши ему: *не молися*, присовокупилъ: *еда не видиши, что сіи творятъ* (Іер. VII, 16, 17)? То же самое дѣлаетъ Онъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Такъ дѣлаетъ и здѣсь. Что же именно говоритъ Онъ? *Мужіе Ниневитстіи востанутъ и осудятъ родъ сей, яко покаяшася проповѣдію Іониною: и се болѣ Іоны здѣ* (ст. 41)! Іона—рабъ, а Я — Владыка; онъ вышелъ изъ чрева китова, а Я воскресъ отъ смерти; Онъ проповѣдывалъ разрушеніе, а Я пришелъ благовѣствовать царствіе. И жители Ниневіи повѣрили ему безъ всякаго знаменія, а Я представилъ много знаменій; они не слыхали ничего, кромѣ грозныхъ словъ пророка, а Я показалъ вамъ всѣ сокровища высшаго любомудрія. Іона явился въ Ниневіи, какъ служитель Божій; а Я—самъ Владыка и Господь всяческихъ, и пришелъ не съ угрозами, не съ требованіемъ отчета, но съ прощеніемъ. Жители Ниневіи были язычники, а съ вами обращались столь многіе пророки. Объ Іонѣ никто не пророчествовалъ, а обо Мнѣ—всѣ, и дѣла Мои совершенно согласны съ пророчествами. Онъ убѣжалъ отъ лица Господня, думая устраниться отъ осмѣянія; а Я, напередъ зная, что буду распятъ и поруганъ, пришелъ въ міръ. Онъ не хотѣлъ перенести и униженія, чтобъ видѣть спасенными ниневитянъ; а Я претерпѣлъ смерть, и смерть позорнѣйшую, и послѣ этого еще посылаю другихъ проповѣдывать. Онъ былъ среди ниневитянъ пришлецъ и чужестранецъ, никому незнаемый; а Я вашъ сродникъ по плоти, происходящій отъ тѣхъ же прародителей, отъ которыхъ происходите и вы. Но кромѣ этихъ непререкаемыхъ преимуществъ, еще много и другихъ откроетъ всякій, кто размыслитъ объ этомъ прилежнѣе.

3. Не ограничиваясь указаніемъ на ниневитянъ, Спаситель
представляетъ и другой примѣръ, говоря: и *царица южская во-
станетъ на судъ съ родомъ симъ, и осудитъ и: яко пріиде отъ конецъ
земли слышати премудрость Соломонову, и се болѣ Соломона здѣ*
(ст. 42)! Этотъ примѣръ еще убѣдительнѣе прежняго. Іона ото-
шелъ къ ниневитянамъ; а южная царица не хотѣла дожидаться
того, чтобъ Соломонъ посѣтилъ ее, но сама пришла къ нему,
и рѣшилась на это, не удерживаясь ни тѣмъ, что она была жен-
щина, ни тѣмъ, что происходила отъ иного племени, ни даль-
ностію разстоянія; рѣшилась не понуждаемая ни угрозами, ни
страхомъ смерти, а единственно по любви къ мудрымъ наставле-
ніямъ. *И се болѣ Соломона здѣ!* Соломонъ, не выходя изъ черто-
говъ, принялъ пришедшую къ нему жену; а Я самъ пришелъ
къ неимущимъ Меня. Соломонъ принялъ царицу, подвигшуюся
отъ концевъ земли; а Я самъ прохожу грады и веси. Соломонъ
бесѣдовалъ съ нею о деревахъ и растеніяхъ, и отъ этихъ бесѣдъ
не могла она получить большой пользы; а Я предлагаю бесѣды
о неизреченныхъ вещахъ, о страшнѣйшихъ таинствахъ. Такимъ
образомъ, осудивши фарисеевъ и неоспоримо доказавши, что они
грѣшатъ непростительно, что ихъ непокорство происходитъ не
отъ слабости Учителя, но отъ собственнаго ихъ злонравія, дока-
завши это и примѣромъ ниневитянъ, и царицы южной, и дру-
гими различными доводами,—Спаситель говоритъ, наконецъ, и о
наказаніи, имѣющемъ постигнуть ихъ, и говоритъ прикровенно,
впрочемъ такъ, что притча Его должна была возбудить въ нихъ
великій страхъ. *Егда бо,* говоритъ, *изыдетъ нечистый духъ отъ чело-
вѣка, преходитъ сквозѣ безводная мѣста ища покоя, и* не обрѣтая го-
воритъ: *возвращуся въ домъ мой, отнюдуже изыдохъ; и пришедъ обря-
щетъ праздень, пометенъ и украшенъ. Тогда идетъ и поиметъ съ собою* 460
*седмь иныхъ духовъ лютѣйшихъ себе, и вшедше живутъ ту; и будутъ
послѣдняя человѣку тому горша первыхъ. Такъ будетъ и роду сему*
(ст. 43—45). Этими словами Христосъ показываетъ, что не только
въ будущемъ вѣкѣ, но еще и здѣсь фарисеи подвергнутся тя-
гостнѣйшимъ наказаніямъ. Предъ тѣмъ Онъ говорилъ: *мужіе
Ниневитстіи востанутъ на судъ и осудятъ родъ сей.* Фарисеи, слыша
это, могли подумать, что еще не скоро наступитъ время суда, и
оттого могли стать еще безпечнѣе. А потому, чтобы пресѣчь имъ
всякій поводъ къ нерадѣнію, Спаситель представляетъ имъ те-
перь страшныя бѣдствія, предстоящія имъ еще въ этой жизни.
Подобными бѣдствіями угрожалъ имъ и пророкъ Осія, говоря:
будутъ, якоже пророкъ изумленный, человѣкъ духомъ носимый (Ос.
IX, 7), то есть: они будутъ какъ лжепророки, приводимые въ не-
истовство и бѣшенство злыми духами. Подъ именемъ пророка

изумленнаго здѣсь разумѣется лжепророкъ, каковы были гадатели. На это ужасное состояніе указываетъ и Спаситель, и потому говоритъ, что они потерпятъ величайшія наказанія. Видишь ли, какъ Онъ всѣми способами побуждаетъ ихъ къ внимательному слушанію словъ Его, представляя предъ взоры ихъ и настоящее, и грядущее, и достохвальные примѣры ниневитянъ и царицы, и страшные примѣры погибели тирянъ и содомлянъ? Такъ поступали и пророки, когда приводили въ примѣръ сыновъ Рихавовыхъ, или невѣсту, не забывающую о своемъ украшеніи и поясѣ, или когда говорили, что волъ знаетъ своего хозяина, и оселъ ясли. Подобнымъ образомъ и Спаситель, показавъ чрезъ сравненіе съ другими всю тяжесть злонравія фарисеевъ, наконецъ говоритъ здѣсь и о ихъ наказаніи.

Чтожъ значатъ слова Его? Если бѣсноватые, говоритъ Онъ, избавятся отъ своего недуга и потомъ будутъ нерадѣть о себѣ, то этимъ они привлекаютъ сами на себя привидѣнія, которыя еще лютѣе прежнихъ: въ такомъ же состояніи находитесь и вы. И прежде вы одержимы были бѣсомъ, когда поклонялись идоламъ, когда закалали вашихъ сыновей въ жертву демонамъ и тѣмъ показывали въ себѣ сильное бѣшенство; но, не взирая на это, Я все не оставлялъ васъ: Я изгонялъ изъ васъ того бѣса чрезъ пророковъ, а потомъ пришелъ и самъ, желая еще болѣе васъ очистить. Если же послѣ всего этого вы не хотите внимать Мнѣ, если вы рѣшились еще на большее злодѣйство (потому что заклать самого Господа—гораздо большее и тягчайшее преступленіе, чѣмъ убивать пророковъ), то и потерпите за то несравненно болѣе, нежели отцы ваши, бѣдствовавшіе въ Вавилонѣ и въ Египтѣ и при Антіохѣ I. И въ самомъ дѣлѣ, бѣдствія, постигшія іудеевъ при Веспасіанѣ и Титѣ, были несравненно ужаснѣе прежнихъ. Потому и сказалъ Господь: *будетъ скорбь велія, каковой никогда не было и не будетъ* (Матѳ. XXIV, 21). Но не только это одно открывается изъ примѣра бѣсноватаго, а еще и то, что они совершенно будутъ чужды всякой добродѣтели и еще болѣе подвержены дѣйствію демоновъ, нежели прежде. Тогда, хотя они и согрѣшали, но еще были среди нихъ и праведники, еще присущъ былъ Промыслъ Божій и благодать Святаго Духа, заботившаяся, исправлявшая ихъ и совершавшая все, что ей свойственно; а теперь они совершенно лишатся попеченія Божія, такъ что и крайнее оскудѣніе добродѣтели, и необыкновенное усиленіе бѣдъ, и необузданное владычество демоновъ надъ ними будутъ ихъ удѣломъ. Вы сами знаете, какъ и въ наше время, когда неистовствовалъ Іуліанъ, превзошедшій своимъ нечестіемъ всѣхъ нечестивцевъ, іудеи сблизились съ греками.

и какъ ревностно перенимали всѣ ихъ обычаи. Теперь они ведутъ себя, повидимому, нѣсколько умѣреннѣе и тише, но это только оттого, что боятся царей: не будь этого страха—и они пустятся 461
на большія неистовства, чѣмъ прежде, потому что въ другихъ злыхъ дѣлахъ они далеко превосходятъ своихъ предковъ, съ величайшею ревностію занимаются чародѣйствомъ и магіею и не знаютъ мѣры въ удовлетвореніи похоти. А въ жизни общественной, не смотря на то, что они стянуты крѣпкою уздою, сколько разъ они бунтовали и возставали противъ царей! Этимъ и навлекли на себя тяжкія бѣдствія.

4. Гдѣ теперь ищущіе знаменій? Пусть услышатъ они, что болѣе всего нужно сердце, чувствительное къ добру. А ежели его не будетъ, то отъ знаменій нѣтъ никакой пользы. Вотъ ниневитяне увѣровали и безъ знаменій; а іудеи, видѣвшіе столько чудесъ, сдѣлались только худшими, обратили себя въ жилище безчисленнаго множества бѣсовъ и навлекли на себя тысячи бѣдъ. Такъ и должно быть по суду правды. Кто, однажды освободившись отъ золъ, не сдѣлается благоразумнѣе, тотъ подвергнется наказаніямъ, которыя гораздо тягостнѣе прежнихъ. Спаситель для того и сказалъ: не обрѣтаетъ покоя,—чтобы показать, что навѣты бѣсовскіе непремѣнно и необходимо обрушатся на тѣхъ, которые не воспользовались своимъ избавленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, надлежало бы такимъ людямъ сдѣлаться благоразумнѣе по двумъ причинамъ: первая изъ нихъ—мысль о тяжести прежняго страданія; вторая—ощущеніе драгоцѣнности избавленія. Къ этимъ причинамъ можно присовокупить и третью—угрозы, заставляющія опасаться, чтобъ не случилось чего хуже. Но іудеи ни однимъ изъ этихъ побужденій не тронулись, и не сдѣлались лучшими. Впрочемъ, сказанное теперь объ іудеяхъ относится не къ нимъ однимъ, а и къ намъ, если мы, просвѣтившись и избавившись отъ прежнихъ золъ, опять прилѣпляемся къ прежнимъ порокамъ. За грѣхи, совершенные нами послѣ просвѣщенія, мы понесемъ болѣе тяжкое наказаніе. Потому-то Христосъ и разслабленному сказалъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. v, 14). И это сказано человѣку, тридцать восемь лѣтъ лежавшему въ болѣзни. Ты спросишь: чтожъ еще хуже этого могло съ нимъ случиться? Могло постигнуть его наказаніе, гораздо болѣе жестокое и несносное. Не дай Богъ намъ на самомъ дѣлѣ испытать всѣ тѣ страданія, какимъ мы можемъ подвергнуться! У Бога наказаній много: *по мнозѣй бо милости Его тако и гнѣвъ Его* (Іис. Сир. xvi, 13). Потому-то особенно и обвиняетъ Онъ помилованный имъ Іерусалимъ, говоря чрезъ пророка Іезекіиля: *видѣхъ тя смѣшенну въ крови и омыхъ и помазахъ*

и бысть тебѣ имя въ добротѣ твоей: и соблудила еси съ сосѣды твоими (Іезек. XVI, 6, 9, 14, 26). А потому и угрожаетъ согрѣшившему городу тягчайшими наказаніями. Мы же, внимая этому, помыслимъ не только о наказаніи, но и о безпредѣльномъ долготерпѣніи Божіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ мы впадали въ тѣ же грѣхи, а Онъ все еще терпитъ насъ! Но не будемъ безпечны, а напротивъ исполнимся страхомъ. Еслибъ и фараонъ вразумился первою казнію, то не испыталъ бы послѣдующихъ и не потонулъ бы вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ въ пучинѣ морской. Я упоминаю объ этомъ потому, что знаю многихъ людей, которые и нынѣ, подобно фараону, говорятъ: не знаю Бога,—и не даютъ подвластнымъ своимъ отойти отъ глины и кирпичей. Богъ повелѣваетъ смягчить даже угрозы; а между нами сколько есть такихъ, которые не хотятъ даже облегчить и тяжелыхъ работъ! Но за то имъ уже не чрезъ Чермное море предназначено переходить. Имъ уготовано море огненное, съ которымъ Чермное ни по величинѣ, ни по качеству сравниться не можетъ,—море, несравненно обширнѣйшее и яростнѣйшее, котораго волны всѣ изъ огня, и огня необыкновеннаго и ужаснаго. Тамъ зіяетъ великая пропасть, пышущая лютѣйшимъ пламенемъ. Тамъ повсюду увидишь пробѣгающій огонь, подобный какому-то сви-
462 рѣпому звѣрю. Если же и здѣшній чувственный, вещественный огонь, выскочивъ, какъ звѣрь, изъ пещи халдейской, напалъ на тѣхъ, которые сидѣли внѣ ея, то чего не сдѣлаетъ адскій огонь съ тѣми, которые впадутъ въ него? Послушай, что говорятъ о днѣ суда пророки: *день Господень неисцѣльный, ярости и гнѣва исполненный* (Ис. XIII, 9). Не найдешь тогда ни заступника, ни избавителя; не увидишь тогда кроткаго и тихаго лица Христова. Но какъ сосланные въ рудники отдаются подъ власть людей немилостивыхъ, и не могутъ видѣть никого изъ своихъ домашнихъ и друзей, а только видятъ своихъ надзирателей,—такъ будетъ и тогда, и еще не такъ, а несравненно хуже. Здѣсь еще можно прибѣгнуть къ царю и умолить его, и такимъ образомъ снять съ осужденнаго оковы; а тамъ это уже невозможно. Изъ ада никого ни выпускаютъ, и заключенные тамъ вѣчно горятъ въ огнѣ и претерпѣваютъ такое мученіе, котораго и описать невозможно. Если никакое слово не можетъ выразить и тѣхъ лютыхъ страданій, какія терпятъ люди, сжигаемые здѣсь, то тѣмъ болѣе неизобразимы страданія мучимыхъ тамъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, все страданіе оканчивается въ нѣсколько минутъ, а тамъ палимый грѣшникъ вѣчно горитъ, но не сгараетъ.

Что же намъ дѣлать, если попадемъ туда? Я это говорю къ самому себѣ. Но если ты, учитель,—скажетъ мнѣ кто-нибудь,—

такъ говоришь о себѣ, то мнѣ уже нечего и заботиться. Чему дивиться, что меня будутъ наказывать? Ахъ, нѣтъ! Молю васъ, пусть никто не думаетъ искать подобнаго утѣшенія. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей отрады. Скажи мнѣ: не безтѣлесною ли силою былъ діаволъ? Не превосходнѣе ли людей былъ онъ? И однако онъ палъ. Чтожъ, развѣ можетъ кто-нибудь почерпнуть для себя утѣшеніе въ томъ, что онъ будетъ мучиться вмѣстѣ съ діаволомъ? Никакъ. Что было нѣкогда со всѣми египтянами? Не видѣли ли они, что и начальники ихъ терпятъ казнь, и въ каждомъ домѣ слышенъ плачъ? Могли ли они, видя это, утѣшиться и отдохнуть отъ горести? Совсѣмъ нѣтъ, какъ это и видно изъ ихъ дѣйствій впослѣдствіи, когда они, какъ будто гонимые какимъ огненнымъ бичемъ, всѣ предстали предъ царя, и заставили его отпустить народъ еврейскій. Какъ нелѣпо это считать утѣшеніемъ, что наказываются вмѣстѣ со всѣми, и говорить: какъ всѣ, такъ и я! Что уже говорить о гееннѣ? Представь себѣ только одержимыхъ болѣзнію въ ногахъ, и укажи имъ въ то время, какъ они терзаются чувствомъ жестокой боли, на тысячу другихъ людей, страждущихъ еще болѣе, чѣмъ они. Они и не поймутъ тебя, потому что сильная боль не даетъ ни малѣйшей свободы размышленію, чтобы можно было подумать о другихъ и найти въ этомъ утѣшеніе. Итакъ, не будемъ питать себя такими пустыми надеждами. Извлекать себѣ утѣшеніе изъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ ближнимъ, можно развѣ только тогда, когда собственныя страданія довольно сносны; но когда мученіе выходитъ изъ границъ, когда вся внутренность кипитъ, когда душа и себя самой уже узнать не можетъ,—тогда откуда почерпнетъ она утѣшеніе?

5. Итакъ, всѣ эти слова—одинъ только смѣхъ и басни несмысленныхъ дѣтей. Утѣшеніе, о которомъ говоришь ты, имѣетъ мѣсто только въ легкой скорби, только въ сносной печали, когда услышимъ, что и другой то же терпитъ; да и то не всегда. Если же и въ сносной печали оно остается иногда вовсе безсильнымъ, то тѣмъ болѣе въ той невыразимой болѣзни и тоскѣ, которая обнаруживается скрежетомъ зубовъ. Знаю, что тяжело и непріятно вамъ слышать отъ меня такія слова; но что мнѣ дѣлать? Я не желалъ бы говорить объ этомъ, я радъ бы былъ и въ 463
самомъ себѣ, и во всѣхъ васъ созпавать добродѣтель. Но когда почти всѣ мы живемъ во грѣхахъ, то даруй Боже, чтобы я могъ породить въ васъ истинную печаль, и коснуться самаго сердца моихъ слушателей! Тогда я былъ бы спокоенъ и пересталъ бы говорить объ этомъ. А теперь я страшусь, чтобъ нѣкоторые изъ васъ не пренебрегли словами моими, и за пренебреженіе и невнимательность не подверглись бы большему наказанію. Если

бы какой-нибудь рабъ, слыша угрозы господина, пренебрегъ ими, то, конечно, разгнѣванный господинъ не оставилъ бы его ненаказаннымъ, а наложилъ бы на него за это тягчайшее наказаніе. Итакъ, умоляю васъ, сокрушимся сердцемъ, слыша слово о геиннѣ. Поистинѣ нѣтъ ничего сладостнѣе этой бесѣды, по тому самому, что нѣтъ ничего горче самой геенны. Но какъ же, спросишь ты, можетъ быть сладостна бесѣда о гееннѣ? Потому именно, что не сладко низринуться въ геенну; а напоминанія о ней, кажущіяся несносными, предохраняютъ насъ отъ этого бѣдствія. Кромѣ того они доставляютъ намъ и другую еще усладу, пріучаютъ нашъ духъ къ сосредоточенности, дѣлаютъ насъ болѣе благоговѣйными, возносятъ умъ нашъ горѣ, воскрыляютъ наши мысли, прогоняютъ злое ополченіе похотей, осаждающихъ насъ, и такимъ образомъ врачуютъ нашу душу. Теперь, послѣ напоминанія о наказаніи, позвольте мнѣ сказать нѣчто и о стыдѣ, ожидающемъ насъ, потому что какъ іудеевъ осудятъ ниневитяне въ день суда, такъ и насъ осудятъ тогда многіе, презираемые нами нынѣ. Итакъ, размыслимъ, какому мы подвергнемся осмѣянію, какому осужденію; размыслимъ—и положимъ теперь же начало, и войдемъ въ дверь покаянія. Я это говорю самому себѣ, прежде всѣхъ увѣщеваю къ этому самого себя; не гнѣвайся никто, какъ будто бы я хотѣлъ осуждать кого. Вступимъ на узкій путь. Доколѣ намъ предаваться изнѣженности? Доколѣ лѣниться? Еще ли не довольно жили мы въ безпечности, въ смѣхѣ, откладывая обращеніе со дня на день? Или опять все останется по прежнему: и богатый столъ, и пресыщеніе, и роскошь, и жадность къ деньгамъ, и любостяжаніе, и охота строиться? Но какой же будетъ конецъ? Смерть. Какой конецъ? Пыль и прахъ, гробъ и черви. Итакъ, начнемъ новую жизнь, содѣлаемъ землю небомъ; покажемъ язычникамъ, какихъ лишены они благъ. Взирая на благоустроенную жизнь нашу, они будутъ видѣть образъ царствія небеснаго. Когда они увидятъ, какъ мы скромны, какъ свободны отъ гнѣва, отъ злыхъ вожделѣній, отъ зависти, отъ любостяжанія, какъ вѣрно выполняемъ всѣ обязанности, то скажутъ: если здѣсь христіане содѣлываются ангелами, то каковы они будутъ по переселеніи отсюда? Если здѣсь, будучи странниками, они разливаютъ такой свѣтъ, то какими они явятся, когда достигнутъ своего отечества? Такимъ образомъ и язычники, смотря на насъ, сдѣлаются лучшими, и слово благочестія распространится столь же обширно, какъ во время апостоловъ.
461 Въ самомъ дѣлѣ, если двѣнадцать апостоловъ обратили цѣлые города и страны, то подумай, какимъ успѣхомъ увѣнчаются наши труды, когда мы всѣ, ревностно стараясь о доброй жизни, чрезъ

это самое содѣлаемся учителями? Язычника не столько привлекаетъ воскресшій мертвецъ, сколько любомудрый человѣкъ. Отъ перваго онъ придетъ въ изумленіе, а отъ послѣдняго получитъ пользу. То было, и прошло; а жизнь любомудрая пребываетъ постоянно, и всегда споспѣшествуетъ къ доброму воздѣланію души его. Итакъ, позаботимся о себѣ самихъ, чтобы пріобрѣсть и невѣрныхъ.

Я не предлагаю вамъ ничего неудобоисполнимаго; не говорю: не женись; не говорю: оставь городъ и устранись отъ дѣлъ общественныхъ; но увѣщеваю, чтобы ты, оставаясь при нихъ, украшался добродѣтелію. Я желалъ бы даже, чтобы живущіе въ городахъ больше отличались доброю жизнію, нежели удалившіеся въ горы. Почему? Потому что изъ этого произошла бы весьма великая польза. Никто не вжигаетъ свѣтильника, и поставляетъ его подъ спудомъ (Матѳ. v, 15). Поэтому-то желалъ бы я, чтобы всѣ свѣтильники поставлены были на свѣщникахъ, чтобы разливался отъ нихъ великій свѣтъ. Возжжемъ же огонь этого свѣта и сдѣлаемъ то, чтобы сѣдящіе во тьмѣ избавились отъ заблужденія. Не говори мнѣ: я имѣю жену и дѣтей, управляю домомъ, и не могу этого исполнить. Еслибъ ты ничего этого не имѣлъ, но оставался безпечнымъ, то никакой не получилъ бы отъ того пользы; а ежели и при всемъ этомъ будешь тщателенъ, то обогатишься добродѣтелію. Требуется лишь одно—утвержденіе духа въ добрыхъ расположеніяхъ: тогда ни возрастъ, ни бѣдность, ни богатство, ни множество дѣлъ и ничто другое не можетъ быть намъ препятствіемъ. Вѣдь и старики, и юноши, и женатые, и обязанные воспитывать дѣтей, и ремесленники, и воины успѣвали исполнять все повелѣнное. Даніилъ былъ юноша, Іосифъ былъ рабомъ, Акила былъ ремесленникомъ, порфиропродательница управляла цѣлымъ заведеніемъ; иной былъ стражемъ темничнымъ, иной сотникомъ, какъ Корнилій, иной имѣлъ слабое здоровье, какъ Тимоѳей, иной даже бѣжалъ отъ господина, какъ Онисимъ: и однакожъ никто изъ нихъ не былъ удержанъ никакимъ препятствіемъ, но всѣ они вели достославную жизнь, и мужи, и жены, и юноши, и старцы, и рабы, и свободные, и воины, и простолюдины. Итакъ, не будемъ прикрываться безполезными и пустыми извиненіями, но утвердимъ въ себѣ доброе намѣреніе. Тогда, какое бы ни было наше званіе, мы, безъ сомнѣнія, сохранимъ добродѣтель, и сподобимся грядущихъ благъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава и честь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIV.

463-464 **Еще же Ему глаголющу къ народомъ, се мати Его и братія стояху внѣ, ищуще глаголати Ему. Рече же нѣкій Ему: се мати Твоя и братія Твоя внѣ стоятъ, хотяще глаголати Тебѣ. Онъ же отвѣщавъ рече ко глаголющему: кто есть мати Моя и кто братія Моя? И простеръ руку Свою на ученики Своя, рече: се мати Моя и братія Моя (Матѳ. XII, 46—49).**

1. То самое, о чемъ я говорилъ прежде, т. е. что безъ добродѣтели все безполезно, весьма ясно открывается и теперь. Я говорилъ, что и возрастъ, и полъ, и пустынножительство, и тому подобное безполезны, когда нѣтъ добраго расположенія. А теперь мы узнаемъ еще болѣе: безъ добродѣтели нѣтъ никакой пользы и Христа носить во чревѣ и родить этотъ дивный плодъ. Это особенно видно изъ приведенныхъ словъ. *Еще Ему глаголющу къ народомъ*, говоритъ евангелистъ, *рече нѣкій Ему, яко мати Твоя и братія Твоя ищутъ Тебя*. А Христосъ отвѣчаетъ: *кто мати Моя, и кто братія Моя?* Это говоритъ Онъ не потому, чтобы стыдился Матери Своей, или отвергалъ родившую Его (если бы Онъ стыдился, то и не прошелъ бы сквозь утробу ея); но желалъ этимъ показать, что отъ того нѣтъ ей никакой пользы, если она не исполнитъ всего должнаго. Въ самомъ дѣлѣ, поступокъ ея происходилъ отъ
465 излишней ревности къ правамъ своимъ. Ей хотѣлось показать народу свою власть надъ Сыномъ, о Которомъ она еще не думала высоко; а потому и приступила не во время. Итакъ смотри, какая неосмотрительность со стороны ея и братьевъ! Имъ надлежало бы войти и слушать вмѣстѣ съ народомъ, или, если не хотѣли этого сдѣлать, дожидаться окончанія бесѣды, и потомъ уже подойти. Но они зовутъ его вонъ, и притомъ при всѣхъ, обнаруживая чрезъ это излишнюю ревность къ правамъ своимъ и желаніе показать, что они съ большою властію повелѣваютъ Имъ. Объ этомъ самомъ и евангелистъ съ укоризною говоритъ. *Еще ему глаголющу къ народомъ*, говоритъ онъ, намекая на это. Ужели не было другого времени?—какъ бы такъ говоритъ онъ. Ужели нельзя было поговорить наединѣ? Да о чемъ и говорить хотѣли? Если объ истинномъ ученіи, то имъ надлежало предложить объ этомъ явно и говорить при всѣхъ, чтобы и другіе получили пользу; если же о своихъ дѣлахъ, то не должны были такъ настаивать. Если Христосъ не позволилъ ученику Своему пойти и похоронить отца, чтобы послѣдованіе его за Христомъ не пресѣкалось, то тѣмъ болѣе не должно было прерывать бесѣды Его съ народомъ для дѣлъ неважныхъ. Отсюда ясно, что они дѣлали

это по одному тщеславію, на что и Іоаннъ указывая, говорилъ, что *ни братія Его вѣроваху въ Него* (Іоан. VII, 5). Онъ же передаетъ и неблагоразумныя слова ихъ, говоря, какъ они звали Его въ Іерусалимъ для того единственно, чтобы Его знаменіями самимъ прославиться: *аще сія твориши*, говорятъ они, *яви себе мірови: никтоже бо втайнѣ творитъ что, и ищетъ самъ явѣ быти* (ст. 4). И самъ Христосъ тогда упрекалъ ихъ въ этомъ, осуждая плотскія ихъ помышленія. Когда они, въ виду худого мнѣнія о Христѣ іудеевъ, говорившихъ: *не Сей ли есть тектоновъ Сынъ, Егоже мы вѣмы отца и матерь, и братія его не въ насъ ли суть* (Матѳ. XIII, 55, 56; Марк. VI, 3)?—желая скрыть низость Его рода, вызывали Его явить знаменія,—тогда Онъ противится имъ, и тѣмъ хочетъ исцѣлить болѣзнь ихъ. Итакъ, если бы онъ захотѣлъ отречься отъ Матери Своей, то отрекся бы отъ нея тогда, когда поносили Его іудеи. Напротивъ, Онъ такъ заботится о ней, что и на самомъ крестѣ препоручаетъ ее возлюбленнѣйшему ученику и проявляетъ о ней великую заботливость. Но теперь Онъ не дѣлаетъ того изъ предусмотрительной любви къ ней и братьямъ. Такъ какъ они думали о Немъ какъ о простомъ человѣкѣ, и тщеславились, то Онъ исторгаетъ этотъ недугъ, не оскорбляя впрочемъ ихъ, но исправляя. Но ты обращай вниманіе не на одни только слова, заключающія въ себѣ легкій упрекъ, но и на неумѣстную смѣлость братьевъ, на которую они отважились, и на того, кто упрекалъ (это былъ не простой человѣкъ, но Единородный Сынъ Божій), и съ какимъ намѣреніемъ упрекалъ. Онъ не хотѣлъ оскорбить ихъ, но избавить ихъ отъ мучительной страсти, мало-по-малу привесть ихъ къ правильному о Себѣ понятію и убѣдить, что Онъ не Сынъ только Матери Своей, но и Господь. И ты увидишь, что этотъ упрекъ и Ему весьма приличенъ, и полезенъ Матери, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма кротокъ. Онъ не сказалъ напомнившему о Матери: пойди, скажи Матери, что она не мать Моя; но возражаетъ ему: *кто есть мати Моя?* Говоря это, Онъ имѣлъ въ виду еще нѣчто другое. Что же именно? То, что ни они, и никто другой не должны полагаться на родство и оставлять добродѣтель. Въ самомъ дѣлѣ, если для Матери Его не будетъ никакой пользы въ томъ, что она мать, разъ она не будетъ добродѣтельна, то родство тѣмъ менѣе спасетъ кого-нибудь другого. Есть одно только благородство—исполненіе 466
воли Божіей, и это благородство лучше и превосходнѣе того (плотского) родства.

2. Итакъ, зная это, мы не должны гордиться ни достославными дѣтьми, если не имѣемъ сами добродѣтелей ихъ, ни благородными родителями, если не подобны имъ по жизни. Можно вѣдь

и родивши не быть отцемъ, и не родивши быть имъ. Вотъ почему, когда одна жена сказала: *блаженно чрево носившее Тя, и сосца, яже еси ссалъ* (Лук. XI, 27), Христосъ не сказалъ на это: не носило Меня чрево, и не сосалъ Я сосцевъ, но: истинно, блаженны исполняющіе волю Отца Моего (ст. 28)! Видишь, какъ Онъ и прежде, и здѣсь не отвергаетъ естественнаго родства, но присокупляетъ къ нему родство по добродѣтели. Равнымъ образомъ и Предтеча, говоря: *рожденія ехиднова, не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама* (Матѳ. III. 7, 9), не на то указываетъ, что они (фарисеи и саддукеи) не происходили отъ Авраама по естеству, но что нисколько не полезно имъ это происхожденіе отъ Авраама, если они не будутъ имѣть съ нимъ родства нравственнаго. Это самое и Христосъ показывая, говорилъ: *аще чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили* (Іоан. VIII, 39). Этими словами Онъ не отнимаетъ у нихъ родства по плоти, но научаетъ искать родства лучшаго и превосходнѣйшаго. То же самое и здѣсь Онъ хочетъ внушить, но только внушаетъ съ большимъ снисхожденіемъ и нѣжностію; рѣчь шла о Матери и Онъ не сказалъ: она не мать Моя, они не братья Мои, потому что не творятъ воли Моей, не произнесъ осужденія на нихъ, но, говоря съ свойственною Ему кротостію, оставлялъ на волю ихъ желать другого родства. Творящій, говоритъ Онъ, *волю Отца Моего, той братъ Мой, и сестра, и мати есть* (ст. 50). Потому, если они хотятъ быть сродниками Его, пусть идутъ этимъ путемъ. Также, когда воскликнула жена: *блаженно чрево носившее Тя*, Христосъ не сказалъ: у Меня нѣтъ матери, но если мать Моя хочетъ быть блаженною, пусть творитъ волю Отца Моего. Таковый для Меня и братъ и сестра и мать. Какая честь! Какъ велика добродѣтель! На какую высоту возводитъ она идущаго путемъ ея! Сколько женъ ублажали эту святую Дѣву и чрево ея, и желали быть такими матерями, и все отдать за такую честь! Чтожъ препятствуетъ? Вотъ Христосъ показалъ намъ пространный путь, и не только женамъ, но и мужамъ можно достигнуть столь великой чести, и даже еще гораздо большей. Идя этимъ путемъ, скорѣе можно сдѣлаться матерію, нежели претерпѣвая болѣзни рожденія. Потому, если родство плотское есть уже счастіе, то родство духовное настолько болѣе, насколько оно превосходнѣе перваго. Итакъ, не просто желай родства, но и съ большимъ тщаніемъ иди путемъ, ведущимъ тебя къ этому желанію. Сказавъ это, Спаситель вышелъ изъ дому. Видишь ли, какъ Онъ и упрекъ сдѣлалъ, и исполнилъ ихъ желаніе? То же самое дѣлаетъ Онъ и на бракѣ. И тамъ Онъ сдѣлалъ упрекъ матери Своей, которая безвременно просила Его, и однакожъ не

отказалъ ей,—упрекомъ врачуя немощь ея, исполненіемъ просьбы показывая любовь Свою къ Матери. Такъ точно и здѣсь, съ одной стороны, Онъ врачевалъ недугъ тщеславія, съ другой—воздалъ должную честь Матери, хотя требованіе ея было и неумѣстно. ***Въ день той,*** говорится, ***изшедъ Іисусъ изъ дому, сѣдяше при мори*** (XIII, 1). Если хотите видѣть и слышать Меня,—говоритъ Онъ,—то вотъ Я выхожу и бесѣдую. Сотворивши много знаменій, Онъ хочетъ опять доставить пользу ученіемъ Своимъ, и садится у моря, чтобы ловить и привлекать къ Себѣ людей, находящихся на землѣ. Сѣлъ же Онъ у моря не безъ намѣренія (на что и 467
евангелистъ намекаетъ, отмѣчая это обстоятельство), но желая поставить Себя въ такомъ положеніи, чтобы никого не было назади у Него, а всѣ предъ глазами. ***И собрашася къ Нему народи мнози, якоже Ему въ корабль влѣзти и сѣсти: и весь народъ на брезѣ стояше*** (ст. 2). Когда Онъ сѣлъ тутъ, началъ поучать притчами. ***И глагола имъ притчами много*** (ст. 3). Не такъ Онъ поступилъ на горѣ: тамъ слово Свое не предложилъ Онъ въ столь многихъ притчахъ. И это потому, что тамъ былъ только простой и необразованный народъ, а здѣсь находились и книжники и фарисеи. Но замѣть, какую прежде говоритъ Онъ притчу, и какъ по порядку предлагаетъ ихъ Матѳей. Итакъ, какую же прежде говоритъ Онъ? Ту, которую должно было прежде всего сказать, и которая болѣе способна возбудить вниманіе въ слушателѣ. Намѣреваясь говорить прикровенно, Онъ прежде возбуждаетъ умъ слушателей притчею. Потому и другой евангелистъ говоритъ, что Христосъ сдѣлалъ имъ упрекъ за то, что они не разумѣютъ: ***како не разумѣсте притчи*** (Мрк. IV, 13)? Впрочемъ, не для того только говоритъ Онъ притчами, но и для того, чтобы сдѣлать слово Свое болѣе выразительнымъ, глубже напечатлѣть его въ памяти, и представить предметъ нагляднѣе. Такъ поступаютъ и пророки.

3. Итакъ, какая жъ это притча? ***Се изыде сѣяй, да сѣетъ.*** Откуда вышелъ вездѣсущій и все исполняющій? Или, какъ вышелъ? Не мѣстомъ сталъ Онъ ближе къ намъ, но расположеніемъ и промышленіемъ о насъ, когда облекся плотію. Такъ какъ грѣхи заграждали намъ доступъ къ Нему и не позволяли взойти, то Онъ самъ выходитъ къ намъ. И для чего вышелъ? Погубить ли землю, исполненную терній? Наказать ли земледѣльцевъ? Нѣтъ. Онъ вышелъ для того, чтобы тщательно воздѣлать землю и посѣять на ней слово благочестія. Здѣсь подъ сѣменемъ Христосъ разумѣетъ Свое ученіе, а подъ нивою души человѣческія, подъ сѣятелемъ же Себя самого. Какой же плодъ этого сѣмени? Три части его погибаютъ и одна только остается. ***И сѣющу ему, ова па-***

доша при пути; и пріидоша птицы, и позобаша я (ст. 4). Христосъ не сказалъ, что Онъ самъ бросилъ, но что сѣмя упало. *Другая же* на камень, *идѣже не имѣяху земли многи: и абіе прозябоша, зане не имѣяху глубину земли; солнцу же возсіявшу, присвянуша, и зане не имѣяху коренія, изсхоша. Другая же въ терніи, и взыде терніе, и подави ихъ. Другая же на земли добрѣй, и дояху плодъ: ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридесять. Имѣяй уши слышати, да слышитъ* (ст. 5—9). Четвертая часть уцѣлѣла, да и та не одинаковый принесла плодъ, но большое и здѣсь различіе. Изъ этихъ словъ видно, что Христосъ предлагалъ ученіе Свое всѣмъ безъ различія. Какъ сѣятель не различаетъ находящейся предъ нимъ нивы, но просто и безъ всякаго различія бросаетъ сѣмена, такъ и Онъ не различаетъ ни богатаго, ни бѣднаго, ни мудраго, ни невѣжду, ни безпечнаго, ни заботливаго, ни мужественнаго, ни робкаго; но всѣмъ проповѣдалъ, исполняя Свое дѣло, хотя и напередъ зналъ, какіе отъ этого будутъ плоды, чтобы можно было Ему сказать: что Мнѣ еще нужно было сдѣлать, и не сдѣлалъ (Ис. v, 4)? Пророки говорятъ о народѣ, какъ о виноградѣ: *виноградъ бысть*
468 *возлюбленному;* и: *виноградъ изъ Египта пренеслъ* (Ис. v, 1, Псал. LXXIX, 9). А Христосъ говоритъ о народѣ, какъ о сѣмени. Что же Онъ показываетъ этимъ? То, что теперь народъ будетъ скоро и легко повиноваться, и тотчасъ дастъ плодъ. Когда же ты слышишь, что *изыде сѣяй сѣяти*, то не почитай этого тождесловіемъ. Сѣятель выходитъ часто и для другого дѣла, напримѣръ: вспахать землю, или истребить негодную траву, или исторгнуть терніе, или сдѣлать другое что-нибудь подобное; но Христосъ вышелъ для сѣянія.

Отчего же, скажи мнѣ, погибла большая часть сѣмени? Это произошло не отъ сѣявшаго, но отъ земли пріемлющей, т. е. отъ души не внимавшей. Но почему не говоритъ Онъ, что иное сѣмя приняли безпечные, и погубили его; другое приняли богатые, и подавили его; иное слабые, и пренебрегли его? Онъ не хочетъ сдѣлать имъ сильнаго упрека, чтобы не ввергнуть ихъ въ отчаяніе, но предоставляетъ обличеніе собственной совѣсти слушателей. Впрочемъ, это случилось не только съ сѣменемъ, но и съ неводомъ. И въ немъ было много безполезнаго. Настоящую притчу Христосъ предлагаетъ для укрѣпленія и наставленія учениковъ Своихъ, чтобы они не унывали, хотя и большинство пріемлющихъ слово ихъ погибнутъ. То же было и съ самимъ Господомъ; и хотя Онъ напередъ зналъ, что такъ именно будетъ, не переставалъ однакожъ сѣять. Но благоразумно ли, скажешь, сѣять въ терніи, на каменистомъ мѣстѣ, при дорогѣ? Конечно, въ отношеніи къ сѣменамъ и землѣ это было бы не-

благоразумно; но въ отношеніи къ душамъ и ученію это весьма похвально. Если бы земледѣлецъ сталъ такъ дѣлать, то справедливо заслуживалъ бы порицанія, потому что камню нельзя сдѣлаться землею, и дорогѣ не быть дорогой, и тернію не быть терніемъ; но не то бываетъ съ существами разумными. И камню можно измѣниться и стать плодородною землею; и дорога можетъ быть не открытой для всякаго проходящаго и не попираться его ногами, а можетъ сдѣлаться тучною нивою; и терніе можетъ быть истреблено, и сѣмена могутъ рости безпрепятственно. Если бы это было невозможно, то Христосъ и не сѣялъ бы. Если же такое измѣненіе происходило не во всѣхъ, то причиною этого не сѣятель, но тѣ, которые не хотѣли измѣниться. Христосъ исполнилъ Свое дѣло; если же они пренебрегли Его ученіемъ, то явившій столь великое человѣколюбіе не виновенъ въ томъ. Замѣть еще и то, что не одинъ путь погибели, но различные, и одинъ отъ другого далеко отстоящіе. Тѣ, которые подобны дорогѣ, это — нерадивые, безпечные и лѣнивые, а камень изображаетъ только слабѣйшихъ. *На камени сѣянное*, говоритъ Христосъ, *сіе есть: слышай слово, и абіе съ радостію пріемлетъ е: не имать же корене въ себѣ, но привременснъ есть. Бывши же печали, или гоненію словесе ради, абіе соблажняется. Всякому слышащему слово истины и не разумѣвающу, приходитъ лукавый, и восхищаетъ всѣянное* изъ сердца его: *сіе есть при пути сѣянное* (Матѳ. XIII, 20, 21, 19). Не одно и то же, когда ученіе теряетъ силу свою безъ всякихъ козней и притѣсненій, и—когда оно бываетъ недѣйствительно при искушеніяхъ. Тѣ же, которые подобны тернію, виновнѣе всѣхъ прочихъ.

4. Итакъ, чтобы не случилось съ нами чего-нибудь подобнаго, будемъ усердно внимать ученію и безпрестанно имѣть его въ памяти. Пусть діаволъ и хищничаетъ; но отъ насъ зависитъ не давать ему расхищать. Если сѣмена и засыхаютъ, то не зной 469
бываетъ причиной этого,—не сказано, вѣдь, что посохли отъ зноя, но: *зане не имяху коренія*. Если и подавляется слово, то не отъ тернія это происходитъ, но отъ тѣхъ, которые допустили взойти ему. Можно, если захочешь, не допустить этого негоднаго растенія и богатство употребить, какъ должно. Потому Христосъ не сказалъ: вѣкъ, но: *печаль вѣка*; не сказалъ: богатство, но: *лесть богатства* (ст. 22). Итакъ, будемъ обвинять не самыя вещи, но испорченную волю. Можно и богатство имѣть, и не обольщаться имъ,—и въ вѣкѣ этомъ жить, и не подавляться заботами. Богатство соединяетъ въ себѣ два противоположныя зла: одно сокрушаетъ и омрачаетъ—это есть забота; другое разслабляетъ—это есть роскошь. И хорошо сказалъ Спаситель—*лесть богатства*.

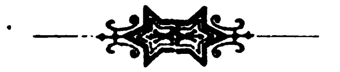
потому что все въ богатствѣ лесть,—имена только, а не дѣйствительность. Подлинно, и удовольствіе, и слава, и пышность и все тому подобное—одинъ только призракъ, а не дѣйствительная истина. Итакъ, сказавъ о различныхъ родахъ погибели, Онъ наконецъ говоритъ и о доброй землѣ, чтобы не привести въ отчаяніе, но подать надежду на раскаяніе и показать, что возможно изъ камня и тернія обратиться въ добрую землю. Но если и земля хороша, и сѣятель одинъ, и сѣмена одни и тѣ же, то почему одно сѣмя принесло плодъ во сто кратъ, другое въ шестьдесятъ, третье въ тридцать? Здѣсь опять различіе зависитъ отъ свойства земли, потому что и въ хорошей землѣ можно найти много различія. Теперь видишь, что виною этому не земледѣлецъ, и не сѣмена, но пріемлющая земля. Различіе это зависитъ не отъ природы людей, но отъ ихъ воли. И здѣсь открывается великое человѣколюбіе Божіе въ томъ, что Господь требуетъ не одинаковой степени добродѣтели, но и первыхъ пріемлетъ, и вторыхъ не отвергаетъ, и третьимъ даетъ мѣсто. Это говоритъ Онъ для того, чтобы послѣдователи Его не подумали, что для спасенія достаточно одного слышанія. Почему же, скажешь ты, Онъ не сказалъ о другихъ порокахъ, — наприм., о плотскомъ вожделѣніи, тщеславіи? Сказавши: *печаль вѣка сего и лесть богатства*, Онъ все сказалъ, потому что и тщеславіе, и всѣ другіе пороки дѣло вѣка сего и лести богатства, какъ, наприм., удовольствіе, жадность, зависть, тщеславіе и все прочее, подобное этому. О пути же и камнѣ Онъ упомянулъ, желая показать, что недостаточно освободиться отъ любви къ богатству, но нужно позаботиться и о другой добродѣтели. Что пользы въ томъ, если ты не пристрастенъ къ богатству, но женоподобенъ и изнѣженъ? Что пользы въ томъ, если не изнѣженъ, но безпечно и нерадиво слушаешь слово? Недостаточно одной добродѣтели для спасенія нашего, но нужно, во-первыхъ, тщательное слушаніе слова и всегдашнее памятованіе о немъ; потомъ нужно мужество; далѣе — презрѣніе богатства, и наконецъ — безстрастіе ко всему житейскому. Слышаніе слова потому поставляетъ Онъ прежде всего прочаго, что оно прежде всего нужно. *Како увѣруютъ*, если не услышатъ (Рим. x, 14)? Такъ и мы (если не будемъ внимать слову, не будемъ имѣть возможности узнать то, что должно дѣлать). Потомъ уже говоритъ Онъ о мужествѣ и о презрѣніи настоящихъ благъ. Итакъ, зная это, оградимъ себя отвсюду, будемъ внимать слову, глубоко насаждать его въ
470 себѣ и очищать себя отъ всего житейскаго. Если будемъ одно дѣлать, а о другомъ нерадѣть, то не будетъ намъ никакой пользы: такъ или иначе, все равно погибнемъ. Какое

различіе, если погибнемъ не отъ богатства, а отъ безпечности, или не отъ безпечности, а отъ изнѣженности? Земледѣлецъ все равно скорбитъ, какъ бы онъ ни погубилъ сѣмени. Итакъ, не будемъ утѣшаться тѣмъ, что мы погибаемъ не во всѣхъ отношеніяхъ, но будемъ плакать, какимъ бы образомъ мы ни погибали и будемъ сожигать терніе, потому что оно подавляетъ слово. Это знаютъ богатые, которые не способны не только къ этому, но и ни къ чему другому. Будучи рабами и плѣнниками страстей, они не способны и къ гражданскимъ дѣламъ. Если жъ они не способны и къ этому, то тѣмъ болѣе къ небесному. Двоякая язва заражаетъ помышленія ихъ: роскошь и забота. Каждая изъ нихъ сама по себѣ достаточна для потопленія челнока. Представьте же, какое произойдетъ волненіе, когда обѣ соединятся!

5. Не удивляйся тому, что Христосъ назвалъ роскошь терніемъ. Ты, упоенный страстію, не знаешь этого; но не зараженные этою страстію знаютъ, что роскошь уязвляетъ болѣе, нежели терніе, и изнуряетъ душу сильнѣе, нежели забота, и причиняетъ самыя мучительныя болѣзни какъ тѣлу, такъ и душѣ. Не столько мучитъ забота, сколько пресыщеніе. Когда безсонница, боль въ вискахъ, тяжесть въ головѣ и болѣзни въ желудкѣ мучатъ пресыщеннаго, то представь, сколькихъ терній несноснѣе это! Какъ терніе, съ какой бы стороны ни брали его, окровавляетъ руки, такъ и роскошь вноситъ язву и въ ноги, и въ руки, и въ голову, и въ глаза,—словомъ, во всѣ члены; она безжизненна и безплодна какъ терніе, и гораздо больше его вредна, и вредна для существеннѣйшихъ частей. Въ самомъ дѣлѣ, она преждевременно приближаетъ къ старости, притупляетъ чувства, омрачаетъ мысль, ослѣпляетъ проницательный умъ, наполняетъ тѣло влагами, скопляетъ гной, причиняетъ множество болѣзней и производитъ большую тяжесть и непомѣрную тучность, отъ чего и бываютъ постоянныя паденія, частыя крушенія. Для чего, скажи мнѣ, утучняешь ты тѣло? Развѣ мы собираемся принести тебя въ жертву? Или предложить на трапезу? Хорошо откармливать птицъ,—или лучше сказать, и ихъ не хорошо, потому что, когда онѣ утучнѣютъ, употребленіе ихъ въ пищу уже не бываетъ для насъ здоровымъ. Такъ-то велико зло—пресыщеніе: оно вредно и безсловеснымъ. Откармливая, дѣлаемъ ихъ безполезными и для нихъ самихъ, и для насъ, потому что отъ этой тучности и пища неудобно варится, и соки гніютъ. Но тѣ животныя, которыхъ не много кормятъ и которыя, такъ сказать, постятся, употребляютъ пищу въ умѣренномъ количествѣ и находятся въ трудныхъ работахъ, бываютъ весьма полезны и для

себя и для другихъ, годны для пищи и для всего прочаго. Тѣ, которыя питаются ими, бываютъ болѣе здоровы; тѣ же, которые употребляютъ въ пищу жирныхъ животныхъ, уподобляются имъ, становятся лѣнивыми, больными и сами на себя налагаютъ тягчайшія узы. Ничто столько не противно и не вредно тѣлу, какъ пресыщеніе; ничто столько не разрушаетъ, не обременяетъ
571 и не губитъ его, какъ неумѣренное употребленіе пищи. Поэтому можно только удивляться безумно пресыщающимся, что они не хотятъ даже и настолько поберечь себя самихъ, сколько другіе берегутъ мѣхи. Продавцы винъ не наполняютъ и мѣхи болѣе надлежащаго, чтобы не прорвать ихъ; а они и такой заботы не хотятъ имѣть о бѣдномъ своемъ чревѣ, но до чрезмѣрности обременяютъ его пищею, наполняютъ себя виномъ до ушей, ноздрей и самаго горла, и такимъ образомъ сугубо стѣсняютъ духъ и ту силу, которая устрояетъ животную жизнь. Для того ли дана тебѣ гортань, чтобъ ты до самыхъ устъ наполнялъ ее виномъ и другими вредными веществами? Не для того, человѣкъ, но чтобъ, во-первыхъ, славословить Бога, возсылать къ Нему священныя молитвы, читать божественные законы; во-вторыхъ, подавать совѣты полезные ближнимъ. А ты, какъ будто для обжорства только получивши гортань, не даешь ей ни малѣйшаго времени для священнаго занятія, а всю жизнь употребляешь ее на постыдную работу. Таковые люди поступаютъ подобно тому, кто, взявши арфу, имѣющую струны золотыя и хорошо настроенную, вмѣсто того, чтобъ ударять въ нее и извлекать гармоническіе звуки, завалитъ ее навозомъ, всякою дрянью. Навозомъ я называю не пищу, но пресыщеніе и всякую неумѣренность, такъ какъ то, что сверхъ мѣры, не питаетъ уже, а только вредитъ. Одно чрево дано только для принятія пищи, а уста, гортань и языкъ даны и для другихъ, болѣе необходимыхъ занятій; или лучше, и чрево дано не просто для принятія пищи, но для принятія пищи умѣренной. Оно само показываетъ намъ это, такъ какъ всегда вопіетъ противъ насъ, когда мы повредимъ ему такимъ излишествомъ; и не только вопіетъ, но, въ отмщеніе за несправедливость, налагаетъ на насъ и величайшее наказаніе. И во-первыхъ, оно наказываетъ ноги, которыя носятъ насъ и водятъ на роскошныя пиршества; потомъ связываетъ служащія ему руки за то, что онѣ доставляли ему столь многія и столь хорошія яства. А многимъ оно повредило и самыя уста, глаза и голову. Какъ рабъ, когда возложатъ на него что-либо свыше силъ, въ сильномъ негодованіи оскорбляетъ своего господина, такъ и чрево, которому сдѣлали насиліе, часто губитъ и портитъ, вмѣстѣ съ прочими членами, и самый мозгъ. Потому хо-

рошо устроилъ Богъ, соединивши съ неумѣренностію такія вредныя слѣдствія, чтобы ты, если по доброй волѣ не хочешь поступать благоразумно, хотя невольно, изъ-за страха и великаго вреда, научился умѣренности. Итакъ, зная это, будемъ убѣгать роскоши, будемъ заботиться объ умѣренности, чтобы и здоровьемъ тѣлеснымъ наслаждаться и, избавивъ душу отъ всякой болѣзни, сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.



ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

въ двухъ книгахъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1901.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется С.-Петербургъ, 11 марта 1901 года.

Ректоръ Академіи *Сергій*, Епископъ Ямбургскій.

Типографія А. П. Лопухина. Телѣжная ул., д. 5.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ НА СВЯТАГО МАТѲЕЯ ЕВАНГЕЛИСТА.

БЕСѢДА XLV.

И приступивше ученицы рекоша Ему: почто притчами 471
глаголеши имъ? Онъ же отвѣщавъ, рече имъ: яко вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго, онѣмъ же не дано есть (Матѳ. XIII, 10, 11).

ДОСТОЙНО удивленія, что ученики, не смотря на сильное желаніе узнать, почему Іисусъ Христосъ говоритъ народу въ притчахъ, разбираютъ время, когда предложить этотъ вопросъ. Они дѣлаютъ это не при всѣхъ, какъ показалъ Матѳей, говоря: *и приступивше*. А что объясненіе мое не не есть догадка, это открываетъ яснѣе Маркъ, когда говоритъ, что ученики приступили къ Нему, когда Онъ былъ одинъ (Марк. IV, 10). Такъ надлежало поступить и братьямъ, и Матери Его: не вызывать Его изъ дома и не выставлять себя. Замѣть также и великую любовь учениковъ,—какъ много они заботятся о другихъ, и сперва ищутъ ихъ пользы, а потомъ уже своей. *Почто*, говорятъ они, *притчами глаголеши имъ?* Они не сказали: для чего Ты намъ въ притчахъ говоришь? И въ другихъ случаяхъ они часто обнаруживаютъ любовь свою ко всѣмъ,—напри-

мѣръ, когда говорятъ: *отпусти народъ* (Лук. IX, 12), и также: *вѣси ли, яко соблазнишася* (Матѳ. XV, 12). Что же отвѣчаетъ имъ Христосъ? *Вамъ*, говоритъ Онъ, *дано есть вѣдати тайны царствія небеснаго, онѣмъ же не дано есть*. Онъ это сказалъ не указывая на какую-либо необходимость, или на простое и случайное нѣкоторыхъ избраніе, но показывая, что слушающіе сами причиною всѣхъ золъ, и вмѣстѣ желая открыть, что разумѣніе таинъ царствія есть даръ благодати, ниспосылаемой свыше. Впрочемъ, хотя это и даръ, однако этимъ не уничтожается свобода, какъ видно изъ послѣдующихъ словъ. А чтобы одни не предались отчаянію, а другіе безпечности, слыша, что имъ дано разумѣть тайны царствія, смотри, какъ Онъ показываетъ и тѣмъ и другимъ, что это первоначально зависитъ отъ насъ: *иже бо имать*, говоритъ Онъ, *дастся ему, и преизбудетъ; а иже не имать, и еже мнится имѣти возмется отъ него* (Матѳ. XIII, 12; XXV, 29). Хотя эти слова довольно неясны, но они заключаютъ въ себѣ непререкаемую правду. Они означаютъ то, что кто самъ желаетъ и старается пріобрѣсть дары благодати, тому и Богъ даруетъ все; а въ комъ нѣтъ этого желанія и старанія, тому не принесетъ пользы и то, что онъ имѣетъ, и Богъ не сообщитъ ему даровъ Своихъ. *И еже мнится имѣя*, говоритъ, *возмется отъ него*. Это не
472 то значитъ, что Богъ отнимаетъ у него, но что не удостоиваетъ его даровъ Своихъ. Такъ поступаемъ и мы. Когда видимъ, что кто-нибудь слушаетъ насъ разсѣянно, и при всѣхъ убѣжденіяхъ нашихъ остается невнимательнымъ,—наконецъ перестаемъ говорить, потому что, если мы будемъ настаивать, то безпечность его еще болѣе усилится. Напротивъ, кто съ ревностію слушаетъ ученіе наше, того мы завлекаемъ въ разговоръ и многое ему сообщаемъ. И справедливо сказано: *и еже мнится имѣя*,—потому что такой человѣкъ и этого не имѣетъ. Далѣе Онъ объясняетъ слова Свои, показывая, что значитъ—*имущему дано будетъ*, говоря такимъ образомъ: *отъ неимущаго же, и еже мнится имѣя, возмется отъ него. Сего ради*, продолжаетъ Онъ, *въ притчахъ глаголю имъ, яко видяще не видятъ* (ст. 13). Но если они не видали,—скажешь,—то надлежало имъ открыть глаза. Да, если бы ослѣпленіе это было отъ природы, то надлежало открыть; но такъ какъ ослѣпленіе это было произвольное и зависѣло отъ свободы, то Онъ не сказалъ просто: *не видятъ*, но: *видяще не видятъ*, то есть, что слѣпота ихъ происходитъ отъ собственнаго ихъ развращенія. Они видѣли, что Онъ изгонялъ бѣсовъ, и говорили: *о Веельзевулѣ князѣ бѣсовстѣмъ изгонитъ бѣсы* (Лук. XI, 15). Слышали, что Онъ приводитъ ихъ къ Богу и поступаетъ во всемъ согласно съ волею божественною,—и говорили: *нѣсть Сей отъ Бога* (Іоан. IX, 16). Та-

кимъ образомъ, сами они поступали вопреки тому, что видѣли и что слышали. За это-то, говоритъ Христосъ, Я и зрѣніе и слухъ отниму у нихъ. Они не только не получаютъ отъ этого никакой пользы, но напротивъ, подвергаются еще большему осужденію,—потому что они не только не вѣровали въ Него, но и поносили, и обвиняли, и злоумышляли противъ Него. Объ этомъ послѣднемъ Онъ впрочемъ умалчиваетъ, потому что не хочетъ быть строгимъ въ обвиненіи. Сначала Онъ не притчами говорилъ имъ, но просто и ясно. Но такъ какъ они стали неохотно слушать Его, то Онъ наконецъ сталъ говорить имъ притчами. Далѣе: чтобы кто-либо слова Его не почелъ однимъ только упрекомъ и не сказалъ, что Онъ укоряетъ и клевещетъ на нихъ по враждѣ, Христосъ приводитъ слова пророка, подтверждающія тоже самое: *сбывается бо въ нихъ*, говоритъ Онъ, *пророчество Исаіино, глаголющее: слухомъ услышите, и не имате разумѣти; и зряще узрите, и не имате видѣти* (ст. 14). Замѣчаешь ли, что и пророкъ обличаетъ ихъ съ такою же точностью въ выраженіяхъ? И онъ не сказалъ: *не узрите*, но—*узрите, и не имате видѣти;* не
сказалъ: *не услышите*, но—*услышите, и не имате разумѣти*. Итакъ, 479
они сами были причиною того, что не понимали, заградивъ слухъ, закрывъ глаза и ожесточивъ сердце. Они не только не слышали, но и *тяжко слышаша* (ст. 15). И дѣлали это, говоритъ Господь, для того, *да не когда обратятся, и исцѣлю ихъ*,—показывая тѣмъ ихъ закоснѣніе во злѣ и намѣренное отвращеніе отъ Него.

2. Онъ говоритъ это съ тѣмъ, чтобы привлечь ихъ, возбудить и показать имъ, что, если они обратятся, Онъ исцѣлитъ ихъ. Подобно тому, какъ у насъ говорятъ: онъ не хотѣлъ видѣть меня, и отлично; а если бы онъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, я тотчасъ оказалъ бы ему милость, показывая этимъ средство къ примиренію,—такъ точно и здѣсь говоритъ Господь: *да не когда обратятся, и исцѣлю ихъ*, показывая, что они могутъ и обратиться, и спастись, если раскаются, и что Онъ дѣлаетъ все не для собственной славы, но для ихъ спасенія. Если бы Онъ не желалъ, чтобы они слушали Его и спасались, то надлежало бы Ему молчать, а не поучать ихъ въ притчахъ. Но теперь тѣмъ самымъ, что говоритъ имъ притчами, возбуждаетъ ихъ. *Богъ*, говорится, *не желаетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. XVIII, 23). Что грѣхъ происходитъ не отъ природы, не по необходимости и принужденію, послушай, что говоритъ Христосъ апостоламъ: *ваша же блаженна очеса, яко видятъ, и уши ваши яко слышатъ* (Мѳ. XIII, 16), — разумѣя подъ этимъ зрѣніе и слухъ не чувственные, но умственные. И апостолы были

іудеи, и воспитаны въ томъ же законѣ, и однако пророчество ни мало не повредило имъ, потому что хорошо былъ укрѣпленъ въ нихъ корень добра, т. е. разумъ и воля. Теперь, видишь ли, что слова: *вамъ дано есть* не означаютъ необходимости? Иначе за что бы называть ихъ блаженными, если бы это доброе дѣло не зависѣло отъ нихъ самихъ? Не говори того, будто Онъ училъ невразумительно. И іудеи вѣдь, подобно ученикамъ, могли приходить и спрашивать Его. Но они не хотѣли дѣлать этого по своему нерадѣнію и безпечности. И что я говорю: не хотѣли? Они даже поступали вопреки Ему: не только не вѣровали, не только не слушали, но и враждовали противъ Него, и отвращались отъ Его ученія, въ чемъ Господь и обвиняетъ ихъ словами пророка: *тяжко слышаша*. Но не таковы были ученики; потому-то и удостоились названія блаженныхъ. Христосъ и другимъ образомъ укрѣпляетъ учениковъ Своихъ, говоря: *аминь бо глаголю вамъ, мнози пророцы и праведницы вождельша видъти, яже видите, и не видьша: и слышати, яже слышите, и не слышаша* (ст. 17), — то есть, Мое явленіе, чудеса, гласъ и ученіе. Здѣсь Онъ ставитъ учениковъ своихъ выше не только развращенныхъ іудеевъ, но и самихъ праведниковъ,—они и этихъ послѣднихъ, говоритъ, блаженнѣе. Почему же? Потому, что ученики видятъ не только то, чего не видали іудеи, но и то, что желали видѣть праведники. Послѣдніе созерцали только вѣрою, а ученики лицемъ къ лицу, и гораздо яснѣе. Видишь ли, какъ Христосъ опять соединяетъ ветхій завѣтъ съ новымъ, показывая, что ветхозавѣтные праведники не только знали будущее, но и сильно его желали? А они не могли бы желать, если бы почи-
474 тали какого-либо бога чуждаго и противнаго истинному. *Вы же услышите*,—говоритъ Онъ,—*притчу съющаго*; и говоритъ, затѣмъ, то, что мы сказали раньше, о безпечности и тщаніи, о боязни и мужествѣ, о богатствѣ и нелюбостяжаніи, показывая, какой проистекаетъ вредъ отъ первыхъ и какая польза отъ послѣднихъ. Потомъ показываетъ различные роды добродѣтели. По милосердію Своему, Онъ не одинъ только указалъ путь и не сказалъ, что тотъ будетъ отчужденъ, кто не принесетъ сторичнаго плода; спасется, говоритъ Онъ, и тотъ, кто принесетъ плодъ въ шестьдесятъ кратъ, и даже кто въ тридцать. Это для того Онъ сказалъ, чтобы облегчить намъ путь къ спасенію. Итакъ, не можешь переносить труднаго состоянія дѣвства? Вступи въ бракъ и живи цѣломудренно. Не можешь совершенно разстаться съ богатствомъ? Удѣляй часть отъ имѣнія твоего. Для тебя трудно и это бремя? Раздѣляй съ Христомъ имѣніе твое. Не хочешь отдать Ему всего? Отдай по крайней мѣрѣ половину, или третью

часть. Если Онъ твой братъ и сонаслѣдникъ на небесахъ, то сдѣлай его сонаслѣдникомъ и здѣсь. Ему давать—значитъ себѣ давать. Не слышишь ли, что говоритъ пророкъ: *свойственныхъ племене твоего не презри* (Ис. LVIII, 7)? Если же не должно презирать сродниковъ, то тѣмъ болѣе не должно презирать Господа, Который вмѣстѣ съ правомъ власти имѣетъ еще право родства съ тобою и многія другія права. Онъ содѣлалъ тебя участникомъ Своихъ благъ, не только не получивъ ничего Самъ отъ тебя, но еще предупредивъ тебя этимъ неизреченнымъ благодѣяніемъ. Итакъ, не великое ли безуміе получать такіе дары и, между тѣмъ, самому быть нечувствительнымъ и не воздавать взаимно за благодѣяніе, и притомъ меньшимъ за большее? Онъ содѣлалъ тебя наслѣдникомъ неба, а ты не хочешь пожертвовать для Него и земнымъ. Онъ примирилъ тебя съ Богомъ, не смотря на то, что ты не только не сдѣлалъ ничего добраго, но даже былъ врагомъ, а ты не хочешь воздать другу и благодѣтелю, тогда какъ, не говоря о царствіи и о всемъ прочемъ, ты обязанъ воздать Ему благодарность за то самое, что можешь дать. Когда рабы приглашаютъ господъ на пиръ, дѣлаютъ это не съ тѣмъ, чтобы доставить имъ удовольствіе, но чтобы самимъ получить отъ нихъ. Между тѣмъ, здѣсь напротивъ, не слуга пригласилъ своего господина, но Господь призвалъ слугу къ трапезѣ Своей. А ты не хочешь пригласить Его и послѣ этого? Онъ Самъ первый ввелъ тебя въ домъ Свой, а ты не хочешь сдѣлать этого и теперь? Онъ прикрылъ твою наготу, а ты и послѣ этого не хочешь дать Ему пріюта, какъ страннику? Онъ прежде утолилъ жажду твою изъ Своего сосуда, а ты не хочешь дать Ему и капли холодной воды? Онъ тебя напоилъ дарами Духа Святаго, а ты не хочешь утолить и тѣлесной Его жажды? Онъ тебя напоилъ Духомъ тогда, какъ ты былъ достоинъ наказанія, а ты презираешь Его, когда Онъ жаждетъ, и это не смотря на то, что ты долженъ употребить Его же дары?

3. Ужели ты почитаешь маловажнымъ держать ту чашу, которую будетъ подносить къ устамъ и изъ которой будетъ пить Христосъ? Ужели ты не знаешь, что одинъ только священникъ имѣетъ право предлагать чашу крови? Но я на это не смотрю строго,—говоритъ Христосъ,—а принимаю и у тебя. Хотя бы ты былъ міряниномъ, Я не отвергну тебя и не требую того, что Я самъ тебѣ далъ. Я требую не крови, но студеной воды. Представь, кому ты предлагаешь питіе; представь—и трепещи. Помысли, что ты самъ дѣлаешься священникомъ Христа, когда руками своими подаешь не тѣло, не хлѣбъ, не кровь, но чашу холодной воды. Онъ облекъ тебя одеждою спасенія, и облекъ самъ; и ты сдѣлай то

475 же, хотя чрезъ раба. Онъ прославилъ тебя на небесахъ; а ты по крайней мѣрѣ защити Его отъ страха, наготы и безславія. Онъ удостоилъ тебя сожительства съ ангелами; а ты прими Его только подъ кровъ твой, — по крайней мѣрѣ, дай Ему пріютъ, какъ бы рабу своему. Я не пренебрегаю пріютомъ этимъ,—говоритъ Христосъ,—хотя самъ Я отверзъ для тебя цѣлое небо. Я освободилъ тебя отъ тягчайшаго плѣна, но не требую того же отъ тебя и не говорю: освободи Меня; для Моего утѣшенія довольно, если ты только обратишь на Меня вниманіе, когда Я нахожусь въ узахъ. Я воскресилъ тебя изъ мертвыхъ,—и не требую, чтобъ и ты сдѣлалъ то же; но говорю: посѣти Меня только во время Моей болѣзни. Итакъ, какихъ адскихъ мученій не достойны мы, ежели при столь великихъ благодѣяніяхъ, изливаемыхъ на насъ, и при столь легкихъ требованіяхъ отъ насъ, не исполняемъ и послѣднихъ? Будучи безчувственнѣе камня, мы по всей справедливости пойдемъ въ огонь, уготованный діаволу и ангеламъ его. Скажи мнѣ: какая безчувственность съ нашей стороны, когда мы, получая столь великіе дары и столь великіе имѣя въ виду, остаемся рабами богатства, съ которымъ скоро, можетъ быть, противъ воли своей должны будемъ разстаться? Тогда какъ другіе пожертвовали жизнію и пролили кровь свою, ты для небеснаго царствія и столь великой славы не хочешь пожертвовать даже своими избытками. Какое ты заслужишь прощеніе, какое получишь оправданіе, если ты при засѣвѣ поля охотно ввѣряешь землѣ всѣ сѣмена и, давая въ засмъ людямъ, ничего не
476 жалѣешь, а къ бѣднымъ остаешься такъ жестокъ и безчеловѣченъ, къ бѣднымъ, въ лицѣ коихъ ты питаешь Самого Господа? Итакъ, зная, что мы получили, что надѣемся получить, и то, что требуется съ нашей стороны, и размышляя о всемъ этомъ, покажемъ всякое рвеніе къ дѣламъ духовнымъ. Будемъ снисходительны и милосерды, чтобы намъ не подвергнуться тяжкому наказанію. Если мы пользуемся столь многими и великими дарами, если такъ немного требуется съ нашей стороны, и притомъ если требуется то, съ чѣмъ мы должны разстаться здѣсь невольно, если такъ сильно привязаны къ вещамъ временнымъ,—то не послужитъ ли все это къ нашему обвиненію? Каждое изъ этихъ обстоятельствъ уже само по себѣ можетъ осудить насъ. Гдѣ же надежда спасенія, если все это соединится вмѣстѣ? Итакъ, чтобы не подпасть совершенному осужденію, будемъ сострадательны къ бѣднымъ. Чрезъ это мы сдѣлаемся достойными благъ какъ здѣсь, такъ и тамъ, коихъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVI.

**Ину притчу предложи имъ, глаголя: уподобися цар- 475
ствіе небесное человѣку, сѣявшу доброе сѣмя на селѣ
своемъ. Спящимъ же человѣкомъ, пріиде врагъ его, и
всѣя плевелы посредѣ пшеницы, и отъиде. Егда же
прозябе трава, и плодъ сотвори, тогда явишася плеве-
ліе. Пришедше же раби господина, рѣша ему: господи,
не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ? Откуду
убо имать плевелы? Онъ же рече имъ: врагъ человѣкъ
сіе сотвори. Раби же рѣша ему: хощеши ли убо, да
шедше исплевемъ я? Онъ же рече: ни; да не когда во-
сторгающе плевелы, восторгнете купно съ ними пше-
ницу. Оставите расти обое купно до жатвы (Матѳ.
XIII, 24—30).**

1. Какая разность между этой притчею и предыдущею? Тамъ Спаситель говорилъ о людяхъ, которые безъ вниманія Его слушали, а отойдя, и самое сѣмя бросили; здѣсь же разумѣетъ еретическія сонмища. Чтобы ученики не смущались и этимъ, Христосъ, послѣ того какъ объяснилъ имъ, для чего говоритъ притчами, предсказываетъ и объ еретикахъ. Первая притча показывала, что слово Его не принято; а второю дается знать, что вмѣстѣ съ словомъ приняты и вредящіе слову. Таково одно изъ ухищреній діавола, что онъ къ самой истинѣ всегда примѣшиваетъ заблужденіе, прикрашивая его разными подобіями истины, чтобы тѣмъ легче обмануть легковѣрныхъ. Вотъ почему и Господь называетъ посѣянное врагомъ не другимъ какимъ сѣменемъ, а плевелами, которые съ виду походятъ нѣсколько на пшеницу. Далѣе объясняетъ способъ злоумышленія: *спящимъ*, говоритъ, *человѣкомъ*. Не малою опасностію угрожаетъ Онъ здѣсь начальникамъ, которымъ преимущественно ввѣрено храненіе нивы,—впрочемъ не однимъ начальникамъ, но и подначальнымъ. Данными словами Онъ показываетъ и то, что заблужденіе приходитъ послѣ истины, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и дѣйствительный опытъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ пророковъ—лжепро- 476
роки, послѣ апостоловъ—лжеапостолы, послѣ Христа—антихристъ. Да и діаволъ, пока не видитъ, къ чему можно поддѣлаться, или надъ кѣмъ ухитриться, ничего не начинаетъ, даже не знаетъ, какъ приступить къ дѣлу. Такъ и теперь, примѣтивъ уже, что *овъ сотвори сто, овъ шестьдесятъ, овъ тридесятъ*, онъ избираетъ для себя новый путь. Такъ какъ онъ не могъ ни похитить укоренившагося, ни заглушить, ни пожечь, то вымышляетъ другого

рода обманъ, именно—всѣваетъ собственныя сѣмена. Но чѣмъ же, скажешь, спящіе отличаются отъ уподобленныхъ пути? Тѣмъ, что тамъ діаволъ похитилъ посѣянное мгновенно, не далъ ему даже и укорениться; а здѣсь ему потребовалось для обольщенія больше хитрости. Указывая на это, Христосъ научаетъ насъ непрестанно бодрствовать. Пусть, говоритъ Онъ, ты избѣгъ прежнихъ бѣдъ; но тебѣ предстоитъ новая. Какъ тамъ бываетъ гибель отъ пути, камней и терній, такъ здѣсь — отъ сна. Нужно слѣдовательно постоянно быть на стражѣ. Потому-то и сказалъ Онъ: *претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ* (Матѳ. x, 22). Нѣчто подобное случилось въ началѣ христіанства. Многіе предстоятели церквей, введя въ нихъ людей лукавыхъ, скрытныхъ ересеначальниковъ, тѣмъ самымъ открыли діаволу легкій путь для совершенія своихъ козней. Послѣ того, какъ онъ всѣялъ такіе плевелы, ему нечего было уже и трудиться. Но какъ, скажешь, возможно пробыть безъ сна? Безъ сна естественнаго — невозможно, а безъ сна произвольнаго—возможно. Потому и Павелъ сказалъ: *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ* (1 Кор. xvi, 13). Далѣе Господь показываетъ, что дѣло діавола есть не только вредное, но и излишнее, потому что онъ сѣетъ послѣ того, какъ нива уже воздѣлана и всѣ работы кончены. Такъ поступаютъ и еретики, которые единственно только по тщеславію впускаютъ свой ядъ.
477 И не въ этихъ только, но и въ послѣдующихъ словахъ Господь продолжаетъ съ точностію описывать поведеніе еретиковъ. *Егда же прозябе трава*, говоритъ Онъ, *и плодъ сотвори, тогда явишася и плевеліе.* Такъ дѣйствуютъ и еретики. Сначала они себя прикрываютъ; когда же пріобрѣтутъ смѣлость и получатъ полную свободу слова, тогда и изливаютъ ядъ. А для чего Господь вводитъ рабовъ, разсказывающихъ о случившемся? Чтобы имѣть случай сказать, что не должно убивать еретиковъ. Діавола же именуетъ врагомъ—человѣкомъ потому, что онъ вредитъ людямъ. Онъ желаетъ вредить намъ, хотя это желаніе произошло не отъ вражды на насъ, а отъ вражды на Бога. Отсюда ясно, что Богъ любитъ насъ больше, нежели мы сами себя. Посмотри и съ другой стороны, какова злоба діавола. Онъ не сѣялъ прежде, потому что нечего было погубить. Но когда уже все засѣяно, сѣетъ и онъ, чтобы испортить стоившее многихъ трудовъ земледѣльцу. Столь сильную вражду обнаружилъ во всемъ противъ Него діаволъ! Замѣть также усердіе слугъ: они сейчасъ же готовы выдергать плевелы, хотя поступаютъ не совсѣмъ осмотрительно. Это показываетъ ихъ заботливость о посѣянномъ; они имѣютъ въ виду не то, чтобы былъ наказанъ всѣявшій плевелы, а единственно то, чтобы не погибло посѣянное господиномъ; въ первомъ не было

нужды, а потому и придумываютъ средство, какъ бы только истребить болѣзнь. Впрочемъ, избравши средство, они не осмѣливаются сами собою привести его въ исполненіе; но ожидаютъ приговора отъ господина, спрашивая его: *хощеши ли?* Что же отвѣчаетъ имъ господинъ? Запрещаетъ, говоря: *да не когда восторгнете съ ними купно пшеницу.* Этими словами Христосъ запрещаетъ войны, кровопролитія и убійства. И еретика убивать не должно, иначе это дастъ поводъ къ непримиримой войнѣ во вселенной.

2. Итакъ, Онъ останавливаетъ ихъ въ исполненіи предпринятаго намѣренія, по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, для того, чтобы не повредить пшеницу; а во вторыхъ, потому что всѣ неисцѣльно зараженные сами по себѣ подвергнутся наказанію. Поэтому, если хочешь, чтобъ они были наказаны, и притомъ безъ поврежденія пшеницы, то ожидай опредѣленнаго къ тому времени. Но что разумѣлъ Господъ, сказавъ: *да не восторгнете съ ними купно пшеницу?* Или то, что принявшись за оружіе и убивая еретиковъ, неминуемо истребите съ ними многихъ святыхъ; или то, что многіе изъ этихъ самыхъ плевелъ могутъ перемѣниться и сдѣлаться пшеницею. Слѣдовательно, если вы,—говоритъ Онъ,—искорените ихъ преждевременно, то лишивъ жизни людей, которымъ было еще время перемѣниться и исправиться, истребите то, что могло бы стать пшеницею. Итакъ, Господь не запрещаетъ обуздывать еретиковъ, заграждать имъ уста, сдерживать ихъ дерзость, нарушать ихъ сходбища и заговоры; но запрещаетъ ихъ истреблять и убивать. И замѣть, какова кротость Господа: Онъ не просто объявляетъ приговоръ Свой, не просто повелѣваетъ, но излагаетъ вмѣстѣ и причины. Что же будетъ, если плевелы соблюдутся до конца? Тогда *реку жателемъ: соберите первѣе плевелы, и свяжите ихъ въ снопы, яко сожещи я.* Опять приводитъ на память ученикамъ слова Іоанновы, въ которыхъ Онъ изображенъ Судіею, и вразумляетъ, что должно щадить плевелы, доколѣ они растутъ подлѣ пшеницы, потому что для нихъ возможно еще стать пшеницею. Если же еретику случится умереть безъ всякого плода, то необходимо постигнетъ его неизбѣжное наказаніе. *Реку жателемъ,* говоритъ Господь, *соберите первѣе плевелы.* Для чего же *первѣе?* Чтобы ученикамъ не 478
подать случая къ опасенію, что вмѣстѣ съ плевелами выдергана будетъ пшеница. *И свяжите ихъ въ снопы, яко сожещи я; а пшеницу соберите въ житницу. Ину притчу предложи имъ, глаголя: подобно есть царствіе небесное зерну горушичну* (ст. 3). Такъ какъ Господь сказалъ, что три части посѣяннаго погибаетъ, а одна спасается, да и въ самой спасаемой бываетъ великое поврежденіе, то, преду-

преждая вопросъ учениковъ: кто же и въ какомъ числѣ будутъ вѣрные? уничтожаетъ ихъ страхъ, обращая ихъ къ вѣрѣ притчею о зернѣ горчичномъ, въ которой показываетъ, что проповѣдь распространится повсюду. Поэтому-то и предлагаетъ весьма подходящій къ предмету рѣчи образъ горчичнаго зерна. *Еже мальйше убо есть отъ всѣхъ сѣменъ*, говоритъ Онъ, *егда же возрастетъ, болѣе всѣхъ зелій есть, и бываетъ древо, яко пріити птицамъ небеснымъ и витати на вѣтвехъ его* (ст. 32). Этимъ Господь хотѣлъ показать образъ распространенія проповѣди. Точно то же самое, говоритъ Онъ, будетъ и съ проповѣдію. Хотя ученики Его были всѣхъ безсильнѣе, всѣхъ уничиженнѣе, но такъ какъ сила, въ нихъ сокровенная, была велика, то она распростерлась по всей вселенной. Далѣе къ этому образу Господь присовокупилъ еще подобіе закваски, говоря: *подобно есть царствіе небесное квасу, егоже вземши жена скры въ сатѣхъ трехъ муки, дондеже вскисоша вся* (ст. 33). Какъ закваска надъ большимъ количествомъ муки производитъ то, что мукѣ усвоивается сила закваски, такъ и вы преобразуете цѣлый міръ. Обрати вниманіе на смыслъ: Господь избираетъ для образа то, что бываетъ въ природѣ, чтобы показать, что слово Его такъ же непреложно, какъ и видимое въ природѣ происходитъ по необходимымъ законамъ. „Не говори мнѣ: что сможемъ сдѣлать мы, двѣнадцать человѣкъ, вступивъ въ среду такого множества людей? Въ томъ самомъ и обнаружится яснѣе ваша сила, что вы, вмѣшанные во множество, не предадитесь бѣгству. Какъ закваска тогда только заквашиваетъ тѣсто, когда бываетъ въ соприкосновеніи съ мукою, и не только прикасается, но даже смѣшивается съ нею (потому и не сказано—положи, но—*скры*), такъ и вы, когда вступите въ неразрывную связь и единеніе со врагами своими, тогда ихъ и преодолѣете. И какъ закваска, будучи засыпана мукою, въ ней не теряется, но въ скоромъ времени всему смѣшенію сообщаетъ собственное свойство, такъ точно произойдетъ и съ проповѣдію. Итакъ, не страшитесь, что Я сказалъ о многихъ напастяхъ: и при нихъ вы просіяете и всѣхъ преодолѣете." Подъ тремя же сатами Господь разумѣетъ здѣсь многія саты, такъ какъ число это обыкновенно употребляетъ для означенія множества. Не дивись также и тому, что, бесѣдуя о царствѣ, Онъ упоминаетъ о зернѣ и закваскѣ. Онъ бесѣдовалъ съ людьми неискусными и малоучеными, которыхъ къ высокому надлежало возводить посредствомъ низкихъ предметовъ, и которые были такъ просты, что при всемъ томъ имѣли еще нужду во многихъ поясненіяхъ. Итакъ, гдѣ сыны эллинскіе? Да уразумѣютъ силу Христову, имѣя предъ очами истину событій! Да поклонятся Господу и какъ предрекшему такое дѣло, и какъ совершившему

его! Онъ одинъ вложилъ силу въ закваску. Для того Онъ и вѣрующихъ въ Него вмѣшалъ во множество, чтобы мы передавали другимъ свое разумѣніе. Итакъ, пусть никто не жалуется на ску- 479
дость: велика сила проповѣди; однажды вскиснувшее само дѣлается закваскою для прочаго. Какъ искра, когда коснется дровъ, зажженное ею дѣлаетъ новымъ источникомъ огня, и такимъ образомъ простирается дальше и дальше,—такъ и проповѣдь. Но Господь сказалъ не объ огнѣ, а о закваскѣ. Почему же? Потому что тамъ не все зависитъ отъ огня, но многое и отъ зажженныхъ дровъ; здѣсь же закваска все производитъ сама собою. Если же двѣнадцать человѣкъ заквасили цѣлую вселенную, то размысли, какъ мы худы, когда, не смотря на всю свою многочисленность, не можетъ исправить оставшихся, мы, которыхъ по надлежащему было бы довольно стать закваскою для тысячи міровъ!

3. Но то, скажешь, были апостолы. Что же изъ того? Не находились ли они въ одинаковыхъ съ тобою обстоятельствахъ? Не въ обществахъ ли жили? Не ту же ли несли участь, не занимались ли ремеслами? Развѣ ангелы они были? Развѣ съ неба сошли? Но, скажешь, они имѣли даръ чудотворенія. Но не по чудотвореніямъ они сдѣлались сами чудными. И долго ли эти чудеса будутъ служить для насъ прикрытіемъ нашего нерадѣнія? Посмотри на цѣлый сонмъ святыхъ, просіявшихъ не чудесами. Многіе изгоняли даже бѣсовъ, но потому, что творили беззаконіе, не только не сдѣлались чудными, но еще подверглись и наказанію. Что же такое, спросишь, содѣлало апостоловъ великими? Пренебреженіе богатства, презрѣніе славы, свобода отъ житейскихъ попеченій. Если бы не имѣли они этого, но оставались рабами страстей, то хотя бы и тьмы мертвецовъ воскресили, не только бы не принесли никакой пользы, но сочтены были бы еще и обманщиками. Итакъ, одна жизнь блистаетъ всюду; ею только привлекается и благодать Духа. Какое знаменіе сотворилъ Іоаннъ, привлекшій къ себѣ многіе города? Что онъ не чудодѣйствовалъ, о томъ послушай евангелиста, говорящаго: *яко Іоаннъ убо знаменія не сотвори ни единаго* (Іоан. x, 41). Отчего и Илія содѣлался чуднымъ? Не отъ дерзновенія ли предъ царемъ? Не отъ ревности ли по Богѣ? Не отъ нищеты ли, не отъ милоти ли, пещеры и горъ? Чудеса сотворены имъ уже послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ. Чудомъ ли какимъ Іовъ изумилъ діавола? Никакихъ чудесъ не творилъ онъ, а показалъ блистательную жизнь и терпѣніе, тверже адаманта. Какое знаменіе сотворилъ Давидъ, находясь еще въ юности, когда Богъ сказалъ о немъ: *обрѣтохъ Давида, сына Іессеева, мужа по сердцу Моему* (Дѣян. xiii, 22)? И Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ воскресили ли кого изъ мертвыхъ? Очистили ли кого отъ проказы? Знаешь ли, что даръ

чудотворенія, при нашей безпечности, можетъ часто даже вредить? Такъ многіе изъ коринөянъ впали въ расколы; многіе изъ римлянъ возгордились; Симонъ изверженъ, и пожелавшій идти за Христомъ оказался недостойнымъ, услышавъ, что *лиси язвины имуть, и птицы небесныя гнѣзда* (Лук. IX, 58). Всѣ они, желая себѣ отъ чудотворенія или денегъ или славы, отпали и погибли. Но ревностная жизнь и любовь къ добродѣтели не только не раждаютъ такого желанія, но, если бы оно и было, истребляютъ его. И что говорилъ Христосъ, когда изрекалъ законы ученикамъ Своимъ? Сказалъ ли: творите чудеса, чтобы видѣли человѣки?
480 Совсѣмъ нѣтъ! Такъ что же? *Да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрыя дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матө. V, 16). И Петру не сказалъ: если любишь Меня, то твори чудеса; но—*паси овцы Моя* (Іоан. XXI, 17). И если его съ Іаковомъ и Іоанномъ Господь всегда предпочиталъ прочимъ апостоламъ, то скажи мнѣ, за что такое предпочтеніе? За чудеса ли? Но всѣ они одинаково очищали прокаженныхъ, воскрешали мертвыхъ; всѣмъ равно Господь далъ всякую власть. Въ чемъ же было ихъ преимущество? Въ душевной доблести. Итакъ видишь, вездѣ потребна жизнь и явленіе дѣлъ. *Отъ плодъ бо ихъ*, говоритъ Господь, *познаете ихъ* (Матө. VII, 16).

4. Что же составляетъ жизнь нашу? Явленіе ли чудесъ, или заботливость о благоустройствѣ поведенія? Очевидно, что последнее. Чудотворенія же и начало отсюда заимствуютъ, и конецъ свой здѣсь же имѣютъ. Кто ведетъ превосходную жизнь, тотъ привлекаетъ къ себѣ и благодать чудотворенія. А пріемлющій благодать пріемлетъ для того, чтобы исправлять жизнь другихъ. И Христосъ творилъ чудеса Свои для того, чтобы чрезъ нихъ явясь достойнымъ вѣры и привлекши къ Себѣ людей, ввести въ міръ добродѣтель. Объ этомъ-то преимущественно Онъ и заботится. Вотъ почему Онъ и не довольствуется одними чудесами, но то угрожаетъ геенною, то обѣщаетъ царствіе, то предписываетъ чудные Свои законы и употребляетъ всѣ способы къ тому, чтобы содѣлать насъ равными ангеламъ. Но что говорить о Христѣ? Онъ ли одинъ все творитъ съ такою цѣлію? Скажи мнѣ самъ ты: если бы дали тебѣ на выборъ—или воскрешать мертвыхъ во имя Его, или умереть за имя Его, что бы ты охотнѣе избралъ? Не послѣднее ли безъ всякаго сомнѣнія? Но первое было бы чудо, а послѣднее есть дѣло. И если бы предложили тебѣ—или траву превращать въ золото, или имѣть такую силу воли, чтобы всякое богатство попирать, какъ траву, не избралъ ли бы ты скорѣе послѣднее? И весьма справедливо. Такимъ выборомъ ты больше привлечешь къ себѣ людей. Увидѣвъ траву

превращаемую въ золото, они сами пожелаютъ имѣть такую же силу, подобно Симону; а чрезъ то увеличится ихъ любостяжательность. Напротивъ, если бы видѣли, что всѣ попираютъ и презираютъ золото, какъ траву, то давно бы избавились отъ этой болѣзни.

Итакъ видишь ли, что жизнь можетъ приносить больше
пользы? Жизнію же называю не то, когда ты постишься, когда
подстилаешь вретище и пепелъ, но то, когда ты пренебрегаешь
богатствомъ, какъ пренебрегать имъ должно, когда избыточе-
ствуешь въ любви, даешь хлѣбъ свой алчущему, сдерживаешь
гнѣвъ, отвергаешь тщеславіе, истребляешь въ себѣ зависть. Та-
кой урокъ преподанъ намъ отъ Христа. *Научитеся*, говоритъ Онъ,
отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ (Матѳ. xi, 29). Не го-
воритъ: Я постился,—хотя бы могъ упомянуть о сорокадневномъ
постѣ; но, умалчивая объ этомъ, указываетъ только, *яко кротокъ*
есмь и смиренъ сердцемъ. И опять, посылая учениковъ, не сказалъ:
поститесь; но—*ядите предлагаемое вамъ* (Лук. x, 8). Между тѣмъ
требуетъ, чтобы они всячески береглись любостяжанія, говоря:
не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ (Матѳ.
x, 9). Говорю это не въ охужденіе поста: да не будетъ того! На-
противъ, весьма одобряю постъ. Скорблю только, когда вы, пре-
зрѣвъ всѣ прочія добродѣтели, достаточною для вашего спасенія
почитаете ту, которая занимаетъ послѣднее мѣсто въ ликѣ до-
бродѣтелей. Важнѣйшія же изъ нихъ: любовь, кротость и мило- 481—485
стыня, превосходящая даже дѣвство. Итакъ, если хочешь сдѣ-
латься равнымъ апостоламъ,—ничто не препятствуетъ. Довольно
для тебя выполнить одну только добродѣтель милостыни, чтобы
ни въ чемъ не быть скуднѣе апостоловъ. Никто поэтому не дол-
женъ откладывать подвиговъ въ добродѣтели до полученія дара
чудотворенія. Если демонъ мучится, когда его изгонятъ изъ
тѣла, то гораздо больше мучится, когда видитъ душу освобож-
денную отъ грѣха. Подлинно, грѣхъ есть главная сила демон-
ская; по причинѣ грѣха умеръ Христосъ, чтобы разрушить его;
грѣхомъ введена смерть; чрезъ грѣхъ все превращено. Если ты
истребилъ въ себѣ грѣхъ, ты подрѣзалъ жилы діаволу, стеръ
главу его, разрушилъ всю его силу, разсыпалъ воинство, сотво-
рилъ чудо, всѣхъ чудесъ большее. Не мое это слово, но бла-
женнаго Павла, который, сказавъ: *ревнуйте дарованій большихъ, и*
еще по превосхожденію путь вамъ показую (1 Кор. xii, 31), представ-
ляетъ не даръ чудотвореній, но любовь—корень всякаго добра.
Итакъ, если мы будемъ упражняться въ любви и въ прочемъ
любомудріи, на ней основанномъ, то не будемъ имѣть никакой
нужды въ чудотвореніяхъ; напротивъ, если не будемъ упраж-

няться въ любви, то не получимъ никакой пользы отъ чудотвореній. Помышляя о всемъ этомъ, поревнуемъ тому, чрезъ что апостолы содѣлались великими. А хочешь ли знать, чрезъ что они содѣлались великими? Послушай Петра, говорящаго: *се мы оставихомъ вся, и вслѣдъ Тебе идохомъ; что убо будетъ намъ* (Матѳ. XIX, 27)? Послушай также и Христа, отвѣщающаго ученикамъ: *сядете на двоюнадесяти престолу.* И *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или отца, или матерь, сторицею пріиметъ въ вѣкъ семъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (ст. 28, 29). Итакъ, удаливъ отъ себя всѣ житейскія попеченія, посвятимъ себя Христу, чтобы намъ и содѣлаться равными апостоламъ по опредѣленію Его, и сподобиться вѣчной жизни, которую да получимъ всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVII.

431 **Сія вся глагола Іисусъ въ притчахъ народомъ, и безъ притчи ничесоже глаголаше къ нимъ. Яко да сбудется реченное пророкомъ, глаголющимъ: отверзу въ притчахъ уста Моя, отрыгну сокровенная отъ сложенія міра (Матѳ. XIII, 34, 35).**

1. Евангелистъ Маркъ говоритъ, что Христосъ проповѣдывалъ имъ слово въ притчахъ, *якоже можаху слышати* (Марк. IV, 33). Но евангелистъ Матѳей, чтобы показать, что проповѣдывать въ притчахъ не есть что-либо новое, приводитъ пророка, которымъ предсказанъ этотъ способъ ученія, и вмѣстѣ, чтобы открыть намъ намѣреніе Христово, съ какимъ Онъ бесѣдовалъ въ притчахъ, именно—не то, чтобы оставить слушателей въ невѣдѣніи, но то, чтобы возбудить ихъ къ вопросамъ,—присовокупляетъ: *и безъ притчи ничесоже глаголаше къ нимъ.* Хотя Христосъ о многомъ говорилъ безъ притчи, но въ настоящемъ случаѣ безъ притчи Онъ ничего не говорилъ. И однако же никто не вопрошалъ Его,—хотя часто вопрошали пророковъ, какъ-то, Іезекіиля и многихъ другихъ. Теперь не предложили ему ни одного вопроса, хотя сказаннаго достаточно было къ тому, чтобы озаботить слушателей и побудить къ вопросамъ. Даже угроза величайшимъ наказаніемъ, высказанная въ притчахъ, не произвела на слушателей никакого впечатлѣнія. Вотъ почему Господь оставилъ ихъ и ушелъ. *Тогда*, говоритъ евангелистъ, *оставль народы, пріиде въ домъ* свой *Іисусъ* (ст. 36). И ни одинъ изъ книжниковъ не слѣдуетъ за Нимъ. Отсюда видно, что они слѣдовали за

Христомъ единственно съ намѣреніемъ уловить Его въ словѣ. Но такъ какъ теперь они не понимали того, что было говорено, то Господь оставилъ ихъ. И приступаютъ ученики Его съ вопросомъ о притчѣ плевелъ (ст. 36). Доселѣ хотя они и желали узнать, но боялись спрашивать. Откуда же теперь явилась у нихъ смѣлость? Они слышали: *яко вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго* (Матѳ. XIII, 11), и осмѣлились. Потому и спрашиваютъ наединѣ, не изъ зависти къ народу, но исполняя законъ Владыки, Который сказалъ: *онѣмъ же не дано есть*. Но почему, оставивъ притчу о закваскѣ и о горчичномъ сѣмени, они спрашиваютъ именно о притчѣ плевелъ? Тѣ притчи оставлены ими, какъ вразумительнѣйшія. Изъясненіе же этой притчи желаютъ слышать потому, что она имѣетъ близкое отношеніе къ сказанной передъ нею, причемъ намекаетъ на нѣчто большее, чѣмъ прежняя (Христосъ не сказалъ бы одной и той же притчи дважды). Они видѣли уже, что въ послѣдней притчѣ заключается великая угроза. Потому и Господь не только не укоряетъ ихъ, 482
но и пополняетъ сказанное прежде. И о чемъ неоднократно замѣчалъ я, что притчей не должно принимать буквально,—иначе можно придти ко многимъ несообразностямъ,—тому же самому и Господь научаетъ теперь насъ, въ изъясненіи притчи отступая отъ буквы. Онъ не говоритъ, кто таковы пришедшіе къ господину рабы. Но давая разумѣть, что они введены только для сообразности и полноты изображенія, опускаетъ эту часть притчи, и изъясняетъ только нужнѣйшее и самое существенное—то самое, для чего притча произнесена,—дабы показать, именно, что Онъ есть Судія и Господь вселенной. *И отвѣщавъ*, говоритъ евангелистъ, *рече имъ: сѣявый доброе сѣмя, есть Сынъ человѣческій. А село есть міръ; доброе же сѣмя, сіи суть сынове царствія; а плевелы сынове непріязненніи. А врагъ, всѣявый ихъ, есть діаволъ; а жатва, кончина вѣка есть; а жатели, ангели суть. Яко убо собираютъ плевелы, и огнемъ сожигаютъ, тако будетъ въ скончаніе вѣка сего. Послетъ Сынъ человѣческій ангелы Своя, и соберутъ отъ царствія Его вся соблазны, и творящихъ беззаконіе. И вверīутъ ихъ въ пещь огненну; ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ. Тогда праведницы просвѣтятся яко солнце, въ царствіи Отца ихъ* (ст. 37—43). Итакъ, если самъ Онъ есть Сѣятель, сѣетъ на собственномъ полѣ и съ Своего царства собираетъ, то ясно, что настоящій міръ Ему принадлежитъ. Размысли же, какъ неизреченно Его человѣколюбіе, какъ Онъ готовъ благотворить и какъ далекъ отъ того, чтобы наказывать! Когда сѣетъ, то сѣетъ самъ; когда же наказываетъ, то наказываетъ чрезъ другихъ, именно чрезъ ангеловъ. *Тогда праведницы просвѣтятся яко солнце, въ царствіи Отца ихъ*. Это не значитъ, что

они будутъ свѣтиться, точно какъ солнце. Но такъ какъ мы не знаемъ другого свѣтила, которое было бы блистательнѣе солнца, то Господь употребляетъ образы для насъ извѣстные. Въ другихъ мѣстахъ Христосъ говоритъ, что жатва уже наступила; такъ напримѣръ, когда говоритъ о самарянахъ: *возведите очи ваши*
488 *и видите нивы, яко плавы суть къ жатвѣ уже* (Іоан. IV, 35). И еще: *жатва убо многа, дѣлателей же мало* (Лук. X, 2). Итакъ, почему же сказалъ Онъ тамъ, что жатва уже наступила, а здѣсь говоритъ, что жатва еще будетъ? Потому, что слово *жатва* беретъ въ разныхъ значеніяхъ. Почему также, сказавши въ другомъ мѣстѣ: *инъ есть сѣяй, и инъ есть жняй* (Іоан. IV, 37), здѣсь говоритъ, что сѣющій есть самъ Онъ? Потому что тамъ, говоря предъ іудеями и самарянами, противополагаетъ апостоловъ не Себѣ, но пророкамъ, такъ какъ Онъ сѣялъ и чрезъ пророковъ. Точно также иногда одно и то же Онъ называетъ и жатвою и сѣяніемъ, принимая эти слова въ разныхъ отношеніяхъ.

2. Когда Онъ разумѣетъ благопокорность и послушливость слушателей, тогда, какъ окончившій свое дѣло, называетъ это жатвою. Когда же ожидаетъ еще только плода отъ слышанія, тогда именуетъ это сѣяніемъ, а кончину—жатвою. А какъ въ другомъ мѣстѣ сказано, что праведники восхищены будутъ первые (1 Сол. IV, 16)? Точно, они первые восхищены будутъ въ пришествіе Христово. Но сперва грѣшные преданы будутъ наказанію, а потомъ уже праведные внидутъ въ царство небесное. Праведникамъ точно надлежитъ быть на небѣ, и Господь придетъ на землю, будетъ судить всѣхъ людей, произнесетъ надъ ними приговоръ; потомъ, подобно нѣкоему царю, возставши съ Своими друзьями, поведетъ ихъ въ блаженное наслѣдіе. Видишь ли, что наказаніе будетъ сугубое: должны будутъ горѣть—и видѣть себя отчужденными отъ славы? Но для чего же наконецъ, когда народъ разошелся, и съ апостолами Христосъ бесѣдуетъ въ притчахъ? Для того, что они, будучи вразумлены сказаннымъ прежде, могли уже понимать притчи. Потому-то, когда по произнесеніи притчей Онъ спрашиваетъ ихъ: *разумѣете ли сія вся?* они отвѣчаютъ: *ей, Господи* (Матѳ. XIII, 51)! Такимъ образомъ притча, кромѣ прочаго, произвела и то, что апостоловъ содѣлала проницательными. Что же Господь говоритъ далѣе? *Подобно есть царствіе небесное сокровищу сокровену на селѣ, еже обрѣтъ человѣкъ скры: и отъ радости его вся, елика иматъ, продаетъ, и купуетъ село то. Паки подобно есть царствіе небесное человѣку купцу, ищущу добрыхъ бисерей, иже обрѣтъ единъ многоцѣненъ бисеръ, шедъ продаде вся, елика имяше и купи его* (ст. 44—46). Какъ выше горчичное зерно и закваска имѣютъ малую разность между собою, такъ и здѣсь сходны двѣ

притчи о сокровищѣ и о бисерѣ. Обѣими этими притчами показывается то, что проповѣдь должно всему предпочитать. Въ притчахъ о закваскѣ и о горчичномъ зернѣ говорится о могуществѣ проповѣди и о томъ, что она совершенно побѣдитъ вселенную. Настоящія же притчи показываютъ важность и многоцѣнность проповѣди. Подлинно она расширяется подобно горчичному дереву, превозмогаетъ, подобно закваскѣ, многоцѣнна какъ бисеръ и доставляетъ безчисленныя удобства, подобно сокровищу.

Отсюда мы научаемся тому, что надобно не только прилежать къ проповѣди, отрѣшившись отъ всего прочаго, но что даже должно это дѣлать съ радостію. И отрекающійся отъ своего имѣнія долженъ знать, что это есть пріобрѣтеніе, а не потеря. Видишь ли, и какъ проповѣдь сокрыта въ мірѣ, и сколько въ проповѣди сокрыто благъ? Если не продашь всего, то не купишь; и если не имѣешь ищущей и заботливой души, то не найдешь. Итакъ для тебя необходимо, во-первыхъ, отказаться отъ 484
житейскихъ попеченій, и во-вторыхъ, быть весьма бдительнымъ. Сказано: *ищущу добрыхъ бисерей, иже обрѣтъ единъ многоцѣненъ бисеръ, продаде вся и купи его*. Одна есть истина, – и она не многосложна. Какъ обладающій бисеромъ самъ знаетъ, что онъ богатъ, но для другихъ часто бываетъ неизвѣстно, что у него въ рукахъ бисеръ, потому что онъ не великъ,—такъ можно сказать и о проповѣди: обладающіе ею знаютъ, что они богаты, но невѣрующіе, не понимая цѣны этого сокровища, не знаютъ о нашемъ богатствѣ. Но чтобы мы не слишкомъ полагались на одну проповѣдь, и чтобы не подумали, что одной вѣры достаточно намъ ко спасенію, Господь произноситъ новую грозную притчу. Какую же именно? Притчу о неводѣ. *Подобно есть царствіе небесное неводу, вверженну въ море, и отъ всякаго рода собравшу. Иже егда исполнися, извлекоша и на край, и сѣдше избраша добрыя въ сосуды, а злыя извергоша вонъ* (ст. 47, 48). Чѣмъ различается эта притча отъ притчи о плевелахъ? И тамъ одни спасаются, а другіе погибаютъ. Но тамъ одни погибаютъ отъ принятія вредныхъ ученій, а другіе, о которыхъ сказано выше, отъ невниманія къ слову (Божію); здѣсь же причиною погибели бываетъ порочная жизнь. Такъ погибающіе всѣхъ несчастнѣе: они и познаніе пріобрѣли, и уловлены были, но при всемъ томъ не могли спастись. Въ другихъ мѣстахъ говорится, что отдѣляетъ самъ Пастырь; здѣсь же приписыется это ангеламъ, какъ и въ притчѣ о плевелахъ. Что же это значитъ? То, что Господь бесѣдуетъ съ учениками иногда менѣе, а иногда болѣе возвышенно. И эту притчу изъясняетъ Онъ не по просьбѣ учениковъ, а по собственному изволенію; притомъ истолковалъ одну часть ея, и тѣмъ увеличилъ

страхъ. Чтобы ты, слыша, что злыхъ извергли только вонъ, не почелъ такой гибели еще не опасною, Христосъ въ изъясненіи указываетъ образъ наказанія, говоря, что *ввергнуть въ пещь*, гдѣ будетъ скрежетъ зубовъ и несказанное мученіе. Видишь ли, сколько путей къ погибели? Камень, тернія, путь, плевелы, неводъ. Итакъ, не напрасно сказано, что *широкій есть путь вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ* (Матѳ. VII, 13). Послѣ того Господь, заключивъ рѣчь Свою угрозою и присовокупивъ многое тому подобное (потому что Онъ особенно занялся этимъ предметомъ), спрашиваетъ апостоловъ: *разумѣете ли сія вся? Глаголаша ему: ей Господи* (ст. 51)! И за такую понятливость снова восхваляетъ ихъ, говоря: *сего ради всякъ книжникъ, научився царствію небесному, подобенъ есть человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая* (ст. 52). Подобно этому сказалъ Онъ и въ другомъ мѣстѣ: *послю къ вамъ премудры и книжники* (Матѳ. XXIII, 34).

3. Видишь ли, что Христосъ не исключаетъ ветхій завѣтъ, но хвалитъ и превозноситъ, называя его сокровищемъ? Итакъ, несвѣдующіе въ божественныхъ писаніяхъ не могутъ быть названы людьми домовитыми: они и сами у себя ничего не имѣютъ, и отъ другихъ не заимствуются, но, томясь голодомъ, нерадятъ
485 о себѣ. Впрочемъ не они только, но и еретики лишены этого блаженства, потому что изъ сокровища своего не выносятъ ни стараго, ни новаго. У нихъ даже нѣтъ стараго, а потому нѣтъ и новаго. Равно не имѣющіе новаго не имѣютъ и стараго, но лишены и того и другого, потому что новое и старое соединено и связано между собою. Итакъ, всѣ мы, нерадящіе о чтеніи писаній, послушаемъ, какой терпимъ отъ этого вредъ и какую скудность. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы приведемъ въ благоустройство дѣла свои, если не знаемъ тѣхъ самыхъ законовъ, по которымъ должно приводить ихъ въ благоустройство? Богачи, влюбленные до безумія въ богатство, часто выколачиваютъ свои одежды, чтобы ихъ не подъѣла моль. А ты, видя въ себѣ забвеніе, губительнѣе моли, повреждающее твою душу, не прибѣгаешь къ Писанію, не истребляешь въ себѣ язвы, не украшаешь своей души, не вглядываешься пристально въ образъ добродѣтели, не разсматриваешь членовъ и ея главы. И дѣйствительно, добродѣтель имѣетъ и главу и члены, благолѣпнѣйшіе всякаго стройнаго и красиваго тѣла. Что такое, спросишь, глава добродѣтели? Смиренномудріе. Потому и Христосъ начинаетъ съ смиренномудрія, говоря: *блажени нищіи* (Матѳ. V, 3). Вотъ глава добродѣтели! Она не имѣетъ ни волосъ, ни кудрей, но такъ прекрасна, что привлекаетъ самого Бога. *На кого воззрю*, говоритъ Онъ, *токмо на кроткаго и* смиреннаго *и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. LXVI, 2)?

И еще: *очи Мои на* кроткія *земли* (Псал. LXXV, 10; C, 6). И еще: *близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ* (Псал. XXXIII, 19). Глава эта, вмѣсто волосъ и косы, приноситъ жертвы благопріятныя Богу: Она—золотой жертвенникъ и духовный алтарь. *Жертва Богу духъ сокрушенъ* (Псал. L, 19). Она—матерь премудрости. Кто ее имѣетъ, тотъ и все прочее имѣть будетъ. Итакъ, видишь ли главу, какой ты никогда еще не видывалъ? Хочешь ли видѣть, или лучше, узнать и лице добродѣтели? Всмотрись же сперва въ его румяный, красивый и весьма пріятный цвѣтъ, а потомъ узнай, отъ чего послѣдній происходитъ. Отчего же именно? Отъ того, что добродѣтель стыдлива и всегда краснѣетъ. Потому и сказалъ нѣкто: *прежде стыдливаго предваряетъ благодать* (Иис. Сир. XXXII, 12). Это сообщаетъ большую красоту и всѣмъ прочимъ членамъ. И хотя бы ты смѣшалъ тысячи цвѣтовъ, все не произведешь такой лѣпоты. Если хочешь видѣть и глаза добродѣтели, то посмотри: они тщательно очертаны скромностію и цѣломудріемъ. Оттого-то они такъ прекрасны и проницательны, что видятъ самого Господа. *Блажени чистіи сердцемъ*, говоритъ Онъ, *яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. V, 8). Уста же добродѣтели суть премудрость, и разумъ, и знаніе духовныхъ пѣснопѣній. Сердце ея есть глубокое вѣдѣніе Писаній, соблюденіе истинныхъ догматовъ, человѣколюбіе и добродушіе. И какъ безъ сердца невозможно жить, такъ безъ исчисленнаго теперь невозможно спастись. Отсюда рождается все доброе. У добродѣтели есть также свои руки и ноги—явленіе добрыхъ дѣлъ. Есть у нея и душа—благочестіе. Есть у нея золотая и тверже адаманта грудь—мужество. Легче все одолѣть, чѣмъ сокрушить эту грудь. Наконецъ духъ, пребывающій въ мозгу и въ сердцѣ,—любовь.

4. Хочешь ли, покажу тебѣ образъ добродѣтели и въ самыхъ дѣлахъ? Представь этого самаго евангелиста (Матѳея). Хотя мы и не имѣемъ полнаго описанія жизни его, однако и въ немногомъ можно видѣть блистательное его изображеніе. Что онъ былъ смиренъ и сокрушенъ сердцемъ, о томъ слышишь отъ него самого, когда онъ въ евангеліи называетъ себя мытаремъ.
Что онъ былъ милостивъ, заключай изъ того, что отвергся всего 486
и послѣдовалъ за Іисусомъ. Что онъ былъ благочестивъ, это явно изъ ученій его. И по написанному имъ евангелію не трудно также судить о разумѣ его и о любви, потому что трудился для цѣлаго міра. Доказательствомъ добрыхъ дѣлъ его служитъ престолъ, на которомъ онъ имѣетъ возсѣсть. Мужество же видно изъ того, что отъ лица синедріона онъ возвратился радуясь. Итакъ, поревнуемъ такой добродѣтели, особенно же смиренномудрію и милостынѣ, безъ которыхъ невозможно спастись. До-

казательство тому—пять дѣвъ, равно какъ и фарисей. Безъ дѣвства можно видѣть царствіе; а безъ милостыни никакой нѣтъ къ тому возможности. Милостыня всего нужнѣе, въ ней все заключается. Потому-то мы не безъ причины назвали ее сердцемъ добродѣтели. Но и самое сердце скоро умираетъ, если не сообщаетъ всему духа;—подобно какъ загниваетъ источникъ, если нѣтъ изъ него постояннаго стока. То же случается и съ богатыми, когда они удерживаютъ у себя свое имущество. Потому-то вошло и въ общую поговорку: много добра гніетъ у такого-то; напротивъ не говоримъ, что у него большее изобиліе, несмѣтное сокровище. И обладающіе богатствомъ, и самое богатство подвержены гніенію. Одежды лежа ветшаютъ, золото ржавѣетъ, пшеницу изъѣдаютъ черви. Душа же обладающаго всѣмъ этимъ больше всего ржавѣетъ и сгниваетъ отъ заботъ. И если хочешь вывести на позоръ еще душу сребролюбца, то найдешь, что она, подобно одеждѣ, которая изъѣдена тысячами червей, и на которой не осталось цѣлаго мѣста, вся также источена заботами сгнила и проржавѣла отъ грѣховъ. Не такова душа убогаго, убогаго произвольно. Она сіяетъ какъ золото, блеститъ какъ жемчужина, цвѣтетъ какъ роза. Къ ней не прикасается ни моль, ни воръ, ни попеченіе житейское. Точно какъ ангелы живутъ убогіе. Хочешь ли видѣть красоту такой души? Хочешь ли узнать богатство нищеты? Душа убогаго не повелѣваетъ мужами, но повелѣваетъ демонами; не предстоитъ царю, но предстала Богу; не воинствуетъ съ человѣками, но воинствуетъ съ ангелами; не имѣетъ одного, двухъ, трехъ, двадцати сундуковъ, но имѣетъ такое изобиліе, что цѣлый міръ вмѣняетъ ни во что. Она не имѣетъ сокровища, но имѣетъ небо; не нуждается въ рабахъ,—напротивъ, ей раболѣпствуютъ помыслы, обладающіе царями. Помыслъ, владѣющій облеченнымъ въ багряницу, до такой степени боится бѣдняка, что не смѣетъ поднять и глазъ своихъ. Произвольно убогій и надъ царскимъ вѣнцемъ, и надъ золотомъ, и надъ всѣмъ тому подобнымъ смѣется, какъ надъ дѣтскими игрушками. Все это кажется ему столь же презрѣннымъ, какъ и колесца, и кости, и камешки, и мячи. Онъ имѣетъ такое украшеніе, котораго не могутъ даже видѣть забавляющіеся этими игрушками. Итакъ, что же лучше этого убогаго? Ему подножіемъ служитъ небо; а если таково подножіе, то самъ разсуди, что ему служитъ покровомъ. Скажешь, что нѣтъ у него коней и колесницъ? Но ему какая въ томъ нужда, когда онъ имѣетъ шествовать на облакахъ и быть со Христомъ? Итакъ, размысливши объ этомъ, и мужи и жены, взыщемъ этого богатства, этого неиждиваемаго имущества, да сподобимся получить царствіе

небесное по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVIII.

И бысть, егда сконча Іисусъ притчи сія, прейде оттуду (Матѳ. XIII, 53). 487

1. Для чего присовокуплено: *сія?* Для того, что Господь намѣревался сказать еще другія притчи. А для чего переходитъ Онъ на другое мѣсто? Для того, что хочетъ сѣять слово повсюду. *И пришедъ въ отечествіе Свое, учаше ихъ на сонмищи ихъ* (ст. 54). Какое же отечество Христа разумѣетъ здѣсь евангелистъ? Думаю, что Назаретъ,—потому что сказано: *не сотвори ту силъ многихъ* (ст. 58). Въ Капернаумѣ же Господь творилъ чудеса, почему и сказалъ: *и ты Капернауме, иже до небесъ вознесыйся, до ада снидеши; зане аще въ Содомѣхъ быша силы были бывшія въ тебѣ, пребыли убо быша до днешняго дне* (Матѳ. XI, 23). Но пришедши въ Назаретъ, Христосъ оставляетъ чудеса, чтобы не возжечь въ іудеяхъ большей зависти, и чтобы не осудить строже за умножившееся невѣріе, и взамѣнъ того предлагаетъ ученіе, не менѣе чудесъ чудное. Но люди до крайности безсмысленные, когда надлежало дивиться и изумляться силѣ словъ Христовыхъ, вмѣсто того, унижаютъ Христа по мнимомъ отцѣ Его,—хотя въ прежнія времена много имѣли тому примѣровъ, что у незнатныхъ родителей бывали знаменитыя дѣти. Такъ Давидъ былъ сынъ одного незначительнаго земледѣльца—Іесея; а Амосъ, родившись отъ пастуха козъ, и самъ былъ также пастухомъ козъ; и у Моисея законодателя отецъ былъ гораздо его ниже. Слѣдовательно, и предъ Христомъ должно было благоговѣть и придти въ изумленіе потому наиболѣе, что, имѣя такихъ родителей, говорилъ необычайное. Это ясно показывало въ Немъ не человѣческое обученіе, но божественную благодать. Но за что надлежало удивляться, за то презираютъ. Между тѣмъ Господь постоянно ходитъ въ синагоги, чтобы за всегдашнее пребываніе въ пустынѣ не стали еще разславлять о Немъ, какъ о раскольникѣ и врагѣ общества. Итакъ, дивясь и недоумѣвая, іудеи говорили: *откуду Сему премудрость сія и силы* (ст. 54)?—называя силами или чудеса, или самую премудрость. *Не сей ли есть тектоновъ сынъ* (ст. 55)? Въ этомъ-то и величіе чуда; это-то особенно и изумительно. *Не мати ли Его нарицается Марія? И братія Его Іаковъ и Іосій, и Симонъ и Іуда? И сестры Его не вся ли въ насъ суть? Оттуду Сему сія? И блазняхуся о Немъ* (ст. 56, 57, 58).

Примѣчаешь ли, что Господь бесѣдовалъ въ Назаретѣ? Не братья ли Ему тотъ и тотъ? говорили тамъ. Такъ что же? Это-то самое и должно было особенно обратить васъ къ вѣрѣ. Но зависть лукава и часто противорѣчитъ сама себѣ. Что было и странно, и чудно, и достаточно къ тому, чтобы привлечь ихъ,— то самое ихъ соблазняло. Что же сказалъ имъ Христосъ? *Нѣсть*, говоритъ Онъ, *пророкъ безъ чести, токмо во отечествіи своемъ, и въ дому своемъ* (ст. 57). *И не сотвори*, — присовокупляетъ евангелистъ, — *силъ многихъ за невѣрствіе ихъ* (ст. 58). Евангелистъ же Лука сказалъ: и не сотворилъ тамъ многихъ знаменій, хотя слѣдовало сотворить. Въ самомъ дѣлѣ, если удивленіе къ Нему возрастало (даже и тогда дивились уже), то почему бы не сотворить чудесъ? Но цѣлію Его было не Себя показать, а имъ доставить пользу. А такъ какъ въ послѣднемъ не было успѣха, то Спаситель пренебрегъ и то, что касалось до Него самого, чтобы не увеличить ихъ наказанія. Смотри же: хотя Онъ пришелъ къ нимъ послѣ долговременнаго отсутствія и показавши множество
483 знаменій, но они и теперь не потерпѣли Его, а снова распалились ненавистію. Но для чего же Онъ сотворилъ немногія чудеса? Для того, чтобъ не сказали: *врачу, исцѣлися самъ* (Лук. IV, 23); не сказали: Онъ нашъ противникъ и врагъ, презираетъ Своихъ; не сказали: еслибы чудеса были, и мы бы увѣровали. Вотъ почему Онъ и сотворилъ чудеса, и удержался отъ чудесъ: сотворилъ, чтобъ исполнить Свое дѣло; удержался, чтобъ не подвергнуть ихъ большему осужденію. Вникни же въ силу сказаннаго: обладаемые ненавистію вмѣстѣ и дивились. Но какъ, судя о дѣлахъ Христовыхъ, не охуждаютъ самыхъ дѣлъ, но вымышляютъ небывалыя вины, говоря: *о Веельзевулѣ изгонитъ бѣсы* (Матѳ. XII, 34; Лук. XI, 15), такъ и здѣсь, судя объ ученіи, не осуждаютъ его, но прибѣгаютъ къ низости рода. А ты замѣть снисходительность Учителя, какъ Онъ не упрекаетъ ихъ, но съ большою кротостію сказалъ: *нѣсть пророкъ безъ чести, токмо во отечествіи своемъ*; и даже на этомъ не остановился, но присовокупилъ: *и въ дому своемъ*. Присовокупилъ же это, какъ думаю, разумѣя братьевъ Своихъ.

2. У евангелиста Луки Господь представляетъ тому и примѣры, говоря, что Илія приходилъ не къ своимъ, но къ иноземной вдовицѣ, и что Елиссеемъ исцѣленъ отъ проказы не другой кто, а иноземецъ Нееманъ (Лук. IV, 25 — 27). Израильтяне и благодѣяній не получили, и сами добра не дѣлали; а облагодѣтельствованы и благодѣтельствовали чужіе. Говоритъ же это Христосъ, чтобы показать злой ихъ нравъ, и то, что обращеніе съ Нимъ не есть что-либо новое. *Въ то время*

услыша Иродъ четвертовластникъ слухъ Іисусовъ (Матѳ. XIV, 1). Царь Иродъ, отецъ упоминаемаго и избившій младенцевъ, тогда уже умеръ. Евангелистъ не безъ намѣренія означаетъ время, но чтобы ты увидѣлъ суетность и небрежность государя, который о дѣлахъ Христовыхъ узнаетъ не вначалѣ, но по прошествіи немалаго времени. Такъ-то люди, облеченные властію и величіемъ, мало уважая такія вещи, поздно узнаютъ о нихъ. Но ты познай могущество добродѣтели: Иродъ боится и умершаго Іоанна; даже отъ страха любомудрствуетъ о воскресеніи. *И рече*, говоритъ евангелистъ, *отрокомъ своимъ: сей есть Іоаннъ*, котораго я умертвилъ; онъ воскресъ изъ мертвыхъ, *и сего ради силы дѣются о немъ* (ст. 2). Видишь ли, какъ силенъ у него страхъ? Онъ не смѣетъ и теперь сказать это всенародно, а говоритъ только своимъ придворнымъ. Впрочемъ, самая догадка груба и нелѣпа. Хотя многіе воскресали изъ мертвыхъ, но ни одинъ не творилъ такихъ чудесъ. Мнѣ кажется, что сказанное Иродомъ внушено и честолюбіемъ, и страхомъ. Дѣйствительно, душа, не управляемая разумомъ, часто вмѣщаетъ въ себѣ смѣсь противоположныхъ страстей. Такъ, по сказанію евангелиста Луки, въ народѣ о Христѣ говорили: это Илія, или: Іеремія, или: одинъ изъ древнихъ пророковъ (Лук. IX, 8); а Иродъ, какъ бы говоря разсудительнѣе прочихъ, называлъ Его Іоанномъ. Вѣроятно же, когда прежде другіе признавали Его Іоанномъ, — такъ какъ и это говорили многіе,—тогда съ самохвальствомъ и кичливостію Иродъ отвергалъ такую молву, говоря: я умертвилъ Іоанна. Маркъ и Лука приписываютъ Ироду слова: *Іоанна азъ усѣкнухъ* (Марк. VI, 16; Лук. XI, 9). Но когда слухи усилились, то Иродъ уже начинаетъ говорить одно съ народомъ. Далѣе евангелистъ разсказываетъ 489
намъ самое происшествіе. Почему же не описалъ его прежде? Потому что единственнымъ намѣреніемъ евангелистовъ было говорить о дѣлахъ Христовыхъ, и они ничего не говорили лишняго и посторонняго, кромѣ того, что могло содѣйствовать ихъ главной цѣли. Потому и теперь они не упомянули бы о происшествіи, если бы оно не касалось Христа, и Иродъ не сказалъ, что Іоаннъ воскресъ. Евангелистъ Маркъ замѣчаетъ, что Иродъ весьма уважалъ Іоанна, хотя и былъ имъ обличаемъ (Марк. VI, 20). Таково могущество добродѣтели! Евангелистъ же Матѳей такъ продолжаетъ повѣствованіе: *Иродъ бо емъ Іоанна, связа его и всади въ темницу, Иродіады ради, жены Филиппа брата своего. Глаголаше бо ему Іоаннъ: не достоитъ ти имѣти ея. И хотящъ его убити, убояся народа, зане яко пророка его имѣяху* (Мѳ. XIV, 3—5). Почему же Іоаннъ говоритъ не съ Иродіадою, а съ Иродомъ? Потому что Иродъ имѣлъ больше власти. Замѣть же, какъ легко евангелистъ

обвиняетъ Ирода, пересказывая дѣло, какъ простой повѣствователь, а не какъ обвинитель. *Дни же бывшу рождества Иродова, пляса дщи Иродіадина посредѣ, и угоди Иродови* (ст. 6). О, діавольское пиршество! О, сатанинское позорище! О, беззаконная пляска, и награда самой пляски беззаконнѣйшая! Дерзнули на убійство, всѣ убійства злодѣяніемъ превосходящее! Достойный вѣнца и величаній предъ глазами всѣхъ закланъ, и побѣдное знаменіе бѣсовъ на трапезѣ поставлено! Самый образъ побѣды достоинъ событія. *Пляса*, говоритъ евангелистъ, *дщи Иродіадина посредѣ, и угоди Иродови. Тѣмже и съ клятвою изрече ей дати, егоже аще воспроситъ. Она же, наваждена матерію своею, даждь ми, рече, здѣ на блюдѣ главу Іоанна Крестителя* (ст. 7, 8). Двойное преступленіе,—и потому что плясала, и потому что угодила, и угодила такъ, что въ награду совершается убійство. Видишь ли, какъ безчеловѣченъ, какъ нечувствителенъ, какъ безсмысленъ Иродъ? Себя связываетъ клятвою, и дѣвицѣ даетъ полную власть просить. Когда же увидѣлъ зло, какое изъ того вышло, *печаленъ бысть* (ст. 9), говоритъ евангелистъ,—хотя сначала самъ связалъ Іоанна. Почему же печалится? Такова добродѣтель! И у порочныхъ людей она достойна удивленія и похвалъ. Каково же неистовство Иродіады! Ей надлежало удивляться Іоанну, надлежало благоговѣть предъ нимъ, потому что защищалъ ее отъ позора; а она замышляетъ о смерти его, разставляетъ сѣти, проситъ сатанинскаго дара. Иродъ же убоялся, говоритъ евангелистъ, *клятвы ради и за возлежащихъ съ нимъ* (ст. 9). Но какъ же ты не убоялся поступка безчеловѣчнѣйшаго? Если ты боялся имѣть свидѣтелей клятвопреступленія, то гораздо больше надлежало тебѣ страшиться имѣть столькихъ свидѣтелей такого беззаконнаго убійства.

3. Но такъ какъ, думаю, многіе не знаютъ силы того обвиненія, изъ-за котораго произошло убійство, то считаю нужнымъ объяснить это, чтобы вы ясно увидѣли мудрость Законодателя. Какой же это былъ древній законъ, нарушенный Иродомъ и сильно поддерживаемый Іоанномъ? Тотъ, что жена умирающаго бездѣтнымъ должна была выходить за брата его (Второз. xxv, 5). Такъ какъ смерть была неотвратимое зло, а Законодатель во
490 всемъ промышлялъ о жизни, то поставлено закономъ остающемуся въ живыхъ брату вступать въ бракъ съ женою умершаго, и по имени его называть родившагося младенца, чтобы родъ умершаго не прекращался. Если кто умираетъ безъ надежды оставить послѣ себя дѣтей,—безъ этого величайшаго утѣшенія въ смерти,—то скорбь о кончинѣ его ничѣмъ не можетъ быть утолена. Вотъ почему для тѣхъ, кого природа лишила дѣтей, Законодатель придумалъ средство къ утѣшенію и повелѣлъ, чтобы

младенецъ, рожденный послѣ покойника, считался его собственнымъ. Когда же послѣ умершаго оставались дѣти, указанный бракъ не былъ допускаемъ. Но почему же? спросишь: если постороннему онъ былъ позволителенъ, то не гораздо ли больше брату? Нимало. Законодатель желалъ, чтобы родство распространялось, и больше было поводовъ къ установленію близкихъ отношеній между людьми. Почему и съ женою умирающаго бездѣтнымъ не вступалъ въ бракъ посторонній? Потому, что въ такомъ случаѣ младенецъ не считался бы принадлежащимъ покойнику. А теперь, такъ какъ младенецъ раждался отъ брата, самый подлогъ дѣлался непримѣтнымъ. Притомъ посторонній вовсе не имѣлъ и нужды возстановлять домъ умершаго; а братъ своимъ родствомъ пріобрѣталъ на то право. Но поелику Иродъ вступилъ въ бракъ съ женою брата, у которой была дочь, то Іоаннъ обличаетъ его за это, и обличаетъ со всею пристойностію, при дерзновеніи показывая и снисхожденіе. Но смотри, какимъ сатанинскимъ дѣломъ было все это позорище. Во-первыхъ, оно состоялось чрезъ пьянство и сластолюбіе, откуда ничего не происходитъ добраго. Во-вторыхъ, зрители были люди развратные; а дающій пиршество всѣхъ беззаконнѣе. Въ-третьихъ, забава была безумная. Въ-четвертыхъ, дѣвица, чрезъ которую бракъ дѣлался противозаконнымъ, и которой надлежало скрываться отъ свѣта по причинѣ позора своей матери, пышно является въ собраніи и, отложивъ дѣвическій стыдъ, затмѣваетъ собою всѣхъ блудницъ. И самое время не мало служитъ къ осужденію этого беззаконія. Тогда какъ Ироду надлежало благодарить Бога за то, что въ этотъ день произвелъ его на свѣтъ, онъ отваживается въ это время на такія беззаконія. Когда надлежало освободить связаннаго, тогда онъ къ узамъ присоединяетъ убійство. Да обратятъ на это вниманіе тѣ изъ дѣвицъ, а еще болѣе—изъ замужнихъ женщинъ, которыя на чужихъ бракахъ не отказываются вести себя неприлично, скакать, плясать и срамить свой полъ. Да обратятъ также вниманіе тѣ изъ мужчинъ, которые любятъ роскошныя и сопровождаемыя пьянствомъ пиршества. Да убоятся они бездны, изрытой діаволомъ. И несчастнымъ Иродомъ такъ сильно овладѣлъ тогда діаволъ, что онъ клянется отдать даже половину царства. Объ этомъ такъ говоритъ евангелистъ Маркъ: *клятся ей, яко егоже аще попросиши у мене, дамъ ти и до полцарствія моего* (Марк. VI, 23). Такъ высоко цѣнилъ Иродъ свою царскую власть, такъ отдался въ плѣнъ страсти, что уступаетъ царство за пляску. И чему дивиться, если такъ случилось съ Иродомъ, когда и нынѣ, при высотѣ любомудрія, много такихъ изнѣженныхъ юношей, которые за пляску отдаютъ свои души, даже

и не обязываясь къ тому клятвою? Предавшись въ плѣнъ удовольствіямъ, они, подобно безсловеснымъ, ведутся, куда влечетъ ихъ волкъ. Тому же самому подвергся тогда и безумецъ Иродъ,
491 безразсудно совершившій два постыднѣйшія дѣла: то, что далъ волю женщинѣ столь неистовой, упоенной страстію и ни въ чемъ себѣ не отказывающей; и то, что связалъ себя клятвою. Но какъ ни беззаконно поступилъ онъ, жена была всѣхъ беззаконнѣе— и дѣвицы и царя. Она-то была изобрѣтательницею всѣхъ золъ, она устроила все дѣло, хотя ей больше всего надлежало благодарить пророка. И дочь изъ повиновенія ей безчинствовала, плясала, просила объ убійствѣ, и Иродъ ею же уловленъ былъ въ сѣти. Видишь ли, какъ справедливо сказалъ Христосъ: *иже любитъ отца, или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. x, 37)? Если бы дочь Иродіадина соблюла этотъ законъ, то не преступила бы многихъ законовъ, не совершила бы этого гнуснаго убійства. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть хуже такого звѣрства—просить въ знакъ благодарности убійства, просить убійства беззаконнаго, просить убійства среди пиршества, просить убійства безстыдно и при народѣ? Не наединѣ приходитъ она и предлагаетъ просьбу. Нѣтъ, она говоритъ ее при собраніи, сбросивъ съ себя личину, совершенно откровенно, взявъ діавола въ помощники. И конечно, діаволъ сдѣлалъ то, что она и угодила тогда пляскою и плѣнила Ирода. Подлинно, гдѣ пляска, тамъ и діаволъ. Не для того Богъ далъ намъ ноги, чтобы безчинствовать; но для того, чтобы ходить чинно; не для того, чтобы прыгать, подобно верблюдамъ (и они, а не только женщины, отвратительны, когда пляшутъ), но для того, чтобы ликовать съ ангелами. Если тѣло дѣлается безобразнымъ при такихъ безчинствахъ, то не гораздо ли больше душа? Такъ пляшутъ бѣсы, такъ обольщаютъ служители бѣсовъ!

4. Вникни же въ самую просьбу: *даждь ми здѣ на блюдѣ главу Іоанна Крестителя*. Видишь ли, какъ она потеряла весь стыдъ, какъ вся предалась діаволу? И о достоинствѣ помнитъ, и того однакожъ не стыдится; но, будто говоря о какомъ-нибудь кушаньи, проситъ принести на блюдѣ эту священную и блаженную главу! Даже не указываетъ и причину (почему проситъ),—такъ какъ никакой не имѣла; но просто изъявляетъ желаніе, чтобы въ уваженіе ей было сдѣлано зло другому. Не сказала: приведи его сюда и умертви, потому что не вынесла бы дерзновенія готовящагося къ смерти Іоанна: она боялась услышать грозный голосъ умерщвляемаго,—вѣдь Іоаннъ не умолчалъ бы и предъ усѣченіемъ. Потому и говоритъ: *даждь ми здѣ на блюдѣ*. Хочу видѣть этотъ языкъ молчащимъ. Она не только желала осво-

бодиться отъ обличеній, но наступить на лежащаго и насмѣяться надъ нимъ. И Богъ потерпѣлъ это, не послалъ молніи свыше и не попалилъ безстыднаго лица; не повелѣлъ разступиться землѣ и поглотить злое это сонмище, чтобы и праведника увѣнчать больше, и тѣмъ, которые впредь будутъ терпѣть неправду, доставить обильное утѣшеніе. Итакъ, пусть выслушаютъ это тѣ изъ насъ, которые, живя добродѣтельно, терпятъ насиліе отъ злыхъ людей. И тогда Богъ потерпѣлъ, чтобы жившій въ пустынѣ, ходившій въ кожаномъ поясѣ, въ волосяной одеждѣ, пророкъ,— даже больше пророка,—тотъ, предъ кѣмъ нѣтъ большаго изъ рожденныхъ женами, былъ умерщвленъ, умерщвленъ безстыдной дѣвою и развратною блудницею, умерщвленъ за то, что защищалъ
божественные законы. Помышляя объ этомъ, будемъ мужественно 492
переносить все, что ни случится намъ терпѣть. Вотъ и тогда эта гнусная убійца и преступница, какъ только хотѣла отомстить огорчившему ее, такъ и могла сдѣлать; излила весь свой гнѣвъ,— и Богъ попускалъ то. Хотя Іоаннъ ничего не говорилъ ей самой, ни въ чемъ не обличалъ ее, а винилъ одного мужа, однако совѣсть была строгимъ обличителемъ. Мучимая и угрызаемая ею Иродіада неистово порывалась на большее зло, всѣхъ вмѣстѣ влекла въ позоръ: и себя, и дочь, и умершаго мужа, и живого прелюбодѣя,—стараясь превзойти прежнія свои преступленія. Если для тебя прискорбно, говорила она, что Иродъ прелюбодѣйствуетъ, то я сдѣлаю его и убійцею: заставлю умертвить обвинителя.

Выслушайте это вы, которые чрезъ мѣру пристращаетесь къ женщинамъ! Выслушайте вы, которые клянетесь, не зная въ чемъ,—дѣлаете другихъ властелинами вашей гибели, и сами себѣ роете яму! И Иродъ погибъ такъ же. Конечно, онъ думалъ, что дочь Иродіады попроситъ себѣ чего-нибудь приличнаго пиршеству, и именно, какъ дѣвица, въ торжественный день среди общаго веселія при собраніи, станетъ просить какого-нибудь блестящаго и изящнаго подарка, а не попроситъ головы. Но обманулся. И однако все это не извиняетъ его. Пусть Иродіада имѣла сердце, свойственное только борцу со звѣрями; но ему не слѣдовало даваться въ обманъ и рабски служить тиранскимъ повелѣніямъ. И во-первыхъ, кто бы не ужаснулся, видя священную главу Крестителя, лежащую въ крови среди пира? Но не ужаснулся беззаконный Иродъ, не ужаснулась и женщина, преступнѣе Ирода. Таковы распутныя женщины: онѣ всѣхъ бываютъ безстыднѣе и свирѣпѣе! Если мы, слыша о томъ, приходимъ въ ужасъ, то какое зрѣлище должны были тогда вынести взоры? Что должны были чувствовать присутствовав-

шіе на пирѣ, когда среди общаго веселія увидѣли кровь, каплющую съ главы только что усѣченной? Но эта кровопійца, самихъ фурій лютѣйшая, нимало не смутилась при такомъ зрѣлищѣ, а еще и услаждалась имъ. Если уже не могло подѣйствовать ничто другое, то при одномъ взглядѣ надлежало ей придти въ оцѣпенѣніе. Но и это не подѣйствовало на гнусную убійцу, жаждущую крови пророческой. Таковъ блудъ: не только дѣлаетъ наглецами, но и гнусными убійцами! Предавшаяся распутству близка къ тому, чтобы покуситься на жизнь оскорбленнаго ею супруга, готова даже отважиться не на одно или два, но на тысячи убійствъ. Много есть примѣровъ такихъ злодѣяній. Конечно и Иродіада такъ поступила тогда въ надеждѣ наконецъ предать забвенію и свое преступленіе. Но вышло совершенно наоборотъ: послѣ этого Іоаннъ началъ вопіять еще громче.

5. Но человѣкъ въ злобѣ смотритъ только на настоящее, и подобенъ одержимому горячкою, который безвременно проситъ холоднаго. Если бы Иродіада не умертвила обличителя, то не обнаружилось бы въ такой мѣрѣ преступленіе. Ученики Христовы ничего не говорили о томъ, что Иродъ ввергнулъ Іоанна въ темницу. Но когда убилъ его, тогда принуждены были объявить и причину. Они хотѣли прикрыть блудницу, и не желали обнаруживать худыхъ дѣлъ ближняго; но когда доведены были до необходимости изложить происшествіе, тогда разсказываютъ все преступленіе. И чтобы не сталъ кто подозрѣвать, что причиною умерщвленія было нѣчто худое, какъ въ исторіи Θевды и Іуды (Дѣян. v, 36, 37), оказались вынужденными объявить и поводъ къ убійству. Итакъ, чѣмъ болѣе хочешь утаить грѣхъ, по
493 примѣру Иродіады, тѣмъ болѣе обнаруживаешь его. Грѣхъ покрывается не присовокупленіемъ грѣха, но покаяніемъ и исповѣдію. Смотри же, съ какимъ безпристрастіемъ евангелистъ повѣствуетъ о всемъ, и даже, что только могъ, приводитъ въ оправданіе. Относительно Ирода говоритъ, что онъ совершилъ преступленіе *клятвы ради, и за возлежащихъ съ нимъ*, и что *печаленъ бысть*; а о дѣвицѣ замѣчаетъ, что она подучена была матерію и что отнесла главу матери, какъ бы желая тѣмъ сказать, что дочь исполняла приказъ материнъ. Такъ всѣ праведники болѣзнуютъ не о терпящихъ, но о дѣлающихъ зло,—потому что дѣлающіе зло въ большей мѣрѣ и терпятъ его. И теперь не Іоанну сдѣлано зло; а подверглись ему тѣ, которые довели его до смерти. Будемъ и мы подражать праведникамъ, и не только остережемся осмѣивать грѣхи ближнихъ, но постараемся по мѣрѣ возможности даже прикрывать ихъ. Научимся быть любомудрыми. Вотъ и евангелистъ, говоря о распутной женщинѣ и гнусной убійцѣ,

выразился, насколько лишь было возможно, безобидно. Не сказалъ онъ: *наваждена* кровожадною и преступною матерію, но просто: *матерію*, — употребляя самое почтительное имя. А ты оскорбляешь и укоряешь ближняго, и когда бываешь въ досадѣ, не хочешь такъ помянуть о братѣ какъ евангелистъ о блудницѣ, но со всею лютостію, въ несносныхъ укоризнахъ называешь его злодѣемъ, негодяемъ, лукавцемъ, безумцемъ и другими еще болѣе оскорбительными именами. Мы еще болѣе ожесточаемся, и злословя, укоряя, оскорбляя брата, говоримъ о немъ какъ о чужеземцѣ. Но не такъ поступаютъ святые. Они больше плачутъ о согрѣшающихъ, чѣмъ проклинаютъ ихъ. Будемъ и мы поступать такъ же; будемъ плакать объ Иродіадѣ и о подражающихъ ей! И нынѣ, вѣдь, бываютъ подобныя пиршества; и если не умерщвляется Іоаннъ, то умерщвляются члены Христовы, и еще съ большею жестокостію. Пляшущіе нынѣ не главу просятъ на блюдѣ, но душу пирующихъ съ ними. Порабощая ихъ, вовлекая въ беззаконныя пожеланія, и соблазняя блудницами, не главу усѣкаютъ, но умерщвляютъ душу, потому что дѣлаютъ развратными, изнѣженными блудниками. Не говори мнѣ, что ты, когда, разгорячась виномъ и упившись, смотришь на пляску и слушаешь безстыдныя рѣчи женщины, ничего къ ней не чувствуешь и не влечешься къ разврату, одолѣваемый сладострастіемъ. Напротивъ, ты терпишь ужасный вредъ, потому что члены Христовы дѣлаешь членами блудницы. Если и нѣтъ предъ тобой Иродіадиной дочери, то діаволъ, плясавшій тогда въ ней, и нынѣ управляетъ пляшущими, и нынѣ, похищая души пирующихъ, увлекаетъ въ плѣнъ. Если вы и безъ пьянства пробыть можете, то участвуете въ другомъ грѣхѣ, жесточайшемъ. Таковыя пиршества соединены со множествомъ грабительствъ. Не смотри, прошу тебя, на предложенныя мяса и пироги, но разсуди, какъ все это собрано, и увидишь, что собрано обидами, лихоимствомъ, насиліемъ, грабительствомъ. Но скажешь, что на иномъ пиршествѣ нѣтъ ничего такого. Пусть не будетъ, я и не желаю того. И все-таки роскошные ужины, если и не заслуживаютъ такихъ упрековъ, не свободны отъ осужденія. Послушай, какъ, и помимо указанной причины, порицаетъ ихъ пророкъ, говоря слѣдующее: горе вамъ, *піющіи процѣженное вино, и первыми вонями мажущіися* (Амос. vi, 6)! Видишь ли, какъ осуждаетъ и самую роскошь? Не лихоимство порицаетъ онъ здѣсь, а одно только сластолюбіе.

6. Ты насыщаешься безъ мѣры, а Христу не достаетъ и 494
нужнаго. Для тебя ничего не значатъ пироги, а у Него нѣтъ и черстваго хлѣба. Ты пьешь ѳазское вино, а Ему жаждущему не

подашь и чаши студеной воды. Ты на мягкомъ и убранномъ ложѣ, а Онъ цѣпенѣетъ отъ холода. Вотъ почему твои ужины, хотя и чисты отъ лихоимства, все-таки нечисты отъ преступленія, такъ какъ ты все дѣлаешь сверхъ нужды, а Христу не даешь и нужнаго,—и это не смотря на то, что роскошествуешь изъ Его же имущества. Если, сдѣлавшись опекуномъ у сироты и взявши къ себѣ его имущество, ты не поможешь ему въ крайнемъ положеніи, то найдутся противъ тебя тысячи обвинителей, и будешь наказанъ по законамъ. А взявши имущество Христово и расточая такъ безразсудно, ужели думаешь не дать отчета? И это я говорю не о тѣхъ, которые приводятъ къ себѣ за столъ блудницъ (о такихъ, какъ о псахъ, нѣтъ и слова), и не о тѣхъ, которые преданы лихоимству и поядаютъ чужое (и съ такими, какъ со свиньями и волками, у меня ничего нѣтъ общаго), а говорю о тѣхъ, которые пользуются собственнымъ имѣніемъ и не удѣляютъ изъ него другимъ, о тѣхъ, которые безрасчетно проживаютъ отцовское наслѣдіе. И такой не свободенъ отъ порицанія. И скажи мнѣ, какъ избѣжишь ты порицанія и осужденія, когда шутъ и комнатный песъ у тебя пресыщаются, а Христосъ кажется тебѣ и ихъ менѣе стоющимъ? Когда иной и за смѣхотворство беретъ много, а Христосъ за царствіе небесное не получаетъ и малой доли? Иной за то, что молвилъ острое слово, пошелъ отъ тебя съ полными руками, а Христосъ, научившій насъ тому, чего не зная не различались бы мы отъ псовъ, не удостоивается такого дара. Не приходишь ли въ ужасъ, слыша это? Такъ ужаснись самаго дѣла. Прогони тунеядцевъ и сдѣлай, чтобы Христосъ раздѣлялъ съ тобою трапезу. Если Онъ вкуситъ твоего хлѣба и соли, то снисходителенъ будетъ къ тебѣ на судѣ, потому что Онъ умѣетъ помнить твой хлѣбъ и соль. Если разбойники не забываютъ гостепріимства, то гораздо больше Владыка. Вспомни о той блудницѣ, которую Господь оправдалъ за трапезою, а Симона укоряетъ, говоря: *лобзанія Ми не далъ еси* (Лук. VII, 45). Если Господь питаетъ тебя, когда ты и не исполняешь этого, то безъ сравненія вознаградитъ, когда исполнишь. Не смотри въ нищемъ на то, что онъ неопрятенъ и гнусенъ видомъ, но представляй себѣ, что чрезъ него Христосъ входитъ къ тебѣ въ домъ; удержись отъ жестокосердія и злоязычія, съ какимъ всегда укоряешь приходящихъ, называя ихъ притворщиками, лѣнивцами и другими еще обиднѣйшими именами. Разсуди,—когда произносишь такія слова,—какими дѣлами занимаются твои тунеядцы? Какую пользу приносятъ они твоему дому? Вѣрно обѣдъ дѣлаютъ для тебя пріятнымъ? А чѣмъ это? Не тѣмъ ли, что ты бьешь ихъ по щекамъ, а они говорятъ тебѣ

всякій вздоръ? Но можетъ ли быть что постыднѣе, какъ бить созданнаго по образу Божію, и въ обидѣ ему находить для себя забаву, и тебѣ, человѣку благородному и свободному, обращать домъ свой въ театръ, наполнять бесѣду свою скоморохами, подражать тому, что бываетъ въ народныхъ игрищахъ? Тамъ тоже смѣхъ и побои. Итакъ, скажи мнѣ: то ли называешь увеселеніемъ, что достойно многихъ слезъ, многаго плача и сѣтованія? Тебѣ слѣдовало бы обратить ихъ къ порядочной жизни, слѣдовало бы внушить имъ обязанности ихъ, а ты вовлекаешь ихъ въ напрасныя клятвы и въ безчинныя рѣчи, и даже называешь это забавою! За что ты долженъ ждать себѣ геенны, то считаешь 495
предлогомъ къ веселію. Вѣдь какъ скоро у нихъ недостаетъ острыхъ словъ, тогда все они вознаграждаютъ божбою и напрасными клятвами. Смѣха ли это достойно? Не плача ли и слезъ? И кто назоветъ это смѣшнымъ, будучи въ здравомъ умѣ?

7. Но говоря это, не запрещаю и такимъ людямъ давать пропитаніе: напитай, но по другому побужденію. Дай кусокъ, но изъ человѣколюбія, а не по жестокосердію; съ милостію, а не съ обидою. Накорми потому, что онъ нищій; а не за то, что онъ говоритъ сатанинскія рѣчи и позоритъ свою жизнь. Накорми потому, что питаешь въ немъ Христа. Не смотри, что этотъ человѣкъ наружно смѣется; но испытай совѣсть: тогда увидишь, что онъ тысячекратно клянетъ себя самого, стенаетъ и скорбитъ. А если не показываетъ этого, то для тебя единственно. Итакъ, пусть лучше окружаютъ тебя люди нищіе и благородно мыслящіе; пусть они раздѣляютъ твою трапезу, а не клятвопреступники, не скоморохи. Если же хочешь потребовать у нихъ и вознагражденія за пищу, прикажи имъ, когда увидятъ какой безпорядокъ, вразумлять тебя, подавать совѣты, помогать тебѣ въ хлопотахъ о домѣ, въ управленіи слугами. Если имѣешь дѣтей, пусть и они будутъ отцами твоихъ дѣтей, раздѣляютъ съ тобою присмотръ за ними; пусть приносятъ тебѣ прибыль, пріятную Богу. Доставляй имъ случай къ духовной куплѣ. Если видишь нуждающихся въ помощи, вели помочь, прикажи услужить; посредствомъ ихъ отыскивай странныхъ, чрезъ нихъ одѣвай нагихъ, чрезъ нихъ посылай въ темницу и развѣдывай чужія нужды. Вотъ какое вознагражденіе пусть они дадутъ тебѣ за пищу, полезное и для тебя и для нихъ, не заслуживающее никакой укоризны. Чрезъ это и дружба связывается крѣпче. Теперь призрѣнные тобою хотя и думаютъ, что ты любишь ихъ, но вмѣстѣ стыдятся, какъ живущіе у тебя даромъ. Исправляя же такія порученія, станутъ усерднѣе служить тебѣ, и для тебя будетъ пріятнѣе кормить ихъ, потому что истратишься не даромъ.

Они начнутъ обходиться съ тобою смѣло и съ надлежащею свободою, и домъ твой вмѣсто театра сдѣлается церковію; діаволъ убѣжитъ, вселится же Христосъ и ликъ ангеловъ. Гдѣ Христосъ, тамъ и ангелы; а гдѣ Христосъ и ангелы, тамъ небо, тамъ свѣтъ, свѣтлѣйшій этого солнечнаго свѣта. Если хочешь пріобрѣсть отъ нихъ иное утѣшеніе, то въ досужное время вели имъ, взявъ Пи-
496 саніе, читать божественный законъ. Они охотнѣе будутъ тебѣ служить этимъ, нежели забавляя иначе, потому что это и тебя и ихъ дѣлаетъ болѣе почтенными, а другія забавы всѣхъ вмѣстѣ позорятъ: тебя — какъ обидчика и упивающагося до забывчивости, а ихъ — какъ бѣдняковъ и готовыхъ на все изъ-за куска. Если кормишь, что бы обидѣть, то это жестокосерднѣе, чѣмъ если бы ты умертвилъ ихъ. А если кормишь для одолженія и для ихъ выгоды, то поступокъ твой полезнѣе, чѣмъ если бы ты избавилъ ведомыхъ на смерть. Въ первомъ случаѣ унижаешь ихъ предъ самими слугами, такъ что слуги больше, чѣмъ они, имѣютъ смѣлости и чисты совѣстію. Въ другомъ же случаѣ, дѣлаешь ихъ равными ангеламъ. Итакъ, освободи и ихъ, и себя; истреби имя тунеядцевъ, переименуй ихъ въ собесѣдниковъ и, переставъ звать льстецами, привѣтствуй какъ друзей. Для того дружба и установлена Богомъ — не ко вреду, но ко благу и пользѣ любимыхъ и любящихъ. Но безчестная дружба хуже всякой вражды. Отъ враговъ, если мы захочемъ, можемъ получить и пользу; а отъ такихъ друзей ничего не бываетъ, кромѣ одного лишь вреда. Не имѣй же друзьями учителей вреда, не имѣй такихъ друзей, которые больше любятъ (сытный) столъ, нежели дружбу. Всѣ такіе друзья, какъ скоро прекратишь пиры, прекратятъ и дружбу. Кто соединенъ съ тобою добродѣтелію, тотъ неотлучно при тебѣ пребываетъ, перенося всякій недостатокъ. А эти тунеядцы — такого свойства, что часто тебѣ мстятъ и навлекаютъ на тебя худую славу. И я знаю многихъ людей благородныхъ, которые чрезъ связи съ ними заслужили о себѣ худое мнѣніе. Одни оклеветаны въ волшебствѣ, другіе въ прелюбодѣйствѣ, а иные въ дѣторастлѣніи. Такъ какъ люди эти не имѣютъ никакого занятія, а проводятъ жизнь въ праздности, то многіе подозрѣваютъ, что они оказываютъ позорныя услуги такого же рода. Итакъ, избавляя себя отъ худой славы, а особенно отъ будущей геенны, и дѣлая угодное Богу, бросимъ этотъ діавольскій обычай, чтобы, когда ѣдимъ и пьемъ, творить все во славу Божію (1 Кор. x, 31), и сподобиться отъ Господа славы, которую да получимъ всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIX.

Слышавъ же Іисусъ, отъиде оттуда въ корабли въ пусто мѣсто единъ: и слышавши народи, по Немъ идоша пѣши отъ всѣхъ градовъ (Матѳ. xiv, 13). 495-496

1. Замѣть, что Господь всякій разъ удалялся, когда Іоаннъ былъ преданъ, когда онъ умерщвленъ, и когда іудеи услышали, что Іисусъ пріобрѣтаетъ многихъ учениковъ. Ему угодно было чаще поступать по-человѣчески, пока не пришло время вполнѣ обнаружить божество Свое. Потому и ученикамъ онъ приказывалъ никому не говорить, что Онъ Христосъ; Онъ хотѣлъ, чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ по воскресеніи Его. По этой причинѣ и съ іудеевъ, которые дотолѣ не вѣровали въ Него, не строго взыскивалъ, а напротивъ извинялъ ихъ. Удаляется же не въ городъ, но въ пустыню, и притомъ на кораблѣ, чтобы никто не слѣдовалъ за Нимъ. Не оставь безъ замѣчанія и того, что ученики Іоанновы теперь уже ближе стали къ Іисусу. Они именно увѣдомили Его о случившимся (съ Іоанномъ) и, оставивъ все, дѣлаются уже Его учениками. Такъ, кромѣ несчастія, немало исправило ихъ и то, что Іисусъ внушилъ уже имъ о Себѣ Своимъ отвѣтомъ. Но почему Господь не удалился до полученія отъ нихъ извѣстія, хотя зналъ о случившемся и безъ увѣдомленія? Для того, чтобы во всемъ показать дѣйствительность воплощенія. Не видомъ только, но и самыми дѣлами Онъ хотѣлъ увѣрить въ истинности его, потому что зналъ злобную хитрость діавола, который готовъ все сдѣлать, только бы истребить въ людяхъ 497
мысль о Его воплощеніи. Вотъ по какимъ причинамъ удаляется Христосъ. Но привязанный къ Нему народъ не оставляетъ Его, а слѣдуетъ за Нимъ; и происшествіе съ Іоанномъ не устрашало Его. Такова привязанность! Такова любовь! Такъ она все побѣждаетъ и устраняетъ трудности. За это-то народъ и получилъ вскорѣ награду. *И изшедъ Іисусъ*, продолжаетъ евангелистъ, *видѣ многъ народъ, и милосердова о нихъ, и исцѣли недужныя ихъ* (ст. 14). Хотя ревность ихъ была велика, но благодѣянія Христовы превышали цѣну всякаго усердія. Потому евангелистъ и причиною исцѣленій въ данномъ случаѣ поставляетъ особенную милость; Христосъ всѣхъ исцѣляетъ, и не спрашиваетъ здѣсь о вѣрѣ, потому что исцѣленные показываютъ свою вѣру уже тѣмъ самымъ, что пришли къ Іисусу, оставили города, тщательно искали Его и не оставляли, когда даже принуждалъ ихъ къ тому голодъ. Христосъ намѣревается дать имъ пищу. Но самъ не начинаетъ этого, а ожидаетъ, пока обратятся къ нему съ просьбою,

всюду, какъ я уже говорилъ, наблюдая правило: не прежде приступать къ совершенію чудесъ, какъ по просьбѣ. Но почему же никто изъ народа не подошелъ и не попросилъ Его объ этомъ? Они безмѣрно Его уважали, и желаніемъ быть при немъ подавляли въ себѣ чувство голода. Но и ученики Его не подошли и не сказали: накорми ихъ, потому что еще были несовершенны. Но что они говорятъ? *Поздѣ же бывшу*, говоритъ евангелистъ, *приступиша ученицы Его, глаголюще: пусто есть мѣсто, и часъ уже мину; отпусти народы, да шедше купятъ брашна себѣ* (ст. 15). Если ученики и по совершеніи этого чуда забыли о немъ, и послѣ кошницъ думали, что Христосъ говоритъ о хлѣбахъ, когда Онъ ученіе фарисейское назвалъ квасомъ, то тѣмъ болѣе, не видѣвши еще на опытѣ такого чуда, не могли ожидать чего-нибудь подобнаго (Матѳ. XVI, 16). И хотя Христосъ исцѣлилъ сперва многихъ недужныхъ, однако ученики, и то видя, не ожидали чуда надъ хлѣбами. Столько еще были они несовершенны! Ты же замѣть мудрость Учителя, какъ прямо Онъ ведетъ ихъ къ вѣрѣ. Не сказалъ вдругъ: Я напитаю ихъ; этому они не скоро бы повѣрили. *Іисусъ же*, говоритъ евангелистъ, *рече имъ*,—что же именно? *Не требуютъ отъити, дадите вы имъ ясти* (ст. 16). Не сказалъ: Я дамъ; но—вы дадите,—такъ какъ они еще считали Его простымъ человѣкомъ. Даже и послѣ этого не возвысились они въ понятіяхъ, напротивъ, отвѣчаютъ какъ простому человѣку, говоря: *не имамы, токмо пять хлѣбъ и двѣ рыбѣ* (ст. 17). Потому и евангелистъ Маркъ говоритъ, что они не разумѣли сказаннаго: *бѣ бо сердце ихъ окаменено* (Марк. VI, 52, VIII, 17). Итакъ, поелику они еще пресмыкались по землѣ, то Господь самъ начинаетъ уже дѣйствовать, и говоритъ: *принесите ми ихъ сѣмо* (ст. 18). Хотя *пусто есть мѣсто*, но здѣсь Тотъ, Кто питаетъ вселенную; хотя *часъ уже мину*, но съ вами бесѣдуетъ Тотъ, Кто не подлежитъ времени. Іоаннъ упоминаетъ и о томъ, что хлѣбы были ячменные, и не безъ цѣли говоритъ объ этомъ, а съ намѣреніемъ научить, чтобы мы не тщеславились дорогими яствами. Такова была трапеза и у пророковъ. *Пріемъ убо пять хлѣбъ и обѣ рыбѣ*, продолжаетъ евангелистъ, *и повелѣвъ народомъ*
498 *возлещи на травѣ, воззрѣвъ на небо, благослови, и преломивъ даде ученикомъ Своимъ, ученицы же народомъ. И ядоша вси, и насытишася; и взяша избытки укрухъ, дванадесять коша исполнь. Ядущихъ же бѣ мужей яко пять тысящъ, развѣ женъ и дѣтей* (ст. 19—21).

2. Для чего Христосъ воззрѣлъ на небо и благословилъ? Ему надлежало увѣрить о Себѣ, что посланъ отъ Отца, и что равенъ Ему. Доказательства же этихъ истинъ, повидимому, противорѣчили одно другому. Равенство Свое съ Отцемъ Онъ

доказывалъ тѣмъ, что дѣлалъ все со властію; а потому, что посланъ отъ Отца, не повѣрили бы, если бы не поступалъ во всемъ съ великимъ смиреніемъ, не сталъ приписывать всего Отцу, и во всякомъ дѣлѣ призывать Его. Вотъ почему Господь, въ подтвержденіе того и другого, не дѣлаетъ ни того, ни другого исключительно, но творитъ чудеса иногда со властію, а иногда по молитвѣ. Потомъ, чтобы въ этихъ дѣйствіяхъ Его не представлялось опять противорѣчія, въ дѣлахъ менѣе важныхъ взираетъ на небо, а въ важнѣйшихъ все творитъ со властію, изъ чего ты долженъ заключить, что и въ менѣе важныхъ дѣлахъ Онъ поступаетъ такъ не по нуждѣ въ содѣйствіи, но воздавая честь Рождшему Его. Такъ, когда отпускалъ грѣхи, отверзъ рай и ввелъ въ него разбойника, когда полновластно отмѣнялъ ветхій законъ, воскрешалъ многихъ мертвыхъ, укрощалъ море, обнаруживалъ тайны сердечныя, отверзалъ очи,—каковыя дѣла свойственны одному Богу, а не другому кому,—ни при одномъ изъ этихъ дѣйствій не видимъ Его молящимся. А когда намѣревался умножить хлѣбы, что было гораздо маловажнѣе всѣхъ прежде исчисленныхъ дѣйствій, тогда взираетъ на небо, какъ въ подтвержденіе Своего посольства отъ Отца, по замѣченному мною выше, такъ и въ наученіе наше, не прежде приступать къ трапезѣ, какъ воздавъ благодареніе Подающему намъ пищу. Но почему не творитъ хлѣбовъ вновь? Чтобы заградить уста Маркіону и Манихею, которые не признаютъ Его Творцемъ, чтобы самыми дѣлами научить, что все видимое произведено и сотворено Имъ, и чтобы доказать, что Онъ есть дающій плоды и изрекшій въ началѣ: *да произрастить земля биліе травное*; также: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ* (Быт. I, 11. 20). И настоящее чудо не маловажнѣе творенія былія или гадовъ. Въ самомъ дѣлѣ, пресмыкающіяся, хотя и сотворены вновь, однако сотворены изъ воды. А изъ пяти хлѣбовъ и двухъ рыбъ сдѣлать такъ много— не маловажнѣе, чѣмъ произвесть изъ земли плодъ и изъ воды пресмыкающихся животныхъ; это значило, что Іисусъ имѣетъ власть надъ землею и надъ моремъ. Доселѣ творилъ Онъ чудеса надъ одними больными; а теперь оказываетъ всеобщее благодѣяніе, чтобы народъ не оставался простымъ зрителемъ того, что происходило съ другими, но самъ получилъ даръ. И что іудеямъ, во время странствованія по пустынѣ, казалось чуднымъ (такъ какъ они говорили: *еда и хлѣбъ можетъ дати, или уготовати трапезу* въ пустынѣ (Псал. LXXVII, 20), то самое Господь показалъ на дѣлѣ. Для того и ведетъ ихъ въ пустыню, чтобы чудо не подлежало рѣшительно никакому сомнѣнію, и никто не подумалъ, что для напитанія принесено что-нибудь изъ ближняго селенія.

Для того евангелистъ упоминаетъ и о времени, а не только о
мѣстѣ. Отсюда научаемся и другому, именно: познаемъ умѣренность учениковъ въ удовлетвореніи необходимыхъ потребностей,
и то, какъ мало заботились они о пищѣ. Ихъ было двѣнадцать
человѣкъ; а они имѣли при себѣ только пять хлѣбовъ и двѣ
рыбы. Столь мало радѣли они о плотскомъ, а занимались только
духовнымъ! Да и этихъ немногихъ хлѣбовъ не стали удержи-
499 вать, а и ихъ отдали, какъ скоро попросили у нихъ. Отсюда
должны мы научиться, что хотя имѣемъ у себя и малость, и то
обязаны отдавать нуждающимся. Когда имъ велѣно принести
пять хлѣбовъ, они не говорятъ: что же будемъ ѣсть сами? Чѣмъ
утолимъ свой голодъ?—но тотчасъ повинуются. Кромѣ сказаннаго, по моему мнѣнію, Христосъ и для того не творитъ вновь
хлѣбовъ, чтобы привести учениковъ къ вѣрѣ: они были еще
весьма слабы. Потому взираетъ и на небо. Они видѣли неоднократно примѣры другихъ чудесъ, а такого чуда еще не видали.
Итакъ, взявъ, преломилъ и раздавалъ чрезъ учениковъ, дѣлая
имъ чрезъ это честь. Впрочемъ, Онъ сдѣлалъ это не столько
для чести ихъ, сколько для того, чтобы, когда совершится чудо,
они не остались въ невѣріи и не забыли о бывшемъ, когда собственныя ихъ руки будутъ свидѣтельствовать о томъ. Для той
же цѣли и народу даетъ сперва испытать чувство голода; для
той же цѣли выжидаетъ, чтобы ученики пришли и просили,
чрезъ нихъ же разсаживаетъ народъ, чрезъ нихъ же раздаетъ
хлѣбъ, желая, чтобы каждый предрасположенъ былъ къ чуду
собственнымъ сознаніемъ и опытомъ. По той же причинѣ беретъ
и хлѣбы отъ учениковъ, чтобы много было свидѣтельствъ о
случившемся, и памятнѣе сдѣлалось для нихъ чудо. Если и
при всемъ томъ забыли они, то что бы вышло, когда бы не
приняты были такія мѣры? Господь повелѣваетъ возлечь на
травѣ, научая тѣмъ народъ простотѣ жизни; хотѣлъ не тѣло
только напитать, но и душу научить.

3. Итакъ, Господь для того избралъ такое мѣсто, далъ не более, какъ хлѣбы и рыбу, предложилъ всѣмъ одну общую пищу и никому не удѣлилъ больше другого, чтобы научить смиренномудрію, воздержанію, любви,—тому, чтобы мы всѣ равно были расположены другъ къ другу и все считали общимъ. *И преломивъ, даде ученикомъ, ученицы же народомъ*. Пять хлѣбовъ преломилъ и роздалъ, и эти пять хлѣбовъ въ рукахъ учениковъ не истощались. Но и тѣмъ чудо еще не ограничилось. Господь сдѣлалъ, что оказался избытокъ, и избытокъ не въ цѣльныхъ хлѣбахъ, а въ кускахъ, чтобы показать, что это точно остатки отъ тѣхъ хлѣбовъ, и чтобы не находившіеся при совершеніи чуда

могли узнать, что оно было. Для того Христосъ попустилъ народу почувствовать и голодъ, чтобы не принялъ кто чуда за мечту; для того сдѣлалъ остатковъ двѣнадцать кошницъ, чтобы и Іудѣ было что нести. Господь и безъ хлѣбовъ могъ утолить голодъ, но тогда ученики не познали бы Его могущества, потому что это было и при Иліѣ. А за это чудо іудеи такъ удивились Ему, что хотѣли сдѣлать даже царемъ, хотя при другихъ чудесахъ никогда не покушались на то. Какое же слово изобразитъ то, какъ источались хлѣбы, какъ они растекались по пустынѣ? Какъ ихъ достало для такого множества? Ѣвшихъ было пять тысячъ, кромѣ женъ и дѣтей; и это служитъ большою похвалою для народа, что и жены и мужи слѣдовали за Христомъ. Какъ могли быть остатки? Это тоже не маловажнѣе перваго. Притомъ остатковъ вышло столько, что число корзинъ равнялось числу учениковъ,—ни больше, ни меньше. Господь отдалъ куски не народу, а ученикамъ, потому что народъ не столько былъ совершенъ, какъ ученики.

По совершеніи же чуда, *абіе понуди ученики влѣзти въ корабль* 500
и предъити Ему на онъ полъ, дондеже отпуститъ народы (ст. 22). Если въ Его присутствіи могли думать, что произведено нѣчто мечтательное, а не дѣйствительное, то не могли уже такъ думать въ Его отсутствіе. Поэтому-то, предоставляя ученикамъ строго изслѣдовать случившееся, велѣлъ имъ взять съ собою памятники и доказательства бывшихъ чудесъ, и удалиться отъ Него. И въ другихъ случаяхъ, совершивши что-нибудь великое, Христосъ отсылаетъ отъ Себя народъ и учениковъ, внушая намъ чрезъ это никогда не гоняться за людскою славою и не привлекать къ себѣ толпу. А словомъ: *понуди* евангелистъ выражаетъ, что ученики не охотно разлучались съ Нимъ. Христосъ отослалъ ихъ подъ предлогомъ отпустить народъ, а въ самомъ дѣлѣ—намѣреваясь взойти на гору. Сдѣлалъ же это опять для нашего наученія, чтобы мы и не всегда старались быть съ народомъ, и не всегда избѣгали его, а напротивъ, изъ того и другого извлекали пользу, и поперемѣнно были то въ уединеніи, то въ обществѣ, смотря по нуждѣ. Научимся же и мы быть съ Іисусомъ, но не для чувственныхъ даровъ, чтобы не заслужить упрека подобно іудеямъ. Онъ говоритъ: *ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко яли есте хлѣбы, и насытистеся* (Іоан. VI, 26) Потому-то Онъ и не часто творитъ такое чудо, а только два раза, чтобы научить ихъ не чреву служить, но непрестанно прилѣпляться къ духовнымъ благамъ. Къ нимъ-то и мы будемъ прилѣпляться, станемъ искать хлѣба небеснаго и, пріявши его, отложимъ всякое житейское попеченіе. Если іудеи, оставивъ домы, города,

сродниковъ и все, пребывали въ пустынѣ и, не смотря на голодъ, не отходили отъ Іисуса, то тѣмъ болѣе намъ, которые приступаемъ къ такой трапезѣ, должно показать большее любомудріе, и возлюбить духовныя блага, а потомъ уже искать чувственныхъ. И іудеи не за то были порицаемы, что искали Его для хлѣбовъ, но за то, что главнымъ образомъ и только изъ-за этого искали Его. Кто пренебрегаетъ великими дарами, а желаетъ малыхъ и такихъ, которыми онъ долженъ пренебрегать по волѣ дающаго, тотъ лишается и первыхъ; наоборотъ, если любимъ первые, то онъ прилагаетъ и послѣдніе, потому что они служатъ добавкою къ первымъ. Такъ они малоцѣнны и маловажны въ сравненіи съ первыми, сколько бы ни казались сами по себѣ великими. Итакъ, не будемъ заботиться о благахъ чувственныхъ, будемъ считать и пріобрѣтеніе, и потерю ихъ для себя дѣломъ безразличнымъ, подобно Іову, который, и обладая благами, не прилѣплялся къ нимъ, и лишась не искалъ ихъ. Потому они называются и благами (χρήματα), что мы должны употреблять (χρησώμεθα) ихъ на нужды, а не потому, что должны зарывать ихъ въ землю. Какъ всякій художникъ знаетъ свое только художество, такъ и богатый не умѣетъ ни ковать, ни строить кораблей или домовъ, ни ткать, ни другого чего-либо подобнаго; а потому пусть учится употреблять свое богатство какъ должно, быть милосердымъ къ неимущимъ, и тогда онъ будетъ знать искусство, лучше всѣхъ исчисленныхъ.

4. И подлинно, это искусство выше всѣхъ другихъ. Для него мастерская устроена на небесахъ. Орудія его—не желѣзо и мѣдь, а благость и добрая воля. Наставникъ въ этомъ искусствѣ—Христосъ и Отецъ Его. Потому сказано: *будите милосерди, якоже Отецъ вашъ небесный* (Лук. VI, 36). И что удивительно, это искусство, будучи настолько всѣхъ другихъ лучше, не требуетъ ни труда, ни времени для занятія имъ. Стоитъ только захотѣть,
501 и все сдѣлано. Посмотримъ же, каковъ и конецъ этого искусства. Итакъ, что бываетъ концемъ его? Небо и небесныя блага, неизреченная слава, духовные чертоги, свѣтлые свѣтильники, обитаніе съ Женихомъ и все то, чего никакое слово, никакой умъ не могутъ представить, такъ что и въ этомъ оно много отличается отъ другихъ искусствъ. Большая часть искусствъ полезны намъ только въ настоящей жизни, а это полезно и въ будущемъ вѣкѣ. Если же оно столько превосходитъ искусства, необходимыя для насъ, какъ напр. врачебное искусство, зодчество и прочія, имъ подобныя, то еще болѣе превосходитъ тѣ, которыя, по тщательномъ изслѣдованіи, нельзя даже назвать и искусствами. Почему я всѣ таковыя излишнія искусства и не

почитаю искусствами. На что напр. нужны намъ искусства стряпать и приправлять кушанья? Ни на что. Напротивъ, они даже безполезны, крайне вредны, потому что повреждаютъ душу и тѣло, легко пріучая къ сластолюбію, которое есть мать всѣхъ болѣзней и страданій. Кромѣ этихъ искусствъ я не назвалъ бы также искусствами живопись и умѣнье выводить узоры, потому что они вводятъ только въ лишнія издержки; а искусства необходимыя, служащія къ поддержанію нашей жизни, должны доставлять и приготовлять намъ нужное. Богъ на то и далъ намъ мудрость, чтобы изобрѣтать способы, какъ поддерживать бытіе свое; а изображать животныхъ на стѣнахъ, или на одеждахъ, скажи мнѣ, полезно ли къ чему-нибудь? Потому-то многое надобно бы выкинуть въ ремеслѣ сапожниковъ и ткачей. Они многое ввели для щегольства; что было нужнаго, то испортили, и къ искусству примѣшали ухищреніе. Тоже случилось и съ зодчествомъ. Доколѣ оно строитъ домы, а не театры, занимается необходимымъ, а не излишнимъ,—я называю его искусствомъ. Точно также и искусство ткать, доколѣ оно готовитъ нужное для одежды, а не подражаетъ паутинамъ, не тратитъ трудовъ на произведенія смѣшныя и пышныя безъ мѣры,—называю искусствомъ же. Не отниму этого названія и у сапожнаго ремесла, доколѣ оно занимается приготовленіемъ обуви. Но когда оно мужчинъ преображаетъ въ женщинъ, и посредствомъ обуви даетъ имъ видъ изнѣженныхъ и слабыхъ тогда,—причисляю его къ ремесламъ вреднымъ и излишнимъ и не могу назвать уже искусствомъ. Знаю, что, занимаясь такими предметами, для многихъ покажусь мелочнымъ; но это не остановитъ меня. Причина всѣхъ золъ именно въ томъ и заключается, что многіе считаютъ такіе грѣхи маловажными, а потому не обращаютъ на нихъ вниманія. Иной скажетъ: какой грѣхъ можетъ быть маловажнѣе того, что человѣкъ носитъ красивые, свѣтлые и обтягивающіе ногу сапоги, если только можно назвать это грѣхомъ? Хотите ли, я изощрю на него языкъ свой, и покажу всю его гнусность? Выслушаете ли меня безъ гнѣва? Впрочемъ, если и погнѣваетесь, мало о томъ забочусь. Вы вѣдь виновны въ этомъ безразсудствѣ,—вы, которые не почитаете этого грѣха и за грѣхъ, и тѣмъ заставляете насъ вооружиться обличеніемъ противъ такой роскоши.

5. Такъ изслѣдуемъ и разсмотримъ, какъ велико это зло. Когда ты вышиваешь сапоги свои шелковыми нитями, которыми неприлично испещрять даже одежду,—какихъ укоризнъ, какого смѣха достойно это? Если же ты пренебрегаешь нашимъ мнѣніемъ, то выслушай сказанное Павломъ, который со всею строгостію запрещаетъ это, и тогда почувствуешь, какъ это смѣшно. 502

Что же говоритъ Павелъ? *Не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисеромъ, или ризами многоцѣнными* (1 Тим. II, 9). Стоишь ли ты какого извиненія, когда Павелъ и женѣ не позволяетъ носить драгоцѣнныя одѣянія, а ты допускаешь такую пышность въ сапогахъ, и выдумываешь тысячи нарядовъ, достойныхъ осмѣяній и поряцанія? Для этихъ нитей строятъ корабли, набираютъ гребцовъ, кормчаго и корабельщика, распускаютъ парусы, переплываютъ море; для нихъ купецъ, оставивъ жену, дѣтей и отечество, ввѣряетъ жизнь свою волнамъ, отправляется въ страну варваровъ, подвергается безчисленнымъ опасностямъ, а ты, послѣ всего этого, взявъ эти нити, нашиваешь себѣ на сапоги, украшаешь кожу. Что можетъ быть хуже такого безсмыслія? Не таково было одѣяніе древнихъ; напротивъ, оно прилично было мужамъ. Изъ этого заключаю, что со временемъ наши юноши безъ всякаго стыда будутъ употреблять женскую обувь. И, что всего несноснѣе, отцы, смотря на это, не негодуютъ, а считаютъ это ничего незначущимъ. Хотите ли, скажу нѣчто и того еще несноснѣе? То именно, что дѣлается это тогда, какъ у насъ много бѣдныхъ. Хотите ли, представлю вамъ Христа, томимаго голодомъ, нагого, преслѣдуемаго, связаннаго? Сколькихъ молній достойны вы, которые не хотите обратить вниманія на Христа, не имѣющаго нужной пищи, и между тѣмъ съ такою заботливостію украшаете кожи! Христосъ, когда давалъ наставленія ученикамъ Своимъ, не позволилъ имъ даже имѣть сапоговъ, а мы не только не умѣемъ ходить босыми ногами, но и обуваться, какъ должно. Что же можетъ быть безпорядочнѣе, смѣшнѣе этого? Все это показываетъ человѣка изнѣженнаго, грубаго, жестокаго и суетнаго. Достанетъ ли досуга заняться чѣмъ-либо нужнымъ тому, кто тратитъ время на такія излишества? Достанетъ ли досуга такому юношѣ позаботиться о душѣ, или даже подумать, что есть у него душа? Тотъ мелоченъ, кто принужденъ удивляться пышной обуви; тотъ жестокъ, кто для нея презираетъ нищихъ; тотъ чуждъ всякой добродѣтели, кто все свое стараніе употребляетъ на такіе наряды. Съ любопытствомъ разсматривая доброту нитей, живость красокъ, вытканные изъ нихъ узоры, найдетъ ли онъ время воззрѣть на небо? Есть ли время подивиться красотѣ небесъ тому, кто пристрастился къ красотѣ кожъ и поникъ въ землю? Богъ простеръ небо и возжегъ солнце для того, чтобы привлечь взоръ твой горѣ; а ты принуждаешь себя потупляться въ землю, подобно свиньямъ, и повинуешься діаволу. Подлинно злой этотъ духъ изобрѣлъ такія гнусныя вещи, чтобы, отвлекши тебя отъ небесной красоты, привлечь ими къ землѣ. И Богу, указывающему небо, предпочитается діаволъ, показываю-

щій кожи, или даже и не кожи (потому что и онѣ—произведеніе Божіе), а напыщенность и ухищреніе. Поникши къ землѣ, идетъ юноша, которому надлежало бы мудрствовать о небесномъ; тщеславится своими сапогами болѣе, чѣмъ какою-нибудь важною заслугою; едва ступаетъ по торжищу, самъ себѣ причиняя напрасныя печали и огорченія,—боясь, какъ бы въ ненастье не замарать сапоги грязью, а въ лѣтнее время не запылить. Что скажешь на это, человѣкъ? Такою роскошью ты всю душу свою повергъ во прахъ, и безпечно смотря на то, что она пресмы- 503
кается по землѣ, такъ много заботишься о сапогахъ! Подумай, для чего они употребляются, и устыдись того мнѣнія, какое объ нихъ имѣешь. Сапоги сдѣланы для того, чтобы попирать ими грязь, навозъ и всякую нечистоту на полу. Если это для тебя несносно, возьми повѣсь ихъ на шею, или положи на голову.

6. Вы смѣетесь, слушая это; а мнѣ приходится плакать, видя безуміе такихъ людей и ихъ заботливость о сапогахъ. Они скорѣе согласятся замарать въ грязи тѣло, нежели эти кожи. Такіе люди сколько бываютъ мелочны, столько, съ другой стороны, сребролюбивы. Кто привыкъ до безумія заботиться о такихъ украшеніяхъ, тому надобно много тратить на одежду и на все прочее, а потому и большіе имѣть доходы. Если отецъ у него щедръ, то такой человѣкъ болѣе и болѣе предается этому пороку, и даетъ усиливаться безразсудной прихоти; а если скупъ, то принужденъ прибѣгать къ другимъ безчестнымъ средствамъ, чтобы имѣть деньги на такія издержки. Вотъ отчего многіе изъ молодыхъ людей продали красоту свою, сдѣлались шутами у богатыхъ и унизились до другихъ рабскихъ услугъ, чтобы за это пріобрѣсть только возможность исполнять такія свои прихоти. Отсюда видно, что такой человѣкъ будетъ сребролюбивъ и суетенъ, нерадивѣе всякаго въ дѣлахъ нужныхъ, и неминуемо впадетъ во многіе проступки. Неоспоримо также и то, что онъ долженъ быть жестокосердъ и тщеславенъ. Жестокосердъ, когда, видя бѣднаго, по страсти къ нарядамъ, не удостоиваетъ его и взора, и хотя сапоги украшаетъ золотомъ, но на нищаго, истаевающаго отъ голода, не обращаетъ и вниманія. Тщеславенъ же, когда ничтожными вещами старается уловить вниманіе зрителей. Не столько вѣдь, думаю, военачальникъ гордится побѣдами, сколько распутный юноша нарядностью сапоговъ своихъ, длинными одеждами, прическою волосъ, хотя всѣмъ тѣмъ обязанъ искусству другихъ. А если тщеславятся чужимъ, то какъ не тщеславиться своимъ? Сказать ли еще и того худшее, или для васъ довольно и этого? Итакъ, окончимъ наше слово. Да и это говорилъ я для тѣхъ, которые упорны и не находятъ въ

такихъ нарядахъ ничего неприличнаго. Знаю, правда, что многіе юноши не обратятъ и вниманія на слова мои, потому что упились уже страстію. Однакожъ изъ-за этого не должно молчать. Если у отцевъ есть умъ и они еще въ силѣ, то они могутъ и
504 по неволѣ обратить ихъ къ должной благопристойности. Итакъ, не говори: и то не важно, и другое не бѣда. Это-то именно все и губитъ. Слѣдуетъ учить ихъ и относительно такихъ предметовъ и въ самыхъ; повидимому, малостяхъ дѣлать степенными, великодушными, пренебрегающими наряды. Такимъ образомъ они успѣваютъ и въ важнѣйшемъ. Что маловажнѣе изученія азбуки? Однакожъ, начавшіе съ нея дѣлаются риторами, софистами, философами. А не знающіе азбуки и этихъ наукъ никогда не узнаютъ. Все же это говоримъ не для однихъ только юношей, но и для женъ и дѣвицъ. И онѣ вѣдь подлежатъ тѣмъ же упрекамъ и тѣмъ болѣе, что дѣвицѣ особенно нужна скромность. Итакъ, все сказанное юношамъ, приложите и къ себѣ, чтобы намъ опять не повторять того же. Но время уже заключить слово наше молитвою. Помолитесь же вмѣстѣ со мною, чтобы юноши, особенно христіанскіе, могли жить скромно и достигнуть приличной имъ старости; вѣдь тѣмъ, которые не такъ живутъ, не хорошо дожить и до старости. Но кто въ молодости живетъ какъ старикъ, тому желаю дожить до глубокихъ сѣдинъ, сдѣлаться отцемъ добрыхъ дѣтей, возвеселить своихъ родителей, а прежде всего—Бога, его сотворившаго; совершенно освободиться не только отъ недуга щеголять обувью и одеждами, но и отъ всѣхъ душевныхъ болѣзней. Какова невоздѣланная земля, такова и юность, оставленная въ небреженіи: она произращаетъ много терній. Итакъ пустимъ огонь Духа, попалимъ злыя вожделѣнія, обработаемъ нивы, приготовимъ ихъ къ принятію сѣмянъ; потщимся, чтобы наши юноши были цѣломудреннѣе иныхъ стариковъ. То и достойно удивленія, когда цѣломудріе блистаетъ въ юношѣ. Кто цѣломудренъ въ старости, тотъ заслуживаетъ небольшую награду; его самый возрастъ дѣлаетъ уже цѣломудреннымъ. Чудно то, чтобы среди волненія наслаждаться тишиною, въ пещи не сгарать, въ юности не предаваться распутству. Помышляя объ этомъ, поревнуемъ блаженному Іосифу, просіявшему всѣми этими добродѣтелями, чтобы удостоиться тѣхъ же вѣнцовъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА L.

И отпустивъ народы, взыде на гору одинъ помолитися: позд҄ѣ же бывшу единъ бѣ ту. Корабль же бѣ посредѣ моря, влаяся волнами: бѣ бо противенъ вѣтръ (Матѳ. XIV, 23, 24). 503-504

1. Для чего Господь восходитъ на гору? Чтобы научить насъ, сколько удобны пустыня и уединеніе, когда нужно молиться Богу. Для того Онъ часто уходитъ въ пустыни, и неоднократно проводитъ тамъ ночи въ молитвѣ, уча насъ избирать такое время и мѣсто, которыя бы насъ располагали къ спокойной молитвѣ. Пустыня есть матерь безмолвія, покой и пристань, укрывающая насъ отъ всякой тревоги. Итакъ, Христосъ для молитвы взошелъ на гору; а ученики опять борются съ волнами и претерпѣваютъ бурю, какъ и прежде. Но тогда во время бури Христосъ былъ съ ними на кораблѣ, а теперь они одни. Господь постепенно и мало-по-малу ведетъ ихъ къ большему, и пріучаетъ переносить все мужественно. Поэтому-то, когда они въ первый разъ подвер- 505
гались опасности, былъ съ ними, хотя и спалъ, чтобы тѣмъ самымъ успокоить ихъ; теперь же, ведя ихъ къ большему терпѣнію, поступаетъ иначе: уходитъ отъ нихъ, попускаетъ бурѣ застигнуть ихъ среди моря, такъ что имъ не оставалось никакой надежды къ спасенію, и на всю ночь оставляетъ ихъ бороться съ волнами,— чѣмъ, думаю, хотѣлъ тронуть жестокое ихъ сердце. Таковое дѣйствіе долженъ былъ произвесть страхъ, возбужденный какъ бурею, такъ и ночнымъ временемъ. Сверхъ сердечнаго умиленія, Господь располагаетъ ихъ къ сильнѣйшему желанію быть съ Нимъ и непрестанному памятованію о Немъ. Вотъ почему Онъ не тотчасъ явился къ нимъ, но, какъ говоритъ евангелистъ, *въ четвертую стражу нощи, иде къ нимъ Іисусъ, ходя по морю* (ст. 25),—чѣмъ научалъ ихъ не искать скораго избавленія отъ окружающихъ бѣдствій, но мужественно переносить все, что ни случится. Но когда они ожидали избавленія, страхъ еще болѣе увеличился. *Видѣвше Его ученицы по морю ходяща*, говоритъ евангилистъ, *смутишася, глаголюще, яко призракъ есть; и отъ страха возопиша* (ст. 26). Господь и всегда такъ поступаетъ: когда хочетъ прекратить бѣдствія, насылаетъ другія, тягчайшія и ужаснѣйшія. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: кромѣ бури, и явленіе Христово устрашило ихъ не менѣе бури. Христосъ не разсѣялъ тьмы и не вдругъ открылъ Себя ученикамъ, чтобы продолжительностію страха укрѣпить ихъ, какъ сказалъ я, и пріучить къ терпѣнію. Такъ поступлено было и съ Іовомъ. Когда Богу угодно было прекра-

тить его страхъ и искушеніе, попустилъ, чтобы послѣднее страданіе было тягчайшимъ. Я разумѣю здѣсь не смерть дѣтей и слова жены, но укоризны рабовъ и друзей. Равнымъ образомъ, когда Богъ хотѣлъ Іакова избавить отъ бѣдствованія на чужой сторонѣ, попустилъ, чтобъ открылись новыя безпокойства и непрестанно увеличивались. Тесть настигъ его на пути и угрожалъ смертію, а потомъ братъ, хотѣвшій перехватить на дорогѣ, повергъ его въ крайнюю опасность. Такъ какъ человѣку не возможно вынести искушеній продолжительныхъ и сильныхъ, то Господь, желая, чтобы праведники пріобрѣли больше, предъ окончаніемъ ихъ подвиговъ увеличиваетъ испытанія. Такъ поступилъ Онъ и съ Авраамомъ, назначивъ ему послѣднимъ искушеніемъ закланіе сына. И несносное дѣлается сноснымъ, когда налагается на человѣка при дверяхъ, незадолго до освобожденія. Такъ поступилъ Христосъ и въ настоящемъ случаѣ: не прежде открылъ Себя апостоламъ, чѣмъ они возопили. Чѣмъ болѣе увеличивалось безпокойство, тѣмъ пріятнѣе для нихъ было пришествіе Христово. Потомъ, когда возопили, *абіе же*, говоритъ евангелистъ, *рече имъ Іисусъ, глаголя: дерзайте, Азъ есмь, не бойтеся* (ст. 27). Эти слова разсѣяли страхъ и внушили смѣлость. Апостолы не узнавали Его по виду, какъ по причинѣ чудеснаго хожденія, такъ и по причинѣ ночного времени; поэтому Онъ открываетъ Себя посредствомъ голоса. Что же дѣлаетъ Петръ, вездѣ пламенный, всегда предупреждающій другихъ учениковъ? *Господи,*—говоритъ онъ,—*аще Ты еси, повели ми пріити къ Тебѣ по водамъ* (ст. 27). Не сказалъ: помолись и призови на помощь Бога; но: *повели*. Видишь ли, сколько жара, сколько вѣры —хотя Петръ отъ того и подвергается часто опасностямъ, что домогается чрезмѣрнаго? Такъ и здѣсь онъ просилъ слишкомъ многаго: впрочемъ, изъ одной любви, а не изъ хвастовства. Не сказалъ: вели мнѣ идти по волнамъ; но что говоритъ? *Повели мнѣ пріити къ Тебѣ*. Никто не любилъ
506 столько Іисуса. Это доказалъ Петръ и по воскресеніи Христовомъ. И тогда онъ не сталъ ждать, чтобы идти вмѣстѣ съ другими, но побѣжалъ впередъ. Впрочемъ онъ обнаруживаетъ въ себѣ не одну любовь, но и вѣру. Петръ былъ увѣренъ, что Іисусъ можетъ не только Самъ ходить по морю, но вести и другихъ, и желаетъ скорѣе быть близъ Него. *Онъ же рече: пріиди: и излѣзъ изъ корабля Петръ, хождаше по волнамъ,*—и шелъ къ Іисусу. *Видя же вѣтръ крѣпокъ, убояся, и наченъ утопати, возопи глаголя: Господи, спаси мя! И абіе Іисусъ простеръ руку ятъ его, и глагола ему: маловѣре, почто усумнѣлся еси* (ст. 29—31)? Это происшествіе чудеснѣе прежняго, потому и случилось послѣ. Когда Христосъ показалъ, что онъ Владыка моря, Онъ производитъ предъ учениками другое удивитель-

нѣйшее знаменіе. Прежде Онъ запретилъ только вѣтрамъ, а теперь и Самъ ходитъ по водамъ, и другому дозволяетъ сдѣлать то же. Но если бы повелѣлъ то вначалѣ, Петръ не принялъ бы съ такимъ расположеніемъ, потому что не имѣлъ еще такой вѣры.

2. Итакъ, для чего Христосъ позволилъ Петру? Для того, что, если бы сказалъ ему: не можешь,—Петръ, по своей горячности, и здѣсь сталъ бы противорѣчить. Поэтому Христосъ и убѣждаетъ его самымъ дѣломъ впредь быть осторожнѣе. Но Петра и это не удерживаетъ. Итакъ, сошедши съ корабля, обуревается волнами, потому что убоялся; вотъ что произвело волненіе, а страхъ произошелъ отъ вѣтра. Іоаннъ говоритъ, что *хотяху пріяти Его въ корабль, и абіе корабль бысть на земли, въ нюже идяху* (Іоан. vi, 21). Эти слова показываютъ то же самое, то есть: что Іисусъ взошелъ на корабль тогда уже, какъ ученики приблизились къ берегу. Итакъ, Петръ, сошедши съ корабля, шелъ къ Нему, радуясь не столько тому, что ходитъ по водамъ, сколько тому, что идетъ къ Іисусу. Но побѣдивъ трудное, онъ едва не потерпѣлъ вреда отъ легчайшаго; я разумѣю стремительность вѣтра, а не моря. Такова природа человѣческая: часто, успѣвъ въ великомъ, затрудняется малостію!

Какъ Илія пострадалъ отъ Іезавели, Моисей отъ египтянина, Давидъ отъ Вирсавіи, такъ и Петръ. Сначала, объятый еще страхомъ, онъ осмѣлился идти по водамъ; а противъ усилія вѣтра и притомъ находясь уже близъ Христа устоять не могъ. Такъ безполезно быть близъ Христа тому, кто не близокъ къ Нему вѣрою. Это обнаружило также разность между ученикомъ и Учителемъ и утѣшило прочихъ. Если они негодовали на двухъ братьевъ, то тѣмъ болѣе вознегодовали бы на Петра, потому что еще не удостоились принять Святого Духа. Послѣ принятія Духа они стали иными, и во всемъ уже уступаютъ первенство Петру; ему предоставляютъ право говорить въ собраніяхъ, хотя онъ менѣе другихъ былъ искусенъ въ словѣ. Но почему Господь не велѣлъ уняться вѣтрамъ, а Самъ простеръ руку и поддержалъ Петра? Потому что нужна была Петрова вѣра. Когда съ нашей стороны есть недостатокъ, то и божественное дѣйствіе останавливается. Итакъ, желая показать, что не стремленіе вѣтра, но Петрово маловѣріе произвело такую перемѣну, Господь говоритъ: *маловѣре, почто усумнѣлся еси?* Слѣдовательно, онъ легко устоялъ бы противъ вѣтра, если бы въ немъ не ослабѣла вѣра. Потому-то Господь, поддержавъ Петра, и не остановилъ дуновенія вѣтра, желая показать, что вѣтеръ не вредитъ, когда крѣпка вѣра. Какъ птенца, который прежде времени вылетѣлъ изъ гнѣзда и готовъ упасть на земь, мать са- 507

жаетъ къ себѣ на крылья и опять уноситъ въ гнѣздо,—такъ сдѣлалъ и Христосъ. *И влѣзшимъ имъ въ корабль, тогда преста вѣтръ* (ст. 32). Раньше при подобномъ случаѣ говорили: *кто есть человѣкъ Сей, яко и вѣтры и море послушаютъ Его?* А теперь говорятъ иначе. *Сущіи въ корабли*, говоритъ евангелистъ, *пришедше поклонишася Ему, глаголюще: воистину Божій сынъ еси* (ст. 33)! Видишь ли, какъ Господь мало-по-малу велъ всѣхъ выше и выше? Оттого, что Самъ ходилъ по морю, велѣлъ другому сдѣлать то же, и спасъ его отъ опасности, вѣра въ ученикахъ весьма уже возросла. Тогда запретилъ Онъ морю, а теперь не запрещаетъ; но иначе, въ высшей мѣрѣ, показываетъ Свое могущество. Потому и говорили: *воистину Божій Сынъ еси*. Чтожъ? Запретилъ ли Онъ говорить такъ? Совершенно напротивъ, даже подтвердилъ сказанное тѣмъ, что съ большею властію и не по прежнему сталъ исцѣлять приходящихъ къ Нему. *И пришедше*, говоритъ евангелистъ, *пріидоша въ землю Геннисаревскую* (ст. 34). *И познавше Его мужіе мѣста того, послаша во всю страну ту, и принесоша къ Нему вся болящія* (ст. 35). *И моляху Его, да токмо прикоснутся воскрилію ризы Его: и елицы прикоснушася, спасены быша* (ст. 36). Теперь приступили къ Нему не съ такими уже просьбами, какъ прежде: не зовутъ Его въ домъ, не домогаются, чтобы прикоснулся рукою, или приказалъ словомъ; напротивъ, съ возвышеннѣйшимъ любомудріемъ и съ обильнѣйшею вѣрою просятъ объ исцѣленіи. Кровоточивая жена всѣхъ научила любомудрію. Между тѣмъ евангелистъ, желая показать, что I. Христосъ давно уже не былъ въ этой странѣ, говоритъ: *познавше мужіе мѣста того, послаша во всю страну ту, и принесоша къ Нему вся болящія.* Однако время не только не истребило вѣры (въ народѣ), но еще увеличило ее и сохранило во всей силѣ. Итакъ, прикоснемся и мы къ краю одежды Христовой, вѣрнѣе же сказать,—если хотимъ, мы можемъ имѣть всего Христа. Намъ предложено нынѣ и тѣло Его,—не только одежда, но самое тѣло, чтобы мы не только прикасались, но и ѣли и насытились. Приступимъ же съ вѣрою, приступимъ всѣ немощные. Если прикасающіеся къ краю одежды Его привлекали на себя чудодѣйственную силу, то не гораздо ли въ большей мѣрѣ привлекутъ ее пріемлющіе въ себя всего Христа? Приступить же съ вѣрою значитъ не только принять предложенное, но прикоснуться къ нему съ чистымъ сердцемъ, съ такимъ расположеніемъ, какъ бы приступали къ самому Христу. Что въ томъ, что ты не слышишь гласа Его? За то ты видишь Его тебѣ предлагаемаго; или лучше сказать, и голосъ Его слышишь, потому что Онъ говоритъ чрезъ евангелистовъ.

3. Итакъ, вѣруйте, что и нынѣ совершается та же вечеря, на которой самъ Онъ возлежалъ. Одна отъ другой ничѣмъ не отличается. Нельзя сказать, что эту совершаетъ человѣкъ, а ту совершалъ Христосъ; напротивъ, ту и другую совершалъ и совершаетъ самъ Онъ. Когда видишь, что священникъ преподаетъ тебѣ дары, представляй, что не священникъ дѣлаетъ это, но Христосъ простираетъ къ тебѣ руку. Какъ при крещеніи не священникъ креститъ тебя, но Богъ невидимою силою держитъ главу твою, и ни ангелъ, ни архангелъ, ни другой кто не смѣетъ приступить и коснуться, такъ и въ причащеніи. Если одинъ Богъ возрождаетъ, то Ему одному принадлежитъ даръ. Не видишь ли, что и у насъ желающіе кого-либо усыновить, не рабамъ ввѣряютъ это дѣло, а сами являются въ судъ? Такъ и Богъ не ангеламъ ввѣрилъ даръ, но самъ присутствуетъ, повелѣваетъ и говоритъ: *не зовите Отца на земли* (Матѳ. XXIII, 9). Говоритъ это не для того, чтобы ты не почиталъ родителей, а чтобы предпочиталъ имъ создавшаго тебя и принявшаго въ число дѣтей Своихъ. А 508
кто далъ тебѣ большее, т. е. предложилъ самого Себя, тотъ тѣмъ болѣе не почтетъ недостойнымъ Своего величія и преподать тебѣ Свое тѣло. Итакъ послушаемъ, іереи и міряне, чего мы удостоились, послушаемъ и ужаснемся! Христосъ далъ намъ въ пищу святую плоть Свою, самого Себя предложилъ въ жертву: какое же будемъ имѣть оправданіе, когда, принимая такую пищу, такъ грѣшимъ? Вкушая Агнца, дѣлаемся волками! Снѣдая овча, бываемъ хищны какъ львы! Таинство это требуетъ, чтобы мы были совершенно чисты, не только отъ хищенія, но и отъ малой вражды. Это таинство есть таинство мира; оно не позволяетъ гоняться за богатствомъ. Если Господь не пощадилъ для насъ самого Себя, то чего будемъ достойны мы, когда, дорожа богатствомъ, не щадимъ души своей, за которую Онъ не пощадилъ Себя? Для іудеевъ учредилъ Богъ праздники, чтобы они ежегодно вспоминали о Его благодѣяніяхъ; а тебѣ, такъ сказать, каждый день напоминаетъ о нихъ чрезъ это таинство. Итакъ, не стыдись креста. Въ немъ заключены наша слава, наши таинства; этимъ даромъ мы украшаемся, имъ хвалимся. Если я скажу, что Богъ простеръ небо и землю, расширилъ море, послалъ пророковъ и ангеловъ, я не выражу въ такой мѣрѣ Его благости. Верхъ благодѣяній Его состоитъ въ томъ, что Онъ не пощадилъ Сына Своего для спасенія отчуждившихся отъ Него рабовъ. Итакъ, ни Іуда, ни Симонъ не должны приступать къ этой трапезѣ, потому что оба они погибли отъ сребролюбія. Будемъ же избѣгать этой пропасти, и не почтемъ достаточнымъ для спасенія, если, ограбивъ вдовъ и сиротъ, принесемъ золо-

той и украшенный драгоцѣнными камнями сосудъ для св. трапезы. Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за которую принесена жертва; душу свою сдѣлай золотою. Если же она хуже свинца и глины, а ты приносишь золотой сосудъ, какая изъ того польза? Итакъ, будемъ заботиться не о томъ одномъ, чтобы принесть въ даръ золотые сосуды, но о томъ, чтобы принесть отъ праведныхъ трудовъ. Такія приношенія, добытыя тобою безъ любостяжанія, дороже всякихъ золотыхъ. Церковь—не на то, чтобъ въ ней плавить золото, ковать серебро; она есть торжественное собраніе ангеловъ. Поэтому мы требуемъ въ даръ ваши души,—вѣдь ради душъ принимаетъ Богъ и прочіе дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не изъ золотого сосуда Христосъ давалъ пить кровь Свою ученикамъ. Однако же тамъ все было драгоцѣнно, все возбуждало благоговѣніе, потому что все исполнено было Духа. Хочешь почтить тѣло Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагимъ. И что пользы, если здѣсь почтишь Его шелковыми покровами, а внѣ храма оставишь терпѣть и холодъ и наготу? Изрекшій: *сіе есть тѣло Мое* (Матѳ. xxvi, 26), и утвердившій словомъ дѣло, сказалъ также: вы видѣли Меня алчущаго, и не напитали; и далѣе: *понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе* (Матѳ. xxv, 42—45). Для этого таинственнаго тѣла нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть, нищіе, имѣютъ великую нужду въ нашемъ попеченіи. Научимся же быть любомудрыми и почитать Христа, какъ самъ Онъ того хочетъ. Почитаемому пріятнѣе всего та честь, которой онъ самъ желаетъ, а не та, которую мы признаемъ лучшею. И Петръ думалъ почтить Господа, не допуская Его умыть ноги; однако же это было не почтеніе, а нѣчто тому противное. Такъ и ты почитай Его тою честію, какую самъ Онъ заповѣдалъ, то есть, истощай богатство свое на бѣдныхъ. Богу нужны не золотые сосуды, а золотыя души.

4. Говоря это, не запрещаю дѣлать богатые вклады: требую только, чтобы вы, вмѣстѣ съ вкладами и даже прежде нихъ,
509 творили милостыню. Хотя Богъ пріемлетъ и вклады, но гораздо лучше милостыню. Тамъ одинъ только приносящій получаетъ пользу; а здѣсь и пріемлющій. Тамъ даръ бываетъ иногда поводомъ къ тщеславію; а здѣсь все дѣлается по одному милосердію и человѣколюбію. Что пользы, если трапеза Христова полна золотыхъ сосудовъ, а самъ Христосъ томится голодомъ? Сперва напитай Его алчущаго, и тогда уже употреби остальное на украшеніе трапезы Его. Ты дѣлаешь золотую чашу, и не даешь чаши студеной воды. Что въ томъ пользы? Дѣлаешь для

трапезы златотканные покровы, а Христу не даешь и нужнаго для прикрытія. Какой плодъ отъ того? Скажи, мнѣ: если ты увидишь человѣка, не имѣющаго у себя необходимой пищи, и вмѣсто того, чтобъ утолить его голодъ, обложишь только столъ серебромъ, поблагодаритъ ли онъ тебя за это, или, скорѣе, огорчится? Еще: ты видишь человѣка, покрытаго рубищемъ и окостенѣвшаго отъ холода, и вмѣсто того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что дѣлаешь это въ честь его: не скажетъ ли онъ, что ты надъ нимъ насмѣхаешься, и не почтетъ ли это крайнею обидою? То же представь и о Христѣ, когда Онъ, какъ безпріютный странникъ, ходитъ и проситъ крова, а ты, вмѣсто того, чтобы принять Его, украшаешь полъ, стѣны, верхи столбовъ, привязываешь къ лампадамъ серебрянныя цѣпи, а на Христа, связаннаго въ темницѣ, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и въ томъ быть щедрымъ, но совѣтую также не оставлять другого, или даже и предпочитать послѣднее. За неисполненіе перваго никто никогда не былъ осужденъ, а за неисполненіе послѣдняго угрожаетъ геенна и огнь неугасимый и мученіе вмѣстѣ съ демонами. Итакъ, украшая домъ Божій, не презирай скорбящаго брата; этотъ храмъ превосходнѣе перваго. Тѣ утвари могутъ похитить и невѣрные цари, и тираны, и разбойники; а что сдѣлаешь для брата алчущаго и страннаго и нагого, того и самъ діаволъ не можетъ похитить: оно сбере- 510
жется въ неприступномъ хранилищѣ. Почему же самъ Христосъ говоритъ: *всегда нищія имате съ собою, Мене же не всегда имате* (Марк. XIV, 7)? Потому-то особенно и нужно быть милосердными, что не всегда имѣемъ Его алчущаго, а только въ настоящей жизни. Если же хочешь вполнѣ постигнуть смыслъ этихъ словъ, слушай: Христосъ говоритъ здѣсь не ученикамъ, какъ представляется съ перваго взгляда, а слабой женѣ. Такъ какъ она была еще несовершенна, а ученики приводили ее въ сомнѣніе, то Господь сказалъ это въ ея ободреніе. А чтобы показать, что дѣйствительно сказалъ это въ ея утѣшеніе, присовокупилъ: *что труды даете* женѣ? Мы всегда имѣемъ Его съ собою, какъ самъ Онъ говоритъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVIII, 20). Изъ всего этого видно, что Христосъ сказалъ тѣ слова единственно для того, чтобы запрещеніе учениковъ не изсушило въ женѣ прозябшей тогда вѣры. Поэтому не будемъ ссылаться теперь на то, что сказано было съ особеннымъ намѣреніемъ; но, прочитавъ всѣ узаконенія о милостынѣ, данныя и въ новомъ, и въ ветхомъ завѣтѣ, употребимъ все стараніе, чтобы приложить ихъ на дѣлѣ. Милостыня и грѣхи очищаетъ, какъ сказано: *дадите милостыню, и се вся чиста вамъ будутъ* (Лук. XI, 41).

Она важнѣе жертвъ: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6). Она отверзаетъ небеса: *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (Дѣян. x, 4.) Она нужнѣе дѣвства. Такъ однѣ дѣвы были изгнаны изъ брачнаго чертога; такъ другія введены были въ него. Зная все это, будемъ сѣять щедро, чтобы съ большимъ изобиліемъ пожать, и получить будущія блага по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА LI.

509-510 **Тогда приступиша ко Іисусови иже отъ Іерусалима книжницы и фарисее, глаголюще: почто ученицы твои и пр. (Матѳ. XV, 1).**

1. *Тогда*—когда же это? Послѣ того, какъ Онъ сотворилъ безчисленныя знаменія, послѣ того, какъ исцѣлилъ недужныхъ прикосновеніемъ къ краю ризъ Его. Для того-то евангелистъ и означаетъ время, чтобы показать крайнюю, ничѣмъ непреодолимую злобу книжниковъ и фарисеевъ. Но что значатъ слова: *иже отъ Іерусалима книжницы и фарисее?* Книжники и фарисеи были разсѣяны по всѣмъ колѣнамъ, и раздѣлены на двѣнадцать частей; но тѣ изъ нихъ, которые жили въ главномъ городѣ, были гораздо злѣе прочихъ, такъ какъ большею пользовались честію и болѣе надмевались. Смотри же, какъ они и самымъ вопросомъ своимъ уловляются. Они не говорятъ: почему ученики Твои преступаютъ законъ Моисеевъ, но—почему нарушаютъ *преданіе старецъ?* Отсюда видно, что священники много вводили новаго, хотя Моисей подъ страхомъ великаго наказанія и со многими угрозами запрещалъ имъ что-либо прилагать къ закону, или отнимать отъ него, говоря: *да не приложите къ словеси, еже азъ заповѣдаю вамъ днесь, ниже да отъимете отъ него* (Второз. IV 2). И тѣмъ не менѣе они вводили новыя постановленія, каково было и то, что не должно ѣсть неумытыми руками, что чаши и котлы надобно омывать и самимъ омываться. Тогда какъ іудейскому народу надлежало уже оставить прежнія постановленія, они навязывали ему еще болѣе, опасаясь лишиться власти и желая, чтобы ихъ тѣмъ болѣе страшились, что они и сами законодатели. Отъ этого дѣло дошло до такого нечестія, что ихъ заповѣди сохраняли, а Божіи нарушали; и столь велика была власть ихъ, что это не почиталось уже и преступленіемъ. Потому на нихъ и лежала двойная вина: и за то, что вводили новыя постановленія, и за то, что, оставляя безъ вниманія Божіи заповѣди,

тѣмъ болѣе вступались за свои. Умалчивая о другихъ постановленіяхъ, достойныхъ только смѣха,—какъ-то, о омовеніи кувшиновъ и котловъ,—они выставляютъ на видъ то, что повидимому болѣе заслуживало вниманія, желая, какъ мнѣ кажется, привести чрезъ это Господа въ гнѣвъ. Потому упоминали и о старцахъ, чтобы, въ случаѣ неуваженія къ нимъ, имѣть предлогъ къ обвиненію Господа. Но сперва слѣдуетъ разсмотрѣть, почему ученики ѣли неумытыми руками? Итакъ, почему же они такъ поступали? Это они дѣлали не съ намѣреніемъ, но потому, что 511
презирали уже излишнее, и заботились объ исполненіи необходимаго. Они не считали закономъ умываться, ни оставаться неумытыми, но поступали такъ, или иначе, какъ случалось. И могли ли они заботиться объ этомъ, когда не заботились даже о самой пищѣ, необходимой для нихъ? И тогда какъ имъ часто случайно приходилось ѣсть неумытыми руками,—какъ напримѣръ, когда въ пустынѣ принимали пищу, или когда рвали колосья, — пренебрегающіе всегда великимъ и заботящіеся много о излишнемъ поставляютъ имъ это въ вину. Что же Христосъ? Онъ не сталъ ни порицать, ни защищать поведенія учениковъ, но на обвиненіе фарисеевъ и самъ отвѣчалъ обвиненіемъ, унимая дерзость ихъ и показывая, что согрѣшающій въ великихъ дѣлахъ не долженъ съ такою заботливостію подмѣчать въ другихъ маловажные проступки. Васъ бы надлежало подвергнуть обвиненію,—говоритъ Онъ,—а вы сами обвиняете другихъ. Замѣть, что когда Онъ хочетъ какое-либо постановленіе отмѣнить, то дѣлаетъ это въ видѣ отповѣди; такъ и теперь поступилъ. Онъ не тотчасъ обращается къ учиненному проступку, и не говоритъ, что онъ ничего не значитъ, — иначе Онъ увеличилъ бы ихъ дерзость; но сперва сражаетъ дерзость ихъ, поставляя на видъ преступленіе гораздо важнѣйшее, и возлагая его на главу ихъ. Онъ не говоритъ и того, что нарушающіе постановленіе хорошо поступаютъ, чтобы не подать имъ случая къ обвиненію Себя; но и не охуждаетъ поступокъ учениковъ, чтобы не подтвердить постановленія. Равно не обвиняетъ и старцевъ, какъ людей законопреступныхъ и порочныхъ (иначе фарисеи отвратились бы отъ Него, какъ отъ ругателя и оскорбителя); но, все это оставивъ, избираетъ другой путь и, порицая, повидимому, подошедшихъ къ Нему, касается между тѣмъ сдѣлавшихъ самыя постановленія. Онъ не упоминаетъ вовсе о старцахъ, но въ обличеніи, направленномъ противъ однихъ, низлагаетъ и другихъ, и показываетъ, что они вдвойнѣ грѣшатъ, не покоряясь Богу и угождая людямъ. Онъ какъ бы такъ говоритъ: обыкновеніе повиноваться старцамъ, оно-то и погубило васъ. Правда,

Онъ не говоритъ этого, но то же самое даетъ разумѣть въ слѣдующемъ отвѣтѣ: *почто и вы преступаете заповѣдь Божію за преданіе ваше? Богъ бо заповѣда: чти отца и матерь, и: иже злословитъ отца или матерь, смертію да умретъ. Вы же глаголете: иже аще речетъ отцу или матери: даръ, имже бы отъ мене пользовался еси; и да не почтитъ отца своего, или матере; и разористе заповѣдь Божію за преданіе ваше* (ст. 3—6).

2. Господь не сказалъ: за преданіе старцевъ, но—*за преданіе ваше*; также не сказалъ: старцы же глаголютъ, но—*вы глаголете*, смягчая тѣмъ Свою рѣчь. Книжникамъ и фарисеямъ хотѣлось показать, что ученики Его нарушаютъ законъ; Христосъ, напротивъ, показываетъ, что они сами дѣлаютъ это, а ученики не подлежатъ обвиненію. Постановленіе человѣческое не есть законъ (потому Онъ и называетъ его преданіемъ), а особенно постановленіе людей беззаконныхъ. Но такъ какъ преданіе, повелѣвающее умывать руки, не было противно закону, то Христосъ приводитъ другое, противное закону, именно слѣдующее: фарисеи учили юношей, подъ видомъ благочестія, презирать отцевъ. Какимъ образомъ? Если кто изъ родителей говорилъ сыну: дай мнѣ эту овцу, которую ты имѣешь, или тельца, или иное что, то имъ отвѣчали: то, чѣмъ ты желаешь отъ меня пользоваться,
512 я отдаю въ даръ Богу, и ты не можешь получить этого. Отсюда происходило двоякое зло: и Богу не приносили, и родителей, подъ предлогомъ приношенія Богу, лишали дара; и оскорбляли родителей подъ предлогомъ обязанности къ Богу, и Бога—подъ предлогомъ обязанности къ родителямъ. Впрочемъ Господь не прямо указываетъ на это, но сначала читаетъ имъ законъ, въ которомъ показываетъ, что Богъ строго требуетъ почтенія къ родителямъ. *Чти*, говоритъ Онъ, *отца твоего и матерь, да будеши долголѣтенъ на земли*. И еще: *иже злословитъ отца или матерь, смертію да умретъ*. Но, умолчавъ о наградѣ, которая принадлежитъ почитающимъ родителей, Христосъ упоминаетъ только о томъ, чего надобно страшиться, т. е. о наказаніи, которое угрожаетъ непочитающимъ родителей, желая таковыхъ устрашить, равно какъ и благонамѣренныхъ ободрить, указывая такимъ образомъ на настоящихъ виновниковъ, достойныхъ смерти. Если, говоритъ Онъ, непочтительные на словахъ наказываются, то тѣмъ болѣе будете наказаны вы, непочтительные на дѣлѣ, и не только сами такъ поступающіе, но и другихъ научающіе тому же. Какъ же вы, которымъ и жить не подобало бы, обвиняете учениковъ? Что удивительнаго, если вы Меня, доселѣ неизвѣстнаго вамъ, такъ много оскорбляете, когда являетесь такъ дерзкими и предъ Отцемъ? Такъ Христосъ вездѣ говоритъ и показываетъ, что изъ

неуваженія къ Отцу и происходитъ такое безумное высокомѣріе ихъ. Нѣкоторые изъясняютъ иначе это выраженіе: *даръ, имже бы отъ мене пользовался еси*, именно: я не обязанъ почитать тебя, и это мой даръ тебѣ, если я стану тебя почитать [1]). Но Христосъ не о такомъ оскорбленіи упоминалъ здѣсь. Евангелистъ Маркъ выражаетъ это яснѣе, говоря: *корванъ, иже аще отъ мене пользовался еси* (Марк. VII, 11), что не означаетъ ни дара, ни одолженія, но собственно выражаетъ приношеніе. Итакъ, показавъ, что пренебрегающіе закономъ Божіимъ не должны обвинять тѣхъ, кто нарушаетъ преданіе старцевъ, Онъ то же самое показываетъ и изъ словъ пророка. По строгомъ обличеніи, Онъ простираетъ рѣчь Свою далѣе, что и всегда дѣлаетъ, представляя въ доказательство Писанія, и тѣмъ показывая Свое согласіе съ Богомъ. Что же говоритъ пророкъ? *Людіе сіи устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же чтутъ Мя, учаще ученіемъ, заповѣдемъ человѣческимъ* (Ис. XXIX, 13). Видишь ли, какъ пророчество совершенно согласно со словами І. Христа и какъ оно еще прежде возвѣщало злобу іудеевъ? Что Христосъ осудилъ нынѣ, о томъ еще прежде говорилъ Исаія, т. е., что іудеи заповѣди Божіи презираютъ. *Всуе*, говоритъ *чтутъ Мя*, а о Своихъ постановленіяхъ прилагаютъ великое стараніе: *учаще ученіемъ, заповѣдемъ человѣческимъ*. Потому справедливо ученики и не соблюдаютъ этихъ постановленій. Итакъ, нанесши іудеямъ смертельный ударъ и усиливъ обличеніе и дѣломъ, и собственнымъ сужденіемъ, и словами пророка, Господь перестаетъ говорить съ ними, такъ какъ они не могли уже исправиться, но обращаетъ рѣчь Свою къ народу, чтобы преподать ему высокое, великое и исполненное многаго любомудрія ученіе. Пользуясь этимъ случаемъ, Онъ присовокупляетъ большее, и совсѣмъ уже отвергаетъ постановленія о пищѣ. Но замѣть, когда это? Когда прокаженнаго очистилъ, когда нарушилъ покой субботній, когда показалъ Себя царемъ земли и моря, когда установилъ законъ, когда грѣхи отпустилъ, когда мертвыхъ воскресилъ, когда представилъ многія доказательства Своей божественности: тогда начинаетъ разсуждать и о пищѣ.

3. Все іудейство заключается въ преданіяхъ о подобныхъ 513
предметахъ. И если ты отвергнешь эти преданія, то отвергнешь и все его. Такимъ образомъ Христосъ показываетъ, что и обрѣзаніе должно уничтожить. Впрочемъ, самъ Онъ не внушаетъ

---

[1]) Смыслъ толкованія таковъ: если я приношу тебѣ даръ, то это зависитъ только отъ моей воли, это — дѣло моей милости, потому что тотъ самый даръ я могъ бы посвятить Богу.

оставить этотъ обрядъ предпочтительно предъ прочими, потому что заповѣдь объ обрѣзаніи всѣхъ древнѣе прочихъ и болѣе уважалась, но чрезъ учениковъ утверждаетъ законъ объ его отмѣнѣ. Обрѣзаніе такъ было важно, что и ученики, по прошествіи уже многаго времени желая отмѣнить его, дѣлаютъ это послѣ предварительнаго разсужденія. Но смотри, какъ Господь вводитъ законъ: *призвавъ народы*, говоритъ евангелистъ, *рече имъ: слышите и разумѣйте* (Матѳ. xv, 10)! Не просто объявляетъ имъ этотъ законъ, но почтительностью и снисходительностью располагаетъ народъ къ принятію словъ Своихъ (что показалъ евангелистъ въ словѣ: *призвавъ*). Далѣе Онъ пользуется благопріятностію времени: начинаетъ изрекать законъ послѣ того, какъ обличилъ фарисеевъ, одержалъ надъ ними побѣду и осудилъ ихъ словами пророка, слѣдовательно, когда народъ удобнѣе могъ принимать слова Его; и притомъ Онъ не просто призываетъ ихъ, но и возбуждаетъ ихъ вниманіе. *Разумѣйте*,—говоритъ Онъ,—т. е. размыслите, обратите вниманіе ваше. Законъ, который Я теперь намѣренъ дать вамъ, достоинъ этого. Если фарисеи несвоевременно нарушили законъ для сохраненія своихъ преданій, и вы ихъ слушали, то гораздо болѣе должны слушать Меня, въ надлежащее время поучающаго васъ высшему любомудрію. Впрочемъ, Онъ не сказалъ, что разборчивость въ пищѣ ничего не значитъ, и что Моисей предписалъ ее напрасно, или изъ снисхожденія; а говоритъ въ видѣ увѣщанія и совѣта, заимствуя доказательство изъ самаго свойства вещи. *Не входящее во уста*, говоритъ Онъ, *сквернитъ человѣка, но исходящее изо устъ* (ст. 11). Основываясь на самой природѣ, Онъ и изрекаетъ и утверждаетъ законъ. Слыша это, фарисеи ничего не сказали вопреки. Не сказали: что Ты говоришь? Тогда какъ самъ Богъ далъ столько повелѣній о соблюденіи различія въ пищѣ, Ты ли даешь такой законъ? Но такъ какъ Христосъ совсѣмъ заставилъ молчать ихъ не только тѣмъ, что обличилъ, но и тѣмъ, что вывелъ наружу ихъ коварство, обнаруживъ тайныя дѣла ихъ и сокровенныя помышленія, то они молча удалились. Но смотри, какъ Господь нигдѣ не рѣшается возстать явно противъ пищи; потому и не сказалъ—пища, но: *не входящее сквернитъ человѣка*,—что можно было относить и къ неумовенію рукъ. Хотя Онъ говорилъ о пищѣ, но можно было думать, что Онъ говорилъ и объ умовеніи рукъ. Разборчивость въ пищѣ такъ строго была наблюдаема, что и послѣ воскресенія Петръ говорилъ: *никакоже Господи! яко николиже ядохъ скверно, или нечисто* (Дѣян. x, 14). Хотя онъ говорилъ это и для другихъ, и для того, чтобы имѣть самому оправданіе противъ обвинителей, и вмѣстѣ показать,

что Онъ сколько ни препирался, но не имѣлъ успѣха, тѣмъ не менѣе показываетъ, какъ много думали объ этомъ предметѣ. Потому-то и самъ Христосъ первоначально не прямо сказалъ о пищѣ, а употребилъ выраженіе: *входящее во уста*; и послѣ, когда, повидимому, говорилъ объ этомъ яснѣе, опять прикровенно заключилъ рѣчь Свою, сказавъ: ***а еже неумовенными руками ясти, не сквернитъ человѣка*** (ст. 20), чтобы слышавшіе думали, что Онъ 514
съ этого началъ, и объ этомъ разсуждалъ доселѣ. Потому не сказалъ прямо: пища не сквернитъ человѣка; но говорилъ такъ, какъ бы разсуждалъ объ умовеніи рукъ, чтобы фарисеи ничего не могли сказать вопреки. Услышавъ такія рѣчи, *соблазнишася*, говорится, фарисеи, но не народъ. *Приступльше*, говоритъ евангелистъ, *ученицы Его рѣша Ему: вѣси ли, яко фарисеи слышавше слово соблазнишася* (ст. 12)?—хотя Господь и не къ нимъ говорилъ. Что же Христосъ? Онъ не сталъ выводить ихъ изъ соблазна, но укорилъ ихъ, говоря: *всякъ садъ, егоже не насади Отецъ Мой небесный, искоренится* (ст. 13). Онъ зналъ, когда должно оставлять безъ вниманія соблазны, и когда не должно. Такъ, въ другомъ случаѣ Онъ говоритъ: *да не соблазнимъ ихъ, верзи удицу въ море* (Матѳ. XVII, 26); а здѣсь: *оставите ихъ, вожди суть слѣпи слѣпцемъ: слѣпецъ же слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ* (ст. 14). Ученики говорили это не столько потому, что заботились о фарисеяхъ, сколько потому, что сами нѣсколько смущались. Но такъ какъ сказать это отъ своего лица не смѣли, то желали узнать чрезъ повѣствованіе о другихъ. А что они дѣйствительно и сами соблазнялись, это видно изъ того, что ревностный и всегда другихъ предупреждающій Петръ подходитъ и говоритъ Іисусу: *скажи намъ притчу сію* (ст. 15); открывая свое душевное смущеніе, но не осмѣливаясь явно сказать: я соблазняюсь, онъ проситъ изъясненія, дабы избавиться отъ этого смущенія, за что и подвергся укоризнѣ. Что же говоритъ Христосъ? *Всякъ садъ, егоже не насади Отецъ Мой небесный, искоренится.* Зараженные ученіемъ манихеевъ говорятъ, что это сказано о законѣ; но имъ заграждаетъ уста то, что сказано выше. Если Господь говорилъ это о законѣ, то какъ же Онъ выше защищаетъ его, и отстаиваетъ, говоря: *почто преступаете заповѣдь Божію за преданіе ваше?* Къ чему приводитъ и слова пророка? Нѣтъ, это говоритъ Онъ о фарисеяхъ и о ихъ преданіяхъ. Если Богъ сказалъ: *чти отца и матерь*, то какъ же сказанное Богомъ не есть насажденіе Божіе?

4. Равнымъ образомъ и изъ послѣдующаго видно, что изъясняемыя слова сказаны о фарисеяхъ, и о ихъ преданіяхъ, потому что Господь присовокупилъ: *вожди суть слѣпи слѣпцемъ*. Если

бы эти слова говорилъ Онъ о законѣ, то сказалъ бы: слѣпой вождь слѣпыхъ; но Онъ не говоритъ такъ, а говоритъ: *вожди суть слѣпи слѣпцемъ*, отклоняя этимъ порицаніе отъ закона и обращая на нихъ самихъ. Потомъ, отдѣляя отъ нихъ народъ, какъ уже близкій къ тому, чтобы пасть въ яму чрезъ ихъ водительство, говоритъ: *слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ*: Большое зло и слѣпымъ быть; но при слѣпотѣ не имѣть руководителя и занимать должность вождя—двойное и даже тройное преступленіе. Если при слѣпотѣ не имѣть вождя, то гораздо пагубнѣе браться водить другого. Что же Петръ? Онъ не говоритъ: почему и для чего Ты сказалъ это; но спрашиваетъ, какъ бы сказанное было не ясно; не говоритъ: для чего Ты утверждаешь противное закону, потому что опасается, чтобы Христосъ не почелъ его соблазнившимся; но какъ бы говоритъ,
515 что сказанное не ясно. А что онъ въ самомъ дѣлѣ спрашивалъ не по причинѣ неясности, но потому что соблазнялся, это очевидно изъ того, что въ словахъ Господа не было ничего неяснаго. Поэтому Христосъ и укоряетъ его, говоря: *единаче ли и вы безъ разума есте* (ст. 16)? Народъ, можетъ быть, еще не понималъ словъ Его, а ученики соблазнились ими. Вотъ почему сначала они желали узнать о томъ, спрашивая какъ бы для фарисеевъ; когда же услышали произнесенную имъ тяжкую угрозу: *всякъ садъ, егоже не насади Отецъ Мой небесный, искоренится*, и: *вожди суть слѣпи слѣпцемъ*,—замолчали. Но Петръ, во всѣхъ случаяхъ ревностный, и этимъ не удерживается въ молчаніи, а говоритъ: *скажи намъ притчу сію*. Что же отвѣчаетъ Христосъ? Онъ отвѣчаетъ съ великою укоризною: *единаче ли и вы безъ разума есте: не у ли разумѣваете?* Такъ говорилъ Онъ и укорялъ ихъ, чтобы уничтожить предразсудокъ, и не довольствуясь этимъ, присовокупилъ еще: *яко всяко, еже входитъ во уста, во чрево вмѣщается и афедрономъ исходитъ; исходящая же изо устъ отъ сердца исходятъ, и та скверпятъ человѣка. Отъ сердца бо исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы. Сія суть сквернящая человѣка; а еже неумовенныма рукама ясти, не скверпитъ человѣка* (ст. 17—20). Видишь ли, какъ сильно Онъ укоряетъ ихъ? Потомъ подтверждаетъ сказанное общимъ закономъ природы, для исправленія ихъ. Говоря: *во чрево вмѣщается и афедрономъ исходитъ*, Онъ даетъ отвѣтъ, приноравливаясь къ брезгливости іудеевъ. Онъ говоритъ, что пища не остается во чревѣ, но исходитъ, между тѣмъ какъ если бы она и оставалась, и тогда не оскверняла бы человѣка; но они еще не могли вмѣстить этого. Потому и законодатель позволяетъ оставаться безъ умовенія въ то время, пока пища находится внутри, но когда выходитъ вонъ, не позво-

ляетъ. Онъ повелѣваетъ омываться и быть чистымъ вечеромъ, расчисляя время перевариванія и изверженія пищи. А нечистота сердца, говоритъ Онъ, внутри пребываетъ и оскверняетъ человѣка не только тогда, когда остается тамъ, но и когда исходитъ оттолѣ. Сначала Онъ исчисляетъ злыя помышленія, свойственныя іудеямъ, и уже не заимствуетъ доказательства изъ природы вещей, но изъ того, что одни изъ нихъ порождаются во утробѣ, а другія въ сердцѣ, одни остаются въ человѣкѣ, а другія не остаются. То, что входитъ въ человѣка отвнѣ, опять и исходитъ изъ него; но что зарождается внутри его, то оскверняетъ его и по исшествіи, и тогда еще болѣе. Такое доказательство употребилъ Онъ потому, что ученики, какъ я уже сказалъ, еще не могли слушать этого съ должною мудростію. Маркъ (VII, 19) говоритъ, что Господь этими словами указывалъ на то, что пища очищается отъ нечистоты. Но Онъ не показалъ вида и не сказалъ, что ѣсть такую-то пищу не скверпитъ человѣка, потому что книжники не стали бы и слушать, если бы Онъ сталъ явно говорить это. Потому Онъ и присовокупилъ: *а еже неумовенными рукама ясти не сквернитъ человѣка*. Итакъ познаемъ, что оскверняетъ человѣка, познаемъ—и будемъ избѣгать того! Мы видимъ, что многіе въ церкви строго соблюдаютъ обыкновеніе—приходить въ чистыхъ одеждахъ и съ обмытыми руками; а о томъ, чтобы съ чистою душею предстать Богу, нимало не заботятся. Говоря это, я не запрещаю умывать руки или лице, но желаю, чтобы 516
умывали ихъ такъ, какъ должно—не водою только, но вмѣсто воды убѣляли добродѣтелями. Нечистоту устъ составляютъ: злословіе, хула, ругательство, гнѣвныя слова, срамословіе, смѣхъ, насмѣшки. Поэтому, если ты сознаешь, что ничего подобнаго не говорилъ и не осквернилъ себя такою нечистотою, то приходи смѣло. Если же ты тысячекратно допускалъ себя осквернять этимъ нечистотамъ, то что трудишься напрасно омывать языкъ водою, осквернивъ его пагубною и вредоносною нечистотою?

5. Скажи мнѣ: осмѣлился ли бы ты молиться, если бы замаралъ руки въ навозѣ или въ грязи? Никакъ. Между тѣмъ это не причинило бы тебѣ никакого вреда, а то оскверненіе пагубно. Итакъ, для чего ты въ дѣлахъ безразличныхъ опасливъ, а въ томъ, что запрещено, нерадивъ? Что же,—скажешь ты,—или не должно молиться? Должно, только надобно быть чистымъ и не оскверненнымъ. Но что,—скажешь, — если я прежде осквернилъ себя? Очистись. Какимъ же образомъ? Плачь, стенай, раздавай милостыню; извинись предъ обиженнымъ, и чрезъ то примирись съ нимъ; очисти языкъ, чтобы болѣе не раздражать Бога. Если бы кто измаранными въ грязи руками держалъ

тебя за ноги, умоляя о прощеніи, ты не только не сталъ бы слушать его, но и оттолкнулъ бы ногою. Какъ же ты самъ дерзаешь въ такой нечистотѣ приступать къ Богу? Языкъ молящихся есть рука, которою мы обнимаемъ колѣна Божіи. Итакъ, не оскверняй его, чтобы и тебѣ не сказалъ Господь: *аще умножите моленіе, не услышу васъ*. И еще говорится: *въ рупѣ языка животъ и смерть*; и еще: *отъ словесъ своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися* (Ис. I, 15; Прич. XVII 21; Матѳ. XII, 37) Итакъ, сохраняй языкъ болѣе зѣницы ока! Языкъ есть царскій конь. Если ты наложишь на него узду и научишь его ходить прямо, то царь спокойно будетъ сидѣть на немъ; если же пустишь его бѣжать и скакать безъ узды, то на немъ будетъ ѣздить діаволъ и бѣсы. Ты послѣ сообщенія съ твоею женою, хотя это и не преступленіе, не смѣешь молиться; а послѣ ругательствъ и обидъ, которыя ведутъ къ гееннѣ, прежде нежели очистишь себя совершенно, воздѣваешь руки къ Богу: какъ же ты не страшишься, скажи мнѣ? Или ты не знаешь, что сказалъ Павелъ: *честна женитва и ложе нескверно* (Евр. XIII, 4)? Если же ты, воставъ отъ непорочнаго ложа, не смѣешь приступать къ молитвѣ, то какъ, лежа на ложѣ діавола, призываешь ужасное и страшное имя Божіе? Поистинѣ осквернять себя обидами и ругательствами — значитъ лежать на ложѣ діавола. Гнѣвъ, какъ злой прелюбодѣй, совокупляясь съ нами съ сильною похотію, переливаетъ въ насъ губительныя сѣмена и пораждаетъ діавольскую вражду, и дѣлаетъ все противное браку. Бракъ производитъ то, что два бываютъ плоть одна, а гнѣвъ и соединенныхъ разобщаетъ и самую душу раздѣляетъ и разсѣкаетъ. Итакъ, чтобы тебѣ съ дерзновеніемъ приступать къ Богу, не допускай гнѣва, когда онъ хочетъ войти въ твою душу и совокупиться съ нею, но отгоняй, какъ бѣшенаго пса. Такое и Павелъ далъ повелѣніе, когда сказалъ: *воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія* (1 Тим. II, 8). Итакъ, не
517 оскверняй языка! Иначе, какъ онъ будетъ за тебя молиться, когда не будетъ имѣть дерзновенія? Укрась его кротостію и смиреніемъ, сдѣлай его достойнымъ призываемаго тобою Бога, наполни благословеніемъ и многою милостынею,—можно вѣдь и словами творить милостыню. *Лучше*, сказано, *слово, нежели даяніе* (Сирах. XVIII, 16), и еще: *отвѣщай* нищему *мирная въ кротости* (тамъ же IV, 8). Все остальное время украшай возвѣщеніемъ божественныхъ законовъ: *вся повѣсть твоя да будетъ въ законѣ Вышняго* (Сирах. IX, 20). Украсивъ себя такимъ образомъ, приступимъ къ Царю, и падемъ на колѣна не только тѣломъ, но и мыслію. Помыслимъ, къ кому мы приступаемъ и зачѣмъ, что желаемъ получить? Приступаемъ къ Богу, Котораго созерцая, серафимы отвращаютъ лице, не имѣя силъ

сноситъ сіяпія, отъ лица Котораго трепещетъ земля; приступаемъ къ Богу, Который живетъ во свѣтѣ неприступномъ; и приступаемъ для того, чтобы Онъ избавилъ насъ отъ геенны, отпустилъ намъ грѣхи наши, освободилъ насъ отъ нестерпимыхъ наказаній и даровалъ намъ небо и его блага.

6. Итакъ, припадемъ къ Нему и тѣломъ и мыслію, чтобы Онъ самъ воздвигъ насъ лежащихъ; будемъ бесѣдовать съ Нимъ съ кротостію и со всякимъ смиреніемъ. Но кто изъ людей, скажешь ты, такъ несчастенъ и жалокъ, что и во время молитвы не бываетъ кротокъ? Тотъ, кто молясь проклинаетъ, исполненъ гнѣва и вопіетъ противъ враговъ своихъ. Если ты хочешь обвинять, то обвиняй себя самого. Если хочешь изощрить языкъ свой, изощряй его противъ грѣховъ своихъ; говори не о томъ, какое зло причинилъ тебѣ другой, но какое ты самъ себѣ нанесъ; оно-то и есть величайшее зло. Другой не можетъ обидѣть тебя, если ты самъ себя не обижаешь. Итакъ, если ты хочешь возставать противъ обижающихъ тебя, то возстань прежде противъ самого себя,— въ этомъ никто тебѣ не препятствуетъ; а если ты возстанешь противъ другого, то будешь въ большой обидѣ. Да и какую ты, говоря по правдѣ, можешь представить обиду? Ту ли, что кто-нибудь оскорбилъ, обобралъ тебя и подвергъ опасностямъ? Но это не значитъ быть обиженнымъ; напротивъ, если мы будемъ внимательны, то такія обиды принесутъ намъ даже величайшую пользу. Здѣсь обиженный есть тотъ, кто учинилъ такое зло, а не тотъ, кто потерпѣлъ его. И въ этомъ-то заключается главная причина всѣхъ золъ, что мы не знаемъ даже и того, кто когда получаетъ и кто наноситъ обиду. Если бы мы хорошо знали это, то никогда не обижались бы и не жаловались бы въ молитвахъ своихъ на другого, зная, что другой не можетъ причинить намъ зла. Не лишаться, а лишать кого имущества есть зло. И потому, если ты похитилъ что-нибудь, то осуждай самого себя; если же у тебя похитили имущество, молись за похитителя, потому что онъ доставилъ тебѣ весьма великую пользу. Пусть его намѣреніе 518
было и не таково; но ты самъ собою пріобрѣтешь величайшую пользу, если великодушно перенесешь обиду. Его караютъ и божественные и человѣческіе законы, а тебя, обиженнаго, увѣнчиваютъ и прославляютъ. Если бы страждущій горячкою похитилъ у кого-нибудь сосудъ съ водою и утолилъ ею опасную жажду, мы назвали бы обиженнымъ не того, у кого похищенъ сосудъ, но того, кто похитилъ, потому что черезъ это онъ усилилъ бы жаръ, и ухудшилъ свою болѣзнь. Такъ думай и о любостяжателѣ и о сребролюбцѣ: и онъ, вѣдь, въ жару любостяженія, который сильнѣй самой горячки, похищеніемъ еще болѣе усиливаетъ свой пламень.

Также, еслибы кто въ бѣшенствѣ, похитивши у кого-нибудь мечъ, закололъ имъ себя, кто тогда потерпѣлъ бы зло: тотъ ли, у кого похищенъ мечъ, или тотъ, кто похитилъ? Очевидно тотъ, кто похитилъ. Такъ должны мы судить и о похищеніи имущества. Поистинѣ богатство для сребролюбца то же, что и для безумнаго мечъ, и даже еще гораздо вреднѣе. Безумный, взявши мечъ и нанесши себѣ смертный ударъ, освобождается отъ безумія, и не получаетъ другого удара; а сребролюбецъ каждый день получаетъ безчисленныя, жесточайшія раны. Онъ не освобождается отъ своего безумія, но еще болѣе увеличиваетъ его; и чѣмъ больше получаетъ ранъ, тѣмъ болѣе подаетъ случаи раскрываться другимъ, жесточайшимъ. Помышляя объ этомъ, будемъ избѣгать такого меча, будемъ избѣгать безумія—и, хотя и поздно, научимся воздержанію. Поистинѣ и эту добродѣтель не менѣе должно называть цѣломудріемъ, какъ и ту, которую всѣ называютъ этимъ именемъ. Тамъ бываетъ борьба съ одною лютою плотію, а здѣсь нужно побѣждать многія и различныя похоти. Нѣтъ безумнѣе человѣка, раболѣпствующаго богатству. Одолѣваемый онъ представляетъ себя повелителемъ; будучи рабомъ, почитаетъ себя господиномъ; связавъ себя узами, радуется; усиливая лютость звѣря, веселится; находясь въ плѣну, торжествуетъ и скачетъ; и видя пса, бѣсящагося и нападающаго на его душу, вмѣсто того, чтобы связать и изнурить его голодомъ, онъ доставляетъ ему обильнѣйшую пищу, чтобы онъ еще болѣе нападалъ на него и былъ еще ужаснѣе. Итакъ, представляя все это, расторгнемъ узы, умертвимъ звѣря, отринемъ болѣзнь, отринемъ это безуміе, чтобы намъ насладиться спокойствіемъ и совершеннымъ здоровьемъ и, достигнувъ съ великою радостію тихаго пристанища, получить вѣчныя блага, которыхъ и да сподобимся мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСЕДА LII.

517-518 **И изшедъ оттуду Іисусъ, отъиде во страны Тvрскія и Сvдонскія. И се жена Хананейска отъ предѣлъ тѣхъ изшедши, возопи къ Нему глаголющи: помилуй мя Господи, Сыне Давидовъ! Дщи моя злѣ бѣснуется (Матѳ. xv, 21, 22).**

1. Евангелистъ Маркъ говоритъ, что Христосъ, и *вшедъ въ домъ, не може утаитися* (Марк. vii, 24). Но для чего Христосъ отправился въ эти именно страны? Онъ, отмѣнивъ для іудеевъ

законъ о разборчивости въ пищѣ, теперь, простираясь далѣе, отверзаетъ дверь уже и язычникамъ. Такъ и Петръ сперва получилъ повелѣніе отступить отъ закона (о пищѣ), а потомъ былъ посланъ къ Корнилію. Если же кто спроситъ: какъ же Христосъ, говоря ученикамъ: *на путь языкъ не идите* (Матѳ. x, 10), самъ вступаетъ на этотъ путь?—то мы скажемъ на это: во-первыхъ, Онъ не обязанъ былъ самъ исполнять того, что заповѣдалъ Своимъ ученикамъ; во-вторыхъ, Онъ шелъ въ эти страны не проповѣдывать: на это указываетъ и Маркъ, говоря, что Господь скрылся,
но не могъ утаиться. Какъ не слѣдовало Христу идти къ языч- 519
никамъ первымъ, такъ напротивъ не сообразно было съ Его человѣколюбіемъ удалять ихъ отъ себя, когда они сами приходили. Если Ему не надлежало оставлять убѣгавшихъ отъ Него, тѣмъ болѣе не должно было убѣгать тѣхъ, которые сами Его искали. Смотри, наприм., какъ вполнѣ достойна была жена благодѣяній! Она не смѣла придти въ Іерусалимъ, потому что опасалась и считала себя недостойною; если бы было не такъ, то она пришла бы и туда, какъ это видно изъ настоящаго ея великаго усердія и изъ того, что она вышла за предѣлы своей земли. Нѣкоторые, толкуя эти слова иносказательно, говорятъ, что по отшествіи Христа изъ Іудеи къ Нему дерзнула приступить Церковь, также вышедшая за предѣлы свои, потому что Писаніе говоритъ: *забуди люди твоя и домъ отца твоего* (Псал. XLIV, 11). Христосъ вышелъ изъ предѣловъ Своей страны, а жена изъ предѣловъ своей, и такимъ образомъ они могутъ встрѣтиться. *Се жена Хананейска*, говоритъ евангелистъ, *изшедши отъ предѣлъ своихъ*. Такъ онъ называетъ жену для того, чтобы указать здѣсь чудо и ее еще болѣе прославить. Въ самомъ дѣлѣ, слыша названіе хананеянки, представь себѣ тотъ беззаконный народъ, который извратилъ въ самыхъ основаніяхъ законы природы; а представивъ это, уразумѣй силу пришествія Христова. Тѣ, которые были изгнаны для того, чтобы не развратили іудеевъ, теперь больше іудеевъ оказываютъ усердія. Они выходятъ изъ предѣловъ страны своей и сами идутъ ко Христу, а іудеи и пришедшаго къ Нимъ Христа гонятъ отъ себя. Итакъ, пришедъ ко Іисусу, жена одно только говоритъ: *помилуй мя*, и своимъ воплемъ привлекаетъ къ себѣ народъ. Подлинно трогательное было зрѣлище—видѣть жену, вопіющую съ такимъ состраданіемъ, видѣть мать, умоляющую о своей дочери, о дочери такъ жестоко страждущей. Она не осмѣлилась привести бѣснующуюся къ Учителю, но, оставивъ ее дома на одрѣ, сама умоляетъ Его и объявляетъ только болѣзнь, ничего болѣе не прибавляя. И не зоветъ Врача въ домъ свой, подобно тому князю, который говорилъ: *пришедъ возложи руку Твою* (Матѳ. IX, 18),—или

тому цареву мужу, который сказалъ: *сниди прежде даже не умреть отрочищь мой* (Іоан. IV, 49); но повѣдавъ о своемъ горѣ и тяжкой болѣзни дочери, обращается къ милосердію Владыки и громкимъ голосомъ вопіетъ, прося помилованія не дочери своей, но себѣ самой: *помилуй мя!* Какъ бы такъ говорила она: дочь моя не чувствуетъ болѣзни своей, а я терплю тысячи различныхъ мученій; я больна, я чувствую болѣзнь, я бѣснуюсь, и сознаю это. *Онъ же не отвѣща ей словесе* (ст. 23). Что значитъ этотъ новый и необыкновенный поступокъ Іисуса? Іудеевъ и неблагодарныхъ вводитъ, и злословящихъ призываетъ, и искушающихъ не оставляетъ, а ту, которая сама приходитъ къ Нему, проситъ Его и молитъ, которая не знала ни закона, ни пророковъ, и между тѣмъ показываетъ такое благочестіе, Онъ не удостоиваетъ даже и отвѣта. Кто бы не соблазнился о Іисусѣ, видя поступокъ такъ несогласный съ молвою о немъ? Слышно было, что Онъ самъ обходилъ селенія для того, чтобы исцѣлять больныхъ; но вотъ Онъ отвергаетъ и ту, которая сама пришла къ Нему. Кого бы не преклонили такое страданіе и такая покорность, съ какою умоляла жена о своей злостраждущей дочери? Она не почитала себя достойною благодѣянія, и пришла не съ тѣмъ, чтобы требовать должнаго; но просила оказать милость и изъявляла только свое несчастіе,—и при всемъ этомъ не удостоена отвѣта. Можетъ быть, многіе изъ слышавшихъ это
520 соблазнились; но она не соблазнилась. И что я говорю—изъ слышавшихъ? Я думаю, что и сами ученики тронулись несчастіемъ жены, смутились и опечалились. Однако, и смутившись, они не смѣли сказать Ему: окажи ей милость; *но приступльше ученицы Его, моляху Его, глаголюще: отпусти ю, яко вопіетъ въ слѣдъ насъ.* Такъ и мы, когда желаемъ склонить къ чему-либо другого, часто говоримъ не то, что бы хотѣли. Христосъ же отвѣчаетъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (ст. 24).

2. Какъ же поступила жена? Умолкла ли она, услышавъ это? Отошла ли? Потеряла ли бодрость? Нѣтъ! Она еще болѣе усилила свои моленія. Не такъ поступаемъ мы. Если не получаемъ просимаго, то перестаемъ и просить, тогда какъ надлежало бы просить еще усерднѣе. Кого бы не привели въ недоумѣніе слова Спасителя? Довольно было и одного молчанія, чтобы привесть хананеянку въ отчаяніе; тѣмъ болѣе могъ повергнуть въ него отвѣтъ Христовъ. Видя вмѣстѣ съ собою въ недоумѣніи своихъ ходатаевъ и слыша, что просьба ея не можетъ быть исполнена, можно было потерять всякую надежду. И однако жена не потеряла ея, но, видя безсиліе своихъ ходатаевъ, вооружилась похвальною смѣлостію. Прежде она не смѣла и явиться предъ лице Господа,—сказано: *вопіетъ въ слѣдъ насъ;* а теперь, когда по при-

чинѣ безнадежности надлежало бы вовсе удалиться, она приступаетъ ближе и кланяется, говоря: *Господи, помози ми* (ст. 25). О, жена! Неужели ты имѣешь болѣе дерзновенія, болѣе мужества, нежели апостолы? Нѣтъ,—говоритъ она,—я не имѣю ни дерзновенія, ни мужества; напротивъ, я стыжусь, но употребляю дерзость вмѣсто мольбы. Можетъ быть, Онъ почтитъ мое дерзновеніе. Но что это? Или ты не слыхала, что Онъ сказалъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева?* Слышала, говоритъ она; но Онъ—Господь. Потому-то она и не сказала: попроси и помолися, но—*помози ми*. Что же Христосъ? Онъ и тѣмъ не удовольствовался, но еще болѣе умножаетъ ея недоумѣніе, говоря: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ* (ст. 26). Удостоивъ отвѣта, Господь своими словами еще болѣе поразилъ ее, нежели молчаніемъ. Онъ уже не ссылается на другого въ Свое оправданіе, и не говоритъ: *нѣсмь посланъ*; но чѣмъ болѣе усиливаетъ она свою просьбу, тѣмъ и Онъ рѣшительнѣе отказываетъ. Онъ уже не овцами называетъ іудеевъ, но чадами, а ее псомъ. Какъ же поступаетъ жена? Она въ самыхъ Его словахъ находитъ себѣ защиту. Если я песъ, говоритъ она, то значитъ не чужая. Справедливо сказалъ Христосъ: *Азъ пріидохъ на судъ* (Іоан. IX, 39). Жена любомудрствуетъ, показываетъ великое терпѣніе и вѣру, не смотря на свое уничиженіе; а іудеи, получая исцѣленія и почести, воздаютъ противнымъ. Я знаю,—говоритъ она,— что чадамъ необходимо давать пищу; но и мнѣ она не совсѣмъ возбранена, не смотря на то, что я подобна псу. Если мнѣ вовсе нельзя пользоваться пищею, то нельзя участвовать и въ крохахъ. Если же я могу имѣть хотя малое участіе въ ней, то мнѣ она не совсѣмъ возбранена, не смотря на то, что я подобна псу; или лучше, потому особенно я и имѣю въ ней участіе, что подобна псу. Христосъ зналъ, что она скажетъ это. Потому-то и медлилъ (оказать ей помощь); для того и отказывался даровать ей просимое, чтобы показать ея любомудріе. Если бы Онъ вовсе не хотѣлъ оказать ей помощи, то не оказалъ бы ея и послѣ этого, и не сталъ бы снова заграждать ей уста. Но какъ поступилъ 521
Онъ съ сотникомъ, сказавъ: *Азъ пришедъ исцѣлю его* (Матѳ. VIII, 7), чтобы мы узнали о благочестіи этого мужа и услышали отъ него слова: *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши*; какъ поступилъ Онъ съ кровоточивою, сказавъ: *Я чухъ силу изшедшую изъ Мене* (Лук. VIII, 46), чтобы чрезъ то сдѣлать извѣстною вѣру ея; какъ поступилъ съ самарянкою, чтобы показать, что она не отошла отъ Него и послѣ обличенія, — такъ поступаетъ и теперь. Онъ не хотѣлъ скрыть столь великой добродѣтели жены, и то, что говорилъ ей, говорилъ не для того, чтобы

укорить ее, но чтобы призвать къ Себѣ и открыть скрытое сокровище.

Но ты, вмѣстѣ съ вѣрою, познай и смиренномудріе ея. Господь назвалъ іудеевъ чадами; а она не удовольствовалась этимъ, но назвала ихъ и господами. Такъ далека она была отъ того, чтобы завидовать славѣ другихъ! *И пси*,—говоритъ она,— *ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ* (ст. 27). Видишь ли благоразуміе жены? Она не стала противорѣчить, не завидовала похваламъ другихъ и не оскорбилась собственною обидою. Какая твердость духа! Христосъ говоритъ: *нѣсть добро*,— она отвѣтствуетъ: *ей, Господи!* Онъ называетъ іудеевъ чадами,— а она господами. Онъ называетъ ее псомъ,—а она приписываетъ себѣ и дѣйствіе свойственное псу. Видишь ли ея смиреніе? Теперь посмотри на высокомѣріе іудеевъ. *Сѣмя Авраамле есмы*, говорятъ они, *и никомуже работахомъ николиже*; мы рождены отъ Бога (Іоан. VIII, 33, 41). Не такъ поступаетъ жена. Она называетъ себя псомъ, а ихъ господами; и за это-то сдѣлалась чадомъ. Что же Христосъ? *О, жено*,—восклицаетъ Онъ,—*веліа вѣра твоя* (ст. 28)! Для того, и медлилъ Онъ доселѣ оказать помощь, чтобы сказать эти слова и увѣнчать жену. *Буди тебѣ, якоже хощеши*,—т. е. вѣра твоя можетъ сдѣлать и больше этого, но *буди тебѣ, якоже хощеши!* Это восклицаніе подобно повелѣнію: да будетъ небо—и бысть. *И исцѣли дщи ея отъ того часа.* Видишь ли, какъ много она способствовала къ исцѣленію своей дочери? Потому-то и Христосъ не сказалъ: да исцѣлѣетъ дщерь твоя, но: *веліа вѣра твоя, буди тебѣ, якоже хощеши*,—чтобы ты зналъ, что сказанное ею были не пустыя или льстивыя слова, а выражали великую силу вѣры. Наилучшее доказательство и свидѣтельство послѣдней заключается въ самомъ событіи,—именно дочь ея тотчасъ же исцѣлилась.

3. Замѣть, что она совершила то, въ чемъ побѣждены были и чего не могли сдѣлать апостолы. Такова сила неотступной молитвы! Богъ хочетъ, чтобы мы въ нуждахъ своихъ сами болѣе просили Его, нежели другіе ходатайствовали за насъ. Хотя апостолы и болѣе имѣли дерзновенія, но жена показала великое терпѣніе. Исполнивъ прошеніе жены, Христосъ оправдалъ Себя въ медленности предъ учениками и показалъ, что Онъ справедливо не согласился на ихъ просьбу. *И прешедъ оттуду Іисусъ, пріиде на море Галилейское: и возшедъ на гору, сѣде ту. И приступиша къ Нему народи мнози, имуще съ собою хромыя, слѣпыя, бѣдныя, нѣмыя и повергоша ихъ къ ногама Іисусовыма, и исцѣли ихъ. Якоже народомъ*
522 *дивитися, видящимъ нѣмыя глаголюща, бѣдныя здравы, хромыя ходяща и слѣпыя видяща: и славяху Бога Израилева* (ст. 29, 30). Господь иногда самъ ищетъ больныхъ, а иногда выжидаетъ, чтобъ они

сами приходили къ Нему, и хромыхъ возводитъ на гору. Теперь они уже не прикасаются и къ одеждѣ Его, но начинаютъ разсуждать правильнѣе: повергаются къ ногамъ Его и обнаруживаютъ сугубую вѣру; не смотря на хромоту свою, всходятъ на гору, и ничего другого не требуютъ, кромѣ того, чтобы повергнуться къ ногамъ Его. Весьма удивительно и странно было видѣть, что тѣ, которыхъ прежде носили, теперь ходятъ сами, слѣпые не имѣютъ нужды въ руководителяхъ. Но и самое множество исцѣляющихся и легкость исцѣленія приводили въ удивленіе народъ. Знаешь ли, почему жену исцѣлилъ Онъ послѣ такого промедленія, а этихъ тотчасъ? Не потому, что они были достойнѣе ея, но потому, что она болѣе ихъ имѣла вѣры. Для того Онъ и отлагаетъ и медлитъ исцѣлить ее, чтобы показать ея твердость, а этимъ тотчасъ подаетъ даръ для того, чтобы заградить уста невѣрныхъ іудеевъ и лишить ихъ всякаго оправданія. Подлинно, кто болѣе получаетъ благодѣяній, тотъ большему подвергается и наказанію, когда бываетъ неблагодаренъ, когда и самая честь не дѣлаетъ его лучше. И богатые потому наказываются сильнѣе бѣдныхъ за свою жестокость, что они и въ изобиліи не были сострадательны.

Не говори мнѣ, что они подавали милостыню. Если они подавали менѣе, нежели сколько могли давать, то и тогда не избѣгнуть наказанія. Милостыня цѣнится не по количеству подаваемаго, но по обилію расположенія. Если и мало подающіе будутъ наказаны, то тѣмъ болѣе тѣ, кто стяжалъ много благъ, кто созидаетъ дома въ три и четыре кровли, а алчущихъ презираетъ, кто о любостяжаніи заботится, а о милостынѣ нерадитъ. Но если ужъ зашла рѣчь о милостынѣ, то продолжимъ теперь ту бесѣду, которую я за три дня предъ тѣмъ, разсуждая о человѣколюбіи, оставилъ недоконченною. Вы помните, что тогда я, разсуждая о чрезмѣрной и суетной заботливости объ обуви и о изнѣженности юношей, перешелъ къ обличенію этихъ пороковъ отъ размышленія о милостынѣ. Что же тогда было поводомъ къ этому? Мы сказали, что милостыня есть искусство, котораго училище находится на небесахъ, а учитель не человѣкъ, но Богъ. Потомъ, изслѣдуя, что можно назвать искусствомъ и чего нельзя, перешли къ занятіямъ суетнымъ и искусствамъ вреднымъ, между которыми упомянули и объ искусствѣ дѣлать обувь. Вспомнили ли? Итакъ, займемтесь и теперь тѣмъ, о чемъ говорили тогда, и покажемъ, почему милостыня есть искусство, и притомъ лучшее всѣхъ искусствъ. Если дѣло искусства состоитъ въ томъ, чтобы доставлять какую-либо пользу, а полезнѣе милостыни нѣтъ ничего, то очевидно, что она есть искусство,—и притомъ лучшее

всѣхъ искусствъ. Она не обувь намъ дѣлаетъ, не одежду доставляетъ, не домы бренные созидаетъ, но жизнь вѣчную уготовляетъ, изъ рукъ смерти исхищаетъ, и въ той, и въ другой жизни прославляетъ, и созидаетъ намъ жилище и вѣчные чертоги на небесахъ. Она не даетъ погасать нашимъ свѣтильникамъ, ни являться намъ на бракъ въ нечистыхъ одеждахъ, но омываетъ ихъ и дѣлаетъ чище снѣга: *аще бо будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю*
523 (Ис. I, 18); она не попускаетъ намъ впасть туда, гдѣ находится (евангельскій) богачъ и слышать страшные глаголы, но ведетъ насъ на лоно Авраама. Каждое изъ искусствъ житейскихъ доставляетъ одну какую-нибудь пользу,—такъ земледѣліе питаетъ, искусство ткать одѣваетъ; а вѣрнѣе сказать и такой пользы ни одно изъ нихъ само по себѣ, безъ помощи другого, не можетъ намъ доставить.

4. Если хотите, то разсмотримъ, во-первыхъ, земледѣліе. Земледѣлецъ никакъ не могъ бы заниматься своимъ искусствомъ, если бы кузнецъ не доставлялъ ему заступа, сошника, серпа, топора и много другихъ орудій, нужныхъ для земледѣлія; если бы плотникъ не сдѣлалъ для него плуга, не приготовилъ ярма и молотильной телѣги, кожевникъ—ремней, и опять плотникъ не построилъ стойлъ для пашущихъ воловъ и жилищъ для самихъ пахарей; если бы дровосѣкъ не рубилъ дровъ и, наконецъ, если бы не было людей, умѣющихъ печь хлѣбы. Равнымъ образомъ занимающіеся искусствомъ тканья, при отправленіи работъ своихъ, призываютъ къ себѣ на помощь многія искусства, и если не получатъ ея, то не могутъ производить работъ своихъ. И вообще каждое искусство имѣетъ нужду въ другомъ. Одна только благотворительность ничего другого не требуетъ, кромѣ одного расположенія. Если ты скажешь: она требуетъ имущества, домовъ, обуви, то прочти слова Христа, сказанныя Имъ о вдовицѣ, и отложи такого рода заботу. Хотя бы ты былъ весьма бѣденъ, бѣднѣе даже тѣхъ, которые у тебя просятъ,—все же, если ты ввергнешь двѣ лепты, то ты все совершилъ; хотя бы ты далъ кусокъ хлѣба, не имѣя у себя ничего, кромѣ него,—ты все исполнилъ. Итакъ, посвятимъ себя этой наукѣ и искусству, и будемъ упражняться въ немъ. Знать его—лучше, нежели быть царемъ и украшаться діадемою. Преимущество его состоитъ не въ томъ только, что оно не имѣетъ нужды ни въ какой посторонней помощи, но и въ томъ, что оно совершаетъ многія и самыя различныя дѣла. Оно созидаетъ вѣчныя жилища на небесахъ, научаетъ почитателей своихъ избѣгать вѣчной смерти; оно даруетъ тебѣ сокровища неистощимыя, которыя не могутъ потерпѣть вреда ни отъ воровъ, ни отъ червей, ни отъ тлѣнія,

ни отъ времени. Если бы кто-нибудь научилъ тебя сберегать только хлѣбъ, то чего бы ты не далъ, чтобы научиться сохранять его безъ вреда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ? Но вотъ благотворительность научаетъ тебя безвредно сберегать не только хлѣбъ, но и все: и имущество, и душу, и тѣло. Но что подробно перечислять всѣ выгоды, доставляемыя этимъ искусствомъ? Оно научаетъ тебя тому, какъ можешь ты уподобиться Богу, а это есть первое изъ всѣхъ благъ. Теперь видишь ли, что милосердіе совершаетъ не одно только дѣйствіе, но многія? Не требуя помощи отъ другихъ искусствъ, оно созидаетъ домы, приготовляетъ одежды, доставляетъ неиждиваемыя сокровища, дѣлаетъ побѣдителями смерти, одолѣваетъ діавола, уподобляетъ Богу. Итакъ, что можетъ быть полезнѣе этого искусства? Кромѣ того, другія искусства оканчиваются вмѣстѣ съ настоящею жизнію, не дѣйствуютъ во время болѣзни художниковъ и имѣютъ дѣйствія преходящія, требуютъ труда и многаго времени и другихъ безчисленныхъ принадлежностей. А милостыня по скончаніи міра еще яснѣе открывается, по смерти человѣка наиболѣе просіяваетъ и обнаруживаетъ свои дѣйствія, и не требуетъ ни времени, ни 524
труда, ни чего-либо другого труднаго. Она дѣйствуетъ и во время болѣзни твоей, и въ старости, сопутствуетъ тебѣ въ жизнь будущую и никогда тебя не оставляетъ. Она дѣлаетъ тебя сильнѣе мудрецовъ и ораторовъ; люди знаменитые по своей мудрости и ораторству имѣютъ у себя многихъ завистниковъ, а за тѣхъ, которые прославили себя милосердіемъ, безчисленное множество людей приносятъ молитвы. Тѣ предстоятъ предъ судомъ человѣческимъ, защищая обиженныхъ, а часто и обижающихъ; а милостыня предстоитъ предъ судомъ Христа, и не только защищаетъ, но и самого Судію преклоняетъ защищать подсудимаго и произнести милостивый приговоръ о немъ. Хотя бы онъ былъ виновенъ въ безчисленныхъ согрѣшеніяхъ,—она вѣнчаетъ его и провозглашаетъ побѣдителемъ; *дадите*, сказано, *милостыню и вся чиста будутъ* (Лук. xi, 41). И что я говорю о будущей жизни? И въ настоящей,—спросите кого угодно изъ людей,—чего они желаютъ болѣе: того ли, чтобы между ними было много мудрецовъ и ораторовъ, или людей милосердыхъ и человѣколюбивыхъ? И вы услышите, что они изберутъ послѣднее. И весьма справедливо. Отъ уничтоженія краснорѣчія жизнь нисколько не потерпитъ вреда; она и до него долгое время существовала. Но если уничтожится милосердіе, то все погибнетъ и истребится. Какъ на морѣ нельзя плыть далѣе береговъ, такъ и земная жизнь не можетъ стоять безъ милосердія, снисхожденія и человѣколюбія.

5. Вотъ почему Богъ не только разуму предоставилъ побуж-

дать насъ къ милосердію, но во многихъ случаяхъ самой природѣ нашей даровалъ власть преклонять насъ къ послѣднему. Такъ отцы и матери оказываютъ милосердіе дѣтямъ, а дѣти родителямъ; и то бываетъ не только у людей, но и у всѣхъ безсловесныхъ. Такъ братъ оказываетъ милосердіе брату, родственникъ—родственнику, ближній—ближнему, человѣкъ—человѣку. Мы по самой природѣ имѣемъ нѣкоторую наклонность къ милосердію. Потому-то мы и скорбимъ объ обиженныхъ, болѣзнуемъ смотря на убиваемыхъ, плачемъ при взглядѣ на плачущихъ. Богъ весьма желаетъ, чтобы мы исполняли дѣла милосердія, потому и повелѣлъ природѣ сильнѣе побуждать насъ къ нимъ, показывая тѣмъ, что Ему весьма любезно милосердіе. Итакъ, помышляя объ этомъ, пойдемъ сами и поведемъ дѣтей и ближнихъ нашихъ въ училище милосердія. Человѣкъ всего болѣе долженъ учиться милосердію, потому что оно-то и дѣлаетъ его человѣкомъ. *Велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ, творяй милость* (Притч. xx, 6). Кто не имѣетъ милосердія, тотъ перестаетъ быть и человѣкомъ. Оно дѣлаетъ мудрыми. И чему дивишься ты, что милосердіе служитъ отличительнымъ признакомъ человѣчества? Оно есть признакъ божества. *Будите милосерди*, говорится, *якоже Отецъ вашъ* (Лук. vi, 36). Итакъ, по всѣмъ этимъ причинамъ научимся быть милосердыми, а особенно потому, что мы и сами имѣемъ великую нужду въ милосердіи. И не будемъ почитать даже жизнію время, проведенное безъ милосердія. Я говорю о милосердіи, чуждомъ всякаго любостяжанія. Если человѣкъ, довольствующійся своимъ состояніемъ и не дающій ничего другому, не есть милосердъ, то можетъ ли назваться милосердымъ тотъ, кто похищаетъ чужое, хотя бы онъ дѣлалъ безчисленныя подаянія? Если наслаждаться одному своими благами безчеловѣчно, то еще болѣе отнимать ихъ у другихъ. Если люди не причинившіе никакой обиды другимъ подвергаются наказанію только за то, что не раздѣляли съ ними своего имущества, то еще болѣе подвергнутся тѣ, которые похищали чужое. Не оправдывай себя тѣмъ, что, причиняя вредъ одному, ты оказываешь милость другому. Такъ поступать несправедливо. Тебѣ должно оказывать милость тому, кого ты обидѣлъ; а ты, нанося раны однимъ, врачуешь тѣхъ, которымъ не причинилъ никакихъ ранъ, тогда какъ должно бы врачевать ихъ, или лучше, не должно бы совсѣмъ
525-526 и наносить. Человѣколюбивъ не тотъ, кто самъ поражаетъ и исцѣляетъ пораженныхъ имъ, но тотъ, кто врачуетъ раны, нанесенныя другими. Итакъ, врачуй тѣ раны, которыя ты самъ нанесъ, а не тѣ, которыя другими причинены; или лучше, не поражай и не низлагай другого,—это значило бы издѣваться надъ

другими,—но возставляй пораженныхъ. Уврачевать милостыней въ соотвѣтствующей мѣрѣ то зло, которое нанесено любостяжаніемъ, невозможно. Если ты отнялъ у кого оболъ, то тебѣ мало уже обола, чтобы посредствомъ милостыни залѣчить рану, нанесенную любостяжаніемъ, но потребенъ талантъ. Вотъ почему пойманный воръ возвращаетъ вчетверо больше похищеннаго имъ. Но хищникъ хуже вора. Если же воръ долженъ возвращать вчетверо болѣе украденнаго имъ, то хищникъ вдесятеро, или еще болѣе; хорошо, если и при этомъ условіи сможетъ онъ получить отпущеніе въ своей неправдѣ: плода же милостыни онъ и тогда не получитъ. Потому-то Закхей и сказалъ: *аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею*; и: *полъ имѣнія моего дамъ нищимъ* (Лук. xix, 8). Если же во время закона должно было вознаграждать вчетверо, то тѣмъ болѣе въ царствѣ благодати. Если воръ обязанъ это сдѣлать, то тѣмъ болѣе хищникъ; этотъ послѣдній, кромѣ убытка, причиняетъ еще обиду, такъ что хотя бы ты далъ во сто кратъ больше, и тогда не вознаградишь всего. Видишь ли, что я не напрасно сказалъ, что если ты похитишь оболъ, а отдашь талантъ, то и тогда едва вознаградишь? Если же, и поступая такимъ образомъ, ты едва можешь вознаградить вредъ другого, то когда ты поступишь наоборотъ; т. е., похитивъ все имущество у ближняго, раздашь только малую часть его, и притомъ не тѣмъ, у кого похитилъ, а другимъ,—какое ты будешь имѣть тогда оправданіе? Какое прощеніе? Какую надежду спасенія? Хочешь ли знать, сколь великое зло дѣлаетъ тотъ, кто оказываетъ такое милосердіе? Послушай, что говоритъ Писаніе: *яко* убиваяй чадо *предъ отцемъ его, тако приносяй жертву отъ имѣнія* нищихъ (Сир. xxxiv, 20). Итакъ, прежде нежели выйдемъ изъ храма этого, начертаемъ эту угрозу въ умѣ нашемъ; напишемъ ее на стѣнахъ, на рукахъ, въ совѣсти и вездѣ, чтобы по крайней мѣрѣ страхъ, усилившись въ умѣ нашемъ, удерживалъ руки наши отъ ежедневныхъ убійствъ. Хищеніе хуже убійства, поскольку оно медленно убиваетъ бѣднаго. Чтобы намъ освободиться отъ этой болѣзни, будемъ размышлять о большемъ и сами съ собою, и съ другими. Такимъ образомъ мы и къ милосердію будемъ болѣе склонны, и получимъ славныя награды, даруемыя за него, и удостоимся вѣчныхъ благъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LIII.

527 **Іисусъ же, призвавъ ученики Своя, рече: милосердую о народѣ, яко уже три дни присѣдятъ Мнѣ, и не имутъ чесо ясти: и отпустити ихъ не ядшихъ не хощу, да не како ослабѣютъ на пути (Матѳ. xv, 32).**

1. И прежде Христосъ, намѣреваясь сотворить подобное чудо, сперва исцѣлилъ страждущихъ тѣлесными болѣзнями; и теперь дѣлаетъ то же самое: приступаетъ къ чудодѣйствію послѣ исцѣленія слѣпыхъ и хромыхъ. Почему же тогда ученики сказали: *отпусти народы*, а теперь этого не сказали, хотя прошло уже три дня? Или сами стали уже лучшими, или видѣли, что народъ не слишкомъ чувствовалъ голодъ, славя Бога за оказанныя ему благодѣянія? Но смотри, какъ Христосъ и теперь не просто приступаетъ къ чудодѣйствію, но вызываетъ на него учениковъ. Народъ, пришедши для исцѣленія болѣзней, не осмѣливался просить хлѣба; но Христосъ, будучи человѣколюбивъ и попечителенъ, даетъ и не требующимъ, и говоритъ ученикамъ: *милосердую о народѣ, и отпустити ихъ не ядшихъ не хощу*. Но чтобы кто-нибудь не сказалъ: они пришли съ запасомъ хлѣба,—Христосъ говоритъ: *три дни уже присѣдятъ Мнѣ*; слѣдовательно, если бы пришли и съ запасомъ, то запасъ истощился бы. Потому-то и чудо сотворилъ Онъ не въ первый и не во второй день, но когда вышло у нихъ все,—чтобы, напередъ восчувствовавъ нужду, тѣмъ съ большимъ восторгомъ приняли чудо. Для того и говоритъ: *да не ослабѣютъ на пути*, показывая тѣмъ, что далеко было до селенія и что у нихъ ничего не осталось. Но если ты не хочешь отпустить ихъ голодными, почему не творишь знаменія? Чтобы своимъ вопросомъ и отвѣтомъ учениковъ возбудить въ нихъ большее вниманіе, и дать имъ случай показать вѣру свою, подойти къ Нему и сказать: сотвори хлѣбы. Но и тутъ они не поняли цѣли вопроса. Вотъ почему послѣ, какъ повѣствуетъ Маркъ, Христосъ и говоритъ имъ: такъ ли окаменѣли сердца ваши? *Очи имуще не видите, и уши имуще не слышите* (Марк. viii, 17, 18)? Если бы этого не было, то для чего говорить ученикамъ, и давать знать, что народъ достоинъ благодѣянія, и прибавлять, что Онъ милосердуетъ о немъ? Матѳей говоритъ, что послѣ Онъ еще укорялъ ихъ, говоря: *маловѣри, не у ли разумѣете, ниже помните пять хлѣбы пятимъ тысящамъ, и колико кошь взясте? Ни ли седмь хлѣбы четыремъ тысящамъ, и колико кошницъ взясте* (Матѳ. xvi, 8—10)? Такъ согласны между собою евангелисты. Итакъ, чтожъ ученики? Они

еще пресмыкаются долу и, хотя Христосъ всячески старался запечатлѣть въ ихъ памяти это чудо, и вопросомъ, и отвѣтомъ, и тѣмъ, что сдѣлалъ ихъ раздаятелями (хлѣба), и что короба остались,—но они все еще оставались несовершенными, почему и говорятъ Ему: *откуду намъ въ пустыни хлѣбы толицы* (ст. 33)? И раньше, и теперь они все поминаютъ о пустынѣ; и хотя говорятъ это не разсудивъ надлежащимъ образомъ, но самое чудо и здѣсь не подвергаютъ никакому сомнѣнію. Но чтобы кто-нибудь не сказалъ,—какъ я уже и прежде замѣтилъ,—что Онъ хлѣбы получилъ изъ какого-нибудь ближайшаго селенія, то указывается на самое мѣсто, чтобы чудо было внѣ сомнѣнія. Потому-то какъ первое, такъ и это чудо Онъ творитъ въ пустынѣ, далеко отстоящей отъ селеній. Но ученики, ничего этого не понимая, говорили: *откуда намъ въ пустыни толицы хлѣбы*? Они весьма неразумно думали, что Онъ говоритъ имъ это въ намѣреніи поручить имъ самимъ напитать народъ. И прежде Онъ для того говорилъ: *дадите имъ вы ясти* (Мѳ. XIV, 16), чтобы дать имъ случай просить Его объ этомъ. Теперь же и того не говоритъ— *дадите имъ ясти*; но что? *Милосердую, и отпустити ихъ не ядшихъ не хощу*. Этими словами Онъ еще ближе наводитъ ихъ на мысль, еще сильнѣе побуждаетъ и даетъ разумѣть, чтобы они просили Его напитать народъ. Эти слова показывали, что Онъ можетъ не отпустить ихъ голодными, и свидѣтельствовали о Его могуществѣ. Это именно и означало слово: *не хощу*. Но такъ какъ они, не смотря и на это, не поняли сказаннаго Христомъ и упомянули о народѣ, и о мѣстѣ, и о пустынѣ (сказали именно: *откуду намъ въ пустыни хлѣбы толицы, яко да насытится толикъ народъ?*), то Онъ уже самъ прямо вразумляетъ ихъ, и говоритъ имъ: *колико хлѣбы имате? Они же рѣша: седмь и мало рыбицъ* (ст. 34). Не говорятъ уже: *но сіи что суть на толико* (Іоан. VI, 9), какъ прежде говорили. Такъ, хотя они и не все вдругъ понимали, но все же мало-по-малу пріобрѣтали болѣе высокое познаніе. И самъ Онъ, возбуждая этимъ ихъ мысли, спрашиваетъ такъ же, какъ и прежде, чтобы самымъ образомъ вопроса напомнить имъ о прежде совершенномъ чудѣ. Ты же, примѣтивъ изъ этого ихъ несовершенство, познай вмѣстѣ и любомудрый ихъ разумъ, и подивись ихъ любви къ истинѣ, какъ сами они въ своихъ писаніяхъ не скрываютъ собственныхъ недостатковъ, и притомъ великихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не малая вина—такъ скоро забыть чудо недавно бывшее; за это Господь ихъ и укоряетъ.

2. Кромѣ того познай ихъ любомудріе и въ другомъ отношеніи, именно: какъ мало заботились они о чревѣ, какъ привыкли немного думать о пищѣ. Находясь въ пустынѣ и пребывая

въ ней три дня, имѣли только семь хлѣбовъ. Во всемъ прочемъ Господь поступаетъ подобно прежнему: разсаживаетъ ихъ на землѣ и дѣлаетъ такъ, что въ рукахъ учениковъ не убываютъ хлѣбы. *Повелѣ*, сказано, *народомъ возлещи на земли: и пріемъ седмь хлѣбы и рыбы, хвалу воздавъ преломи, и даде ученикомъ, ученицы же народомъ* (ст. 35—36). Но что за этимъ слѣдовало, не походило на прежнее. *Ядоша*, сказано, *вси и насытишася, и взяша избытки укрухъ, седмь кошницъ исполнь. Ядшихъ же бяше четыре тысящи мужей, развѣ женъ и дѣтей* (ст. 37—38). Но почему тогда отъ пяти тысячъ осталось двѣнадцать коробовъ, а здѣсь отъ четырехъ тысячъ осталось семь корзинъ? Итакъ, для чего и почему остатокъ былъ меньше, хотя и ѣвшихъ было меньше? Можно сказать, что или корзины были больше коробовъ, или если не то, надобно думать, что Господь опять, чтобы сходство чуда не довело ихъ до забвенія, такимъ различіемъ пособляетъ ихъ памяти, чтобы, помня сдѣланное иначе, помнили то и другое чудо. Поэтому-то въ первомъ случаѣ число коробовъ съ остатками дѣлаетъ равнымъ числу учениковъ, а теперь число корзинъ равнымъ числу хлѣбовъ. И въ этомъ Онъ обнаруживаетъ неизреченную силу и свободу могущества, показывая, что и такъ и иначе можетъ творить чудеса. Подлинно, дѣломъ не малого могущества было то, что Онъ соблюлъ число какъ тогда, такъ и теперь: тогда было пять тысячъ, а теперь четыре тысячи, остатковъ же было ни больше, ни меньше, въ первомъ случаѣ—числа коробовъ, а во второмъ—корзинъ, хотя число ѣвшихъ было различно. И что далѣе слѣдуетъ, подобно прежнему. Какъ тогда, оставивъ народъ, Христосъ вошелъ въ корабль, такъ и теперь. И Іоаннъ тоже говоритъ (Іоан. VI, 17). Такъ какъ никакое чудо не располагало столько народъ слѣдовать за Нимъ, какъ чудо хлѣбовъ,—даже хотѣли не только за Нимъ слѣдовать, но и сдѣлать Его за это царемъ,—то Христосъ, избѣгая даже и вида властолюбія, удаляется послѣ этого чудотворенія; и не пѣшій уходитъ, но, чтобы не могъ слѣдовать народъ, входитъ въ корабль. *И отпустивъ*, говоритъ евангелистъ, *народы, влѣзе въ корабль, и пріиде въ предѣлы Магдалински* (Матѳ. XV, 39). *И приступивше Фарисее и Саддукее, просиша Его знаменіе съ небесе показати имъ. Онъ же рече: вечеру бывшу глаголете ведро, чермнуетбося небо; и утру: днесь зима, чермнуетбося дряселуя небо. Лице убо небесе умѣете разсуждати, знаменій же временомъ не можете. Родъ лукавъ и прелюбодѣйный знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка. И оставль ихъ отиде* (Матѳ. XVI, 1—4). А Маркъ говоритъ, что когда они пришли къ Нему и спрашивали, *воздохнувъ духомъ Своимъ, глагола: что родъ сей знаменія ищетъ* (Марк. VIII, 12)? Хотя такой вопросъ

долженъ былъ возбудить гнѣвъ и негодованіе, однако человѣколюбивый и милосердый Господь не гнѣвается, но сожалѣетъ и болѣзнуетъ о нихъ, какъ о неисцѣльно больныхъ, которые послѣ столькихъ доказательствъ Его могущества все еще искушали Его. Они спрашивали Его не для того, чтобы увѣровать, но чтобы уловить. Если бы пришли съ тѣмъ, чтобы увѣровать, Онъ далъ бы имъ знаменіе. Тотъ, Кто сказалъ женѣ: *нѣсть добро* (Матө. xv, 26) и потомъ далъ, тѣмъ болѣе далъ бы имъ. Но такъ какъ они просили знаменія не для того, чтобы увѣровать, то Спаситель называетъ ихъ въ другомъ мѣстѣ и лицемѣрами, за то, что они одно говорили, а другое думали. Если бы они вѣровали, то не просили бы и знаменія. А что они не вѣровали, это видно и изъ того, что послѣ укора и обличенія, уже не настаивали на своей просьбѣ, и не сказали: мы не знаемъ, и хотимъ научиться. Какого же знаменія съ неба просили? Остановить солнце, или удержать луну, или низвести молнію, или произвести перемѣну въ воздухѣ, или сдѣлать что-нибудь подобное. Что же на это отвѣчаетъ Христосъ? *Лице небесе умѣете разсуждати, знаменій же временомъ не можете.* Видите ли кротость и снисходительность? Онъ не просто отказалъ, какъ прежде, не сказалъ: *не дастся ему* (Матө. xii, 39), но указываетъ и причину, по которой не даетъ, хотя они и не для того спрашивали, чтобы научиться. Какая же причина? Какъ на небѣ, говоритъ Онъ, иной признакъ ненастья, иной—ведра, и никто, видя признакъ ненастья, не будетъ ожидать хорошей погоды, а въ хорошую погоду ненастья, такъ и обо Мнѣ должно разсуждать. Иное время настоящаго пришествія и иное—будущаго. Нынѣ нужны знаменія на земли, а знаменія на небѣ отложены до будущаго времени. Нынѣ Я пришелъ какъ врачъ, тогда явлюсь какъ судія; нынѣ пришелъ взыскать заблудшее, тогда приду потребовать отчета. Потому нынѣ пришелъ скрытно, тогда приду со всею торжественностію: совью небо, сокрою солнце, лишу свѣта луну; тогда и силы небесныя подвигнутся, и явленіе Моего пришествія будетъ подобно молніи, которая вдругъ всѣмъ является. Но не нынѣ время этихъ знаменій: Я пришелъ умереть и претерпѣть поноснѣйшія страданія. Не слыхали ли, что пророкъ говоритъ: *не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышится внѣ гласъ Его* (Ис. xlii, 2)? И еще другой: *снидетъ яко дождь на руно* (Псал. lxxi, 6)?

3. Если укажете на знаменія, бывшія при фараонѣ, то тѣ знаменія тогда были кстати, потому что нужно было избавиться отъ врага. А кто пришелъ къ друзьямъ, тому нѣтъ нужды въ такихъ знаменіяхъ. И что Мнѣ производить великія знаменія, когда малымъ нѣтъ вѣры? Малыми ихъ я называю по видимости,

потому что по (внутренней) силѣ послѣднія гораздо болѣе первыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сравниться съ отпущеніемъ грѣховъ, воскрешеніемъ мертваго, изгнаніемъ бѣсовъ, исцѣленіемъ тѣла, словомъ—съ возстановленіемъ всего? Ты же замѣть,
529 какъ ожесточено сердце іудеевъ. Слыша, что не дастся имъ знаменія, кромѣ знаменія Іоны пророка, они не разспрашиваютъ Его, хотя, зная пророка и все съ нимъ случившееся, и вновь слыша объ этомъ отъ Христа, они должны были спросить и узнать, что значило сказанное? Но я сказалъ, что они просятъ знаменія не съ желаніемъ научиться. Вотъ почему и Христосъ, оставивъ ихъ, отошелъ. *И прешедше ученицы Его*, говоритъ евангелистъ, *на онъ полъ, забыша хлѣбы взяти. Іисусъ же рече имъ: внемлите и блюдитеся отъ кваса фарисейска и саддукейска* (ст. 5, 6). Почему не сказалъ: берегитесь ученія? Очевидно, что хочетъ напомнить имъ о бывшемъ: зналъ, что они то забыли. Прямо обличать ихъ не было видимаго основанія; но, отъ нихъ же самихъ взявъ поводъ укорить ихъ, дѣлаетъ обличеніе не такъ для нихъ чувствительнымъ. Почему же не тогда укорилъ ихъ, когда говорили: *откуду намъ въ пустыни хлѣбы толицы?* Казалось, что тогда кстати было сказать; но не сказалъ, чтобы не дать знать, что Онъ хочетъ сдѣлать чудо. Притомъ, не хотѣлъ и ихъ обличать, и самъ хвалиться предъ народомъ. Теперь же приличнѣе было обвинять ихъ, такъ какъ и послѣ двукратнаго чуда они не вразумились. Вотъ почему уже послѣ второго чуда укоряетъ ихъ, и выводитъ наружу то, о чемъ они думали. О чемъ же они думали? *Яко хлѣбы*,—говоритъ евангелистъ,—*не взяхомъ* (ст. 7). Они еще заботились объ іудейскихъ очищеніяхъ, и наблюдали разборчивость въ пищѣ. За все это Христосъ и укоряетъ ихъ съ большею строгостію, говоря: *что мыслите въ себѣ, маловѣри, яко хлѣбы не взясте? Не у ли разумѣете, ниже помните? Еще ли окаменено сердце ваше? Очи имуще не видите, уши имуще не слышите? Не у ли помните пять хлѣбы пяти тысящамъ, и колико кошъ взясте? Ни ли седмь хлѣбы четыремъ тысящамъ, и колико кошницъ взясте* (ст. 8 и 10)?

Видишь ли сильное негодованіе? Нигдѣ еще Онъ такъ не укорялъ ихъ. Для чего же дѣлаетъ это? Чтобы опять отвергнуть предразсудокъ ихъ касательно пищи. Почему-то тогда Онъ сказалъ только: *не у ли разумѣете, ниже помните?* Здѣсь же съ сильною укоризною говоритъ: *маловѣри*! И кротость не вездѣ умѣстна. Какъ давалъ имъ полную свободу говорить, такъ и укоряетъ ихъ; а то и другое дѣлалъ для ихъ спасенія. Смотри же, какъ Онъ былъ строгъ и снисходителенъ. Онъ едва не извиняется предъ ними, что ихъ укорилъ съ такою силою, когда говоритъ: *не у ли помышляете пять хлѣбы, и колико кошъ взясте, и седмь*

хлѣбы, и колико кошницъ взясте? Для того означаетъ число какъ ѣвшихъ, такъ и остатокъ, чтобы, напомнивъ имъ о прошедшемъ, сдѣлать болѣе внимательными къ будущему. Но чтобы тебѣ узнать, что произвела укоризна, и какъ пробудила ихъ усыпленный умъ, послушай, что говоритъ евангелистъ. Хотя Господь ничего болѣе не сказалъ, а укоривши, присовокупилъ только: *како не разумѣете, яко не о хлѣбѣхъ рѣхъ вамъ внимати, но отъ кваса фарисейска и саддукейска?* — но они, говоритъ далѣе евангелистъ, *тогда разумѣша, яко не рече хранитися отъ кваса хлѣбнаго, но отъ ученія фарисейска и саддукейска,* — чего самъ Онъ не 530
объяснялъ. Смотри, сколько добраго произвела укоризна! Она заставила ихъ отстать отъ іудейской разборчивости, и изъ безпечныхъ сдѣлала внимательными, и освободила ихъ отъ честолюбія и маловѣрія, такъ что они перестали приходить въ страхъ и трепетъ, когда случалось имъ имѣть мало хлѣбовъ, и не заботились, чѣмъ утолить голодъ, но все это презирали. Такъ и мы не должны всегда поблажать подчиненнымъ, равно не должны искать того, чтобы начальники наши намъ поблажали. Для души человѣческой необходимы оба эти врачества (и строгость, и снисходительность). Вотъ почему и Богъ въ цѣлой вселенной такъ распоряжается, что иногда употребляетъ строгость, а иногда— снисходительность, и не попускаетъ быть ни благополучію безъ скорбей, ни бѣдствій безъ радостей. Какъ въ природѣ бываетъ то ночь, то день, то лѣто, то зима, такъ и у насъ — то печаль, то радость, то болѣзнь, то здоровье. Итакъ, не дивись, когда ты боленъ,—иначе долженъ будешь дивиться, когда ты и здоровъ; не смущайся, когда ты печаленъ,—иначе долженъ будешь безпокоиться, когда и веселъ. Все совершается по естественному порядку.

4. И что дивишься, если съ тобою это случилось? Кто не знаетъ, что то же случалось и со святыми? А чтобы тебѣ понять это, изобразимъ ту жизнь, о которой ты думаешь, что она вся исполнена удовольствіями и свободна отъ заботъ. Хочешь ли, разсмотримъ жизнь Авраама съ самаго ея начала? Что же онъ прежде всего услышалъ? *Изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего* (Быт. XII, 1). Видишь ли, что требованіе очень непріятно? Но смотри, сколько слѣдуетъ затѣмъ радостнаго! *И иди въ землю, юже ти покажу, и сотворю тя въ языкъ велій* (ст. 1, 2). А что, когда пришелъ въ землю, достигъ пристани, кончились ли скорби?— Отнюдь нѣтъ: опять слѣдуютъ новыя скорби, тягостнѣе прежнихъ—голодъ, странствованіе, похищеніе жены; а затѣмъ ожидали его другія радости—пораженіе фараона, отпускъ съ честію, со многими дарами, и возвращеніе въ домъ. И вся остальная

жизнь представляетъ такую же цѣпь радостей и печалей. То же самое случилось и съ апостолами. Потому Павелъ и говоритъ: ***утѣшаяй насъ о всякой скорби, яко возмощи намъ утѣшити сущія во всякой скорби*** (2 Кор. I, 4). Но ты скажешь: какъ это идетъ ко мнѣ, который всегда нахожусь въ скорбяхъ? Не будь нечувствителенъ и неблагодаренъ; никому не возможно быть всегда въ скорбяхъ; этого не перенесетъ природа (человѣческая). Но такъ какъ мы всегда желаемъ быть въ радости, то и думаемъ, что всегда находимся въ печали. Кромѣ того, такъ какъ радостное и пріятное мы скоро забываемъ, а печальное всегда помнимъ, то и говоримъ, что всегда находимся въ печаляхъ. Человѣку по природѣ его невозможно быть всегда въ печали. Если угодно, разсмотримъ жизнь, проводимую въ нѣгѣ, забавахъ и роскоши,— и жизнь въ нуждѣ, въ бѣдствіяхъ и горестяхъ. Мы покажемъ вамъ, что какъ та имѣетъ свои горести, такъ и эта имѣетъ свои радости. Но будьте спокойны. Вообразите себѣ человѣка, заключеннаго въ оковы, и еще юнаго осиротѣвшаго царя, который по-
581 лучилъ великое богатство; вообразите также работника, который трудится цѣлый день, и человѣка, который все время проводитъ въ нѣгѣ. Хочешь ли, мы опишемъ прежде скуку преданнаго нѣгѣ человѣка? Представь, какъ должны волноваться его мысли, когда ищетъ онъ славы не по силамъ своимъ, когда слуги его презираютъ, когда низшіе оскорбляютъ, когда тысячи его винятъ и осуждаютъ его расточительность; а того и пересказать нельзя, что еще обыкновенно случается съ такими богачами, какъ-то: вражда, оскорбленія, обвиненія, убытки, злоумышленія завистниковъ, которые, когда не могутъ себѣ присвоить его богатства, завлекаютъ молодого человѣка въ разныя дѣла, всячески разстроиваютъ и причиняютъ ему тысячи безпокойствъ. Хочешь ли, опишу тебѣ пріятности въ жизни работника? Онъ свободенъ отъ всего исчисленнаго; если кто и обидитъ его, — не оскорбитъ, потому что никому себя не предпочитаетъ; потери имѣнія не страшится; ѣстъ съ удовольствіемъ, спитъ беззаботно. Не съ такимъ удовольствіемъ пьетъ иной и ѳазское вино, съ какимъ онъ приходитъ къ источнику и пьетъ ключевую воду. Но не такова жизнь богача. А если и этого тебѣ мало, то чтобы одержать надъ тобою еще большую побѣду, сравнимъ царя съ узникомъ, и ты не разъ увидишь, что узникъ наслаждается удовольствіемъ, веселится и скачетъ, а царь, напротивъ, въ діадемѣ и порфирѣ скучаетъ, имѣетъ тысячи заботъ и обмираетъ отъ страха. Никому, никому нельзя жить безъ печали, равно какъ и безъ всякаго удовольствія. Этого не вынесла бы и природа наша, какъ я сказалъ прежде. Если же одинъ болѣе радуется, а другой болѣе

скорбитъ, то происходитъ это отъ самого человѣка, который скорбитъ по малодушію, а не отъ природы вещей. Если же хотимъ всегда радоваться, то много имѣемъ къ тому случаевъ. Если утвердимся въ добродѣтели, то ничто уже насъ не будетъ печалить: добрыя надежды внушаетъ она тѣмъ, кто пріобрѣлъ ее, дѣлаетъ ихъ угодными Богу и почтенными предъ людьми, и даетъ имъ неизреченную отраду. Правда, многаго труда стоитъ утвердиться въ добродѣтели; но за то она много радуетъ совѣсть, и столько производитъ внутренняго удовольствія, что никакимъ словомъ и выразить нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, что тебѣ кажется пріятнымъ въ настоящей жизни? Столъ ли роскошный, здравіе ли тѣлесное, слава ли и богатство? Но всѣ эти удовольствія покажутся весьма горькими, если сравнить ихъ съ удовольствіемъ внутреннимъ. Поистинѣ нѣтъ ничего пріятнѣе неукоризненной совѣсти и доброй надежды.

5. И если хотите увѣриться въ этомъ, испытаемъ человѣка, близкаго къ смерти или престарѣлаго и, припомнивъ ему о роскошныхъ столахъ, которыми онъ услаждался, о славѣ и чести, равно и о добрыхъ дѣлахъ, какія онъ когда-либо дѣлалъ и совершалъ,—спросимъ его: что больше его радуетъ? И увидимъ, 532
что, вспоминая первыя, онъ стыдится и закрываетъ лице, а вспоминая послѣднія, восхищается и ликуетъ. Такъ Езекія, когда изнемогъ, вспомнилъ не о славѣ, не о царствѣ, не о столахъ роскошныхъ, но о правдѣ. *Помяни Господи*, говоритъ онъ, *како ходихъ предъ Тобою путемъ правымъ* (4 Цар. xx, 3). Посмотри, какъ и Павелъ восхищается добрыми дѣлами, и говоритъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ* (2 Тим. IV, 7). Скажешь: о чемъ ему было и говорить? О многомъ, и большемъ этого: о почестяхъ, ему возданныхъ, объ охранителяхъ, которые имѣлись у него, и о многократныхъ услугахъ. Не слышишь ли, что онъ говоритъ: *якоже ангела Божія пріясте мя, яко Христа Іисуса*, что *аще бы было мощно, очеса ваша извертѣвше дали бысте ми* (Гал. IV, 14, 15), и что *по души* его *своя выя положиша* (Рим. XVI, 4)? Однако онъ говоритъ не объ этихъ почестяхъ, но о трудахъ, объ опасностяхъ и соотвѣтствующихъ имъ вѣнцахъ. И весьма справедливо. То остается здѣсь, а это за нами послѣдуетъ; за то дадимъ отчетъ, а за это получимъ награду. Или не знаете, какъ возмущаютъ душу грѣхи въ день кончины, какъ волнуютъ сердце? Въ эти-то минуты воспоминаніе о добрыхъ дѣлахъ, подобно ведру во время бури, успокоиваетъ смущенную душу. Если будемъ бодрствовать, то страхъ этотъ неразлученъ будетъ съ нами еще и въ жизни; когда же остаемся безчувственными, то онъ, безъ сомнѣнія, предстанетъ тогда, когда бу-

демъ разлучаться съ этой жизнію. Такъ и узникъ тогда особенно скорбитъ, когда выводятъ его на судъ; тогда особенно трепещетъ, когда приближается къ судилищу, когда долженъ дать отчетъ. Вотъ почему много ходитъ и разсказовъ объ ужасахъ при послѣднемъ концѣ и страшныхъ явленіяхъ, которыхъ самый видъ нестерпимъ для умирающихъ, такъ что лежащіе на одрѣ съ великою силою потрясаютъ его и страшно взираютъ на предстоящихъ, тогда какъ душа силится удержаться въ тѣлѣ и не хочетъ разлучиться съ нимъ, ужасаясь видѣнія приближающихся ангеловъ. Если мы, смотря на страшныхъ людей, трепещемъ, то каково будетъ наше мученіе, когда увидимъ приближающихся грозныхъ ангеловъ и неумолимыя силы, когда они душу нашу повлекутъ и будутъ отторгать отъ тѣла, когда много будетъ она рыдать, но вотще и безъ пользы? И богачъ, упоминаемый въ Евангеліи, много плакалъ по смерти; но это не принесло ему никакой пользы. Все это напечатлѣвая въ умѣ и всегда представляя, чтобы и намъ не потерпѣть того же, удержимъ въ свѣжей памяти страхъ смерти, чтобы избѣжать наказанія за наши грѣхи и получить вѣчныя блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и святому и животворящему Духу слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LIV.

531-532 **Пришедъ же Іисусъ во страны Кесаріи Филипповы, вопрошаше ученики Своя, глаголя: кого Мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго (Матѳ. XVI, 13)?**

1. Для чего евангелистъ упомянулъ объ основателѣ города? Для того, что была другая Кесарія, именно Стратонова; а Іисусъ Христосъ спрашивалъ учениковъ не въ Стратоновой, а въ Филипповой, отведши далеко отъ іудеевъ, чтобы они, освободившись отъ всякаго опасенія, смѣло высказали все, что у нихъ было на мысляхъ. Для чего же Онъ спросилъ сначала не объ ихъ мнѣніи, а о мнѣніи народа? Для того, чтобы они, сказавши народное мнѣніе, потомъ, будучи спрошены: *вы же кого Мя глаголете быти?*—самымъ порядкомъ вопросовъ были возведены къ высшему разумѣнію, и не стали о Немъ такъ же низко думать, какъ и народъ. По той же причинѣ спрашиваетъ ихъ не въ началѣ проповѣди, но когда сотворилъ много чудесъ, бесѣдовалъ съ ними о многихъ и высокихъ истинахъ и многократно доказалъ Свою божественность и единство съ Отцемъ, тогда уже предлагаетъ

имъ этотъ вопросъ. И не говоритъ: за кого Меня почитаютъ книжники и фарисеи?—хотя они часто приходили къ Нему и бесѣдовали; но желаетъ знать непритворное мнѣніе народа: *кого Мя глаголютъ человѣцы быти?* Мнѣніе народа было хотя гораздо ниже надлежащаго, но безъ всякаго лукавства; мнѣніе же книжниковъ и фарисеевъ внушено было сильною злобою. И показывая, какъ сильно желаетъ, чтобы исповѣдывали Его воплощеніе, говоритъ: *Сына человѣческаго*,—разумѣя подъ этимъ и божество, какъ нерѣдко и въ другихъ мѣстахъ Онъ дѣлаетъ. Такъ говоритъ: *никтоже взыде на небо, токмо Сынъ человѣческій, сый на небеси* (Іоан. ііі, 13); и въ другомъ мѣстѣ: *аще убо узрите Сына человѣческаго восходяща, идѣже бѣ прежде* (Іоан. vі, 62). Потомъ, когда ученики сказали Ему: *ови убо Іоанна Крестителя, иніи же Илію, друзіи же Іеремію, иные единаго отъ пророкъ* (Матѳ. xvі, 14), и объявили Ему ложное мнѣніе народа, -- тогда присовокупилъ: *вы же кого Мя глаголете быти* (ст. 15)? Этимъ вторымъ вопросомъ Онъ побуждаетъ ихъ думать о Немъ выше, и даетъ разумѣть, что первое мнѣніе весьма мало соотвѣтствуетъ Его достоинству. Для того Онъ требуетъ отъ нихъ другого мнѣнія, и предлагаетъ другой вопросъ, чтобы они не думали о Немъ одинаково съ народомъ, который видѣлъ чудеса, превышающія силы человѣка, и почиталъ Его человѣкомъ, хотя такимъ, который воскресъ изъ мертвыхъ, какъ говорилъ и Иродъ. Но Онъ, отклоняя отъ такихъ догадокъ, говоритъ: *вы же кого Мя глаголете быти*,—вы, которые всегда со Мною были, видѣли Мои чудодѣйствія и сами творили чрезъ Меня многія чудеса? Что же на это отвѣчаетъ Петръ, уста апостоловъ, всегда пламенный, глава въ ликѣ апостольскомъ? На вопросъ, предложенный всѣмъ, отвѣчаетъ отъ себя. Когда Христосъ спрашивалъ о мнѣніи народа, тогда всѣ отвѣчали на Его вопросъ; когда же о ихъ собственномъ, то Петръ не терпитъ, предупреждаетъ и говоритъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (ст. 16)! Что же сказалъ Христосъ? *Блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ* (ст. 17). Конечно, если бы Петръ исповѣдалъ Его сыномъ не въ собственномъ смыслѣ и не отъ самого Отца рожденнымъ, то это не было бы дѣломъ откровенія; если бы онъ почелъ Его сыномъ, подобнымъ многимъ, то его слова не заслуживали бы блаженства. И прежде еще бывшіе на кораблѣ, послѣ бури, говорили: *воистину Божій сынъ есть* (Матѳ. xiv, 33), однако не были названы блаженными, хотя и истину сказали. Они исповѣдали Его не такимъ сыномъ, какъ Петръ, но признавали воистину сыномъ подобнымъ многимъ, даже превосходнѣйшимъ многихъ, только не изъ самой сущности Отца рожденнымъ.

2. И Наѳанаилъ также говорилъ: *равви, Ты еси сынъ Божій, Ты еси царь Израилевъ* (Іоан. I, 49), однакожъ не только не называется блаженнымъ, но еще обличается Господомъ за то, что много еще не досказалъ истины. Потому Христосъ и прибавилъ: *зане рѣхъ ти, яко видѣхъ тя подъ смоковницею, вѣруеши? Больша сихъ узриши* (ст. 50). За что же Петръ называется блаженнымъ? За то, что онъ исповѣдалъ Его истиннымъ Сыномъ. По этой-то причинѣ Христосъ другихъ не назвалъ блаженными, но, говоря съ Петромъ, показалъ, кто и открылъ ему. Чтобы исповѣданіе Петрово
584 не показалось многимъ сказаннымъ изъ дружбы и лести, и въ знакъ особеннаго къ Нему расположенія,—потому что онъ весьма любилъ Христа,—и указываетъ Того, Кто внушилъ ему, чтобы ты разумѣлъ, что Петръ только произносилъ, а научалъ его Отецъ, и чтобы ты вѣрилъ, что слова эти не выражаютъ человѣческое мнѣніе, но божественное ученіе. Но почему Христосъ не открываетъ Себя самъ,—не говоритъ: Я Христосъ,—но достигаетъ этого вопросомъ Своимъ и заставляетъ произнести исповѣданіе учениковъ. Потому что это и Ему тогда было приличнѣе и нужнѣе, и ихъ болѣе побуждало вѣрить сказанному. Видишь ли, какъ Отецъ открываетъ Сына? Какъ Сынъ открываетъ Отца? *Ни Отца кто знаетъ*, сказано, *токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Матѳ. XI, 27; Лук. X, 22). Такимъ образомъ не чрезъ другого кого можно познать Сына, какъ только чрезъ самого Отца; и не чрезъ другого кого можно познать Отца, какъ только чрезъ Сына, такъ что и изъ этого видно, что Они равночестны и единосущны. Что же говоритъ Христосъ? *Ты еси Симонъ, сынъ Іонинъ; ты наречешися Кифа* (Іоан. I, 42). Такъ какъ ты проповѣдалъ Моего Отца, то и Я именую родившаго тебя, и какъ бы такъ говоритъ: какъ ты сынъ Іонинъ, такъ и Я Сынъ Моего Отца. Иначе излишне было бы говорить: *ты еси сынъ Іонинъ*. Но когда Петръ назвалъ Его Сыномъ Божіимъ, тогда Христосъ, чтобы показать, что Онъ такъ же есть Сынъ Божій, какъ Петръ сынъ Іонинъ, т. е. одной сущности съ родившимъ, присовокупилъ: *и Азъ тебѣ глаголю: ты еси Петръ, и на семъ камени*—т. е. на вѣроисповѣданіи—*созижду Церковь мою* (ст. 18). Этими словами Господь показываетъ, что отселѣ многіе будутъ вѣровать, ободряетъ духъ Петра и дѣлаетъ его пастыремъ: *и врата адовы не одолѣютъ ей*. Если же не преодолѣютъ ея, то тѣмъ болѣе Меня. Поэтому не смущайся, когда услышишь, что Я буду преданъ и распятъ. Далѣе обѣщаетъ и другую почесть: *и Я дамъ ти ключи царствія небеснаго* (ст. 19). Что значитъ: *и Я дамъ ти?* Какъ Отецъ далъ тебѣ познаніе обо Мнѣ, такъ и Я дамъ тебѣ; не сказалъ—умолю Отца, хотя и это было бы важнымъ доказательствомъ Его могущества и неизре-

ченно великимъ даромъ; по: *Я дамъ тебѣ*. Что же даешь Ты, скажи мнѣ? Ключи неба, чтобы *еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ*. Какъ же не можетъ дать того, чтобы сѣсть одесную и ошуюю—Тотъ, Который говоритъ: Я дамъ тебѣ? Видишь ли, какъ Христосъ этими двумя обѣщаніями возводитъ Петра къ высокому о Немъ мнѣнію, какъ открываетъ Себя и показываетъ истиннымъ Сыномъ Божіимъ? Онъ обѣщаетъ даровать ему то, что собственно принадлежитъ одному Богу, именно: разрѣшать грѣхи, содѣлать Церковь непоколебимою среди всѣхъ волненій, и простого рыбаря явить крѣпчайшимъ всякаго камня, когда востанетъ на него вся вселенная. Подобнымъ образомъ и Богъ Отецъ сказалъ, бесѣдуя съ Іереміею, что полагаетъ его, какъ столпъ мѣдный и какъ стѣну (Іерем. I, 18); но Іеремія поставленъ былъ для одного народа, а Петръ для цѣлой вселенной. Хотѣлось бы мнѣ спросить тѣхъ, которые унижаютъ Сына: какіе больше дары—тѣ ли, которые Отецъ далъ Петру, или тѣ, которые далъ Сынъ? Отецъ даровалъ Петру откровеніе о Сынѣ; Сынъ же откровенное познаніе объ Отцѣ и о самомъ Себѣ посѣялъ во всей вселенной, и простому смертному вручилъ, давши 585
ему ключи, власть надъ всѣмъ небеснымъ; и онъ распространилъ Церковь по всей вселенной, и явилъ ее сильнѣйшею самаго неба. *Небо и земля мимоидетъ, словеса же Моя не мимоидутъ* (Матѳ. XXIV, 35). Какъ же меньше Тотъ, Кто далъ такую власть и совершилъ такія дѣла? Говоря это, я не отдѣляю дѣлъ Отца отъ дѣлъ Сына: *вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 3); но хочу обуздать безстыдный языкъ дерзающихъ унижать Сына.

3. Изъ всего этого познай власть Христа. *Азъ тебѣ глаголю: ты еси Петръ; Я созижду церковь; Я дамъ ти ключи неба. Тогда*,—сказавъ это,—*запрети имъ, да никомуже рекутъ, яко Сей есть Христосъ* (ст. 18—20). Для чего Онъ запретилъ? Для того, чтобы, по удаленіи соблазнителей, по совершеніи крестнаго подвига и по окончаніи всѣхъ Его страданій, когда уже некому было препятствовать и вредить вѣрѣ въ Него многихъ, тогда чисто и твердо напечатлѣлось въ умѣ слушающихъ вѣрное о Немъ понятіе. Могущество Его не такъ еще очевидно обнаруживалось. Поэтому Онъ хотѣлъ, чтобы апостолы тогда уже начали проповѣдывать о Немъ, когда очевидная истина проповѣдуемаго и сила событій будутъ подтверждать слова ихъ. Дѣйствительно, иное было дѣло видѣть, что Онъ то чудодѣйствуетъ въ Палестинѣ, то подвергается поношеніямъ и гоненіямъ (особенно, когда за чудесами долженъ былъ послѣдовать крестъ), и иное дѣло видѣть, что вся вселенная Ему покланяется и вѣруетъ въ Него, и что Онъ

уже не терпитъ ни одного изъ тѣхъ страданій, которыя претерпѣлъ. Поэтому-то Онъ и повелѣлъ никому не сказывать. Разъ укоренившееся, а потомъ исторгнутое, трудно уже насадить и удержать во многихъ; напротивъ, что однажды принялось и остается на своемъ мѣстѣ и ничѣмъ не бываетъ повреждаемо, то легко прозябаетъ и возрастаетъ. Если тѣ, которые видѣли многія чудеса и слышали столько неизреченныхъ таинъ, соблазнились при одномъ слухѣ о страданіяхъ, притомъ не только прочіе апостолы, но и верховный изъ нихъ Петръ, то представь, какому бы соблазну подвергся народъ, если бы онъ зналъ, что Христосъ есть Сынъ Божій, и потомъ увидѣлъ, что Его распинаютъ и оплевываютъ, между тѣмъ не разумѣлъ бы сокровеннаго въ этихъ тайнахъ, не принявъ еще Святаго Духа? Если и ученикамъ Христосъ говорилъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. XVI, 12), то тѣмъ болѣе смутился бы прочій народъ, если бы прежде надлежащаго времени открыта ему была высочайшая изъ таинъ. Вотъ почему Онъ и запретилъ сказывать! И дѣйствительно, какъ важно было познать полное ученіе не прежде, чѣмъ послѣ этихъ событій, когда миновали соблазны, познай то изъ примѣра верховнаго апостола. Тотъ же самый Петръ, который послѣ столькихъ чудесъ оказался такимъ слабымъ, что даже отрекся Іисуса и убоялся простой служанки,— когда совершились уже крестныя страданія, когда онъ увидѣлъ ясныя доказательства воскресенія и когда ничто уже его не соблазняло и не устрашало, тотъ же Петръ съ такою непоколебимостію защищалъ ученіе Духа, что, не смотря на всѣ угрожавшія ему опасности и тысячи смертей, сильнѣе льва устремлялся на народъ іудейскій. Итакъ справедливо запретилъ Онъ сказывать прежде креста народу, когда прежде креста опасался все открыть и тѣмъ, которые должны быть наставниками. *Много имамъ глаголати вамъ*,—говоритъ Христосъ,—*но не можете носити нынѣ*. И дѣйствительно, многато они еще не разумѣли въ Его словахъ, чего прежде креста Онъ ясно не открылъ имъ; послѣ
536 же воскресенія они поняли нѣкоторыя изъ Его словъ. *Оттолѣ начатъ Іисусъ сказовати имъ, яко подобаетъ Ему пострадати* (ст. 21). *Оттолѣ:* съ котораго времени? Съ того, когда насадилъ въ нихъ ученіе о Своей божественности,—когда положилъ начало обращенія языковъ. Но и тогда они не поняли еще словъ Его,— сказано: *бѣ сокровенъ глаголъ сей отъ нихъ* (Лук. XVIII, 34); они все еще оставались какъ бы въ нѣкоемъ мракѣ, не зная, что должно Ему воскреснуть. Вотъ почему Христосъ и останавливается на этомъ трудномъ для нихъ предметѣ, распространяетъ Свое слово, чтобы отверсть ихъ умъ и дать выразумѣть, что значатъ слова

Его. Но они *не разумѣша*, но *бѣ глаголъ сей сокровенъ отъ нихъ*; они даже боялись спрашивать Его, впрочемъ не о томъ, точно ли умретъ Онъ, но о томъ, какъ и какимъ образомъ, и что значитъ эта тайна? Они не знали, что такое значитъ воскреснуть, и считали важнѣйшимъ никогда не умирать. Вотъ почему, при общемъ смущеніи и недоумѣніи учениковъ, пылкій Петръ опять одинъ осмѣливается продолжить объ этомъ разговоръ, но и то не при всѣхъ, а наединѣ, т. е. устранившись отъ другихъ учениковъ; и говоритъ: *милосердъ ты Господи: не иматъ быти тебѣ сіе* (ст. 22)! Что это значитъ? Тотъ, который удостоился откровенія, названъ блаженнымъ, такъ скоро споткнулся и упалъ такъ, что побоялся страданія? Но что удивительнаго, если это случилось съ человѣкомъ, который не получилъ о томъ откровеніе? Чтобы знать тебѣ, что онъ не самъ отъ себя произнесъ слова *(Ты еси Христосъ Сынъ Божій)*,—смотри, какъ онъ смущается и недоумѣваетъ о томъ, что ему еще не открыто, и, тысячу разъ слыша, не понимаетъ, что говорятъ ему. Онъ позналъ, что Іисусъ есть Сынъ Божій; а что такое тайна креста и воскресенія,—то ему еще не было извѣстно. Сказано: *и бѣ сокровенъ отъ нихъ глаголъ сей.* Видишь ли, что Христосъ справедливо запретилъ сказывать о томъ другимъ? Если сказанное такъ смутило и тѣхъ, кому нужно было это знать, то чего не случилось бы съ другими? Но Христосъ, желая показать, что Онъ ни мало не противъ собственной воли идетъ на страданіе, даже обличилъ Петра и назвалъ сатаною.

4. Да слышатъ это всѣ тѣ, которые стыдятся крестныхъ страданій Христовыхъ. Если и верховный апостолъ, и притомъ, когда не понималъ еще всего ясно, названъ сатаною за то, что устыдился креста, то какое извиненіе найдутъ тѣ, которые при всей очевидности отвергаютъ это таинство? Если слышитъ такой упрекъ названный блаженнымъ и исповѣдавшій божество Христово, то подумай, чему подвергнутся тѣ, которые и нынѣ отвергаютъ таинство креста? Христосъ не сказалъ: сатана говоритъ твоими устами; но: *иди за Мною сатано!* потому что противникъ именно желалъ того, чтобы Христосъ не страдалъ. Вотъ причина, почему Онъ съ такою силою обличилъ Петра; Онъ видѣлъ, что и Петръ, и другіе всего болѣе того боялись, и не могли спокойно слышать. По той причинѣ Онъ обнаруживаетъ и тайныя его мысли, говоря: *не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая.* Что значитъ: *не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая* (ст. 23)? Петръ, заключая о дѣлѣ по человѣческому и плотскому разсужденію, думалъ, что страданіе для Христа позорно и несвойственно. Итакъ, проникая въ его мысли, Христосъ говоритъ: ни мало не несвойственны Мнѣ страданія, но ты такъ судишь

по плотскому разуму; напротивъ, если бы ты въ божественномъ Духѣ, освободившись отъ плотскихъ помысловъ, высказалъ сказанное Мною, то понялъ бы, что это Мнѣ весьма прилично. Ты
537 думаешь, что страдать для Меня низко, а Я тебѣ говорю, что эта мысль—не страдать Мнѣ—отъ діавола. Такъ Онъ страхомъ противнаго разсѣиваетъ боязнь Петра. Какъ и Іоанна, когда тотъ почиталъ низкимъ для Христа креститься отъ него, Онъ убѣдилъ крестить, сказавъ: *тако подобаетъ намъ* (Матѳ. III, 15); какъ и самому Петру, когда не давалъ Ему умыть ногъ своихъ, сказалъ: *аще не умыю ногъ твоихъ, не имаши части со Мною* (Іоан. XIII, 8), такъ и здѣсь Онъ вразумилъ Петра страхомъ противнаго и силою обличенія, уничтожилъ страхъ, возбужденный мыслію о страданіи. Итакъ, никто не стыдись достопокланяемыхъ знаковъ нашего спасенія, которыми мы живемъ, и начала всѣхъ благъ, которыми существуемъ. Но какъ вѣнецъ будемъ носить крестъ Христовъ. Чрезъ него совершается все, что для насъ нужно. Нужно ли родиться — предлагается намъ крестъ; хотимъ ли напитаться таинственною пищею, нужно ли принять рукоположеніе, или другое что сдѣлать—вездѣ предстоитъ намъ этотъ знакъ побѣды. Потому-то мы со всякимъ тщаніемъ начертываемъ его и на домахъ, и на стѣнахъ, и на дверяхъ, и на челѣ, и на сердцѣ. Крестъ есть знаменіе нашего спасенія, общей свободы и милосердія нашего Владыки, который *яко овча на заколеніе ведеся* (Ис. LIII, 7). Потому когда знаменуешься крестомъ, то представляй все значеніе креста, погашай гнѣвъ и всѣ прочія страсти. Когда знаменуешься крестомъ, пусть на челѣ твоемъ выражается живое упованіе, а душа твоя дѣлается свободною. Безъ сомнѣнія вамъ извѣстно, что доставляетъ намъ свободу. Потому и Павелъ, склоняя насъ къ этому, — я разумѣю свободу намъ приличную, — упомянувъ о крестѣ и крови Господней, убѣждаетъ такими словами: *цѣною куплени есте, не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. VII, 23). Помышляй, говоритъ, о дорогой цѣнѣ, какая заплачена за тебя, и не будешь рабомъ ни одного человѣка; а подъ дорогою цѣною онъ разумѣетъ крестъ. Не просто перстомъ должно его изображать, но должны этому предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра. Если такъ изобразишь его на лицѣ твоемъ, то ни одинъ изъ нечистыхъ духовъ не сможетъ приблизиться къ тебѣ, видя тотъ мечь, которымъ онъ уязвленъ, видя то оружіе, отъ котораго получилъ смертельную рану. Если и мы съ трепетомъ взираемъ на тѣ мѣста, гдѣ казнятъ преступниковъ, то представь, какъ ужасается діаволъ, видя оружіе, которымъ Христосъ разрушилъ всю его силу и отсѣкъ главу змія. Итакъ, не стыдись столь великаго блага, да не

постыдить и тебя Христосъ, когда придетъ во славѣ Своей, и когда это знаменіе явится предъ Нимъ, сіяя свѣтлѣе самыхъ лучей солнечныхъ. Тогда крестъ этотъ самымъ явленіемъ своимъ какъ бы скажетъ въ оправданіе Господа предъ цѣлою вселенною и во свидѣтельство, что съ Его стороны все сдѣлано, что только было нужно. Это знаменіе и въ прежнія, и въ нынѣшнія времена отверзало заключенныя двери; оно, отнимало силу у вредоносныхъ веществъ, дѣлало недѣйствительнымъ ядъ; оно врачевало смертоносныя угрызенія звѣрей. Если оно отверзло врата адовы, отворило твердь небесную, вновь открыло входъ въ рай и сокрушило крѣпость діавола, то что удивительнаго, если оно побѣждаетъ силу ядовитыхъ веществъ, звѣрей и всего тому подобнаго?

5. Итакъ, напечатлѣй крестъ въ умѣ твоемъ и обними спа- 588
сительное знаменіе душъ нашихъ. Этотъ самый крестъ спасъ и преобразовалъ вселенную, изгналъ заблужденіе, ввелъ истину, землю обратилъ въ небо, людей содѣлалъ ангелами. Когда при насъ крестъ, тогда демоны уже не страшны и не опасны; смерть уже не смерть, а сонъ. Крестомъ все враждебное намъ низложено и попрано. Итакъ, если кто скажетъ тебѣ: ты покланяешься Распятому, отвѣчай ему радостнымъ гласомъ и съ веселымъ лицемъ: покланяюсь и не перестану покланяться. Если онъ засмѣется, ты оплачь его безуміе и благодари Господа, что Онъ оказалъ намъ такія благодѣянія, которыхъ безъ откровенія свыше и познать никто не можетъ. Такой человѣкъ смѣется, вѣдь, потому только, что *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія* (1 Кор. II, 14). То же бываетъ и съ дѣтьми, когда они видятъ что-нибудь великое и удивительное; если ты станешь объяснять ребенку тайну, онъ засмѣется. И язычники подобны такимъ дѣтямъ, а лучше сказать и ихъ безразсуднѣе, почему и болѣе достойны сожалѣнія, какъ поступающіе по-дѣтски не въ дѣтскомъ, а въ совершенномъ возрастѣ. Поэтому-то они не заслуживаютъ никакого и извиненія. Но мы громкимъ, сильнымъ и высокимъ голосомъ взываемъ и говоримъ, а когда предстанутъ всѣ язычники, еще съ большимъ дерзновеніемъ возопіемъ, что крестъ есть наша похвала, начало всѣхъ благъ, дерзновеніе и все наше украшеніе. О, если бы я могъ сказать съ Павломъ: *имже мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Галат. VI, 14)! Но не могу, будучи одержимъ различными страстями. Поэтому увѣщеваю васъ, а прежде васъ себя самого—распяться міру и не имѣть ничего общаго съ землею, но возлюбить горнее отечество, славу и блага небесныя. Мы—воины Царя небеснаго, мы облеклись въ оружіе духовное. Зачѣмъ же мы живемъ подобно корчемникамъ, бродягамъ и

даже подобно червямъ? Гдѣ царь, тамъ долженъ быть и воинъ. Мы воины не отдаленнаго какого-либо царя, но близкаго къ намъ. Земной царь не допуститъ всѣхъ въ свой дворецъ и къ своей особѣ; но Царь небесный хочетъ, чтобы всѣ были близъ царскаго Его престола. Но какъ возможно, — скажешь, — чтобы мы, находясь здѣсь, предстояли Его престолу? Такъ же, какъ и Павелъ, будучи па землѣ, былъ тамъ, гдѣ серафимы и херувимы, и даже ближе былъ ко Христу, нежели щитоносцы къ царю: эти послѣдніе обращаютъ свои взоры на многіе предметы, Павла же ничто не занимало, ничто не развлекало, но вся мысль его была устремлена къ Царю-Христу. Если, слѣдовательно, мы захотимъ, и намъ это будетъ возможно. Если бы Господь отдаленъ былъ мѣстомъ, то ты имѣлъ бы причину сомнѣваться; если же Онъ вездѣ присутствуетъ, то и близокъ ко всякому, кто все вниманіе устремилъ къ Нему. Вотъ почему и пророкъ сказалъ: *не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Псал. xxп, 4). И самъ Богъ говоритъ: *Богъ приближаяйся Азъ есмь, а не Богъ издалеча* (Іерем. xxш. 23). Потому какъ грѣхи удаляютъ насъ отъ Него, такъ добрыя дѣла приближаютъ къ Нему: *еще глаголющу ти*, сказано, *речетъ: се пріидохъ* (Ис. LVш, 9). Какой отецъ когда-либо бывалъ такъ внимателенъ къ дѣтямъ? Какая мать такъ бываетъ заботлива и
539 всегда ждетъ, не позовутъ ли ее дѣти? Не найдешь ни одного такого отца, ни одной такой матери; только одинъ Богъ непрестанно ждетъ, не воззоветъ ли къ Нему кто изъ слугъ Его, и никогда не оставляетъ нашихъ прошеній, когда просимъ Его должнымъ образомъ. Потому-то Онъ и говоритъ: *еще глаголющу ти*,—ты еще не кончишь своихъ прошеній, а Я уже выслушаю. Итакъ, будемъ призывать Его, какъ Онъ того хочетъ. Но какъ Онъ хочетъ? *Разрѣшай*,—говоритъ,—*всякъ соузъ неправды, разрушай обдолженія насильныхъ писаній, всякое списаніе неправедное раздери. Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племене твоего не презри. Тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ; и предъидетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія обыметъ тя. Тогда* призовешь Меня и услышу *тя; еще глаголющу ти*, реку: *се пріидохъ* (Ис. LVш, ст. 6—9)! Но кто же въ состояніи все это сдѣлать, скажешь ты? А я спрошу тебя: кто не въ состояніи? Въ самомъ дѣлѣ, что здѣсь труднаго? Что тягостнаго? Что неудобнаго? Напротивъ, это не только возможно, но и такъ легко, что многіе даже сдѣлали болѣе: не только раздирали неправедное писаніе, но и отдавали все свое; не только укрывали и питали у себя бѣдныхъ, но трудились до пота, чтобы ихъ прокормить; благодѣтельствовали не только сродникамъ, но и врагамъ.

6. И въ самомъ дѣлѣ, что труднаго въ сказанномъ выше? Не говорятъ тебѣ: взойти на гору, переплыви море, воздѣлай столько-то десятинъ земли, долго постись, надѣнь вретище; но (сказано): подай ближнимъ, подай хлѣба, разорви неправедно составленныя писанія. Что легче этого, скажи мнѣ? Если же тебѣ и кажется это труднымъ, то посмотри на награды—и будетъ для тебя легко. Подобно тому, какъ цари подвизающимся на ристалищахъ конскихъ предлагаютъ вѣнцы, награды и одежды, такъ и Христосъ среди поприща полагаетъ награды, показывая ихъ въ каждомъ словѣ пророка, какъ бы въ особой рукѣ. Земные цари,—пусть они будутъ тысячу разъ цари, все же люди: и богатство у нихъ тратится, и щедрость истощается, а потому они и стараются малое показать великимъ, отчего каждую вещь вручаютъ особому прислужнику, и такимъ образомъ выставляютъ на показъ. Не такъ поступаетъ нашъ Царь: такъ какъ Онъ весьма богатъ и ничего не дѣлаетъ на показъ, то Онъ выставляетъ дары, сложивши всѣ вмѣстѣ, и если бы эти дары разложить порознь, они были бы неисчислимы и много требовалось бы рукъ держать ихъ. Чтобы увѣриться въ этомъ, разсмотри внимательно каждую изъ наградъ. *Тогда разверзется*, сказано, *рано свѣтъ твой*. Не думаешь ли, что тутъ одинъ даръ? Нѣтъ, не одинъ; онъ заключаетъ въ себѣ много почестей, вѣнцовъ и другихъ наградъ. 540
Если угодно, разложимъ и покажемъ по возможности все богатство; только не поскучайте. И во-первыхъ, посмотримъ, что значитъ: *разверзется?* Не сказано: явится, но: *разверзется*. Это показываетъ намъ скорость и обиліе, и то, какъ много желаетъ Онъ нашего спасенія, какъ усиливается и спѣшитъ породить эти блага, — показываетъ, что ничто не удержитъ этого неизреченнаго усилія; все это выражаетъ обиліе даровъ и безчисленное богатство. Что значитъ: *рано?* Это значитъ, что награды даются не послѣ искушеній, или испытанныхъ бѣдствій, но еще прежде Какъ плоды, которые показались прежде времени, мы называемъ ранними, такъ и здѣсь, опять выражая скорость, Онъ также говоритъ, какъ и выше сказалъ: *и еще глаголющу ти*, реку: *се пріидохъ*! А о какомъ свѣтѣ говоритъ Онъ? Что это за свѣтъ? Не этотъ чувственный, но другой, гораздо лучшій, при которомъ мы видимъ небо, ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, престолы, господства, начала, власти, все воинство, чертоги и дворы царскіе. Если ты удостоишься этого свѣта, то и это все увидишь; избавишься геенны, ядовитаго червя, скрежета зубовъ, неразрѣшимыхъ узъ, стенанія и скорби, непроницаемой тьмы, разсѣченія на-двое, рѣки огненной, проклятія и мѣста мученія, и пойдешь туда, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, гдѣ великая

радость, и миръ, и любовь, и веселіе, и услажденіе; гдѣ жизнь вѣчная, слава несказанная и красота неизреченная; гдѣ вѣчныя обители, слава Царя недовѣдомая и такія блага, *яже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9); гдѣ духовный чертогъ и небесныя ложи; гдѣ дѣвы съ ясными свѣтильниками и облеченныя въ брачныя одежды; гдѣ безчисленное богатство Господа и царскія сокровищницы. Видишь ли, сколько наградъ, и какъ всѣ онѣ выражены однимъ словомъ, и какъ всѣ совокуплены вмѣстѣ? Точно также, если станемъ разбирать и прочія слова, откроемъ безчисленнѣйшія богатства — море неизмѣримое! Итакъ скажи, будемъ ли еще медлить и не радѣть о вспомоществованіи бѣднымъ? Нѣтъ, умоляю васъ; но хотя бы нужно было всѣмъ пожертвовать, хотя бы нужно было броситься въ огонь и идти противъ мечей и сѣкиръ, или другое что потерпѣть, — все будемъ переносить охотно, чтобы получить одѣяніе царства небеснаго и неизреченную славу, каковой славы всѣ мы и да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LV.

539-540 **Тогда Іисусъ рече ученикомъ Своимъ: аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ (Матѳ. XVI, 24).**

1. *Тогда*—когда же? Послѣ того, какъ Петръ сказалъ: *милосердъ Ты, Господи, не иматъ быти Тебѣ сіе*, и получилъ въ отвѣтъ: *иди за Мною, сатано!* Господь не удовольствовался однимъ воспрещеніемъ, но желая вполнѣ показать неумѣстность словъ Петра и пользу страданій, сказалъ: ты Мнѣ говоришь: *милосердъ Ты, не иматъ быти Тебѣ сіе*; а Я тебѣ говорю, что не только вредно и пагубно для тебя препятствовать Мнѣ и сокрушаться о Моемъ страданіи, но и ты самъ не можешь спастись, если не будешь всегда готовъ умереть. А чтобы ученики не думали, что страдать для Него безчестно, то о пользѣ страданія вразумляетъ ихъ не одними вышеприведенными словами, но и слѣдующими.
541 Такъ у Іоанна говоритъ Онъ: *аще зерно пшенично, падъ на землю, не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, много плодъ приноситъ* (Іоан. XII, 24). Итакъ здѣсь, вполнѣ раскрывая пользу страданія, сказанное о необходимости умереть распространяетъ не на себя только, но и на нихъ. Такова польза этого подвига, что и для васъ не желать умереть--пагубно, а быть готовыми къ тому — благо. Впрочемъ вполнѣ объясняетъ это Христосъ послѣ, а

теперь раскрываетъ только отчасти. И замѣть, какъ Онъ, говоря это, не принуждаетъ; не сказалъ, что вамъ волею или неволею должно пострадать, а что сказалъ? *Аще кто хощетъ по Мнѣ ити.* Я не заставляю, не принуждаю; но предоставляю это собственной волѣ каждаго. Потому и говорю: *аще кто хощетъ.* Я приглашаю на доброе дѣло, а не на злое и тягостное, не на казнь и мученіе, къ чему Мнѣ нужно было бы принуждать. Дѣло само по себѣ таково, что можетъ васъ привлечь. Говоря такимъ образомъ, Христосъ только сильнѣе привлекалъ къ послѣдованію за Нимъ. Тотъ, кто принуждаетъ, часто отвращаетъ; а кто предоставляетъ слушателю свободу, скорѣе привлекаетъ. Кроткое обращеніе дѣйствительнѣе принужденія. Потому и Христосъ сказалъ: *аще кто хощетъ.* Велики тѣ блага, говоритъ Онъ, которыя Я вамъ даю,— таковы, что къ нимъ вы охотно будете стремиться. Кто даетъ золото и предлагаетъ сокровище, тотъ не станетъ употреблять насиліе. Если же при этихъ благахъ не нужно насилія, то тѣмъ менѣе оно нужно при благахъ небесныхъ. Если свойство самого блага не побуждаетъ тебя стремиться къ нему, то ты недостоинъ и получить его; если же и получишь, то не будешь знать цѣны полученнаго. Потому-то и Христосъ не принуждаетъ, но снисходительно увѣщеваетъ насъ. Такъ какъ ученики, смущаясь словами Іисуса, повидимому, наединѣ много роптали, то Онъ говоритъ: не должно роптать и смущаться. Если вы не вѣрите, что то, о чемъ Я сказалъ, будетъ причиною безчисленныхъ благъ и съ вами сбудется,—Я не заставляю, не принуждаю; но кто желаетъ послѣдовать, того призываю. Не считайте послѣдованіемъ Мнѣ то, что теперь дѣлаете, ходя за Мною. Если хотите за Мною идти, то вамъ надобно будетъ перенести много трудовъ, много опасностей. Не думай, Петръ, что, поелику ты исповѣдалъ Меня Сыномъ Божіимъ, за это одно и можешь ждать вѣнцовъ; не считай этого достаточнымъ для твоего спасенія и не успокоивайся на этомъ, какъ будто бы все тобою сдѣлано. Я, какъ Сынъ Божій, могу сдѣлать, что ты не подвергнешься бѣдствіямъ, но не хочу того для тебя, чтобы было нѣчто и твое собственное, и чтобы ты заслужилъ больше похвалы. Какой распорядитель игръ на поприщѣ, будучи другомъ борцу, захочетъ его увѣнчать только по милости, безъ всякой его заслуги и единственно потому, что любитъ его? Такъ и Христосъ тѣмъ, которыхъ особенно любитъ, желаетъ, чтобы они пріобрѣтали славу и сами по себѣ, а не при Его только помощи. Смотри же, какъ не трудна предлагаемая Имъ заповѣдь. Не ихъ однихъ обрекаетъ Онъ на бѣдствія, но даетъ общую заповѣдь для всѣхъ, говоря: *аще кто хощетъ*, жена ли, мужъ ли, начальникъ ли, под-

чиненный ли,—всякій долженъ слѣдовать по этому пути. И хотя, повидимому, говоритъ объ одномъ, а разумѣетъ три дѣйствія: отверженіе самого себя, взятіе креста своего и послѣдованіе Ему. Два соединены между собою, а одно поставлено особо. Итакъ, посмотримъ, во-первыхъ, что значитъ отвергнуться самого себя. Напередъ изслѣдуемъ, что значитъ отвергнуться другого, тогда узнаемъ и то, что значитъ отвергнуться самого себя.
542 Итакъ, что значитъ отвергнуться другого? Отрекающійся другого, напр. брата, или раба, или кого иного, хотя бы и видѣлъ, что его бьютъ, или вяжутъ, или ведутъ на казнь, или какъ иначе мучатъ, не заступается, не защищаетъ, не соболѣзнуетъ, не принимаетъ въ немъ никакого участія, какъ бы онъ былъ совершенно ему чужой. Такъ точно и Христосъ желаетъ, чтобы мы не жалѣли своего тѣла: бьютъ ли, гонятъ ли, жгутъ ли, или другое что дѣлаютъ,—не жалѣй себя. Это-то самое и значитъ жалѣть себя. И отцы тогда жалѣютъ дѣтей своихъ, когда, препоручая ихъ учителямъ, приказываютъ не щадить ихъ. Такъ и Христосъ. Онъ не сказалъ: пусть не жалѣетъ самого себя, но, что гораздо сильнѣе,—*да отвержется себе*, т. е. пусть не имѣетъ ничего общаго съ самимъ собою, а пусть обрекаетъ себя на опасности, на подвиги, и ихъ переноситъ, такъ, какъ бы то терпѣлъ другой кто-либо. Христосъ не сказалъ: да отречется (ἀρνησάσθω), но: *да отвержется* (ἀπαρνησάσθω),--небольшимъ этимъ прибавленіемъ придавая большую силу словамъ Своимъ, такъ какъ послѣднее гораздо выразительнѣе перваго.

2. *И возметъ крестъ свой.* Это слѣдуетъ изъ перваго. Чтобы ты не подумалъ, что, отвергаясь самого себя, долженъ переносить словесныя только оскорбленія и укоризны, Онъ назначаетъ предѣлъ, до котораго должно простираться самоотверженіе, именно—смерть, и смерть поносную. Поэтому не сказалъ Онъ: *да отвержется себе* даже до смерти, но: *возметъ крестъ свой*, разумѣя поносную смерть, и дѣйствіе не разъ или два раза, но цѣлую жизнь совершаемое. Безпрестанно, говоритъ Онъ, имѣй предъ глазами смерть, и каждый день будь готовъ на закланіе. Многіе, хотя пренебрегали богатство, удовольствія и славу, но не презирали смерть, а страшились опасностей; поэтому Я, говоритъ Онъ, хочу, чтобы Мой подвижникъ ратовалъ до крови, и подвиги его продолжались до самаго закланія. Итакъ, если нужно будетъ претерпѣть смерть, и смерть поносную, смерть подъ проклятіемъ и по подозрѣнію въ худыхъ дѣлахъ, то все должно перенести съ мужествомъ, и еще тому радоваться. *И по Мнѣ грядетъ.* Такъ какъ иной, и страдая, не послѣдуетъ Ему, когда страдаетъ не за Него (и разбойники, напр., и расхитители

гробницъ и чародѣи терпятъ много тяжкихъ мученій), то, чтобы ты не подумалъ, что довольно самыхъ бѣдствій, отъ чего бы они ни происходили, Онъ присовокупляетъ, какая должна быть причина бѣдствій. Какая же? Что ни дѣлаешь, ни терпишь, послѣдуй Христу, все за Него претерпѣвай и соблюдай прочія добродѣтели. Въ словахъ: *по Мнѣ грядетъ* заключается и то, чтобы ты оказывалъ не только мужество въ бѣдствіяхъ, но и цѣломудріе, и кротость,—и всякую добродѣтель. То и значитъ послѣдовать Ему, какъ должно, чтобы стараться о всякой другой добродѣтели, и все за Него терпѣть. Есть люди, которые, послѣдуя діаволу, терпятъ то же и предаютъ за него свои души; но мы терпимъ за Христа, или лучше сказать, за самихъ себя. Они терпѣніемъ вредятъ себѣ и здѣсь, и тамъ; а мы пріобрѣтаемъ пользу и въ этой, и будущей жизни. Итакъ, не крайнее ли это нерадѣніе—не оказывать и такого мужества, какое оказываютъ погибающіе, и это не смотря на то, что намъ уготовано столько наградъ? Притомъ намъ помогаетъ Христосъ, а имъ никто. Еще прежде, когда посылалъ учениковъ Своихъ, Господь заповѣдалъ имъ, говоря: *на путь языкъ не идите; посылаю васъ яко овцы посредѣ* 543
волковъ; и: *предъ владыки же и цари ведени будете* (Матѳ. x, 5, 16, 18). А теперь заповѣдываетъ гораздо сильнѣе и строже. Тогда говорилъ о смерти только, а теперь упомянулъ и о крестѣ, и крестѣ всегдашнемъ: *да возметъ*, говоритъ Онъ, *крестъ свой*,—т. е. да держитъ и носитъ его непрестанно. Такъ и всегда обыкновенно Христосъ поступалъ: не сначала, не при первыхъ наставленіяхъ, но постепенно и мало-по-малу предлагалъ труднѣйшія заповѣди, чтобы не встревожить слушателей. Далѣе, такъ какъ заповѣдь казалась тяжкою, смотри какъ Онъ смягчаетъ ее послѣдующими словами, какъ предлагаетъ награды, превышающія труды, и не награды только, но и наказанія за грѣхи; о наказаніяхъ распространяется даже болѣе, нежели о наградахъ, потому что обыкновенно не столько даянія благъ, сколько строгая угроза умудряетъ многихъ. Смотри же, какъ Онъ и здѣсь начинаетъ, и тѣмъ же самымъ оканчиваетъ. *Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; и иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю. Кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ, или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою* (ст. 25, 26)? Слова эти значатъ: не думайте, чтобы Я васъ не щадилъ; напротивъ, очень щажу, когда заповѣдую вамъ это. Такъ и тотъ, кто щадитъ своего сына, губитъ его, а кто не щадитъ, тотъ сохраняетъ его. Тоже самое сказалъ и одинъ мудрый: *аще біеши жезломъ* сына твоего, *не умретъ, душу же его избавиши отъ смерти* (Притч. xxiii, 13, 14); и еще: *угождаяй сыну, обяжетъ*

струны его (Сирах. ххх, 7). Тоже бываетъ и съ воинами: если военачальникъ, щадя воиновъ, позволяетъ имъ всегда сидѣть дома, то погубитъ и тѣхъ, кто остается съ ними вмѣстѣ. Итакъ, чтобы не случилось того же и съ вами, говоритъ Онъ, вамъ безпрестанно должно быть готовыми на смерть. Вѣдь и нынѣ уже возгорается ужасная брань. Потому не сиди дома, но пойди и сражайся: если и падешь на брани, въ ту же минуту оживешь. Если и въ видимыхъ сраженіяхъ идущій на смерть славнѣе другихъ и считается непобѣдимымъ, и для враговъ особенно страшенъ, хотя царь, за котораго онъ поднимаетъ оружіе, и не силенъ воскресить его по смерти, то тѣмъ болѣе въ этихъ браняхъ,—когда столько надеждъ воскреснуть,—предающій душу свою на смерть обрѣтетъ ее — во-первыхъ, потому что не скоро побѣжденъ будетъ, во-вторыхъ, потому что если и падетъ, пріобрѣтетъ для нея лучшую жизнь.

3. Потомъ, такъ какъ, говоря: *иже аще хощетъ спасти* (душу), *погубитъ ю; и иже аще погубитъ, спасетъ*, въ томъ и другомъ случаѣ употребляетъ слова: *спасетъ* и *погубитъ*,—то чтобы не подумалъ кто-нибудь, что погубить и спасти въ обоихъ случаяхъ значитъ одно и то же, но ясно видѣлъ, что между тѣмъ и другимъ спасеніемъ такое же различіе, какое между погибелью и спасеніемъ,— Онъ объясняетъ это отъ противнаго: *кая бо польза человѣку*, говоритъ Онъ, *аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?* Видишь ли, что спасать душу, не какъ слѣдуетъ, значитъ губить ее, и хуже чѣмъ губить,—губить невозвратно, такъ что не
544 остается уже средствъ искупить ее? Не говори мнѣ, — какъ бы такъ сказалъ Онъ,—что избѣжавшій величайшихъ опасностей спасъ душу свою, но представь, что душѣ его покорена вся вселенная: что ему будетъ пользы отъ того, когда душа его гибнетъ? Скажи мнѣ: если ты видишь, что рабы твои живутъ въ полномъ довольствѣ, а самъ ты въ крайней бѣдѣ, какая тебѣ польза отъ того, что ты господинъ? Никакой. Такъ же суди и о душѣ: когда плоть наслаждается и богатѣетъ, душа ожидаетъ будущей гибели. *Что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою?* Опять подтверждаетъ то же. Ты не можешь, говоритъ Онъ, вмѣсто души дать другой души. Если ты потеряешь деньги, можешь дать другія; то же можно сказать о домѣ, о рабахъ и о всякомъ другомъ имуществѣ; а потерявши душу, не сможешь дать другой души. Хотя бы ты владѣлъ и цѣлымъ міромъ, хотя бы былъ царемъ вселенной,—однако, и всю вселенную отдавши, и на всю вселенную не купишь ни одной души. Да и что удивительнаго, если такъ случается съ душою? Также, какъ всякій можетъ видѣть, бываетъ и съ тѣломъ. Хотя бы ты надѣлъ на себя ты-

сячи вѣнцовъ, но если у тебя тѣло по природѣ больное и неизлѣчимо страдаетъ, то не можешь пособить тому, хотя бы ты отдалъ цѣлое царство и присовокупилъ тысячи тѣлъ, города, имущества. Такъ же суди и о душѣ, да о душѣ еще больше, и оставивъ все прочее, приложи о ней все стараніе.

4. Заботясь о чужомъ, не забывай себя и своего, какъ нынѣ всѣ дѣлаютъ, подражая рудокопамъ. Для нихъ нѣтъ никакой пользы отъ такой работы и отъ самыхъ драгоцѣнностей; напротивъ: бываетъ еще большой вредъ, потому что они подвергаются опасностямъ напрасно и подвергаются для другихъ, не получая для себя никакого плода отъ своихъ трудовъ и изнуреній. Имъ-то нынѣ и подражаютъ многіе, собирая богатство для другихъ. Да о насъ больше, чѣмъ о нихъ, жалѣть надобно, потому что насъ послѣ такихъ трудовъ ожидаетъ геенна. Рудокопа отъ его трудовъ освобождаетъ смерть; а для насъ смерть бываетъ началомъ безчисленныхъ золъ. Ты говоришь, что тебѣ пріятно трудиться, когда обогащаешься; но покажи, что душа твоя радуется: тогда повѣрю. Всего главнѣе въ насъ душа. Если же тѣло тучнѣетъ, а душа истаеваетъ, то въ этомъ тебѣ нѣтъ ни малой пользы. Такъ, если раба веселится, а госпожа гибнетъ, то для госпожи нѣтъ пользы отъ благоденствія служанки; такъ и для больного тѣла нѣтъ пользы отъ нарядной одежды. *Что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою?*—говоритъ тебѣ опять Христосъ, повелѣвая тебѣ всячески стараться о душѣ, и о ней одной заботиться. Устрашивъ указаніемъ на погибель души, Христосъ утѣшаетъ и обѣтованіемъ благъ: *пріити бо имать*, говоритъ Онъ, *Сынъ человѣческій во славѣ Отца Своего, со* святыми *ангелы Своими, и тогда воздастъ комуждо по дѣломъ его* (Матѳ. XVI, 27). Видишь ли, что Отцу и Сыну принадлежитъ одна слава? Если же слава одна, то очевидно и сущность одна. Если, при единствѣ сущности, бываетъ разность въ славѣ (*ина бо слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ; звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ* (1 Кор. XV, 41, хотя онѣ и одиковой сущности), то какъ можно почитать не единосущными тѣхъ, которымъ принадлежитъ одна слава? И Онъ не сказалъ: во славѣ такой, которая свойственна Отцу,—чтобы ты опять 545
не подумалъ, что здѣсь есть какая-нибудь разность,—но со всею точностію показываетъ, что слава одна и та же, говоря, что во славѣ Отца пріидетъ. Итакъ,—говоритъ,—чего ты страшишься, Петръ, слыша о смерти? Ты увидишь тогда Меня во славѣ Отца. А если Я во славѣ, то и вы. Ваша награда не въ настоящей жизни; нѣтъ, вы наслѣдуете другой, лучшій жребій. Сказавъ о благахъ, Онъ однако не остановился на томъ, но присоединилъ и угрозы, упоминая о послѣднемъ судѣ, о строгомъ истязаніи.

о безпристрастномъ приговорѣ, о праведномъ рѣшеніи. Впрочемъ Онъ не хотѣлъ только опечалить ихъ словомъ, но растворилъ его пріятными надеждами. Не сказалъ: тогда накажетъ грѣшниковъ, но—*воздастъ комуждо по дѣломъ его*. Говоря это, разумѣлъ Онъ не наказаніе только грѣшниковъ, но и награды и вѣнцы праведниковъ. Онъ сказалъ это для того, чтобы ободрить и людей добродѣтельныхъ. А я всегда трепещу, слыша о судѣ, такъ какъ я не изъ числа вѣнчаемыхъ. Думаю, что и другіе также страшатся и ужасаются, такъ какъ кого не устрашитъ, кого не заставитъ трепетать это слово, если слушающій придетъ только въ сознаніе самого себя? Кого не заставитъ убѣдиться, что вретище и самый строгій постъ нужнѣе для насъ, чѣмъ для народа ниневійскаго? Намъ говорятъ не о разрушеніи града, не объ общей погибели, но о мукѣ вѣчной, объ огнѣ негасимомъ.

5. Вотъ почему я отдаю честь и удивляюсь инокамъ, которые удалились въ пустыни, будучи побуждены какъ другими причинами, такъ и этимъ словомъ Христовымъ. Они послѣ обѣда, или лучше сказать, послѣ ужина (у нихъ обѣда иногда и не бываетъ, такъ какъ настоящую жизнь считаютъ они временемъ плача и поста),—послѣ ужина, вознося благодарственныя пѣсни Богу, воспоминаютъ объ этомъ словѣ. Если хотите слышать и самую пѣснь ихъ, чтобы и вамъ всегда произносить ее, то я повторю вамъ всю эту священную пѣснь. Вотъ собственныя слова ея: „Благословенъ Богъ, питающій меня отъ юности моей, подающій пищу всякой плоти! Исполни радостію и веселіемъ сердца наши, чтобы мы, имѣя всякое довольство, всегда избыточествовали во всякомъ дѣлѣ благомъ, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Тебѣ слава, честь и держава, со Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь. Слава Тебѣ Господи, Слава Тебѣ Святый, Слава Тебѣ Царю, что Ты далъ намъ брашна и веселіе! Исполни насъ Духомъ Святымъ, да обрящемся предъ Тобою благоугодными, да не будемъ постыжены, когда Ты воздашь всякому по дѣламъ его". Вся пѣснь эта достойна удивленія, особенно же конецъ ея. Такъ какъ за столомъ отъ пищи человѣкъ нѣсколько забывается и тяжелѣетъ, то они, вспоминая о времени суда, во время веселія словомъ Христовымъ, какъ бы нѣкоторою уздою, укрощаютъ душу. Они знаютъ, что случилось съ израилемъ отъ раскошной пищи: *яде, и насытися, и отвержеся возлюбленный* (Второзак. XXXII, 15). Такъ и Моисей сказалъ: *ядый* и пія, *и насытився, вспомни Господа Бога Твоего* (VI, 12, 11), потому что послѣ пресыщенія израильтяне
546 отваживались на великія беззаконія. Итакъ берегись, чтобы и съ тобою не случилось чего-либо подобнаго. Хотя бы ты и не приносилъ въ жертву камню или золоту овецъ и тельцовъ, но бе-

регись, чтобы не принести своей души въ жертву гнѣву, своего спасенія—въ жертву любодѣянію или другимъ подобнымъ страстямъ. Потому-то и иноки, опасаясь таковыхъ паденій, послѣ стола, или лучше сказать послѣ поста (такъ какъ они и за столомъ соблюдаютъ постъ) приводятъ себѣ на память страшный судъ и послѣдній день. Если же тѣ, которые уцѣломудриваютъ себя постомъ, преклоненіемъ долу, бдѣніемъ, вретищемъ и безчисленными подвигами, имѣютъ еще нужду въ такомъ воспоминаніи, то какъ можемъ безбѣдно прожить мы, когда наши столы приводятъ въ волненіе страсти, а мы и садимся за столъ, и встаемъ изъ-за него безъ молитвы? Для отвращенія такихъ бѣдъ объяснимъ всю пѣснь, которую мы привели, чтобы, узнавши пользу ея, всегда пѣть ее при столѣ,—укрощать тѣмъ неистовство чрева, и ввести у себя въ домахъ обычаи и уставы земныхъ ангеловъ. Самимъ бы вамъ надлежало сходить къ нимъ, чтобы получить такую пользу; а если не хотите, по крайней мѣрѣ изъ моихъ устъ выслушайте это духовное сладкопѣніе, и пусть каждый послѣ стола произноситъ слова пѣсни, начиная такъ: *Благословенъ Богъ!* Такъ, въ самомъ же началѣ они исполняютъ апостольскую заповѣдь, которою предписывается: *все, еже аще творимъ словомъ и дѣломъ, творимъ во имя Господа нашего Іисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тѣмъ* (Колос. III, 17). Итакъ, благодарить должно не за одинъ настоящій день, но за цѣлую жизнь почему и сказано: *питающій меня отъ юности моей.* И здѣсь-то заключается ученіе любомудрія. Если Богъ питаетъ, то самому не нужно заботиться. Если бы царь обѣщалъ тебѣ давать на ежедневное пропитаніе изъ своей казны, то ты остался бы спокойнымъ; тѣмъ болѣе долженъ быть ты свободенъ отъ всякой заботы, когда самъ Богъ даетъ и все тебѣ отъ Него рѣкою течетъ. Для того-то они и произносятъ такія слова, чтобы убѣдить себя и поучаемыхъ ими отрѣшиться отъ всякаго житейскаго попеченія. Далѣе, чтобы ты не подумалъ, что они воздаютъ такую благодарность только за самихъ себя, присовокупляютъ: *подающій пищу всякой плоти,*—благодаря тѣмъ за весь міръ. Какъ отцы всей вселенной, они за всѣхъ благословляютъ Бога, возбуждая себя къ искреннему братолюбію; они не могутъ ненавидѣть тѣхъ, за которыхъ благодарятъ Бога, питающаго ихъ. Видишь ли изъ сказаннаго теперь и прежде, какъ благодареніе ведетъ къ любви, и удаляетъ житейскія попеченія? Если Господь питаетъ всякую плоть, то тѣмъ болѣе уповающихъ на Него. Если питаетъ связанныхъ житейскими заботами, то тѣмъ болѣе тѣхъ, которые свободны отъ нихъ, какъ то и Христосъ подтвердилъ, сказавъ: сколькихъ *птицъ лучше есте вы* (Лук. XII, 7). Этими словами Онъ

научалъ не надѣяться на богатство и плодоношеніе сѣмянъ. Не это питаетъ, а слово Божіе. Такимъ образомъ иноки своею пѣснію посрамляютъ манихеянъ и валентиніанъ, и всѣхъ ихъ единомышленниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя почитать злымъ того, кто свои блага предлагаетъ всѣмъ, даже и тѣмъ, которые хулятъ его. Далѣе слѣдуетъ прошеніе: *исполни радостію и веселіемъ сердца*
547 *наша*. Какою радостію: не житейскою ли? Нѣтъ. Если бы иноки желали такой радости, то не стали бы жить на высотахъ горъ и въ пустыняхъ, не стали бы облекаться во вретище. Напротивъ, они говорятъ о той радости, которая не имѣетъ ничего общаго съ настоящею жизнію,—о радости ангельской, о радости горней. И не просто испрашиваютъ они радости, но просятъ ее въ великомъ избыткѣ. Не говорятъ: дай; но: *исполни*; не говорятъ: исполни насъ, но: *сердца наши*. Такая-то радость и есть преимущественно радость сердца. *Плодъ духовный*, говорится, *любы, радость, миръ* (Галат. v, 22). Такъ какъ грѣхъ породилъ печаль, то они просятъ водворить въ нихъ вмѣстѣ съ радостію правоту; иначе и быть не можетъ радости. *Чтобы мы, имѣя всякое довольство, всегда избыточествовали во всякомъ благомъ дѣлѣ*. Вотъ исполненіе евангельскаго слова: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь* (Лук. xi, 3), Смотри, какъ они ищутъ и самаго довольства только для души: *чтобы мы избыточествовали во всякомъ дѣлѣ благомъ*. Не сказали, чтобы мы исполнили только должное, но—даже и болѣе заповѣданнаго. Это-то и значатъ слова: *чтобы мы избыточествовали*. И хотя просятъ у Бога довольства только въ необходимомъ для жизни, но сами готовы повиноваться не столько, сколько отъ нихъ требуется, но съ великимъ преизбыткомъ во всемъ. Такъ всегда и во всемъ избыточествовать свойственно рабамъ благонамѣреннымъ, мужамъ любомудрымъ. Потомъ, опять напоминая себѣ о своей немощи и о томъ, что безъ вышней помощи ничего добраго не могутъ сдѣлать, они къ словамъ: *чтобы мы избыточествовали во благомъ дѣлѣ*, присоединяютъ еще: *во Христѣ Іисусѣ Христѣ нашемъ, съ Которымъ Тебѣ слава, честь и держава во вѣки, аминь*. Такимъ образомъ они и начинаютъ, и оканчиваютъ пѣсть благодареніемъ.

6. Послѣ этого они опять начинаютъ какъ бы снова, но въ самомъ дѣлѣ продолжаютъ то же. Подобнымъ образомъ и Павелъ, начало посланія окончивъ славословіемъ и сказавъ: *по волѣ Бога и Отца, Емуже слава во вѣки, аминь* (Галат. i, 4, 5), вслѣдъ затѣмъ начинаетъ раскрывать содержаніе своего посланія. Равнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *почтоша и послужиша твари паче Творца, иже есть благословенъ во вѣки, аминь* (Римл. i, 25), не окончилъ рѣчи, а продолжаетъ ее и далѣе. Итакъ, не будемъ винить и этихъ ангеловъ за то, что они не

соблюдаютъ порядка, когда, заключивши рѣчь славословіемъ, опять продолжаютъ священныя пѣсни. Они слѣдуютъ примѣру апостоловъ, когда начинаютъ славословіемъ и оканчиваютъ тѣмъ же и, по такомъ окончаніи, начинаютъ снова. Итакъ говорятъ: *слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ Святый, слава Тебѣ Царю, что Ты далъ намъ брашна въ веселіе!* Благодарить должно не за великія только благодѣянія, но и за малыя. Благодаря же и за малыя, они обличаютъ ересь манихеевъ и всѣхъ тѣхъ, кто говоритъ, что настоящая жизнь есть зло. Чтобы ты, судя по высокому ихъ любомудрію и по тому, что небрегутъ о чревѣ, не заключилъ, что они гнушаются брашенъ подобно самоубійцамъ, они своею молитвою научаютъ тебя, что воздерживаются отъ многаго, не по отвращенію отъ созданій Божій, но по любви къ подвижничеству. И смотри, какъ они, возблагодаривъ за ниспосланныя уже блага, просятъ другихъ большихъ, и не останавливаются 548
на житейскихъ, но возносятся превыше небесъ, и говорятъ: *исполни насъ Духомъ Святымъ!* Не исполнившись благодати Духа, ни въ чемъ нельзя имѣть надлежащаго успѣха, равно какъ нельзя совершить ничего доблестнаго и великаго безъ помощи Христовой. И какъ они къ словамъ: *чтобы избыточествовали во всякомъ дѣлѣ благомъ* присоединяютъ: *во Христѣ Іисусѣ*, такъ и здѣсь говорятъ: *исполни насъ Духомъ Святымъ, да окажемся благоугодными предъ Тобою.* Видишь ли, что они о житейскомъ не молятся, а только благодарятъ, о духовномъ же и благодарятъ, и молятся? *Ищите*, сказалъ Христосъ, *царствія* небеснаго, *и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33). Примѣчай и дальше ихъ любомудріе. *Да окажемся*, говорятъ они, *предъ Тобою благоугодными, да не будемъ постыжены.* Мы не боимся, говорятъ они, посрамленія людского; что бы люди ни говорили о насъ въ насмѣшку и поношеніе, мы не обращаемъ на то никакого вниманія. Мы о томъ только заботимся, чтобы тогда не постыдиться. А когда говорятъ это, помышляютъ объ огненной рѣкѣ, о наградѣ, о почестяхъ. Не сказали: чтобы намъ не потерпѣть наказанія; но: чтобы не постыдиться. Явиться оскорбителями Господа для насъ страшнѣе геенны. Но такъ какъ многихъ безпечныхъ это не устрашаетъ, то они присоединяютъ: *когда воздашь комуждо по дѣломъ его.* Видишь, сколько приносятъ намъ пользы эти странники и пришельцы, пустынножители, или лучше — небожители. Мы странники небесные, а жители земные; а они—наоборотъ. Послѣ такой пѣсни, исполнившись умиленіемъ, съ горячими и обильными слезами, они отходятъ ко сну и спятъ столько, сколько потребно для малаго успокоенія. И опять ночь превращаютъ въ день, проводя время въ благодареніяхъ и псалмопѣніяхъ. И не одни

только мужи, но и жены упражняются въ такомъ любомудріи, побѣждая немощь естества избыткомъ усердія. Итакъ мы, мужи, устыдимся крѣпости женъ и перестанемъ заботиться о настоящемъ—о тѣни, о мечтѣ, о дымѣ. Большая часть жизни нашей проходитъ въ безчувствіи. Въ юности мы почти вовсе неразумны; когда наступаетъ старость, то притупляется въ насъ всякое чувство. Остается небольшой промежутокъ, въ который мы съ полнымъ чувствомъ можемъ наслаждаться удовольствіемъ; да и въ это время мы не наслаждаемся вполнѣ, по причинѣ безчисленныхъ заботъ и трудовъ. Потому-то и убѣждаю искать благъ неизмѣнныхъ, нетлѣнныхъ, и жизни никогда нестарѣющейся. Можно, вѣдь, живя и въ городѣ подражать любомудрію пустынножителей; и женатый и семейный можетъ и молиться, и поститься, и приходить въ умиленіе. Такъ первые христіане, наученные апостолами, жили въ городахъ, а являли благочестіе свойственное пустынножителямъ; иные занимались и рукодѣліемъ, какъ-то: Прискилла и Акила. Да и всѣ пророки имѣли и женъ, и домы, какъ напримѣръ: Исаія, Іезекіиль, великій Моисей; однако это не препятствовало имъ быть добродѣтельными.
549-550 Имъ и мы подражая, будемъ всегда благодарить Бога и всегда воспѣвать Его; будемъ стараться о цѣломудріи и прочихъ добродѣтеляхъ, и введемъ любомудріе пустынниковъ въ городахъ, чтобы намъ явиться и предъ Богомъ благоугодными, и предъ людьми—почтенными, и чтобы намъ удостоиться будущихъ благъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, честь держава, со Святымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LVI.

549 **Аминь, аминь глаголю вамъ: суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ Сына человѣческаго, грядущаго во царствіи Своемъ (Матѳ. xvi, 28).**

1. Такъ какъ Христосъ много бесѣдовалъ объ опасностяхъ, о смерти и страданіяхъ Своихъ, объ избіеніи учениковъ, и завѣщевалъ имъ тяжкіе подвиги, которымъ они должны были подвергнуться въ настоящей жизни, и притомъ весьма скоро, между тѣмъ какъ блага,—спасеніе, напр., души для тѣхъ, кто губитъ ее, пришествіе Христа во славѣ Отца Своего, воздаяніе наградъ за подвиги,—оставались для нихъ въ надеждѣ и ожиданіи, то теперь, желая просвѣтить взоръ ихъ и показать, сколько

то возможно для нихъ,. въ чемъ будетъ состоять та слава, съ которою Онъ придетъ, открываетъ имъ эту славу еще въ настоящей жизни, чтобы они, а особенно скорбѣвшій Петръ. не печалились о своей смерти, равно какъ и о смерти Господа своего. И замѣть, какъ Онъ поступаетъ. Сказавъ о гееннѣ и царствіи [именно словами: обрѣтшій *душу свою погубитъ ю*, и если кто погубитъ *ее Мене ради, обрящетъ ю*, и: *воздастъ комуждо по дѣломъ его* (Іоан. xп, 25; Матѳ. xvi, 27) Онъ означилъ и то, и другое], сказавъ о томъ и другомъ, Онъ царствіе поставляетъ предъ самыми глазами, а геенну удаляетъ отъ взора. Почему же такъ? Потому, что для людей болѣе грубыхъ нужно было говорить и о гееннѣ; а такъ какъ ученики Его были опытны и свѣдущи, то Онъ убѣждаетъ ихъ тѣмъ, что могло доставить имъ большое утѣшеніе. Притомъ же такъ говорить было и приличнѣе І. Христу. Впрочемъ Онъ не оставляетъ совершенно и геенны, но иногда и ее представляетъ предъ глазами, когда напримѣръ приводитъ образъ Лазаря (Лук. xvi), или заимодавца, или человѣка, требовавшаго сто динаріевъ (Матѳ. xvііі), облеченнаго въ грязныя одежды, и многихъ другихъ (Матѳ. xxп). *И по днехъ шестихъ поятъ Петра, Іакова и Іоанна* (Матѳ. xvп, 1). Если другой евангелистъ говоритъ: *спустя восемь дней* (Лук. іх, 28), то здѣсь нѣтъ противорѣчія, напротивъ—согласіе. Одинъ разумѣлъ и тотъ день, въ который говорилъ Іисусъ, и тотъ, въ который возвелъ Онъ учениковъ Своихъ на гору; а другой считаетъ только тѣ дни, которые протекли между этими днями. Посмотри же, какъ безпристрастенъ Матѳей: онъ не скрываетъ тѣхъ, которые были предпочтены ему. То же самое часто дѣлаетъ и Іоаннъ, съ полною точностью описывая отмѣнныя похвалы, воздаваемыя Петру. Такъ, всегда были чужды зависти и тщеславія всѣ эти святые мужи.

Итакъ, взявши верховныхъ апостоловъ, *возведе ихъ на гору высоку едины, и преобразися предъ ними: и просвѣтися лице Его яко солнце, ризи же Его быша бѣлы яко свѣтъ. И се явистася имъ Моисей и Илія, съ Нимъ глаголюща* (Матѳ. xvп, 2, 4). Почему Христосъ беретъ только этихъ учениковъ? Потому, что они превосходили 550
прочихъ: Петръ сильною любовію къ Іисусу, Іоаннъ—особенною любовію къ нему Іисуса, а Іаковъ—отвѣтомъ, который онъ далъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ: можемъ испить чашу (Матѳ. xx, 22), и не однимъ отвѣтомъ, но и дѣлами — какъ другими, такъ и тѣми, которыми онъ оправдалъ свои слова. И дѣйствительно, онъ былъ такъ непріязненъ и ненавистенъ для іудеевъ, что и Иродъ умерщвленіемъ его думалъ сдѣлать великій подарокъ іудеямъ. Для чего же Іисусъ не тотчасъ возводитъ ихъ? Для

того, чтобы прочіе ученики не пришли въ смущеніе. Потому же Онъ не говоритъ даже и объ именахъ тѣхъ, которые взойдутъ съ Нимъ на гору. Въ противномъ случаѣ прочіе ученики сильно пожелали бы слѣдовать за Нимъ, чтобы видѣть образъ будущей славы, и возскорбѣли бы, какъ будто презрѣнные. Хотя Христосъ намѣревался показать славу Свою и чувственнымъ образомъ, однакожъ и это было для нихъ вожделѣнно. Но для чего же Онъ прежде сказалъ объ этомъ? Для того, чтобы они, услышавъ объ этомъ ранѣе, сдѣлались способнѣе къ созерцанію, и чтобы число дней, воспламенивши въ нихъ сильнѣйшее желаніе, заставило ихъ приступить съ мыслію бодрственною и озабоченною. Для чего же тутъ являются Моисей и Илія? На это можно много представить причинъ. И во-первыхъ, такъ какъ одни изъ народа почитали Христа за Илію, другіе за Іеремію, иные за какого-либо изъ древнихъ пророковъ, то и являются главные пророки, чтобы видно было различіе рабовъ отъ Господа, и то, что Петръ справедливо похваленъ, за исповѣданіе Христа Сыномъ Божіимъ. Можно указать, далѣе, и вторую причину. Іудеи часто обвиняли Христа въ преступленіи закона и въ богохульствѣ,—будто бы Онъ похищалъ славу Отца, Ему не принадлежащую, и говорили: *нѣсть Сей отъ Бога, яко субботу не хранитъ* (Іоан. IX, 16); и еще: *о добрѣ дѣлѣ каменіе не мещемъ на Тя, но о хулѣ, яко Ты, человѣкъ сый, твориши Себе Бога* (Іоан. X, 33); поэтому чтобы показать, что оба обвиненія произошли отъ зависти, а Онъ свободенъ и отъ того и отъ другого,—то есть, что Онъ ни закона не преступилъ, ни славы, непринадлежащей Ему, не присвоилъ, называя Себя равнымъ Отцу,—Онъ представляетъ мужей, прославившихся и исполненіемъ закона, и ревностью къ славѣ Божіей. Если Моисей далъ законъ, то іудеи могли заключить, что онъ не потерпѣлъ бы презрѣнія этого закона, какъ они думали, и не сталъ бы служить нарушителю его, для него непріязненному. Также и Илія изъ ревности къ славѣ Божіей не предсталъ бы и не повиновался бы Христу, если бы Онъ былъ противникомъ Божіимъ, и назвалъ Себя Богомъ и равнымъ Отцу, не будучи таковымъ на самомъ дѣлѣ.

2. На ряду съ указанными можно привесть и еще причину. Какую же? Этимъ явленіемъ І. Христосъ хотѣлъ научить учениковъ тому, что Онъ имѣетъ власть надъ жизнью и смертью, и
551 владычествуетъ надъ небомъ и землею. Для того-то и являются здѣсь и умершій, и еще не испытавшій смерти. Пятую же причину (а это дѣйствительно пятая) представилъ самъ евангелистъ. Она состоитъ въ томъ, чтобы показать славу креста, утѣшить Петра и другихъ учениковъ, боявшихся страданія, и ободрить

ихъ сердца. Въ самомъ дѣлѣ, явившіеся два мужа не молчали, но говорили о славѣ, которую онъ намѣренъ былъ явить въ Іерусалимѣ, т. е. о страданіи и о крестѣ, потому что страданіе и крестъ всегда называются славою. Далѣе—причиною избранія этихъ мужей была самая ихъ добродѣтель, которой Онъ преимущественно требовалъ отъ учениковъ. Такъ какъ Христосъ всегда училъ: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Ми*, то Онъ теперь и выводитъ на средину тѣхъ, которые тысячу разъ умирали за славу Божію и за ввѣренный имъ народъ. Подлинно, каждый изъ нихъ, погубивши душу, обрѣлъ ее; каждый смѣло говорилъ противъ тиранновъ, одинъ—противъ фараона, другой противъ Ахаава, и притомъ за людей неблагодарныхъ и непослушныхъ, которые за свое спасеніе платили имъ неблагодарностію, ввергая ихъ въ крайнія опасности; каждый хотѣлъ отвлечь народъ отъ идолослуженія. Оба были люди простые, и притомъ одинъ былъ косноязыченъ и худогласенъ, а другой велъ жизнь суровую. Оба отличались нестяжательностью, потому что ни у Моисея ничего не было, ни Илія ничего не имѣлъ, кромѣ милоти. И притомъ все это было въ ветхомъ завѣтѣ, когда еще не было столь обильнаго дара чудесъ. Правда и Моисей раздѣлилъ море, но Петръ ходилъ по водамъ, могъ преставлять горы, врачевалъ различныя тѣлесныя болѣзни, изгонялъ жестокихъ демоновъ, самою тѣнію своею совершалъ великія чудеса, и обратилъ всю вселенную. Также и Илія, хотя воскресилъ мертвеца, но ученики Христовы воскресили тысячи, и притомъ тогда, когда еще не удостоились принять въ себя Духа. Христосъ бесѣдуетъ съ Моисеемъ и Иліею и для того, чтобы побудить учениковъ Своихъ подражать ихъ любви къ своему народу, ихъ постоянству и твердости, чтобы они были кротки какъ Моисей, ревностны какъ Илія, и равно попечительны. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ нихъ три года сносилъ голодъ для іудейскаго народа, а другой говоритъ: *аще оставиши имъ грѣхъ, остави; аще же ни, изглади Мя изъ книги; въ нюже вписалъ еси* (Исход. xxxii, 32). Обо всемъ этомъ Христосъ и напоминалъ ученикамъ явленіемъ Моисея и Иліи. И во славѣ Онъ вывелъ ихъ не только для того, чтобы ученики были таковыми, но и превосходили ихъ. Вотъ почему, когда однажды они сказали: *речемъ, да огнь снидетъ съ небесе* (Лук. ix, 54), и упомянули объ Иліи, сдѣлавшемъ подобное, то Онъ сказалъ имъ: *не вѣсте, коего духа есте*, превосходствомъ дара убѣждая ихъ къ перенесенію обидъ. Но да не подумаетъ кто-либо, что мы осуждаемъ Илію, какъ несовершеннаго; мы этого не говоримъ. Онъ очень совершенъ былъ, но только въ свое время, когда умъ людей находился еще въ младенче-

ствѣ, и когда они имѣли нужду въ такомъ руководствѣ. Равно и Моисей совершенъ былъ; но отъ учениковъ Христовыхъ требуется болѣе совершенства: *аще не преизбудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. v, 20). И это потому, что ученики были посланы не въ Египетъ, но во всю вселенную, которая находилась въ худшемъ состояніи, нежели Египетъ, и не съ фараономъ имѣли разговаривать, но
552 сражаться съ самымъ начальникомъ зла — діаволомъ. Ихъ подвигъ состоялъ въ томъ, чтобы связать его и расхитить всѣ его сосуды; и это они совершили не море раздѣляя, но разсѣкая жезломъ Іессеевымъ бездну нечестія, воздымаемую бурными волнами. Представь, что только не устрашало этихъ мужей: смерть, бѣдность, безславіе, безчисленныя страданія. Все это для нихъ было страшнѣе, нежели тогда море для іудеевъ. И тѣмъ не менѣе Христосъ убѣдилъ ихъ все это презрѣть и идти съ совершенною безопасностію, какъ бы сухимъ путемъ. Приготовляя ихъ ко всему этому, Онъ и поставилъ предъ ними мужей, прославившихся въ ветхомъ завѣтѣ. Чтожъ при этомъ пламенный Петръ? *Добро намъ здѣ быти* (ст. 4), говоритъ онъ. Такъ какъ онъ слышалъ, что Христу должно идти во Іерусалимъ и пострадать, то боясь и трепеща за Него, онъ послѣ сдѣланнаго ему упрека не смѣетъ приступить и повторить то же: *милосердъ ты* (Матѳ. xvi, 22), но отъ страха ту же самую мысль выражаетъ въ другихъ, но уже не столько ясныхъ словахъ. Теперь, видя гору и уединенную пустыню, онъ подумалъ, что самое мѣсто доставляетъ безопасность, и не только надѣялся на безопасность мѣста, но и думалъ, что Іисусъ не пойдетъ уже въ Іерусалимъ. Петръ хочетъ, чтобы Христосъ здѣсь остался навсегда, потому и напоминаетъ о шатрахъ. Если, думалъ онъ, станется это, то мы не пойдемъ въ Іерусалимъ; а если не пойдемъ, то и Христосъ не умретъ, потому что тамъ, говорилъ Іисусъ, нападутъ на Него книжники. Но не осмѣлившись сказать такимъ образомъ, а желая, чтобы это было, Петръ безъ всякаго опасенія сказалъ: *добро намъ здѣ быти!* Здѣсь находятся Моисей и Илія, Илія—низведшій огнь съ неба на гору, Моисей — вошедшій въ мракъ и бесѣдовавшій съ Богомъ; и никто не узнаетъ, что мы здѣсь.

3. Видишь ли, какъ пламенно Петръ любитъ Христа? Не думай о томъ, что предлагаемое имъ убѣжденіе не было обдумано; но разсуждай о томъ, какъ онъ пламененъ былъ и какъ любовь ко Христу сжигала его. А что Петръ говорилъ это не изъ боязни за себя, то видно изъ словъ его, которыя онъ произнесъ, когда Христосъ предсказывалъ будущую смерть и исходъ Свой,—изъ словъ: *душу мою положу за Тя; аще ми есть съ*

Тобою и умрети, не отвергуся Тебѣ (Марк. XIV, 31). Замѣть, какъ ради Христа онъ подвергался опасностямъ, когда именно не только не убѣжалъ отъ напавшей на Христа толпы народа, но извлекши еще мечъ, отсѣкъ ухо у раба архіерейскаго. Такимъ образомъ онъ не о себѣ заботился, но трепеталъ за Учителя своего. Далѣе,—такъ какъ слова его были рѣшительны, то теперь онъ одумывается, и чтобы снова не навлечь на себя упрека, продолжаетъ: *хощеши ли, да сотворимъ здѣ три сѣни, едину Тебѣ, и Моисеови едину, и Иліи едину?* Что ты говоришь, Петръ? Не ты ли незадолго предъ этимъ отличалъ Его отъ рабовъ, а теперь опять смѣшиваешь съ рабами? Вотъ какъ ученики были несовершенны до креста! Хотя Петръ и имѣлъ откровеніе отъ Отца, но онъ не удерживалъ его постоянно, а смущался страхомъ,— не только тѣмъ, о которомъ я сказалъ, но и страхомъ, родившимся въ немъ при самомъ видѣніи. Потому другіе евангелисты, говоря объ этомъ и показывая, что причиною смущенія, съ которымъ онъ произносилъ эти слова, былъ именно страхъ тотъ, сказали: Маркъ—*не вѣдяше, что рещи; бяху бо пристрашни* (Марк. 553
IX, 6); а Лука, сказавъ: *сотворимъ сѣни три*, присоединилъ: *не вѣдый, еже глаголаше* (Лук. IX, 33). Притомъ показывая, что какъ Петръ, такъ и прочіе ученики были поражены большимъ страхомъ, Лука говоритъ о нихъ: *бяху отягчени сномъ, убуждшеся же видѣша славу Его* (ст. 32). Подъ сномъ здѣсь евангелистъ разумѣетъ большое отягченіе, происшедшее въ нихъ отъ видѣнія. Какъ чрезмѣрный блескъ ослѣпляетъ глаза, такъ и они поражены были тогдашнимъ свѣтомъ. Этотъ свѣтъ явился не ночью, а днемъ, и слабое ихъ зрѣніе отягчалось величіемъ блеска. Чтожъ далѣе? Ни самъ Христосъ не говоритъ ничего, ни Моисей, ни Илія; но большій всѣхъ и болѣе всѣхъ достойный вѣры Отецъ глаголетъ изъ облака. Почемужъ изъ облака? Такъ всегда является Богъ. *Облакъ и мракъ окрестъ Его* (Псал. XCVI, 2); еще: *сѣдитъ на облацѣ легцѣ* (Ис. XIX, 1); еще: *полагаяй облаки восхожденіе Свое* (Псал. CIII, 3); также: *облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ* (Дѣян. I, 9); еще: *яко Сынъ человѣчь идый бяше на облацѣхъ небесныхъ* (Дан. VII, 13). Потому, чтобы ученики провѣрили, что гласъ этотъ есть гласъ самого Бога, является облако, и притомъ свѣтлое. *Еще же Ему глаголющу, се облакъ свѣтелъ осѣни ихъ, и се гласъ изъ облака, глаголя: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ, Того послушайте* (Матѳ. XVII, 5)! Когда Богъ изрекаетъ угрозы, тогда показываетъ мрачное облако, какъ напримѣръ, на горѣ Синайской: *сниде Моисей въ* облако и во мракъ (Исх XXIV, 18), *и восхождаше дымъ, яко дымъ пещный* (гл. XIX, 18). Равнымъ образомъ и пророкъ, говоря объ угрозахъ, сказалъ:

вода во облацѣхъ воздушныхъ (Псал. XVII, 12). Здѣсь же, поелику Онъ имѣлъ намѣреніе не устрашить, а научить, является свѣтлое облако. И въ то время, какъ Петръ сказалъ: *сотворимъ три сѣни*, самъ Онъ показалъ сѣнь нерукотворенную. Вотъ почему тамъ куреніе и дымъ пещный, здѣсь—свѣтъ неизреченный и гласъ. Потомъ, чтобы показать, что не просто говоритъ объ одномъ изъ трехъ, но именно о Христѣ, прочіе двое, когда раздался гласъ, удалились, потому что если бы говорено было просто о комъ-нибудь изъ нихъ, то по удаленіи двоихъ не остался бы одинъ Іисусъ. Почему же облако осѣнило не одного только Христа, но всѣхъ? Если бы оно осѣнило одного Христа, то можно было бы подумать, что гласъ происходилъ отъ самого Христа. Потому и евангелистъ, предотвращая это самое, говоритъ, что гласъ былъ изъ облака, то есть отъ Бога. Чтожъ говоритъ гласъ этотъ? *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный!* Если же Іисусъ есть Сынъ возлюбленный, то не бойся, Петръ! Тебѣ ужъ нужно было знать и могущество Его, и увѣриться въ Его воскресеніи. Если же ты не знаешь, то по крайней мѣрѣ ободрись гласомъ Отца. Если Богъ всемогущъ,—какъ Онъ и дѣйствительно таковъ,—то и Сынъ всемогущъ. Потому не бойся угрожающихъ опасностей. Если же ты все еще не соглашаешься, то по крайней мѣрѣ разсуди, что Онъ есть Сынъ, и Сынъ любимый: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный!* Если же Онъ любимый, то не бойся. Кто погубитъ того, кого любитъ? Итакъ, не смущайся; хотя бы любовь твоя къ Нему была безмѣрна, но ты не любишь Его такъ, какъ любитъ Родившій Его, Который о Немъ благоволитъ. Онъ не потому только любитъ Его, что родилъ Его, но и потому, что Онъ равенъ Ему во всемъ, и одну имѣетъ съ Нимъ волю. Слѣдовательно причина любви Его двоякая, или даже троякая, то есть: что Онъ Ему Сынъ, что возлюбленный, что въ Немъ все Его благоволеніе. Чтожъ значитъ: *о Немже благоволихъ*? Отецъ какъ бы такъ говоритъ: въ Немъ покой Мой и услажденіе; и это потому,
554 что Онъ во всемъ совершенно равенъ Отцу; воля у Него одна съ волею Отца, и, будучи Сыномъ, Онъ во всемъ составляетъ одно съ Родшимъ. *Того послушайте*,—такъ что, если бы Онъ захотѣлъ быть распятымъ на крестѣ, ты тому не противься. *И слышавше падоша ницы, и убояшася зѣло. И приступль Іисусъ, прикоснуся ихъ, и рече: востаните и не бойтеся. Возведше же очи своя, никогоже видѣша, токмо Іисуса единаго* (Матѳ. XVII, 6—8).

4. Отчего же они были такъ поражены, когда услышали эти слова? И прежде такой гласъ былъ на Іорданѣ, въ присутствіи народа, но никто не испыталъ ничего подобнаго; и послѣ опять, когда и громъ былъ, какъ говорили, никто не испыталъ подоб-

наго. Отчего же они повергись ницъ на горѣ? Причины тому: уединенность и высота мѣста, глубокое молчаніе, преображеніе соединенное съ ужасомъ, свѣтъ чрезвычайный и облако простертое,—все это повергло ихъ въ сильный трепетъ. Отвсюду окружали ихъ поразительныя вещи, и они, въ ужасѣ, пали и поклонились. Но чтобы страхъ, слишкомъ долго дѣйствуя, не лишилъ ихъ памяти, Христосъ тотчасъ разсѣеваетъ ихъ ужасъ и предстаетъ очамъ ихъ одинъ; и заповѣдуетъ имъ не говорить о событіи никому до тѣхъ поръ, пока Онъ возстанетъ изъ мертвыхъ. *Сходящимъ имъ съ горы, заповѣда имъ никому же повѣдати видѣнія, дондеже изъ мертвыхъ воскреснетъ* (ст. 9). Дѣйствительно, чѣмъ болѣе стали бы разсказывать о Немъ чудеснаго, тѣмъ труднѣе для многихъ было бы тогда вѣрить этому. Притомъ, соблазнъ о крестѣ отъ того еще болѣе увеличивался. Потому-то Онъ велитъ имъ молчать, и не просто велитъ, но снова напоминаетъ имъ о Своихъ страданіяхъ, какъ будто бы приводя причину, по которой Онъ повелѣвалъ имъ молчать,—запретивъ именно не всегда открывать это, но только до тѣхъ поръ, пока Онъ возстанетъ изъ мертвыхъ. Умолчавъ о томъ, что было весьма непріятно, Онъ говоритъ только одно утѣшительное. Чтожъ послѣ этого? Не могли ли они соблазниться? Никакъ. Нужно было только пройти времени до креста; а послѣ они исполнились Духа, и въ знаменіяхъ находили голосъ, споспѣшествующій имъ. Все, что они говорили послѣ, достойно было вѣроятія: дѣла, громче всякой трубы, провозвѣщали Его могущество, и событія не возбуждали уже никакого соблазна. Подлинно, ничего не можетъ быть блаженнѣе апостоловъ, и особенно троихъ изъ нихъ, удостоившихся быть съ Господомъ подъ покровомъ одного облака. Впрочемъ и мы, если захотимъ, можемъ увидѣть Христа, — не въ такомъ видѣ, въ какомъ они видѣли Его на горѣ, но въ видѣ гораздо лучшемъ, потому что впослѣдствіи Онъ придетъ не въ прежнемъ видѣ. Тогда Онъ, щадя учениковъ, явилъ имъ столько славы, сколько они могли снести; послѣ же Онъ придетъ во славѣ Отца Своего, не съ Моисеемъ только и Иліею, но съ безчисленными воинствами ангеловъ, съ архангелами, съ херувимами, со всѣми ихъ несмѣтными полчищами; не одно облако будетъ надъ главою Его, но все небо будетъ сосредоточено надъ Нимъ. Какъ судьи, когда совершаютъ всенародно судъ свой, отнимаютъ занавѣси и показываются всѣмъ, такъ точно и тогда всѣ увидятъ Христа возсѣдящаго, и всѣ люди предстанутъ Ему, и Онъ самъ Своими устами будетъ отвѣчать имъ. Инымъ скажетъ: *пріидите благословенніи Отца Моего: взалкахъ бо, и дасте Ми ясти* (Матѳ. xxv, 34); нѣкоторымъ же скажетъ:

благій рабе и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя по-
555 *ставлю* (ст. 21). А другимъ, опредѣляя иное, скажетъ: *отъидите во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (ст. 41); нѣкоторымъ же: *лукавый рабе и лѣниве* (ст. 26). Иныхъ разсѣчетъ и предастъ мучителямъ; другихъ же велитъ, связавши руки и ноги, ввергнуть въ тьму кромѣшную. И послѣ сѣкиры приметъ ихъ пещь, въ которую будетъ ввергнуто все, что выброшено изъ сѣти. *Тогда праведницы просвѣтятся яко солнце* (Матѳ. XIII, 43), и даже еще болѣе, нежели солнце; если же сказано такъ, то не потому, чтобы свѣтлость ихъ была точно такова, какъ солнечная, но потому, что мы не знаемъ другого свѣтила, блистательнѣе солнца. Христосъ посредствомъ извѣстнаго намъ предмета хотѣлъ только изобразить будущую славу святыхъ. Такъ точно евангелистъ, когда говоритъ, что Іисусъ на горѣ просіялъ какъ солнце, говоритъ такъ по той же самой причинѣ; а что свѣтъ былъ болѣе приводимаго въ сравненіе (солнечнаго свѣта), это доказали ученики тѣмъ, что пали ницъ. Если бы свѣтъ этотъ не былъ чрезвычайный, а былъ бы подобный солнечному, то они не пали бы, а легко снесли его. Итакъ, праведники въ то время просвѣтятся какъ солнце, и еще болѣе; грѣшники же испытаютъ крайнія бѣдствія. Тогда не нужно будетъ доказательствъ, обличеній, свидѣтелей. Тотъ, Кто судитъ, есть вмѣстѣ и свидѣтель, и обличитель, и судія. Онъ все знаетъ ясно: *вся бо нага и объявлена предъ очима Его* (Евр. IV, 13). Туда никто не явится богатымъ или бѣднымъ, сильнымъ или слабымъ, мудрымъ или глупымъ, рабомъ или свободнымъ; всѣ эти отличія исчезнутъ, и разбираться будутъ одни дѣла. Если въ судахъ осужденный за худое управленіе или убійство, кто бы онъ ни былъ — префектъ или консулъ, или подобный имъ, лишается всѣхъ достоинствъ и пріемлетъ достойную казнь, то тѣмъ болѣе такъ будетъ тамъ.

5. Итакъ, чтобы этого не случилось съ нами, снимемъ съ себя нечистыя одежды, облечемся въ оружіе свѣта, — и слава Божія осѣнитъ насъ. Какая въ самомъ дѣлѣ изъ заповѣдей неудобоисполнима, какая трудна? Выслушай, что говоритъ пророкъ, и тогда узнаешь, что онѣ легки. *Ниже аще слячеши, яко серпъ, выю твою, и вретище и пепелъ постелеши, ниже тако наречеши постъ пріятенъ; но разрѣшай всякъ соузъ неправды, разрушай обдолженія насильныхъ писаній* (Ис. LVIII, 5, 6). Замѣть мудрость пророка! Предложивъ сперва и потомъ отвергнувъ средства трудныя, онъ представляетъ легкій путь спасенія, показывая, что Богъ требуетъ не трудовъ, а послушанія. Потомъ, доказывая, что добродѣтель легка, а порокъ тягостенъ, онъ изображаетъ это самыми простыми словами. Порокъ, говоритъ онъ, есть узы и рабство, а

добродѣтель—освобожденіе и разрѣшеніе отъ всего этого. *Всякое писаніе неправедное раздери*,—разумѣя подъ этимъ росписки въ долгахъ и займахъ. *Отпусти сокрушенныя на свободу*,—т. е. бѣдныхъ, потому что должникъ, какъ скоро увидитъ заимодавца, смущается духомъ и страшится его больше звѣря. *Нищія безкровныя введи въ домъ твой; аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племене твоего не презри* (Ис. LVIII, 7). Въ прежней бесѣдѣ, разсуждая 556
о наградахъ, мы назвали ихъ источникомъ богатства. Теперь посмотримъ, есть ли въ заповѣдяхъ что-нибудь трудное, превышающее нашу природу? Нѣтъ, мы не найдемъ въ нихъ ничего такого; даже еще найдемъ противное. Онѣ столько же легки, сколько порокъ труденъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть труднѣе—давать въ займы, заботиться о прибыли, заключать сдѣлки, требовать поручительства, страшиться и трепетать за заклады, за отданныя въ ростъ деньги, за росписки, за барыши, за выполненіе обѣщаній? Таково-то все житейское! Самая, повидимому, изысканная предусмотрительность во всемъ ненадежна и непрочна. Напротивъ того, быть милостивымъ легко, и освобождаетъ отъ всѣхъ заботъ. Итакъ не будемъ наживаться на счетъ чужихъ несчастій, и торговать милосердіемъ. Знаю, что для многихъ непріятно слушать эти слова; но что за выгода и молчать? Если я буду молчать и не докучать своими словами, то не только не могу этимъ молчаніемъ избавить васъ отъ наказанія, — напротивъ, наказаніе отъ этого еще увеличится, и не для васъ только увеличится, — даже и мнѣ самому это молчаніе навлечетъ наказаніе. Итакъ, что пользы въ льстивыхъ словахъ, когда они не помогаютъ на дѣлѣ, но еще вредятъ? Какая прибыль веселить словами и печалить на самомъ дѣлѣ, нѣжить слухъ и подвергать душу наказанію? Итакъ, надобно печалиться здѣсь, чтобы не подвергнуться наказанію тамъ. Ужасная, любезные мои, ужасная, и большого требующая врачества болѣзнь вкралась въ церковь! Тѣ, которымъ даже не велѣно копить богатства и праведными трудами, но повелѣно отверзать домы свои неимущимъ, тѣ самые извлекаютъ свою выгоду изъ бѣдности другихъ, выдумывая благовидный образъ хищенія, искусно прикрывая любостяжаніе. Не говори мнѣ о внѣшнихъ законахъ. И мытарь исполняетъ законъ внѣшній, но не смотря на то повиненъ наказанію. То же придется испытать и намъ, если не перестанемъ притѣснять бѣдныхъ въ нуждѣ и въ несчастіяхъ, и пользоваться этимъ случаемъ для постыднаго прибытка. Ты для того имѣешь деньги, чтобы облегчать бѣдность, а не для того, чтобы утѣснять ее; а ты, подъ видомъ великодушія, только увеличиваешь бѣдность,

и продаешь милосердіе за деньги. Продавай, я не запрещаю; но только ради царства небеснаго. За это дѣло ты получишь не малую награду—но воздаяніе сторичное, жизнь безсмертную. Для чего ты бѣденъ и нищъ? Для чего ты, малодушный, продаешь великое за малую цѣну — за деньги погибающія, между тѣмъ какъ это должно было бы дѣлать ради царства, вѣчно пребывающаго? Для чего, оставивши Бога, стараешься о выгодахъ человѣческихъ? Зачѣмъ, обѣгая Богатящаго, докучаешь неимущему, и оставляя щедраго Дателя, вступаешь въ сношеніе съ неблагодарнымъ? Тотъ самъ желаетъ дать, а этотъ съ трудомъ даетъ. Этотъ даетъ едва ли сотую часть, а Тотъ болѣе, нежели стократъ—жизнь вѣчную. Этотъ съ обидою и ругательствомъ, Тотъ—съ любовію и благосклонностію. Одинъ возбуждаетъ въ тебѣ ненависть, другой и вѣнцы тебѣ соплетаетъ. Одинъ съ тобою
557 только что здѣсь, другой—и здѣсь, и тамъ. Итакъ, не крайнее ли это безуміе—не знать даже своей пользы? Сколько людей потеряло въ погонѣ за барышами свои деньги! Сколько людей, ради корыстей, подверглись опасностямъ! Сколько людей и себя, и другихъ повергли въ крайнюю бѣдность отъ неслыханнаго любостяжанія!

6. Не говори мнѣ, что тотъ, кто беретъ въ долгъ, радуется и благодаритъ за то, что ему дали; это происходитъ отъ твоей жестокости. И Авраамъ, отдавъ варварамъ жену свою, самъ показывалъ видъ, будто дурное ихъ намѣреніе для него пріятно; однако онъ это дѣлалъ не изъ доброй воли, но опасаясь фараона. Такъ точно и бѣдный: разъ ты не считаешь его достойнымъ и того, чтобы дать ему въ долгъ, принужденъ благодарить тебя и за твою жестокость. Мнѣ кажется, что ты даже освободивъ кого-нибудь отъ опасности, потребуешь награды за это. Нѣтъ, скажешь ты, этого не будетъ! Что ты говоришь? Избавляя отъ большого несчастія, ты не хочешь брать за то денегъ, между тѣмъ какъ при малой услугѣ ты оказываешь такое безчеловѣчіе? Развѣ ты не видишь, какого наказанія достоинъ такой поступокъ? Развѣ не знаешь, что это запрещено было и въ ветхомъ завѣтѣ (Второз. xv)? Но что еще говорятъ многіе: „я возьму проценты, и подамъ бѣднымъ?“ Хорошо говоришь ты, другъ,— только Богу не угодны такія приношенія. Не хитри съ закономъ. Лучше совсѣмъ не подавать нищему, чѣмъ подавать пріобрѣтенное такими средствами. Неправеднымъ мздоимствомъ ты нерѣдко дѣлаешь противозаконнымъ и то богатство, которое собралъ честными трудами,—точно такъ же, какъ если бы кто заставлялъ здоровое чрево раждать скорпіоновъ. И что я говорю о законѣ Божіемъ? Не сами ли вы называете это нечистымъ? Если же вы,

корыстолюбцы, такъ думаете объ этомъ, то представьте, какой судъ произнесетъ надъ вами Богъ? Если ты хочешь знать, какъ думали объ этомъ земные законодатели, то и на ихъ взглядъ такіе поступки были знакомъ крайняго безстыдства. Тѣмъ, которые въ чести и принадлежатъ къ великому совѣту, называемому сенатомъ, запрещалось безчестить себя такими прибытками. У нихъ былъ законъ, возбранявшій подобные прибытки. Какъ же не почувствовать ужаса, когда ты не отдаешь такой чести небесному государству, какую воздаютъ законодатели римскому сенату, даже почитаешь небо ниже земли? И ты не стыдишься такого безумія? Вѣдь это такъ же безсмысленно, какъ если бы кто вздумалъ сѣять безъ земли, дождя и плуга. Тѣ, 558
которые выдумали бы такой нелѣпый образъ земледѣлія, не должны бы ничего ожидать отъ этого, кромѣ плевелъ, обреченныхъ огню.

Развѣ нѣтъ многихъ честныхъ способовъ къ пріобрѣтенію, напримѣръ: луговъ, паствъ, полей, рогатаго скота, рукодѣлій, попеченія о имѣніи? Для чего же ты безумствуешь и, сѣя на удачу, получаешь тернія? Плоды земные, скажешь ты, много терпятъ вреда, напримѣръ: отъ града, засухи, проливныхъ дождей. Но все не такой, какой проценты. Въ самомъ дѣлѣ, отъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ терпятъ только плоды, а капиталъ, то есть, поле остается. Здѣсь же напротивъ, многіе часто губятъ и самый капиталъ, и еще прежде этого несчастія испытываютъ постоянно безпокойство. Заимодавецъ никогда не наслаждается тѣмъ, что имѣетъ, никогда не радуется объ этомъ, да и тогда, какъ наростаютъ проценты, не веселится о прибыткѣ, напротивъ печалится о томъ, что ростъ еще не сравнился съ капиталомъ; и прежде нежели этотъ неправедный ростъ сравнится совершенно, онъ старается пустить его въ оборотъ, обращая въ капиталъ и самые проценты, и насильно заставляя производить преждевременныя порожденія ехиднины. Таковы проценты! Они болѣе этихъ ядовитыхъ животныхъ терзаютъ и снѣдаютъ души несчастныхъ. Вотъ—*союзъ неправды!* Вотъ—*обдолженія насильныхъ писаній!* Человѣкъ говоритъ: я даю не для того, чтобы ты что-нибудь имѣлъ, но чтобы возвратилъ съ лихвою. А Богъ, напротивъ, не велитъ и отданное получать обратно. *Взаимъ дайте,* говоритъ Онъ, тѣмъ, отъ кого не ожидаете получить (Лук. VI, 35); ты же требуешь даже болѣе того, сколько далъ, и принуждаешь должника своего почитать долгомъ и то, чего ты не далъ. Ты думаешь чрезъ это умножить свое имѣніе; но вмѣсто того уготовляешь для себя огонь неугасимый. Чтобы съ нами не случилось этого, отсѣчемъ неправедныя порожденія прибытковъ, истребимъ беззаконныя

желанія, изсушимъ пагубное это чрево, и будемъ стремиться къ однимъ истиннымъ и великимъ выгодамъ. А какія это выгоды? Послушай, что говоритъ Павелъ: *снисканіе веліе—благочестіе съ довольствомъ* (1 Тим. VI, 6). Этимъ-то единственнымъ богатствомъ будемъ обогащаться, чтобы и здѣсь насладиться спокойствіемъ, и достигнуть будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцомъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LVII.

557-558 **И вопросиша Его ученицы Его, глаголюще: что убо книжницы глаголютъ, яко Иліи подобаетъ пріити прежде (Матѳ. XVII, 10)?**

Итакъ, ученики узнали объ этомъ не изъ писаній, но имъ открыли книжники,—и молва объ этомъ носилась въ простомъ народѣ, какъ и о Христѣ. Потому и самарянныня сказала: *Мессія пріидетъ; егда Той пріидетъ, возвѣститъ намъ вся* (Іоан. IV, 25); и книжники вопрошали Іоанна: *Иліа ли еси ты, или пророкъ* (Іоан. I, 21)? Итакъ, среди іудеевъ, какъ я сказалъ, была молва о пришествіи Христа и Иліи, но они неправильно толковали ее. Писаніе говоритъ о двухъ пришествіяхъ Христа, о бывшемъ и будущемъ. И Павелъ, указывая на оба пришествія, сказалъ: *явися благодать Божія спасительная наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ.* Вотъ одно пришествіе; послушай, какъ и о другомъ говоритъ. Сказавши эти слова, онъ присовокупилъ: *ждуще блаженнаго упованія, и явленія великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II, 11 — 13). Также и пророки о томъ и другомъ упоминаютъ; они говорятъ, что предтечею одного изъ нихъ, именно второго, будетъ Илія, а перваго былъ Іоаннъ, котораго Христосъ называетъ Иліею—не потому, чтобы онъ былъ Илія, но потому, что онъ совершалъ служеніе Его. Какъ Илія будетъ предтечею второго пришествія, такъ Іоаннъ былъ предтечею перваго. Но книжники, сливая то и другое и развращая народъ, упоминали предъ народомъ объ
559 одномъ только второмъ пришествіи и говорили, что если этотъ—Христосъ, то Илія долженъ предварить Его своимъ приходомъ. Потому и ученики говорятъ: *что убо книжницы глаголютъ, яко Иліи подобаетъ пріити прежде?* По той же причинѣ фарисеи посылали къ Іоанну и спрашивали: *Иліа ли еси ты?* вовсе не упоминая о первомъ пришествіи. Какой же отвѣтъ далъ Христосъ?

Илія точно придетъ тогда, предъ вторымъ Моимъ пришествіемъ; но и нынѣ пришелъ Илія,—называя этимъ именемъ Іоанна. Этотъ Илія пришелъ. А если ты спрашиваешь о ѳесвитянинѣ, то онъ придетъ; потому и сказалъ: *Иліа пріидетъ и устроитъ вся.* Что такое—*все?* То, о чемъ сказалъ пророкъ Малахія: *послю вамъ Илію Ѳесвитянина, иже устроитъ сердце отца къ сыну, да не пришедъ поражу землю въ конецъ* (Малах. IV, 5, 6). Видишь точность пророческаго изреченія! Когда Іоанна назвалъ Иліею Христосъ, то назвалъ по причинѣ сходства служенія. А чтобы ты не подумалъ, что то же самое говорится и у пророка, послѣдній присовокупилъ и родину его, называя ѳесвитяниномъ; а Іоаннъ ѳесвитяниномъ не былъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ и другой признакъ, говоря: *да не пришедъ поражу землю въ конецъ,*—означая этимъ второе страшное Его пришествіе. Въ первомъ Онъ не пришелъ поразить землю: *не пріидохъ*, говоритъ, *да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. XII, 47). Итакъ означенныя слова пророка показываютъ, что ѳесвитянинъ придетъ предъ тѣмъ пришествіемъ, когда будетъ судъ. Онъ вмѣстѣ показываетъ и причину пришествія его. Что же это за причина? Чтобы онъ, пришедши, убѣдилъ іудеевъ увѣровать во Христа и чтобы, когда Христосъ придетъ, не всѣ они совершенно погибли. Потому-то и Христосъ, приводя имъ это на память, сказалъ: *и устроитъ вся*, т. е. исправитъ невѣріе іудеевъ тогдашняго времени. Вотъ почему и пророкъ весьма точно сказалъ; онъ не сказалъ: *устроитъ сердце* сына къ отцу, но: *отца къ сыну*. Такъ какъ отцы апостоловъ были іудеи, то сказано: обратитъ къ ученію сыновъ, т. е. апостоловъ, сердца отцевъ, т. е. расположеніе народа іудейскаго.

Глаголю же вамъ, яко Иліа уже пріиде, и не познаша его; но сотвориша о немъ, елика восхотѣша: тако и Сынъ человѣческій имать пострадати отъ нихъ. Тогда разумѣша, яко о Іоаннѣ рече имъ (Матѳ. XVII, 12, 13). Хотя объ этомъ не говорили ни книжники, ни писанія, но такъ какъ апостолы стали уже проницательнѣе и внимательнѣе къ словамъ, то скоро поняли. Откуда же узнали объ этомъ ученики? Прежде имъ было сказано: *той есть Иліа хотяй пріити* (Матѳ. XI, 14), а здѣсь говорится, что уже пришелъ; и опять: *Иліа пріидетъ и устроитъ вся.* Но не смущайся и не считай за ошибку, когда въ одномъ мѣстѣ говорится, *пріидетъ*, а въ другомъ: *пришелъ*. Все это справедливо. Когда Христосъ говоритъ: *Иліа пріидетъ, и устроитъ вся*, разумѣетъ самого Илію и будущее обращеніе іудеевъ; а когда говоритъ: *той есть хотяй пріити*, то по образу служенія называетъ Іоанна Иліею. Подобно этому пророки каждаго благочестиваго царя называли Давидомъ, а іудеевъ князьями содомскими и сынами

560 ееіоповъ, и именно по образу жизни ихъ. Какъ Илія будетъ предтечею второго пришествія, такъ Іоаннъ былъ предтечею перваго.

2. Но не по одной только указанной причинѣ Христосъ вездѣ именуетъ его Иліею, но и для того, чтобы показать, что Онъ говоритъ совершенно согласно съ ветхимъ завѣтомъ, что пришествіе это совершилось по пророчеству. Потому и присоединяетъ: *пріиде, и не познаша его, но сотвориша о немъ* вся, *елика восхотѣша*. Что такое значитъ, вся *елика восхотѣша?* Ввергли въ темницу, поругались, умертвили, принесли главу его на блюдѣ. *Тако и Сынъ человѣческій имать пострадати отъ нихъ*. Видишь, какъ благовременно Онъ опять напоминаетъ имъ о страданіи? Онъ уже утѣшилъ ихъ страданіями Іоанна; и не этимъ только, но и тѣмъ, что вскорѣ начинаетъ совершать великія чудеса. Когда говоритъ Онъ о страданіяхъ, то тотчасъ же творитъ чудеса; и, какъ можно замѣтить; Онъ и прежде словъ этихъ и послѣ, и вообще при всякомъ случаѣ поступалъ такъ. Тогда *начатъ сказовати, яко подобаетъ Ему ити во Іерусалимъ, и много пострадати, и убіену быти* (Матѳ. XVI, 21). Когда же? Тогда, какъ исповѣдывали, что Онъ Христосъ и Сынъ Божій. И еще на горѣ напоминалъ имъ о страданіяхъ, когда показалъ имъ чудное видѣніе, и когда о славѣ Его разговаривали пророки. Окончивши исторію объ Іоаннѣ, Онъ присовокупилъ: *тако и Сынъ человѣческій имать пострадати отъ нихъ*; и немного спустя, когда изгналъ бѣса, котораго ученики не могли изгнать, *живущимъ имъ въ Галилеи*, разсказываетъ евангелистъ, *рече имъ Іисусъ: имать Сынъ человѣческій преданъ быти въ руцѣ человѣкъ грѣшникъ, и убіютъ Его, и въ третій день востанетъ* (Матѳ. XVII, 22, 23). Такъ поступалъ Онъ для того, чтобы величіемъ чудесъ уменьшить чрезмѣрность печали, и чтобы какъ-нибудь ихъ утѣшить. Такъ и здѣсь, напомнивши о смерти Іоанновой, доставилъ имъ великое утѣшеніе. Если же кто спроситъ: почему Онъ и теперь не послалъ Илію, когда столько благодѣяній свидѣтельствуютъ о Его пришествіи?—отвѣчаемъ: потому, что и теперь признающіе Христа за Илію не увѣровали въ Него; и ясно говорится: одни Тебя почитаютъ Иліею, другіе Іереміею (Матѳ. XVI, 14). Но между Іоанномъ и Иліею не было иного различія, какъ только по времени. Какъ же, спросишь ты, тогда увѣруютъ? Онъ устроитъ все не славою только имени своего, но и тѣмъ, что слава Христа до того времени успѣетъ весьма распространиться и будетъ для всѣхъ яснѣе солнца. Потому, когда онъ придетъ послѣ того, какъ уже распространится высокое мнѣніе о Немъ и ожиданія, и станетъ проповѣдывать Іисуса, то его благовѣстіе примутъ съ охотою. Когда Христосъ говоритъ: *не познаша его*, то этимъ и извиняетъ, повидимому, враговъ Своихъ,

и утѣшаетъ учениковъ. Кромѣ того, утѣшаетъ этихъ послѣднихъ еще и тѣмъ, что указываетъ на неповинное Свое страданіе, и прикрываетъ скорби двумя знаменіями: бывшимъ на горѣ и тѣмъ, которое имѣетъ быть. Услышавъ это, они не спрашиваютъ Его, когда Илія придетъ—или потому, что угнетены были скорбію о страданіи, или потому, что боялись. Часто случалось, что какъ скоро замѣчали, что Онъ не хотѣлъ говорить о чемъ-нибудь ясно, переставали любопытствовать. Когда, находясь въ Галилеѣ, Онъ сказалъ: *имать Сынъ человѣческій преданъ быти, и убіютъ Его,* то они, присовокупляетъ евангелистъ, *скорбни быша зѣло,* что̀ два евангелиста поясняютъ такимъ образомъ: Маркъ—*не разумѣваху глагола, и бояхуся Его вопросити* (Марк. IX, 31); Лука—*яко бѣ прикровенъ отъ нихъ, да не ощутятъ Его, и бояхуся вопросити Его о глаголѣ* (Лук. IX, 45). *Пришедшимъ же имъ къ народу, приступи къ нему человѣкъ, кланяяся Ему и глаголя: Господи помилуй сына моего, яко на новы мѣсяцы бѣснуется, и злѣ страждетъ; множицею бо падаетъ во огнь и множицею въ воду. И приведохъ его ко ученикомъ Твоимъ, и не возмогоша его исцѣлити* (Матѳ. XVII, 14—16). Писаніе свидѣтельствуетъ, что этотъ человѣкъ былъ весьма слабъ въ вѣрѣ. Это видно изъ многаго: изъ того, что Христосъ сказалъ: *вѣрующему вся возможна* (Марк. IX, 23); изъ того, что самъ пришедшій къ Нему говорилъ: *помози моему невѣрію;* даже и изъ того, что Христосъ запретилъ злому духу когда-либо войти въ него, и, наконецъ, изъ того, что человѣкъ этотъ сказалъ еще Христу: *аще можеши.* Но если невѣріе, скажешь ты, было причиною того, что злой духъ не выходилъ, то за что же Христосъ обвиняетъ учениковъ? Онъ показалъ этимъ, что они вѣрою могутъ исцѣлять больныхъ и безъ посредниковъ. Часто и вѣра посредника достаточна бываетъ для того, чтобы даже отъ меньшихъ собратій получить желаемое; равно и сила чудотворца часто бываетъ достаточна къ произведенію чуда, хотя бы приходящіе не имѣли вѣры. Оба эти случая подтверждаетъ Писаніе. Домашніе Корнилія своею вѣрою привлекли благодать Духа, и Елиссей воскресилъ мертваго тогда, какъ никто не вѣровалъ, потому что бросившіе мертвеца бросили не по вѣрѣ, но по робости, бросили какъ попало и, убоявшись опасности, убѣжали, и самъ брошенный былъ мертвъ, но отъ одной силы святого тѣла этотъ мертвецъ возсталъ. Отсюда очевидно, что и ученики были слабы, но не всѣ; столпы не были при этомъ. 561

8. Но ты можешь видѣть неразуміе этого человѣка и изъ другого обстоятельства. Вотъ онъ предъ народомъ жалуется Іисусу на учениковъ: *приведохъ его,* говоритъ, *ко ученикамъ Твоимъ, и не возмогоша его исцѣлити* (Матѳ. XVII, 16). Впрочемъ Христосъ, отклоняя отъ нихъ обвиненіе въ глазахъ народа, болѣе обви-

няетъ его самого: *о, роде невѣрный и развращенный, доколѣ буду съ вами* (ст. 17)? Чтобы не смутить его, Онъ обращается не къ нему одному, но и ко всѣмъ іудеямъ. Вѣроятно, многіе изъ предстоящихъ соблазнились и стали думать худо объ ученикахъ. Когда же говоритъ: *доколѣ буду съ вами*, показываетъ опять, что для Него смерть вожделѣнна и переселеніе отсюда составляетъ предметъ желанія, и что Ему не распинаться тяжело, а жить съ ними. Однако Онъ не ограничивается обвиненіями, но что говоритъ? *Приведите Ми его сѣмо*,—и Самъ вопрошаетъ отца, сколько лѣтъ страдаетъ сынъ его, защищая тѣмъ и учениковъ, и въ немъ возбуждая благую надежду и увѣренность въ томъ, что сынъ его будетъ избавленъ отъ недуга. Если же попускаетъ ему терзаться, то это не на показъ: когда сталъ сбѣгаться народъ, Онъ запретилъ духу; но дѣлаетъ это для самого отца, чтобы онъ, когда увидитъ смятеніе бѣса отъ одного только слова Іисусова, по крайней мѣрѣ, послѣ этого повѣрилъ имѣющему совершиться чуду. Когда же онъ сказалъ: *издѣтска*, и: *аще можеши, помози ми*, то Спаситель говоритъ: *вѣрующему вся возможна* (Марк. xi, 20—22),—
562 опять дѣлая ему укоризну. Когда прокаженный говорилъ: *аще хощеши, можеши мя очистити*, свидѣтельствуя о Его власти, тогда Господь, похваляя его и подверждая сказанное, отвѣчаетъ: *хощу, очистися* (Лук. v, 12, 13). Напротивъ, когда этотъ ничего не сказалъ, что бы достойно было Его могущества, а говорилъ только: *аще можеши, помози ми*, то смотри, какъ Христосъ исправляетъ его погрѣшность. Что говоритъ? *Аще можеши вѣровати, вся возможна вѣрующему*, то есть: Я имѣю столько могущества, что и другихъ могу сдѣлать чудотворцами; а потому, когда ты увѣруешь какъ должно, самъ можешь ислѣчить и сына, и многихъ другихъ. Сказавши это, Христосъ исцѣлилъ одержимаго духомъ. Ты же не только изъ этого долженъ видѣть благотворительное промышленіе Его, но и изъ самаго времени, съ котораго Онъ попустилъ демону вселиться въ отрока,—потому что если бы не особенный Промыслъ и въ это время, то больной давно погибъ бы. Писаніе говоритъ, что духъ повергалъ его и въ огнь, и въ воду; если же онъ дерзалъ на такія дѣла, то и вовсе бы его убилъ, если бы среди такого бѣшенства Богъ не укрощалъ духа. То же было и съ тѣми нагими, что блуждали по пустымъ мѣстамъ и бились о камни. Если этотъ бѣсноватый называется лунатикомъ, то не смущайся; такъ называлъ его отецъ.

Почему же говоритъ евангелистъ, что Христосъ многихъ исцѣлилъ лунатиковъ? Онъ называетъ ихъ такъ сообразно съ мнѣніемъ народа. Бѣсъ клевещетъ на стихію, и мучитъ одержимыхъ, и послабляетъ имъ по теченію луны; но это не значитъ,

чтобы луна дѣйствовала,—нѣтъ, самъ духъ прибѣгаетъ къ такой хитрости, клевеща на стихію. Отсюда-то утвердилось ошибочное мнѣніе между неразумными, и вдаваясь въ обманъ они называютъ этимъ именемъ демоновъ. Но это несправедливо. *Тогда приступльше ученицы* Его *на единѣ*, спросили *Его*: *почто мы не возмогохомъ изгнати бѣса* (ст. 19)? Мнѣ кажется, они боялись, не потеряли ли благодати, сообщенной имъ; они получили власть надъ духами нечистыми: потому и спрашиваютъ Христа, пришедши къ Нему тайно, не потому, что стыдились (разъ дѣло уже совершилось, и они были обличены, то не для чего имъ было стыдиться словеснаго признанія), а потому, что они намѣрены были вопрошать Его о предметѣ важномъ и тайномъ. Что же Христосъ? *За невѣрствіе*, говоритъ, *ваше*; *аще бо имате вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей*: *прейди*, *и прейдетъ*, *и ничтоже невозможно будетъ вамъ* (Матѳ. XVII, 20). Скажешь: гдѣ они сдвинули съ мѣста гору? Я скажу, что они сдѣлали гораздо болѣе, воскресивши тысячи мертвыхъ. Поистинѣ, не столько потребно силы передвинуть гору, сколько выгнать изъ тѣла смерть. Говорятъ, впрочемъ, что святые, послѣ нихъ жившіе и ихъ гораздо меньшіе, передвигали и горы, когда требовала того нужда. Отсюда очевидно, что и апостолы могли бы сдвинуть, если бы только нужно было, но такъ какъ тогда не было нужды, то не слѣдуетъ и обвинять ихъ. Да и Господь не сказалъ: передвинете непремѣнно, но: можете передвинуть. А если они не переставляли горъ, то не потому, что не могли (иначе какъ же могли они совершать болѣе важныя чудеса), но потому, что не хотѣли; а не хотѣли потому, что не было нужды; а можетъ быть, это и случалось, но нигдѣ не упоминается, такъ какъ не всѣ чудеса описаны. Къ тому же они тогда еще были не столько совершенны. Почему? Ужели не имѣли такой вѣры? Не имѣли; они не всегда были одинаково совершенны. Такъ Петръ то называется блаженнымъ, то укоряется; такъ 563
и прочіе получаютъ отъ Христа упрекъ въ невѣдѣніи, когда не разумѣли слова о квасѣ. Можетъ быть и въ настоящемъ случаѣ апостолы обнаружили слабость вѣры, такъ какъ прежде креста они были не совсѣмъ совершенны. Говоря здѣсь о вѣрѣ, Христосъ разумѣетъ вѣру чудодѣйствующую, и желая показать неизреченную силу ея, указываетъ на горчицу, которая хотя по виду весьма не велика, но имѣетъ весьма великую силу. Итакъ въ доказательство того, что и самая малая искренняя вѣра имѣетъ великую силу, указываетъ на горчицу; не останавливаясь на этомъ, упоминаетъ затѣмъ еще и о горахъ и, восходя далѣе, прибавляетъ: *ничтоже невозможно будетъ вамъ*.

4. Подивись же и здѣсь ихъ любомудрію и силѣ духа:

любомудрію, потому что не скрыли своей слабости; силѣ Духа, потому что тѣхъ, которые не имѣли вѣры и съ зерно горчичное, Онъ въ короткое время такъ возвысилъ, что протекли въ нихъ рѣки и источники вѣры. *Сей же родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ* (ст. 21), присовокупляетъ Онъ. Здѣсь Онъ разумѣетъ вообще демоновъ, а не однихъ только лунатиковъ. Видишь ли, какъ и апостоламъ говоритъ уже о постѣ? Не говори мнѣ о рѣдкихъ случаяхъ, что нѣкоторые и безъ поста изгоняли бѣсовъ. Хотя и разсказываютъ про нѣкоторыхъ, что они и безъ поста изгоняли бѣсовъ, однако быть не можетъ, чтобы человѣкъ, живущій среди утѣхъ, избавился отъ такого недуга: нѣтъ, страждущій такимъ недугомъ имѣетъ особенную нужду въ постѣ. Ты скажешь: если нужна вѣра, для чего же еще нуженъ постъ? Для того, что кромѣ вѣры и постъ много придаетъ крѣпости; онъ научаетъ великому любомудрію, человѣка дѣлаетъ ангеломъ, и укрѣпляетъ противу силъ безтѣлесныхъ. Впрочемъ, не самъ по себѣ; —нужна еще молитва, и она должна предшествовать. И смотри, какія блага происходятъ отъ этихъ двухъ добродѣтелей. Тотъ, кто молится, какъ должно, и притомъ постится, немногаго требуетъ; а кто требуетъ немногаго, тотъ не будетъ сребролюбивъ; а кто не сребролюбивъ, тотъ любитъ подавать и милостыню. Кто постится, тотъ становится легкимъ и окрыляется, и съ бодрымъ духомъ молится, угашаетъ злыя похоти, умилостивляетъ Бога и смиряетъ надменный свой духъ. Потому-то и апостолы всегда почти постились. Кто молится съ постомъ, тотъ имѣетъ два крыла, легче самаго вѣтра. Таковой не дремлетъ, не говоритъ много, не зѣваетъ и не разслабѣваетъ на молитвѣ, какъ то со многими бываетъ, но онъ быстрѣе огня и выше земли; потому-то таковой особенно является врагомъ и ратоборцемъ противъ демоновъ, такъ какъ нѣтъ сильнѣе человѣка, искренно молящагося. Если жена могла преклонить жестокаго начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился,—то тѣмъ болѣе можетъ преклонить Бога тотъ, кто непрестанно предстоитъ предъ Нимъ, укрощаетъ чрево и отвергаетъ утѣхи.

Если слабо у тебя тѣло, чтобы поститься безпрестанно, то оно не слабо для молитвы и для пренебреженія удовольствіями чрева. Если ты не можешь поститься, то по крайней мѣрѣ можешь не роскошествовать,—а и это не маловажно и не далеко отъ пощенія, и можетъ укротить неистовство діавола. Подлинно, ничто такъ не любезно демону, какъ роскошь и пьянство — источникъ и мать всѣхъ золъ. Этимъ путемъ діаволъ ввергнулъ
564 нѣкогда израильтянъ въ идолопоклонство, этимъ возжегъ содомлянъ на беззаконныя похоти. *Сіе есть*, говоритъ Писаніе, *без-*

законіе Содомлянъ: въ гордости, въ сытости и въ изобиліи сластолюбствовати (Іезек. XVI, 49). Тѣмъ же путемъ онъ и многихъ другихъ погубилъ и предалъ гееннѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какого зла не производитъ роскошь? Она дѣлаетъ людей свиньями, и хуже свиней. Свинья валяется въ грязи и питается каломъ, а сластолюбивый человѣкъ приготовляетъ себѣ столъ отвратительнѣйшій, придумывая непозволенныя связи и беззаконную любовь. Такой нимало не различается отъ бѣсноватаго: онъ такъ же безстыдствуетъ и неистовствуетъ. О бѣсноватомъ мы по крайней мѣрѣ жалѣемъ, а этого отвращаемся и ненавидимъ. А почему? Потому что онъ произвольно неистовствуетъ, и обращаетъ и ротъ свой, и глаза, и поздри, и все вообще въ проводники смрада и нечистоты. Если же заглянуть внутрь такого человѣка, то увидимъ, что душа въ немъ застыла и оцѣпенѣла, какъ бы среди зимы и мороза, и уже не можетъ подать никакой помощи ладьѣ, по причинѣ чрезмѣрной непогоды. Стыдно мнѣ говорить, какъ много страждутъ отъ сластолюбія и мужчины, и женщины. Это я оставляю на ихъ совѣсть, которая точнѣе знаетъ все. Что отвратительнѣе пьяной женщины, качающейся туда и сюда? Чѣмъ немощнѣе сосудъ, тѣмъ жесточе крушеніе. Свободная ли то будетъ жена, или раба, — свободная безчеститъ себя среди рабовъ, а раба то же дѣлаетъ среди рабовъ, и такимъ образомъ дѣлаютъ то, что дары Божіи хулятся несмысленными. Я слышу, какъ многіе, когда встрѣчаются такіе случаи, говорятъ: будь проклято вино! О, глупость; о, безуміе! Другіе грѣшатъ, а ты порицаешь даръ Божій. Что за сумасбродство? Ужели вино,—о, человѣкъ,—причиною такого зла? Нѣтъ, — не вино, а невоздержаніе тѣхъ, которые злоупотребляютъ виномъ. Итакъ, лучше скажи: исчезни пьянство, погибни роскошь! А если скажешь: пропади вино, то можешь вслѣдъ затѣмъ сказать: пропади желѣзо,—потому что есть человѣкоубійцы; пропади ночь,—потому что есть воры; пропади свѣтъ,—потому что есть клеветники; да погибнутъ жены,—потому что есть блудницы. Такимъ образомъ ты все наконецъ захочешь истребить.

5. Но ты не поступай такъ,—это сатанинскій духъ. Не презирай вина, но презирай пьянство. Когда пьяный придетъ въ чувство, опиши ему все его безобразіе. Скажи ему: вино дано для увеселенія, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселымъ, а не для того, чтобы быть посмѣшищемъ; дано для укрѣпленія здоровья, а не для разстройства; для уврачеванія немощей тѣлесныхъ, а не для ослабленія духа. Богъ тебя почтилъ этимъ даромъ: для чего же ты неумѣреннымъ употребленіемъ этого дара безчестишь себя? Послушай, что говоритъ апостолъ Павелъ: *мало вина*

пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ (1 Тим. v, 23).
Если этотъ святой, даже одержимый болѣзнію и частыми недугами,
не употреблялъ вина, доколѣ не повелѣлъ ему учитель, то какого
же достойны будемъ осужденія мы, когда и здоровые упиваемся?
Ему сказано: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего;* а изъ васъ
каждому упивающемуся скажетъ апостолъ: употребляй меньше
вина, потому что отъ пьянства раждается блудодѣяніе, скверно-
словіе, и прочія дурныя похоти. Если же не хотите воздержи-
ваться отъ пьянства по этой причинѣ, то воздерживайтесь хоть
потому, что оно возбуждаетъ гнусныя похоти. Вино дано для
565 веселія,—сказано: *вино веселитъ сердце человѣка* (Пс. сііі, 15); а вы
и это доброе его свойство порочите. Въ самомъ дѣлѣ, что за
радость—быть не въ себѣ, мучиться множествомъ болѣзней, ви-
дѣть все кружащимся, все во мракѣ, и подобно находящимся
въ горячкѣ, имѣть нужду въ томъ, чтобы кто-нибудь намазалъ
голову елеемъ? Я говорю не о всѣхъ, вѣрнѣе—впрочемъ—о всѣхъ;
не потому, что всѣ пьютъ; нѣтъ, но потому, что не пьющіе не
заботятся о пьющихъ. Потому я и къ вамъ особенно обращаюсь,—
къ вамъ, находящіеся въ здоровомъ состояніи. Такъ и врачъ,
оставляя больныхъ, бесѣдуетъ съ тѣми, которые сидятъ около
нихъ. Итакъ, къ вамъ я обращаю слово: умоляю васъ, не зара-
жайтесь этой болѣзнію; а тѣхъ, которые заразились, исхищайте
изъ бѣды, чтобы они не оказались хуже безсловесныхъ. Въ са-
момъ дѣлѣ, скоты не требуютъ ничего болѣе того, что имъ
нужно; а предающіеся пьянству становятся безсмысленнѣе и ихъ,
преступая границы умѣренности. И подлинно, не гораздо ли
лучше такихъ людей оселъ? Не гораздо ли лучше песъ? Каждое изъ
этихъ животныхъ, какъ и всѣ вообще животныя, ѣдятъ ли, пьютъ
ли, знаютъ предѣлы довольства и не простираются далѣе потреб-
наго. И хотя бы тысячи человѣкъ принуждали ихъ, никогда не
дадутъ себѣ дойти до неумѣренности. Итакъ, вы хуже безсло-
весныхъ и въ этомъ отношеніи, и не только въ глазахъ здоро-
выхъ людей, но и въ собственныхъ вашихъ глазахъ. И что вы
сами о себѣ думаете хуже, чѣмъ о свиньяхъ и ослахъ, это видно
изъ того, что этихъ животныхъ вы не заставляете ѣсть сверхъ
мѣры. Почемужъ это такъ, спросятъ? Ты скажешь: чтобы не на-
нести имъ вреда; а о себѣ ты и этой предусмотрительности не
употребляешь. Слѣдовательно ты думаешь о себѣ хуже, нежели
о скотахъ и, всегда обуреваемый, нерадишь о себѣ. Ты страдаешь
отъ пьянства, не только въ тотъ день, когда пьянъ, но и послѣ
того дня. Подобно какъ и по прошествіи горячки, остаются
еще слѣды пагубнаго вліянія ея, такъ и у тебя, и по прошествіи
хмѣля, и въ душѣ и въ тѣлѣ свирѣпствуетъ буря. Бѣдное тѣло

лежитъ разслаблено, какъ корабль разбитый бурею, а того бѣднѣе душа, потому что и въ разслабленномъ тѣлѣ воздымаетъ бурю и возжигаетъ похоть. Когда же повидимому приходитъ въ здравый смыслъ, тогда-то особенно безумствуетъ, воображая вино, бутылки, стаканы, чаши. Какъ при укрощеніи волненія послѣ бури остаются слѣды разрушительнаго дѣйствія ея, такъ и здѣсь. Какъ тамъ товары, такъ здѣсь почти все доброе выбрасывается. Цѣломудріе ли стяжалъ кто-либо, стыдливость ли, пристойность ли, кротость ли, смиреніе ли, — все это пьянство повергаетъ въ море нечестія. А что еще послѣ этого дѣлаетъ пьянство, того нельзя ни съ чѣмъ и сравнить. Тамъ, по выгруженіи, корабль дѣлается легче; а здѣсь, напротивъ, новое отягощеніе: вмѣсто богатства корабль нагружается пескомъ, соленою водою и всякою дрянью, отчего корабль и съ пловцами, и съ кормчимъ тотчасъ погибаетъ. Итакъ, чтобы не потерпѣть намъ того же, устранимся отъ этой бури. Нельзя пьяницѣ видѣть царствія небеснаго. *Не льститеся*, говоритъ апостолъ: *ни піяницы, ни досадители царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 9, 10). И что я говорю: царствія небеснаго? Пьяный не видитъ и настоящихъ предметовъ; пьянство дни превращаетъ для насъ въ ночи, свѣтъ въ тьму; пьяный, смотря во всѣ глаза, не видитъ и того, что у него подъ ногами. И не это только зло раждается отъ пьянства, но и потомъ пьяницы подвергаются другой, жесточайшей казни: безумному унынію, неистовству, разслабленію, насмѣшкамъ, поношеніямъ. Какого же помилованія ждать тѣмъ, которые убиваютъ себя такими бѣдствіями? Совершенно никакого. Итакъ потщимся избѣгнуть этого недуга, чтобы получить намъ и настоящія и будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LVIII.

Живущимъ же имъ въ Галилеи, рече имъ Іисусъ: предану имать быти Сынъ человѣческій въ руцѣ человѣкомъ, и убіютъ Его, и въ третій день востанетъ; и скорбни быша зѣло (Матѳ. XVII, 22, 23). 565-566

1. Чтобы ученики не говорили: для чего мы здѣсь остаемся столько времени?—Христосъ опять говоритъ имъ о страданіи, а слыша объ этомъ, они не хотѣли даже и видѣть Іерусалима. Смотри же, какъ апостолы и послѣ того даже, какъ Петру уже сдѣлано было порицаніе, послѣ того, какъ Моисей и Илія, бе-

сѣдуя о страданіи, называли это дѣло славою, послѣ того, какъ и Отецъ свыше подалъ гласъ, и столько было чудесъ, и воскресеніе уже было при дверяхъ (потому что Христосъ сказалъ, что Онъ не долго будетъ оставаться въ объятіяхъ смерти, но въ третій день воскреснетъ),—все же не перенесли словъ Христовыхъ, но опечалились, и опечалились сильно. Это произошло отъ того, что они еще не разумѣли силы словъ Христовыхъ, какъ то показываютъ Маркъ и Лука. Одинъ говоритъ: *не разумѣваху глагола, и бояхуся Его вопросити* (Марк. ix, 32); а другой: *бѣ прикровенъ отъ нихъ* глаголъ, *да не ощутятъ, и бояхуся Его вопросити о глаголѣ* (Лук. ix, 45). Но если они не понимали, то какъ же могли печалиться? Нельзя сказать, чтобы они ничего не понимали; напротивъ, знали они, что Онъ умретъ, потому что непрестанно слышали о томъ. Но чтобы могла когда-либо случиться съ Нимъ такая смерть, и что вскорѣ она должна разрушиться и произвесть безчисленныя благодѣянія,—этого они ясно еще не понимали; не знали и того, что̀ это за воскресеніе. Потому-то они и скорбѣли, что весьма любили Учителя.

Пришедшимъ же имъ въ Капернаумъ, приступиша пріемлющіи дидрахмы къ Петру и рѣша: учитель вашъ не дастъ ли дидрахмы (Матѳ. xvii, 24)? Что это за дидрахмы? Когда Богъ избилъ первенцевъ египетскихъ, то вмѣсто нихъ взялъ колѣно левитовъ. Но, такъ какъ число левитовъ было меньше числа первородныхъ у іудеевъ, то Онъ за тѣхъ, которыхъ недоставало въ число, повелѣлъ вносить сикль. Съ этого времени вошло въ обыкновеніе платить такую пошлину за первенцевъ. А такъ какъ Христосъ былъ первенецъ, и изъ учениковъ Петръ казался первымъ, то собиратели пошлины и приступили къ нему. Они, какъ мнѣ кажется, собирали пошлину со всякаго города; поэтому и пришли къ нему
567 въ отечество, которымъ считался Капернаумъ. Къ самому Христу они не осмѣлились приступить, а пришли къ Петру; впрочемъ и къ послѣднему приступили не съ насильственнымъ требованіемъ, а скромно. Они не настоятельно требовали, а только спрашивали: *учитель вашъ не дастъ ли дидрамы?* Надлежащаго о Немъ мнѣнія они еще не имѣли, но считали Его за простого человѣка; впрочемъ, воздавали Ему нѣкоторое уваженіе и честь за предшествовавшія знаменія. Чтожъ имъ отвѣчаетъ Петръ? *Глагола: ей!* Собирателямъ пошлины сказалъ Петръ, что Христосъ дастъ дидрахму; но самому Христу не объявилъ объ этомъ, можетъ быть, стыдясь говорить съ Нимъ о такихъ вещахъ. Потому кроткій и все ясно вѣдущій Іисусъ, предупреждая его, говоритъ: *что ти мнится, Симоне? Царіе земстіи отъ кіихъ пріемлютъ дани, или кинсонъ? Отъ своихъ ли сыновъ, или отъ чужихъ?* Когда

Петръ отвѣтилъ: отъ чужихъ,—Христосъ сказалъ: *убо свободни суть сынове* (ст. 25, 26). Чтобы не подумалъ Петръ, что Онъ услышалъ что-либо отъ нихъ, предваряетъ его, обнаруживая Свои мысли о томъ же самомъ предметѣ, и давая ему смѣлость, такъ какъ прежде послѣдній не смѣлъ говорить объ этомъ. Смыслъ же словъ Его такой: Я свободенъ отъ платежа пошлины. Если цари земные не берутъ подати съ сыновей своихъ, но съ чужихъ, то тѣмъ болѣе Я долженъ быть свободенъ отъ требованія ихъ, Царь и Сынъ Царя не земного, а небеснаго. Видишь ли, какъ Онъ различилъ сыновъ отъ тѣхъ, которые— не сыны? Если бы Онъ не былъ Сынъ, то напрасно привелъ въ примѣръ царей. Точно, говорятъ, Онъ Сынъ, но не истинный. Слѣдовательно, не Сынъ. А если не Сынъ, и не истинный Сынъ, то не Сынъ Божій, а чужой. Если же чужой, то примѣръ царей не имѣетъ своей силы. Онъ говоритъ не просто о сынахъ, какихъ бы то ни было, но о сынахъ законныхъ, собственныхъ, участвующихъ въ царствѣ съ родившими ихъ. Потому-то для различія и противопоставилъ сыновъ чужихъ, такъ называя тѣхъ, которые рождены не отъ нихъ (отъ царей). Сынами же своими называетъ тѣхъ, которыхъ родили сами цари. Но обрати здѣсь вниманіе и на то, какъ подкрѣпляетъ Онъ своими словами открытое Петру вѣдѣніе. Впрочемъ Онъ не останавливается и на этомъ, но и снисхожденіемъ Своимъ внушаетъ то же: новый опытъ великой мудрости! Сказавши это, Онъ присовокупляетъ: *но да не соблазнимъ ихъ, шедъ, верзи удицу въ море, и юже прежде имеши рыбу, возми, и обрящеши въ ней статиръ: той вземъ, даждь имъ за Мя и за ся* (ст. 27). Видишь ли, какъ Онъ и отъ подати не отказывается и, между тѣмъ, не просто повелѣваетъ отдать ее? Показавъ напередъ, что Онъ не подлежитъ подати, потомъ даетъ ее; первое дѣлаетъ для того, чтобы не соблазнились ученики; послѣднее—чтобы не соблазнились сборщики податей. Даетъ пошлину не какъ обязанный къ тому, но изъ снисхожденія къ ихъ слабости.

Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о пищѣ, Христосъ пренебрегаетъ соблазномъ; этимъ Онъ поучаетъ насъ различать время, когда надобно заботиться о соблазняющихся, а когда можно и оставить безъ вниманія. Да и самый образъ, какъ Онъ даетъ подать, открываетъ, кто Онъ таковъ. Для чего не велитъ Онъ заплатить изъ хранившихся у нихъ денегъ? Для того, какъ я выше сказалъ, чтобы и въ этомъ случаѣ показать, что Онъ есть Богъ надъ всѣмъ, и что море въ Его власти. Эту власть Онъ показалъ и тогда уже, когда *запретилъ морю*, и тому же самому Петру позволилъ ходить по волнамъ. Эту же самую власть и теперь показываетъ, хотя другимъ образомъ, но также приводитъ въ великое изумленіе. Въ самомъ дѣлѣ, не мало значило сказать о

безднѣ, что первая же рыба попадется, съ требуемою пошлиною, и что повелѣніе Его, подобно закинувшему сѣть въ бездну, поймаетъ рыбу съ статиромъ. Но дѣло власти прямо божественной
569 и неизреченной—повелѣть морю, чтобы оно принесло даръ, и показать, какъ во всемъ оно Ему покорно, и тогда, когда, взволновавшись, вдругъ утихло и среди неистовства волнъ подъяло сослужителя своего, и теперь также, когда платитъ за Него требующимъ подати. *И даждь имъ*, говоритъ, *за Мя и за ся.* Видишь ли великое предпочтеніе? Познай же и глубокую мудрость Петрову. Объ этомъ важномъ обстоятельствѣ не упомянулъ Маркъ, ученикъ его, какъ о великой чести, оказанной Петру Христомъ, но объ отверженіи его и онъ написалъ, а о томъ, что могло бы прославить Петра, умолчалъ,—можетъ быть, потому что Учитель запретилъ говорить о немъ то, что относилось къ его славѣ. *За Мя и за ся,*—такъ какъ и Петръ былъ первенецъ. Ты дивишься силѣ Христовой? Подивись и вѣрѣ ученика, который такъ послушенъ былъ въ случаѣ столь затруднительномъ. Дѣйствительно, для человѣческаго разума дѣло представлялось слишкомъ труднымъ. Въ награду за такую-то вѣру Христосъ и присоединилъ его къ Себѣ при платѣ пошлины: *за Мя и за ся. Въ той часъ приступиша ко Іисусу ученицы глаголюще: кто убо болій есть въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. XVIII, 1)? Нѣчто человѣческое дѣйствовало въ ученикахъ. На это указываетъ и евангелистъ, говоря: *въ той часъ*, то есть, когда Христосъ предпочелъ Петра всѣмъ прочимъ. И Іаковъ былъ первородный, но Іисусъ ничего подобнаго не оказалъ ему. Стыдясь обнаружить страсть, которою недуговали, они не говорятъ прямо: почему Ты отдалъ Петру предпочтеніе предъ нами? Развѣ онъ больше насъ? Они стыдились сказать такъ, а спрашиваютъ неопредѣленно: *кто убо болій есть?* Когда Іисусъ оказывалъ предпочтеніе троимъ изъ нихъ, въ нихъ не обнаруживалось ничего подобнаго. А когда честь предоставлена была одному только, они опечалились. И не это только, но и другія обстоятельства принявъ въ соображеніе, они воспламенились страстію. Такъ Христосъ сказалъ нѣкогда Петру: *дамъ ти ключи царства небеснаго. Блаженъ еси Симоне, варъ Іона* (Матѳ. XVI, 19, 17); и здѣсь говоритъ: *даждь имъ за Мя и за ся*; къ тому жъ и большее дерзновеніе, какое они неоднократно видѣли въ Петрѣ, раздражало ихъ. Если же Маркъ и не говоритъ, что они вопрошали, а въ себѣ самихъ помышляли, то это нимало не противорѣчитъ первому: вѣроятно, и то и другое было съ ними; еще и прежде неоднократно они приходили въ такое состояніе, а теперь выразили на словахъ, и въ себѣ самихъ помышляли. Но ты смотри не на одно лишь то, что достойно было бы порицанія,

а размысли и о томъ, во-первыхъ, что они и теперь ничего земного не ищутъ; во-вторыхъ, что они послѣ оставили и эту слабость и взаимно другъ другу уступали первенство. Чтожъ касается до насъ, то мы не можемъ возвыситься и до погрѣшностей ихъ; не спрашиваемъ о томъ, кто больше въ царствіи небесномъ, но кто больше въ царствѣ земномъ, кто богаче, кто сильнѣе. Что же говоритъ имъ Христосъ? Онъ раскрываетъ ихъ совѣсть, и отвѣчаетъ на ихъ чувствованія, а не просто на слова. *Призвавъ отроча, рече: аще не обратитеся и будете, яко отроча сіе, не внидете въ царствіе небесное* (ст. 2 и 3). Вы доискиваетесь, говоритъ, кто больше, и спорите о первенствѣ. Я же говорю: кто не будетъ ниже всѣхъ, тотъ недостоинъ царствія небеснаго. И прекрасный представляетъ примѣръ. Но и не представляетъ только, а на самомъ дѣлѣ поставляетъ посреди ихъ отрока, пристыжая самымъ тѣмъ, что видятъ они предъ собой; убѣждаетъ быть столько же смиренными и простосердечными, какъ и младенецъ, который не имѣетъ ни зависти, ни тщеславія, ни желанія первенства, но обладаетъ высокою добродѣтелію простоты, беззлобія и смиренія. Итакъ, нужно имѣть не одно только мужество и благо- 569
разуміе, но и добродѣтель смиренномудрія и простоты. Когда мы не имѣемъ этихъ добродѣтелей, то сколь бы ни велики были наши дѣла, спасеніе наше сомнительно. Младенца хотя бы поносили, хотя бы наказывали, хотя бы хвалили, хотя бы честили, онъ ни въ первомъ случаѣ не досадуетъ и не укоряетъ, ни въ послѣднемъ не гордится.

3. Видишь ли, какъ Онъ опять призываетъ насъ къ добрымъ естественнымъ дѣламъ, показывая, что ихъ можно совершать по свободному произволенію? Этимъ искореняетъ Онъ и нечестивое ученіе манихеевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если природа есть зло, то почему же Онъ почерпаетъ изъ нея примѣры любомудрія? Чтожъ касается до дитяти, которое было поставлено предъ учениками, то, по моему мнѣнію, это было дитя въ полномъ смыслѣ, свободное отъ всѣхъ указанныхъ страстей, — дитя чуждое и гордости, и тщеславія, и зависти, и сварливости, и всѣхъ подобныхъ страстей, — дитя украшенное многими добродѣтелями, какъ-то: простосердечіемъ, смиреніемъ, спокойствіемъ, и которое ни одною изъ этихъ добродѣтелей не гордится; а это, т. е. обладать качествами и, между тѣмъ, не надмеваться ими, свойство высокой мудрости. Потому-то Христосъ привелъ его и поставилъ посреди. Но и этимъ не ограничилъ Онъ Своего наставленія, а простеръ его еще далѣе: *и иже аще пріемлетъ отроча таково во имя Мое, Мене пріемлетъ* (Матѳ. XVIII, 5). Не только, говоритъ Онъ, если сами вы таковыми будете, получите

великую награду, но даже если ради Меня будете почитать таковыхъ, то въ награду за почтеніе къ нимъ назначаю вамъ царство. Даже выражаетъ болѣе того: *Мене*, говоритъ, *пріемлетъ:* такъ Мнѣ любезно смиреніе и простосердечіе! Подъ именемъ младенца здѣсь Онъ разумѣетъ людей столько же простодушныхъ, смиренныхъ, отвергаемыхъ и презираемыхъ людьми обыкновенными. Чтобы сдѣлать рѣчь болѣе убѣдительною, Онъ усиливаетъ ее далѣе не только обѣщаніемъ чести, но и угрозою казни. *И иже аще соблазнитъ,* продолжаетъ Онъ *единаго малыхъ сихъ, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (ст. 6). Какъ тѣ, говоритъ Онъ, кто почитаетъ таковыхъ ради Меня, получатъ небо и даже честь бо́льшую самаго царства, такъ понесутъ жесточайшее наказаніе и пренебрегающіе ихъ (это означается словомъ — соблазнитъ). Не удивляйся, что Онъ обиду называетъ соблазномъ: многіе малодушные нерѣдко соблазнялись тѣмъ, что ихъ презирали и безчестили. Такимъ образомъ, увеличивая преступленіе, Онъ представляетъ проистекающій изъ него вредъ. Наказаніе же Онъ изображаетъ уже иначе, чѣмъ награды, объясняя — именно — тяжесть его вещами намъ извѣстными. Такъ, когда Онъ особенно хочетъ тронуть людей нечувствительныхъ, то приводитъ чувственные примѣры. Поэтому и здѣсь, желая показать то, что они подвергнутся великому наказанію, и обличить гордость тѣхъ, которые презираютъ такихъ людей, представляетъ чувственное наказаніе — мельничный жерно́въ и потопленіе. Сообразно съ предыдущимъ надлежало бы сказать: тотъ, кто не пріемлетъ одного изъ малыхъ сихъ, Меня не пріемлетъ,—что тяжелѣе всякаго наказанія. Но такъ какъ на людей безчувственныхъ и грубыхъ это страшное наказаніе мало бы подѣйствовало, то Онъ говоритъ о жерновѣ мельничномъ и потопленіи. Не сказалъ, что жерновный камень повѣшенъ будетъ на шею его, но что лучше бы было потерпѣть такое наказаніе, показывая этимъ, что несчастнаго ожидаетъ другое, тягчайшее зло; если то несносно, тѣмъ болѣе это по-
570 слѣднее. Видишь ли, какая ужасная угроза? Сравнивая ее съ извѣстною для насъ угрозою, Онъ представляетъ ее въ большей ясности; а указывая на большую тягость, заставляетъ страшиться бо́льшаго наказанія, нежели каково чувственное. Видишь ли, какъ Онъ съ корнемъ исторгаетъ высокомѣріе? Какъ врачуетъ недугъ тщеславія? Какъ научаетъ нигдѣ не искать первенства? Какъ внушаетъ домогающимся первенства вездѣ искать послѣдняго мѣста? Подлинно, нѣтъ ничего хуже высокомѣрія. Оно лишаетъ насъ самаго обыкновеннаго благоразумія, выставляетъ глупцами, или, вѣрнѣе, и совсѣмъ дѣлаетъ безумными. Если

бы кто-нибудь, будучи не выше трехъ локтей, усиливался быть выше горъ, и считалъ бы себя таковымъ; если бы онъ сталъ вытягиваться, какъ будто бы былъ выше горныхъ вершинъ,—то мы не стали бы искать другого доказательства его безумія. Такъ точно, когда ты увидишь надменнаго человѣка, который считаетъ себя лучше всѣхъ и за безчестіе ставитъ жить вмѣстѣ съ простыми людьми, то не ищи уже другого доказательства его безумія. Такой человѣкъ гораздо болѣе достоинъ посмѣянія, нежели глупые отъ природы, потому что самъ добровольно навлекъ на себя эту болѣзнь. И не потому только онъ достоинъ сожалѣнія, но и потому, что впадаетъ въ бездну зла, не чувствуя того. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли онъ когда-нибудь сознать грѣхи свои должнымъ образомъ? Можетъ ли почувствовать свои преступленія? Діаволъ, взявъ его, какъ непотребнаго раба и плѣнника, влечетъ его, куда хочетъ, всячески муча его и подвергая безчисленнымъ поруганіямъ; наконецъ онъ доводитъ такихъ людей до такого безумія, что, слѣдуя его внушеніямъ, они начинаютъ гордиться предъ дѣтьми и женами своими, даже предъ предками,—или же, напротивъ, надмеваться знаменитостію этихъ послѣднихъ. А что можетъ быть того безумнѣе, когда гордятся совсѣмъ противоположными вещами: одни тѣмъ, что имѣли бѣдныхъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, а другіе — тѣмъ, что имѣли славныхъ и знаменитыхъ предковъ? Итакъ, чѣмъ смирить гордость и тѣхъ, и другихъ? Однимъ надлежитъ сказать: поднимись подальше своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ: можетъ быть, много среди нихъ найдешь поваровъ, погоньщиковъ, харчевниковъ; а тѣмъ, которые гордятся собою, смотря на низость предковъ, надлежитъ сказать противное: и ты тоже посмотри на предковъ своихъ, жившихъ пораньше: найдешь многихъ, гораздо тебя знаменитѣйшихъ.

4. Что таковъ порядокъ природы, это я докажу вамъ отъ Писанія. Соломонъ былъ сынъ царя, и царя знаменитаго; но отецъ этого послѣдняго былъ изъ числа людей бѣдныхъ и незнатныхъ; таковъ же былъ и дѣдъ его по матери, иначе онъ не выдалъ бы своей дочери за простого воина. Но если ты будешь восходить выше, то послѣ этихъ бѣдныхъ предковъ снова увидишь знаменитѣйшій царственный родъ. То же можно наблюдать и относительно Саула, и многихъ другихъ. Итакъ, не будемъ же гордиться предками. Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ,—что такое родъ? Не что иное, какъ одно пустое имя. И это вы узнаете въ послѣдній день. Но поелику онъ еще не наступилъ, то мы постараемся убѣдить васъ извѣстными намъ нынѣ обстоятельствами въ томъ, что знаменитость происхожденія не даетъ никакого пре-

имущества. Когда наступаетъ война, голодъ или какое-нибудь другое бѣдствіе, тогда ничтожество всѣхъ мнимыхъ преимуществъ знатнаго происхожденія обнаруживается ясно. Приключится ли болѣзнь или моровая язва, она не знаетъ различія между богатымъ и бѣднымъ, между славнымъ и безславнымъ, между знатнымъ и низкимъ; такъ точно и смерть и другіе перевороты: одинаково они постигаютъ всѣхъ и, что всего чуднѣе, особенно богатыхъ. Чѣмъ безпечнѣе послѣдніе ведутъ себя въ
571 таковыхъ обстоятельствахъ, тѣмъ легче погибаютъ. Даже страхъ сильнѣе дѣйствуетъ на богатыхъ. Трепеща больше другихъ передъ начальниками, они въ такой же мѣрѣ, и даже гораздо еще сильнѣе, боятся и народа, поскольку часто домы богачей становятся жертвою и неистовства черни, и неудовольствія начальниковъ. Напротивъ, бѣдный остается безопаснымъ отъ этихъ волненій. Итакъ, если желаешь показать, что ты благороднаго происхожденія, то, презрѣвъ благородство рода, яви такое же благородство духа, какое имѣлъ тотъ блаженный, хотя и бѣдный, который сказалъ Ироду: *не достоитъ ти имѣти жену Филиппа брата твоего* (Марк. VI, 18); какое имѣлъ тотъ, который былъ до него, и который будетъ послѣ него, такъ обличавшій Ахаава: *не развращаю азъ Израиля, но развѣ ты и домъ отца твоего* (3 Цар. XVIII, 18); какое имѣли пророки и всѣ апостолы. Но не таковы души преданныхъ богатству: подобно тѣмъ, которые находятся подъ властію безчисленныхъ приставниковъ и палачей, онѣ не смѣютъ даже возвести очей своихъ, не смѣютъ свободно дѣйствовать для добродѣтели. Жадность къ деньгамъ, славѣ и другимъ предметамъ, бросая на нихъ суровый взоръ, дѣлаетъ ихъ рабами своими и невольниками. Подлинно, ничто не лишаетъ столько свободы, какъ прилѣпленіе къ вещамъ житейскимъ и пристрастіе ко всему блестящему. Таковой служитъ не одному, не двумъ, не тремъ, а безчисленнымъ господамъ. И если хотите исчислить ихъ, то приведемъ для примѣра одного какого-нибудь знаменитаго царедворца. Пусть онъ обладаетъ безчисленнымъ богатствомъ, пусть облеченъ онъ великою властію, пусть будетъ у него славная родина, знатные предки и пусть обращаетъ онъ на себя взоры всѣхъ. Посмотримъ же, не презрѣннѣе ли этотъ вельможа всѣхъ рабовъ? Противопоставимъ ему не просто раба, но раба, принадлежащаго рабу; вѣдь многіе и слуги имѣютъ рабовъ. Этотъ рабъ раба имѣетъ одного господина,—что нужды, если и не свободнаго? Зато одного, которому только и старается угодить. И пусть онъ знаетъ, что господинъ его также подвластенъ; но все же онъ повинуется только одному, и если хорошо управляетъ его имѣніемъ, то проводитъ жизнь спокойно. Напротивъ, тотъ

имѣетъ не одного, не двоихъ господъ, но многихъ, и гораздо болѣе взыскательныхъ. И прежде всего его тревожитъ мысль о царѣ. Большая разница имѣть владыкою надъ собою какого-либо человѣка незнатнаго, или царя: этотъ послѣдній, слушая навѣты многихъ, оказываетъ свое благоволеніе сегодня однимъ, а завтра другимъ. И хотя онъ ничего не знаетъ за собою, не смотря на то, всѣхъ подозрѣваетъ, и своихъ сподвижниковъ, и подчиненныхъ, и друзей, и враговъ. Но и тотъ, скажутъ, боится господина своего. Но развѣ одно и то же — имѣть одного господина и бояться его, или имѣть многихъ и страшиться ихъ? Мало того; если кто тщательно разсмотритъ дѣло, то найдетъ, что тотъ ни одного не имѣетъ надъ собою господина. Какъ и какимъ образомъ? Онъ не имѣетъ никого, кто бы пожелалъ лишить его такой службы и поставить себя на его мѣсто, а потому не имѣетъ себѣ соперника. Напротивъ, вельможи о томъ только и заботятся, чтобы очернить предъ царемъ того, кому онъ оказываетъ благоволеніе и любовь свою. Потому-то всѣ они и принуждены льстить высшимъ, равнымъ, друзьямъ, потому что гдѣ господствуетъ зависть и жадность къ славѣ, тамъ нѣтъ искренней дружбы. Какъ люди, занимающіеся однимъ и тѣмъ же художествомъ, не могутъ чисто и искренно любить другъ друга, такъ точно и тѣ, которые обладаютъ равнымъ достоинствомъ, и въ вещахъ житейскихъ домогаются одного и того же. Отъ того-то происходитъ между ними сильная борьба. Итакъ, видишь ли цѣлый рядъ владыкъ и владыкъ жестокихъ? Хочешь ли, укажу и нѣчто другое, еще болѣе тягостное, въ ихъ положеніи? Находясь ниже другого, каждый старается возвыситься предъ 572
нимъ; а тѣ, которые возвышены, стараются воспрепятствовать другимъ сравниться съ ними, или превзойти ихъ.

5. Но, о, чудо! Я намѣренъ былъ указать владыкъ; а мое слово увлекло меня до того, что я сказалъ болѣе, нежели сколько былъ намѣренъ: представилъ господъ недругами, или—вѣрнѣе— однихъ и тѣхъ же представилъ и господами и недругами, потому что они пользуются уваженіемъ какъ господа, страшны какъ недруги и злокозненны какъ враги. Если же кому кто и господинъ, и вмѣстѣ недругъ, то что можно представить хуже этого несчастія? Рабъ, хотя находится въ зависимости отъ своего господина, все же пользуется отъ него покровительствомъ и благосклонностью. Напротивъ, ими и повелѣваютъ, и противъ нихъ же враждуютъ; они вооружены другъ противъ друга и больше, чѣмъ на войнѣ, подвержены опасностямъ, поскольку хотятъ скрыть свою вражду, подъ личиною дружбы питаютъ чувства враждебныя, и на развалинахъ счастія другихъ стараются часто

созидать свое собственное. Между нами не такъ бываетъ: если кто несчастливъ, то многіе страдаютъ съ нимъ; а если кто счастливъ, то многіе съ нимъ радуются, какъ говоритъ апостолъ: *аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди, аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди* (1 Кор. XI, 26). Предлагая такія увѣщанія, въ одномъ случаѣ онъ говорилъ: *кто намъ упованіе, или радость, не вы ли* (1 Сол. II, 19)? Въ другомъ: *яко мы нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господѣ* (1 Сол. III, 8). Въ третьемъ: *отъ печали многія и туги сердца написахъ вамъ* (2 Кор. II, 4); или: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю; кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? Итакъ для чего же доселѣ мы кружимся въ вихряхъ и обуреваемся волнами житейскихъ заботъ, а не спѣшимъ къ тихому пристанищу: почему не стремимся къ самымъ вещамъ, оставивъ пустыя имена? Слава и власть, богатство и знатность и тому подобное у нихъ только имена, а у насъ самая вещь; равно какъ и наоборотъ, печаль, смерть и безчестіе, бѣдность и тому подобное для насъ только имена, а для нихъ самое дѣло. Если угодно, приведемъ прежде всего въ примѣръ славу, столь для нихъ любезную и вожделѣнную. Я не говорю уже, что она кратковременна и что скоро исчезаетъ. Нѣтъ, представь ее въ то время, когда она находится въ полномъ блескѣ; не скрывай нарядовъ и прикрасъ любодѣйцы, но выставь ее во всемъ ея украшеніи, и я укажу ея безобразіе. Итакъ, ты конечно укажешь на одежду, на множество ликторовъ, голосъ герольда, покорность толпы, безмолвіе черни, удары встрѣчающимся на пути, и наконецъ всеобщее вниманіе. Развѣ, скажешь, все это не составляетъ блеска? Разсмотримъ, однако, не лишнее ли все это, и не одно ли пустое тщеславіе? Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ лучше становится человѣкъ отъ этого: по душѣ ли, или по тѣлу (вѣдь изъ таковыхъ частей и состоитъ только человѣкъ)? Развѣ онъ отъ этого дѣлается выше, или сильнѣе, или здоровѣе, или быстрѣе? Или онъ пріобрѣтаетъ чувства острѣйшія и проницательнѣйшія? Но этого никто не скажетъ. Равнымъ образомъ, если обратимся къ душѣ, то найдемъ, что и здѣсь не пріобрѣтается никакой выгоды. Что же? Ужели тотъ, предъ кѣмъ такъ раболѣпствуютъ, чрезъ то дѣлается умѣреннѣйшимъ, скромнѣйшимъ, благоразумнѣйшимъ? Нимало! Даже совершенно напротивъ. Здѣсь бываетъ не то, что съ тѣломъ. Тѣло только
573 что ничего не пріобрѣтаетъ отъ почестей въ свою пользу; а здѣсь, напротивъ, не одно только то несчастіе, что душа никакой не получаетъ пользы, но и что она же становится болѣе злою. Она предается отъ этого гордости, тщеславію, безумію, гнѣву и другимъ безчисленнымъ порокамъ. Но,—ты скажешь,— она радуется

здѣсь, ликуетъ, восхищается. Но это-то и верхъ зла, болѣзнь неисцѣльная. Въ самомъ дѣлѣ, кто утѣшается такимъ положеніемъ, тотъ нескоро и захочетъ освободиться отъ узъ зла; его довольство заграждаетъ собою путь къ исцѣленію. Это-то и есть крайнее несчастіе, что онъ, видя умноженіе своихъ болѣзней, не только не печалится, а даже радуется. Не всегда вѣдь радость составляетъ добрый признакъ. Радуется и воръ, когда украдетъ что-либо; и прелюбодѣй, оскверняющій брачное ложе ближняго своего; и любостяжатель, похищающій чужое; и человѣкоубійца, губящій людей. Итакъ, мы не на то должны обращать вниманіе, радуется ли человѣкъ, а на то, о добромъ ли радуется, и должны опасаться, чтобы не найти такой радости, какова у прелюбодѣя или вора. Почему радуется онъ, скажи мнѣ? Потому ли, что, снискавъ славу, онъ въ состояніи гордиться предъ другими и обращать на себя ихъ вниманіе? Но что можетъ быть преступнѣе такого расположенія и такой безумной любви. Если это не зло, то не обвиняйте тщеславныхъ, и не осыпайте ихъ безчисленными укоризнами. Перестаньте проклинать гордыхъ и высокомѣрныхъ. Но вы находите это невозможнымъ. Слѣдова- 574
тельно, и тѣ заслуживаютъ безчисленныхъ порицаній, хотя и окружены безчисленною свитою. Вотъ что я намѣренъ былъ сказать о беззаконныхъ вельможахъ! И дѣйствительно, многихъ изъ нихъ мы найдемъ такихъ, которые, по причинѣ злоупотребленія своей властью, несравненно преступнѣе разбойниковъ, убійцъ, прелюбодѣевъ, гробохранителей. Въ самомъ дѣлѣ, они и похищаютъ безстыднѣе, нежели тѣ, и умерщвляютъ съ большею жестокостію, и предаются наслажденіямъ несравненно постыднѣйшимъ, и, по силѣ власти своей, разоряютъ не стѣны, но имущество и безчисленные домы другихъ; они, предаваясь безпечно страстямъ, страдаютъ подъ игомъ жесточайшаго рабства; терзая нещадно подобныхъ себѣ рабовъ, трепещутъ всякаго, кто знаетъ ихъ ближе. Подлинно, тотъ только свободенъ, тотъ только владыка и могущественнѣе царей, кто не порабощенъ страстямъ. Итакъ, зная это, постараемся снискать истинную свободу и удаляться отъ постыднаго рабства; не будемъ ничего, кромѣ одной добродѣтели, почитать за блаженство: ни ложнаго блеска власти, ни богатства поработительнаго,—и тогда мы будемъ наслаждаться спокойствіемъ въ здѣшней жизни, и въ будущей получимъ блага благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LIX.

573 **Горе міру отъ соблазнъ! Нужда бо есть пріити соблазномъ: обаче горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ (Матѳ. XVIII, 7)!**

1. Если надобно придти соблазнамъ,—скажетъ, можетъ быть, кто-либо изъ противниковъ,—то для чего же Христосъ сожалѣетъ о мірѣ, тогда какъ долженъ бы избавить его отъ соблазновъ и подать руку помощи? Въ этомъ вѣдь состоитъ долгъ врача и ходатая; а сожалѣть и всякій можетъ. Что отвѣчать намъ на столь безстыдныя слова? Можешь ли ты найти что-либо такому равное врачеванію? Будучи Богомъ, Христосъ содѣлался для тебя человѣкомъ, принялъ образъ раба, подвергся всѣмъ поношеніямъ и не оставилъ съ Своей стороны ничего, что нужно было сдѣлать. Но такъ какъ все это людямъ неблагодарнымъ не принесло никакой пользы, то Онъ сожалѣетъ о нихъ,—сожалѣетъ о томъ, что и послѣ такого врачеванія они не избавились отъ своей болѣзни, подобно тому, какъ если бы кто-нибудь, сожалѣя о больномъ, о которомъ прилагали великое стараніе, но который не захотѣлъ повиноваться предписаніямъ врача, сказалъ: горе этому человѣку отъ болѣзни, которую онъ усилилъ собственнымъ своимъ нерадѣніемъ! Но тамъ нѣтъ никакой пользы отъ сожалѣнія; а здѣсь и то служитъ врачествомъ, что Христосъ предсказываетъ будущее и сожалѣетъ о мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, часто отъ совѣтовъ многіе не получали никакой пользы, а отъ сожалѣнія исправлялись. Потому-то особенно Спаситель и сказалъ: *горе міру!*—чтобъ возбудить людей, приготовить ихъ къ подвигамъ и заставить бодрствовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Онъ обнаруживаетъ любовь Свою къ нимъ и кротость—тѣмъ, что и о противящихся сожалѣетъ, не негодуя только, но и исправляя ихъ Своимъ сожалѣніемъ и предсказаніемъ, чтобы обратить ихъ къ Себѣ. Но какъ это возможно?—скажешь ты. Если надобно
574 придти соблазнамъ, то какъ можно избѣжать ихъ? Придти соблазнамъ надобно, но погибать отъ нихъ нѣтъ необходимости. Если бы, напримѣръ, какой-нибудь врачъ сказалъ (ничто не препятствуетъ опять представить тотъ же примѣръ): надобно придти такой-то болѣзни,—изъ этого еще не слѣдуетъ, что эта болѣзнь необходимо должна причинить вредъ человѣку осторожному. Эти слова Спаситель сказалъ, какъ я выше замѣтилъ, для того, чтобы вмѣстѣ съ прочими пробудить отъ усыпленія и учениковъ Своихъ. Чтобы они не предавались усыпленію, какъ

будто бы имъ назначено было вести жизнь покойную и безмятежную, Онъ предсказываетъ о множествѣ предстоящихъ имъ внутреннихъ и внѣшнихъ браней. И Павелъ, указывая на это, сказалъ: *внѣуду брани, внутрьуду боязни, бѣды въ лжебратіи* (2 Кор. VII, 5; XI, 26). Также разсуждая съ ефесскими пастырями въ Милетѣ, говорилъ: *востанутъ нѣцыи отъ васъ глаголющіи развращенная* (Дѣян. XX, 30). И самъ Христосъ сказалъ: *врази человѣку домашніи его* (Матѳ. X, 36).

Когда Христосъ говоритъ о необходимости соблазновъ, то не уничтожаетъ этимъ ни свободнаго произволенія, ни свободы воли, и не подчиняетъ жизнь нашу какой-либо необходимости дѣйствій, но предсказываетъ только то, что непремѣнно должно случиться. То же самое и евангелистъ Лука выражаетъ, говоря: *не возможно есть не пріити соблазномъ* (Лук. XVII, 1). Что же такое соблазны? Препятствія на прямомъ пути. Такъ и въ театрѣ называютъ тѣхъ, которые искусно ставятъ препятствія и ловко перевертываютъ тѣла. Итакъ, не предсказаніе Спасителя причиною соблазновъ; нѣтъ; и не потому соблазны существуютъ, что Спаситель предсказалъ о нихъ; но потому предсказалъ, что они непремѣнно должны были произойти. Если бы люди, отъ которыхъ происходятъ соблазны, рѣшились не дѣлать зла, то соблазны и не пришли бы; а если бы они не имѣли придти, то не были бы и предсказаны. Но такъ какъ люди предались злу и впали въ болѣзнь неисцѣльную, то соблазны пришли, и Спаситель 575
предсказываетъ лишь то, что должно было случиться. А еслибъ они исправились,—скажешь ты,—и никто не сталъ бы вводить соблазновъ, то не оказалось ли бы ложнымъ это предсказаніе? Нимало; его тогда и не было бы. Если бы всѣ люди могли исправиться, то Спаситель и не сказалъ бы: *нужда есть пріити соблазномъ*. Но поелику Онъ предвидѣлъ, что нѣкоторые не захотятъ исправиться, потому и сказалъ, что соблазны непремѣнно придутъ. Но для чего же, спросишь ты, Господь не уничтожилъ ихъ? Для чего же уничтожать ихъ? Для тѣхъ ли, кто получаетъ отъ нихъ вредъ? Но они получаютъ вредъ не отъ соблазновъ, а отъ своего нерадѣнія. Это видно изъ примѣра людей добродѣтельныхъ, которые не только не терпятъ отъ соблазновъ никакого вреда, но еще получаютъ величайшую пользу. Таковъ былъ Іовъ, таковъ Іосифъ, таковы всѣ праведники и апостолы. Если же многіе и погибли, то погибли отъ своей безпечности. Если бы было не такъ, и погибель зависѣла отъ соблазновъ, то надлежало бы всѣмъ погибнуть. Если же есть люди, которые избѣгаютъ соблазновъ, то не избѣгающій ихъ долженъ винить себя самого. Соблазны, какъ я сказалъ, пробуждаютъ людей отъ усы-

пленія, дѣлаютъ ихъ осмотрительными и проницательными, и не только того, кто хранитъ себя отъ нихъ, но и падшаго скоро возстановляютъ; они научаютъ его осторожности и дѣлаютъ неуловимымъ. Итакъ, если мы бываемъ внимательны, но то немалую получаемъ пользу отъ соблазновъ: мы научаемся непрестанно бодрствовать. Если и при такомъ множествѣ враговъ и искушеній мы предаемся усыпленію,—то что было бы съ нами, когда бы мы жили въ безопасности? Посмотри, напримѣръ, на перваго человѣка. Если онъ краткое время, можетъ быть, менѣе одного дня, живя въ раю и наслаждаясь удовольствіями, дошелъ до такого поврежденія, что возмечталъ быть равнымъ Богу, обольстителя счелъ за благодѣтеля и не могъ сохранить одной заповѣди, то чего не сдѣлалъ бы онъ, если бы и послѣ велъ жизнь безбѣдственную?

2. Но, слыша отъ насъ такія слова, противники снова возражаютъ намъ, говоря: для чего же Богъ сотворилъ его таковымъ? Нѣтъ, не Богъ сотворилъ его таковымъ; иначе Онъ и не наказалъ бы его. Если и мы не обвиняемъ рабовъ своихъ за то, въ чемъ сами бываемъ виновны, тѣмъ болѣе не можетъ дѣлать этого Богъ всяческихъ. Отчего же человѣкъ сдѣлался таковымъ? спрашиваешь ты. Отъ самого себя и своей безпечности. Какъ это: отъ самого себя? Спроси себя. Если злые злы не отъ самихъ себя, то не наказывай раба своего, не порицай жены, если она погрѣшитъ въ чемъ, не бей сына, не обвиняй друга, не питай ненависти къ врагу, обижающему тебя: вѣдь всѣ они достойны сожалѣнія, а не наказанія, если ихъ погрѣшности непроизвольны. Но, скажешь, я не могу такъ разсуждать. Нѣтъ, когда ты сознаешь, что они не произвольно, а по необходимости сдѣлались виновными, то можешь разсуждать. Такъ, если рабъ, по причинѣ болѣзни, не исполнитъ твоихъ приказаній, ты не только не обвиняешь его, но и охотно прощаешь. Такимъ образомъ ты самъ свидѣтельствуешь, что иное зависитъ отъ него, а иное не отъ него. Подобнымъ образомъ и здѣсь: если бы первый человѣкъ былъ столько порочен потому, что сотворенъ таковымъ, то ты не только не сталъ бы обвинять, но охотно простилъ бы его. Если ты прощаешь раба по причинѣ болѣзни, то конечно не откажешь въ прощеніи тому, кто сотворенъ отъ Бога наклоннымъ ко злу, если только онъ дѣйствительно сотворенъ былъ таковымъ. Тѣмъ, которые дѣлаютъ подобныя возраженія, легко заградить уста и другимъ образомъ: истина обильна доказательствами. Почему, напр., ты никогда не обвиняешь раба своего за то, что онъ не красивъ лицомъ, не высокъ ростомъ, не умѣетъ летать? По-
576 тому, что это зависитъ отъ природы. Итакъ, что человѣка нельзя

обвинять въ томъ, что зависитъ отъ природы, тому никто не будетъ противорѣчить. Слѣдовательно, когда ты обвиняешь кого, то показываешь этимъ, что его преступленіе зависитъ не отъ природы, а отъ собственной воли. Если мы тѣмъ, что не обвиняемъ другихъ въ преступленіяхъ, показываемъ, что ихъ преступленія зависятъ отъ природы, то очевидно, что если въ чемъ порицаемъ другихъ, этимъ даемъ знать, что ихъ преступленіе зависитъ отъ свободы. Итакъ, не представляй превратныхъ умствованій и хитросплетеній, которыя слабѣе паутинной тенеты, а отвѣчай мнѣ опять на вопросъ: всѣхъ ли людей Богъ сотворилъ? Конечно. Почему же не всѣ равно добродѣтельны и порочны? Откуда добрые, хорошіе, смиренные? Откуда порочные и нечестивые? Если это зависитъ не отъ воли, а отъ природы, то почему одни добродѣтельны, а другіе порочны? Если всѣ отъ природы злы, то никому нельзя было бы быть добрымъ; если жъ отъ природы всѣ добры, то никто не можетъ быть злымъ. Если у всѣхъ людей одинакова природа, то всѣ они, въ силу этого, должны быть одинаковы,— или всѣ добры, или всѣ злы. Если же мы скажемъ, что одни добры отъ природы, а другіе злы (что несправедливо, какъ мы показали), то эти свойства ихъ должны бы быть неизмѣнными, такъ какъ природныя свойства не измѣняются. Напримѣръ, посмотри: всѣ мы смертны, подвержены страстямъ, и никто не можетъ освободиться отъ нихъ, хотя бы употреблялъ тысячу усилій. Между тѣмъ мы видимъ, что многіе изъ добрыхъ дѣлаются злыми и изъ злыхъ—добрыми: одни по нерадѣнію, другіе по великому тщанію; изъ чего особенно и видно, что быть добрымъ или злымъ—не зависитъ отъ природы. Что дано природою, то ни измѣняется, ни пріобрѣтается посредствомъ старанія. Какъ для того, чтобъ видѣть или слышать, намъ не нужно трудиться, такъ и для пріобрѣтенія добродѣтели намъ не было бы нужды употреблять усилія, если бы она дана была въ самой природѣ. Да для чего и Богъ сотворилъ бы злыхъ, когда могъ всѣхъ сотворить добрыми? Итакъ, откуда же зло? Спроси самого себя; мое дѣло только показать, что оно ни отъ природы, ни отъ Бога. Итакъ, скажешь, само собою явилось? Ни въ какомъ случаѣ. Что же, или оно нерожденно? Замолчи, о, человѣкъ! Бѣги отъ такого безумія, и не воздавай злу одинаковой чести съ Богомъ, и притомъ высочайшей. Вѣдь, если зло нерожденно, то значитъ оно могущественно, и нельзя ни отвратить, ни уничтожить его: всякому извѣстно, что нерожденное не можетъ погибнуть.

3. Отчего же такъ много добрыхъ, когда зло имѣетъ такую силу? Какъ рожденные могутъ быть сильнѣе нерожденнаго? Ты

скажешь: Богъ нѣкогда уничтожитъ зло. Но какимъ образомъ Онъ уничтожитъ зло, если оно, подобно Ему, безначально, могущественно и вѣчно?—скажетъ кто-либо? О, злоба діавольская! Сколько она изобрѣла зла! До какого богохульства довела человѣка! Подъ какимъ благочестивымъ предлогомъ измыслила новое нечестивое ученіе! Желая показать, что зло не отъ Бога происходитъ, люди ввели новое нечестивое ученіе, признавъ зло нерожденнымъ. Итакъ, откуда же происходитъ зло? Отъ хотѣнія и нехотѣнія. Но откуда происходитъ самое хотѣніе и нехотѣніе? Отъ насъ самихъ. Предлагать такой вопросъ—значитъ то же, что спрашивать: отчего человѣкъ видитъ, и не видитъ? Если бы я отвѣчалъ тебѣ: оттого, что онъ открываетъ и закрываетъ глаза свои, ты бы снова спросилъ меня: а отчего онъ открываетъ и закрываетъ глаза свои? И потомъ, когда бы я сказалъ тебѣ, что это зависитъ отъ насъ самихъ и отъ нашего хотѣнія, ты бы опять сталъ искать новой причины. Зло не иное что есть, какъ
577 неповиновеніе Богу. Откуда же, скажешь ты, это неповиновеніе произошло въ человѣкѣ? Но скажи мнѣ: трудно ли было произойти ему? Я не говорю того, что трудно; спрашиваю только, отчего человѣкъ захотѣлъ не повиноваться Богу? Отъ безпечности. Имѣя власть повиноваться и не повиноваться Богу, онъ избралъ послѣднее. Если ты и послѣ этого сомнѣваешься и недоумѣваешь, то я предложу тебѣ вопросъ не трудный и не запутанный, но простой и ясный: не случалось ли съ тобою, что иногда ты поступалъ худо, а иногда хорошо? Напримѣръ, побѣждалъ какую-либо страсть и снова подвергался ей, предавался пьянству и удерживался отъ него, гнѣвался и укрощалъ гнѣвъ, презиралъ бѣднаго и не презиралъ его, прелюбодѣйствовалъ и снова дѣлался цѣломудреннымъ? Итакъ, скажи мнѣ: откуда все это? Отчего? Если ты мнѣ не скажешь, то я скажу тебѣ: это оттого, что сперва ты старался (о добродѣтели) и былъ ревностенъ, а потомъ ослабѣлъ и сдѣлался безпеченъ. Людямъ отчаяннымъ и совершенно предавшимся злу, безчувственнымъ и безумнымъ, которые не хотятъ даже и слышать о томъ, что можетъ исправить ихъ, я не буду и говорить о любомудріи; а тѣмъ, которые поступаютъ то такъ, то иначе, скажу съ удовольствіемъ. Ты похитилъ какъ-нибудь имущество тебѣ не принадлежащее, а послѣ, побуждаемый милосердіемъ, удѣлилъ бѣдному и отъ собственныхъ твоихъ благъ: откуда произошла въ тебѣ такая перемѣна? Не очевидно ли, что отъ твоей воли и расположенія? Это такъ очевидно, что всякій легко согласится съ этимъ.

Поэтому прошу васъ быть тщательными и держаться добро-

дѣтели, и тогда вы не будете предлагать подобныхъ вопросовъ. Если мы захотимъ, то зло будетъ существовать только по одному имени. Итакъ, не спрашивай, откуда происходитъ зло, и не предавайся сомнѣнію; но узнавъ, что оно происходитъ отъ одной безпечности, удаляйся его. Если же кто скажетъ тебѣ, что зло не отъ насъ самихъ происходитъ, то когда ты увидишь, что онъ гнѣвается на раба, сердится на жену, обвиняетъ сына и осуждаетъ тѣхъ, которые причиняютъ другимъ обиды, скажи ему: какъ же ты говорилъ, что зло происходитъ не отъ насъ самихъ? Если оно не отъ насъ, то для чего же ты обвиняешь другихъ? Спроси также его: добровольно ли ты порицаешь и поносишь другихъ? Если не добровольно, то никто не долженъ на тебя гнѣваться; если же добровольно, то значитъ, зло происходитъ отъ тебя и отъ твоей безпечности. Далѣе: вѣришь ли ты, что есть люди добрые? Если нѣтъ добрыхъ, то откуда ты взялъ самое это названіе? Откуда твои похвалы? Если же есть добрые, то очевидно, что они могутъ порицать злыхъ. Если же злой дѣлается злымъ не добровольно, и не самъ по себѣ, то несправедливо поступятъ добрые, упрекая злыхъ, и сами сдѣлаются чрезъ то злыми. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть хуже, какъ обвинять невиннаго? Если же добрые, и упрекая злыхъ, остаются добрыми, и это служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ ихъ доброты даже для людей безразсудныхъ, то и отсюда очевидно, что никто никогда не былъ злымъ по необходимости. Если ты и послѣ этого будешь спрашивать, откуда происходитъ зло, то я скажу тебѣ: отъ безпечности, отъ праздности, отъ обращенія съ злыми и отъ презрѣнія къ добродѣтели. Отсюда происходитъ и зло, и то, что нѣкоторые спрашиваютъ, откуда происходитъ зло. Изъ людей добродѣтельныхъ, возлюбившихъ жизнь смиренную и цѣломудренную, никто не спрашиваетъ объ этомъ; одни только дерзающіе дѣлать зло и желающіе посредствомъ этого ученія ввести нѣкоторую пагубную безпечность сплетаютъ паутинныя тенета. Но мы разорвемъ эти паутины не словами только, но и самыми дѣлами. Зло существуетъ не по необходимости. Если бы оно 578
было необходимо, то Христосъ не сказалъ бы: *горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ*. Онъ называетъ несчастными тѣхъ только, которые дѣлаютъ зло по своей волѣ. А что говоритъ: *имже соблазнъ приходитъ*,—то не удивляйся. Эти слова Его означаютъ не то, будто бы посредствомъ этого человѣка другой кто вводитъ соблазнъ, но что онъ самъ все производитъ. Въ Писаніи часто, вмѣсто предлога *отъ*, употребляется предлогъ *чрезъ*, напримѣръ: *стяжахъ человѣка Богомъ* (διὰ τοῦ Θεοῦ, Быт. IV, 1), т. е. первая причина полагается вмѣсто второй. Также: *еда не Богомъ* (διὰ τοῦ Θεοῦ)

изъявленіе ихъ есть (XL, 8)? И еще: *вѣренъ Богъ, Имже* (δι' οὗ) *звани бысте во общеніе Сына Его* (2 Кор. I, 9).

4. А чтобы тебѣ увѣриться, что зло не зависитъ отъ необходимости, послушай, что далѣе говоритъ Господь. Изъявивъ сожалѣніе о тѣхъ, которые вводятъ соблазны, Онъ продолжаетъ: *аще ли рука твоя, или нога твоя соблазняетъ тя, отсѣцы ю, и верзи отъ себе: добрѣйше ти есть внити въ животъ хрому или бѣдну, неже ли двѣ руцѣ, и двѣ нозѣ имущу, ввержену быти въ огнь. И аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е: добрѣйше ти есть со единѣмъ окомъ въ животъ внити, неже двѣ очи имущу ввержену быти въ пещь огненную* (Матѳ. XVIII, 8, 9). Спаситель говоритъ здѣсь не о членахъ тѣла, но о друзьяхъ и о сродникахъ нашихъ, которые составляютъ какъ бы необходимые для насъ члены. Объ этомъ Онъ говорилъ и прежде, и теперь говоритъ. Дѣйствительно, ничто столько не вредно, какъ общеніе съ людьми порочными и развратными. Чего не можетъ произвести необходимость, то часто производитъ дружество—и ко вреду, и къ пользѣ. Вотъ почему Спаситель съ особенною силою и повелѣваетъ намъ удаляться людей вредныхъ, разумѣя подъ ними тѣхъ, которые вводятъ соблазны. Видишь ли, какъ Христосъ предотвратилъ вредъ, могущій произойти отъ соблазновъ? Во-первыхъ, Онъ предсказалъ, что соблазны непремѣнно произойдутъ, чтобы никто не предавался безпечности, но всѣ, ожидая ихъ, бодрствовали; во-вторыхъ, показалъ, что соблазны великое зло (онъ не безъ причины сказалъ: *горе міру отъ соблазнъ*, но чтобы показать великій вредъ, отъ нихъ происходящій); въ-третьихъ,—и еще болѣе,—показалъ это тѣмъ, что назвалъ несчастнымъ того, кто вводитъ соблазны (словами: *горе человѣку тому* Спаситель означаетъ то, что этотъ человѣкъ подвергнется тяжкому наказанію). И не только этими словами, но и присоединеннымъ къ нимъ сравненіемъ увеличиваетъ страхъ. Но не довольствуясь этимъ, Онъ показываетъ и путь, которымъ можно избѣжать соблазновъ. Какой же это путь? Прекрати, говоритъ Онъ, дружество съ людьми нечестивыми, хотя бы они были для тебя весьма любезны, и представляетъ тебѣ на это неопровержимое доказательство. Если, говоритъ, они пребудутъ твоими друзьями, то ты и имъ не принесешь пользы и себя погубишь. Если же прекратишь съ ними дружество, то по крайней мѣрѣ самъ пріобрѣтешь спасеніе. Итакъ, если дружество съ кѣмъ-либо для тебя вредно, удались отъ него. Если мы часто отсѣкаемъ члены тѣла своего, когда они бываютъ больны неизлѣчимо и вредны для прочихъ членовъ, то тѣмъ болѣе должно поступать такъ съ друзьями. Если бы зло зависѣло отъ природы, то излишне было бы все это увѣщаніе и

всякій совѣтъ, излишне было бы и предостереженіе, заключающееся въ вышесказанномъ; если же оно не излишне,—каково и дѣйствительно,— то очевидно, что зло зависитъ отъ воли. *Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (10). Малыми Господь называетъ здѣсь не тѣхъ, которые въ самомъ дѣлѣ малы; но тѣхъ, которыхъ многіе почитаютъ таковыми, то есть бѣдныхъ, презираемыхъ и незнатныхъ. Какъ, въ самомъ 579
дѣлѣ, можно назвать малымъ того, кто дороже цѣлаго міра? Того, кто другъ Богу? Спаситель называетъ малыми тѣхъ, которые были таковы во мнѣніи людей. Онъ не говоритъ — многихъ, но— *единаго*, предотвращая и чрезъ это вредъ отъ многихъ соблазновъ. Какъ удаленіе отъ злыхъ, такъ и почитаніе добрыхъ доставляетъ великую пользу; и человѣкъ внимательный двоякимъ образомъ предохраняетъ себя отъ зла,—удаляясь отъ содружества съ людьми соблазняющими, и отдавая уваженіе и честь мужамъ святымъ. Потомъ еще и другія побужденія представляетъ намъ почитать этихъ мужей, говоря: *яко ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго.* Отсюда очевидно, что всѣ святые имѣютъ на небесахъ ангеловъ. И апостолъ говоритъ о женѣ, что она *должна есть власть имѣти на главѣ ангелъ ради* (1 Кор. xi, 10); и Моисей говоритъ: *постави предѣлы языковъ по числу ангелъ Божіихъ* (Втор. xxxii, 8). Здѣсь не объ ангелахъ только говорится, но и о высшихъ чинахъ ангельскихъ. А говоря, что они *видятъ лице Отца Моего*, не иное что означаетъ, какъ великое ихъ дерзновеніе и великую честь. *Пріиде бо Сынъ человѣческій спасти погибшаго* (11). Вслѣдъ за этимъ представляетъ новое доказательство, сильнѣйшее перваго, и присовокупляетъ притчу, въ которой показываетъ, что и самъ Отецъ желаетъ, чтобы мы не презирали меньшихъ братій своихъ. *Что вамъ мнится*, говоритъ Онъ, *аще будетъ нѣкоему человѣку сто овецъ, и заблудитъ едина отъ нихъ: не оставитъ ли девятьдесять и девять, и шедъ въ горы ищетъ заблуждшую? И аще будетъ обрѣсти ю, радуется о ней паче, нежe о девятидесятихъ и девяти не заблуждшихъ. Тако нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (ст. 12—14). Видишь ли, какъ много побужденій представляетъ намъ Господь, заставляя пещись о низкихъ по состоянію братьяхъ нашихъ? Итакъ, не говори, что такой-то кузнецъ, сапожникъ, земледѣлецъ—человѣкъ глупый и потому достоинъ презрѣнія. Чтобы тебѣ не подвергнуться этому злу, посмотри, какъ многими доказательствами убѣждаетъ тебя Христосъ умѣрять самого себя, и прилагать попеченіе о тѣхъ людяхъ. Онъ поставилъ дитя посреди и сказалъ: *будите яко дѣти*, и: *иже аще пріемлетъ отроча*

таково, Мене пріемлетъ (ст. 5). А кто соблазнитъ, тотъ подвергнется жесточайшему наказанію; и сказавъ: *уне есть ему, да объсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинъ морстьй* (ст. 6), не удовольствовался этимъ, но присовокупилъ еще: *горе человъку тому, имже соблазнъ приходитъ* (ст. 7), и повелѣлъ удаляться таковыхъ, хотя бы они были для насъ вмѣсто рукъ и глазъ. Потомъ и ради ангеловъ, которымъ ввѣрены эти меньшіе братія, заставляетъ насъ почитать ихъ, и собственною волею и страданіемъ побуждаетъ насъ къ тому (потому что когда говоритъ: *пріиде Сынъ человъческій спасти погибшаго,* то указываетъ этимъ на крестъ, какъ и Павелъ говоритъ о братѣ: *за него же Христосъ умре,*—Рим. XIV, 15), и волею Отца, потому что и Ему не угодно, чтобы кто-либо отъ малыхъ погибъ. И наконецъ употребляетъ общее доказательство, что и пастырь, оставивъ сохраненныхъ имъ овецъ, ищетъ погибшей, и когда найдетъ ее, весьма радуется о обрѣтеніи и о спасеніи ея.

є̃. Итакъ, если Богъ столько радуется о обрѣтеніи меньшаго брата, то какъ же ты презираешь тѣхъ, о которыхъ столько печется Богъ, тогда какъ тебѣ должно полагать душу за единаго
580 отъ малыхъ сихъ? „Но онъ немощенъ и бѣденъ!“ Потому-то особенно ты и долженъ дѣлать все, чтобы спасти его. И самъ Господь, оставивши девяносто девять овецъ, пошелъ за одною, и спасеніе такого множества овецъ не могло сокрыть отъ него погибели одной. Евангелистъ Лука говоритъ, что Онъ взялъ ее даже на плеча Свои, и что на небѣ болѣе бываетъ радости о единомъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяносто девяти праведникахъ. Оставивъ незаблудившихся овецъ для одной заблудившейся, и возрадовавшись о ея обрѣтеніи болѣе, нежели о сохраненіи тѣхъ, Онъ показалъ чрезъ то великое попеченіе о ней. Итакъ, не будемъ презирать таковыхъ душъ. Для того вѣдь все это намъ и сказано. Угрожая тѣмъ, которые не будутъ подобны дѣтямъ, совершеннымъ отлученіемъ отъ царствія небеснаго и упоминая о жерновѣ, Спаситель низлагаетъ этимъ гордость людей высокомѣрныхъ, такъ какъ ничто столько не противно любви, какъ гордость. Говоря: *нужда есть пріити соблазномъ*, возбуждаетъ насъ къ бодрствованію; присовокупляя къ этимъ словамъ: *горе человъку тому, имже соблазнъ приходитъ*, каждаго изъ насъ предостерегаетъ отъ того, чтобы не дѣлать соблазна; повелѣвая удаляться отъ соблазняющихъ, дѣлаетъ для насъ удобнѣйшимъ путь ко спасенію; а запрещая презирать меньшихъ братій,—и не просто запрещая, но съ особенною силою, говоря: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ,* и еще: *яко ангели ихъ видятъ лице Отца Моего,* также: для того и Я пришелъ, и Отецъ Мой хочетъ

того,—содѣлываетъ ревностнѣйшими тѣхъ, которые должны пещись о нихъ.

Видишь ли, какимъ оплотомъ Онъ оградилъ ихъ, и какое прилагаетъ попеченіе о людяхъ презираемыхъ и погибающихъ, угрожая тяжкими бѣдствіями соблазняющимъ ихъ, и обѣщая великія блага тѣмъ, которые служатъ имъ и пекутся о нихъ? Это подтверждаетъ и собственнымъ примѣромъ, и примѣромъ Отца. Будемъ и мы подражать Ему, и не будемъ отказываться для братьевъ нашихъ ни отъ какихъ, повидимому, унизительныхъ и трудныхъ дѣлъ. Но хотя бы намъ надлежало послужить человѣку незнатному и бѣдному, хотя бы это сопряжено было съ великими трудами, хотя бы надлежало перейти для этого горы и стремнины,—все это мы должны переносить для спасенія брата. Богъ столько печется о душѣ, что не пощадилъ и Сына Своего. Потому умоляю васъ, будемъ съ самаго утра, какъ скоро выйдемъ изъ дома своего, стремиться къ одной этой цѣли, и прежде всего будемъ заботиться о томъ, чтобы избавить отъ опасности брата. Я говорю здѣсь не столько объ опасности тѣлесной,—это почти нельзя и назвать опасностію,—сколько о душевной, которой подвергаетъ людей діаволъ. Купецъ для умноженія богатства переплываетъ море, и художникъ для увеличенія своего имущества дѣлаетъ все. Такъ и мы должны заботиться не только о своемъ спасеніи (но и о спасеніи ближнихъ); иначе и сами не получимъ спасенія. Воинъ, который во время сраженія старается только о томъ, чтобы спасти себя самого бѣгствомъ, вмѣстѣ съ собою губитъ и другихъ; напротивъ, мужественный, сражаясь для защиты другихъ, вмѣстѣ съ другими спасаетъ и самого себя. А такъ какъ и наша жизнь есть также война, и притомъ жесточайшая изъ всѣхъ войнъ,—время сраженія и битвы,—
то будемъ вступать въ сраженіе такъ, какъ повелѣлъ Царь нашъ, 581
съ готовностію поражать, убивать и проливать кровь враговъ нашихъ, заботясь о спасеніи всѣхъ, укрѣпляя стоящихъ и поднимая падшихъ. Многіе изъ собратій нашихъ въ этомъ сраженіи лежатъ въ ранахъ, истекаютъ кровію, и нѣтъ человѣка, который бы помогъ имъ; ни народъ, ни священники, ни другой кто, ни покровитель, ни другъ, ни братъ не заботятся о нихъ, но каждый печется только о себѣ самомъ. Чрезъ это-то мы и унижаемъ достоинство своихъ подвиговъ,—потому что величайшее дерзновеніе (къ Богу) и похвала принадлежитъ тому, кто печется не о своей пользѣ. Оттого-то мы бываемъ слабы и удобно побѣждаемся какъ отъ людей, такъ и отъ діавола, что ищемъ только своего, и не укрѣпляемъ другъ друга, не ограждаемъ любовію о Богѣ, но отыскиваемъ иные случаи для дружества: одни въ родствѣ, другіе

въ товариществѣ, третьи въ знакомствѣ, иные въ сосѣдствѣ,—и всякія другія узы гораздо болѣе утверждають насъ въ дружествѣ, нежели благочестіе, тогда какъ оно одно должно связывать насъ узами дружества. Но съ нами происходитъ противное. Порой мы охотнѣе вступаемъ въ дружбу съ іудеями и эллинами, нежели съ сынами Церкви.

6. Но одинъ, говоришь ты, золъ, а другой добръ и кротокъ. Что ты говоришь? Ты называешь злымъ брата своего—того, которому тебѣ запрещено говорить: *рака?* И ты не стыдишься, не краснѣешь, понося брата, который есть членъ твой, который участвуетъ въ одномъ съ тобою рожденіи, и пріобщается одной трапезы? Если братъ твой по плоти учинитъ безчисленное множество золъ, ты стараешься прикрыть его, и его безчестіе почитаешь собственнымъ безчестіемъ; а брата духовнаго, котораго бы надлежало тебѣ защищать отъ клеветы, ты всячески поносишь? Онъ золъ и несносенъ, говоришь ты. Но потому-то ты и долженъ сдѣлаться его другомъ, чтобы онъ пересталъ быть таковымъ, перемѣнился и обратился къ добродѣтели. Но ты говоришь: онъ не повинуется и не принимаетъ совѣтовъ. Откуда ты знаешь это? Увѣщевалъ ли ты его, и старался ли исправить? Ты скажешь: я много разъ увѣщевалъ его. А сколько? Два раза? И это значитъ много! Если бы ты всю жизнь дѣлалъ это, и тогда не долженъ ослабѣвать и отказываться отъ этого дѣла. Не видишь ли ты, какъ Богъ непрестанно увѣщеваетъ насъ чрезъ пророковъ, апостоловъ, евангелистовъ? Чтожъ, мы все исполняемъ, всему повинуемся? Нѣтъ. Но пересталъ ли Онъ увѣщевать насъ? Умолкъ ли? Не говоритъ ли напротивъ каждый день: *не можете Богу работати и мамонѣ* (Лук. xvi, 13),—и, между тѣмъ, страсть къ богатству и жестокость возрастаетъ у многихъ? Не каждый ли день Онъ взываетъ къ намъ: „отпустите—и отпустится вамъ“ (Матѳ. vi, 14), и мы еще болѣе ожесточаемся? Не увѣщеваетъ ли Онъ насъ непрестанно господствовать надъ похотію и побѣждать порочныя удовольствія, и между тѣмъ многіе, хуже свиней, валяются въ этомъ грѣхѣ? И все же Онъ не перестаетъ увѣщевать насъ. Итакъ, почему же мы не размышляемъ и не говоримъ самимъ себѣ, что и насъ Богъ увѣщеваетъ и не перестаетъ увѣщевать, хотя мы часто не повинуемся Его увѣщаніямъ? Потому-то Онъ говорилъ, что мало спасаемыхъ (Лук. xiii, 23). Если намъ для спасенія недостаточно одной собственной добродѣтели, но должно оставить эту жизнь, обративъ къ добродѣтели и другихъ, то что мы должны будемъ претерпѣть, когда ни самихъ себя, ни другихъ не приведемъ ко спасенію? За что можемъ надѣяться получить спасеніе? Но что я обвиняю за нерадѣніе о спасеніи

ближнихъ, когда мы нимало не печемся и о тѣхъ, которые живутъ вмѣстѣ съ нами, т. е. о женѣ, дѣтяхъ и рабахъ, но, подобно 582
пьянымъ, дѣлаемъ не то, что должно,—заботимся о томъ, чтобы у насъ было больше рабовъ и чтобы они служили намъ съ великою ревностію, чтобы оставить дѣтямъ своимъ богатое наслѣдство, чтобы жена носила золотыя украшенія и драгоцѣнныя одежды,—и никогда не печемся о нихъ самихъ, но только объ ихъ имуществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не о женѣ печемся, а о вещахъ, ее украшающихъ, и не о дѣтяхъ, а объ ихъ имѣніи, и поступаемъ подобно человѣку, который, видя, что домъ его обветшалъ и стѣны готовы разрушиться, вмѣсто того чтобъ поддержать ихъ, обноситъ кругомъ его большую ограду; или подобно тому, кто, не заботясь о исцѣленіи своего больного тѣла, готовитъ для него дорогія одежды; или, во время болѣзни госпожи, заботится о рабыняхъ, объ ихъ занятіи, о сосудахъ и о прочихъ домашнихъ принадлежностяхъ, оставивъ ее страдать и плакать. Такъ и мы поступаемъ. Тогда какъ душа наша страдаетъ отъ жестокой болѣзни, предается гнѣву, злословію, безразсуднымъ желаніямъ, тщеславію, возмущенію, прилѣплена къ землѣ и терзается столь многими звѣрями, мы, не заботясь объ избавленіи ея отъ страстей, печемся о домѣ и о рабахъ. Если откуда тайно убѣжитъ медвѣдица, то мы запираемъ домы, прячемся, чтобы не встрѣтиться съ нею; а тутъ, несмотря на то, что не одинъ звѣрь, но множество ихъ, т. е. нечистые помыслы, терзаютъ душу нашу, мы даже и не чувствуемъ ихъ. Живя въ городѣ, мы весьма строго смотримъ за звѣрями, заключаемъ ихъ въ мѣстахъ безлюдныхъ и въ пещерахъ, и держимъ ихъ на цѣпи не на городской площади, или около судилища и царскихъ чертоговъ, но гдѣ-нибудь въ отдаленіи. А въ душу—это мѣсто совѣта, эти царскіе чертоги, это судилище—вторгаются звѣри и производятъ крикъ и шумъ около самаго ума и престола царскаго. Отъ того-то все и приходитъ въ безпорядокъ, повсюду возмущеніе, и внутри, и внѣ насъ, и каждый изъ насъ весьма похожъ на городъ, который привели въ возмущеніе нашедшіе на него варвары. Съ нами бываетъ то же, что съ птичками, когда змѣй займетъ гнѣздо ихъ. Издавая жалобный пискъ, они всюду летаютъ въ страхѣ и смятеніи, не зная, какъ освободиться отъ опасности.

7. Потому умоляю васъ, истребимъ змія, заключимъ звѣрей, умертвимъ ихъ и отсѣчемъ лукавые помыслы мечемъ духовнымъ, чтобы и намъ не угрожалъ пророкъ тѣмъ же, чѣмъ угрожалъ землѣ іудейской: *онокентавры тамо вселятся, и ежеве и зміи* (Ис. XIII, 22). Подлинно, и люди бываютъ хуже онокентавровъ. Они

необузданны какъ звѣри, живущіе въ пустынѣ. Таковы бываютъ по большей части юноши. Преданные свирѣпымъ страстямъ, они скачутъ и прыгаютъ, необузданно носясь всюду и нимало не заботясь о должномъ. А виноваты въ этомъ ихъ отцы. Своихъ конюховъ они заставляютъ укрощать лошадей съ великимъ тщаніемъ, и не позволяютъ долгое время молодымъ конямъ оставаться неукрощенными, но въ самомъ началѣ обуздываютъ ихъ и всѣ другія средства употребляютъ для ихъ укрощенія, а на дѣтей своихъ долгое время смотрятъ равнодушно, когда они
583 живутъ необузданно, не имѣя цѣломудрія, безчестятъ себя, предаваясь любодѣянію, играмъ, посѣщая безчестныя зрѣлища,— тогда какъ для предупрежденія любодѣянія надлежало бы соединить сына брачнымъ союзомъ съ женою цѣломудренною и мудрою; она удержитъ мужа отъ безразсуднаго образа жизни и обуздаетъ его. Блудъ и прелюбодѣяніе отъ того и происходятъ, что юношамъ даютъ свободу. Если бы онъ имѣлъ разумную жену, то сталъ бы заботиться о домѣ, о славѣ и чести. Но ты скажешь: онъ еще молодъ. И я знаю это. Но если Исаакъ на сороковомъ году отъ рожденія вступилъ въ супружество, и до того времени хранилъ дѣвство (Быт. xxv, 20), то тѣмъ болѣе въ благодатномъ состояніи юноши должны имѣть эту добродѣтель. Но что мнѣ дѣлать? Вы не только не хотите позаботиться о ихъ цѣломудріи, но смотрите равнодушно, когда они безчестятъ, оскверняютъ себя и предаются различнымъ порокамъ, не зная того, что польза брака зависитъ отъ сохраненія чистоты тѣла, безъ которой нѣтъ никакой пользы отъ брака. А у васъ бываетъ противное. Когда дѣти ваши уже осквернятъ себя безчисленными пороками, тогда соединяете ихъ узами брака; но уже тщетно и напрасно. Но вы говорите: надобно подождать времени, когда сынъ станетъ знаменитымъ и прославитъ себя дѣлами государственными, а о душѣ нимало не печетесь, но равнодушно смотрите на ея паденіе; отъ того-то у насъ во всемъ такое смѣшеніе, разстройство и безпорядокъ, что мы не заботимся о душѣ, пренебрегаемъ необходимымъ, и все попеченіе обращаемъ на дѣла маловажныя. Неужели ты не знаешь, что ты ничѣмъ лучше не можешь облагодѣтельствовать сына своего, какъ сохранивъ его отъ нечистоты блуда? Вѣдь ничего нѣтъ драгоцѣннѣе души: *кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою оттщетитъ* (Матѳ. xvi, 26)? Но любовь къ богатству превратила и ниспровергла все, и истребила истинный страхъ Божій. Какъ тиранъ разрушаетъ крѣпость, такъ и она ниспровергла души людей. Потому-то мы и не печемся ни о спасеніи дѣтей, ни о своемъ собственномъ, заботясь только о томъ, чтобы сдѣлаться

богатыми и оставить богатство своимъ наслѣдникамъ, а тѣ 584
своимъ, и такъ далѣе; и такимъ образомъ мы только передаемъ свое имущество другимъ, а не обладаемъ имъ сами. Вотъ откуда происходитъ безуміе; вотъ отчего люди свободные дѣлаются хуже рабовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы наказываемъ рабовъ, если не для нихъ, то по крайней мѣрѣ для самихъ себя; а свободные не пользуются и такимъ попеченіемъ, и оказываются у насъ хуже даже рабовъ. И что я говорю о рабахъ? Участь дѣтей нашихъ хуже даже скотовъ; объ ослахъ и лошадяхъ мы болѣе заботимся нежели о дѣтяхъ. Если кто имѣетъ лошака, то всячески старается найти лучшаго конюха, который бы былъ честенъ, не воръ, не пьяница, и зналъ свое дѣло. Если же намъ нужно дать наставника сыну, то мы просто, безъ всякаго выбора, беремъ кого случится. А между тѣмъ нѣтъ ничего труднѣе искусства воспитывать. Въ самомъ дѣлѣ, какое искусство сравнится съ искусствомъ образованія души и просвѣщенія ума юноши? Человѣкъ знающій это искусство долженъ быть внимательнѣе всякаго живописца и ваятеля. Но мы объ этомъ нимало не заботимся, а обращаемъ вниманіе только на то, чтобы ученикъ выучился говорить. Да и объ этомъ заботимся только для богатства. Онъ учится говорить не для того, чтобы умѣть хорошо говорить, но чтобы обогащаться, такъ что если бы, и не умѣя говорить, можно было пріобрѣтать богатство, то мы не стали бы заботиться и объ этомъ. Видишь ли, какую силу имѣетъ надъ нами страсть къ деньгамъ? Какъ она все покорила подъ власть свою и связала насъ, точно невольниковъ и скотовъ, и влечетъ куда хочетъ? Но что намъ пользы отъ таковыхъ обличеній? Мы вооружаемся противъ этой страсти словами, а она побѣждаетъ насъ дѣлами. Впрочемъ не перестанемъ хоть и такъ—словами устъ нашихъ—поражать ее. Если отъ этого будетъ какая польза, то она будетъ простираться и на насъ, и на васъ. Если же вы не оставите прежнихъ пороковъ, по крайней мѣрѣ мы съ своей стороны сдѣлали все. Богъ же и васъ да освободитъ отъ этой болѣзни, и намъ да подастъ случай пріобрѣсть похвалу чрезъ васъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LX.

Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди, обличи его 583-584
между тобою и тѣмъ единѣмъ: аще тебе послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего (Матѳ. XVIII, 15).

1. Такъ какъ Спаситель произнесъ строгое обличеніе противъ соблазнителей и поразилъ ихъ страхомъ, то чтобы, въ виду

этого обличенія, въ свою очередь и соблазняемые не впали въ безпечность и, все почитая не до нихъ касающимся, по ложной надеждѣ, что все имъ должно служить, не впали въ безумную гордость,—смотри, какъ Онъ и ихъ воздерживаетъ. Онъ повелѣваетъ ихъ обличать, но обличать только наединѣ, чтобы обличеніе въ присутствіи многихъ свидѣтелей не показалось слишкомъ тяжкимъ и обличаемый, вмѣсто того, чтобы исправиться, не сдѣлался еще наглѣе. Потому и говоритъ: *обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ: аще послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего.* Что же это значитъ: *аще послушаетъ?* Если осудитъ самого себя, если сознается въ своемъ грѣхѣ. *Пріобрѣлъ еси брата твоего.* Не сказалъ: ты достаточно отмстилъ ему, но: *пріобрѣлъ брата твоего,*— показывая, что отъ вражды происходитъ вредъ тому и другому. Не сказалъ: онъ получилъ пользу только для себя; но: и ты съ своей стороны пріобрѣлъ его. А этимъ показалъ, что и тотъ, и другой прежде того много теряли,—одинъ терялъ брата, а другой—собственное спасеніе. Тому же училъ Онъ и тогда, когда сидѣлъ на горѣ: то оскорбившаго Онъ посылалъ къ оскорбленному, и говорилъ: если ты, предстоя алтарю, *ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, шедъ прежде примирися съ братомъ твоимъ* (Матѳ. v, 23); то оскорбленному повелѣвалъ простить ближняго: *остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. vi, 12),—такъ Онъ училъ говорить въ молитвѣ. Здѣсь же употребляетъ и другой способъ: не оскорбившаго посылаетъ Онъ къ оскорбленному, а послѣдняго къ первому. Такъ какъ оскорбившій, отъ стыда, не охотно бы пошелъ просить прощенія, то онъ посылаетъ къ нему оскорбленнаго, и посылаетъ его съ тѣмъ именно намѣреніемъ, чтобы исправить происшедшее между ними разстройство, и не говоритъ: обвини, или укори, или потребуй на него суда и наказанія; но только—обличи. Оскорбившій тебя, отъ гнѣва и стыда, находится какъ бы въ усыпленіи; а ты, здоровый, и долженъ придти къ больному, и для того, чтобы врачество твое скорѣе могло быть принято, ты долженъ производить судъ не публично. Слово: *обличи* не другое что значитъ здѣсь, какъ: напомни ему о грѣхѣ, и скажи
585 ему о томъ, что̀ ты отъ него претерпѣлъ. Если это будетъ сдѣлано какъ должно, то ты сдѣлаешь два дѣла: и себя будешь оправдывать, и другого склонять къ примиренію. Но что, если онъ не послушаетъ и будетъ упорствовать? *Поими съ собою еще единаго или два, да при устѣхъ двою свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (Матѳ. xviii, 16). Чѣмъ онъ будетъ безстыднѣе и дерзновеннѣе, тѣмъ болѣе намъ должно прибѣгать къ врачеству, а не къ гнѣву и негодованію. И врачъ, видя, что болѣзнь не прекращается, не

оставляетъ больного и не гнѣвается на него, но тѣмъ болѣе прилагаетъ попеченіе. То же самое и здѣсь повелѣваетъ дѣлать Спаситель. Ты былъ слабъ, когда былъ одинъ; будь сильнѣе при помощи другихъ. Двое могутъ обличить согрѣшившаго. Видишь ли, какъ Спаситель ищетъ пользы не оскорбленнаго только, но и оскорбившаго? Обиженъ собственно тотъ, кто объятъ страстію; онъ и боленъ, и слабъ, и немощенъ. Потому-то Спаситель и посылаетъ къ нему оскорбленнаго, то одного, то съ другими. Если же и тогда онъ будетъ упорствовать, то посылаетъ вмѣстѣ съ Церковію: *повѣждь*, говоритъ, *Церкви* (ст. 17). Если бы Онъ искалъ только пользы оскорбленнаго, то не повелѣлъ бы кающагося прощать до седмижды седмидесяти разъ и не указалъ бы столько врачей для его болѣзни, но разъ онъ остается упорнымъ послѣ перваго обличенія, и приказалъ бы его оставить; напротивъ, Онъ повелѣваетъ врачевать его однажды, и дважды, и трижды, и то одному, то съ двоими, то, наконецъ, со многими. Когда дѣло касалось однихъ внѣшнихъ, то Онъ тамъ ничего такого не заповѣдывалъ, а говорилъ: *иже тя кто ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. v, 39), а здѣсь не такъ. Тому же самому и Павелъ научаетъ, говоря: *что ми судити внѣшнихъ* (1 Кор. v, 12)? И тотъ же Павелъ повелѣваетъ и обличать, и обращать братьевъ, а непокорныхъ отсѣкать, дабы устыдились. И Спаситель здѣсь то же дѣлаетъ, когда предписываетъ такое правило касательно братьевъ; троихъ даетъ оскорбившему учителей и судей, которые бы вразумили его въ томъ, что сдѣлалъ онъ во время своего опьяненія. Хотя онъ и самъ говорилъ и дѣлалъ всѣ непристойности, но имѣетъ нужду въ постороннемъ вразумленіи, какъ и пьяный. Гнѣвъ и грѣхъ приводятъ человѣка въ сильнѣйшее изступленіе, нежели всякое пьянство. Кто былъ мудрѣе Давида? Но и онъ, когда согрѣшилъ, ничего не чувствовалъ, похоть овладѣла всѣмъ его разсудкомъ и, подобно дыму, наполнила его душу. Потому-то онъ и имѣлъ нужду въ свѣтильникѣ пророческомъ и въ тѣхъ словахъ, которыя бы привели ему на память то, что онъ сдѣлалъ. Потому-то и здѣсь Спаситель приводитъ къ согрѣшившему такихъ людей, которые бы разсказали ему о его поступкѣ.

2. А почему повелѣваетъ обличать оскорбленному, а не кому-либо другому? Потому что оскорбившій можетъ удобнѣе перенесть обличеніе отъ него, какъ отъ обиженнаго, оскорбленнаго и потерпѣвшаго вредъ. Не все равно слышать обличеніе отъ другихъ, которые вступаются за обиженнаго, и отъ самого обиженнаго,—особенно когда обличителемъ бываетъ только онъ одинъ. Въ самомъ дѣлѣ, если тотъ, кто имѣлъ бы право требо-

вать отъ него удовлетворенія за обиду, появляется предъ оскорбившимъ съ заботами о спасеніи его,—тогда скорѣе всѣхъ можетъ привести его въ стыдъ. Видишь ли, что обличеніе здѣсь
589 дѣлается не съ тѣмъ, чтобы обидѣть, но чтобы исправить. Съ тою же цѣлію и двоихъ повелѣваетъ Спаситель брать для обличенія не вдругъ, а когда самъ обиженный уже не будетъ имѣть успѣха; да и тогда не повелѣваетъ обличать вдругъ многимъ, но повелѣваетъ взять только двоихъ, или одного; а когда обличаемый презритъ и этихъ, тогда предоставляетъ его суду Церкви. Такимъ образомъ Спаситель великое прилагаетъ попеченіе о томъ, чтобы о грѣхахъ ближняго не было разглашаемо. Хотя право повѣдать Церкви Онъ могъ бы предоставить обиженному въ самомъ началѣ, но чтобы грѣхъ не разглашался, Онъ повелѣваетъ дѣлать это уже послѣ одного и двухъ обличеній. А что значитъ: *при устѣхъ двою, или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ?* Это значитъ, что ты съ своей стороны сдѣлалъ все, и не опустилъ ничего, что тебѣ надлежало сдѣлать. *Аще же и сихъ не послушаетъ, повѣждь Церкви*, то есть, ея представителямъ; *аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь*. Таковой неизлѣчимо боленъ. Вспомни, что Онъ вездѣ мытаря представляетъ въ примѣръ самаго тяжкаго грѣшника. И выше сказалъ Онъ: *не и мытари ли тожде творятъ* (Матѳ. v, 6)? И еще въ другомъ мѣстѣ: *мытари и любодѣйцы варяютъ вы въ царствіи Божіи* (Матѳ. XXI, 31),—т. е. люди самые презрѣнные. (Пусть слушаютъ тѣ, которые ищутъ неправедныхъ ростовъ, и требуютъ процентовъ на проценты!). Почему же Онъ поставилъ человѣка, преслушавшаго Церковь, въ ряду съ мытарями? Въ намѣреніи утѣшить обиженнаго и устрашить того. Но въ этомъ ли только наказаніе? Нѣтъ; но послушай далѣе: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси* (ст. 17). Онъ не говоритъ предстоятелю Церкви: свяжи его; но: если и ты свяжешь (все дѣло предоставляется оскорбленному),—то узы будутъ также неразрѣшимы. Итакъ, онъ подвергнется крайнему несчастію; но не тотъ виноватъ, кто связываетъ, а тотъ, кто не хочетъ покоряться. Смотри, какимъ бѣдамъ онъ подвергаетъ упорнаго: и здѣшнему наказанію, и будущему мученію! А этимъ онъ угрожаетъ не для того, чтобы такъ и случилось, но чтобы устрашенный угрозою, т. е. и отсѣченіемъ отъ Церкви, и опасностію быть связану на небесахъ, сталъ кротче и, зная то, если не въ началѣ, то по крайней мѣрѣ послѣ многихъ осужденій, оставилъ гнѣвъ. Такъ Спаситель установилъ первый и второй и третій судъ, а не вдругъ отвергъ грѣшника,—чтобы если онъ не послушаетъ перваго суда, то покорился бы второму, а если презритъ и этотъ, то устрашился бы

третьяго, если же не уважитъ и послѣдняго, ужаснулся бы будущаго наказанія,—опредѣленія и суда Божія.

Паки же глаголю вамъ, яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будетъ има отъ Отца Моего, иже на небесѣхъ (ст. 19). *Идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (ст. 29). Смотри, какъ еще Онъ разрушаетъ вражду, истребляетъ мелкіе расчеты и миритъ враждующихъ,—не возвѣщеніемъ только казни, но и представленіемъ благъ, отъ любви проистекающихъ. Послѣ вышесказанныхъ угрозъ противъ вражды, Онъ возвѣщаетъ великія награды за согласіе. Единодушные преклоняютъ Отца на то, чего просятъ, и Христосъ пребываетъ среди 587
ихъ. Но что же? Ужели нѣтъ нигдѣ и двухъ, между собою согласно живущихъ? Есть, конечно, во многихъ мѣстахъ, а можетъ быть, и вездѣ. Почему же они не все получаютъ? Потому, что есть много причинъ другихъ, которыя препятствуютъ получать. Не получаютъ напримѣръ потому, что часто просятъ безполезнаго. И чему же дивиться, если такъ бываетъ съ другими, когда то же самое испыталъ и Павелъ: *довлѣетъ ти*,—сказано ему,— *благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9)? Не получаютъ потому, что недостойны того, чтобы слушали ихъ, не дѣлая съ своей стороны того, что отъ нихъ требуется; а Спаситель ищетъ такихъ молящихся, которые бы уподоблялись апостоламъ, почему и говоритъ: (два) *отъ васъ*, т. е. добродѣтельные и ведущіе жизнь ангельскую. Или потому, что приносятъ молитвы противъ оскорбившихъ, требуя имъ отмщенія и наказанія, что запрещено, именно говорится: *молитеся за враги ваша* (Матѳ. V, 44). Или потому, что просятъ милости грѣшники нераскаянные, а имъ получить невозможно, хотя бы не только они сами просили, но и даже другой, имѣющій дерзновеніе къ Богу, ходатайствовалъ за нихъ. И Іеремія, молившійся за іудеевъ, услышалъ въ отвѣтъ: *ты не молися о людехъ сихъ, не услышу бо тебя* (Іер. XI, 14). Если же всѣ эти требованія исполнены, то есть: если ты и полезнаго просишь, и дѣлаешь все, что отъ тебя требуется, и жизнь ведешь апостольскую, и съ ближними находишься въ согласіи и любви,—то получишь по своей молитвѣ, потому что Господь человѣколюбивъ.

3. Далѣе, такъ какъ Спаситель сказалъ: *отъ Отца Моего*, то, чтобы показать, что и Онъ самъ есть податель, а не одинъ Отецъ, присовокупилъ: *идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (ст. 50). Итакъ, что же? Неужели не случается, чтобы двое или трое собрались во имя Его? Случается, но рѣдко. Христосъ не просто говоритъ о собраніи, и не его только требуетъ, но главнымъ образомъ, какъ я и выше сказалъ,

вмѣстѣ съ тѣмъ другой добродѣтели; а потомъ уже и этого также непремѣнно требуетъ. Слова Его имѣютъ такой смыслъ: если кто поставляетъ Меня за первое основаніе любви къ ближнему, и если притомъ имѣетъ другія добродѣтели, съ тѣмъ Я буду находиться вмѣстѣ. Но мы видимъ, что многіе имѣютъ другія побужденія къ любви: одинъ любитъ потому, что его самого любятъ; другой потому, что его уважаютъ; иной потому, что ближній въ нѣкоторомъ житейскомъ дѣлѣ былъ для него полезенъ; а четвертый почему-нибудь другому. Но трудно найти такого, который бы любилъ ближняго искренно и какъ дожно—для Христа. Большинство соединены другъ съ другомъ только житейскими дѣлами. Павелъ не такъ любилъ: онъ любилъ для Христа; потому-то, хотя и не былъ любимъ такъ, какъ самъ любилъ, однако не ослаблялъ любви своей, а далъ ей укорениться въ себѣ. Не такова нынѣшняя любовь. Если мы изслѣдуемъ всѣ причины любви, то найдемъ, что у большинства онѣ отличаются
588 отъ указанной. И если бы кто позволилъ мнѣ въ этомъ многолюдномъ собраніи учинить такое изслѣдованіе, то я показалъ бы, что весьма многіе соединены между собою житейскими видами. Это открывается изъ причинъ, производящихъ вражду. Такъ какъ они соединены между собою преходящими выгодами, то поэтому любовь ихъ не имѣетъ ни пламенности, ни постоянства; напротивъ, каждая обида, или потеря денегъ, или зависть, или любовь къ тщеславію, или другое что подобное легко разрушаетъ ихъ любовь, не имѣющую духовнаго корня. Если бы былъ такой корень, то ничто бы житейское не могло разрушить духовнаго. Любовь, имѣющая основаніемъ Христа, тверда, постоянна, непобѣдима; расторгнуть ее не можетъ ничто,—ни клеветы, ни опасности, ни смерть, ни другое что-либо подобное. Кто такимъ образомъ любитъ, хотя бы претерпѣвалъ тысячу пораженій за свою любовь, не оставитъ ея. Кто любитъ за то, что его любятъ, тотъ, случись съ нимъ непріятность, прерветъ любовь свою; а кто соединенъ тою любовію, никогда не оставитъ ея. Потому и Павелъ сказалъ: *любы николиже отпадаетъ* (1 Кор. хш, 8). Что ты скажешь мнѣ въ защиту свою? Что тебя обидѣлъ тотъ, который былъ почтенъ тобою? Или что облагодѣтельствованный тобою хотѣлъ убить тебя? Но если ты любишь для Христа, то и это самое располагаетъ тебя къ большей любви. Что у другихъ служитъ къ разрушенію любви, здѣсь то же самое служитъ къ утвержденію ея. Почему же? Во-первыхъ, потому, что таковой бываетъ для тебя виновникомъ наградъ; во-вторыхъ, потому, что онъ имѣетъ нужду въ большей помощи и заботливости о немъ. Вотъ почему, кто такъ любитъ, тотъ не разбираетъ ни рода, ни

отечества, ни богатства, ни взаимной любви къ себѣ, ни другого чего-либо подобнаго. Но хотя бы его ненавидѣли, обижали, умерщвляли, не перестаетъ любить, имѣя достаточную причину къ любви — Христа. На Него неуклонно взирая, онъ пребываетъ твердъ и неизмѣненъ. И Христосъ такимъ же образомъ любилъ враговъ, неблагодарныхъ, обидчиковъ, поносителей, ненавистниковъ, не хотѣвшихъ и смотрѣть на Него, предпочитавшихъ Ему даже дерево и камни,—любилъ ихъ высочайшею любовію, которой нельзя найти подобной. Онъ говоритъ: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. xv, 13). Смотри, какъ онъ заботится и о тѣхъ, которые распяли Его, и которые столько оказали неистовства надъ Нимъ! Такъ говорилъ Онъ объ нихъ къ Отцу: *отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. xxiii, 34)! И впослѣдствіи послалъ еще къ нимъ учениковъ. Итакъ, поревнуемъ и мы этой любви, и будемъ взирать на нее, чтобы, сдѣлавшись подражателями Христу, удостоиться и здѣшнихъ, и будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXI.

Тогда приступль къ Нему Петръ, рече: Господи, кольтраты согрѣшитъ въ мя братъ мой, и отпущу ему? До седмь кратъ? Глагола ему Іисусъ: не глаголю тебѣ, до седмь кратъ, но до седмьдесятъ кратъ седмерицею (Матѳ. xviii, 21, 22). 587-588

1. Петръ думалъ, что говоритъ нѣчто великое, почему, какъ бы желая похвалиться любовію къ ближнему, заключилъ вопросъ свой словами: *до седмь кратъ?* Ты повелѣлъ,—говоритъ онъ Іисусу,—прощать обиды ближнему; сколько же разъ я долженъ дѣлать это? Если, напр., ближній часто будетъ погрѣшать и, по обличеніи, всегда будетъ раскаиваться,—то сколько разъ Ты повелишь намъ прощать его? Того, кто не раскаивается и не осуждаетъ себя за грѣхъ, Ты повелѣлъ, по троекратномъ обличеніи, оставить, сказавъ: *буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь*; а для раскаивающагося не положилъ никакого предѣла, но велѣлъ принимать его. Итакъ, сколько же разъ должно прощать 589
его, когда онъ по обличеніи раскаивается? Довольно ли семи разъ? Чтожъ отвѣчаетъ Христосъ, человѣколюбивый и благій Богъ? *Не глаголю тебѣ до седмь кратъ, но до седмьдесятъ кратъ седмерицею.* Число седмьдесятъ кратъ седмерицею берется здѣсь неопредѣленно, и означаетъ непрерывную или всегдашнюю обязанность.

Какъ выраженіе: тысячу разъ употребляется для означенія множества, такъ и настоящее выраженіе. Напр. и въ словахъ: *неплоди роди седмь* (1 Цар. II, 5), подъ словомъ *седмь* Священное Писаніе разумѣетъ множество. Такимъ образомъ Христосъ не опредѣлилъ числа, сколько разъ мы должны прощать ближнему, но показалъ, что это постоянная и всегдашняя наша обязанность. То же самое объяснилъ Онъ и въ слѣдующей далѣе притчѣ. Чтобы повелѣніе, заключающееся въ словахъ: *до седмьдесять кратъ седмерицею* не показалось кому-либо великимъ и труднымъ, Онъ присоединилъ эту притчу, въ которой разъясняетъ смыслъ предыдущихъ словъ, посрамляетъ того, кто бы сталъ гордиться прощеніемъ обидъ, и вмѣстѣ показываетъ, что таковое повелѣніе не трудно, а напротивъ весьма легко. Потому-то Онъ представилъ въ ней человѣколюбіе Свое, чтобы ты отсюда позналъ, что, хотя бы седмижды семьдесятъ разъ прощалъ ближнему, хотя бы всѣ вообще его прегрѣшенія всегда оставлялъ,—и тогда твое человѣколюбіе будетъ столь же далеко отъ безконечной божественной благости, которая для тебя нужна на будущемъ судѣ при требованіи отъ тебя отчета, сколько капля воды отъ безпредѣльнаго моря даже еще болѣе. Вотъ слова Христа: *уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже восхотѣ стязатися о словеси съ рабы своими* (ст. 23). *Начениу же ему стязатися приведоша ему единаго должника тмою талантъ* (ст. 24). *Не имущу же ему воздати, повелѣ и господь его продати, и жену его, и чада, и вся елика имѣяше* (ст. 25). Потомъ, когда этотъ должникъ, помилованный господиномъ, вышедши, сталъ душить своего товарища, должнаго ему сто динаріевъ, и тѣмъ разгнѣвалъ господина, то послѣдній приказалъ снова ввергнуть его въ темницу, пока не отдастъ всего. Вотъ какъ велико различіе между грѣхами противъ Бога и грѣхами противъ человѣка! Такъ же велико, какъ между десятью тысячами талантовъ и сотнею динаріевъ, и даже еще болѣе. Причина этого заключается какъ въ различіи лицъ, такъ и въ непрерывномъ повтореніи грѣховъ. На глазахъ человѣка мы удерживаемся и опасаемся грѣшить; а Бога, хотя Онъ каждодневно на насъ смотритъ, не стыдимся,—напротивъ, и дѣлаемъ все, и говоримъ обо всемъ безбоязненно. И не отъ этого только зависитъ важность грѣховъ, но еще и отъ благодѣяній и той чести, которою мы почтены отъ Бога. И если вы желаете знать, что значитъ *тма*,—и даже гораздо болѣе—*талантовъ*, т. е. грѣховъ къ Богу, то я постараюсь показать это вкратцѣ. Но я опасаюсь, чтобы чрезъ это или не подать большаго повода ко грѣху тѣмъ, которые склонны къ беззаконію и любятъ непрестанно грѣшить, или не ввергнуть въ отчаяніе малодушныхъ, которые, подобно апостоламъ, могутъ

быть, спросятъ: *кто же можетъ спасенъ быти* (Лук. XVIII, 26)? Однакожъ скажу, чтобы внимательныхъ сдѣлать болѣе твердыми и благодушными. Страждующіе неизлѣчимою болѣзнію и не чувствующіе ея и без моихъ словъ не оставятъ своего нечестія и нерадѣнія. Если же мои слова подадутъ имъ большій поводъ къ безпечности, причина будетъ заключаться не въ нихъ, а въ самой ихъ безчувственности. По крайней мѣрѣ, поученіе мое внимательныхъ можетъ обуздать и довесть до сердечнаго сокрушенія, а мягкихъ сердцемъ, показавъ имъ тяжесть 890
грѣховъ ихъ и открывъ силу покаянія, болѣе расположить къ нему. Потому почитаю нужнымъ говорить. Такимъ образомъ въ словѣ своемъ я изложу грѣхи какъ по отношенію къ Богу, такъ и по отношенію къ людямъ,—и притомъ не частные, но общіе, такъ какъ частные каждый можетъ присовокупить, совѣтуясь съ своею совѣстію. А для того предварительно изображу божественныя благодѣянія. Итакъ, какія же благодѣянія Божіи? Онъ даровалъ намъ бытіе и сотворилъ для насъ все видимое: небо, море, землю, воздухъ и все въ нихъ содержащееся: животныхъ, растенія, сѣмена; но невозможно исчислить всѣхъ Божіихъ дѣлъ по причинѣ безпредѣльнаго ихъ множества! Изъ всѣхъ тварей, населяющихъ землю, въ насъ только одниxъ вдохнулъ душу живую; насадилъ рай, далъ помощницу, поставилъ владыками надъ всѣми безсловесными, увѣнчалъ славою и честію. Потомъ, когда человѣкъ оказался неблагодарнымъ къ своему Благодѣтелю, Онъ удостоилъ его еще большаго благодѣянія.

2. Въ самомъ дѣлѣ, смотри не на то только, что Богъ изгналъ человѣка изъ рая, но обрати вниманіе и на ту пользу, которая произошла отсюда. По изгнаніи изъ рая, Онъ оказывалъ людямъ безчисленныя благодѣянія, совершилъ различныя строенія спасенія, и наконецъ послалъ единороднаго Сына Своего къ облагодѣтельствованнымъ Имъ и ненавидящимъ Его, отверзъ намъ небо, отперъ двери рая, и насъ, враговъ Своихъ неблагодарныхъ, содѣлалъ сынами. Потому прилично теперь сказать: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія* (Рим. XI, 33)! Онъ далъ намъ крещеніе во оставленіе грѣховъ, освободилъ отъ наказанія, сдѣлалъ наслѣдниками царствія, обѣщалъ безчисленныя блага добродѣтельно живущимъ, простеръ къ намъ Свою руку, и излилъ Духа въ сердца наши. Итакъ, что же, послѣ такихъ безчисленныхъ Божіихъ благодѣяній? Какое мы должны имѣть расположеніе къ Нему? Воздали ли бы мы не только достойную, но даже самомалѣйшую часть долга и тогда, когда бы каждый день умирали за Того, Который столько возлюбилъ насъ? Нимало. И это самое обращалось бы въ нашу пользу. Но

такія ли мы имѣемъ къ Нему расположенія, какія должно имѣть? Мы каждодневно нарушаемъ Его законы. Не оскорбляйтесь, если я обращу свое слово противъ грѣшниковъ: я буду обвинять не васъ только, но и самого себя. Итакъ, съ кого бы мнѣ начать, по вашему желанію? Съ рабовъ или съ свободныхъ? Съ воиновъ или простолюдиновъ? Съ начальниковъ или подчиненныхъ? Съ женъ или мужей? Съ старцевъ или юношей? Съ какого возраста? Съ какого рода? Съ какого чина? Съ какого званія? Угодно ли вамъ, чтобы я началъ свое слово съ воиновъ? И что же? Не грѣшатъ ли они каждодневно, оскорбляя, понося другихъ, неистовствуя, и всячески стараясь сдѣлать ихъ несчастными? Будучи подобны волкамъ, они никогда не чужды злодѣяній. Да и можетъ ли море быть безъ волнъ? Какая страсть не возмущаетъ ихъ! Какая болѣзнь не обдержитъ ихъ души! По отношенію къ равнымъ они водятся ненавистію, завистію и тщеславіемъ; по отношенію къ подчиненнымъ—корыстолюбіемъ; по отношенію къ тяжущимся и прибѣгающимъ къ нимъ какъ къ пристани—коварствомъ и клятвопреступленіемъ. Сколько производятъ они хищеній! Сколько у нихъ обмановъ! Какихъ нѣтъ между ними клеветъ и непозволенныхъ торговъ! Сколько между ними раболѣпныхъ ласкательствъ! Теперь противопоставимъ
31 каждому пороку законъ Христовъ. *Рекій брату своему: уроде, повиненъ есть гееннѣ огненнѣй* (Матѳ. v, 22). *Воззрѣвый на жену, ко еже вожделѣти, уже любодѣйствова съ нею* (ст. 28). *Аще кто не смиритъ себе яко отроча, не внидетъ въ царствіе небесное* (xviii, 4). Воины же надмеваются предъ подчиненными и ввѣренными ихъ власти, которые трепещутъ предъ ними и страшатся ихъ, такъ какъ они жестокостію своею превосходятъ звѣрей. Ничего не дѣлаютъ ради Христа, а все для чрева, для корыстолюбія и тщеславія. И можно ли исчислить въ словѣ всѣ беззаконные ихъ поступки? Кто въ состояніи описать ихъ насмѣшки, неумѣренный смѣхъ, неприличные разговоры, постыдныя слова? А о корыстолюбіи и говорить нечего. Какъ монахи, живущіе въ горахъ, не знаютъ, что такое корыстолюбіе, такъ и воины,—только по противоположнымъ причинамъ. Первые не знаютъ этой страсти потому, что слишкомъ далеки отъ этой болѣзни: а послѣдніе не чувствуютъ того, какое великое зло эта страсть, по той причинѣ, что чрезмѣрно упиваются ею. Эта страсть до того искоренила въ нихъ добрыя расположенія и такъ возобладала надъ ними, что не почитается даже у этихъ неистовыхъ людей и тяжкимъ преступленіемъ. Но не угодно ли вамъ, оставивши воиновъ, посмотрѣть на другихъ, болѣе кроткихъ? Обратимся, напримѣръ, къ художникамъ и ремесленникамъ.

Кажется, эти люди преимущественно предъ другими снискиваютъ пропитаніе справедливыми трудами и собственнымъ потомъ; но и они, при всѣхъ трудахъ своихъ, подвергаются многимъ порокамъ, когда бываютъ невнимательны къ себѣ самимъ. Къ праведнымъ трудамъ своимъ они часто присовокупляютъ неправедную продажу и куплю; изъ корыстолюбія лгутъ, клянутся и нарушаютъ клятву. Они заботятся только о настоящей жизни, прикованы къ землѣ: все дѣлаютъ изъ корыстныхъ видовъ и, желая умножить свое имѣніе, мало пекутся о подаціи помощи нуждающимся. Кто можетъ изобразить употребляемыя при этомъ злословія, обиды, барыши, проценты, договоры, коварно заключаемыя безчестныя торговыя дѣла?

3. Впрочемъ, если вамъ угодно, оставимъ и этихъ, и перейдемъ къ другимъ, — болѣе, повидимому, справедливымъ. Кто же это? Это тѣ, которые владѣютъ помѣстьями и собираютъ богатство отъ плодовъ земли. Но можно ли найти кого несправедливѣе ихъ? Если посмотрите, какъ они поступаютъ съ бѣдными, несчастными земледѣльцами, то увидите, что свирѣпость ихъ превышаетъ жестокосердіе варваровъ. Тогда какъ земледѣльцы истаеваютъ отъ голода, изнуряютъ себя всю жизнь трудами,—они непрестанно налагаютъ на нихъ новые тяжкіе оброки, опредѣляютъ ихъ къ самымъ труднымъ работамъ и употребляютъ ихъ вмѣсто ословъ и лошаковъ, и даже вмѣсто камней. Не давая имъ ни малѣйшаго отдыха, и во время плодородія, и во время безплодія равно угнетаютъ ихъ и никакой площадки имъ не оказываютъ. Есть ли кто-нибудь несчастнѣе этихъ бѣдняковъ, которые трудясь всю зиму, проводя ночи на холодѣ, подъ дождемъ, безъ сна, и за все это не получая никакой платы, но еще задолжавши, принуждены бываютъ убѣгать отъ своихъ господъ, не столько спасаясь и боясь голода и домашняго разстройства, сколько мученій, насилія, истязаній, тюрьмы и неизбѣжныхъ работъ—отъ управителей? Что сказать о торгахъ, чрезъ нихъ производимыхъ, и о неправедныхъ прибыткахъ, отсюда получаемыхъ? Господа, ихъ притѣсняющіе, наполняя свои точила и подточилія отъ трудовъ и пота ихъ, не позволяютъ этимъ бѣднякамъ брать въ свои домы ни малѣйшей части; но весь плодъ 592
отъ винограда вливая въ свои неправедные сосуды, бросаютъ имъ за это самую малую плату. Они выдумываютъ новые роды процентовъ, недозволенные законами даже у язычниковъ; составляютъ самые безчестные долговые акты, въ которыхъ требуютъ не сотой части, но половины всего имѣнія отъ должника; и хотя бы послѣдній имѣлъ жену, воспитывалъ дѣтей, хотя бы былъ человѣкъ бѣдный и собственными трудами собиралъ въ сво-

гумно и точило, — они объ этомъ не размышляютъ. Потому умѣстно здѣсь привесть слова пророка: *ужаснися небо, и убойся земля!* До какого неистовства дошелъ родъ человѣческій! Говоря обо всемъ этомъ, я не осуждаю искусствъ, земледѣлія, воинскаго званія, помѣстьевъ,—но насъ самихъ. И Корнилій былъ сотникомъ, и Павелъ былъ скинотворцемъ, и послѣ проповѣди занимался своимъ ремесломъ, и Давидъ былъ царемъ, и Іовъ былъ господиномъ большого имѣнія и получалъ великіе доходы; но все это никому изъ нихъ не послужило препятствіемъ къ добродѣтели. Итакъ, разсмотрѣвши все это и вспомнивши о тьмѣ талантовъ, потщимся хоть поэтому прощать ближнему малочисленныя и неважныя оскорбленія. Мы должны дать отчетъ въ исполненіи предписанныхъ намъ заповѣдей; но мы не въ состояніи исполнить всего, что бы мы ни дѣлали. Поэтому Богъ и далъ намъ легкое и удобное средство къ уплатѣ совершенно всѣхъ нашихъ долговъ,—то есть, забвеніе обидъ. А чтобы лучше уразумѣть это, выслушаемъ всю притчу по порядку. *Приведоша бо*, говоритъ Спаситель, *ему единаго должника тмою талантъ. Не имущу же ему воздати, повелѣ его продати, и жену его, и чада.* Почему же велѣлъ и жену продать? Не по жестокости или безчеловѣчію (въ такомъ случаѣ рабъ его потерпѣлъ бы новый уронъ, такъ какъ тогда и жена сдѣлалась бы рабою), но по особенному намѣренію. Такимъ строгимъ повелѣніемъ хотѣлъ устрашить раба своего, и тѣмъ побудить его къ покорности, безъ всякаго намѣренія продать. Если бы онъ имѣлъ это въ виду, то не внялъ бы его просьбѣ и не оказалъ бы ему своего милосердія. Но почему же онъ не сдѣлалъ этого, и не простилъ ему долга прежде такого повелѣнія? Чтобы вразумить его, сколько долговъ онъ прощаетъ ему, и чрезъ это заставить его быть снисходительнѣе къ своему товарищу, который былъ долженъ ему. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ и тогда, какъ узналъ и тяжесть своего долга, и великость прощенія, сталъ душить своего товарища, то до какой бы жестокости не дошелъ онъ, если бы напередъ не былъ вразумленъ этимъ средствомъ? Какъ же на него подѣйствовало это средство? *Потерпи на мнѣ*, — говоритъ онъ, — *и вся ти воздамъ* (Матѳ. XVIII, 26). Господинъ же его, *милосердовавъ прости его и долгъ отпусти ему* (ст. 27). Не открывается ли и здѣсь опять его чрезмѣрное человѣколюбіе? Рабъ просилъ только отсрочки времени, а онъ далъ ему болѣе просимаго: онъ отпустилъ ему весь долгъ и простилъ его. Господинъ и прежде хотѣлъ простить долгъ рабу своему, но не хотѣлъ, чтобъ это было однимъ только даромъ его,—но и слѣдствіемъ покорности раба, чтобы и со стороны его что-нибудь было сдѣлано для получе-

нія награды. Впрочемъ причина прощенія показываетъ, что все это зависѣло отъ самого господина, хотя рабъ припадалъ къ нему съ своимъ прошеніемъ. *Милосердовавъ*, сказано, *отпусти ему*. 593
Однакожъ господинъ такъ поступилъ, чтобы и со стороны раба была причина прощенія ему долга (иначе онъ былъ бы совершенно посрамленъ), и чтобы, научившись собственнымъ несчастіемъ, былъ снисходительнѣе къ своему товарищу.

4. И дѣйствительно, въ это время рабъ былъ добръ и чувствителенъ: онъ ни отъ чего не отрекся,—далъ обѣщаніе заплатить долгъ свой, припалъ къ господину съ прошеніемъ, возгнушался грѣхами своими и познаъ великость своего долга. Но послѣдующіе его поступки совершенно не соотвѣтствуютъ прежнимъ. Выйдя же тотчасъ,—не чрезъ нѣсколько времени, но *тотчасъ*, еще живо ощущая благодѣяніе, ему оказанное, — онъ во зло употребилъ и даръ, и свободу, ему данную. *Обрѣтъ*, говорится, *единаго отъ клевретъ своихъ, иже бѣ долженъ ему стомъ пѣнязь, давляше его, глаголя: отдаждь ми, имже ми еси долженъ* (ст. 28). Не очевидно ли человѣколюбіе господина, не очевидна ли и жестокость раба? Замѣтьте это, поступающіе такъ изъ-за прибытковъ! Если не должно такъ поступать во вниманіе къ грѣху, то тѣмъ болѣе изъ-за прибытковъ. Итакъ, что же сказалъ должникъ? *Потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти* (ст. 29). Но тотъ не тронулся этими словами, которыя спасли его самого: вѣдь и онъ, сказавъ то же самое, прощенъ былъ въ десяти тысячахъ талантовъ; онъ не вспомнилъ о пристани, спасшей его отъ потопленія; та же самая просьба не напомнила ему о человѣколюбіи господина. Но по любостяжанію, жестокосердію и злобѣ, пренебрегши всѣмъ этимъ, душилъ своего товарища съ жестокостію, несвойственною даже дикимъ звѣрямъ. Что ты дѣлаешь, человѣкъ? Или не чувствуешь собственнаго обольщенія? Не вонзаешь ли мечъ въ самого себя, вооружая противъ себя милость господина и отпущеніе имъ долга? Но онъ нимало объ этомъ не размышлялъ, подобнаго случая, бывшаго съ нимъ, не припомнилъ, а потому и не сдѣлалъ должнику своему никакого снисхожденія, хотя послѣдній просилъ о долгѣ и не такъ важномъ. Самъ онъ просилъ господина о прощеніи десяти тысячъ талантовъ, а этотъ только о сотнѣ динаріевъ; послѣдній просилъ у равнаго себѣ, а тотъ у господина. Самъ онъ получилъ совершенное прощеніе, а товарищъ просилъ только отсрочки времени, но онъ и въ этомъ отказалъ ему,—потому что сказано: *всади его въ темницу. Видѣвше же клеврети его* (ст. 30, 31), обвинили его предъ господиномъ. Даже и людямъ это было непріятно: что сказать о Богѣ? Такъ негодовали на него не имѣющіе на себѣ долга! Что

же сказалъ господинъ? *Рабе лукавый, весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ, понеже умолилъ мя еси. Не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже и азъ тя помиловахъ* (ст. 32, 33)? Примѣчай опять кротость господина! Онъ судится съ рабомъ своимъ и какъ бы защищается, намѣреваясь уничтожить свой даръ (или лучше, не онъ уничтожилъ, но самъ получившій), а потому и говоритъ: *весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ, понеже умолилъ мя еси. Не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего?* Хотя и тяжкимъ для тебя кажется простить долгъ ближнему своему, но ты долженъ обратить вниманіе и на ту пользу, которую ты уже получилъ и имѣешь получить; хотя и тяжко повелѣніе, но надлежало помыслить о наградѣ за исполненіе его. Притомъ товарищъ не оскорблялъ тебя, напротивъ ты оскорбилъ Бога, простившаго тебя за одно только прошеніе твое. Если бы даже онъ и оскорбилъ тебя, и для тебя несносно быть ему другомъ, то еще несноснѣе попасть въ геенну. Если бы ты то и другое сравнилъ между собою, то увидѣлъ бы, что первое гораздо легче послѣдняго. Когда онъ былъ долженъ десять тысячъ талантовъ, господинъ не называлъ его лукавымъ, и не укорялъ его, но помиловалъ его. Какъ же скоро онъ поступилъ жестоко съ своимъ товарищемъ,
594 то господинъ сказалъ: *рабе лукавый!* Слушайте, лихоимцы (къ вамъ слово)! Слушайте, безжалостные и жестокіе! Вы жестоки не для другихъ, но для самихъ себя. Когда ты питаешь злобу, то знай, что ты питаешь ее къ самому себѣ, а не къ другому, обременяешь самого себя грѣхами, а не ближняго. Что бы ты ни дѣлалъ послѣднему, все это сдѣлаешь какъ человѣкъ, и притомъ въ настоящей только жизни; но Богъ не такъ поступитъ: Онъ подвергнетъ тебя бóльшему и вѣчному мученію въ жизни будущей: *предаде его мучителемъ, дондеже воздастъ весь долгъ свой* (ст. 34),— т. е. навсегда, потому что онъ никогда не будетъ въ состояніи заплатить своего долга. Если благодѣяніе тебя не сдѣлало лучшимъ, то остается исправлять тебя наказаніемъ. Хотя благодѣянія и дары Божіи непреложны, но злоба такъ усилилась, что нарушила и этотъ законъ. Итакъ, что хуже памятозлобія, когда оно можетъ лишить насъ столь великаго дара Божія? Господинъ не только предалъ раба своего мучителямъ, но и прогнѣвался на него. Когда онъ приказывалъ его продать, то приказаніе дано было безъ гнѣва; потому-то онъ не исполнилъ послѣдняго, и это служитъ яснѣйшимъ доказательствомъ его человѣколюбія. Но теперь дѣлается опредѣленіе съ великимъ негодованіемъ, опредѣленіе мести и наказанія. Итакъ, что означаетъ эта притча? *Тако и Отецъ Мой небесный,* говоритъ Христосъ, *сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ*

вашихъ прегрѣшеній ихъ (ст. 35). Не говоритъ: Отецъ вашъ, но: *Отецъ мой*,—потому что недостойно называться Богу Отцемъ столь лукаваго и столь человѣконенавистнаго раба.

5. Итакъ, требованіе Спасителя двоякое: чтобы мы чувствовали свои грѣхи, и чтобы прощали другимъ. Чувствовать свои грѣхи нужно для того, чтобы удобнѣе было прощать ихъ другимъ (такъ какъ размышляющій о собственныхъ грѣхахъ снисходительнѣе бываетъ къ ближнему). Прощать же другимъ мы должны не словами только, но отъ чистаго сердца. Итакъ, не будемъ же обращать противъ самихъ себя меча своимъ памятозлобіемъ. Чѣмъ и въ такой ли мѣрѣ причинитъ тебѣ зло оскорбившій тебя, сколько ты самъ себѣ причинишь, питая въ себѣ гнѣвъ и подвергаясь за то осужденію отъ Бога? Если ты будешь разсудителенъ и любомудръ, то зло обратится на главу оскорбившаго, и онъ жестоко пострадаетъ. Если же ты будешь оскорбляться и негодовать, то самъ пострадаешь,—не отъ него, а отъ самого себя. Итакъ не говори, что другой оскорбилъ тебя и оклеветалъ, и причинилъ большое зло: чѣмъ больше будешь говорить, тѣмъ болѣе покажешь, что онъ твой благодѣтель. Онъ доставляетъ тебѣ случай освободиться отъ грѣховъ, такъ что, чѣмъ больше наноситъ тебѣ обидъ, тѣмъ больше становится причиною очищенія грѣховъ твоихъ. Дѣйствительно, если мы захотимъ, насъ никто не можетъ обидѣть; самые даже враги величайшую доставятъ намъ пользу. Но что говорить о людяхъ? Можетъ ли кто быть лукавѣе діавола? Но и онъ можетъ доставить намъ удобнѣйшій случай къ нашей славѣ, какъ это показываетъ примѣръ Іова. Если же діаволъ доставляетъ случай получать вѣнцы, то для чего бояться врага—человѣка? Смотри, сколько получаешь ты пользы, перенося безропотно обиды отъ враговъ: первая и важнѣйшая—отпущеніе грѣховъ; вторая—терпѣніе и великодушіе; третья—кротость и человѣколюбіе, такъ какъ тотъ, кто не способенъ гнѣваться на оскорбляющихъ его, тѣмъ болѣе будетъ кротокъ въ отношеніи къ любящимъ его; четвертая—совершенное истребленіе гнѣва, съ чѣмъ никакое благо не можетъ сравняться, такъ какъ свободный отъ гнѣва безъ сомнѣнія свободенъ и отъ непріятностей, съ нимъ соединенныхъ, и не проводитъ жизни въ напрасныхъ огорченіяхъ и мукахъ. Не умѣющій враждовать 595
не знаетъ и печали, но наслаждается радостію и другими безчисленными благами. Итакъ, ненавидя другихъ, мы сами себя наказываемъ, равно какъ любя другихъ, благодѣтельствуемъ сами себѣ. Притомъ тебя будутъ уважать всѣ, даже и сами враги, хотя бы они были демоны; вѣрнѣе же сказать, поступая такимъ образомъ, ты уже не будешь имѣть и врага. Но что всего важнѣе,

ты пріобрѣтешь милосердіе Божіе. Если ты согрѣшилъ, получишь прощеніе грѣховъ своихъ; если правъ, получишь большее дерзновеніе къ Богу. Итакъ, не будемъ питать ненависти ни къ кому, чтобы и самимъ заслужить любовь отъ Бога,—и тогда, хотя бы мы десятью тысячами талантовъ были должны, Онъ умилосердится надъ нами и помилуетъ насъ. Но ты обиженъ ближнимъ? Потому-то и будь снисходителенъ къ нему; не питай ненависти; плачь и рыдай, а не презирай его: вѣдь не ты прогнѣвалъ Бога, но онъ; а ты, перенесши обиду, поступилъ достохвально. Припомни, что и Христосъ, идя на крестную смерть, о Себѣ радовался, а о распинателяхъ Своихъ плакалъ: подобнымъ образомъ и намъ надлежитъ поступать. Чѣмъ болѣе насъ обижаютъ, тѣмъ болѣе мы должны оплакивать обидѣвшихъ насъ; для насъ отсюда происходитъ великое благо, для нихъ же, напротивъ, великое зло. Но ближній тебя обидѣлъ при всѣхъ, и даже ударилъ? Это значитъ лишь, что онъ при всѣхъ обезчестилъ и посрамилъ самого же себя, и тысячу обвинителей вооружилъ противъ себя, тебѣ же, напротивъ, приготовилъ многіе вѣнцы и далъ многихъ глашатаевъ твоего великодушія. Но онъ оклеветалъ тебя предъ другими? Что тебѣ и до этого, когда Самъ Богъ будетъ разсматривать твое дѣло, а не тѣ, которые слышали клевету? Онъ только прибавилъ лишній поводъ для своего наказанія, такъ какъ долженъ будетъ дать отвѣтъ не только за свои по-
596 ступки, но и за то, что осудилъ тебя [1]). Тебя онъ оклеветалъ предъ людьми, а самъ сдѣлался виновнымъ предъ Богомъ. Если же для тебя этого недостаточно, то вспомни, что и Самъ Владыка былъ оклеветанъ и отъ сатаны, и отъ людей, и притомъ предъ тѣми, которыхъ Онъ наиболѣе любилъ. То же самое испыталъ и единородный Сынъ Его, Который потому и сказалъ: *аще Господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашнія его* (Матѳ. x, 25). И не только оклеветалъ Его злой тотъ демонъ, но даже успѣлъ клевету свою выдать за истину, и оклеветалъ не въ маловажномъ чемъ-нибудь, но въ величайшихъ и позорныхъ преступленіяхъ: называлъ Его и бѣснующимся, и льстецомъ, и противникомъ Богу. Но ты, оказавъ благодѣянія ближнему, терпишь отъ него обиду? Поэтому-то особенно плачь и болѣзнуй о причинившемъ тебѣ зло, а о себѣ радуйся: ты уподобился Богу, *сіяющему солнце на злыя и благія* (Матѳ. v, 45). Но если подражаніе Богу превосходитъ твои силы (хотя для ревностнаго и это не трудно, но пусть

[1]) ἵνα μὴ μόνον ὑπὲρ τῶν οἰκείων, ἀλλὰ καὶ ὑπὲρ ὧν περὶ σοῦ διελέχθη, παράσχῃ λόγον. Повидимому, Златоустъ выражаетъ ту мысль, что клеветникъ долженъ дать отвѣтъ и за тѣ поступки, которые онъ возвелъ на другого.

тебѣ кажется это сверхъ твоихъ силъ), то мы укажемъ тебѣ примѣръ для подражанія въ подобныхъ тебѣ рабахъ. Посмотри на Іосифа· онъ хотя претерпѣлъ безчисленныя бѣдствія отъ своихъ братьевъ, однакожъ облагодѣтельствовалъ ихъ; посмотри наМоисея, который, послѣ безчисленныхъ противъ него злоумышленій іудеевъ, молился за нихъ; посмотри на блаженнаго Павла, который, не могъ даже исчислить страданій, какія потерпѣлъ онъ отъ іудеевъ, и при всемъ томъ желалъ еще быть за нихъ подъ анаѳемою; посмотри на Стефана, который, будучи побиваемъ камнями, молился объ отпущеніи грѣха этимъ убійцамъ. Припомнивъ все это, оставь всякій гнѣвъ, чтобы и тебѣ Богъ оставилъ всѣ прегрѣшенія твои, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXII.

И бысть егда сконча Іисусъ словеса сія, прейде отъ Галилеи, и пріиде въ предѣлы Іудейскіе обонъ полъ Іорданъ (Матѳ. xxi, 1). 595—596

1. Іисусъ Христосъ, часто оставляя Іудею по причинѣ ненависти къ Нему жителей, нынѣ опять приходитъ туда, такъ какъ приближалось время Его страданія. Впрочемъ въ самый Іерусалимъ не входитъ еще, но посѣщаетъ только предѣлы іудейскіе. За Нимъ *идоша народи мнози и исцѣли ихъ* (ст. 2). Онъ не занимается исключительно ни одною только проповѣдію, ни однимъ только чудотвореніемъ, но то тѣмъ, то другимъ попеременно, представляя различныя средства ко спасенію неотлучнымъ Своимъ послѣдователямъ, чтобы посредствомъ знаменій пріобрѣсть довѣріе къ Себѣ какъ учителю и вѣру къ Своей проповѣди, а посредствомъ ученія умножить пользу знаменій. А это сдѣлано Имъ было съ тою цѣлію, чтобы привести Своихъ слушателей къ богопознанію. Замѣть и то, что ученики вообще говорятъ о людяхъ, слѣдовавшихъ за Іисусомъ, не называя по имени каждаго изъ тѣхъ, которые исцѣлились. Они не говорятъ: такой-то или другой, но: *многіе*,—чтобы научить смиренію. Христосъ благодѣтельствовалъ и многимъ другимъ: исцѣленіе немощи первыхъ представляло случай къ богопознанію послѣднимъ. Только не фарисеямъ. Напротивъ, послѣдніе отъ этого еще болѣе ожесточаются, и приходятъ къ Нему съ искушеніемъ. Такъ какъ они не могли уловить Іисуса Христа въ дѣлахъ, то предлагаютъ Ему для разрѣшенія вопросы. Приступивъ, говорится, *къ Нему и искушающе*

глаголаша: аще достоитъ человѣку пустити жену свою по всякой винѣ (ст. 3)? Какое безуміе! Они хотѣли заградить уста Его своими вопросами, хотя уже видѣли доказательство такой Его силы! Когда фарисеи съ Іисусомъ Христомъ много разсуждали о субботѣ (Матѳ. XII), когда говорили, что Онъ богохульствуетъ (Матѳ. IX, 3), бѣса имѣетъ (Іоан. X, 20), когда укоряли учениковъ Его, по случаю прохожденія ихъ по насѣяннымъ полямъ, когда разсуждали о неумытыхъ рукахъ (Матѳ. XII, 2), — вездѣ, заградивъ имъ уста и связавъ безстыдный языкъ, Онъ такимъ образомъ отпускалъ ихъ. И все-таки они Его не оставляютъ. Такова злость и такова зависть, — безстыдна и дерзостна; хотя тысячу разъ отразишь ее, она опять столько же разъ будетъ нападать!

Но замѣть злость въ самомъ вопросѣ. Не говорятъ Ему: Ты велѣлъ не оставлять жену, — потому что объ этомъ законѣ уже говорено было; они не вспомнили этихъ словъ, а съ намѣреніемъ удалились отъ нихъ, и съ коварнымъ умысломъ, желая болѣе уловить Его и поставить въ необходимость противорѣчить закону, — не говорятъ: для чего Ты установилъ тотъ, или другой законъ? а какъ будто бы не было говорено ни о какомъ законѣ, — спрашиваютъ: *аще достоитъ?* думая, что Онъ забылъ Свои слова, и готовясь, если Онъ скажетъ, что слѣдуетъ отпускать, обратить противъ Него собственныя Его слова и сказать: для чего же Ты говорилъ прежде не такъ? — а если повторитъ
597 прежнія свои слова, то противоположить ему законъ Моисеевъ. Что же Онъ имъ отвѣчаетъ? Онъ не сказалъ: *что мя искушаете, лицемѣри* (Матѳ. XXII, 18)? Хотя послѣ такъ говоритъ, но здѣсь этого не сказалъ. Почему же? Для того, чтобы вмѣстѣ съ Своимъ могуществомъ показать кротость. Онъ не во всякомъ случаѣ молчитъ, чтобы не подумали, что Ему неизвѣстно; не всегда и обличаетъ, чтобы научить насъ, что все должно переносить съ кротостію. Какъ же Онъ отвѣчаетъ имъ? *Нѣсте ли чли, яко сотворивый искони мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть? И рече: сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину. Якоже ктому нѣста два, но плоть едина; еже бо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (ст. 4—6). Подивись мудрости учителя! На вопросъ: *аще достоитъ?* Онъ не тотчасъ отвѣчалъ: не должно! чтобы они не возмутились и не надѣлали шуму; но прежде рѣшительнаго отвѣта Онъ предварительно сдѣлалъ его уже очевиднымъ, объяснивъ, что и Его повелѣніе есть заповѣдь Отца Его, и что Онъ установилъ ее, не противорѣча Моисею, а въ полномъ согласіи. Замѣть, что Онъ утверждаетъ Свои слова не только тѣмъ, что Богъ сотворилъ мужа и жену, но и заповѣдію, которую Онъ произнесъ послѣ ихъ

сотворенія; Онъ не сказалъ, что Богъ только сотворилъ одного мужчину и одну женщину, но и то, что велѣлъ имъ—одному и одной—между собою соединиться. А если бы Богъ хотѣлъ, чтобъ жену оставляли и брали другую, то сотворилъ бы одного мужчину, и многихъ женщинъ. Итакъ, какъ образомъ творенія, такъ и опредѣленіемъ закона Іисусъ Христосъ показалъ, что мужъ съ женою должны соединиться навсегда, и никогда не разлучаться. И смотри, какъ говоритъ: *сотворивый искони, мужескій и женскій полъ сотворилъ я есть*, то есть: такъ какъ они произошли отъ одного корня, то и должны соединиться въ одно тѣло: *будета*, говоритъ, *оба въ плоть едину*. Потомъ, представляя, какъ страшно нарушать это повелѣніе, и утверждая законъ, не сказалъ: итакъ не расторгайте, не раздѣляйте, но: *еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ*. Если ты ссылаешься на Моисея, то я указываю на Господа Моисеева, и притомъ утверждаю древностію установленія. *Богъ искони мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть*. И этотъ законъ есть самый древній (хотя и вводится, повидимому, теперь только Мною), и установленъ съ особеннымъ тщаніемъ. Не просто Богъ привелъ мужа къ женѣ, но велѣлъ оставить и матерь, и отца; и не просто приказалъ придти къ женѣ, а прилѣпиться, самыми словами показывая нерасторжимость. Но и этимъ не удовольствовался; Онъ еще потребовалъ другого соединенія, тѣснѣйшаго: *будета*, говоритъ, *оба въ плоть едину*.

2. Такимъ образомъ, изложивъ древній законъ, дѣломъ и словомъ установленный, и доказавъ его достовѣрность тѣмъ, Кто далъ его, Онъ со властію далѣе изъясняетъ его, и усиливаетъ словами: *сего ради ктому нѣста два, но плоть едина*. Слѣдовательно, какъ разсѣкать плоть есть дѣло преступное, такъ и разлучаться съ женою—дѣло беззаконное. И на этомъ еще не остановился, но въ подтвержденіе указалъ на Бога, говоря: *еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ*. Этими словами Онъ показываетъ, что разводиться—дѣло противное какъ природѣ, такъ и закону: природѣ, поскольку разсѣкается одна и та же плоть; закону, поскольку вы покушаетесь раздѣлить то, что Богъ соединилъ и не велѣлъ раздѣлять. Что же послѣ этого должно было дѣлать? Не замолчать ли, и не похвалить ли сказаннаго? Не подивишься 598
ли мудрости? Не изумишься ли такому согласію съ Отцемъ? Но фарисеи ничего этого не дѣлаютъ, а опять продолжаютъ спорить, и говорятъ: *како убо Моисей заповѣда дати книгу распустную, и отпустити ю* (ст. 8)? Хотя не они Ему должны были сдѣлать такое возраженіе, а Онъ имъ, но онъ не нападаетъ на нихъ, не говоритъ имъ и того, что не Я виновенъ въ этомъ, но разрѣшаетъ и это возраженіе. И если бы Онъ не былъ согласенъ съ

древнимъ закономъ, то не вошелъ бы въ споръ за Моисея; не утверждался бы на томъ, что вначалѣ однажды установлено; не старался бы доказать, что Его слова согласны съ древнимъ закономъ. Но Моисей заповѣдалъ много и другого, напримѣръ, о пищѣ и о субботѣ. Почему же они не указываютъ Ему на эти предписанія, подобно тому, какъ дѣлаютъ это въ настоящемъ случаѣ? Потому что желаютъ вооружить противъ Него народъ. У іудеевъ разводъ былъ обычнымъ явленіемъ, и всѣ имъ пользовались. Поэтому-то изъ всѣхъ заповѣдей, о которыхъ было говорено на горѣ, они теперь и вспомнили только объ этой. Но неизреченная Мудрость и эту заповѣдь защищаетъ, и говоритъ: *яко Моисей по жестокосердію вашему* (ст. 8) положилъ такой законъ. Спаситель не допускаетъ порицать и Моисея, поелику Онъ самъ далъ ему этотъ законъ; но освобождаетъ его отъ осужденія, и все обращаетъ противъ фарисеевъ, какъ и вездѣ Онъ это дѣлаетъ. Такъ, когда они обвиняли учениковъ въ томъ, что они срываютъ травы, Онъ показалъ, что и они не чужды обвиненія; и когда они называли преступленіемъ ѣсть неумытыми руками, Онъ показалъ, что они сами преступники. Такъ поступилъ Онъ говоря о субботѣ, такъ поступалъ вездѣ, такъ и здѣсь. Затѣмъ,—такъ какъ слова Его были для нихъ несносны и весьма укоризненны, то Онъ тотчасъ обращаетъ Свою рѣчь къ древнему закону, говоря то же, что и прежде сказалъ: *изъ начала же не бысть тако*, то есть, вначалѣ самымъ дѣломъ Богъ далъ намъ законъ противоположный, чтобы они не сказали: откуда извѣстно, что Моисей сказалъ это по жестокосердію нашему? Христосъ опять заставляетъ ихъ этимъ молчать. Въ самомъ дѣлѣ, если бы этотъ законъ данъ былъ раньше и былъ полезенъ, то тотъ не былъ бы данъ вначалѣ, и Богъ, сотворившій человѣка, не сотворилъ бы его такимъ образомъ (т. е. въ лицѣ только мужа и жены), и Христосъ не сказалъ бы: *глаголю же вамъ, яко, иже аще пуститъ жену свою развѣ словесе прелюбодѣйна, и оженится иною, прелюбы творитъ* (ст. 9). Послѣ того, какъ заставилъ ихъ молчать, Онъ, какъ Господь, поставляетъ законъ, подобно тому, какъ Онъ сдѣлалъ это, когда разсуждалъ о пищѣ и о субботѣ. Какъ тогда, опровергнувъ ихъ по отношенію къ закону о пищѣ, началъ говорить народу, что *не входящее въ уста скверниъ человѣка* (Матѳ. xv, 11), равно, посрамивъ ихъ по отношенію къ закону о субботѣ, сказалъ: *тѣмже достоитъ въ субботу добро творити*,—такъ и здѣсь. Но что тамъ случилось, то и здѣсь. Какъ тамъ, послѣ посрамленія іудеевъ, ученики смутились и, подошедши къ Нему съ Петромъ, говорили: *скажи намъ притчу сію* (Матѳ. xiii, 36),—такъ и здѣсь, смутившись, говорили: *аще тако есть вина*

человѣку, лучше есть не женитися (ст. 10). Но теперь они лучше поняли сказанное, нежели прежде. Поэтому-то тогда они замолчали, а теперь, поелику возраженіе было опровергнуто, вопросъ рѣшенъ и законъ сдѣлался яснѣе, вопрошаютъ Его. Явно противорѣчить они не осмѣливаются, а предлагаютъ лишь то, что изъ сказаннаго имъ кажется важнымъ и труднымъ. *Аще тако*, 599
говорятъ они, *есть вина человѣку съ женою, лучше есть не женитися.* Имъ казалось, что слишкомъ несносно имѣть жену, исполненную всякаго зла, и терпѣть при себѣ постоянно неукротимаго звѣря.

3. Что точно ученики смутились, это показалъ Маркъ, говоря, что они наединѣ спрашивали объ этомъ Іисуса. Что же значатъ ихъ слова: *аще тако есть вина человѣку съ женою*? То значатъ: если мужъ съ женою для того соединились, чтобы составлять одно; если мужъ такъ этимъ обязанъ, что онъ всякій разъ, какъ скоро оставляетъ жену, поступаетъ противъ закона,— то легче сражаться съ пожеланіемъ природы и съ самимъ собою, нежели съ злою женою. Что же сказалъ Христосъ на это? Не сказалъ: „да, точно, легче",—и это для того, чтобы не подумали, что это дѣло законное,—но произнесъ: *не вси вмѣщаютъ, но имже дано есть* (ст. 11). Этимъ самымъ Онъ возвышаетъ предметъ, представляетъ его великимъ и, такимъ образомъ, привлекаетъ и побуждаетъ къ нему. Но обрати здѣсь вниманіе на противорѣчіе: Онъ называетъ это великимъ, а они легкимъ. Въ самомъ дѣлѣ, то и другое нужно было. Ему надобно было назвать это великимъ для того, чтобы сдѣлать ихъ усерднѣйшими, а они должны были своими словами показать легкость этого, чтобы и по этой причинѣ преимущественно избрать дѣвство и цѣломудріе. Такъ какъ рѣчь о дѣвствѣ могла показаться имъ очень тяжкою, то Онъ непремѣняемостію брачнаго закона возбудилъ въ нихъ желаніе дѣвства. Далѣе, доказывая возможность безбрачной жизни, говоритъ: *суть скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако: и суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ: и суть скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго* (Матѳ. XIX, 12). Непримѣтно возбуждая въ нихъ этими словами желаніе къ избранію дѣвства, и убѣждая въ возможности этой добродѣтели, Онъ какъ бы такъ говоритъ: представь себѣ, что ты таковъ отъ природы, или сдѣлался таковымъ чрезъ насиліе другихъ: что бы ты сталъ дѣлать, лишившись наслажденія и не получая за то награды? Итакъ благодари Бога, что для награды и вѣнцовъ терпишь то, что терпятъ другіе, не имѣя ихъ въ виду. Притомъ это еще облегчается, когда ты подкрѣпляешь себя надеждою, и сознаніемъ добродѣтели, и не увлекаешься пожеланіемъ, сильно волнующимъ тебя. Подлинно не столько отсѣченіе члена, сколько

сила ума можетъ укрощать подобныя волны и водворять тишину. Итакъ, чтобы научить учениковъ, Христосъ перечислилъ роды скопцовъ. Если бы Онъ не имѣлъ этой цѣли, то для чего бы Ему было перечислять другихъ скопцовъ? Когда же Онъ говоритъ: *скопиша себе*, то разумѣетъ не отсѣченіе членовъ,—да не будетъ этого!—но истребленіе злыхъ помысловъ, потому что отсѣкшій членъ подвергается проклятію, какъ говоритъ Павелъ: *о дабы отсѣчени были развращающіе васъ* (Гал. v, 12)! И весьма справедливо. Таковой поступаетъ подобно человѣкоубійцамъ; содѣйствуетъ тѣмъ, которые унижаютъ твореніе Божіе; отверзаетъ уста манихеевъ и преступаетъ законъ, подобно тѣмъ изъ язычниковъ, которые отрѣзываютъ члены. Отсѣкать члены искони было дѣло
600 діавольское и злоухищреніе сатаны, чтобы чрезъ это исказить созданіе Божіе, чтобы нанести вредъ человѣку, созданному Богомъ, и чтобы многіе, приписывая все не свободѣ, а самимъ членамъ, безбоязненно грѣшили, сознавая себя какъ бы невинными; отсѣченіе членовъ измышлено было, такимъ образомъ, для того, чтобы причинить человѣку сугубый вредъ: какъ отсѣченіемъ членовъ, такъ и поставленіемъ препятствій волѣ дѣлать добро. Все это измыслилъ діаволъ, который, желая расположить людей къ принятію этого заблужденія, ввелъ еще и другое ложное ученіе—о судьбѣ и необходимости, и такимъ образомъ всячески старался уничтожить свободу, дарованную намъ Богомъ, увѣряя что зло есть слѣдствіе физической природы, и чрезъ это разсѣвая многія другія ложныя ученія, хотя и скрытно. Таковы стрѣлы діавольскія! Поэтому, молю, убѣгайте такого преступленія. Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что пожеланія наши отсѣченіемъ членовъ не только не укрощаются, но еще болѣе раздражаются,—такъ какъ сѣмя, находящееся въ насъ, другіе имѣетъ источники и другимъ образомъ возбуждается. Одни говорятъ, что пожеланіе происходитъ отъ мозга, другіе—отъ чреслъ; а я говорю, что оно происходитъ не изъ иныхъ источниковъ, какъ отъ развращенной воли и невниманія къ помысламъ. Если воля цѣломудренна, то никакого не будетъ вреда отъ естественныхъ движеній. Итакъ, сказавъ о скопцахъ, какъ о тѣхъ, которые напрасно скопятъ себя, не будучи цѣломудренными въ помыслахъ, такъ и о тѣхъ, которые ради царствія небеснаго сохраняютъ дѣвство, Христосъ прибавляетъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ*. И такимъ образомъ по неизреченной Своей кротости показывая, сколь важно соблюденіе дѣвства, и не заключая его въ необходимыхъ предписаніяхъ закона, Онъ еще болѣе воспламеняетъ въ нихъ любовь къ нему. И этимъ самымъ Онъ показалъ совершенную возможность добродѣтели, чтобы тѣмъ сильнѣе возбудить въ волѣ желаніе ея.

4. Но если это зависитъ отъ воли, то спроситъ кто-либо: для чего Онъ вначалѣ сказалъ: *не вси вмѣщаютъ, но имже дано есть?* Для того, чтобы ты съ одной стороны позналъ, какъ великъ подвигъ, съ другой — не представлялъ его для себя необходимымъ. Дано тѣмъ, которые хотятъ. А говорилъ Онъ такимъ образомъ для того, чтобы показать, сколь великую имѣетъ нужду въ божественной помощи тотъ, кто вступаетъ на этотъ подвигъ,—помощи, которую безъ сомнѣнія получитъ желающій. Спаситель обычно употребляетъ это выраженіе, когда идетъ рѣчь о чемъ-либо важномъ, какъ, напримѣръ, говоритъ: *вамъ есть дано вѣдати тайны* (Лук. VIII, 10). А что это истинно, видно и изъ настоящаго мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, если бы эта добродѣтель была только даяніемъ свыше и сами дѣвственники отъ себя ничего не приносили бы, то напрасно бы Онъ обѣщалъ имъ царствіе небесное и отличалъ ихъ отъ другихъ скопцовъ. Но обрати вниманіе на то, какимъ образомъ одни этимъ пренебрегаютъ, а другіе отсюда получаютъ пользу: іудеи удалились, ничему не научившись, и не вопрошали, чтобы научиться чему-либо; ученики же отсюда получили пользу. *Тогда приведоша къ Нему дѣти, да руцѣ возложитъ на нихъ, и помолится: ученицы же запретиша имъ. Онъ же рече имъ: оставите дѣтей пріити ко Мнѣ, таковыхъ бо есть царствіе небесное. И возложъ на нихъ руцѣ, отъиде оттуду* (Матѳ. XIX, 13—15). Почему же ученики не допускали дѣтей? Изъ уваженія къ Іисусу Христу. Что же Онъ? Чтобы научить ихъ смиренію и истребить гордость мірскую, беретъ дѣтей, обнимаетъ ихъ, и таковымъ обѣщаетъ царствіе,—о чемъ и прежде Онъ говорилъ. Такъ и мы, если хо- 601
тимъ наслѣдовать небеса, всѣми силами должны стараться стяжать добродѣтель смиренія. Цѣль любомудрія въ томъ и состоитъ, чтобы съ мудростію соединять простоту. Это есть жизнь ангельская. Душа дитяти чиста отъ всѣхъ страстей; дитя не помнитъ обидъ и къ обидѣвшимъ подбѣгаетъ какъ къ друзьямъ, какъ бы ничего не бывало; сколько бы мать ни наказывала свое дитя, оно всегда однакожъ ищетъ ея, и болѣе всѣхъ любитъ ее. Представь ему царицу въ діадемѣ: оно не предпочтетъ ее матери, облеченной въ рубище, но еще болѣе будетъ желать видѣть послѣднюю въ рубищѣ, нежели царицу въ богатой одеждѣ. Свое оно различаетъ отъ чужого не по бѣдности или богатству, но по любви. Дитя ничего болѣе не требуетъ, кромѣ необходимаго, и коль скоро насытится молокомъ, оставляетъ сосцы. Дитя не печалится, какъ мы, о потерѣ денегъ и тому подобномъ; равно какъ не радуется подобно намъ о такихъ скоропреходящихъ вещахъ; дитя не пристрастно къ красотѣ тѣлесной. Вотъ почему Христосъ и сказалъ: *таковыхъ бо есть царствіе небесное,* чтобы мы

по свободной волѣ дѣлали то, что дѣти дѣлаютъ по природѣ. Такъ какъ фарисеи руководились въ исполненіи своихъ дѣлъ не инымъ чѣмъ, какъ хитростію и гордостію, то Онъ, обличая ихъ и научая Своихъ учениковъ, повелѣваетъ послѣднимъ вездѣ быть простыми — какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ степеняхъ достоинства. Подлинно, ничто такъ не надмеваетъ человѣка, какъ власть и преимущества. Между тѣмъ ученикамъ Христовымъ предстояли большія почести во всей вселенной; поэтому Спаситель и предупреждаетъ ихъ, не попуская имъ потерпѣть что-либо человѣческое и запрещая требовать почестей отъ народа, или гордиться предъ нимъ. Хотя это и кажется маловажнымъ, однако служитъ причиною многихъ золъ. Такъ фарисеи, привыкши къ гордости въ отрочествѣ, впослѣдствіи низринулись въ бездну золъ, требуя привѣтствій, предсѣданія, посредничества. Эти пороки ввергли ихъ въ безумное славолюбіе, а послѣднее повергло ихъ въ нечестіе. Вотъ почему они навлекли на себя проклятіе за искушеніе Господа; дѣти же, какъ чистыя отъ всѣхъ этихъ пороковъ, получили благословеніе. Уподобимся же и мы дѣтямъ, и да будетъ злоба наша подобна злобѣ младенцевъ. Невозможно, невозможно, говорю, иначе увидѣть небо; всякому нечестивому и лукавому непремѣнно должно низринуться въ геенну. Но еще прежде геенны, здѣсь мы потерпимъ крайнее зло. *Аще золъ будеши*, говоритъ Писаніе, *единъ почерпнеши злая*, если же добръ, то будешь таковымъ для себя и для ближняго (Притч. IX, 12). Вспомни, что и прежде такъ было. Кто былъ злѣе Саула, и кто проще и незлобивѣе Давида? Но кто изъ нихъ былъ сильнѣе? Не два ли раза Давидъ имѣлъ Саула въ рукахъ своихъ, и не оставлялъ ли онъ ему жизнь, когда могъ отнять ее? Не пощадилъ ли его, когда имѣлъ его въ своей власти, и какъ бы связаннаго въ сѣтяхъ и темницѣ? Хотя и другіе подстрекали Давида, и самъ онъ имѣлъ причину наказать Саула за его безчисленныя преступленія, однако онъ отпустилъ его отъ себя, не причинивъ ему вреда. Саулъ со всѣмъ войскомъ преслѣдовалъ Давида, а послѣдній блуждалъ съ малымъ числомъ бѣглецовъ, лишенныхъ всякой надежды, и перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто; между тѣмъ бѣглецъ побѣдилъ царя. И это отъ того, что Давидъ вооружался простотою, а Саулъ злобою. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли представить кого злѣе Саула, искавшаго убить вождя своего войска, который счастливо совершалъ всѣ войны,
602 одерживалъ побѣды, получалъ трофеи, самъ переносилъ труды, а его украшалъ побѣдными вѣнцами?

5. Такова зависть! Она всегда строитъ козни добрымъ ближнимъ, и страждущаго ею терзаетъ и окружаетъ безчисленными

бѣдствіями. Жалкій Саулъ, пока Давидъ не ушелъ отъ него, не произносилъ въ слезахъ такихъ жалостныхъ словъ: *скорблю зѣло, и иноплеменницы воюютъ на мя, и Богъ отступи отъ мене* (1 Цар. xxvIII, 15). Пока Давидъ не удалился отъ него, дотолѣ не падалъ онъ на брани, но былъ въ безопасности и славѣ, такъ какъ слава военачальника переходила на царя. Давидъ не былъ честолюбивъ, не искалъ свергнуть его съ престола, но все исполнялъ для него и неусыпно заботился о немъ. Это видно и изъ послѣдующаго. Можетъ быть, не совсѣмъ знающіе дѣло станутъ приписывать закону подчиненности то, что Давидъ воевалъ за Саула. Но послѣ того, какъ Саулъ изгналъ Давида изъ своего царства, что уже удерживало послѣдняго въ предѣлахъ повиновенія, и заставляло удерживаться отъ войны съ царемъ? Не все ли, напротивъ, располагало убить Саула? Не строилъ ли Саулъ нѣсколько разъ козней противъ Давида? Не былъ ли онъ облагодѣтельствованъ этимъ? Не имѣлъ ли Давидъ права обвинить его? Не подвергалось ли опасности обѣщанное Давиду царствованіе, и даже самая жизнь его? Не принужденъ ли былъ Давидъ безпрестанно блуждать, бѣгать и трепетать за свою участь, доколѣ Саулъ былъ живъ и царствовалъ? И однако ничто не могло заставить Давида обагрить кровію свой мечъ. Видя Саула спящимъ, въ полной своей власти, одного, среди своихъ воиновъ, касаясь главы его, подстрекаемый многими, которые говорили, что такой благопріятный случай есть опредѣленіе Божіе, Давидъ, замкнувъ уста подстрекавшимъ его, удержался отъ убійства и отпустилъ Саула живымъ и невредимымъ и, какъ бы тѣлохранитель его и щитоносецъ, а не врагъ, обвинялъ воиновъ въ предательствѣ царя. Что можетъ сравниться съ такою душею? Что—съ такою кротостію? Объ этомъ можно судить по вышесказанному; но еще болѣе можно убѣдиться, если обратить вниманіе на то, что нынѣ бываетъ. Когда мы увидимъ нашу злость, тогда лучше познаемъ добродѣтель святыхъ. Поэтому, умоляю васъ, подражайте ихъ ревности къ добродѣтели. Если желаешь ты славы, и потому строишь козни ближнему, то тогда вполнѣ пріобрѣтешь ее, когда, презрѣвъ эту славу, будешь удерживаться отъ коварства. Какъ для сребролюбиваго пріобрѣтеніе богатства соединено съ потерею, такъ и для славолюбиваго домогательство славы соединено съ безславіемъ. И если хотите, то и другое разсмотримъ порознь. Такъ какъ мы нимало не страшимся геенны и нисколько не заботимся о царствіи небесномъ, то по крайней мѣрѣ посмотримъ на слѣдствія того и другого въ настоящей жизни. Скажи мнѣ, кто достоинъ посмѣянія: не тотъ ли, кто слишкомъ домогается славы у людей? Кто достоинъ похвалы: не тотъ ли, кто совер-

шенно пренебрегаетъ человѣческой похвалой? Слѣдовательно, если любовь къ пустой славѣ соединена съ поношеніемъ, и если тщеславный, гоняющійся за славою, не можетъ скрыться, то и будетъ онъ непремѣнно подвергаться поношенію, и домогательство славы сдѣлается для него причиною безславія. И не за это только потерпитъ онъ безчестіе, но и за то, что бываетъ принужденъ дѣлать много позорнаго и свойственнаго только самому послѣднему рабу. Равнымъ образомъ и всѣ тѣ, которые до безумія пристращаются къ корысти, обыкновенно получаютъ вредъ, главнымъ образомъ отъ своего недуга (они подвергаются многимъ обманамъ: малѣйшія выгоды причиняютъ большой вредъ, какъ
3–604 говоритъ пословица). Такъ точно и сладострастному служитъ препятствіемъ къ наслажденію необузданная его страсть. Съ сладострастными и женоподобными мужьями жены обходятся какъ съ рабами, и никогда не хотятъ обращаться съ ними какъ съ мужьями, но бьютъ ихъ по щекамъ, плюютъ въ лице, во всемъ ихъ проводятъ и обманываютъ, издѣваются надъ ними и приказываютъ исполнять всѣ свои желанія. Точно также нѣтъ ничего презрѣннѣе и безчестнѣе и человѣка надменнаго, славолюбиваго и очень много о себѣ думающаго. Люди, не привыкшіе уступать свои права другимъ, ничему столько не сопротивляются, какъ человѣку спѣсивому, надменному и славолюбивому. Притомъ гордый, чтобы удовлетворить своей страсти, надѣвая на себя личину, рабски пресмыкается предъ высшими, ласкаетъ и угождаетъ имъ и несетъ рабство хуже всякаго покупного раба. Итакъ, представляя все это, отвергнемъ эти страсти, чтобы и здѣсь не подвергнуться наказанію, и тамъ не мучиться вѣчно. Будемъ любить добродѣтель. Тогда мы и здѣсь прежде еще царствія небеснаго пріобрѣтемъ великія блага, и по смерти насладимся благами вѣчными, коихъ всѣ мы и да сподобимся, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXIII.

603 **И се единъ приступль, рече Ему: учителю благій, что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдую (Матѳ. XIX, 16)?**

1. Нѣкоторые обвиняютъ этого юношу въ томъ, будто онъ подошелъ къ Іисусу съ хитростію и лукавствомъ, и притомъ съ намѣреніемъ искусить Его; но я скорѣе согласенъ назвать его сребролюбцемъ и невольникомъ богатства, такъ какъ въ этомъ же самомъ и Христосъ изобличилъ его. Укорять же юношу въ

лукавствѣ я отнюдь не намѣренъ: не безопасно быть судіею того, чего мы не знаемъ, и особенно судіею — обличителемъ. Да и Маркъ отдалилъ такое подозрѣніе, когда сказалъ объ немъ: *притекъ и поклонся на колѣну, вопрошаше Его*; и еще: *Іисусъ же воззрѣвъ нань, возлюби его* (Марк. x, 17, 21). Отсюда видно, какъ велика власть богатства. Хотя бы мы въ остальныхъ отношеніяхъ и были добродѣтельны, богатство истребляетъ всѣ эти добродѣтели. Вотъ почему и Павелъ справедливо назвалъ его корнемъ всѣхъ золъ: *корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть*, говоритъ онъ (1 Тим. vi, 10). Но почему Христосъ отвѣчаетъ юношѣ такими словами: *никтоже благъ*? Юноша подошелъ къ Нему какъ къ простому обычному человѣку и считалъ Его просто учителемъ іудейскимъ; Іисусъ и бесѣдуетъ съ нимъ какъ человѣкъ. И часто говоритъ Онъ приспособительно къ мнѣніямъ обращавшихся къ Нему; такъ напримѣръ: *мы кланяемся егоже вѣмы* (Іоан. iv, 22); или: *аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно* (Іоан. v, 31). Итакъ, когда Онъ сказалъ: *никтоже благъ*, то этимъ не хотѣлъ показать, что Онъ не благъ. Да не будетъ этого! Вѣдь Онъ не сказалъ: почему ты называешь Меня благимъ? Я не благъ; но: *никтоже благъ*, т. е. никто изъ людей. Впрочемъ, Онъ этими словами не лишаетъ благости и людей, но только отличаетъ послѣднюю отъ благости Божіей,—почему и присовокупилъ: *токмо единъ Богъ*. Не сказалъ: только Отецъ Мой, чтобы мы знали, что Онъ не открылся юношѣ. Точно въ такомъ же смыслѣ назвалъ Онъ выше людей злыми, когда сказалъ: *аще вы лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ* (Матѳ. vii, 11). И здѣсь назвалъ Онъ ихъ злыми не съ тѣмъ, чтобы изобличить во злѣ всю природу человѣческую,—сказалъ: *вы*, а не всѣ люди,—а съ тѣмъ, чтобы только сравнить благость Божію съ благостію человѣческою, почему и присовокупилъ: *кольми паче Отецъ вашъ дастъ блага просящимъ у Него*. Но говорятъ: что заставило Іисуса Христа, и какую Онъ имѣлъ цѣль такъ отвѣчать юношѣ? Безъ сомнѣнія, ту, чтобы постепенно вести юношу къ совершенству, отучить его отъ лести, отдалить отъ пристрастія ко всему земному и приблизить къ Богу, возбудить 604
въ немъ желаніе благъ будущихъ и, наконецъ, научить его познанію истиннаго блага — источника и корня всѣхъ благъ, и ему-то одному воздавать честь. Подобно этому же, когда Христосъ говоритъ: не называйте учителя на землѣ (Матѳ. xxiii, 8), говоритъ такъ по отношенію къ Себѣ, и чтобы научить, каково первое начало всего. Юноша показалъ немалое усердіе, когда сдѣлалъ Іисусу Христу такой вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ одни приближались къ Іисусу съ намѣреніемъ

искусить Его, а другіе по причинѣ своихъ собственныхъ или чужихъ болѣзней, онъ подходитъ къ Нему и бесѣдуетъ о жизни вѣчной. Тучна была земля и способна къ плодородію, но множество тернія заглушало посѣянное. Смотри, какъ онъ доселѣ готовъ былъ къ выполненію того, что бы ни повелѣлъ Христосъ. Что мнѣ дѣлать, говоритъ юноша, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную? Вотъ готовность его исполнить повелѣніе Учителя! Если же бы юноша подошелъ къ Іисусу Христу съ намѣреніемъ искусить Его, то это показалъ бы намъ и евангелистъ, какъ онъ дѣлаетъ это въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ исторіи о законникѣ. Но если бы и самъ юноша утаилъ свое намѣреніе, то Христосъ не попустилъ бы ему утаиться: Онъ или явно, или намеками обличилъ бы его, чтобы мы не заключили, что юноша, обманувъ Его, утаился, а такимъ образомъ поругался надъ Нимъ. Сверхъ того, если бы юноша подошелъ къ Іисусу съ намѣреніемъ искусить Его, то не отошелъ бы съ печалію о томъ, что̀ услышалъ. Никто изъ фарисеевъ никогда не испыталъ въ себѣ такого состоянія; напротивъ всѣ они, будучи опровергаемы Іисусомъ, еще болѣе ожесточались противъ Него. Не такъ поступаетъ юноша: онъ уходитъ съ печалію. А это служитъ признакомъ того, что онъ подходилъ не съ коварнымъ намѣреніемъ, хотя и не съ совершенно чистымъ; желалъ наслѣдовать жизнь вѣчную, а обладаемъ былъ страстію гораздо сильнѣйшею. Итакъ, когда Христосъ сказалъ: ***аще ли хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди*** (ст. 17),—онъ не медля спрашиваетъ: ***кія?*** И спрашиваетъ не для того, чтобы искушать Іисуса,—нѣтъ,—а думалъ, что, кромѣ заповѣдей закона, есть еще другія, которыя будутъ его путеводителями въ жизнь вѣчную. Такъ сильно было его желаніе спастись! Но когда Іисусъ пересказалъ ему заповѣди закона,—***вся сія сохранихъ отъ юности моея,*** говоритъ онъ; и на этомъ не останавливается, но снова спрашиваетъ: ***что есмь еще не докончалъ*** (ст. 20)? И это тоже было знакомъ сильнаго желанія имъ вѣчнаго спасенія. Не маловажно то, что онъ не почиталъ себя докончившимъ дѣло своего спасенія, а думалъ, что сказаннаго имъ еще недостаточно къ полученію желаемаго. Что же Христосъ? Намѣреваясь предписать заповѣдь трудную, Онъ сначала предлагаетъ награду за исполненіе ея, и говоритъ: ***аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ; и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди въ слѣдъ Мене*** (ст. 21).

2. Видишь ли, какую награду и какіе вѣнцы обѣщаетъ Христосъ за этотъ подвигъ? Если бы юноша искушалъ Его, то
605 Онъ не сказалъ бы ему этого. А теперь и говоритъ, и, чтобы привлечь юношу къ Себѣ, обѣщаетъ ему великую награду, пре-

доставляетъ все собственной его волѣ, прикрывая всѣмъ этимъ трудную сторону Своего повелѣнія. Потому-то прежде, нежели говоритъ о подвигахъ и трудѣ, предлагаетъ юношѣ награду: *аще хощеши совершенъ быти*, — и потомъ уже говоритъ: *продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ*. Далѣе — опять награда: *имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди въ слѣдъ Мене*,—такъ какъ слѣдовать за Іисусомъ—великая награда. *И имѣти имаши сокровище на небеси*. Такъ какъ рѣчь была о богатствѣ, то Спаситель повелѣваетъ юношѣ оставить все, показывая впрочемъ, что Онъ не только не отнимаетъ у него богатства, но еще и присовокупляетъ къ нему новое, превышающее то, которое повелѣваетъ раздать,—настолько превышающее, насколько небо превышаетъ землю, и даже еще болѣе. Подъ сокровищемъ же Онъ разумѣетъ обильную награду, сокровище единственное, котораго никто похитить не можетъ, представляя его юношѣ сколько возможно почеловѣчески. Итакъ, не довольно презирать богатство; а надобно еще напитать нищихъ, и—главное—послѣдовать за Христомъ, т. е. дѣлать все то, что ни повелитъ Онъ, быть готовымъ на страданія и даже на смерть. *Аще*, говоритъ Онъ, *кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми* (Лук. IX, 23). Конечно, заповѣдь проливать собственную кровь гораздо труднѣе заповѣди оставить свое богатство; однакожъ и исполненіе послѣдней немало способствуетъ исполненію первой. *Слышавъ же юноша, отиде скорбя* (ст. 22). Вслѣдъ за тѣмъ, евангелистъ, желая показать, что онъ не безъ причины опечалился, прибавляетъ: *бѣ бо имѣя стяжанія многа*.

Дѣйствительно, не столько имѣютъ препятствій на пути ко спасенію тѣ, которые владѣютъ немногимъ, сколько тѣ, которые погружены въ бездну богатства,—потому что страсть къ богатству тогда бываетъ сильнѣе. И я никогда не перестану повторять, что приращеніе богатства болѣе и болѣе возжигаетъ пламя страсти и дѣлаетъ богачей бѣднѣе прежняго: возбуждая въ нихъ безпрестанно новыя пожеланія, заставляетъ чрезъ то сознавать всю свою нищету. Смотри вотъ, какую силу и здѣсь показала эта страсть. Того, кто съ радостію и усердіемъ подошелъ къ Іисусу, такъ помрачила она и такъ отяготила, что, когда Христосъ повелѣлъ ему раздать имѣніе свое, онъ не могъ даже дать Ему никакого отвѣта, но отошелъ отъ Него молча, съ поникшимъ лицомъ и съ печалію. Что же Христосъ? *Яко неудобь* богатые внидутъ въ *царствіе небесное* (ст. 23). Христосъ этими словами не богатство порицаетъ, но тѣхъ, которые пристрастились къ нему. Но если трудно войти въ царствіе небесное богатому, то что сказать о любостяжателѣ? Если не давать отъ своего имѣнія

другому есть уже препятствіе на пути къ царствію, то представь, какой собираетъ огонь тотъ, кто захватываетъ чужое! Но для чего же Христосъ сказалъ ученикамъ Своимъ, что трудно богачу войти въ царствіе небесное, когда они были бѣдны и даже ничего не имѣли? Для того, чтобы научить ихъ не стыдиться бѣдности и какъ бы оправдаться предъ ними въ томъ, почему Онъ прежде совѣтовалъ имъ ничего не имѣть. Сказавъ здѣсь, что неудобно богатому войти въ царствіе небесное, далѣе показываетъ, что и невозможно, не просто невозможно, но и въ высшей степени невозможно, что и объясняетъ примѣромъ верблюда и игольныхъ ушей. *Удобнѣе*, говоритъ, *есть велбуду сквозѣ иглины уши пройти, неже богату въ царствіе Божіе*. А отсюда видно, что немалая
606 награда ожидаетъ тѣхъ, кто при богатствѣ умѣетъ жить благоразумно. Потому Христосъ называетъ такой образъ жизни дѣломъ Божіимъ, чтобы показать, что много нужно благодати тому, кто хочетъ такъ жить. Когда же ученики смутились, слыша Его слова, Онъ далѣе сказалъ: *у человѣкъ сіе невозможно, у Бога же вся возможна* (ст. 26). Но отчего смущаются ученики, будучи бѣдны, и даже слишкомъ бѣдны? Что ихъ безпокоитъ? Оттого, что имѣли слишкомъ сильную любовь ко всему человѣчеству, и уже принимая на себя должность его учителей, страшились за другихъ, за спасеніе всѣхъ людей. Эта-то мысль очень много и смущала ихъ, такъ что они великую имѣли нужду въ утѣшеніи. Потому Іисусъ, посмотрѣвши сначала на нихъ, сказалъ: *невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога* (Лук. XVIII, 27). Кроткимъ и тихимъ взоромъ Онъ успокоилъ волнующіяся ихъ мысли, и разрѣшилъ недоумѣніе (на это самое указываетъ и евангелистъ словами: *воззрѣвъ*), а потомъ ободряетъ ихъ и словами, указывая на силу Божію, и такимъ образомъ возбуждая въ нихъ надежду. А ежели хочешь знать, какимъ образомъ и невозможное можетъ быть возможнымъ, то слушай. Не для того вѣдь сказалъ Христосъ: *невозможная у человѣкъ возможна суть у Бога*, чтобы ты ослабѣвалъ въ духѣ и удалялся отъ дѣла спасенія, какъ невозможнаго; нѣтъ, Онъ сказалъ это для того, чтобы ты, сознавая великость предмета, тѣмъ скорѣе принялся за дѣло спасенія и, съ помощію Божіею ступивъ на путь этихъ прекрасныхъ подвиговъ, получилъ жизнь вѣчную.

3. Итакъ, какимъ же образомъ невозможное сдѣлается возможнымъ? Если ты откажешься отъ своего имѣнія, раздашь его нищимъ и оставишь злыя вожделѣнія. Что Христосъ не приписываетъ дѣла спасенія исключительно одному Богу, а сказалъ такъ для того, чтобы показать трудность этого подвига, это видно изъ слѣдующаго. Когда Петръ сказалъ Христу: *се мы оставихомъ вся*

и въ слѣдъ тебе идохомъ, и потомъ спросилъ Его: *что убо будетъ намъ* (ст. 27)?—то Христосъ, опредѣливъ имъ награду, присовокупилъ: *и всякъ, иже оставитъ домъ, или земли, или братію, или сестры, или отца, или матерь, сторицею пріиметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (ст. 29). Такъ невозможное дѣлается возможнымъ. Но какъ, скажутъ, все это привести въ исполненіе? Какъ можетъ возстать тотъ, кѣмъ уже овладѣла ненасытимая страсть къ богатству? Если онъ начнетъ раздавать имѣніе и раздѣлять свои избытки,—чрезъ это онъ мало-по-малу будетъ удаляться отъ своей страсти, и впослѣдствіи поприще для него облегчится.

Итакъ, если вдругъ всего достигнуть для тебя трудно, то не домогайся получить все въ одинъ разъ, но постепенно и мало-по-малу восходи по этой лѣстницѣ, ведущей тебя на небо. Какъ страждущіе горячкою, при умножающейся внутри ихъ острой желчи, если принимаютъ какую-либо пищу и питье, не только не утоляютъ жажды, но еще сильнѣе разжигаютъ пламень, такъ точно и любостяжатели, по мѣрѣ удовлетворенія своей ненасытимой страсти, которая острѣе самой желчи, еще болѣе воспламеняютъ ее. Ничто не прекращаетъ этой страсти такъ легко, какъ постепенное ослабленіе желанія корысти, подобно тому, какъ малое употребленіе пищи и питія уничтожаетъ дѣйствіе желчи. А это, спросишь ты, какъ можетъ быть? Не иначе, какъ если ты будешь представлять, что непрестанно обогащаясь ты никогда не перестанешь жаждать новаго богатства и истаевать отъ желанія большаго, а не прилѣпляясь къ богатству легко можешь остановить и самую страсть. Итакъ, не озабочивайся многимъ,
чтобы не погнаться за тѣмъ, чего нельзя достигнуть, не зара- 607
зиться неизлѣчимою болѣзнію и отъ того не сдѣлаться несчастнѣе всѣхъ. Скажи мнѣ, кто болѣе мучится и терзается: тотъ ли, кто желаетъ дорогихъ кушаній и напитковъ и не въ состояніи удовлетворить своего желанія, или тотъ, кто не имѣетъ такого желанія? Очевидно, тотъ, который сильно желаетъ и не можетъ получить желаемаго. Состояніе желающаго и не получающаго, жаждущаго и не утоляющаго своей жажды такъ мучительно, что и Христосъ, желая дать намъ понятіе о гееннѣ, изображаетъ ее точно такъ же, представляя въ ней богатаго среди пламени; послѣдній, желая капли воды и не получая ея, жестоко мучился. Итакъ, кто презираетъ богатство, тотъ только подавляетъ въ себѣ страсть къ нему; напротивъ, кто желаетъ обогатиться и умножить свое имѣніе, тотъ еще болѣе воспламеняетъ ее, и никогда не въ силахъ подавить. Послѣдній, хотя бы собралъ безчисленное богатство, желаетъ получить еще столько же; хотя бы удалось ему и это получить, и тогда онъ пожелаетъ имѣть

еще вдвое болѣе; и такимъ образомъ, болѣе и болѣе желая, онъ впадаетъ въ нѣкоторый новый, ужасный и никогда неизлѣчимый родъ сумасшествія, которое заставляетъ его желать, чтобы и горы, и земля, и море, и вообще все претворилось для него въ золото. Итакъ, знай, что не умноженіемъ богатства, но истребленіемъ въ себѣ страсти къ нему прекращается зло. Въ самомъ дѣлѣ: если бы тебѣ пришла когда-нибудь глупая страсть летать по воздуху, то какъ бы ты истребилъ ее? Устройствомъ ли крыльевъ и другихъ потребныхъ къ тому орудій, или путемъ разсужденія, что желаніе это невыполнимо, и что не слѣдуетъ даже и пытаться его исполнить. Очевидно, послѣднимъ способомъ. Но летать, скажешь, невозможно. Но еще болѣе невозможно положить предѣлъ страсти любостяжанія; легче для людей летать, нежели умноженіемъ богатства прекратить страсть къ нему. Если ты желаешь возможнаго, то можешь утѣшаться надеждою, что нѣкогда это получишь; если же невозможнаго, то ты объ одномъ только долженъ стараться, т. е. объ истребленіи такого желанія, потому что инымъ образомъ нельзя доставить душѣ спокойствія. Итакъ, чтобы не напрасно намъ безпокоиться, для этого, отвергнувъ постоянно терзающую насъ и никогда не успокоивающуюся любовь къ богатству, устремимся къ другой, которая и гораздо легче можетъ сдѣлать насъ блаженными, и возжелаемъ небесныхъ сокровищъ. Здѣсь трудъ не великъ, а польза безчисленная: никогда не можетъ лишиться благъ небесныхъ тотъ, кто всегда бодрствуетъ, трезвится и презираетъ земныя блага, напротивъ, тотъ, кто порабощенъ и совершенно преданъ этимъ послѣднимъ, необходимо лишится первыхъ.

4. Итакъ, размысливъ о всемъ этомъ, истреби въ себѣ злую страсть къ богатству. Ты не можешь даже сказать и того, что она доставляетъ блага настоящія, а лишаетъ только будущихъ; да хотя бы это было и такъ, и это есть уже крайнее наказаніе и мученіе. На самомъ дѣлѣ, однако, нельзя сказать и этого. Страсть къ богатству подвергаетъ тебя жестокому наказанію не только въ геннѣ, но еще и прежде ея, въ настоящей жизни. Страсть эта разоряла многіе домы, воздвигала жестокія войны и заставляла прекращать жизнь насильственною смертію. Да еще и прежде этихъ бѣдствій, она помрачаетъ добрыя качества души и часто дѣлаетъ человѣка малодушнымъ, слабымъ, дерзкимъ, обманщикомъ, клеветникомъ, хищникомъ, лихоимцемъ, и вообще имѣю-
608 щимъ въ себѣ всѣ низкія качества. Но, можетъ быть, ты, смотря на блескъ серебра, на множество слугъ, на великолѣпіе зданій и на уваженіе къ богатству въ собраніяхъ, обольщаешься всѣмъ этимъ? Какое же средство противъ этой гибельной болѣзни?

Собственное твое размышленіе о томъ, какъ это уязвляетъ твою душу, какъ помрачаетъ ее и дѣлаетъ гнусною, безобразною и порочною; собственное твое размышленіе, съ какими бѣдствіями соединено собираніе богатства, съ какими трудами и опасностями должно его беречь, вѣрнѣе же—что его и нельзя уберечь до конца, а если и удастся сохранить отъ всякихъ хищеній, то приходитъ смерть и передаетъ твое богатство часто въ руки враговъ, а тебя самого похищаетъ ничего не имѣющаго, кромѣ ранъ и язвъ, полученныхъ отъ богатства, съ которыми душа твоя переселяется въ тотъ міръ. Итакъ, если ты увидишь кого-нибудь облеченнаго блестящею одеждою и окруженнаго толпой тѣлохранителей, то раскрой его совѣсть,—и ты найдешь внутри его много паутины и увидишь много нечистоты. Представь Павла и Петра, представь Іоанна и Илію, и въ особенности самого Сына Божія, Который не имѣлъ, *гдѣ главу подклонити* (Лук. IX, 58). Подражай Ему и его рабамъ и помышляй о неизреченомъ богатствѣ. Если же ты, нѣсколько прозрѣвъ, опять помрачишься земными благами, подобно погибающимъ во время караблекрушенія, то припомни изреченіе Христа о томъ, что невозможно богатому войти въ царство небесное. Вмѣстѣ съ этимъ изреченіемъ представь и то, что и горы, и земля, и море, словомъ все, если хочешь, превратились въ золото,—и ты увидишь, что ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ вредомъ, который отсюда для тебя проистекъ бы. Ты укажешь на множество десятинъ земли, на десять, двадцать или, пожалуй, и болѣе домовъ, на столько же бань, на тысячу или вдвое больше слугъ, на посеребренныя и позолоченныя колесницы, а я скажу вотъ что. Если бы каждый изъ обогащающихся между вами, презрѣвъ эту нищету (вѣдь въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ я намѣренъ говорить, это есть нищета), пріобрѣлъ весь міръ, если бы каждый изъ нихъ столько же имѣлъ у себя рабовъ, сколько теперь находится людей на землѣ, морѣ и во всемъ мірѣ, если бы каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ владѣніи и землю, и море, всѣ зданія, города и народы, и если бы для нихъ изъ всѣхъ источниковъ, вмѣсто воды, текло золото, то и этихъ богачей я не счелъ бы стоющими даже трехъ оболовъ,—такъ какъ они лишаются царствія небеснаго. Если они, желая тлѣнныхъ благъ, мучатся, когда не получаютъ ихъ, то что можетъ утѣшить ихъ, когда они узнаютъ цѣну будущихъ неизреченныхъ благъ? Совершенно ничто. Итакъ, помышляй не о множествѣ богатства, но о томъ вредѣ, которому подвергаются слишкомъ пристрастившіеся къ нему; они изъ-за него теряютъ небесныя блага, и уподобляются тѣмъ, которые, лишившись великой чести при царскомъ дворѣ, остаются съ кучей навоза, и даже

еще гордятся этимъ. И подлинно, куча богатства ничѣмъ не лучше кучи навоза, даже еще хуже. Навозъ годенъ и для земледѣлія, и для топленія бань, и для другихъ подобныхъ нуждъ; золото же, закопанное въ землю, совершенно безполезно: да и дай Богъ, чтобы оно было только безполезно. Но оно въ душѣ обладающаго имъ воспламеняетъ какъ бы огненную пещь, если не употребляется какъ должно. Какихъ золъ оно не причиняетъ? Потому-то свѣтскіе писатели и называли любостяжаніе верхомъ золъ, а блаженный Павелъ гораздо лучше и съ большею выразительностію
609.610 назвалъ корнемъ всѣхъ золъ. Итакъ, размышляя о всемъ этомъ, поревнуемъ тому, что достойно ревности: не желая величественныхъ зданій или дорогихъ помѣстій, поревнуемъ мужамъ, имѣющимъ великое дерзновеніе къ Богу, которые приготовили себѣ сокровище на небесахъ и наслаждаются имъ, мужамъ, которые поистинѣ богаты, такъ какъ сдѣлались бѣдными для Христа; поревнуемъ имъ, чтобы получить намъ вѣчныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXIV.

609 **Тогда отвѣщавъ Петръ, рече Ему: се мы оставихомъ вся, и вслѣдъ Тебѣ идохомъ, что убо будетъ намъ (Матѳ. xix, 27)?**

Что это значитъ, блаженный Петръ: *оставихомъ вся?* Уду, сѣти, корабль, ремесло? Это ли разумѣешь ты подъ словомъ: *вся?* Да, отвѣчаетъ онъ. Но не честолюбіе заставляетъ меня говорить такъ. Я хочу этимъ вопросомъ обратить людей бѣдныхъ (ко Господу). Такъ какъ Господь сказалъ: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси* (Матѳ. xix, 21), то, чтобы кто изъ бѣдныхъ не спросилъ: что же, если у меня нѣтъ имѣнія, значитъ я и не могу быть совершеннымъ?—для того Петръ предлагаетъ вопросъ свой Іисусу, чтобы ты, бѣдный, зналъ, что бѣдность твоя нимало не вредитъ тебѣ. Петръ спрашиваетъ для того, чтобы не отъ Петра узналъ ты истину, и сомнѣвался (онъ и самъ тогда былъ еще несовершенъ и не имѣлъ Духа), но чтобы, получивъ отвѣтъ отъ Учителя Петрова, былъ твердо увѣренъ въ ней. Какъ поступаемъ мы, когда, предлагая мнѣнія другихъ, часто усвояемъ ихъ себѣ, такъ поступилъ и апостолъ: онъ вмѣсто всей вселенной предложилъ Іисусу этотъ вопросъ. Свою участь онъ зналъ

ясно, какъ это видно изъ того, что о немъ было прежде сказано. Получивши еще на землѣ ключи царствія небеснаго, онъ тѣмъ болѣе могъ быть увѣренъ въ наслѣдіи благъ. Но смотри, съ какою точностію отвѣчаетъ онъ на требованія Христовы. Христосъ требовалъ отъ богатаго двухъ вещей: чтобы онъ отдалъ имѣніе свое нищимъ, и чтобы послѣдовалъ за Нимъ. Поэтому и апостолъ указываетъ на эти же два дѣйствія: на оставленіе имѣнія и послѣдованіе за Іисусомъ. *Се мы*, говоритъ онъ, *оставихомъ вся, и вслѣдъ тебе идохомъ*. Оставленіе всего было нужно для послѣдованія: послѣдованіе чрезъ оставленіе сдѣлалось удобнѣе, и за то, что они оставили все, были исполнены надежды и радости. Что же отвѣчаетъ Христосъ? *Аминь глаголю вамъ, яко вы, шедшіи по Мнѣ, въ пакибытіе, егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы Своея, сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома* (ст. 28). Итакъ что же? И Іуда будетъ сидѣть на престолѣ? Нѣтъ. Какъ же Христосъ говоритъ: *вы сядете на двоюнадесяте престолу?* Какъ обѣщаніе это исполнится? Внимай, какъ и какимъ образомъ. Богъ далъ законъ, чрезъ Іеремію пророка возвѣщенный іудеямъ, и гласящій: *наконецъ возглаголю на языкъ и на царство, да искореню и разорю. И аще обратится языкъ той отъ лукавствъ своихъ, раскаюся и Азъ о озлобленіихъ, яже помыслихъ сотворити имъ. И наконецъ реку на языкъ и на царство, да возсозижду и насажду я. И аще сотворятъ лукавая предо Мною, еже не послушати гласа Моего, раскаюся и Азъ о благихъ, яже глаголахъ сотворити имъ* (Iерем. XVIII, 7, 10). По тому же закону поступаю Я, говоритъ Онъ, и съ добродѣтельными. Хотя Я и обѣщаю возсоздать ихъ, но если они окажутся недостойными этого обѣщанія, то Я не исполню его. Такъ случилось съ человѣкомъ пер- 610
возданнымъ. *Трепетъ и страхъ вашъ*, сказалъ Господь, *будетъ на всѣхъ звѣрехъ земныхъ* (Быт. IX, 2); но этого не исполнилось, такъ какъ человѣкъ самъ себя показалъ недостойнымъ такой власти. Такъ точно и Іуда. Но чтобы одни, устрашенные приговоромъ наказанія, не предались отчаянію и еще болѣе не ожесточились, а другіе, надѣясь на обѣщаніе благъ, не сдѣлались совершенно безпечными, ту и другую болѣзнь Онъ врачуетъ вышеупомянутымъ образомъ, какъ бы такъ говоря: буду ли Я угрожать тебѣ казнію, не отчаивайся, потому что ты можешь покаяться и уничтожить Мое опредѣленіе, какъ сдѣлали ниневитяне; буду ли обѣщать какое-либо благо, не ослабѣвай, надѣясь на обѣщаніе, потому что если ты окажешься недостойнымъ, то Мое обѣщаніе не только не принесетъ тебѣ никакой пользы, но еще увеличитъ твое наказаніе. Я обѣщаю награду только достойному. Вотъ почему и тогда, бесѣдуя съ учениками Своими, Онъ не безъ условія

далъ обѣщаніе; не сказалъ просто: *вы*, но присовокупилъ еще: *шедшіи по Мнѣ*, чтобы и Іуду отвергнуть, и тѣхъ, которые послѣ имѣли обратиться къ Нему, привлечь,—эти Его слова относились не къ ученикамъ однимъ, и не къ Іудѣ, который впослѣдствіи времени сдѣлался недостойнымъ Его обѣщанія. Итакъ, ученикамъ Господь обѣщалъ дать награду въ будущей жизни, говоря: *сядете на двоюнадесяте престолу* (потому что они уже находились на высшей степени совершенства, и никакихъ земныхъ благъ не искали); а другимъ обѣщаетъ и настоящія блага: и *всякъ*, говоритъ, *иже оставитъ братію, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, или домъ имене Моего ради, сторицею пріиметъ* въ настоящемъ вѣкѣ, *и животъ вѣчный наслѣдитъ*. Чтобы нѣкоторые, слыша слово: *вы*, не подумали, что сподобиться въ будущей жизни величайшихъ и первыхъ почестей предоставлено однимъ ученикамъ, Онъ продолжилъ рѣчь и распространилъ Свое обѣщаніе на всю землю, и обѣщая настоящія блага, увѣряетъ въ будущихъ. Господь и съ учениками, вначалѣ, когда они еще были несовершенны, началъ бесѣду Свою представленіемъ настоящихъ благъ. Когда именно Онъ призывалъ ихъ къ Себѣ, отъ моря, и отвлекалъ отъ ихъ ремесла, и повелѣвалъ оставить корабль, Онъ упоминалъ не о небесахъ, не о престолахъ, но о настоящихъ вещахъ, говоря: *сотворю вы ловцы человѣкомъ* (Матѳ. IV, 19). Но когда возвелъ ихъ на высшую степень совершенства, тогда говоритъ уже и о небесныхъ благахъ.

2. Но что значатъ слова: *судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома?* То, что они осудятъ ихъ; апостолы не будутъ сидѣть, какъ судіи; но въ какомъ смыслѣ сказалъ Господь о царицѣ Южской, что она осудитъ родъ тотъ, и о ниневитянахъ, что они осудятъ ихъ, въ томъ же говоритъ и о апостолахъ. Потому и не сказалъ: *судяще языкомъ* и вселеннѣй, но: *колѣнома Израилевома*. Іудеи были воспитаны въ тѣхъ же самыхъ законахъ, и по тѣмъ же обычаямъ, и вели такой же образъ жизни, какъ и апостолы. Поэтому, когда они въ свое оправданіе скажутъ, что мы не могли увѣровать во Христа потому, что законъ воспрещалъ намъ принимать заповѣди Его, то Господь, указавъ имъ на апостоловъ, имѣвшихъ одинъ съ ними законъ и однако же увѣровавшихъ, всѣхъ ихъ осудитъ, какъ о томъ и раньше сказалъ: *сего ради тіи будутъ вамъ судіи* (Матѳ. XII, 27). Что же, скажешь ты, великаго
611 въ Его обѣщаніяхъ, если апостолы будутъ имѣть то же, что имѣютъ ниневитяне и царица Южская? Но Онъ еще прежде обѣщалъ имъ много другихъ наградъ и послѣ обѣщаетъ. Не въ этомъ одномъ только ихъ награда. Впрочемъ и въ этомъ обѣщаніи заключается нѣчто большее предъ тѣмъ, что сказано о нине-

ниневитянахъ и царицѣ Южской. О послѣднихъ Господь сказалъ просто: *мужіе Ниневитстіи востанутъ и осудятъ родъ сей, и царица Южская осудитъ* (Матѳ. xii, 41, 42). А о апостолахъ не говоритъ такъ просто. Но какъ говоритъ? *Егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы Своея, тогда и вы сядете на двоюнадесяте престолу*,— показывая этимъ, что и они вмѣстѣ съ Нимъ будутъ царствовать и участвовать въ той славѣ. *Аще терпимъ*, говоритъ апостолъ, *съ Нимъ и воцаримся* (2 Тим. ii, 12). Престолы не означаютъ сѣдалища (такъ какъ Онъ одинъ есть сѣдящій и судящій), но ими означается неизреченная слава и честь. Итакъ, апостоламъ обѣщалъ Господь эту награду, а всѣмъ прочимъ—животъ вѣчный и сторичную мзду здѣсь. Но если всѣ прочіе, то тѣмъ болѣе апостолы должны получить возмездіе и тамъ, и въ здѣшнемъ вѣкѣ. Такъ и сбылось. Оставивъ уду и сѣти, они имѣли во власти своей имущества всѣхъ людей, ихъ домы, поля и даже самыя тѣла вѣрующихъ; многіе готовы были даже умереть за нихъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Павелъ, говоря: *аще бы было мощно, очеса бы ваши извертѣвше, дали бысте ми* (Галат. iv, 15). Далѣе, словами: *всякъ, иже оставитъ жену*, Господь не внушаетъ того, чтобы безъ причины были расторгаемы браки; но какъ говоря о душѣ, что *погубивый душу свою Мене ради обрящетъ ю* (Матѳ. x, 39), говорилъ это не для того, чтобы мы убивали самихъ себя и тотчасъ разлучали душу съ тѣломъ, но для того, чтобы предпочитали всему благочестіе,—такъ и здѣсь того же требуетъ Онъ, повелѣвая оставить жену и братьевъ. Мнѣ кажется также, что Онъ говоритъ здѣсь еще и о гоненіяхъ. Въ то время многіе отцы дѣтей своихъ и жены мужей своихъ привлекали къ нечестію. Итакъ, когда они отъ васъ требуютъ этого, говоритъ Господь, оставьте и жену, и отца, о чемъ и Павелъ говоритъ: *аще ли невѣрный отлучается, да разлучится* (1 Кор. vii, 15). Возвысивъ такимъ образомъ апостоловъ и утвердивъ ихъ въ надеждѣ награды, опредѣленной и имъ самимъ и всей вселенной, Господь присоединилъ: *мнози будутъ первіи послѣдніи, и послѣдніи первіи* (Матѳ. xix, 30). Словъ этихъ нельзя ограничивать нѣкоторыми только лицами. Они относятся ко многимъ и другимъ; впрочемъ въ нихъ говорится и о вѣрующихъ, и о непокорныхъ фарисеяхъ, какъ и прежде о нихъ же говорилъ Господь, что *мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ съ Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ, сынове же царствія изгнани будутъ вонъ* (Матѳ. viii, 11, 12). Потомъ Господь предлагаетъ и притчу, чтобы побудить къ большей ревности тѣхъ, которые обратились къ Нему послѣ другихъ. *Подобно есть*, говоритъ Онъ, *царствіе небесное человѣку домовиту, иже изыде купно утро наяти дѣлатели въ*

виноградъ свой. И совѣщавъ съ ними по пѣнязю на день, посла ихъ въ виноградъ. И въ третій часъ видѣ ины стояща праздны, и тѣмъ рече: идите и вы въ виноградъ, и еже будетъ праведно, дамъ вамъ. И въ шестый и девятый часъ сотвори такожде. Во единый же надесять часъ видѣ другія стояща праздны, и глагола имъ: что здѣ стоите весь день
612 *праздни? Они же глаголаша ему: никтоже насъ наятъ. Глагола имъ: идите и вы въ виноградъ мой, и еже будетъ праведно, пріимете. Вечеру же бывшу, глагола господинъ винограду къ приставнику своему: призови дѣлатели и даждь имъ мзду, наченъ отъ послѣднихъ до первыхъ. И пришедше иже въ единонадесятый часъ, пріяша по пѣнязю. И первіи мняху больше пріяти; и пріяша и тіи по пѣнязю. И пріемше ропташу на господина, глаголюще: сіи послѣдніи единъ часъ сотвориша, и равныхъ намъ сотворилъ ихъ еси, понесшимъ тяготу дне и варъ. Онъ же, отвѣщавъ единому ихъ, рече: друже, не обижу тебе; не по пѣнязю ли совѣщалъ еси со мною? Возми твое и иди: хощу же и сему послѣднему дати, якоже и тебѣ. Или нѣсть ми лѣть сотворити еже хощу во своихъ ми? Аще око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмь? Тако будутъ послѣдніи первы, и первіи послѣдни: мнози бо суть звани, мало же избранныхъ* (Мате. xx, 1—17).

3. Что значитъ эта притча? Сказанное въ началѣ не согласно съ тѣмъ, что говорится въ концѣ ея, но открываетъ совершенно противное. Въ ней Господь показываетъ, что всѣ люди получаютъ равныя награды; а не говоритъ того, что одни изгоняются, а другіе вводятся. Но прежде этой притчи и послѣ нея Онъ говорилъ противное: *будутъ первіи послѣдни и послѣдніи первы*, то есть, послѣдніе будутъ выше и самыхъ первыхъ, которые уже не будутъ первыми, но сдѣлаются послѣдними. А что таковъ дѣйствительно смыслъ этого изреченія, это видно изъ присоединенныхъ къ нему словъ: *мнози бо суть звани, мало же избранныхъ*,—которыми Господь вмѣстѣ и первыхъ укоряетъ, и послѣднихъ утѣшаетъ и ободряетъ. Но притча не то говоритъ, въ ней говорится только, что послѣдніе равны будутъ мужамъ уже испытаннымъ и много трудившимся. *Равныхъ бо намъ*, говорится въ ней, *ихъ сотворилъ еси, понесшимъ тяготу дне и варъ*. Итакъ, что же значитъ эта притча? Нужно прежде объяснить ее, и тогда мы разрѣшимъ указанное противорѣчіе. Виноградомъ называются въ ней повелѣнія и заповѣди Божіи, временемъ дѣланія—настоящая жизнь, а дѣлателями — тѣ, которые различнымъ образомъ призываются къ исполненію заповѣдей Божіихъ; утро же, третій, шестой, девятый и одинадцатый часъ — означаютъ различные возрасты пришедшихъ и получившихъ одобреніе за труды свои. Но главное дѣло состоитъ въ томъ: тѣ первые, которые столько прославились и угодили Богу и весь день съ особенною ревностію

провели въ трудахъ, не заражены ли сильнѣйшею страстію злобы, завистію и недоброжелательствомъ? Видя, что и пришедшіе послѣ нихъ получили такую же награду, они говорили: *сіи послѣдніи единъ часъ сотвориша, и равны ихъ намъ сотворилъ еси, понесшимъ тяготу дне и варъ*. Такъ они, не потерпѣвъ никакого убытка и получивъ сполна свою награду, досадовали и негодовали на то, что другіе пользуются благами,—а это происходило отъ зависти и недоброжелательства. Но что всего важнѣе, самъ Домовладыка, защищая тѣхъ и оправдывая свой поступокъ предъ человѣкомъ, говорившимъ ему, обвиняетъ его въ злобѣ и крайней зависти, говоря: *не по пѣнязю ли совѣщалъ еси со Мною? Возми твое и иди; хощу же послѣднему дати якоже и тебѣ. Аще око твое* 613
лукаво есть, яко азъ благъ есмь? Итакъ, чему научаютъ насъ такія притчи? Не въ этой только, но и въ другихъ притчахъ то же можно видѣть. Такъ, напримѣръ, и добрый сынъ впалъ въ такую же душевную болѣзнь, когда увидѣлъ, что блудный братъ его удостоился великой чести, и даже большей, нежели онъ. Какъ послѣднимъ дѣлателямъ винограда большая честь была оказана тѣмъ, что они первые получили награду, такъ и блудному сыну обиліемъ даровъ сдѣлано было предпочтеніе, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ добрый сынъ. Что же слѣдуетъ сказать? То, что въ царствѣ небесномъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы производилъ такіе споры и жалобы, и быть не можетъ, потому что тамъ нѣтъ мѣста ни зависти, ни недоброжелательству. Если святые и въ настоящей жизни полагаютъ души свои за грѣшниковъ, то, видя ихъ тамъ наслаждающихся уготованными благами, они тѣмъ болѣе радуются, и почитаютъ это собственнымъ блаженствомъ. Итакъ, для чего Господь въ такомъ образѣ предложилъ слово Свое? Это притча; а въ притчахъ не нужно изъяснять все по буквальному смыслу, но узнавши цѣль, для которой она сказана, обращать это въ свою пользу, и болѣе ничего не испытывать. Для чего же такъ изображена эта притча, и какая цѣль ея? Та, чтобы содѣлать ревностнѣйшими людей, которые въ глубокой старости перемѣняютъ образъ жизни и становятся лучшими, и чтобы освободить ихъ отъ того мнѣнія, будто они ниже другихъ (въ царствѣ небесномъ). Потому-то Господь и представляетъ, что другіе съ огорченіемъ смотрятъ на ихъ блага, не для того, чтобы показать, будто они истаеваютъ отъ зависти и терзаются,—нѣтъ,—но чтобы увѣрить, что и поздно обратившіеся удостоятся такой чести, которая можетъ породить въ другихъ зависть. Такъ часто дѣлаемъ и мы сами, говоря: онъ меня обвиняетъ за то, что я тебя удостоилъ такой чести,—и говоримъ такъ не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ кто-либо

обвинялъ насъ, или чтобы намъ хотѣлось оклеветать кого, но чтобы показать этимъ величіе дара, коего другой удостоился. Но почему Онъ не всѣхъ вдругъ нанялъ? Насколько могъ, всѣхъ, а что не всѣ вдругъ Его послушались, это зависѣло отъ воли званныхъ. Поэтому Онъ однихъ утромъ, другихъ въ третьемъ, иныхъ въ шестомъ, иныхъ въ девятомъ часу призываетъ, а нѣкоторыхъ даже въ одиннадцатомъ, смотря по тому, когда кто готовъ былъ повиноваться Ему. Это объясняетъ и Павелъ, говоря: *егда же благоволи избравый мя отъ чрева матери моея* (Гал. I, 15). Но когда благоволилъ? Тогда, когда онъ готовъ былъ повиноваться. Самъ Богъ хотѣлъ этого отъ начала; но такъ какъ Павелъ не послушалъ бы Его, то Онъ тогда благоволилъ призвать его, когда последній и самъ готовъ былъ покориться Ему. Такъ призвалъ Онъ и разбойника. Могъ и прежде призвать его; но тогда онъ не послушалъ бы Его. Если Павелъ не послушалъ бы Его сначала, то тѣмъ болѣе разбойникъ. Что же касается до словъ дѣлателей: *никтоже насъ наятъ*, то уже я сказалъ общую мысль, что не на все въ притчахъ должно обращать вниманіе. А здѣсь это не нужно и потому, что говорящимъ представляется не самъ Домовладыка, но трудившіеся. Онъ же не обличаетъ ихъ для того, чтобы не привести ихъ въ смущеніе, но привлечь къ Себѣ. А что Онъ звалъ всѣхъ, кого могъ, въ первомъ часу, это видно и изъ самой притчи, гдѣ сказано, что Онъ съ утра вышелъ нанять.

4. Итакъ изъ всего видно, что притча эта сказана какъ для тѣхъ, которые въ первомъ возрастѣ жизни своей, такъ и для тѣхъ, которые въ старости и позже начали жить добродѣтельно: для первыхъ, чтобы они не возносились и не упрекали тѣхъ, кто пришелъ въ одиннадцатый часъ; для послѣднихъ, чтобы они познали, что и въ короткое время можно все пріобрѣсть. Такъ какъ раньше Господь говорилъ о великой ревности,
614 объ оставленіи имѣній и о пренебреженіи всего находящагося на землѣ, а для этого потребно великое мужество и юношеская ревность, то чтобы возжечь въ слушателяхъ пламень любви и волю содѣлать твердою, Онъ показываетъ, что и послѣ пришедшіе могутъ получить награду за цѣлый день. Этого впрочемъ Онъ не говоритъ, чтобы они опять не возгордились; но показываетъ, что все зависитъ отъ Его человѣколюбія, по которому и они не будутъ отвергнуты, но будутъ удостоены вмѣстѣ съ другими неизреченныхъ благъ. И это-то составляетъ главную цѣль настоящей притчи. Если далѣе Онъ присовокупляетъ: *такъ будутъ послѣдніи первіи, и первіи послѣдни, мнози бо суть звани, мало же избранныхъ*,—то не удивляйся этому. Это Онъ высказываетъ

не какъ заключеніе, выведенное изъ притчи, а утверждаетъ лишь то, что какъ сбылось одно, такъ сбудется и другое. Здѣсь первые не сдѣлались послѣдними, но всѣ получили одну награду, сверхъ всякой надежды и ожиданія. Но какъ здѣсь, сверхъ чаянія и надежды, сбылось то, что послѣдніе сравнялись съ первыми, такъ сбудется и еще большее и удивительнѣйшее, т. е., что послѣдніе окажутся впереди первыхъ, а первые останутся за ними. Итакъ, одно выражаетъ притча, другое—послѣсловіе. Кажется мнѣ, что Онъ указываетъ здѣсь на іудеевъ и на тѣхъ изъ вѣрныхъ, которые, просіявъ сначала добродѣтелію, послѣ нея вознерадѣли и опять обратились къ пороку; равно какъ и на тѣхъ, которые, удалившись отъ беззаконія, многихъ превзошли добродѣтелями. И дѣйствительно, мы видимъ, что такія перемѣны случаются и въ вѣрѣ, и въ образѣ жизни.

Потому умоляю васъ, будемъ прилагать великое стараніе о томъ, чтобы намъ пребывать и въ правой вѣрѣ и вести жизнь добродѣтельную. Ежели мы съ вѣрою не соединимъ достойной жизни, то подвергнемся жесточайшему наказанію. Это подтвердилъ блаженный Павелъ опытомъ древнихъ временъ, когда онъ, говоря о израильтянахъ, что *вси тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде пиво духовное пиша* (1 Кор. x, 4), присоединяетъ далѣе, что они не спаслись: *поражени бо быша въ пустыни* (5). И самъ Христосъ въ евангеліи подтвердилъ то же, когда сказалъ, что нѣкоторые люди, изгонявшіе бѣсовъ и пророчествовавшіе, осуждены будутъ на казнь. Да и всѣ притчи Его, какъ-то: притча о дѣвахъ, о неводѣ, о терніи, о древѣ, не приносящемъ плода, требуютъ, чтобы мы были добродѣтельны на дѣлѣ. О догматахъ Господь рѣдко разсуждаетъ (такъ какъ вѣрить имъ не трудно), но о жизни добродѣтельной—очень часто, или лучше сказать, всегда, такъ какъ на поприщѣ ея предстоитъ всегдашняя брань, а потому и трудъ. И что я говорю о совершенномъ пренебреженіи добродѣтели? Даже нерадѣніе о малѣйшей части ея подвергаетъ великимъ бѣдствіямъ. Такъ небреженіе о подаяніи милостыни ввергаетъ небрегущаго о томъ въ геенну, хотя это не вся добродѣтель, а только часть ея. И однако дѣвы за то, что не имѣли этой добродѣтели, были наказаны, и богачъ за то же страдалъ въ пламени, и всѣ тѣ, которые не напитали алчущаго, осуждаются съ діаволомъ. Равнымъ образомъ и не укорять другихъ есть малѣйшая часть добродѣтели,—однакоже кто ея не исполняетъ, тотъ изгнанъ будетъ изъ царствія. *Рекій бо брату своему*, говоритъ Писаніе, *уроде, повиненъ есть гееннѣ огненнѣй* (Матѳ. v, 22). И цѣломудріе, опять, есть часть добродѣтели; но безъ нея никто не увидитъ Господа: Писаніе говоритъ: 615

миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихъ же кромѣ никто же узритъ Господа (Евр. XII, 4). Смиренномудріе есть также часть добродѣтели; но если бы кто другія добродѣтели исполнилъ, а этой не соблюлъ, тотъ не чистъ предъ Богомъ. Это показываетъ примѣръ фарисея, который былъ украшенъ многими добродѣтелями, но гордостію погубилъ все. Я еще гораздо болѣе скажу: не только пренебреженіе одной какой-либо добродѣтели заключаетъ для насъ небо; но хотя бы мы и исполнили ее, но не съ должнымъ тщаніемъ и ревностію, и это производитъ такія же слѣдствія. *Аще не избудетъ правда ваша*, говоритъ Христосъ, *паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. V, 20). Потому если ты и милостыню подаешь, но не болѣе той, какую они подавали, то не внидешь въ царствіе. Какъ же великую милостыню, спроситъ кто-либо, они подавали? Я и самъ хочу говорить теперь объ этомъ для того, чтобы не дающихъ милостыни побудить къ подаянію ея, а дающихъ предохранить отъ высокомѣрія и заставить подавать еще болѣе. Итакъ, что фарисеи давали? Они давали десятину отъ всего имущества, и еще другую десятину, и сверхъ того еще третью, такъ что отдавали почти третью часть своего имѣнія,—вѣдь три десятины и составляютъ почти третью часть всего имѣнія. Сверхъ того они приносили еще начатки перворoccodныхъ животныхъ, и много другихъ жертвъ, каковы, напримѣръ, жертвы о грѣхѣ, о очищеніи,—жертвы, совершаемыя при праздникахъ, во время юбилея, при оставленіи долговъ, при отпущеніи рабовъ и при займахъ безъ роста. Если же дающій третью часть имѣній своихъ, или лучше—половину (эти приношенія, взятыя вмѣстѣ съ десятинами, и составляютъ половину), если, говорю, дающій половину не дѣлаетъ ничего великаго, то чего будетъ достоинъ тотъ, кто не подаетъ и десятины? Справедливо поэтому сказалъ Господь, что не многіе спасутся.

5. Итакъ приложимъ попеченіе о добродѣтельной жизни. Если нерадѣніе объ одной какой-либо добродѣтели влечетъ за собою такую погибель, то какъ избѣжимъ мы наказанія, когда будемъ подлежать осужденію за нерадѣніе о всѣхъ? Какихъ не потерпимъ мученій? Какая же послѣ этого, скажутъ, остается намъ надежда спасенія, когда все вышесказанное, каждое въ отдѣльности, угрожаетъ намъ геенною? И я говорю то же. Впрочемъ, если мы будемъ внимательны, то можемъ спастись, уготовляя врачество милостыни и исцѣляя (имъ) раны. Подлинно, не столько елей укрѣпляетъ тѣло, сколько человѣколюбіе укрѣпляетъ душу и содѣлываетъ ее ничѣмъ непобѣдимою и неуловимою для діавола. За что бы онъ ни взялъ ее, она тотчасъ

ускользаетъ отъ него,—милосердіе, какъ елей, не попускаетъ держаться рукѣ его на хребтѣ нашемъ. Итакъ, будемъ чаще намащать себя этимъ елеемъ: онъ основаніе здравія, источникъ свѣта и причина веселія. Но иной, скажешь ты, столько-то и столько имѣетъ талантовъ золота, и ничего не подаетъ. А что тебѣ до этого? Тѣмъ болѣе будешь имѣть похвалы ты, когда при своей бѣдности будешь его щедрѣе. Такъ хвалилъ македонянъ Павелъ не за то, что они подали помощь, но за то, что подали ее, находясь въ бѣдности. Итакъ, не на другихъ взирай, но на общаго всѣхъ Учителя, Который не имѣлъ, гдѣ главы подклонить. Но почему же, скажешь ты, такой-то и такой-то этого не дѣлаютъ? Не суди другого, а себя самого избавь отъ осужденія. Ты еще большему подвергнешься наказанію, когда и другихъ будешь порицать, и самъ не будешь дѣлать,—когда, осуждая другихъ, и самъ будешь повиненъ тому же суду. Если 616
и тѣмъ, которые сами исполняютъ свои обязанности, не дано права судить другихъ, то тѣмъ болѣе нарушающимъ ихъ. Итакъ, не будемъ осуждать другихъ, и не будемъ смотрѣть на лѣнивыхъ, но посмотримъ лучше на Господа Іисуса и возьмемъ примѣръ съ Него. Я ли тебя облагодѣтельствовалъ? Я ли искупилъ тебя, чтобы ты взиралъ на меня? Нѣтъ! Есть другой, все это тебѣ Даровавшій. Для чего же ты, оставивъ Владыку, смотришь на подобнаго тебѣ раба? Или ты не слыхалъ, что Онъ говорилъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. xi, 29)? И еще: *иже аще хощетъ въ васъ быти* первый, *да будетъ всѣмъ слуга*; и еще: *якоже Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити* (Матѳ. xx, 26, 28)? Кромѣ того, чтобы ты, соблазняясь примѣромъ лѣнивыхъ рабовъ, подобныхъ тебѣ, не проводилъ жизнь въ праздности, Онъ, отклоняя тебя отъ этого, говоритъ: *образъ Себе дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ, и вы творите* (Іоан. xiii, 15). Ты не имѣешь никакого учителя добродѣтели между людьми, живущими съ тобою, который бы могъ тебя въ этомъ дѣлѣ руководствовать? Но тѣмъ болѣе тебѣ будетъ похвалы, болѣе славы, что ты и безъ учителей содѣлался достойнымъ славы. А достигнуть этого мы можемъ весьма легко, если захочемъ. Въ томъ удостовѣряютъ насъ достигшіе такого совершенства праотцы наши, какъ-то: Ной, Авраамъ, Мелхиседекъ, Іовъ и другіе, подобные имъ; на нихъ-то и должны мы всякій день взирать, а не на тѣхъ, кому вы не перестаете завидовать и о комъ говорите въ вашихъ собраніяхъ. Я только и слышу повсюду такіе разговоры, что такой-то получилъ во владѣніе столько-то и столько десятинъ земли, такой-то богатѣетъ, тотъ-то строитъ домы. Для чего ты занимаешься внѣшнимъ, о, че-

ловѣкъ? Для чего смотришь на другихъ? Если хочешь смотрѣть на другихъ, то смотри на тѣхъ, которые живутъ добродѣтельно и честно, которые ревностно исполняютъ весь законъ, а не на тѣхъ, которые претыкаются и живутъ безчестно. Если ты будешь смотрѣть на послѣднихъ, то получишь отъ этого много зла,—впадешь въ лѣность, въ гордость, и станешь осуждать другихъ; а если будешь исчислять живущихъ добродѣтельно, то пріобрѣтешь смиренномудріе, тщаніе, сокрушеніе сердца, и другія безчисленныя блага. Внемли, какъ пострадалъ фарисей за то, что оставивши добрыхъ, смотрѣлъ на грѣшнаго; внемли и бойся. Смотри, какъ прославился Давидъ потому, что взиралъ на предковъ своихъ, добродѣтельно жившихъ. *Пресельникъ*, говоритъ онъ, *азъ есмь и пришлецъ, якоже вси отцы мои* (Пс. xxxvIII, 13). И онъ, и всѣ подобные ему, оставя грѣшныхъ, помышляли о мужахъ прославившихся добродѣтелію. Поступай и ты такъ. Тебя никто не поставилъ судіею чужихъ проступковъ, или изслѣдователемъ чужихъ грѣховъ. Ты долженъ судить себя самого, а не другихъ: *аще бо быхомъ*, говоритъ апостолъ, *себѣ разсуждали, не быхомъ осуждени были*; *судими же отъ Господа наказуемся* (1 Кор. xI, 31, 32). А ты извратилъ этотъ порядокъ. Отъ себя ни въ великихъ, ни въ малыхъ согрѣшеніяхъ не требуешь никакого отчета, а въ другихъ всякое прегрѣшеніе тщательно замѣчаешь. Итакъ, не будемъ же болѣе дѣлать такъ, но, оставивъ такой безпорядокъ, поставимъ судилище въ насъ самихъ для сужденія о своихъ грѣхахъ, сами будемъ и обвинителями, и судіями, и наказателями своихъ проступковъ. Если же хочешь испытывать и дѣла другихъ, то разсматривай добрыя дѣла ихъ, а не грѣхи,— чтобы, побуждаясь и воспоминаніемъ о своихъ согрѣшеніяхъ, и ревностію къ подвигамъ другихъ, и представленіемъ нелицепріятнаго суда, намъ ежедневно наказываться совѣстію, какъ
617-618 нѣкіимъ бичемъ, и такимъ образомъ преуспѣвая въ смиренномудріи и ревніи, достигнуть будущихъ благъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXV.

И восходя Іисусъ во Іерусалимъ, поятъ обанадесяте ученика едины на путь, и рече имъ: се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ архіереемъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть. И предадятъ Его языкомъ на поруганіе и біеніе и пропятіе: и въ третій день воскреснетъ (Матѳ. xx, 17, 18). 617

1. Не тотчасъ по выходѣ изъ Галилеи Іисусъ пришелъ въ Іерусалимъ. Во время пути Своего Онъ произвелъ много чудесъ, посрамилъ фарисеевъ и разсуждалъ съ учениками—о нестяжательности: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое* (Матѳ. xix, 21); о дѣвствѣ: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (ст. 12); о смиренномудріи: *аще не обратитеся и будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное* (Матѳ. xviii, 3); о воздаяніи въ настоящей жизни: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, сторицею пріиметъ* (Матѳ. xix, 29) въ настоящемъ вѣкѣ, и о наградахъ въ будущей: *и животъ вѣчный наслѣдитъ* (ст. 29); тогда уже приближается къ этому городу, и предъ вступленіемъ въ него опять бесѣдуетъ съ ними о страданіи Своемъ. Не желая, чтобы страданіе это совершилось, ученики легко могли забывать о немъ. Поэтому Христосъ непрестанно напоминаетъ имъ, чтобы частымъ напоминаніемъ пріучить ихъ умъ помышлять объ этомъ и смягчить ихъ скорбь. Не безъ причины Онъ разсуждаетъ съ ними объ этомъ и наединѣ. Не нужно было распространять объ этомъ молвы въ народѣ и говорить открыто, потому что отсюда не произошло бы никакой пользы. Если ученики, слыша о страданіяхъ, возмутились, то гораздо болѣе возмутился бы простой народъ. Но что же,—скажешь ты,—развѣ это не было открываемо народу? Было открываемо и народу, но не такъ ясно. *Разорите*, говорилъ Онъ народу, *церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. ii, 19); или еще: *родъ сей знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка* (Матѳ. xii, 39); и еще слѣдующими словами: *еще мало время съ вами есмь, и взыщете Мене, и не обрящете* (Іоан. vii, 33, 34). А къ ученикамъ говорилъ не такъ, но открылъ имъ и эту истину, равно какъ и другія, гораздо яснѣе. Для чего же Господь и говорилъ, если народъ не понималъ силы словъ Его? Для того, чтобы онъ узналъ впослѣдствіи, что Іисусъ Христосъ предвидѣлъ Свое страданіе, и добровольно шелъ на него, а не такъ, какъ бы не зналъ этого, или противъ воли. Ученикамъ же предсказывалъ не только съ этой цѣлію, но, какъ я сказалъ выше, и для того, чтобъ они, укрѣпленные ожида-

ніемъ, тѣмъ удобнѣе перенесли Его страданіе, и чтобы нечаянное приближеніе послѣдняго не привело ихъ въ крайнее смущеніе. Вотъ почему Онъ сначала говорилъ имъ только о смерти Своей; а когда они начали помышлять объ этомъ и приготовлять себя къ ней, тогда раскрываетъ имъ и всѣ прочія обстоятельства, какъ-то: что Его предадутъ язычникамъ, наругаются надъ Нимъ и будутъ бить,—для того, чтобы они, видя исполненіе печальныхъ предсказаній, ожидали въ силу этого и воскресенія. Если Христосъ не скрылъ обстоятельствъ печальныхъ и повидимому унизительныхъ для Его чести, то естественно нужно было вѣрить Ему и касательно благопріятныхъ предсказаній. Но смотри и на то, какъ Онъ мудро избираетъ и самое время для такой бесѣды.
618 Не съ самаго начала Онъ объявилъ имъ о страданіяхъ, чтобы не смутить ихъ, но и не въ самое время событія, чтобы и этимъ не привести въ смятеніе. Но когда они уже довольно видѣли опытовъ Его всемогущества, когда Онъ далъ имъ великія обѣтованія о жизни вѣчной,—тогда, и притомъ не однажды или два раза, но часто среди чудодѣйствій и наставленій говоритъ имъ и о страданіяхъ. Одинъ евангелистъ говоритъ, что онъ приводилъ въ свидѣтельство и пророковъ; а другой утверждаетъ, что ученики не разумѣли сказаннаго: *и бѣ глаголъ сей сокровенъ отъ нихъ* (Лук. xviii, 34), и что они въ ужасѣ слѣдовали за Нимъ. Итакъ, скажутъ, отъ предсказаній не произошло никакой пользы: если ученики не разумѣли слышаннаго, то не могли и ожидать; а если не ожидали, то и не укрѣплялись надеждою. А я съ своей стороны представлю и другое, гораздо труднѣйшее сомнѣніе, именно—что если они не разумѣли, то почему же скорбѣли? Другой евангелистъ говоритъ вѣдь, что они скорбѣли. Итакъ, если они не разумѣли, то какъ же скорбѣли? Какъ Петръ говорилъ: *милосердъ Ты, не имать быти Тебѣ сіе* (Матѳ. xvi, 22)? Чтожъ на это должно сказать? То, что хотя они и не знали ясно тайны домостроительства, не имѣли яснаго знанія ни о Его воскресеніи, ни о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя Онъ намѣренъ былъ совершить послѣ того,—это было скрыто отъ нихъ,—но что Онъ умретъ, это они знали, и потому скорбѣли. Что иные другихъ воскрешаютъ, это они видѣли; а чтобы кто-нибудь самъ себя воскресилъ, и такъ бы воскресъ, чтобы никогда послѣ того не умирать,—такого чуда никогда не видали. Этого-то именно они и не понимали, хотя Онъ и часто говорилъ о томъ. Равно и о самой смерти, какая она будетъ и какъ случится, ясно не знали, а потому и боялись, когда шли за Нимъ. И не это только приводило ихъ въ страхъ, но, какъ мнѣ кажется, Господь навелъ на нихъ ужасъ и Своею бесѣдою о страданіи.

2. Впрочемъ все это не имѣло надъ ними такого дѣйствія, чтобы сдѣлать ихъ мужественными, хотя они и часто слышали о воскресеніи Его. Кромѣ Его смерти ихъ устрашало особенно то, что надъ Нимъ будутъ ругаться, Его будутъ бить, и дѣлать тому подобное. Представляя себѣ чудеса Его, исцѣленія бѣсноватыхъ, воскрешеніе мертвыхъ и всѣ другія чудеса Его, а потомъ слыша такія предсказанія, они изумлялись, и недоумѣвали: ужели сотворившій все это долженъ подвергнуться такимъ мученіямъ? Потому-то они и недоумѣвали, и то вѣрили, то не вѣрили словамъ Его, и не могли понять ихъ. Эта темнота разумѣнія ихъ была такъ велика, что сыны Зеведеевы приступили къ Нему въ тоже самое время, и разговаривали съ Нимъ о предсѣданіи. *Хощева*,—говорили они,— *да единъ одесную Тебе, и единъ ошуюю Тебе сядетъ* (Марк. x, 35. 36). Какъ же, скажешь ты, евангелистъ говоритъ, что приступила мать? И то, и другое справедливо. Они взяли съ собою и мать, чтобы придать болѣе силы своей просьбѣ и преклонить чрезъ нее Христа. А что сказанное мною справедливо, т. е., что эта просьба больше принадлежала имъ, и что они отъ стыда взяли съ собою мать,—это видно изъ того, что Христосъ къ нимъ простираетъ Свое слово.

Но прежде узнаемъ, чего они просятъ, съ какимъ намѣреніемъ и по какому побужденію. Итакъ, откуда имъ пришла такая мысль? Они видѣли себя въ большей чести предъ другими, и потому надѣялись, что Господь исполнитъ и эту ихъ просьбу. Но чего они просятъ—послушай другого евангелиста, подробно 619
повѣствующаго объ этомъ. Они находились близъ Іерусалима, говоритъ онъ, и представляли, что царствіе Божіе уже открывается; потому и предложили свою просьбу. Они думали, что оно близко, что оно чувственно и что, если они получатъ то, чего просятъ, то не подвергнутся никакимъ непріятностямъ. Они искали царствія Божія не только для того, чтобы получить его, но и для того, чтобъ избѣжать скорбей. Потому и Христосъ прежде всего отклоняетъ ихъ отъ такихъ помышленій, повелѣвая ожидать смерти, опасностей и жесточайшихъ бѣдствій. *Можета ли*, говоритъ Онъ, *пити чашу, юже Азъ имамъ пити* (Матѳ. xx, 22)? Впрочемъ никто не долженъ смущаться, видя апостоловъ такъ несовершенными: вѣдь крестъ еще не совершился, благодать Духа имъ еще не была дана. Если же хочешь познать добродѣтель ихъ, то смотри на ихъ послѣдующую жизнь и увидишь, что они были выше всѣхъ страстей. Господь для того и открываетъ недостатки ихъ, чтобы ты узналъ впослѣдствіи, насколько великими они сдѣлались по полученіи

благодати. Итакъ отсюда видно, что они не просили ничего духовнаго, даже не имѣли и понятія о высшемъ царствѣ. Теперь посмотримъ, какъ они приходятъ и что говорятъ. *Хощева*, говорятъ они, *да, еже аще просива, сотвориши нама* (Марк. x, 35). И, въ отвѣтъ на это, Христосъ спрашиваетъ ихъ: *что хощета?*—не потому, чтобы не зналъ, но чтобы вынудить ихъ самихъ къ отвѣту, открыть рану, и затѣмъ дать соотвѣтствующее лѣкарство Они же, стыдясь и краснѣя, такъ какъ побуждены были страстію человѣческою, отозвавъ Его отъ прочихъ учениковъ, начали предлагать свою просьбу. Евангелистъ говоритъ, что они зашли впередъ, чтобы, т. е., не обнаружить себя предъ прочими, и тутъ открыли свое желаніе. Желаніе же ихъ, какъ я думаю, состояло въ томъ, чтобы занять первые престолы, такъ какъ Христосъ говорилъ имъ: *сядете вы на двоюнадесяте престолу* (Матѳ. xix, 28). Они сознавали свое преимущество предъ другими; опасались только Петра, и потому говорятъ Ему: *рцы, да единъ одесную тебе сядетъ и единъ ошуюю* (Матѳ. xx, 21); и словомъ—*рцы* (Марк. x, 37) понуждаютъ Его. Что же Онъ отвѣчаетъ? Показывая, что они просятъ не чего-либо духовнаго, и что если бы знали, о чемъ просятъ, то не дерзнули бы и просить этого, Онъ отвѣчаетъ: *не вѣста, чесо просита* (Марк. x, 38),—т. е. не знаете, какъ великъ, какъ чуденъ, какъ недостижимъ для самихъ горнихъ силъ предметъ вашихъ требованій. Потомъ присовокупляетъ: *можета ли пити чашу, юже Азъ пію, и крещеніемъ, имже Азъ крещаюся, креститися* (ст. 38)? Смотри, какъ тотчасъ же удаляетъ Онъ ихъ отъ той мысли, начиная разсуждать съ ними о противномъ. Вы напоминаете Мнѣ о чести и вѣнцахъ, говорилъ Онъ, а Я говорю о подвигахъ и трудахъ, вамъ предлежащихъ. Еще не наступило время наградъ, и не теперь откроется та слава Моя; настоящее время есть время смерти, браней и опасностей. И смотри, какъ самымъ вопросомъ Онъ и увѣщеваетъ ихъ, и привлекаетъ. Не сказалъ: можете ли идти на смерть? Можете ли пролить кровь свою? Но что говоритъ? *Можете ли пити чашу?* Потомъ, чтобы привлечь ихъ, присоединяетъ: *юже Азъ пію*,—чтобы чрезъ это общеніе съ Собою возбудить въ нихъ болѣе усердія. Онъ называетъ это еще *крещеніемъ*, показывая тѣмъ, что долженствующее теперь совершиться послужитъ для вселенной великимъ очищеніемъ. Потомъ ученики отвѣчаютъ Ему: *можева* (ст. 39). Въ пылу усердія, они тотчасъ изъявили согласіе, не зная того, что сказали, но надѣясь услышать согла-
620 сіе на свою просьбу. Что же Господь говоритъ имъ? *Чашу мою испіета; и крещеніемъ, имже Азъ крещаюся, креститася* (ст. 39). Онъ предсказалъ имъ великія блага, то есть: вы удостоитесь муче-

ничества, пострадаете такъ же, какъ и Я, скончаете жизнь насильственною смертію, и въ этомъ будете Моими участниками. *А еже сѣсти одесную и ошуюю, нѣсть Мое дати, но имже уготовася отъ Отца Моего* (Матѳ. xx, 23).

3. Возвысивъ души просившихъ, устремивъ ихъ къ горнему и содѣлавъ неопредолимыми для печали, Господь исправляетъ потомъ и ихъ просьбу. Но что значатъ эти слова? Многіе предлагаютъ здѣсь два вопроса: во-первыхъ, въ самомъ ли дѣлѣ нѣкоторымъ уготовано сѣсть одесную Его? Во-вторыхъ, неужели Господь всего не имѣетъ власти дать это тѣмъ, которымъ уготовано? Итакъ, что же значитъ сказанное? Если мы разрѣшимъ первый вопросъ, то и второй будетъ ясенъ для вопрошающихъ. Что же значитъ сказанное? То, что никто, ни съ правой, ни съ лѣвой стороны Его, не будетъ сидѣть. Престолъ этотъ недоступенъ ни для кого, не только для людей, какъ-то: святыхъ и апостоловъ, но и для ангеловъ, и для архангеловъ, и для всѣхъ высшихъ силъ. Павелъ поставляетъ это отличительнымъ преимуществомъ Единороднаго, говоря: *кому же отъ ангелъ рече когда: сѣди одесную Мене? И ко ангеломъ убо глаголетъ: творяй ангелы Своя духи. Къ Сыну же: престолъ Твой, Боже* (Евр. I, 13, 7, 8). Какъ же Онъ говоритъ: *еже сѣсти одесную и ошуюю, нѣсть Мое дати* (Матѳ. xx, 23)? Не показываетъ ли это, что нѣкоторые будутъ сидѣть? Нѣтъ. Онъ только даетъ отвѣтъ сообразно разумѣнію вопрошавшихъ, снисходя къ ихъ слабости. Они не понимали, что это за высокій престолъ, что это за сидѣніе одесную Отца; они не знали, даже и того, что было гораздо ниже того,—что каждодневно было имъ внушаемо; они искали только первенства, чтобы стать выше прочихъ и никого не имѣть выше себя при Немъ. Объ этомъ я и прежде упоминалъ уже, говоря, что поелику они слышали о двѣнадцати престолахъ, то не понимая, что значатъ эти слова, искали предсѣданія. Итакъ, смыслъ словъ Христовыхъ слѣдующій: хотя вы умрете за Меня, и заклапы будете за проповѣдь, и сдѣлаетесь Моими участниками въ страданіи, однакожъ этого вамъ недостаточно будетъ для полученія предсѣданія и перваго достоинства. И если бы пришелъ кто-нибудь, претерпѣвшій мученическую смерть и украшенный всѣми родами добродѣтели въ высшей степени предъ вами, то, несмотря на то, что Я люблю васъ теперь и предпочитаю другимъ, Я не соглашусь отвергнуть послѣдняго свидѣтельствуемаго дѣлами своими, и дать вамъ первенство. Правда, Господь не сказалъ имъ такъ прямо, чтобы не опечалить ихъ; но прикровенно Онъ высказываетъ то же самое, говоря: *чашу Мою испіета, и крещеніемъ, имже Азъ крещаюся, имате креститися: а еже сѣсти одесную Мене и ошуюю, нѣсть Мое*

дати сіе, но имже уготовася (Матѳ. xx, 23). Кому же уготовано? Тѣмъ, которые прославятся своими дѣлами. Потому-то Онъ и не сказалъ: не въ Моей власти дать, но во власти Отца,—чтобы не почелъ кто-нибудь Его слабымъ и не имѣющимъ власти дѣлать
621 воздаяніе. Но какъ сказалъ? *Нѣсть Мое дати, но имже уготовася.* Чтобы представить сказанное мною въ большей ясности, объяснимъ это примѣромъ. Вообразимъ себѣ предсѣдателя ристалища; представимъ, что изъ многихъ отличныхъ подвижниковъ, вышедшихъ на это ристалище, двое весьма близкіе къ нему, надѣясь на его расположеніе къ себѣ и любовь, подходятъ къ нему и говорятъ: сдѣлай, чтобы мы были увѣнчаны и объявлены побѣдителями! — а онъ бы сказалъ имъ: не въ моей власти сдѣлать это; награда принадлежитъ тѣмъ, которымъ она приготовлена за труды и подвиги. Ужели мы назовемъ его за это безсильнымъ? Никакъ. Напротивъ, мы похвалимъ его за справедливость и безпристрастіе. Итакъ, подобно тому какъ сказали бы о начальникѣ ристалища, что онъ не далъ вѣнца не потому, что не могъ, но потому, что не хотѣлъ нарушить закона ратоборства и низвратить порядка справедливости, такъ и я могу сказать о Христѣ, что Онъ сказалъ это, желая всячески побудить Своихъ учениковъ къ тому, чтобы они надежду спасенія и прославленія, послѣ благодати Божіей, полагали въ собственныхъ добрыхъ дѣлахъ. Потому-то Онъ и говоритъ: *имже уготовася* (ст. 40). Чтó если,—какъ бы говоритъ Онъ, — другіе окажутся лучше васъ? Если они болѣе васъ потрудятся? Ужели вы за то только, что были Моими учениками, должны получить первенство, хотя бы сами и не оказались достойными такого преимущества? А что Онъ имѣетъ власть надъ всѣмъ, это видно изъ того, что въ рукахъ Его весь судъ. И Петру Онъ говоритъ такъ: *Я дамъ ти ключи царства небеснаго* (Матѳ. xvi, 19). И Павелъ, то же самое подтверждая, сказалъ: *прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь праведный Судія въ день онъ, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его* (2 Тим. iv, 8); явленіемъ Христовымъ называется здѣсь бывшее пришествіе Его. А что Павла никто не превзойдетъ, это извѣстно всякому. Если же Госпòдь и не ясно сказалъ объ этомъ, то не удивляйся тому. Удаляя ихъ искуснымъ образомъ отъ того, чтобы они безразсудно и напрасно не наскучивали Ему исканіемъ первенства, — такъ какъ они побуждены были къ тому страстію человѣческою,—и вмѣстѣ не желая опечалить ихъ, Онъ достигаетъ такою неясностію и того, и другого. *Тогда негодоваша десять о обою* (ст. 24, Марк. x, 41). Когда же—*тогда*? Когда Господь укорилъ искавшихъ первенства. Пока Христосъ произносилъ Свой

судъ надъ ними, прочіе не негодовали, но и видя, что тѣхъ предпочитаютъ, оставались въ покоѣ и молчали, изъ стыда и почтенія къ Учителю; если же внутренно и скорбѣли, то не смѣли однакожъ этого обнаружить. Подобнымъ образомъ и на Петра, когда онъ отдалъ двѣ дидрахмы, хотя и смотрѣли по человѣчески, не негодовали, а только спросили: *кто болій есть* (Матѳ. XVIII, 1)? Но здѣсь, такъ какъ просили сами ученики, они негодуютъ на нихъ. Впрочемъ и здѣсь не тотчасъ обнаружили свое негодованіе, когда тѣ начали просить; но тогда уже, когда Христосъ укорилъ ихъ и сказалъ, что они не получатъ первенства, если не окажутъ себя достойными его.

4. Видишь ли, какъ всѣ они были несовершенны,—какъ эти двое, желавшіе возвысится надъ десятью, такъ и тѣ, завидовавшіе двоимъ? Но, я сказалъ уже: посмотри на ихъ послѣдующую жизнь, и ты увидишь ихъ свободными отъ всѣхъ этихъ страстей. Послушай, какъ тотъ же Іоаннъ, который подходитъ теперь къ 622
Іисусу для испрошенія первенства, всегда уступаетъ его потомъ Петру и въ проповѣди, и въ твореніи чудесъ, какъ то видно изъ Дѣяній Апостольскихъ, и не скрываетъ его знаменитыхъ дѣлъ, но упоминаетъ и о его исповѣданіи, которое онъ произнесъ тогда, когда всѣ молчали, и о входѣ во гробъ, и ставитъ этого апостола выше себя самого. Тогда какъ оба они были при Распинаемомъ, Іоаннъ, презирая собственную славу, говоритъ: *ученикъ же той бѣ знаемъ архіереови* (Іоан. XVIII, 15). Что же касается Іакова, то онъ, хотя не долго жилъ, но и въ самомъ началѣ такъ воспламенился ревностію, что презрѣлъ все человѣческое, достигъ высоты неизреченной и тотчасъ удостоился закланія мученическаго. Такъ послѣ содѣлались всѣ они совершенными во всѣхъ добродѣтеляхъ; но тогда негодовали. Какъ же поступаетъ Христосъ? *Призвавъ ихъ*, говорится, *рече*: *князи языкъ господствуютъ ими* (Матѳ. XX, 25). Такъ какъ они смутились, то Господь прежде словеснаго убѣжденія успокоиваетъ ихъ самымъ призываніемъ и повелѣніемъ подойти къ Нему ближе. Такъ какъ тѣ два ученика, отдѣлившись отъ десяти, стояли ближе къ Іисусу, разговаривая съ Нимъ наединѣ, то Онъ подзываетъ и прочихъ, чтобы и этимъ самымъ, равно и тѣмъ, что желаетъ открыть всѣмъ сказанное наединѣ, умѣрить страсть и тѣхъ и другихъ. Впрочемъ, теперь Господь вразумляетъ учениковъ не такъ, какъ прежде. Прежде Онъ выводилъ на средину дѣтей и повелѣвалъ ученикамъ подражать ихъ простотѣ и смиренію, а теперь въ обличеніе ихъ выставляетъ болѣе рѣзкое противоположеніе, говоря: *князи языкъ господствуютъ ими, и велицыи обладаютъ ими. Не тако же будетъ въ васъ*; *но иже аще хощетъ въ васъ*

вящшій быти, сей *да будетъ* всѣмъ *слуга; и иже аще хощетъ быти первый, буди самый послѣдній* (ст. 25—27). Этими словами Онъ показываетъ, что желать первенства свойственно только язычникамъ. Дѣйствительно страсть эта слишкомъ насильственна; она постоянно удручаетъ и великихъ людей, — потому требовала и сильнѣйшаго отраженія. Потому-то и Онъ поражаетъ ихъ въ самой глубинѣ сердечной, стыдя надмевающійся духъ ихъ сравненіемъ съ язычниками. Въ однихъ уничтожаетъ зависть, а въ другихъ гордость, какъ бы такъ говоря имъ: не негодуйте на нихъ, какъ обиженные: тѣ, которые такъ ищутъ первенства, болѣе посрамляютъ самихъ себя: они находятся въ числѣ послѣднихъ. У насъ не то, что у язычниковъ. *Князи языкъ господствуютъ ими*: а у Меня послѣдній есть первый. А что Я говорю это не просто, смотри доказательство тому въ Моей жизни: я сдѣлалъ болѣе, нежели сколько сказалъ. Будучи Царемъ высшихъ силъ, я восхотѣлъ быть человѣкомъ и подвергнуться презрѣнію и поруганію; но и этимъ не удовольствовался, а пришелъ и на самую смерть. Потому далѣе и говоритъ: *якоже Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу Свою избавленіе за многихъ* (ст. 29). Какъ бы такъ сказалъ: Я не остановился на томъ только, чтобы послужить, но и душу Свою отдалъ въ искупленіе; и за кого же? За враговъ. Ты, если смиряешься, смиряешься для себя
623 самого, а Я смиряюсь для тебя. Итакъ, не опасайся потерять честь свою чрезъ это. Сколько бы ты ни смирялся, никогда не можешь смирить ся столько, сколько смирился Владыка твой. Однако это уничиженіе Его сдѣлалось возвышеніемъ для всѣхъ, и открыло славу Его. Прежде, нежели Онъ сдѣлался человѣкомъ, извѣстенъ былъ однимъ ангеламъ; а когда сталъ человѣкомъ и былъ распятъ, тогда не уменьшилъ ту славу, которую имѣлъ, но и пріобрѣлъ новую, будучи познанъ вселенною. Не бойся же потерять честь свою отъ того, что ты смиряешься; смиреніемъ болѣе возвысится и распространится слава твоя. Оно есть дверь къ царствію. Зачѣмъ же идти въ противоположную дверь? Зачѣмъ вооружаться противъ самихъ себя? Если мы захотимъ казаться великими, не сдѣлаемся великими, но будемъ безчестнѣе всѣхъ. Видишь ли, какъ Господь всегда старается на нихъ подѣйствовать примѣрами противными, но даетъ и то, чего они желаютъ? Мы уже и прежде много разъ замѣчали это. Такъ поступилъ Онъ съ любостяжателями и съ искателями суетной славы. Для чего, говорилъ Онъ, ты творишь милостыню предъ человѣки? Для того, чтобы наслаждаться славою? Не поступай такимъ образомъ, и ты насладишься этой славой вполнѣ. Для чего ты собираешь сокровища? Для того, чтобы обогатиться?

Не собирай сокровищъ, и ты непремѣнно обогатишься. Такъ поступаетъ Онъ и здѣсь. Для чего ты, говоритъ Онъ, желаешь первенства? Для того ли, чтобы быть выше другихъ? Избери же послѣднюю степень, и тогда получишь первенство; если желаешь быть великимъ, не ищи величія,—и тогда будешь великъ. Униженіе-то и составляетъ величіе.

5. Видишь ли, какъ Онъ исцѣляетъ ихъ отъ ихъ болѣзни, показывая имъ, что они на своемъ пути только теряютъ, а на этомъ пріобрѣтаютъ, и побуждая такимъ образомъ одного удаляться, а другимъ идти? И объ язычникахъ напоминаетъ имъ для того, чтобъ показать чрезъ это низость и гнусность честолюбія. Гордый необходимо унизится, а смиренный, напротивъ, возвысится; величіе смиреннаго есть величіе истинное и подлинное, а не то, которое состоитъ въ однихъ словахъ и наименованіяхъ. Внѣшнее величіе есть плодъ вынужденія и страха, а это подобно величію Божію. Снискавшій это послѣднее, хотя бы никто ему и не удивлялся, остается великъ; напротивъ пріобрѣтшій только первое, хотя бы всѣ раболѣпствовали предъ нимъ, всѣхъ ниже. Честь, воздаваемая послѣдними, воздается по принужденію, и потому легко теряется; а честь, которую воздаютъ первому, зависитъ отъ добраго произволенія, а потому и сохраняется постоянно. Такъ и святыхъ мы почитаемъ за то, что они, будучи выше всѣхъ, предъ всѣми смиряли себя; потому-то они и доселѣ остаются высоки, и величія ихъ не потребила и самая смерть. Если вы хотите, то мы подтвердимъ сказанное и доказательствами разума. Высокимъ называютъ кого-нибудь или тогда, когда онъ имѣетъ высокій тѣлесный ростъ, или когда стоитъ на высокомъ мѣстѣ, а низкимъ въ противныхъ случаяхъ. Теперь разсмотримъ, кто дѣйствительно высокъ: гордый ли, или смиренный,—чтобы тебѣ удостовѣриться въ томъ, что нѣтъ ничего выше смиренномудрія, и нѣтъ ничего ниже гордости. Гордый обыкновенно почитаетъ себя выше всѣхъ и не признаетъ никого равнымъ себѣ, и какою бы онъ ни пользовался честію, всегда желаетъ и домогается большей; думаетъ, что онъ еще ничего не получалъ; презираетъ людей и ищетъ отъ нихъ почтенія. Что можетъ быть безразсуднѣе этого? Это что-то загадочное: человѣкъ ищетъ себѣ почтенія отъ тѣхъ, которыхъ почитаетъ за ничто. Видишь ли, какъ желающій вознестись ниспадаетъ и пресмыкается долу. А что онъ всѣхъ людей почитаетъ за ничто 621
въ сравненіи съ собою, онъ самъ это ясно обнаруживаетъ: таково именно свойство надменности. Итакъ, для чего же ты прибѣгаешь къ тому, который ничего не стоитъ? Для чего ищешь отъ него чести? Для чего имѣешь при себѣ такое множество

людей? Вотъ низкій, который и стоитъ на низкомъ мѣстѣ! Обратимъ же теперь вниманіе и на истинно высокаго. Онъ знаетъ, что значитъ человѣкъ; знаетъ и то, что человѣкъ великъ, и то, что самъ онъ всѣхъ ниже. Потому, если пользуется и уваженіемъ, то почитаетъ это за великое; онъ вѣренъ самому себѣ, постоянно высокъ, и никогда не перемѣняетъ своего мнѣнія. Кого онъ признаетъ великими, отъ тѣхъ и честь принимаетъ за великое, хотя бы она была и не велика, потому только, что онъ ихъ самихъ признаетъ великими. Напротивъ гордый тѣхъ, которые почитаютъ его, почитаетъ за ничто, а честь, которую они ему воздаютъ, дорого цѣнитъ. Еще: смиренный не уловляется никакою страстію; его не можетъ возмутить ни гнѣвъ, ни любовь къ славѣ, ни зависть, ни ревность. А что можетъ быть выше души, чуждой этихъ страстей? Напротивъ гордый одержимъ всѣми этими страстями, и пресмыкается какъ червь въ грязи. И зависть, и ненависть, и гнѣвъ постоянно волнуютъ его душу. Итакъ, кто же истинно высокъ: тотъ ли, кто господствуетъ надъ страстями, или тотъ, кто раболѣпствуетъ имъ? Тотъ ли, кто трепещетъ и страшится ихъ, или тотъ, кто недоступенъ для нихъ и никакъ ими не уловляется? Какая птица летаетъ выше, скажемъ мы: та ли, которая носится выше стрѣлъ ловца, или та, которая и безъ стрѣлы поддается ловцу, потому что летаетъ по землѣ и не можетъ подняться на высоту? Таковъ точно и гордый: его каждый силокъ удобно ловитъ, потому что онъ пресмыкается по землѣ.

6. Если же ты хочешь, то можешь видѣть то же и изъ примѣра злого духа. Что ниже діавола гордаго, и что выше человѣка смиряющаго себя? Тотъ пресмыкается по землѣ, находясь подъ нашею пятою (*наступите*, говорится, *на змію и на скорпію*—Лук. x. 19; Псал. xc, 13), а этотъ находится съ ангелами на небесахъ. Если же ты хочешь знать то же изъ примѣра людей гордыхъ, то представь себѣ того варвара, который имѣлъ великое войско и не зналъ даже того, что всѣмъ извѣстно, какъ напримѣръ: что камень есть камень и идолы—идолы, а потому былъ ниже этихъ самыхъ вещей. Напротивъ благочестивые и вѣрные возносятся выше солнца; а потому, что можетъ быть выше ихъ? Они перелетаютъ самые своды небесные и, оставивъ за собою ангеловъ, предстоятъ самому престолу Царя. Наконецъ, чтобы тебѣ еще болѣе увѣриться въ низости гордыхъ, я спрошу тебя: кто унижается,—тотъ ли, кому вспомоществуетъ Богъ, или тотъ, кому Онъ противится. Итакъ слушай, что говоритъ Писаніе о томъ и другомъ: *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (1 Петр. v. 5). Еще спрошу тебя о другомъ: кто выше,—священнодѣй-

ствующій ли и приносящій жертву предъ Богомъ, или тотъ, кто не имѣетъ дерзновенія приступить къ Нему? Но ты скажешь: какую жертву приноситъ смиренный? Послушай Давида, который говоритъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. L, 19). Видишь ли чистоту смиреннаго? Обрати же вниманіе и на нечистоту гордаго. Объ немъ говоритъ Писаніе: *нечистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый* (Прем. Солом. XVI, 5). Притомъ, въ первомъ обитаетъ самъ Богъ:
на кого воззрю, говоритъ Онъ, *токмо на кроткаго и молчаливаго и* 625-626
трепещущаго словесъ Моихъ (Ис. LXVI, 2), а послѣдній мучится вмѣстѣ съ діаволомъ,—надменный потерпитъ то же, что и діаволъ. Потому и Павелъ говоритъ: *да не разгордѣвся въ судъ впадетъ діаволь* (1 Тим. III, 6). Такимъ образомъ съ нимъ случится противное тому, чего онъ желаетъ. Онъ хочетъ гордиться для того, чтобы его почитали; а между тѣмъ, если кто болѣе всѣхъ подвергается презрѣнію, то это онъ. Если кто подвергается насмѣшкамъ, враждѣ и ненависти у всѣхъ, если нападаютъ на кого враги, если кто подвергается гнѣву, является нечистымъ предъ Богомъ,—такъ это больше всего гордецы. Что же можетъ быть хуже этого? Это—верхъ золъ. Напротивъ, что любезнѣе смиренныхъ? Что блаженнѣе ихъ, когда они любезны и пріятны Богу, да и у людей они же болѣе наслаждаются славою: всѣ почитаютъ ихъ какъ отцевъ, любятъ какъ братьевъ, принимаютъ ихъ какъ своихъ? Итакъ, будемъ смиряться, чтобы намъ вознестись. Отъ великой гордости происходитъ униженіе и безуміе. Такъ униженъ былъ фараонъ. *Не вѣмъ Господа*, сказалъ онъ (Исход. V, 2; XIV, 24), и за это сдѣлался презрѣннѣе мышей, лягушекъ и мухъ, и вскорѣ послѣ того потонулъ съ оружіемъ своимъ и конями. Не то было съ Авраамомъ: *азъ же есмь земля и пепелъ*, говорилъ онъ (Быт. XVIII, 27), и потому одержалъ побѣду надъ безчисленными непріятелями; бывши у египтянъ, возвратился отъ нихъ съ побѣдою, славнѣйшею прежней, и, снискавши столь великую добродѣтель, навсегда остался великимъ. Потому-то его вездѣ воспѣваютъ, ублажаютъ и прославляютъ. А фараонъ—земля, пепелъ, и даже хуже того. Подлинно Богъ ничего такъ не отвращается, какъ гордости. Потому-то онъ еще изначала такъ все устроилъ, чтобы истребить въ насъ эту страсть. Для этого мы содѣлались смертными, живемъ въ печали и сѣтованіи; для этого жизнь наша проходитъ въ трудѣ и изнуреніи, обременена непрерывною работою. Первый человѣкъ впалъ въ грѣхъ отъ гордости, возжелавъ быть равнымъ Богу, и за то не удержалъ и того, что имѣлъ, но лишился и того. Таковы плоды гордости! Она не только не доставляетъ намъ никакой

пользы, но лишаетъ и того, что имѣемъ. Напротивъ, смиренномудріе не только не отнимаетъ у насъ того, что имѣемъ, но еще доставляетъ и то, чего не имѣемъ. Итакъ возревнуемъ объ этой добродѣтели, потщимся стяжать ее, чтобы намъ насладиться и въ этой жизни честію, и пріобрѣсть будущую славу, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, держава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXVI.

625 **И когда выходили они отъ Іерихона, по Немъ иде народъ многъ. И се два слѣпца сѣдяща при пути, слышавша, яко Іисусъ мимоходитъ, возописта глаголюща: помилуй ны Господи, сыне Давидовъ (Матѳ. xx, 29, 30).**

1. Смотри, откуда идетъ Спаситель въ Іерусалимъ, и гдѣ прежде этого находился: это, по моему мнѣнію, стоитъ особеннаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, почему оттуда прежде не пошелъ Онъ прямо въ Галилею, но чрезъ Самарію? Но оставимъ это любопытнымъ; кто захочетъ тщательно испытать, тотъ увидитъ, что евангелистъ Іоаннъ дѣлаетъ на это достаточный намекъ и приводитъ причину. Что же касается до насъ, мы будемъ говорить, что слѣдуетъ, и послушаемъ вышеупомянутыхъ слѣпцовъ, которые были лучше многихъ зрячихъ. Они, не имѣя вожатая и не могши видѣть приближающагося Господа, имѣли однако сильное желаніе дойти до Него, и начали кричать; и тогда какъ посторонніе запрещали имъ это, они еще болѣе усиливали свой вопль. Вотъ что значитъ душа сильная! Самыя препятствія доводятъ ее до цѣли. И Христосъ не запрещалъ заграждать имъ уста, чтобы чрезъ это еще болѣе обнаружилось ихъ усердіе, и чтобы ты зналъ, что они достойны были получить исцѣленіе. Оттого Онъ и не спросилъ у нихъ: *вѣруете ли?*— какъ обыкновенно поступалъ съ другими. Самый крикъ и усердное желаніе подойти къ Нему уже очень ясно всѣмъ показывали ихъ вѣру. Отсюда-то научись, возлюбленный, что сколько бы мы ни были ничтожны, отвержены, но, съ истиннымъ усердіемъ приходя къ Богу, сами собою можемъ испросить у Него все, что ни потребуется. Посмотри, какъ и эти слѣпцы, не имѣя даже ни одного изъ апостоловъ на своей сторонѣ, и еще отъ многихъ слыша запрещеніе, побѣдили всѣ препятствія, пришли къ самому Іисусу; и хотя евангелистъ не свидѣтельствуетъ, чтобы ихъ жизнь сколько-нибудь ручалась за ихъ дерзновеніе,

но вмѣсто всего для нихъ достаточно было одного усердія. По- 626
ревнуемъ и мы этимъ слѣпцамъ. Пусть Богъ медлитъ ниспослать намъ дары Свои, пусть многіе отклоняютъ насъ съ пути молитвеннаго,—будемъ продолжать свою молитву: этимъ самымъ мы особенно и умилостивимъ Бога. Посмотри и здѣсь, какъ ни нищета, ни слѣпота, ни мысль слѣпцовъ, что они не будутъ услышаны, ни запрещеніе народа,—ничто не остановило ихъ. Такова-то душа пламенная и терпѣливая! Что же Христосъ? *Возгласи я и рече: что хощета да сотворю вама? Глаголаста Ему: Господи, да отверзутся очи наши* (ст. 32)! Для чего Онъ сдѣлалъ такой вопросъ слѣпцамъ? Для того, чтобы кто не подумалъ, что Онъ даетъ совсѣмъ не то, чего они хотятъ. Онъ вездѣ напередъ обыкновенно обнаруживалъ предъ всѣми доброе расположеніе просящихъ исцѣленія, и потомъ уже подавалъ исцѣленія,—съ одной стороны для того, чтобы въ другихъ возбудить подобную ревность, съ другой—для того, чтобы показать достоинство получающихъ дарованіе: такъ поступилъ онъ съ женою хананейскою, такъ поступилъ съ сотникомъ, такъ поступилъ и съ женою кровоточивою; вѣрнѣе, впрочемъ, будетъ сказать, что эта чудная жена даже предупредила вопросъ Господа, и однако Онъ и тутъ не оставилъ ее безъ вниманія, но, исцѣливъ, открылъ другимъ сердце ея. Такимъ образомъ Онъ вездѣ старался сперва обнаружить совершенства приходящихъ къ Нему, и представить ихъ гораздо даже большими, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Такъ сдѣлалъ и здѣсь съ слѣпцами. Затѣмъ, когда они высказали свое желаніе, Онъ, умилосердившись надъ ними, прикоснулся къ нимъ. Это милосердіе было единственною причиною всѣхъ врачеваній; по нему-то Онъ и въ міръ пришелъ. Тѣмъ не менѣе, хотя Христосъ былъ и воплощенная милость и благодать, Онъ искалъ достойныхъ. А что слѣпые были достойны, это видно какъ изъ ихъ усиленнаго вопля, такъ и изъ того, что они, получивъ исцѣленіе, не отстали отъ Христа, какъ дѣлали многіе не признательные къ благодѣяніямъ Его. Нѣтъ, эти слѣпцы не таковы: они и прежде дара постоянны, и послѣ благодарны,—
пошли вслѣдъ за Нимъ. *И егда приближишася въ Іерусалимъ, и* 627
пріидоша [1]) *въ Виѳсфагію къ горѣ Елеонстѣй, посла два ученика, глаголя: идита въ весь яже прямо вама, и обрящета осля привязано, и жребя съ нимъ: отрѣшивша приведита Ми. И аще вамъ кто речетъ что, речета, яко Господь ею требуетъ: и абіе послетъ я. Сіе же бысть, да сбудется реченное пророкомъ* Захаріею, *глаголющимъ: рцыте дщери*

[1]) У Златоуста оба глагола стоятъ въ формѣ единств. числа: и когда приближился... и пришелъ...

Сіонови: се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, и всѣдъ на осля и жребя сына подъяремнича (XXI, 1—5). Часто и прежде Христосъ ходилъ во Іерусалимъ; но никогда не ходилъ съ такою славою. Почему же такъ? Потому что тогда было еще начало строительства Его и самъ Онъ не былъ столько извѣстенъ; притомъ и время страданій еще не было близко. Поэтому онъ и жилъ, не отличаясь ничѣмъ отъ прочихъ, и по большей части скрывалъ Себя; иначе Его явленіе не было бы столь удивительно, а только бы возбудило въ іудеяхъ большій гнѣвъ. Когда же Онъ показалъ уже много опытовъ Своей силы, и крестъ былъ уже при дверяхъ, тогда прославляетъ Себя рѣшительнѣе и съ большею торжественностію дѣлаетъ все, что могло воспламенить ихъ. Конечно, это возможно было сдѣлать и съ самаго начала, но было бы не нужно и безполезно. А ты размысли со мною, сколько здѣсь чудесъ, и сколько исполнилось пророчествъ? Христосъ сказалъ: *обрящете осля;* и тутъ же предрекъ, что никто не будетъ препятствовать, но лишь услышатъ—замолчатъ. Это служило немалымъ обвиненіемъ противъ іудеевъ: если Христосъ и незнакомыхъ Ему и не видавшихъ Его заставляетъ отдавать свою собственность безъ всякаго противорѣчія, и притомъ (не самъ даже лично а) чрезъ учениковъ, то насколько же виноваты оказываются іудеи, которые, будучи свидѣтелями стольких чудесъ, Имъ совершенныхъ, не вѣрили Ему.

2. И не считай этого событія маловажнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что заставило этихъ бѣдныхъ людей, можетъ быть, земледѣльцевъ, безъ всякаго противорѣчія отдать свою собственность? И что я говорю,—безъ противорѣчія? Даже и не спрашивая, или спросивъ, замолчать и уступить? Если они ничего не сказали, когда уводили ихъ скотъ, или, если и сказали что-либо, но услышавъ, что Господь его требуетъ, уступили безъ всякаго противорѣчія, то и другое равно удивительно, тѣмъ болѣе, что они не видѣли Его самого, а только учениковъ. Чрезъ это Господь даетъ разумѣть, что Онъ всячески могъ воспрепятствовать и жестоковыйнымъ іудеямъ, когда они пришли схватить Его, и сдѣлать ихъ безгласными; но только не захотѣлъ этого. Съ другой стороны, Онъ научаетъ учениковъ жертвовать всѣмъ, чего бы Онъ ни потребовалъ; если бы Онъ повелѣлъ отдать самую душу, и ею они должны пожертвовать безъ всякаго противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, если незнакомые Ему повиновались Его требованію, то тѣмъ болѣе они должны жертвовать Ему всѣмъ. Далѣе: Христосъ исполнилъ здѣсь еще двоякое пророчество—пророчество дѣлъ, и пророчество словесъ: пророчество дѣлъ, когда возсѣлъ на осла; пророчество словесъ—Захаріи про-

рока, который сказалъ, что Царь будетъ сидѣть на осляти. Возсѣвъ на осля, Онъ исполнилъ это послѣднее пророчество и, въ то же время прообразуя Своими дѣйствіями будущее, далъ другое пророчество. Какимъ же образомъ? Онъ предвозвѣстилъ призваніе нечистыхъ язычниковъ,—что Онъ въ нихъ почіетъ, что они пріидутъ къ Нему и за Нимъ послѣдуютъ. Такимъ образомъ пророчество слѣдовало за пророчествомъ. Впрочемъ Христосъ, по моему мнѣнію, не по этой только причинѣ благоволилъ возсѣсть на осля, но и для того, чтобы подать намъ правило жизни. 628
Онъ не только исполнялъ пророчества и насаждалъ ученіе истины, но чрезъ это самое исправлялъ и нашу жизнь, вездѣ поставляя намъ за правило удовлетворять только крайнимъ нуждамъ. Такое исправленіе нашей жизни Онъ вездѣ имѣлъ въ виду; такъ, когда благоволилъ родиться на землѣ, то не искалъ богато убраннаго дома, ни матери богатой и знаменитой, но избралъ бѣдную, которая обручена была древодѣлателю; рождается въ вертепѣ и полагается въ ясляхъ; избирая также учениковъ, избралъ не ораторовъ и мудрецовъ, не богатыхъ и славныхъ, но и между бѣдными самыхъ бѣдныхъ, и нимало не знаменитыхъ; равнымъ образомъ, когда предлагалъ трапезу, то иногда предлагалъ хлѣбъ ячменный, иногда предъ самой только уже трапезой повелѣвалъ ученикамъ купить на рынкѣ; вмѣсто ложа употреблялъ траву; одѣяніе носилъ бѣдное, не отличающееся даже отъ одѣянія самыхъ простыхъ людей; а дома даже и не имѣлъ; если Ему нужно было переходить съ одного мѣста въ другое, то ходилъ пѣшій, и притомъ такъ, что иногда даже утомлялся; когда садился, не искалъ стула, ни мягкаго возглавія, но сидѣлъ на голой землѣ, иногда на горѣ, иногда при источникѣ, и даже одинъ; разговаривалъ и съ самарянкой; также полагалъ мѣру и для самой печали: когда надлежало плакать, плакалъ тихо, повсюду, какъ я сказалъ, поставляя правила и границы, до которыхъ позволительно доходить, но далѣе которыхъ не должно идти. Такъ и теперь, если бы случилось, что кто-нибудь, по немощи, имѣлъ нужду въ животномъ, то Христосъ и въ этомъ случаѣ сдѣлалъ ограниченіе, показывая, что не на коняхъ, не на мулахъ надобно мчаться, но должно довольствоваться осломъ, и никогда не простираться далѣе необходимаго. Но посмотримъ, какъ сбываются пророчества—и словами, и самымъ дѣломъ. Какое же это пророчество? *Се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, всѣдъ на осля и жребя юна.* Не на колесницѣ ѣдетъ, какъ обыкновенно поступаютъ другіе цари, не требуетъ дани, не наводитъ Собою страха, не имѣетъ копьеносцевъ, но и здѣсь показываетъ величайшую кротость. Спроси у іудея: былъ

ли какой-нибудь царь, который бы на осляти въѣзжалъ въ Іерусалимъ? Онъ не можетъ указать тебѣ никого, кромѣ только Христа. Но Онъ, какъ я выше сказалъ, дѣлалъ это въ предзнаменованіе будущаго. Здѣсь чрезъ осленка означается Церковь и народъ новый, который былъ нѣкогда нечистъ, но послѣ того, какъ возсѣлъ на немъ Іисусъ, содѣлался чистымъ. Замѣть же, какая точность во всемъ прообразованіи. Ученики отвязываютъ подъяремниковъ: и іудеи, и мы призваны въ новоблагодатную Церковь чрезъ апостоловъ, введены въ нее тоже чрезъ апостоловъ. Наша блаженная и славная участь и въ іудеяхъ возбудила ревность: оселъ идетъ позади осленка. И дѣйствительно, послѣ того, какъ Христосъ возсядетъ на язычниковъ, тогда и іудеи, по чувству соревнованія, придутъ къ Нему, что ясно показываетъ Павелъ, говоря: *яко ослѣпленіе отъ части Израилеви бысть, дондеже исполненіе языковъ внидетъ: и тако весь Израиль спасется* (Римл. xi, 25, 26). Итакъ, изъ сказаннаго видно, что это было пророчество. Въ противномъ случаѣ не нужно бы было говорить пророку такъ подробно о возрастѣ осла. И не это только видно изъ сказаннаго, но и то, что апостолы приведутъ ихъ
629 безъ труда. И дѣйствительно, какъ здѣсь никто не препятствовалъ апостоламъ, когда они повели животныхъ, такъ никто не могъ воспрепятствовать имъ и въ призваніи язычниковъ, когда они ихъ уловляли. Далѣе: Христосъ садится не на нагого осленка, но на покрытаго одеждою апостоловъ: это потому, что апостолы, взявъ осленка, и свое все уже отдаютъ, какъ и Павелъ говоритъ: *азъ же въ сладость иждиву и иждивенъ буду по душахъ вашихъ* (2 Кор. xii, 15). Но обрати вниманіе и на послушаніе осленка, на то, какъ онъ, вовсе не обученный и не знавшій еще узды, не помчался быстро, но шелъ тихо и спокойно. И это служило предзнаменованіемъ будущаго, выражая покорность язычниковъ и скорую ихъ перемѣну къ благоустроенной жизни. Все это совершилось словомъ: *отрѣшивше, приведита Ми;* и безпорядочное пришло въ благоустройство, и нечистое сдѣлалось чистымъ.

3. Но смотри на низость іудеевъ! Прежде, когда Христосъ такъ много дѣлалъ чудесъ, они никогда столько Ему не удивлялись; теперь же, видя стекающійся народъ, удивляются. *Потрясеся*, говорится, *весь градъ, глаголя: кто есть сей? Народи же глаголаху: сей есть Іисусъ пророкъ, иже отъ Назарета Галилейска* (ст. 10, 11). И здѣсь, когда, повидимому, они говорили нѣчто высокое, ихъ мысль была земная, самая низкая, пресмыкающаяся. Впрочемъ Христосъ дѣлалъ это не изъ тщеславія, но для того, чтобы, какъ я сказалъ, и пророчество исполнить, и преподать

назидательное наставленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшить учени-
ковъ, сѣтующихъ о Его смерти, давая и то знать, что Онъ все
это терпитъ добровольно. Ты же подивись тому, съ какою точ-
ностію все предсказано пророками: иное Давидомъ, а иное Заха-
ріею. Будемъ и мы поступать такъ же, будемъ воспѣвать Его и
подавать одежду тѣмъ, которые носятъ Его. Въ противномъ слу-
чаѣ чего мы будемъ достойны? Если тогда, при входѣ Христа
во Іерусалимъ, одни покрывали одеждою своею ослицу, на кото-
рой Онъ сидѣлъ, а другіе постилали одежды ей подъ ноги, то
неужели мы, которымъ повелѣно не только снимать одежды съ
себя, но и истощать все свое ради другихъ, не окажемъ никакой
щедрости, видя Его обнаженнымъ? Тамъ народъ впереди и по-
зади сопровождалъ Его: зачѣмъ же мы отсылаемъ Его, даже
прогоняемъ съ оскорбленіемъ, когда Онъ самъ приходитъ къ
намъ? Какого это достойно наказанія, какого отмщенія! Прихо-
дитъ къ тебѣ нуждающійся Владыка, а ты не хочешь и выслу-
шать Его просьбы, но еще осуждаешь и поносишь Его, слыша
такія слова Его! Но если ты и на одинъ хлѣбъ и на нѣсколько
денегъ такъ бережливъ, неподатливъ и скупъ, то что бы было
съ тобой, если бы потребовали отъ тебя всего? Не видишь ли
ты, какъ надѣляютъ распутныхъ женщинъ тщеславные люди въ
театрѣ? А ты и половины этого, а часто и десятой доли, не по-
даешь. Когда діаволъ повелѣваетъ давать кому попало, и за это
между тѣмъ готовитъ геенну, ты даешь; а когда Христосъ пове-
лѣваетъ давать нищимъ, обѣщая за это царствіе, ты не только
не подаешь, но еще обижаешь. Ужели ты согласишься лучше
слушать діавола, чтобы подвергнуться мученію, нежели повино-
ваться Христу, чтобы получить спасеніе? Что можетъ быть хуже
такого безумія? Одинъ готовитъ геенну, другой—царствіе: и вы,
оставивъ этого, бѣжите къ тому. Когда Христосъ приходитъ къ
вамъ, вы Его отсылаете, а діавола сами приглашаете издалека.
Это похоже на то, какъ если бы царь, предлагая порфиру и діа-
дему, не склонилъ бы насъ на свою сторону; а разбойникъ, по-
трясая мечемъ и угрожая смертію, успѣлъ бы то сдѣлать. Итакъ,
размышляя объ этомъ, возлюбленные, откроемъ глаза свои хотя
теперь, и начнемъ бодрствовать. Признаюсь, мнѣ уже стыдно
говорить о милостынѣ, такъ часто повторяя о ней и не видя
плодовъ проповѣди. Правда, противъ прежняго вижу больше
плодовъ, но не столько однакожъ, сколько бы желалъ. Вижу, что 680
вы сѣете, но не щедрою рукою; потому я опасаюсь, чтобы вы
скудно и не пожали. А что мы сѣемъ скудно, для того изслѣ-
дуемъ, если угодно, кого больше въ городѣ: бѣдныхъ или бога-
тыхъ, и много ли такихъ, которые ни бѣдны, ни богаты, но за-

нимаютъ средину между ними? Я полагаю, что десятая часть богатыхъ и десятая бѣдныхъ, вовсе ничего не имѣющихъ; а прочіе—посредственнаго состоянія. Итакъ раздѣлимъ число всѣхъ жителей города на число бѣдняковъ, и вы увидите, какой будетъ стыдъ. Весьма богатыхъ мало, но достаточныхъ много; бѣдныхъ же гораздо меньше въ сравненіи съ ними. Между тѣмъ при такомъ числѣ богатыхъ, которые могли бы питать алчущихъ, многіе засыпаютъ голодными, — не потому, чтобы достаточные люди не могли легко удовлетворить нуждамъ ихъ, но потому, что жестоки и безчеловѣчны. Въ самомъ дѣлѣ, если бы богатые и слѣдующіе послѣ нихъ раздѣлили между собою нуждающихся въ хлѣбѣ и одеждѣ, то едва ли бы на пятьдесятъ или на сто человѣкъ достался одинъ бѣдный. И однако бѣдняки, не смотря на столь великое количество людей, которые въ состояніи помогать имъ, всякій день плачутъ. Чтобы видѣть безчеловѣчіе богатыхъ, стоитъ тебѣ только обратить вниманіе на то, какъ многимъ вдовицамъ и дѣвамъ доставляетъ нужное содержаніе Церковь, которая получаетъ доходу не болѣе, чѣмъ сколько получаетъ одинъ самый богатый и одинъ не такъ богатый. Въ самомъ дѣлѣ, число содержимыхъ Церковію простирается до трехъ тысячъ. Кромѣ того, она содержитъ заключенныхъ въ темницѣ. находящихся въ гостинницѣ, какъ больныхъ, такъ и здоровыхъ, чужестранцевъ, калѣкъ, сидящихъ при храмѣ ради пищи и одежды, и другихъ, просто приходящихъ каждодневно, и между тѣмъ она не оскудѣваетъ. Итакъ, если бы только десять человѣкъ захотѣли столько же на нихъ издержать, то ни одного не было бы нищаго.

4. Вы скажете: что же останется въ наслѣдство нашимъ дѣтямъ? Главный капиталъ останется, и дохода прибавится, потому что для нихъ соберется сокровище на небеси. Но если вы не хотите такимъ образомъ употреблять свое имѣніе для бѣдныхъ, то хотя половину отдѣляйте имъ отъ него, или третію часть, или четвертую, или пятую, или даже десятую. При помощи благодати Божіей и въ такомъ случаѣ нашъ городъ въ состояніи былъ бы пропитывать бѣдныхъ изъ десяти городовъ. И это я могъ бы доказать, еслибъ было ваше на то желаніе; впрочемъ нѣтъ нужды и доказывать, потому что до очевидности ясно, какъ легко это сдѣлать. Смотрите, какъ много издерживаетъ часто одинъ домъ на городскія повинности, и между тѣмъ ни мало даже и не примѣчаетъ ущерба. Если бы каждый изъ богатыхъ пожелалъ совершать подобное служеніе по отношенію къ бѣднымъ, то вскорѣ бы восхитилъ небо. Итакъ, какое мы можемъ имѣть прощеніе, какой предлогъ къ извиненію. когда мы того,

что необходимо должны оставить при переселеніи отсюда, не раздаемъ нуждающимся и съ такою щедростію, съ какою другіе расточаютъ для лицедѣевъ, между тѣмъ какъ мы могли бы собрать отъ этого великіе плоды? Еслибъ мы и навсегда здѣсь оставались, то и тогда не надлежало бы намъ жалѣть объ этой прекрасной тратѣ; но если чрезъ нѣсколько времени должны будемъ переселиться отсюда и притомъ безъ всего—нагими, то какое можемъ имѣть оправданіе въ томъ, что не удѣляемъ отъ своихъ доходовъ голоднымъ и утѣсненнымъ? Я не заставлю тебя 631
уменьшить имѣніе, не потому, чтобъ я этого не желалъ, но потому, что мало вижу въ тебѣ къ этому расположенія. Итакъ, не объ этомъ уже говорю тебѣ; но удѣляй хотя изъ прибытковъ и не скрывай изъ нихъ ничего. Довольно съ тебя, что у тебя есть какъ бы источникъ, изъ котораго текутъ денежные доходы; сдѣлай же участниками въ нихъ нищихъ, и будь добрымъ распорядителемъ въ данномъ тебѣ отъ Бога. Скажешь: я плачу подати. Итакъ, ты потому пренебрегаешь бѣдняковъ, что никто отъ тебя не требуетъ этого настоятельно? Почему требующему у тебя дани и, можетъ быть, съ насиліемъ принуждающему ты не смѣешь отказать, принесетъ ли земля тебѣ плоды, или нѣтъ, а нищему, который съ кротостію у тебя проситъ, и то только во время плодородія, ты не отвѣчаешь и словомъ? Кто же тебя избавитъ нѣкогда отъ нестерпимыхъ мученій? Никто. Если ты потому только заботишься объ уплатѣ подати, что не платящаго ея здѣсь строго наказываютъ, то знай, что тамъ готовятся наказанія еще жесточе: не узы, не темница, но вѣчный огонь. Итакъ, прежде всего заплатимъ эти подати. Это и сдѣлать весьма легко, и награда за это больше, и пользы больше; а если останемся къ этому нечувствительны, то насъ ожидаетъ и наказаніе несравненно тягостнѣйшее, наказаніе вѣчное. Если ты скажешь, что тебѣ надобно давать на содержаніе воиновъ, сражающихся за тебя съ непріятелями, то и здѣсь есть воинство—нищіе, и здѣсь сраженіе, которое они за тебя совершаютъ. Принявъ милостыню, они умилостивляютъ Бога своими молитвами, а умилостивляя Бога, они разрушаютъ навѣты не варваровъ, а демоновъ,—и не допускаютъ лукавому духу усиливаться и дѣлать на тебя непрестанныя нападенія, но ослабляютъ его силу.

5. Итакъ, видя этихъ воиновъ, прошеніями и молитвами каждодневно за тебя сражающихся съ діаволомъ, вытребуй съ себя прекрасную эту дань—пропитаніе ихъ. Царь небесный, по Своей кротости, не приставилъ къ тебѣ истязателей, а хочетъ, чтобы ты самъ добровольно подавалъ. Подаешь ли ты немного,—Онъ приметъ; если по бѣдности отложишь не надолго,—Онъ не-

имущаго не принуждаетъ. Однакожъ не будемъ пренебрегать долготерпѣніемъ Его; будемъ сокровиществовать себѣ не гнѣвъ, а спасеніе, не смерть, а жизнь, не наказаніе и мученіе, а честь и вѣнцы. Здѣсь нѣтъ нужды платить за переправу вносимаго нами; не нужно мѣнять деньги. Твое дѣло—подать: самъ Владыка перенесетъ это на небо; Онъ самъ сдѣлаетъ для тебя вы-
632 годнѣйшій оборотъ. Здѣсь не надобно искать человѣка, который бы перевезъ вносимыя деньги: только подай, и тотчасъ твое подаяніе восходитъ не на содержаніе другихъ воиновъ, а для сбереженія и приращенія въ твою же пользу. Здѣсь, на землѣ, если ты что-нибудь дашь, то взять назадъ уже не можешь; тамъ, напротивъ, получишь свое съ великою честію и пріобрѣтешь большія и духовнѣйшія выгоды. Здѣсь даваемое есть нѣчто вытребованное, тамъ—прибыль, заемъ и долгъ. Самъ Богъ далъ тебѣ росписку, сказавъ: *милуяй нищаго, взаимъ даетъ Богови* (Притч. XIX, 17). Далъ тебѣ также и залогъ и поруку, не смотря на то, что Онъ Богъ. Какой же залогъ? Всѣ блага настоящей жизни, и чувственныя и духовныя, какъ начатки благъ будущихъ. Итакъ, почему находишься въ нерѣшимости и медлишь, тогда какъ ты уже столько получилъ и столько еще ожидаешь? Полученныя тобою блага суть слѣдующія: Онъ образовалъ тебѣ тѣло, Онъ вложилъ въ тебя душу, почтилъ тебя одного на землѣ умомъ, далъ тебѣ право на обладаніе всѣмъ видимымъ, сообщилъ тебѣ познаніе о Себѣ, предалъ за тебя Сына, даровалъ тебѣ крещеніе, въ которомъ одномъ источается столько благъ, предложилъ тебѣ священную трапезу, обѣщалъ тебѣ царствіе и блага неизреченныя. Итакъ, и получивъ и еще ожидая столько благодѣяній, (опять скажу то же), зачѣмъ ты столько дорожишь непрочнымъ имѣніемъ? И какое будешь имѣть оправданіе? Неужели надѣешься извиниться тѣмъ, что у тебя есть дѣти? Но ты и ихъ научи пріобрѣтать таковыя выгоды. Если бы твои деньги, отдаваемыя кому-либо взаймы, приносили прибыль, и должникъ былъ бы человѣкъ честный, то безъ сомнѣнія во сто разъ лучше сдѣлаешь, если вмѣсто золота вручишь сыну росписку, потому что такимъ образомъ деньги будутъ приращаться и онъ не принужденъ будетъ снова искать такихъ людей, которые бы могли у него взять ихъ въ долгъ. Такъ и теперь дай эту росписку дѣтямъ и оставь имъ должникомъ Бога. Ты и самъ не продаешь деревни, а оставляешь дѣтямъ, и это дѣлаешь съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сохранялись доходы, а чрезъ это увеличилось бы для нихъ имѣніе: отчего же опасаешься оставить имъ такое рукописаніе, которое выгоднѣе всякихъ деревень и всякихъ доходовъ, и которое столько приноситъ пользы? Какая глупость и

какое неразуміе! Тѣмъ болѣе, когда ты совершенно знаешь, что хотя и оставляешь эту росписку дѣтямъ, но и самъ въ свою очередь по ней получишь. Таковы духовныя блага,—они весьма обильны. Не будемъ же такъ убоги, такъ безжалостны и жестоки къ самимъ себѣ, но будемъ заниматься этою прекрасною куплею для того, чтобы и самимъ по отшествіи своемъ получить, и дѣтямъ своимъ оставить, и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXVII.

И войдя Іисусъ въ церковь, изгна вся продающія и купующія въ церкви, и трапезы торжникомъ испроверже, и сѣдалища продающихъ голуби. И глагола имъ: писано есть: храмъ Мой храмъ молитвы наречется, вы же сотвористе и вертепъ разбойникомъ (Матѳ. XXI, 12, 13). 631-632

1. Объ этомъ говоритъ и Іоаннъ, только говоритъ въ началѣ евангелія, а Матѳей въ концѣ. Поэтому вѣроятно, что такъ случилось два раза, и притомъ въ разное время. Это видно и изъ обстоятельствъ времени, и изъ отвѣта іудеевъ Іисусу. У Іоанна говорится, что это случилось въ самый праздникъ Пасхи, а у Матѳея—задолго до Пасхи. Тамъ говорятъ іудеи: *кое знаменіе являеши намъ* (Іоан. II, 18)? а здѣсь молчатъ, хотя Христосъ и укорилъ ихъ,—молчатъ потому, что всѣ уже дивились Ему. Тѣмъ большаго достойны обвиненія іудеи, что Христосъ не одинъ разъ дѣлалъ это, а они все еще не переставали торговать въ храмѣ, и называли Христа противникомъ Божіимъ, тогда какъ и отсюда должны были видѣть честь, воздаваемую Имъ Отцу, и собственное Его могущество. Они видѣли, какъ Онъ и чудеса творилъ, и какъ слова Его согласны съ дѣлами Его. Но они не убѣждались и этимъ, а негодовали, не смотря и на то, что слышали пророка, говорящаго объ этомъ, и отроковъ, не по лѣтамъ своимъ прославлявшихъ Іисуса. Потому Онъ, обличая ихъ, приводитъ слова пророка Исаіи: *домъ Мой домъ молитвы наречется*. И не этимъ только показываетъ Христосъ Свою власть, но и тѣмъ, что исцѣляетъ различныя болѣзни. *Приступиша*, говорится, *къ Нему хроміи и слѣпіи, и исцѣли ихъ* (Матѳ. XXI, 14). И здѣсь Онъ являетъ Свою силу и могущество. Но іудеи не трогались и этимъ, но видя и послѣднія чудеса Его и слыша отроковъ, прославляющихъ Его, сильно негодовали и говорили Ему: *слышиши*

ли, что сіи глаголютъ (ст. 16)? Христу лучше бы надлежало сказать имъ: *слышите ли, что сіи глаголютъ?* Вѣдь отроки воспѣвали Его, какъ Бога. Что же Христосъ? Такъ какъ іудеи противорѣчили столь очевиднымъ знаменіямъ, то Христосъ, чтобы сильнѣе обличить ихъ и вмѣстѣ исправить, говоритъ: *нѣсте ли чли: изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (ст. 16)? И хорошо Онъ сказалъ—*изъ устъ*, такъ какъ слова ихъ происходили не отъ разума ихъ, но Его же сила двигала несовершеннымъ еще языкомъ ихъ. Это изображало также и язычниковъ, которые прежде нѣмотствовали, но потомъ вдругъ начинали вѣщать великія истины убѣдительно и съ вѣрою,—и вмѣстѣ немало утѣшало и апостоловъ. Именно, чтобы апостолы не сомнѣвались, какъ они, будучи людьми простыми и необразованными, могутъ проповѣдывать народамъ, отроки напередъ истребили въ нихъ всякое безпокойство и внушили имъ твердую надежду, что Тотъ, кто научилъ отроковъ прославить Господа, сдѣлаетъ и ихъ краснорѣчивыми. Это чудо показывало также, что Онъ есть Господь природы. Дѣти, еще не достигшія зрѣлаго возраста, вѣщали великое и достойное неба; а мужи говорили слова, исполненныя всякаго безумія. Такова-то злоба! Итакъ, поелику много было причинъ, отъ которыхъ раздражались іудеи, напримѣръ, толпы народа, изгнаніе изъ храма торгующихъ, чудеса, пѣніе отроковъ, то Христосъ опять оставляетъ ихъ, чтобы утишить ихъ гнѣвъ, и не хочетъ предлагать имъ Своего ученія, чтобы они, снѣдаемые завистію, не пришли еще въ большее негодованіе отъ Его словъ.

Утру же, возвращся во градъ, взалка (ст. 19). Почему же Онъ алчетъ утромъ? Уступая требованіямъ плоти, Онъ этимъ показывалъ немощь ея. *И узрѣвъ смоковницу на пути, пріиде къ ней, и ничтоже обрѣте, токмо листвіе едино.* Другой евангелистъ говоритъ: *не убо бѣ время* (Марк. xi, 13). Если же не пришло еще время собиранія смоквъ, то какъ же этотъ другой евангелистъ говоритъ: *пріиде, аще убо обрящетъ плодъ на ней?* Очевидно, это сказано евангелистомъ потому, что такъ думали ученики, которые еще не были совершенными. Евангелисты часто излагаютъ мысли учениковъ. И не только это думали ученики, но и то, что смоковница проклята потому, что на ней нѣтъ плодовъ. Итакъ, для чего же смоковница проклята? Ради учениковъ,—именно, чтобы ихъ ободрить. Такъ какъ Христосъ всегда благодѣтельствовалъ и никого не наказывалъ, между тѣмъ надлежало Ему показать и опытъ Своего правосудія и отмщенія, чтобы и ученики, и іудеи узнали, что Онъ хотя и могъ изсушить, подобно смоковницѣ, своихъ распинателей, однако же добровольно

предаетъ Себя на распятіе, и не изсушаетъ ихъ, то Онъ и не захотѣлъ показать этого надъ людьми, но явилъ опытъ Своего правосудія надъ растеніемъ. Итакъ, когда подобное случается или съ какими-либо мѣстами, или съ растеніями, или съ безсловесными животными, то не любопытствуй. Не говори: если еще не наступило время собиранія плодовъ со смоковницы, то правосудно ли она изсушена? Такія слова крайне безразсудны. Лучше взирай на чудо, и дивись и прославляй чудодѣйствую- 684
щаго. Такъ многіе и судятъ о потопленіи свиней,—отыскивая здѣсь причину правосудія. Но и въ этомъ случаѣ не должно ихъ слушать. Какъ растенія бездушны, такъ и животныя безъ разума. Итакъ почему данъ такой видъ дѣлу и почему эта именно причина проклятія? Это, какъ я уже и прежде сказалъ, описано евангелистомъ такъ, какъ думали ученики. Если же не настало еще время собиранія плодовъ, то напрасно нѣкоторые говорятъ, будто подъ смоковницею изображается законъ. Плодомъ закона была вѣра; и этотъ плодъ законъ уже принесъ, и время собирать этотъ плодъ, тогда уже наступило. *Нивы*, сказано, *плавы суть къ жатвѣ уже*; и: *Азъ послахъ вы жати, идѣже вы не трудистеся* (ст. 2).

2. Итакъ, здѣсь не указывается на законъ, но, какъ я уже сказалъ, Христосъ, проклиная смоковницу, представляетъ этимъ доказательство Своей силы и власти къ отмщенію; и это видно именно изъ словъ: *не у бо бѣ время*. Слова эти показываютъ, что Христосъ подошелъ къ смоковницѣ съ особымъ намѣреніемъ, не для того, чтобы утолить голодъ, но ради учениковъ, которые весьма удивились тому, что смоковница засохла, хотя много было чудесъ и важнѣе этого. Но для учениковъ, какъ я сказалъ, такое чудо было новымъ и неожиданнымъ, потому что Христосъ въ первый еще разъ показалъ Свое правосудіе и отмщеніе. Поэтому Господь сотворилъ чудо не надъ другимъ какимъ-либо деревомъ, но надъ смоковницею,—деревомъ, которое сочнѣе всѣхъ, такъ что чудо показалось отъ этого еще болѣе необыкновеннымъ. Но, чтобы ты зналъ, что это сдѣлано ради учениковъ, именно для ободренія ихъ,—выслушай слѣдующія слова. Что Христосъ говоритъ? Вы и большія чудеса сдѣлаете, если будете имѣть вѣру, соединенную съ молитвою и упованіемъ. Видишь ли, что все для учениковъ было сдѣлано, чтобы они не страшились и не трепетали вражескихъ козней? Потому и въ другой разъ повторяетъ то же, чтобы утвердить ихъ въ вѣрѣ и молитвѣ. Не только это сдѣлаете, говоритъ Онъ, но силою вѣры и молитвы и горы будете переставлять, и творить другія, еще большія чудеса. Между тѣмъ гордые и надменные іудеи, желая прервать

бесѣду съ учениками, подошли къ Нему съ вопросомъ: *коею властію сія твориши* (ст. 23)? Такъ какъ іудеи не могли унизить Его чудесъ, то выставляютъ Ему поступокъ Его въ храмѣ съ торжниками. Подобный вопросъ предложили они и у евангелиста Іоанна, хотя не тѣми же словами, но въ томъ же смыслѣ. Они тамъ говорятъ: *кое знаменіе являеши намъ, яко сія твориши* (Іоан. II, 18)? Тамъ Христосъ отвѣчаетъ имъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (ст. 19), а здѣсь Онъ приводитъ ихъ въ крайнее затрудненіе. Отсюда очевидно, что случай, описываемый Іоанномъ, былъ въ началѣ служенія Іисуса, когда Онъ только что началъ творить чудеса, а описываемый Матѳеемъ былъ при концѣ его служенія. Смыслъ же вопроса іудеевъ былъ такой: получилъ ли Ты каѳедру учительскую, или рукоположенъ во священника, что выказываешь такую власть? Хотя Христосъ ничего не сдѣлалъ, что бы показывало гордость, а только проявилъ заботу о благочиніи церковномъ, однако іудеи, не имѣя совершенно ничего сказать противъ Іисуса, ставятъ Ему въ вину и это. Впрочемъ, по причинѣ чудесъ они не смѣли ничего сказать Ему въ то время, когда Онъ изгналъ торжниковъ изъ храма; но укоряютъ Его уже послѣ, когда увидѣли Его. Что же Христосъ? Онъ не прямо отвѣчаетъ на ихъ вопросъ, показывая тѣмъ, что они могли знать о Его власти, если бы захотѣли,—но Самъ спрашиваетъ ихъ, говоря: *крещеніе Іоанново откуду есть? Съ небесе ли, или отъ человѣкъ* (ст. 25)? Но какъ это относится къ дѣлу? спросишь ты. И очень. Если бы они сказали: *съ небесе*, Онъ отвѣчалъ бы имъ: *почто убо не вѣровасте ему*? потому что, если бы вѣрили, то и не спросили бы объ этомъ, такъ какъ о Немъ говорилъ Іоаннъ: *нѣсмь достоинъ отрѣшити ремень сапогу Его* (Лук. III, 16); и еще: се *Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан I, 29);
635 и также: *сей есть Сынъ Божій* (тамъ же ст. 34); и еще: *грядый свыше, надъ всѣми есть* (Іоан. III, 31); и опять; *лопата въ руку Его, и отребитъ гумно Свое* (Матѳ. III, 12). Поэтому, если бы іудеи повѣрили Іоанну, то не было бы никакого затрудненія для нихъ знать, какою властію Христосъ дѣлаетъ это. Далѣе, такъ какъ іудеи съ лукавствомъ отвѣчали Ему: *не вѣмы*, то Христосъ не сказалъ имъ: и Я не знаю; но что же? *Ни Азъ вамъ глаголю* (ст. 27). Если бы они въ самомъ дѣлѣ не знали, то надлежало бы научить ихъ; но такъ какъ они поступали лукаво, то Христосъ справедливо ничего не отвѣчаетъ имъ. Почему же іудеи не сказали, что крещеніе Іоанново было *отъ человѣкъ*? Боялись народа, сказано. Видишь ли развращенное сердце? Богомъ всюду пренебрегаютъ, а для людей все дѣлаютъ. И Іоанна боялись ради людей, уважая святого мужа не ради него самого, но ради на-

рода; ради народа они не хотѣли вѣровать и въ Іисуса Христа,— и вотъ гдѣ источникъ всѣхъ золъ для нихъ! Далѣе, Іисусъ Христосъ говоритъ имъ: *что ся вамъ мнитъ? Человѣкъ имяше два сына, и первому рече: иди, днесь, дѣлай въ винограднѣ моемъ. Онъ же отвѣщавъ рече: не хощу; послѣди же раскаявся, иде. И приступи къ другому рече такожде. Онъ же отвѣщавъ рече: азъ, Господи, и не иде. Кій отъ обою сотвори волю отчу? Глаголаша: первый* (ст. 28—31). Христосъ опять притчами обличаетъ іудеевъ, намекая какъ на неповиновеніе ихъ, такъ и на покорность отверженныхъ прежде язычниковъ. Здѣсь подъ двумя сыновьями разумѣется то, что случилось съ язычниками и іудеями. Первые, не давая обѣщанія въ послушаніи и не слышавъ закона, самымъ дѣломъ оказывали повиновеніе; а послѣдніе, хотя говорили: *вся, елика рече Богъ, сотворимъ и послушаемъ* (Исх. XIX, 8), на дѣлѣ не оказывали покорности закону. Поэтому, чтобы іудеи не подумали, что законъ приноситъ имъ пользу, Христосъ показываетъ, что это-то самое и осуждаетъ ихъ. Согласно съ этимъ говоритъ и Павелъ: *не слышателіе закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сіи оправдятся* (Римлян. II, 13). Поэтому, для того, чтобы іудеи осудили сами себя, Спаситель заставляетъ ихъ самихъ произнести приговоръ. Такъ же точно Онъ дѣлаетъ и въ слѣдующей притчѣ о виноградѣ.

3. Здѣсь Христосъ заставляетъ іудеевъ также осудить самихъ себя въ другомъ лицѣ. Такъ какъ они не хотѣли прямо сознаться въ своей винѣ, то Христосъ притчею доводитъ ихъ до предположенной цѣли. Когда же они, не понимая цѣли притчи, произнесли приговоръ, тогда Онъ уже открываетъ имъ самый смыслъ притчи, и говоритъ: *яко мытари и любодѣйцы варяютъ вы въ царствіи Божіемъ. Пріиде бо къ вамъ Іоаннъ путемъ праведнымъ, и не вѣровасте ему, мытари же вѣроваша ему; вы же видѣвше, не раскаястеся послѣди вѣровати ему* (ст. 31, 32). Если бы Онъ просто сказалъ: блудницы прежде васъ войдутъ въ царство Божіе, то Его слова показались бы имъ тяжкими; но теперь, когда сами они объявили свое мнѣніе, то слова Его для нихъ кажутся не такъ тяжкими. Для этого же Онъ приводитъ и причину. Какую же? *Пріиде Іоаннъ*, говоритъ Онъ, *къ вамъ*, а не къ нимъ, и притомъ *путемъ праведнымъ*. Вы не можете обвинять его, какъ человѣка нерадиваго и безполезнаго. Онъ велъ и жизнь безукоризненную, и имѣлъ большую попечительность; и однако вы не 637
послушали его. Послѣ этого слѣдуетъ другое осужденіе, т. е., что мытари увѣровали; затѣмъ еще обвиненіе, именно: вы даже и послѣ нихъ не повѣрили ему, а это вамъ надлежало сдѣлать прежде мытарей; то же, что вы не сдѣлали этого даже и послѣ

нихъ, не заслуживаетъ никакого прощенія, и потому мытарямъ большая похвала, а вамъ — осужденіе. Іоаннъ пришелъ къ вамъ—и вы не приняли его; онъ не приходилъ къ мытарямъ — и они приняли его, а вы не вразумились ихъ примѣромъ. Замѣть, какъ много доказательствъ является къ похвалѣ мытарей и осужденію іудеевъ. Къ вамъ пришелъ Іоаннъ, говоритъ Онъ, а не къ нимъ; вы не повѣрили—это ихъ не соблазнило; они повѣрили—это вамъ не принесло пользы. Слово же: *варяютъ* не потому сказано, что іудеи послѣдуютъ мытарямъ, но что и они, если захотятъ, могутъ войти въ царствіе Божіе. Подлинно, ничто такъ не возбуждаетъ грубыхъ людей, какъ ревность. Поэтому Христосъ всегда говоритъ: послѣдніе будутъ первыми, и первые послѣдними. Для того и представляетъ Онъ въ примѣръ блудницъ и мытарей, чтобы іудеи возревновали. Грѣхъ блудницъ и грѣхъ мытарей — два величайшіе грѣха, происходящіе отъ грубой любви, въ первомъ случаѣ къ тѣлу, въ послѣднемъ — къ деньгамъ. Притомъ Христосъ научаетъ, что вѣрить Іоанну значитъ истинно повиноваться закону Божію. Итакъ, блудницы входятъ въ царствіе Божіе не по одной благодати, но и по правдѣ, потому что входятъ онѣ не какъ уже блудницы, но какъ послушныя и вѣрующія, чистыя и перемѣнившіяся. Видишь ли, какъ Христосъ сперва притчею, а потомъ указаніемъ на блудницъ дѣлаетъ слово Свое не столь тяжкимъ для іудеевъ, а между тѣмъ весьма сильнымъ? Онъ не вдругъ сказалъ имъ: почему вы не повѣрили Іоанну? но — что было гораздо поразительнѣе— сперва указываетъ на мытарей и блудницъ, а потомъ уже говоритъ это, самыми дѣлами доказывая, что іудеи были недостойны прощенія, и показывая, что они дѣлаютъ все изъ боязни къ людямъ и ради суетной славы. Дѣйствительно, они и во Христа не вѣровали изъ-за страха, чтобы не быть отлученными отъ синагоги; равно и Іоанна не осмѣливались охуждать, не по благочестію, но также по страху. Обличивъ іудеевъ во всемъ этомъ, Христосъ наконецъ наноситъ имъ самый тяжкій ударъ, говоря: *вы же видѣвше не раскаястеся послѣди вѣровати ему*. Худо не дѣлать добраго въ самомъ началѣ; но еще большаго осужденія достоинъ тотъ, кто и послѣ не исправляется. Это особенно дѣлаетъ многихъ нечестивыми. Я даже и теперь вижу, какъ то же самое случается съ нѣкоторыми по причинѣ крайняго ихъ жестокосердія. Но пусть никто не будетъ такимъ безчувственнымъ, и если бы даже кто впалъ въ величайшее нечестіе, пусть и тогда не отчаивается въ своемъ исправленіи; легко выйти изъ самой глубокой бездны нечестія.

Или вы не слыхали, какъ одна блудница, превосходившая

всѣхъ своимъ распутствомъ, послѣ превзошла всѣхъ благочестіемъ? Не о евангельской блудницѣ я говорю, но о той, которая на нашемъ вѣку была въ финикійскомъ городѣ, самомъ беззаконномъ. Эта блудница была нѣкогда и у насъ, считалась первою актрисою въ театрѣ, и имя ея повсюду было извѣстно, и не въ нашемъ только городѣ, но даже у киликійцевъ и каппадокіянъ. Она многихъ разорила; многихъ пустила сиротами; 637
многіе даже подозрѣвали ее въ чародѣйствѣ, будто она завлекала въ свои сѣти не только красотою тѣлесною, но и колдовствомъ. Эта блудница прельстила даже брата царицы: такъ велика была ея сила! Но вдругъ,—не знаю какимъ образомъ, только знаю вѣрно,—она добровольно перемѣнилась, привлекла на себя благодать Божію, презрѣла все прежнее и, бросивъ діавольское очарованіе, прибѣгла къ небу. И хотя не было никого безстыднѣе ея, когда она была на сценѣ, однако послѣ она многихъ превзошла своимъ великимъ цѣломудріемъ,—и одѣтая во вретище, она подвизалась такъ всю свою жизнь. И когда начальникъ города, по наущенію нѣкоторыхъ людей, хотѣлъ возвратить ее на сцену, то посланные имъ воины съ оружіемъ не могли привесть ее назадъ и взять отъ дѣвъ, которыя приняли ее къ себѣ. Удостоенная неизреченныхъ таинъ, явивъ ревность достойную благодати, она кончила жизнь омытая отъ всѣхъ грѣховъ, и послѣ крещенія являла уже великое благочестіе. Она даже не хотѣла взглянуть на прежнихъ своихъ пріятелей, приходившихъ къ ней, и, заключившись въ уединеніи, многіе годы провела какъ бы въ темницѣ. Такъ первые будутъ послѣдними, и послѣдніе первыми! Такъ намъ нужно быть всегда ревностными,—и тогда ничто не воспрепятствуетъ сдѣлаться намъ великими и дивными.

4. Итакъ никакой грѣшникъ не долженъ отчаиваться, равно какъ и добродѣтельный человѣкъ не долженъ предаваться безпечности. И пусть послѣдній не надѣется на себя, такъ какъ можетъ случиться, и очень часто случается, что блудница предваритъ его. Равно и грѣшникъ пусть не отчаивается, и ему еще возможно превзойти даже первыхъ. Послушай, что говоритъ Богъ Іерусалиму: *рекохъ повнегда прелюбодѣйствовати ему во всѣхъ сихъ: ко Мнѣ обратися: и не обратися* (Іерем. III, 7). Когда мы съ пламенною любовію обращаемся къ Богу, то Онъ не помнитъ прежнихъ нашихъ грѣховъ. Богъ—не какъ человѣкъ: Онъ не укоряетъ уже въ томъ, что прошло, и, когда мы раскаиваемся, не говоритъ намъ: для чего вы столько времени удалялись отъ Меня? но уже любитъ насъ, когда мы приходимъ къ Нему, если только приходимъ къ Нему какъ должно. Итакъ,

соединимся съ Господомъ пламенною любовію; *пригвоздимъ страху
Его* сердца наши. Примѣры подобнаго рода можно видѣть не
только въ новомъ, но и въ ветхомъ завѣтѣ. Кто былъ хуже
Манассіи? Но онъ, смогъ умилостивить Бога. Кто былъ счастли-
вѣе Соломона? Но онъ предавшись безпечности, палъ. Я могу
даже показать и то, и другое въ одномъ лицѣ, именно въ лицѣ
Соломона: онъ былъ и добродѣтеленъ, и грѣшенъ. Кто былъ
блаженнѣе Іуды? Но онъ сдѣлался предателемъ. Кто былъ хуже
Матѳея? Но онъ сдѣлался евангелистомъ. Кто былъ болѣе до-
стоинъ сожалѣнія, какъ не Павелъ? Но онъ, сдѣлался апосто-
ломъ. Кто былъ ревностнѣе Симона? Но и онъ сдѣлался несчаст-
нѣе всѣхъ. Сколько можно видѣть и другихъ примѣровъ, по-
добныхъ перемѣнъ, бывшихъ и въ древнія времена, и нынѣ
случающихся каждый день! Поэтому-то я говорю, что ни тотъ,
кто играетъ на сценѣ, не долженъ отчаиваться, ни тотъ, кто
остается вѣрнымъ сыномъ Церкви, не долженъ быть самона-
дѣяннымъ. Господь говоритъ послѣднему: *мняйся стояти, да
блюдется, да не падетъ* (1 Кор. x, 12); а первому: *еда падаяй не
возстаетъ* (Іерем. VIII, 4)? И еще: *укрѣпите руцѣ ослабленыя и
638 колѣна разслабленая* (Ис. XXXV, 3). *Бодрствуйте*, говоритъ Онъ
опять благочестивымъ; а нечестивымъ: *востани спяй, и вос-
кресни отъ мертвыхъ* (Ефес. V, 14). Одни должны хранить то,
что имѣютъ; другіе должны пріобрѣтать то, чего не имѣютъ.
Одни должны сберечь свое здоровье, другіе—излѣчиться отъ
болѣзни, такъ какъ много страждутъ. Но многіе и больные воз-
вращаютъ себѣ здоровье, и здоровые, при безпечности, впадаютъ
въ болѣзнь. Поэтому Господь говоритъ однимъ: *се здравъ еси,
ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. V, 14); а дру-
гимъ: *хощеши ли цѣлъ быти? Воставъ, возми одръ твой и иди въ
домъ твой* (тамъ же, ст. 6, 8; Матѳ. IX, 6). И подлинно, грѣхъ
есть тяжкій, очень тяжкій недугъ разслабленія, или лучше—не
такой только этотъ недугъ, но нѣчто еще и болѣе тяжелое. Та-
кой человѣкъ не только не дѣлаетъ ничего добраго, но дѣлаетъ
еще злое. Впрочемъ, хотя бы находился ты и въ этомъ состояніи,
если захочешь нѣсколько возстать, весь недугъ твой пройдетъ.
Хотя бы тридцать восемь лѣтъ ты страдалъ, если только по-
желаешь быть здоровымъ, ничто не воспрепятствуетъ. И нынѣ
предстоитъ Христосъ и говоритъ: *возми одръ твой!* Только по-
желай возстать, не отчаивайся. Ты не имѣешь человѣка? Но
имѣешь Бога. Ты не имѣешь, кто бы опустилъ тебя въ ку-
пальню? За то имѣешь Того, Кто и не допуститъ тебя имѣть
нужду въ купальнѣ. Ты не имѣешь, кто бы помогъ тебѣ? Но
за то имѣешь Того, Кто повелѣваетъ тебѣ взять одръ. А потому

ты и не можешь теперь сказать: *егда прихожду азъ, инъ прежде мене слазитъ* (Іоан. v, 7). Если захочешь только сойти на источникъ, никто не воспрепятствуетъ. Благодать не истощается, и не оскудѣваетъ. Этотъ источникъ струится безпрестанно, и отъ полноты его мы можемъ исцѣлить и души, и тѣла наши. Итакъ приступимъ же теперь. И Раавъ была блудницею, однакожъ она спаслась; и разбойникъ былъ человѣкоубійцей, но и онъ поселился въ обителяхъ райскихъ. Іуда, будучи съ учителемъ, погибъ, а разбойникъ, будучи и на крестѣ, сдѣлался ученикомъ. Такъ непостижимы пути Божіи! Волхвы угодили Богу, мытарь сдѣлался евангелистомъ, гонитель Бога—апостоломъ.

5. Представляй это и никогда не отчаивайся, но всегда надѣйся и ободряй самого себя. Спѣши только скорѣе вступить на путь, ведущій на небеса, чтобы не заключены были для тебя двери и не загражденъ входъ. Коротко настоящее время, и трудъ не великъ, но если бы даже онъ былъ и великъ, то и въ такомъ случаѣ не нужно отъ него отрекаться. Хотя бы ты не трудился на этомъ лучшемъ поприщѣ, поприщѣ покаянія и добродѣтели, все-таки ты долженъ трудиться и бѣдствовать въ мірѣ инымъ образомъ. Если же и здѣсь и тамъ нужно трудиться, то почему же не избрать для себя того труда, который приноситъ и плоды обильные и награду великую? Впрочемъ, никакъ нельзя сравнивать трудъ для добродѣтели и трудъ для міра. Въ трудахъ житейскихъ безпрерывныя опасности, безпрестанныя потери, обманчивая надежда, великое раболѣпство, изнеможеніе души и тѣла, трата денегъ,—а между тѣмъ плоды нашихъ трудовъ, даже и въ томъ случаѣ, если они дѣйствительно бываютъ, далеко не соотвѣтствуютъ нашимъ ожиданіямъ. Не всегда труды наши въ дѣлахъ житейскихъ приносятъ плоды. Но положимъ, что труды наши и не останутся безъ успѣха, но принесутъ великіе плоды; все же плоды эти будутъ на короткое время. Труды твои вознаграждены будутъ подъ старость твою, когда ты совершенно не въ силахъ будешь наслаждаться плодами ихъ. Ты трудишься въ цвѣтущихъ лѣтахъ; а плоды собираешь и наслаждаешься ими въ старости, когда сдѣлаешься 639-640
дряхлымъ, когда время притупитъ чувства твои, а если и не притупитъ, то мысль о смерти воспрепятствуетъ наслажденію. Напротивъ, труды добродѣтели не таковы. Здѣсь труды подъемлются въ слабомъ и смертномъ тѣлѣ, а награда воздается въ тѣлѣ нетлѣнномъ, безсмертномъ, безконечно пребывающемъ. Трудъ предшествуетъ и непродолжителенъ; а награда послѣ слѣдуетъ и безпредѣльна, чтобы ты спокойно могъ наслаждаться плодами трудовъ твоихъ, не опасаясь ничего непріятнаго. Тамъ не должно

страшиться никакой перемѣны, никакого несчастія, какъ это бываетъ здѣсь. Что это за блага, которыя непостоянны, но скоропреходящи, ничтожны, которыя исчезаютъ при первомъ своемъ появленіи, а между тѣмъ пріобрѣтаются съ большимъ трудомъ? И какъ они могутъ сравниться съ тѣми благами, которыя неизмѣняемы, не старѣютъ, не требуютъ никакого труда и украшаютъ тебя вѣнцами еще во время подвиговъ твоихъ? Тотъ, кто презираетъ земныя блага, уже въ томъ самомъ находитъ для себя награду, что онъ свободенъ отъ безпокойства, ненависти, клеветы, коварства, зависти. Тотъ, кто ведетъ жизнь непорочную и честную, еще прежде отшествія изъ настоящей жизни увѣнчевается и утѣшается, освобождаясь отъ всякаго безчествія, посмѣянія, опасностей, обвиненія и отъ всѣхъ другихъ золъ. Точно также и всѣ другіе виды добродѣтели здѣсь еще доставляютв намъ награду. Итакъ, чтобы достигнуть настоящихъ и будущихъ благъ, будемъ убѣгать порока и стремиться къ добродѣтели. Такимъ образомъ мы и здѣсь будемъ утѣшаться и будущихъ удостоимся благъ, которыхъ всѣ мы да сподобимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXVIII.

639 Ину притчу слышите: человѣкъ нѣкій бѣ домовитъ, иже насади виноградъ, и оплотомъ огради его, и ископа точило, и созда столпъ, и вдаде и дѣлателемъ, и отъиде. Егда же приближися время плодовъ, посла рабы своя пріяти плоды; и емше дѣлателе рабовъ, оваго убо биша, оваго же убиша, оваго же каменіемъ побиша. Паки посла ины рабы множайшя первыхъ, и сотвориша имъ такожде. Послѣди же посла къ нимъ сына своего, глаголя: можетъ быть, усрамятся сына моего. Дѣлателе же, видѣвше сына, рѣша въ себѣ: сей есть наслѣдникъ, пріидите, убіемъ его, и удержимъ достояніе его (Лук. xx, 13, 15). И изведше вонъ изъ винограда, убиша. Егда убо пріидетъ господинъ винограда, что сотворитъ дѣлателемъ тѣмъ? Глаголаша Ему: злыхъ злѣ погубитъ ихъ, и виноградъ предастъ инымъ дѣлателемъ, иже воздадятъ ему плоды во времена своя. Глагола имъ Іисусъ: нѣсте ли чли николиже въ писаніихъ: камень, егоже не въ ряду сотвориша зиждущіи, сей бысть во главу угла (Матѳ. xxi, 33—42)?

1. Настоящею притчею Христосъ научаетъ многому: что Богъ съ давнихъ временъ промышлялъ объ іудеяхъ; что они съ

самаго начала склонны были къ убійству; что приняты были всевозможныя мѣры для ихъ исправленія; что даже по избіеніи ими пророковъ, Богъ не отвратился отъ нихъ, но еще послалъ къ нимъ Сына; что и одинъ и тотъ же есть Богъ новаго и ветхаго завѣта; что чрезъ смерть Христову совершено великое дѣло; что іудеи за крестъ Христовъ и за злодѣяніе свое понесутъ крайнее наказаніе; что будутъ призваны язычники, іудеи же отвержены. Притчу эту Христосъ предлагаетъ послѣ предыдущей для того, чтобъ тѣмъ показать всю тяжесть и совершенную непростительность грѣха ихъ. Какъ же и чѣмъ именно? Тѣмъ, что іудеи, при всемъ объ нихъ попеченіи, дали блудницамъ и мытарямъ опередить себя, и притомъ такъ много. Разсуди же, какъ велико было Божіе попеченіе о нихъ, и какъ непомѣрна ихъ безпечность. Онъ самъ сдѣлалъ все, что надлежало
дѣлать земледѣльцамъ: обнесъ оградою, насадилъ виноград- 610
никъ, и все прочее, а имъ оставилъ немногое: заботиться о томъ, что уже есть, и сберегать порученное. Ничто не было забыто, все приготовлено, но и при всемъ томъ они ничѣмъ не воспользовались, хотя многое и въ большей мѣрѣ получили отъ Бога. Такъ, когда іудеи вышли изъ Египта, Богъ далъ имъ законъ, далъ имъ городъ, устроилъ жертвенникъ и храмъ воздвигнулъ. И отыде,—то есть, долго терпѣлъ, не всегда наказывалъ тотчасъ по преступленіи. Подъ отшествіемъ разумѣется великое Божіе долготерпѣніе. *И посла рабы своя*,—то есть, пророковъ,—*пріяти плоды*,—т. е., повиновеніе, доказываемое дѣлами. Но они и въ этомъ случаѣ показали свою злобу: не только послѣ такихъ попеченій о нихъ не дали плода, что обнаруживало ихъ недѣятельность, но даже вознегодовали на пришедшихъ. Если нечего было отдать, хотя были къ тому обязаны, то имъ надлежало не досадовать и не негодовать, а умолять. Они же не только вознегодовали, но еще обагрили руки свои кровью и, сами заслуживая казни, предали казни посланныхъ. Поэтому Богъ послалъ въ другой и въ третій разъ, чтобы обнаружилась и ихъ злоба и человѣколюбіе Пославшаго. Но почему Богъ не тотчасъ послалъ Сына? Для того, чтобы они почувствовали, какъ несправедливо поступили съ посланными рабами, и отложивши гнѣвъ, устыдились Его пришествія. Есть и другія причины; но пока займемся дальнѣйшимъ. Что значатъ слова: *еда како усрамятся*? Ими показывается не невѣдѣніе въ Богѣ, а только намѣреніе обнаружить великость грѣха и его совершенную непростительность Богъ зналъ, что убьютъ и Сына; и однако послалъ. Словами же: *усрамятся Сына Моего* указываетъ, чтó должны они были сдѣлать,—потому что имъ должно было устыдиться. Такъ, если и въ дру-

гомъ мѣстѣ говоритъ: *аще убо услышатъ* (Іез. II, 5), то не по невѣдѣнію; но чтобы не сказалъ кто-нибудь изъ людей безразсудныхъ, что самое предсказаніе Божіе невольно влечетъ къ неповиновенію, для того и употребляетъ такой образъ выраженія: *аще убо, еда како*. Если они уже были непризнательны къ рабамъ, то
641 по крайней мѣрѣ должны были почтить достоинство Сына. Но какъ же поступили они? Въ то время, какъ имъ должно было придти и просить помилованія въ своихъ преступленіяхъ,—они ведутъ себя попрежнему, даже предпринимаютъ новыя злодѣянія, ужаснѣе прежнихъ. На это и самъ Христосъ указываетъ, говоря: *исполните мѣру отецъ вашихъ* (Матѳ. XXIII, 32). Въ томъ же обвиняли ихъ прежде пророки, говоря: *руки ваши исполнены крове* (Ис. I, 15), и: *кровь съ кровьми мѣшаютъ* (Ос. IV, 2), также: *созидающіи Сіона кровми* (Мих. III, 10). Но они не сдѣлались благоразумнѣе, хотя и дана имъ была эта великая заповѣдь: *не убіеши*, а чрезъ нее велѣно было воздерживаться отъ многаго другого, и много употреблено было другихъ различныхъ побужденій къ исполненію ими этой заповѣди. Но, не смотря и на все это, они не оставили своего злого навыка. Но что говорятъ они, увидѣвъ Сына? *Пріидите, убіемъ Его*. Для чего и за что? Можно ли имъ было обвинять Его въ чемъ-нибудь, великомъ или маломъ? Развѣ въ томъ, что Онъ почтилъ васъ, и будучи Богомъ, содѣлался для васъ человѣкомъ и совершилъ безчисленныя чудеса? Или въ томъ, что прощалъ грѣхи? Или въ томъ, что призывалъ въ царствіе? Смотри, какъ они при своемъ нечестіи крайне безумны, и какъ безразсудно ихъ побужденіе къ убійству: *убіемъ Его* (Лук. XX, 14); говорятъ они, и *наше будетъ достояніе!* И гдѣ намѣрены убить? Внѣ винограда.

2. Видишь, какъ Христосъ предсказываетъ о самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ убитъ? *И изведше убиша* (Лук. XX, 15). По свидѣтельству ев. Луки, Христосъ самъ объявилъ, что надлежало имъ за это претерпѣть, а они сказали: *да не будетъ*, но Онъ привелъ свидѣтельство. *Воззрѣвъ*, говорится, *на нихъ, рече: что убо писанное сіе: камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла?* И: *всякъ падый на немъ сокрушится* (тамъ же, ст. 16—18). Матѳей же говоритъ, что іудеи сами произнесли приговоръ. Но въ этомъ нѣтъ противорѣчія; и то, и другое было. Они произнесли на себя этотъ приговоръ, а потомъ, уразумѣвъ смыслъ притчи, сказали: *да не будетъ!* и Онъ возразилъ имъ словами пророка, увѣряя, что это непремѣнно сбудется. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ не указалъ имъ прямо на язычниковъ, чтобы не раздражить ихъ противъ Себя, но намекнулъ только, сказавъ: *и виноградъ предастъ инымъ* (Лук. XX, 16). Безъ сомнѣнія, Онъ и

причту сказалъ для того, чтобы іудеи сами произнесли приговоръ, что случилось и съ Давидомъ, когда онъ произнесъ осужденіе себѣ, уразумѣвъ причту Наѳана. Суди же по этому, какъ справедливъ приговоръ, когда подвергаемые наказанію сами себя обвиняютъ. Потомъ, для того, чтобы они видѣли, что не только самая справедливость требуетъ этого, но что давно уже предрекла это благодать Св. Духа, и Богъ такъ опредѣлилъ, Христосъ приводитъ пророчество и обличаетъ ихъ, говоря: *нѣсте ли чли николиже*, яко *камень егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла? Отъ Господа бысть сей, и есть дивенъ во очію нашею*. Онъ всячески увѣряетъ іудеевъ, что они, какъ невѣрующіе, будутъ изгнаны, а язычники приняты. Это далъ Онъ разумѣть и обращеніемъ съ хананеянкою, и избраніемъ осла при входѣ во Іерусалимъ, и примѣромъ сотника, и многими притчами; на это же указываетъ и теперь. Поэтому Онъ и присовокупилъ: *отъ Господа бысть сей, и есть дивенъ во очію нашею*, давая тѣмъ знать, что вѣрующіе язычники и тѣ, которые изъ самыхъ іудеевъ увѣруютъ, составятъ одно, не смотря на все ихъ прежнее между собою раз- 642
личіе. Затѣмъ, чтобы они знали, что все это нисколько не противно Божію совершенству, а напротивъ весьма сообразно съ нимъ, и даже чудно и поразительно для всякаго (а и дѣйствительно это было несказанное чудо),—Христосъ присовокупилъ: *отъ Господа бысть сей*. Камнемъ называетъ Себя, а зиждущими—учителей іудейскихъ; то же сказано и Іезекіилемъ: *зиждущіе стѣну, и помазующіе неискусно* (Іез. XIII, 10). Какъ же *небрегоша*? Когда говорили: *сей нѣсть отъ Бога* (Іоан. IX, 16); *сей льститъ народы* (тамъ же VII, 12); также: *самарянинъ еси Ты, и бѣса́ имаши* (Іоан. VIII, 48). Наконецъ, чтобы они знали, что имъ угрожаетъ не одно отверженіе, указываетъ на самыя казни: всякъ *падый на камени семъ, сокрушится; а на немже падетъ, сотретъ и* (ст. 44). Здѣсь Христосъ представляетъ двоякую гибель: одну отъ преткновенія и соблазна,—это означаютъ слова: *падый на камени семъ*; а другую, когда подвергнутся плѣненію, бѣдствіямъ и совершенной погибели,—что ясно выразилъ словами: *сотретъ и*. Этимъ же Онъ указалъ и на Свое воскресеніе. Пророкъ Исаія говоритъ, что Онъ обвиняетъ виноградникъ (т. е. народъ); здѣсь же порицаетъ и начальниковъ народа. У Исаіи говоритъ Онъ: *что подобаше Мнѣ сотворити винограду Моему, и не сотворихъ* (V, 4)? А у другого пророка: *кое обрѣтоша отцы ваши во Мнѣ прегрѣшеніе* (Іерем. II, 5)? также: *людіе Мои, что сотворихъ вамъ, или чимъ оскорбихъ васъ* (Мих. VI, 3)? Такъ Онъ изображалъ неблагодарность іудейскаго народа, что они за всѣ Его благодѣянія воздали Ему противнымъ! Здѣсь то же самое говоритъ съ большею силою.

Не Самъ Онъ является говорящимъ: *что подобаше мнѣ сотворити, и не сотворихъ?* Но представляетъ, что они сами произносятъ приговоръ, что все для нихъ было сдѣлано, и тѣмъ сами себя осуждаютъ. Слова ихъ: *злыхъ злѣ погубитъ, и виноградъ предастъ инымъ дѣлателямъ* то и означаютъ, что они сами на себя произносятъ самый строгій приговоръ. И Стефанъ укоряетъ ихъ въ этомъ, особенно нападая на нихъ за то, что они, пользуясь постоянно великимъ Божіимъ промышленіемъ о нихъ, воздавали Благодѣтелю совсѣмъ противнымъ; и это самое было яснымъ доказательствомъ того, что не наказывающій, но сами наказываемые были виновниками ниспосылаемой на нихъ казни. То же доказывается и здѣсь, какъ притчею, такъ и пророчествомъ. Христосъ не удовольствовался одною притчею, но привелъ еще два пророчества: одно Давидово, другое—собственное Свое. Итакъ, что же должны были сдѣлать іудеи, выслушавъ это? Не поклониться ли Господу? Не удивляться ли Божіей о нихъ попечительности, явленной какъ въ древнія времена, такъ и послѣ этого? Если никакое благодѣяніе не могло ихъ сдѣлать лучшими, то по крайней мѣрѣ не надлежало ли имъ вразумиться хотя страхомъ наказанія? Но они не вразумились. Что же сдѣлали они послѣ этого? *Слышавше*, говоритъ евангелистъ, *разумѣша, яко о нихъ глаголетъ. И ищуще Его яти, убояшася народа*; *понеже яко пророка Его имѣяху* (ст. 45—46). Іудеи наконецъ поняли, что Христосъ разумѣлъ ихъ. Когда однажды они хотѣли схватить Его, Онъ прошелъ посреди ихъ, и сдѣлался невидимъ; въ другой разъ явился и остановилъ рѣшительное ихъ намѣреніе убить Его, которымъ они мучились. И они, удивляясь этому, говорили: *не сей ли есть Іисусъ? Се не обинуяся глаголетъ, и ничесоже Ему не глаголютъ* (Іоан. vii, 25, 26). Но теперь, такъ какъ ихъ удерживалъ страхъ предъ народомъ, Христосъ довольствуется этимъ, и не произво-
643 дитъ чуда, какъ прежде, не проходитъ посреди ихъ, не дѣлается невидимымъ. Онъ не хотѣлъ вездѣ дѣйствовать сверхчеловѣческою силою, чтобы вѣрили истинѣ Его вочеловѣченія. Но ни народъ, ни слова Христа не вразумили іудеевъ; они не устыдились ни свидѣтельства пророковъ, ни собственнаго своего приговора, ни мнѣнія народнаго. Такъ совершенно ослѣпило ихъ любоначаліе, тщеславіе и привязанность къ временному!

3. И дѣйствительно, ничто такъ не доводитъ насъ до опаснаго паденія и не влечетъ по стремнинамъ, ничто такъ не лишаетъ насъ будущихъ благъ, какъ пристрастіе къ вещамъ скоропреходящимъ; напротивъ, ничто такъ не приводитъ насъ къ обладанію настоящими и будущими благами, какъ предпочтеніе всему будущихъ. *Ищите*, говоритъ Христосъ, *царствія Божія, и*

сія вся приложатся вамъ (Матѳ. vi, 33). Но если бы даже не прилагались временныя блага, и тогда не надлежало бы такъ много заботиться о ихъ пріобрѣтеніи. Теперь же, получить будущія блага значитъ получить и настоящія. Но нѣкоторые не убѣждаются и этимъ и, уподобляясь безчувственнымъ кампямъ, гоняются за тѣнію удовольствій. Въ самомъ дѣлѣ, что сладостнаго въ благахъ настоящей жизни? Что пріятнаго? Я намѣренъ свободнѣе поговорить съ вами нынѣ. Но будьте внимательны и знайте, что жизнь, представляющаяся вамъ трудною и несносною (я говорю о жизни монаховъ и распявшихся міру), гораздо сладостнѣе и вожделѣннѣе той, которая кажется вамъ пріятною и удобною. И свидѣтели этому вы сами, которые часто, во время постигнувшихъ васъ несчастій и скорбей, просите себѣ смерти и называете блаженными живущихъ въ горахъ и вертепахъ и ведущихъ жизнь безбрачную и беззаботную, вы, которые занимаетесь искусствами, служите въ войскахъ, или живете безъ дѣла и праздно и проводите дни въ театрѣ и мѣстахъ пляски. И тамъ, гдѣ повидимому тысячами текутъ удовольствія и рѣками—увеселенія, рождается безчисленное множество горькихъ скорбей. Если кто воспылаетъ любовію къ одной изъ плясавшихъ тамъ дѣвицъ, тотъ вытерпитъ страданія, какимъ не подвергнешься ни въ многочисленныхъ сраженіяхъ, ни въ многократныхъ странствованіяхъ, и состояніе такого человѣка будетъ болѣе тягостно, чѣмъ всякаго осажденнаго города. Но не станемъ описывать подробно этихъ мученій, и—предоставивъ это на судъ совѣсти плѣненныхъ любовію—разсмотримъ жизнь обыкновенную; и мы найдемъ между монашескою и мірскою жизнію такое же различіе, какъ между пристанью и моремъ, непрестанно разсѣкаемымъ вѣтрами. Смотри, самыя убѣжища монаховъ уже даютъ начало ихъ благоденствію. Избѣгая рынковъ и городовъ и народнаго шума, они предпочли жизнь въ горахъ, которая не имѣетъ ничего общаго съ настоящею жизнію, не подвержена никакимъ человѣческимъ превратностямъ, ни печали житейской, ни горести, ни большимъ заботамъ, ни опасностямъ, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здѣсь они размышляютъ уже только о царствіи небесномъ, бесѣдуя въ безмолвіи и глубокой тишинѣ съ лѣсами, горами, источниками, а наиболѣе всего—съ Богомъ. Жилища ихъ чужды всякаго шума, а душа, свободная отъ всѣхъ страстей и болѣзней, тонка, легка и гораздо чище самаго тонкаго воздуха. Занятія у нихъ тѣ же, какія были вначалѣ и до паденія Адама, когда онъ, облеченный славою, дерзновенно бесѣдовалъ съ Богомъ и обиталъ въ преисполненномъ блаженства раѣ. И въ самомъ дѣлѣ:

644 жизнь монаховъ чѣмъ хуже жизни Адама, когда онъ до преслушанія введенъ былъ въ рай воздѣлывать его? Адамъ не имѣлъ никакихъ житейскихъ заботъ: нѣтъ ихъ и у монаховъ. Адамъ чистою совѣстію бесѣдовалъ съ Богомъ: такъ и монахи; болѣе того, они имѣютъ гораздо больше дерзновенія, нежели Адамъ, такъ какъ больше имѣютъ въ себѣ благодати, по дару Духа Святаго. Надлежало бы вамъ собственными глазами видѣть это; но такъ какъ вы не хотите, и проводите жизнь въ шумѣ и на торжищахъ, то по крайней мѣрѣ на словахъ опишу вамъ хотя одну часть ихъ образа жизни,—всей же ихъ жизни описать невозможно. Эти свѣтильники міра, едва начинаетъ восходить солнце, или еще до разсвѣта, встаютъ съ ложа здоровые, бодрые и свѣжіе (потому что ихъ не возмущаетъ никакая печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни трудъ, ни множество дѣлъ, ни что-нибудь другое тому подобное, но они живутъ, какъ ангелы на небѣ). Итакъ, поспѣшно вставъ съ ложа, бодрые и веселые, они всѣ вмѣстѣ съ свѣтлымъ лицемъ и совѣстію составляютъ одинъ ликъ и какъ бы едиными устами поютъ гимны Богу всяческихъ, прославляя и благодаря Его за всѣ благодѣянія, какъ частныя, такъ и общія. Поэтому, если угодно, оставивъ Адама, спрошу васъ: чѣмъ отличается отъ ангеловъ этотъ ликъ поющихъ и восклицающихъ на землѣ: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14)? И одежда у нихъ соотвѣтственна ихъ мужеству. Они облечены не въ длинныя одежды, какъ люди изнѣженные и разслабленные, но одежды ихъ приготовлены, какъ у тѣхъ блаженныхъ ангеловъ: Иліи, Елисея, Іоанна и прочихъ апостоловъ, у однихъ изъ козьей, у другихъ изъ верблюжьей шерсти, а нѣкоторымъ довольно одной кожи, и то совсѣмъ обветшавшей. Потомъ, пропѣвши свои пѣсни, съ колѣнопреклоненіемъ, призываютъ прославленнаго ими Бога на помощь въ такихъ дѣлахъ, которыя другимъ не скоро бы пришли на умъ. Они не просятъ ни о чемъ настоящемъ, у нихъ не бываетъ объ этомъ слова; но просятъ о томъ, чтобы имъ съ дерзновеніемъ стать предъ страшнымъ престоломъ, когда Единородный Сынъ Божій придетъ судить живыхъ и мертвыхъ,—чтобы никому изъ нихъ не услышать того страшнаго голоса: *не вѣмъ васъ* (Матѳ. XXV, 12)! и чтобы въ чистотѣ совѣсти и обиліи добрыхъ дѣлъ совершить настоящую трудную жизнь и благополучно переплыть это бурное море. Молитвы же ихъ начинаетъ отецъ и настоятель. Потомъ, какъ вставши окончатъ эти священныя и непрестанныя молитвы, съ восходомъ солнечнымъ каждый идетъ къ своему дѣлу, и трудами многое пріобрѣтаютъ для бѣдныхъ.

4. Гдѣ теперь тѣ, которые предаются дьявольскимъ плясками, непотребнымъ пѣснямъ и сидятъ въ театрѣ? Стыжусь вспоминать объ нихъ; но, по вашей немощи, необходимо сдѣлать и это. И Павелъ говоритъ: *якоже представисте уды ваша рабы нечистотѣ, тако нынѣ представисте уды ваша рабы правдѣ во святыню* (Рим. vi, 19). Итакъ, посмотримъ и мы на это сонмище блудныхъ женъ и непотребныхъ юношей, собравшихся въ театрѣ, и ихъ 645
забавы, которыми весьма многіе изъ безпечныхъ юношей завлекаются въ ихъ сѣти, сравнимъ съ жизнію блаженныхъ. Здѣсь мы найдемъ различія столько же, сколько между ангелами, если бы ты услышалъ ихъ поющими на небѣ стройную пѣснь, и между собаками и свиньями, которыя визжатъ, роясь въ навозѣ. Устами однихъ говоритъ Христосъ, а языкомъ другихъ—діаволъ. Тамъ самыя трубы издаютъ звукъ, соотвѣтственный ихъ нескладному голосу и уродливому виду, когда они надуваютъ щеки и натягиваютъ жилы. А здѣсь издаетъ звукъ благодать Духа Святаго, которая вмѣсто трубъ, гуслей и флейтъ употребляетъ уста святыхъ. Впрочемъ, что бы я ни говорилъ, невозможно вполнѣ представить того удовольствія людямъ, привязаннымъ къ персти и плинѳодѣланію. Поэтому желалъ бы я взять кого-нибудь изъ пристрастившихся къ театру, отвести въ монастырь и показать ему собраніе святыхъ мужей; тогда мнѣ уже не нужны были бы слова. Однако—не смотря на то, что бесѣдую съ людьми бренными, попытаюсь и словомъ хотя бы нѣсколько извлечь ихъ изъ грязи и тины. Тамъ слушатель тотчасъ воспламеняется огнемъ нечистой любви: если мало взора блудницы зажечь сердце, то голосъ ея влечетъ въ гибель; а здѣсь, если бы даже душа и имѣла что-нибудь нечистое, она тотчасъ оставляетъ это. И не только голосъ и взоръ, но и самыя одежды блудницъ еще болѣе приводятъ въ смущеніе зрителей. Бѣднякъ, человѣкъ низкій и презрѣнный, посмотрѣвъ на это зрѣлище, будетъ досадовать и скажетъ самъ себѣ: эта блудница и этотъ блудникъ—дѣти поваровъ и сапожниковъ, а часто и рабовъ—живутъ въ такой роскоши; а я, свободный, происходя отъ свободныхъ, живя честными трудами, и во снѣ не могу представить себѣ этого,—и оставляетъ такимъ образомъ зрѣлище снѣдаемый печалію. У монаховъ же не случится ничего такого, но все бываетъ совершенно напротивъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда увидитъ, что дѣти богатыхъ и знатныхъ родителей облечены въ такія одежды, какихъ не носятъ и самые послѣдніе изъ нищихъ, и что даже еще радуются этому, то представьте, съ какимъ утѣшеніемъ для своей бѣдности пойдетъ онъ изъ монастыря! А если посѣтитъ монаховъ и богатый, то возвратится отъ нихъ лучшимъ и съ здравыми понятіями о вещахъ. Опять, въ театрѣ, когда

посмотрять на блудницу въ золотомъ уборѣ, бѣдный станетъ плакать и рыдать, видя что жена его не имѣетъ ни одного такого украшенія, а богатые послѣ такого зрѣлища будутъ презирать и отвращаться своихъ супругъ. Какъ скоро блудница представитъ зрителямъ и одежду, и взоръ, и голосъ, и поступь, и все, что можетъ возбудить любострастіе,—они выходятъ изъ театра воспламененные страстію, и возвращаются къ себѣ домой уже плѣнниками. Отсюда происходятъ обиды, безчестія, отсюда вражда, брани и каждодневные случаи смертные; и жизнь становится несносной такому плѣннику, и жена ему уже не мила, и дѣти не по прежнему любезны, и весь домъ приходитъ въ безпорядокъ, и самый свѣтъ солнечный, наконецъ, кажется для него несноснымъ. Напротивъ изъ монашескихъ собраній не происходитъ ни одной такой непріятности Жена встрѣчаетъ мужа ласковымъ, кроткимъ, непристрастившимся ни къ какому гнусному удовольствію, и въ обращеніи его находитъ больше непри-
646 нужденности, нежели прежде. Столько-то зла производитъ театръ, и столько добра монастырь: одинъ овецъ дѣлаетъ волками, а другой и волковъ обращаетъ въ агнцевъ. Правда, мы пока ничего еще не сказали объ удовольствіяхъ монашеской жизни. Но что можетъ быть пріятнѣе того, когда душа наша ничѣмъ не возмущается, не мучится, не упываетъ, не стенаетъ? Однако же продолжимъ наше сравненіе и разсмотримъ, какое удовольствіе доставляетъ намъ то и другое пѣніе, то и другое зрѣлище,—и мы увидимъ, что въ первомъ случаѣ оно продолжается только до вечера, пока зритель сидитъ въ театрѣ, а послѣ язвитъ его больнѣе всякаго жала; полученное же въ монастырѣ удовольствіе непрестанно сохраняетъ свою силу въ душахъ зрителей,—навсегда остается въ ихъ мысляхъ и образъ видѣнныхъ ими мужей, и пріятность мѣста, и простота жизни, и чистота общества, и сладость прекраснаго духовнаго пѣнія. Вотъ почему тѣ, которые всегда наслаждаются этимъ тихимъ пристанищемъ, бѣгаютъ уже людского шума, какъ бы какой-нибудь бури. И не только во время своихъ пѣснопѣній и молитвъ, но и когда сидятъ за книгами, монахи доставляютъ зрителямъ пріятное зрѣлище. Послѣ того, какъ кончится пѣніе, одинъ беретъ Исаію, и съ нимъ бесѣдуетъ; другой бесѣдуетъ съ апостолами; третій читаетъ книги другихъ писателей и любомудрствуетъ о Богѣ, о мірѣ, о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ, чувственныхъ и духовныхъ, о ничтожности жизни настоящей и о величіи жизни будущей.

5. Пища у нихъ самая лучшая: они питаются не вареными мясами безсловесныхъ животныхъ, но словомъ Божіимъ, *сладчайшимъ паче меда и сота* (Псал. XVIII, 11). Это чудный медъ и

гораздо лучше того, которымъ нѣкогда въ пустынѣ питался Іоаннъ. Не дикія пчелы, садясь на цвѣты, собираютъ этотъ медъ, и не росу переваривши въ себѣ кладутъ въ ульи; но приготовляетъ его благодать Духа Святаго и, вмѣсто сотовъ, ульевъ и дупла, полагаетъ въ души святыхъ, такъ что желающій всегда безопасно можетъ вкушать его. Подражая этимъ пчеламъ, и они облетаютъ соты священныхъ книгъ, почерпая въ нихъ великое удовольствіе. Но если хочешь знать трапезу ихъ, то подойди поближе, и ты увидишь, что отрыгаемое ими все сладко, пріятно, исполнено духовнымъ благоуханіемъ. Уста ихъ не могутъ произнесть ни одного дурного слова и ни одного шуточнаго или грубаго, но каждое достойно неба. Тотъ не погрѣшитъ, кто сравнитъ уста людей, бѣгающихъ по рынкамъ и жадно гоняющихся за житейскимъ, со стоками нечистотъ, а уста монаховъ съ источниками, текущими медомъ и бьющими чистыми ключами. Но если кому обидно, что я сравниваю уста людей со стоками нечистотъ, тотъ пусть знаетъ, что я выразился еще весьма снисходительно. А священное писаніе не наблюдаетъ и этой мѣры, но употребляетъ другое, гораздо сильнѣйшее сравненіе, говоря: *ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ, гробъ отверстъ гортань ихъ* (Псал. v, 10). Не таковы уста монаховъ: они исполнены благоуханія. Таково настоящее ихъ состояніе! А будущее ихъ—какое слово можетъ выразить? Какой умъ—постигнуть? Ихъ жребій ангельскій: неизреченное блаженство, несказанныя блага! Можетъ быть, теперь многіе изъ васъ воспламенились и чувствуютъ въ 647-648
себѣ желаніе вести такую прекрасную жизнь; но что пользы, ежели пока вы здѣсь, этотъ огонь горитъ въ васъ, а какъ скоро выйдете, пламя погасло, и это желаніе пропало? Какъ же сдѣлать, чтобы этого не случилось? Пока горячо въ тебѣ это желаніе, пойди къ этимъ ангеламъ и воспламенись еще болѣе. Не столько могутъ воспламенить мои слова, сколько взглядъ на самое дѣло. Не говори: вотъ я переговорю съ женою, кончу прежде дѣла свои; такая отсрочка есть начало безпечности. Послушай: нѣкто хотѣлъ устроить домашнія дѣла, и пророкъ не позволилъ ему (3 Цар. xix, 20). Что говорю: устроить? Ученикъ хотѣлъ погребсти отца, и Христосъ не согласился даже на то (Лук. ix, 60). Какое же дѣло кажется тебѣ столько необходимо, какъ погребеніе отца? Но Христосъ и того не позволилъ. Почему же? Потому что діаволъ всѣми мѣрами старается вкрасться, и если замѣтитъ въ человѣкѣ, что онъ мало занятъ или откладываетъ дѣло, производитъ въ немъ большую лѣность. Поэтому-то нѣкто и совѣтуетъ: *не отлагай день отъ дне* (Сирах. v, 8). Такимъ образомъ ты можешь въ большемъ успѣть, да и домаш-

нія дѣла твои будутъ въ хорошемъ состояніи. *Ищите*, сказано, *прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33). Если и мы обезпечиваемъ состояніе тѣхъ, которые, пренебрегая собственными своими выгодами, заботятся о нашихъ выгодахъ, то тѣмъ болѣе Богъ, Который и безъ того печется и промышляетъ о насъ. Итакъ, не заботься о своихъ дѣлахъ, но предоставь это Богу. Если ты заботишься, то заботишься какъ человѣкъ; если же Богъ промышляетъ, то Онъ промышляетъ какъ Богъ. Итакъ, не заботься о своихъ дѣлахъ, оставляя важнѣйшее; иначе Богъ менѣе будетъ промышлять о нихъ. Но чтобы Богъ болѣе промышлялъ о твоихъ дѣлахъ, предоставь все Ему одному. Когда ты, оставляя дѣла духовныя, самъ занимаешься дѣлами житейскими, тогда уже Богъ не много печется о нихъ. Итакъ, чтобы все у тебя шло хорошо, и тебѣ освободиться отъ всѣхъ заботъ, прилѣпись къ духовному и презирай житейское: тогда ты съ небомъ получишь и землю, и сподобишься будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXIX.

647 **И отвѣщавъ Іисусъ паки рече въ притчахъ: уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже сотвори браки сыну своему: и посла рабы своя призвати званныя на браки, и не хотяху пріити. Паки посла ины рабы, глаголя: рцыте званнымъ: обѣдъ мой уготовахъ, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: пріидите на браки. Они же небрегше отыдоша, овъ убо на село свое, овъ же на купли своя: прочіи же емше рабовъ его, досадиша имъ, и убиша ихъ, и проч. (Матѳ. XXII, 1—6).**

1. Видишь ли, какое различіе между сыномъ и рабами представляется какъ въ предыдущей притчѣ, такъ и въ этой? Видишь ли великое сходство и вмѣстѣ великое различіе той и другой притчи? И эта притча показываетъ долготерпѣніе Божіе и великое Его попеченіе, а также и нечестіе и неблагодарность іудеевъ. Впрочемъ эта притча заключаетъ въ себѣ больше первой: она предвозвѣщаетъ отпаденіе іудеевъ и призваніе язычниковъ и, кромѣ того, показываетъ правильный образъ жизни, и то, какая казнь ожидаетъ безпечныхъ. Справедливо эта притча предлагается послѣ предыдущей притчи. Сказавъ въ предыдущей бесѣдѣ: *дастся языку, творящему*

плоды его (Матѳ. XXI, 43), Христосъ показываетъ здѣсь, какому дастся языку; и не только это, но еще и то, что Онъ имѣлъ особенное попеченіе объ іудеяхъ. Тамъ Онъ изображается призывающимъ прежде распятія Своего, а здѣсь—настоятельно привлекающимъ ихъ къ Себѣ и послѣ распятія; и въ то время какъ надлежало ихъ наказать тягчайшимъ образомъ, Онъ влечетъ ихъ на брачный пиръ и удостоиваетъ высочайшей чести. И замѣть, какъ тамъ прежде призываетъ не язычниковъ, а іудеевъ, такъ и здѣсь. Но какъ тамъ, когда іудеи не хотѣли принять Его, и даже пришедшаго къ нимъ убили, Онъ отдалъ другимъ виноградникъ, такъ и здѣсь, когда они не хотѣли придти на брачный пиръ, Онъ позвалъ другихъ. Можетъ ли что быть хуже такой непризнательности—быть званными на брачный пиръ, и не придти? Кто не захочетъ пойти на бракъ, на бракъ царя, царя уготовляющаго бракъ для сына? Ты спросишь: 648
почему царствіе небесное называется бракомъ? Чтобы ты позналъ попеченіе Божіе, любовь Его къ намъ, великолѣпіе во всемъ,—позналъ то, что тамъ ничего нѣтъ печальнаго и прискорбнаго, но все исполнено духовной радости. Поэтому и Іоаннъ называетъ Его *женихомъ* (Іоан. III, 29); поэтому и Павелъ говоритъ: *обручихъ бо васъ единому мужу* (2 Кор. XI, 2); и еще: *тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и во церковь* (Ефес. V, 32). Почему же невѣста обручается не Отцу, но Сыну? Потому что если она обручается Сыну, то обручается и Отцу. Въ Писаніи то или другое полагается безразлично, по тождеству существа. Здѣсь Христосъ предвозвѣщаетъ и о воскресеніи. Такъ какъ прежде Онъ говорилъ о смерти, то теперь показываетъ, что и послѣ смерти будетъ бракъ, будетъ женихъ. Но и это не сдѣлало іудеевъ лучшими, не смягчило ихъ жестокаго сердца. Что можетъ быть хуже этого? Это третья ихъ вина. Первая вина та, что они побили пророковъ; вторая, что они убили Сына; наконецъ третья, что по совершеніи этого убійства, призываемые самимъ убіеннымъ ими на брачный пиръ, не идутъ на него, но представляютъ причины—супругъ воловъ, поля, женъ. Хотя эти причины кажутся благовидными, но изъ этого мы научаемся, что хотя бы удерживала насъ и необходимость, духовное должно предпочитать всему. И не теперь только зоветъ Онъ, но уже давно. Онъ говоритъ: *скажите званнымъ*; и еще: *позовите званныхъ*—что еще болѣе дѣлаетъ іудеевъ виновными. Когда же они были званы? Они были званы всѣми пророками; потомъ Іоанномъ, который всѣхъ посылалъ ко Христу, говоря: *Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Іоан. III, 30); потомъ самимъ Сыномъ, который говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труж-*

дающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы (Матѳ. xi, 28); и еще: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ, и піетъ* (Іоан. vii, 37). Онъ ихъ звалъ не одними только словами, но и дѣлами; звалъ,
649 по вознесеніи Своемъ, чрезъ Петра и прочихъ апостоловъ. Именно сказано: *споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ во языки* (Гал. ii, 8). Такъ какъ іудеи, увидя Сына, вознегодовали и убили Его, то Онъ зоветъ ихъ опять чрезъ рабовъ. И къ чему Онъ ихъ призываетъ? Къ трудамъ, подвигамъ, бѣдствіямъ? Нѣтъ, Онъ ихъ призываетъ къ веселію. Говоритъ Онъ: *юнцы мои, и упитанная исколена*. Какой пышный пиръ, какое великолѣпіе! Но и это ихъ не обратило; напротивъ, чѣмъ Онъ больше долготерпѣлъ имъ, тѣмъ болѣе они ожесточались. Они не пришли на брачный пиръ по лѣности, а не потому, что заняты были дѣлами. Но какъ же одни изъ нихъ представляютъ въ извиненіе свое бракъ, а другіе—воловъ? Развѣ это занятіе? Ни въ какомъ случаѣ. Для духовныхъ дѣлъ должно оставлять всѣ другія занятія, даже необходимыя. Мнѣ же кажется, что они представляли такія причины только для того, чтобы прикрыть свою безпечность. И не только то одно худо, что они не пришли, но всего безразсуднѣе и ужаснѣе то, что они и пришедшихъ приняли весьма дурно, надругались надъ ними и убили; это гораздо хуже прежняго. Прежде приходили къ нимъ требовать плодовъ, и приходившіе были убиты; теперь приходятъ отъ Убіеннаго имъ звать на брачный пиръ, и также они убиваютъ ихъ. Что можетъ сравниться съ такою жестокостію? За это и Павелъ, укоряя ихъ, сказалъ: *убившихъ и Господа и Его пророки и насъ изгнавшихъ* (1 Ѳессал. ii, 15). Потомъ, чтобы они не сказали: „Онъ противникъ Божій, поэтому мы не пришли", — послушай, что говорятъ призывающіе: Отецъ дѣлаетъ брачный пиръ и призываетъ. Что же послѣ? Такъ какъ они не захотѣли придти, но убили пришедшихъ къ нимъ, то Онъ сжегъ города ихъ и, пославъ войско, истребилъ ихъ. Этимъ Онъ предсказываетъ событія, случившіяся при Веспасіанѣ и Титѣ, и такъ какъ іудеи оскорбили и Отца, не повѣривъ Ему, то Онъ самъ принимаетъ на Себя отмщеніе ихъ. Потому не тотчасъ по смерти Христа случилось истребленіе города, но спустя сорокъ лѣтъ,—послѣ того, какъ они убили Стефана, умертвили Іакова и надругались надъ апостолами, — чтобы видно было Его долготерпѣніе. Видишь ли, какъ точно и скоро исполнились самыя событія? Это случилось еще при жизни Іоанна и многихъ другихъ, бывшихъ со Христомъ, и свидѣтелями этихъ событій были тѣ, которые слышали это предсказаніе. Замѣть особенное попеченіе Божіе. Онъ насадилъ виноградникъ,—все сдѣлалъ и выполнилъ: по убіеніи однихъ рабовъ, послалъ другихъ; по убіеніи

этихъ, послалъ Сына, и по убіеніи Сына, призываетъ ихъ на бракъ; они же не захотѣли придти. Послѣ посылаетъ другихъ рабовъ,—они и этихъ убили. Тогда наконецъ Онъ истребляетъ ихъ, какъ зараженныхъ неисцѣлимою болѣзнію. А что они заражены были неисцѣлимою болѣзнію, это доказываютъ не только прежніе поступки ихъ, но и то, что они совершали подобныя дѣла и послѣ того, какъ увѣровали блудницы и мытари. Такимъ образомъ они осуждаются не только за свои злодѣянія, но и за то, что другіе дѣлали доброе. Если же кто скажетъ, что язычники призывались не тогда, когда апостолы подвергались бичеваніямъ и терпѣли безчисленныя бѣдствія, но тотчасъ послѣ воскресенія (тогда именно имъ сказалъ І. Христосъ: *шедше научите вся языки*—Матѳ. xxviii, 19), то мы на это отвѣтимъ, что ученики говорили іудеямъ первымъ, и прежде, и послѣ креста. И прежде креста Іисусъ говорилъ ученикамъ: *идите ко овцамъ погибшимъ дому Израилева*, и послѣ креста Онъ не запретилъ, но повелѣлъ ученикамъ проповѣдывать іудеямъ. Хотя Онъ и сказалъ: *научите вся языки*, но предъ вознесеніемъ Своимъ на небо ясно показалъ ученикамъ, что они должны проповѣдывать іудеямъ прежде. Онъ сказалъ: *пріимите силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и даже до послѣднихъ земли* (Дѣян. i, 8). И Павелъ также говоритъ: *ибо споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ во языки* (Гал. ii, 8). Поэтому и апостолы прежде проповѣдывали іудеямъ, и пробывъ долгое время въ Іерусалимѣ, когда уже были изгнаны іудеями, разсѣялись между язычниками.

650

2. Замѣть и здѣсь великую любовь Господа. *Елицѣхъ аще обрящете, призовите на браки*, говоритъ Онъ. Прежде, какъ сказалъ я, апостолы благовѣствовали и іудеямъ, и язычникамъ, находясь впрочемъ болѣе въ Іудеѣ; но такъ какъ іудеи не переставали коварствовать противъ апостоловъ, то послушай, какъ Павелъ, изъясняя эту притчу, говоритъ: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе: а понеже недостойны сотвористе сами себе, се обращаемся во языки* (Дѣян. xiii, 46). Поэтому и самъ Господь говоритъ: *бракъ убо готовъ есть, званніи же не быша достойни* (ст. 8). Онъ безъ сомнѣнія и прежде зналъ объ этомъ, но чтобы не оставить іудеямъ никакого предлога къ безстыдному извиненію, не смотря и на это пришелъ къ нимъ первымъ, и послалъ Своихъ апостоловъ, чтобы имъ заградить уста, а насъ научить исполнять все, что относится къ намъ, хотя бы никто не получилъ отъ этого никакой пользы. Итакъ, говоритъ Онъ, такъ какъ они *не были достойны, идите на распутія, и елицѣхъ аще обрящете*,

призовите (ст. 9), даже низкихъ и презрѣнныхъ. Такъ какъ Онъ часто говорилъ, что блудницы и мытари наслѣдуютъ небо, и первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми (Матѳ. XXI, 31; XIX, 30), то теперь показываетъ, что все это дѣлается справедливо. Видѣть, что язычники на ихъ мѣсто вводятся въ царство—особенно сильно оскорбляло іудеевъ и смущало ихъ гораздо болѣе, нежели разореніе ихъ города. Потомъ, чтобы первые не полагались на одну вѣру, Онъ разсуждаетъ съ ними о судѣ и наказаніи за худыя дѣла; старается невѣрующихъ привести къ вѣрѣ, а вѣрующихъ наставляетъ въ правилахъ жизни. Подъ *одеждою* разумѣются дѣла жизни. Но вѣдь призваніе—дѣло благодати: почему же Онъ объ немъ такъ обстоятельно разсуждаетъ? Потому, что хотя призваніе и очищеніе есть дѣло благодати, но то, чтобы призванный и облеченный въ чистую одежду постоянно ее сохранялъ такою, зависитъ отъ старанія призванныхъ. Призваніе бываетъ не по достоинству, но по благодати. Поэтому должно соотвѣтствовать благодати послушаніемъ, и получивъ честь, не показывать такого нечестія. Но ты скажешь: я не получилъ столько благъ, сколько іудеи. Нѣтъ, ты получилъ гораздо большія блага. То, что въ продолженіе всего времени было приготовляемо для нихъ, всецѣло получилъ ты, не будучи того достойнымъ. Поэтому и Павелъ говоритъ, что язычники за милость прославятъ Бога (Римл. XV, 9). Ты получилъ то, что должны были они получить. Поэтому великое наказаніе ожидаетъ нерадивыхъ. Ты, уклоняясь къ развратной жизни, такъ же оскорбляешь Бога, какъ и они оскорбили Его тѣмъ, что не пришли
651 къ Нему. *Войти въ нечистой одеждѣ*—означаетъ, имѣя нечистую жизнь, лишиться благодати. Потому и сказано: *онъ же умолча*. Не видишь ли, какъ, при всей ясности дѣла, Господь не прежде наказываетъ, какъ тогда уже, когда согрѣшившій самъ осудилъ себя? Не имѣя чѣмъ защитить себя, онъ осудилъ самого себя, и такимъ образомъ подвергаетъ себя чрезвычайному наказанію. Слыша *о мракѣ*, не подумай, что онъ тѣмъ только и наказывается, что отсылается въ темное мѣсто; нѣтъ, здѣсь еще *будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ*. А эти слова указываютъ на нестерпимыя муки. Обратите вниманіе на это всѣ вы, которые, принявъ участіе въ таинствахъ и будучи призваны на бракъ, облекаете душу нечистыми дѣлами! Послушайте, откуда вы призваны: съ распутія! Что вы были? Хромые и слѣпые по душѣ, — что гораздо хуже слѣпоты тѣлесной. Почтите человѣколюбіе Призвавшаго; и пусть никто да не остается въ нечистой одеждѣ, но каждый изъ насъ пусть позаботится объ одѣяніи души своей. Послушайте жены, послушайте мужья! Намъ нужна не эта златотканная

одежда, украшающая наше тѣло, но одежда, которая бы украшала душу. Но намъ трудно облечься въ эту одежду, пока мы будемъ носить первую. Нельзя украшать вмѣстѣ и душу, и тѣло. Нельзя вмѣстѣ работать мамонѣ и служить, какъ должно Христу. Итакъ, оставимъ эту худую привычку, которая господствуетъ надъ нами. Ты, конечно, не снесъ бы великодушно, если бы кто украсилъ домъ золотыми занавѣсами, а тебя заставилъ сидѣть въ рубищѣ, почти нагимъ. Но вотъ ты теперь самъ это дѣлаешь съ собой, украшая жилище души твоей, т. е. тѣло, безчисленными дорогими одеждами, а душу оставляя въ рубищѣ. Ужели ты не знаешь, что царю надобно болѣе украшаться, нежели городу? Поэтому-то для города приготовляютъ одежду изъ льна, а для царя—порфиру и діадему. Такъ и ты долженъ прикрывать тѣло наиболѣе дешевою одеждою, а умъ одѣвать въ порфиру, украшать вѣнцемъ, и сажать на высокомъ и блистательномъ тронѣ. А теперь дѣлаешь совсѣмъ напротивъ: разнообразно украшаешь свой городъ, а царя—умъ оставляешь влачиться въ узахъ за необузданными страстями. Неужели ты не понимаешь, что ты званъ на бракъ, и на бракъ Божій? Неужели не представляешь, что званную въ этотъ торжественный чертогъ душу твою надобно будетъ ввести облеченною и украшенною золотыми одеждами?

3. Хочешь ли, я покажу тебѣ одѣтыхъ такимъ образомъ, одѣтыхъ въ брачную одежду? Припомни тѣхъ святыхъ, о которыхъ я недавно говорилъ вамъ,—святыхъ, облеченныхъ въ власяницы, живущихъ въ пустыняхъ. Они-то особенно носятъ эти брачныя одежды. А отсюда очевидно, что какія бы ты ни давалъ имъ порфирныя одежды, они не согласятся взять ихъ; но какъ царь, если бы кто велѣлъ ему надѣть худую одежду бѣдняка, отвергнулъ бы ее съ презрѣніемъ, такъ отвергнутъ и они его багряницу. И это они дѣлаютъ не по чему-либо другому, а потому, что знаютъ красоту своей одежды. Потому же презираютъ они 652
и пышное одѣяніе, какъ паутину. Вретище научило ихъ этому. Дѣйствительно, они гораздо выше и славнѣе самого царя. Если бы ты могъ отворить двери сердца ихъ и увидѣть душу ихъ и всю красоту внутреннюю,—ты упалъ бы на землю, будучи не въ состояніи вынести сіянія красоты, свѣтлости тѣхъ одеждъ и блеска ихъ совѣсти. Мы можемъ указать на великихъ и чудныхъ мужей древности; но такъ какъ на людей простыхъ видимые примѣры дѣйствуютъ сильнѣе, то я посылаю васъ поэтому въ самыя обители этихъ святыхъ. У нихъ нѣтъ никакой печали; но какъ бы на небесахъ устроивъ себѣ хижины, они такъ же далеко обитаютъ отъ бѣдствій настоящей жизни и, ополчившись

противъ діавола, борются съ нимъ такъ легко, какъ будто играютъ. Устроивъ такимъ образомъ жилища себѣ, они избѣгаютъ городовъ, общественныхъ собраній и домовъ, потому что воюющему не годится сидѣть въ домѣ, но, какъ намѣревающемуся тотчасъ переселиться, должно жить въ такомъ жилищѣ, которое легко оставить. Таковы всѣ тѣ, которые живутъ не такъ, какъ мы. Мы живемъ не какъ въ воинскихъ лагеряхъ, а какъ въ мирномъ городѣ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, живя въ станѣ воинскомъ, полагаетъ основаніе и строитъ домъ, который спустя немного времени намѣревается оставить? Никто. А если бы кто и рѣшился на это, того убьютъ, какъ измѣнника. Кто, въ лагерѣ, закупаетъ десятины земли и замышляетъ о торговлѣ? Никто, конечно. И совершенно справедливо,—говорятъ же: ты пришелъ воевать, а не торговать. Итакъ, что ты такъ заботишься о мѣстѣ, которое скоро долженъ оставить? Дѣлай это, когда возвратишься въ отечество. Это же самое и тебѣ скажу теперь я: поступай такъ тогда, когда возвратишься въ вышній градъ. Еще болѣе: тамъ тебѣ вовсе не нужно будетъ трудиться, потому что Царь все для тебя устроитъ. Здѣсь же довольно выкопать яму и воткнуть колъ, а строить ничего не нужно.

Послушай, какая жизнь у кочующихъ скиѳовъ, какой образъ жизни ведутъ номады? Такъ надобно жить и христіанамъ: обходить вселенную, воюя съ діаволомъ и освобождая плѣненныхъ имъ, и забывать все житейское. Человѣкъ! Для чего ты готовишь домъ? Для того ли, чтобы больше связать себя? Для чего закапываешь сокровище и вызываешь противъ себя врага? Для чего строишь стѣны и готовишь себѣ тюрьму? Если это кажется тебѣ труднымъ, пойдемъ въ обители святыхъ, и узнаемъ легкость труда на дѣлѣ. Устроивъ хижины, они, если нужно будетъ оставить ихъ, такъ же оставляютъ, какъ воины во время мира оставляютъ лагерь. Поистинѣ они живутъ какъ въ лагерѣ, или еще гораздо пріятнѣе. Пріятнѣе видѣть пустыню, усѣянную хижинами монашескими, нежели видѣть станъ воиновъ, которые раскидываютъ въ полѣ шатры, втыкаютъ копья и на концы ихъ вѣшаютъ красные плащи, видѣть множество людей съ мѣдными шлемами на головахъ, выпуклость ярко блещущихъ щитовъ, людей, съ головы до ногъ покрытыхъ желѣзными латами, наскоро устроенныя царскія палатки, обширное ровное поле, и пирующихъ и играющихъ на трубахъ воиновъ. Это зрѣлище не сколько увеселяетъ, какъ то, о которомъ я теперь говорю. Если мы пойдемъ въ пустыню посмотрѣть палатки воиновъ Христо-
653 выхъ, то не увидимъ ни растянутыхъ покрововъ, ни острыхъ копьевъ, ни золотыхъ тканей, покрывающихъ палатку царскую;

но какъ если бы кто, распростерши на землѣ, болѣе обширной и неизмѣримой, чѣмъ наша, многія небеса, представилъ бы зрѣлище новое и изумляющее, такъ и тамъ можно видѣть то же самое. Ихъ обитель ничѣмъ не хуже небесъ, потому что къ нимъ сходятъ ангелы, и даже самъ Господь ангеловъ. Если Господь и ангелы приходили къ Аврааму, человѣку женатому и озабоченному воспитаніемъ дѣтей, приходили потому, что знали его страннопріимство, то—когда обрѣтаютъ большую добродѣтель и находятъ человѣка отрѣшившагося отъ тѣла и во плоти плоть презирающаго, — гораздо болѣе пребываютъ здѣсь и веселятся радостію имъ свойственною. Трапеза святыхъ свободна отъ всякаго излишества и исполнена благочестія. Нѣтъ у нихъ потоковъ крови, они не разсѣкаютъ мясъ; нѣтъ головныхъ болей; нѣтъ приправъ въ кушаньяхъ; нѣтъ ни тяжелаго запаха и непріятнаго курева, ни безпрестаннаго бѣганья и шума, ни суматохи и криковъ несносныхъ, а только хлѣбъ и вода, вода изъ чистаго источника, хлѣбъ отъ трудовъ праведныхъ. Если же они захотятъ получше приготовить пищу, то ягоды составляютъ ихъ лакомство; и здѣсь болѣе удовольствія, чѣмъ на царскихъ обѣдахъ. Нѣтъ здѣсь никакого страха и трепета; не обвиняетъ начальникъ, не раздражаетъ жена, не печалитъ сынъ, не утомляетъ чрезмѣрный смѣхъ, не напыщаетъ толпа льстецовъ; но трапеза ихъ—трапеза ангеловъ, свободная отъ всякаго подобнаго смятенія. Постелью служитъ имъ просто трава, какъ сдѣлалъ Христосъ, напитавъ народъ въ пустынѣ; а многіе спятъ и не имѣя крова, но вмѣсто кровли имъ служитъ небо и луна вмѣсто свѣтильника, который не имѣетъ нужды ни въ маслѣ, ни въ томъ, кто бы поправлялъ его; и для нихъ-то однихъ недаромъ свѣтитъ луна.

4. Смотря на такую трапезу съ неба, и ангелы веселятся и радуются. Въ самомъ дѣлѣ, если они радуются и объ одномъ грѣшникѣ кающемся (Лук. xv, 7), то чего не сдѣлаютъ для столькихъ праведниковъ, подражающихъ имъ самимъ? Тамъ нѣтъ господина и раба: всѣ рабы, и всѣ свободные. Не думай, что я говорю иносказательно. Они и рабы другъ другу, и владыки другъ надъ другомъ. Съ наступленіемъ вечера имъ не о чемъ сокрушаться, какъ это бываетъ со многими изъ людей, когда они размышляютъ о дневныхъ непріятностяхъ. Послѣ ужина имъ не нужно бояться разбойниковъ, запирать двери, налагать засовы, или опасаться чего-либо другого, чего обыкновенно боятся многіе, гася осторожно свѣтильники, чтобы искра не зажгла домъ. И разговоръ ихъ исполненъ такого же спокойствія. Они не говорятъ о томъ, о чемъ, совершенно и не касающемся

насъ, разговариваемъ мы, напримѣръ: тотъ-то сдѣланъ начальникомъ, тотъ лишенъ начальства, тотъ умеръ, а другой получилъ наслѣдство, и тому подобное; но всегда разговариваютъ и любомудрствуютъ о будущемъ, и какъ бы обитающіе въ другомъ мірѣ, какъ бы переселившіеся на самое небо и живущіе тамъ, всегда разсуждаютъ о небесномъ: о лонѣ Авраамовомъ, о вѣнцахъ святыхъ, о ликованіи со Христомъ; а объ настоящемъ нѣтъ у нихъ ни помину, ни слова. И какъ мы не считаемъ достойнымъ нашего разговора то, что дѣлаютъ муравьи въ своихъ муравейникахъ, такъ и они не говорятъ о томъ, что дѣлаемъ
654 мы, а говорятъ о небесномъ царствѣ, о настоящей брани, о козняхъ діавола, о великихъ подвигахъ, совершенныхъ святыми. Итакъ, если мы сравнимъ себя съ ними, чѣмъ лучше будемъ муравьевъ? Какъ муравьи заботятся о вещественномъ, такъ и мы. И пусть бы заботились мы только объ этомъ, а то еще гораздно о худшемъ,—потому что заботимся не объ необходимомъ только, какъ муравьи, но и объ излишнемъ. Муравьи трудятся и трудъ ихъ неукоризненъ, а мы всегда трудимся изъ любостяжанія, и подражаемъ труду не муравьевъ, а волковъ и леопардовъ, даже являемся еще и ихъ хуже. Имъ такъ судила природа добывать пищу; насъ же Богъ почтилъ и разумомъ и справедливостью, а мы стали хуже звѣрей. Мы сдѣлались хуже безсловесныхъ животныхъ, а праведные равны ангеламъ, будучи странниками и пришельцами на этой землѣ. У нихъ все отлично отъ нашего: и одежда, и пища, и жилище, и обувь, и рѣчь. И если бы кто послушалъ разговоръ праведныхъ и нашъ, тотъ хорошо узналъ бы, что они граждане небесные, а мы недостойны даже и земли. Поэтому, когда кто облеченный достоинствомъ приходитъ къ нимъ, то здѣсь совершенно пропадаетъ вся надменность. Этотъ самый земледѣлецъ, неопытный ни въ чемъ житейскомъ, сидитъ на травѣ, на грязной подстилкѣ, рядомъ съ полководцемъ, который много мечтаетъ о власти своей, — потому что здѣсь некому величать его и поселять въ немъ гордость. Здѣсь бываетъ то же самое, какъ если бы кто пришелъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру, или въ розовый цвѣтникъ: какъ здѣсь пришедшій получаетъ нѣкоторый блескъ и отъ золота, и отъ розъ, такъ и приходящіе къ праведнымъ, получая нѣкоторую пользу отъ блеска ихъ, освобождаются нѣсколько отъ прежней своей гордости. Или, какъ тотъ, кто взойдетъ на высокое мѣсто, хотя бы былъ и очень малъ, кажется большимъ, такъ и тѣ, восходя въ бесѣдѣ къ высокимъ помысламъ праведниковъ, и сами кажутся такими же, пока остаются съ ними, а когда уходятъ, то, спустившись съ этой высоты, опять становятся низкими. Ничто

у святыхъ царь, ничто начальникъ; но какъ мы смѣемся надъ дѣтьми, въ игрѣ представляющими царя или начальника, такъ и они презираютъ гордость тѣхъ, которые внушаютъ страхъ собою. Отсюда очевидно, что если бы кто сталъ давать имъ царство для охраненія, они не согласились бы принять; взяли бы, можетъ быть, если бы не заботились о большемъ царствѣ и не почитали перваго дѣломъ временнымъ. Итакъ, почему мы не спѣшимъ къ столь великому блаженству, не идемъ къ этимъ ангеламъ? Почему не надѣваемъ чистыхъ одеждъ и не торжествуемъ этихъ браковъ, но остаемся бѣдными, нисколько не лучшими нищихъ, сидящихъ на распутіяхъ и даже еще хуже и бѣднѣе ихъ? Дѣйствительно, неправедно обогащающіеся гораздо хуже нищихъ, и лучше просить, нежели похищать, такъ какъ первое простительно, а послѣднее влечетъ за собою наказаніе. Тотъ, кто проситъ, нисколько не оскорбляетъ Бога; а кто похищаетъ, оскорбляетъ и Бога, и людей, и часто только тратитъ труды при хищеніи, а всѣми плодами пользуются другіе. Итакъ, зная это, оставимъ всякое любостяжаніе и будемъ пріобрѣтать сокровище нетлѣнное, восхищая со всякимъ тщаніемъ царство небесное,— потому что невозможно, невозможно лѣнивому войти въ это царство. О, если бы мы всѣ, сдѣлавшись прилежными и бдительными, получили его, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXX.

Тогда шедше фарисее, совѣтъ восприяша, яко да обольстятъ Его словомъ (Матѳ. xxп, 15). 655

1. *Тогда*: когда же это? Когда бы всего болѣе надлежало сокрушиться сердцемъ, придти въ изумленіе отъ человѣколюбія Божія, устрашиться будущаго (суда) и, смотря на то, что уже совершилось, повѣрить тому, что должно совершиться. Слова Спасителя ясно подтверждались самыми событіями. Въ самомъ дѣлѣ, мытари и блудницы обращались къ вѣрѣ, пророки и праведники были преданы смерти: зная это, фарисеи должны были не сомнѣваться въ томъ, что слышали о своей погибели, а должны были увѣровать и вразумиться. Но и это не прекращаетъ злобы ихъ; она не престаетъ мучить ихъ и усиливаться еще болѣе. А такъ такъ они не могли схватить Іисуса (потому что боялись народа), то избрали другой путь и, чтобы подвергнуть Его опасности, вознамѣрились обви-

нить Его въ нарушеніи постановленій общественныхъ. *Посылаютъ*, сказано, *къ Нему ученики своя со Иродіаны, глаголюще: Учителю, вѣмы, яко истиненъ еси, и пути Божію воистинну учиши и нерадиши ни о комже: не зриши бо на лице человѣкомъ. Рцы убо намъ, что Ти ся мнитъ: достойно ли есть дати кинсонъ кесареви, или ни* (ст. 16—17)? Они платили уже дань съ того времени, какъ управленіе общественными дѣлами ихъ перешло во власть римлянъ. Итакъ, зная, что не задолго предъ тѣмъ Ѳевда и Іуда, вознамѣрившись произвесть возмущеніе, были за это убиты, они хотѣли и Іисуса вопросомъ своимъ подвергнуть подобному подозрѣнію. Съ этою цѣлію они и послали не только своихъ учениковъ, но и воиновъ Иродовыхъ, думая чрезъ это съ той и другой стороны ископать для Него ровъ и разставить сѣти, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ уловить Его. Сталъ ли бы Спаситель говорить согласно съ мнѣніемъ иродіанъ,—въ такомъ случаѣ фарисеи могли бы укорять Его; сталъ ли бы Онъ говорить согласно съ ними,—приверженцы Ирода обвинили бы Его. Правда, Онъ заплатилъ уже дидрахму; но они не знали этого, и потому въ томъ или другомъ случаѣ надѣялись уловить Его. Впрочемъ имъ болѣе хотѣлось того, чтобы Онъ далъ отвѣтъ, противный мнѣнію иродіанъ. Съ этимъ намѣреніемъ они послали и учениковъ своихъ, чтобы ихъ присутствіемъ побудить Его къ такому отвѣту и на этомъ основаніи предать Его игемону, какъ похитителя законной власти. На это указываетъ и евангелистъ Лука, говоря, что они и предъ народомъ вопрошали Его для того, чтобы больше имѣть свидѣтелей. Но вышло совсѣмъ противное ихъ намѣренію, и они только предъ большимъ числомъ зрителей обнаружили свое безуміе. И смотри, съ какою лестію они приступаютъ къ Нему, и какъ хитро прикрываютъ свое намѣреніе. *Вѣмы*, говорятъ, *яко истиненъ еси*. Какъ же вы прежде говорили, что *Онъ льстецъ есть*, и *льститъ народы*, и *бѣса иматъ* (Іоан. VII, 12; X, 20), и *нѣсть отъ Бога*? Какъ не задолго предъ этимъ совѣщались убить Его? Но чего не дѣлаютъ люди, когда хотятъ причинить зло другимъ! Такъ какъ не задолго предъ тѣмъ они съ наглостію спрашивали Его: *коею властію сія твориши* (Матѳ. XXI, 23)? и не могли получить отвѣта, то теперь надѣются лестію надмить Его, и склонить къ тому, чтобы Онъ сказалъ что-нибудь противное установленнымъ законамъ и верховной власти. Поэтому они и заявляютъ Ему о Его справедливости, и такимъ образомъ признаютъ Его тѣмъ, чтó Онъ есть на самомъ дѣлѣ, только не отъ чистаго сердца и не охотно,—и присовокупляютъ: *нерадиши ни о комже*. Смотри, какъ ясно обнаруживается въ этихъ словахъ

намѣреніе ихъ заставить Его сказать что-нибудь такое, что могло бы оскорбить Ирода и навлечь на Спасителя подозрѣніе въ похищеніи власти, какъ на человѣка возстающаго противъ закона, чтобы потомъ могли они подвергнуть Его наказанію, какъ возмутителя и похитителя верховной власти. Говоря къ Нему:
нерадиши ни о комже, и: *не зриши на лице человѣкомъ*, они намекали 656
тѣмъ на Ирода и кесаря. *Рцы убо намъ, что Ты ся мнитъ?* Теперь вы уважаете и называете учителемъ того, котораго столько разъ презирали и оскорбляли, когда Онъ бесѣдовалъ съ вами о вашемъ спасеніи! Впрочемъ они и теперь думаютъ о Немъ такъ же, какъ и прежде. И посмотри, какъ они коварно дѣйствуютъ; не говорятъ: скажи намъ, что хорошо, что полезно, что согласно съ закономъ,—но: *что Ти ся мнитъ?* Они только за тѣмъ и смотрятъ, какъ бы предать Его и уличить въ противленіи верховной власти. Это показываетъ и евангелистъ Маркъ, который, яснѣе открывая ихъ дерзость и убійственное намѣреніе, говоритъ, что они такъ спрашивали Спасителя: давать ли намъ подать кесарю, или не давать (Марк. XII, 14)? Такъ они дышали яростію и мучились желаніемъ погубить Его, хотя притворно показывали видъ, будто хотятъ угодить Ему. Что же Онъ? *Что мя искушаете, лицемѣри* (ст. 18)? Не видите ли, что теперь Онъ уже съ большею строгостію начинаетъ говорить къ нимъ? Такъ какъ злоба ихъ уже созрѣла и открыто обнаруживалась, то Спаситель глубже разсѣкаетъ ихъ рану, открываетъ ихъ тайныя мысли, обнаруживаетъ предъ всѣми, съ какимъ намѣреніемъ они пришли къ Нему,—и такимъ образомъ въ самомъ началѣ приводитъ ихъ въ замѣшательство и заставляетъ молчать. А сдѣлалъ Онъ это, желая усмирить ихъ злобу, чтобы они и впредь подобными начинаніями не причиняли себѣ вреда. Хотя они на словахъ и оказывали Ему великое уваженіе, называли Его учителемъ, свидѣтельствовали, что Онъ справедливъ и не смотритъ на лица,—но Онъ, какъ Богъ, не могъ быть этимъ обманутъ. Итакъ, и изъ словъ Его они должны были заключить, что Онъ не по догадкѣ обличаетъ ихъ, но знаетъ и сокровенныя ихъ мысли.

2. Но Спаситель не остановился на одномъ обличеніи. Хотя и довольно было того, чтобы, обличивши ихъ намѣреніе и открывъ лукавство, привести ихъ въ стыдъ, но Онъ не довольствуется этимъ, а еще и инымъ образомъ заграждаетъ уста ихъ. *Покажите Ми*, говоритъ Онъ, *златицу кинсонную* (ст. 19). Когда же они показали Ему, то Онъ и теперь, какъ и въ другихъ случаяхъ, и ихъ собственными устами произноситъ приговоръ, и заставляетъ ихъ самихъ сознаться, что должно платить дань

кесарю,—въ чемъ и состояла главная и торжественная Его побѣда надъ ними. Итакъ Онъ спрашиваетъ ихъ не потому, чтобы не зналъ, какой должно дать отвѣтъ, но потому, что желаетъ ихъ же собственными словами обличить ихъ. Когда они на вопросъ Его: *чей это образъ?* отвѣчали: *кесаревъ*, то Онъ сказалъ имъ: *воздадите кесарева кесареви* (ст. 20—21). Платить дань не значитъ давать, но отдавать должное; и въ подтвержденіе этого Онъ указываетъ на изображеніе и надпись. А чтобы они не сказали: Ты подчиняешь насъ людямъ? прибавляетъ: и *Божія Богови*. И людямъ надобно воздавать должное, и Богу—то, чѣмъ мы въ отношеніи къ Нему обязаны. Поэтому и Павелъ говоритъ: *воздадите всѣмъ должная: емуже урокъ, урокъ: емуже дань, дань: емуже страхъ, страхъ* (Рим. xiii, 7). Впрочемъ, когда ты слышишь: *отдавай кесарево кесарю*, разумѣй подъ этимъ только то, что нисколько не вредитъ благочестію; все противное благочестію не есть уже дань кесарю, но дань и оброкъ діаволу. Услышавъ такой отвѣтъ, фарисеи замолчали и дивились Его мудрости. Послѣ этого надлежало бы имъ увѣровать и признать себя пораженными. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ представилъ имъ очевидное доказательство Своей божественности, открывъ ихъ тайныя мысли, и кроткимъ образомъ заставилъ ихъ молчать. Что же? Повѣрили ли они? Нѣтъ; но *оставльше Его, отъидоша* (ст. 22). Послѣ нихъ къ Спасителю приступили саддукеи. Какое безуміе! Едва успѣлъ
657 Онъ заградить уста фарисеямъ, какъ уже къ Нему приступаютъ эти, тогда какъ имъ слѣдовало бы воздержаться отъ этого. Но дерзость такъ безстыдна и безразсудна, что покушается даже и на невозможное. Потому и евангелистъ, удивляясь ихъ безумію, указываетъ на него, говоря: *въ той день приступиша* (ст. 23). *Въ той день*: когда же это? Въ тотъ самый день, въ который Спаситель изобличилъ лукавство фарисеевъ, и посрамилъ ихъ. Ктожъ такіе саддукеи? Это люди, составлявшіе особенную секту между іудеями, отличную отъ фарисейской и гораздо худшую той,—утверждавшіе, что нѣтъ ни воскресенія, ни ангела, ни духа. Они были грубѣе фарисеевъ, и совершенно преданы вещамъ тѣлеснымъ. У іудеевъ много было различныхъ сектъ. Поэтому и Павелъ говоритъ: *я фарисей, послѣдователь строжайшаго у насъ ученія* (Дѣян. xxvi, 5). Впрочемъ саддукеи, приступивъ къ Спасителю, не прямо начинаютъ говорить о воскресеніи, но вымышляютъ какую-то басню и разсказываютъ о происшествіи, по моему мнѣнію, небываломъ, думая привести Его въ затрудненіе опровергнуть и то, и другое: и то, что будетъ воскресеніе, и то, что оно будетъ такое, какое разумѣлъ Спаситель. И они, подобно фарисеямъ, приступаютъ какъ будто съ кротостію,

говоря: *Учителю, Моисей рече: аще кто умреть не имый чадъ, да поиметь братъ жену и воскреситъ сѣмя брата. Бѣша же въ насъ седмь братія; и первый оженся умре, и не имый сѣмене, остави жену брату. Такожде и вторый и третій, даже до седмаго. Послѣди же умре и жена. Въ воскресеніе убо котораго отъ седмихъ будетъ жена* (ст. 24—28)? Смотри, съ какою мудростію, приличною истинному учителю, Спаситель отвѣчаетъ имъ. Хотя они приступили къ Нему и съ коварнымъ намѣреніемъ, но вопросъ ихъ происходилъ болѣе отъ невѣдѣнія. Поэтому Спаситель и не называетъ ихъ лицемѣрами. А чтобы Онъ не спросилъ: почему семеро имѣли одну жену? саддукеи ссылаются на Моисея, хотя весь ихъ разсказъ, какъ я уже сказалъ, по мнѣнію моему, былъ вымышленъ. Дѣйствительно, третій не взялъ бы ее за себя, видя, что уже два ея мужа умерли; а если бы взялъ ее за себя третій, то не взялъ бы четвертый и пятый; если же бы и эти согласились, то вѣрно уже не рѣшились бы на это шестой и седьмой, но отвратились бы отъ нея, опасаясь той же участи, такъ какъ къ таковымъ опасеніямъ склонны были іудеи. Если и нынѣ многіе имѣютъ подобныя опасенія, то тѣмъ болѣе тогда имѣли ихъ іудеи, которые и безъ того избѣгали подобныхъ супружествъ, не смотря на то, что были обязываемы къ тому закономъ. Вотъ почему и Руѳь, моавитянка, вышла за дальняго родственника, тогда какъ былъ ближайшій, а Ѳамарь по той же причинѣ принуждена была обмануть свекра своего, чтобы не остаться бездѣтною. Для чего же саддукеи выдумали, что не двухъ или трехъ, но семь мужей имѣла одна жена? Чрезъ это они надѣялись еще болѣе осмѣять ученіе о воскресеніи. Потому-то и говорятъ: *вси имѣша ю*, думая, что уже послѣ этого Ему нечего сказать. Что же Христосъ? Онъ отвѣчаетъ на то и другое, имѣя въ виду не слова ихъ, но намѣреніе, и такъ же, какъ и прежде, открываетъ сокровенныя ихъ помышленія, частію обнаруживая предъ всѣми, а частію предоставляя обличеніе ихъ совѣсти вопрошающихъ. Теперь смотри, какъ Онъ показываетъ и то и другое, то есть, что будетъ и воскресеніе, и что оно будетъ не такое, какимъ они представляютъ его себѣ. Что же Онъ говоритъ имъ? *Прельщаетеся, не вѣдуще Писанія, ни силы Божія* (ст. 29). Такъ какъ они ссылаются на Моисея и на законъ, какъ знающіе его, то Спаситель показываетъ, что самый этотъ вопросъ и обличаетъ ихъ въ невѣдѣніи
Писанія. Потому-то они и искушали Его, что не разумѣли Писа- 658
нія надлежащимъ образомъ, и не знали силы Божіей. Удивително ли, говоритъ Онъ, что вы искушаете Меня, Котораго еще не знаете, когда не вѣдаете даже силы Божіей, столько доказательствъ которой вамъ представлено, и между тѣмъ вы не по-

знали ея ни изъ Писанія, ни изъ общихъ началъ разума? Вѣдь и изъ общихъ началъ разума можно знать, что Богу все возможно.

3. И во-первыхъ, Спаситель отвѣчаетъ на вопросъ. Такъ какъ причиною того, что они не вѣрили въ воскресеніе, было мнѣніе ихъ, что порядокъ вещей всегда останется неизмѣненъ, то Онъ прежде всего устраняетъ причину болѣзни, а потомъ врачуетъ и самую болѣзнь (такъ какъ послѣдняя происходила отъ первой), и показываетъ свойства воскресенія: *въ воскресеніе бо*, говоритъ, *ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божіи на небеси сутъ* (ст. 30),—или, какъ говоритъ евангелистъ Лука, *яко сынове Божіи* (Лук. xx, 36). Итакъ, если въ воскресеніе не женятся, то неумѣстенъ и вопросъ саддукеевъ. Впрочемъ, не потому сыны воскресенія называются ангелами, что не женятся, а потому не женятся, что будутъ подобны ангеламъ. Этими словами Спаситель уничтожилъ многія и другія попеченія (о мірскихъ удовольствіяхъ), которыя всѣ Павелъ заключилъ въ одномъ словѣ, сказавъ: *преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. vii, 31). Объяснивши, каково будетъ воскресеніе, Спаситель далѣе показываетъ, что оно дѣйствительно будетъ. Конечно и эта истина вытекала изъ вышесказаннаго; но Онъ, не довольствуясь прежними словами, присоединяетъ къ нимъ новое доказательство. Онъ имѣлъ въ виду не только одинъ вопросъ, но и самыя мысли вопрошающихъ. Такъ, когда спрашиваютъ Его не съ злымъ намѣреніемъ, но по невѣдѣнію, то Онъ въ отвѣтѣ своемъ сообщаетъ болѣе, нежели сколько требовалось на вопросъ; а когда вопросы внушаетъ одна злоба, то не отвѣчаетъ и на то, о чемъ спрашиваютъ. Итакъ, Онъ вновь заграждаетъ уста саддукеевъ словами Моисея, такъ какъ и они сами ссылались на Моисея: *о воскресеніи же мертвыхъ*, говоритъ Онъ, *нѣсте ли чли, яко Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковлъ? Нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (ст. 31—32). Богъ не есть Богъ не существующихъ и совершенно уничтожившихся, которые никогда уже не воскреснутъ; не сказалъ о Себѣ: Я былъ; но сказалъ: Я Богъ сущихъ и живыхъ. Какъ Адамъ, хотя и живъ былъ въ тотъ день, когда вкусилъ отъ древа, но тотчасъ послѣ изреченія суда Божія подвергся смерти, такъ и праотцы, хотя и умерли, но остались живыми по обѣтованію воскресенія. Какъ же въ другомъ мѣстѣ сказано: *да и мертвыми и живыми обладаетъ* (Римл. xiv, 9)? Изреченіе это не противорѣчитъ предыдущему, потому что здѣсь говорится о мертвыхъ, которые нѣкогда оживутъ. Впрочемъ есть и различіе между словами: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ*, и изреченіемъ: *да и мертвыми и живыми обладаетъ*. Надобно

знать, что есть иная смерть, о которой сказано: *оставите мертвыя погребсти своя мертвецы* (Лук. IX, 60). *И слышавше народи, дивляхуся о ученіи Его* (ст. 33). Но эту пользу получили не саддукеи, которые будучи побѣждены удалились, а народъ, слушавшій Его въ простотѣ сердца. Итакъ, если таково будетъ воскресеніе, то употребимъ всѣ усилія, чтобы удостоиться первенства въ будущей жизни. Если же угодно, то мы покажемъ вамъ такихъ подвижниковъ, которые еще здѣсь, прежде воскресенія, проводятъ равноангельское житіе и преуспѣваютъ въ немъ, а для этого опять удалимся съ вами въ пустыни. Я опять буду бесѣдовать съ вами о подвизающихся тамъ, такъ какъ вижу, что вы съ великимъ 659
удовольствіемъ слушаете объ нихъ. Итакъ, посмотримъ теперь на эти духовныя воинства, посмотримъ на удовольствія, невозмущаемыя никакимъ страхомъ. Эти подвижники, какъ воины, живутъ въ шатрахъ, но не съ копьями, не со щитами и бронями (на этомъ я остановился въ прежнемъ словѣ). Ты увидишь, что у нихъ нѣтъ ничего подобнаго, и однакожъ они совершаютъ такіе подвиги, какихъ тѣ не могутъ совершить и съ оружіемъ. Итакъ, если ты способенъ видѣть эти подвиги, то дай мнѣ руку, и мы оба пойдемъ и посмотримъ на эту войну и на стройные ряды тѣхъ воиновъ. И они каждый день сражаются, умерщвляютъ враговъ, и побѣждаютъ всѣ тѣ похоти, которыя обыкновенно обуреваютъ насъ. Ты увидишь враговъ ихъ поверженными на землю и не имѣющими никакого движенія,—увидишь на самомъ дѣлѣ исполненіе апостольскаго слова: *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Галат. V, 24). Видишь ли множество лежащихъ мертвецовъ, убитыхъ мечемъ духовнымъ? Поэтому-то нѣтъ тамъ ни пьянства, ни пресыщенія. Это показываетъ и самая ихъ трапеза, и знаменіе побѣды, воздвигнутое на ней. Пьянство и пресыщеніе побѣждено у нихъ питьемъ воды, и лежитъ повержено и мертво. А это многообразный и многоглавый звѣрь. Какъ у баснословной Сциллы и Гидры, такъ и у пьянства много головъ: здѣсь выростаетъ у него блудъ, тамъ гнѣвъ; здѣсь тупость ума и сердца, а тамъ постыдная любовь. У воиновъ же духовныхъ всѣ эти враги умерщвлены. Обыкновенные воины, хотя бы одержали тысячу побѣдъ, бываютъ побѣждаемы этими врагами, и ни щиты, ни копья, ни другія оружія не могутъ устоять противъ нападенія этихъ полчищъ. Напротивъ, ты увидишь, что эти гиганты, эти храбрые ратоборцы, показавшіе безчисленные опыты своего мужества, безъ всякихъ узъ связаны сномъ и пьянствомъ, безъ всякихъ смертоносныхъ ударовъ и ранъ лежатъ какъ израненые, или даже найдешь ихъ еще въ худшемъ состояніи. Вѣдь раненые, по крайней

мѣрѣ, еще имѣютъ движеніе; а у нихъ нѣтъ и этого, но они вдругъ послѣ пораженія дѣлаются неподвижными. Теперь видишь, что духовные воины гораздо сильнѣе обыкновенныхъ, и болѣе заслуживаютъ удивленія, такъ какъ однимъ хотѣніемъ умерщвляютъ враговъ, которыми тѣ побѣждаются. Они такъ обезсиливаютъ страсть къ пьянству —эту мать всѣхъ золъ,—что она уже не причиняетъ имъ болѣе никакихъ безпокойствъ; а какъ скоро военачальникъ низложенъ и голова отсѣчена, то и все тѣло лежитъ безъ дѣйствія. Притомъ, въ воинствѣ духовномъ каждый воинъ одерживаетъ такую побѣду. И здѣсь бываетъ не такъ, какъ на браняхъ съ врагами внѣшними, что какъ скоро кто отъ одного получилъ рану и палъ, другому уже не можетъ причинить вреда; но всѣ должны поражать этого звѣря, и кто самъ не нанесъ ему смертоноснаго удара и не низложилъ его, того онъ не перестаетъ безпокоить всячески.

4. Видишь ли славную побѣду этихъ воиновъ? Каждый изъ нихъ воздвигаетъ такіе трофеи, какихъ не могутъ воздвигнуть воинства, собранныя отъ всѣхъ концевъ вселенной. Они отринули отъ себя все безпорядочное и безразсудное: безумныя слова, неистовыя помышленія, нестерпимую гордость и все, чѣмъ вооружается противъ человѣка пьянство. Они подражаютъ своему Владыкѣ, о Которомъ Писаніе съ удивленіемъ говоритъ: *отъ потока на пути піетъ, сего ради вознесетъ главу* (Псал. сіх, 7). Хотите ли еще видѣть множество мертвыхъ другого рода? Посмотримъ на вожделѣнія, происходящія отъ сластолюбія, которымъ служатъ искусные повара, приготовляющіе различныя лакомыя кушанья. Я стыжусь подробно и перечислять ихъ; упомяну только о птицахъ, доставляемыхъ съ береговъ Фазиса, о соусахъ богато приправленныхъ, о жидкихъ и сухихъ ку-
660 шаньяхъ, и о правилахъ, установленныхъ для пиршествъ. Какъ правители городовъ и военачальники, устанавливающіе воиновъ въ строй, такъ и законодатели пиршествъ полагаютъ правила, и назначаютъ, что должно подавать прежде, и что послѣ. Иные сначала предлагаютъ птицъ, изжаренныхъ на угольяхъ и начиненныхъ рыбою; а другіе начинаютъ съ другихъ кушаньевъ эти противныя закону пиршества, и много спорятъ о качествѣ, о порядкѣ и о количествѣ ихъ, и хвалятся тѣмъ, чего бы надлежало стыдиться,—одни, что провели въ пиршествѣ половину дня, другіе цѣлый день, а иные еще и ночь. Посмотри, бѣдный человѣкъ, какъ мало нужно пищи для желудка,—и постыдись неумѣренности твоихъ заботъ о его насыщеніи! Ничего подобнаго нѣтъ у тѣхъ ангеловъ,—у нихъ мертвы какъ эти, такъ и всѣ другія вожделѣнія. Они употребляютъ пищу не для пресы-

щенія и наслажденія, но для удовлетворенія естественной потребности. Нѣтъ между ними ни птицеловов, ни рыболововъ. Они довольствуются хлѣбомъ и водою. Смятеніе, шумъ и безпокойства, все это совершенно изгнано оттуда, и какъ въ жилищахъ ихъ, такъ и въ тѣлѣ великая тишина; напротивъ у сластолюбцевъ во всемъ безпорядокъ. Представь себѣ внутренность желудка ихъ, и ты увидишь множество сору, потокъ нечистотъ, гробъ повапленный; а что бываетъ послѣ, о томъ стыжусь и говорить—отвратительная отрыжка, блеваніе, изверженія низомъ и верхомъ!.. Но не одни эти вожделѣнія ты усмотришь тамъ умерщвленными, а и другія, еще сильнѣйшія, происходящія отъ нихъ, то есть, сладострастныя. Ты увидишь, что всѣ они повержены вмѣстѣ съ конями и со всѣмъ обозомъ. А обозъ, оружіе и кони срамныхъ дѣлъ—это срамныя слова. Но вотъ и конь, и этотъ всадникъ, и оружія лежатъ во прахѣ. Напротивъ, у рабовъ сладострастія ты усмотришь совсѣмъ иное, а души ихъ—мертвыми и поверженными. И не только надъ чревоугодіемъ одержали блистательную побѣду тѣ святые мужи, но и надъ другими страстями: любостяжаніемъ, славолюбіемъ, завистію и вообще надъ всѣми болѣзнями (душевными). Теперь не видишь ли, что эти воины сильнѣе воиновъ царя земного, и что трапеза ихъ—лучше трапезы тѣхъ? Кто станетъ противорѣчить этому? Никто, даже и изъ самихъ чревоугодниковъ, какъ бы кто изъ нихъ ни былъ безуменъ. Подлинно, трапеза мужей святыхъ возводитъ на небо, а трапеза сластолюбцевъ влечетъ въ геенну. Эту приготовляетъ діаволъ, а ту—Христосъ. Для этой даетъ правила сластолюбіе и необузданная роскошь, а для той—любомудріе и цѣломудріе. Здѣсь пребываетъ Христосъ, а тамъ—діаволъ. Гдѣ пьянство, тамъ и діаволъ; гдѣ срамословіе и пресыщеніе, тамъ ликуютъ демоны. Такую трапезу имѣлъ богачъ, упоминаемый въ Евангеліи; но за то (по смерти) ему не было дано и одной капли воды.

Напротивъ пустынножители заботятся не о такой трапезѣ, но о житіи ангельскомъ. Они не женятся, не посягаютъ, не спятъ много, не предаются изнѣженности; но кромѣ самыхъ немногихъ нуждъ, неизбѣжныхъ для существа тѣлеснаго, живутъ какъ безтѣлесные. Кто же такъ легко можетъ одолѣвать враговъ, какъ не тотъ, кто, принимая пищу, въ то же время одерживаетъ побѣду? Поэтому и пророкъ говоритъ: *уготовалъ еси предо мною трапезу сопротивъ стужающимъ мнѣ* (Псал. XXII, 5). Мы не погрѣшимъ, если примѣнимъ эти слова и къ этой трапезѣ. Дѣйствительно, ничто такъ не стѣсняетъ духа, какъ безумное вожделѣніе, сластолюбіе, пьянство и всякое зло, про-

исходящее отсюда. Это хорошо знаютъ испытавшіе. Если же разсмотришь и то, какими средствами приготовляется эта трапеза и трапеза сластолюбцевъ, то ясно увидишь различіе той и
661-662 другой. Какими же средствами приготовляется трапеза сластолюбцевъ? Пролитіемъ множества слезъ, расхищеніемъ имущества вдовъ, разграбленіемъ сиротъ. Напротивъ трапеза пустынножителей—праведными трудами. Послѣдняя подобна красивой и благообразной женѣ, которая не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ украшеніяхъ, но имѣетъ природную красоту; напротивъ та—подобна гнусной и отвратительной блудницѣ, которая хотя употребляетъ различныя притиранья, но не можетъ закрыть своего безобразія, и чѣмъ ближе къ кому подходитъ, тѣмъ болѣе обнаруживаетъ его. Таковъ и трапеза сластолюбцевъ: чѣмъ ближе подойдешь къ ней, тѣмъ болѣе увидишь ея гнусность. Для этого посмотри на пиршествующихъ не тогда, когда они сходятся, но когда встаютъ изъ-за стола, и тутъ-то ты увидишь всю ихъ отвратительность. Та, будучи свободна, не позволяетъ собесѣдникамъ говорить ничего срамнаго; а эта, какъ безчестная блудница, не даетъ сказать ничего цѣломудреннаго. Та ищетъ пользы своихъ соучастниковъ, а эта—погибели. Та не позволяетъ оскорбить Бога, а эта заставляетъ оскорблять Его. Итакъ пойдемъ къ тѣмъ (любителямъ воздержанія). Тамъ узнаемъ, какъ многими узами мы связаны; тамъ научимся устроять трапезу, исполненную безчисленныхъ благъ, сладостнѣйшую, не требующую издержекъ, чуждую всякихъ заботъ, зависти и злословія, свободную отъ всякой болѣзни, исполненную благихъ надеждъ, доставляющую множество побѣдъ. Нѣтъ тамъ никакихъ возмущеній душевныхъ, нѣтъ ни болѣзней, ни гнѣва; все тихо, все мирно. Не указывай мнѣ на молчаніе слугъ въ домахъ богачей, но представь себѣ шумъ пирующихъ,—не тотъ, который происходитъ отъ ихъ разговоровъ (хотя и этотъ уже достоинъ посмѣянія), но шумъ внутренній, происходящій въ душѣ и отдающій ихъ въ плѣнъ многимъ врагамъ; представь мятежъ, волненіе, мракъ и бурю ихъ мыслей, отъ которой все приходитъ въ смѣшеніе и безпорядокъ, подобно тому, что бываетъ въ ночномъ сраженіи. Напротивъ, въ обителяхъ монашескихъ нѣтъ ничего подобнаго; тамъ великая тишина, великое безмолвіе. За тою трапезою слѣдуетъ сонъ подобный смерти, а за этою—трезвость и бодрствованіе; та подвергаетъ мученію, а эта приводитъ къ царству небесному и безсмертнымъ наградамъ. Итакъ, будемъ стремиться къ этой трапезѣ, чтобы намъ насладиться и ея плодами, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXI.

Фарисее же слышавше, яко посрами саддукеи, собрашася вкупѣ. И вопроси единъ отъ нихъ законоучитель, искушая Его, и глаголя: Учителю, кая заповѣдь больши есть въ законѣ (Матѳ. XXII, 34, 35)? 661

1. Опять евангелистъ представляетъ новую причину, по которой фарисеямъ надлежало бы умолкнуть, и такимъ образомъ еще болѣе обнаруживаетъ дерзость ихъ. Какъ же это? Спаситель уже заградилъ уста саддукеевъ, и фарисеямъ послѣ этого надлежало бы замолчать; но вотъ они опять приступаютъ къ нему, опять съ прежнимъ злобнымъ намѣреніемъ заводятъ съ Нимъ споръ, и подсылаютъ къ нему законника, не съ тѣмъ, чтобы научиться, но чтобы искусить Его, и спрашиваютъ: какая первая заповѣдь? Они знали, что первая заповѣдь: *возлюбиши Господа Бога твоего*; но ожидали, что Спаситель поправитъ ее, назвавъ Себя самого Богомъ, и чрезъ то подастъ имъ случай обвинить Его, а потому и предложили такой вопросъ. Что же отвѣчаетъ Христосъ? Желая показать, что они предлагаютъ этотъ вопросъ потому, что вовсе не имѣютъ любви, но истаеваютъ отъ злобы и снѣдаются завистію, Онъ говоритъ: *возлюбиши Господа Бога твоего, сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе* (ст. 37—39). Почему же подобна ей? Потому что вторая пролагаетъ путь къ первой, и взаимно поддерживается ею. *Всякъ бо*, сказано, *дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта и не приходитъ ко свѣту* (Іоан. III, 20); и въ другомъ мѣстѣ: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. XIII, 1). А что отсюда происходитъ? *Растлѣша и омерзишася въ начинаніихъ* (тамъ же). И еще: *корень всѣмъ злымъ есть сребролюбіе, егоже нѣцыи желающе заблудиша отъ вѣры* (1 Тим. VI, 10); и: *любяй Мя заповѣди Моя соблюдетъ* (Іоан. XIV, 15). А изъ всѣхъ заповѣдей Его главная заповѣдь: *возлюбиши Господа Бога твоего, и ближняго твоего яко самъ себе.* Итакъ, если любить Бога—значитъ любить ближняго, такъ какъ Спаситель сказалъ Петру: если ты любишь Меня, паси овецъ Моихъ (Іоан. XXI, 16), а любовь къ ближнему имѣетъ плодомъ своимъ храненіе заповѣдей, то истинно сказано: *въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы висятъ*. Потому какъ прежде поступилъ Спаситель, такъ поступаетъ и теперь. Тамъ, на вопросъ саддукеевъ о томъ, каково будетъ воскресеніе, Онъ сказалъ больше, нежели сколько содержалось въ вопросѣ, для того, чтобы научить ихъ; такъ и здѣсь, будучи спрошенъ о первой заповѣди, приводитъ и вторую, почти столько же важную, какъ

и первая (она хотя и называется второю, но подобна первой). Этимъ Онъ давалъ имъ замѣтить, изъ какого источника происходилъ ихъ вопросъ, то есть, отъ злобы: *ибо любы не завидитъ* (1 Кор. XIII, 4). Такимъ образомъ Спаситель доказалъ, что Онъ повинуется и закону, и пророкамъ. Но почему евангелистъ Матѳей говоритъ о законникѣ, что Онъ искушая предложилъ вопросъ, тогда какъ Маркъ говоритъ обратное: *видѣвъ*, говоритъ онъ, *Іисусъ яко смысленно отвѣща, рече ему: не далече еси отъ царствія Божія* (Марк. XII, 34)? Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія; напротивъ, евангелисты совершенно согласны между собою. Сначала законникъ спросилъ Его искушая, но потомъ воспользовался отвѣтомъ Спасителя,—и получилъ отъ Него похвалу. Спаситель не съ самаго начала похвалилъ его; но когда законникъ отвѣчалъ, что любить ближняго—больше всѣхъ всесожженій, тогда уже Господь сказалъ ему: *не далече еси отъ царствія Божія*,—потому что онъ, презрѣвъ низшія обязанности, постигъ, въ чемъ состоитъ начало добродѣтели. Всѣ вѣдь прочія обязанности, какъ-то: храненіе субботы и другія, имѣютъ цѣлію любовь. Впрочемъ Спаситель не присвояетъ ему совершенной похвалы, а показываетъ, что ему еще многаго недостаетъ. Слова: *не далече еси отъ царствія* означаютъ то, что онъ еще не достигъ его, и сказаны съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ искалъ, чего ему недостаетъ. А что Спаситель похвалилъ его, когда онъ сказалъ: *единъ есть Богъ, и нѣсть инъ развѣ Его* (Марк. XII, 33), не удивляйся тому, но познай отсюда, какъ Онъ примѣняется къ понятіямъ приходящихъ къ Нему. Пусть они говорятъ о Христѣ весьма много такого, что недостойно славы Его, только бы не дерзали совсѣмъ отвергать бытія Божія. Итакъ, за что же онъ хвалитъ законника, когда онъ сказалъ, что кромѣ Отца нѣтъ иного Бога? Это не значитъ того, чтобы Іисусъ Христосъ не признавалъ Себя Богомъ,—да не будетъ!—но такъ какъ не пришло еще время открыть Ему Свое божество, то Онъ и оставляетъ законника при прежнемъ ученіи и хвалитъ его за то, что онъ хорошо знаетъ древній законъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлать его способнымъ къ принятію ученія и новозавѣтнаго, когда оно открыто будетъ въ приличное время. Кромѣ того, слова: *единъ есть Богъ*
668 *и нѣсть инъ развѣ Его*, какъ въ ветхомъ завѣтѣ, такъ и въ новомъ, приводятся не въ опроверженіе божества Сына Божія, а для того, чтобы отличить идоловъ отъ истиннаго Бога. Съ этою мыслію и Спаситель хвалитъ законника, произнесшаго данныя слова. Потомъ, давши отвѣтъ на его вопросъ, Іисусъ и самъ спросилъ (фарисеевъ): *что ся вамъ мнитъ о Христѣ? Чій есть Сынъ? Глаголаша Ему: Давидовъ* (ст. 42). Итакъ смотри, сколько

Онъ сотворилъ чудесъ и знаменій, сколько предложилъ другихъ вопросовъ, сколько представилъ доказательствъ Своего единомыслія со Отцемъ и въ словахъ и въ дѣлахъ, какую приписалъ похвалу законнику, сказавшему: *единъ есть Богъ*, прежде нежели предложилъ этотъ вопросъ, чтобы фарисеи не могли сказать, что хотя Онъ и творитъ чудеса, но оказывается противникомъ закона и врагомъ Божіимъ. Вотъ почему этотъ вопросъ Онъ и предлагаетъ послѣ столь многихъ доказательствъ, непримѣтнымъ для нихъ образомъ приводя ихъ къ признанію и Его Богомъ. И прежде Онъ предлагалъ подобный вопросъ ученикамъ Своимъ, но сперва спросилъ ихъ: *за кого почитаютъ Меня другіе*, а потомъ уже—*за кого они сами?* Но фарисеевъ спрашиваетъ инымъ образомъ. Въ противномъ случаѣ они, привыкши все говорить безъ всякаго страха, тотчасъ назвали бы Его обманщикомъ и злымъ человѣкомъ. Поэтому Онъ и требуетъ ихъ собственнаго суда.

2. Такъ какъ Спаситель хотѣлъ идти на страданіе, то и приводитъ теперь такое пророчество, въ которомъ Онъ ясно названъ Господомъ; и дѣлаетъ это не просто и не безъ причины, но имѣя для того достаточное основаніе. Такъ какъ они на первый вопросъ Его не дали правильнаго отвѣта (назвавъ Его простымъ человѣкомъ), то, въ опроверженіе ихъ ложнаго мнѣнія о Немъ, Онъ приводитъ слова Давида, возвѣщающаго Его божество. Они почитали Его простымъ человѣкомъ, почему и сказали: *Давидовъ*, Спаситель же, исправляя это ихъ мнѣніе, приводитъ пророка, утверждающаго, что Онъ Господь и истинный Сынъ Божій, и что Ему принадлежитъ одинаковая честь со Отцемъ. Впрочемъ Онъ и на этомъ не останавливается, но чтобы возбудить въ нихъ чувство страха, приводитъ и слѣдующія слова пророка: *дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ*,— для того, чтобы по крайней мѣрѣ этимъ средствомъ обратить ихъ къ Себѣ. А для того, чтобы они не сказали, что въ этихъ словахъ Давида есть преувеличеніе, похожее на ложь, и что это просто лишь сказано по сужденію человѣческому, смотри, что говоритъ Онъ: *како убо Давидъ духомъ Господа Его нарицаетъ?* Смотри, съ какою скромностію Онъ указываетъ на мнѣніе и судъ объ Немъ пророка. Сперва Онъ сказалъ: *что ся вамъ мнитъ? Чій есть Сынъ?* чтобы этимъ вопросомъ побудить ихъ къ отвѣту. Потомъ, когда они сказали: *Давидовъ*, не сказалъ: Давидъ говоритъ однако же слѣдующее, но опять въ видѣ вопроса: *како убо Давидъ Господа Его нарицаетъ?*—чтобы имъ не показалось противнымъ Его ученіе о божествѣ. По этой же причинѣ Онъ не сказалъ: какъ вы думаете о Мнѣ, но: *о Христѣ*. Поэтому-то и апостолы со всею скромностію говорили о патріархѣ Давидѣ; *достоитъ рещи*

съ дерзновеніемъ о патріарсѣ Давидѣ, яко и умре и погребенъ бысть (Дѣян. п, 29). Подобнымъ образомъ и самъ Спаситель предлагаетъ ученіе о Себѣ въ видѣ вопроса и разсужденія, говоря: *како убо Давидъ духомъ Господа Его нарицаетъ, глаголя: рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ?* И потомъ: *аще убо Давидъ нарицаетъ Его Господа, како сынъ ему есть* (ст. 43—45)? Этимъ Онъ не отвергаетъ того, что Онъ есть сынъ Давидовъ,—нѣтъ; Онъ и Петра не укорилъ бы за это,—но только исправляя мнѣніе фарисеевъ. Поэтому
664 слова Его: *како сынъ ему есть?* имѣютъ такое значеніе: Онъ—сынъ Давидовъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ вы разумѣете. Они говорили, что Христосъ есть только сынъ Давидовъ, а не Господь. Итакъ, Онъ сперва приводитъ свидѣтельство пророка, а потомъ уже исправляетъ ихъ мнѣніе со всею кротостію, говоря: *аще убо Давидъ Господа Его нарицаетъ, како сынъ ему есть?* Но выслушавъ эти слова, фарисеи ничего не отвѣчали; они совсѣмъ не хотѣли знать истины. Поэтому Онъ самъ наводитъ ихъ на ту мысль, что Онъ есть Господь Давиду. Но и это Онъ говоритъ не прямо отъ Своего лица, а приводя слова пророка, потому что они вовсе не вѣрили Ему, и думали объ Немъ худо. Смотря на это ихъ расположеніе, ни въ какомъ случаѣ, конечно, не должно соблазняться тѣмъ, что Спаситель иногда говоритъ о Себѣ уничиженно и смиренно, такъ какъ главною причиною этого, кромѣ многихъ другихъ, было то, что Онъ въ бесѣдахъ съ ними принаровлялся къ ихъ понятіямъ. Вслѣдствіе этого и теперь Онъ предлагаетъ имъ Свое ученіе посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ; но и такимъ образомъ Онъ все же прикровенно указываетъ имъ на Свое достоинство, потому что не одинаково важно было называться Господомъ іудеевъ, и Господомъ Давида. Далѣе посмотри, какъ благовременно предлагаетъ Онъ это ученіе. Сказавъ напередъ, что Господь одинъ, говоритъ потомъ и о самомъ Себѣ, что Онъ Господь, и доказываетъ это не только дѣлами Своими, но и свидѣтельствомъ пророка; и вмѣстѣ съ этимъ возвѣщаетъ, что самъ Отецъ отмститъ имъ за Него, говоря: *дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ*, и такимъ образомъ доказывая Свое согласіе и равное достоинство со Отцемъ. Этими словами Спаситель заключаетъ бесѣду Свою съ фарисеями, представивъ имъ ученіе высокое, величественное и могущее заградить уста ихъ. И они дѣйствительно съ того времени замолчали, не по собственному желанію, но потому что не могли ничего возразить; и такимъ образомъ получили столь рѣшительный ударъ, что уже не отваживались болѣе такъ нападать на Него,—сказано: *ниже смѣяше кто отъ того дне воспро-*

сити Его ктому (ст. 46). И это принесло народу немалую пользу. Потому-то Спаситель, прогнавъ этихъ волковъ и разрушивъ ихъ злые умыслы, и обращаетъ, наконецъ, Свое слово къ народу.

Фарисеи, будучи заражены тщеславіемъ и преданы этой ужасной страсти, не получили отъ Его бесѣды никакой пользы. И въ самомъ дѣлѣ, страсть эта ужасная и многоглавая. Увлеченные ею, одни стремятся къ богатству, другіе къ власти, иные могуществу. Распростирая власть свою далѣе, она обращаетъ себѣ въ пищу и милостыню, и постъ, и молитвы, и даръ ученія, да много еще и другихъ главъ у этого звѣря. Впрочемъ нисколько не удивительно, когда люди гордятся богатствомъ и властію; но то странно и достойно оплакиванія, когда они самый постъ и молитву обращаютъ въ предметъ своего тщеславія. Но чтобы, въ свою очередь, не останавливаться здѣсь только на однихъ упрекахъ, мы укажемъ и способъ, какъ избѣгать этой страсти. Съ кого же прежде всего начать намъ? Съ тѣхъ ли, кто тщеславится богатствомъ, или одеждою, или властію, или даромъ ученія, или крѣпостію тѣлесною, или искусствомъ, или красотою, или нарядами, или жестокостію, или человѣколюбіемъ и милостынею, или пороками, или смертію, или распоряженіями, долженствующими совершиться послѣ ихъ смерти? Страсть эта, какъ я сказалъ, многоразличнымъ образомъ опутываетъ насъ, и простирается даже за предѣлы нашей жизни. Потому и говорятъ: такой-то умеръ и, чтобы удивлялись ему, завѣщалъ сдѣлать то и то. Поэтому же одинъ хочетъ быть бѣднымъ, а другой богатымъ. Это-то особенно и ужасно, что страсть тщеславія находитъ себѣ пищу въ предметахъ противоположныхъ.

3. Итакъ, противъ кого же намъ вооружиться и ополчиться? 665
А одного и того же слова обличенія противъ всѣхъ этихъ видовъ тщеславія недостаточно. Хотите ли, чтобъ я вооружился противъ тѣхъ, которые тщеславятся раздаваніемъ милостыни? Я охотно желалъ бы этого. Я весьма люблю милостыню, и скорблю, видя, какъ тщеславіе портитъ ее и развращаетъ, подобно какой-нибудь кормилицѣ, которая, служа царской дочери, завлекаетъ ее въ постыдныя связи, и которая хотя и ходитъ за нею, но въ то же время, къ ея стыду и вреду, пріучаетъ ее къ непотребнымъ дѣламъ, убѣждая презирать наставленія отца, и наряжаться, чтобы понравиться развратнымъ и много разъ осрамившимъ себя мужчинамъ, и для этого заставляетъ ее носить такіе срамные и позорные наряды, которые могутъ нравиться стороннимъ людямъ, а не отцу. Итакъ, обратимся къ тщеславнымъ людямъ подобнаго рода и представимъ себѣ, что кто-нибудь подаетъ милостыню щедрою рукою только на показъ предъ людьми. Та-

кимъ образомъ подающій милостыню выводить ее изъ чертога отеческаго. Въ самомъ дѣлѣ, Отецъ небесный повелѣваетъ, чтобы даже лѣвая рука не знала объ ней; а подобнаго рода милостыня выставляетъ себя на показъ и рабамъ, и всѣмъ встрѣчнымъ, хотя бы они совсѣмъ и не знали ее. Не видишь ли ты здѣсь и блудницу, и соблазнительницу, которая возбуждаетъ къ себѣ любовь въ людяхъ непотребныхъ и съ этою цѣлію украшается такъ, какъ нравится имъ? Далѣе, хочешь ли видѣть, какъ тщеславіе дѣлаетъ преданную ему душу не только блудницею, но и доводитъ до безумія? Посмотри ближе на ея чувствованія. Вотъ она, оставивъ небо, бѣгаетъ по распутіямъ и переулкамъ, гоняясь за рабами бѣглыми и невольниками, гнусными и безобразными, которые ненавидятъ ее и не хотятъ даже взглянуть на нее, а она горитъ къ нимъ любовію. Что же можетъ быть безумнѣе этого? Въ самомъ дѣлѣ, люди никого столько не ненавидятъ, какъ домогающихся отъ нихъ себѣ чести. Они сплетаютъ на нихъ множество клеветъ, и здѣсь бываетъ то же, какъ если бы кто царскую дочь, дѣвицу, низведши съ царскаго престола, заставилъ отдаться на поруганіе гладіаторамъ, презирающимъ ее. Такъ поступаютъ и люди: чѣмъ болѣе ты гоняешься за ними, тѣмъ болѣе они отъ тебя отвращаются. Напротивъ Богъ, когда ты будешь искать чести у него, по мѣрѣ твоего усердія будетъ и привлекать тебя, и утѣшать тебя похвалами, и воздастъ тебѣ великую награду. Но если ты хочешь и съ другой стороны видѣть, насколько безполезна милостыня, когда подаешь ее на показъ и изъ тщеславія, то размысли, какая постигнетъ тебя печаль, и какая нескончаемая скорбь будетъ одолѣвать тебя, когда возгремитъ предъ тобою гласъ Христовъ: ты погубилъ всю мзду свою! Тщеславіе и вездѣ пагубно, но особенно въ дѣлахъ человѣколюбія, такъ какъ здѣсь оно является крайней жестокостью, извлекая себѣ хвалу изъ чужихъ бѣдствій и почти ругаясь надъ живущими въ нищетѣ. Если указывать на свои благодѣянія значитъ укорять облагодѣтельствованнаго, то не гораздо ли хуже выставлять ихъ на показъ предъ многими? Какъ же намъ избѣжать этого зла? Мы избѣжимъ его, когда научимся быть истинно милосердыми, и разсмотримъ, у кого мы ищемъ славы. Скажи мнѣ, кто первый учитель милостыни? Конечно, Тотъ, Кто примѣромъ Своимъ научилъ насъ ей, т. е. Богъ, Который всѣхъ лучше знаетъ и безконечно оказываетъ ее. Что же? Если бы ты учился искусству борьбы, на кого бы сталъ ты смотрѣть, или кому сталъ бы показывать свои успѣхи въ немъ,—тому ли, кто продаетъ овощи и рыбу, или учителю этого искусства, хотя бы тѣхъ было и много, а этотъ одинъ? И если бы всѣ прочіе стали смѣяться

надъ тобою, а онъ хвалилъ бы тебя, то не сталъ ли бы и ты самъ вмѣстѣ съ нимъ смѣяться надъ ними? Или: если бы ты учился искусству бойцовъ, то не сталъ ли бы точно также смотрѣть на того, кто умѣетъ обучать этому искусству? Равнымъ образомъ, если бы ты занимался краснорѣчіемъ, то не сталъ ли бы дорожить похвалами учителя краснорѣчія, и пренебрегать 666
сужденіемъ другихъ? Итакъ не безразсудно ли въ другихъ искусствахъ обращать вниманіе только на одобреніе учителя, а въ дѣлахъ милосердія поступать наоборотъ, — и тѣмъ болѣе, что вредъ въ томъ и другомъ случаѣ не одинаковъ? Въ самомъ дѣлѣ, если ты борешься только для того, чтобы нравиться народу, а не учителю, то и вся бѣда имѣетъ значеніе только по отношенію къ этой борьбѣ, здѣсь же дѣло касается жизни вѣчной. Если ты чрезъ милостыню уподобляешься Богу, то будь же подобенъ Ему и въ томъ, чтобы не дѣлать ее напоказъ. Когда Онъ исцѣлялъ кого, то говорилъ, чтобы никому о томъ не сказывали. Но ты хочешь слыть между людьми милостивымъ? Что за прибыль? Прибыли никакой нѣтъ, а вредъ безконечный, такъ какъ тѣ самые, кого ты призываешь въ свидѣтели, отнимають у тебя, какъ разбойники, сокровища небесныя, или лучше сказать, не они, а мы сами разграбляемъ свое стяжаніе и расточаемъ свое богатство, хранящееся въ горнихъ обителяхъ. Вотъ новое бѣдствіе, новое, необыкновенное зло! Чего не истребляетъ моль, чего не похищаетъ тать, то разграбляетъ тщеславіе. Вотъ моль, истребляющая вѣчныя сокровища! Вотъ тать, разграбляющій небесныя блага! Вотъ похититель некрадомаго богатства! Вотъ что разрушаетъ и развращаетъ все доброе! Итакъ, когда діаволъ видитъ, что страна эта недоступна ни для разбойниковъ, ни для другихъ злоумышленниковъ, и что ея сокровищъ не истребляетъ моль,—расхищаетъ ихъ тщеславіемъ.

4. Но ты желаешь славы? Неужели для тебя не довольно славы отъ человѣколюбца Бога, Который самъ принимаетъ отъ тебя милостыню, что ты ищешь еще славы и отъ людей? Берегись, чтобы не испытать противнаго: чтобы люди не стали смотрѣть съ презрѣніемъ на тебя, какъ на человѣка, не милость являющаго, но хвастливаго и честолюбиваго и только выставляющаго на позоръ чужія бѣдствія. Милостыня есть тайна. Итакъ запри двери, чтобы кто не увидѣлъ того, чего показывать не должно. Главныя тайны наши—это милосердіе и человѣколюбіе Божіе. Онъ по многой милости Своей помиловалъ насъ непокорныхъ. И въ первой молитвѣ, которую приносимъ за бѣсноватыхъ, мы испрашиваемъ милости; потомъ во второй—за кающихся—просимъ для нихъ великой милости; наконецъ и въ

третьей—за самихъ себя, въ ней же изъ среды народа указываемъ на невинныхъ дѣтей,—умоляемъ Бога о милости. Такъ какъ мы сами сознаемъ свои прегрѣшенія, то за тѣхъ, которые много погрѣшили и достойны осужденія, молимся сами, а за себя самихъ представляемъ молящимися дѣтей, подражающихъ простотѣ которыхъ ожидаетъ царство небесное. Этотъ образъ молитвы показываетъ то, что люди смиренные и безхитростные, подобно дѣтямъ, могутъ преимущественно молиться за виновныхъ. А какой великой милости, какого человѣколюбія исполнено это таинство, это знаютъ посвященные. Такъ и ты, когда по возможности своей оказываешь человѣку милость, запри дверь: пусть это видитъ одинъ тотъ, кто получаетъ милость; а если можно, то пусть даже и онъ не видитъ. Если же ты отворишь дверь, то обнаружишь свою тайну. Подумай, что и тотъ, у кого ты ищешь славы, осудитъ тебя. Если это будетъ другъ твой, то онъ самъ про себя подумаетъ о тебѣ худо; а если врагъ, то онъ осмѣетъ тебя и передъ другими, и ты испытаешь противное тому, чего желалъ. Тебѣ хочется, чтобы онъ сказалъ о тебѣ, что ты человѣкъ милостивый; но онъ не скажетъ этого, а назоветъ тебя
667-668 тщеславнымъ и человѣкоугодникомъ, и еще какъ-нибудь гораздо хуже. Если же ты скроешь отъ него свое доброе дѣло, то онъ будетъ говорить о тебѣ совершенно противное этому,—будетъ называть тебя человѣколюбивымъ и милостивымъ. Богъ не допускаетъ оставаться въ неизвѣстности доброму дѣлу, и если ты самъ скроешь его, Онъ обнаружитъ; и тогда будетъ больше удивленія и больше пользы. Такимъ образомъ, выказывая себя, мы сами полагаемъ себѣ препятствіе къ пріобрѣтенію славы; къ чему мы сильно стремимся и чего нетерпѣливо желаемъ, къ тому не допускаетъ насъ самая наша нетерпѣливость, такъ что мы не только не получаемъ славы людей милостивыхъ, но еще возбуждаемъ противное о себѣ мнѣніе, а сверхъ того терпимъ великій вредъ. Ради всего этого и будемъ убѣгать тщеславія, и возлюбимъ одну славу Божію. Такимъ образомъ мы и здѣсь достигнемъ славы, и сподобимся вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXII.

667 **Тогда Іисусъ глагола къ народомъ и ученикомъ Своимъ, глаголя: на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекутъ вамъ творити, творите, по дѣломъ же ихъ не творите (Матѳ. XXIII, 1—3).**

1. *Тогда*: когда же это? Когда Спаситель окончилъ бесѣду Свою съ фарисеями, когда заградилъ имъ уста, когда довелъ

ихъ до того, что они не осмѣливались болѣе искушать Его, когда показалъ, что они страждутъ неисцѣльнымъ недугомъ. И такъ какъ выше упомянулъ о Господѣ, глаголавшемъ къ Господу, то теперь опять обращается къ закону. Можетъ быть, ты скажешь: законъ не говоритъ ничего подобнаго, а говоритъ только: *Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Второз. vi, 4). Но въ Писаніи называется закономъ весь ветхій завѣтъ. А что теперь говоритъ Спаситель, говоритъ для того, чтобы всячески показать Свое совершенное согласіе съ Отцемъ. Если бы Онъ былъ противенъ Отцу, то противное говорилъ бы и о законѣ. Нынѣ же Онъ предписываетъ оказывать такое уваженіе къ закону, что велитъ наблюдать его, несмотря даже и на развращеніе учителей закона. При этомъ Онъ бесѣдуетъ и о жизни, и о должномъ образѣ поведенія, такъ какъ главнѣйшею причиною невѣрія фарисеевъ была развращенная жизнь и любовь къ славѣ. Итакъ, чтобы исправить слушателей, Спаситель особенно повелѣваетъ имъ соблюдать то, что наиболѣе споспѣшествуетъ спасенію, именно: не презирать учителей и не возставать противъ священниковъ; и не только повелѣваетъ другимъ, но и Самъ исполняетъ это. Онъ и у развращенныхъ учителей не отнимаетъ должнаго уваженія, подвергая ихъ чрезъ это тѣмъ большему осужденію, а у слушающихъ Его ученіе отнимая всякій предлогъ къ непослушанію; чтобы кто не сказалъ: я потому сталъ лѣнивъ, что учитель мой худъ, Онъ и отнимаетъ самый поводъ. Итакъ, не смотря на развращеніе книжниковъ, Спаситель такъ твердо ограждаетъ права ихъ власти, что и послѣ столь сильнаго обличенія сказалъ народу: *вся, елика аще рекутъ вамъ творити, творите*,— потому что они предлагаютъ не свои заповѣди, но Божіи, которыя Богъ открылъ въ законѣ чрезъ Моисея. И замѣть, какое Онъ оказываетъ уваженіе къ Моисею, снова доказывая согласіе Своего ученія съ ветхимъ завѣтомъ, когда и самихъ книжниковъ считаетъ заслуживающими уваженія изъ почтенія къ Моисею: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша*, говоритъ Онъ. Такъ какъ Онъ не могъ представить ихъ достойными довѣрія по ихъ жизни, то предлагаетъ къ тому законныя побужденія, упоминая о каѳедрѣ и ученіи Моисея. Когда же слышишь слово: *вся*, не разумѣй здѣсь всего закона, какъ, напримѣръ, постановленій о пищѣ, о жертвахъ и тому подобномъ. Какъ Онъ могъ говорить теперь о томъ, что отмѣнилъ еще прежде? Подъ словомъ: *вся* разумѣетъ Онъ предписанія, служащія къ исправленію нравовъ, улучшенію образа жизни, согласныя съ правилами новаго завѣта и освобождающія отъ ига закона. Почему же Онъ повелѣваетъ дѣлать это не на основаніи закона благодати, а закона

Моисеева? Потому что еще не время было ясно говорить объ этомъ прежде креста. Кромѣ того, мнѣ кажется, что Онъ, говоря это, имѣлъ въ виду и нѣчто еще другое. Такъ какъ Онъ
668 хотѣлъ обличить фарисеевъ, то, чтобы не подумали люди неразумные, что Онъ самъ ищетъ власти, принадлежащей имъ, или что дѣлаетъ это по ненависти, прежде всего Онъ уничтожаетъ такое подозрѣніе и, сдѣлавъ это, уже приступаетъ къ обличенію. Для чего же Онъ обличаетъ ихъ и такъ много говоритъ противъ нихъ? Для того, чтобы предохранить народъ, чтобы и онъ не впалъ въ такіе же пороки. Въ самомъ дѣлѣ, не одно и то же—просто запрещать зло и указывать на людей, дѣлающихъ зло, подобно тому какъ не одно и то же—хвалить добрыя дѣла и представлять примѣры людей добродѣтельныхъ. Вотъ почему Спаситель, еще прежде обличенія фарисеевъ, говоритъ: *по дѣломъ же ихъ не творите*. Чтобы народъ не подумалъ, что, слушая ихъ, онъ долженъ и подражать имъ, Спаситель прибавляетъ эти слова, мнимую ихъ честь обращаетъ имъ въ осужденіе. И дѣйствительно, что можетъ быть несчастнѣе того учителя, ученики котораго тѣмъ только и спасаются, что не смотрятъ на его жизнь? Такимъ образомъ мнимая честь этихъ учителей обращается въ величайшее для нихъ осужденіе, когда жизнь ихъ такова, что ученики ихъ, подражая ей, совершенно развращаются. Потому Господь и обращается теперь къ обличенію ихъ. Впрочемъ Онъ дѣлаетъ это не по одной только этой причинѣ, но и для того, чтобы показать, что и прежнее ихъ невѣріе, и пригвожденіе Его ко кресту на которое они осмѣлились послѣ, не можетъ быть обращено въ вину Распятому, въ Котораго они не увѣровали, но ихъ самихъ обличаетъ въ нечестіи и неблагодарности. Смотри же, съ чего начинаетъ и чѣмъ усиливаетъ Онъ Свои обличенія. *Глаголютъ бо, и не творятъ*, говоритъ Онъ. И всякій преступникъ закона достоинъ обвиненія, а тѣмъ болѣе тотъ, кто имѣетъ власть учить. Таковой заслуживаетъ вдвое и втрое больше осужденія: во-первыхъ, потому, что преступаетъ законъ; во-вторыхъ, потому, что, имѣя обязанность исправлять другихъ, но самъ хромая, достоинъ большаго наказанія, по высотѣ своего положенія; а въ-третьихъ, потому, что онъ сильнѣе увлекаетъ другихъ къ пороку, такъ какъ нарушаетъ законъ, самъ будучи учителемъ закона. Сверхъ всего этого, Спаситель обвиняетъ ихъ еще и въ томъ, что они жестоко поступаютъ съ людьми, ввѣренными ихъ попеченію. *Связуютъ бо бремена тяжка и бѣднѣ носима, и возлагаютъ на рамена человѣческа, перстомъ же своимъ не хотятъ двигнути ихъ* (ст. 4). Этими словами Онъ обнаруживаетъ двоякое зло въ ихъ дѣй-

ствіяхъ: именно то, что они отъ подчиненныхъ безъ всякаго снисхожденія требуютъ полной и совершенной исправности въ жизни, а сами себѣ предоставляютъ полную свободу дѣйствія, между тѣмъ какъ доброму начальнику надлежало бы поступать иначе, т. е., къ самому себѣ быть судьею строгимъ и взыскательнымъ, а къ подчиненнымъ—кроткимъ и снисходительнымъ. Фарисеи же поступали наоборотъ.

2. Таковы и всѣ любомудрствующіе на словахъ. Они безъ милости строги и взыскательны, потому что не испытали, какъ трудно учить дѣлами. Не маловажно и это зло, и придаетъ много силы прежнимъ обличеніямъ. Но посмотри, какъ Спаситель еще болѣе усиливаетъ это обвиненіе противъ книжниковъ. Онъ не сказалъ: не могутъ, но—*не хотятъ*; и не сказалъ: нести, 669
но—*перстомъ двигнуть*, т. е., не хотятъ даже и приблизиться, даже и прикоснуться. Но о чемъ же они заботятся и къ чему устремлены ихъ усилія? Къ тому, что возбранено закономъ. *Вся бо дѣла творятъ*, говоритъ Спаситель, *да видими будутъ человѣки* (ст. 5). Этими словами Онъ обличаетъ ихъ въ тщеславіи, которое и погубило ихъ. Вышеупомянутые поступки показывали ихъ жестокость и нерадѣніе; а тѣ, о которыхъ говорится теперь, обнаруживаютъ въ нихъ неумѣренное желаніе славы. Оно-то и удалило ихъ отъ Бога, оно заставило ихъ подвизаться на иномъ позорищѣ и довело до погибели. Дѣйствительно, какихъ кто имѣетъ зрителей, такіе являетъ и подвиги, стараясь имъ понравиться. Такъ, кто подвизается предъ людьми, исполненными мужества, тотъ и самъ старается отличиться мужествомъ; а кто борется предъ людьми слабыми и малодушными, и самъ становится небреженъ. Такъ, если кто имѣетъ предъ собою зрителей, любящихъ смѣяться, то и самъ старается быть смѣшнымъ, чтобы доставить имъ удовольствіе. Другой же, имѣя предъ собою зрителей серіозныхъ и расположенныхъ къ любомудрію, и самъ старается быть такимъ же, такъ какъ это согласно съ расположеніемъ тѣхъ, отъ которыхъ онъ ожидаетъ себѣ похвалы. Но смотри, какъ и здѣсь Спаситель увеличиваетъ вину фарисеевъ. Онъ не говоритъ, что въ однихъ случаяхъ они поступаютъ такъ, а въ другихъ—иначе; но что во всѣхъ своихъ дѣлахъ одинаково. Такимъ образомъ обличивъ ихъ тщеславіе, показываетъ далѣе, что они тщеславятся не важными какими-либо и нужными дѣлами (никакихъ истинно добрыхъ дѣлъ они не имѣли), но пустыми и ничтожными, которыя обнаруживали только ихъ развращеніе. *Расширяютъ бо*, говоритъ Онъ, *хранилища своя, и величаютъ воскрилія ризъ своихъ*.

Какія же это хранилища и воскрилія? Такъ какъ они

часто забывали благодѣянія Божіи, то Богъ повелѣлъ имъ написать на особенныхъ листочкахъ чудеса Его, и привязывать эти листочки къ рукамъ своимъ (потому и сказано: *да будутъ непоколеблема предъ очима твоима*—Втор. VI, 8), что и называлось хранилищами, подобно тому, какъ нынѣ многія женщины носятъ Евангелія на шеѣ. А чтобы и другимъ образомъ заставить ихъ помнить о Его благодѣяніяхъ, Богъ повелѣлъ имъ, какъ малымъ дѣтямъ, дѣлать то же, что многіе дѣлаютъ во избѣжаніе забывчивости, обвязывая палецъ льномъ или нитью, то есть: пришивать по краямъ верхней одежды снурки гіацинтоваго цвѣта до самыхъ ногъ, чтобы, взирая на нихъ, они вспоминали о заповѣдяхъ,—и это называлось воскрыліями. А они особенно заботились о томъ, чтобы дѣлать широкія повязки для этихъ листочковъ и увеличивать воскрылія одеждъ, что показывало ихъ крайнее тщеславіе. Для чего ты гордишься и расширяешь ихъ? Ужели въ этомъ состоитъ твоя добродѣтель? Принесутъ ли они тебѣ какое-нибудь добро, если ты не воспользуешься тѣмъ, о чемъ они тебѣ напоминаютъ? Богъ не того требуетъ, чтобы ты увеличивалъ и расширялъ ихъ, но чтобы помнилъ Его благодѣянія. Если не должно хвалиться и милостынею и постомъ, которыя требуютъ отъ насъ труда и суть наши дѣла добрыя, то какъ же ты, іудей, превозносишься тѣмъ, что особенно обличаетъ твое нерадѣніе? Впрочемъ іудеи не только въ этихъ мелочахъ обнаруживали свое тщеславіе, но и во многихъ другихъ. *Любятъ бо*, говоритъ Онъ, *преждевозлеганія на вечеряхъ, и преждеседанія на сонмищахъ, и цѣлованія на торжищахъ, и зватися отъ человѣкъ: учителю* (ст. 6—7). Можетъ быть, все это сочтетъ кто-либо и за мелочи; но мелочи эти бываютъ причиною великихъ золъ. Онѣ разрушали и государство и церкви. Я не могу удержаться отъ слезъ, когда и нынѣ слышу о *первоседаніяхъ и цѣлованіяхъ*, и представлю, какъ много золъ про-
670 изошло отсюда для церквей Божіихъ. Но объ этомъ не нужно теперь говорить вамъ подробно, и особенно старшіе изъ васъ не имѣютъ нужды слышать отъ меня объ этомъ. Лучше обратимъ вниманіе на то: гдѣ учителями закона овладѣвало тщеславіе? Тамъ, гдѣ имъ заповѣдано было предохранять себя отъ тщеславія—въ синагогахъ, куда они ходили учить другихъ. На пиршествахъ это могло бы показаться еще не такъ предосудительнымъ, хотя и тамъ учителю надлежало быть образцомъ,—онъ долженъ показывать примѣръ не только въ церкви, но и вездѣ. Какъ человѣкъ, гдѣ бы онъ ни былъ, вездѣ очевиднымъ образомъ отличается отъ безсловесныхъ, такъ и учитель, говоритъ ли, молчитъ ли, обѣдаетъ ли, или что другое дѣлаетъ, долженъ

являться образцомъ—и въ походкѣ, и во взорѣ, и въ одеждѣ, и вообще во всемъ. Напротивъ фарисеи во всемъ являлись достойными осмѣянія и стыда, стараясь гоняться за тѣмъ, чего слѣдовало избѣгать. *Любятъ же,* говоритъ Онъ. Если и любить предосудительно, то каково дѣлать? И насколько большее еще зло—гоняться за этимъ, и домогаться получить это?

3. До сихъ поръ, обличая пороки фарисеевъ, Спаситель обращался только къ нимъ однимъ, такъ какъ пороки эти были не велики и не важны, и не было нужды предостерегать отъ нихъ учениковъ; но когда дѣло дошло до причины всѣхъ золъ—любоначалія и восхищенія учительскихъ каѳедръ, то Спаситель, выставляя на видъ этотъ порокъ, обличаетъ его со всею строгостію; возстаетъ противъ него со всею ревностію и силою, обращаясь и къ ученикамъ Своимъ. Что именно говоритъ Онъ? *Вы же не нарицайтеся учители* (ст. 8). А вслѣдъ затѣмъ указываетъ и причину этого: *единъ бо есть вашъ Учитель, вси же вы братія есте;* и одинъ другого ничѣмъ не превосходитъ, потому что ничего не имѣетъ своего. Поэтому-то и Павелъ говоритъ: *кто бо есть Павелъ? Кто же ли Аполлосъ?* Кто Кифа? Но точію служителіе (1 Кор. ш, 5). А не сказалъ: учители. И еще: *не зовите себѣ отца* (ст. 9). Это не то значитъ, чтобы они никого не называли отцемъ, но чтобы знали, кого собственно должно называть отцемъ. Какъ учитель не есть учитель въ собственномъ смыслѣ, такъ и отецъ. Одинъ Богъ есть виновникъ всѣхъ—и учителей, и отцевъ. И еще присовокупляетъ: *ниже нарицайтеся наставницы, единъ бо есть наставникъ вашъ Христосъ* (ст. 10). Онъ не сказалъ: Я наставникъ. Подобно тому, какъ прежде Онъ сказалъ: *что вамъ мнится о Христѣ?*—а не сказалъ: обо Мнѣ,—такъ и здѣсь. Но желалъ бы я здѣсь спросить: что на это скажутъ тѣ, которые слова: *единъ* и *единъ* часто относятъ только къ одному Отцу, отвергая Единороднаго? Скажутъ ли они, что Отецъ есть наставникъ? Это подтвердятъ всѣ, и никто не будетъ противорѣчить. И однако же одинъ, говоритъ Спаситель, *есть наставникъ вашъ Христосъ.* Какъ говоря: единъ есть наставникъ Христосъ, Спаситель не отвергаетъ того, что и Отецъ есть наставникъ, такъ и называя Отца единымъ учителемъ, не отвергаетъ того, чтобы вмѣстѣ и Сынъ былъ учителемъ. Слова *единъ* и *единъ* сказаны для отличенія отъ людей и отъ прочихъ тварей. Итакъ, предохранивъ учениковъ отъ этого жестокаго недуга и обличивъ его, Спаситель показываетъ и способы избѣгать его—посредствомъ смиренномудрія. Поэтому и присовокупляетъ: *болій же въ васъ да будетъ вамъ слуга. Иже бо вознесется, смирится, и смиряяйся вознесется* (ст. 11—12). Подлинно ничто не можетъ

сравниться съ смиреніемъ, почему и Спаситель напоминаетъ имъ часто объ этой добродѣтели: и когда малыхъ дѣтей поставилъ предъ ними, и въ настоящей бесѣдѣ; и когда, бесѣдуя на горѣ о блаженствахъ, съ этой добродѣтели началъ Свое слово,
671 и теперь, когда съ корнемъ исторгаетъ гордость, говоря: *смиряяйся вознесется*. Видишь ли, какъ Онъ здѣсь ведетъ слушателя къ дѣламъ, совершенно противоположнымъ гордости? Онъ не только запрещаетъ искать первенства, но и предписываетъ избирать послѣднее мѣсто. Чрезъ это, говоритъ Онъ, ты получишь желаемое. Итакъ, желающему первенства надлежитъ избрать себѣ мѣсто ниже всѣхъ: *смиряяйся бо вознесется*. Но гдѣ мы найдемъ такое смиренномудріе? Хотите ли опять пойти во градъ добродѣтели, въ селенія святыхъ, т. е., въ горы и ущелья? Тамъ-то мы и увидимъ эту высоту смиренномудрія. Тамъ люди, блиставшие прежде мірскими почестями, или славившіеся богатствомъ, теперь стѣсняютъ себя во всемъ: не имѣютъ ни хорошихъ одеждъ, ни удобныхъ жилищъ, ни прислуги, и, какъ бы письменами, явственно изображаютъ во всемъ смиреніе. Все, что способствуетъ къ возбужденію гордости, какъ-то: пышныя одежды, великолѣпные домы, множество слугъ, что иныхъ и по неволѣ располагаетъ къ гордости,—все это удалено оттуда. Сами они разводятъ огонь, сами колютъ дрова. сами варятъ пищу, сами служатъ приходящимъ. Тамъ не услышишь, чтобы кто оскорблялъ другого, не увидишь оскорбляемыхъ; нѣтъ тамъ ни принимающихъ приказанія, ни приказывающихъ; тамъ всѣ слуги, и каждый омываетъ ноги странниковъ и одинъ передъ другимъ старается оказать имъ эту услугу. И дѣлаютъ они это, не разбирая, кто къ нимъ пришелъ, рабъ или свободный, но служатъ такъ всѣмъ одинаково. Нѣтъ тамъ ни большихъ, ни малыхъ. Что же? Значитъ, тамъ нѣтъ никакой подчиненности? Напротивъ, тамъ господствуетъ отличный порядокъ. Хотя и есть тамъ низшіе, но высшій не смотритъ на это, а почитаетъ себя ниже ихъ, и чрезъ то дѣлается бо́льшимъ. У всѣхъ одинъ столъ, у пользующихся услугами, и у служащихъ имъ; у всѣхъ одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образъ жизни. Большій тамъ тотъ, кто предупреждаетъ другого въ отправленіи самыхъ низкихъ работъ. Тамъ нѣтъ различія между моимъ и твоимъ, и оттуда изгнаны самыя слова эти, служащія причиною безчисленнаго множества распрей.

4. И чему дивишься, что у пустынниковъ одинъ образъ жизни, одинаковая пища и одежда, когда и душа у всѣхъ ихъ одна, не по природѣ только (по природѣ она у всѣхъ людей одинакова), но и по

любви? А въ такомъ случаѣ какъ можетъ онъ когда-либо возгордиться самъ передъ собою? Тамъ нѣтъ ни бѣдности, ни богатства, нѣтъ ни славы, ни безчестія. Какъ же могутъ вкрасться туда гордость и высокомѣріе? Есть тамъ низшіе и высшіе по добродѣтели; но, какъ я уже сказалъ, тамъ никто не смотритъ на свое превосходство. Низшихъ тамъ не оскорбляютъ презрѣніемъ; тамъ никто не уничижаетъ другихъ. А если бы ихъ кто и унижалъ, они тѣмъ болѣе научаются чрезъ это переносить презрѣніе, поруганіе, уничиженіе и въ словахъ, и въ дѣлахъ. Они обращаются съ нищими и увѣчными, и столы ихъ бываютъ переполнены такими гостями; а потому-то они и достойны неба. Одинъ врачуетъ раны недужнаго, другой водитъ слѣпого, иной носитъ безногаго. Нѣтъ тамъ толпы льстецовъ и тунеядцевъ,—болѣе 672
того, тамъ даже и не знаютъ, что такое лесть. Итакъ, отъ чего бы могла у нихъ родиться гордость? У нихъ во всемъ великое равенство, а потому они весьма удобно преуспѣваютъ и въ добродѣтели. Дѣйствительно, такое равенство гораздо болѣе способствуетъ къ наученію низшихъ, нежели когда бы ихъ невольно заставляли уступать первенство высшимъ. Подобно тому, какъ человѣка дерзкаго вразумляетъ тотъ, кто, получивъ отъ него обиду, уступаетъ ему, такъ и честолюбиваго научаетъ смиренію тотъ, кто не гонится за славою, но презираетъ ее. Подобнаго же рода примѣровъ тамъ множество и сколько между нами бываетъ распрей изъ-за того, чтобы достигнуть первенства, столько они употребляютъ усилій, чтобы не имѣть его, но быть въ униженіи, и всячески стараются превзойти другъ друга въ томъ, чтобы не самимъ пользоваться честію, а воздавать ее другимъ.

Впрочемъ и самыя ихъ упражненія приводятъ ихъ къ смиренію, и не даютъ имъ надмеваться. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, кто, занимаясь копаніемъ земли, поливаніемъ и насажденіемъ растеній, плетеніемъ корзинъ и вязаніемъ власяницъ, или другою какою-либо подобною работою, будетъ высоко думать о себѣ? Кто, живя въ бѣдности и борясь съ голодомъ, подвергнется этому недугу? Никто. Поэтому-то для нихъ легко быть смиренными. Какъ здѣсь трудно соблюсти скромность по причинѣ множества рукоплещущихъ и удивляющихся, такъ тамъ это весьма удобно. Отшельника занимаетъ собою только пустыня: онъ видитъ летающихъ птицъ, колеблемыя вѣтромъ деревья, вѣяніе зефира, потоки, быстро текущіе по долинамъ. Итакъ, чѣмъ можетъ возгордиться человѣкъ, живущій среди такой пустыни? Впрочемъ, жизнь общественная не послужитъ для насъ извиненіемъ, если мы, обращаясь съ людьми, будемъ предаваться гор-

дости. И Авраамъ, живя среди хананеевъ, говорилъ: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27); и Давидъ, находясь среди войска, сказалъ о себѣ: *азъ же есмь червь, а не человѣкъ* (Псал. XXI, 7); и апостолъ, вращаясь въ мірѣ, свидѣтельствовалъ о себѣ: *нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ* (1 Кор. XV, 9). Какое же мы будемъ имѣть извиненіе, какое оправданіе, когда, имѣя предъ глазами столь высокіе образцы, не смиряемся? Какъ они достойны безчисленныхъ вѣнцовъ, потому что первые вступили на путь добродѣтели, такъ мы заслуживаемъ безчисленныхъ наказаній, за то, что ни примѣрами этихъ мужей, отшедшихъ изъ жизни настоящей и прославляемыхъ въ Писаніи, ни примѣрами послѣдующихъ имъ и возбуждающихъ удивленіе дѣлами своими, не привлекаемся къ равному соревнованію имъ въ этой добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, что скажешь въ свое оправданіе ты, который не исправляешься? Что не знаешь грамоты, не читалъ Писанія, чтобы научиться добродѣтелямъ древнихъ? Но это служитъ къ большему твоему осужденію, что ты не ходишь въ Церковь, которая всегда открыта, и не пользуешься этими чистыми источниками. Впрочемъ, хотя бы ты и не зналъ объ отшедшихъ святыхъ мужахъ, потому что не читалъ Писанія, тебѣ надлежало бы посмотрѣть на подвижниковъ, живущихъ нынѣ. Но тебя некому проводить къ нимъ? Приди ко мнѣ, и я тебѣ покажу обители этихъ святыхъ. Приди, и научись отъ нихъ чему-нибудь полезному. Это свѣтильники, сіяющіе по всей землѣ; стѣны, ограждающія города. Они для того удалились въ пустыни, чтобы научить и тебя презирать суету мірскую. Они, какъ мужи крѣпкіе, могутъ наслаждаться тишиною и посреди бури; а тебѣ, обуреваемому со всѣхъ сторонъ, нужно успокоиться и хотя немного отдохнуть отъ непрестаннаго прилива волнъ. Итакъ, ходи къ нимъ чаще, чтобы, очистившись ихъ молитвами и наставленіями отъ непрестанно приражающихся
673-674 къ тебѣ скверн, ты могъ и настоящую жизнь провести возможно лучше, и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, держава, честь, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXIII.

673 **Горе вамъ книжницы и фарисее лицемѣри, яко снѣдаете домы вдовицъ, и лицемѣрно надолзѣ молитвы творяще: сего ради лишшее пріимете осужденіе (Матѳ. XXIII, 14).**

1. Этими словами Спаситель начинаетъ обличать книжниковъ и фарисеевъ въ томъ, что они пресыщались и, что

еще ужаснѣе, наполняли чрево свое не отъ имущества богатыхъ, но отъ стяжанія вдовъ, и такимъ образомъ еще болѣе увеличивали ихъ бѣдность вмѣсто того, чтобъ облегчить ее. Они не просто ѣли, но поѣдали. И это корчемство еще прикрывали самымъ низкимъ лукавствомъ: *лицемѣрно надолзѣ молитвы творяще.* Всякій, дѣлающій зло, заслуживаетъ наказанія; кто же, принявши на себя образъ благочестія, употребляетъ его для прикрытія своихъ злыхъ дѣлъ, тотъ подлежитъ гораздо жесточайшему наказанію. Почему же Спаситель совсѣмъ не лишалъ сана книжниковъ и фарисеевъ? Потому, что не пришло еще время. Вотъ почему Онъ и оставилъ ихъ до времени. А обличая ихъ, Онъ предохраняетъ народъ отъ обольщенія, чтобы онъ, смотря на высокій санъ книжниковъ, не увлекся къ подражанію имъ. Такъ какъ прежде Онъ сказалъ: *вся, елика аще рекутъ вамъ творити, творите,* то теперь, чтобы неразумные, основываясь на этихъ словахъ, не подумали, что имъ позволяется все, показываетъ, въ чемъ книжники извращаютъ законъ. *Горе вамъ, книжницы и фарисее, яко затворяете царствіе предъ человѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити* (ст. 13). Если виновенъ тотъ, кто не приноситъ пользы, то какъ можетъ ожидать прощенія тотъ, кто причиняетъ ближнимъ вредъ, и заграждаетъ имъ входъ? Что же значитъ слово: *входящихъ?* Оно означаетъ способныхъ. Когда надлежало что-нибудь предписывать другимъ, тогда книжники возлагали бремена неудобоносимыя; а когда самимъ имъ должно было исполнять что-нибудь изъ предписываемаго закономъ, тогда они поступали совершенно иначе: не только ничего ни дѣлали сами, но, что гораздо пагубнѣе, развращали еще и другихъ. Это люди, которыхъ должно назвать язвою, люди поставляющіе дѣломъ своимъ погибель другихъ, совершенно противоположные истиннымъ учителямъ. Если дѣло учителя— спасать погибающаго, то губить желающаго спастись—дѣло губителя. Затѣмъ слѣдуетъ другое обличеніе: *яко преходите море и сушу сотворити единаго пришельца, и егда будетъ, творите его сына геенны, сугубѣйша васъ* (ст. 15),— то есть: хотя вамъ стоитъ чрезвычайно великихъ трудовъ и усилій обратить кого-либо, но и послѣ всего этого вы не умѣете сберечь его. Мы всего болѣе стараемся сберегать то, что пріобрѣтено съ великимъ трудомъ; а васъ и это не дѣлаетъ болѣе заботливыми. Здѣсь Христосъ предъявляетъ къ книжникамъ и фарисеямъ два обвиненія: во-первыхъ, въ томъ, что они ничего не могутъ сдѣлать для спасенія многихъ, и что имъ великаго стоитъ труда привлечь къ себѣ хотя одного человѣка; во вторыхъ, въ томъ, что они совершенно нерадятъ о сохраненіи того, кого пріобрѣли; и не только нерядятъ, но еще становятся его предателями,

когда порочною своею жизнію развращаютъ его и дѣлаютъ еще хуже. Дѣйствительно, когда ученикъ видитъ порочныхъ учителей, то дѣлается хуже, ихъ, потому что онъ не останавливается на степени развращенія своего учителя. Когда учитель добродушенъ, ученикъ подражаетъ ему; а когда онъ худъ, то еще и превосходитъ его въ томъ, потому что нѣтъ ничего легче, какъ дѣлаться худшимъ. Онъ называетъ его *сыномъ* геенны, т. е. точно такимъ, какова сама геенна. А слова: *сугубѣйша васъ*—сказалъ для
674 того, чтобы и порочныхъ учениковъ устрашить, и книжниковъ поразить сильнѣе за то, что они были учителями беззаконія. И не только за это, но еще и за то, что они старались вложить въ учениковъ своихъ больше зла, вовлекая ихъ въ бóльшую порочность, нежели какой подвержены были сами, что служитъ признакомъ въ высшей сепени развращенной души. Далѣе Христосъ укоряетъ книжниковъ и фарисеевъ и за безуміе ихъ,—за то, что они внушали неуваженіе къ важнѣйшимъ заповѣдямъ. Правда, прежде Онъ говорилъ, повидимому, противное, то есть, что они *связуютъ бремена тяжко и бѣднѣ носима* (ст. 4); но они и это въ свою очередь дѣлали, и, съ другой стороны, употребляли всѣ средства къ развращенію своихъ послѣдователей, требуя отъ нихъ исправности въ маловажныхъ дѣлахъ и, вмѣстѣ, оказывая пренебреженіе къ важнѣйшимъ обязанностямъ. *Одесятствуете бо,* говоритъ Спаситель, *мятву, и копръ, и киминъ, и остависте вящшая закона, судъ и милость и вѣру. Сія подобаше творити, и онѣхъ не оставляти* (ст. 23). Здѣсь совершенно справедливо можно было сказать: гдѣ десятина, тамъ и милостыня; какой же вредъ въ томъ, чтобы подавать милостыню? Но Спаситель не порицаетъ книжниковъ и фарисеевъ за то, что они въ этомъ соблюдали законъ: нѣтъ, Онъ не говоритъ такъ. Вотъ причина, почему именно здѣсь Онъ говоритъ: *сія подобаше творити.* Но Онъ не дѣлаетъ этого прибавленія тамъ, гдѣ начинаетъ говорить о вещахъ чистыхъ и нечистыхъ, а вмѣсто того, различаетъ внутреннюю чистоту отъ внѣшней, и показываетъ, что за внутреннею чистотою необходимо слѣдуетъ и внѣшняя, но не наоборотъ. Разсуждая о человѣколюбіи, Онъ не дѣлаетъ такого различенія, какъ по вышепоказанной причинѣ, такъ и потому, что еще не пришло время прямо и явно отмѣнить предписанія закона. Но начавши говорить о соблюденіи тѣлесныхъ очищеній, Онъ яснѣе опровергаетъ эти обряды. И потому о милостынѣ говоритъ: *сія подобаше творити, и онѣхъ не оставляти;* а объ очищеніяхъ не такъ. Какъ же? *Очищаете,* говоритъ, *внѣшнее сткляницы и блюда, внутрьуду же суть полни хищенія и неправды. Очисти прежде внутреннее сткляницы, да будетъ и внѣшнее чисто.* Здѣсь Христосъ, говоря о сткляницѣ и блюдѣ, объяс-

няетъ мысль Свою указаніемъ на вещь, всѣмъ извѣстную и очевидную.

2. Далѣе, чтобы показать, что нѣтъ никакого вреда отъ несоблюденія очищеній тѣлесныхъ, а напротивъ величайшее наказаніе бываетъ слѣдствіемъ небреженія объ очищеніи души, то есть о добродѣтели, Спаситель назвалъ тѣлесныя очищенія комаромъ, такъ какъ они были маловажны и ничтожны, а дѣйствія, очищающія душу—верблюдомъ, такъ какъ послѣднія были невыносимы. Потому и говоритъ: *оцѣждающіи комара, вельблюда же пожирающе* (ст. 24). Наружныя очищенія были предписаны закономъ только ради внутреннихъ, ради милости и суда; а потому даже и въ ветхомъ завѣтѣ не приносили никакой пользы, какъ скоро оставались одни. Такъ какъ маловажное учреждено было ради важнѣйшаго, а между тѣмъ послѣднее было оставлено и предметомъ служило только первое, то отъ этого и не выходило, еще и въ то время, никакого добра: внутреннее очищеніе не слѣдовало за внѣшнимъ, тогда какъ напротивъ внѣшнее необходимо уже слѣдуетъ за внутреннимъ. Итакъ, изъ словъ Спасителя видно, что и прежде пришествія благодати, очищенія тѣлесныя не были въ числѣ дѣлъ важныхъ и достойныхъ особеннаго попеченія, а требовалось нѣчто другое. Если же таковы были эти обязанности еще прежде благодати, то тѣмъ болѣе оказались они безполезными послѣ возвѣщенія высокихъ заповѣдей новозавѣтныхъ и уже вовсе не надлежало оставлять ихъ въ силѣ. Итакъ, жизнь порочная во всякомъ случаѣ есть тяжкое зло; но особенно она вредна тогда, когда порочный совсѣмъ не думаетъ о томъ, что онъ имѣетъ нужду въ исправленіи; а еще пагубнѣе 675
бываетъ она тогда, когда такой человѣкъ почитаетъ себя способнымъ къ тому, чтобы и другихъ исправлять: указывая на это Христосъ и называетъ книжниковъ слѣпыми вождями слѣпыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если уже величайшее несчастіе и бѣдствіе, когда слѣпецъ не находитъ нужнымъ имѣть путеводителя, то въ какую пропасть низвергнетъ то, когда онъ захочетъ еще руководить другихъ? Всѣ эти обличенія Спаситель направляетъ къ тому, чтобы указать на чрезмѣрное, до неистовства доходившее славолюбіе книжниковъ и фарисеевъ, на этотъ жестокій недугъ, отъ котораго они сходили съ ума. Дѣйствительно, для нихъ причиною всѣхъ золъ было то, что они все дѣлали напоказъ. Это и отъ вѣры отвело ихъ, и расположило къ нерадѣнію объ истиной добродѣтели, и побудило заботиться объ однихъ только тѣлесныхъ очищеніяхъ, не стараясь объ очищеніи души. Поэтому-то Христосъ, желая привести ихъ къ истинной добродѣтели и къ очищенію души, и напоминаетъ о ми-

лости, и о судѣ, и о вѣрѣ. Вотъ силы, которыми держится жизнь наша! Вотъ добродѣтели, очищающія душу: правда, человѣколюбіе, истина! Человѣколюбіе побуждаетъ насъ прощать другимъ, и не даетъ намъ быть чрезмѣрно жестокими къ согрѣшающимъ и непреклонными къ прощенію (а такимъ образомъ мы пріобрѣтаемъ двоякую пользу: и дѣлаемся человѣколюбивы, и сами за то снискиваемъ великое человѣколюбіе Бога всяческихъ), и располагаетъ насъ соболѣзновать страждущимъ и оказывать имъ помощь. А истина не допускаетъ насъ обманывать и лукавить. Но какъ въ томъ случаѣ, когда Христосъ говоритъ: *сія подобаше творити, и онѣхъ не оставляти*, Онъ говоритъ это не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ввести наблюденіе ветхозавѣтныхъ правилъ,—это мы показали выше,—такъ и тогда, когда говоритъ о блюдѣ и чашѣ: *очисти внутреннее сткляницы и блюда, да будетъ и внѣшнее чисто*, не предписываетъ прежней мелочной разборчивости, напротивъ всѣми словами хочетъ показать, что она совершенно излишня. Онъ не сказалъ: очистите и внѣшнее, но—*внутреннее*: за этимъ, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ и то. А впрочемъ, Христосъ говоритъ не о чашѣ и блюдѣ, но разсуждаетъ о душѣ и тѣлѣ, подъ словомъ: *внѣшнее* разумѣя тѣло, а подъ словомъ: *внутреннее*—душу. Если же въ блюдѣ важно внутреннее, то тѣмъ болѣе въ тебѣ. Но вы, говоритъ Онъ, поступаете напротивъ: соблюдая маловажное и внѣшнее, нерадите о важномъ и внутреннемъ; отсюда происходитъ тотъ величайшій вредъ, что вы, считая себя исполнившими все, прочее пренебрегаете; а пренебрегая, и не заботитесь, или не принимаетесь за его исполненіе. Далѣе Христосъ опять поноситъ книжниковъ и фарисеевъ за тщеславіе, называя ихъ гробами окрашенными, и вездѣ прибавляя слово: *лицемѣры*, такъ какъ въ этомъ заключается причина всѣхъ беззаконій, а, вмѣстѣ, и погибели ихъ. И не просто назвалъ ихъ гробами окрашенными, но и сказалъ еще, что они полны нечистоты и лицемѣрія. Этими словами Онъ показалъ причину, почему книжники и фарисеи не вѣрили; именно ту, что они исполнены были лицемѣрія и беззаконія. И не только Христосъ, но и пророки постоянно обвиняютъ ихъ въ хищничествѣ, въ томъ, что начальники ихъ не судятъ по правдѣ. И вездѣ найдешь, что жертвы отвергаются, а требуются милость и правда. Итакъ, нѣтъ ничего необычайнаго и новаго ни въ данныхъ Христомъ заповѣдяхъ, ни въ обличеніи, ни даже въ уподобленіи гробамъ. Это подобіе употребляетъ и пророкъ, и онъ также называетъ не просто гробомъ, но *гробомъ отверстымъ гортань ихъ* (Псал. v, 10). И нынѣ много подобныхъ людей, которые снаружи
676 украшены, а внутри исполнены всякаго беззаконія. И нынѣ о

внѣшней чистотѣ прилагаютъ много труда, много заботы, а о душевной нисколько. Но если бы кто раскрылъ совѣсть каждаго, то нашелъ бы множество червей, множество гноя и нестерпимое зловоніе,—я разумѣю гнусныя и злыя пожеланія, которыя отвратительнѣе червей.

3. Но что эти люди таковы, это конечно ужасно, однакожъ еще не такъ. А когда мы, удостоенные быть храмомъ Бога, вдругъ дѣлаемся гробами, вмѣщающими въ себѣ такое зловоніе, это уже крайнее бѣдствіе. Быть гробомъ тому, въ комъ жилъ Христосъ и дѣйствовалъ Духъ Святый, въ комъ совершилось столько таинъ,—какое въ самомъ дѣлѣ бѣдствіе! Какого плача и рыданія достойно то, когда члены Христовы дѣлаются гробомъ, исполненнымъ нечистоты! Размысли, какъ родился ты, чего удостоился, какую получилъ одежду, какъ содѣлался храмомъ нетлѣннымъ, прекраснымъ, украшеннымъ не златомъ или перлами, но Духомъ, что несравненно драгоцѣннѣе. Подумай, что въ городѣ не держатъ ни одного гроба съ покойникомъ; поэтому и тебѣ нельзя явиться во градъ горній. Если это воспрещено здѣсь, то тѣмъ болѣе тамъ. Или лучше, и здѣсь надъ тобою стали бы всѣ смѣяться, если бы ты сталъ носить мертваго человѣка, и не только стали бы смѣяться, но и убѣгать тебя. Скажи мнѣ: если бы кто вездѣ носилъ съ собою мертвое тѣло, развѣ всѣ не отступили бы и не убѣжали отъ него? Такъ разсуждай и въ настоящемъ случаѣ. Ты представляешь гораздо ужаснѣйшее зрѣлище: ты носишь всюду душу умершую отъ грѣховъ, душу преданную гніенію. Кто пожалѣетъ о такомъ человѣкѣ? Если ты не жалѣешь о своей душѣ, то будетъ ли жалѣть кто-либо другой о такомъ жестокомъ и пагубномъ врагѣ самому себѣ? Если бы кто въ твоей спальной или столовой комнатѣ зарылъ мертвое тѣло, то чего бы ты не сдѣлалъ? А ты зарываешь мертвую душу не въ столовой и не въ спальной, но между членами Христовыми,—и ты не боишься, чтобъ не поразили съ неба твою голову тысячи громовъ и молній? Какъ же ты осмѣливаешься ходить въ церковь Божію и въ святые храмы, будучи исполненъ внутри такого отвратительнаго зловонія? Если бы кто внесъ мертвеца въ царскіе чертоги и положилъ его тамъ, тотъ понесъ бы жесточайшее наказаніе. А ты входишь въ священную ограду, и наполняешь домъ Божій такимъ зловоніемъ: подумай, какому подвергнешься наказанію! Подражай той блудницѣ, которая миромъ помазала ноги Христовы, и весь домъ наполнила благовоніемъ; ты дѣлаешь совсѣмъ напротивъ относительно дома Божія. Что нужды, если ты и не чувствуешь зловонія? Это только крайняя степень болѣзни. Это значитъ, что болѣзнь твоя неисцѣ-

лима; что она гораздо болѣе жестока, чѣмъ болѣзнь тѣхъ, у кого тѣло гніетъ и издаетъ дурной запахъ. Эта послѣдняя болѣзнь и даетъ чувствовать себя страждущимъ, и не заслуживаетъ никакого обвиненія, но даже достойна сожалѣнія; первая же достойна отвращенія и мученія. Такъ какъ болѣзнь эта, и по этой причинѣ, является болѣе тяжкой и не позволяетъ больному чувствовать себя, какъ бы надлежало, то послушай внимательно,—я покажу тебѣ ясно ея пагубу. Прежде выслушай, что ты произносишь, когда поешь: *да исправится молитва моя яко кадило* (какъ ѳиміамъ) *предъ Тобою* (Псал. CXL, 2). Но если не ѳиміамъ, а смрадный дымъ восходитъ отъ тебя и отъ твоихъ дѣлъ, то какому не достоинъ ты подвергнуться наказанію? Что же это за смрадный дымъ? Это знаютъ многіе, именно тѣ, которые заглядываются на красивыхъ женщинъ и высматриваютъ привлекательныхъ дѣвицъ. Не удивительно ли еще, какъ не разразятся удары грома,
677 и не разрушится все до основанія? Дѣйствительно, стоитъ громовъ и геенны то, что здѣсь бываетъ. Но Богъ, по Своему долготерпѣнію и великой милости, удерживаетъ до времени гнѣвъ Свой, призывая тебя къ покаянію и исправленію. Что ты дѣлаешь, человѣкъ? Высматриваешь красивыхъ женщинъ и не трепещешь, нанося такое оскорбленіе храму Божію! Ужели ты считаешь церковь непотребнымъ домомъ и ставишь хуже площади? На площади ты боишься и стыдишься быть примѣченнымъ, что высматриваешь женщинъ; а во храмѣ Божіемъ, когда самъ Богъ бесѣдуетъ съ тобою и угрожаетъ за такіе поступки наказаніемъ, ты блудодѣйствуешь и прелюбодѣйствуешь въ то самое время, когда слышишь, что не должно этого дѣлать. И ты не трепещешь, не ужасаешься? Этому научаютъ васъ соблазнительныя зрѣлища,—эта неистребимая язва, вредоносный ядъ, сѣти, изъ которыхъ трудно избавиться попавшимся въ нихъ, удовольствіе и вмѣстѣ погибель для сладострастныхъ. Вотъ почему и пророкъ въ своемъ обличеніи говоритъ: *не суть очи твои, ниже сердце твое благо* (Iерем. XXII, 17). Лучше такимъ людямъ быть слѣпыми, лучше быть больными, чѣмъ такъ злоупотреблять зрѣніемъ. Надлежало бы имѣть внутри храма стѣну, которая отдѣляла бы васъ отъ женщинъ. Но какъ вы не хотите этого, то отцы признали необходимымъ отдѣлить васъ, по крайней мѣрѣ, этими деревянными досками; въ древнее же время, я слыхалъ отъ старцевъ, не было и такихъ стѣнъ, *о Христѣ бо Iисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Галат. III, 28), да и во времена апостоловъ вмѣстѣ находились мужчины и женщины. Тогда и мужчины были мужчинами, и женщины женщинами, а нынѣ все напротивъ: женщины усвоили себѣ нравы блудницъ, а мужчины

ничѣмъ не лучше коней неистовыхъ. Не слыхали ли вы, что мужи и жены пребывали вмѣстѣ въ горницѣ, и такое собраніе достойно было небесъ? И вполнѣ справедливо, потому что и женщины въ то время вели жизнь благочестивую, подвижническую, и мужчины хранили чистоту и цѣломудріе. Послушайте, что говоритъ женщина, торговавшая багряницею: *аще судисте мя вѣрну Господеви быти, вшедше въ домъ мой, пребудите у мене* (Дѣян. XVI, 15). Послушайте о женщинахъ, которыя, руководясь мыслями мужескими, вездѣ ходили съ апостолами: о Прискиллѣ, Персидѣ и о другихъ, отъ которыхъ нынѣшнія женщины такъ же далеко отстоятъ, какъ мужчины отъ тѣхъ мужчинъ.

4. Тогда женщины хотя и ходили по чужимъ странамъ, но не навлекали на себя худой славы; а нынѣ и воспитывающіяся во внутреннихъ комнатахъ едва избѣгаютъ такого подозрѣнія. И это происходитъ отъ излишнихъ нарядовъ и изнѣженности. У тѣхъ женщинъ было занятіемъ распространеніе проповѣди, а нынѣшнія женщины заботятся о томъ, чтобъ показаться благообразными, красивыми и пріятными по наружности. Вотъ ихъ слава, вотъ ихъ спасеніе! А о какихъ-нибудь возвышенныхъ и важныхъ предпріятіяхъ онѣ и во снѣ не помышляютъ. Какая жена употребила стараніе на то, чтобъ сдѣлать мужа лучшимъ? Какой мужъ имѣлъ попеченіе объ исправленіи жены? Нѣтъ ни одного. Напротивъ, у жены только и заботы, что о золотыхъ украшеніяхъ, одеждѣ и другихъ нарядахъ, и также объ умноженіи имущества; а мужъ занятъ, кромѣ этихъ, еще многими и другими попеченіями, и все житейскими. Кто, намѣреваясь вступить въ бракъ, 678
старался узнать нравъ и поведеніе дѣвицы? Никто. Напротивъ, всякій тотчасъ распрашиваетъ о деньгахъ, объ имѣніи, о томъ, сколько всякаго рода домашнихъ вещей,—все равно, какъ бы хотѣлъ купить что-нибудь, или заключить какой-нибудь обыкновенный торговый договоръ. По этой причинѣ и бракъ называютъ этимъ именемъ. Слыхалъ я, какъ многіе говорятъ: такой-то сдѣлалъ договоръ съ такою-то, т. е. женился. Такъ ругаются надъ дарами Божіими: женятся и выходятъ замужъ, какъ будто продаютъ и покупаютъ что-нибудь. А письменныя условія по бракамъ заключаются съ гораздо большею осторожностію, чѣмъ по дѣламъ купли и продажи. Посмотрите, какъ древніе вступали въ бракъ, и подражайте имъ. Какъ же они вступали? Они искали въ невѣстѣ добраго поведенія и нравовъ, и совершенства душевнаго; а потому не имѣли нужды въ письменныхъ договорахъ, въ обезпеченіи посредствомъ бумаги и черпилъ. Вмѣсто всего имъ достаточно было душевныхъ свойствъ невѣсты. Итакъ, умоляю и васъ искать не денегъ и богатства, но добраго поведенія

и кротости. Ищи дѣвицу богобоязненную и благоразумную, и это будетъ для тебя лучше безчисленныхъ сокровищъ. Если ты будешь искать угоднаго Богу, то и это получишь; но если, оставивъ первое, погонишься за послѣднимъ, не получишь и того. Но такой-то, скажешь ты, отъ жены разбогатѣлъ. Не стыдно ли тебѣ приводить такіе примѣры? Слыхалъ я отъ многихъ вотъ какія слова: лучше желалъ бы я терпѣть крайнюю бѣдность, нежели получить богатство отъ жены. И дѣйствительно, что можетъ быть непріятнѣе такого богатства? Что можетъ быть тягостнѣе такого изобилія? Что постыднѣе—сдѣлаться такимъ образомъ знаменитымъ и подать поводъ всѣмъ говорить о себѣ: такой-то отъ жены разбогатѣлъ? Я не говорю уже о домашнихъ непріятностяхъ, которыя необходимо должны произойти отсюда; не говорю о надменности жены, раболѣпствѣ мужа, о ссорахъ, о поношеніяхъ со стороны слугъ, когда они будутъ говорить: нищій, лоскутникъ, низкій и изъ низкаго состоянія; съ чѣмъ пришелъ? не все ли принадлежитъ госпожѣ? Но ты не безпокоишься о томъ, что такъ говорятъ о тебѣ,—такъ какъ ты уже не свободенъ. Привыкшіе ѣсть чужой хлѣбъ слышать о себѣ отзывы и хуже и не печалятся; равнымъ образомъ и эти,—да еще и въ похвалу себѣ вмѣняютъ подобный позоръ; и когда мы говоримъ это имъ, они отвѣчаютъ: было бы пріятно да сладко, а то пусть хоть умру. О, діаволъ! Какія поговорки ввелъ онъ въ мірѣ,—онѣ способны совершенно развратить жизнь такихъ людей! Разсмотри эти самыя пагубныя, діавольскія слова, какой преисполнены они погибели. Вѣдь они не говорятъ ничего другого, кромѣ слѣдующаго: не думай о честности, о справедливости; отбрось все это, ищи только одного—удовольствія, чего бы это тебѣ ни стоило, добывай его; хотя бы всѣ встрѣчающіеся съ тобою плевали на тебя, хотя бы грязью бросали тебѣ въ лице, хотя бы гнали тебя какъ пса,—переноси все. Если бы свиньи и нечистые псы могли говорить, сказали бы они что-нибудь хуже этого? Конечно, и они не сказали бы того, что людямъ внушаетъ діаволъ говорить, какъ бы въ бѣшенствѣ. Теперь вы узнали безсмысліе этихъ словъ. Потому умоляю васъ удаляться такихъ поговорокъ, и выбирать изъ Писаній противныя этимъ изреченія. Какія же это изреченія? *Не ходи*, сказано, *въ слѣдъ похотпй души твоей, и отъ похотѣній*
679-680 *своихъ возбраняйся* (Сирах. XVIII, 30). А относительно блудницы есть также противное изреченіе въ притчахъ: *не внимай злѣй женѣ; медъ бо каплетъ отъ устенъ жены блудницы, яже на время наслаждаетъ твой гортань; послѣди же горчае желчи обрящеши, и изощрену паче меча обоюду остра* (Притч. V, 3, 4). Этимъ изреченіямъ будемъ внимать, а не тѣмъ. Отъ тѣхъ-то изреченій и рождаются по-

мыслы низкіе, свойственные рабамъ; отъ нихъ люди дѣлаются безсмысленными животными, потому что вездѣ ищутъ только удовольствія, слѣдуя той поговоркѣ, которая и безъ нашихъ словъ, сама по себѣ, достойна посмѣянія. Послѣ смерти какая у тебя останется прибыль отъ наслажденій? Итакъ перестаньте подвергать себя посмѣянію и разжигать неугасимый огонь геенны, и смывъ съ глазъ гной, хотя и поздно, посмотримъ надлежащимъ образомъ на будущее, чтобы и настоящую жизнь провесть благочинно, во всякой чистотѣ и благочестіи, и сподобиться будущихъ благъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXIV.

Горе вамъ, книжницы и фарисее лицемѣри, яко зиждете гробы пророческія, и красите раки праведныхъ, и глаголете: аще быхомъ были во дни отецъ нашихъ, не быхомъ убо общницы имъ были въ крови пророкъ (Матѳ. XXIII, 29, 30). 679

1. Христосъ говоритъ: *горе* книжникамъ и фарисеямъ—не потому, что они строятъ гробницы и осуждаютъ отцевъ своихъ, но потому, что, какъ въ первомъ случаѣ, такъ и въ притворномъ осужденіи отцевъ своихъ, они поступаютъ хуже ихъ. А что осужденіе ихъ было притворное, объ этомъ говорится у Луки, гдѣ они называюсся сообщниками отцевъ, потому что они строютъ гробницы. *Горе вамъ, яко зиждете гробы пророкъ, отцы же ваши избиша ихъ. Убо свидѣтельствуете и соблаговолите дѣломъ отецъ вашихъ: яко тіи убо избиша ихъ, вы же зиждете ихъ гробы* (Лук. XI, 47, 48). Здѣсь Христосъ осуждаетъ ихъ намѣреніе, съ какимъ они строили; именно они строили гробницы не въ честь убитыхъ, но какъ бы хвалясь убійствомъ, и изъ опасенія, чтобы свидѣтельство и память о такой ихъ дерзости, съ теченіемъ времени, не погибли вмѣстѣ съ разрушившимися памятниками; строили гробницы, воздвигая великолѣпныя зданія, какъ бы трофеи, и тѣмъ показывали, что они поставляли для себя славу въ преступленіи отцевъ своихъ. Дѣйствительно,—какъ бы говоритъ Христосъ,— настоящіе дерзкіе ваши поступки показываютъ, что и это вы дѣлаете съ такимъ же намѣреніемъ. Хотя вы, говоритъ Онъ, подъ предлогомъ обвиненія отцевъ вашихъ, и говорите противное,— то есть, что мы не были бы сообщниками ихъ, если бы жили въ тѣ дни,—но явно, съ какою мыслію вы говорите это. Потому-то Христосъ, обнаруживая это намѣреніе, такъ объясняетъ его.

Сказавъ: *глаголете: аще быхомъ были во дни отецъ нашихъ, не быхомъ убо общницы имъ были въ крови пророкъ*,—присовокупилъ: *тѣмъ же сами свидѣтельствуете себѣ, яко сынове есте избившихъ пророки* (ст. 30, 31). Но какое преступленіе—быть сыномъ убійцы, если этотъ сынъ не участвуетъ въ намѣреніи отца? Никакого. Отсюда очевидно, что Христосъ говоритъ имъ это для того, чтобы дать знать объ участіи ихъ въ злодѣяніи отцевъ ихъ. Это доказываютъ и слѣдующія слова, которыя Онъ присовокупилъ: *змія, порожденія ехиднова* (ст. 33). Какъ ехидны, по смертоносному яду, уподобляются родившимъ ихъ, такъ и вы уподобляетесь отцамъ вашимъ по убійству. Далѣе, обнаруживъ ихъ намѣреніе, неизвѣстное для многихъ, Онъ подтверждаетъ слова Свои будущими дерзкими ихъ поступками, о которыхъ всѣ будутъ знать. Сказавъ: *тѣмже сами свидѣтельствуете себѣ, яко сынове есте избившихъ пророки*, и тѣмъ самымъ давъ знать, что Онъ говоритъ объ участіи ихъ въ злодѣяніи и что они притворно говорили: *не быхомъ убо общницы имъ*,—присовокупилъ: *и вы исполните мѣру отецъ вашихъ* (ст. 32), не давая этимъ повелѣнія, но только предвѣщая
680 будущее, именно убіеніе Его самого. Такимъ образомъ обличивъ ихъ и показавъ лживость словъ, которыя они говорили въ защиту себя,—именно, что мы не были бы ихъ сообщниками (въ самомъ дѣлѣ, тѣ, которые не удержались отъ убіенія Господа, какъ бы пощадили рабовъ?)—усиливаетъ послѣ этого рѣчь Свою, называя ихъ зміями и порожденіями ехидниными, и продолжаетъ: *како убѣжите отъ суда геенны*, отваживаясь на такіе дерзкіе поступки, и отрекаясь отъ нихъ и скрывая свое намѣреніе? Далѣе, обличая ихъ еще съ большею силою иначе, Онъ говоритъ: *Азъ послю къ вамъ пророки и премудры и книжники: и отъ нихъ убіете и распнете, и біете на сонмищахъ вашихъ* (ст. 34). А для того, чтобы они не сказали, что хотя мы и распяли Господа, однако удержались бы отъ убійства рабовъ, если бы жили въ то время,—говоритъ: вотъ, Я посылаю къ вамъ рабовъ, и самихъ пророковъ, но вы и ихъ не пощадите. Это говоритъ Христосъ для того, чтобы показать, что нѣтъ ничего страннаго, если Его убьютъ сыны, въ убійствѣ, обманахъ, коварствѣ и дерзкихъ поступкахъ превышающіе отцевъ своихъ. Кромѣ того, Онъ показываетъ, что они и чрезмѣрно тщеславны; когда они говорятъ, что если бы мы жили во дни отцевъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ, говорятъ это по тщеславію, и мудрствуютъ только на словахъ, а на дѣлѣ поступаютъ совершенно наоборотъ. *Змія, порожденія ехиднова*,—то есть: злые дѣти злыхъ отцовъ, и еще злѣе ихъ. Христосъ показываетъ, что они отваживаются на гораздо большія злодѣянія, и въ жестокости превосходятъ даже отцевъ

своихъ, хотя и хвалятся, что они не поступили бы такъ въ подобномъ случаѣ. И дѣйствительно, они оканчиваютъ и довершаютъ злодѣянія. Тѣ умертвили пришедшихъ въ виноградникъ, а эти убили и самого Сына и тѣхъ, которые звали на бракъ. Это еще говоритъ Христосъ и для того, чтобы отдалить ихъ отъ родства съ Авраамомъ и показать, что отъ этого нѣтъ никакой пользы для нихъ, если они не будутъ подражать дѣламъ его. Потому и присовокупляетъ: *како убѣжите отъ суда геенны*, подражая отцамъ своимъ въ такихъ дерзкихъ поступкахъ? Здѣсь Онъ привелъ имъ на память и обличительную проповѣдь Іоанна, потому что и онъ такъ называлъ ихъ, и напоминалъ имъ о будущемъ судѣ. Далѣе, такъ какъ ни судъ, ни геенна нисколько не страшили ихъ, частію потому, что они не вѣрили, а частію потому, что это представлялось въ отдаленномъ будущемъ, то Онъ обличаетъ ихъ настоящими случаями, и говоритъ: *сего ради се Азъ послю къ вамъ пророки и книжники: и отъ нихъ убіете и распнете, и убіете на сонмищахъ вашихъ: яко да пріидетъ на вы всяка кровь праведна, проливаемая на земли, отъ крове Авеля праведнаго до крове Захаріи сына Варахіина, егоже убисте между церковію и олтаремъ. Аминь глаголю вамъ, яко пріидутъ вся сія на родъ сей* (ст. 34—36). 681

2. Смотри, сколько Христосъ предостерегалъ ихъ! Онъ говорилъ: вы осуждаете отцевъ вашихъ, говоря, что не были бы сообщниками ихъ; и этимъ не мало пристыжалъ ихъ. Далѣе говорилъ: вы, осуждая ихъ, поступаете еще хуже ихъ и это также достаточно было чтобы посрамить ихъ. Наконецъ говоритъ: это не останется безъ наказанія,—и тѣмъ самымъ наводитъ на нихъ величайшій страхъ, напоминая имъ о гееннѣ. Но такъ какъ до геенны было далеко, то Христосъ представляетъ имъ настоящія бѣдствія, и говоритъ: *яко пріидутъ на родъ сей вся сія* (ст. 36). Съ наказаніемъ соединилъ Христосъ и величайшія бѣдствія, сказавъ, что они понесутъ наказаніе тяжелѣе всѣхъ; но ни отъ чего не сдѣлались они лучшими. Но если кто спроситъ: за что же они терпятъ наказаніе тяжелѣе всѣхъ, я сказалъ бы: за то, что болѣе жестоко и хуже всѣхъ поступаютъ, и ничѣмъ изъ преждебывшаго не вразумились. Ужели ты не слыхалъ словъ Ламеха: *отъ Ламеха отмстися седмьдесять седмицею* (Быт. IV, 24), то есть: я достоинъ большихъ наказаній, чѣмъ Каинъ. За что же? Вѣдь онъ не убилъ брата? За то, что не вразумился тѣмъ примѣромъ. То же самое говоритъ Богъ въ другомъ мѣстѣ: *отдаяй грѣхи отецъ на чада до третіяго и четвертаго рода ненавидящимъ Мене* (Исх. XX, 57),—не потому, чтобы кто-нибудь изъ нихъ несъ наказаніе за чужіе проступки, но потому, что послѣ многихъ грѣшниковъ, и притомъ наказанныхъ, они не сдѣлались луч-

шими, но подобно имъ предавались грѣху, а потому и достойны того, чтобы имъ терпѣть одинаковыя наказанія. Но смотри, какъ кстати Христосъ напомнилъ имъ объ Авелѣ, показывая, что и это убійство было сдѣлано по зависти. Итакъ, что вы теперь можете сказать? Или вы не знаете, чтó потерпѣлъ Каинъ? Развѣ Богъ оставилъ безъ вниманія случившееся? Не подвергъ ли Онъ его жесточайшему наказанію? Ужели вы не слыхали, что потерпѣли отцы ваши, избившіе пророковъ? Не преданы ли они были безчисленнымъ мученіямъ и наказаніямъ? Какъ же вы не сдѣлались лучшими? Но для чего мнѣ говорить о наказаніяхъ отцевъ вашихъ, и о томъ, чтó они потерпѣли? Ты, который произносишь осужденіе на отцевъ твоихъ, почему хуже ихъ поступаешь? Вы сами произнесли приговоръ, что *злыхъ злѣ погубитъ* (Матѳ. XXI, 41). Какое же извиненіе будете имѣть, отваживаясь на такіе дерзновенные проступки послѣ такого приговора? Но кто этотъ Захарія? Одни считаютъ его за отца Іоаннова, другіе за пророка, а иные за другого какого-то священника, имѣющаго два имени, котораго Писаніе называетъ и Іоддаемъ. Обрати вниманіе и на то, что это было сугубое злодѣяніе. Они не только убивали святыхъ, но еще и въ священныхъ мѣстахъ. И произнося эти слова, Христосъ не только устрашалъ ихъ, но и утѣшалъ учениковъ, показывая, что и праведники еще прежде ихъ то же терпѣли. Устрашалъ же ихъ предсказаніемъ, что какъ тѣ были наказаны, такъ и они понесутъ жестокое наказаніе. Потому и учениковъ Своихъ называетъ пророками, мудрыми и книжниками, снова отнимая этимъ у іудеевъ всякій предлогъ къ оправданію. Теперь, говоритъ Онъ, вы не можете сказать, что Я посылалъ изъ язычниковъ, и оттого вы впали въ соблазнъ; васъ довело до этого то, что вы убійцы и жаждете крови. Поэтому Онъ и сказалъ прежде, что Я пошлю пророковъ и книжниковъ. И всѣ пророки обличали ихъ въ томъ же, говоря, что они кровь съ кровью мѣшаютъ, и что они—мужи кровей (Ос. IV, 2). Вотъ почему
682 Богъ и требовалъ принесенія крови въ жертву Себѣ, показывая, что если въ безсловесномъ такъ дорога кровь, то тѣмъ болѣе въ человѣкѣ. Поэтому Онъ и говоритъ Ною: *Я отмщу за всякую кровь пролитую* (Быт. IX, 6). Можно найти безчисленное множество и другихъ доказательствъ на то, что Богъ запрещаетъ убивать. Потому Богъ не повелѣлъ ѣсть и чего-нибудь удушеннаго. О, какъ велико милосердіе Бога, Который хотя и зналъ, что іудеи никакой не получатъ пользы, однако исполнялъ Свое дѣло! Посылаю,—говоритъ Онъ,—хотя и знаю, что они будутъ убиты. Такимъ образомъ іудеи и здѣсь были обличены въ томъ,

что напрасно говорили: мы не были бы сообщниками отцевъ нашихъ. И эти умерщвляли пророковъ въ синагогахъ, и не почитали ни самаго мѣста, ни достоинства лицъ. Они умерщвляли не простыхъ людей, но пророковъ и мудрыхъ, чтобы не быть обличаемыми отъ нихъ. Подъ именемъ же пророковъ Христосъ разумѣетъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, потому что многіе пророчествовали. Потомъ, желая увеличить страхъ, говоритъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, вся сія пріидутъ на родъ сей*, то есть, все это Я обращу на ваши головы и отмщу жестокимъ образомъ, потому что тотъ, кто видѣлъ многихъ согрѣшающихъ, и не вразумился, но самъ поступалъ такъ же, и не только такъ же, но и гораздо хуже, долженъ подвергнуться гораздо болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ тѣ. Подобно тому какъ если бы онъ захотѣлъ, то получилъ бы для себя громадную пользу, и сдѣлался бы лучшимъ, благодаря множеству примѣровъ въ другихъ,—точно также, не исправившись, становится достоинъ большаго наказанія за то, что имѣлъ много случаевъ къ вразумленію себя отъ людей прежде согрѣшившихъ и уже наказанныхъ, но безъ всякой для себя пользы.

3. Вслѣдъ за этимъ Христосъ обращаетъ рѣчь къ городу, желая такимъ образомъ вразумить слушателей, и говоритъ: *Іерусалиме, Іерусалиме* (ст. 37)! Что значитъ это сугубое воззваніе? Это голосъ милосердія, состраданія и великой любви. Какъ будто предъ любимою женщиною, которую постоянно любили, но которая презрѣла любившаго ее, и чрезъ то заслужила наказаніе, Онъ оправдывается, когда намѣренъ уже былъ поразить казнію. То же дѣлаетъ Онъ и чрезъ пророковъ, когда говоритъ: *и рекохъ: обратися ко Мнѣ, и не обратися* (Ерем. ш, 7). Сдѣлавъ такое воззваніе къ Іерусалиму, Христосъ исчисляетъ совершенныя имъ убійства: *избивый пророки, и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте* (ст. 37)? Защищая отъ преступленій противъ Него, Онъ говоритъ, что и всѣмъ этимъ ты не отвратилъ Меня отъ себя, и не отклонилъ великаго благоволенія Моего къ тебѣ; напротивъ, Я хотѣлъ, и не однажды или два раза, но многократно, привлечь тебя. *Колькраты*, говоритъ Онъ, *восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошъ птенцы своя подъ крилѣ, и не восхотѣсте?* Этими словами Онъ хочетъ показать, что они всегда отдалялись отъ Него, по причинѣ грѣховъ; сравненіемъ же изъявляетъ Свою любовь, потому что эта птица горячо любитъ своихъ птенцовъ. Такое сравненіе пророковъ съ крыльями вездѣ, и въ пѣсни Моисея, и въ псалмахъ, означаетъ особенное смотрѣніе и попеченіе. *Но не восхотѣсте*, продолжаетъ Онъ. *Се оставляется домъ вашъ пустъ*

(ст. 38), то есть, чуждъ Моего покровительства. Итакъ, самъ Онъ прежде покровительствовалъ имъ, поддерживалъ, хранилъ ихъ, самъ Онъ и наказываетъ ихъ всегда. И теперь угрожаетъ Онъ
683 наказаніемъ, котораго они всегда чрезвычайно страшились, такъ какъ оно указывало на полное нарушеніе ихъ гражданскаго быта. *Глаголю бо вамъ, яко не имате Мене видъти отселъ, дондеже речете: благословенъ грядый во имя Господне* (ст. 39) И это—голосъ любви пламенной, сильно влекущей ихъ не прошедшими только, но и будущими событіями, такъ какъ здѣсь Онъ говоритъ о будущемъ днѣ Своего второго пришествія. Но что? Неужели они съ этого времени не видали Его? Говоря: *отселъ*, Онъ указываетъ не на этотъ самый часъ, но на все время, которое протекло до Его страданія. А такъ какъ они всегда обвиняли Его въ томъ, что Онъ богопротивникъ и врагъ Богу, то Онъ и убѣждаетъ ихъ любить Себя тѣмъ, что показываетъ Свое единомысліе съ Отцемъ и Свое присутствіе въ пророкахъ, а потому и употребляетъ тѣ же самыя слова, какія и пророкъ. Этими же самыми словами Онъ предвѣщалъ и воскресеніе, и второе пришествіе Свое, давая разумѣть даже и самимъ невѣрующимъ, что тогда они несомнѣнно поклонятся Ему. Но какъ Онъ указалъ на это? Предсказывая многое будущее, именно: что пошлетъ пророковъ; что ихъ будутъ убивать, и даже въ самыхъ синагогахъ; что сами они потерпятъ крайнія бѣдствія; что домъ останется пустымъ; что они подвергнутся ужаснымъ несчастіямъ, какихъ прежде никогда и не было. Все это для самихъ безсмысленныхъ и упорныхъ могло быть яснымъ указаніемъ на Его второе пришествіе. Спросимъ ихъ: не посылалъ ли Онъ къ нимъ пророковъ и мудрыхъ? Не убивали ли они ихъ въ синагогахъ? Не оставленъ ли домъ ихъ пустымъ? Не постигли ли родъ этотъ всѣ наказанія? Все это очевидно, и никто не будетъ спорить. И подобно тому, какъ сбылось все это, такъ сбудется и послѣднее Его предсказаніе, и тогда, безъ сомнѣнія, они покорятся Ему; но это нисколько не послужитъ имъ въ оправданіе, такъ же какъ и всѣмъ, которые будутъ раскаиваться тогда въ виду разрушенія ихъ государства. Поэтому, пока есть время, будемъ дѣлать добро. Какъ для іудеевъ не будетъ тогда никакой пользы отъ прозрѣнія, такъ и намъ не принесетъ тогда пользы наше раскаяніе въ нечестіи. Такъ и кормчему ничего не остается болѣе дѣлать, когда отъ его нерадѣнія корабль погрузится въ море, и врачу послѣ смерти больного, но каждому изъ нихъ надобно прежде все обдумать и сдѣлать, чтобы не подвергнуться никакой опасности или стыду; послѣ же—все безполезно. Итакъ и мы, когда больны,

призовемъ врачей, издержимъ деньги и приложимъ все стараніе, чтобы, освободившись отъ болѣзни, быть потомъ здоровыми. И какое мы обнаруживаемъ попеченіе о рабахъ нашихъ, когда они бываютъ больны тѣлесно, такое же обнаружимъ и о себѣ самихъ, во время болѣзни души нашей. Мы къ самимъ себѣ ближе рабовъ, и души наши лучше тѣла ихъ; но не смотря на это, мы едва ли прилагаемъ и такую же заботу о душѣ. Если же мы нынѣ не будемъ этого дѣлать, то послѣ смерти не будемъ въ состояніи ничѣмъ оправдать себя самихъ.

4. И кто же будетъ такъ жалокъ, скажешь ты, чтобы не приложилъ такого же попеченія о душѣ? Это-то и удивительно, что мы такъ невнимательны къ самимъ себѣ, что пренебрегаемъ собою болѣе, нежели рабами. Когда рабы больны горячкою, мы призываемъ врачей, отдѣляемъ особую комнату и заставляемъ повиноваться предписаніямъ врачебной науки; и если они нерадятъ о себѣ, мы принимаемъ мѣры болѣе строгія, и приставляемъ стражей, которые не позволяли бы имъ дѣлать то, чего бы хотѣлось, и если ухаживающіе за ними скажутъ, что нужно приготовить дорогое лѣкарство, мы соглашаемся; если приказываютъ что-нибудь, мы слушаемся, и платимъ деньги имъ за ихъ предписанія. Когда же мы сами бываемъ больны,—а мы больны всегда,—то не призываемъ ни врача, ни денегъ не издерживаемъ, но такъ нерадимъ о душѣ, какъ бы о врагѣ какомъ и непріятелѣ. Это я говорю не въ укоризну заботливости о рабахъ, но желая показать, что по крайней мѣрѣ такое же стараніе мы должны прилагать и о нашей душѣ. Но какъ же это дѣлать, скажетъ кто-нибудь. Покажи свою больную Павлу, призови Матѳея, пошли за Іоанномъ. Узнай отъ нихъ, что должно дѣлать съ такимъ больнымъ: безъ всякаго сомнѣнія, они скажутъ и не утаятъ ничего; вѣдь они не умерли, но живы и могутъ говорить. Но душа твоя не чувствуетъ того, что она одержима горячкой? Ты принудь ее и пробуди въ ней разсудокъ. Призови къ ней пророковъ. Этимъ врачамъ не нужно платить денегъ, они не требуютъ награды ни. за свои труды, ни за лѣкарства, ими приготовляемыя; кромѣ дѣлъ милосердія, не принуждаютъ тебя ни къ какимъ издержкамъ; во многомъ даже сами помогаютъ тебѣ; такъ, когда заставляютъ соблюдать воздержаніе—избавляютъ тебя отъ излишнихъ и неумѣстныхъ издержекъ; когда научаютъ трезвости — обогащаютъ тебя. Видишь ли искусство врачей, вмѣстѣ съ здоровьемъ доставляющихъ и деньги? Прибѣгни же къ нимъ, и узнай отъ нихъ свойство своей болѣзни. Такъ, ты любишь деньги, жаждешь богатства, какъ больные горячкою — воды холодной? Послушай, что они совѣтуютъ. Какъ

684

врачъ говоритъ тебѣ: если удовлетворишь свое желаніе, погубишь себя, и то, и то случится съ тобою, такъ и Павелъ: *хотящіи богатитися, впадаютъ въ напасть и сѣти діавола и въ похоти многи несмысленны и вреждающія, яже погружаютъ человѣки во всегубительство и погибель* (1 Тим. vi, 9). Но ты нетерпѣливъ? Слушай же, что говоритъ онъ: *еще мало елико елико, грядый пріидетъ и не укоснитъ* (Евр. x, 37); *Господь близъ, ни о чемже пецытеся* (Филип. iv, 5, 6); и опять: *преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. vii, 31). Этимъ онъ не приказываетъ только, но и утѣшаетъ, подобно врачу. И какъ эти послѣдніе вмѣсто холодной воды придумываютъ дать что-нибудь другое, такъ и Павелъ даетъ другое направленіе желанію. Ты, говоритъ онъ, хочешь обогащаться? Обогащайся добрыми дѣлами. Стремишься собирать сокровища? Не запрещаю; только собирай ихъ на небесахъ. И подобно тому, какъ врачъ говоритъ, что холодная вода вредна для зубовъ, нервовъ, костей, такъ и Павелъ болѣе кратко,—онъ любитъ краткость,—но за то гораздо яснѣе и сильнѣе сказалъ: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (1 Тим. vi, 10). Чѣмъ же должно пользоваться? Онъ говоритъ и объ этомъ: довольствомъ вмѣсто любостяжанія. *Есть же снисканіе веліе,* говоритъ онъ, *благочестіе съ довольствомъ* (1 Тим. vi, 6). Если же ты нетерпѣливъ и жаждешь большаго, и не рѣшаешься оставить всѣ излишества, то и такому больному сказываетъ онъ, какъ нужно ими пользоваться:
685 чтобы *радующіися* о стяжаніи были *якоже не радующеся, и имущіи яко не содержаще, и требующіи міра сего яко не требующе* (1 Кор. vii, 30, 31). Видишь ли, что онъ предписываетъ? Хочешь ли, представлю тебѣ еще и другого врача? Я готовъ. Эти врачи не похожи на врачей тѣлесныхъ, которые взаимными своими спорами часто губятъ больного. Они не таковы. Они заботятся о здоровьѣ больныхъ, а не о собственной славѣ. Итакъ, не бойся, что ихъ много; одинъ во всѣхъ вѣщаетъ Учитель Христосъ.

5. Смотри, вотъ приходитъ еще другой, и рѣзко говоритъ о твоей болѣзни, или лучше, его устами говоритъ самъ Учитель: *не можете Богу работати и мамонѣ* (Матѳ. vi, 24). Скажутъ: пусть такъ; но какъ же это можетъ быть? Какъ намъ отказаться отъ своего желанія? И этому здѣсь можно научиться. Какимъ же образомъ? Слушай, что говоритъ Онъ: *не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлитъ, идѣже татіе подкапываютъ и крадутъ* (Матѳ. vi, 19). Видишь ли, какъ Онъ указаніемъ на мѣсто и истребителей отклоняетъ отъ этой земной страсти и устремляетъ тебя къ небу, гдѣ ничто не истребляется? Если,—какъ бы такъ говоритъ Онъ,—будете собирать богатство тамъ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, гдѣ воры не подкапываютъ и не

крадутъ, то и болѣзнь эту отразите, и душѣ доставите величайшее богатство. Сказавъ это, Онъ представляетъ и примѣръ для вразумленія тебя. И какъ врачъ, устрашая больного, говоритъ: „такой-то, напившись холодной воды, погубилъ себя", такъ и Онъ приводитъ богатаго, который, будучи боленъ и желая жизни и здоровья, не могъ получить этого по страсти къ любостяжанію, но отошелъ ни съ чѣмъ. Затѣмъ другой евангелистъ указываетъ еще на другого богача, горящаго въ пламени и не имѣющаго даже и капли воды (Лук. XVI, 24). Потомъ, показавъ, что эти заповѣди легки, Христосъ сказалъ: *воззрите на птицы небесныя* (Матѳ. VI, 26). Но будучи снисходителенъ, Онъ не дозволяетъ и богатымъ отчаиваться. *Невозможная у человѣкъ*, говоритъ Онъ, *возможна суть у Бога* (Лук. XVIII, 27). Хотя и богатъ ты, но все еще можетъ исцѣлить тебя этотъ Врачъ. Впрочемъ Онъ не запрещаетъ обогащаться, но не велитъ быть рабомъ денегъ и предаваться любостяжанію. Какъ же можно спастись богатому? Все стяжаніе свое дѣлая общимъ для нуждающихся, какъ поступалъ Іовъ, изгоняя изъ души пристрастіе къ большему, и ни въ какомъ случаѣ не преступая предѣловъ необходимаго. Послѣ того представляетъ тебѣ и матыря, который не смотря на то, что былъ одержимъ сильною горячкою любостяжанія, скоро избавился отъ этого недуга (Лук. VI, 27). Кто корыстолюбивѣе мытаря? Но и онъ сдѣлался человѣкомъ нелюбостяжательнымъ, повинуясь предписаніямъ Врача. Таковы были у Него ученики, которые, будучи одержимы такими же, какъ и мы, болѣзнями, скоро выздоравливали. И каждаго изъ нихъ Онъ намъ представляетъ въ примѣръ, чтобы мы не приходили въ отчаяніе. Посмотри на этого мытаря. Обрати еще вниманіе на другого, начальника мытарей: онъ обѣщался раздать вчетверо болѣе противъ всего насильственно имъ пріобрѣтеннаго имѣнія, и половину изъ своего собственнаго, чтобы принять Іисуса (Лук. XIX, 8). Но ты слишкомъ распаленъ страстію къ деньгамъ? Считай принадлежащее всѣмъ какъ бы за свое. Больше нежели ты ищешь, говоритъ Онъ, даю тебѣ, отворяя для тебя домы богатыхъ по вселенной: *иже оставитъ отца, или матерь, или села, или домъ, сторицею пріиметъ* (Матѳ. XIX, 26). Такимъ образомъ не только получишь весьма много, но и совершенно утолишь эту сильную жажду, и будешь переносить все легко, не только не заботясь объ излишнемъ, но часто отказывая себѣ въ необходимомъ. Такъ Павелъ алкалъ, и былъ доволенъ этимъ болѣе, нежели когда ѣлъ (Филип. IV, 11). И подвижникъ, получивъ вѣнецъ за свои подвиги, не рѣшится предаться бездѣйствію и праздности, равно какъ и купецъ, получившій прибыль отъ торговли на морѣ, не

захочетъ уже оставаться въ бездѣйствіи. Такъ и мы, если вкусимъ должнымъ образомъ отъ духовныхъ плодовъ, будемъ почитать уже за ничто все настоящее, увлекаясь какъ бы нѣкоторымъ сладкимъ упоеніемъ—желаніемъ будущаго. Итакъ вкусимъ, чтобы освободиться отъ суеты настоящихъ благъ, и достигнуть будущихъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXV.

685-686 **И изшедъ Іисусъ отъ церкве, идяше. И приступиша къ Нему ученицы Его, показати Ему зданія церковная. Онъ же отвѣщавъ рече имъ: не видите ли сія вся? Аминь глаголю вамъ, не имать остати здѣ камень на камени, иже не разорится (Матѳ. XXIV, 1, 2).**

1. Такъ какъ Христосъ сказалъ: *се оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѳ. XXIII, 38), и еще прежде этого предвозвѣстилъ безчисленныя бѣдствія, то ученики, услышавъ это, съ удивленіемъ приступили къ Нему, указывая на красоту храма и недоумѣвая, неужели будетъ уничтожена такая красота, драгоцѣнное вещество и невыразимое разнообразіе искусства? Христосъ не просто уже говоритъ имъ о запустѣніи, но предсказываетъ совершенное уничтоженіе. *Не видите ли сія вся*, говоритъ Онъ, и не удивляетесь и не ужасаетесь ли? *Не имать остати камень на камени?* Какъ же однако остался, скажешь? И что бы это значило? И это изреченіе въ этомъ случаѣ не осталось безъ исполненія. Спаситель говорилъ это, указывая или на всеобщее запустѣніе, или на запустѣніе того только мѣста, гдѣ Онъ былъ, такъ какъ части храма до основанія разрушены. Притомъ можно сказать и то, что случившіяся происшествія даже самыхъ упорнѣйшихъ должны увѣрить въ совершенномъ уничтоженіи и остатковъ. *Сѣдящу же Ему на горѣ Елеонстѣй, приступиша къ Нему ученицы наединѣ, глаголюще: рцы намъ, когда сія будутъ? И что есть знаменіе Твоего пришествія, и кончина вѣка* (ст. 3)? Они потому приступили наединѣ, что имѣли намѣреніе спросить о столь важныхъ предметахъ. Они нетерпѣливо желали узнать о днѣ Его пришествія, такъ какъ сильно желали видѣть ту славу, которая будетъ причиною безчисленныхъ благъ. И двое изъ нихъ спрашиваютъ Его объ этихъ двухъ предметахъ: *когда сія будутъ*, то есть разрушеніе храма, *и что есть знаменіе Твоего пришествія?* Лука свидѣтельствуетъ, что вопросъ былъ одинъ, и именно о разрушеніи Іерусалима, такъ какъ ученики думали, что тогда будетъ и при-

шествіе Его. А Маркъ говоритъ, что не всѣ они спрашивали о 687
разореніи Іерусалима, но только Петръ и Іоаннъ, какъ имѣвшіе болѣе дерзновенія. Что же сказалъ Господь? *Блюдите, да никтоже васъ прельститъ. Мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ, и многи прельстятъ. Услышати же имате брани и слышанія бранемъ. Зрите, не ужасайтеся: подобаетъ бо всѣмъ симъ быти; но не тогда есть кончина* (ст. 4—6). Такъ какъ ученики слышали о наказаніи, посылаемомъ на Іерусалимъ, какъ о чуждомъ для нихъ, и, думая, что сами они будутъ спокойны, мечтали объ однихъ только благахъ и надѣялись получить ихъ очень скоро, то Спаситель опять предвозвѣщаетъ имъ несчастія, побуждая тѣмъ къ заботливости и сугубой бдительности, — чтобы они не увлеклись обманомъ обольстителей, и не были побѣждены силою бѣдствій, имѣщихъ постигнуть ихъ. Война, говоритъ Онъ, будетъ двоякаго рода: со стороны обольстителей и со стороны враговъ; но первая будетъ гораздо болѣе жестока, потому что откроется при обстоятельствахъ смутныхъ и ужасныхъ, когда люди будутъ находиться въ страхѣ и смущеніи. И въ самомъ дѣлѣ, великое тогда было смятеніе, когда римляне начинали процвѣтать, города были плѣняемы, войска и оружіе находились въ движеніи, и когда многіе всему легко вѣрили. О войнахъ же говоритъ Онъ тѣхъ, которыя имѣли быть въ Іерусалимѣ, а не внѣ его, во всѣхъ мѣстахъ вселенной. Какая нужда была ученикамъ до этихъ послѣднихъ? Притомъ, Онъ ничего бы не сказалъ новаго, если бы говорилъ о бѣдствіяхъ всей вселенной, которыя всегда случаются, потому что и прежде того бывали войны, возмущенія и сраженія. Но Онъ говоритъ здѣсь о войнахъ іудейскихъ, которыя вскорѣ имѣли послѣдовать, такъ какъ іудеевъ безпокоили уже успѣхи римлянъ. А такъ какъ и этого уже довольно было для того, чтобы встревожить ихъ, то Христосъ и предсказываетъ все это. Потомъ въ удостовѣреніе того, что и самъ Онъ возстанетъ противъ іудеевъ, и будетъ воевать противъ нихъ, Онъ говоритъ не объ однѣхъ только битвахъ, но и о пораженіяхъ, гладахъ, язвахъ, и землетрясеніяхъ, которыя Богъ пошлетъ на нихъ, показывая, что Онъ самъ попуститъ быть войнамъ, и что все это случится не просто, какъ прежде обыкновенно бывало у людей, но по гнѣву Божію. Поэтому Онъ и говоритъ, что произойдетъ это не случайно или внезапно, но со знаменіями. А что бы іудеи не говорили, что виновники этихъ золъ увѣровавшіе тогда,—Онъ открылъ имъ и причину наведенія ихъ. *Аминь глаголю вамъ*, сказалъ Онъ выше, *яко пріидутъ вся сія на родъ сей* (Матѳ. XXIII, 36), вспомнивъ о гнусномъ ихъ убійствѣ. Потомъ, для того, чтобы они, слыша о такомъ множествѣ бѣдствій, не

подумали, что предсказаніе не совсѣмъ исполнится, присовокупилъ: *зрите, не ужасайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти*, то есть, всему, что я предсказалъ, и наступленіе искушеній нимало не воспрепятствуетъ исполненію словъ Моихъ. Хотя будутъ возмущенія и смятенія, но они нимало не поколеблютъ Моихъ предсказаній. Далѣе, такъ какъ Христосъ сказалъ іудеямъ: *не имате Мене видѣти отселѣ, дондеже речете: благословенъ грядый во имя Господне* (Матѳ. xxiii, 39), а ученики думали, что вмѣстѣ съ разрушеніемъ Іерусалима будетъ и скончаніе міра, то чтобы исправить и это ихъ мнѣніе, сказалъ: *но не тогда есть кончина*. А что они думали точно такъ, какъ я сказалъ, убѣдись изъ ихъ вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ они спрашивали? *Когда сія будутъ?* То есть, когда будетъ разрушенъ Іерусалимъ? *И что есть знаменіе*
688 *Твоего пришествія и кончина вѣка?* Но Христосъ ничего не отвѣчалъ тотчасъ на этотъ вопросъ, а прежде говоритъ о необходимѣйшемъ, и о томъ, что надлежало узнать прежде. Онъ не сказалъ тотчасъ ни о Іерусалимѣ, ни о второмъ пришествіи Своемъ; но о тѣхъ несчастіяхъ, которыя были при дверяхъ. Поэтому и побуждаетъ учениковъ къ осторожности, говоря: *блюдите, да никтоже васъ прельститъ. Мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ*. Такимъ образомъ, прежде возбудивъ ихъ вниманіе къ слушанію этого (*блюдите*, говоритъ Онъ, *да никтоже васъ прельститъ*), содѣлавъ ихъ заботливыми и бдительными и упомянувъ о лжехристахъ, затѣмъ говоритъ и о бѣдствіяхъ Іерусалима, удостовѣряя на основаніи того, что уже случилось, и въ непреложности будущаго людей безумныхъ и упорныхъ.

2. Войнами и слухами о войнахъ, какъ я и прежде сказалъ, Онъ называетъ смятенія, имѣющія быть у нихъ. Далѣе, такъ какъ— о чемъ я и прежде сказалъ,—ученики думали, что за этою войною послѣдуетъ конецъ, то смотри, какъ Спаситель успокоиваетъ ихъ, говоря: *но не тогда есть кончина. Возстанетъ бо*, говоритъ, *языкъ на языкъ и царство на царство* (ст. 7). Онъ разумѣетъ начало бѣдствій іудеевъ. *Вся же сія начало болѣзнемъ* (ст. 8), то есть, тѣмъ, которыя съ ними случатся. *Тогда предадятъ вы скорби и убіютъ вы* (ст. 9). Благовременно упомянулъ Христосъ ученикамъ объ ихъ собственныхъ бѣдствіяхъ, которыя облегчаются общими несчастіями, и не этимъ только, но и тѣмъ, что присовокупилъ: *имене Моего ради. Будете*, говоритъ Онъ, *ненавидими всѣми имене Моего ради. И тогда соблазнятся мнози, и другъ друга предадятъ. И мнози лжехристи и лжепророцы востанутъ и прельстятъ многія. И за умноженіе беззаконія изсякнетъ любы многихъ. Претерпѣвый же до конца, той спасется* (ст. 10—13). Бѣдствіе это становится тѣмъ больше, когда присоединяется къ нему и междоусобная война: а тогда

много было лжебратій. Видишь ли троякую войну,—именно съ обольстителями, врагами и лжебратьями? Смотри, какъ и Павелъ, то же самое оплакивая, говоритъ: *внѣуду брани, внутрьуду боязни*; и: *бѣды во лжебратіи* (2 Кор. VII, 5); и опять: *таковіи бо лживи апостоли, дѣлатели лстивіи преобразующеся во апостолы Христовы* (2 Кор. XI, 13). Потомъ, что всего хуже, ученики и отъ любви не будутъ получать утѣшенія. Далѣе, показывая, что это нисколько не повредитъ мужественному и терпѣливому, Христосъ говоритъ: не бойтесь и не смущайтесь. Если вы покажете надлежащее терпѣніе, то несчастія не побѣдятъ васъ. Яснымъ доказательствомъ этому служитъ проповѣданіе евангелія по всей вселенной, не смотря ни на какія препятствія: такимъ образомъ вы будете выше несчастій. А чтобы ученики не сказали: какъ же мы будемъ жить? присовокупилъ еще болѣе: будете и жить и учить всюду. Поэтому-то и сказалъ: *и проповѣстся сіе евангеліе по всей вселеннѣй, во свидѣтельство всѣмъ языкомъ, и тогда пріидетъ кончина* (ст. 14)—не міра, а Іерусалима. А что Христосъ говорилъ объ этомъ концѣ, и что евангеліе было проповѣдано прежде взятія Іерусалима, послушай, что говоритъ Павелъ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Рим. X, 18); и опять: *благовѣствованія, проповѣданнаго всей твари поднебеснѣй* (Кол. 1, 23). И 689
ты видишь, какъ скоро онъ перешелъ изъ Іерусалима въ Испанію. Если же одинъ овладѣлъ столь великою частью (вселенной), то размысли, сколько сдѣлали и другіе. И въ другомъ посланіи Павелъ говоритъ о евангеліи, что оно *есть плодоносно и растимо* (Кол. I, 6) во всей твари поднебесной. Но что значитъ: *во свидѣтельство всѣмъ языкомъ?* Такъ какъ евангеліе всюду было проповѣдано, но не всюду увѣровали въ него, Христосъ говоритъ: *во свидѣтельство* будетъ неувѣровавшимъ, то есть, въ обличеніе, въ осужденіе; во свидѣтельство: увѣровавшіе будутъ свидѣтельствовать противъ неувѣровавшихъ, и осудятъ ихъ. Вотъ почему уже послѣ проповѣданія евангелія по всей вселенной разрушается Іерусалимъ чтобы неблагодарные не могли имѣть и тѣни извиненія. Въ самомъ дѣлѣ, какое могутъ имѣть извиненіе люди, видѣвшіе могущество Его, всюду возсіявшее и во мгновеніе протекшее вселенную, если они остались въ той же самой неблагодарности? А что евангеліе всюду было тогда проповѣдано, послушай, что говоритъ Павелъ: *благовѣствованія, проповѣданнаго всей твари поднебеснѣй* (Кол. I, 23). Это и служитъ величайшимъ знаменіемъ силы Христовой, что слово Его достигло предѣловъ вселенной въ теченіе двадцати или тридцати лѣтъ. Итакъ, послѣ этого, говоритъ Христосъ, придетъ конецъ Іерусалима. А что Онъ указываетъ именно на это, видно изъ слѣдующаго. Въ удо-

стовѣреніе разрушенія Іерусалима Онъ привелъ и пророчество, говоря: *егда убо узрите мерзость запустѣнія, реченную Даніиломъ пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святѣ: иже четъ, да разумѣетъ* (ст. 15). Онъ указалъ имъ на Даніила. А мерзостію называетъ статую завоевавшаго тогда городъ, которую онъ, по опустошеніи города и храма, поставилъ внутри храма, почему и называетъ мерзостію запустѣнія. Потомъ, для того, чтобы они знали, что это случится еще при жизни нѣкоторыхъ изъ нихъ, сказалъ: *егда узрите мерзость запустѣнія.*

3. Здѣсь каждый особенно долженъ подивиться силѣ Христовой и мужеству апостоловъ, потому что они проповѣдывали въ такія времена, въ которыя особенно іудеи были угнетаемы войною, когда на іудеевъ обращали особенное вниманіе, какъ на возмутителей, когда кесарь далъ повелѣніе всѣхъ ихъ изгонять. Это подобно тому, какъ если бы кто въ то время, когда море со всѣхъ сторонъ взволновалось, когда мракомъ покрывается весь воздухъ, кораблекрушенія слѣдуютъ за кораблекрушеніями, всѣ плывущіе на кораблѣ возмущаются, чудовища выплываютъ на поверхность моря и, вмѣстѣ съ волнами, пожираютъ плавающихъ, когда блистаютъ молніи, нападаютъ разбойники, и находящіеся на кораблѣ другъ противъ друга злоумышляютъ,— повелѣлъ людямъ неискуснымъ въ плаваніи, и даже невидавшимъ моря, сѣсть на кормѣ, управлять кораблемъ, производить морское сраженіе и съ однимъ малымъ судномъ, при такомъ, какъ я сказалъ, всеобщемъ безпорядкѣ, брать въ плѣнъ и истреблять безчисленный флотъ, идущій противъ нихъ съ великою силою. И дѣйствительно, апостолы и у язычниковъ находились въ ненависти, какъ іудеи, и отъ іудеевъ побиваемы были камнями, какъ противящіеся ихъ законамъ, и нигдѣ не имѣли пристанища. Такимъ образомъ всюду для нихъ были стремнины, скалы и подводные камни: и въ городахъ, и въ селахъ, и въ домахъ, и каждый возставалъ противъ нихъ: и вождь, и начальникъ, и просто-
690 людинъ, и всѣ языки, и всѣ народы, и было такое смятеніе, котораго невозможно выразить словами. Народъ іудейскій былъ весьма ненавистенъ римскому правительству, потому что причинялъ ему безчисленныя безпокойства. Но это нисколько не повредило проповѣди: городъ былъ взятъ, сожженъ и жителей постигли тысячи золъ: а апостолы, происшедшіе изъ этого города, вводили новые законы и обладали римлянами. О, новыя и чудныя дѣла! Римляне взяли тогда въ плѣнъ безчисленныя тысячи іудеевъ, но не побѣдили двѣнадцати мужей, которые просто сражались съ ними безъ всякаго оружія. Какое слово будетъ въ состояніи изобразить такое чудо? Два условія нужно имѣть уча-

щимъ: пользоваться довѣренностію и быть любимыми со стороны учениковъ, а кромѣ того, и самое ученіе должно быть удобопріемлемо, и время свободно отъ смятенія и возмущенія. Въ то же время все было напротивъ. Апостолы, повидимому, не заслуживали довѣрія, а между тѣмъ обольщенныхъ отвлекали отъ такихъ людей, которые почитались достойными довѣрія; они не были любимы, даже были ненавидимы, и между тѣмъ отклоняли отъ любимыхъ вещей, отъ обычаевъ, отъ отечества, отъ законовъ. Ихъ требованія были неудобоисполнимы; а то, отъ чего они отвращали, было весьма пріятно. Какъ сами они, такъ и послѣдователи ихъ подвергались многимъ опасностямъ, многимъ смертямъ; а сверхъ всего этого, и самое время было весьма трудное, исполнено было войнъ, стяженій, возмущенія; такъ что если бы и ничего изъ сказаннаго не было, то оно могло бы все привести въ смятеніе. Прилично здѣсь сказать: *кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Псал. CV, 2)? Если единоплеменники, при всѣхъ знаменіяхъ, не послушали Моисея потому только, что были угнетаемы дѣланіемъ глины и кирпичей, то тѣхъ, которые ежедневно были поражаемы и убиваемы, и которые претерпѣвали несносныя бѣдствія, кто убѣдилъ оставить жизнь спокойную и предпочесть ей жизнь исполненную опасностей, крови и смертей, тогда какъ проповѣдующіе это были иноплеменники, и во всемъ были имъ весьма враждебны? Не говоря уже о племенахъ, городахъ, но если даже кто-нибудь и въ небольшой домъ введетъ такого человѣка, котораго ненавидятъ всѣ живущіе въ немъ, и если чрезъ него будетъ стараться отклонять отъ любимыхъ предметовъ, отъ отца, матери, жены и дѣтей, то не растерзаютъ ли его еще прежде, чѣмъ онъ откроетъ уста? А если въ домѣ будетъ еще ссора и брань между женою и мужемъ, то не побьютъ ли его камнями прежде, нежели онъ ступитъ на порогъ? Если же онъ будетъ еще и достоинъ презрѣнія и станетъ предписывать что-либо трудное, требовать умѣренной жизни отъ людей, преданныхъ удовольствіямъ, и притомъ будетъ дѣйствовать противъ людей, которые гораздо многочисленнѣе и сильнѣе его, то не очевидна ли его совершенная погибель? Но при всемъ томъ, чего не могло быть въ одномъ домѣ, то Христосъ совершилъ во всей вселенной, проведши врачей ея чрезъ стремнины, пещи, утесы, скалы, чрезъ землю и море, обуреваемое войною. Если ты хочешь яснѣе узнать все это, то есть, глады, язвы, землетрясенія и другія плачевныя событія, то прочти объ этомъ исторію Іосифа, и ты все узнаешь подробно. Поэтому самъ Христосъ сказалъ: *не ужасайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти*; и: *претерпѣвый до конца, той спасется*; и: *проповѣстся* 691

сіе еванıеліе во всемъ мірѣ. Такъ какъ ученики, устрашившись Его словъ, пришли въ изнеможеніе и уныніе, то Онъ и укрѣпляетъ ихъ, говоря, что хотя и безчисленныя будутъ препятствія, однако евангеліе должно быть проповѣдано по всей вселенной, и *тогда пріидетъ кончина*.

4. Видишь ли, въ какомъ состояніи находились тогда дѣла, и какъ многоразлична была война? И это вначалѣ, когда во всякомъ дѣлѣ особенно требуется великое спокойствіе. Въ какомъ же состояніи они находились? Ничто не препятствуетъ опять повторить то же самое. Первая брань была со стороны обольстителей: *пріидутъ*, сказано, *лжехристи и лжепророцы;* вторая—со стороны римлянъ: *услышати бо имать брани;* третья производила *глады*; четвертая—*пагубы и трусы*; пятая — *предадятъ вы на смерть;* шестая—*будете ненавидими всѣми*; седьмая — другъ друга *предадятъ и возненавидятъ*: здѣсь означается междоусобная брань. Потомъ лжехристы и лжебратія; наконецъ *изсякнетъ любы*, что и будетъ причиною всѣхъ золъ. Видишь ли безчисленные роды браней, новые и необычайные? Но даже и при этихъ и другихъ гораздо большихъ браняхъ (къ междоусобной брани присоединялась еще брань между родными) проповѣдь евангельская возобладала надъ всею вселенною: *проповѣстся бо*, говоритъ Онъ, *евангеліе во* всемъ мірѣ. Итакъ, гдѣ тѣ, которые владычество природы и круговращеніе временъ противопоставляютъ ученію Церкви? Помнитъ ли кто-нибудь изъ нихъ, чтобы явился когда-нибудь другой Христосъ, чтобы случилось подобное происшествіе? И хотя они и разсказываютъ о другихъ басняхъ, что, например, будто бы прошло уже сто тысячъ лѣтъ, но здѣсь ничего подобнаго выдумать не могутъ. Итакъ, о какомъ вы скажете круговращеніи? Ни Содома, ни Гоморры, ни потопа въ другой разъ не было. До какихъ поръ вамъ издѣваться и говорить о превращеніи и возникновеніи? Какъ же, скажешь ты, сбывается многое изъ того, что предсказываютъ? Такъ какъ ты самъ себя лишилъ помощи Божіей, пренебрегъ ее и поставилъ себя внѣ промысла, то діаволъ, по своей волѣ, управляетъ и располагаетъ твоими дѣлами. Но онъ не дѣлаетъ этого со святыми, ни даже съ нами грѣшными, которые весьма презираемъ эти предсказанія. Хотя жизнь наша и худа, но такъ какъ мы по благодати Божіей весьма твердо держимся догматовъ истины, то и возвышаемся надъ кознями діавольскими. Что же, въ самомъ дѣлѣ, значитъ гаданіе по свѣтиламъ? Не что иное, какъ ложь и запутанность, по которымъ все происходитъ наудачу, и не только наудачу, но и безразсудно. Но ты скажешь: если свѣтила не имѣютъ вліянія на судьбу человѣка, то почему тотъ богатъ, а другой бѣденъ?

Не знаю; до времени я такъ буду разсуждать съ тобою, чтобы научить тебя, чтобы ты не слишкомъ все испытывалъ, и потому не думалъ, что все происходитъ наудачу и случайно. Потому, что ты не понимаешь этого, ты не долженъ измышлять того, чего нѣтъ. Доброе невѣдѣніе лучше худого знанія. Кто не знаетъ причины, тотъ скоро можетъ дойти до истинной причины; а кто, не познавши истинной причины, вымышляетъ ложную, тотъ не легко можетъ принять истинную; но много требуется отъ него труда и пота для того, чтобы уничтожить прежнее. На чистомъ 692
пергаментѣ всякій удобно можетъ писать, что̀ ему угодно, а на исписанномъ не такъ: прежде надобно стереть то, что худо написано. И между врачами тотъ, который ничего не дѣлаетъ, гораздо лучше того, который дѣлаетъ вредъ; и тотъ, кто непрочно строитъ, хуже того, который совершенно ничего не строитъ, равно какъ и земля, на которой нѣтъ ничего, гораздо лучше той, которая имѣетъ терніе. Итакъ, не будемъ спѣшить узнать все, но будемъ терпѣть, если чего и не знаемъ, чтобы, когда найдемъ учителя, не причинить ему сугубаго труда. Напротивъ, многіе часто оставались даже въ неисцѣльной болѣзни, послѣ того какъ по простотѣ своей приняли худое ученіе. Дѣйствительно, не одинаково трудно исторгать то, что прежде пустило худые корни, и—сѣять и насаждать на чистомъ полѣ. Тамъ надобно исторгнуть прежнее, и потомъ уже посѣять другое, а здѣсь—открытые только уши. Отчего же, однако, иной богатъ? Теперь уже я скажу. Одни пріобрѣли богатство по Божію благодѣянію; другіе же по попущенію Божію. Вотъ краткая и простая причина. Почему же, скажешь ты, Онъ дѣлаетъ богатымъ блудника, прелюбодѣя, сладострастника, и того, который злоупотребляетъ своимъ имѣніемъ? Онъ не дѣлаетъ богатымъ, но только попускаетъ быть богатымъ; а между дѣланіемъ и попущеніемъ великое, даже безконечное, различіе. Почему же, однако, Онъ попускаетъ? Потому, что не пришло еще время суда, чтобы каждый получилъ достойное. Что хуже того богача, который не давалъ даже и крохъ Лазарю? Но онъ сдѣлался всѣхъ несчастнѣе, не могъ имѣть и капли воды, особенно за то, что при своемъ богатствѣ былъ безчеловѣченъ. Если два нечестивца имѣли здѣсь не одинаковую участь, но одинъ изъ нихъ былъ богатъ, а другой бѣденъ, то они и тамъ не равно будутъ наказаны, но который болѣе богатъ, будетъ наказанъ болѣе жестоко.

5. Итакъ, видишь ли, что и этотъ богачъ претерпѣваетъ жесточайшія мученія, потому что благоденствовалъ въ этой жизни? Поэтому и ты, если увидишь, что неправедно пріобрѣ-

тающій богатство благоденствуетъ, вздохни и пролей слезы: богатство это увеличитъ его наказаніе. Какъ тѣ, которые много грѣшатъ и не хотятъ покаяться, собираютъ себѣ сокровище гнѣва (Рим. II, 5), такъ и тѣ, которые здѣсь не наказываются, а наслаждаются счастіемъ, подвергнутся большему наказанію. И это, если угодно, я докажу тебѣ примѣромъ не только изъ будущей, но и изъ настоящей жизни. Такъ блаженный Давидъ, когда содѣлалъ извѣстный грѣхъ съ Вирсавіею и былъ обличаемъ пророкомъ, за то особенно весьма жестоко былъ обвиняемъ, что совершилъ такое преступленіе, не смотря на то, что пользовался полною безопасностью. Послушай, какъ Богъ за это особенно укоряетъ его: „не Я ли помазалъ тебя въ царя, и освободилъ изъ руки Сауловой, и далъ тебѣ все имѣніе господина твоего, и весь домъ Израилевъ и Іудинъ? И если мало было тебѣ этого, Я еще къ этому приложилъ бы тебѣ. И для чего ты сотворилъ лукавое предо Мною" (2 Цар. XII, 7—9)? Не всѣ грѣхи одинаково наказываются, но есть многія и различныя наказанія, смотря по времени, по лицамъ, по достоинствамъ, по степени разумѣнія, и по многимъ другимъ обстоятельствамъ. Чтобы яснѣе были слова мои, укажемъ здѣсь на одинъ грѣхъ—блудъ; и смотри, сколь многоразличныя наказанія представлю я, не отъ себя самого,
698 но изъ божественныхъ Писаній. Кто любодѣйствовалъ прежде закона,—иначе наказывается. Это показываетъ Павелъ: *елицы бо беззаконно согрѣшиша, беззаконно и погибнутъ* (Римлян. II, 12). Кто любодѣйствовалъ послѣ закона, тотъ потерпитъ болѣе жестокое наказаніе: *елицы бо въ законѣ согрѣшиша*, говоритъ Онъ, *закономъ судъ пріимутъ*. Кто сдѣлалъ блудъ, будучи священникомъ, тотъ соотвѣтственно своему сану получаетъ величайшее и усиленное наказаніе. Вотъ почему другія дѣвы за любодѣяніе были убиваемы, а дочери священниковъ сожигались, чѣмъ законодатель весьма ясно показываетъ, какая казнь угрожаетъ самому священнику за подобный грѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если дочь подвергается большему наказанію потому, что она дочь священника, то гораздо болѣе самъ священникъ. Если какая-либо женщина сдѣлала блудъ по принужденію, то она свободна отъ наказанія. Если сдѣлала блудъ женщина богатая и женщина бѣдная, то и здѣсь опять различіе. Это открывается изъ того, что мы выше сказали о Давидѣ. Любодѣйствовалъ ли кто по пришествіи Христовомъ и умеретъ, не принявъ крещенія,—подвергнется болѣе жестокому наказанію, чѣмъ всѣ прежде упомянутые. Сдѣлалъ ли кто блудъ послѣ омытія божественнымъ крещеніемъ,—здѣсь уже не остается никакого утѣшенія во грѣхѣ. И показывая именно это, Павелъ сказалъ: *отверися кто закона Моисеова, безъ милосердія*

при двоихъ или тріехъ свидѣтелехъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнивъ, и Духа благодати укорившій (Евр. x, 28, 29)? Если сдѣлалъ блудъ какой-либо священникъ нынѣ, это особенно уже верхъ всѣхъ золъ. Видишь ли, сколько различій у одного и того же грѣха? Иное—грѣхъ совершенный прежде закона, иное—послѣ закона, иное—сдѣланный священникомъ, иное—богатою и бѣдною женщиною, иное—грѣхъ учиненный оглашенною и вѣрною, иное—женщиною изъ рода священническаго. Также великое различіе происходитъ и отъ разумѣнія: *вѣдѣвый волю господина своего и не сотворивъ, біенъ будетъ много* (Матѳ. xii, 47). И грѣхъ, содѣланный послѣ такихъ и столь многихъ примѣровъ, получаетъ большее наказаніе. Поэтому Христосъ сказалъ: *вы же и видѣвше не раскаястеся послѣ* (Матѳ. xxi, 32), хотя и много были врачуемы. 694
Въ томъ же укоряетъ Онъ и Іерусалимъ, говоря: *колькраты восхотѣхъ собрати чади* ваши, *и не восхотѣсте* (Лук. xiii, 34)? Относительно тѣхъ, которые грѣшатъ, живя въ роскоши, ты имѣешь примѣръ въ исторіи о богачѣ и Лазарѣ. Увеличивается еще тяжесть грѣха и отъ мѣста, па что самъ Христосъ указываетъ, говоря: *между церковію и олтаремъ* (Матѳ. xxiii, 35), и отъ качества самыхъ преступленій: *не дивно*, сказано, *аще кто ятъ будетъ крадый* (Притч. vi, 30); и опять: *заклала еси сыны твоя и дщери твоя, сіе паче всякаго блуда твоего и гнусностей твоихъ* (Іезек. xvi, 20, 22). Также и отъ лицъ: *аще согрѣшая согрѣшитъ кто-либо предъ человѣкомъ, помолятся о немъ; аще же согрѣшитъ предъ Богомъ, кто помолится о немъ* (1 Цар. ii, 25)? Подобнымъ образомъ, если кто превосходитъ своею безпечностію самыхъ худшихъ людей, что Богъ порицаетъ и у Іезекіиля такимъ образомъ: *ниже по судомъ языческимъ ты сотворилъ* (Іезек. v, 7); и когда кто-либо не исправляется даже примѣрами другихъ: видѣла, сказано, сестру свою и оправдала ее (Іезек. xvi, 57); когда кто пользуется особеннымъ промышленіемъ: *аще бо въ Тирѣ*, говоритъ Онъ, *и Сидонѣ быша силы были бывшія въ васъ, древле убо покаялися быша. Тиру и Сидону отраднѣе будетъ, неже граду сему* (Матѳ. xi, 21, 22). Видишь ли совершенную точность и то, что не всѣ за одни и тѣ же грѣхи получаютъ равное наказаніе? И мы, если не воспользуемся долготерпѣніемъ Божіимъ, подвергнемся большему наказанію. Это показываетъ и Павелъ, говоря: *по жестокости твоей и непокаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ* (Рим. ii, 5). Итакъ, зная это, не будемъ соблазняться и смущаться никакими случаями жизни, не будемъ обуреваться помыслами; но, предаваясь непостижимому божественному промыслу, будемъ стараться о добродѣтели и избѣгать грѣха, чтобы

получить будущія блага благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXVI.

693-694 **Тогда сущіи во Іудеи да бѣжатъ на горы. И иже на кровѣ, да не сходитъ взяти, яже въ дому его. И иже на селѣ, да не возвратится вспять взяти ризъ своихъ, и проч. (Матѳ. xxiv, 16—18).**

1. Сказавши о бѣдствіяхъ, имѣющихъ постигнуть городъ, объ искушеніяхъ апостоловъ и о томъ, что они будутъ непобѣдимы, и пройдутъ всю вселенную, Спаситель опять говоритъ о бѣдствіяхъ іудеевъ, показывая, что когда апостолы, научивши всю вселенную, прославятся, тогда іудеи подвергнутся бѣдствіямъ. Но смотри, какъ Онъ говоритъ о войнѣ, представляя жестокость ея въ словахъ, повидимому, маловажныхъ. *Тогда*, говоритъ Онъ, *сущіи во Іудеи да бѣжатъ на горы. Тогда*: когда же? *Когда случится все это, когда мерзость запустѣнія станетъ на мѣстѣ святѣ*. Изъ этого я заключаю, что Онъ говоритъ о войскахъ. Тогда бѣгите, говоритъ: вамъ не будетъ уже никакой надежды на спасеніе. А такъ какъ часто случалось, что іудеи, во время жестокихъ войнъ, опять укрѣплялись, какъ, напримѣръ, при Сеннахиримѣ и Антіохѣ (когда, хотя войска напали на городъ и храмъ былъ взятъ, но Маккавеи, устремившись противъ враговъ, дали обратное направленіе дѣламъ), то, чтобы и теперь не ожидали какой-либо подобной перемѣны, Онъ отнимаетъ у нихъ всякую надежду. Хорошо, говоритъ, если кто спасется хотя съ нагимъ тѣломъ. Поэтому и находящимся на кровлѣ не позволяетъ войти въ домъ, чтобы взять одежды,—показывая неизбѣжность золъ и чрезмѣрно великое несчастіе, и то, что впадшій въ него необходимо долженъ погибнуть. По этой же причинѣ прибавляетъ, что и находящійся на полѣ да не возвратится взяти ризъ своихъ. Если и находящіеся въ домѣ бѣгутъ изъ него, то тѣмъ болѣе не должно возвращаться тѣмъ, которые внѣ его. *Горе же непраздным и доящим* (ст. 19),—первымъ потому, что онѣ, будучи отягощаемы беременностію, по причинѣ слабости, не смогутъ удобно бѣжать; а послѣднимъ потому, что онѣ, будучи связаны узами состраданія къ дѣтямъ, не смогутъ спасти съ собою питающихся грудью. Деньги легко и пренебречь, и сохранить, равно какъ и одежду; но того, съ чѣмъ связываетъ

человѣка природа, какъ можетъ кто-либо избѣжать? Какъ можетъ быть легкою беременная женщина? Какъ можетъ кормящая грудью презрѣть дитя свое? Далѣе, опять показывая величину бѣдствія, говоритъ: *молитеся же, да не будетъ бѣгство ваше въ зимѣ, ни въ субботу. Будетъ бо тогда скорбь велія, яковаже не была отъ* 695
начала міра досель, ниже имать быти (ст. 20—21). Видишь ли, что Онъ говоритъ іудеямъ, и разсуждаетъ о бѣдствіяхъ, имѣющихъ постигнуть ихъ? Апостолы не соблюдали субботы, и не были въ Іерусалимѣ въ то время, когда Веспасіанъ сдѣлалъ это, такъ какъ большинство изъ нихъ еще прежде этого скончались, если же кто оставался въ живыхъ, тотъ жилъ тогда въ другихъ частяхъ вселенной. Но почему ни *въ зимѣ, ни въ субботу*? Зимою,—по причинѣ трудности времени; въ субботу,—по требованію закона. Бѣгство было необходимо, и бѣгство скорѣйшее; а іудеи въ то время не смѣли бѣжать въ субботу изъ уваженія къ закону, зимою же бѣжать было неудобно: поэтому Христосъ и говоритъ: *молитеся. Будетъ бо тогда скорбь, яковаже не была, ниже имать быти.* Да не подумаетъ кто-либо, что это сказано преувеличенно; пусть прочитаетъ сочиненія Іосифа, и узнаетъ истину этихъ словъ. Никто не можетъ сказать того, что Іосифъ, какъ вѣрующій, увеличилъ изображеніе этихъ бѣдствій для того, чтобы подтвердить сказанное; онъ былъ іудей, и іудей весьма строгій, ревнитель и изъ числа тѣхъ, которые жили по пришествіи Христовомъ. Что же онъ говоритъ? То, что эти бѣдствія превзошли всякое описаніе бѣдствій, и подобной войны никогда не случалось съ какимъ-нибудь народомъ. Такой, по словамъ его, былъ голодъ, что сами матери съ жадностью ѣли дѣтей и возникала изъ-за этого между ними ожесточенная борьба, а у многихъ даже мертвыхъ растерзываемы были чрева. Я охотно спросилъ бы теперь іудеевъ: за что излился на нихъ столь великій и нестерпимый гнѣвъ Божій, который превышаетъ всѣ бѣдствія, доселѣ бывшія не только въ Іудеѣ, но и во всей вселенной? Не очевидно ли—за то, что дерзнули распять Христа, и вслѣдствіе Его предсказанія? Всѣ могутъ подтвердить это, а вмѣстѣ со всѣми и прежде всѣхъ—истина событій. Замѣть же чрезвычайность бѣдствій, когда они, по сравненію съ бѣдствіями, не только бывшими доселѣ, но и имѣющими быть во все послѣдующее время, являются лютѣйшими изъ всѣхъ. Дѣйствительно никто не можетъ указать подобныхъ бѣдствій ни во всей вселенной, ни во все время, какъ прошедшее, такъ и будущее. И это справедливо. Никто изъ людей, бывшихъ прежде или послѣ этого, не дерзалъ на злодѣяніе столь беззаконное и ужасное. Поэтому Христосъ и говоритъ: *будетъ скорбь, яковаже не была,*

ниже имать быти. И аще не быша прекратилися дніе оны, не бы убо спаслася всяка плоть: избранныхъ же ради прекратятся дніе оны (ст. 22). Этимъ Онъ показываетъ, что іудеи заслужили еще большее наказаніе, чѣмъ это, а подъ днями разумѣетъ дни войны и осады. Итакъ, смыслъ словъ Его слѣдующій: если бы долѣе продолжалась война римлянъ противъ города, то погибли бы всѣ іудеи (подъ всякою плотію Онъ разумѣетъ здѣсь іудеевъ), находящіеся какъ внѣ, такъ и внутри города. Не только воевали противъ тѣхъ, которые были въ Іудеѣ, но и изгоняли и преслѣдовали разсѣянныхъ всюду по причинѣ ненависти къ нимъ.

2. О какихъ же избранныхъ говоритъ здѣсь Христосъ? О вѣрующихъ, находившихся среди іудеевъ. Чтобы іудеи не сказали, что бѣдствія эти случились по причинѣ проповѣди евангельской и поклоненія Христу, Онъ показываетъ, что вѣрующіе не только не будутъ причиною этихъ золъ для нихъ, но напротивъ, если бы ихъ не было, то всѣ они совершенно бы погибли. Если бы Богъ попустилъ продолжиться войнѣ, то не сохранился бы остатокъ іудеевъ; но чтобы вмѣстѣ съ невѣрую-
696 щими іудеями не погибли вѣрующіе изъ нихъ, Онъ скоро прекратилъ брань и положилъ конецъ войнѣ. Поэтому-то Христосъ говоритъ: *избранныхъ же ради прекратятся дніе оны.* Это сказалъ Онъ и для того, чтобы утѣшить вѣрующихъ, находившихся среди іудеевъ, и успокоить ихъ, чтобъ они не боялись, какъ имѣющіе погибнуть вмѣстѣ съ ними. Если же здѣсь столь велико промышленіе Божіе о вѣрующихъ, что ради нихъ и другіе спасаются, и остатки невѣрующихъ іудеевъ сохраняются ради христіанъ, то какая честь ожидаетъ ихъ во время раздаянія вѣнцовъ? Этими словами Христосъ и утѣшалъ вѣрующихъ, чтобы они не скорбѣли въ собственныхъ опасностяхъ, такъ какъ и невѣрующіе претерпѣваютъ такія же бѣдствія, и притомъ безъ всякой пользы, даже съ потерею своей жизни. И не только утѣшалъ ихъ, но еще тайнымъ и непримѣтнымъ образомъ отвлекалъ отъ іудейскихъ обычаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если перемѣны на лучшее уже не будетъ и храмъ не будетъ существовать, то очевидно, что и законъ упразднится. Впрочемъ ясно Онъ не сказалъ этого, но намекнулъ на это, говоря о совершенной погибели іудеевъ. Ясно же не сказалъ для того, чтобы не поразить учениковъ прежде времени. Поэтому не сказалъ Онъ объ этомъ и съ самаго начала; но, напередъ оплакавши городъ, заставилъ ихъ показать Себѣ камни и предложить вопросъ, чтобы въ видѣ отвѣта на вопросъ предвозвѣстить имъ все будущее. Замѣть премудрое распоряженіе Духа въ томъ, что Іоаннъ ничего не писалъ объ этомъ, чтобы не показалось, что онъ пишетъ на

основаніи самаго повѣствованія о происшествіяхъ (а онъ долгое время жилъ еще послѣ разрушенія Іерусалима); но пишутъ объ этомъ тѣ, которые умерли прежде этого разрушенія, и не видали ни одного изъ этихъ событій, такъ что отвсюду сіяетъ сила пророчества.

Тогда аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, или ондѣ, не имите вѣры. Востанутъ бо лжехристи и лжепророцы, и дадятъ знаменія и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя. Се прежде рѣхъ вамъ. Аще убо рекутъ вамъ: се въ пустыни есть, не изыдите: се въ сокровищахъ, не имите вѣры. Якоже бо молнія исходитъ отъ востокъ, и является до западъ: тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго. Идѣже бо аще будетъ трупъ, тамо соберутся и орли (ст. 23—28). Кончивъ предсказаніе о Іерусалимѣ, Христосъ переходитъ уже къ Своему пришествію и говоритъ ученикамъ о знаменіяхъ, полезныхъ не только для нихъ, но и для насъ, и для всѣхъ, которые будутъ послѣ насъ. *Тогда:* когда же? Здѣсь слово: *тогда,* какъ я часто говорилъ, не означаетъ послѣдовательнаго порядка времени въ вышеупомянутыхъ событіяхъ. Когда Христосъ хотѣлъ показать порядокъ ввемени, то сказалъ: *абіе по скорби дній тѣхъ* (Матѳ. XXIV, 29). Здѣсь же не такъ, но употребляетъ слово: *тогда,* указывая этимъ не на то, что будетъ тотчасъ послѣ этого, а на то, что будетъ въ то время, когда должны совершиться событія, о которыхъ Онъ хотѣлъ сказать. Такъ, когда и евангелистъ говоритъ: *во дни оны пріиде Іоаннъ Креститель* (Матѳ. III, 1), то говоритъ не о томъ времени, которое тотчасъ послѣдовало, но о томъ, которое было спустя много лѣтъ, и въ которое происходило то, о чемъ онъ намѣренъ былъ сказать. Сказавши о рождествѣ Іисуса, пришествіи волхвовъ и смерти Ирода, онъ тотчасъ говоритъ: *во дни оны пріиде Іоаннъ Креститель,* хотя тридцать лѣтъ протекло между этими событіями. Въ Писаніи обыкновенно употребляется этотъ образъ повѣствованія. Такъ и здѣсь, опустивши весь промежутокъ времени отъ разрушенія Іерусалима до начала кончины міра, Христосъ говоритъ о времени, имѣющемъ быть не задолго предъ кончиною міра. *Тогда,* говоритъ, *аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, или ондѣ,* 697
не имите вѣры. Говоря о признакахъ второго Своего пришествія и чудесахъ обольстителей, Онъ въ то же время предостерегаетъ учениковъ касательно мѣста. Не такъ Онъ явится тогда, какъ въ первое Свое пришествіе, явился въ Виѳлеемѣ, въ маломъ углу вселенной, и когда сначала никто не зналъ о томъ; но открыто и со всею славою, такъ что не нужно будетъ кому-нибудь возвѣщать объ этомъ. Это служитъ не малымъ признакомъ того, что Онъ придетъ не тайно. Замѣть же, что Онъ здѣсь ничего не го-

ворить о войнѣ,—Онъ отличаетъ предсказаніе о пришествіи Своемъ отъ предыдущаго,—но говоритъ о тѣхъ, которые будутъ стараться прельщать. Одни изъ нихъ, бывшіе при апостолахъ, многихъ прельстили: *пріидутъ бо*, говоритъ, *и многихъ прельстятъ;* а другіе, которые явятся предъ вторымъ пришествіемъ Его, еще хуже будутъ первыхъ: *дадятъ бо*, говоритъ, *знаменія и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя*. Здѣсь Онъ разумѣетъ и антихриста, и тѣхъ, которые будутъ служить ему. О немъ и Павелъ говоритъ такимъ же образомъ. Назвавъ его *человѣкомъ беззаконія и сыномъ погибели*, присовокупилъ: *егоже есть пришествіе по дѣйству сатанину во всякой силѣ и знаменіяхъ и чудесѣхъ ложныхъ, и во всякой лести неправды въ погибающихъ* (2 Сол. II, 3, 9, 10). Смотри же, какъ Христосъ предостерегаетъ. *Не изыдите*, говоритъ, въ пустыню, не входите во внутреннія комнаты. Не сказалъ: отойдите и не вѣруйте; но: *не изыдите и не входите*. Великій будетъ тогда обманъ, по причинѣ обольстительныхъ знаменій.

3. Сказавши, какимъ образомъ придетъ антихристъ, то есть, въ извѣстномъ мѣстѣ, Христосъ говоритъ, какимъ образомъ и Самъ придетъ. Какимъ же образомъ Онъ придетъ? *Якоже молнія исходитъ отъ востокъ, и является до западъ: тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго. Идѣже бо аще будетъ трупъ, тамо и орли* (ст. 27 и 28). А какъ блистаетъ молнія? Она не требуетъ вѣстника, не требуетъ проповѣдника, но въ одно мгновеніе является во всей вселенной, и тѣмъ, которые сидятъ въ домахъ, и тѣмъ, которые находятся во внутреннихъ комнатахъ дома. Таково же будетъ и пришествіе Христово, которое вдругъ явится вездѣ по причинѣ сіянія славы. Далѣе Христосъ говоритъ о другомъ знаменіи: *идѣже трупъ, тамо и орли*, показывая этимъ на множество ангеловъ, мучениковъ и всѣхъ святыхъ. Потомъ говоритъ о страшныхъ чудесахъ. Какія же это чудеса? *Абіе по скорби дній тѣхъ*, говоритъ, *солнце померкнетъ* (ст. 29). О какой скорби дней говоритъ Онъ? О скорби дней антихриста и лжепророковъ. Подлинно, великая тогда будетъ скорбь когда столь много будетъ обольстителей. Впрочемъ она не долго продолжится. Если и іудейская война ради избранныхъ была сокращена, то тѣмъ болѣе сократится это искушеніе ради нихъ же. Поэтому-то Христосъ не сказалъ: послѣ скорби, но—*абіе по скорби дній тѣхъ солнце померкнетъ*,—потому что все это случится почти одновременно. Лжепророки и лжехристы, явившись, произведутъ возмущеніе, и тотчасъ придетъ самъ Христосъ. Немалое смятеніе будетъ тогда обладать вселенною. Какъ же придетъ Онъ? Такъ, что преобразится уже эта тварь. *Солнце померкнетъ*, будучи не уничтожаемо, но побѣждаемо свѣтомъ пришествія Его; *и звѣзды*

спадутъ, потому что какая въ нихъ будетъ уже нужда, когда не будетъ ночи? *И силы небесныя подвигнутся*: и очень справедливо,— 698
видя столь великую перемѣну. Если онѣ столь ужаснулись и удивились, когда сотворены были звѣзды (*егда сотворены быша звѣзды*, говоритъ Господь, *восхвалиша Мя гласомъ веліимъ вси Ангели*,— Іов. xxxviii, 7), то какъ имъ не ужаснуться и не поколебаться гораздо болѣе, когда увидятъ, что все преобразуется, сослужители ихъ подвергаются наказанію, вся вселенная предстоитъ страшному судилищу, и всѣ, отъ Адама до пришествія Христова существовавшіе, должны дать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ?

Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси (ст. 30).—то есть, крестъ, который свѣтлѣе солнца,—такъ какъ солнце помрачается и скрывается, а крестъ является; онъ не явился бы, если бы не былъ гораздо свѣтлѣе солнечныхъ лучей. Но для чего является это знаменіе? Для того, чтобы совершенно посрамить безстыдство іудеевъ. Христосъ придетъ на этотъ судъ, имѣя величайшее оправданіе—крестъ, показывая не только раны, но и постыдную смерть. *Тогда восплачутся колѣна:* не будетъ нужды въ обличеніи послѣ того, какъ они увидятъ крестъ; и они восплачутъ, такъ какъ не получили никакой пользы отъ смерти Его, и распяли Того, Которому должны были покланяться. Видишь ли, сколь страшнымъ представилъ Христосъ Свое пришествіе? Какъ ободрилъ сердца учениковъ? Для того Онъ сперва и представляетъ печальныя знаменія, а потомъ радостныя, чтобы такимъ образомъ утѣшить и успокоить ихъ. Снова напоминая имъ о страданіи и воскресеніи, Онъ представляетъ крестъ въ блистательнѣйшемъ образѣ, чтобы они не стыдились и не скорбѣли, такъ какъ Онъ придетъ полагая его вмѣсто знаменія. Въ другомъ же мѣстѣ Писанія говорится: *воззрятъ нань, Егоже прободоша* (Зах. xii, 10). Поэтому-то восплачутся племена, увидѣвши Того самаго, Котораго они пронзили. Напомнивъ о крестѣ, Христосъ присовокупилъ: *узрятъ Сына человѣческаго, грядуща* не на крестѣ, но *на облацѣхъ небесныхъ, съ силою и славою многою* (ст. 30). Услышавъ о крестѣ, ты опять не представляй чего-либо печальнаго: Христосъ придетъ съ силою и славою многою. Крестъ же приноситъ для того, чтобы грѣхъ іудеевъ самъ собою осудился, подобно тому, какъ если бы кто-нибудь, будучи пораженъ камнемъ, сталъ показывать самый камень, или окровавленныя одежды. Придетъ на облакѣ, подобно тому, какъ и вознесся: и видя это, *восплачутся* племена. Впрочемъ бѣдствія ихъ не ограничатся однимъ плачемъ, но плачъ этотъ будетъ для того, чтобы они сами надъ собою произнесли приговоръ и осудили

самихъ себя. Въ то же время еще *послетъ ангелы своя съ трубнымъ гласомъ веліимъ: и соберутъ избранныя отъ четырехъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ* (ст. 31). Когда ты услышишь это, представь себѣ мученіе тѣхъ, которые останутся. Они понесутъ не только то наказаніе, но и это. И, какъ выше говорилъ Христосъ, что воскликнутъ: *благословенъ грядый во имя Господне* (Матѳ. XXIII, 39), такъ и здѣсь говоритъ, что *восплачутся*. Раньше Христосъ сказалъ имъ о жестокихъ браняхъ; но чтобы они знали, что за бѣдствіями настоящей жизни ожидаютъ ихъ мученія и въ будущей, то представляетъ ихъ и плачущими, и отлучаемыми отъ избранныхъ, и предаваемыми гееннѣ; и этимъ опять ободряетъ
699 учениковъ Своихъ, и показываетъ, отъ какихъ золъ они освободятся, и какими будутъ наслаждаться благами.

4. Но для чего Христосъ чрезъ ангеловъ будетъ призывать избранныхъ, если Онъ придетъ такъ явно? Для того, чтобы и этимъ почтить ихъ. Павелъ говоритъ, что они будутъ восхищены на облакахъ. Разсуждая о воскресеніи, онъ сказалъ и это. *Самъ бо Господь*, говоритъ онъ, *съ повелѣніи, во гласѣ архангеловѣ снидетъ съ небесе* (1 Солун. IV, 16). Итакъ, ангелы соберутъ воскресшихъ, а облака восхитятъ собранныхъ, и все это произойдетъ въ кратчайшее время, во мгновеніе. Господь будетъ призывать ихъ не пребывая на высотѣ, но самъ придетъ съ трубнымъ гласомъ. Для чего же будутъ трубы и гласъ? Для возбужденія, для радости, для представленія ужасныхъ событій, для мученія тѣхъ, которые оставляются. Горе намъ отъ этого страшнаго дня! Надлежало бы намъ радоваться, когда мы слышимъ это, но мы скорбимъ, сѣтуемъ и печалимся. Или я одинъ испытываю такое чувство, а вы радуетесь, слыша это? На меня находитъ нѣкоторый ужасъ, когда говорятъ объ этомъ, и я горько плачу и воздыхаю изъ глубины сердца. Впрочемъ не это смущаетъ меня, но то, что вслѣдъ за тѣмъ сказано о дѣвахъ, о скрывшемъ въ землѣ полученный талантъ, о лукавомъ рабѣ. Поэтому-то я плачу, представляя, какой мы лишимся славы, какой надежды благъ, и притомъ совершенно и навсегда, если хотя мало не позаботимся. Если бы и великъ былъ трудъ и тяжекъ законъ, то и въ такомъ случаѣ надлежало бы все исполнять. Хотя многіе изъ нерадивыхъ и думали имѣть нѣкоторое извиненіе,—извиненіе правда безполезное, впрочемъ думали имѣть,—указывая на чрезмѣрную тяжесть заповѣдей, на великій трудъ, на безконечное время и невыносимое бремя, но теперь ничего подобнаго мы не можемъ представить въ оправданіе; и это особенно будетъ терзать насъ въ то время не менѣе геенны, когда мы за краткое мгновеніе за пренебреженіе ничтожнаго усилія, потеряемъ небо и неизре-

ченныя блага. Поистинѣ и время кратко, и трудъ малъ; а между
тѣмъ мы разслаблены и унылы. На землѣ подвизаешься, а на
небесахъ вѣнецъ; отъ людей принимаешь мученія, а отъ Бога получаешь
честь; два дня бѣжишь, а на безконечные вѣка награда;
въ тлѣнномъ тѣлѣ борьба, а въ нетлѣнномъ честь. А сверхъ этого,
должно еще представлять и то, что хотя бы мы и не рѣшились потерпѣть
для Христа нѣкоторыя скорби, все же совершенно необходимо
будетъ потерпѣть ихъ, только инымъ образомъ. Если ты и
не умрешь за Христа, то не будешь же безсмертенъ; если и не отвергнешь
для Христа богатство, то не возьмешь его съ собою по смерти.
Онъ требуетъ отъ тебя того, чтó и безъ требованія ты отдашь,
потому что ты смертенъ. Онъ желаетъ, чтобы ты добровольно
сдѣлалъ то, чтó долженъ будешь сдѣлать и по необходимости;
требуетъ только одного того, чтобы для Него дѣлано было то,
что случается и приходитъ и по естественной необходимости.
Видишь ли, какъ легокъ подвигъ? То, что совершенно необходимо
тебѣ претерпѣть, говоритъ Онъ, претерпи для Меня; присовокупи
только это, и Я доволенъ твоимъ послушаніемъ!
Золото, которое ты намѣренъ давать взаймы другому, отдай Мнѣ,
съ большею и выгодою и безопасностію; тѣломъ, которымъ ты
хочешь воевать за другого, воюй за Меня: твои труды Я вознагражу
съ великимъ избыткомъ. Въ другихъ случаяхъ ты предпочитаешь
того, кто платитъ болѣе,—и въ даваніи взаймы, и въ 700
торговлѣ, и въ военной службѣ; а Христа, Который одинъ воздаетъ
болѣе всѣхъ и безконечно болѣе, не принимаешь. Чтó это
за брань, столь великая? Чтó за вражда, столь сильная? Откуда
же наконецъ получишь ты прощеніе и защиту, когда не хочешь
предпочесть Бога людямъ за то, за чтò однихъ людей предпочитаешь
другимъ? Для чего предаешь сокровище землѣ? Отдай
въ Мои руки, говоритъ Онъ. Ужели не думаешь, что Господь
земли вѣрнѣе земли? Земля возвращаетъ только ввѣренное ей,
а часто не возвращаетъ и того; Господь же даетъ тебѣ и награду
за сохраненіе, потому что весьма любитъ насъ. Поэтому,
если ты хочешь отдать взаймы, Онъ готовъ принять; если хочешь
сѣять, Онъ принимаетъ это на Себя; если хочешь строить,
Онъ влечетъ тебя къ Себѣ, говоря: строй на Моемъ основаніи.
Для чего ты прибѣгаешь къ бѣднымъ, просящимъ милостыни,
людямъ? Прибѣгай къ Богу, Который и за малое воздаетъ тебѣ
великое. Но мы объ этомъ и слышать не хотимъ, а спѣшимъ
туда, гдѣ брани, войны, борьба всякаго рода, распри, клеветы.

5. Итакъ, не по праву ли Господь отвращается и наказываетъ
насъ, когда Онъ во всемъ предоставляетъ намъ Себя, а
мы противимся Ему? Для всякаго это совершенно очевидно.

Хочешь ли ты, говоритъ Онъ, украшаться,—украшайся Моею красотою, или вооружиться,—Моимъ оружіемъ, или облечься,—въ Мою одежду, или питаться,—вотъ тебѣ Моя трапеза, или идти,—иди Моимъ путемъ, или наслѣдовать,—получи Мое наслѣдіе, или войти въ отечество,—войди въ городъ, котораго Я Художникъ и Строитель, или построить домъ,—построй его въ селеніяхъ Моихъ. Я не требую отъ тебя награды за то, что даю, но еще и долженъ наградить тебя за то самое, что ты пожелаешь воспользоваться всѣми Моими благами. Что можетъ сравняться съ этою щедростію? Я отецъ, Я братъ, Я женихъ, Я домъ, Я питаніе, Я одежда, Я корень, Я основаніе, Я все, чего бы ты ни захотѣлъ: ни въ чемъ ты не будешь имѣть нужды. Я и служить буду,—потому что Я пришелъ для того, чтобы служить, а не для того, чтобы Мнѣ служили (Матѳ. xx, 28). Я и другъ, и членъ, и глава, и братъ, сестра, и мать,—Я все; только ты будь Мнѣ другомъ. Для тебя Я бѣденъ, для тебя Я нищій, для тебя Я на крестѣ, для тебя во гробѣ, за тебя ходатайствую предъ Отцемъ, на небесахъ, для тебя Я явился на землѣ посланникомъ отъ Отца. Ты Мнѣ все: и братъ, и сонаслѣдникъ, и другъ, и членъ. Чего еще желаешь? Для чего отвращаешься отъ Того, Который любитъ тебя? Для чего работаешь міру? Для чего вливаешь въ сосудъ разбитый? А этому и подобны труды для настоящей жизни. Для чего сѣчешь огонь? Для чего бьешь воздухъ? Для чего бѣжишь напрасно? Не каждое ли искусство имѣетъ цѣль? Это всякому извѣстно. Покажи мнѣ и ты цѣль житейскаго попеченія. Но ты не можешь показать: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. I, 2). Пойдемъ къ гробамъ: покажи мнѣ отца, покажи мнѣ жену. Гдѣ тотъ, который облекался въ золотыя одежды, кто сидѣлъ на колесницѣ, кто имѣлъ войска, царскій поясъ, провозвѣстниковъ; который однихъ предавалъ смерти, а другихъ ввергалъ въ темницу; который по своей волѣ и умерщвлялъ, и освобождалъ? Я ничего не вижу, кромѣ костей,
701-702 червей и паутины. Все это земля, все это вымыселъ; все это сонъ и тѣнь, пустой разсказъ и образъ, или лучше сказать, менѣе нежели образъ: образъ мы видимъ по крайней мѣрѣ на картинѣ, здѣсь же не видимъ и картины. О, если бы этимъ оканчивались бѣдствія! Но теперь честь, удовольствіе, знаменитость, — одна тѣнь, одни слова; а то, что отъ нихъ происходитъ,—уже не тѣнь и слова, но пребываетъ и перейдетъ съ нами туда, и всѣмъ будетъ извѣстно; хищенія, любостяжаніе, блудодѣянія, прелюбодѣянія и безчисленныя подобнаго рода преступленія, состоятъ ли они въ словахъ, или дѣлахъ, написаны не па картинѣ и не на прахѣ, но на небесахъ. Итакъ, какими очами будемъ мы взи-

рать на Христа? Если человѣкъ не можетъ смотрѣть на отца, когда сознаетъ себя виновнымъ предъ нимъ, то какъ мы будемъ взирать тогда на Того, Кто безконечно болѣе кротокъ, чѣмъ отецъ? Какъ снесемъ Его присутствіе? Предстанемъ предъ судилище Христово, и всѣмъ будетъ строгое испытаніе. Если же кто не вѣритъ будущему суду, тотъ пусть посмотритъ на то, что здѣсь происходитъ,—на тѣхъ, которые находятся въ темницахъ, въ рудникахъ, въ нечистыхъ мѣстахъ, на бѣснующихся, на сумасшедшихъ, на пораженныхъ неизлѣчимыми болѣзнями, на борющихся со всегдашнею нищетою, на терпящихъ голодъ, на удрученныхъ сильными скорбями, на плѣнныхъ. Они не терпѣли бы этого теперь, если бы и всѣхъ другихъ, подобно имъ согрѣшившихъ, не ожидало наказаніе и мученіе. Если же другіе нисколько здѣсь не пострадали, то это самое должно служить тебѣ признакомъ, что непремѣнно ожидаетъ ихъ нѣчто по отшествіи изъ настоящей жизни. Одинъ и тотъ же Богъ всѣхъ не сталъ бы однихъ наказывать, а другихъ, совершившихъ такія же, или еще бóльшія преступленія, оставлять безъ наказанія, если бы Онъ не намѣренъ былъ подвергнуть ихъ нѣкоторому наказанію въ будущей жизни. Итакъ, въ виду этихъ размышленій и доказательствъ, и сами смиримъ себя, и отвергающіе судъ пусть увѣруютъ и исправятся, чтобы мы, проведши здѣшнюю жизнь достойно царствія небеснаго, получили вѣчныя блага благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXVII.

Отъ смоковницы же научитеся притчи; егда уже вaія ея будутъ млада, и листвіе прозябнетъ, вѣдите, яко близъ есть жатва. Тако и вы, егда видите сія вся, вѣдите, яко близъ есть, при дверехъ (Матө. XXIV, 32—33). 701

1. Такъ какъ Христосъ сказалъ: *абіе по скорби дній тѣхъ*, ученики же его спросили, когда это будетъ, и желали точно знать самый день, то Онъ представилъ имъ въ примѣръ смоковницу, показывая, что немного осталось времени, и что скоро будетъ Его пришествіе. И это подтвердилъ Онъ не одною только притчею, но и слѣдующими затѣмъ словами: *вѣдите, яко близъ есть, при дверехъ*. Вмѣстѣ съ этимъ Христосъ пророчествуетъ и о духовномъ лѣтѣ, и о той тишинѣ, которая въ тотъ день настанетъ для праведныхъ послѣ обуревающей ихъ теперь зимы:

грѣшникамъ же, напротивъ, предсказываетъ зиму по прошествіи лѣта, что подтвердилъ впослѣдствіи, сказавъ, что день тотъ застанетъ ихъ посреди роскоши и удовольствій. Впрочемъ Онъ привелъ въ примѣръ смоковницу не только для обозначенія времени,—могъ бы означить его и другимъ образомъ,—но и для подтвержденія того, что Его предсказаніе непремѣнно исполнится. Подобно тому, какъ необходимо быть первому, такъ точно и послѣднему. Да и вообще, Христосъ, равно какъ и подражающій ему блаженный апостолъ Павелъ, когда говоритъ о томъ, что непремѣнно должно случиться, всегда приводитъ въ примѣръ необходимыя естественныя явленія. Вотъ почему, и бесѣдуя о воскресеніи мертвыхъ, Онъ говоритъ: *аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ; аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. xii, 24). И блаженный апостолъ Павелъ, подражая Христу, употребляетъ тотъ же примѣръ, разсуждая съ коринѳянами о воскресеніи: *безумне*, говоритъ онъ, *ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ* (1 Кор. xv, 36). Затѣмъ, чтобы ученики вскорѣ опять не приступили съ вопросомъ: когда это случится? Спаситель напоминаетъ имъ о приближеніи этого времени, говоря: *аминь глаголю вамъ, не мимоидетъ родъ сей, дондеже вся сія будутъ* (ст. 34). Что же Онъ разумѣетъ подъ словомъ: *вся сія?* То, что случилось съ Іерусалимомъ: войны, голодъ, моръ, землетря-
702 сенія, лжехристовъ, лжепророковъ, повсемѣстное распространеніе евангелія, мятежи, раздоры и все, что, какъ мы сказали, должно случиться до Его пришествія. Какъ же Онъ сказалъ: *родъ сей?* Здѣсь Онъ говоритъ не о поколѣніи, тогда жившемъ, но о вѣрныхъ. Родъ обозначается не только по времени, но и образу религіи и жизни, какъ, напримѣръ, когда говорится: *сей родъ ищущихъ Господа* (Псал. xxiii, 6). Что Христосъ сказалъ прежде: *подобаетъ бо всѣмъ симъ быти*, и еще: *проповѣстся евангеліе сіе*, то же выражаетъ и здѣсь, говоря, что все это непремѣнно сбудется, а родъ вѣрныхъ пребудетъ и не прервется ни отъ одного изъ вышеозначенныхъ бѣдствій. Разрушится и Іерусалимъ, и погибнетъ большая часть іудеевъ; но рода этого ничто не преодолѣетъ, ни голодъ, ни моръ, ни землетрясенія, ни ужасы браней, ни лжехристы, ни лжепророки, ни обольстители, ни предатели, ни соблазнители, ни лжебратія, ни другія подобныя искушенія. Затѣмъ для большаго ихъ удостовѣренія Онъ говоритъ: *небо и земля мимоидутъ, словеса же Моя не мимоидутъ* (ст. 35),—то есть, скорѣе разрушатся небо и земля, столь твердыя и неподвижныя, нежели прейдетъ какое-либо изъ словъ Моихъ. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть изслѣдуетъ все сказанное, и тогда, найдя все истиннымъ (а найдетъ непремѣнно),—на основаніи того, что было,

повѣритъ и тому, что́ имѣетъ быть; пусть во все вникнетъ со тщаніемъ—и увидитъ, что послѣдующія событія совершенно оправдали истину пророчества. О стихіяхъ же Христосъ упомянулъ для того, чтобы показать какъ то, что Церковь превосходнѣе неба и земли, такъ и то, что Онъ есть творецъ всего существующаго. А такъ какъ Онъ сказалъ о кончинѣ міра, чему многіе не вѣрятъ, то и упомянулъ о небѣ и землѣ, показывая тѣмъ неизреченное Свое могущество, и со всею силою объявляя Себя владыкою вселенной, и такимъ образомъ тѣмъ, которые сомнѣваются въ словахъ Его, представляетъ ихъ совершенно достовѣрными. *О дни же томъ и часѣ никтоже вѣсть, ни ангели небеснiи, ни Сынъ, токмо Отецъ* (ст. 36). Словами: *ни ангели* Христосъ удерживаетъ учениковъ Своихъ, чтобы они не старались узнать того, чего не знаютъ и сами ангелы; словами же: *ни Сынъ*—возбраняетъ имъ не только знать, но и спрашивать объ этомъ. А что 703
слова эти сказаны Имъ съ этимъ именно намѣреніемъ, узнай изъ того, какъ Онъ по воскресеніи съ большею силою воспретилъ имъ любопытство, когда замѣтилъ, что они излишне предаются ему. Теперь указалъ на многіе и безчисленные признаки, а тогда сказалъ просто: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта* (Дѣян. I, 7). Потомъ, чтобы ученики не сказали: „мы недоумѣваемъ, насъ презираютъ, но мы не достойны этого",—Онъ говоритъ: *яже Отецъ положи во Своей власти.* Онъ очень заботился о томъ, чтобы учениковъ уважали, и чтобы не было скрыто отъ нихъ ничего; но въ этомъ случаѣ предоставляетъ самому Отцу знать времена и сроки, дабы внушить страхъ къ дѣлу и воспретить имъ даже спрашивать о немъ. Если бы это было не такъ, если бы въ самомъ дѣлѣ Сынъ Божій не зналъ этого, то когда же бы Онъ узналъ? Вмѣстѣ съ нами? Но кто станетъ утверждать это? Онъ зналъ Отца совершенно,—такъ же, какъ и Отецъ Сына,—а не зналъ объ этомъ днѣ? Кромѣ того, *Духъ испытуетъ и глубины Божія* (1 Кор. II, 10),—а Сынъ будто бы не зналъ и времени суда? Онъ зналъ, какимъ образомъ должно судить, зналъ тайны каждаго,—и могъ не знать того, что гораздо менѣе важно? Если *вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 3), то какъ можетъ быть, чтобы Онъ не зналъ этого дня? Тотъ, кто сотворилъ вѣки, сотворилъ безъ сомнѣнія и времена; если же сотворилъ и времена, то сотворилъ и день: какъ же Ему не знать того дня, который Онъ сотворилъ?

2. Вы говорите, что знаете даже сущность Божію: Сынъ ли Божій не знаетъ послѣдняго дня, Сынъ, который безпрестанно пребываетъ въ нѣдрахъ Отца,—не смотря на то, что познаніе сущности гораздо важнѣе, нежели познаніе дней, безконечно

важнѣе? Какимъ же образомъ вы, присвояя себѣ большее, не уступаете меньшаго Сыну, *въ немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. II, 3)? Но какъ ни вы не знаете того, въ чемъ заключается сущность Божія, хотя весьма часто безумно утверждаете это, такъ и Сынъ не остается въ невѣдѣніи относительно этого дня, а напротивъ, совершенно знаетъ его. Вотъ почему Онъ, сказавъ обо всемъ, означивъ времена, лѣта и приведши учениковъ Своихъ къ самымъ дверямъ (именно сказалъ: *близко, при дверяхъ*), умолчалъ о днѣ. Если о днѣ и часѣ ты спрашиваешь, не услышишь отъ меня ничего, говоритъ Онъ; если же вообще о времени и предварительныхъ признакахъ, то, не скрывая ничего, скажу тебѣ все подробно. Что мнѣ извѣстенъ этотъ день,—на это Я представилъ много доказательствъ: сказалъ о разстояніи времени, о всѣхъ будущихъ событіяхъ, и даже о томъ, сколько отъ настоящаго времени осталось до того дня (это объясняетъ тебѣ притча о смоковницѣ), и такимъ образомъ довелъ тебя до самаго преддверія. Если жъ Я не отворилъ тебѣ дверей, то и это для твоей же пользы. Для бóльшаго же удостовѣренія въ томъ, что Христосъ умолчалъ о днѣ кончины не по незнанію, обрати еще вниманіе на то, что Онъ къ вышеуказанному знаменію Своего пришествія присоединяетъ еще и другое: *якоже бо бѣху во дни Ноя, ядуще и піюще, женящеся и посягающе, до негоже дне пріиде вода, и взятъ вся: тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (ст. 38 и 39). Христосъ сказалъ это въ доказательство того, что Онъ придетъ вдругъ и неожиданно, когда большинство будетъ наслаждаться удовольствіями. То же самое говоритъ Павелъ въ слѣдующихъ словахъ: *егда рекутъ миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство* (1 Сол. V, 3), и въ объясненіе этой нечаянности сказалъ: *якоже болѣзнь во чревѣ имущей*. Какъ же Христосъ говоритъ: *по скорби дній тѣхъ*? Если
704 тогда будутъ удовольствія, *миръ и утвержденіе,* какъ сказалъ Павелъ, то какъ же Христосъ говоритъ: *по скорби дній тѣхъ*? При радостяхъ какая можетъ быть скорбь? Здѣсь разумѣются удовольствія и миръ, которые могутъ быть только у людей безчувственныхъ. Поэтому-то апостолъ и не сказалъ: когда будетъ миръ, но: *егда рекутъ миръ и утвержденіе*, изображая тѣмъ ихъ безчувственность, подобную той, какая была у людей и во дни Ноя, когда они, не смотря на величайшія бѣдствія, проводили жизнь, полную удовольствій, праведные же, напротивъ, проводили жизнь въ скорби и печали. Отсюда видно, что съ пришествіемъ антихриста, между нечестивыми и отчаивавшимися въ спасеніи своемъ, умножатся постыдныя наслажденія,—тогда будетъ чревоугодіе, объяденіе и пьянство. Такимъ образомъ Христосъ приво-

дитъ примѣръ совершенно подходящій къ обстоятельствамъ дѣла. Какъ въ то время, говоритъ Онъ, когда приготовлялся ковчегъ, люди не вѣрили, и даже тогда, когда былъ готовъ и предвѣщалъ имъ близкое несчастіе, они спокойно смотрѣли на него и предавались удовольствіямъ, какъ будто не предстояло имъ никакого бѣдствія, такъ и теперь: явится антихристъ, за которымъ будетъ кончина, послѣ кончины послѣдуютъ наказанія и неизреченныя мученія; а люди, опьянѣвши отъ разврата, не почувствуютъ никакого страха и предъ этими будущими бѣдствіями. Поэтому-то *якоже болѣзнь во чревѣ имущую*, по слову апостола, такъ и ихъ постигнутъ эти ужасныя и неотвратимыя бѣдствія. Почему же не упомянулъ Христосъ о бѣдствіи, постигшемъ содомлянъ? Онъ хотѣлъ представить въ примѣръ происшествіе всемірное, которому также не вѣрили, когда оно было предсказано. А такъ какъ многіе не вѣрили будущему, то Онъ удостовѣряетъ ихъ въ этомъ прошедшими событіями, и этимъ потрясаетъ сердца ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ указываетъ и на то, что и въ прежнихъ случаяхъ дѣйствовалъ Онъ же. Далѣе Спаситель представляетъ новое знаменіе Своего пришествія, такъ что изъ соображенія всѣхъ этихъ знаменій становится очевидно, что Онъ зналъ этотъ день. Какое же знаменіе? *Тогда два будутъ на селѣ: единъ поемлется, а другій оставляется. Двѣ мелющѣ въ жерновахъ: една поемлется и една оставляется. Бдите убо, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ* (ст. 40, 41, 42). Все это служитъ доказательствомъ тому, что Онъ зналъ этотъ день, но только ученикамъ запрещалъ спрашивать о немъ. Поэтому же Онъ напоминалъ имъ и о дняхъ Ноевыхъ, поэтому же сказалъ, что тогда *будутъ два на селѣ*, показывая тѣмъ, что Онъ придетъ совершенно неожиданно, когда они совсѣмъ не будутъ и думать объ этомъ. *И двѣ мелющѣ*—это также служитъ признакомъ, что они нисколько не будутъ ожидать его. Притомъ поемлются и оставляются и слуги, и рабы, и тѣ, которые будутъ упражняться въ трудѣ, и тѣ, которые будутъ находиться въ праздности, словомъ изъ всѣхъ состояній, подобно тому какъ и въ ветхомъ завѣтѣ говорится: *отъ сѣдящаго на престолѣ до рабыни, яже у жерновъ* (Исх. xi, 5). Хотя Христосъ и сказалъ, что трудно спастись богатымъ, но здѣсь увѣряетъ, что они не всѣ погибнутъ, равно и бѣдные не всѣ спасутся; но какъ изъ тѣхъ, такъ и изъ этихъ нѣкоторые спасутся, а нѣкоторые погибнутъ. Я даже думаю, здѣсь указывается и то, что пришествіе Его будетъ въ ночи. То же подтверждаетъ и евангелистъ (Лук. xvii, 34). Вотъ видишь, какъ точно Христосъ знаетъ всѣ обстоятельства? Потомъ, чтобы не обратились къ Нему съ вопросомъ ученики, опять присоеди-

нятъ: *бдите убо, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ.* Не сказалъ: не знаю, но—*не вѣсте*. Объявивши имъ почти самый часъ, опять предупреждаетъ ихъ вопросы объ этомъ, желая, чтобы они были постоянно бдительны. Поэтому Онъ и говоритъ имъ: *бдите*, показывая тѣмъ причину, по которой не объявляетъ имъ
705 о послѣднемъ днѣ. *Сіе же вѣдите, яко аще бы вѣдалъ дому владыка, въ кую стражу тать пріидетъ, бдѣлъ убо бы, и не бы далъ подкопати храма своего. Сего ради и вы будите готови: яко въ оньже часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ* (ст. 43, 44). Не говоритъ имъ о томъ часѣ, когда Онъ придетъ, для того, чтобы они бодрствовали и всегда были готовы. Желая же, чтобы они всегда были озабочены срѣтеніемъ Его и всегда добродѣтельны, сказалъ имъ, что придетъ тогда, когда не ожидаютъ Его. Смыслъ словъ Его таковъ: если бы люди знали, когда они умрутъ, то безъ сомнѣнія позаботились бы объ этомъ часѣ.

3. Итакъ для того, чтобы не заботились объ одномъ только днѣ смерти, Христосъ не означаетъ ни дня общей кончины, ни дня смерти каждаго, желая чтобы люди всегда ожидали этого дня,—чтобы онъ былъ предметомъ непрестанной заботы. Поэтому и конецъ жизни каждаго оставилъ въ неизвѣстности. Потомъ открыто называетъ Себя Господомъ, тогда какъ ранѣе никогда такъ ясно не говорилъ этого. Здѣсь, я думаю, содержится еще укоризна безпечныхъ, за то, что они о душѣ своей не проявляютъ и той заботы, какую обнаруживаютъ о своихъ деньгахъ люди, ожидающіе вора. Эти послѣдніе, когда ожидаютъ вора, бодрствуютъ и ничего не позволяютъ унести изъ своихъ кладовыхъ; а вы, говоритъ Онъ, хотя и знаете, что Господь придетъ, и придетъ непремѣнно, однакожъ нисколько не бодрствуете, не готовитесь, чтобы смерть не постигла васъ неожиданно; отъ того-то день этотъ и приходитъ на погибель безпечныхъ. Какъ богатый, если бы зналъ время, въ которое окраденъ будетъ, избѣжалъ бы того, такъ и вы предохранили бы себя, если бы были готовы. Далѣе, такъ какъ Онъ упомянулъ о судѣ, то и обращаетъ наконецъ рѣчь Свою къ учителямъ, и говоритъ о наказаніяхъ и наградахъ. И, сперва сказавши объ участи людей добродѣтельныхъ, останавливается на участи грѣшниковъ, чтобы заключеніемъ рѣчи возбудить страхъ въ слушателяхъ.

Для этого Онъ сперва говоритъ: *кто убо вѣрный рабъ и мудрый, егоже поставитъ господинъ его надъ домомъ своимъ, еже даяти имъ пищу во время ихъ? Блаженъ рабъ той, егоже, пришедъ господинъ, обрящетъ тако творяща. Аминь глаголю вамъ, яко надъ всѣмъ имѣніемъ поставитъ его* (ст. 45—47). Скажи мнѣ: означаютъ ли и эти слова Его невѣдѣніе? Если ты, основываясь на Его словахъ: *ни Сынъ*

вѣсть (Марк. xIII, 32), говоришь, что Онъ не знаетъ дня кончины міра, то что скажешь о словахъ: *кто убо естъ?* Ужели скажешь, что Онъ и этого не знаетъ? Ни въ какомъ случаѣ. Да и ни одинъ безумный не скажетъ этого: въ первомъ случаѣ можно хотя представить нѣкоторую причину, здѣсь же и этого нѣтъ. Что значитъ вопросъ Его: *Петре, любиши ли мя* (Іоан. xxI, 15)? Неужели онъ не зналъ и этого? Или когда говоритъ: *гдѣ положисте его* (Іоан. xI, 34)? Подобный вопросъ можно слышать и отъ Бога Отца; такъ и Онъ говоритъ: *Адаме гдѣ еси* (Быт. III, 9)? и: *вопль Содомскій и Гоморрскій умножися ко Мнѣ. Сошедъ убо узрю, аще по воплю ихъ, грядущему ко Мнѣ, совершаются; аще же ни, да разумѣю* (Быт. xvIII, 20, 21). И въ другомъ мѣстѣ: *аще убо услышатъ, аще убо познаютъ* (Іез. II, 5)? И въ евангеліи: *егда како Сына Моего усрамятся* (Лук. xx, 13). Всѣ эти выраженія показываютъ невѣдѣніе. Но не по невѣдѣнію Богъ говорилъ это, а съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы удобнѣе достигнуть Своей цѣли. Такъ съ Адамомъ Онъ говорилъ подобнымъ образомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы побудить его искать прощенія во грѣхѣ; съ содомлянами—для того, чтобы научить насъ никогда не произносить приговора, не зная самаго дѣла; у пророка сказано въ предотвращеніе той безумной мысли, будто бы предсказаніе уже невольно влечетъ къ неповиновенію; въ притчѣ евангельской для того, чтобы показать, что они должны были то исполнить—почтить Сына; здѣсь же—для того, чтобы чрезмѣрно не любопытствовали; а вмѣстѣ и для указанія особенной важности этого вопроса. 706
Притомъ смотри, какое невѣдѣніе выражается въ этихъ словахъ, если Онъ не знаетъ даже и того, кого поставляетъ! Онъ называетъ раба блаженнымъ,—*блаженъ бо*, говоритъ, *рабъ той*,—но не говоритъ, кто это такой; а только: *кто бо есть, егоже поставитъ Господь его?* и: *блаженъ, егоже обрящетъ творяща тако*. Слѣдуетъ замѣтить, что это сказано не объ одномъ имѣніи, но и о словѣ, и силѣ, и дарованіяхъ, и о всѣхъ обязанностяхъ, на каждаго возложенныхъ. Эта притча можетъ относиться и къ гражданскимъ начальникамъ: каждый долженъ употреблять дары свои на общую пользу. Одаренъ ли ты премудростію, или вручена тебѣ власть, богатъ ли ты, или имѣешь что-либо другое,—ты не долженъ употреблять даровъ своихъ во вредъ собратій своихъ, или для собственной погибели. Отъ упомянутаго въ притчѣ раба Спаситель требуетъ двухъ качествъ: благоразумія и вѣрности, потому что грѣхъ бываетъ отъ неразумія. *Вѣрнымъ* же называетъ Онъ его за то, что изъ достоянія господина своего ничего не утаилъ себѣ, и ничего не расточилъ напрасно и безъ цѣли; а *мудрымъ* потому, что умѣлъ употребить ввѣренное ему

достояніе надлежащимъ образомъ. И намъ нужны также оба указанныя качества, какъ для того, чтобы не присвоивать себѣ того, что принадлежитъ Господу, такъ и для того, чтобы сдѣлать надлежащее употребленіе изъ дарованнаго. Если одного качества нѣтъ въ насъ, то и другое несовершенно. Если рабъ и вѣренъ, и не крадетъ, но губитъ имѣніе, расточая его на предметы безполезные, то и это большая вина. Если же онъ умѣетъ хорошо управлять имѣніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крадетъ, то и это опять немаловажное преступленіе. Пусть замѣтятъ это и тѣ изъ насъ, которые имѣютъ деньги, потому что слова Христовы относятся не только къ учителямъ, но и къ богатымъ. И тѣмъ, и другимъ ввѣрено богатство,—учащимъ болѣе необходимое, а вамъ, богатымъ, менѣе необходимое. Если учители щедро расточаютъ блага болѣе важныя, а вы не хотите оказать щедрости даже и въ маловажномъ, и не только щедрости, но и благодарности (потому что даете чужое), то какое будете имѣть оправданіе? Впрочемъ, прежде чѣмъ говорить о наказаніяхъ, ожидающихъ неправедныхъ, послушаемъ, какъ будетъ награжденъ тотъ, кто поступаетъ надлежащимъ образомъ. *Аминь глаголю вамъ, яко надъ всѣмъ своимъ имѣніемъ поставитъ его.* Что можетъ сравняться съ подобною честью? Какое слово достаточно выразить то достоинство, то блаженство, когда Царь небесный, Которому принадлежитъ все, поставитъ человѣка надъ всѣмъ своимъ имѣніемъ? Потому и называетъ его *мудрымъ*, что умѣетъ не расточать великаго ради малаго, но, благоразумно поступая здѣсь, получаетъ небо.

4. Далѣе Христосъ, какъ Онъ всегда поступаетъ, исправляетъ слушателя не только представленіемъ награды, предназначенной добрымъ, но и наказанія, угрожающаго злымъ. Поэтому и присовокупилъ: *аще ли же речетъ злый рабъ въ сердцы своемъ: коснитъ господинъ мой пріити, и начнетъ бити клевреты своя, ясти же и пити съ піяницами: пріидетъ господинъ раба того въ день, въ оньже не чаетъ, и въ часъ въ оньже не вѣстъ: и растешетъ его полма, и частъ его съ невѣрными положитъ. Ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (Матѳ. XXIV, 48—51). Если кто-нибудь скажетъ: видишь ли, какая мысль пришла рабу по причинѣ неизвѣстности дня,—онъ именно сказалъ: *коснитъ господинъ мой*,—то въ отвѣтъ на это мы скажемъ, что мысль эта пришла ему не потому, что день
707 не былъ извѣстенъ, но потому, что онъ былъ худой рабъ. Почему въ самомъ дѣлѣ такая же мысль не пришла на умъ рабу мудрому и вѣрному? Несчастный! Хотя и медлитъ господинъ, но почему ты все же ожидаешь Его пришествія? Зачѣмъ же, поэтому, не заботишься? Итакъ, отсюда мы узнаемъ, что Господь

и не медлитъ. Такая мысль принадлежитъ не Господу, но рабу лукавому, а потому онъ и осуждается. Что Господь не медлитъ, послушай Павла, который говоритъ: *Господь близъ. Ни о чемъ же пецытеся* (Фил. IV, 5, 6); и: *грядый пріидетъ и не укоснитъ* (Евр. x, 37). Но внимай дальнѣйшимъ словамъ и примѣчай, какъ часто Христосъ напоминаетъ о неизвѣстности дня, показывая тѣмъ, насколько эта неизвѣстность полезна для рабовъ, и способствуетъ ихъ пробужденію отъ сна. Чтожъ, если нѣкоторые не извлекли изъ этого никакой пользы для себя? И другія спасительнѣйшія средства инымъ не принесли пользы. Господь не оставляетъ однако Своего дѣла. Что же далѣе говоритъ Онъ? *Пріидетъ въ день, въ оньже не чаетъ, и въ часъ, въ оньже не вѣстъ,*—и постигнетъ его участь самая жалкая. Видишь, какъ часто Онъ повторяетъ это, показывая, какъ спасительна неизвѣстность дня,—и заставляя тѣмъ насъ быть въ непрестанной заботливости? Предметъ Его попеченія составляетъ то, чтобы мы непрестанно бодрствовали; и такъ какъ мы ослабѣваемъ всегда во время счастливой и покойной жизни, а отъ несчастій наиболѣе укрѣпляемся, то Онъ непрестанно и внушаетъ намъ, что когда мы бываемъ покойны и беззаботны, тогда и являются бѣдствія. И какъ выше показалъ это чрезъ Ноя, такъ и здѣсь говоритъ: когда рабъ тотъ упивается, когда буйствуетъ, тогда и наказаніе ему готовится ужасное. Но будемъ внимательны не только къ наказанію, ему опредѣленному, но разсмотримъ еще и то, не такъ же ли и мы поступаемъ, хотя и не замѣчаемъ того?

И дѣйствительно, такому невѣрному рабу подобны имѣющіе деньги и не помогающіе бѣднымъ. Вѣдь и ты только распорядитель своего имущества, точно такъ же, какъ и служитель церкви, распоряжающійся ея стяжаніемъ. Какъ послѣдній не имѣетъ власти расточать сокровищъ, даруемыхъ вами въ пользу бѣдныхъ, по своей волѣ и безъ разбора, потому что они даны на пропитаніе бѣдныхъ, такъ и ты не можешь расточать своихъ сокровищъ по своей волѣ. Хотя ты получилъ родительское наслѣдство, и такимъ образомъ все имущество составляетъ твою собственность,—однако все оно принадлежитъ Богу. Если и ты требуешь, чтобъ имуществомъ, даннымъ тобою, распоряжались соотвѣтственно твоему назначенію, то ужели думаешь, что Богъ Своей собственности не востребуетъ отъ насъ съ большею строгостью, но оставитъ безъ вниманія, когда она расточается безъ всякой пользы? Нѣтъ, не можетъ этого быть, не можетъ. Онъ для того и ввѣрилъ тебѣ богатство, чтобы ты давалъ другимъ пищу въ надлежащее *время*. Что̀ значитъ давать въ надлежащее *время?* Давать бѣднымъ, алчущимъ. Какъ ты поручаешь распо-

ряжаться имѣніемъ подобному себѣ рабу, такъ и Богу угодно, чтобы ты употреблялъ это имѣніе должнымъ образомъ. Поэтому хотя Онъ и можетъ лишить тебя, но оставляетъ у тебя для того, чтобы ты имѣлъ случай обнаружить свою добродѣтель. Онъ поставилъ всѣхъ во взаимной нуждѣ для того, чтобы любовь одного къ другому тѣмъ сдѣлать болѣе пламенною. Но ты, получивши отъ Бога, не только не даешь, но еще бьешь тѣхъ, кому слѣдуетъ давать. А если уже и не давать—преступленіе, то, какое будетъ помилованіе тому, кто бьетъ?

5. Мнѣ кажется, Христосъ говоритъ это на счетъ обидчиковъ и лихоимцевъ, объявляя имъ жестокое осужденіе за то, что они *бьютъ* тѣхъ, которыхъ должны питать. Думаю также, что Онъ здѣсь намекаетъ и на сластолюбцевъ: и сластолюбію
708 также предстоитъ тяжкое наказаніе. *Ястъ и піетъ*, говоритъ, *съ піяницами*,—выражая тѣмъ пресыщеніе чрева. Въ самомъ дѣлѣ, ты не для того получилъ имущество, чтобы роскошествовать, но чтобы творить милостыню. Это имѣніе твое ли собственное? Оно принадлежитъ бѣднымъ, а тебѣ только ввѣрено, хотя бы это было наслѣдство отцовское, хотя бы было пріобрѣтено честными трудами. Неужели Богъ не могъ его отнять у тебя? Но Онъ не дѣлаетъ этого, доставляя тебѣ возможность быть щедрымъ по отношенію къ бѣднымъ. И замѣть, какъ Христосъ во всѣхъ притчахъ обличаетъ тѣхъ, которые не употребили богатствъ своихъ на пропитаніе бѣдныхъ. Такъ и дѣвы не за то осуждаются, что онѣ похищали чужое, но за то, что не удѣляли отъ своего; и зарывшій талантъ свой не былъ также лихоимцемъ, но только не удвоилъ его; и тѣ, которые презрѣли алчущихъ, не за то наказываются, что они завладѣли чужимъ, но за то, что не расточили своего, подобно какъ и упомянутый рабъ. Пусть же замѣтятъ это тѣ изъ насъ, которые угождаютъ чреву и расточаютъ на пиршества богатство, нисколько не принадлежащее имъ, но бѣднымъ. Не думай, чтобы то, что по человѣколюбію Божію велѣно тебѣ раздавать какъ бы свою собственность, было и дѣйствительно твое. Тебѣ Богъ далъ заимообразно для того, чтобы ты могъ употреблять съ пользою. Итакъ не почитай своимъ, когда даешь Ему то, что Ему же принадлежитъ. Ты когда комунибудь даешь заимообразно денегъ съ тѣмъ, чтобы онъ воспользовался ими для пріобрѣтенія какой-либо выгоды, никогда не скажешь, чтобы эти деньги были его. Такъ и Богъ далъ тебѣ богатство съ тѣмъ, чтобы ты имъ купилъ небо. Не дѣлай поэтому Его безконечнаго человѣколюбія основаніемъ къ проявленію твоей неблагодарности. Размысли о томъ, какъ желательно имѣть средство, которое бы послѣ крещенія разрѣшило грѣхи наши.

Если бы Господь не сказалъ: сотвори милостыню, то сколько бы людей сказало: о, если бы пожертвованіемъ имѣнія можно было избавиться отъ угрожающихъ намъ бѣдствій! Когда же это сдѣлалось возможнымъ, то, наоборотъ, остаются въ нерадѣніи. Но ты говоришь: я даю. И что же даешь? Ты не далъ и столько, сколько та жена, которая подала только двѣ лепты; не далъ и половины того, даже и малѣйшей части въ сравненіи съ нею; ты больше расточаешь на безполезныя вещи, на пиршества, на пьянство, на крайнее распутство; то приглашаешь къ себѣ другихъ, то тебя приглашаютъ, то самъ проживаешь, то другихъ заставляешь проживать; и такимъ образомъ готовишь себѣ сугубое наказаніе: во-первыхъ, за то, что̀ самъ дѣлаешь, во-вторыхъ, за то, что̀ другихъ заставляешь дѣлать. Вспомни же объ этомъ рабѣ, осужденномъ за то же самое: онъ ѣлъ и пилъ, сказано, съ пьяницами. Не однихъ пьяницъ постигнетъ наказаніе, но вмѣстѣ съ ними и соучастниковъ ихъ,—и весьма справедливо, потому что они самихъ себя губятъ, и о спасеніи ближнихъ нерадятъ. Бога же ничто столько не раздражаетъ, какъ небреженіе о спасеніи ближнихъ. Поэтому-то, чтобы выразить гнѣвъ Свой, Онъ приказалъ разсѣчь раба пополамъ. Вотъ почему и признакомъ учениковъ Своихъ Онъ поставилъ любовь, потому что тотъ, кто любитъ, необходимо печется о благосостояніи любимаго лица. Итакъ будемъ держаться этого пути; онъ—тотъ самый путь, который ведетъ насъ на небо, содѣлываетъ подражателями Христу и, по возможности, подобными Богу. Замѣть же, какъ преимущественно предъ другими нужны тѣ добродѣтели, которыя избрали себѣ жилище на этомъ пути. И если угодно, разсмотримъ ихъ, и будемъ судить объ нихъ по суду Божію. Пусть 709
будутъ два пути жизни добродѣтельной, и изъ нихъ одинъ пусть дѣлаетъ добрымъ только того, кто шествуетъ по немъ, а другой—вмѣстѣ и ближняго. Посмотримъ, какой изъ нихъ совершеннѣе и лучше насъ возводитъ на высшую степень добродѣтели. Апостолъ Павелъ весьма часто осуждаетъ того, кто печется только о собственномъ своемъ благѣ,—когда же я говорю: Павелъ, то разумѣю здѣсь самого Христа,—а того, кто старается о благѣ ближняго, превозноситъ похвалами и почестями. Откуда это видно? Послушай, что̀ онъ говоритъ одному, и что̀ другому: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. x, 24). Видишь ли, какъ онъ о̀дно отвергаетъ, а другое предписываетъ? И опять: *кійждо васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію* (Рим. xv, 2). Далѣе слѣдуетъ неизреченная похвала, соединенная съ увѣщаніемъ: и *Христосъ ни Себѣ угоди* (Рим. xv, 3). Довольно уже было бы и этихъ разсужденій къ тому, чтобы показать, на

которой сторонѣ побѣда. Впрочемъ, чтобы это было съ большею пользою, посмотримъ, какія добрыя дѣла относятся исключительно къ намъ, и какія вмѣстѣ распространяются и на ближнихъ. Постъ, распростертіе на землѣ, храненіе дѣвства и цѣломудріе полезны для тѣхъ самихъ, которые подвизаются въ этихъ добродѣтеляхъ; а что отъ насъ распространяется и на ближнихъ, это—милостыня, наставленіе и любовь. Послушай же и въ этомъ случаѣ Павла, который говоритъ: *аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже сожещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (1 Кор. XIII, 3).

6. Видишь ли, какъ любовь сама по себѣ прославляется и увѣнчивается? Если угодно, предложимъ и третье сравненіе. Положимъ, что иной постится, соблюдаетъ чистоту, предается мученичеству и сожигается; а другой пусть, для назиданія ближняго, отлагаетъ мученичество, и не только отлагаетъ, но и умираетъ безъ мученичества. Кто изъ нихъ, по переходѣ изъ настоящей жизни, удостоится большей славы? Намъ нѣтъ нужды здѣсь говорить много и распространять рѣчь свою: вопросъ рѣшаетъ блаженный Павелъ, говоря: *разрѣшитися, и со Христомъ быти, много паче лучше; а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради* (Фил. I, 23), и такимъ образомъ назиданіе ближняго предпочитаетъ отшествію ко Христу. Исполнять волю Христа, это-то и значитъ въ особенности быть со Христомъ; воля же Его заключается не въ иномъ чемъ, какъ въ попеченіи о пользѣ ближняго. Хочешь ли я представлю тебѣ и четвертое доказательство? Петръ! *Любиши ли Мя*, говоритъ Христосъ: *паси овцы Моя* (Іоан. XXI, 15); и спросивъ его въ третій разъ, сказалъ, что это пасеніе и есть знакъ любви. И это сказано не къ однимъ только священникамъ, но и къ каждому изъ насъ, кому ввѣрено хотя малое стадо. Не презирай его только за то, что оно мало, такъ какъ Отецъ Мой, говоритъ Онъ, благоволилъ о немъ (Лук. XII, 32). Каждый изъ насъ имѣетъ овцу, которую и долженъ водить на добрую пажить. Мужъ, вставая съ постели, о томъ только и долженъ стараться, чтобы и дѣлами, и словами насаждать съ своемъ домѣ и семействѣ большее благочестіе; равнымъ образомъ и жена пусть наблюдаетъ за домомъ, но кромѣ этого занятія, она должна имѣть другую, болѣе настоятельную
710 заботу о томъ, чтобы все семейство трудилось для царства небеснаго. Въ самомъ дѣлѣ, если и въ дѣлахъ житейскихъ, прежде занятія дѣлами домашними, мы стараемся исполнить общественныя обязанности, чтобы за небрежное отношеніе къ нимъ не подвергнуться заключенію въ узы, судебнымъ истязаніямъ и всякаго рода безчестіямъ, то тѣмъ болѣе въ дѣлахъ духовныхъ должны

стараться прежде всего исполнить дѣла Царя всяческихъ, Бога, чтобы не быть отосланными туда, гдѣ скрежетъ зубовъ. Будемъ же искать тѣхъ добродѣтелей, которыя и для насъ самихъ спасительны, и для ближняго наиболѣе полезны. Таковы—милостыня и молитва; впрочемъ молитва сама заимствуетъ свою силу и воскрыляется отъ милостыни. *Молитва твоя*, сказано, *и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (Дѣян. x, 4). И не только молитва, но и постъ также отъ милостыни заимствуетъ свою твердость. Если ты постишься безъ милостыни, то постъ твой не есть постъ, и такой человѣкъ хуже обжоры и пьяницы, и притомъ настолько, насколько жестокость хуже роскошества. Но что я говорю—постъ? Хотя бы ты былъ непороченъ, хотя бы соблюдалъ дѣвственность, но если не творишь милостыни, будешь внѣ брачнаго чертога. Что можетъ равняться дѣвственности, которая, по своему превосходству, и въ новомъ завѣтѣ не была поставлена необходимымъ закономъ? Но и она отвергается, если не соединена съ милостынею. Если дѣвы отвергаются за то, что не творили милостыни съ надлежащею щедростію, то кто можетъ безъ нея получить прощеніе? Безъ сомнѣнія никто, и тотъ, кто не творитъ милостыни, непремѣнно долженъ погибнуть. Если и въ дѣлахъ житейскихъ никто для себя одного не живетъ, но всякій, и художникъ, и воинъ, и земледѣлецъ, и купецъ, посвящаютъ себя занятіямъ для пользы и выгоды общественной, то тѣмъ болѣе должно быть это исполняемо въ дѣлахъ духовныхъ. Въ этомъ преимущественно и состоитъ жизнь; напротивъ, кто живетъ только для самого себя, а о всѣхъ прочихъ нерадитъ, тотъ лишній, тотъ не человѣкъ, а извергъ рода человѣческаго. Что же будетъ,—скажешь,—если я свое оставлю, а о чужомъ буду заботиться? Нѣтъ; не можетъ быть, чтобы тотъ, кто заботится о дѣлахъ другихъ, въ то же время не заботился о своихъ. Дѣйствительно, кто заботится о благосостояніи другихъ, тотъ никогда не оскорбитъ, о всѣхъ станетъ болѣзновать, всѣмъ по силѣ своей будетъ помогать; ни у кого ничего не станетъ отнимать, не будетъ лихоимствовать, никого не будетъ обманывать, ни лжесвидѣтельствовать; воздержится отъ всякаго порока, будетъ хранить всякую добродѣтель, молиться за враговъ, благодѣтельствовать злоумышляющимъ противъ него, ни съ кѣмъ не будетъ ссориться, никого не будетъ злословить, хотя бы самъ слышалъ безчисленныя хулы, но скажетъ вмѣстѣ съ апостоломъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? Если же будешь искать только своего, то о чужомъ совершенно не будешь стараться. Убѣдившись такимъ образомъ въ томъ, что невозможно спастись тому, кто не забо-

тится о пользѣ общей, и взирая на раба, разсѣченнаго пополамъ, и на того, который зарылъ талантъ свой, изберемъ лучше этотъ путь (служенія ближнимъ), чтобы получить и жизнь вѣчную, которой всѣ мы да сподобимся по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXVIII.

711 **Тогда уподобися царствіе небесное десятимъ дѣвамъ, яже взявши свѣтильники своя, изыдоша въ срѣтеніе жениху. Пять же бѣ мудры, и пять юродивы, яже не взяша съ собою елеа. Мудрыя же пріяша елей въ сосудахъ со свѣтильники своими. Коснящу же жениху... (Матѳ. xxv, 1—5 и слѣд.).**

1. Эти притчи сходны съ прежнею притчею о рабѣ невѣрномъ, расточившемъ имѣніе господина своего. Ихъ четыре, и всѣ онѣ различнымъ образомъ убѣждаютъ насъ въ одномъ: именно, чтобы мы старались подавать милостыню и помогать ближнему во всемъ, въ чемъ только можемъ, такъ какъ иначе нельзя спастись. Но въ тѣхъ притчахъ говорится вообще о всякомъ благодѣяніи, которое мы должны оказывать ближнему. А въ притчѣ о дѣвахъ говорится въ частности о денежномъ подаяніи, и говорится сильнѣе, нежели въ притчѣ предшествующей. Тою притчею осуждается на мученіе рабъ, который бьетъ товарищей своихъ, пьетъ съ пьяницами, расточаетъ и губитъ имѣніе господина своего; а этою и тотъ, кто не старается о пользѣ ближняго, и не дѣлаетъ щедраго подаянія бѣднымъ отъ имущества своего. Дѣвы имѣли масло, но не много, а потому и подвергаются наказанію. Но почему Христосъ въ этой притчѣ представляетъ не просто какое-либо лицо, а дѣвъ? Онъ превознесъ дѣвство, когда сказалъ: *суть скопцы, иже скопиша себе ради царствія небеснаго*; и: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. xix, 12). Кромѣ того, Ему извѣстно было и высокое мнѣніе многихъ о дѣвствѣ. Оно и по природѣ своей—великое дѣло, что видно изъ того, что какъ въ ветхомъ завѣтѣ оно не было хранимо даже святыми и великими мужами, такъ и въ новомъ не поставлено въ необходимый законъ. Христосъ не далъ о немъ заповѣди, а предоставилъ его произволенію слушающихъ. Поэтому и Павелъ говоритъ: *о дѣвахъ же повелѣнія Господня не имамъ* (1 Кор. vii, 25). Я хвалю того, кто хранитъ дѣвство, но не принуждаю того, кто не хочетъ быть дѣвственникомъ, и совѣта не дѣлаю закономъ.

И вотъ, такъ какъ дѣвство—дѣло великое, и многіе имѣли о немъ высокое понятіе, то, чтобы кто-либо, храня его, не предался безпечности, какъ бы уже исполнившій все, и не сталъ нерадѣть о прочемъ, Христосъ приводитъ эту притчу, которая можетъ убѣдить въ томъ, что дѣвство, хотя бы оно было соединено со всѣми другими добродѣтелями, будучи чуждо дѣлъ милосердія, осуждается вмѣстѣ съ людьми прелюбодѣйными; и безчеловѣчный и немилосердный поставляется наравнѣ съ ними. И весьма справедливо: тѣми обладаетъ плотская страсть, неразумными же дѣвами—сребролюбіе. Плотская же страсть и сребролюбіе не равны между собою въ силѣ; первая сильнѣе и мучительнѣе. Потому, чѣмъ слабѣе противникъ, тѣмъ менѣе заслуживаютъ прощенія побѣжденныя дѣвы. Потому-то Христосъ и называетъ ихъ юродивыми, что онѣ, совершивши большій подвигъ, за несовершеніе меньшаго лишились всего. Свѣтильниками называетъ Онъ здѣсь самый даръ дѣвства, чистоту святости, а елеемъ—человѣколюбіе, милосердіе и помощь бѣднымъ. ***Коснящу же жениху, воздремашася вся, и спаху*** (ст. 5). Онъ показываетъ, что будетъ немалый промежутокъ времени, отстраняя 712
тѣмъ отъ учениковъ мысль о скоромъ пришествіи Его царствія. Они надѣялись на такое пришествіе; поэтому Онъ безпрестанно подавляетъ въ нихъ эту надежду. Притомъ Онъ даетъ понять и то, что смерть есть сонъ. ***И спаху***, сказано. ***Полунощи же вопль бысть*** (ст. 6). Это говоритъ Онъ, или сообразуясь съ притчею, или показывая, что воскресеніе случится ночью. О воплѣ упоминаетъ и Павелъ, говоря: ***въ повелѣніи, во гласѣ архангеловѣ и въ*** послѣдней ***трубѣ снидетъ съ небесе*** (1 Ѳесс. IV, 16). Что же означаютъ трубы? И что значитъ вопль? ***Женихъ грядетъ. Когда мудрыя дѣвы оправили свои свѣтильники, юродивыя мудрымъ рѣша: дадите намъ отъ елея вашего*** (ст. 7, 8). Спаситель опять называетъ ихъ юродивыми, чтобы показать, что нѣтъ ничего глупѣе тѣхъ, которые собираютъ здѣсь деньги, и отходятъ безъ всего туда, гдѣ особенно нужно человѣколюбіе и много елея. Юродивы онѣ не только по этой причинѣ, но и потому, что надѣялись достать елея у мудрыхъ дѣвъ, и искали его не во время, хотя эти дѣвы и были въ высшей степени человѣколюбивы, чѣмъ онѣ особенно и прославились. Да и просятъ юродивыя у нихъ не всего,—***дадите намъ***, говорятъ онѣ, ***отъ елея вашего***,—и указываютъ на крайнюю необходимость, говоря: ***свѣтильницы наши угасаютъ***. Но не смотря и на все это, получили отказъ, и ни человѣколюбіе тѣхъ, у которыхъ онѣ просили, ни удобоисполнимость просьбы, ни необходимость и нужда просимаго не помогли имъ получить просимое. Чему это научаетъ насъ? Тому, что если измѣнятъ намъ

собственныя наши дѣла, то никто не будетъ въ состояніи помочь намъ, и не потому, что не хочетъ, но потому, что не можетъ. И дѣвы ссылаются на невозможность. Это объяснилъ и блаженный Авраамъ, когда сказалъ: *между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящіи прейти отсюду къ вамъ не возмогутъ* (Лук. XVI, 26). *Идите же паче къ продающимъ, и купите* (ст. 9). Кто эти продающіе? Бѣдные. Гдѣ же они? Они здѣсь, и теперь только надлежитъ находить ихъ, а не въ то время.

2. Видишь ли, какую пользу приносятъ намъ бѣдные? Ежели ты устранишь ихъ, то лишишься великой надежды на спасеніе. Итакъ, здѣсь надлежитъ запастись елеемъ, чтобы тамъ, когда потребуетъ время, воспользоваться имъ: настоящее, а не будущее время, есть время заготовленія. Поэтому не трать напрасно своего имущества на роскошь и для пустой славы, потому что тамъ много для тебя нужно будетъ елея. Услышавъ отвѣтъ мудрыхъ дѣвъ, юродивыя пошли купить елея, но ничего не пріобрѣли. Это Христосъ говоритъ или для хода и связи притчи, или показывая тѣмъ, что хотя бы мы сдѣлались и человѣколюбивѣйшими по смерти, мы не извлечемъ изъ того никакой пользы и не избѣжимъ наказанія. Такъ и дѣвамъ не принесло пользы ихъ усердіе, потому что онѣ не здѣсь, но тамъ уже ходили къ продающимъ, равно какъ и богачу не принесло пользы, когда онъ сдѣлался такъ человѣколюбивъ, что сталъ заботиться даже о сродникахъ своихъ. Тотъ, кто проходилъ мимо лежащаго при вратахъ, спѣшитъ исхитить отъ опасности и изъ геенны тѣхъ, которыхъ онъ уже не видитъ, и проситъ послать къ нимъ кого-
713 либо извѣстить ихъ о томъ. И все же онъ не получилъ никакой пользы, подобно тому какъ и дѣвы. Послѣ того, какъ онѣ, получивъ такой отвѣтъ, ушли,—*пріиде женихъ, и готовыя внидоша съ нимъ на браки* (ст. 10); а для юродивыхъ двери были затворены. Послѣ многихъ усилій, послѣ великихъ трудовъ, послѣ этой жестокой брани и побѣдъ надъ сильными влеченіями природы, онѣ, пристыженныя, потупивъ взоры, отошли съ угасшими свѣтильниками. Нѣтъ ничего мрачнѣе дѣвства, которое лишено милосердія, почему немилосердыхъ многіе обыкновенно и называютъ помраченными. Итакъ, гдѣ же польза дѣвства, когда тѣ дѣвы не видали и жениха и, послѣ того, какъ стучались въ двери, ничего не добились, но услышали этотъ страшный голосъ: *отойдите, не вѣмъ васъ?* Когда самъ Христосъ сказалъ это, то не остается ожидать ничего другого, кромѣ геенны и несноснаго мученія; даже болѣе того—эти слова страшнѣе и самой геенны. Они сказаны также и дѣлающимъ беззаконіе. *Бдите убо, яко не вѣсте дне и часа* (ст. 13). Видишь, какъ часто Христосъ приба-

вляетъ эти слова, показывая, что невѣдѣніе смертнаго часа полезно для насъ? Гдѣ же теперь тѣ, которые ведутъ жизнь безпечную и на обвиненія наши говорятъ, что при кончинѣ все оставятъ бѣднымъ? Пусть услышатъ они эти слова и исправятся. И въ самомъ дѣлѣ, многіе, будучи похищены внезапною смертію, не могли сдѣлать этого въ то время, и не успѣли объявить о своей волѣ родственникамъ. Итакъ, эта притча говоритъ о денежной милостынѣ; а слѣдующая за нею говоритъ противъ тѣхъ, которые не хотятъ помогать ближнимъ ни деньгами, ни словомъ, ни покровительствомъ, ни другимъ чѣмъ, но все скрываютъ. Но почему въ этой притчѣ представлено лицо царя, а въ той—жениха? Чтобы научить насъ тому, какъ близокъ Христосъ къ тѣмъ дѣвамъ, которыя раздаютъ бѣднымъ свое имѣніе; въ этомъ именно и состоитъ дѣвство. Потому и Павелъ такъ опредѣляетъ эту добродѣтель: ***непосягшая***, говоритъ Онъ, ***печется о Господнихъ, къ благообразію и благоприступанію Господеви безмолвну*** (1 Кор. VII, 34, 35). Это я совѣтую, говоритъ онъ. Если же у евангелиста Луки въ притчѣ о талантахъ говорится другое, то я скажу на это, что объ одномъ говоритъ одна притча, о другомъ другая. Въ притчѣ у Луки отъ одинаковой суммы проистекли различныя выгоды, потому что отъ одной мины иной пріобрѣлъ пять, иной—десять, каждый потому различную получилъ и награду; здѣсь же напротивъ, и потому награда одинакова. Кто получилъ два таланта, тотъ и пріобрѣлъ два; равно и тотъ, кто получилъ пять, пять и пріобрѣлъ; а тамъ, такъ какъ отъ одинаковой суммы одинъ пріобрѣлъ болѣе, другой менѣе, то по всей справедливости они не удостоиваются и одинаковой награды. Но замѣть, что вездѣ не вскорѣ требуется отчетъ. Такъ, отдавши виноградникъ земледѣльцамъ, хозяинъ удалился, равно и здѣсь, раздавъ деньги, ушелъ; и все это для того, чтобы показать намъ Свое долготерпѣніе. Мнѣ же кажется еще, что Христосъ этимъ дѣлаетъ намекъ на воскресеніе. Но здѣсь не земледѣльцевъ только и виноградникъ имѣетъ Онъ въ виду, а всѣхъ вообще дѣлателей, потому что Онъ разсуждаетъ не съ начальниками только и іудеями, но со всѣми вообще. Возвращающіе деньги чистосердечно признаются, что они пріобрѣли и что взяли у господина. Одинъ говоритъ: ***господи, пять талантъ ми еси предалъ*** (ст. 20); а другой—***два;*** и показываютъ этимъ, что онъ доставилъ имъ случай получить выгоду, и благодарятъ его, все ему приписывая.
Что же говоритъ на это господинъ? ***Добрѣ, благій рабе*** (такъ какъ 714
заботиться о пользѣ ближняго свойственно доброму), ***и вѣрный: о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю; вниди въ радость господа твоего*** (ст. 21). Этими словами Онъ показываетъ полное

блаженство. Но одинъ изъ нихъ не такъ говоритъ; а какъ же? *Видѣхъ тя, яко жестокъ еси человѣкъ: жнеши, идѣже не сѣялъ еси, и собираеши, идѣже не расточилъ еси; и убоявся, шедъ скрыхъ талантъ твой въ земли, и се имаши твое* (ст. 24—25). Что же сказалъ ему господинъ его? *Подобаше тебѣ вдати сребро мое торжникомъ* (ст. 27), то есть, нужно тебѣ было съ ними посовѣтоваться и уговориться. „Но они не слушаютъ меня?" Это не твое дѣло. Какія слова могутъ быть снисходительнѣе?

3. Люди не такъ поступаютъ, но самого заимодавца заставляютъ требовать. Царь же иначе; онъ говоритъ: *надлежало тебѣ отдать*, а истребованіе предоставить мнѣ. *Азъ взялъ бихъ съ лихвою*,—разумѣя лихву проповѣди—явленіе дѣлъ. Тебѣ надлежало сдѣлать болѣе легкое, а мнѣ оставить болѣе трудное. Но такъ какъ рабъ этого не исполнилъ, то господинъ и говоритъ: *возмите отъ него талантъ, и дадите имущему десять талантъ. Имущему бо дано будетъ, и преизбудетъ; отъ неимущаго же, и еже* имѣетъ, *взято будетъ отъ него* (ст. 28—29). Что же это показываетъ? Кто получилъ даръ слова и ученія для пользы другихъ и не пользуется имъ, тотъ погубитъ самый даръ. Напротивъ, кто радитъ о немъ, получитъ еще большій, между тѣмъ какъ тотъ теряетъ и то, что получилъ. Впрочемъ, празднолюбца кромѣ этой потери ожидаетъ еще невыносимое мученіе, и вмѣстѣ съ мученіемъ приговоръ страшнаго осужденія. *Неключимаго раба ввержите*, говоритъ онъ, *во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (ст. 30). Видишь ли, что не только хищникъ, любостяжатель и дѣлающій зло подвергается ужаснѣйшему мученію, но и тотъ, кто не дѣлаетъ добра? Итакъ, будемъ внимать словамъ этимъ. Пока есть время, будемъ стараться о нашемъ спасеніи; запасемъ елей для свѣтильниковъ; будемъ пріобрѣтать на талантъ. Если здѣсь будемъ лѣнивы и станемъ жить безпечно, то тамъ никто не окажетъ намъ сострадапія, хотя бы мы пролили рѣки слезъ. Одѣтый въ нечистое платье обвинилъ самого себя,—и однакожъ не получилъ никакой пользы. Имѣвшій одинъ талантъ возвратилъ ввѣренное ему серебро,—и однако былъ осужденъ. Умоляли также и дѣвы, приступали и стучались,—и все тщетно и напрасно. Итакъ, зная это, употребимъ и деньги, и стараніе и покровительство, и все на пользу ближняго. Подъ талантами здѣсь разумѣется то, что находится во власти каждаго,—или покровительство, или имѣніе, или наученіе, или что-нибудь подобное. Поэтому никто не долженъ говорить: я имѣю одинъ талантъ, и ничего не могу сдѣлать. Можешь и съ однимъ заслужить одобреніе. Ты не бѣднѣе той вдовицы, не ниже по званію Петра и Іоанна, которые были изъ простого парода и необразованные, и

однако за то, что были усердны и дѣлали все для общаго блага, получили небесное наслѣдіе. Подлинно, ничто такъ не любезно Богу, какъ полезная для всѣхъ жизнь. Потому-то Богъ далъ 715
намъ и даръ слова, и руки, и ноги, и крѣпость тѣлесную, и умъ, и разумѣніе, чтобы все это употребляли мы для собственнаго нашего спасенія и для пользы ближняго. Слово нужно намъ не для однихъ только пѣснопѣній и благодаренія, но полезно и для наученія и утѣшенія. Если такимъ образомъ пользуемся имъ, то соревнуемъ Господу; если же напротивъ, то діаволу. Такъ и Петръ, когда исповѣдалъ Христа, названъ былъ *блаженнымъ*, какъ сказавшій по внушенію Отца; когда же онъ устрашился креста и отрекся, то былъ жестоко укоренъ, какъ поступившій по наставленію діавольскому. Итакъ, если за слова, сказанныя по невѣдѣнію, такое осужденіе, то какое заслужимъ прощеніе мы, когда во многомъ погрѣшаемъ произвольно? Будемъ же говорить такъ, чтобы само собою видно было, что мы говоримъ слова Христовы. Я не тогда только произношу слова Христовы, когда говорю: *востани и ходи* (Матѳ. IX, 5), и когда скажу: *Тавиѳо востани* (Дѣян. IX, 40); но и преимущественно тогда, когда, будучи злословимъ, благословляю, и когда, будучи оскорбленъ, молюсь за оскорбившаго. Прежде я сказалъ, что языкъ нашъ есть рука, касающаяся ногъ Божіихъ; теперь же еще болѣе скажу: языкъ нашъ подражаетъ языку Христову, если прилагаетъ надлежащее стараніе о томъ, чтобы произносить угодное Ему. Какія же слова по Его волѣ мы должны произносить? Слова, преисполненныя милосердія и кротости, подобныя тѣмъ, какія Онъ произносилъ къ своимъ оскорбителямъ: *Азъ бѣса не имамъ* (Іоан. VIII, 49); и еще: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ* (Іоан. XVIII, 23). Если и ты такъ говоришь, если говоришь для исправленія ближняго, то имѣешь языкъ, подобный языку Его. Это подтверждаетъ и самъ Богъ: *аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Іерем. XV, 19). Итакъ, когда языкъ твой будетъ подобенъ языку Христову, и уста твои будетъ какъ уста Отца, и когда ты содѣлаешься храмомъ Духа Святаго, то какая честь можетъ сравняться съ этою? Не такъ бы блистали уста твои, если бы они были изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, какъ они блистаютъ, будучи украшены скромностію. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пріятнѣе устъ, не знающихъ обиды, а ревнующихъ о благословеніи? Если же ты не можешь благословлять проклинающаго, по крайней мѣрѣ молчи, и поступай такъ до тѣхъ поръ, пока, при должномъ стараніи и постепенныхъ успѣхахъ, не достигнешь этого и не пріобрѣтешь уста, о которыхъ мы сказали.

4. Не почитай этихъ словъ дерзкими. Господь человѣколюбивъ, и даръ этотъ есть даръ благости Его. А вотъ что дерзко: имѣть уста, подобныя дьявольскимъ, и обладать языкомъ подобнымъ языку злого духа, особенно тому, кто участвуетъ въ столь высокихъ таинствахъ и пріобщается самой плоти Господней. Итакъ, размышляя объ этомъ, подражай Господу по мѣрѣ силъ своихъ. Когда сдѣлаешься таковымъ, то и самъ діаволъ не будетъ уже въ состояніи противостать тебѣ, потому что онъ знаетъ царственное знамя, знаетъ оружіе Христово, которымъ былъ пораженъ. Какое же это оружіе? Смиреніе и кротость. И Христосъ, когда побѣдилъ и сокрушилъ приступавшаго къ Нему на горѣ діавола, то не давалъ о Себѣ знать, что Онъ Христосъ; но опуталъ его словами, какъ сѣтями, побѣдилъ смиреніемъ, прогналъ отъ Себя кротостію. Такъ и ты поступай, когда увидишь человѣка, приступающаго къ тебѣ съ злобою діавола, такъ по-
716 бѣждай! Христосъ далъ тебѣ власть уподобляться Ему по мѣрѣ силъ твоихъ. Не страшись, слыша это. Страшно не быть подобнымъ Ему. Итакъ, говори такъ, какъ и Онъ,—и тогда сдѣлаешься подобнымъ Ему, насколько это возможно человѣку. Вотъ почему тотъ, кто говоритъ такимъ образомъ, выше того, кто пророчествуетъ; то исключительно даръ, а здѣсь и трудъ твой, и подвигъ. Научи свою душу образовать тебѣ уста, подобныя устамъ Христовымъ. Она можетъ сдѣлать это, если только захочетъ; ей извѣстно это искусство, если только она не безпечна. Но какъ, спросишь, образовать такія уста? Изъ какихъ красокъ, изъ какой матеріи? Никакихъ красокъ, ни матеріи для этого не нужно, а нужны только добродѣтель, скромность и смиреніе. Посмотримъ теперь, какъ образуются уста діавольскія,—чтобы никогда не имѣть ихъ. Какъ же онѣ образуются? Проклятіемъ, ругательствами, клеветою, клятвопреступленіемъ. Когда человѣкъ говоритъ какъ діаволъ, то пріобрѣтаетъ и языкъ его. Итакъ, какое будемъ имѣть извиненіе, или вѣрнѣе сказать, какому не подвергнемся наказанію за то, что позволяемъ себѣ произносить діавольскія слова тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ удостоиваемся вкушать плоть Господню? Не будемъ же позволять себѣ этого, но приложимъ все стараніе къ тому, чтобы научить языкъ нашъ подражать своему Господу. И если мы научимъ его этому, то съ большимъ дерзновеніемъ предстанемъ на судъ Христовъ. Если же кто не умѣетъ говорить такимъ образомъ, того Судія не будетъ и слушать. Какъ римскій судія не пойметъ отвѣтчика, который не умѣетъ говорить по-римски, такъ и Христосъ не пойметъ тебя и не будетъ внимать тебѣ, если ты не будешь говорить, какъ Онъ. Будемъ же учиться говорить такъ, какъ при-

выкъ слушать нашъ Царь; постараемся подражать Его языку.
Постигнетъ ли тебя печаль, смотри, чтобы чрезмѣрное уныніе не
измѣнило твоихъ устъ; но говори, какъ Христосъ. Вѣдь и онъ
былъ въ печали о Лазарѣ, и объ Іудѣ. Нападетъ ли на тебя страхъ,—
старайся опять такъ говорить, какъ Онъ. Вѣдь и Онъ былъ въ
страхѣ за тебя, когда устроялъ твое спасеніе. Говори и ты: *обаче
не якоже азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI, 39). Плачешь ли ты,—
плачь умѣренно, какъ и Онъ. Терпишь ли клевету и скорбь,—
принимай все это подобно Христу. Вѣдь и Онъ былъ оклеветанъ,
и Онъ скорбѣлъ, и говорилъ: *прискорбна душа Моя даже до смерти*
(Матѳ. XXVI, 38). И во всемъ вообще Христосъ показалъ тебѣ
примѣръ, чтобы ты соблюдалъ ту же умѣренность, и не нару-
шалъ данныхъ тебѣ правилъ. Такимъ образомъ можешь имѣть
уста, подобныя устамъ Христовымъ. Такимъ образомъ, находясь
еще на землѣ, ты будешь имѣть языкъ, подобный языку Сѣдя-
щаго на небесахъ,—когда будешь наблюдать умѣренность въ
уныніи, въ гнѣвѣ, въ печали, въ скорби. Сколько изъ васъ
желали бы видѣть Христа! И вотъ, если будемъ стараться, не
только можемъ увидѣть Его, но и быть подобными Ему. Не бу-
демъ же медлить. Не столько пріятны для Господа уста проро-
ковъ, сколько уста людей кроткихъ и смиренныхъ. *Мнози рекутъ
мнѣ*,—говоритъ Господь,—*не въ Твое ли имя пророчествовахомъ? И
скажу имъ: не вѣмъ васъ* (Матѳ. VII, 22—23). А уста Моисея, ко-
торый былъ весьма смиренъ и кротокъ (*Моисей*, сказано, чело-
вѣкъ *кротокъ зѣло паче всѣхъ человѣкъ, сущихъ на земли*,—Числ. XII, 3),
такъ были пріятны и любезны Господу, что Онъ говорилъ съ
Моисеемъ, такъ сказать, лицемъ къ лицу, устами къ устамъ, какъ
другъ съ своимъ другомъ. Теперь ты не имѣешь власти надъ де- 717-718
монами; когда будешь имѣть уста, подобныя устамъ Христовымъ,
то будешь имѣть власть надъ огнемъ геенскимъ. Будешь имѣть
власть надъ бездною огненною и скажешь ей: *молчи, престани*
(Мар. IV, 39), и съ дерзновеніемъ взойдешь на небеса и полу-
чишь царствіе, котораго да сподобимся всѣ благодатію и чело-
вѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому съ Отцемъ
и Святымъ духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во
вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXIX.

Егда же пріидетъ Сынъ человѣческій въ славѣ Отца Своего, и вси святіи ангели съ Нимъ, тогда сядетъ, сказано, на престолѣ славы Своея (Матѳ. xxv, 31), и отдѣлитъ овецъ отъ козловъ. Однихъ восхвалитъ за то, что они Его алчущаго накормили, жаждущаго напоили, когда былъ Онъ странникомъ, ввели въ домъ, когда былъ нагъ, одѣли, когда былъ боленъ, призрѣли, когда былъ въ темницѣ, посѣтили,—и дастъ имъ царство; а другихъ, обвинивъ въ противоположныхъ поступкахъ, пошлетъ въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его [1]) (Матѳ. xxv, 32—36, 41).

1. Сладчайшія слова эти, которыя никогда не оставляемъ въ умѣ, должны мы выслушать теперь со всѣмъ тщаніемъ и умиленіемъ, такъ какъ этими словами заключается и самая бесѣда Христа. Онъ придаетъ великое значеніе человѣколюбію и милостынѣ. Поэтому и въ предшествующихъ словахъ говорилъ о томъ различнымъ образомъ, и здѣсь говоритъ, но уже гораздо явственнѣе и сильнѣе, представляя не два или три, ни даже пять лицъ, но цѣлую вселенную. Правда, и прежде, говоря о двухъ лицахъ, Онъ разумѣлъ не два лица, а двѣ стороны: одну послушныхъ, а другую непослушныхъ. Но здѣсь Онъ предлагаетъ намъ о томъ слово и болѣе страшное, и болѣе торжественное. Вотъ почему и не говоритъ уже: *уподобися царствіе небесное* (Матѳ. xxv, 1); но прямо указываетъ на самого Себя, говоря: *егда же пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Своей*. Нынѣ Онъ явился въ безславіи, поношеніи и поруганіи; а тогда сядетъ на престолѣ славы Своей. И часто упоминаетъ о славѣ. Такъ какъ приближалось время крестной Его смерти, которая считалась позорною казнію, то Онъ возводитъ умъ слушателя къ высшему, представляя взору его судилище и всю вселенную. И не отъ этого только слово Его становится страшнымъ; но и отъ того, что небеса представляются опустѣвшими. Вѣдь, говоритъ Онъ, ангелы будутъ при Немъ, и будутъ свидѣтельствовать, сколько они служили, будучи посылаемы отъ Господа для спасенія людей. И во всѣхъ отношеніяхъ день тотъ будетъ ужасенъ. *Соберутся*, говоритъ Онъ далѣе, *вси языцы*, то есть, весь родъ человѣческій. *И разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь овецъ* (ст. 32). Нынѣ

---

[1]) Здѣсь Св. Златоустъ излагаетъ сокращенно содержаніе 32—41 ст. XXV гл. Евангелія отъ Матѳея.

не раздѣлены, но смѣшаны всѣ; а тогда будетъ раздѣленіе, и самое точное. Сперва Онъ раздѣляетъ ихъ мѣстами, и обнаруживаетъ каждаго; а потомъ и самыми наименованіями показываетъ внутреннее расположеніе каждаго, называя однихъ козлищами, а другихъ овцами, и показывая, что первые не приносятъ никакого плода,—такъ какъ отъ козловъ не можетъ быть ни малаго плода,—а послѣдніе—обильный плодъ,—такъ какъ овцы приносятъ большую пользу тѣмъ, что даютъ волну, молоко, ягнятъ, чего вовсе не доставляетъ козелъ. Впрочемъ, безсловесныя животныя не приносятъ плода, или приносятъ его, по своей природѣ, а люди—по произволу. Потому тѣ изъ нихъ, которые не приносятъ плодовъ, подвергаются мукамъ, а приносящіе плодъ получаютъ вѣнцы.

Господь не прежде подвергаетъ грѣшниковъ мукамъ, чѣмъ 718
разсудится съ ними, почему, размѣстивъ ихъ, и произноситъ обвиненія. Они отвѣчаютъ ему съ кротостію, но уже безъ всякой для себя пользы; и это вполнѣ справедливо, такъ какъ они пренебрегли то, чего всего болѣе Онъ желалъ. Вѣдь и пророки вездѣ говорили: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. vi, 6), и Законодатель возбуждалъ къ тому всѣми мѣрами, и словомъ, и дѣломъ, да и самая природа учила тому. Замѣть при этомъ, что у осуждаемыхъ не было не одной или двухъ только добродѣтелей, но всѣхъ. Они не только не напитали алчущаго, не одѣли нагого, но даже, что гораздо легче было исполнить, и больного не посѣтили. Смотри также, какъ легки Его заповѣди. Онъ не сказалъ: Я былъ въ темницѣ, и вы освободили Меня; Я былъ боленъ, и вы воздвигли Меня съ одра болѣзни; но сказалъ: *посѣтисте Мене, пріидосте ко Мнѣ*. Но и тогда, какъ Онъ алкалъ, не трудно было исполнить Его требованіе. Онъ просилъ не пышной трапезы, но только самаго нужнаго, пищи необходимой, и притомъ просилъ съ мольбою. Такимъ образомъ все дѣлало ихъ достойными наказанія: и удобоисполнимость просьбы, такъ какъ Онъ просилъ хлѣба; и жалобный видъ просящаго, такъ какъ Онъ былъ нищъ; и естественное состраданіе, такъ какъ Онъ былъ человѣкъ; и привлекательность обѣщанія, такъ какъ обѣщано царство; и страхъ наказанія, такъ какъ угрожала геенна; и достоинство получающаго, такъ какъ самъ Богъ принималъ въ лицѣ нищихъ; и величіе чести, такъ какъ удостоилъ снизойти; и законность подаянія, такъ какъ Онъ принималъ Свое. Но при всемъ томъ сребролюбіе совершенно ослѣпило плѣненныхъ имъ, даже и при столь великихъ угрозахъ. И какъ выше сказалъ Онъ, что не принимающіе бѣдныхъ будутъ наказаны болѣе, нежели содомляне, такъ и здѣсь говоритъ: *понеже не сотвористе единому*

сихъ меньшихъ братій Моихъ, *ни Мнѣ сотвористе* (Матѳ. xxv, 45). Что ты говоришь? Они твои братья? И почему ихъ называешь меньшими братіями? Потому они братья, что уничижены, что нищи, что отвержены. Таковыхъ Онъ въ особенности призываетъ въ Свое братство, то есть, незнаемыхъ, презираемыхъ, разумѣя не однихъ только монаховъ и живущихъ въ горахъ, но и всякаго вѣрующаго. Онъ хочетъ, чтобъ и мірской человѣкъ, когда жаждетъ, алчетъ, нагъ или странствуетъ, получалъ отъ насъ всякое пособіе. Крещеніе и общеніе въ божественныхъ тайнахъ содѣлываетъ насъ братьями.

2. Затѣмъ, чтобы ты и съ другой стороны видѣлъ справедливость приговора, Онъ еще прежде восхваляетъ тѣхъ, которые надлежащимъ образомъ исполнили свое дѣло, и говоритъ: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе прежде сложенія міра; взалкахся бо и дасте Ми ясти*, и проч. (ст. 34—35); чтобы осуждаемые не сказали, что они ничего не имѣли, Онъ осуждаетъ ихъ, указывая на товарищей, подобно
719 тому какъ осуждаетъ и дѣвъ, указывая на дѣвъ, раба упивающагося и объѣдающагося—указывая на раба вѣрнаго, раба скрывшаго свой талантъ—указывая на раба представившаго два таланта; и вообще, осуждаетъ каждаго грѣшника, указывая на исполнившихъ свои обязанности. И это сравненіе берется иногда отъ равнаго, какъ, напримѣръ, здѣсь и въ притчѣ о дѣвахъ; иногда отъ большаго, какъ, напримѣръ, когда говорится: *мужіе Ниневитстіи востанутъ и осудятъ* родъ сей, потому что повѣрили проповѣди Іонниной, *и се болѣ Іоны. И царица южская осудитъ* родъ сей, *яко пріиде слышати премудрость Соломонову, и се болѣ Соломона* (Матѳ. xii, 41, 42). И опять отъ равнаго: *тіи будутъ вамъ судіи* (Тамъ же ст. 27); и опять отъ большаго: *не вѣсте ли яко ангеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ* (1 Кор. vi, 3)? Что касается до настоящаго мѣста, то Христосъ беретъ здѣсь сравненіе отъ равнаго; богатыхъ сравниваетъ съ богатыми и нищихъ съ нищими. Но справедливость Своего приговора надъ осуждаемыми Онъ объясняетъ не только тѣмъ, что подобные имъ рабы, при тѣхъ же обстоятельствахъ, исполнили свои обязанности; но и тѣмъ, что осуждаемые оказались непослушными даже и въ томъ, въ чемъ бѣдность нисколько не служила препятствіемъ, какъ, напримѣръ, когда нужно имъ было напоить жаждущаго, придти къ находящемуся въ темницѣ, посѣтить больного. Восхваливъ тѣхъ, которые исполнили свои обязанности, Спаситель открываетъ, какую любовь Онъ имѣлъ къ нимъ отъ вѣка: *пріидите*, говоритъ Онъ, *благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе прежде сложенія міра.* Съ какими

благами можетъ сравняться это наименованіе—благословенные, и притомъ благословенные отъ Отца? И за что удостоились они такой чести? Какая тому причина? *Взалкахся бо, и дасте Ми ясти, возжадахся, и напоисте Мя*, и проч. Сколько чести, сколько блаженства въ этихъ словахъ! Онъ не сказалъ: пріимите, но—*наслѣдуйте*, какъ свое собственное, какъ отеческое, какъ ваше, какъ отъ вѣка вамъ принадлежащее. Прежде чѣмъ вы стали существовать, говоритъ Онъ, это уже было для васъ уготовано и устроено, такъ какъ Я зналъ, что вы будете таковыми. И за что они получаютъ такую награду? За кровъ, за одежду, за хлѣбъ, за холодную воду, за посѣщеніе, за приходъ въ темницу. Всюду требуетъ Онъ необходимаго; а иногда, впрочемъ, и не необходимаго, потому что, какъ я сказалъ, больной и находящійся въ темницѣ требуютъ безъ сомнѣнія не только посѣщенія, но одинъ—освобожденія еще отъ узъ, а другой—отъ болѣзни. Однако Господь, будучи снисходителенъ, требуетъ отъ насъ того, что намъ по силамъ, и даже гораздо менѣе этого, предоставляя самимъ намъ ревновать о большемъ. А осуждаемымъ говоритъ: *идите отъ Мене проклятіи*,—не отъ Отца, такъ какъ не Онъ проклялъ ихъ, но собственныя ихъ дѣла,—*во огнь вѣчный, уготованный* не вамъ, а *діаволу и аггеломъ его*. Когда говорилъ Онъ о царствіи, то, сказавъ: *пріидите благословенніи, наслѣдуйте царствіе*, присовокупилъ: *уготованное вамъ прежде сложенія міра*; а говоря объ огнѣ, сказалъ не такъ, а присовокупилъ: *уготованное діаволу*. Я царство готовилъ вамъ, говоритъ Онъ, огонь же не вамъ, но *діаволу и аггеломъ его*; но такъ какъ вы сами ввергли себя въ огонь, то и вините сами себя. И не только въ этихъ, но и въ слѣдующихъ словахъ Онъ, какъ бы въ оправданіе предъ ними Себя, представляетъ и причины ихъ осужденія: *взалкахся бо, и не дасте Ми ясти* (ст. 42). Если бы даже пришелъ врагъ, то не сильны ли бы были страданія его тронуть и преклонить самаго немилосердаго? Голодъ, 720
холодъ, узы, нагота, болѣзнь, безпріютное блужданіе всюду—и этого довольно къ прекращенію вражды. Но вы не поступили такъ и съ другомъ—съ другомъ-благодѣтелемъ и Владыкою. Мы часто трогаемся, видя и пса алчущимъ, преклоняемся, видя и звѣрей въ нуждѣ; а ты, видя своего Владыку, не преклоняешься? Чѣмъ можно извинить это. Да если бы это только и было, не достаточно ли бы было и этого къ вознагражденію? Я не говорю о томъ, что (оказавъ благодѣяніе) ты услышишь предъ лицемъ вселенной столь радостный гласъ отъ Сѣдящаго на престолѣ Отца и получишь царство; но и то, что ты оказалъ благодѣяніе, не довольно ли вознаграждаетъ тебя? А теперь предъ лицемъ вселенной, при явленіи этой неизреченной славы, самъ Господь

провозглашаетъ и увѣнчиваетъ тебя, признаетъ тебя питателемъ и страннопріимцемъ, и не стыдится говорить это, чтобы вѣнецъ твой сдѣлать болѣе блистательнымъ. Поэтому-то тѣ праведно наказываются, а эти увѣнчиваются по благодати, хотя бы они оказали и безчисленныя благодѣянія, все же дарованіе имъ за столь маловажное и ничтожное—неба, царства, и столь великой чести—есть даръ щедротъ благодати. *И бысть, егда сконча Іисусъ словеса сія, рече ученикомъ Своимъ: вѣсте, яко по двою дню Пасха будетъ, и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на пропятіе* (Матѳ. XXVI, 1, 2). Опять благовременно Христосъ упоминаетъ о страданіи, послѣ того какъ сказалъ о царствѣ, о будущемъ воздаяніи о и вѣчномъ мученіи; Онъ какъ бы такъ сказалъ: для чего бояться вамъ золъ кратковременныхъ, когда ожидаютъ васъ такія блага?

3. Здѣсь обрати вниманіе на то, какимъ новымъ способомъ Христосъ скрываетъ въ первыхъ изъ упомянутыхъ словъ то, что могло особенно опечалить учениковъ Его. Онъ не сказалъ: вы знаете, что чрезъ два дня Я преданъ буду; но что? *вѣсте, яко по двою дню Пасха будетъ,* и послѣ этого уже прибавилъ, что Онъ *преданъ будетъ на пропятіе,*—показывая, что имѣющее совершиться есть таинство, праздникъ и торжество о спасеніи вселенной, и что Онъ идетъ на страданіе, все предвидя. Поэтому, такъ какъ уже достаточно было одного этого для утѣшенія ихъ, Онъ ничего не говоритъ теперь о Своемъ воскресеніи, потому что излишне было снова говорить о немъ, послѣ того какъ уже было сказано о томъ такъ много. Кромѣ того, упоминая о древнихъ благодѣяніяхъ, доставленныхъ Пасхою іудеямъ въ Египтѣ, Онъ, какъ я сказалъ, показываетъ тѣмъ, что и это самое страданіе избавляетъ отъ безчисленныхъ золъ. *Тогда собрашася архіерее и книжницы и старцы людстіи во дворъ архіереовъ, глаголемаго Каіафы, и совѣщаша, да Іисуса лестію имутъ и убіютъ. Глаголаху же: но не въ праздникъ, да не молва будетъ въ людехъ* (ст. 3—5). Видишь ли необыкновенное разстройство въ дѣлахъ іудейскихъ? Предпринимая дѣла беззаконныя, они идутъ къ первосвященнику, надѣясь получить дозволеніе тамъ, гдѣ надлежало бы ожидать препятствій. И сколько же было первосвященниковъ? По закону, долженъ быть одинъ; но тогда было ихъ много. Отсюда очевидно, что дѣла іудеевъ въ это время начинали приходить въ упадокъ. Моисей, какъ я сказалъ, повелѣлъ быть одному первосвященнику, и когда этотъ умретъ, тогда быть другому, и временемъ жизни перваго опредѣлялъ время изгнанія ненамѣренныхъ убійцъ. Почему же тогда много было первосвященниковъ? Потому что въ послѣднее время они были избираемы каждо-

годно. Это показываетъ евангелистъ, когда, говоря о Захаріи, сказалъ, что онъ былъ *отъ дневныя чреды Авіани* (Лук. I, 5). Итакъ, 721
здѣсь говорится о тѣхъ первосвященникахъ, которые были прежде первосвященниками. О чемъ же они совѣщались? О томъ ли, чтобы Іисуса тайно взять, или о томъ, чтобы убить Его? О томъ и другомъ вмѣстѣ. Они боялись народа, почему и ждали, пока пройдетъ праздникъ: *глаголаху бо, да не въ праздникъ.* Діаволъ не хотѣлъ, чтобы Христосъ пострадалъ въ Пасху, для того, чтобы страданіе Его не сдѣлалось извѣстнымъ; а они—чтобы не сдѣлалось возмущенія. Замѣть: они боятся не гнѣва Божія и не того, что время праздника можетъ увеличить ихъ злодѣяніе, но вездѣ—опасностей со стороны людей. Впрочемъ, кипя гнѣвомъ, они снова перемѣнили свое намѣреніе. Сказавъ: *да не въ праздникъ*, потомъ, найдя предателя, они не ждали времени, но совершили убійство въ праздникъ. Почему же они взяли Его въ это время? Потому что и гнѣвомъ кипѣли, какъ я сказалъ, и надѣялись Его найти въ то время, и во всемъ дѣйствовали, какъ ослѣпленные. Правда, самъ Онъ воспользовался злобою ихъ для совершенія Своего служенія; но они поэтому не безвинны, а достойны безчисленныхъ мученій за то, что дѣйствовали по собственному намѣренію. Притомъ въ то самое время, когда надлежало бы дать свободу всѣмъ, даже и виновнымъ, они убили Праведника, Который оказалъ имъ безчисленныя благодѣянія, и Который для нихъ оставилъ до времени и язычниковъ. Но какое человѣколюбіе! Такимъ преступнымъ (упорнымъ) и исполненнымъ всякихъ неправдъ людямъ Онъ опять предлагаетъ спасеніе, посылаетъ апостоловъ на смерть за спасеніе ихъ, и чрезъ апостоловъ молитъ ихъ. *По Христѣ бо молимъ* (2 Кор. v, 20). Имѣя такіе примѣры, я не говорю: умремъ за враговъ,—хотя требовалось бы и это; но такъ какъ мы крайне немощны, то я говорю пока: не будемъ по крайней мѣрѣ завидовать друзьямъ, не будемъ ненавидѣть благодѣтелей; не говорю пока: станемъ благотворить злодѣямъ,—хотя сильно желалъ бы и этого; но такъ какъ сердце ваше грубо, по крайней мѣрѣ не будемъ мстить. Ужели мы здѣсь какъ на зрѣлищѣ, ужели наша жизнь—игра? Почему же вы дѣйствуете иногда совершенно противно заповѣдямъ? Не безъ цѣли изображены какъ всѣ другія, такъ и тѣ, достаточныя для вразумленія іудеевъ, дѣйствія, какія совершилъ Христосъ въ самыхъ страданіяхъ; но для того, чтобы ты подражалъ благости и послѣдовалъ Его человѣколюбію. Онъ и пришедшихъ противъ Него повергъ ницъ, и ухо раба исцѣлилъ, и кротко говорилъ съ ними, и будучи на крестѣ совершилъ великія чудеса: помрачилъ лучи солнца, разверзъ

камни, воздвигъ умершихъ; устрашилъ жену судіи сновидѣніями, на самомъ судѣ явилъ совершенную кротость, которая не менѣе чудесъ могла привлечь ихъ; многое предсказалъ на судилищѣ, и на самомъ крестѣ воскликнулъ: Отче! отпусти имъ грѣхъ (Лук. XXIII, 34)! Да и послѣ погребенія сколько сдѣлалъ для ихъ спасенія? А по воскресеніи, не тотчасъ ли Онъ призвалъ іудеевъ? Не даровалъ ли имъ отпущенія грѣховъ? Не оказалъ ли имъ безчисленныхъ благодѣяній? Что неожиданнѣе этого? Тѣ, которые распинали Его, которые дышали убійствомъ, послѣ того, какъ распяли Его, содѣлались сынами Божіими. Что можетъ сравниться съ такой заботливостію? Слыша это, устыдимся, что мы такъ далеки отъ Того, Кому заповѣдано намъ подражать. Познаемъ хоть то, какъ велико это разстояніе, чтобы по крайней мѣрѣ могли мы обвинять самихъ себя за то, что находимся во враждѣ съ тѣми, за которыхъ Христосъ положилъ душу Свою, и не желаемъ примириться съ тѣми, для примиренія съ кѣмъ самъ Онъ не отказался вкусить смерть. Или и здѣсь издержки,
722 и трата денегъ, чѣмъ вы отговариваетесь отъ подаянія милостыни?

4. Подумай, какъ много ты виновенъ и не только не отказывай въ прощеніи обидѣвшимъ тебя, но самъ спѣши къ огорчившимъ тебя, чтобы и у тебя было основаніе получить прощеніе, чтобы найти извиненіе собственныхъ твоихъ неправдъ. Язычники, не ожидая никакихъ великихъ благъ, часто поступали въ такихъ случаяхъ благоразумно; а ты, имѣя въ виду такія надежды, отказываешь въ прощеніи и медлишь, и не рѣшаешься заблаговременно изъ повиновенія закону Божію совершить того, что со временемъ само собою сдѣлается, но лучше хочешь, чтобы страсть погасла въ тебѣ безъ всякой для тебя награды, чѣмъ съ наградою? Если страсть твоя отъ времени и погаснетъ, то тебѣ никакой не будетъ изъ того пользы; напротивъ тебя ожидаетъ великое наказаніе, потому что ты не сдѣлалъ по внушенію закона Божія того, что сдѣлало время. Если ты скажешь, что воспоминаніе объ оскорбленіи воспламеняетъ тебя гнѣвомъ, то вспомни, не сдѣлалъ ли тебѣ какого-нибудь добра оскорбившій тебя; а вмѣстѣ подумай, сколько зла замышлялъ ты самъ противъ другихъ? Онъ тебя злословилъ и безчестилъ? Представь, что и ты иныхъ злословилъ. Какъ же получишь ты прощеніе, когда самъ другимъ въ немъ отказываешь? Но ты никого не злословилъ? За то ты слушалъ, какъ другого злословили и соглашался. А и это не безгрѣшно. Хочешь ли знать, какъ хорошо прощать обиды, и какъ много это пріятно Богу? Онъ наказываетъ тѣхъ, которые радуются, когда видятъ справедливо нака-

зываемыхъ Имъ,—потому что хотя они и праведно наказываются, но тебѣ не должно радоваться. И пророкъ, обличивъ многія неправды, присовокупилъ: *не страдаху ничесоже въ сокрушеніи Іосифовѣ* (Амос. VI, 6); и еще: *не изыде сущая въ Сенаарѣ плакатися дому сущаго близъ ея* (Мих. I, 11). Хотя Іосифъ, то есть, колѣна отъ него происшедшія, и другія сосѣднія съ ними, были наказаны по опредѣленію Божію, но Онъ хочетъ, чтобы мы сострадали и имъ. Если мы, будучи злы, когда наказываемъ раба и видимъ, что кто-либо изъ товарищей его смѣется, еще болѣе раздражаемся и обращаемъ гнѣвъ свой противъ послѣдняго, то тѣмъ болѣе Богъ накажетъ тѣхъ, которые радуются, видя наказываемыхъ Имъ. А если должно жалѣть, а не нападать на тѣхъ, которые наказываются отъ Бога, то тѣмъ болѣе должно жалѣть тѣхъ, которые согрѣшаютъ противъ насъ. Это — знакъ любви, а любовь Богъ всему предпочитаетъ. Какъ въ царской багряницѣ почитаются драгоцѣнными тѣ цвѣта и краски, которыя украшаютъ хламиду, такъ точно и здѣсь драгоцѣнны тѣ добродѣтели, въ которыхъ содержится любовь. А ничѣмъ такъ не сохраняется любовь, какъ прощеніемъ обидъ виновнымъ предъ нами. Развѣ Богъ не имѣетъ попеченія и объ обиженныхъ? Не посылаетъ ли Онъ обидѣвшаго къ обиженному? Не отсылаетъ ли его къ нему отъ самаго алтаря, и не призываетъ ли его къ трапезѣ послѣ примиренія (Матѳ. V, 23)? Впрочемъ, поэтому тебѣ еще не надобно дожидаться, пока онъ къ тебѣ придетъ; иначе ты все потерялъ. Для того особенно Богъ и назначаетъ тебѣ великую награду, чтобы ты предварилъ его; такъ что если ты примиришься по его прошенію, то любовь будетъ плодомъ уже не повелѣнія Божія, но усердія обидѣвшаго,—почему ты и остаешься неувѣнчаннымъ, тогда какъ тотъ получаетъ награду. Что ты говоришь? Ты имѣешь врага, и не стыдишься? Не довольно ли намъ и діавола, чтобы еще пріобрѣтать себѣ враговъ изъ среды подобныхъ намъ? О, если бы и онъ пересталъ враж- 723
довать противъ насъ! О, если бы и онъ не былъ діаволомъ! Ты не знаешь, какъ велико удовольствіе послѣ примиренія? Что нужды, если не обнаруживается оно ясно, во время самой вражды? Только по прекращеніи вражды можно хорошо узнать, что гораздо пріятнѣе любить оскорбившаго, чѣмъ ненавидѣть.

5. Для чего же намъ подражать людямъ неистовымъ, пожирающимъ другъ друга и враждующимъ противъ собственной плоти? Послушай, какъ сильно сказано о томъ и въ ветхомъ завѣтѣ: *путіе злопомнящихъ въ смерть* (Притч. XII, 28). *Человѣкъ на человѣка сохраняетъ гнѣвъ, а отъ* Бога *ищетъ исцѣленія* (Сир. XXVIII, 3).

Но Богъ позволилъ мстить: *око за око, и зубъ за зубъ* (Исх. XXI, 24): почему же въ такомъ случаѣ Онъ ставитъ это въ вину? Потому, что Онъ позволилъ это не для того, чтобы мы въ самомъ дѣлѣ такъ поступали по отношенію другъ къ другу, а чтобы изъ страха наказанія и не осмѣливались на обиды. Притомъ же такое мщеніе свойственно гнѣву кратковременному, а злопамятность свойственна душѣ объятой злостію. Тебѣ причинили зло? Но оно отнюдь не такъ велико, какъ то, которое ты самъ себѣ причиняешь злопамятствомъ. Кромѣ того человѣку доброму и невозможно нанести никакого вреда. Представимъ себѣ, что кто-нибудь, имѣя дѣтей и жену, ведетъ жизнь совершенную; пусть будетъ у него много и случаевъ получить вредъ; пусть обладаетъ онъ громадными богатствами, властью, множествомъ друзей, наслаждается почестями, и однако ведетъ жизнь совершенную (это должно прибавить),—и представимъ, что его постигаютъ бѣдствія. Пусть напр. какой-нибудь злой человѣкъ причинилъ ущербъ его имуществу: но что это значитъ для того, кто ни во что вмѣняетъ имѣніе? Пусть убилъ дѣтей его: но что значитъ это для того, кто увѣренъ въ воскресеніи мертвыхъ? Пусть умертвилъ жену его: но что значитъ это для того, кто
724 научился не плакать объ умершихъ? Пусть обезчестилъ его: но что значитъ это для того, кто все настоящее представляетъ цвѣтомъ травнымъ? Пусть изранилъ онъ, если хочешь, даже тѣло его, и ввергнулъ его въ темницу: но что и это значитъ для того, кто знаетъ, что *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, но внутренній обновляется* (2 Кор. IV, 16), и что *скорбь содѣлываетъ* искусство (Рим. V, 3)? Я увѣренъ, что такой человѣкъ не потерпитъ никакого вреда, а напротивъ, какъ предъ этимъ объяснено, получитъ пользу: онъ обновится и сдѣлается искуснымъ. Итакъ, не будемъ мучить себя обидами другихъ, причиняя тѣмъ сами себѣ вредъ, и разслабляя свои душевныя силы. Мученіе происходитъ не столько отъ злобы ближнихъ нашихъ, сколько отъ нашего малодушія. Поэтому-то, если кто обидитъ насъ, мы плачемъ и предаемся унынію; если похититъ у насъ что-нибудь, мы испытываемъ тоже самое, подобно малымъ дѣтямъ, которыхъ сверстники ихъ, болѣе рѣзвые, раздражаютъ, смущая не чѣмъ-нибудь важнымъ, а пустяками, и если увидятъ, что тѣ на нихъ гнѣваются, то не перестаютъ имъ досаждать, а если увидятъ, что смѣются, то отъ нихъ отступаютъ. Но мы безсмысленнѣе и дѣтей,—плачемъ о томъ, чему бы должны смѣяться. Поэтому умоляю васъ, оставимъ такія дѣтскія чувства; будемъ стремиться къ небесному. Христосъ хочетъ, чтобы мы были мужами, и мужами совершенными. То же заповѣдалъ и Павелъ, говоря: *братіе,*

не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте (1 Кор. XIV, 20). Итакъ, будемъ младенцами на злое, и избѣгая грѣха, будемъ держаться добродѣтели, чтобы сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXX.

Іисусу же бывшу въ Виѳаніи, въ дому Симона прокаженнаго, приступи къ Нему жена, сткляницу мѵра имущи многоцѣннаго, и возливаше на главу Его возлежаща (Матѳ. XXVI, 6—7). 723-724

1. Жена эта, повидимому, есть одна и та же у всѣхъ евангелистовъ; въ дѣйствительности же не такъ, но у трехъ евангелистовъ, мнѣ кажется, говорится объ одной и той же; у Іоанна же—о другой нѣкоторой чудной женѣ, сестрѣ Лазаря. Не безъ цѣли евангелистъ упомянулъ и о проказѣ Симона, но для того, чтобы показать, почему жена съ дерзновеніемъ приступила къ Іисусу. Такъ какъ проказа считалась болѣзнію крайне нечистою и гнусною, а между тѣмъ она видѣла, что Іисусъ исцѣлилъ человѣка (иначе Онъ не захотѣлъ бы остаться у прокаженнаго), и возлежалъ у него, то она возъимѣла надежду, что Іисусъ легко очиститъ и душевную ея нечистоту. Не безъ причины также евангелистъ упомянулъ и о городѣ Виѳаніи, но для того, дабы ты зналъ, что Христосъ добровольно идетъ на страданіе. Прежде Онъ удалялся отъ іудеевъ; теперь же, когда особенно воспламенилась ихъ ненависть, Онъ проходитъ близъ нихъ, на разстояніи стадій пятнадцати. Такимъ образомъ и прежнее удаленіе Его было дѣломъ домостроительства. Итакъ жена, увидѣвъ Его и получивъ вслѣдствіе этого дерзновеніе, приступила къ Нему. И если жена кровоточивая и не сознававшая ничего подобнаго, такъ какъ нечистота ея была отъ природы, со страхомъ и трепетомъ приступила, то тѣмъ большій страхъ и стыдъ надлежало имѣть этой женѣ, по причинѣ нечистоты ея совѣсти. Поэтому и приступаетъ она послѣ жены самарянской, хананейской, кровоточивой и другихъ весьма многихъ женъ, такъ какъ сознавала въ себѣ великую нечистоту; и приступаетъ не всенародно, но въ домѣ. И въ то время, какъ всѣ прочія жены приходили только за полученіемъ исцѣленія тѣлеснаго, она пришла исключительно за тѣмъ, чтобы воздать честь Іисусу, и получить душевное исцѣленіе. Она не имѣла никакого поврежденія въ тѣлѣ, и потому особенно всякій долженъ ей удивляться. И не

какъ къ простому человѣку подходитъ она къ Іисусу,—иначе не отерла бы своими власами ногъ Его,—но какъ къ такому лицу, которое выше человѣка. Поэтому и принесла къ ногамъ Христовымъ главу свою,—часть тѣла, которая драгоцѣннѣе всего тѣла. *Видѣвше же ученицы Его, негодоваша, глаголюще: чесо ради гибель сія? Можаше бо сіе мvро продано быти на многѣ, и датися нищимъ. Разумѣвъ же Іисусъ, рече: что труждаете жену? Дѣло бо добро содѣла о Мнѣ. Всегда бо нищія имате съ собою, Мене же не всегда имате. Возліявши бо сія мvро сіе на тѣло Мое, на погребеніе Мя сотвори. Аминь глаголю вамъ, идѣже аще проповѣдано будетъ евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется, и еже сотвори сія, въ память ея* (ст. 8—13).
725 Откуда родилась въ ученикахъ эта мысль? Они слышали, какъ Учитель говорилъ: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6), и порицалъ іудеевъ за то, что они оставляли важнѣйшее—*судъ и милость и вѣру,* какъ на горѣ разсуждалъ съ ними о милостынѣ, и изъ всего этого выводили заключеніе и разсуждали другъ съ другомъ: если онъ не допускаетъ всесожженій и древняго богослуженія, то тѣмъ менѣе допуститъ помазаніе елеемъ. Но такъ думали ученики, Іисусъ же, видя мысли жены, попускаетъ ей приблизиться. И, такъ какъ благоговѣніе ея было велико и усердіе невыразимо, то Онъ, по величайшему списхожденію Своему, позволилъ ей излить мvро и на главу Свою. Если Онъ не отказался содѣлаться человѣкомъ, быть носимымъ во чревѣ, питаться млекомъ, то чему удивляться, если и этого не отвергаетъ? Какъ Отецъ Его принималъ куреніе и дымъ, такъ и Онъ принялъ блудницу, одобряя, какъ я прежде сказалъ, ея расположеніе. Елеемъ Іаковъ помазалъ столпъ въ жертву Богу (Быт. XXVIII, 18); елей приносимъ былъ въ жертвахъ (Лев. II, 4); елеемъ помазуемы были и священники (VIII, 10). Но ученики, не зная мыслей жены, неумѣстно укоряли ее, и въ самомъ обвиненіи указали на щедрость жены. Сказавъ, что его можно было бы продать за триста динаріевъ (Марк. XIV, 5; Іоан. XII, 5), они показали, сколько она истратила на мvро, и какую обнаружила щедрость. Поэтому Христосъ и упрекаетъ ихъ, говоря: *что труждаете жену?* И указываетъ далѣе причину, желая снова напомнить имъ о Своемъ страданіи: *на погребеніе,* говоритъ, *Мя сотвори.* Приводитъ также и другую причину: *нищія бо всегда имате съ собою, Мене же не всегда имате*; и: *идѣже аще проповѣстся евангеліе, речется, и еже сотвори сія* (ст. 11, 13). Видишь ли, какъ Христосъ предвозвѣщаетъ ученикамъ исшествіе ихъ къ народамъ, и такимъ образомъ утѣшаетъ ихъ при мыслѣ о смерти, указывая на то, что послѣ крестной смерти откроется такая сила, что проповѣдь распространится повсюду. Итакъ, какой несчастный

будетъ противорѣчить столь очевидной истинѣ? Вотъ исполнилось то, что Христосъ предсказалъ, и куда ни пойдешь во вселенной, вездѣ увидишь, что возвѣщаютъ и объ этой женѣ, хотя она не знаменита, не имѣла многихъ свидѣтелей, была не на зрѣлищѣ, но въ домѣ, и притомъ въ домѣ нѣкоего прокаженнаго, въ присутствіи однихъ только учениковъ Христовыхъ.

2. Кто жъ это возвѣстилъ и проповѣдалъ? Сила Того, Кто предсказалъ это. Умолчано о подвигахъ безчисленныхъ царей и полководцевъ, которыхъ памятники еще сохраняются; неизвѣстны ни по слуху, ни по имени тѣ, которые построили города, соорудили стѣны, одержали побѣды на войнахъ, воздвигли трофеи, покорили многіе народы, хотя они и поставили статуи и издали законы; но то, что жена блудница излила елей въ домѣ нѣкотораго прокаженнаго въ присутствіи десяти мужей, всѣ воспѣваютъ во вселенной. Прошло столько времени, а память объ этомъ происшествіи не истребилась; и персы, и индійцы, и скиѳы, и ѳракіяне, сарматы, и племя мавровъ, и жители Британскихъ острововъ повѣствуютъ о томъ, что сдѣлала жена блудница въ Іудеѣ—тайно, въ домѣ. Велико человѣколюбіе Господа! Онъ принимаетъ блудницу, блудницу лобызающую ноги, возливающую елей и отирающую власами, принимаетъ и упрекаетъ тѣхъ, которые обвиняютъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, не надлежало 726
приводить въ смущеніе жену за такое ея усердіе. Обрати вниманіе и на то, какъ высоки были ученики и усердны къ подаянію милостыни. Но для чего Христосъ не просто сказалъ: доброе дѣло сдѣлала; а сказалъ прежде: *что труждаете жену*? Для того, дабы они знали, что не надобно требовать съ самаго начала высокихъ дѣлъ отъ немощныхъ людей. Поэтому-то Онъ и разсматриваетъ дѣло не просто, каково оно само въ себѣ, но по отношенію къ лицу жены. Если бы Онъ давалъ законъ, то не упомянулъ бы о женѣ; но чтобы ты зналъ, что для нея это сказано, съ тою цѣлію, чтобы ученики не истребили возникающей ея вѣры, а еще болѣе возбудили, для этого Онъ говоритъ вышеупомянутыя слова, научая насъ тому, чтобы мы принимали, одобряли и возводили къ большему совершенству доброе дѣло, кѣмъ бы оно ни было сдѣлано, и каково бы оно ни было, и не требовали полнаго совершенства въ самомъ его началѣ. Что Христосъ и самъ особенно желалъ этого, видно изъ того, что Онъ, не имѣвшій гдѣ главу приклонить, повелѣлъ носить денежный ящикъ. Но теперь время не требовало исправленія поступка, а только принятія его. Какъ прежде этого поступка жены Онъ не произнесъ бы такого мнѣнія, если бы кто спросилъ Его, такъ и послѣ того, какъ жена совершила его, Онъ

имѣетъ въ виду только то, чтобы она не приведена была въ смущеніе порицаніемъ учениковъ, но удалилась отъ Него, сдѣлавшись усерднѣе и лучше чрезъ служеніе Ему. Послѣ возліянія елея порицаніе ихъ было уже неумѣстно. Такъ и ты, если увидишь, что кто-нибудь сдѣлалъ и приноситъ священные сосуды, или заботится о другомъ какомъ-нибудь украшеніи церковномъ, касающемся стѣнъ и пола,—не позволяй продавать или истреблять то, что сдѣлано, чтобы не ослабить его усердія. Если же кто прежде, чѣмъ сдѣлать, скажетъ тебѣ о своемъ намѣреніи, то вели раздать нищимъ, такъ какъ и самъ Іисусъ сдѣлалъ это для того, чтобы не ослабить усердія жены, и все, что ни говоритъ, говоритъ въ утѣшеніе ея. Далѣе—когда сказалъ: *на погребеніе Мя сотвори*, то чтобы не показалось, что Онъ приводитъ въ смущеніе жену, упомянувъ о такомъ предметѣ, то есть, гробѣ и смерти, смотри какъ опять укрѣпляетъ ее, говоря: *во всемъ мірѣ речется, еже сотвори сія*. Это служило и для учениковъ увѣщаніемъ, и для жены утѣшеніемъ и похвалою. Всѣ, говоритъ Онъ, прославятъ ее впослѣдствіи, и теперь она предвозвѣстила страданіе, принесши необходимое для погребенія. Поэтому никто пусть не порицаетъ ее. Я настолько далекъ отъ того, чтобы осуждать ее, какъ бы за худой поступокъ, или укорять, какъ бы за неправое дѣло, что даже не попущу остаться въ неизвѣстности случившемуся, и сдѣлаю то, что міръ узнаетъ о поступкѣ, совершенномъ въ домѣ и втайнѣ, такъ какъ этотъ поступокъ происходилъ отъ благоговѣйной мысли, теплой вѣры и сокрушеннаго сердца. Но для чего Христосъ обѣщалъ женѣ не духовное что-нибудь, а всегдашнюю о ней память? Для того, чтобы чрезъ это вселить въ ней надежду на полученіе духовныхъ благъ. Если она сдѣлала доброе дѣло, то, очевидно, и получитъ достойную награду. *Тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте, Іуда глаголемый Искаріотскій, ко архіереомъ, рече: что ми хощете дати, и азъ предамъ вамъ Его* (ст. 14—15). *Тогда*. Когда же? Когда Христосъ говорилъ это, когда сказалъ: *на погребеніе*. Іуда не тронулся этимъ и не убоялся, когда услышалъ, что евангеліе будетъ проповѣдано повсюду (а сказанное заключало въ себѣ невыразимую силу); тогда какъ
727 жены, и жены блудницы, оказывали такую честь Іисусу, онъ совершалъ діавольское дѣло. Почему же евангелисты говорятъ о его именованіи? Потому что былъ другой Іуда. Безъ опасенія они говорятъ и то, что Іуда былъ изъ числа двѣнадцати. Такимъ образомъ они не скрываютъ ничего, что кажется постыднымъ. Можно было бы сказать просто: былъ нѣкто изъ учениковъ Христовыхъ,—потому что были и другіе. Теперь же они прибавляютъ: отъ обоюнадесяте, и какъ бы говорятъ: изъ перваго лика, изъ

числа лучшихъ, избранныхъ учениковъ, которые были съ Петромъ и Іоанномъ. Они старались объ одной только истинѣ, о томъ, чтобы не утаить событій. Поэтому умалчиваютъ о многихъ знаменіяхъ, но не скрываютъ ничего такого, что кажется постыднымъ, и смѣло возвѣщаютъ о томъ, хотя бы это было слово или дѣло, или что другое.

3. И не только первые три евангелиста повѣствуютъ объ этомъ, но и самъ Іоаннъ, возвѣщающій высочайшія тайны. Онъ болѣе всѣхъ говоритъ о поношеніяхъ и поруганіяхъ, претерпѣнныхъ Іисусомъ. И смотри, какъ велика злоба Іуды, когда Онъ произвольно приступаетъ къ предательству, когда дѣлаетъ это изъ-за денегъ, и притомъ денегъ столь незначительныхъ. Лука говоритъ, что онъ имѣлъ совѣщаніе съ военачальниками (Лук. XXII, 4). По причинѣ возмущеній іудеевъ, римляне поставляли надъ ними своихъ начальниковъ, которые наблюдали за порядкомъ,—потому что власть уже была отнята у іудеевъ, по пророчеству. Пришедши къ этимъ военачальникамъ, Іуда сказалъ: *что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его? Они же поставиша ему тридесять сребреникъ. И оттолѣ искаше подобна времене, да Его предастъ* (ст. 15—16), такъ какъ Онъ боялся народа, и хотѣлъ взять Іисуса наединѣ. О, безуміе! Какъ ослѣпило его совершенно сребролюбіе! Не смотря на то, что часто видѣлъ, какъ Іисусъ проходилъ среди толпы и не былъ удерживаемъ, какъ являлъ многія доказательства Своего божества и силы, Іуда думалъ удержать Его, и не смотря на то, что Іисусъ столько разъ повторялъ ему и страшныя и кроткія слова, чтобы разрушить злой его умыселъ. Даже и на вечери не переставалъ заботиться о немъ, но до послѣдняго дня бесѣдовалъ съ нимъ объ этомъ. Но Іуда не получилъ никакой пользы: не смотря однако на все это Господь не переставалъ совершать Свое дѣло. Зная это, и мы неопустительно должны дѣлать все для заблуждающихъ и безпечныхъ: увѣщевать ихъ, учить, утѣшать, умолять, подавать имъ совѣты, хотя бы отъ этого не получили мы никакой пользы. И Христосъ предвидѣлъ, что предатель не исправится,—однако не переставалъ съ Своей стороны заботиться о немъ, увѣщевать его, угрожать ему, соболѣзновать о немъ, не открыто и явно, но сокровенно. Въ самое же время преданія даже попустилъ облобызать Себя,—но все это для Іуды было безполезно. Вотъ какое великое зло сребролюбіе! Оно именно сдѣлало Іуду и святотатцемъ, и предателемъ. Услышьте всѣ сребролюбцы, страждущіе болѣзнію Іуды,—услышьте и берегитесь этой страсти. Если тотъ, кто находился со Христомъ, творилъ чудеса, пользовался такимъ ученіемъ, низвергся въ такую

бездну отъ того, что не былъ свободенъ отъ этой болѣзни, то тѣмъ болѣе вы, не слышавшіе даже Писанія и всегда прилѣпляющіеся къ настоящему, удобно можете быть уловлены этою страстію, если не будете прилагать непрестаннаго попеченія. Іуда ежедневно находился съ Тѣмъ, Кто не имѣлъ, гдѣ главы преклонить, ежедневно былъ научаемъ дѣлами и словами тому, что не должно имѣть ни золота, ни сребра, ни двухъ одеждъ,—
728 и при всемъ томъ не вразумился. Какъ же ты надѣешься избѣжать этой болѣзни, когда не употребляешь сильнаго врачеванія и не прилагаешь сильнаго старанія? Ужасенъ, по истинѣ ужасенъ этотъ звѣрь. Впрочемъ, если захочешь, легко побѣдишь его. Это не есть похоть врожденная, какъ то доказываютъ освободившіеся отъ нея. Естественныя влеченія всѣмъ общи; а эта похоть происходитъ отъ одного нерадѣнія; отъ него раждается, отъ него возрастаетъ, и когда уловитъ пристрастныхъ къ ней, заставляетъ ихъ жить противуестественно. Въ самомъ дѣлѣ, когда они не признаютъ единоплеменниковъ, друзей, братьевъ, сродниковъ, словомъ—всѣхъ, а съ ними вмѣстѣ не знаютъ и самихъ себя, то не значитъ ли это жить противуестественно? Отсюда ясно, что противуестественна и злоба, и болѣзнь сребролюбія, подвергшись которой, Іуда сдѣлался предателемъ. Какъ же онъ сдѣлался предателемъ, спросишь ты, когда призванъ Христомъ? Богъ, призывая къ Себѣ людей, не налагаетъ необходимости, и не дѣлаетъ насилія волѣ тѣхъ, которые не желаютъ избрать добродѣтели; но увѣщеваетъ, подаетъ совѣты,—все дѣлаетъ и всячески старается, чтобы побудить ихъ сдѣлаться добрыми; если же нѣкоторые противятся этому, Онъ не принуждаетъ. Если ты хочешь узнать, отчего Іуда сдѣлался такимъ, то найдешь, что онъ погибъ отъ сребролюбія. Отчего же, спросишь, онъ уловленъ этою страстію? Оттого, что былъ безпеченъ. Отъ безпечности происходятъ такія перемѣны, тогда какъ отъ ревности происходятъ перемѣны противоположныя. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, такихъ, которые были жестокими, а теперь кротче овецъ? Сколько такихъ, которые сперва были сладострастными, а послѣ сдѣлались цѣломудренными? Сколько такихъ, которые прежде были сребролюбцами, а теперь отвергли и свое собственное имущество? Совершенно противное случалось отъ безпечности. Такъ Гіезій жилъ со святымъ мужемъ, и сдѣлался нечестивымъ отъ болѣзни сребролюбія (4 Цар. гл. 5). Поистинѣ сребролюбіе ужаснѣйшая изъ всѣхъ страстей. Отсюда расхитители гробницъ, отсюда убійцы, отсюда войны и битвы, отсюда всякое зло, какое бы ты ни назвалъ. И подобный человѣкъ вездѣ бываетъ безполезенъ, случится ли ему начальствовать надъ вой-

скомъ, или управлять народомъ. И онъ бываетъ такимъ не только въ дѣлахъ общественныхъ, но даже и въ частныхъ. Вознамѣрится ли жениться,—не возьметъ добродѣтельной жены, а возьметъ ту, которая всѣхъ хуже. Вздумаетъ ли купить домъ,—покупаетъ не такой, какой приличенъ благородному, но такой, который можетъ принести ему большой доходъ. Захочетъ ли купить рабовъ, или что другое,—купить самое худое. Но что я говорю о его начальствѣ надъ войскомъ и народомъ, о его хозяйствѣ? Если даже онъ будетъ царемъ, то будетъ несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ, погибелію для вселенной, бѣднѣйшимъ изъ всѣхъ. Его состояніе будетъ подобно состоянію какого-нибудь простолюдина; онъ не будетъ блага всѣхъ почитать своими, но будетъ считать себя отдѣльнымъ отъ всѣхъ и, похищая блага у всѣхъ, станетъ думать, что онъ имѣетъ менѣе всѣхъ. Измѣряя настоящія блага желаніемъ будущихъ, еще не пріобрѣтенныхъ благъ, онъ будетъ считать первыя ничтожными въ сравненіи съ послѣдними.

4. Поэтому-то нѣкто сказалъ: нѣтъ ничего беззаконнѣе сребролюбиваго. Дѣйствительно, такой человѣкъ и самъ себя продаетъ, и дѣлается общимъ врагомъ вселенной, когда скорбитъ, что земля не приноситъ золота вмѣсто колосьевъ, и что вмѣсто рудниковъ существуютъ источники, вмѣсто драгоцѣнныхъ камней—горы; съ негодованіемъ смотритъ онъ на плодородіе, печалится при видѣ общаго блага, отвращается отъ всякаго дѣла, чрезъ которое нельзя пріобрѣсть денегъ; все терпитъ, когда можно ему получить хотя двѣ малыя монеты; ненавидитъ всѣхъ, бѣдныхъ и богатыхъ: бѣдныхъ изъ-за того, какъ бы они не пришли къ нему когда-нибудь просить милостыню; богатыхъ за то, что онъ не имѣетъ ихъ богатства. Онъ думаетъ, что всѣ завладѣли его 729
имуществомъ, и какъ бы всѣми обижаемый, негодуетъ на всѣхъ. Онъ не знаетъ довольства и насыщенія, онъ самый несчастнѣйшій изъ всѣхъ. Наоборотъ, свободный отъ всего этого и любящій истинную мудрость, счастливѣе всѣхъ. Добродѣтельный, будетъ ли онъ рабомъ или плѣнникомъ, блаженнѣе всѣхъ. Никто не сдѣлаетъ ему зла, хотя бы со всей вселенной стеклись всѣ съ оружіемъ и войсками и стали воевать противъ него. Негодный же и злой человѣкъ, и такой, какого мы описали, хотя бы былъ царемъ и украшенъ безчисленными вѣнцами, можетъ потерпѣть отъ всякаго величайшія несчастія. Такъ безсильна злоба! Такъ сильна добродѣтель! Что же ты печалишься находясь въ бѣдности? Для чего рыдаешь въ праздникъ? Это время—время празднества. Для чего проливаешь слезы? Бѣдность составляетъ для тебя торжество, если только ты благоразуменъ. Для чего горько пла-

чешь, дитя? Подлинно, такого должно назвать дитятею. Билъ ли кто
тебя? Что жъ? Онъ сдѣлалъ тебя чрезъ это терпѣливѣе. Отнялъ
ли кто у тебя деньги? Отнялъ излишнее бремя. Лишилъ ли
славы? Опять ты говоришь мнѣ о другомъ видѣ свободы. По-
слушай, какъ объ этомъ разсуждаютъ язычники; они говорятъ:
ты не претерпѣлъ никакого несчастія, если только не присвои-
ваешь его себѣ. Отнялъ ли кто у тебя большой и укрѣпленный
оградами домъ? Но вотъ предъ тобою вся земля, общественныя
зданія,—употребляй ихъ, какъ хочешь,—на увеселеніе или на
пользу. Что пріятнѣе и прекраснѣе тверди небесной? До какихъ
поръ вамъ быть нищими и бѣдными? Нельзя быть богатымъ
тому, кто не обогащаетъ душу; равно какъ нельзя быть нищимъ
тому, кто не бѣденъ душею. Если душа могущественнѣе тѣла,
то ее не можетъ привлечь слабѣйшее. Но она, будучи могуще-
ственна, привлекаетъ къ себѣ не столь могущественное и измѣ-
няетъ его. И сердце, когда получитъ какую-либо болѣзнь, то
сообщаетъ ее всему тѣлу, и если бываетъ повреждено, то раз-
рушаетъ все тѣло, а если бываетъ здорово, то сообщаетъ здо-
ровье всему тѣлу. Когда же поврежденъ какой-либо изъ про-
чихъ членовъ тѣла, а сердце бываетъ здорово, то оно легко
истребляетъ поврежденіе и въ прочихъ членахъ. Но чтобы сдѣ-
лать яснѣе то, что я говорю, скажи мнѣ: какая польза въ зеле-
ныхъ вѣтвяхъ, когда засыхаетъ корень? И какой вредъ отъ того,
730 когда верхніе листья засыхаютъ, а корень здоровъ? Такъ и здѣсь.
Нѣтъ никакой пользы въ деньгахъ, когда бѣдна душа, и нѣтъ
никакого вреда, когда душа богата. Какъ же, скажешь ты, душа
можетъ быть богата, будучи бѣдна деньгами? Тогда-то особенно
и можетъ быть богата,—потому что она въ это время обыкно-
венно и богатѣетъ. Если, какъ мы часто говорили, признакомъ
богатаго служитъ то, что онъ презираетъ деньги и ни въ чемъ
не нуждается, а бѣднаго, напротивъ, то, что онъ нуждается, и
если легче презирать деньги въ бѣдности, нежели въ богатствѣ,
то очевидно, что бѣдность особенно дѣлаетъ богатымъ. Всякому
извѣстно, что богатый болѣе желаетъ богатства, нежели бѣдный,
подобно тому, какъ человѣкъ упившійся виномъ чувствуетъ
сильнѣйшую жажду, чѣмъ тотъ, кто пилъ съ умѣренностью.
Похоть не такова, чтобы могла быть погашена бóльшимъ удо-
влетвореніемъ ея, но напротивъ отъ этого она еще болѣе воспла-
меняется. Какъ огонь, чѣмъ болѣе получаетъ пищи, тѣмъ болѣе
свирѣпствуетъ, такъ и пристрастіе къ богатству, чѣмъ болѣе
получаетъ золота, тѣмъ болѣе усиливается. Итакъ, если желаніе
бóльшаго есть признакъ бѣдности, а богатый желаетъ бóльшаго,
то богатый весьма бѣденъ. Видишь ли, что душа тогда особенно

бываетъ бѣдна, когда обогащается, и тогда бываетъ богата, когда бѣдна? Если хочешь, чтобъ я объяснилъ это примѣромъ, то представь двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ десять тысячъ талантовъ, а другой десять, и отнимемъ у обоихъ эти таланты: который изъ нихъ будетъ болѣе сожалѣть? Тотъ, который лишился десяти тысячъ. Но онъ не сталъ бы болѣе сожалѣть, если бы не любилъ ихъ болѣе; если же онъ любитъ болѣе, то болѣе и желаетъ; если же болѣе желаетъ, то болѣе и бѣденъ. Мы болѣе всего желаемъ того, въ чемъ наиболѣе имѣемъ нужду, такъ какъ отъ нужды происходитъ желаніе. Гдѣ же довольство, тамъ не можетъ быть желанія. Мы тогда особенно томимся жаждою, когда ощущаемъ нужду въ питьѣ. Все это сказано мною для того, чтобы показать, что если мы будемъ бодрствовать, то никто не можетъ сдѣлать намъ вреда, и что не отъ бѣдности, а отъ насъ самихъ бываетъ намъ вредъ. Поэтому умоляю васъ всѣми силами истреблять болѣзнь сребролюбія, чтобы намъ и здѣсь сдѣлаться богатыми, и насладиться вѣчными благами, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXI.

Въ первый же день опрѣсночный приступиша ученицы ко Іисусу, глаголюще: гдѣ хощеши уготоваемъ Ти ясти пасху? Онъ же рече: идите во градъ ко онсицѣ, и рцыте ему: Учитель глаголетъ: время Мое близъ есть, у тебе сотворю пасху со ученики Моими (Матѳ. XXVI, 17. 18). 729-730

1. Первымъ днемъ опрѣсночнымъ евангелистъ называетъ день, предшествовавшій празднику опрѣсноковъ, такъ какъ іудеи всегда имѣли обыкновеніе считать день съ вечера. Евангелистъ упоминаетъ о томъ днѣ, въ который вечеромъ должно было закалать пасхальнаго агнца, такъ какъ ученики приступили къ Іисусу въ пятый день недѣли. Этотъ-то день евангелистъ Матѳей и называетъ днемъ, предшествовавшимъ празднику опрѣсноковъ, когда говоритъ о времени, въ которое ученики приступили къ Іисусу. А другой евангелистъ говоритъ такъ: *пріиде же день опрѣсноковъ, въ оньже подобаше жрети пасху* (Лук. XXII, 7). *Пріиде*, то есть, приближался, былъ при дверяхъ. Очевидно, евангелистъ упоминаетъ объ этомъ именно вечерѣ, такъ какъ съ вечера начинали совершать пасху. Потому каждый

евангелистъ присовокупляетъ: когда закалали пасхальнаго агнца. Приступивъ къ Іисусу, ученики говорятъ Ему: *гдѣ хощеши уготоваемъ Ти ясти пасху?* И отсюда, между прочимъ, видно, что у Іисуса не было дома, не было постояннаго мѣстопребыванія. А я думаю, что и ученики не имѣли его; иначе они попросили бы Іисуса придти туда. Но и у нихъ, отрекшихся отъ всего, не было дома. Для чего же Христосъ совершилъ пасху? Для того, чтобы во всемъ, что Онъ совершалъ даже до послѣдняго дня, показать, что Онъ не противится закону. Но для чего именно посылаетъ къ неизвѣстному человѣку? Чтобы и этимъ показать, что Онъ могъ не пострадать. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ одними только словами расположилъ сердце этого человѣка къ тому, чтобы принять учениковъ, то чего не произвелъ бы въ распинающихъ Его, если бы не хотѣлъ пострадать? И что́ Онъ сдѣлалъ прежде, когда послалъ за осломъ, то же дѣлаетъ и теперь.
731 Тамъ Онъ сказалъ: *аще кто вамъ речетъ что, рцыте, яко Господь его требуетъ* (Матѳ. XXI, 3); такъ и здѣсь говоритъ: *Учитель сказалъ: у тебя сотворю пасху.* Впрочемъ, я удивляюсь не тому только, что принялъ Его человѣкъ незнакомый, но и тому, что Онъ, зная, что навлечетъ на Себя великую вражду и непримиримую брань, презрѣлъ ненависть многихъ. Далѣе, такъ какъ ученики не знали этого человѣка, то Христосъ даетъ имъ и знаменіе, какое пророкъ далъ Саулу, говоря: *обрящеши нѣкоего восходяща и мѣхъ имуща* (1 Цар. X, 3); а здѣсь: *скудель носяща* (Лук. XXII, 10). И замѣть еще доказательство силы Его. Онъ не только сказалъ: *сотворю пасху;* но прибавляетъ еще другія слова: *время Мое близъ есть.* Это дѣлалъ Онъ для того, чтобы съ одной стороны чрезъ непрестанное напоминаніе и частое предсказаніе ученикамъ о страданіи пріучить ихъ къ безтрепетному размышленію о будущемъ, съ другой—чтобы показать какъ самимъ ученикамъ, такъ и принимающему ихъ, и всѣмъ іудеямъ, какъ я часто говорилъ, что Онъ не непроизвольно идетъ на страданіе. Прибавляетъ же слова: *съ учениками Моими*—для того, чтобы и приготовленіе было достаточно, и принимающій не подумалъ, что Онъ укрывается. *Вечеру же бывшу, возлежаше со обѣманадесяте ученикома* (ст. 20). О, безстыдство Іудино! И Онъ тамъ присутствовалъ, и онъ пришелъ для того, чтобы причаститься таинствъ и яствъ, и обличаемъ былъ при самой трапезѣ, тогда какъ и звѣрь могъ бы сдѣлаться кротчайшимъ. Поэтому-то и евангелистъ замѣчаетъ, что когда они ѣли, Христосъ бесѣдовалъ съ ними о предательствѣ, чтобы и самымъ временемъ, и трапезою обличить лукавство предателя. Когда ученики совершили, какъ повелѣлъ имъ Іисусъ, *вечеру бывшу, возлежаще со обѣманадесяте. Ядущимъ же*

имъ, рече: аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предастъ Мя (ст. 21). Прежде же вечери Христосъ умылъ и ноги Іуды. Смотри, какъ Онъ щадитъ предателя: Онъ не сказалъ: этотъ предастъ Меня; но: *единъ отъ васъ*—для того, чтобы сокрытіемъ его опять дать ему возможность раскаяться, и предпочитаетъ устрашить всѣхъ, чтобы спасти его. Одинъ изъ васъ двѣнадцати, говоритъ Онъ, которые всюду находитесь со Мною, которымъ Я умылъ ноги, и которымъ Я обѣщалъ столь великія блага. Тогда нестерпимая скорбь объяла это святое собраніе. Іоаннъ говоритъ, что ученики недоумѣвали, и озирались другъ на друга (Іоан. XIII, 22), и каждый изъ нихъ съ боязнію спрашивалъ о себѣ самомъ, хотя они и не сознавали за собою ничего такого. Матѳей же говоритъ: *скорбяще зѣло, начаша глаголати Ему единъ кійждо ихъ: еда азъ есмь, Господи? Онъ же отвѣщавъ, рече: емуже Азъ омочивъ хлѣбъ подамъ, той есть* (Матѳ. XXVI, 22; Іоан. XIII, 26). Смотри, когда Христосъ открылъ предателя! Тогда, какъ восхотѣлъ вывести изъ смущенія прочихъ, которые омертвѣли отъ страха, а потому и спрашивали настоятельно. Впрочемъ Онъ дѣлалъ это не только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы освободить ихъ отъ страха, но и для того, чтобы исправить предателя. Такъ какъ послѣдній, часто слышавшій неясныя обличенія, по жестокосердію своему, оставался безъ исправленія, то Христосъ, желая сильнѣе возбудить его, срываетъ съ него личину. Когда же ученики опечалились, и начали говорить: *еда азъ, Господи*, то *Іисусъ, отвѣщавъ, рече: омочивый со Мною въ солило, той Мя предастъ. Сынъ убо человѣческій идетъ,* 732
якоже есть писано о Немъ: горе же человѣку, имже Сынъ человѣческій предается; добро бы было ему, аще не бы родился человѣкъ той (ст. 23—24). Нѣкоторые говорятъ, что Іуда такъ былъ дерзокъ, что не почиталъ Учителя, и вмѣстѣ съ Нимъ обмакивалъ руку. А по моему мнѣнію, Христосъ сдѣлалъ и это для того, чтобы привести его въ большій стыдъ, и возбудить въ немъ доброе расположеніе; вѣдь и это имѣетъ нѣкоторую пользу.

2. Не должно совершенно оставлять этого безъ вниманія, но мы должны напечатлѣть это въ нашихъ мысляхъ, и ярость никогда не будетъ имѣть въ насъ мѣста. Кто, въ самомъ дѣлѣ, размышляя объ этой вечери, о предателѣ, возлежащемъ со Спасителемъ всѣхъ, и о томъ, сколь кротко бесѣдуетъ имѣющій быть преданъ,—не отвергнетъ всего яда гнѣва и ярости? Смотри же, съ какою кротостію Христосъ обращаетъ рѣчь Свою къ Іудѣ: *Сынъ же человѣческій идетъ, якоже есть писано о Немъ!* Это говорилъ Онъ какъ для утвержденія учениковъ Своихъ, чтобы они поступокъ Его не приписали слабости, такъ и для того, чтобы исправить предателя. *Горе же человѣку тому, имже Сынъ человѣческій пре-*

дается; добро бы было ему, аще не бы родился человѣкъ той. Замѣть опять въ обличеніи неизреченную кротость. Даже и теперь не грозно, но весьма милостиво бесѣдуетъ съ предателемъ, и притомъ прикровенно, не смотря на то, что не только прежняя его безчувственность, но и послѣ этого обнаружившееся въ немъ безстыдство достойны были крайняго негодованія. Вѣдь и послѣ этого обличенія Іуда говоритъ: *еда азъ есмь, Господи* (ст. 25)? О, безчувственность! Спрашиваетъ тогда, какъ самъ это сознаетъ! И евангелистъ, удивляясь его дерзости, говоритъ объ этомъ. Что же сказалъ въ отвѣтъ кротчайшій и незлобивый Іисусъ? *Ты реклъ еси.* Хотя онъ и могъ бы сказать: о, скверный и прескверный, гнусный и нечистый человѣкъ! Столько времени готовясь совершить зло, удалившись и заключивъ сатанинскій договоръ, согласившись взять сребро и будучи обличенъ Мною, ты осмѣливаешься еще спрашивать? Но Христосъ не сказалъ ничего такого. Что же сказалъ? *Ты реклъ еси,*—и тѣмъ самымъ начертываетъ для насъ образъ и правило терпѣнія. Но иной скажетъ: если написано, что Христосъ такъ пострадаетъ, то за что же осуждается Іуда? Онъ исполнилъ то, что написано. Но онъ дѣлалъ не съ тою мыслію, а по злобѣ. Если же ты не будешь обращать вниманія на намѣренія, то и діавола освободишь отъ вины. Но нѣтъ, нѣтъ! И тотъ, и другой достойны безчисленныхъ мученій, хотя и спаслась вселенная. Не предательство Іуды содѣлало намъ спасеніе, но мудрость Христа, дивно обращавшая злодѣянія другихъ въ нашу пользу. Что же,—спросишь ты,—если бы Іуда Его не предалъ, то не предалъ ли бы другой? Какое же отношеніе имѣетъ это къ настоящему предмету? Такое, скажешь, что если Христу надлежало быть распяту, то нужно было, чтобы это совершено было кѣмъ-либо; если кѣмъ-либо, то конечно такимъ человѣкомъ. Если бы всѣ были добры, то не исполнено бы было строительство нашего спасенія. Да не будетъ! Самъ Всемудрый зналъ, какъ устроить наше спасеніе, хотя бы и такъ было, потому что премудрость Его велика и непостижима. Поэтому-то, чтобы кто не подумалъ, что Іуда былъ служителемъ домостроительства, Христосъ и называетъ его несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

733 Но кто-нибудь опять скажетъ: если лучше было бы не родиться ему, то для чего Богъ попустилъ произойти на свѣтъ какъ ему, такъ и всѣмъ злымъ? Тебѣ бы надлежало порицать злыхъ за то, что они, имѣя возможность не быть такими, сдѣлались злыми; а ты, оставивъ это, слишкомъ много испытываешь и изслѣдуешь судьбы Божіи, хотя и знаешь, что никто не бываетъ злымъ по необходимости. Ты скажешь: надлежало

бы рождаться однимъ только добрымъ, и не было бы нужды ни въ геенн̂ѣ, ни въ наказаніи, ни въ мученіи, и не было бы даже зла; злымъ же надлежало бы или не рождаться, или, если родились, тотчасъ умирать. Прежде всего, должно указать тебѣ на слѣдующее апостольское изреченіе: *тѣмже убо, о человѣче, ты кто еси, противуотвѣщаяй Богови? Еда речетъ зданіе создавшему е: почто мя сотворилъ еси тако* (Рим. IX, 20)? Если же ты требуешь доказательствъ разума, я скажу, что добрые заслуживаютъ большаго удивленія, когда находятся среди злыхъ, потому что тогда-то особенно открывается въ нихъ терпѣніе и великое любомудріе. Ты же, говоря вышеупомянутыя слова, уничтожаешь случай для борьбы и подвиговъ. Что жъ, скажешь ты; для того, чтобы одни сдѣлались добрыми, наказываются другіе? Нѣтъ, не для этого, а за свои злодѣянія. Они сдѣлались злыми не потому, что родились, но вслѣдствіе своего нерадѣнія; поэтому и подвергаются наказанію. Какъ не быть достойными наказанія тѣмъ, которые имѣютъ такихъ учителей добродѣтели, и не получаютъ отъ нихъ никакой пользы? Какъ благіе и добрые вдвойнѣ достойны чести за то, что и были добры, и нисколько не заразились отъ злыхъ, такъ и злые достойны двойного наказанія—и за то, что были злы, имѣя возможность стать добрыми (что и доказываютъ тѣ, которые сдѣлались добрыми). и за то, что не получили никакой пользы отъ добрыхъ. Но посмотримъ, что говоритъ этотъ несчастный ученикъ, будучи обличаемъ Учителемъ. Что же онъ говоритъ? *Еда азъ есмь, Равви?* Почему же не сначала спросилъ онъ объ этомъ? Онъ думалъ, что онъ не узнанъ, когда было сказано: *единъ отъ васъ*; когда же Христосъ открылъ его, тогда онъ опять осмѣлился спросить, надѣясь на кротость Учителя, что не обличитъ его. Вотъ почему онъ и назвалъ Его Равви.

3. О, ослѣпленіе! Куда оно увлекло Іуду? Таково сребролюбіе! Оно дѣлаетъ людей безумными и безрасудными, безстыдными и псами, вѣрнѣе же сказать, злѣе и самыхъ псовъ, и изъ псовъ дѣлаетъ демонами. Когда Іуда присоединился къ діаволу и клеветнику, и предалъ Іисуса и благодѣтеля, то по намѣренію сдѣлался уже діаволомъ. Таковыми-то дѣлаетъ людей ненасытная жадность къ деньгамъ,—безумными, сумасшедшими, совершенно предавшимися корыстолюбію, какимъ сдѣлался и Іуда. Какъ же Матѳей и другіе евангелисты говорятъ, что діаволъ овладѣлъ Іудою тогда, когда онъ условился относительно преданія Христа, а Іоаннъ говоритъ, что *по хлѣбѣ вниде въ онъ сатана* (Іоан. XIII, 27)? Онъ и самъ зналъ это; выше Онъ говоритъ: *вечери бывшей, діаволу уже вложившу въ сердце Іудѣ, да Его предастъ* (ст. 2). Какъ же въ такомъ случаѣ говоритъ: *по хлѣбѣ вниде въ онъ сатана?* Сатана не

вдругъ входитъ, и не въ одно время, но сначала дѣлаетъ многія покушенія; что и здѣсь случилось. Сначала онъ испытывалъ Іуду, и приступалъ къ нему мало-по-малу; когда же увидѣлъ въ немъ готовность къ принятію его, тогда весь вселился въ него и совершенно овладѣлъ имъ. Но если Христосъ и ученики Его ѣли пасху, то какъ ѣли противозаконно? Вѣдь не должно
734 было возлежать, когда они ѣли. Что на это сказать? То, что они возлежали уже во время совершенія вечери, послѣ того какъ ѣли пасху. А другой евангелистъ говоритъ, что Христосъ въ этотъ вечеръ не только ѣлъ пасху, но еще говорилъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами* (Лук. XXII, 15),—то есть, въ этотъ годъ. Почему? Потому, что тогда имѣло совершиться спасеніе вселенной, имѣли быть установлены таинства, прекратиться печали смертію Іисуса. Такимъ образомъ, Онъ претерпѣлъ крестъ по своему произволенію. Но неукротимаго звѣря ничто не усмирило, не преклонило, не привело въ стыдъ. Христосъ назвалъ его несчастнѣйшимъ, сказавъ: *горе человѣку тому!* Потомъ устрашилъ его словами: *добро бы было ему, аще не бы родился!* Пристыдилъ его, сказавъ: *емуже Азъ омочивъ хлѣбъ подамъ*. Но все это нисколько не удержало Іуду; онъ былъ объятъ сребролюбіемъ, какъ бы нѣкоторымъ бѣшенствомъ, или лучше, какъ самою лютою болѣзнію: сребролюбіе именно и есть самое свирѣпое бѣшенство. Дѣлалъ ли что-либо подобное бѣснующійся? Іуда не испускалъ пѣны изъ устъ, но испускалъ убійство на Владыку; не ломалъ рукъ, но простиралъ ихъ для того, чтобы продать драгоцѣнную кровь. Поэтому бѣшенство его было гораздо сильнѣе,—онъ бѣсновался здоровый. Но, скажешь ты, онъ не говорилъ безсмысленно? А что же можетъ быть безсмысленнѣе этихъ словъ: *что хощете ми дати, и азъ вамъ предамъ Его?* Предамъ: діаволъ говорилъ его устами. Но онъ не билъ ногами землю и не трепеталъ? А не гораздо ли лучше было бы ему трепетать, чѣмъ стоять прямо, съ такими замыслами? Онъ не поражалъ себя камнями? А не гораздо ли лучше было бы это дѣлать, чѣмъ покушаться на такое злодѣяніе?

Хотите ли, чтобъ я представилъ вамъ бѣснующихся и сребролюбивыхъ, и сравнилъ тѣхъ и другихъ? Впрочемъ никто не долженъ думать, что его оскорбляютъ лично; я не природу человѣческую оскорбляю, но порицаю поступки. Бѣсноватый никогда не одѣвался въ платье, билъ себя камнями, бѣгалъ по непроходимымъ путямъ и каменистымъ мѣстамъ, будучи сильно гонимъ бѣсомъ. Не представляется ли тебѣ это страшнымъ? Что же, если я докажу тебѣ, что сребролюбивые причиняютъ душѣ своей большій вредъ, и настолько большій, что поступки бѣсно-

ватаго кажутся дѣтскою игрою въ сравненіи съ поступками сребролюбиваго? Будете ли избѣгать болѣзни сребролюбиваго? Итакъ, посмотримъ, чья болѣзнь сноснѣе. Они ничѣмъ не различаются одинъ отъ другого, потому что оба отвратительнѣе многихъ нагихъ. Гораздо лучше быть нагимъ, нежели ходить одѣвшись въ корыстолюбіе, подобно приносящимъ жертвы Бахусу. Какъ тѣ носятъ маски и платье бѣснующихся, такъ и эти. И подобно тому, какъ наготу бѣснующихся производитъ бѣшенство, такъ и одежду сребролюбивыхъ производитъ бѣшенство,— и эта одежда болѣе достойна сожалѣнія, нежели нагота. И это я постараюсь доказать вотъ чѣмъ. Кого изъ самихъ бѣснующихся мы назовемъ болѣе бѣснующимся: того ли, кто себя самого терзаетъ, или того, кто и себя, и всѣхъ съ ними встрѣчающихся? Очевидно, послѣдняго. Итакъ, бѣснующіеся обнажали только самихъ себя, а сребролюбивые обнажаютъ всѣхъ съ ними встрѣчающихся. Бѣснующіеся, скажешь, раздираютъ одежду? Но какъ желалъ бы каждый изъ обиженныхъ сребролюбцами, чтобы лучше разодрали у него одежду, чѣмъ лишили его всего имущества! Корыстолюбивые не терзаютъ лица? Напротивъ, они и это дѣлаютъ; если же и не всѣ дѣлаютъ это, то всѣ чрезъ голодъ и 735
нищету производятъ во чревѣ жесточайшія болѣзни. Они не уязвляютъ зубами? Но—о, если бы они уязвляли зубами, а не стрѣлами корыстолюбія, которыя острѣе зубовъ! *Зубы ихъ оружія и стрѣлы* (Псал. LVI, 5). Кто чувствуетъ сильнѣйшую боль: тотъ ли, кто однажды уязвленъ и тотчасъ исцѣленъ, или тотъ, кто всегда уязвляется зубами бѣдности? Невольная бѣдность хуже разжженной печи и звѣрей. Сребролюбцы не бѣгаютъ по пустынямъ, подобно бѣсноватымъ? О, если бы они бѣгали по пустынямъ, а не по городамъ! Тогда всѣ живущіе въ городахъ наслаждались бы безопасностію. А теперь они несноснѣе всѣхъ бѣсноватыхъ, потому что въ городахъ дѣлаютъ то, что тѣ въ пустыняхъ, обращая города въ пустыни, и похищая у всѣхъ имущество, какъ въ пустынѣ, гдѣ никто этому не препятствуетъ. Но они не бросаютъ камнями на проходящихъ? Что жъ? Отъ камней легко можно предохранить себя; а кто можетъ предохранить себя отъ тѣхъ ранъ, которыя сребролюбцы наносятъ несчастнымъ бѣднымъ посредствомъ бумаги и чернилъ, составляя записки, наполненныя безчисленными язвами?

4. Посмотримъ также, сколько зла дѣлаютъ сребролюбцы и самимъ себѣ. Они ходятъ по городу обнаженные, такъ какъ нѣтъ у нихъ одежды добродѣтели. И если это не кажется имъ постыднымъ, то зависитъ отъ чрезмѣрнаго ихъ бѣшенства, въ силу котораго они даже не чувствуютъ своего безобразія. Они

стыдятся, если бываютъ обнажены тѣломъ; и напротивъ хва-
лятся, когда имѣютъ обнаженную душу. Если хотите, я покажу
и причину такой безчувственности. Какая же причина этого?
Та, что они обнажаются между многими столь же нагими; по-
этому и не стыдятся, подобно тому какъ и мы не стыдимся въ
баняхъ. Если бы многіе были облечены добродѣтелію, тогда болѣе
обнаружился бы ихъ позоръ. Нынѣ же особенно достойно горь-
кихъ слезъ то, что по причинѣ существованія многихъ злыхъ
злыя дѣла не почитаются постыдными. Діаволъ, между прочими
бѣдствіями, произвелъ и то, что не попускаетъ ощущать зло, но
множествомъ злыхъ прикрываетъ гнусность зла, такъ какъ если
бы злому случилось жить между многими добродѣтельными, то
онъ лучше увидѣлъ бы свою наготу. Изъ этого видно, что сребро-
любцы болѣе обнажаютъ себя, нежели бѣснующіеся. А что они
ходятъ по пустынямъ, то и въ этомъ никто не будетъ противо-
рѣчить. Широкій и просторный путь пустѣе всякой пустыни, и
хотя имѣетъ многихъ путешественниковъ, но не имѣетъ ни одного
человѣка, а только змѣй, скорпіоновъ, волковъ, ехиднъ, аспи-
довъ, таковы тѣ, которые слѣдуютъ нечестію. И этотъ путь не-
честія не только пустыня, но еще и ужаснѣе пустыни. Это видно
изъ того, что не столько камни, утесы и вершины горъ пора-
жаютъ восходящихъ на нихъ, сколько грабительство и корысто-
любіе поражаютъ душу тѣхъ, которые имъ предаются. А что
сребролюбцы живутъ во гробахъ, подобно бѣсноватымъ, или
лучше, сами суть гробы, видно изъ слѣдующаго. Что такое гробъ?
Это камень, въ которомъ положено мертвое тѣло. Итакъ, чѣмъ
различаются отъ этихъ камней тѣла сребролюбцевъ? Они несчаст-
нѣе даже и камней. Это не камень, вмѣщающій тѣло мертвое,
но тѣло, которое безчувственнѣе камней, и носитъ въ себѣ мерт-
вую душу. Поэтому никто не согрѣшитъ, если сребролюбцевъ
назоветъ гробами. И самъ Господь нашъ назвалъ такимъ обра-
зомъ іудеевъ, преимущественно за это; и потому присовокупилъ
слѣдующія слова: *внутрьуду же суть полни хищенія и* (Матѳ.
ххш, 25) корыстолюбія. Хотите ли, наконецъ, чтобы я показалъ
вамъ, какъ сребролюбцы поражаютъ камнями свои головы? Скажи
736 мнѣ, откуда прежде ты хочешь узнать это—изъ настоящаго или
будущаго ихъ состоянія? Но о будущемъ они мало размышляютъ.
Слѣдовательно, должно говорить о настоящемъ ихъ состояніи.
Не хуже ли всякихъ камней заботы, которыя поражаютъ не го-
ловы, но изнуряютъ души? Сребролюбцы боятся, чтобы когда-
нибудь законнымъ образомъ не вышло изъ дому ихъ то, что
вошло неправедно. Они трепещутъ за всякую малость, гнѣваются,
раздражаются противъ домашнихъ и противъ чужихъ. Попере-

мѣнно овладѣваетъ ими то малодушіе, то страхъ, то ярость, и они, какъ бы переходя съ утеса на утесъ, каждодневно ожидаютъ того, чего еще не получили. Вслѣдствіе этого они не наслаждаются и тѣмъ, что имѣютъ, какъ потому, что не увѣрены въ своей безопасности, такъ и потому, что всею мыслію устремляются къ тому, чего еще не получили. И какъ непрестанно томящійся жаждою, хотя бы выпилъ безчисленные источники, не чувствуетъ удовольствія, потому что не насыщается, такъ сребролюбцы не только не ощущаютъ удовольствія, но еще тѣмъ болѣе мучатся, чѣмъ болѣе получаютъ богатства, такъ какъ ихъ похоть не имѣетъ никакихъ предѣловъ. Таково настоящее состояніе сребролюбцевъ! Скажемъ теперь и о послѣднемъ днѣ. Хотя они и не внимаютъ, но намъ нужно сказать. Всякій можетъ видѣть во всѣхъ мѣстахъ Писанія, что сребролюбцы осуждены будутъ на мученіе въ послѣдній день. Когда Христосъ говоритъ: *взалкахся, и не дасте Ми ясти: возжадахся, и не напоисте Мене* (Матѳ. xxv, 42), Онъ осуждаетъ на мученіе сребролюбцевъ; и когда говоритъ: *идите во огнь вѣчный, уготованный діаволу* (ст. 41), то посылаетъ въ огнь вѣчный тѣхъ, которые неправедно обогащаются. Такой же участи подвергаются и злой рабъ, не удѣлявшій своимъ товарищамъ отъ имѣнія господина своего (Матѳ. xxiv, 46—49), и рабъ, закопавшій въ землю талантъ, и пять дѣвъ (Матѳ. xxv, 18); и гдѣ ни посмотришь въ Писаніи, вездѣ увидишь, что сребролюбивые осуждаются на мученіе. То они услышатъ: *пропасть утвердися между нами и вами* (Лук. xvi, 26); то: *идите отъ Мене во огнь, уготованный* (діаволу); то угрозу, что, будучи разсѣчены, пойдутъ они туда, гдѣ скрежетъ зубовъ; и всякій можетъ видѣть, что они отовсюду изгоняются, нигдѣ не имѣютъ мѣста, кромѣ одной только геенны.

5. Итакъ, что намъ пользы отъ правовѣрія для нашего спасенія, когда мы услышимъ эти слова? Тамъ—скрежетъ зубовъ, тьма кромѣшная, огнь уготованный діаволу, разсѣченіе, изгнаніе; а здѣсь—вражда, злословія, клеветы, опасности, заботы, коварства, всеобщая ненависть, всеобщее презрѣніе даже отъ тѣхъ, которые, повидимому, льстятъ. Какъ добрымъ удивляются не только добрые, но и злые, такъ злыхъ ненавидятъ не только добрые, но и злые. Въ подтвержденіе этой истины я желалъ бы спросить самихъ сребролюбцевъ: не имѣютъ ли они ненависти другъ къ другу? Не почитаютъ ли другъ друга врагами болѣе лютыми, нежели тѣ, которые жестоко ихъ обидѣли? Не осуждаютъ ли самихъ себя? Не считаютъ ли для себя обидой, когда кто-либо упрекаетъ ихъ въ корыстолюбіи? И это служитъ для нихъ крайнимъ поношеніемъ и доказательствомъ великой ихъ

злобы. Если ты не можешь презрѣть богатство, то что же въ такомъ случаѣ будешь въ состояніи побѣдить? Похоть, чрезмѣрное славолюбіе, ярость, гнѣвъ? И какъ можно кого-либо побудить къ этому? Похоть тѣлесную, гнѣвъ и ярость многіе врачи приписываютъ тѣлосложенію и излишествамъ тѣла. Такъ человѣка болѣе горячаго и сырого называютъ они похотливымъ, а человѣка имѣющаго сухое тѣлосложеніе—раздражительнымъ,
737 вспыльчивымъ и яростнымъ. Но никто никогда не слыхалъ, чтобы врачи говорили что-нибудь подобное о сребролюбіи. Такимъ образомъ болѣзнь сребролюбія происходитъ отъ одного нерадѣнія и безчувственности души. Поэтому умоляю васъ, постараемся исправлять всѣ такіе недостатки, и подавлять страсти, возрастающія у насъ соотвѣтственно каждому возрасту. Если же въ каждую часть жизни нашей мы будемъ проплывать мимо трудовъ добродѣтели, вездѣ претерпѣвая кораблекрушенія; то, достигнувъ пристанища безъ духовныхъ сокровищъ, подвергнемся крайнему бѣдствію. Настоящая жизнь есть обширное море. И какъ въ морѣ различные заливы имѣютъ различныя бури, напримѣръ Эгейское море опасно по причинѣ вѣтровъ, Этрурскій проливъ—по причинѣ узкаго мѣста, Харибда, близъ Ливіи—по причинѣ мелей, Пропонтида, у Эвксинскаго понта—по причинѣ быстроты и стремительности водъ, часть моря близъ Гадиръ—по причинѣ пустыхъ, непроходимыхъ и неизвѣстныхъ мѣстъ, и другія части моря опасны по другимъ причинамъ, такъ бываетъ и въ нашей жизни. Первымъ моремъ можно назвать дѣтскій возрастъ, который подверженъ многимъ волненіямъ по причинѣ неразумія, легкомыслія и непостоянства. Поэтому и приставляемъ мы къ дѣтямъ воспитателей и учителей, и попеченіемъ восполняемъ недостатки природы, подобно тому, какъ на морѣ они восполняются искусствомъ кормчаго. За этимъ возрастомъ слѣдуетъ море юности, гдѣ дуютъ сильные вѣтры, какъ на Эгейскомъ морѣ,—потому что тогда усиливается въ насъ похоть. Этотъ возрастъ особенно неспособенъ для исправленія, не только потому, что подверженъ сильнѣйшимъ волненіямъ, но и потому, что проступки не изобличаются, тогда не бываетъ уже учителя и воспитателя. Когда же вѣтры дуютъ сильнѣе, а между тѣмъ кормчій слабъ, и никто не подаетъ помощи, то представь, какъ опасна буря! Далѣе наступаетъ возрастъ мужескій, въ которомъ предстоятъ человѣку дѣла хозяйственныя, жена, бракъ, дѣторожденіе, управленіе домомъ и великое множество заботъ. Тогда же особенно усиливается сребролюбіе и зависть. Итакъ, если мы въ каждомъ возрастѣ будемъ терпѣть кораблекрушеніе, то какъ же пройдемъ мы настоящую

жизнь? Какъ избѣжимъ будущаго наказанія? Если въ первомъ возрастѣ не научимся ничему разумному, въ юности не будемъ жить воздержно, сдѣлавшись мужами не побѣдимъ сребролюбія, то придя въ старость, какъ бы на нѣкоторое дно корабля, и ослабивъ ладью души всѣми этими язвами, по разрушеніи досокъ ладьи, достигнемъ пристани съ множествомъ сора вмѣсто духовныхъ сокровищъ, и возбудимъ въ діаволѣ смѣхъ, а себѣ причинимъ плачъ и доставимъ нестерпимыя мученія. Итакъ, чтобы этого не случилось съ нами, оградивши себя отовсюду и противоставши всѣмъ страстямъ, отвергнемъ пристрастіе къ богатству, чтобы достигнуть и будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь

БЕСѢДА LXXXII.

Ядущимъ же имъ, пріемъ Іисусъ хлѣбъ, и благодаривъ, преломи, и даяше ученикомъ, и рече: пріимите, ядите: сіе есть тѣло Мое. И пріемъ чашу и хвалу воздавъ, даде имъ, глаголя: пійте отъ нея вси: сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за многія изливаема во оставленіе грѣховъ (Матѳ. xxvi, 26—28). 737-738

1. О, какъ велико ослѣпленіе предателя! Пріобщаясь тайнъ, онъ оставался такимъ же, и наслаждаясь страшною трапезою, не измѣнялся. Это показываетъ Лука (Іоан. xiii, 27), когда говоритъ, что послѣ этого вошелъ въ него сатана, не потому, что пренебрегалъ тѣломъ Господнимъ, но издѣваясь надъ безстыдствомъ предателя. Грѣхъ его великъ былъ въ двоякомъ отношеніи: и потому, что онъ съ такимъ расположеніемъ приступилъ къ тайнамъ, и потому, что, приступивши, не вразумился ни страхомъ, ни благодѣяніемъ, ни честію. Христосъ не препятствовалъ ему, хотя и зналъ все, чтобы ты позналъ, что Онъ не оставляетъ ничего, что служитъ къ исправленію. Поэтому и прежде, и послѣ этого непрестанно вразумлялъ и удерживалъ предателя и словами, и дѣлами, и страхомъ, и угрозами, и честію, и услугами. Но ничто не предохранило его отъ жестокаго недуга. Вотъ почему Христосъ, оставивъ, наконецъ, его, чрезъ тайны опять напоминаетъ ученикамъ о Своей смерти, и на вечери бесѣдуетъ о крестѣ, чтобы чрезъ частое предсказаніе сдѣлать для нихъ Свое страданіе удобопріемлемымъ. Дѣйствительно, если они послѣ столькихъ событій и предсказаній смутились, то чего не потерпѣли бы, если бы ничего такого не

услышали? *И ядущимъ имъ хлѣбъ, преломи.* Для чего Христосъ совершилъ это таинство во время пасхи? Для того, чтобы ты изъ всего познавалъ, что Онъ есть законодатель ветхаго завѣта, и что написанное въ этомъ завѣтѣ служитъ прообразованіемъ новозавѣтныхъ событій. Поэтому-то Христосъ вмѣстѣ съ образомъ полагаетъ и самую истину. Вечеръ же служилъ знакомъ полноты временъ и того, что дѣла приходили уже къ концу. И *благодаритъ*,—научая насъ, какъ должно совершать это таинство; показывая, что Онъ добровольно идетъ на страданіе; наставляя насъ переносить страданія съ благодарностію, и возбуждая въ насъ благія надежды. Если образъ былъ освобожденіемъ отъ столь великаго рабства, то тѣмъ болѣе Истина освободитъ вселенную и предастъ Себя для спасенія нашего естества. Вотъ почему Христосъ не прежде установилъ таинство, но когда надлежало уже упраздниться предписанному закономъ. Онъ упраздняетъ самый главный праздникъ іудеевъ, призывая ихъ къ другой, страшной вечери, и говоритъ: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за многія ломимое* (1 Кор. xi, 24). Какимъ образомъ ученики, услышавъ это, не смутились? Оттого, что Христосъ и прежде много важнаго говорилъ имъ объ этомъ таинствѣ. Поэтому теперь онъ и не даетъ болѣе наставленій относительно этого, такъ какъ они довольно уже слышали, а показываетъ только причину страданія, то есть, отпущеніе грѣховъ. И называетъ кровію новаго завѣта, то есть, обѣтованія, возвѣщенія новаго закона. Это обѣщано было издревле, и составляетъ новый завѣтъ. И какъ ветхій завѣтъ имѣлъ овновъ и тельцовъ, такъ и новый имѣетъ кровь Господню. Этимъ самымъ Христосъ показываетъ и то, что Онъ претерпитъ смерть; потому упоминаетъ и о завѣтѣ, и вспоминаетъ вмѣстѣ о первомъ, такъ какъ и этотъ завѣтъ обновленъ былъ кровію. Далѣе, опять говоритъ о причинѣ Своей смерти: *яже за многія изливаема во остав-*
739 *леніе грѣховъ*, и прибавляетъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе.* Видишь ли, какъ Христосъ отклоняетъ и отвращаетъ отъ іудейскихъ обычаевъ? Какъ пасху вы совершали, говоритъ Онъ, въ воспоминаніе чудесъ, бывшихъ въ Египтѣ, такъ и это таинство совершайте въ Мое воспоминаніе. Кровь ветхаго завѣта была изливаема во спасеніе первородныхъ, а эта кровь изливается во оставленіе грѣховъ всего міра: *сія есть кровь Моя*, говоритъ Онъ, *изливаема во оставленіе грѣховъ.* Это сказалъ онъ также и для того, чтобы показать, что страданіе и крестъ суть таинство, и этимъ опять утѣшить учениковъ. И какъ Моисей сказалъ: это да будетъ памятно для васъ вѣчно (Исх. iii, 15), такъ и Христосъ говоритъ: *въ Мое воспоминаніе*, до того времени, какъ Я приду

Потому говоритъ еще: *желаніемъ возжелѣхъ пасху сію ясти* (Лук. XXII, 15), то есть, предать вамъ новыя установленія, и даровать пасху, чтобы чрезъ нее сдѣлать васъ духовными. И самъ пилъ изъ чаши, для того, чтобы ученики, услыша это, не сказали: что такое, мы пьемъ кровь и ѣдимъ плоть?—и отъ того не смутились. (Вѣдь когда Христосъ говорилъ объ этомъ, то и самыми словами многіе соблазнялись). Итакъ, чтобы ученики и тогда не смутились, Онъ самъ первый совершилъ это, побуждая ихъ приступить къ пріобщенію таинъ безъ смущенія. Съ этою-то цѣлію Онъ и пилъ самъ собственную кровь. Что же? Не должно ли, скажешь ты, совершать и древнее, и новое таинство? Ни въ какомъ случаѣ. Христосъ для того и сказалъ: *сіе творите*, чтобы отклонить отъ древняго. Если новое таинство даруетъ оставленіе грѣховъ,—а оно дѣйствительно даруетъ,—то древнее уже излишне. Поэтому какъ было у іудеевъ, такъ и здѣсь съ таинствомъ Христосъ соединилъ воспоминаніе благодѣянія, и этимъ заграждаетъ уста еретиковъ. Когда они говорятъ: откуда извѣстно, что Христосъ принесъ Себя въ жертву?—то мы, кромѣ другихъ свидѣтельствъ, заграждаемъ уста ихъ и самыми таинствами. Если Іисусъ не умеръ, то символомъ чего же служатъ таинства?

2. Видишь ли, какъ много Христосъ заботился о томъ, чтобы мы всегда вспоминали, что Онъ умеръ за насъ? Такъ какъ имѣли явиться послѣдователи Маркіона, Валентина и Манеса, отвергающіе это строительство спасенія, то Онъ непрестанно напоминаетъ о страданіи и чрезъ самыя таинства, чтобы никто не былъ обольщенъ, и такимъ образомъ этою священною трапезою и спасаетъ и, вмѣстѣ, наставляетъ, потому что это таинство есть основаніе благъ. Вотъ почему и Павелъ часто упоминаетъ объ этомъ. Затѣмъ, послѣ установленія таинства, Христосъ говоритъ: *не имамъ пити отъ сего плода лознаго. до дне того, егда е пію съ вами ново во царствіи Отца Моего* (ст. 29). Такъ какъ Онъ бесѣдовалъ съ учениками о страданіи и крестѣ, то опять говоритъ и о воскресеніи, упоминаетъ о царствѣ, называя такимъ образомъ Свое воскресеніе. Но для чего Онъ пилъ по воскресеніи? Для того, чтобы люди грубые не сочли воскресеніе призрачнымъ: многіе вѣдь поставляли это признакомъ воскресенія. Поэтому-то апостолы для увѣренія въ воскресеніи говорили: *иже съ Нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. X, 41). Итакъ, желая показать ученикамъ, что они ясно увидятъ Его по воскресеніи, что Онъ опять будетъ съ ними и что они сами будутъ свидѣтелями событія и посредствомъ видѣнія, и посредствомъ дѣлъ, Онъ говоритъ: *егда е пію ново съ вами*, при вашемъ свидѣтельствѣ; вы увидите Меня послѣ того, какъ Я воскресну. А что значитъ: *ново?* Новымъ, то есть,

740 необыкновеннымъ образомъ, не въ тѣлѣ подверженномъ страданію, но уже безсмертномъ, нетлѣнномъ и неимѣющемъ нужды въ пищѣ. Итакъ, по воскресеніи Христосъ ѣлъ и пилъ не въ силу необходимости,—тогда тѣло Его уже не нуждалось въ этомъ,—а для удостовѣренія въ воскресеніи. Но для чего по воскресеніи Онъ пилъ не воду, а вино? Для того, чтобы совершенно исторгнуть другую злую ересь. Такъ какъ нѣкоторые въ таинахъ употребляютъ воду, то чтобы показать, что и при установленіи таинства употреблялъ вино, и по воскресеніи, когда безъ таинства предлагалъ обыкновенную трапезу, также употреблялъ вино, говоритъ: *отъ плода лознаго*. Виноградная же лоза производитъ вино, а не воду. *И воспѣвше изыдоша въ гору Елеонскую* (ст. 30) Да слышатъ всѣ тѣ, которые, подобно свиньямъ, принимая пищу безъ молитвы, попираютъ чувственную трапезу и встаютъ отъ нея опьянѣлыми, тогда какъ должно оканчивать ее съ благодарностію и пѣніемъ. Слушайте и вы, которые не дожидаетесь окончательной молитвы при совершеніи таинъ: эта молитва есть образъ Христовой молитвы. Христосъ возблагодарилъ прежде, нежели предложилъ трапезу ученикамъ, чтобы и мы благодарили. Возблагодарилъ и воспѣлъ и послѣ трапезы, чтобы и мы дѣлали то же самое. Но для чего Онъ пошелъ на гору? Для того, чтобы явить Себя тѣмъ, которые хотѣли взять Его, чтобы не подумали, что Онъ скрывается; поэтому спѣшилъ идти на мѣсто, извѣстное и Іудѣ. *Тогда глагола имъ: вси вы соблазнитеся о Мнѣ.* Потомъ приводитъ пророчество: *писано бо есть: поражу пастыря, и разыдутся овцы* (ст. 30),—чтобы съ одной стороны убѣдить учениковъ всегда внимать Писанію, а съ другой—показать, что Онъ распинается по волѣ Божіей, и чтобы изъ всего видно было, что Онъ не противникъ ветхому завѣту и Богу, въ немъ возвѣщаемому, что совершающееся есть дѣло смотрѣнія Божія, и что всѣ настоящія событія издревле предвозвѣстили пророки, чтобы ученики несомнѣнно надѣялись на лучшее. Вмѣстѣ съ этимъ даетъ знать, каковы были ученики предъ крестною смертію, и каковы послѣ крестной смерти. Тѣ, которые во время распятія Его не могли даже устоять, послѣ смерти Его сдѣлались сильны и крѣпче адаманта. А это самое, то есть, бѣгство и страхъ учениковъ, служитъ доказательствомъ смерти Спасителя. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣ столь великихъ событій и свидѣтельствъ нѣкоторые безстыдно говорятъ, будто Христосъ не распятъ, то въ какое бы нечестіе они не впали, если бы ничего такого не случилось? Поэтому не только Своими страданіями, но и состояніемъ учениковъ, а также и таинами Христосъ подтверждаетъ истину смерти Своей, посрамляя всѣмъ

этимъ зараженныхъ ересью Маркіона. Поэтому же и верховному апостолу попускаетъ отречься. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ не былъ связанъ и распятъ, то отчего объялъ такой страхъ и этого апостола, и прочихъ? Впрочемъ, Христосъ не попустилъ имъ оставаться въ печали, но что говоритъ? *По воскресеніи же Моемъ варяю вы въ Галилеи* (ст. 32). Онъ не является съ неба тотчасъ же, и не удаляется въ какую-либо дальнюю страну, но остается среди того самаго народа, среди котораго былъ распятъ, и почти въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ,—чтобы и этимъ увѣрить учениковъ, что Онъ самъ и распятъ былъ, и воскресъ,—и тѣмъ болѣе утѣшить ихъ въ печали. Потому и сказалъ: *въ Галилеи*, чтобы, освободившись отъ страха іудеевъ, они повѣрили Его словамъ. Потому же Онъ и явился тамъ. *Отвѣщавъ же Петръ, рече: аще и вси соблазнятся о Тебѣ, но азъ никогда же соблажнюся* (ст. 33).

3. Что ты говоришь, Петръ? Пророкъ сказалъ: *разыдутся овцы;* Христосъ подтвердилъ сказанное; а ты говоришь, нѣтъ? 741
Развѣ тебѣ не довольно того, что случилось прежде, когда ты говорилъ: *будь милостивъ къ Себѣ* (Матѳ. XVI, 22)—и былъ обличенъ? Христосъ попускаетъ пасть Петру для того, чтобы научить его во всемъ повиноваться Ему, и опредѣленіе Его почитать вѣрнѣйшимъ собственнаго сужденія. Да и прочіе получили не мало пользы отъ его отверженія, познавши немощь человѣческую и истину Божію. Когда самъ Богъ предсказалъ что-нибудь, то не должно уже оспаривать этого, и возставать противъ многихъ. *Хваленіе*, говоритъ апостолъ, ты будешь имѣть *въ себѣ, а не во инѣмъ* (Гал. VI, 4). Надлежало бы молиться и говорить: помоги намъ не разлучаться; а онъ надѣется на самого себя и говоритъ: *аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогда же,*—т. е. хотя бы всѣ потерпѣли это, но я не потерплю,—что мало-по-малу приводило его къ гордости. Желая удержать его отъ этого, Христосъ и попустилъ отверженіе. Такъ какъ Петръ не внималъ словамъ ни Христа, ни пророка (хотя Христосъ для того и привелъ свидѣтельство пророка, чтобы ученики не противорѣчили), то онъ научается самыми дѣлами. А что Христосъ попустилъ Петру отвергнуться для того, чтобы исправить въ немъ этотъ порокъ,—послушай, что Онъ говоритъ: *Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* (Лук. XXII, 32). Это сказалъ Онъ для того, чтобы сильно тронуть его и показать, что его паденіе опаснѣе паденія прочихъ, и требуетъ большей помощи. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь было два преступленія: во-первыхъ, то, что онъ противорѣчилъ, во-вторыхъ, то, что ставилъ себя выше другихъ; или лучше сказать, было и третье преступленіе—то, что онъ все приписывалъ самому себѣ. Итакъ, для уврачеванія этого Христосъ и попустилъ

паденіе; и потому, оставивши прочихъ, обращается къ Петру: *Симоне*, говоритъ Онъ, *Симоне, се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ яко пшеницу* (Лук. XXII, 31),—то есть, возмущалъ, колебалъ, искушалъ; *Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя*. Но почему же, если сатана просилъ всѣхъ, Христосъ не сказалъ: *молихся* за всѣхъ? Не очевидно ли, что и это имѣетъ ту же цѣль, о которой я говорилъ выше, то есть, что Христосъ обращаетъ слово Свое къ Петру, чтобы тронуть его и показать, что его паденіе опаснѣе паденія прочихъ? Почему тоже не сказалъ Онъ: Я не попустилъ, но—*молихся*? Идя на страданіе, Онъ говорилъ смиренно, чтобы показать Свое человѣчество. Тотъ, который создалъ Церковь на исповѣданіи Петра и такъ оградилъ ее, что безчисленныя опасности и смерти не одолѣютъ ея, Который далъ ему ключи царствія небеснаго, вручилъ столь великую власть и, для совершенія этого, не имѣлъ нужды въ молитвѣ (не сказалъ тогда: *молихся*, но со властію сказалъ: *созижду церковь Мою*, и: *дамъ ти ключи царствія небеснаго)*, какимъ образомъ нуждался въ молитвѣ для утвержденія колеблющейся души одного человѣка? Почему же сказалъ такъ? По той причинѣ, о которой я говорилъ, и по причинѣ немощи учениковъ Своихъ, такъ какъ они еще не имѣли надлежащаго о Немъ понятія. Какъ же Петръ отрекся? Христосъ не сказалъ: чтобы ты не отрекся, но—чтобы не оскудѣла вѣра, чтобы онъ не погибъ совершенно. И это было дѣломъ попеченія Христова. Дѣйствительно, безмѣрный страхъ, объявшій Петра, все разсѣялъ; а безмѣрнымъ этотъ страхъ былъ потому, что Богъ совершенно лишилъ его Своей помощи; а ли-
742 шилъ помощи потому, что въ немъ была сильна страсть гордости и противорѣчія. Итакъ, для совершеннаго истребленія этой страсти, Богъ допустилъ столь сильному страху объять Петра. А что эта страсть была въ немъ сильна, видно изъ того, что онъ не удовольствовался тѣмъ, что прежде противорѣчилъ и пророку, и Христу, но и послѣ того, когда Христосъ сказалъ ему: *аминь глаголю тебѣ, яко въ сію нощь, прежде даже алекторъ не возгласитъ, трикраты отвержешися Мене*, говорилъ: *аще ми есть и умрети съ Тобою, не отвергуся Тебе* (ст. 34—35). Лука же (XXII, 33—34) прибавляетъ, что чѣмъ болѣе Христосъ опровергалъ, тѣмъ болѣе Петръ противорѣчилъ. Что значитъ это Петръ: когда Христосъ говорилъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя*, ты боялся, чтобы не быть предателемъ, и побуждалъ ученика спросить, хотя ничего подобнаго не сознавалъ въ себѣ; а теперь, когда Онъ ясно провозглашаетъ и говоритъ: *вси вы соблазнитеся*, ты противорѣчишь, и не однажды только, а дважды и много разъ? Такъ именно говоритъ Лука. Отчего же это случилось съ нимъ? Отъ великой

любви, отъ великой радости. Когда онъ освободился отъ того страха относительно предательства, и узналъ предателя, то говорилъ уже съ дерзновеніемъ и, возвышая себя надъ другими, заявлялъ: *аще и вси соблазнятся, но азъ не соблазнюся.* Зависѣло это отчасти и отъ честолюбія, такъ какъ на вечери ученики разсуждали о томъ, кто изъ нихъ больше: такъ мучила ихъ эта страсть. Вотъ почему Христосъ уничижилъ Петра, не съ тѣмъ, чтобы побудить его къ отверженію,—да не будетъ,—но чтобы, оставивъ его лишеннымъ помощи, показать слабость человѣческой природы. Смотри, какъ послѣ этого онъ сдѣлался кротокъ: когда, по воскресеніи, сказалъ: *сей же что* (Іоан. XXI, 21)?—и былъ остановленъ, то не осмѣлился уже противорѣчить, какъ здѣсь, но умолчалъ. Также и при вознесеніи, когда услышалъ: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта* (Дѣян. I, 7), опять молчалъ и не противорѣчилъ. И послѣ этого, когда на горницѣ, и при видѣніи плащаницы, услышалъ голосъ, говорящій ему: *яже Богъ очисти, ты не скверни* (Дѣян. X, 11),—и еще не зналъ ясно, что значатъ эти слова,—молчалъ и не спросилъ.

4. Все это было слѣдствіемъ паденія. Прежде этого Петръ все приписывалъ себѣ, говоря: *аще и вси соблазнятся, азъ не соблажнюся; аще ми есть съ Тобою и умрети, не отвергуся Тебе,* тогда какъ надлежало бы сказать: если получу отъ Тебя помощь. Но послѣ паденія онъ говоритъ совершенно противное: *что на ны взирасте, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. III, 12)? Отсюда мы научаемся той великой истинѣ, что недостаточно бываетъ собственнаго старанія человѣка, если онъ не получитъ высшей помощи; и наоборотъ, что мы не получимъ никакой пользы отъ высшей помощи, если не будетъ у насъ собственнаго старанія. То и другое доказываютъ Іуда и Петръ. Первый, получивши много помощи, не получилъ никакой пользы, потому что не захотѣлъ, и не приложилъ собственнаго старанія; а послѣдній и при собственномъ стараніи палъ, потому что не получилъ никакой помощи. Добродѣтель слагается изъ этихъ двухъ принадлежностей. Поэтому я умоляю, чтобы вы, предо- 743
ставляя все на волю Божію, не предавались усыпленію, и чтобы при собственномъ стараніи не думали, что вы все совершаете собственными трудами. Богу не угодно, чтобы мы были нерадивы, а потому Онъ не все самъ совершаетъ; равно не угодно Ему и то, чтобъ мы были самонадѣянны, вслѣдствіе чего не все намъ далъ, но, изъ того и другого отнявши вредное, оставилъ намъ полезное. Поэтому же попустилъ пасть и верховному апостолу, чтобы сдѣлать его кроткимъ и возбудить къ большей любви. Кому больше, сказано, оставится, больше возлюбитъ

(Лук. VII, 47). Итакъ, будемъ во всемъ повиноваться Богу и ни въ чемъ не будемъ противорѣчить, хотя бы слова Его казались противными нашимъ мыслямъ и взглядамъ; но пусть управляетъ слово Его нашими мыслями и взглядами. Такимъ же образомъ будемъ поступать и въ таинствахъ, обращая вниманіе не на внѣшность только, но содержа въ умѣ своемъ слова Христовы. Слово Его непреложно, а наше чувство легко обольщается. Первое никогда не погрѣшаетъ, а послѣднее часто обманывается. Поэтому когда Христосъ говоритъ: *сіе есть тѣло Мое*, то убѣдимся, будемъ вѣрить и смотрѣть на это духовными очами. Христосъ не предалъ намъ ничего чувственнаго, но все духовное, только въ чувственныхъ вещахъ. Такъ и въ крещеніи: чрезъ чувственную вещь, воду, сообщается даръ, а духовное дѣйствіе состоитъ въ рожденіи и обновленіи. Если бы ты былъ безтѣлесенъ, то Христосъ сообщилъ бы тебѣ эти дары безтѣлесно; но такъ какъ душа твоя соединена съ тѣломъ, то духовное сообщаетъ тебѣ чрезъ чувственное. Какъ многіе нынѣ говорятъ: желалъ бы я видѣть лице Христа, образъ, одежду, обувь! Вотъ, ты видишь Его, прикасаешься къ Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видѣть одежды Его, а Онъ даетъ тебѣ самого Себя, и не только видѣть, но и касаться, и внушать, и принимать внутрь. Итакъ, никто не долженъ приступать съ небреженіемъ, никто съ малодушіемъ, но всѣ съ пламенною любовію, всѣ съ горячимъ усердіемъ и бодростію. Если іудеи ѣли агнца съ поспѣшностію, стоя и имѣя сапоги на ногахъ и жезлы въ рукахъ, то гораздо болѣе тебѣ должно бодрствовать. Они готовились идти въ Палестину, а потому и имѣли видъ путешественниковъ; ты же готовишься идти на небо.

5. Поэтому должно всегда бодрствовать,—немалое предстоитъ наказаніе тѣмъ, которые недостойно пріобщаются. Подумай, какъ ты негодуешь на предателя и на тѣхъ, которые распяли Христа. Итакъ берегись, чтобъ и тебѣ не сдѣлаться виновнымъ противъ тѣла и крови Христовой. Они умертвили всесвятое тѣло; и ты принимаешь его нечистою душею послѣ столь великихъ благодѣяній. Во самомъ дѣлѣ, Онъ не удовольствовался лишь тѣмъ, что сдѣлался человѣкомъ, былъ заушенъ и умерщвленъ; но Онъ еще сообщаетъ Себя намъ, и не только вѣрою, но и самымъ дѣломъ дѣлаетъ насъ Своимъ тѣломъ. Насколько же чистъ долженъ быть тотъ, кто наслаждается этою жертвою? Насколько чище лучей солнечныхъ должны быть—рука, раздробляющая эту плоть, уста, наполняемыя духовнымъ огнемъ, языкъ, обагряемый страшною кровію? Помысли, какой чести ты удостоенъ, какою наслаждаешься трепезою! При видѣ чего трепещутъ

ангелы, и на что не смѣютъ взглянуть безъ страха, по причинѣ сіянія, отсюда исходящаго, тѣмъ мы питаемся, съ тѣмъ со- 744
общаемся и дѣлаемся однимъ тѣломъ и одною плотію со Христомъ. *Кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Псал. сv, 2)? Какой пастырь питаетъ овецъ собственными членами? Но что́ я говорю—пастырь? Часто бываютъ такія матери, которыя новорожденныхъ младенцевъ отдаютъ другимъ кормилицамъ. Но Христосъ не потерпѣлъ этого, но Самъ питаетъ насъ собственною кровію, и черезъ все соединяетъ насъ съ Собою. Размысли же, что Онъ родился отъ вашего естества. Но ты скажешь: это не ко всѣмъ относится. Напротивъ, ко всѣмъ. Если Онъ пришелъ къ нашему естеству, то очевидно, что пришелъ ко всѣмъ; а если ко всѣмъ, то и къ каждому въ отдѣльности. Почему же, ты скажешь, не всѣ получили отъ этого пользу? Это зависитъ не отъ Того, Который благоволилъ совершить это для всѣхъ, но отъ тѣхъ, которые не восхотѣли. Съ каждымъ вѣрующимъ Онъ соединяется посредствомъ таинъ, и самъ питаетъ тѣхъ, которыхъ родилъ, а не поручаетъ кому-либо другому; и этимъ опять увѣряетъ тебя въ томъ, что Онъ принялъ твою плоть. Итакъ, удостоившись такой любви и чести, не будемъ предаваться безпечности. Не видите ли, съ какою готовностію младенцы берутъ сосцы, съ какимъ стремленіемъ прижимаютъ къ нимъ уста свои? Съ такимъ же расположеніемъ и мы должны приступать къ этой трапезѣ и къ сосцу духовной чаши,—или лучше сказать, мы съ большимъ еще желаніемъ должны привлекать къ себѣ, подобно груднымъ младенцамъ, благодать Духа; и одна только у насъ должна быть скорбь—та, что мы не пріобщаемся этой пищи. Дѣйствія этого таинства совершаются не человѣческою силою. Тотъ, Кто совершилъ ихъ тогда, на той вечери, и нынѣ совершаетъ ихъ. Мы занимаемъ мѣсто служителей, а освящаетъ и претворяетъ дары самъ Христосъ. Да не будетъ здѣсь ни одного Іуды, ни одного сребролюбца. Если кто не ученикъ Христовъ, то пусть удалится; трапеза не допускаетъ тѣхъ которые не таковы. Со *учениками Моими*, говоритъ Христосъ, *сотворю пасху* (Матѳ. xxvi, 18). Это та же самая трапеза, которую предлагалъ Христосъ, и ничѣмъ не менѣе той. Нельзя сказать, что ту совершаетъ Христосъ, а эту человѣкъ; ту и другую совершаетъ самъ Христосъ. Это мѣсто есть та самая горница, гдѣ Онъ былъ съ учениками; отсюда они вышли на гору Елеонскую. Выйдемъ и мы туда, гдѣ простерты руки нищихъ; это именно мѣсто есть гора Елеонская; множество же нищихъ—это маслины, насажденныя въ домѣ Божіемъ, источающія елей, который будетъ полезенъ для насъ тамъ, который имѣли

пять дѣвъ, и котораго не взявши, другія пять погибли. Взявши этотъ елей, войдемъ, чтобы намъ съ горящими свѣтильниками выйти на встрѣчу Жениха. Взявши этотъ елей, выйдемъ отсюда. Не долженъ приступать сюда ни одинъ безчеловѣчный, ни одинъ жестокій и немилосердый, словомъ—ни одинъ нечистый.

6. Это говорю вамъ, которые пріобщаетесь, и вамъ, которые служите. Нужно побесѣдовать и съ вами, чтобы вы со многимъ тщаніемъ раздѣляли эти дары. Не малое наказаніе ожидаетъ васъ, если вы, признавши кого-либо нечестивымъ, позволите причаститься этой трапезы. Кровь Его взыщется отъ рукъ вашихъ. Хотя бы кто былъ полководецъ, хотя бы высшій начальникъ, хотя бы самъ царь, носящій діадему, но если приступаетъ недостойно, то запрети ему: ты имѣешь больше власти, нежели
745-746 онъ. Если бы тебѣ поручено было сохранять въ чистотѣ источникъ воды для стада, и ты увидѣлъ овцу, имѣющую на устахъ много грязи, то не позволилъ бы ей наклониться и возмутить источникъ. Но теперь врученъ тебѣ источникъ не воды, а крови и Духа,—и ты, видя нѣкоторыхъ имѣющихъ грѣхъ, который хуже земли и грязи, и приступающихъ къ этому источнику, не вознегодуешь, не воспрепятствуешь? Какое ты можешь получить прощеніе? Для того Богъ удостоилъ васъ этой чести, чтобы вы разбирали такія дѣла. Въ этомъ состоитъ ваше достоинство, ваша важность, вашъ вѣнецъ, а не въ томъ, чтобы вы облекались въ бѣлую и блистательную одежду. Но какъ, скажешь, я могу знать того и другого? Я говорю не о неизвѣстныхъ, но о извѣстныхъ людяхъ. Скажу нѣчто болѣе страшное: не столько опасно приступать къ этому таинству бѣсноватымъ, сколько тѣмъ, которые, какъ говоритъ Павелъ, попираютъ Христа, кровь завѣта не почитаютъ за святыню, и ругаются надъ благодатію Духа (Евр. x, 29). Приступающій во грѣхахъ хуже бѣсноватаго. Послѣдній не наказывается, потому что онъ бѣснуется; а приступающій недостойно предается вѣчному мученію. Итакъ, будемъ удалять не только бѣсноватыхъ, но и всѣхъ, которыхъ увидѣли бы недостойно приступающими. Никто не долженъ пріобщаться, если онъ не изъ числа учениковъ Христовыхъ. Никто не долженъ принимать дары, подобно Іудѣ, чтобы не потерпѣть участь Іуды. Это собраніе вѣрующихъ есть также тѣло Христово. Поэтому ты, служитель таинствъ, смотри, чтобы тебѣ не раздражить Владыку, если не будешь очищать это тѣло, смотри, чтобы не дать меча, вмѣсто пищи. Но хотя бы кто и по неразумію пришелъ для причащенія, воспрети ему,—не бойся. Бойся Бога, а не человѣка. Если будешь бояться человѣка, то отъ Бога будешь уничиженъ; а если будешь бояться Бога, то

и отъ людей почитаемъ. Если ты самъ не смѣешь, то приведи ко мнѣ: я не позволю этой дерзости. Скорѣе предамъ душу свою, нежели причащу крови Господней недостойнаго; скорѣе пролью собственную кровь, нежели причащу столь страшной крови того, кого не должно. Если же кто послѣ многихъ испытаній не найдетъ недостойнаго, то не будетъ виновенъ. Это сказано мною объ извѣстныхъ людяхъ. Если мы исправимъ этихъ, то Богъ и неизвѣстныхъ скоро содѣлаетъ намъ извѣстными. Если же мы оставимъ безъ вниманія извѣстныхъ намъ, то для чего Ему дѣлать другихъ намъ извѣстными? Это говорю я не для того, чтобы мы только удаляли и отсѣкали, но для того, чтобы мы исправляли и возвращали ихъ, чтобы имѣли попеченіе о нихъ. Такимъ образомъ мы и Бога умилостивимъ, и найдемъ много достойныхъ причастниковъ, и получимъ за свое стараніе и попеченіе о другихъ великую награду, которой да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXIII.

Тогда пріиде съ ними Іисусъ въ весь, нарицаемую Геѳсиманія, и глагола ученикомъ: сѣдите ту, дондеже шедъ помолюся тамо. И поемъ Петра и оба сына Заведеова, нача скорбѣти и тужити, и глагола имъ: прискорбна есть душа Моя до смерти, пождите здѣ и бдите со Мною (Матѳ. xxvi, 36—38). 745

1. Такъ какъ ученики неразлучно были со Христомъ, то Онъ и говоритъ имъ: *сѣдите ту, дондеже шедъ помолюся.* Онъ имѣлъ обыкновеніе молиться безъ нихъ. Дѣлалъ же это Онъ для того, чтобы и насъ научить доставлять себѣ во время молитвы безмолвіе и совершенный покой. Съ Собою беретъ только троихъ, и говоритъ имъ: *прискорбна есть душа Моя до смерти.* Для чего Онъ не взялъ всѣхъ? Для того, чтобы они не подверглись паденію, и взялъ только тѣхъ, которые были зрителями Его славы. Но и этихъ онъ оставляетъ. *И прешедъ мало* молится, говоря: *Отче, аще возможно, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія, обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты. И прешедъ къ нимъ, и обрѣте ихъ спящихъ, и глагола Петрови: тако ли не возмогосте единаго часа побдѣти со Мною? Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть: духъ бо бодръ, плоть же немощна* (ст. 39—41). Не безъ причины Онъ обращается особенно къ Петру, тогда какъ и другіе ученики также спали; но и здѣсь укоряетъ его по той же причинѣ, которую я указалъ

раньше. Потомъ, такъ какъ и прочіе то же самое говорили,—когда Петръ сказалъ: *аще ми есть съ Тобою и умрети, не отвергуся Тебѣ, такожде*, свидѣтельствуетъ евангелистъ, *и вси ученицы рѣша*,—то обращается ко всѣмъ и обличаетъ ихъ слабость. Тѣ, которые прежде рѣшались умереть съ Нимъ, теперь не могли бодрствовать и сострадать Ему въ Его скорби, но побѣждены были сномъ. Онъ же прилежно молится, чтобы это дѣйствіе не показалось
746 притворствомъ. По той же причинѣ истекаетъ изъ Него и потъ, чтобы еретики не сказали, что Его скорбь была лицемѣрною. Поэтому и потъ истекаетъ изъ Него въ видѣ каплей крови, и для подкрѣпленія Его явился ангелъ; и было много другихъ признаковъ страха, чтобы кто не сказалъ, что это слова ложныя. По этой же причинѣ Онъ и молится. А когда говоритъ: *аще возможно, да мимоидетъ*, то показываетъ этимъ Свое человѣческое естество; словами же: *обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты*, показываетъ Свое мужество и твердость, научая насъ повиноваться Богу, не смотря на противодѣйствіе природы. А такъ какъ для неразумныхъ не довольно выражать скорбь на одномъ лицѣ, то Онъ прибавляетъ и слова. Опять, такъ какъ недостаточно было однихъ словъ, а требовались самыя дѣйствія, то Онъ со словами соединяетъ и самое дѣло, чтобы самые притязательные противники повѣрили, что Онъ и вочеловѣчился, и умеръ. Если и при всѣхъ этихъ знаменіяхъ находятся такіе люди, которые не вѣрятъ этому, то тѣмъ болѣе не повѣрили бы, если бы ничего такого не было. Смотри, какими знаменіями Онъ доказываетъ истину благодатнаго строительства? И словами, и страданіями. Затѣмъ, придя къ ученикамъ, говоритъ Петру: *тако ли не возмоглъ еси единаго часа побдѣти* со Мною (Марк. XIV, 37)? Всѣ спали, между тѣмъ Онъ обличаетъ Петра, напоминая ему прежнія его слова. Слово: *со Мною* Онъ употребилъ здѣсь не безъ причины, и какъ бы такъ сказалъ: ты не можешь со Мною бодрствовать; какъ же положишь за меня душу? То же самое выражается и въ слѣдующихъ словахъ: *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть*. Смотри, какъ и здѣсь Онъ учитъ ихъ не гордиться, но смирить мыслѣ свою и сердце, и предать все Богу! То обращается къ Петру, то ко всѣмъ вмѣстѣ. Именно говоритъ одному ему: *Симоне Симоне, се сатана проситъ васъ сѣяти, и Азъ молихся о тебѣ* (Лук. XXII, 31). А всѣмъ: молитесь, *да не внидете въ напасть*,—вездѣ сокрушая ихъ гордость, и заставляя заботиться о себѣ. Далѣе, чтобы
747 обличеніе Его не показалось жестокимъ, прибавляетъ: *духъ бо бодръ, плоть же немощна*. Хотя ты, говоритъ Онъ, и желаешь презрѣть смерть, однако не можешь, пока Богъ не поможетъ тебѣ, потому что все плотское унижаетъ духъ. И снова молился о томъ же,

говоря: *Отче, аще не можетъ сія (чаша) мимоити отъ Мене, аще не пію ея, буди воля Твоя* (ст. 42),—показывая тѣмъ, что Онъ совершенно согласуется съ волею Божіею, и что во всемъ должно сообразоваться съ нею и искать ея. *И пришедъ, обрѣте ихъ спящихъ* (ст. 43). Кромѣ того, что тогда была глубокая ночь, очи ихъ были еще отягчены печалію. И отойдя отъ нихъ, въ третій разъ помолился, сказавъ то же самое, чтобы подтвердить, что Онъ былъ совершенный человѣкъ. Слова: во второй разъ и въ третій разъ, въ Писаніи употребляются для означенія несомнѣнной достовѣрности чего-либо. Такъ Іосифъ говоритъ фараону: во второй разъ тебѣ явился сонъ ради истины и чтобы увѣрить тебя, что это дѣйствительно исполнится (Быт. XLI, 32). Поэтому и Христосъ говоритъ то же самое и въ первый, и во второй и въ третій разъ, для того, чтобы увѣрить въ Своемъ домостроительствѣ. Для чего Онъ приходитъ во второй разъ? Для того, чтобы обличить ихъ въ томъ, что такъ погрузились въ печаль, что не чувствовали даже Его присутствія. Впрочемъ, Онъ не сталъ обличать болѣе, но нѣсколько удалился отъ нихъ, обнаруживая этимъ ихъ великую слабость, когда они не смотря и на обличеніе не могли бодрствовать. А не разбудилъ ихъ и не обличаетъ снова для того, чтобы не поразить еще болѣе уже пораженныхъ, но отошедши отъ нихъ, помолился еще, и возвратившись сказалъ: *спите прочее и почивайте* (ст. 45). Хотя это время надлежало бодрствовать но Христосъ, желая показать, что они не перенесутъ зрѣлища бѣдствій и разсѣются отъ ужаса, что Онъ не имѣетъ нужды въ ихъ помощи, и что Онъ необходимо долженъ быть преданъ, говоритъ: *спите прочее и почивайте. Се приближися часъ, и Сынъ человѣческій предается въ руки грѣшниковъ.* Этимъ Онъ снова показываетъ, что все происходившее съ Нимъ было дѣломъ домостроительства.

2. Не только первыя слова, но и слѣдующія—*въ руки грѣшниковъ,*—служатъ къ ободренію ихъ духа, показывая, что совершающееся надъ Нимъ есть дѣло злобы грѣшниковъ, а не Его вины въ какомъ-либо грѣхѣ. *Возстаните, идемъ отсюду, се приближися предаяй Мя* (ст. 46). Всѣмъ этимъ Онъ научаетъ ихъ, что происходившее есть дѣло не необходимости, и не немощи, но нѣкотораго высочайшаго промышленія. Онъ предвидѣлъ, что придетъ Его предатель, и не только не бѣжалъ, но пошелъ даже на встрѣчу. *Еще бо Ему глаголющу, се Іуда, единъ отъ обоюнадесяте, пріиде и съ нимъ народъ многъ съ оружіемъ и дреколми, отъ архіерей и старецъ людскихъ* (ст. 47). Хороши же орудія у священниковъ! Они идутъ съ мечами и дреколіемъ. И Іуда, сказано, съ ними, одинъ изъ двѣнадцати учениковъ. Евангелистъ опять называетъ его однимъ

изъ двѣнадцати, и не стыдится. *Предаяй же Его, даде имъ знаменіе, глаголя: егоже аще лобжу, той есть, имите Его* (ст. 48). О, какое злодѣяніе взялъ на душу свою Іуда! Какими глазами онъ смотрѣлъ тогда на Учителя? Какими устами лобызалъ Его? О, преступная душа! Что онъ умыслилъ, на что отважился? Какое далъ знаменіе предательства? *Его же аще лобжу*, сказалъ онъ; онъ на-
748 дѣялся на кротость Учителя; а между тѣмъ болѣе всего и должно было посрамить его и лишить всякаго извиненія то, что онъ предалъ столь кроткаго Учителя. Но для чего же, ты скажешь, онъ далъ знакъ? Для того, что Іисусъ часто, когда Его брали, удалялся отъ нихъ невидимо. И въ этомъ случаѣ могло быть то же самое, если бы Онъ самъ не восхотѣлъ предаться. Желая вразумить Іуду, Онъ ослѣпилъ пришедшихъ взять Его и самъ спросилъ ихъ: *кого ищете* (Іоан. XVIII, 4). Но они не узнали Его, хотя были съ факелами и свѣтильниками и имѣли съ собою Іуду. Потомъ, когда отвѣчали: *Іисуса*, тогда Онъ сказалъ имъ: *Азъ есмь*, егоже ищете; и, обращаясь къ Іудѣ, говоритъ ему: *друже, на сіе ли пришелъ еси* (ст. 50)? Такимъ образомъ позволилъ взять Себя тогда уже, когда показалъ Свое могущество. А евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ, что и въ этотъ самый часъ Христосъ старался вразумить Іуду, говоря: *Іудо, лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предаеши* (Лук. XXII, 48)? Не стыдно ли тебѣ предавать такимъ образомъ? Впрочемъ, такъ какъ Онъ, ему не воспрещалъ и этого, то и допустилъ лобзаніе, и самъ Себя добровольно предалъ. И враги возложили на Него руки и взяли въ ту самую ночь, въ которую совершали пасху. Такъ они раздражены были, такъ неистовствовали. Впрочемъ, они ничего бы не могли сдѣлать, еслибы Онъ самъ не попустилъ этого. Но это не освобождаетъ Іуду отъ ужаснаго наказанія, а подвергаетъ его гораздо большему осужденію, потому что онъ, видя столь великое доказательство и могущества, и снисхожденія, и смиренія, и кротости своего Учителя, оказался лютѣе всякаго звѣря. Итакъ, зная это, будемъ избѣгать любостяжанія. Оно именно тогда довело Іуду до неистовства; оно научаетъ крайней жестокости и безчеловѣчію тѣхъ, которыми обладаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если оно заставляетъ отказываться отъ собственнаго спасенія, то тѣмъ болѣе располагаетъ къ пренебреженію спасеніемъ другихъ. И страсть эта настолько сильна, что иногда превозмогаетъ надъ самымъ сильнѣйшимъ плотскимъ вожделѣніемъ. Поэтому съ большимъ стыдомъ упоминаю, что многіе удерживались отъ распутства потому только, что жалѣли денегъ, а между тѣмъ не хотѣли жить цѣломудренно и честно по страху Христову. Будемъ же бѣгать любостяжанія,—я не перестану никогда говорить объ этомъ. Для

чего ты, человѣкъ, собираешь золото? Зачѣмъ налагаешь на себя столь тяжкое рабство, столь трудное попеченіе, столь сильную заботу? Положимъ, что тебѣ принадлежало бы все золото, скрытое и въ рудникахъ, и въ царскихъ чертогахъ. Обладая такимъ множествомъ золота, ты сталъ бы только беречь его, а не пользоваться имъ; если ты и теперь не пользуешься тѣмъ, что имѣешь, но бережешь какъ чужое, то тѣмъ болѣе сталъ бы поступать такъ, если бы имѣлъ больше. Обыкновенно сребролюбцы чѣмъ болѣе имѣютъ, тѣмъ болѣе берегутъ свое имѣніе. Но, я знаю,— скажешь ты,—что это мое. Слѣдовательно, твое пріобрѣтаніе состоитъ только въ одной мысли, а не въ употребленіи. Но при богатствѣ,—ты скажешь,—меня будутъ боятся другіе. Напротивъ, чрезъ это ты станешь болѣе доступнымъ и для богатыхъ и для нищихъ, для разбойниковъ, клеветниковъ, рабовъ и вообще всѣхъ коварныхъ людей. Если хочешь быть страшнымъ, то уничтожай причины, по которымъ могутъ уловить и оскорблять тебя всѣ, которые стремятся къ этому. Ужели ты не слыхалъ пословицы: нищаго и неимущаго не могутъ ограбить и сто человѣкъ? Бѣдность служитъ ему сильнымъ защитникомъ, котораго не можетъ взять и покорить даже самъ царь. 749

3. Между тѣмъ сребролюбцу всѣ причиняютъ скорбь: не люди, но и моль, и черви противъ него вооружаются. И что говорю—моль? Одно только время, безъ другихъ причинъ, можетъ нанести величайшій вредъ сребролюбцу. Итакъ, какое же удовольствіе въ богатствѣ? Я вижу однѣ горести; покажи ты мнѣ отъ него удовольствіе! Но какія горести, ты скажешь? Заботы, навѣты, вражда, ненависть, страхъ, ненасытная жадность и печаль. Если бы кто имѣлъ вожделѣніе къ какой либо любезной ему дѣвицѣ, и между тѣмъ не могъ бы удовлетворить своему вожделѣнію, то терпѣлъ бы отъ этого жестокое мученіе; такъ бываетъ и съ богатымъ: хотя онъ имѣетъ безчисленныя сокровища и живетъ только ими, однако не можетъ удовлетворить всего своего желанія; съ нимъ бываетъ то же самое, что говоритъ Премудрый: *желаніе скопца растлить ли дѣвицу* (Сирах. xx, 2), и: *якоже евнухъ осязаяй дѣвицу и воздыхаяй* (тамъ же, xxx; 21), — такъ и всѣ богатые. Но кто можетъ исчислить и другія непріятности, соединенныя съ богатствомъ? Какъ всѣмъ несносенъ сребролюбецъ: слугамъ, земледѣльцамъ, сосѣдямъ, правителямъ, обижаемымъ, необижаемымъ, особенно женѣ, а болѣе всѣхъ—дѣтямъ? Онъ воспитываетъ ихъ не какъ свободнорожденныхъ, но хуже, чѣмъ рабовъ и невольниковъ. Онъ имѣетъ безчисленные случаи навлекать на себя гнѣвъ, оскорбленія, ярость, смѣхъ другихъ, служа для всѣхъ предметомъ посмѣянія. Вотъ сколько у него

непріятностей! И можетъ быть еще болѣе, потому что нельзя всѣхъ исчислить, но одинъ только опытъ можетъ показать ихъ. Скажи же теперь ты: какое удовольствіе получаешь отъ богатства? Ты скажешь: меня считаютъ богатымъ. Но какое удовольствіе считаться богатымъ? Вѣдь имя богатаго составляетъ предметъ зависти; а богатство—одно имя, не имѣющее ничего существеннаго. Но богатый такимъ мнѣніемъ о себѣ услаждается? Услаждается тѣмъ, о чемъ бы надлежало скорбѣть. Почему же, ты скажешь, скорбѣть? Потому что это дѣлаетъ его ни къ чему негоднымъ, малодушнымъ, немужественнымъ въ путешествіяхъ и въ смерти. Предпочитая богатство всему, онъ любитъ болѣе деньги, нежели свѣтъ солнечный. Его не веселитъ ни небо, потому что оно не приноситъ ему золота, ни солнце, потому что оно не испускаетъ золотыхъ лучей. Но есть такіе, ты скажешь, которые наслаждаются имуществомъ, удовлетворяя прихотямъ и чреву, предаваясь пьянству и употребляя на это огромныя издержки. Ты указываешь мнѣ на богачей, которые еще хуже тѣхъ, такъ какъ они-то болѣе всего и не наслаждаются своимъ богатствомъ. Богачъ, о которомъ я говорилъ, будучи преданъ одной страсти, по крайней мѣрѣ, свободенъ отъ другихъ пороковъ; а эти хуже его, потому что, кромѣ той страсти, порабощаются еще множеству другихъ: служатъ каждый день, какъ лютымъ владыкамъ, чреву, сладострастію, пьянству и другимъ видамъ невоздержанія; содержатъ блудницъ, дѣлаютъ великолѣпные пиры, покупаютъ себѣ тунеядцевъ, льстецовъ, унижаются до противуестественнаго вожделѣнія, и этимъ причиняютъ душѣ и тѣлу безчисленныя болѣзни. Они тратятъ свое богатство не на нужное, но на то, что вредитъ тѣлу, а вмѣстѣ съ нимъ развращаетъ и душу, и поступаютъ точно такъ же, какъ если бы кто, украшая тѣло свое, думалъ, что онъ тратитъ имущество для своей пользы. Такимъ образомъ, только тотъ одинъ получаетъ удовольствіе отъ своего богатства и бываетъ господиномъ его, кто пользуется имъ надлежащимъ образомъ. А тѣ, о которыхъ мы говорили, суть рабы его и невольники, такъ какъ усиливаютъ недуги тѣлесные и болѣзни душевныя. Что за наслажденіе тамъ, гдѣ стѣсненіе, вражда и возмущеніе свирѣпѣе всякой морской бури? Если богатство достается глупымъ, то оно дѣлаетъ ихъ еще глупѣе; если распутному, то—распутнѣе. Но какая, ты скажешь, польза бѣдному отъ благоразумія? Тебѣ естественно не знать: вѣдь и слѣпой не знаетъ, какую пользу доставляетъ свѣтъ. Послушай, что говоритъ Соломонъ: *есть изобиліе мудрости, паче безумія, якоже изобиліе свѣта, паче тьмы* (Еккл. II, 13). Но какъ намъ вразумить человѣка, пребывающаго во тьмѣ? А сребролюбіе есть истинная тьма,

такъ какъ оно препятствуетъ видѣть вещи, каковы онѣ сами въ себѣ, и представляетъ ихъ въ другомъ видѣ. Какъ находящійся во тьмѣ, хотя бы и имѣлъ предъ собою золотой сосудъ, или драгоцѣнный камень, или пурпуровую одежду, счелъ бы все это за ничто, потому что онъ не видитъ ихъ красоты, такъ и сребролюбецъ не видитъ, какъ должно, красоты вожделѣнныхъ благъ. Разсѣй мракъ, происходящій отъ этого недуга, и тогда увидишь вещи въ ихъ существѣ: онѣ никогда такъ не открываются, какъ въ бѣдности; никогда такъ не обнаруживается ничтожность того, чтó кажется чѣмъ-то существующимъ, но въ самомъ дѣлѣ есть ничто, какъ при жизни строгой и умѣренной.

4. Но, о, безсмысленные!—вы, которые клянете нищихъ и говорите, что стыдно взглянуть на ихъ домы, на ихъ образъ жизни, что отъ нищеты все дѣлается гнуснымъ, скажите мнѣ, что составляетъ посрамленіе для дома? Ужели то, что нѣтъ въ немъ ложа изъ слоновой кости, или серебряныхъ сосудовъ, а все сдѣлано изъ глины и дерева? Но это-то и составляетъ величайшую славу и знатность дома. Когда не заботятся о вещахъ житейскихъ, тогда часто всю заботу и попеченіе обращаютъ на пользу души. Поэтому когда замѣчаешь большую заботливость о внѣшности, тогда стыдись этого, какъ великаго безобразія. Домы богатыхъ особенно безобразны. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты видишь домъ, въ которомъ столы накрыты коврами, ложи украшены серебромъ, какъ въ театрѣ, какъ на сценѣ, что можетъ сравниться съ такимъ безобразіемъ? Какой домъ болѣе уподобляется части театра, назначенной для плясокъ, или тому, что здѣсь происходитъ: домъ ли богатаго, или домъ бѣднаго? Не очевидно ли, что домъ богатаго? Такимъ образомъ этотъ домъ преисполненъ безобразія. А какой домъ подобенъ дому Павла, или Авраама? Безъ сомнѣнія, домъ бѣднаго. Поэтому-то онъ особенно красивъ и знатенъ. А чтобы тебѣ увѣриться въ томъ, что бѣдность служитъ особенно украшеніемъ дома, войди въ домъ Закхея и узнай, какъ онъ украшалъ его, когда хотѣлъ посѣтить его Христосъ: онъ не побѣжалъ къ сосѣдямъ просить у нихъ ковровъ, сѣдалищъ изъ слоновой кости, не вынималъ изъ кладовыхъ драгоцѣнныхъ покрывалъ, но украсилъ весь домъ украшеніемъ, приличнымъ Христу. Какое же это украшеніе? *Полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ*, говоритъ онъ, *и аще у кого похитилъ, возвращу четверицею* (Лук. XIX, 8). Такъ и мы должны украшать домы, чтобы и насъ посѣтилъ Христосъ. Это-то и есть ковры драгоцѣнные; они приготовляются на небѣ, тамъ ткутся. Гдѣ есть это, тамъ присутствуетъ и Царь небесный. Если же ты украшаешь чѣмъ-либо инымъ, то призываешь къ себѣ діавола

и его служителей. Христосъ былъ и въ домѣ мытаря Матѳея (Матѳ. IX, 10). Что же этотъ сдѣлалъ? Прежде всего украсилъ себя усердіемъ, потомъ тѣмъ, что оставилъ все и послѣдовалъ
751-752 за Іисусомъ. Такъ и Корнилій украшалъ домъ свой молитвами и милостынями; а потому и донынѣ блистаетъ онъ болѣе, нежели царскіе чертоги. Подлинно, безобразіе дома состоитъ не въ томъ, что въ немъ сосуды лежатъ въ безпорядкѣ, ложе не убрано, стѣны закопчены дымомъ,—а въ грѣхахъ живущихъ въ немъ. Это ясно показываетъ Христосъ: Онъ не постыдился войти въ подобный домъ, когда въ немъ жилъ человѣкъ честный; напротивъ, въ другой домъ, хотя бы въ немъ былъ золотой потолокъ, никогда не войдетъ. Поэтому тотъ домъ, который принимаетъ Владыку всѣхъ, блистательнѣе царскихъ палатъ; а этотъ, съ золотымъ потолкомъ и съ золотыми столбами, подобенъ нечистымъ стокамъ и водопроводамъ, потому что украшенъ сосудами діавольскими. Впрочемъ, сказанное мною относится не вообще къ богачамъ, пользующимся богатствомъ по надлежащему, но къ скупымъ и сребролюбивымъ людямъ, которые заботятся не о нужномъ, но о пресыщеніи чрева, о винѣ и другихъ подобныхъ мерзостяхъ, тогда какъ въ домѣ бѣдномъ заботятся только о строгой жизни. Вотъ почему Христосъ никогда не входилъ въ блистательный домъ, но былъ въ домѣ мытаря, начальника мытарей и рыбаря, оставя царскія палаты и тѣхъ, которые облекались въ дорогія одежды. Итакъ, если и ты желаешь призвать Его въ свой домъ, то укрась послѣдній милостынями, молитвами, всенощными бдѣніями и усерднымъ моленіемъ. Это и составляетъ украшеніе для Царя Христа, а внѣшняя пышность есть украшеніе для мамоны, врага Христова. Итакъ, никто пусть не стыдится имѣть бѣдный домъ, если въ немъ есть такія украшенія; равно никто изъ богатыхъ пусть не гордится великолѣпнымъ домомъ, напротивъ, пусть стыдится, и, оставя его, пусть поревнуетъ о первомъ, чтобы и на землѣ принять Христа, и на небѣ удостоиться вѣчныхъ селеній благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXIV.

И се единъ отъ сущихъ со Іисусомъ простеръ руку 751
свою, извлече ножъ свой, и ударивъ раба архіереова, урѣза ему ухо. Тогда глагола ему Іисусъ: возврати ножъ въ мѣсто его: вси бо пріемшіи ножъ, ножемъ погибнутъ. Или мнится ти, яко не могу умолити Отца, и представитъ Ми нынѣ вящше, неже двана-десяте легеона ангелъ? Како убо сбудутся писанія, яко тако подобаешь быти (Мѳ. XXVI, 51—54)?

1. Кто этотъ одинъ, урѣзавшій ухо? Евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что это Петръ (Іоан. XVIII, 10). Такой поступокъ былъ дѣломъ его пылкости. Но нужно изслѣдовать, для чего ученики Іисусовы носили ножи? А что они носили ихъ съ собою, это видно не только изъ настоящаго обстоятельства, но еще изъ ихъ отвѣта, что у нихъ есть два меча. Для чего же позволилъ имъ Христосъ имѣть мечи? Евангелистъ Лука повѣствуетъ, что когда Христосъ спросилъ ихъ: *егда послахъ вы безъ влагалища и безъ мѣха и безъ сапогъ, еда чесого лишени бысте?* и когда они отвѣчали: *ничесоже*, тогда Онъ самъ сказалъ имъ: *но нынѣ иже иматъ влагалище, да возметъ и мѣхъ: а иже не иматъ, да продастъ ризу свою, и купитъ ножъ;* и когда они на это отвѣчали: *се ножа здѣ два*, тогда Онъ сказалъ имъ: *довольно есть* (Лук. XXII, 35, 36, 38). Итакъ, для чего же Онъ позволилъ имъ имѣть мечи? Чтобы увѣрить ихъ что онъ будетъ преданъ. Поэтому и говоритъ имъ: *да купитъ ножъ*, не для того, чтобы вооружились; нѣтъ, но чтобы этимъ указать на предательство. Для чего, опять ты спросишь, Онъ повелѣлъ имѣть мѣхъ? Онъ училъ ихъ тѣмъ трезвиться, бодрствовать и имѣть самимъ о себѣ великую заботу. Вначалѣ Онъ держалъ ихъ, какъ неопытныхъ, подъ охраненіемъ Своего могущества, а теперь, выпустивъ ихъ какъ птенцовъ изъ гнѣзда, велитъ имъ самимъ летать. Далѣе, для того, чтобы они не подумали, будто Онъ оставляетъ ихъ по слабости Своей, повелѣвая и имъ дѣйствовать самостоятельно, Онъ напоминаетъ имъ о прошедшемъ, говоря: *егда послахъ вы безъ влагалища, еда что лишени бысте?* Онъ хочетъ увѣрить ихъ въ Своей силѣ и тѣмъ, что Онъ прежде поддерживалъ ихъ, и тѣмъ, что нынѣ не вдругъ оставляетъ. Но откуда были у нихъ мечи? Они шли прямо съ вечери
послѣ трапезы; вѣроятно, поэтому, тамъ для агнца были и ножи; 752
когда же они услышали, что на Іисуса будетъ сдѣлано нападеніе, то и взяли съ собою эти ножи для защиты своего Учителя; но это они сдѣлали только по своей волѣ. Поэтому-то Христосъ и

упрекаетъ Петра, и притомъ съ страшною угрозою, за то, что онъ употребилъ мечъ въ отмщеніе пришедшему рабу, хотя онъ поступилъ такъ горячо въ защиту не самого себя, а своего Учителя. Но Христосъ не допустилъ, чтобы отъ этого произошелъ какой-либо вредъ. Онъ исцѣлилъ раба, и сдѣлалъ великое чудо, которое могло открыть и Его кротость, и могущество, а равно и нѣжность любви, и покорность ученика, потому что тотъ поступокъ былъ свидѣтельствомъ его любви, а этотъ послушанія. Когда онъ услышалъ: *вонзи ножъ твой въ ножницу свою* (Іоан. xvIII, 11), то тотчасъ повиновался и впослѣдствіи никогда не дѣлалъ этого. Другой же евангелистъ повѣствуетъ, что ученики спрашивали Его: *аще ударимъ* (Лук. xxII, 49)? Но Христосъ воспретилъ это, и исцѣлилъ раба, а ученику возбранилъ еще съ угрозою, для того, чтобы болѣе вразумить его: *вси бо*, говоритъ Онъ, *пріемшіи ножъ ножемъ погибнутъ*. И приводитъ основаніе. говоря: *или мните, яко не могу умолити Отца Моего, и представитъ Ми вящше, неже дванадесяте легеона ангелъ*? Но *како сбудутся писанія*? Этими словами Онъ остановилъ ихъ горячность, показывая, что случившееся съ нимъ соотвѣтствуетъ и Писанію. Поэтому Онъ и тамъ молился, чтобы они съ покорностію перенесли случившееся съ Нимъ, зная, что это совершается по волѣ Божіей. Итакъ, двумя причинами Онъ хотѣлъ успокоить учениковъ: во-первыхъ, угрозою наказанія тѣмъ, которые начинаютъ нападеніе: *вси бо*, сказалъ Онъ, *пріемшіе ножъ ножемъ погибнутъ;* во-вторыхъ, тѣмъ, что Онъ терпитъ это добровольно: могу, говоритъ Онъ, *умолити Отца Моего*. Но почему Онъ не сказалъ: ужели вы думаете, что Я не могу погубить ихъ? Потому что первыя Его слова были гораздо убѣдительнѣе; а ученики Его не имѣли еще объ Немъ надлежащаго понятія. За нѣсколько времени Онъ говорилъ: *прискорбна есть душа Моя до смерти*, и еще: *Отче, да мимоидетъ отъ Мене чаша*, и былъ въ скорби и потѣ, и укрѣпляемъ отъ ангела. Итакъ, вслѣдствіе того, что Онъ показывалъ въ Себѣ много человѣческаго, Ему не повѣрили бы, если бы Онъ сказалъ: ужели вы думаете, что
753 Я не могу погубить ихъ? Поэтому и говоритъ: *или мните, яко не могу умолити Отца Моего*? Но и здѣсь опять показываетъ смиреніе, когда говоритъ: *представитъ Ми дванадесять легеона ангелъ*. Если одинъ ангелъ поразилъ сто восемьдесятъ пять тысячъ вооруженныхъ (4 Царств. xIx, 35), то неужели нужно было Христу двѣнадцать легіоновъ ангеловъ противъ тысячи человѣкъ? Нѣтъ! Онъ такъ сказалъ по причинѣ страха и слабости учениковъ Своихъ, такъ какъ они отъ страха омертвѣли. Поэтому же Онъ ссылается и на Священное Писаніе: *како убо сбудутся*

писанія? и этимъ устрашая ихъ. Если происходящее со Мною подтверждается Священнымъ Писаніемъ, то для чего вы сопротивляетесь?

2. Такъ говорилъ Христосъ ученикамъ Своимъ, а врагамъ, напавшимъ на Него, сказалъ: *яко на разбойника ли изыдосте со оружіи и дрекольми яти Мя? По вся дни сѣдѣхъ уча въ Церкви, и не ясте Мене* (ст. 55). Смотри, сколько Онъ дѣлаетъ такого, что могло вразумить ихъ: то повергаетъ ихъ на землю, то исцѣляетъ ухо рабу, то угрожаетъ имъ убійствомъ. *Ножемъ погибнутъ*, говоритъ Онъ, *пріемшіи ножъ*,—что самое и подтвердилъ исцѣленіемъ уха; вездѣ, и въ настоящемъ и въ будущемъ, являетъ Свое могущество и показываетъ, что іудеи не своею силою взяли Его. Поэтому Онъ и прибавляетъ: *на всякъ день съ вами бѣхъ и сѣдѣхъ уча, и не ясте Мене*, показывая и этимъ, что они взяли Его по Его соизволенію. Не упоминая о чудесахъ, Онъ говоритъ только объ ученіи, для того, чтобы не показаться тщеславнымъ. Когда Я училъ васъ, тогда вы Меня не брали; а когда замолчалъ, тогда напали на Меня. Я былъ во храмѣ, и никто не удерживалъ Меня; а теперь неблаговременно, среди ночи, вы приступили ко Мнѣ съ оружіемъ и дреколіемъ. Какая нужда въ этомъ оружіи противъ Того, Кто былъ всегда съ вами во храмѣ? Этимъ научаетъ, что они никогда бы не могли взять Его, если бы Онъ не предалъ Себя добровольно, потому что если и прежде, имѣя Его въ своихъ рукахъ, всегда посреди себя, они не могли взять Его, то и нынѣ также не могли бы сдѣлать этого, если бы Онъ не захотѣлъ. Далѣе разрѣшаетъ недоумѣніе, для чего Онъ восхотѣлъ предать Себя. *Сіе же бысть*, говоритъ Онъ, *да сбудутся писанія пророческая* (ст. 56). Смотри, какъ Онъ до послѣдняго часа, и въ самое время преданія, все дѣлаетъ для исправленія враговъ Своихъ: вразумляетъ ихъ, пророчествуетъ, угрожаетъ имъ: *мечемъ*, говоритъ Онъ, *погибнутъ*, а когда говоритъ: *на всякъ день съ вами бѣхъ уча*, то этимъ показываетъ добровольное Свое страданіе; словами же: *да сбудутся писанія пророческая* доказываетъ Свою покорность волѣ Отца. Почему же они не взяли Его въ храмѣ? Потому что не осмѣлились на это въ храмѣ въ виду народа. Поэтому Онъ и вышелъ вонъ изъ города, предоставляя имъ въ отношеніи и мѣста и времени полную свободу и, даже до послѣдняго часа лишая ихъ оправданія. Тотъ, Кто въ исполненіе божественныхъ пророчествъ предалъ самого Себя, могъ ли учить противному волѣ божественной? *Тогда вси ученицы*, говоритъ евангелистъ, *оставльше Его бѣжаша*. Когда взяли Іисуса Христа, ученики оставались еще при Немъ; но когда Онъ сказалъ толпѣ, напавшей на Него, упомянутыя слова, разбѣжались.

Они, наконецъ, увидѣли, что уже нельзя будетъ болѣе Ему уйти послѣ того, какъ Онъ добровольно предалъ Себя, и объявилъ, что это совершается сообразно писаніямъ пророческимъ.
754 По разсѣяніи учениковъ, Іисуса Христа приводятъ къ Каіафѣ: *Петръ же идяше по Немъ, и внide видѣти кончину* (ст. 58). Велика была любовь этого ученика: увидавъ, какъ убѣжали другіе ученики, онъ все таки не убѣжалъ, но остался и вошелъ со Христомъ во дворъ Каіафы. Безъ сомнѣнія, и Іоаннъ сдѣлалъ то же (Іоан. xviii, 15), но онъ былъ извѣстенъ первосвященнику. Для чего же привели Христа въ такое мѣсто, гдѣ всѣ были собраны? Для того, чтобы все сдѣлать по волѣ архіереевъ. Каіафа былъ тогда первосвященникомъ, и у него тамъ были всѣ собраны: такъ они бодрствовали и не спали цѣлую ночь ради этого. Не пасху они тогда совершали, какъ пишетъ евангелистъ, но не спали по этому самому дѣлу. Евангелистъ Іоаннъ, сказавъ, что было утро, присовокупляетъ: *тіи не внидоша въ преторъ, да не осквернятся, но да ядятъ пасху* (Іоан. xviii, 28). Это что значитъ? То, что они ѣли пасху въ другой день, и стремясь погубить Христа, нарушили законъ. Христосъ не пропустилъ бы времени пасхи, но Его убійцы осмѣливались на все, и нарушали многіе законы. Такъ какъ они терзаемы были жестокою яростію противъ Него, и, часто покушаясь убить Его, не могли этого сдѣлать, то теперь, взявъ Его неожиданно, рѣшились оставить даже пасху, чтобы исполнить свое кровожадное намѣреніе. Вотъ почему и собрались всѣ, и, составивъ сонмъ губителей, искали лжесвидѣтельства, чтобы своимъ коварнымъ замысламъ дать видъ законнаго суда. Они не имѣли даже истинныхъ свидѣтельствъ (Марк. xiv, 56): такъ беззаконенъ былъ ихъ судъ, такъ все было извращено и перепутано! *Приступльше же лжесвидѣтели рѣша: сей рече: разорю церковь сію, и треми деньми воздвигну ю* (Матѳ. xxvi, 61; Мрк. xiv, 58; Іоан. ii, 19). И Онъ дѣйствительно говорилъ, что въ три дня воздвигнетъ Церковь, но не говорилъ: *разрушу*, а: *разрушьте*; и притомъ говорилъ не о Церкви, а о собственномъ тѣлѣ. Что же сказалъ на это первосвященникъ? Желая побудить къ защитѣ самого обвиняемаго, чтобы чрезъ это уловить Его, онъ говоритъ: не слышишь ли, *что сіи на Тя свидѣтельствуютъ? Онъ же молчаше* (ст. 62—63). Отвѣтъ былъ безполезенъ, когда никто не слушалъ, да и судъ ихъ имѣлъ только наружный видъ суда, на самомъ же дѣлѣ былъ не что иное, какъ нападеніе разбойниковъ, которые бросаются на проходящихъ изъ своего вертепа. Поэтому Христосъ и молчалъ. Между тѣмъ первосвященникъ продолжалъ говорить: *заклинаю Тя Богомъ живымъ, да речеши намъ, аще Ты еси Христосъ Сынъ* Бога живаго? Онъ же ска-

залъ: *ты реклъ еси. Обаче глаголю вамъ, отселѣ узрите Сына человѣческаго сѣдяща одесную силы, и грядуща на облацѣхъ. Тогда архіерей растерза ризы своя, глаголя: хулу глагола* (ст. 63—65). Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы усилить обвиненіе, и свои слова подтвердить самымъ дѣломъ. И такъ какъ слова его привели въ страхъ слушателей, то они точно такъ же, какъ и во время осужденія Стефана, затыкали уши свои.

3. Но въ чемъ состоитъ эта хула? Вѣдь и прежде Христосъ говорилъ собравшимся къ Нему: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене* (Матѳ. XXII, 44; Псал. CIX, 1), и изъяснилъ эти слова; и они тогда не смѣли говорить, а молчали, и съ того времени ни въ чемъ уже Ему не противорѣчили. Какъ же теперь слова Его они назвали хулою? Для чего и Христосъ далъ такой отвѣтъ? Для того, чтобы отнять у нихъ всякое извиненіе, такъ 755
какъ Онъ училъ ихъ до послѣдняго дня, что Оно есть Христосъ, сидитъ одесную Отца, и имѣетъ пріити опять судить вселенную,— что самое свидѣтельствовало о совершенномъ Его согласіи съ Отцемъ. Итакъ первосвященникъ, растерзавъ ризы свои, сказалъ: *что вамъ мнится?* Не объявляетъ своего мнѣнія, но требуетъ его отъ своихъ совѣтниковъ, какъ будто объ очевидныхъ преступленіяхъ и явномъ богохульствѣ. Но такъ какъ первосвященники знали, что если дѣло будетъ изслѣдовано и тщательно разсмотрѣно, то Христосъ окажется совершенно невиннымъ, то и осуждаютъ Его сами и, предупреждая слушателей, говорятъ: *вы слышасте хулу*, едва не вынуждая тѣмъ, едва не насильно исторгая приговоръ. Что же отвѣчали эти слушатели? *Повиненъ есть смерти*,—чтобы, какъ будто уже обвиненнаго, только оставалось представить Его на судъ Пилата. Сознавая это, они и говорятъ: *повиненъ есть смерти*! Сами обвиняютъ Его, сами судятъ, сами произносятъ приговоръ,—сами все дѣлаютъ. Почему же они не выставили въ обвиненіе Христа Его дѣло въ субботу? Потому, что Онъ прежде часто заграждалъ имъ уста, когда они начинали говорить объ этомъ, и притомъ они хотѣли уловить Его и осудить на основаніи настоящихъ Его словъ. Итакъ, первосвященникъ, предварительно исторгнувъ у нихъ это осужденіе на Іисуса, и раздраніемъ ризъ своихъ склонивъ всѣхъ на свою сторону, ведетъ Его какъ злодѣя къ Пилату. Такъ онъ доселѣ дѣйствовалъ. Но у Пилата они ничего подобнаго не говорятъ, но что же? *Аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ предали Его тебѣ* (Іоан. XVIII, 30),— желая умертвить Его какъ виновнаго въ преступленіи противъ общественнаго блага. Но почему они не умертвили Его тайно? Потому что хотѣли уничтожить и самую славу Его. Такъ какъ много было такихъ, которые слышали Его бесѣды и сильно удивлялись

Ему, то враги Его стараются предать Его смерти публично, предъ всѣми. А Христосъ съ своей стороны не препятствовалъ этому, но злобу ихъ употребилъ къ утвержденію истины, такъ какъ чрезъ это смерть Его стала всѣмъ извѣстною. Такимъ образомъ случилось совсѣмъ не то, чего хотѣли. Враги хотѣли предать Его публичному позору, чтобы такимъ образомъ посрамить Его, а Онъ чрезъ это самое еще болѣе прославилъ Себя. И подобно тому какъ они говорили прежде: убьемъ Его, *да не когда пріидутъ Римляне, и возмутъ градъ и языкъ нашъ* (Іоан. XI, 48); а когда убили Его, то это съ ними и случилось,—такъ и здѣсь они хотѣли публичнымъ распятіемъ повредить Его славѣ, но вышло напротивъ. А что они имѣли власть сами по себѣ предать Его смерти, это видно изъ словъ Пилата: *поимите Его вы и по закону вашему судите Его* (Іоан. XVIII, 31). Но они не хотѣли этого, чтобы показать, что Онъ преданъ смерти какъ законопреступникъ, какъ самозванецъ, какъ возмутитель. Вотъ почему и распяли вмѣстѣ съ Нимъ разбойниковъ; потому же и говорили: *не пиши, что сей есть царь іудейскій, но, яко самъ рече* (Іоан. XIX, 21).

Все это дѣлалось для утвержденія истины, чтобы врагамъ не осталось даже и тѣни безстыднаго оправданія. Точно такъ же печать и стража при гробѣ только способствовали къ яснѣйшему обнаруженію истины; то же самое должно сказать о посмѣяніи, злословіи, поношеніи. Таково обыкновенно коварство: что оно злоумышляетъ, тѣмъ самымъ и разрушается. Такъ случилось и здѣсь: тѣ, которые думали одержать верхъ, остались наиболѣе посрамленными, побѣжденными и низложенными; а кто казался побѣжденнымъ, тотъ особенно прославился и одержалъ верхъ.
756 Итакъ, не всегда будемъ искать побѣды, и не всегда будемъ избѣгать пораженія. Иногда и побѣда приноситъ вредъ, а пораженіе пользу. Такъ между людьми раздраженными обыкновенно считаютъ побѣдившимъ того, кто болѣе нанесъ обидъ; но этотъ-то въ самомъ дѣлѣ и остался побѣжденнымъ жесточайшею страстью и обиженнымъ; а кто равнодушно перенесъ обиду, тотъ побѣдилъ и одержалъ верхъ. Тотъ не могъ уврачевать даже и собственнаго недуга, а этотъ перенесъ чужой; тотъ побѣжденъ отъ себя, а этотъ восторжествовалъ надъ другимъ, и не только самъ не сгорѣлъ но и погасилъ высоко вздымавшійся пламень другого. А если бы онъ пожелалъ одержать мнимую побѣду, то и самъ былъ бы побѣжденъ, и, возжегши другого, доставилъ бы ему тѣмъ жесточайшее страданіе и такимъ образомъ оба, подобно женщинамъ, подверглись бы постыдному и жалкому посрамленію. Но, поступивъ какъ прилично мужу мудрому, онъ избѣжалъ стыда и, допустивъ благодушно побѣдить себя въ самомъ себѣ

и въ ближнемъ, воздвигъ себѣ блистательный трофей побѣды надъ гнѣвомъ.

4. Итакъ, не всегда будемъ искать побѣды. Конечно, оскорбившій обыкновенно одерживаетъ побѣду надъ оскорбленнымъ; но это худая побѣда, такъ какъ она причиняетъ погибель побѣдителю. Между тѣмъ, обиженный и мнимо побѣжденный, когда переноситъ обиду великодушно, безъ сомнѣнія получаетъ блистательный вѣнецъ. Во многихъ случаяхъ лучше претерпѣть пораженіе; и это даже есть самый лучшій способъ побѣды. Если бы кто ограбилъ кого, или нанесъ кому удары, или завидовалъ кому, то претерпѣвшій это и не оказавшій сопротивленія остался бы побѣдителемъ. Но что говорить о грабительствѣ и зависти? Влекомый на мученіе также бываетъ побѣдителемъ, когда терпитъ узы, біеніе, сѣченіе и мучительную смерть. Какъ въ обыкновенномъ сраженіи паденіе считается пораженіемъ, такъ у насъ—побѣдою. Мы никогда не бываемъ побѣдителями, когда дѣлаемъ зло; напротивъ, всегда побѣждаемъ, когда терпимъ зло. Точно также и блистательная побѣда бываетъ тогда, когда мы терпѣніемъ побѣждаемъ обижающихъ насъ. Отсюда видно, что эта побѣда отъ Бога, потому что она имѣетъ свойство противное обыкновенной побѣдѣ, что и служитъ доказательствомъ могущества. Такъ и морскіе камни разсѣкаютъ ударяющіяся объ нихъ волны; такъ и всѣ святые тогда прославились и получили вѣнцы и воздвигли себѣ блистательные трофеи, когда одержали такую, чуждую сопротивленія побѣду. Не тревожься, не безпокойся; Богъ далъ тебѣ силу побѣждать не сражаясь, но чрезъ одно только терпѣніе. Не ополчайся, не выходи самъ,—и ты одержишь побѣду; не сражайся,—и ты получишь вѣнецъ. Ты гораздо сильнѣе самаго могущественнаго изъ твоихъ противниковъ. Что ты стыдишь самъ себя? Не давай ему сказать, что ты побѣдилъ чрезъ сраженіе; но пусть онъ изумляется твоей непобѣдимой силѣ и всѣмъ говоритъ, что ты побѣдилъ его безъ сраженія. Такъ и блаженный Іосифъ прославляется за то, что терпѣніемъ побѣдилъ сдѣлавшихъ ему зло. И братья и египтянка злоумышляли противъ него, но онъ ихъ всѣхъ побѣдилъ. Не говори мнѣ ни о темницѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ, ни о царскихъ палатахъ, гдѣ жила эта жена; но скажи, кто былъ пораженъ, и кто остался побѣдителемъ, кто въ скорби, и кто въ радости. Египтянка не могла побѣдить не только этого праведника, но даже собственной страсти, а онъ побѣдилъ и ее и жестокую болѣзнь. Если хочешь, то выслушай самыя ея слова, и ты увидишь побѣду: *ввелъ еси намъ сюда отрока евреина наругатися намъ* (Быт. XXXIX, 14, 17). Не отрокъ наругался надъ тобою,

несчастная и жалкая женщина, а діаволъ, который внушилъ тебѣ,
будто ты можешь сокрушить адамантъ. Не мужъ твой привелъ къ
757-758 тебѣ отрока евреянина, злоумышляющаго противъ тебя, но злой
демонъ, который вложилъ въ тебя нечистую похоть; онъ надругался надъ тобою. Что же дѣлаетъ Іосифъ? Онъ молчитъ и такъ же осуждается, какъ и Христосъ, потому что все, случившееся съ Іосифомъ, служитъ образомъ того, что произошло съ Христомъ. Іосифъ былъ въ узахъ, а эта женщина въ царскихъ чертогахъ. Но что изъ того? Онъ былъ славнѣе всякаго вѣнценосца, хотя томился въ узахъ; а она была несчастнѣе всякаго узника, хотя жила въ царскихъ чертогахъ. Впрочемъ побѣды и пораженія должно искать не только здѣсь, но и въ самомъ окончаніи дѣла Въ самомъ дѣлѣ, кто достигъ желаемаго? Узникъ, а не царица. Тотъ старался соблюсти цѣломудріе, а эта хотѣла его лишить таковаго. Кто же теперь получилъ желаемое: тотъ ли, кто потерпѣлъ зло, или та, которая сдѣлала зло? Очевидно, тотъ, кто потерпѣлъ зло. Такимъ образомъ онъ остался и побѣдителемъ. Итакъ, зная это, будемъ искать той побѣды, которая получается чрезъ претерпѣніе зла, и избѣгать той, которая достигается чрезъ нанесеніе зла. Тогда мы и настоящую жизнь проведемъ безмятежно и совершенно спокойно, достигнемъ и будущихъ благъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXV.

757 **Тогда заплеваша лице Его, и пакости Ему дѣяху; овіи же за ланиту удариша, глаголюще: прорцы намъ, Христе, кто есть ударей Тя (Мѳ. XXVI, 67, 68).**

1. Для чего они это дѣлали, если хотѣли умертвить Его? Что была за нужда въ такомъ издѣвательствѣ? Развѣ та, чтобы видѣлъ ты наглый нравъ ихъ? Подлинно, какъ будто нашедши добычу, они обнаруживали свое изступленіе: порывались бѣшенствомъ, совершая это торжество, съ злобною радостію бросались на Него, выказывая убійственный свой нравъ. Подивись же любомудрію учениковъ: съ какою тщательностію они повѣствуютъ объ этомъ! Здѣсь ясно обнаруживается ихъ любовь къ истинѣ; то, что кажется безчестнымъ, они пересказываютъ со всею точностію, ничего не утаиваютъ, ничего не стыдятся, но еще и за великую честь считаютъ,—и справедливо,—что Владыка вселенной благоволилъ понести за насъ такія страданія. Это показывало неизреченную Его попечительность и непростительную

злобу тѣхъ, которые съ столь кроткимъ и тихимъ поступали такъ, какъ только можетъ поступать левъ съ агнцемъ. Ничего, ничего здѣсь не опущено, ни съ Его стороны—въ кротости, ни съ ихъ—въ злобѣ и жестокости на словахъ и на дѣлѣ. Все это предвозвѣстилъ и пророкъ Исаія, такъ, въ краткихъ словахъ, выражая это поношеніе: *якоже*, говоритъ, *ужаснутся мнози о Тебѣ, тако обезславится отъ человѣкъ видъ Твой, и слава Твоя отъ сыновъ человѣческихъ* (Ис. LII, 14). Что можетъ сравниться съ этимъ оскорбленіемъ? На то самое лице, увидя которое устыдилось море, отъ котораго солнце, узрѣвши на крестѣ, сокрыло лучи свои,—на то самое лице плевали, то самое лице заушали, били по главѣ, безмѣрно увлекаемые своимъ неистовствомъ. Наносили удары самые жесточайшіе, били по щекамъ, заушали, и къ этимъ язвамъ присоединяли позоръ оплеванія. Мало того,—громко повторяли ѣдкія насмѣшки, говоря: *прорцы намъ, Христе, кто есть ударей Тя*, такъ какъ многіе называли Его пророкомъ. Другой евангелистъ (Лук. XXII, 64) говоритъ, что они закрывали приэтомъ лице Его одеждою, то есть, какъ будто имѣли предъ собою человѣка самаго безчестнаго и ничего не стоющаго. И не только свободные, но и рабы ругались надъ Нимъ съ такимъ безуміемъ. Объ этихъ-то событіяхъ должны мы читать Писаніе какъ можно чаще; о нихъ слушать со всѣмъ вниманіемъ; начертывать ихъ на сердцѣ нашемъ: все это для насъ истинно честь. Этимъ я хвалюсь: хвалюсь не тысячею только мертвецовъ, которыхъ воскресилъ Онъ, но и тѣми страданіями, которыя Онъ претерпѣлъ. Объ этомъ и Павелъ непрестанно повторяетъ, то есть, о крестѣ, о смерти, о страданіяхъ, о поруганіяхъ, о поношеніяхъ, о на- 758
смѣшкахъ. Онъ то говоритъ: *да исходимъ къ Нему внѣ стана, поношеніе Его носяще* (Евр. XIII, 13), то проповѣдуетъ: *иже вмѣсто предлежащія Ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ* (Евр. XII, 2). *Петръ же внѣ сѣдяше во дворѣ, и приступи къ нему едина рабыня, глаголющи: и ты былъ еси со Іисусомъ Галилейскимъ. Онъ же отвержеся предъ всѣми ими, глаголя: не вѣмъ, что глаголеши. Изшедшу же ему ко вратомъ, узрѣ его другая, и глагола: и сей бѣ тамъ со Іисусомъ Назареомъ. И паки отвержеся съ клятвою. По малѣ же приступивше стоящіи, рѣша Петрови: воистинну и ты отъ нихъ еси, ибо бесѣда твоя явѣ тя творитъ. Тогда начатъ ротитися и клятися, яко не знаю человѣка. И абіе пѣтелъ возгласи. И помяну Петръ глаголъ Іисусовъ, реченный, яко, прежде даже пѣтелъ не возгласитъ, трикраты отвержешися Мене. И изшедъ вонъ, плакася горько* (ст. 69—75). Странное и неожиданное дѣло! Когда Петръ видѣлъ какъ только задерживали Учителя, онъ до такой степени воспламенился, что схватилъ мечъ и отрѣзалъ ухо; а когда надлежало большее

обнаружить негодованіе, болѣе воспламениться, слыша такія поруганія,—тогда онъ отрекается! Кого, въ самомъ дѣлѣ, не привело бы въ ярость то, что происходило тогда? И однако ученикъ, побѣжденный страхомъ, не только не показываетъ никакого негодованія, но и отрекается, не сноситъ угрозы бѣдной, безсильной служанки. И не однажды, но и въ другой и третій разъ отрекается, и въ короткое время, и не предъ судьями, такъ какъ онъ былъ во дворѣ, и служанка спрашивала его тогда, когда онъ выходилъ за ворота. Не тотчасъ почувствовалъ онъ и свое паденіе Лука говоритъ, что Іисусъ воззрѣлъ на него (Лук. xxii, 10), т. е. онъ не только отрекся, но и тогда, какъ пѣлъ пѣтухъ, не вспомнилъ самъ по себѣ, а надобно было, чтобъ напомнилъ ему опять Учитель: взоръ служилъ ему вмѣсто голоса. Такъ онъ былъ пораженъ страхомъ! Маркъ же повѣствуетъ, что пѣтухъ запѣлъ, когда Петръ отрекся въ первый разъ; потомъ вторично запѣлъ, когда тотъ отрекся въ третій разъ (Марк. xiv, 68—72),—то есть, точнѣе пересказываетъ о слабости ученика и объ его оцѣпенѣніи отъ ужаса; а Маркъ узналъ объ этомъ отъ учителя своего, такъ какъ былъ спутникомъ Петра. Поэтому тѣмъ болѣе надлежитъ удивляться ему, что онъ не только не скрылъ паденія учителя своего, но напротивъ, потому-то яснѣе прочихъ и разсказалъ объ этомъ, что былъ ученикомъ.

759 2. Но какъ же могутъ быть справедливы слова Матѳея, когда онъ повѣствуетъ, что Іисусъ сказалъ: *аминь глаголю тебѣ, прежде даже алекторъ не возгласитъ, трикраты отвержешися Мене* (xxvi, ст. 35), тогда какъ Маркъ, сказавши о троекратномъ отверженіи, упоминаетъ, что *второе алекторъ возгласи* (Марк. xiv, 72)? Справедливы вполнѣ и здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Такъ какъ пѣтухъ въ каждый пріемъ обыкновенно кричитъ по три и четыре раза, то Маркъ и говоритъ объ этомъ, желая показать, что и крикъ пѣтуха не удержалъ Петра отъ паденія, и не привелъ ему на память обѣщанія его. Такимъ образомъ и то и другое справедливо. Прежде нежели пѣтухъ успѣлъ кончить первый пріемъ, Петръ отрекся трижды. И когда Христосъ привелъ ему на память грѣхъ, онъ не осмѣлился плакать явно, чтобы по слезамъ не быть обвинену, но *изшедъ вонъ, плакася горько*. Когда наступилъ день, *ведоша* Іисуса отъ Каіаѳы *къ Пилату* (xxvii, 2). Такъ какъ они рѣшились умертвить Его, но сами не могли, по причинѣ праздника, то и ведутъ къ игемону. Размысли же теперь, какъ они спѣшили, если даже въ праздникъ совершили такое дѣло? Такъ было предуставлено свыше! *Тогда видѣвъ Іуда предавый Его, яко осудиша Его, раскаявся возврати тридесять сребреники* (ст. 3). Это увеличиваетъ вину и его, и ихъ: его—не потому, что онъ

раскаялся, а потому, что раскаялся слишкомъ поздно и самъ надъ собою произнесъ осужденіе, такъ какъ самъ исповѣдалъ, что предалъ Его; ихъ же вину увеличиваетъ потому, что они, имѣя возможность перемѣнить свои мысли, не раскаялись. Смотри, когда Іуда раскаивается? Когда уже совершено и приведено къ концу преступленіе. Таковъ діаволъ: онъ не даетъ безпечнымъ взглянуть на грѣхъ свой прежде, чѣмъ они совершатъ его, чтобы пойманный не раскаялся. Предатель не трогался тогда, какъ Іисусъ столько разъ обличалъ его, но когда уже совершено преступленіе, пришло ему на мысль покаяніе,— пришло, но уже безъ пользы. Конечно, заслуживаетъ одобренія то, что онъ сознался, повергнулъ сребреники, и не устрашился іудеевъ; но что самъ на себя надѣлъ петлю,—это грѣхъ непростительный, это дѣло злого демона. Діаволъ отвлекъ его отъ покаянія, чтобы оно осталось для него совершенно безполезнымъ; онъ же и умертвилъ смертію позорною и для всѣхъ открытою, внушивъ ему погубить самого себя. Но ты можешь видѣть, какъ истина сіяетъ всюду, даже и въ томъ, что́ дѣлаютъ, или чему подвергаются враги. Въ самомъ дѣлѣ такая смерть предателя не заграждаетъ ли уста осудившихъ Іисуса и не лишаетъ ли ихъ всякаго предлога къ безстыдному самооправданію? Что они могутъ сказать, когда предатель самъ противъ себя подалъ такой голосъ? Но посмотримъ и на слова, какія они говорили. *Возврати тридесять сребреникъ архіересмъ*, и сказалъ: *согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную. Они же рѣша: что есть намъ? ты узриши. И повергъ сребреники въ церкви отыде, и шедъ удавися* (ст. 3—5). Не вынесъ мученій совѣсти. Но смотри: и съ іудеями происходитъ то же самое, и они, долженствуя очувствоваться послѣ всего, что́ испытали надъ собою, останавливаются не прежде какъ уже совершивъ преступленіе. Грѣхъ Іуды, то есть, предательство, уже совершенъ,—а ихъ грѣхъ еще не совершенъ. Но вотъ, когда и они кончили свое дѣло, и распяли Іисуса, то и сами приходятъ въ смятеніе. То говорятъ: *не пиши: сей есть царь Іудейскій* (Іоан. XIX, 2) (хотя чего жъ бояться вамъ, отчего смущаться, когда мертвое тѣло уже пригвождено ко кресту?), то 760
берегутъ Его, говоря: *да не когда украдутъ Его ученицы Его, и рекутъ, что воскресъ, и будетъ послѣдняя лесть горша первыя* (Мат. XXVII, 64). Но если ученики и скажутъ такъ, то дѣло можно обнаружить, если оно несправедливо. Да и какъ похитятъ тѣ, которые послѣ того, какъ онъ былъ схваченъ, не имѣли смѣлости остаться съ Нимъ, а самый верховный еще трижды и отрекся Его, не снеся угрозы служанки? Но дѣло въ томъ, что они, какъ я сказалъ, уже смущались. А что они признавали

дѣло это законопреступнымъ,—это показываютъ ихъ слова: *ты узриши.*

Замѣтьте это вы, сребролюбцы, и подумайте, что стало съ предателемъ? Какъ онъ и денегъ лишился, и согрѣшилъ, и душу погубилъ свою? Таково тиранство сребролюбія! Ни серебромъ не воспользовался, ни жизнію настоящею, ни жизнію будущею, но вдругъ лишился всего и, отъ нихъ же самихъ получивши худой отзывъ, удавился. Но, какъ я сказалъ, нѣкоторые осматриваются, сдѣлавъ уже дѣло. Смотри же, какъ и эти не хотятъ теперь вполнѣ почувствовать злодѣйской рѣшимости, а говорятъ: *ты узриши,*—что особенно увеличиваетъ ихъ вину. Это слова людей, которые сами свидѣтельствуютъ о своемъ злодѣйствѣ и беззаконіи, а между тѣмъ, будучи упоены страстію, не хотятъ отстать отъ сатанинскаго предпріятія, и безумно прикрываютъ себя безсмысленною личиною притворнаго невѣдѣнія. Если бы это сказано было послѣ распятія, и уже послѣ смерти Его, то и тогда даже слова эти не имѣли бы смысла, хотя и не столько бы обвиняли ихъ; а теперь, когда Онъ еще у васъ, и вы властны отпустить Его, какъ вы можете говорить это? Это оправданіе всего болѣе и служитъ къ вашему осужденію. Почему такъ? Потому, что слагаете всю вину на предателя (говорите: *ты узриши*), тогда какъ можете отстать отъ христоубійства и отпустить Его. Но нѣтъ, они еще состязаются съ Іудою въ злодѣйствѣ, присоединяя къ предательству крестъ. Въ самомъ дѣлѣ, что препятствовало тѣмъ, которые сказали: *ты узриши,* отстать отъ злодѣянія? Но они теперь поступаютъ напротивъ,—присовокупляютъ убійство, и во всемъ, что ни дѣлаютъ, что ни говорятъ, сами себя опутываютъ нерасторжимыми узами золъ. И послѣ, когда Пилатъ предоставилъ имъ выборъ, они предпочли освободить разбойника, а не Іисуса; Того же, Который ничѣмъ никого не оскорбилъ, а напротивъ, оказалъ столько благодѣяній, убили!

3. Что дѣлаетъ Іуда? Когда онъ увидѣлъ, что трудился безполезно, и что они не хотятъ принять сребренниковъ его, бросилъ ихъ въ храмѣ, и *шедъ удавися. Архіерее же, пріемше сребреники, рѣша: недостойно есть вложити ихъ въ корвану, понеже цѣна крове есть. И совѣтъ сотворше, купиша ими село скудельниче, въ погребеніе страннымъ. Тѣмже наречеся село то, село крове, до сего дне. Тогда сбысться реченное Іереміемъ пророкомъ, глаголющимъ: и пріяша тридесять сребреникъ, цѣну цѣненнаго, и даша я на село скудельниче, якоже сказа мнѣ Господь* (стих. 6—10). Видишь ли опять, какъ они осуждаются
761 совѣстію? Они видѣли, что купили убійство, а потому не положили въ корванъ, а купили землю горшечника для погребенія странниковъ. Вотъ свидѣтельство противъ нихъ и обличеніе пре-

дательства! Названіе мѣста громче трубы возвѣщаетъ всѣмъ о гнусномъ ихъ убійствѣ. И это дѣлаютъ они непросто, но — *совѣтъ пріемше*, и поступаютъ такъ во всемъ, чтобы никто не остался неповиннымъ въ этомъ беззаконіи, но чтобы всѣ были виновны. Это предсказано и въ пророчествѣ. Видишь ли, какъ не только апостолы, но и пророки со всею тщательностію повѣствуютъ о поношеніяхъ, проповѣдуютъ всюду о страданіяхъ и напередъ предсказываютъ имъ? А іудеи не поняли этого. Если бы они положили въ корванъ, дѣло не обнаружилось бы такъ ясно, купивъ же землю, они сдѣлали все гласнымъ и для будущихъ родовъ. Внимайте вы, которые убійствами думаете благотворить ближнимъ, и берете цѣну душъ человѣческихъ. Это милостыни іудейскія, или лучше сказать, сатанинскія! Есть, подлинно есть и нынѣ такіе, которые, ограбивъ весьма многихъ, считаютъ себя совершенно правыми, если бросятъ десять или сто златницъ. О нихъ-то пророкъ говоритъ: *покрывасте слезами олтарь мой* (Малах. II, 13). Не хочетъ Христосъ питаться плодами любостяжанія, не принимаетъ Онъ такой пищи. Зачѣмъ ты оскорбляешь Владыку, принося Ему нечистое? Лучше презрѣть томимаго голодомъ, нежели кормить такою пищею. То—дѣло человѣка жестокосердаго, а это и жестокосердаго, и обидчика. Лучше ничего не давать, чѣмъ давать чужое. Скажи мнѣ, еслибъ ты увидалъ двухъ человѣкъ—одного нагого, а другого въ одеждѣ, и раздѣвши послѣдняго, одѣлъ перваго, то развѣ не неправо поступилъ бы ты? Всякій съ этимъ согласится. Если же ты, и отдавая все взятое другому, обижаешь только, а не милуешь, то тогда, когда даешь только малѣйшую часть изъ похищеннаго, и называешь это милостынею,—какого не достоинъ ты наказанія? Если приносившіе хромое животное подвергались суду, то ты, который дѣлаешь хуже, какого можешь ожидать прощенія? Въ самомъ дѣлѣ, если въ ветхомъ завѣтѣ хищникъ, возвращавшій самому владѣльцу похищенное, все еще оставался неправъ и притомъ до такой етепени, что даже и тогда, какъ уплачивалъ вчетверо плотивъ похищенннаго. едва смывалъ вину свою, то подумай, какой огонь собираетъ на главу свою тотъ, кто не только похищаетъ, но дѣлаетъ еще насиліе, и притомъ возвращаетъ не самому ограбленному, а вмѣсто него отдаетъ другому, и не только вчетверо, но и половины не возвращаетъ, живя притомъ не въ ветхомъ, а въ новомъ завѣтѣ? Если такой хищникъ остается не наказаннымъ, то рыдай о немъ потому самому, что онъ собираетъ себѣ тягтяйшій гнѣвъ, если онъ не покается. Думаете ли вы, говорилъ Спаситель, что только тѣ одни были грѣшны, на которыхъ упалъ столпъ? *Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся*, то

и вы потерпите то же самое (Лук. XIII, 45). Итакъ покаемся, и дадимъ милостыню не изъ прибытковъ любостяжанія, дадимъ милостыню щедрую. Представьте себѣ, какъ іудеи питали восемь тысячъ левитовъ, кромѣ нихъ—вдовъ, сиротъ, притомъ исполняли многія и другія должности, а также бывали и на войнѣ. Нынѣ же Церковь сама содержитъ поля, домы, даетъ поземельную за дома, содержитъ колесницы, конюховъ, муловъ и другое многое, для васъ же, и по причинѣ вашего жестокосер-
762 дія. Надлежало бы этимъ сокровищамъ церковнымъ находиться въ рукахъ вашихъ, а доходомъ церкви должно бы служить ваше усердіе. Теперь же проистекаютъ изъ этого двѣ слѣдующія несообразности: и вы остаетесь безъ плода, и священники Божіи не занимаются надлежащимъ дѣломъ. Ужели за апостолами не могли оставаться домы и поля? Почему же они продавали ихъ и раздавали все? Потому, что такъ лучше было.

4. Но нынѣ, когда вы до безумія заняты житейскими попеченіями, когда вы только собираете, а не расточаете,—страхъ объялъ отцевъ вашихъ на счетъ участи вдовъ, сиротъ и дѣвъ, какъ бы не сгибли толпы этихъ несчастныхъ отъ голода, а потому они принуждены были установить такой порядокъ. Они совсѣмъ не хотѣли заниматься сами такими неподобающими дѣлами; они желали, чтобы только ваше усердіе было ихъ собственностію, чтобы отъ него получить всѣ плоды, а самимъ бы пребывать въ молитвахъ. Теперь же вы принудили ихъ подражать людямъ мірскимъ, живущимъ хозяйствомъ: отсюда все извратилось. Въ самомъ дѣлѣ, когда и вы, и мы занимаемся однимъ и тѣмъ же, то кому умилостивлять Бога? Мы не смѣемъ отверсть устъ, такъ какъ церковь является уже ничѣмъ не лучше людей мірскихъ. Развѣ вы не знаете, какъ апостолы не хотѣли раздѣлять имѣній, даже и безъ труда собранныхъ? А нынѣ наши епископы въ подобныхъ заботахъ превзошли самихъ приставниковъ, экономовъ и корчемниковъ, и въ то время какъ имъ надлежало бы пещись о вашихъ душахъ, они каждый день озабочены тѣмъ, чѣмъ обыкновенно занимаются сборщики, пріемщики, счетчики и казначеи. Не напрасно я говорю объ этомъ и изливаю скорбь мою. Я желалъ бы видѣть какое-нибудь исправленіе и перемѣну; желалъ бы, чтобы надъ нами, удрученными столь тяжкимъ рабствомъ, сжалились наконецъ, чтобъ вы сдѣлались опять для Церкви и доходомъ, и сокровищемъ. Если же не хотите, то вотъ нищіе предъ глазами вашими. Сколькихъ можемъ, не перестанемъ питать мы; а тѣхъ, кого не будемъ въ состояніи призрѣть, предоставляемъ вамъ,—чтобы не услышали вы въ страшный день этихъ словъ, относящихся къ немилостивымъ и жестокимъ: вы

Меня видѣли алчущаго, и не напитали. Ваше безчеловѣчіе и насъ вмѣстѣ дѣлаетъ смѣшными, когда мы, оставивъ молитву и ученіе, и другія святыя занятія, толкаемся и день и ночь, одни съ винопродавцами, другіе съ хлѣбопродавцами, третьи съ торговцами иного рода. Отсюда ссоры и споры, ежедневная брань, упреки и насмѣшки; отсюда священнику даютъ имена, приличныя болѣе въ мірскомъ хозяйствѣ, между тѣмъ какъ надлежало бы замѣнить ихъ совсѣмъ другими, и заимствовать наименованія отъ тѣхъ дѣйствій, отъ которыхъ заповѣдали заимствовать и апостолы: отъ питанія нищихъ, отъ защищенія обижаемыхъ, отъ попеченія о странныхъ, отъ вспомоществованія бѣдствующимъ, отъ смотрѣнія за сиротами, отъ заступленія вдовъ, отъ покровительства дѣвъ. Эти-то служенія и слѣдовало бы выдѣлить себѣ, вмѣсто попеченія объ имѣніяхъ и жилищахъ. Они-то составляютъ дорогія рѣдкости и приличныя сокровища Церкви, они-то доставляютъ намъ великое удобство, а вамъ пользу, или лучше, вамъ же—и удобство, и пользу. Думаю, что благодатію Божіею число собирающихся сюда простирается до ста тысячъ; и если бы каждый хотя по одному 763-764
хлѣбу подавалъ нищей братіи, то всѣ были бы въ изобиліи; или если бы каждый удѣлялъ по одному оболу (полушкѣ), тогда и бѣдныхъ не было бы, и мы не стали бы претерпѣвать столько поношеній и осмѣяній за заботливость о стяжаніяхъ. Вѣдь слова: „продай имѣніе твое и дай нищимъ, и потомъ иди за Мною" (Матѳ. XIX, 21) прилично могутъ быть сказаны и первостоятелямъ Церкви, на счетъ церковныхъ имуществъ. Никому нельзя слѣдовать за Христомъ надлежащимъ образомъ иначе, какъ оставивъ всякую грубую и низкую заботливость. Нынѣ же священники Божіи хлопочутъ и о собираніи винограда, и о жатвѣ, и о продажѣ, и о покупкѣ вещей. Служившіе сѣни были совершенно свободны отъ всего этого, хотя имъ и вручено было служеніе тѣлесное; а мы, призываемые въ самое святилище небесъ, входящіе въ истинное святое святыхъ, принимаемъ опять на себя заботы, свойственныя купцамъ и корчемникамъ. Отсюда и большое небреженіе о Писаніи, и лѣность въ молитвахъ, и нерадѣніе о всемъ прочемъ. Нельзя же вѣдь съ одинаковымъ стараніемъ дѣлить себя на то и другое. Поэтому я прошу и умоляю открыть для насъ источники обилія, да содѣлается ваше усердіе и гумномъ, и точиломъ нашимъ. Такимъ образомъ и нищіе удобно будутъ питаемы, и Богъ будетъ неумолчно прославляемъ, и вы, оказывая болѣе успѣховъ въ человѣколюбіи, насладитесь нѣкогда вѣчныхъ благъ, коихъ всѣ да удостоимся получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXVI.

763 **Іисусъ же ста предъ игемономъ, и вопроси Его игемонъ, глаголя: Ты ли еси царь Іудейскій? Іисусъ же рече: ты глаголеши. И егда нань глаголаху архіереи и старцы, ничесоже отвѣщаваше (Мѳ. 11, 12).**

1. Видишь ли, какъ прежде всего подвергаютъ изслѣдованію то, что особенно всегда смущало іудеевъ? Такъ какъ они видѣли, что Пилатъ не обращаетъ никакого вниманія на дѣла закона, то обращаются къ обвиненію въ гражданскомъ преступленіи. Такъ поступали они и съ апостолами; то же всегда выставляли на видъ и говорили, что галилеяне ходятъ повсюду и проповѣдуютъ нѣкоего царя Іисуса: какъ бы о простомъ какомъ человѣкѣ упоминали они объ Іисусѣ, и старались возбудить противъ Него подозрѣніе въ замыслахъ властолюбія. Отсюда видно, что и раздраніе ризъ, и ужасъ первосвященника—были одно притворство. Все вели они и направляли къ тому, чтобы подвергнуть Его смерти. Итакъ, вотъ о чемъ вопросилъ Пилатъ! Что же отвѣчаетъ Христосъ? *Ты рекль еси*. Онъ исповѣдуетъ Себя царемъ, но царемъ небеснымъ; такъ Онъ и въ другомъ мѣстѣ яснѣе сказалъ, когда отвѣчалъ Пилату: *Мое царство нѣсть отъ міра сего* (Іоан. xviii, 36),—и это для того, чтобы ни іудеи, ни Пилатъ, обвинявшіе Его за объявленіе Себя царемъ, не имѣли оправданія. И приводитъ непререкаемую причину этому, говоря: *аще бы отъ міра сего былъ я, слуги Мои убо подвизалися быша да не преданъ быхъ былъ*. Вотъ почему, чтобы отклонить отъ Себя такое подозрѣніе, Онъ платилъ и самъ дань, и другимъ повелѣлъ платить, и когда хотѣли Его сдѣлать царемъ, Онъ удалился. Почему же,—скажешь,—не обнаружилъ Онъ этого, когда обвиняли Его въ замыслахъ властолюбія? Потому, что они, имѣя въ дѣлахъ Его безчисленныя доказательства Его силы, кротости, смиренія, сами себя ослѣпляли, замышляли злое, и учиняли беззаконный судъ. Поэтому Онъ ни на что не отвѣчаетъ, но молчитъ; а для того, чтобы постояннымъ молчаніемъ не навлечь на Себя укоризны въ гордости, отвѣчаетъ кратко,—какъ, напримѣръ, когда заклиналъ архіерей, когда вопрошалъ игемонъ. На клеветы же ихъ не отвѣчалъ ничего, такъ какъ не намѣренъ былъ убѣждать ихъ. Объ этомъ и пророкъ, предсказывая, говорилъ: *во смиреніи Его судъ Его взятся* (Ис. LIII, 8). Игемонъ дивился этому. Да и надобно
764 было удивляться, видя такую кротость и молчаливость въ Томъ, Кто могъ сказать весьма многое. Сами они обвиняли Его не потому, что сознавали въ Немъ что-нибудь худое, но по одной

зависти и ненависти. Въ самомъ дѣлѣ, когда и выставленные ими лжесвидѣтели не нашлись что́ сказать,—зачѣмъ было еще настаивать? Для чего, видя, какъ Іуда погибъ, и Пилатъ умылъ руки, не сокрушились они сердцемъ? Такъ много и тогда Онъ сдѣлалъ для того, чтобы привесть ихъ къ раскаянію, но они не сдѣлались отъ того лучшими. Что же Пилатъ? *Не слышиши ли, колико на Тя свидѣтельствуютъ* сіи (ст. 13)? Пилатъ хотѣлъ освободить Его, если бы Онъ сталъ защищать Себя, а потому и сказалъ это; когда же Іисусъ ничего не отвѣчалъ, онъ вымышляетъ другое средство. Какое же? У нихъ былъ обычай—отпускать одного изъ виновныхъ. Этимъ-то средствомъ Пилатъ и попытался освободить Его. Если вы не хотите, сказалъ онъ, отпустить Его, какъ невиннаго, то отпустите хотя какъ виновнаго—для праздника. Видишь ли извращеніе порядка? Обычай былъ такой, чтобы народъ просилъ объ осужденныхъ, а игемонъ долженъ былъ отпускать. Теперь же происходитъ наоборотъ: игемонъ проситъ объ этомъ народъ, и однако они не укрощаются, а еще болѣе свирѣпѣютъ и подымаютъ крикъ, неистовствуя отъ зависти. Они ничего не могли сказать въ обвиненіе Его, несмотря даже на то, что Онъ молчалъ; такъ много было доказательствъ правоты Христа, что они изобличались и при молчаніи Его. Молчавшій побѣждалъ безъ умолку говорившихъ и неистовствовавшихъ. *Сѣдящу же ему на судищи, посла къ нему жена его, глаголющи: ничтоже тебѣ и Праведнику тому; много бо пострадахъ днесь во снѣ Его ради* (ст. 19). Смотри, вотъ и еще обстоятельство́, которое могло всѣхъ ихъ отвлечь отъ ихъ намѣренія. Послѣ доказательствъ, заключавшихся въ дѣлахъ, не маловажная вещь была и сонъ. Но почему же не самъ Пилатъ видитъ его? Или потому, что жена была болѣе достойна его, или потому, что если бы видѣлъ онъ, то не повѣрилъ бы ему, и даже, быть можетъ, не сказалъ бы о немъ. Поэтому такъ и устрояется, что видитъ этотъ сонъ жена, чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ для всѣхъ. И не просто́ видитъ она сонъ; но и страдаетъ много, чтобы мужъ, хотя изъ состраданія къ женѣ, помедлилъ совершать убійство. Тому же содѣйствовало и самое время: она видѣла въ ту же ночь сонъ. Но для него, скажутъ, не безопасно было отпустить Іисуса, такъ какъ говорили, что Онъ творитъ Себя царемъ. Поэтому слѣдовало потребовать и разсмотрѣть до- 765
казательства, улики, всѣ признаки властолюбія, ка́кіе только могли быть,—напримѣръ, не набиралъ ли Онъ войска, не собиралъ ли денегъ, не заготовилъ ли оружія, или не замышлялъ ли что-нибудь подобное. Но Пилатъ просто склоняется на ихъ сторону, а потому Христосъ не оставляетъ безвиннымъ и его:

предавый Мя тебѣ, говоритъ, *болій грѣхъ иматъ* (Іоан. XIX, 11). Итакъ, слабость была причиною того, что онъ уступилъ и, бивъ бичами, предалъ. Онъ не имѣлъ мужества, былъ слабъ; архіереи же были злобны и лукавы. Послѣ того, какъ онъ нашелъ нѣкоторый предлогъ, именно законъ о праздникѣ, повелѣвающій отпускать осужденнаго, что предпринимаютъ противъ этого они? Убѣдили народъ, сказано, *да Варавву испросятъ* (ст. 20).

2. Видишь ли, съ какою предусмотрительностію заботится Онъ о томъ, чтобы избавить ихъ отъ грѣха, и съ какою тщательностію стараются они не оставить для себя и тѣни къ своему оправданію? Что надлежало дѣлать: уличеннаго ли отпустить преступника, или сомнительнаго? Если позволено было отпускать одного изъ уличенныхъ преступниковъ, то тѣмъ болѣе сомнительнаго. И конечно, Іисусъ не казался для нихъ худшимъ явныхъ человѣкоубійцъ. Евангелистъ не просто сказалъ: имѣли разбойника, но: разбойника извѣстнаго, знаменитаго по своимъ злодѣяніямъ, совершившаго безчисленныя убійства. И всетаки они предпочли его Спасителю вселенной, и не посовѣстились ни святого времени, ни законовъ человѣколюбія, ни другого чего-либо подобнаго. Зависть совершенно ослѣпила ихъ. Будучи сами злы, они развращали и народъ, чтобы и за обольщеніе его понесть тягчайшую казнь. Итакъ, когда просили они Варавву, то Пилатъ сказалъ: *что сотворю Христу* (ст. 22)? Вопросомъ этимъ онъ опять хотѣлъ образумить ихъ; предоставляя имъ свободу въ выборѣ, онъ хочетъ, чтобы они хотя по чувству стыда испросили Іисуса, и такимъ образомъ все стало бы дѣломъ ихъ великодушія. Если бы сказалъ онъ, что Іисусъ ни въ чемъ не согрѣшилъ, то вызвалъ бы въ нихъ только большее упорство; когда же просилъ спасти Его по чувству человѣколюбія, то противъ этой просьбы и убѣжденія нечего было прекословить имъ. Но они, не смотря и на это, говорили: *распни Его. Онъ же рече: кое убо зло сотвори? Они же излиха вопіяху: да пропятъ будетъ. Видѣвъ же яко ничтоже успѣваетъ, умы руцѣ, глаголя: неповиненъ есмь* (ст. 23, 24). Зачѣмъ же предаешь? Почему не исхитилъ Его, какъ Павла сотникъ? И этотъ зналъ также, что онъ угодилъ бы іудеямъ; и изъ-за Павла было возмущеніе и смятеніе; и однако онъ мужественно сталъ противъ всего. Но Пилатъ дѣйствуетъ весьма малодушно, слабо. Всѣ провинились: ни Пилатъ не возсталъ противъ черни, ни чернь противъ іудеевъ; и никому изъ нихъ нѣтъ ни откуда оправданія: они *излиха вопіяху*, то есть, еще болѣе кричали: *да пропятъ будетъ*. Хотѣли не только убить, но и убить, какъ за худое, и когда судья противился, они только упорствовали, крича одно и то же. Видишь ли, сколько сдѣлалъ

Христосъ для того, чтобы пріобрѣсть ихъ? Какъ Іуду часто отклонялъ Онъ отъ его намѣренія, такъ удерживалъ и этихъ, и во все время благовѣствованія Своего и во время самаго суда. Въ самомъ дѣлѣ, когда они видѣли, что игемонъ-судія умываетъ руки и говоритъ: *неповиненъ есмь отъ крове Сего*, то и слова и дѣла убѣждали ихъ къ раскаянію, равно какъ и тогда, когда Іуда удавился, и самъ Пилатъ увѣщевалъ ихъ взять на казнь
другого вмѣсто Іисуса. Когда обвинявшій и предавшій Его 766
осуждаетъ самъ себя, и тотъ, который долженъ произносить рѣшеніе, снимаетъ съ себя отвѣтственность, и видѣніе является въ ту же ночь, и Пилатъ проситъ у нихъ Его, какъ осужденнаго, то какъ могутъ они оправдаться? Если они и не хотѣли объявить Его невиннымъ, то не надлежало, по крайней мѣрѣ, предпочесть Ему разбойника, разбойника отъявленнаго и весьма извѣстнаго. Что же они? Когда увидѣли, что судья умываетъ руки и говоритъ: *неповиненъ есмь, кричали: кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (ст. 25). И тогда уже, какъ они сами произнесли на себя опредѣленіе, онъ дозволилъ имъ все. Смотри же, сколь велико и здѣсь ихъ безуміе! Такова ярость, такова злая страсть: она не позволяетъ видѣть то, что должно видѣть. Пусть такъ, что вы самихъ себя прокляли; для чего навлекаете проклятіе и на дѣтей? Впрочемъ человѣколюбивый Господь, хотя они и неистовствовали такъ безумно противъ себя и дѣтей, не подтвердилъ согласіемъ этого приговора не только по отношенію къ дѣтямъ, но и по отношенію къ нимъ самимъ; но даже и изъ нихъ самихъ принялъ покаявшихся и удостоилъ безчисленныхъ благъ. И Павелъ былъ изъ числа ихъ, и многія тысячи увѣровавшихъ въ Іерусалимѣ (*видиши ли бо, брате*, говорилъ Іаковъ, *колико темъ есть Іудей вѣровавшихъ*—Дѣян. XXI, 20) были также изъ этихъ. Если же нѣкоторые остались, то себѣ самимъ должны вмѣнить мученіе ихъ ожидающее. *Тогда отпусти имъ Варавву: Іисуса же бивъ, предаде, да Его пропнутъ* (ст. 26). Для чего же билъ? Или какъ осужденнаго, или—чтобы дать видъ суда, или—чтобы угодить іудеямъ. Во всякомъ случаѣ надлежало сопротивляться. И прежде этого онъ сказалъ: *возмите Его вы, и по закону вашему судите Ему* (Іоан. XVIII, 31). Да и много было такого, что могло остановить и его, и іудеевъ, именно: и знаменія, и чудеса, и великое незлобіе Страдальца, и особенно—неизреченное Его молчаніе. Если Онъ и защитою Себя и молитвою показывалъ, что Онъ человѣкъ, то съ другой стороны Своимъ молчаніемъ и презрѣніемъ къ ихъ словамъ обнаруживалъ Свое величіе и высокое достоинство—всѣмъ этимъ заставляя ихъ удивляться Себѣ. Но ничто не подѣйствовало на нихъ.

3. Такъ-то, когда какъ бы опьяненіемъ разумъ бываетъ объятъ какою-нибудь безумною страстью, то трудно уже придти въ настоящее свое положеніе, развѣ только падающая душа имѣетъ особенное мужество. Худое, очень худое дѣло поддаваться подобнымъ худымъ страстямъ, а потому надлежитъ всячески отражать ихъ и возбранять имъ входъ. Они, какъ скоро займутъ душу и станутъ обладать ею, то какъ огонь, падающій на сухія дрова, возжигаютъ въ ней страшный пламень. Поэтому молю васъ, употребляйте все, чтобы заградить имъ входъ, и не давайте мѣста какому бы то ни было злу, успокоивая себя душепагубнымъ разсужденіемъ: что за важность въ томъ или въ этомъ? Отсюда-то раждаются безчисленные роды золъ. Коварный діаволъ употребляетъ большія (хитрости и насиліе и) послабленіе къ погибели человѣка, и начинаетъ дѣйствія свои съ малаго. Смотри: хотѣлъ онъ довести Саула до того, чтобы тотъ пошелъ слушать болтовню чревоволшебницы. Если бы онъ въ началѣ сталъ внушать это Саулу, то Саулъ конечно не послушалъ бы его. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, послушалъ бы тотъ, кто самъ пре-
767 слѣдовалъ волхвованія? Поэтому онъ непримѣтно и мало-по-малу приводитъ его къ тому. И во-первыхъ, когда преслушалъ Саулъ Самуила, и въ отсутствіе его дерзнулъ принесть всесожженіе, то, будучи обвиняемъ, говоритъ, что большая нужда настояла со стороны враговъ; и въ то время, какъ долженъ былъ рыдать, оставался спокоенъ, какъ бы ничего не сдѣлалъ. Потомъ Богъ повелѣлъ истребить амаликитянъ,—но онъ и этого не исполнилъ. Далѣе слѣдовали злыя умышленія его противъ Давида,—и такимъ образомъ непримѣтно и мало-по-малу поскользаясь, онъ не могъ уже остановиться, пока наконецъ не ввергъ себя въ самую бездну погибели. Такъ случилось и съ Каиномъ. Діаволъ не тотчасъ увлекъ его на убійство брата, такъ какъ онъ и не успѣлъ бы убѣдить его; но во-первыхъ, склоняетъ его принесть въ жертву худшее, внушая ему, что въ этомъ нѣтъ грѣха; во-вторыхъ, возжегъ въ немъ ненависть и зависть, увѣряя, что ничего и въ этомъ нѣтъ; въ-третьихъ, убѣдилъ умертвить брата и запираться предъ Богомъ въ гнусномъ смертоубійствѣ; и не прежде отступилъ отъ него, пока не довелъ до крайняго зла. Итакъ, надобно отражать зло въ началѣ; даже и въ томъ случаѣ, если бы первыя преступленія и не влекли за собой дальнѣйшихъ, и тогда нельзя пренебрегать ими; между тѣмъ они доходятъ и до большаго, когда душа вознерадитъ. Поэтому нужно употреблять всѣ средства, чтобы истреблять пороки въ самомъ началѣ. Не смотри на то, что грѣхъ самъ по себѣ малъ, но помни, что онъ бываетъ корнемъ великаго зла, когда вознерадятъ о немъ.

Сказать ли тебѣ достойное удивленія? Не столько требуютъ тщанія и трудовъ большіе грѣхи, сколько, напротивъ, малые и незначительные. Отвращаться первыхъ заставляетъ самое свойство грѣха; а малые, по тому самому, что малы, располагаютъ насъ къ лѣности и не позволяютъ мужественно возстать на истребленіе ихъ. А потому они скоро и дѣлаются великими, если мы спимъ. Такъ обычно бываетъ и съ тѣломъ. Такъ и въ Іудѣ родилось это великое зло. Если бы онъ не думалъ, что будто бы неважное дѣло—красть имущество бѣдныхъ, то, конечно, не впалъ бы и въ грѣхъ предательства. Также если бы іудеямъ не представлялось маловажнымъ то, что они плѣнены тщеславіемъ, то, конечно, не дошли бы до христоубійства. Да и всякое зло обыкновенно совершается такъ. Вѣдь никто не впадаетъ въ нечестіе скоро и вдругъ. Въ душѣ нашей несомнѣнно есть нѣкоторый прирожденный стыдъ грѣха и уваженіе къ добру, и невозможно ей вдругъ дойти до такого безстыдства, чтобы отринуть все заразъ, напротивъ, она нисходитъ до крайней погибели непримѣтно, мало-по-малу, когда вознерадитъ. Такъ вошло въ міръ и идолопоклонство, когда стали выше мѣры чтить людей, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. Такъ же стали покланяться изваяннымъ. Такъ, наконецъ, усилилось блудодѣйство и другіе пороки. Смотри также: одинъ безвременно посмѣялся, другой укорилъ; иной отринулъ страхъ, говоря: это ничего. Что за важность—посмѣяться? Что отъ этого можетъ произойти? Отъ этого происходятъ пустые разговоры, отсюда срамословіе, а потомъ позорные поступки. Еще иной, когда его упрекаютъ, что онъ поноситъ ближняго, насмѣхается и злословитъ, презираетъ это, и говоритъ, что злословить другого ничего еще не значитъ. На самомъ же дѣлѣ отсюда раждается безмѣрная ненависть, непримиримая вражда, безконечныя укоризны; а отъ укоризнъ—драки; а отъ дракъ часто и убійство.

4. Итакъ, этотъ лукавый демонъ отъ малаго доводитъ до 768
большого, а отъ большого доводитъ до отчаянія, изобрѣтая такимъ образомъ другой способъ, не менѣе пагубный. Подлинно, не столько губитъ грѣхъ, сколько отчаяніе. Согрѣшившій, если будетъ бодрствовать, покаяніемъ скоро исправляетъ свой проступокъ; а кто отчаивается и не кается, тотъ потому и остается безъ исправленія, что не употребилъ врачества покаянія. Есть еще и третья, самая опасная, хитрость у діавола, именно: когда онъ облекаетъ грѣхъ личиною благочестія. Но гдѣ же, скажешь, можно видѣть, чтобы діаволъ настолько усиливался, чтобы и до этого доходилъ въ своихъ обманахъ? Слушай—и остерегайся его замысловъ. Христосъ повелѣлъ чрезъ Павла (1 Кор. гл. VII)

чтобы жена не отлучалась мужа, и чтобы не лишали другъ друга, развѣ по согласію; но нѣкоторыя, по любви къ воздержанію оставивъ мужей своихъ, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ это было дѣло благочестія, ввергли ихъ въ прелюбодѣяніе. Итакъ, подумай, какое это несчастіе, что понесшія столько труда обвиняются, какъ будто учинившія великое зло, и какъ самі подвергаются крайнему наказанію, такъ и сожительствовавшихъ съ ними повергаютъ въ бездну погибели. Еще: иные, воздерживаясь, по заповѣди поста, отъ пищи, мало-по-малу дошли до того, что гнушаются пищею; а это приноситъ имъ величайшее наказаніе. То же бываетъ, когда свои предвзятыя мнѣнія оправдываютъ вопреки смыслу Писанія. Нѣкоторые изъ коринѳянъ думали, что вкушать все безъ различія, даже и запрещенное, означаетъ совершенство (тамъ же, гл. VIII); но это было дѣломъ не совершенства, а крайняго заблужденія. Поэтому и Павелъ сильно запрещаетъ имъ это и говоритъ, что они подлежатъ за это крайнему наказанію. Другіе еще думаютъ, что убирать волосы на головѣ означаетъ благочестіе. Напротивъ, и это запрещено, и есть дѣло очень постыдное. Инымъ опять кажется, что они получатъ великую пользу, если безмѣрно станутъ скорбѣть о грѣхахъ; но и это относится къ умысламъ діавольскимъ, какъ показалъ на себѣ Іуда, который отъ того и удавился. Поэтому и Павелъ боялся, какъ бы не потерпѣлъ чего подобнаго соблудившій, и увѣщевалъ коринѳянъ скорѣе простить его, *да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый* (2 Кор. II, 7). Потомъ, показывая, что это есть одна изъ сѣтей діавола, говоритъ: *да не обидими будемъ отъ сатаны, не неразумѣваемъ бо умышленій его* (ст. 11),—то есть, что онъ приступаетъ къ намъ съ великою хитростію. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ ратовалъ явно, то легко и удобно было бы побѣждать его. Но намъ легко будетъ и нынѣ побѣдить его, если будемъ бодрствовать; противъ всѣхъ этихъ коварствъ Богъ снабдилъ насъ оружіемъ. Слушай, что говоритъ Онъ, желая убѣдить насъ, чтобы мы не пренебрегали ничѣмъ малымъ: *иже речетъ брату своему: уроде, повиненъ есть геннѣ* (Матѳ. V, 22); и тотъ, кто смотритъ похотливыми глазами, совершенный есть прелюбодѣй. Также и смѣющихся называетъ несчастными; и вездѣ истребляетъ начатки и сѣмена зла и говоритъ, что и за праздное слово отдадимъ отвѣтъ. Вотъ почему и Іовъ очищалъ даже и помышленія дѣтей своихъ (Іов. 1, 5). А о томъ, что не надобно отчаиваться, такъ говоритъ Писаніе: *еда падаяй не востанетъ? Или отвращаяйся не обратится* (Іер. VIII, 4)? И еще: *хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися ему, и живу быти* (Іез. XVIII, 23). Также: *днесь аще гласъ*

Его услышите (Пс. xciv, 7). И много другихъ подобныхъ словъ и 769-770
примѣровъ находится въ Писаніи. А о томъ, чтобы намъ не погибнуть подъ видомъ благочестія, послушай, что говоритъ Павелъ: *да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый* (2 Кор. II, 7). Зная же это, оградимъ себя отъ всѣхъ путей, гибельныхъ для беззаботливыхъ, знаніемъ Писанія. Не говори: что въ томъ, если я пристально посмотрю на красивую женщину? Если ты въ сердцѣ учинишь прелюбодѣяніе, то скоро осмѣлишься сдѣлать это и плотію. Не говори: чтó въ томъ, если я пройду мимо этого нищаго? Если ты пройдешь мимо него, то пройдешь и мимо другого, а послѣ этого—и третьяго. И опять, не говори: что и въ томъ, если пожелаю собственности ближняго? Это-то именно и погубило Ахаава, хотя онъ и цѣну давалъ, но бралъ противъ желанія владѣвшаго (3 Царст. XXI). Покупающій не долженъ дѣлать насилія, а долженъ убѣждать. Если же тотъ, кто давалъ надлежащую цѣну, такъ осужденъ былъ за то только, что взялъ противъ согласія другого, то какого наказанія достоинъ тотъ, кто не только дѣлаетъ это, но похищаетъ насильственно, и при томъ, живя подъ благодатію? Итакъ, чтобы не понести намъ наказанія, будемъ блюсти себя чистыми отъ всякаго насилія и хищничества, будемъ оберегать себя не только отъ грѣховъ, но и отъ ихъ начатковъ, и со всѣмъ тщаніемъ возревнуемъ о добродѣтели. Такимъ образомъ мы насладимся и вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXVII.

Тогда воини игемоновы пріемше Іисуса на судище, 769
собраша нань всю спиру: и совлекше Его, одѣяша Его хламидою червленою: и сплетше вѣнецъ отъ тернія, возложиша на главу Его, и трость въ десницу Его. И поклоншеся на колѣну предъ Нимъ, ругахуся Ему, глаголюще: радуйся царю іудейскій (Мѳ. XXVII, 27—29)!

1. Какъ будто по какому уговору ликовалъ тогда со всѣми діаволъ. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, ругались надъ Христомъ іудеи, истаевая отъ зависти и ненависти; но какимъ образомъ и почему воины дѣлали это? Не явно ли, что діаволъ тогда со всѣми пиршествовалъ? До того они были жестоки и неукротимы, что изъ оскорбленій, наносимыхъ Христу, дѣлали себѣ удовольствіе. Имъ надлежало удержаться отъ этого, надлежало плакать по примѣру народа; но они не дѣлали этого, а напротивъ, оскорбляли Его, нападали на Него нагло, можетъ быть, желая тѣмъ угодить

іудеямъ, или дѣлая это только по своему злонравію. И оскорбленія были различныя и многообразныя. Эту божественную главу то заушали, то уязвляли терновымъ вѣнцемъ, то били тростію люди скверные и нечистые. Какой послѣ этого мы дадимъ отвѣтъ,—мы, которые гнѣваемся за каждую обиду намъ наносимую, тогда какъ Христосъ претерпѣлъ такія страданія? А то, что совершали съ Нимъ, было крайнею степенью поруганія. Не часть одна, а все тѣло терпѣло страданія: глава--отъ вѣнца, трости и ударовъ, лице—отъ заплеваній, ланиты—отъ заушеній, все тѣло—отъ бичеванія, одѣянія хламидою и притворнаго поклоненія, рука—отъ трости, которую дали держать Ему вмѣсто скиптра, уста—отъ поднесенія оцта. Что можетъ быть тяжелѣе этого? Что обиднѣе? Поистинѣ, происходившее превосходитъ всякое описаніе. Какъ бы боясь, чтобы не опустить какой-либо наглости, они, убивавшіе пророковъ своими руками, Христа умерщвляютъ по опредѣленію судіи. Они все дѣлаютъ: и убиваютъ своими руками, и судятъ, и осуждаютъ, и на своемъ судѣ, и предъ Пилатомъ, говоря: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ;* нападаютъ съ неистовствомъ, издѣваются, связываютъ, отводятъ, дѣлаются виновниками оскорбленій, нанесенныхъ воинами, пригвождаютъ ко кресту, поносятъ, оплевываютъ, насмѣхаются. Пилатъ здѣсь ничего не присоединялъ съ своей стороны: они сами все дѣлали, сами были и доносчиками, и судіями, и пала-
770 чами, и всѣмъ. И это у насъ прочитывается при всеобщемъ собраніи. Чтобы не сказали намъ язычники: вы показываете народу только блистательное и славное, напримѣръ—знаменія и чудеса, а позорное скрываете, благодать святого Духа такъ устроила, что все это прочитывается у насъ во всенародный праздникъ, именно въ великій вечеръ Пасхи, когда мужи и жены предстоятъ въ большомъ множествѣ; когда стекается цѣлая вселенная, тогда и проповѣдуется это громкимъ голосомъ. И несмотря на то, что это читается и сообщается всѣмъ, мы вѣруемъ, что Христосъ есть Богъ; и какъ по другимъ причинамъ, такъ и потому покланяемся Ему, что Онъ благоволилъ до того низойти для насъ, что претерпѣлъ такія страданія и научилъ насъ всякой добродѣтели. Но и всегда должны мы читать это, потому что великая отсюда происходитъ прибыль, великая польза. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты видишь, какъ и на словахъ, и на дѣлѣ насмѣхаются надъ Нимъ, съ какимъ издѣвательствомъ склоняются предъ Нимъ, какъ тяжко заушаютъ Его и заставляютъ терпѣть крайнія страданія,—то хотя бы ты былъ безчувственнымъ камнемъ, сдѣлаешься мягче воска, и изринешь изъ сердца твоего всю надменность. Слушай же, что слѣдуетъ далѣе. Послѣ того, какъ

насмѣялись надъ Нимъ, *ведоша Его на пропятіе* (ст. 31), и обнаживши Его, взяли себѣ одежды Его и, сѣвши, выжидали, когда Онъ испуститъ духъ. И раздѣлили одежды Его, какъ это обыкновенно бываетъ съ осужденными самаго низкаго рода, съ отверженными, съ беззащитными и безпомощными; раздѣлили тѣ ризы, которыя произвели столько чудесъ, и которыя однакоже не оказывали тогда никакого дѣйствія, такъ какъ Христосъ удерживалъ Свою неизреченную силу. И этотъ поступокъ составляетъ немаловажное прибавленіе къ ихъ сумасбродству: они, какъ я сказалъ, во всемъ поступали съ Нимъ, какъ съ безчестнымъ и презрѣннымъ, какъ самымъ послѣднимъ человѣкомъ. Съ разбойниками ничего подобнаго они не дѣлали, а противъ Христа достало у нихъ дерзости на все это. Его и распяли посреди ихъ, чтобы Онъ раздѣлилъ съ ними ихъ худую славу. *И даша Ему оцетъ пити* (ст. 34),—и это съ цѣлію надругаться: *Онъ же не хотяше*. Другой же повѣствуетъ, что, отвѣдавъ, Онъ сказалъ: *совершишася* (Іоан. XIX, 30)! Что же значитъ это слово: *совершишася?* Совершилось о Немъ пророчество: *даша бо*, говоритъ, *въ снѣдь Мою желчь, и въ жажду Мою напоиша Мя оцта* (Псал. LXVIII, 22). Впрочемъ и этотъ не показываетъ, что, Онъ пилъ. Нѣтъ различія—отвѣдать что-нибудь только и не пить: это означаетъ одно и то же. Но и здѣсь еще не конецъ ихъ неистовству. Послѣ того, какъ обнажили Его, распяли, подносили оцетъ, они идутъ еще далѣе: смотря на пригвожденнаго ко кресту, поносятъ и они сами, и 771
мимоходящіе; и что было всего тяжелѣе, Онъ терпѣлъ страданія какъ бы льстецъ и обманщикъ, какъ гордый и пустой самохвалъ. Для того они и распяли Его всенародно, чтобы въ глазахъ всѣхъ ругаться надъ Нимъ; для того распяли и руками воиновъ, чтобы подъ предлогомъ, что приговоръ произнесенъ въ народномъ судилищѣ, тѣмъ свободнѣе предаваться неистовству.

2. И кого бы не смягчилъ народъ, послѣдующій за Нимъ и рыдающій? Но только не этихъ звѣрей. Вотъ почему Онъ тѣхъ и удостоилъ отвѣта, а этихъ не удостоилъ. Послѣ того, какъ сдѣлали все, что хотѣли, стараются опорочить и славу Его, страшась Его воскресенія. Съ этою цѣлію они всенародно говорятъ объ этомъ, распинаютъ съ Нимъ разбойниковъ, и желая огласить Его льстецомъ, говорятъ: *разоряяй Церковь, и треми деньми созидаяй, сниди со креста* (ст. 40). Когда, тщетно просивши Пилата снять вину (а вина была написана такая: *царь Іудейскій*—Іоан. XIX, 21–22), они не успѣли въ намѣреніи (онъ воспротивился имъ, сказавъ: *еже писахъ, писахъ*),—тогда они уже ругательствами своими старались показать, что Онъ не царь. Поэтому

они, кромѣ тѣхъ словъ, говорили и слѣдующія: *аще царь есть Израилевъ, да снидетъ нынѣ со креста* (ст. 42); и еще: *иныя спасе, Себе не можетъ спасти*,—и покушались такимъ образомъ омрачить и прежнія знаменія Его. Также: *если Онъ Сынъ Божій и угоденъ Ему, пусть Богъ спасетъ Его*. О, скверные и пребеззаконные! Что же: пророки развѣ не были пророками, или праведные — праведными, отъ того, что ихъ Богъ не исхитилъ отъ напастей? Они оставались таковыми, хотя и претерпѣвали страданія. Что можетъ сравняться съ вашимъ безуміемъ? Если ихъ слава не омрачилась бѣдствіями, наведенными вами на нихъ, но они остались пророками и при всѣхъ страданіяхъ, которыя терпѣли, то тѣмъ болѣе не надлежало вамъ соблазняться о Христѣ, Который и дѣлами, и словами искоренялъ въ васъ эту мысль. Впрочемъ, говоря и дѣлая это, они ничего не успѣли даже въ самое это время. Тотъ, который погибалъ въ крайнемъ нечестіи, который все время жизни своей провелъ въ убійствахъ и грабежахъ, въ то время, какъ говорено было это, исповѣдалъ Его и вспомнилъ о царствіи; равно и народъ плакалъ о Немъ. Хотя невѣдущимъ строенія тайны казалось, что все происходившее свидѣтельствовало о противномъ,—именно, что Онъ слабъ и безсиленъ,—но истина и самыми противными обстоятельствами усилилась. Итакъ, слыша это, вооружимся противъ всякаго возмущенія сердечнаго, противъ всякаго гнѣва. Если увидишь, что сердце твое возгарается, огради грудь твою крестнымъ знаменіемъ: вспомни что-нибудь изъ случившагося тогда, — и этимъ воспоминаніемъ ты разсѣешь всякое возмущеніе духа, какъ прахъ. Помысли о словахъ, дѣлахъ; помысли, что Онъ Владыка, а ты—рабъ. Онъ пострадалъ для тебя, а ты для себя; Онъ за облагодѣтельствованныхъ Имъ и вмѣстѣ распявшихъ Его, а ты за себя самого; Онъ за причинявшихъ Ему оскорбленія, а ты часто за обиженныхъ тобою; Онъ—въ глазахъ цѣлаго города, даже всего народа іудейскаго, въ глазахъ пришельцевъ и соотечественниковъ, которымъ Онъ изрекалъ человѣколюбивые глаголы, а ты—въ присутствіи нѣсколькихъ. А что всего обиднѣе, Онъ оставленъ былъ и самими
772 учениками. Тѣ, которые прежде услуживали Ему, убѣгли отъ Него; а враги и противники—іудеи, воины, съ обѣихъ сторонъ разбойники, окружая Распятаго, досаждали, укоряли, поносили, насмѣхались, хулили: и разбойники оба поносили и хулили Его. Но какъ же Лука говоритъ (xxiii, 40), что одинъ изъ разбойниковъ поносилъ Его? И то, и другое было; сперва хулили оба, а послѣ не такъ уже. Чтобы ты не подумалъ, будто бы это произошло по какому-то согласію, или что разбойникъ не былъ разбойникомъ,—евангелистъ его ругательствомъ доказываетъ тебѣ, что

сперва на крестѣ былъ разбойникъ и врагъ, но внезапно измѣнился. Итакъ, о всемъ этомъ размышляя, подумай: чтó потерпѣлъ ты подобное тому, что понесъ Господь твой? Ты посрамленъ публично? Но, конечно, не такъ. Ты наказанъ? Но, конечно, не по всему тѣлу, и не столько обнаженъ и мученъ. Если и заушали тебя, то опять не такъ.

3. Прибавь къ этому: отъ кого, за что, когда? И что всего тяжелѣе,—на происходившее тогда никто не жаловался, никто не обнаруживалъ негодованія; напротивъ всѣ хвалили, всѣ вмѣстѣ смѣялись и посрамляли, поносили Его какъ обманщика, самохвала и льстеца, который не можетъ оправдать дѣлами словъ своихъ. Но Онъ совершенно молчалъ, подавая намъ неоцѣненное врачество—долготерпѣніе. А мы, слушая это, не умѣемъ быть терпѣливыми даже и предъ рабами своими, но пуще дикихъ ословъ скачемъ и бьемъ ногами; люты и безчеловѣчны бываемъ противъ обижающихъ насъ, а о томъ, что касается до Бога, заботимся мало. Таковы же остаемся и въ отношеніи къ друзьямъ: если кто обидитъ насъ, никакъ не стерпимъ; если досадитъ кто, мы свирѣпствуемъ болѣе звѣрей, мы, которые читаемъ это ежедневно. Одинъ ученикъ предалъ, прочіе, оставивъ Его, убѣжали; тѣ, которые облагодѣтельствованы, плевали на Него; слуга архіереевъ заушалъ; воины били по ланитамъ; мимоходящіе насмѣхались и поносили; разбойники также укоряли; и Онъ никому не отвѣчалъ ни слова, но всѣхъ побѣдилъ молчаніемъ, самымъ дѣломъ научая тебя тому, что чѣмъ болѣе ты будешь переносить все съ кротостію, тѣмъ легче побѣдишь несправедливо поступающихъ съ тобою, и всѣхъ заставишь удивляться тебѣ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не подивится тому, кто съ кротостію переноситъ обиды, наносимыя со стороны дерзкихъ поносителей? Подобно тому, какъ тотъ, кто хотя и законно страдаетъ, но переноситъ бѣдствія съ кротостію, многими считается за невиннаго страдальца, такъ, напротивъ, тотъ, кто страдаетъ и невинно, но отъ нетерпѣнія неистовствуетъ, навлекаетъ подозрѣніе, будто онъ терпитъ достойное, и становится предметомъ смѣха, какъ плѣнникъ, увлекаемый гнѣвомъ, потерявшій свое благородство. Такой человѣкъ недостоинъ называться и свободнымъ, хотя бы управлялъ тысячами слугъ. Но тебя кто-нибудь сильно раздражилъ? И что же въ томъ? Теперь-то и надлежитъ показать свое любомудріе. Мы и звѣрей видимъ кроткими, когда ихъ никто не раздражаетъ; не всегда и они свирѣпствуютъ, а когда только кто раздразнитъ ихъ. Итакъ, если и мы только тогда остаемся спокойными, когда никто насъ не раздражаетъ, то чѣмъ мы превышаемъ звѣрей? Они не безъ причины часто мечутся, и могутъ

быть извинены, такъ какъ ярятся оттого, что ихъ раздражаютъ и бьютъ; сверхъ того, у нихъ нѣтъ разсудка и они отъ природы получили звѣрство. Но когда ты свирѣпствуешь и звѣрствуешь, скажи мнѣ, въ чемъ можешь найти себѣ извиненіе? Какое зло потерпѣлъ ты? Ограбленъ ли? Потому-то ты и долженъ пере-
773 несть это, что тѣмъ самымъ пріобрѣтаешь большее. Обезславленъ ли? Что же въ этомъ? Ты самъ отъ того не меньше сталъ, если ты разсудителенъ. Если же ты ничего не потерпѣлъ худого, то почему гнѣваешься на того, кто не только не причинилъ тебѣ зла, но принесъ еще и пользу? Тѣ, которые уважаютъ насъ, усыпляютъ и разнѣживаютъ насъ; напротивъ обижающіе и презирающіе дѣлаютъ болѣе терпѣливыми тѣхъ, которые внимательны къ себѣ. Лѣнивые болѣе терпятъ вреда, когда ихъ уважаютъ, нежели тогда, когда оскорбляютъ ихъ. Оскорбляющіе заставляютъ насъ умудряться, когда мы бодрствуемъ надъ собою; а тѣ, которые хвалятъ насъ, умножаютъ въ насъ надменность, возбуждаютъ гордость, тщеславіе, безпечность, и дѣлаютъ душу изнѣженною и слабою. Это доказываютъ тѣ отцы, которые не столько ласкаютъ своихъ дѣтей, сколько бранятъ, боясь, какъ бы они не потерпѣли вреда отъ снисхожденія; то же средство употребляютъ и учители. Поэтому, если кого слѣдуетъ отвращаться, то именно льстецовъ, а не оскорбляющихъ насъ: больше приноситъ вреда лесть, нежели обида. Ласкательство есть приманка для неосторожныхъ, и отъ нея труднѣе предостеречься, нежели отъ той; да и больше за то награды, болѣе славы. И подлинно, болѣе достойно удивленія видѣть человѣка, котораго оскорбляютъ и онъ не возмущается, чѣмъ такого, котораго бьютъ, поражаютъ, и онъ не падаетъ. Но какъ возможно, скажешь ты, не возмущаться. Обидѣлъ ли кто тебя? Огради крестнымъ знаменіемъ грудь; вспомни все, что́ происходило на крестѣ—и все погаснетъ. Не думай объ однѣхъ обидахъ, но вспомни вмѣстѣ и о добрѣ, какое ты когда-нибудь получилъ отъ обидѣвшаго; и тотчасъ станешь кроткимъ. Особенно же и прежде всего приведи на мысль страхъ Божій, и вскорѣ сдѣлаешься умѣренъ и покоенъ.

4. Кромѣ того возьми примѣръ въ этомъ случаѣ и съ рабовъ своихъ. Когда видишь, что ты бранишься съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, а тотъ молчитъ, то представь, что можно быть благоразумнѣе, и укори себя за свое раздраженіе. Во время самыхъ обидъ пріучайся не оскорблять другого, и тогда, будучи оскорбляемъ, не будешь чувствовать скорби. Представь, что обижающій тебя въ изступленіи и не въ своемъ умѣ, и тогда не будешь досадовать на обиду. Случается, что бѣснующіеся бьютъ насъ, однако мы не только не гнѣваемся на нихъ, но и жалѣемъ ихъ.

Поступай и ты такъ,—пожалѣй объ обижающемъ; онъ вѣдь одержимъ лютымъ звѣремъ — яростію, демономъ неистовымъ — гнѣвомъ. Поспѣши освободить того, котораго мучитъ злой демонъ, и который такъ скоро погибаетъ. Поистинѣ, гнѣвъ такая болѣзнь, что немного надобно времени для того, чтобы погибъ одержимый ею. Поэтому и сказалъ нѣкто: *устремленіе ярости его паденіе ему* (Сирах. I, 22), показывая ея жестокость особенно въ томъ, что она въ короткое время причиняетъ великое зло и не имѣетъ нужды въ продолжительности времени; а если бы, при ея силѣ, она была еще и продолжительна, то съ ней нельзя было бы и бороться. Желалъ бы я показать тебѣ, кто таковъ обидчикъ, и кто — любомудрствующій; желалъ бы представить тебѣ въ обнаженномъ видѣ душу того и другого. Ты увидѣлъ бы, что сердце перваго подобно волнующемуся морю, а послѣдняго—какъ тихое, безмятежное пристанище; онъ не возмущается этими бурными вѣтрами, напротивъ, легко укрощаетъ ихъ. Обидчики все дѣ- 774
лаютъ, чтобы уязвить другого; но когда теряютъ всякую надежду успѣть въ этомъ, сами наконецъ укрощаются и отходятъ уже исправившимися. И не можетъ быть, чтобы разгнѣванный человѣкъ наконецъ сильно не укорилъ себя, подобно тому какъ невозможно, чтобы человѣкъ неразгнѣванный укорялъ себя. Если нужно противъ кого-нибудь возстать, то это можно сдѣлать и безъ гнѣва, и даже удобнѣе и благоразумнѣе, нежели какъ съ гнѣвомъ: тогда ничего не потерпишь непріятнаго. Если захотимъ, все счастіе наше и все доброе будетъ зависѣть отъ насъ, и мы будемъ въ состояніи, при помощи благодати Божіей, устроить свою безопасность и сохранить честь. Для чего ищешь ты себѣ у другого почести? Уважай самъ себя, и никто не нанесетъ тебѣ безчестія; но когда ты самъ себя безчестишь, то хотя всѣ будутъ чтить тебя, ты останешься безчестнымъ. Подобно тому какъ, если мы сами себя не разстроимъ, то никто другой насъ не разстроитъ, точно также, если мы сами не будемъ безчестить себя, то никто другой насъ не осрамитъ. Представимъ себѣ человѣка великаго и достойнаго славы; и пусть всѣ стали бы называть его прелюбодѣемъ, воромъ, гробохасхитителемъ, человѣкоубійцею, разбойникомъ; но если онъ ничѣмъ этимъ не раздражается, ни на что не досадуетъ и ничего такого не сознаетъ въ себѣ, то какое онъ отъ того терпитъ безчестіе? Никакого. Что же, — скажешь, — если многіе имѣютъ объ немъ такое мнѣніе? И въ такомъ случаѣ онъ не обезчещенъ, а обезчестили себя тѣ, потому что не считаютъ его таковымъ, каковъ онъ есть. Скажи мнѣ: если бы кто сталъ считать солнце темнымъ, то солнце ли, или себя онъ обезчестилъ бы? Конечно себя самого, навлекая

на себя подозрѣніе, что онъ или слѣпъ, или не въ умѣ. Такъ и тѣ, которые считаютъ добрыхъ худыми,—срамятъ себя самихъ. Поэтому надлежитъ прилагать большое стараніе о томъ, чтобы сохранить совѣсть свою чистою, и не подать никакого случая къ подозрѣнію на насъ. Если же и при такомъ нашемъ поведеніи другіе хотятъ неистовствовать, то не нужно заботиться или скорбѣть объ этомъ. Если кто добръ въ себѣ, а его считаютъ худымъ, то онъ ничего отъ того не теряетъ, оставаясь такимъ, какимъ онъ есть; напротивъ, кто питаетъ безразсудныя, пустыя подозрѣнія, подпадаетъ крайней гибели. Точно также и худой, если считаютъ его не таковымъ, не получаетъ отъ того никакой выгоды, а подвергнется большему осужденію, впадетъ только въ бóльшую безпечность. Худой, когда такимъ и считается, по крайней мѣрѣ, смиряется и сознаетъ грѣхи свои; напротивъ, когда укрывается, впадаетъ въ безчувственность. Въ самомъ дѣлѣ, если и тогда, какъ всѣ укоряютъ, грѣшники едва возбуждаются къ сокрушенію, то можетъ ли открыть глаза свои живущій въ нечестіи тогда, когда не только не осуждаютъ его, но и хвалятъ? Не слышишь ли, какъ и Павелъ порицаетъ за то, что коринѳяне, поблажая и уважая соблудившаго, не только не допустили его сознать грѣхъ свой, но и утвердили его въ его нечестіи? Поэтому умоляю васъ—оставимъ мнѣнія о насъ другихъ, обиды и почести, и будемъ стараться только объ одномъ,—чтобы соблюдать совѣсть незазорною и не осрамить самихъ себя. Такимъ образомъ мы и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ будемъ наслаждаться великою славою, которую всѣ да сподобимся получить по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXVIII.

775 **Отъ шестаго же часа тьма бысть по всей земли до часа девятаго. О девятомъ же часѣ возопи Іисусъ гласомъ веліимъ, глаголя: Или, Или, лима савахѳани, еже есть: Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ? Нѣцыи же отъ ту стоящихъ слышавше глаголаху, яко Илію глашаетъ сей. И абіе текъ единъ отъ нихъ, и пріемъ губу, исполнивъ же оцта, и вонзе на трость, напаяше его (Мѳ. xxvii, 45—46).**

1. Вотъ то знаменіе, которое Онъ прежде обѣщалъ просившимъ! *Родъ лукавъ и прелюбодѣй*,—такъ говорилъ Онъ,—*знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка*

(Матѳ. XII, 39; Лук. XI, 26),—то есть крестъ, смерть, гробъ и воскресеніе. И опять, инымъ образомъ указывая на силу креста, говорилъ: *егда вознесете Сына человѣческаго, тогда познаете, яко Азъ есмь* (Іоан. VIII, 28),—то есть, когда распнете Меня, и подумаете, что уже побѣдили Меня, тогда-то особенно узнаете Мою силу. Дѣйствительно, послѣ того какъ Онъ былъ распятъ, ихъ городъ истребленъ, іудейство кончилось, гражданское бытіе и свобода ихъ исчезли; напротивъ евангельская проповѣдь процвѣла и простерлась до предѣловъ вселенной: земля и море, обитаемыя и необитаемыя страны, повсюду возвѣщаютъ силу слова Христова. Итакъ, вотъ что говоритъ Онъ, и вотъ что случилось во время распятія на крестѣ! И это тѣмъ болѣе удивительно, что случилось въ то время, какъ Онъ пригвожденъ былъ ко кресту, а не тогда, когда ходилъ по землѣ. Но не это одно дивно; дивно то, что знаменіе, котораго они искали, было и съ неба, и явилось во всей вселенной, чего прежде никогда не случалось, развѣ только въ Египтѣ, когда надлежало совершить пасху, поскольку то было образомъ настоящихъ событій. Замѣть и то, когда это происходитъ: въ полдень, когда по всей вселенной былъ день, дабы знали всѣ обитатели земли. Этого достаточно было, чтобы обратить ихъ къ истинѣ, не только въ виду величія чуда, но и въ силу его благовременности. Въ самомъ дѣлѣ, оно совершается уже послѣ всѣхъ дѣлъ безумія ихъ, послѣ беззаконнаго издѣвательства, когда они уже оставили свое неистовство, когда перестали насмѣхаться, когда насытились безстыдными ругательствами, и высказали все, что хотѣли: только послѣ всего этого показалъ Онъ тьму, чтобы по крайней мѣрѣ теперь они укротили гнѣвъ свой, и извлекли себѣ пользу изъ чуда. Совершать такія знаменія на крестѣ было гораздо удивительнѣе, нежели сойти съ креста. Если они думали, что эти чудеса совершалъ Онъ, то необходимо надлежало вѣрить и трепетать; а если думали, что не Онъ, но Отецъ,—и тогда имъ надлежало придти въ сокрушеніе, такъ какъ мракъ этотъ свидѣтельствовалъ о томъ, что Отецъ прогнѣванъ былъ ихъ преступленіемъ. А что это не было затменіе, а гнѣвъ и негодованіе, это видно, кромѣ того, и изъ самаго времени: тьма продолжалась три часа. Затменіе совершается въ нѣсколько минутъ, какъ это извѣстно тѣмъ, кто наблюдалъ это явленіе; таково и въ наше время случилось затменіе. Отчего же, скажешь, не пришли въ изумленіе всѣ, и не признали Христа Богомъ? Оттого, что тогда родъ человѣческій погруженъ былъ въ безпечность и нечестіе; чудо это было одно, и едва явилось, вскорѣ окончилось; а ни у кого не было ревности изыскать причины его; явныя беззаконія на-

776 ходили себѣ извиненіе и въ обычаяхъ. Не хотѣли и знать, что за причина этого явленія, а думали, что оно было слѣдствіемъ или затменія, или другой какой естественной причины. И что дивиться внѣшнимъ, которые ничего не знали, и по своей великой безпечности не старались узнать причины событія, когда жившіе въ самой Іудеѣ, послѣ стольких чудесъ, продолжали поносить Іисуса, хотя имъ явно было, что Онъ это сдѣлалъ? Для того Онъ и говоритъ послѣ этого чуда: *Или, Или, лима савахвани*, чтобы они знали, что Онъ еще живъ, и что Онъ совершилъ его, и такимъ образомъ укротили бы свою ярость. Изъ этого они могли видѣть, какъ Онъ даже до послѣдняго издыханія чтитъ Отца, и не есть богопротивникъ. Онъ взываетъ пророческимъ голосомъ, свидѣтельствуя до послѣдняго часа о истинѣ ветхаго завѣта, и не только пророческимъ, но и еврейскимъ, чтобы имъ было понятно и внятно. Во всемъ этомъ показывалъ Онъ Свое единомысліе съ Отцемъ Своимъ. Но замѣть и здѣсь ихъ дерзость, необузданность и безуміе. Они подумали, говоритъ евангелистъ, что Онъ зоветъ Илію,—и тотчасъ напоили Его оцтомъ. А другой, подошедши, пронзилъ копіемъ бокъ Его. Что можетъ быть нечестивѣе этого, что звѣроподобнѣе? До того простерли сво неистовство, что и надъ бездыханными останками ругаются. Но смотри, какъ Онъ и ихъ нечестіе обращаетъ къ нашему спасенію. За ударомъ истекли источники спасенія нашего. *Іисусъ же, возопивъ гласомъ веліимъ, испусти духъ* (ст. 50). Вотъ то, о чемъ Онъ говорилъ: *область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю. Азъ полагаю ю о Себѣ* (Іоан. x, 18). Для того Онъ и возопилъ, чтобы показать, что дѣло совершается по Его волѣ. Маркъ говоритъ: *яко дивися Пилатъ, аще уже умре* (ст. 14, 15), и что сотникъ особенно потому увѣровалъ, что Іисусъ умеръ съ знаменіями власти. Голосъ этотъ раздралъ завѣсу, отверзъ гробы и сдѣлалъ храмъ пустымъ. И это учинилъ Онъ не для того, чтобы обезчестить храмъ (могъ ли сдѣлать это Тотъ, Кто говорилъ: *не творите дому Отца Моего дому купленаго*—Іоан. II, 16), но показывалъ этимъ, что они недостойны пребыванія въ немъ; подобно тому какъ когда Онъ предалъ его и вавилонянамъ. Кромѣ того настоящее событіе было еще и предреченіемъ будущаго запустѣнія и перемѣны на лучшее и высшее и знаменіемъ Его могущества.

2. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ послѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ Христосъ показалъ Свою силу, именно въ воскресеніи мертвыхъ, въ омраченіи свѣта, въ перемѣнѣ стихій. Во время Елиссея одинъ мертвецъ, коснувшись мертвеца, воскресъ. Теперь голосъ воздвигъ мертвецовъ, тогда какъ тѣло пригвождено было ко

кресту. Впрочемъ, первое было прообразомъ настоящихъ событій;
для того оно и происходило, чтобы вѣрили настоящему. И не
только возбуждаются мертвые, но и камни разсѣдаются, и земля
трясется, чтобы познали, что Онъ могъ и ихъ и омрачить, и
расторгнуть. Тотъ, Кто расторгнулъ камни и омрачилъ вселенную,
тѣмъ болѣе могъ сдѣлать то же надъ ними, если бы захотѣлъ.
Но Онъ не восхотѣлъ этого; изливъ гнѣвъ Свой на стихіи, Онъ 777
желалъ спасти ихъ кротостію. Но они не оставили своего не-
истовства. Такова зависть, такова ненависть: не легко укротить
ее! И при всѣхъ таковыхъ явленіяхъ бестыдство ихъ было оди-
наково. Впослѣдствіи же, когда, не смотря на то, что положена
была печать на гробѣ, приставлена воинская стража, Онъ вос-
кресъ, и они услышали объ этомъ отъ самихъ стражей, оболь-
стили и другихъ деньгами, и хотѣли скрыть свидѣтельство о
воскресеніи. Итакъ, не удивляйся тому, что они и тогда такъ
безчестно поступали: такъ они разъ навсегда расположились во
всемъ поступать безстыдно! Смотри только, сколько знаменій
Онъ сотворилъ, то на небѣ, то на землѣ, то въ самомъ храмѣ.
Этимъ Онъ частію показывалъ Свое негодованіе, частію то, что
и недоступное сдѣлается теперь доступнымъ, и что небо отвер-
зется и откроется истинное святое святыхъ. Они говорили: *аще царь
Израилевъ есть, да снидетъ нынѣ со креста;* а Онъ показываетъ имъ,
что Онъ есть Царь всей вселенной. Они говорили: *разоряяй цер-
ковь сію, и треми деньми созидаяй ю;* а Онъ указываетъ, что ихъ
храмъ совершенно запустѣетъ. Далѣе, они говорили: *иныя спасе,
Себе ли не можетъ спасти?* Онъ же, пребывая на крестѣ, съ избыт-
комъ показываетъ имъ Свою силу надъ тѣлами рабовъ Своихъ.
Подлинно, если великое дѣло выйти изъ гроба четверодневному
Лазарю, то гораздо важнѣе всѣмъ давно усопшимъ внезапно
явиться живыми, что было знаменіемъ будущаго воскресенія.
Многа бо, говорится, *тѣлеса усопшихъ святыхъ возсташа, и внидоша
во святый градъ, и явишася многимъ* (ст. 52, 53). Чтобы это событіе
не сочли призрачнымъ, воскресшіе являются многимъ въ го-
родѣ. Тогда и сотникъ прославилъ Бога, говоря: *воистинну чело-
вѣкъ сей праведенъ бѣ. Народи же, приходящіи на позоръ сей, біюще въ
перси своя, возвращахуся* (ст. 54). Такова сила Распятаго, что послѣ
такихъ насмѣшекъ и ругательствъ, и сотникъ, и народъ пришли
въ умиленіе! Нѣкоторые говорятъ, что этотъ сотникъ, укрѣпив-
шись послѣ того въ вѣрѣ, совершилъ мученическій подвигъ.
*Бяху же ту жены многи издалеча зряще, яже идоша служаще Ему:
Марія Магдалина, и Марія Іаковля, и Іосіи мати и мати сыну Заведеову*
(ст. 55, 56). На эти событія взираютъ жены, особенно сострада-
тельныя и сѣтующія. Смотри каково ихъ усердіе! Онѣ слѣдовали

за Нимъ, чтобы прислуживать Ему, и не отлучались отъ Него даже среди опасностей. Потому они и видѣли все: видѣли, какъ Онъ возопилъ, какъ испустилъ духъ, какъ камни разсѣлись, и все прочее. И онѣ первыя видятъ Іисуса, этотъ, столь презираемый, полъ первый наслаждается созерцаніемъ благъ. Въ этомъ особенно видно ихъ и мужество. Ученики убѣжали, а эти жены присутствовали. Кто же онѣ были? Матерь Его, которую евангелистъ называетъ Іаковлевою, и прочія. Другой евангелистъ говоритъ, что и многіе плакали объ этомъ и били грудь свою. Это показываетъ, какова была жестокость іудеевъ. О чемъ другіе воздыхали и плакали, надъ тѣмъ они смѣялись, ни жалостію не трогались, ни страхомъ не укрощались. Все происходившее тогда
778 было знаменіемъ великаго гнѣва Божія; не просто знаменіемъ, но знаменіемъ ярости; все означало гнѣвъ чрезмѣрный, и тьма, и разсѣвшіяся камни, и разодранная пополамъ завѣса, и землетрясеніе. *Приступль же Іосифъ, проси тѣло Іисусово* (ст. 58). Этотъ Іосифъ—тотъ самый, который доселѣ скрывался; теперь, по смерти Христовой, онъ одушевился великимъ дерзновеніемъ. Онъ былъ не незамѣтный человѣкъ, но знаменитый и знатный, именно почтенный членъ синедріона. Отсюда особенно можно видѣть его мужество. Онъ отваживался теперь на явную смерть, потому что возбуждалъ всеобщую противъ себя ненависть, когда обнаруживалъ свою любовь къ Іисусу и дерзнулъ просить тѣло Его, и не прежде отступилъ, пока не получилъ его: дерзнулъ даже не только принять тѣло и погребсти честно, но и положить въ своемъ новомъ гробѣ, чѣмъ показалъ и свою любовь, и мужество. И это случилось не безъ причины, но именно потому, чтобы не имѣли подозрѣнія, будто вмѣсто одного возсталъ другой. *Бѣ же Марія Магдалина, и ина Марія сѣдяще прямо гроба* (Матѳ. XXVII, 61). Для чего онѣ сидятъ здѣсь? Онѣ ничего еще не знали о Немъ должнымъ образомъ, ничего не представляли великаго и высокаго. Потому принесли онѣ и муро, и при гробѣ бодрствовали, чтобы, когда утишится неистовство іудеевъ, приступить и намастить Его.

3. Видишь ли мужество женъ? Видишь ли пламенную любовь ихъ? Видишь ли щедрость въ издержкахъ и рѣшимость на самую смерть? Будемъ и мы, мужи, подражать женамъ, чтобы не оставить Іисуса въ искушеніяхъ. Онѣ столько издержали для умершаго, и предавали даже души свои, а мы (опять скажу то же) ни алчущаго не питаемъ, ни нагого не одѣнемъ, но видя, что проситъ онъ, спѣшимъ пройти мимо. Конечно, если бы вы увидѣли Его самого, то каждый истощилъ бы все свое. Но и нынѣ Онъ тотъ же, потому что Самъ сказалъ: *Я есмь*. Итакъ,

почему же ты не все иждиваешь? И нынѣ слышишь, какъ говоритъ Онъ: Мнѣ творишь. Никакого нѣтъ различія, Ему ли, или другому ты подашь. И ты сдѣлаешь не менѣе тѣхъ женъ, которыя тогда Его питали; напротивъ, даже еще болѣе. Не смущайтесь. Не одно и то же—питать Его самого, когда Онъ являлся во всей славѣ, которая могла расположить къ Нему и каменную душу, и—служить, въ исполненіе только Его заповѣди, бѣдному, убогому, согбенному. Тамъ въ любви твоей участвуетъ уваженіе къ лицу и достоинству присутствующаго; здѣсь вся честь принадлежитъ твоему человѣколюбію: здѣсь ты большее показываешь уваженіе къ Нему, когда только по заповѣди Его служишь подобному тебѣ рабу Его, и угождаешь ему во всемъ. Итакъ угождай, вѣруя пріемлющему и говорящему: Мнѣ далъ. Если бы ты не Ему давалъ, Онъ не удостоилъ бы тебя Своего царствія. Если бы не Его ты отвращался, Онъ не послалъ бы тебя въ геенну; не осудилъ бы на мученія, если бы ты презрѣлъ просто человѣка. Нѣтъ; пренебрегаемымъ является самъ Онъ; потому-то и составляетъ это великое прегрѣшеніе. Такъ и Павелъ Его гналъ, когда преслѣдовалъ вѣрующихъ, почему и сказалъ Онъ: *что Мя гониши* (Дѣян. IX, 4)? Итакъ будемъ столько же усердны, какъ если бы мы самому Христу подавали, когда подаемъ ближнимъ. Подлинные слова Его достовѣрнѣе, нежели глаза наши. Поэтому когда видишь бѣднаго, вспомни слова Его, которыми Онъ сказалъ тебѣ, что Онъ есть самый тотъ, кого ты
питаешь. Хотя являющійся тебѣ и не Христосъ, но подъ обра- 779
зомъ этого бѣдняка Онъ самъ проситъ и принимаетъ. Но ты стыдишься слышать, что Христосъ проситъ? Напротивъ, стыдись когда не дашь просящему; это точно есть срамъ, наказаніе, мученіе. Когда Онъ проситъ, это происходитъ отъ Его благости, и потому намъ нужно даже хвалиться этимъ; но когда ты не подаешь, это показываетъ твою жестокость. Если ты теперь не вѣришь мнѣ, что, проходя мимо нищаго—вѣрующаго, проходишь мимо самого Христа, то повѣришь этому тогда, когда Онъ выведетъ тебя на судъ и скажетъ: *понеже не сотвористе имъ, ни Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 45). Но да не будетъ, чтобъ мы узнали это такимъ образомъ. Повѣруемъ же этому нынѣ и принесемъ плодъ, чтобы намъ услышать блаженный гласъ, вводящій насъ въ царство! Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: каждый день говоришь ты намъ о милосердіи и человѣколюбіи. Я и не перестану говорить объ этомъ. Если бы вы и преуспѣвали даже въ этихъ добродѣтеляхъ, и тогда бы мнѣ не надлежало прекращать о нихъ рѣчь, чтобы не сдѣлать васъ безпечными. Конечно, если бы вы преуспѣвали, я говорилъ бы меньше.

Но когда вы и въ половину надлежащаго не успѣли въ этомъ, то не мнѣ, а себѣ говорите такія слова. Подлинно, жалуясь на меня, ты дѣлаешь то же самое, что и дитя, когда оно, много разъ слыша альфу и не заучивая ея, стало бы жаловаться на учителя, что онъ часто и даже безпрестанно повторяетъ одно и то же. Въ самомъ дѣлѣ, кто отъ словъ моихъ сдѣлался склоннѣе къ подачѣ милостыни? Кто расточилъ имѣніе? Кто половину, кто третью часть роздалъ? Никто! Итакъ, прилично ли вамъ запрещать учить васъ, когда вы еще не научились? Вамъ надлежало бы поступать напротивъ,—надлежало бы, если бы мы даже и захотѣли прекратить ученіе, удержать насъ и сказать: мы еще не заучили этого,—для чего перестаете учить насъ? Если бы случилось, что у кого-нибудь болѣлъ глазъ, а я былъ бы врачемъ, обвязалъ бы глазъ, далъ бы мази, примѣнилъ бы другія средства, но, ничего не сдѣлавъ дѣйствительно полезнаго, ушелъ бы, то не пришелъ ли бы онъ къ дверямъ моего дома и не сталъ ли бы упрекать меня въ крайней безпечности, что я оставилъ его тогда, какъ не прошла болѣзнь? И если бы я въ отвѣтъ на обвиненіе сказалъ: я далъ примочки, мази,—снесъ ли бы больной такое оправданіе? Нѣтъ! Онъ тотчасъ сказалъ бы: какая мнѣ въ томъ польза, когда я еще страдаю? То же самое помышляй и о душѣ. Что́, если бы я, и много лѣча ослабѣвшую, оцѣпенѣлую, скорченную руку, не излѣчилъ бы ее: не то же ли услышалъ бы я? Но мы и теперь врачуемъ точно скорченную и изсохшую руку. Потому́, пока не увидимъ ее совершенно прямою, не перестанемъ ухаживать за нею. О, если бы и вы ни о чемъ другомъ не говорили, и дома, и на площади, и за столомъ, и ночью, и во снѣ! Если бы днемъ мы безпрестанно заботились объ этомъ, то и во снѣ занимались бы тѣмъ же.

4. Что ты говоришь? Что о милосердіи всегда я разсуждаю? Я и самъ желалъ бы, чтобы не было большой нужды въ такихъ бесѣдахъ съ вами: я желалъ бы разсуждать о борьбѣ противъ іудеевъ, эллиновъ и еретиковъ; но нездоровыхъ можно ли вооружать? Какъ выводить на сраженіе тѣхъ, которые покрыты язвами и ранами? Если бы я видѣлъ васъ здоровыми, то конечно вы-
780 велъ бы на это сраженіе, и тогда вы увидѣли бы благодатію Христовою цѣлыя тысячи падающихъ враговъ вашихъ, и ихъ главы валяющіяся предъ вами. Много было уже сказано нами объ этомъ въ различныхъ книгахъ; и однако, по нерадѣнію многихъ, мы и теперь не можемъ еще торжествовать совершенную побѣду. Мы многократно побѣждаемъ ихъ въ догматахъ; но они порицаютъ насъ за жизнь многихъ у насъ числящихся, гнушаются ихъ ранами и недугами сердечными. Итакъ, можно ли

благонадежно выводить васъ на сраженіе, когда вы и намъ служите во вредъ, и при первомъ же появленіи поражаетесь и осмѣиваетесь врагами? У одного больна рука, скорчена, не можетъ подавать. Какъ же онъ можетъ держать щитъ и защищаться имъ, не уязвляясь отъ жестокихъ нападеній? Другіе хромаютъ ногами: это тѣ, которые ходятъ въ театры и въ домы блудницъ. Какъ же они могутъ стоять на сраженіи и не уязвиться стрѣлами похоти? Иной болѣнъ глазами, совсѣмъ ослѣпъ, или неправо смотритъ, будучи исполненъ блудодѣянія и занимаясь только злодѣйскими навѣтами противъ цѣломудрія женъ, и подкопами противъ браковъ. Какъ же можетъ такой смотрѣть на враговъ, управлять копьемъ, бросать стрѣлы, когда отвсюду поражается насмѣшками? Иныхъ видишь страждущихъ чревомъ, какъ бы одержимыхъ водяною болѣзнію; они удручены чревонеистовствомъ и пьянствомъ. Итакъ, какъ могу я вести этихъ пьяницъ на сраженіе? У иного гнилыя уста: таковы вздорливые, ругатели, хульники. Какъ же они подадутъ своимъ голосомъ знакъ на сраженіи, и могутъ ли сдѣлать что-нибудь важное и благородное, будучи объяты другого рода пьянствомъ и составляя предметъ смѣха для враговъ? Вотъ почему я каждый день обхожу свое войско, врачуя раны и исцѣляя струпы. Если вы когда-нибудь протрезвитесь и будете способны поражать другихъ, тогда научу васъ и этому воинскому искусству и покажу, какъ дѣйствовать оружіемъ, или лучше, тогда самыя дѣла ваши будутъ для васъ оружіемъ: тогда всѣ будутъ падать предъ вами,—если, то есть, вы будете милосерды, кротки, тихи, непамятозлобны и всѣ прочія добродѣтели будутъ сіять въ васъ. Если же кто станетъ противорѣчить намъ, тогда мы приложимъ и свой трудъ, представляя въ примѣръ васъ. Между тѣмъ нынѣ вы даже служите препятствіемъ въ нашемъ теченіи. Смотри: мы говоримъ, что Христосъ сотворилъ великія чудеса, людей измѣнилъ въ ангеловъ. Но когда спрашиваютъ отъ насъ доказательствъ на это, и заставляютъ представить примѣръ изъ этого стада,—мы нѣмы, и я боюсь, какъ бы вмѣсто ангеловъ не выгнать свиней изъ хлѣва, или коней женонеистовыхъ. Знаю, что это для васъ больно; но не противъ всѣхъ это сказано, а только противъ виновныхъ, вѣрнѣе же и не противъ нихъ, если они трезвы, а за нихъ. Нынѣ все извращено и испорчено: церковь ничѣмъ не отличается отъ стойла быковъ, ословъ и верблюдовъ; и я всюду хожу, ищу овцы—и не могу усмотрѣть. Такъ всѣ топаютъ и бьютъ ногами, какъ будто какія лошади или дикіе ослы; наполняютъ мѣсто это только кучами навоза,—таковы именно ихъ разговоры. Если бы можно было видѣть, о 781-782
чемъ говорятъ за всякимъ священнымъ собраніемъ мужи, жены,—

то ты увидѣлъ бы, что слова ихъ гаже всякаго навоза. Потому умоляю, оставьте этотъ худой обычай, чтобы церковь могла благоухать миромъ. Мы наполняемъ ее нынѣ только чувственнымъ ѳиміамомъ, а о томъ, чтобы изгнать и истребить духовную нечистоту, и не заботимся. Что же въ томъ пользы? Поистинѣ, не столько безчестимъ мы церковь, когда заносимъ въ нее навозъ, сколько оскверняемъ ее тогда, когда разговариваемъ въ ней другъ съ другомъ о барышахъ, о торговлѣ, о корчемствѣ, о томъ, что совсѣмъ не прилично намъ, тогда какъ нужно было бы здѣсь присутствовать ликамъ ангеловъ, церковь дѣлать небомъ, и ничего другого не знать, кромѣ сердечныхъ молитвъ, молчанія и вниманія. Исправимся же, по крайней мѣрѣ хоть съ настоящаго времени, чтобы очистить жизнь нашу и наслѣдовать обѣщанныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXIX.

781 **Во утрій же день, иже есть по пятцѣ, собрашася архіерее и фарисее къ Пилату, глаголюще: господи, помянухомъ, яко льстецъ онъ рече еще сый живъ: по тріехъ днехъ востану. Повели убо утвердити гробъ до третіяго дне, да не како пришедше ученицы Его украдутъ Его, и рекутъ людемъ: воста отъ мертвыхъ, и будетъ послѣдняя лесть горша первыя (Мѳ. xxvii, 62—64).**

1. Ложь вездѣ обличаетъ себя, и какъ бы невольно защищаетъ истину. Смотри: надлежало вѣрить тому, что Онъ умеръ и погребенъ и воскресъ,—и все это чрезъ самихъ враговъ становится достойнымъ всякаго вѣроятія. Вникни въ эти слова, которыя вполнѣ подтверждаютъ все это. *Помянухомъ*, говорятъ, *яко льстецъ онъ рече еще живъ сый*,—слѣдовательно Онъ скончался; *по тріехъ днехъ востану: повели убо утвердити гробъ*,—слѣдовательно погребенъ Онъ; *да не како пріидутъ ученицы Его и украдутъ Его*,—слѣдовательно, если гробъ запечатанъ, то обмана уже не будетъ. Невозможное дѣло! Итакъ, въ самой вашей же просьбѣ дано непререкаемое доказательство Его воскресенія. Если гробъ былъ запечатанъ, то не было никакого и обмана; если не было обмана, а гробъ найденъ пустымъ, то явно, что Онъ воскресъ,— нельзя и прекословить этому. Видишь ли, какъ и противъ воли подвизаются въ пользу истины? Разсмотри также, какъ дорожатъ истиною и ученики, — какъ ничего не скрываютъ изъ того, что говорено врагами, хотя бы то было и позорное. Вотъ они

называютъ Его обманщикомъ; и ученики не умалчиваютъ объ этомъ. Это показываетъ и жестокость враговъ, доходившихъ до того, что даже и по смерти не оставляли своего гнѣва, и вмѣстѣ простоту и правдолюбіе учениковъ. Надлежитъ при этомъ изслѣдовать и то, гдѣ сказалъ Онъ: *по тріехъ днехъ востану*. Болѣе ясныхъ словъ объ этомъ нигдѣ не найдешь, кромѣ примѣра Іоны. Беззаконные іудеи знали, слѣдовательно, и понимали слова Его, и сознательно злодѣйствовали. Что же отвѣчаетъ имъ Пилатъ? *Имате*, говоритъ, *кустодію: утвердите якоже вѣсте. И утвердиша, знаменавше гробъ съ кустодіею* (ст. 65, 66). Онъ не позволяетъ воинамъ однимъ печатать. Какъ бы узнавши о его дѣлахъ, онъ не хочетъ болѣе дѣйствовать съ ними за одно; а чтобы освободиться отъ нихъ, позволяетъ имъ оградить гробъ, и говоритъ: вы, какъ хотите, печатайте, чтобы послѣ не винить другихъ. Подлинно, если бы одни воины запечатали, то іудеи могли бы сказать (хотя это и была бы невѣроятная ложь; но все же они какъ въ другихъ случаяхъ безстыдно клеветали, такъ и теперь могли бы сказать), что воины позволили унести тѣло, и дали 782
ученикамъ возможность измыслить вѣсть о воскресеніи. Теперь же, когда они сами утвердили гробъ, не могутъ сказать и этого.

Видишь ли, какъ они противъ своей воли стараются объ истинѣ? Сами пришли, сами просили, сами запечатали вмѣстѣ съ стражею, чтобы такимъ образомъ быть обвинителями и обличителями самихъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, когда ученики могли бы украсть? Въ субботу? И притомъ, какъ? Въ субботу не позволялось и выходить. Если же преступили и законъ, то какъ эти столь робкіе люди осмѣлились бы пойти? Какъ притомъ могли убѣдить народъ? Что они могли говорить, что дѣлать? Что за ревность побуждала ихъ стоять за мертвеца? Какой ожидали награды? Какой почести? И отъ живого, когда только Онъ задержанъ былъ, они убѣжали; а послѣ смерти могли ли бы дерзать за Него, если бы Онъ не воскресъ? Какъ это сообразить? Что они не хотѣли и не могли вымыслить небывалаго воскресенія, видно изъ слѣдующаго. Много разъ говорено было Имъ о воскресеніи, даже безпрестанно повторялъ Онъ, что, какъ сказали и сами враги, *по тріехъ днехъ востану*. Поэтому, если бы Онъ не воскресъ, очевидно, они, какъ обманутые и преслѣдуемые всѣмъ народомъ, изгоняемые изъ домовъ и городовъ, должны бы были отстать отъ Него; не захотѣли бы разносить такую о Немъ молву, какъ обманутые Имъ и подпавшіе за Него крайнимъ бѣдствіямъ. А что они не могли вымыслить воскресенія, если бы не было его на самомъ дѣлѣ, объ этомъ не нужно и гово-

рить. Въ самомъ дѣлѣ, на что они могли при этомъ надѣяться? На силу ли своего слова? Но они были самые неученые люди. На богатство ли? Но они не имѣли даже ни посоха, ни обуви. На знатность ли рода? Но они были бѣдны и отъ бѣдныхъ рождены. На знатность ли отечества? Но они происходили изъ весей незнатныхъ. На многочисленность ли свою? Но ихъ было не болѣе одиннадцати, и тѣ разсѣяны. На обѣщанія ли Учителя? Но на какія? Если бы Онъ не возсталъ, то и остальныя обѣщанія Его не были бы для нихъ достовѣрны. Итакъ, какъ могли бы они укротить неистовство народа? Если верховный изъ нихъ не снесъ слова жены привратницы, а всѣ прочіе, увидѣвши Его связаннымъ, разсѣялись, то какъ они вздумали бы идти въ концы вселенной, и тамъ насаждать вымышленное слово о воскресеніи? Если одинъ изъ нихъ не устоялъ противъ угрозъ жены, а другіе даже при видѣ узъ, то какъ могли они стать противъ
783 царей, князей и народовъ, гдѣ мечи, сковороды, печи, безчисленные роды ежедневной смерти, если бы не были укрѣплены силою и помощью Воскресшаго? Совершено было множество великихъ чудесъ, и ни одного изъ нихъ не устыдились іудеи, но распяли Сотворшаго ихъ; а простымъ словамъ учениковъ могли бы повѣрить о воскресеніи? Нѣтъ, нѣтъ! Все это сотворила сила Воскресшаго.

2. И посмотри, какъ смѣшны ихъ замыслы! *Помянухомъ*, говорятъ, *яко льстецъ онъ рече еще живъ сый: по тріехъ днехъ востану*. Но если Онъ былъ обманщикъ и хвалился попусту, то чего вы боитесь, мечетесь и такъ суетитесь? Боимся, говорятъ, какъ бы ученики не украли и не обманули чернь. Но доказано уже, что этого никакъ не могло быть. И однако злоба упорна и безстыдна,— покушается и на безумное дѣло. Велятъ до трехъ дней оберегать гробъ, какъ бы стараясь защитить свое ученіе и желая показать, что Онъ и прежде былъ льстецъ, и даже во гробѣ можно подозрѣвать Его въ злобѣ. Поэтому-то Онъ и возсталъ скоро, чтобы не говорили, что Онъ оказался лжецомъ и что тѣло украдено. Обвинять за то, что Онъ скоро возсталъ было нельзя; замедленіе было бы подозрительно. Если бы Онъ не тогда воскресъ, когда они сидѣли и оберегали гробъ, но тогда, какъ спустя три дня они удалились бы, то могли бы еще что-нибудь говорить противъ, хотя бы и безразсудно. Для того Онъ предварилъ воскресеніемъ. Надлежало совершиться воскресенію именно тогда, когда они сидѣли тамъ и стерегли; слѣдовательно, надлежало быть ему въ предѣлахъ трехъ дней; а если бы оно произошло по истеченіи ихъ, когда стража удалилась бы, дѣло могло бы быть подозрительнымъ. Поэтому Господь попустилъ и

запечатать гробъ по ихъ желанію, допустилъ быть при немъ и воинамъ. Они не заботились и о томъ, что трудятся въ субботу; но имѣли въ виду только то одно, какъ бы имъ преуспѣть въ своей злобѣ. Вотъ высшая степень безумія и ужаса, потрясавшаго ихъ! Тѣ, которые захватили Его въ свою власть живого, боятся теперь умершаго. Если это былъ простой человѣкъ, то слѣдовало оставаться спокойными. Но дабы они познали, что и будучи живымъ Онъ добровольно претерпѣлъ все, что только претерпѣлъ,—вотъ и печать, и камень, и стража,—и все это не могло удержать мертвеца! Они успѣваютъ въ томъ только, что и погребеніе становится извѣстнымъ, и воскресеніе Его получаетъ бóльшую достовѣрность, потому что и воины неотступно были при гробѣ, и іудеи надзирали. *Въ вечеръ же субботный, свитающи, во едину отъ субботъ, пріиде Марія Магдалина, и другая Марія, видѣти гробъ, и се трусъ бысть велій: ангелъ бо Господенъ сшедъ съ небесе, и приступль, отвали камень отъ двери гроба, и сидяше на немъ. Бѣ же зракъ его яко молнія, и одѣяніе его бѣло яко снѣгъ* (Матѳ. XXVIII, 1—3). По воскресеніи приходитъ ангелъ. Для чего же приходитъ онъ и отваливаетъ камень? Для женъ, которыя увидѣли его тогда во гробѣ. Онѣ видятъ, что въ гробѣ нѣтъ тѣла, и потому должны были повѣрить воскресенію Его. Вотъ для чего снятъ камень; для того было и землетрясеніе, чтобы онѣ воспрянули и пробудились отъ сна. Жены приходили для того, чтобы намастить елеемъ тѣло, и это было ночью: естественно, что нѣкоторыя изъ нихъ и спали. Но зачѣмъ и почему сказалъ 784
имъ ангелъ: *не бойтеся вы?* Прежде всего онъ освобождаетъ ихъ отъ страха, и потомъ говоритъ о воскресеніи. И это слово—*вы*, съ одной стороны, выражаетъ большую честь, а съ другой—указываетъ на то, что ужасныя ожидаютъ бѣдствія тѣхъ, которые дерзнули на это злодѣяніе, если не покаются. Не вамъ, говоритъ, надлежитъ страшиться, а распявшимъ Его. Итакъ, освободивъ ихъ отъ страха и словами, и взоромъ, потому что показался въ свѣтломъ видѣ, какъ принесшій радостную вѣсть, ангелъ присоединяетъ: *вѣмъ, яко Іисуса распятаго ищете* (ст. 5). Не стыдится назвать распятымъ, потому что это высочайшее наше благо. *Воста.* Откуда это видно? *Якоже рече.* Если мнѣ, говоритъ, не вѣрите, вспомните слова Его; тогда и мнѣ не будете не довѣрять. Далѣе и другое доказательство: *пріидите и видите мѣсто, идѣже лежа.* Для того отваленъ камень, чтобы и отсюда онѣ получили новое увѣреніе. *И рците ученикомъ, яко узрите Его въ Галилеи* (ст. 7). Повелѣваетъ и другимъ благовѣствовать о воскресеніи, что особенно заставляетъ ихъ вѣрить. И хорошо сказалъ: *въ Галилеи*; избавляетъ ихъ отъ заботъ и опасностей, чтобы страхъ не коле-

балъ вѣры. *И изыдоша отъ гроба со страхомъ и радостію* (ст. 8). Почему такъ? Потому, что видѣли поразительное и странное дѣло—гробъ пустой, въ которомъ прежде при ихъ глазахъ положено тѣло. Для того ангелъ и привелъ ихъ къ гробу, чтобы онѣ могли быть свидѣтельницами того и другого—и гроба, и воскресенія. Дѣйствительно, онѣ могли понять, что никто не могъ бы унести Его въ присутствіи столькихъ воиновъ, если бы Онъ не возсталъ самъ. Потому и радуются, и дивятся, и получаютъ награду за такое постоянство: первыя видятъ и благовѣствуютъ,—благовѣствуютъ то, о чемъ не только слышали, но и что видѣли.

3. Итакъ, когда онѣ вышли со страхомъ и радостію,—*се, Іисусъ срѣте я, глаголя: радуйтеся. Онѣ же яшася за нозѣ Его* (ст. 9). Съ великимъ веселіемъ притекли къ Нему, прикосновеніемъ твердо увѣрились въ Его воскресеніи и поклонились Ему. Что же Онъ? *Не бойтеся!* Опять и самъ прогоняетъ страхъ, уготовляя удобнѣйшій путь вѣрѣ. *Но идите, и возвѣстите братіи Моей, да идутъ въ Галилею, и ту Мя видятъ* (ст. 10). Смотри, какъ и самъ Онъ чрезъ женъ благовѣствуетъ ученикамъ,—и, какъ часто говорилъ я, униженному полу возвращаетъ честь и добрыя надежды, и врачуетъ немощное. Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ захочетъ, по примѣру достохвальныхъ женъ, обнять ноги Іисусовы? Можете и нынѣ, если хотите, не только руки и ноги обнять, но и священную Его главу, если будете пріобщаться съ чистою совѣстію страшныхъ таинъ. И не только здѣсь, но и въ тотъ день узрите Его, грядущаго въ неизреченной славѣ съ сонмомъ ангеловъ, если только захотите быть человѣколюбивыми; услышите не только эти слова: *радуйтеся;* но и тѣ: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе прежде сложенія міра* (Матѳ. xxv, 34). Итакъ, будьте человѣко-
785 любивы, дабы вамъ услышать эти слова. И вы, украшающіяся золотомъ жены, видѣвшія теченіе тѣхъ женъ, оставьте по крайней мѣрѣ теперь этотъ недугъ злато вожделѣнія. Если ревнуете блаженнымъ тѣмъ женамъ, перемѣните украшенія ваши, облекитесь милосердіемъ. Что за польза, скажи мнѣ, въ этихъ драгоцѣнныхъ камняхъ и въ златотканныхъ одеждахъ? Скажешь: въ нихъ находитъ радость и отраду душа. Но я спрашиваю тебя о пользѣ, а ты говоришь о вредѣ. Нѣтъ ничего хуже, какъ заниматься такими вещами, радоваться имъ и прилѣпляться. Тѣмъ плачевнѣе тяжкое это рабство, что человѣкъ и рабствуя утѣшается. Къ какому духовному дѣлу такой человѣкъ приложитъ надлежащее тщаніе? Будетъ ли такъ же осмѣивать, какъ бы надлежало, житейскія занятія, когда считаетъ утѣшеніемъ

связывать душу золотомъ? Кто живетъ въ темницѣ, и съ удовольствіемъ, тотъ конечно никогда не захочетъ освободиться изъ нея. Такъ и душа златолюбивая: она какъ бы плѣнница злой своей страсти,—не захочетъ выслушать даже одного слова духовнаго съ надлежащею охотою и ревностію; тѣмъ менѣе исполнить дѣло. Итакъ, скажи мнѣ, что за выгода въ этомъ украшеніи, въ этой нѣгѣ? Услаждаюсь, говоришь. Но опять повторяешь о вредѣ и гибели. Но я пользуюсь, говоришь ты, большимъ почетомъ у зрителей. И что жъ въ этомъ? Это только поводъ къ гибели другого рода, когда ты надмеваешься, кичишься. Теперь, разъ ты не могла показать пользы, выслушай, какъ я покажу тебѣ вредъ. Какой же вредъ? Тотъ, что заботъ гораздо болѣе, нежели удовольствія. Потому-то многіе изъ зрителей, и притомъ очень необразованныхъ, ощущаютъ болѣе удовольствія, нежели ты, которая такъ украшена. Ты украшаешься съ заботливостію, а они и безъ заботы услаждаютъ свои взоры. Съ другой стороны, вредъ въ томъ состоитъ, что ты унижаешь свою душу, возбуждаешь вездѣ и повсюду зависть. Сосѣдки твои раздражаются этимъ, возстаютъ противъ своихъ мужей и поднимаютъ противъ тебя жестокую брань. Сверхъ того, потративъ на это все свое стараніе и заботу, ты пренебрегаешь духовными упражненіями, исполняешься высокомѣріемъ, гордостію и тщеславіемъ прилѣпляешься къ землѣ, теряешь крылья духовныя и, вмѣсто орла, становишься псомъ и свиньею. Переставъ обращать взоръ свой и парить къ небу, подобно свиньѣ, смотришь только долу, заботишься о металлахъ и кладовыхъ, и лишаешь душу твою твердости и свободы. Но ты еще выходишь на зрѣлище, чтобы показать себя? Тѣмъ болѣе тебѣ не должно украшаться золотомъ, и чтобы не быть предметомъ общаго вниманія, и не отверзать устъ толпы злослововъ. Не думай, чтобы кто-либо изъ зрителей тебѣ удивлялся; напротивъ, они всѣ смѣются надъ тобою, какъ надъ щеголихою, какъ надъ женщиною гордою и заботящеюся только о тѣлѣ. Если ты приходишь въ церковь, то, выходя изъ нея, ты ничего не понесешь съ собой кромѣ насмѣшекъ, ругательствъ и поношеній, и не только отъ зрителей, но и отъ пророка. Велегласный Исаія, увидѣвъ тебя, тотчасъ возопіетъ: такъ говоритъ Господь на владѣтельныхъ дщерей Сіона: *понеже ходиша высокою выею, и помизаніемъ очесъ, и ступаніемъ ногъ, купно ризы влекущія, и ногама купно играющія, открыетъ Господь срамоту ихъ. И будетъ вмѣсто вони добрыя смрадъ, вмѣсто же пояса ужемъ препояшешися* (Ис. III, 16, 17, 23). Вотъ что дадутъ тебѣ вмѣсто украшенія! Это сказано не о тѣхъ только, но и о всякой женщинѣ, ко-

786 торая имъ подражаетъ. Вмѣстѣ съ нимъ и Павелъ обличаетъ, пиша къ Тимоѳею, чтобъ онъ запретилъ женамъ украшать себя плетеніями, золотомъ, или бисерами, или ризами многоцѣнными. Итакъ, украшаться золотомъ и всегда пагубно, а особенно когда ты приходишь въ церковь, когда проходишь мимо бѣдныхъ; посмотри тогда на себя: ты увидишь, что одежда твоя не болѣе, какъ личина жестокости и безчеловѣчія.

4. Размысли, сколько въ такомъ одѣяніи обходишь ты алчущихъ, сколько нагихъ въ сатанинскомъ украшеніи твоемъ! Насколько лучше было бы тебѣ накормить души алчущихъ, нежели проколоть уши и привѣсить къ нимъ для пустой цѣли то, что могло бы доставить насущную пищу столь многимъ бѣднякамъ! Неужели быть богатою составляетъ, по твоему мнѣнію, славу? Неужели украшаться золотомъ ты считаешь дѣломъ важнымъ? Если бы даже все это снискано было и праведными трудами, и тогда твое поведеніе достойно величайшаго осужденія. Когда же и пріобрѣтено еще неправеднымъ путемъ, то представь, какъ безмѣрно преступленіе. Но ты любишь похвалу и славу? Сними съ себя позорную эту одежду, и тогда всѣ тебѣ удивятся; тогда будешь наслаждаться и славою, и чистымъ удовольствіемъ; нынѣ же ты осыпана ругательствами, и этимъ сама себѣ создаешь множество поводовъ къ скорби. Представь, если что-нибудь пропадетъ. Сколько отсюда бѣдъ! Сколько рабынь должны будутъ терпѣть наказаніе! Сколько мужчинъ приведено будетъ въ тревогу! Сколько будетъ посажено, сколько будетъ жить въ темницахъ! Затѣмъ пойдутъ суды, тяжбы, тысяча ругательствъ и поношеній женѣ отъ мужа, мужу—отъ друзей, и душѣ—отъ себя самой. Но положимъ, что ничего и не пропадетъ,—хотя трудно безъ этого обойтись,- положимъ, что все всегда будетъ въ цѣлости: и въ такомъ случаѣ опять ты подвержена будешь только безпокойству, заботамъ, скорби, не получая пользы. Какая отсюда прибыль дому? Какая польза самой украшающейся? Пользы никакой, а безчестія много и укоризны отовсюду. И какъ въ такомъ украшеніи ты можешь лобзать и обнимать ноги Христа? Онъ отвращается отъ такого украшенія. Потому-то Онъ благоволилъ родиться въ домѣ древодѣлателя, а лучше сказать, даже и не въ самомъ домѣ, но въ пещерѣ и ясляхъ. Итакъ, какъ же ты можешь видѣть Его, когда не имѣешь красоты для Него вожделѣнной, когда ты облечена не любезнымъ для Него украшеніемъ, а ненавистнымъ? Приходящій къ Нему долженъ быть украшенъ не такими одеждами, а облеченъ добродѣтелію. Разсуди: что такое золото? Земля и прахъ. Брось въ воду,—и будетъ грязь. Разсуди и устыдись, какъ ты прахъ дѣлаешь своимъ

владыкою; какъ ты, оставивъ все, сидишь съ нимъ или всюду носишься съ нимъ, даже когда приходишь въ церковь,—гдѣ особенно надлежало бы удалять его, потому что церковь не для того создана, чтобъ ты показывала въ ней это богатство, а для того, чтобы ты показывала богатство духовное. А ты, какъ бы на зрѣлище, приходишь сюда въ такомъ украшеніи и, подражая играющимъ на сценѣ женамъ, одѣваешься съ такою величавостію въ смѣшной ихъ соръ. Вотъ почему ты приходишь сюда во вредъ для многихъ. По окончаніи собранія, въ домахъ за трапезою вы услышите многихъ, бесѣдующихъ объ этомъ. Не говоря о томъ, что то и то сказалъ пророкъ и апостолъ,—заводятъ разговоръ о великолѣпіи одеждъ, о драгоцѣнности камней и о прочемъ безобразіи украшающихся такимъ образомъ женъ. Это-то самое и 787-788
васъ и мужей вашихъ дѣлаетъ скупыми на милостыню. Подлинно, никто изъ васъ не захочетъ удѣлить изъ этого золота сколько-нибудь, чтобъ накормить алчущаго. Если ты соглашаешься скорѣе сама терпѣть нужду, нежели допустить малѣйшую порчу въ дорогой твоей вещи, то какъ можешь удѣлить что-либо для того, чтобы накормить другого? Поистинѣ, многія пристрастились къ этимъ украшеніямъ, какъ бы къ одушевленнымъ какимъ существамъ, и любятъ ихъ не меньше, чѣмъ дѣтей. Какъ это можно, скажете вы? Докажите же мнѣ противное; докажите дѣлами; теперь же я совсѣмъ не то вижу. Какая женщина изъ страдающихъ этимъ недугомъ, пріобрѣтши довольное число многоцѣнныхъ украшеній, исхитила отъ смерти душу дитяти? Но что я говорю: дитяти? Искупила ли она этими драгоцѣнностями свою собственную погибающую душу? Напротивъ, изъ-за нихъ многія продаютъ ее ежедневно. Если случится болѣзнь тѣлесная, онѣ все дѣлаютъ; а если видятъ порчу душевную, ничего подобнаго не дѣлаютъ, но какъ о своей, такъ и о душѣ своихъ дѣтей совсѣмъ нерадятъ, чтобы оставались ихъ драгоцѣнности, пока не заржавѣютъ отъ времени. Ты осыпана несчетными талантами золота, а членъ Христовъ не имѣетъ даже и необходимой пищи. Общій всѣхъ Владыка, Владыка неба и всѣхъ живущихъ на немъ, всѣмъ равно предложилъ духовную Свою трапезу; а ты и изъ тлѣнныхъ вещей ничего не хочешь Ему дать, и хочешь оставаться всегда окованною тяжкими этими узами. Отсюда неизсчетныя бѣды. Отсюда ревнованія, отсюда блудодѣйство мужей,—когда вы не къ любомудрію ихъ побуждаете, а заставляете ихъ находить удовольствіе въ томъ, чѣмъ украшаются блудницы. Потому-то они очень скоро и уловляются. Если бы ты научила его питать къ этимъ украшеніямъ презрѣніе и утѣшаться непорочностію, благочестіемъ, смиреніемъ, то

онъ не такъ легко бы могъ быть уловляемъ любодѣяніемъ. Украшаться такимъ образомъ, и даже лучше, можетъ и блудница; а облекаться добродѣтелями—нѣтъ. Итакъ, пріучи его находить удовольствіе въ такомъ украшеніи, котораго онъ не можетъ видѣть на блудницѣ. Какъ же ты его къ этому пріучишь? Если снимешь съ себя украшеніе твое и облечешься въ духовное. Тогда мужъ твой будетъ огражденъ, и ты будешь въ почтеніи, и Богъ будетъ вамъ милостивъ; всѣ люди будутъ вамъ дивиться, и вы достигнете будущихъ благъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХС.

787 **Идущема же има, се нѣцыи отъ кустодіи, пришедше во градъ, возвѣстиша архіереомъ вся бывшая. И собравшеся со старцы, совѣтъ сотвориша, сребреники довольны даша воиномъ, глаголюще: рцыте, яко ученицы Его пришедше нощію украдоша Его, намъ спящымъ. И аще сіе услышано будетъ у игемона, мы утолимъ его и васъ безпечальны сотворимъ (Матѳ. xxviii, 11—14).**

1. Для воиновъ произошло землетрясеніе, чтобы ихъ устрашить, и чтобы они могли быть свидѣтелями. Это и случилось. Разсказъ стражей объ этомъ происшествіи нимало не былъ подозрителенъ, потому что одни изъ знаменій были видны во всей вселенной, другія частно были показаны находящимся при гробѣ. Знаменіемъ для всей вселенной была тьма, а частнымъ знаменіемъ было явленіе ангела и землетрясеніе. Итакъ, когда они пришли и возвѣстили о воскресеніи (а истина и въ устахъ враговъ ея свѣтитъ), *даша сребреники*, чтобы сказали, *яко ученицы Его пришедше украдоша*. Какъ украли? О, безумные! Такъ истина ясна и очевидна, что они не умѣютъ и солгать! Ихъ слова совершенно невѣроятны, и ложь не имѣла никакого правдоподобія. Скажите, какимъ образомъ ученики украли Его, эти бѣдные и простые люди, которые не смѣли даже показаться? Да и не была ли на гробѣ положена печать? Не охранялся ли гробъ со всѣхъ сторонъ стражей воиновъ и іудеевъ? Не подозрѣвали ли и они того же самаго, не безпокоились ли, не бдѣли ли, не заботились ли? Да и для чего украсть имъ? Для того ли, чтобы выдумать ученіе о воскресеніи? Но какъ бы пришло на мысль выдумать что-нибудь подобное людямъ, которые любили жить въ неизвѣст-

ности? Да и какъ они отвалили камень, утвержденный? Какъ укрылись отъ такого множества? Пусть они презирали смерть; но напрасно и безъ цѣли конечно не отважились бы на такую опасность, когда столько было стражей. А что они 788
боязливы были, это показываютъ прежніе ихъ поступки. Такъ, когда Христосъ былъ взятъ при нихъ, то они всѣ разбѣжались. Если же они не смѣли противостоять и въ то время, когда видѣли Его живымъ, то какъ они могли не устрашиться множества воиновъ по смерти Его? Не нужно ли было разломать дверь? Можно ли было это сдѣлать тайно даже и одному? Камень былъ приваленъ большой; для отваленія его нужно было много рукъ. Итакъ, они справедливо говорили: *и будетъ послѣдняя лесть горша первыя*,—это сказали они сами противъ себя; имъ бы нужно было принести раскаяніе въ своемъ безуміи, а они къ прежнимъ приплетаютъ новые смѣшные вымыслы. Они купили кровь Его, когда Онъ былъ живъ; а по Его распятіи и воскресеніи опять деньгами же стараются подорвать истину воскресенія. Смотри же, какъ они уловляются со всѣхъ сторонъ своими собственными поступками! Если бы они не приходили къ Пилату, если бы не просили стражи, то еще могли бы такимъ образомъ безстыдствовать; теперь же напротивъ: они все такъ дѣлали, какъ будто старались заградить свои уста. И если ученики не могли бодрствовать съ Іисусомъ, несмотря и на то, что Онъ даже укорялъ ихъ въ томъ, то откуда теперь получили такую бодрость? Да и почему они не украли раньше, но тогда, когда пришли вы? Если бы они хотѣли это сдѣлать, то сдѣлали бы въ первую ночь, когда при гробѣ еще не было стражи; тогда это было нисколько не затруднительно и совершенно безопасно. Только въ субботу вѣдь іудеи пришли къ Пилату просить стражу и начали стеречь; въ первую же ночь никого изъ стражи при гробѣ не было.

2. Далѣе, что значитъ и платъ со смѵрною? Петръ видѣлъ, что онъ тамъ лежалъ. Если бы ученики хотѣли украсть, то не нагое бы украли тѣло, не потому только, чтобы тѣмъ не нанесть безчестія, но и потому, чтобъ, занимаясь раздѣваніемъ, не разбудить тѣхъ, которые могли встать и схватить ихъ. А снять одежду съ тѣла было трудно, и требовалось на это много времени, потому что смѵрна прилипаетъ къ тѣлу и одеждѣ, какъ клейное вещество. Такимъ образомъ и отсюда очевидна невѣ- 789
роятность похищенія. Ужели они не знали неистовства іудеевъ, и того, что этимъ они обратятъ на себя гнѣвъ ихъ? Да и какая бы была имъ польза, если бы Христосъ не воскресъ? Іудеи сами сознались, что они все это выдумали, когда дали серебро, и

сказали: *рцыте сія вы, и мы утолимъ* игемона. Напрасно борясь противъ истины, они хотѣли вездѣ распространить эту молву; но тѣмъ самымъ, чѣмъ старались помрачить ее, противъ воли способствовали ея возсіянію. Самыя слова ихъ: *яко ученицы украдоша* подтверждаютъ воскресеніе. Они согласны, что тѣла тамъ не было. Если же они сознаются, что тѣла тамъ не было, а лживость и невѣроятность похищенія доказывается присутствіемъ стражи при гробѣ, знаменіями и боязливостію учениковъ, то отсюда открывается непреложное доказательство воскресенія. И однакожъ они съ безстыдствомъ дерзаютъ на все; тогда какъ все заграждаетъ имъ уста, говорятъ: *рцыте, и мы утолимъ, и васъ безпечальны сотворимъ*. Видишь ли, какъ всѣ сговорены на ихъ сторону: и Пилатъ (его хотѣли *утолить*), и воины, и народъ іудейскій. Но не удивляйся, что деньги побѣдили воиновъ. Когда они показали такую силу надъ ученикомъ, то тѣмъ болѣе надъ ними. *И пронесеся слово сіе даже до сего дне.* Смотри опять, какую любовь къ истинѣ показываютъ ученики! Какъ они не стыдятся сказать и того, что о нихъ разнесся такой слухъ! *Единіи же надесять ученицы идоша въ Галилею и ови убо поклонишася Ему, ови же видѣвше Его усумнѣшася* (ст. 16. 17). Это, мнѣ кажется, было то послѣднее Его явленіе въ Галилеѣ, когда Онъ послалъ ихъ съ повелѣніемъ крестить. Если же нѣкоторые усомнились, то и въ этомъ случаѣ подивись ихъ любви къ истинѣ, какъ они не скрывали своихъ погрѣшностей, даже въ послѣдніе дни съ ними случившихся. Впрочемъ и эти нѣкоторые были утверждены явленіемъ. Что же Онъ сказалъ, явившись имъ? *Дадеся ми всяка власть на небеси и на земли* (ст. 18). Опять говоритъ съ ними по-человѣчески, такъ какъ они не пріяли еще Духа Святаго, Который бы сдѣлалъ ихъ возвышеннѣе. *Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (ст. 19, 20). Здѣсь Онъ говоритъ объ ученіи и заповѣдяхъ. Онъ ничего не упоминаетъ о іудеяхъ, молчитъ о прежнихъ происшествіяхъ, не укоряетъ и Петра за его отверженіе, и никого изъ прочихъ за бѣгство. Онъ только повелѣваетъ возвѣстить по всей вселенной Его ученіе, которое сокращенно вручилъ имъ вмѣстѣ съ заповѣдію о крещеніи. Но такъ какъ Онъ заповѣдалъ имъ дѣло великое, то, ободряя ихъ сердца, сказалъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*. Не видишь ли опять силы Его? И не видишь ли притомъ, съ какимъ снисхожденіемъ Онъ говоритъ это? Не съ ними только будетъ находиться, говоритъ Онъ, но и со всѣми тѣми, которые послѣ нихъ будутъ вѣровать. Апостолы не могли пребыть *до скончанія вѣка;* но Онъ говоритъ ко всѣмъ вѣрнымъ, какъ бы къ одному

тѣлу. Не говорите Мнѣ, сказалъ Онъ, о препятствіяхъ и трудностяхъ: съ вами Я. который дѣлаю все легкимъ! Это и въ ветхомъ завѣтѣ говорилъ Онъ часто пророкамъ: Іереміи, когда тотъ указывалъ на юность свою; Моисею и Іезекіилю, отказывающимся, Онъ говорилъ: *Я съ вами*. То же самое и здѣсь говоритъ 790
ученикамъ Своимъ. Но замѣть и здѣсь, какое различіе между тѣми и другими. Тѣ часто отказывались, будучи посылаемы къ одному народу; эти, посылаемые во всю вселенную, ничего подобнаго не говорили. О скончаніи же вѣка Онъ напоминаетъ имъ для того, чтобы болѣе привлечь ихъ, и чтобы они не на настоящія скорби только смотрѣли, но и на будущія безконечныя блага. Скорби, говоритъ Онъ, которымъ вы подвергнетесь, оканчиваются съ настоящею жизнію, поскольку и самый этотъ настоящій вѣкъ придетъ къ скончанію; блага же, которыя вы получите, вѣчны, какъ Я вамъ и прежде часто говорилъ. Укрѣпивъ такимъ образомъ и ободривъ ихъ духъ этимъ напоминаніемъ о послѣднемъ днѣ, Онъ послалъ ихъ въ міръ. Подлинно, этотъ день для тѣхъ, которые провели жизнь въ дѣлахъ благихъ, столь же вожделѣненъ, сколько страшенъ для проведшихъ ее въ грѣхахъ, какъ для имѣющихъ понести наказаніе. Но не будемъ только страшиться и ужасаться, а принесемъ и покаяніе, пока есть время, и отстанемъ отъ нечестія. Для насъ это возможно, стоитъ только захотѣть. Если и прежде благодати многіе совершили такой подвигъ, то тѣмъ болѣе можно сдѣлать это подъ благодатію.

3. Въ самомъ дѣлѣ, что тягостнаго намъ заповѣдано? Горы ли разсѣкать? Или летать по воздуху? Или переплыть Тирренское море? Совсѣмъ нѣтъ. Намъ заповѣданъ столь легкій образъ жизни, что не нужно никакихъ къ тому орудій,—нужна только душа и расположеніе. Какія орудія имѣли апостолы, совершившіе такія дѣла? Не въ одной ли одеждѣ и безъ обуви они ходили,—а между тѣмъ все преодолѣвали? Что же труднаго въ заповѣдяхъ Христовыхъ? Ни къ кому не питай ненависти; никого не злословь: противное гораздо тяжелѣе. Но ты скажешь, что Онъ говоритъ: откажись отъ имѣнія. Такъ въ этомъ трудность? Но этого Онъ рѣшительно и не заповѣдывалъ, а только далъ совѣтъ. Да если бы это была и заповѣдь,—что тягостнаго можетъ быть въ томъ, чтобы не брать себѣ тяжестей и безпокойныхъ заботъ? О, сребролюбіе! Все свелось къ деньгамъ,—потому все и перепуталось! Ублажаетъ ли кто кого, помнитъ деньги; называютъ ли несчастнымъ, причина опять въ нихъ же. Вотъ о томъ только и говорятъ, кто богатъ, кто бѣденъ. Въ военную ли службу кто имѣетъ намѣреніе поступить, въ бракъ ли кто всту-

пить желаетъ, за искусство ли какое-нибудь хочетъ приняться, или другое что предпринимаетъ,—не прежде приступаетъ къ исполненію своего намѣренія, пока не увѣрится, что это принесетъ ему великую прибыль. Такъ общими силами не посовѣтоваться ли намъ, какъ бы уничтожить эту болѣзнь? Не стыдно ли намъ добродѣтелей отцевъ нашихъ? Тѣхъ трехъ тысячъ, тѣхъ пяти тысячъ человѣкъ, которые имѣли все общее? Что пользы въ настоящей жизни, если мы не можемъ купить ею жизни будущей? Доколѣ не поработите себѣ поработившаго васъ мамону? Доколѣ будете рабами денегъ? Доколѣ не возлюбите свободы и не расторгнете узъ сребролюбія? Когда вы находитесь въ рабствѣ, тогда рѣшаетесь на все, лишь только бы кто-нибудь обѣщалъ вамъ свободу. А будучи плѣнниками сребролюбія, вы и не думаете освободиться отъ этого горькаго рабства. То рабство еще не такъ тяжко; а это самое несносное иго. Подумайте, сколь великую цѣну положилъ за насъ Христосъ! Онъ пролилъ собственную кровь Свою, самого Себя предалъ. А вы и послѣ всего этого ниспали, и, что всего ужаснѣе, вы еще и утѣшаетесь своимъ
791 рабствомъ, услаждаетесь своимъ безславіемъ, и желаете того, чего должно избѣгать.

Нужно однако не оплакивать только и осуждать, но и исправлять. Поэтому разсмотримъ, отчего эта пагубная страсть сдѣлалась намъ любезною? Итакъ, отчего? Отчего она намъ стала любезна? Отъ того, говоришь ты, что она доставляетъ славу и безопасность. Но, скажи мнѣ, какую безопасность? Конечно, ту, что мы надѣемся при деньгахъ не терпѣть ни голода, ни стужи, ни вреда, ни презрѣнія. Итакъ, если я обѣщаю тебѣ такую безопасность,—перестанешь ли ты желать богатства? Если богатство только потому тебѣ любезно, то, когда и безъ него можно быть безопаснымъ, какая еще тебѣ въ немъ нужда? Но какъ возможно, говоришь ты, безъ богатства достигнуть этого? Напротивъ, какъ это возможно для богатаго? Въ самомъ дѣлѣ, онъ долженъ по необходимости многимъ льстить, какъ начальникамъ, такъ и подчиненнымъ, имѣть нужду во многомъ, до низости раболѣпствовать, бояться, трепетать, предполагать завистниковъ, страшиться клеветниковъ и алчности другихъ корыстолюбцевъ. А въ бѣдности не бываетъ подобнаго, но совершенно тому противное. Это убѣжище безмятежное и безопасное, тихая пристань, училище любомудрія, образъ жизни ангельской. Услышьте это вы, бѣдные, а еще болѣе вы, желающіе быть богатыми! Не бѣднымъ быть худо, но худо не хотѣть быть бѣднымъ. Не считай бѣдность зломъ, и для тебя она не будетъ зломъ. Не въ существѣ самой вещи, а только во мнѣніи изнѣженныхъ людей ле-

житъ причина страха. Впрочемъ, мнѣ было бы даже стыдно, если бы я о бѣдности сказалъ только то, что она не есть зло. Если ты внимательнѣе размыслишь, то найдешь ее даже источникомъ безчисленныхъ благъ; и когда кто-нибудь сталъ бы предлагать тебѣ начальство, какую нибудь гражданскую власть, богатство, удовольствія, потомъ предложилъ бы и бѣдность, и далъ свободу выбрать чтó тебѣ угодно,—ты бы тотчасъ избралъ бѣдность, если бы зналъ цѣну ея.

4. Я знаю, что многіе смѣются надъ этими словами; но мы не смущаемся, васъ же просимъ потерпѣть, и вы скоро съ нами согласитесь. Бѣдность, по моему мнѣнію, подобна скромной, невинной, прекрасной дѣвицѣ. корыстолюбіе же подобно женѣ звѣронравной, чудовищной Скиллѣ [1]), Гидрѣ и другимъ подобнымъ же чудовищамъ, вымышленнымъ баснотворцами. Не представляй мнѣ осуждающихъ бѣдность, но представь тѣхъ, которые чрезъ бѣдность прославились. Въ бѣдности воспитанный Илія восхищенъ былъ тѣмъ блаженнымъ восхищеніемъ; ею Елиссей прославился; въ бѣдности были Іоаннъ, въ бѣдности и всѣ другіе апостолы. Съ богатствомъ же Ахаавъ, Іезавель, Гіезій, Іуда, Неронъ и Каіафа погибли. Если угодно, посмотримъ не на тѣхъ только, которые въ бѣдности прославлялись; но разсмотримъ и самую красоту этой дѣвы. Взоръ ея чистъ, свѣтелъ и покоенъ; тогда какъ глаза корыстолюбія то исполнены злобы, то выражаютъ пресыщеніе удовольствіемъ, то дѣлаются мутными отъ невоздержанія. Не таковъ взоръ бѣдности: онъ кротокъ, ясенъ, привѣтливъ, ласковъ, пріятенъ, ни къ кому не выражаетъ ни ненависти, ни отвращенія. Гдѣ деньги, тамъ случай въ враждѣ и безчисленнымъ распрямъ; равнымъ образомъ уста корыстолюбія
исполнены обидъ, тщеславія, чрезмѣрной гордости, проклятій и 792
лести. А у бѣдности и уста, и языкъ здравы, исполнены всегда благодарности, благоговѣнія, словъ кроткихъ, ласковыхъ, покорныхъ, одобреній и похвалъ. Хочешь ли ты узнать и стройность ея стана? Она несравненно выше и величественнѣе богатства. А если многіе бѣгаютъ ея, то не удивляйся: безумные бѣгаютъ и другихъ добродѣтелей. Но скажешь: бѣднаго обижаетъ богатый? Опять говоришь въ похвалу бѣдности. Кто блаженъ, скажи мнѣ,—тотъ ли, который обижаетъ, или тотъ, котораго обижаютъ? Очевидно, блаженъ обижаемый. Но обижать заставляетъ сребролюбіе, сносить же обиды—бѣдность. Бѣдный, говоришь ты, томится голодомъ? И Павелъ алкалъ, и не имѣлъ, чѣмъ утолить голода. Бѣдный не имѣетъ спокойнаго пристанища? И Сынъ че-

[1]) Дочь Форка, по баснословію греческому, превращенная въ чудовище.

ловѣческій не имѣлъ, гдѣ главу приклонить. Видишь ли ты, какъ далеко простирается достоинство бѣдности, гдѣ она поставляетъ тебя, какимъ уподобляетъ мужамъ, и какъ дѣлаетъ тебя подражателямъ самого Господа? Если бы имѣть золото было благо, то Христосъ, Который далъ ученикамъ Своимъ неизреченныя блага, далъ бы имъ и его. Онъ не только не далъ имъ его, но запретилъ и имѣть. Вотъ почему и Петръ не только не стыдится бѣдности, но даже и хвалится ею, говоря: *сребра и злата нѣсть у мене, но еже имамъ сіе ти даю* (Дѣян. ш, 6). Кто изъ насъ не хотѣлъ бы сказать такихъ словъ? Конечно, всѣ бы,—можетъ быть, скажетъ кто-нибудь. Такъ пренебреги же серебромъ, пренебреги золотомъ. Но получу ли я силу Петра, говоришь ты, когда принебрегу богатствомъ? Скажи, что̀ сдѣлало Петра блаженнымъ: то ли, что онъ исцѣлилъ хромого? Совсѣмъ нѣтъ, а то, что онъ не имѣлъ богатства, и чрезъ то достигъ неба. Многіе изъ творившихъ чудеса низвергнуты въ геенну, напротивъ, презрѣвшіе богатство получили царство небесное. Объ этомъ и самъ Петръ говоритъ; вотъ два его изреченія: *сребра и злата нѣсть у мене*; и: *во имя Іисуса Христа востани, и ходи*. Итакъ, что его сдѣлало славнымъ и блаженнымъ? Исцѣленіе хромого, или презрѣніе богатства? Узнай это изъ словъ самого Подвигоположника. Что Онъ говоритъ богатому, ищущему вѣчной жизни? Онъ не сказалъ ему: исцѣляй хромыхъ, но говоритъ: *продаждь имѣніе твое, и раздаждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ Мене, и имѣти имаши сокровище на небеси* (Лук. xvііі, 24, Марк. x, 21). И Петръ опять не сказалъ: се, во имя Твое изгоняемъ бѣсовъ, хотя и изгонялъ; но говоритъ: *се оставихомъ вся, и во слѣдъ Тебе идохомъ, что будетъ намъ* (Матѳ. xix, 27)? И Христосъ, опять, отвѣчая ему, не сказалъ: если кто исцѣлитъ хромого, но говоритъ: *кто оставилъ домы и поля, сторицею пріемлетъ въ вѣцѣ семъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (тамъ же, ст. 29). Такъ и мы поревнуемъ этому, чтобы намъ не постыдиться, но съ дерзновеніемъ предстать на судъ Христовъ, и имѣть Его съ собою, какъ былъ Онъ съ учениками Своими. Будетъ и съ нами Онъ, какъ былъ и съ учениками, если мы хотимъ слѣдовать имъ, и подражать правиламъ и образу ихъ жизни. За это-то Богъ вѣнчаетъ и прославляетъ; а не требуетъ того, чтобы ты воскресилъ мертваго, или исцѣлилъ хромого.
793-794 Не такія чудеса дѣлаютъ подобнымъ Петру, а презрѣніе богатства,—въ этомъ и состояло совершенство апостола. Но нельзя, по твоему мнѣнію, презрѣть богатство? Очень возможно. Впрочемъ, если не хочешь самъ, я не принуждаю и не настаиваю; но умоляю тол[ь]ко удѣлять хотя нѣкоторую часть неимущимъ, и не искат[ь] ничего, кромѣ необходимаго. Такимъ образомъ мы

и здѣсь будемъ наслаждаться жизнію спокойною и безмятежною, и удостоимся жизни вѣчной, которой всѣ мы и да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Отрывокъ изъ бесѣды IV.

Нижеслѣдующій отрывокъ представляетъ болѣе подробный отвѣтъ на поставленный Златоустомъ въ самомъ началѣ IV бесѣды вопросъ: «для чего евангелистъ въ средней части родословія опустилъ трехъ царей, а въ послѣдней, помѣстивъ двѣнадцать родовъ, сказалъ, что ихъ четырнадцать?» и слѣдуетъ непосредственно послѣ словъ, читаемыхъ далѣе: «первое предоставляю собственному вашему изслѣдованію,... о второмъ же скажемъ». Такъ какъ отрывокъ этотъ, находящійся только въ трехъ манускриптахъ, былъ неизвѣстенъ Аніану современнику и переводчику Златоуста, и значительно отличается по стилю отъ подлинныхъ его произведеній, и кромѣ того, рѣшеніе вопроса, данное въ немъ, не согласно съ златоустовскимъ, то принадлежность его Златоусту справедливо признается сомнительной.

А лучше рѣшимъ вамъ и первый вопросъ, чтобы изслѣдованіе его не затруднило васъ, потому что въ рѣшеніи его есть нѣкоторыя трудности. Итакъ, почему евангелистъ говоритъ, что отъ Давида до Іехоніи и плѣненія вавилонскаго четырнадцать родовъ, тогда какъ царствовавшихъ было семнадцать? Если евангелистъ имѣлъ въ виду показать преемство царей, то его справедливо можно было бы упрекнуть за то, что онъ въ этомъ преемствѣ нѣкоторыхъ пропустилъ. Въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ одинаково говорится, что послѣ Іорама, сына Іоасафатова, царствовали преемственно три царя: Охозій, Іоасъ и Амасія, а за ними далѣе: Озія, Іоаѳамъ и Ахазъ. Между тѣмъ евангелистъ, опустивъ трехъ первыхъ царей, послѣ Іорама сына Іоасафатова прямо ставитъ Озію, Іоаѳама и Ахаза, а упомянутыхъ ихъ предшественниковъ опускаетъ. Очевидно, онъ сдѣлалъ это потому, что не имѣлъ цѣлію указать преемственный порядокъ царей,—въ противномъ случаѣ данную у него родословную слѣдовало бы признать ошибочною. Онъ имѣлъ въ виду указать не число преемствъ, а только количество родовъ. Это-то именно онъ и хочетъ выразить въ словахъ: *всѣхъ же родовъ отъ Авраама до Давида родове четыренадесяте*, и далѣе: *отъ Давида до* Іехоніи и *преселенія вавилонскаго родове четыренадесяте* (Матѳ. I, 17), а не преемствъ четырнадцать, и такимъ образомъ освобождается отъ всякаго обвиненія въ ошибочности.

Нѣкоторые, впрочемъ, думаютъ, что онъ могъ назвать преемство, сказавъ такимъ образомъ: „всѣхъ же родовъ отъ Авраама до Давида четырнадцать преемствъ, и отъ переселенія вавилонскаго четырнадцать родовъ“; если, говорятъ, онъ сказалъ такъ, то слова его не возбуждаютъ никакого недоумѣнія. Однако въ этомъ случаѣ онъ отступалъ бы отъ исторіи. Между тѣмъ, если онъ, какъ я сказалъ, имѣлъ въ виду показать роды, а не преемство, а книги Царствъ и Паралипоменонъ говорятъ о преемствахъ, а не родахъ, то, при сличеніи ихъ другъ съ другомъ, противорѣчія не оказывается. Подъ родомъ нельзя разумѣть время жизни человѣка, потому что продолжительность послѣдней бываетъ различна: одни живутъ очень недолго и умираютъ въ младенческомъ возрастѣ, другіе достигаютъ отроческаго возроста, иные—юношескаго, иные доходятъ до зрѣлаго возраста мужа, а жизнь нѣкоторыхъ простирается до глубокой старости. Итакъ, что́ же нужно считать за родъ, если одинъ доживаетъ, напр., до десяти лѣтъ, или до двадцати, другой до пятидесяти, третій до семидесяти, а иной переживаетъ и за сто лѣтъ, какъ бывало не только у древнихъ, а и у насъ наблюдается. Итакъ, какимъ же образомъ можно называть родомъ человѣческую жизнь? Нельзя принять и время до рожденія дѣтей, потому что одни женятся и производятъ дѣтей раньше двадцати лѣтъ, а другіе начинаютъ лишь послѣ тридцати. Да и при одинаковомъ возрастѣ одни видятъ только первое поколѣніе сыновей, другіе доживаютъ до четвертаго поколѣнія, такъ что видятъ своихъ потомковъ въ продолженіе лѣтъ пятидесяти, а иные и въ теченіе семидесяти лѣтъ остаются безъ всякаго потомства. Какъ же нужно считать роды? По тѣмъ ли, которые долго живутъ, или тѣмъ, которые недолго? По тѣмъ ли, у кого дѣти рождаются раньше, или тѣмъ, у которыхъ позже? По тѣмъ ли, которые видятъ только первое поколѣніе, или тѣмъ, которые видятъ ихъ много? Изъ этого изслѣдованія можно видѣть, что божественный евангелистъ, имѣвшій въ виду указать не преемства, а роды, и считавшій ихъ извѣстнымъ самому ему образомъ, мало заботился о точной передачѣ преемствъ, показанныхъ въ историческихъ
794 книгахъ, и принялъ въ генеалогію столько лишь лицъ, сколько нужно было ему, чтобы вышло полныхъ четырнадцать родовъ. Генеалогія, такимъ образомъ, остается правильной и нисколько не противорѣчитъ историческимъ книгамъ. Итакъ, первое затрудненіе рѣшено. Теперь нужно сказать о второмъ. Почему евангелистъ говоритъ, что отъ Іехоніи до Іосифа четырнадцать родовъ, тогда какъ въ родословіи ихъ только двѣнадцать? По той же самой причинѣ: онъ хотѣлъ, какъ я сказалъ, указать не

преемства, а роды, а часто случается, что у людей долголѣтнихъ преемствъ бываетъ немного, а число родовъ получается полное. Подобно тому какъ въ періодъ времени отъ Давида до плѣна при бóльшемъ числѣ преемственно слѣдовавшихъ лицъ количество родовъ указано меньшее, именно изъ семнадцати преемствъ названо только четырнадцать родовъ, такъ точно и здѣсь изъ двѣнадцати родовъ составляется четырнадцать полныхъ родовъ, такъ какъ этихъ двѣнадцати мужей, при ихъ вѣроятномъ долголѣтіи, было достаточно, чтобы составилось четырнадцать родовъ. Таковъ одинъ способъ рѣшенія вопроса. По другому же рѣшенію окажется, что въ этомъ (послѣднемъ) ряду преемствъ указано четырнадцать родовъ вполнѣ согласно съ исторіей, если именно къ двѣнадцати присоединишь самого Іисуса Христа, считавшагося сыномъ Іосифа, и кромѣ того Іехонію, бывшаго въ Вавилонѣ, отличнаго отъ того, который раньше переселенія царствовалъ въ Іерусалимѣ. Послѣ Іосіи было двое царей съ именемъ Іоакима: одинъ—сынъ самого Іосіи, который послѣ него царствовалъ въ Іерусалимѣ, другой Іоакимъ—сынъ этого послѣдняго. Они же назывались и Іехоніями—по греческому произношенію имени. Итакъ первый Іоакимъ, онъ же и Іехонія, сынъ Іосіи, долженъ быть причисленъ къ родамъ дó перваго плѣненія; второй же Іоакимъ, онъ же и Іехонія, сынъ перваго Іехоніи и внукъ Іосіи, долженъ быть относимъ къ родамъ, считаемымъ отъ плѣненія до Христа, и тогда получается полное число четырнадцати родовъ. А что Іоакимовъ было двое, объ этомъ свидѣтельствуетъ книга Царствъ, въ которой говорится объ этомъ такъ: *и постави царемъ фараонъ Нехао* надъ Израилемъ *Еліакима, сына Іосіи, и премѣни имя ему Іоакимъ* (4 Цар. XXIII, 34). Вслѣдъ за тѣмъ говорится, какъ онъ умеръ и почилъ съ отцами своими, и какъ, затѣмъ, царствовалъ вмѣсто него Іоакимъ, сынъ его. Въ самомъ началѣ царствованія этого послѣдняго пришелъ Навуходоносоръ, царь вавилонскій, и, осадивъ Іерусалимъ, взялъ его, а самого Іоакима и всѣхъ людей его отвелъ въ Вавилонъ. Этотъ второй Іоакимъ, котораго назвалъ Іехоніей пророкъ Іеремія, былъ внукомъ Іосіи, а не сыномъ. Поэтому справедливо онъ причисляется къ третьей части генеалогіи, отъ Іехоніи до Христа, состоящей изъ четырнадцати родовъ, тогда какъ отецъ его, бывшій сыномъ Іосіи, относится къ предшествующимъ родамъ. Такимъ образомъ и число послѣднихъ четырнадцати родовъ становится у насъ полнымъ.

Далѣе въ означенныхъ трехъ манускриптахъ слѣдуютъ слова: «Мнѣ кажется, что Онъ причисляетъ къ родамъ время плѣненія» и т. д. (см. стр. 35).

ОГЛАВЛЕНІЕ VII-ГО ТОМА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО.

ТОЛКОВАНІЕ НА СВЯТАГО МАТѲЕЯ ЕВАНГЕЛИСТА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.